

9(11) 72
Л-22

В. И. ЛАН

США

**В ВОЕННЫЕ
И ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ГОДЫ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. И. ЛАН

США
В ВОЕННЫЕ
И ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ГОДЫ

ИБ ПНУС

405329

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1978

ПРЕДИСЛОВИЕ

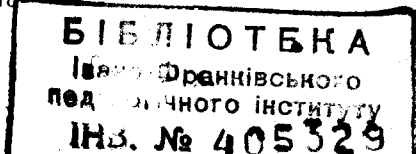
Книга доктора исторических наук, профессора В. И. Лана является третьей частью комплексного исследования, посвященного истории США в XX в. В данной работе освещается роль США во второй мировой войне. В частности показана политика Вашингтона в открытии второго фронта. Автор рассматривает также ряд важных проблем в развитии внутренней и внешней политики американского империализма на протяжении послевоенного периода.

Предлагаемая вниманию читателей книга является продолжением комплексного исследования автора об истории Соединенных Штатов Америки в XX в. Первая книга — «США: от испано-американской до первой мировой войны» — вышла в свет в 1975 г. Вторая книга — «США: от первой до второй мировой войны» — опубликована в 1976 г. Данная, третья книга представляет собой переработанное и дополненное издание монографии «США в военные и послевоенные годы (1940—1960)», впервые опубликованное в 1964 г. Книга дополнена новыми материалами и общим заключением — «Некоторые итоги» об основных изменениях, происшедших в развитии экономики, внутренней и внешней политики США в двадцатом столетии, а также обзором основных источников, использованных для написания всех трех книг. В этом заключении, а отчасти и в предшествующих ему главах, затронуты в общих чертах важнейшие события последующих лет, вплоть до середины 70-х годов. Но в основной своей части книга наиболее полно освещает 40-е, 50-е и начало 60-х годов.

В этот особый период истории Соединенных Штатов происходили большие изменения в экономике, внутренней и внешней политике страны. От законов о строгом нейтралитете до претензий на руководство миром, на мировое господство; от считавшего себя неуязвимым, обладающего монополией на атомное оружие государства, претендующего на «американский век» и «Пакс Американа» («Американский мир»), — до государства, считающего себя стратегически незащищенным, доводящего свое население до психоза военной истерии массовым строительством сети укрытий, спекулирующей на нарочитой пропаганде неизбежности термоядерной войны и публикацией официальных подсчетов о том, что в такой войне погибнет от 50 до 90% американцев, — таковы лишь некоторые изменения, которые претерпела в своих установках внешнеполитическая ориентация США.

Изучение изменений, происшедших со времени второй мировой войны в положении США на мировой арене, в соотношении мировых сил, подтверждает правильность выводов последних съездов КПСС, по-новому осветивших основные международные проблемы, проблемы войны и мира, глубокую актуальность и особую историческую значимость Программы мира, принятой XXIV съездом и развитой в решениях XXV съезда КПСС. Как отмечал на этом съезде Л. И. Брежнев, эта Программа «указала реальный путь к ликвидации «холодной войны», поставила четкие задачи в борьбе за переход от опасности войны к мирному сотрудничеству»¹.

Изучение послевоенной истории США наглядно показывает, насколько реальны были угрожающие призывы руководящих деятелей США к

превентивной войне против СССР и других стран социализма, насколько близка была опасность возникновения новой мировой войны, разжигаемой и провоцируемой агрессивными силами империализма в США.

Влиятельные круги США, создавая мрачное настроение обреченности, безысходности, подливали масло в огонь. Их заявления и действия, строительство противоземных убежищ тревожили население Америки как паническое пророчество конца X в. потрясло население Европы. Тогда, в конце первого тысячелетия нашей эры, Европу охватило тяжелое, гнетущее состояние. Священники с амвонов вещали о том, что приближающийся конец тысячелетия будет и концом света. Богобоязненное население средневековой Европы не подвергало сомнению кошмарные пророчества служителей католической церкви и в смятении ждало страшного суда, хотя никаких оснований для тревоги не было.

Приближается конец второго тысячелетия. И опять темные силы разносят слухи о конце мира. Современные пророки не говорят, как тысячу лет назад, о неотвратимом, неизбежном конце света. Но мы должны признать, что в наше время есть реальные основания для тревожных опасений. На этот раз они подтверждаются не небесным откровением и пророчествами ясновидцев, а разработками в научных лабораториях военно-промышленного комплекса, планами генеральных штабов и декларациями деятелей правящих кругов США.

Впервые в истории наука дала человеку невиданное по силе разрушения оружие. По мере совершенствования и распространения этого оружия растет опасность, угроза рокового движения безрассудной руки на включателе термоядерной ракеты. Эта угроза становилась тем больше, чем острее развертывалась «холодная война», в которой ответственные политические, государственные и военные руководители США и других ведущих капиталистических стран ставили интересы наиболее агрессивных сил монополистического капитала превыше всего.

Никогда раньше Соединенные Штаты не играли такую роль в мировой политике, как после второй мировой войны. Не так давно, до первой мировой войны, эту страну (уже тогда — самую богатую и самую промышленно развитую в мире) европейские державы продолжали считать в международных делах «провинциальным» государством. И даже в период между первой и второй мировыми войнами во внешней политике Вашингтона сказывался изоляционизм, порой давало себя знать влияние на эту политику местных интересов штатов.

Никогда раньше судьбы капитализма не зависели так от одной капиталистической страны, как после второй мировой войны от США. Несмотря на то что после восстановления разрушенного войной хозяйства Японии и стран Западной Европы удельный вес США в экономике капиталистического мира падает и относительно уменьшается их политическая роль — роль лидера этого мира, — США продолжают оставаться главной и решающей силой капитализма, руководящей его агрессивными военными союзами, содержащей самые крупные вооруженные силы, активно поддерживающей и провоцирующей любые агрессивные выступления против стран социалистического содружества, а также против суверенитета вновь образовавшихся государств Азии и Африки и развивающихся стран Латинской Америки.

Никогда раньше вопросы войны и мира так не волновали народы, никогда раньше мировая война не угрожала человечеству такими бедствиями, как в наше время. То, что капитализм может исчезнуть без войны, не исключает опасности военной катастрофы. Опасность усиливается от того, что немало политических деятелей и финансовых воротил

США, по их собственному признанию, предпочитают гибель человечества гибели капитализма².

Об опасности новой войны говорят давно.

Естественно возникает вопрос: основательны ли эти разговоры? Ведь вскоре после окончания первой мировой войны тоже много говорили и писали о военной опасности. Между тем фактически опасность второй мировой войны стала реальной лишь в конце 30-х годов, после подготовки и вооружения гитлеровского вермахта, возвращенного силами мирового империализма.

Поставленный вопрос выходит далеко за пределы теоретического интереса. Опасность новой мировой войны, борьба за ее предотвращение — самый актуальный, самый животрепещущий вопрос нашей современности. И сейчас на борьбу за сохранение мира направлены огромные силы, несравненно большие, чем после первой мировой войны. Это придает поставленному вопросу еще больший практический смысл: действительно, так ли велика опасность войны, что борьбе за сохранение мира необходимо отводить так много сил и средств?

Научение послевоенной истории США позволяет не только видеть, как близко человечество неоднократно находилось на грани мировой военной катастрофы, но и показывает те действительные силы, которые предотвратили эту катастрофу и которые твердо продолжают стоять на страже мира между народами.

Настоящая работа освещает основные этапы развития экономики, внутренней и внешней политики США за указанный период. Одна группа рассматриваемых вопросов непосредственно переплетается с проблемами войны и мира, другая группа вопросов связана с этими проблемами косвенно.

В послевоенное время у нас было опубликовано немало работ по истории, экономике и политике США. Одни из них охватывают большие периоды в истории этой страны, вплоть до ее общей истории со времени борьбы за независимость до наших дней; другие посвящены вопросам экономики, внутренней и внешней политики, государственного устройства, рабочего движения и другим проблемам в различные периоды XX в. Наряду со многими работами, где детально исследованы различные стороны экономики и политики США, автор считает уместным и своевременным опубликовать эту работу, в которой освещаются основные вопросы экономики, внутренней и внешней политики США в военные и послевоенные годы.

Данная книга отнюдь не претендует на исчерпывающий анализ основных процессов развития экономической и политической жизни США в военные и послевоенные годы. Автор стремится рассмотреть лишь основные вопросы экономики, рабочего движения, внутренней и внешней политики США в указанное время. Учитывая, что годы, рассматриваемые в книге, представляют особо важный период в истории Америки, и не только Америки, мы считаем возможным рассмотрение ряда вопросов даже в их не окончательном, не исчерпывающем виде.

Как уже сказано выше, в трех книгах автора изложена история США за последние 75 лет текущего столетия. При этом следует иметь в виду, что наряду с экономическими и политическими проблемами, которые на

² Один из лидеров республиканской партии Б. Голдуотер (в 1964 г. баллотировавшийся в президенты США как кандидат от этой партии) прямо заявил: «Наша первая и самая важная задача состоит в том, чтобы убедить неприятеля, что мы скорее отправим мир на тот свет, чем оставим его жить при коммунизме» («New York Times Magazine», 17.IX 1961, p. 100).

протяжении рассматриваемого периода считались наиболее актуальными, освещается и ряд вопросов, которые лишь временно занимали важное место во внутренней или внешней политике США. Сюда относятся, например, проблема второго фронта в 1942—1943 гг., «план Баруха» в 1946 г., маккартизм в первые годы президентства Эйзенхауэра и т. д. Поскольку изменения, происходившие в международном положении США, имеют особое значение, большое место в работе занимают вопросы внешней политики. Вместе с тем отдельно освещаются основные экономические и внутривнутриполитические проблемы, их взаимное влияние и переплетение, их связь с международными проблемами. Анализ послевоенной внешней политики США исходит из внутренних и международных политических итогов второй мировой войны для США. В центре этого анализа стоят вопросы войны и мира в свете советско-американских отношений. Таков в общем первый круг освещаемых в книге проблем.

Второй круг проблем относится к области экономики. Сюда входят экономические итоги второй мировой войны и их влияние на дальнейшее развитие США, на внутреннюю и внешнюю политику, изменения в международном экономическом положении США и их последствия и, наконец, экономическое соревнование двух систем.

Третий круг проблем охватывает социальные, классовые и расовые противоречия, борьбу классов и партий, выборные кампании и другие вопросы, занимавшие определенное место в политической жизни страны. Поскольку в США во время общенациональных выборных кампаний поднимаются и обсуждаются основные политические проблемы страны, автор считает уместным рассмотреть при этом ряда вопросов ее внутренней политики.

Все эти основные три круга проблем тесно связаны и переплетаются между собой. Автор стремился показать, как обогащение и рост американских монополий во время и после второй мировой войны усилили агрессию американского империализма за границей и реакцию внутри страны, как эта агрессивная внешняя политика, в свою очередь, сопровождалась гонениями против прогрессивных организаций и институтов в самих Соединенных Штатах.

Освещение вопросов ведется в их хронологической последовательности. В некоторых местах, правда, приходится забегать вперед, как, например, во второй главе, где речь идет о возросшем после войны американском милитаризме, и в четвертой главе, в которой освещается деятельность ЦРУ. Но в целом в книге как работе исторической соблюдается хронологический порядок.

* * *

Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность сотрудникам Института мировой экономики и международных отношений АН СССР — С. А. Драбкиной, М. А. Прапорщиковой, Г. В. Роговой, А. Г. Соколовой и В. А. Федоренко, на протяжении ряда лет оказывавших автору ценную помощь в работе над подготовкой указанных трех книг к изданию.

I

США И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

1. Нейтралитет в теории и на практике

Нейтралитет обычный и нейтралитет особый. Оппозиция под флагом изоляционизма. Панамская декларация. Миссия Уэллеса. Падение Парижа встревожило Вашингтон. Третья победа Рузвельта на президентских выборах. Впервые в мирное время — закон о воинской повинности. Комиссия по созданию атомной бомбы. Обмен эсминцев на базы. Закон о ленд-лизе. Комитет «Америка прежде всего». Отношение США к нападению фашистской Германии на СССР. Конференция трех держав в Москве. Эмбарго на торговлю с Японией. Миссия Курусу. Пирл-Харбор. Англо-советско-американская коалиция

В ночь на 1 сентября 1939 г. в Белом доме раздался неурочный звонок по телефону. Американский посол в Париже сообщил президенту Соединенных Штатов о вторжении гитлеровских войск в Польшу. Вторая мировая война началась.

В Америке много лет говорили и писали о надвигающейся войне, формально даже принимали меры против нее. «Пакт Келлога» объявил ее 11 годами раньше вне закона. Конгресс США актами о нейтралитете декларировал отречение от участия в войне. В Америке, как и в Европе, многие государственные, политические и общественные деятели понимали, что лучшее средство против участия США в войне — это борьба против войны вообще, признавали даже, что мир неделим, клеймили войну, где бы она ни происходила, но не сделали одного: не вняли голосу Советского Союза, на протяжении 30-х годов настаивавшего на том, чтобы энергичными и эффективными коллективными действиями против угрозы войны создать систему коллективной безопасности для обуздания фашистского агрессора. Между тем влиятельные круги в Вашингтоне, как и в Лондоне и Париже, желая направить агрессию возрождающегося вермахта на восток, различными путями поощряли вооружение Германии и подготовку второй мировой войны.

Время эффективных действий для защиты мира было упущено. Весть о начале военных действий в Европе застала Соединенные Штаты Америки в разгаре дискуссии о нейтралитете. Спор шел официально о том, что лучше для сохранения мира — сохранение закона о нейтралитете или его пересмотр. Но теперь спор стал беспредметным. Дискуссия была перенесена в другую область: останется ли Америка нейтральной в происходящей войне или нет?

Еще до вторжения гитлеровских войск в Польшу в советской печати высказывалось мнение о неизбежности вступления США в войну, в которой будут участвовать великие державы Западной Европы, и о том, что причины, заставившие США в 1917 г. «отказаться от нейтралитета

и присоединиться к союзникам, будут действовать более сильно и более стремительно»¹.

Однако, когда в Европе вспыхнула война, правительство и конгресс США заверяли, что Америка в нее не вступит. 3 сентября 1939 г. в своем выступлении по радио президент США Франклин Рузвельт заявил: «Я надеюсь, что Соединенные Штаты не будут участвовать в этой войне. Я уверен, что так будет. И я заверяю, что правительство сделает все, что в его силах, в этом направлении. В той мере, в какой это зависит от моей власти, никакого отхода от мирной жизни Соединенных Штатов не будет»².

В 20-х числах сентября в конгрессе развернулись дебаты по вопросу о пересмотре акта о нейтралитете. Все участники прений категорически утверждали, что США никогда не вступят в войну, затеянную в Европе³.

Президент Рузвельт в данном случае независимо от его личного отношения к такому категорическому заверению выражал желание подавляющего большинства американского народа.

Ветеран рабочего движения председатель Центрального Комитета коммунистической партии США Уильям Фостер писал: «Огромное большинство народа США, которое подобно всем другим народам любит мир и полностью сочувствовало великой всемирной борьбе с фашизмом, все же искренне желало не ввязываться в войну. Оно хотело содействовать этой борьбе, но гнало от себя мысль об участии в самой войне»⁴.

21 сентября 1939 г. были опубликованы итоги опроса населения США, проведенного журналом «Форчун», об отношении к войне в Европе. Лишь 17% опрошенных высказалось с известными оговорками за вступление США в войну, зато более 80% опрошенных без всяких оговорок высказали свои пожелания, чтобы в начавшейся войне была разгромлена фашистская Германия.

Рузвельт в своем выступлении 3 сентября 1939 г. заявил: «Наша страна останется нейтральной, но я не могу просить, чтобы каждый американец оставался нейтральным также в мыслях». Этим Рузвельт подчеркнул существенное отличие своей позиции от позиции президента В. Вильсона после возникновения первой мировой войны. Вильсон, декларируя 4 августа 1914 г. американский нейтралитет, просил граждан США соблюдать полную лояльность ко всем воюющим государствам «как на деле, так и на словах... как в действиях, так и в мыслях».

5 сентября 1939 г. президент Рузвельт опубликовал две декларации о нейтралитете США. Первая представляет обычную декларацию нейтралитета. Вторая декларация провозгласила особый нейтралитет, вытекающий из закона от 1 мая 1937 г. о запрещении экспорта военного снаряжения в воюющие страны.

Еще до возникновения войны Франклин Рузвельт в течение полугода энергично добивался пересмотра акта о нейтралитете, принятого 1 мая 1937 г. Он доказывал, что этот закон подогревает воинственные настрое-

ния в агрессивных фашистских странах и препятствует включению Америки в международные действия за сохранение мира. Но большинство конгресса в Вашингтоне стало на другой путь. Оно твердило: какое нам дело до Европы, у нас есть акт о нейтралитете, закон об эмбарго, который охраняет Америку от военной «инфекции», несущейся из-за океана.

По существу акт о нейтралитете представлял американский вариант умиротворения агрессора, смыкавшийся с политикой Н. Чемберлена и Э. Даладье, с политикой поощрения агрессии германского фашизма на Востоке.

Если бы в Берлине не надеялись на американский нейтралитет, на то, что на этот раз конгресс будет отстаивать нейтралитет США до конца, то гитлеровцы вряд ли так стремительно ринулись бы в ураган войны. Уже после вторжения немецких войск в Польшу министерство иностранных дел Германии утверждало, что Берлин должен делать все, что только возможно для обеспечения нейтралитета США⁵. 25 января 1940 г. германский поверенный в делах в Вашингтоне Томпсон в донесении министру иностранных дел, отмечая, что диверсионные акты немцев в Америке содействовали вступлению США в первую мировую войну, писал: «Я считаю, что, поскольку наша внешняя политика ставит перед собою цель при всех обстоятельствах удержать Америку от вступления в войну, все подобные попытки должны быть запрещены. Нет более верного способа ввергнуть Америку в войну, чем снова прибегнуть к тем действиям, которые толкнули ее в ряды наших врагов в годы первой мировой войны»⁶.

Законодатели 48 штатов своим актом о нейтралитете практически поощрили гитлеровскую агрессию и таким образом в угоду крупному капиталу США содействовали разжиганию большой войны в Европе.

Как только в Европе развернулись военные действия и до Америки донесся запах военных барышей, конгресс США занял другую позицию.

21 сентября 1939 г. президент США созвал чрезвычайную сессию конгресса. Открывая эту сессию, Рузвельт предложил объединенному собранию членов обеих палат отменить закон, запрещающий продавать оружие воюющим государствам. Конгресс большинством 55 против 24 в сенате и 243 против 172 в палате представителей одобрил предложение Рузвельта, сняв эмбарго на вывоз оружия в воюющие страны, но запретил американским кораблям входить в военные зоны. Воюющие государства получили возможность приобретать вооружение в США на основе принципа «плати и вези», т. е. плати наличными и вези на своих кораблях.

Формально конгресс разрешил продавать оружие всем участникам войны. Фактически Америка могла поставлять оружие только одной воюющей стороне. Владельцы военных заводов в США, конечно, не прочь были бы продавать оружие обоим воюющим лагерям, тем более что некоторые хозяева этих заводов открыто выражали свои симпатии к фашистским диктаторам. Но, как и в первую мировую войну, британская блокада вынуждала американцев торговать только с Англией и ее союзниками. Со снятием эмбарго на вывоз оружия крупные военные заказы связали экономику США в большей мере с судьбой противников Германии. С отменой особого нейтралитета США по существу отошли и от обычного нейтралитета.

⁵ Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D, v. 8. London, 1954, p. 53.

⁶ Ibid., p. 701.

¹ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 6, с. 17.

² «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941». Wash., 1943, p. 486.

³ Председатель комиссии по иностранным делам сената Т. Коннели уверял, что «Америка ни в коем случае не должна быть втянута в войну» («Congressional Record», 4.X 1939, p. 83). Конгрессмен Э. Айзек из Калифорнии заявил: «В данном вопросе, я думаю, мы все согласны. Никогда больше армия не должна быть послана за моря для ликвидации разногласий или — если хотите — для лечения ран народов Европы» («Congressional Record», 1.XI 1939, p. A1161). А. К. Пламлей из Вермонта утверждал: «Ни одного человека не пошлем в Европу. Конгресс намеревается защищать Соединенные Штаты, не допустить вовлечения их в войну».

⁴ Фостер Уильям. Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 613.

Позиция США во второй, как и в первой, мировой войне определялась не только и не столько непосредственными экономическими интересами, сколько далеко идущими экономическими и политическими соображениями. Президент Рузвельт и его окружение, многие сенаторы и конгрессмены считали, что интересы США, интересы американского капитализма не могут допустить победу фашистской Германии. Отсюда вытекала политика правительства США, сводившаяся к оказанию всесторонней помощи противникам держав оси. Но эта политика с самого начала войны сталкивалась с оппозицией в конгрессе и в известных капиталистических кругах США.

Оппозиция активизировалась под флагом изоляционизма. В конгрессе его возглавляли сенаторы Дж. Най, Х. Джонсон, Р. Лафоллет-младший, А. Уиллер, Р. Тафт, А. Ванденберг и престарелый У. Бора (умер 20 января 1940 г.). Независимо от личных побуждений, а также от оттенков и форм, которые принимали различные изоляционистские группировки, американские изоляционисты на всем протяжении второй мировой войны лили воду на мельницу Гитлера.

Правительство США, учитывая антивоенные настроения в стране и желая ослабить влияние изоляционистов в приближавшейся очередной президентской кампании, решило предпринять некоторые шаги, которые формально должны были демонстрировать нейтралитет и мирные намерения Вашингтона.

3 октября 1939 г. в Панаме закрылась десятидневная конференция американских республик, созванная по инициативе США. Конференция приняла предложенную Соединенными Штатами декларацию, объявившую западные воды Атлантического океана, к югу от Канады на протяжении от 300 до 1000 миль от побережья, нейтральной зоной, запретной для военных действий европейских держав.

Панамская декларация практического значения не имела. Воюющие державы ее не соблюдали. Германские подводные лодки продолжали топить корабли союзников в объявленной нейтральной зоне, а в декабре 1939 г. три английских крейсера напали на германский карманный линкор у самых берегов Уругвая. Но все же Панамская декларация, задуманная Рузвельтом, расценивалась в США как желание президента удерживать военные действия подальше от американского континента.

В феврале 1940 г. Рузвельт отправил заместителя государственного секретаря США С. Уэллеса со специальной миссией в Европу. Уэллес должен был выяснить, имеется ли еще какая-нибудь возможность примирить Англию и Францию с Германией. Он посетил Италию и Германию, Францию и Англию. В Риме он беседовал с Муссолини и его министром иностранных дел Чиано, в Берлине — с Гитлером, Риббентропом, Гессом и Герингом, в Париже — с Лебреном, Э. Даладье, Э. Эррио, Ж. Бонне и др., в Лондоне — с Н. Чемберленом, Э. Галифаксом, У. Черчиллем, Э. Иденом, К. Эттли, Д. Ллойд Джорджем и др. Он также имел аудиенцию у английского короля.

Миссия Уэллеса сулила мало надежд на успех. В Париже и Лондоне ему говорили, что после провала попыток умиротворения Гитлера никакие переговоры не мыслимы ни с ним, ни с другими представителями нацистской партии. Гитлер и Риббентроп утверждали, что мир будет продиктован ими после полной победы Германии. Правда, Муссолини намекнул на его готовность посредничать, но на условиях, на которые английское и французское правительства тогда согласиться никак не могли.

Единственное, что тогда могло заставить Гитлера призадуматься и несколько ослабить его воинственный пыл, — это убедительное предупреждение,

что Америка, безусловно, вступит в войну против Германии. Но такое предупреждение Уэллес считал невозможным: в Берлине прекрасно знали, что подавляющее большинство населения и конгресса США настроено против участия Америки в войне. Любой разговор Уэллеса в этом направлении был бы использован Риббентропом и Геббельсом только против Рузвельта в начавшейся президентской кампании в Америке. Да и Уэллес не имел полномочий на ведение подобных разговоров. Рузвельт подчеркивал, что у Уэллеса нет никаких полномочий для конкретных предложений, что его задачи чисто информационные: выяснить положение на месте и доложить об этом президенту и государственному секретарю.

Уэллес вернулся в Вашингтон осведомленным о готовящихся крупных военных событиях. Чиано информировал его о предстоящем большом наступлении немцев на Западном фронте. Но в основном вопросе его путешествия было безрезультатно.

Президент не обольщался миссией заместителя государственного секретаря США. Отправляя Уэллеса в Европу, Рузвельт не сомневался, что шансов на успех этой миссии не больше, чем один к тысяче⁷. Но зато Рузвельт показал стране, приближавшейся к президентским выборам (на которых впервые в ее истории в нарушение вековой традиции собирався в третий раз выдвинуть свою кандидатуру в президенты), что он старается использовать все возможности для прекращения войны в Западной Европе.

Демонстрируя свою готовность содействовать умиротворению Гитлера на Западе, Рузвельт на сей раз (в отличие от его обращения к Гитлеру и Муссолини 14 апреля 1939 г.) не проявлял интереса к последствиям такого умиротворения на Востоке. Эвентуально миссия Уэллеса, допускавшая возможность продолжения политики попустительства и сговора с агрессорами, сопровождавшаяся мюнхенским душком, имела антисоветскую направленность⁸.

Через две недели после возвращения Уэллеса в США было совершено нападение фашистской Германии на Данию и Норвегию, предшествовавшее большому наступлению немцев на Западном фронте, которое завер-

⁷ Welles S. The Time for Decision. N. Y., 1944, p. 73.

⁸ Хотя полномочия Уэллеса были ограничены, его миссия предоставила Гитлеру возможность договориться с западными державами, тем более что английское правительство тогда еще возглавлял Чемберлен. Но для этого Гитлер должен был отказаться от подготовленного Германией наступления, от взятия Парижа, предупрежденного соотношением сил. Против такого искушения неординарный политик не мог устоять. Немало немцев было встревожено тем, что фюрер втянул их в рискованную мировую войну. Взятие молниеносным ударом Парижа, у порога которого армия Вильгельма II, проливая реки крови, безрезультатно топталась четыре года, повысило авторитет фашистского диктатора и оправдало его риск в глазах немцев. Сам бывший кайзер, который до этого выражал свое недовольство Гитлером, в 1940 г., за несколько месяцев до своей смерти, поздравил его с победой во Франции. Эта победа вызвала восхищение фюрером в широких кругах немецкого населения. На это Гитлер рассчитывал. Он исходил из того, что после победы над Францией он сам предложит мир с более выгодных для себя позиций. И действительно, не прошло и месяца после капитуляции Франции, как Гитлер предложил мир англичанам, но на сей раз ни правительство Черчилля, ни правительство Рузвельта не пожелали с ним разговаривать. Наступление немцев на западном фронте повлекло за собой не только замену Н. Чемберлена У. Черчиллем в Англии, но и кардинальное изменение отношения Соединенных Штатов к войне. Падение Парижа, которое рассматривалось Гитлером как вершина его достижений и славы, вскружившее ему голову, воодушевившее его после ликвидации Западного фронта принять роковое для германского фашизма решение о нападении на СССР, оказалось предвестником его позорного крушения.

шилось 22 июня 1940 г. капитуляцией Франции. В восторге от победы Гитлер заставил французов подписать капитуляцию в железнодорожном вагоне, на том же месте, где немцы подписали свою капитуляцию, принятую маршалом Фошем в 1918 г.

Внезапная катастрофа, постигшая англо-французские армии, падение Парижа и капитуляция Франции произвели в Америке ошеломляющее впечатление. Крушение французской республики, разгром Голландии и Бельгии, занятие гитлеровскими войсками европейского побережья Атлантического океана до границ Испании убедили США в опасности, угрожающей Америке. Это убеждение основывалось на следующей аргументации: Англия без помощи США не выдержит; падение Англии увеличит мощности судостроительных верфей, находящихся в распоряжении держав оси, настолько, что они по своей производительности в 3 раза превьсят мощности судостроительных верфей США^{8а}. Без господства на морях океан не защита, а широкая дорога для вторжения; вслед за падением Англии наступит очередь Америки⁹. Поэтому борьба за Англию — это борьба за Америку.

Эту аргументацию систематически повторяли и подкрепляли известные обозреватели крупнейших нью-йоркских газет — У. Липпман и М. Сэлливен в «Нью-Йорк геральд трибюн», Джеймс и Крок в «Нью-Йорк таймс». До сих пор, утверждали они, США ничто не угрожало: в Атлантике порядок охраняла Англия; в Тихом океане Америка имела самый сильный флот в мире. В случае же падения Великобритании США окажутся перед угрозой одновременной войны на двух океанах, а к этому они совершенно не готовы и подготовиться не успеют. 21 мая 1940 г. М. Сэлливен на страницах главного органа республиканской партии пророчествовал, что в случае поражения Англии под угрозой расправы с населением британских островов отдаст свой флот Германии. Источенные войной победители, продолжал Сэлливен, обрушатся немедленно со всей жадностью на богатую Америку. Америка окажется бесильной. В результате Германия и Япония продиктуют условия мира Вашингтону, так же как Парижу и Лондону. В таком духе выступали местные известные влиятельные газеты республиканцев на местах: бостонская «Геральд», чикагская «Дейли Ньюс», сан-францисская «Кроникл» и др.

Если в марте 1940 г. опрос населения показал, что только 43% опрошенных считают возможную победу Германии угрозой для США, то в июле этот процент уже вырос до 70. В мае 1940 г. лишь 35% опрошенных одобрили оказание помощи Англии, не считаясь с риском вступить в войну с Германией; через четыре месяца этот процент достиг 60.

После начала германского наступления на Западном фронте, выступая 16 мая 1940 г. перед объединенным собранием обеих палат конгресса с программой увеличения военных ассигнований, президент США, апеллируя к изоляционистски настроенным представителям западных штатов, подчеркивал, что для бомбардировочной авиации Германии в случае ее победы в затейной ею войне даже отдаленные города США — Сент-Луис, Канзас-Сити и Омаха будут так же доступны, как Вашингтон, Филадельфия и Нью-Йорк.

До капитуляции Франции конгресс и влиятельная печать США возражали против увеличения военных расходов, предложенного начальником штаба американской армии Джорджем Маршаллом. Комиссия по ассигнованиям палаты представителей сократила строительство новых самолетов, рекомендованное Рузвельтом, с 496 до 57. После падения Парижа, когда Маршалл предложил строить 10 тыс. военных самолетов в год, конгресс и печать осудили эту программу как крайне недостаточную¹⁰.

Англичане имели в Америке сильного союзника по борьбе с гитлеровской Германией в лице президента Рузвельта, хотя Рузвельт не прочь был, чтобы к США отошли некоторые территории Британской империи. Неприязнь Рузвельта к нацизму увеличилась после вероломного нападения гитлеровских войск на Голландию. Рузвельты — голландского происхождения. Франклин Рузвельт до конца своей жизни состоял членом Голландского общества в Америке. При той роли, которую президент играет в политической жизни страны, и при том большом влиянии, которое Рузвельт имел как президент США, его личные взгляды и отношения заслуживают того, чтобы их охарактеризовать. Но основную роль в принятии исторических решений играло убеждение Рузвельта, как и многих других влиятельных политических и общественных деятелей в Америке, что жизненные интересы американского капитализма не могут допустить поражения Англии и победу Германии. Накануне Мюнхена, 15 сентября 1939 г., он писал американскому послу в Риме Филлипсу, что в случае войны 90% населения США будут «антигерманскими и антиитальянскими»¹¹.

После капитуляции Франции правительство США опасалось не только поражения Англии, но и соглашения Англии с победившей Германией. В том и другом случае США могли оказаться изолированными, одиночки перед блоком враждебных государств. В Вашингтоне считали, что Америка должна оказывать всемерную помощь Англии для того, чтобы предотвратить ее поражение, поддержать боевой дух Лондона, подкрепить престиж правительства Черчилля.

Позиция Рузвельта, основанная на реальных, далеко идущих интересах, поддержала англичан в самые тяжелые для них дни войны с фашистской Германией и обезоружила тех из них, кто в критические для Великобритании дни, последовавшие после капитуляции Франции, способен был вступить в переговоры с Гитлером, тех, на кого (как сообщил в сентябре 1941 г. представитель Англии на конференции в Москве У. Бивербрук) рассчитывал Гесс, совершая по заданию Гитлера свой полет в Англию¹². 22 июля 1940 г. министр иностранных дел Англии Галифакс в выступлении по радио отверг мирные предложения, содержащиеся в речи Гитлера от 19 июля. Галифакс подчеркнул при этом, что в данном вопросе США солидарны с Англией. Правда, через год, после нападения Гитлера на СССР, тот же Галифакс, сыгравший немалую роль в подготовке мюнхенского соглашения, будучи послом в Вашингтоне, через своего посредника установил контакт и вел переговоры с германским поверенным в делах США Л. Томпсоном¹³.

Но тот факт, что Рузвельт, выдвигая вопреки вековой традиции свою кандидатуру на третий срок в президенты, согласился, чтобы британский

^{8а} «Congressional Record», 20.X 1941, p. 8275. Рузвельт был тогда сильно озабочен судьбой французского флота, который, как он считал, вместе с германским и итальянским флотами превьсит по своей мощи американский.

⁹ Нюрнбергский процесс 1945—1946 гг. над главными фашистскими преступниками подтвердил, что Гитлер планировал в конечном итоге войну против США.

¹⁰ «U.S. News and World Report», 2.XII 1959, p. 51; «Current History», October 1958, p. 212.

¹¹ Barnes H. Perpetual War for Perpetual Peace. Caldwell, 1953, p. 154.

¹² Sherwood R. Roosevelt and Hopkins. N. Y., 1948, p. 390.

¹³ Ickes H. Secret Diary, v. 3, p. 573.

министр иностранных дел, отклоняя мирные предложения Берлина, публично дал знать, что Англия, решив продолжать ожесточенную борьбу, рассчитывает на всевозможную помощь Вашингтона, свидетельствовал о коренном изменении во взглядах широких кругов избирателей в США на войну.

До падения Парижа в Белом доме допускали возможность добиться победы союзников при условии, что Америка будет оказывать им неограниченную материальную помощь, но сама воевать не будет. После капитуляции Франции Рузвельт, не предполагая, что через год Гитлер нападет на СССР и что советские войска разгромят гитлеровские армии, пришел к выводу, что участие США в войне неизбежно¹⁴. Но антивоенные настроения в Америке были настолько сильны, нежелание ввязываться в войну было настолько твердо, что в развернувшейся летом 1940 г. выборной кампании обе партии — республиканцы и демократы — выступали с антивоенными программами, утверждая, что Америка должна все делать для оказания помощи Англии, но не воевать¹⁵. Все, кроме войны, — под этим лозунгом выступали перед избирателями кандидаты в президенты от демократической и республиканской партий.

Однако все решалось развивавшимися событиями войны. «Война, — писал известный американский журнал в октябре 1940 г., — центральный вопрос президентской кампании в США... Сейчас даже больше, чем в 1916 г., мрачная тень войны лежит на политической жизни США, затемняя внутренние вопросы, заполняя умы избирателей, определяя стратегию партий. Война дала возможность Рузвельту бросить вызов традиции двух сроков [президентства. — В. Л.]. Война заставила обе партии говорить о мире народу, явно опасаящемуся, что его вовлекают в европейский конфликт»¹⁶.

Противники Рузвельта в Америке и Европе, особенно в Германии, лелеяли надежду на традицию, никому до 1940 г. не позволявшую баллотироваться и победить на выборах в президенты третий раз.

В 1940 г. конгресс США имел возможность, как и в прошлом, высказать свое мнение по поводу третьего президентства Франклина Д. Рузвельта. В палате представителей 76-го конгресса 170 республиканцев и 60 консервативных демократов образовали большинство. Но палата, как и сенат, предпочла хранить молчание. Молчал также Верховный суд, которому достаточно было сказать, что нарушение «традиции двух сроков» противоречит духу конституции. Международное положение США заставило высшие законодательную и судебную власти в столь деликатном вопросе промолчать. Сам Рузвельт также объяснял нарушение им традиции, соблюдавшейся со времен Вашингтона, критическим международным положением¹⁷.

¹⁴ *Baldwin L. Survey of American History*. N. Y., 1955, p. 638. После нападения Гитлера на СССР Рузвельт, как сообщил впоследствии Гарриман, полагал, что если русские выдержат, то участие США в войне можно будет ограничивать боевыми действиями их морских и воздушных сил («Congressional Record», 6.VI 1967, p. H-6735).

¹⁵ В избирательной платформе республиканцев говорилось: «Республиканская партия решительно против вовлечения нашего народа в иностранную войну». А платформа демократов гласила: «Американский народ полон решимости, чтобы война, бушующая в Европе, Азии и Африке, не дошла до Америки. Мы не будем участвовать во внешних войнах, не будем посылать нашу армию, флот и воздушные силы воевать в других странах за пределами Америки, если не подвергнемся нападению». (*Congressman H. Documents of American History*, v. 2. N. Y., 1945, p. 617, 622).

¹⁶ «Current History», 22.X 1940, p. 11.

¹⁷ *Mahey C. Bipartisanship in the United States*. Caldwell, 1965, p. 332.

Перед выдвижением кандидатуры Рузвельта на третий срок в Белый дом президент совершил необычный в условиях США шаг. Он назначил двух видных республиканцев — Генри Стимсона и Франка Нокса — военным и морским министрами. Стимсон был военным министром при У. Тафте и государственным секретарем при Г. Гувере. Нокс был кандидатом в вице-президенты США от республиканской партии в 1936 г. Эти назначения, вызвавшие открытое недовольство в руководстве республиканской партии, укрепили положение Франклина Рузвельта в выборной кампании.

Франклину Рузвельту на выборах противостоял кандидат республиканской партии Уэнделл Уиллки — директор моргановского «Ферст нашнл бэнк» в Нью-Йорке, крупный капиталист, который приобрел известность как адвокат и оратор, выступая в защиту монополистических компаний. Раньше он был активным членом демократической партии. Еще в 1932 г. он голосовал за Рузвельта и внес известную сумму долларов в фонд его президентской кампании.

Война заставила не только демократов, но и республиканцев отказаться от установившейся традиции. Уиллки не только никогда раньше не был членом республиканской партии, но и расходился с ней по основным вопросам внешней политики: он был активным противником изоляционизма и сторонником Лиги Наций.

До июня 1940 г. кандидатура Уиллки котировалась невысоко. Партийный аппарат республиканцев, естественно, не был к нему расположен. Газеты делали ставку на Р. Тафта, Т. Дьюи, отчасти и на сенатора Ванденберга. Все эти три кумира республиканцев были изоляционистами. До весны 1940 г. изоляционизм в кругах крупного американского капитала считался признаком хорошего тона, качеством, достойным соперника Рузвельта. Как уже отмечалось выше, до первых побед гитлеровской армии на Западном фронте на Уолл-стрите преобладала уверенность в победе Англии и Франции. Американский капитал рассчитывал на то, чтобы ограничить свое участие в войне снабжением союзников, надеясь таким образом заработать на войне побольше и приобрести новые рынки подешевле. Поражение англо-французских армий не входило в его расчеты. Окружение союзных войск во Фландрии и капитуляция Франции изменили взгляды Уолл-стрита. В кругах крупного капитала повысился авторитет Рузвельта. На конвенте республиканской партии взял верх Уиллки.

И Рузвельт и Уиллки высказывались за предоставление всевозможной помощи Англии, за максимальное вооружение США и за немедленное введение всеобщей воинской повинности в стране. Фактически Уиллки полностью присоединился к внешней политике Рузвельта и приветствовал соглашение о передаче Англии 50 американских военных кораблей.

Однако, за небольшим исключением, американские буржуазные газеты, контролируемые, как правило, капиталистическими фирмами, доказывали, что международные задачи и задачи обороны, стоящие перед США, лучше могут быть разрешены Уиллки. Даже газета «Нью-Йорк таймс», поддержавшая Рузвельта в 1936 г., когда больше 80% всех газет США выступало против него, в 1940 г. призывала избирателей голосовать за Уиллки. Она мотивировала свое поведение задачами обороны, сводившимися тогда в основном к увеличению продукции, к ускорению выпуска самолетов, танков, пушек, кораблей. В области производства, твердила эта газета, «Уиллки является профессионалом, а Рузвельт — любителем».

Уиллки особенно старался привлечь голоса организованных рабочих. На его сторону стали группы Уолла — Хатчисона в АФТ и Джона Льюиса в КПП. Льюис за десять дней до выборов даже заявил, что в случае переизбрания Рузвельта в президенты США он уйдет с поста председателя Конгресса производственных профсоюзов.

Но поднять авторитет Уиллки в глазах организованных рабочих не удалось. За два месяца до выборов председатель национального комитета демократической партии Флин опубликовал официальную справку, взятую из материалов сенатской «комиссии Лафоллета», которая свидетельствовала о том, что предприятия, возглавлявшиеся Уиллки, тратили десятки тысяч долларов на шпионаж среди рабочих, на оружие и слезоточивые бомбы для борьбы против профсоюзов и других рабочих организаций.

На президентских выборах, происходивших в ноябре 1940 г., в третий раз победил Рузвельт. За него голосовало 54% всех избирателей, участвовавших в выборах, и он получил 84% голосов всех выборщиков. Вице-президентом был избран Генри Уоллес.

Вместе с президентскими выборами происходили выборы в 77-й конгресс США. Демократы получили 268 мест в палате представителей и 66 в сенате, а республиканцы соответственно — 162 и 28.

За семь недель до президентских выборов, в середине сентября 1940 г., вступил в силу впервые в истории США в мирное время закон о всеобщей воинской повинности, о регистрации всех мужчин в возрасте 21—35 лет. С тех пор обязательная воинская повинность сохранялась в течение 33 лет, до 1973 г.

Введение всеобщей воинской повинности в мирное время рассматривалось как переломный момент в истории Америки. За всю предшествовавшую историю США правительство пробовало вербовать солдат в обязательном порядке лишь 2 раза: в гражданскую войну 1861—1865 гг. и в мировую войну 1914—1918 гг. В обоих случаях воинская повинность была введена после того, как США уже находились в состоянии войны. Первая вербовка вызвала восстание в Нью-Йорке и бунты в других городах; вторая сопровождалась волнениями в ряде южных штатов.

Введение обязательной воинской повинности в сентябре 1940 г., до исхода президентских выборов, означало, что правительство и конгресс убедились в неизбежности участия США в войне и что с подготовкой вооруженных сил необходимо торопиться. В то же время чрезвычайно увеличились военные расходы. Так, если в бюджетном году, окончившемся 30 июня 1939 г., военные расходы составляли 1 млрд. 140 млн. долл., то в 1940 г. США ассигновали на армию и флот свыше 15 млрд. долл.

15 июня 1940 г., на следующий день после падения Парижа, Франклин Рузвельт подписал приказ о создании высокоавторитетной, компетентной комиссии для изучения возможности использования атомной энергии в военных целях. Мысль об этом появилась накануне войны. 2 августа 1939 г. личный друг Рузвельта Александр Сакс передал президенту письмо, которое согласился подписать Альберт Эйнштейн. В нем Эйнштейн обращал внимание на все возрастающий интерес германских нацистов к урану. Предупреждение президента США о том, что гитлеровская Германия, возможно, будет первым государством, производящим атомное оружие, подкреплялось, таким образом, авторитетом крупнейшего физика.

Еще раньше, весной 1939 г., лауреат Нобелевской премии Энрико Ферми, бежавший из фашистской Италии и работавший профессором

Колумбийского университета, обсуждал с представителем морского министерства США возможности использования атомной энергии. В те дни, когда нацистские армии стремительно продвигались по Фландрии и Северной Франции, другие авторитетные физики США, к голосу которых прислушивались Рузвельт и его новый военный министр Г. Стимсон доказывали, что из предупреждений Эйнштейна и других физиков следует делать определенные конкретные выводы. Образованная в результате комиссия, работа которой имела столь крупные последствия в послевоенном развитии науки и техники, политики и стратегии, была создана по инициативе группы известных американских ученых: президентов института Карнеги в Вашингтоне Буша и Комптона из Массачусетского технологического института, президента Гарвардского университета Коэнта и др. Комиссия развернула работу над так называемым «Манхэттенским проектом», имевшим целью создание первой в мире атомной бомбы, на что было ассигновано 2 млрд. долл.

Вначале эта комиссия работала в качестве отдела Национального комитета по оборонным исследованиям, а с ноября 1941 г. — как отдел Управления научных исследований и разработок, которое возглавлял В. Буш и которое подчинялось непосредственно президенту США. Это управление, в которое входил Комитет по оборонным исследованиям, сыграло большую роль в мобилизации сил американских ученых и направлении их внимания на военное производство.

Через два года после решения о создании комиссии для изучения возможностей атомной энергии, 17 июня 1942 г., Буш в докладе Рузвельту, им одобренном, сообщил, что «создание атомного оружия вполне возможно», что оно может быть изготовлено «за столь короткое время, которое даст возможность оказать влияние на исход войны»¹⁸.

В сентябре 1940 г. правительство США совершило акцию, никак не совместимую с нейтралитетом: 2 сентября 1940 г. было достигнуто соглашение об обмене американских эсминцев на английские базы.

Ко времени капитуляции Франции и вступления в войну Италии угроза со стороны подводных лодок и авиации противника снабжению Британских островов продовольствием и сырьем начала принимать все более опасные размеры. За восемь месяцев (с мая по декабрь 1940 г.) были потоплены корабли общим водоизмещением 3239 тыс. т, из них 2109 тыс. — английских, 697 тыс. — союзников Англии, 433 тыс. — нейтральных государств. Между тем к концу 1940 г. производственная способность судостроительной промышленности Великобритании составляла всего 1250 тыс. т в год¹⁹. Главным оружием в борьбе с подводными лодками служили эсминцы, но их потери были очень большими.

Еще 15 мая 1940 г. Черчилль в своем первом обращении в качестве премьера Великобритании к президенту Рузвельту просил передать Англии 40—50 эсминцев. В ответ Рузвельт заметил, что время не подходит для того, чтобы конгресс США согласился на такое мероприятие. Черчилль возобновил свою просьбу 11 июня, за три дня до падения Парижа. Время оказалось более подходящим. Все же переписка и переговоры по этому вопросу затянулись почти на три месяца.

По соглашению от 2 сентября 1940 г. США обещали передать Англии 50 старых, отслуживших установленный срок эсминцев и военные материалы. Английское правительство со своей стороны обещало, что в случае неблагоприятного поворота битвы за Англию и в случае, если окру-

¹⁸ Гросс Л. Теперь об этом можно рассказать. ИЛ, 1964, с. 33.

¹⁹ Churchill W. The Second World War, v. 2. London, 1951, p. 499, 639.

жающие Британские острова воды перестанут служить надежной стоянкой для английских военных кораблей, британский флот не будет сдан немцам и не будет потоплен, а отправится за океан для защиты других частей империи. Англия передала Соединенным Штатам морские и воздушные базы на Ньюфаундленде и на Бермудских островах; предоставила им на 99 лет территории для баз в Британской Гвиане, на Ямайке, Санта-Люции, Тринидаде, Антигуа и на Багамских островах. Конечно, эсминцы облегчили борьбу англичан с германскими подводными лодками. Но за устаревшие, ненужные им эсминцы США получили британские базы и британскую территорию для строительства баз.

Ко времени подписания соглашения об обмене эсминцев на базы положение настолько изменилось, время оказалось настолько подходящим, что Рузвельт принял такой важный внешнеполитический акт помимо конгресса. Изоляционисты в конгрессе и за его пределами возмущались тем, что их поставили перед совершившимся фактом, кричали, что «диктатор Рузвельт совершил акт войны»²⁰, что он сделал первый «крупный предательский шаг» на пути к возвращению США в лоно Британской империи²¹. Но отправка американских эсминцев в Англию не была задержана ни на один час, хотя в других очень важных спорных вопросах Рузвельт далеко не всегда настаивал на своем, неоднократно уступал изоляционистам.

Таким образом, еще до президентских выборов Соединенные Штаты отошли от нейтралитета и перешли на положение невоюющей стороны. Деятельность правительства США, направленная на оказание неограниченной помощи Англии, сковывалась в значительной мере известными кругами в конгрессе и в стране, не желавшими мириться с перспективой вступления Америки в войну. После выборов Рузвельт действовал более смело и решительно.

Важнейшим актом, принятым США после начала третьего президентства Рузвельта, был закон о ленд-лизе.

Во вторую половину 1940 г. крупные военные заказы Англии в США увеличивались с каждым месяцем. Она заказывала самолеты и корабли, танки и пушки, станки, военное снаряжение, продовольствие и сырье. В ноябре 1940 г. число одних самолетов, заказанных Англией в США, дошло до 23 тыс.²² Запасы иностранной валюты и золота на сумму 4,5 млрд. долл., с которыми Великобритания вступила в войну, составляли небольшую долю в той сумме, которую Англия должна была платить за колоссальные заказы в США. После капитуляции Франции Англия, как больной, которому угрожает смерть, тратила все, что могла, для поддержания своего существования, не думая о будущем финансовом положении страны. В результате еще более остро, чем в первую мировую войну, в Лондоне встала проблема платежа за огромные военные заказы в Америке.

8 декабря 1940 г. в большом письме к Рузвельту Черчилль, описывая военное положение и перечисляя все то, чего Британия ждет от амери-

канской промышленности, сообщил, что приближается момент, когда Англия не сможет платить за продукцию, получаемую из США. Британский премьер закончил свое обращение к президенту США выражением уверенности в том, что ввиду крайней заинтересованности Америки в поражении фашистской тирании «настоящее письмо будет рассматриваться не как апелляция о помощи, а как заявление о минимальных условиях, необходимых для достижения нашей общей цели»²³.

После этого Рузвельт заговорил о том, что вопрос о расходах, связанных с войной, не должен рассматриваться как жизненная проблема, стоящая перед США. 17 декабря 1940 г. он заявил на пресс-конференции: «Во всей истории ни одна большая война никогда не была проиграна из-за недостатка денег»²⁴.

Конечно, можно было решить этот вопрос предоставлением правительством США Англии и ее союзникам кредитов на оплату закупок в Америке, как это было в первую мировую войну, но Англия и ее союзники не погасили прежних государственных военных долгов Америке. Согласно акту Джонсона от 13 апреля 1934 г. должники, не внесшие причитающихся с них платежей, лишаются возможности получать какие-либо кредиты в США. Поэтому сейчас Вашингтону надо было найти такой способ оказания материальной и финансовой помощи противникам Германии, который не назывался бы кредитом.

11 марта 1941 г. вступил в силу закон о ленд-лизе. Этот закон уполномочил президента США продавать, передавать, обменивать, давать взаймы, сдавать в наем и аренду оружие, амуницию, продовольствие и другие товары и материалы любому государству, оборону которого он считает существенной для интересов США.

По существу же закон о ленд-лизе означал, что Америка будет по усмотрению президента США снабжать за счет государственного бюджета все государства (независимо от их платежеспособности), кто борется и будет бороться против гитлеровской Германии и ее союзников.

Поскольку США, по уже указанным нами мотивам, никак не могли мириться с победой Гитлера, они должны были всеми доступными средствами добиваться его поражения.

Передача Англии американских эсминцев задолго до официального вступления США в войну, закон о ленд-лизе и другие мероприятия давали многим в Вашингтоне основание утверждать, что фактически США находились в состоянии войны с фашистской Германией²⁵. А когда приходится воевать, то воевать чужими руками полностью или частично всегда выгодно, всегда дешево. Поэтому закон о ленд-лизе отнюдь не был актом благородства и великодушия, как его часто трактует американская литература, посвященная истории второй мировой войны²⁶. Он появился как акт целесообразности, как мероприятие, по выражению государственного секретаря К. Халла, «крайне необходимое» после установления господства гитлеровской Германии на европейском побережье Атлантического океана. Помимо всего прочего ленд-лиз стимулировал

²⁰ Dulles F. America's Rise to World Power. N. Y., 1955, p. 198.

²¹ Sherwood R. Op. cit., p. 176.

После окончания войны Черчилль признал, что соглашение от 2 сентября 1940 г. имело гораздо более широкое, далеко идущее значение, чем обмен устаревших эсминцев на базы. «Передача Великобритании 50 американских военных кораблей,— писал Черчилль,— была явно не нейтральным актом Соединенных Штатов..., определенно приблизившим США к нам и к войне» (Churchill W. The Second World War, v. 2, p. 358).

²² Churchill W. The Second World War, v. 2, p. 490.

²³ Churchill W. The Second World War. v. 2, p. 501.

²⁴ Sherwood R. Op. cit., p. 225.

²⁵ Davis K. Soldier of Democracy. N. Y., 1945, p. 264.

²⁶ Закон о ленд-лизе действовал с марта 1941 до августа 1945 г. За это время США предоставили своим союзникам, борющимся против фашизма, вооружение, продовольствие и другие средства на общую сумму 46 728 млн. долл., из них странам Британской империи — на 30 269 млн. долл., в том числе Англии — на 28 700 млн. долл., а СССР — на 10 761 млн. долл. («Congressional Records», 30.VIII 1967, p. H-11554).

производство всех видов вооружений и содействовал развитию военного потенциала США в течение девяти месяцев до официального вступления США в войну. Вместе с принятием закона о ленд-лизе важные отрасли промышленности США были переведены на военные рельсы. К середине 1941 г. американские и английские военные заказы в США оценивались в 40 млрд. долл.²⁷

Тем не менее билль о ленд-лизе нелегко было превратить в закон. Он натолкнулся на упорную оппозицию в конгрессе. Его внесли в палату представителей как билль № 1776, как символ 1776 г. — года опубликования Декларации независимости США²⁸.

Больше двух месяцев продолжались страстные дебаты. В обеих палатах конгресса больше одной трети всех голосов было подано против этого билля.

Закон о ленд-лизе возлагал на Вашингтон такие международные обязательства, которые казались чуждыми традиционной внешней политике США. Известный лидер республиканцев сенатор А. Ванденберг, ставший после смерти У. Бора лидером изоляционистов, оплакивая уходящий изоляционизм, который он много лет ревниво охранял, записал 8 марта 1941 г. в своем дневнике: «Мы порвали с традиционной внешней политикой, собиравшей 150 лет. Мы швырнули завещание Вашингтона в мусорный ящик. Мы кинулись в политику и в войны держав в Европе, Азии и Африке. Мы сделали первый шаг в курсе, от которого отныне никогда не сможем отступить»²⁹.

Громкие слова сенатора Ванденберга, как и усилия всей оппозиции в конгрессе, оказались бессильными воспрепятствовать принятию закона о ленд-лизе отчасти потому, что этот закон сулил колоссальные барыши тем, кто в конечном итоге имеет решающее влияние на конгресс. Без закона, обеспечивающего оплату правительством США военных заказов Англии, немислим был бы не только рост барышей, но и достигнутый уровень военных прибылей. Ленд-лиз означал рост государственного долга. В условиях США часто, особенно в военное время, вместе с ростом государственного долга умножается прибыль крупного капитала.

Кстати, сам Ванденберг, который так горевал о конце изоляционизма и который вместе с сенатором Тафтом энергично возглавлял оппозицию против пересмотра акта о нейтралитете, в отличие от Тафта голосовал за ленд-лиз.

Во время обсуждения билля о ленд-лизе в конгрессе (февраль—март 1941 г.) в Вашингтоне происходили секретные совещания глав штабов вооруженных сил Англии и США, на которых выработывались общие планы лучшего использования возможностей, предоставляемых новым законом, а также наиболее рационального распределения общих ресурсов, когда США будут активно участвовать в военных действиях³⁰. На этих совещаниях учитывалась перспектива войны и с Японией, но исходили из того, что главным врагом является Германия.

Дальнейшие существенные мероприятия, проведенные Вашингтоном по инициативе Рузвельта до официального вступления США в войну, сводились к следующему.

27 мая 1941 г. президент США объявил неограниченное чрезвычай-

ное положение. 7 июля американские войска высадились в Исландии. А еще за три месяца до этого (10 апреля) государственный департамент США сообщил, что Гренландия подлежит оккупации американскими войсками.

В августе 1941 г. состоялось совещание Рузвельта и Черчилля на английском и американском военных кораблях у Ньюфаундленда, после чего было опубликовано изложение взглядов глав двух правительств на послевоенный мир, состоящее из восьми пунктов, названных Атлантической хартией. К этому совещанию мы еще вернемся. Пока отметим, что его значение, конечно, не в громком названии опубликованного документа, а в том, что главы правительств воюющего (Англия) и невоюющего (США) государств опубликовали совместное заявление, объединяющее представляемые ими страны в борьбе за достижение общих целей:

Через месяц после совещания у Ньюфаундленда (11 сентября) в выступлении по радио Рузвельт заявил, что отныне американские военные корабли и самолеты при встрече с фашистскими подводными лодками и рейдерами будут открывать огонь первыми.

Наконец, 17 ноября 1941 г. вступил в силу закон о вооружении торговых кораблей США и разрешении им доставлять грузы в порты воюющих государств, означавший фактически окончательный отход от нейтралитета.

Все эти мероприятия, все более активизировавшие США в борьбе против гитлеровской Германии, наталкивались на упорное сопротивление определенных групп в стране.

После капитуляции Франции изоляционисты перестали занимать руководящее положение даже в республиканской партии. Об этом свидетельствует избрание в 1940 г. Уиллки кандидатом в президенты США от республиканцев. Тем не менее изоляционисты продолжали активно выступать. В республиканской партии они неоднократно завоевывали подавляющее большинство. В августе 1941 г. закон о продлении на 1,5 года обязательной воинской повинности прошел в палате представителей большинством всего в один голос: 203 — за и 202 — против. Из участвовавших в голосовании 154 республиканцев лишь 21 голосовал за, 133 — против. Закон о вооружении торговых кораблей США прошел в палате большинством в 212 против 194. Из принимавших участие в голосовании 159 республиканцев 22 высказались за, а 137 — против.

Рупором изоляционистов в 1940 г. стал известный тогда в США летчик Чарльз Линдберг, выступавший по радио как защитник Гитлера в Америке. Превознося силу фашистской Германии и осуждая вмешательство США в европейскую войну, Линдберг внушал, что гитлеровская армия непобедима, что Англия должна сдаться, пока не поздно, пока Лондон и другие британские города не превращены в пепел, что американцы должны использовать свое влияние и оказывать воздействие на англичан, советовать им смириться с неизбежной судьбой и признать Гитлера победителем. Такие взгляды распространял в США также Джозеф Кеннеди — отец будущего президента Джона Кеннеди.

Вслед за Геббельсом Линдберг утверждал, что антигитлеровская политика правительства США выражает еврейский заговор, имеющий целью втянуть Америку в войну. В речи, произнесенной 11 сентября 1941 г. в городе Де Мойн (штат Айова), Линдберг заявил, что единственные люди в Америке, которые одобряют вступление США в войну, — это англичане, евреи и правительство Рузвельта³¹. 1 июля того же года

²⁷ *Tugwell R. The Democratic Roosevelt*, p. 525.

²⁸ Его поборники выкопали из архива какой-то закон 1892 г., по которому конгресс разрешал в свое время военному министру сдавать в пользование военное имущество США, если по его усмотрению это полезно для государства.

²⁹ *Vandenberg A. The Private Papers of Senator Vandenberg*. Boston, 1952, p. 10.

³⁰ *Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940—1941*. London, 1953, p. 285—289.

³¹ «Current History», November 1941, p. 287.

Линдберг заявил в Сан-Франциско, что ему было бы в 100 раз приятнее видеть США в союзе с Германией, чем с СССР.

Линдбергу вторил радио-пастер Кофлин — своего рода американский Геббельс. Играя на антивоенных настроениях американского народа, он читал «душераздирающие» проповеди в защиту дела Гитлера в США.

Выступления Кофлина и Линдберга находили поддержку у ряда руководителей республиканской партии. Лидер республиканцев в сенате Тафт, бывший президент Гувер, бывший кандидат в президенты У. Лендон и будущий кандидат в президенты Дьюи, которые в дни Мюнхена превозносили Невилля Чемберлена как сильного и дальновидного государственного деятеля, продолжали критиковать внешнюю политику Рузвельта. 5 августа 1941 г. 15 руководителей республиканской партии (в том числе Гувер, Лендон и Джон Льюис) подписали протест против продолжения обязательной воинской повинности и против оказания помощи Советскому Союзу со стороны США.

Деятельность изоляционистов координировалась в хорошо организованном и щедро финансировавшемся комитете «Америка прежде всего». Возглавлял комитет президент крупной промышленной компании чикагский миллионер Роберт Вуд. Активными руководителями комитета были железнодорожный магнат Роберт Юнг, Чарльз Линдберг, сенатор Б. Уиллер, конгрессмен Г. Фиш, бывший заместитель государственного секретаря при Гувере У. Кестл и вице-президент АФТ У. Хатчисон. Органом комитета стала самая реакционная газета «Чикаго трибюн», которой вторила пресса Херста и газетного треста Скриппс-Говарда. Деятельность комитета финансировали промышленники и банкиры³², включая вице-президента «Дженерал моторс» Муни и Джозефа Кеннеди. Комитет создал сеть своих организаций в большинстве штатов. В 77-м конгрессе он считал своими сторонниками около 30 сенаторов и около 100 конгрессменов³³. Комитет утверждал, что Гитлер уже победил или, во всяком случае, безусловно победит, что Америке необходимо спешно договориться с победителем.

Комитету «Америка прежде всего»³⁴ противостоял «Комитет защиты Америки путем оказания помощи союзникам». Этот комитет был в организационном и финансовом отношении слабее, чем изоляционистский комитет, особенно до начала 1941 г., пока его председателем был известный публицист Уильям Уайт. Уайт считал, что Америка должна делать все для поражения гитлеровской Германии, но не воевать. После отставки Уайта в январе 1941 г. «Комитет защиты Америки» встал в вопросе об оказании помощи союзникам на более реальный путь.

* * *

22 июня 1941 г. произошло историческое событие, изменившее весь ход, характер и облик второй мировой войны. В этот день на рассвете вооруженные силы фашистской Германии без объявления войны вероломно и внезапно напали на СССР. «Главным и решающим фактором превращения второй мировой войны в освободительную и антифашистскую явилось вступление в нее Советского Союза, который в ответ на вероломное нападение фашистской Германии начал Великую Отечест-

венную войну, — отмечается в Истории Коммунистической партии Советского Союза. Вступление СССР в войну коренным образом изменило обстановку и перспективы, завершило сложный процесс превращения войны в справедливую, освободительную. Борьба советского народа против гитлеровской агрессии слилась с борьбой всех антифашистских, освободительных сил. Советский народ, поднявшись на защиту социалистической Родины, отстаивал интересы всего прогрессивного человечества и получил поддержку всех свободолюбивых народов. Вступление СССР в войну предопределило историческую победу над фашизмом»^{34а}.

Опасаясь угрозы растущего могущества гитлеровских вооруженных сил, правительство США считало, что Америка, как и Англия, кровно заинтересована в поражении фашистской Германии, и выражало соответственно свое отношение к советско-германской войне. В Вашингтоне, как и в Лондоне, задолго до 22 июня 1941 г. эту войну считали желанной. За 8 дней до нападения Гитлера Черчилль в письме к Рузвельту заверил его в своем решении оказывать Советскому Союзу существенную помощь в надвигающейся войне³⁵.

Как утверждает С. Уэллес, еще в январе 1941 г. он сообщил советскому послу в Вашингтоне К. А. Уманскому, что согласно авторитетной, не подлежащей сомнению информации, полученной государственным департаментом из источника, о котором, по предположению Уэллеса, Советское правительство не имело представления, германский генеральный штаб готовит нападение на Советский Союз весной этого года³⁶.

Этим источником был высокопоставленный нацист, информировавший американского коммерческого атташе в Берлине С. Вудса. Согласно утверждению государственного секретаря Кордэлла Хэлла, еще в августе 1940 г. Вудс был информирован о совещаниях в главной квартире Гитлера по вопросу о подготовке войны против СССР.

В начале 1941 г. Хэлл получил через Вудса информацию о стратегических планах этой войны и о том, что вся подготовка к ней должна быть закончена весной 1941 г.³⁷

Компетентные авторы известной работы о рассматриваемом периоде утверждают, что Уэллес сообщил Уманскому о подготовке Гитлером нападения на СССР не в январе, а в марте 1941 г., когда такие сообщения исходили уже из разных источников³⁸.

В марте 1941 г. правительство США, желая помешать улучшению советско-японских отношений в связи с предстоявшей поездкой министра иностранных дел Японии Е. Мацуока в Москву, решило сообщить Советскому послу К. А. Уманскому о подготовке Гитлером нападения на СССР, с тем чтобы насторожить Советское правительство в отношении Германии и ее союзника на Дальнем Востоке³⁹.

После нападения Гитлера на СССР мнение в США об отношении к участию в войне резко изменилось. Об этом может свидетельствовать такое сравнение: в критические для союзников дни на Западном фронте, в мае 1940 г., проведенный опрос показал, что около 2/3 населения США считает более важным для Америки невступление в войну; через 4 месяца после нападения Гитлера на СССР, еще до вступления США в войну,

^{34а} История Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1970, т. 5, кн. 1, с. 77.

³⁵ Hull C. The Memoirs, v. 2. N. Y., 1948, p. 973.

³⁶ Welles S. The Time for Decision, p. 170—171.

³⁷ Hull C. Op. cit., p. 967—968.

³⁸ Langer W., Gleason E. The Undeclared War, p. 337, 342.

³⁹ Ibid., p. 341—342.

³² Dulles F. America's Rise to World Power, p. 200; Ickes H. Secret Diary, v. 3, p. 395.

³³ «American Mercury», January 1942, p. 10.

³⁴ Профашистский комитет «Америка прежде всего» оказывал свое влияние на политику США в ходе войны. Забегая вперед, отметим, что его деятельность отражалась и на послевоенной реакционной внешней политике США.

опрос общественного мнения показал, что больше 2/3 населения США считает поражение держав оси важнее сохранения мира для страны⁴⁰.

Печать, поддерживавшая внешнюю политику Рузвельта, начала призывать к прекращению игры в нейтралитет. Так, например, журнал «Нью рипаблик» 25 августа 1941 г. посвятил этому вопросу редакционную статью, озаглавленную: «За объявление войны». Журнал призывал президента и конгресс в интересах страны объявить войну державам оси.

Сам президент, который со времени капитуляции Франции считал участие США в войне неизбежным, после нападения Гитлера на СССР полагал, как впоследствии утверждал А. Гарриман, что вклад Америки в борьбу с фашистскими державами можно будет ограничить операциями ее флота и авиации, не посылая сухопутной армии через океан⁴¹.

Рузвельт считал, что в интересах США необходимо оказывать Советскому Союзу в его борьбе с фашистской Германией всестороннюю материальную помощь, распространить на СССР закон о ленд-лизе. Но военные круги Вашингтона, поверив утверждению Риббентропа, что «Россия будет стерта с карты в течение восьми недель», не видели смысла в помощи Советскому Союзу, мотивируя это опасениями, что в таком случае американское вооружение и материалы попадут в руки немцев. Подобные Риббентропу английские «авторитеты», к голосу которых прислушивалось военное министерство США, сократили срок, предсказанный Риббентропом, в 2 раза и допускали, что кампания Гитлера в СССР продолжится от трех до четырех недель⁴². Черчилль утверждал, что «почти все ответственные военные специалисты держались тогда того мнения, что русские армии будут быстро разгромлены и в большой части уничтожены»⁴³.

Близкий к Рузвельту один из деятелей его «мозгового треста» — Р. Тэгвелл, который в своей книге о 34-м президенте США обычно называет его фамильярно — просто по имени — писал: «Военные донесения Франклину были единогласны в предсказании, что Красная Армия будет уничтожена примерно в течение шести недель... Россия, — утверждали генералы, — выдержит «максимум» 3 месяца... Франклин был оповещен, что британские военные круги пришли к такому же заключению»⁴⁴. 23 июня 1941 г. морской министр Нокс писал Рузвельту, что оптимальное заключение, которое он может сделать, сводится к тому, что Гитлеру понадобится от шести недель до двух месяцев для того, чтобы покончить с Россией⁴⁵.

Рузвельт, как и Черчилль, видимо, сомневался в прогнозах англо-американских военных руководителей, тем более что установленные ими сроки победы Гитлера на Востоке прошли, а силы и сопротивление советских армий, оправившихся от внезапного удара, нарастали. В начале второго месяца советско-германской войны Рузвельт одобрил инициативу Гарри Гопкинса поехать в Москву в качестве представителя президента США, с тем чтобы на месте узнать правду о военном положении Советского Союза и о перспективах войны СССР против Германии.

Гопкинс прибыл в Москву 29 июля 1941 г. и вылетел обратно 1 августа. На первом приеме в Кремле он сообщил о решимости прези-

дента США «оказывать всевозможную помощь Советскому Союзу в ближайшее возможное время». Вместе с тем он сказал, что правительство США и, как он полагает, английское правительство не согласятся направлять в СССР тяжелое вооружение и самолеты до конференции трех держав, на которой будут обсуждены стратегические и другие вопросы, интересующие каждую из этих держав. Конференцию наметили созвать в октябре в Москве.

Вместо бликкрига против Советского Союза в три-четыре недели, о котором пророчествовали англо-американские военные авторитеты, Гопкинс услышал в Кремле разговоры о трех-четырёхлетней советско-германской войне. В такой длительной войне победа Германии вообще была исключена. На этом сходились даже военные эксперты Лондона и Вашингтона.

После возвращения Гопкинса в Вашингтон взгляды правительства США на советско-германскую войну приняли более трезвый характер. В сентябре 1941 г. Рузвельт заявил, что «русский фронт выдержит и что Москва не будет взята»⁴⁶.

Конференция трех держав открылась в Москве 28 сентября и продолжалась три дня. Американскую делегацию возглавлял Гарриман, английскую — Бивербрук. Конференция уделила большое внимание распределению вооружений и других материальных ресурсов трех великих держав в борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками; были подняты также военно-стратегические и политические вопросы — о втором фронте, о целях войны и послевоенном мире, об англо-советском союзе во время и после войны. Этих вопросов касались в самых общих чертах. Их подробно не обсуждали и не решали. Но основной вопрос конференции был успешно решен. Перед ее закрытием Бивербрук зачитал список вооружений и материалов, которыми Америка и Англия обещали снабжать Советский Союз. В список, составленный на срок до июля 1942 г., вошли 400 самолетов и 500 танков в месяц, зенитные и противотанковые орудия, автомобили, средства связи, сталь, алюминий, нефть, каучук и другие материалы, а также продовольствие, одежда, обувь и медикаменты⁴⁷. 1 октября от имени трех держав был подписан протокол конференции.

После Московской конференции в Вашингтоне встал вопрос о финансировании поставок в СССР. Президент Рузвельт не нашел возможным сразу распространить на эти поставки закон о ленд-лизе, так как он не желал, чтобы этот вопрос послужил материалом для выступления сил реакции в печати и в конгрессе.

30 октября Рузвельт телеграфно сообщил в Москву, что он одобрил протокол Московской конференции и распорядился предоставить из средств, ассигнованных на ленд-лиз, беспроцентный заем в 1 млрд. долл. на оплату американских поставок в СССР. Он предложил, чтобы погашение этого займа началось спустя 5 лет после окончания войны и продолжалось в течение десяти лет. В этой же телеграмме Рузвельт выразил надежду, что Советское правительство облегчит закупку Америкой в СССР тех видов сырья и товаров, которые имеются в Советском Союзе и в которых Соединенные Штаты очень нуждаются.

Формально закон о ленд-лизе распространился на Советский Союз с 7 ноября 1941 г. К этому времени героическая защита Москвы настолько подняла авторитет Вооруженных Сил СССР и всего Советского Союза

⁴⁰ «Congressional Record», 21.X 1941, p. A5051.

⁴¹ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins, p. 304—305.

⁴² Churchill W. The Second World War, v. 3, p. 350.

⁴³ «Congressional Record», 6.VI 1967, p. H 6735.

⁴⁴ Tugwell R. The Democratic Roosevelt, p. 577.

⁴⁵ См.: Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton, 1957, p. 10.

⁴⁶ Цит. по: Churchill W. The Second World War, v. 3, p. 351.

⁴⁷ Feis H. Op. cit., p. 16—17.

в Америке, что президент США нашел момент подходящим для того, чтобы объявить, что американские поставки в СССР будут производиться на таких же условиях, как и в Англию.

В то время, когда происходила историческая битва за Москву, резко обострилась международная обстановка на Дальнем Востоке. Японо-американская война, о возможности которой более 30 лет много говорили и писали, к которой японский флот готовился с 1909 г.⁴⁸, назрела.

После оккупации Голландии и капитуляции Франции Япония нацелилась на колониальные владения этих государств на Дальнем Востоке. Она решила воспользоваться войной в Европе для осуществления своих захватнических планов в Азии. 27 сентября 1940 г. она заключила тройственный пакт с Германией и Италией. Этот пакт обязал Японию вступить в войну на стороне Гитлера, если Америка вступит в войну на стороне Англии. По существу он означал, что война США с одним из государств оси превратится в войну США со всеми тремя державами оси. Летом 1941 г. вооруженные силы Японии, заняв весь Индо-Китай, стали угрозой для английских и американских коммуникаций в юго-западном бассейне Тихого океана, начали непосредственно угрожать Филиппинам, Голландской Ост-Индии, а также Таиланду.

США ответили на действия Японии экономическими санкциями. 26 июля 1941 г. они наложили запрет на торговлю с Японией. Эти санкции США поддержали английское и голландское правительства. Эмбарго, нестрого соблюдавшееся, было, наконец, с большим опозданием установлено. В течение ряда лет войны против Китая Япония получала от Америки в больших размерах ценные стратегические материалы. Насколько эти материалы были необходимы Японии в ее агрессивной войне, видно из того, что введение эмбарго отрезало от Японии 75% ее нормального импорта.⁴⁹

Япония лишилась возможности ввоза ряда очень важных для нее товаров, в частности нефти и нефтепродуктов. В августе Хэлл и Иден сделали официальное заявление о том, что США и Англия не могут безразлично смотреть на угрозу неприкосновенности и независимости Таиланда. 24 августа Черчилль в выступлении по радио предупредил, что в случае японо-американской войны Англия без всяких колебаний станет на сторону США.

Еще весной 1941 г. японский премьер Коноэ предложил правительству США начать переговоры о решении острых спорных вопросов, существовавших между обоими государствами. Поддержку таким переговорам в Токио надеялись найти среди тех влиятельных кругов в Америке, которые годами пытались направить японскую агрессию на север, против СССР.

В Белом доме и государственном департаменте долго строили свои расчеты, исходя из того, что Япония вероятнее всего и прежде всего вступит в вооруженный конфликт с Советским Союзом. Логически рассуждая, после нападения Гитлера на СССР Соединенные Штаты, считавшие своим главным врагом, врагом № 1, Германию, не были заинтересованы в том, чтобы против Советского Союза, испытавшего весь натиск гитлеровской военной машины, образовался второй фронт на Дальнем Востоке. Однако до начала тихоокеанской войны США выражали больше беспокойства и протестовали только против агрессивных намерений Японии на юге. Между тем в Вашингтоне были хорошо осве-

домлены об агрессивных планах Японии на севере, об активных приготовлениях квантунской армии к нападению на СССР.

Рузвельт ограничился тем, что в послании к Коноэ выразил надежду, что слухи о намерении Японии напасть на СССР, неверны. Коноэ в ответ отрицал, что в Токио существуют подобные намерения⁵⁰. Президент США считал, что он свой долг в этом отношении выполнил.

О японо-американских переговорах в 1941 г., до начала военных действий между ними, накопилась обильная литература в Советском Союзе и в других странах, особенно в США, где во многих томах опубликованы итоги различных обследований, а также большое число монографий, в которых до мелочей описаны все дипломатические шаги и проекты во всей их противоречивости и запутанности. Однако одно бесспорно: в Вашингтоне не только полагали, что можно будет отвлечь агрессию Японии от Юго-Восточной Азии, не препятствуя ее столкновению с Советским Союзом, но и готовы были (как в 1937 г. в Брюсселе) договориться за счет Китая, служившего основой японо-американского конфликта. США готовы были мириться с захватом Японией северо-восточных провинций Китая и фактически признать этот захват. Но они продолжали настаивать на равноправии с Японией на остальной китайской территории. Японцы же претендовали на монопольное положение, на свободу действий во всем Китае⁵¹.

Уступки, на которые США готовы были идти, рассматривались в Токио как совершенно недостаточные, а требования Японии оценивались в Вашингтоне как чрезмерные и невыполнимые. После того как американский капитал целый век боролся за влияние в Китае и возлагал большие надежды на эксплуатацию его огромных людских и материальных ресурсов, ни правительство Рузвельта, ни любое другое правительство США не могли дать свое согласие на монопольное господство Японии в этой стране. Такое согласие со стороны Вашингтона рассматривалось бы в кругах монополистического капитала США как капитуляция перед Японией без войны.

28 августа японский посол в Вашингтоне адмирал Номура посетил Белый дом и передал Рузвельту письмо от Коноэ, который предлагал президенту США встречу в Гонолулу. Рузвельт ответил, что предварительно должны быть решены основные, принципиальные спорные вопросы, в частности вопрос о выведении японских войск из Китая. Переговоры по этому вопросу ни к чему не привели.

16 октября премьером Японии стал представитель ее экстремистских, наиболее воинственно настроенных кругов — бывший военный министр генерал Х. Тодзио.

Переговоры в Вашингтоне продолжались. Со стороны Японии их вел вместе с Номура прибывший 15 ноября 1941 г. из Токио со специальной миссией С. Курусу. Задача обоих сводилась к тому, чтобы отвлечь внимание Вашингтона от готовившегося против США удара со стороны Японии. Оба они были известны в США как дипломаты, доброжелательно относившиеся к Америке, как сторонники японо-американского сотрудничества. Адмирал Номура, назначенный в начале 1941 г. послом в Вашингтон, был в прошлом ряд лет морским атташе в США. Курусу был хорошо известен в Вашингтоне, где он имел личные связи в офи-

⁴⁸ «US News and World Report», 11.XII 1961, p. 65.

⁴⁹ «Current History», February 1942, p. 505.

⁵⁰ Tugwell R. Op. cit., p. 584.

⁵¹ Подробно о взаимоотношениях США с Японией в 1939—1941 гг. и об их готовности договориться за счет Китая см.: Севостьянов Г. Н. Подготовка войны на Тихом океане. М., 1962.

циальных кругах. Его жена была американкой. Но, как ни разыгрывали свою роль японские дипломаты, как ни распространялись о миролюбии, развевать настороженность и подозрительность к себе в столице США им не удалось. Белый дом владел японским кодом. Там не знали, где японцы собираются нанести главный удар; этого, вероятно, не знали Номура и Курусу. Но о целях, поставленных перед этими дипломатами в Токио, президент и государственный секретарь США имели представление.

США настаивали на уходе японских войск из Китая и Индо-Китая. Япония готова была обещать эвакуировать свои войска из Индо-Китая и отказаться от претензий на другие территории в бассейне Южно-Китайского моря, но требовала взамен свободы действий в Китае, продажи Америкой ей нефти, помощи в получении нужной ей продукции из Голландской Ост-Индии и установления торговых отношений между США и Японией на нормальной основе.

Свою позицию японцы окончательно определили в ноте правительству США 20 ноября. 22 ноября в секретной телеграмме послу К. Номура, расшифрованной американцами, министр иностранных дел Японии Того сообщил, что последнюю ноту Америке следует рассматривать как ультиматум, срок которого истекает 29 ноября, «после чего события произойдут автоматически». Но уже 26 ноября шесть из всех десяти японских авианосцев, сосредоточенных в строжайшей тайне у Курильских островов, в заливе Хитокаппуван у острова Итуруп, в сопровождении двух линкоров, трех крейсеров, девяти эсминцев, трех подводных лодок и восьми танкеров легли курсом на Пирл-Харбор, где с 1940 г. находились основные силы тихоокеанского флота США. Одновременно к Пирл-Харбору были направлены различными путями около тридцати японских подводных лодок. Приказ об атаке на тихоокеанский флот США был отдан еще 20 ноября одновременно с отправкой ноты правительству США⁵².

Ответ на японскую ноту, содержащий «основы предполагаемого соглашения между Соединенными Штатами и Японией», Хэлл передал Курусу и Номура 26 ноября. Он состоял из двух частей: проектов совместной политической декларации и мер, которые необходимо было принять. Третий пункт второй части гласил: «Японское правительство отзовет все военные, морские, воздушные и полицейские силы из Китая и Индо-Китая».

27 ноября Рузвельт и Хэлл приняли в Белом доме Курусу и Номура. Рузвельт заявил японским дипломатам, что не в интересах их государства следовать по пути гитлеризма. Но если Япония все же решит идти по этому пути, то он абсолютно уверен, что она в конечном итоге проиграет. Японцы ответили Рузвельту спустя одиннадцать дней, но уже не в Вашингтоне и не обычными дипломатическими средствами, а вооруженным нападением на главную военно-морскую базу США в Тихом океане⁵³.

⁵² «U. S. News and World Report», 12.XII 1966, p. 47.

⁵³ Курусу продолжал играть роль очковтирателя до последней минуты. 2 декабря он обратился к Бернарду Баруху с просьбой устроить ему свидание с Рузвельтом без присутствия Хэлла, который, как утверждал Курусу, относится к нему недоброжелательно и враждебно. Назавтра, во время беседы с Барухом, Курусу заявил, что и сам он, и японский народ, и император хотят мира, но что высшие военные круги рвутся в бой. Поэтому он считает очень важным, чтобы президент США лично обратился к японскому императору, послал бы в Токио своего личного представителя, например Гопкинса, подобно тому как Япония направила его, Курусу, в Вашингтон. Он также предложил, чтобы Рузвельт взял на себя роль посредника с целью достижения общего соглашения между Японией и Китаем. Рузвельт от-

7 декабря 1941 г. японская эскадра под командованием адмирала Нагумо, двигавшаяся под покровом густого тумана от Курильских островов, подошла в предрассветной темноте незамеченной на расстояние менее 300 миль к северу от бухты Пирл-Харбор. В то воскресное утро в бухте на якоре стояли 94 военных корабля, в том числе 8 крейсеров, 29 эсминцев и 8 из всех 9 линкоров тихоокеанского флота США.

В 7 час. 55 мин. по местному времени внезапно началась воздушная бомбардировка этих кораблей. Главной мишенью и основной целью служили восемь линкоров.

360 самолетов, поднявшихся с японских авианосцев, обрушились стаями на американский флот. Торпеды, пущенные с японских самолетов, взрывали и топили корабль за кораблем. Линкор «Аризона» взорвался, «Оклахома» перевернулся, «Калифорния» и «Уэст-Виргиния» погрузились на дно. «Невада» успел добраться до берега перед тем как затонуть, а «Мериленд» и «Теннесси» были повреждены и вышли из строя. Лишь «Пенсильвания» легко отделалась. Попутно японцы повредили несколько крейсеров, эсминцев и других кораблей. Всего они уничтожили и вывели из строя девятнадцать морских единиц. Из трех авианосцев тихоокеанского флота США 7 декабря в районе Пирл-Харбора не оказалось ни одного. Одновременно с нападением на линкоры японская авиация уничтожила на аэродромах, расположенных недалеко от Пирл-Харбора, 177 американских самолетов и много вывела из строя. Во всей операции, продолжавшейся два часа, японцы потеряли всего 29 самолетов и шесть подводных лодок.

В итоге двух ударов японской авиации по Пирл-Харбору были уничтожены или выведены из строя все линейные корабли, 6 легких крейсеров, эсминец и 272 самолета. Потери в людях составили 3400 человек, в том числе 2402 убитыми⁵⁴.

К 10 часам утра армада, насчитывавшая почти 400 военных кораблей, и составлявшая базу морского могущества Соединенных Штатов в Тихом океане, была в основном уничтожена. Уцелевшие в Пирл-Харборе мелкие корабли оказались беспомощными против японских линкоров.

Операцию у Пирл-Харбора по примеру гитлеровской Германии японцы провели без предварительного объявления войны. Через два дня после этой операции Рузвельт, выступая по радио, заявил: «Мы должны признать, что наши враги совершили блестящий подвиг обмана, отлично рассчитанный и выполненный с большим мастерством»⁵⁵.

Восемь тщательных обследований и 39 томов, опубликованных конгрессом в 1946 г., содержащих подробный материал о причинах и ходе событий в Пирл-Харборе, включая много расшифрованных секретных японских телеграмм и распоряжений морского министерства США, не дают удовлетворительного объяснения загадки: почему после нескольких десятков лет подготовки важнейшая военно-морская база США оказалась неподготовленной, их тихоокеанский флот был застигнут врасплох? Наоборот, эти материалы свидетельствуют о том, что американцы, владея японским кодом, с начала июля 1941 г. расшифровали почти всю

казался принять Курусу без участия Хэлла. Но после обсуждения указанного вопроса Рузвельт обратился 6 декабря непосредственно к японскому императору. Ответ последовал назавтра в Пирл-Харборе (*Baruch B. The Public Years*, p. 270—273).

⁵⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4. М., Воениздат, 1975, с. 387—388.

⁵⁵ *Peace and War*, U. S. Foreign Policy 1931—1941. Wash., 1943, p. 847.

важную секретную дипломатическую переписку Японии, что еще больше усиливает недоумение.

18 декабря 1941 г. президент Рузвельт создал правительственную комиссию из пяти человек под председательством члена верховного суда Робертса для обследования причин катастрофы, происшедшей 7 декабря в Пирл-Харборе. Задача комиссии, в которую входили четыре представителя вооруженных сил, сводилась к тому, чтобы выяснить, не было ли со стороны представителей армии и флота нарушения долга или ошибок, содействовавших успеху японцев при их нападении на Пирл-Харбор. 24 января 1942 г. был опубликован отчет комиссии. Комиссия нашла, что военный и морской министры, начальники штабов армии и флота выполнили свои обязанности, но что командующий тихоокеанским флотом США адмирал Киммел и командующий Гавайским военным округом генерал У. Шорт, нарушив свой долг и исходя из ошибочных рассуждений, содействовали успеху японского нападения. После одобрения отчета Рузвельтом секретарь Белого дома Ирл сообщил, что Киммел и Шорт предстанут перед судом военного трибунала. 28 февраля 1942 г. была объявлена отставка Шорта и Киммела. Но до суда дело не дошло.

В конгрессе США сенаторы Уолш, Дж. Най, Р. Лафоллет и другие отмечали, что отчет Робертса их не удовлетворяет, что этот отчет не дает ответа на интересующие их вопросы, что неправильно превращать Киммела и Шорта в козлов отпущения, что за пирлхарборскую катастрофу должен нести ответственность главнокомандующий вооруженными силами — президент США.

В июне 1944 г. военное и морское министерства в соответствии с поручением конгресса приступили к обследованию событий, происшедших 7 декабря 1941 г. в Пирл-Харборе. Их отчет, совпавший в основном с картиной, обрисованной комиссией Робертса, был опубликован 29 августа 1945 г. Более 400 страниц заполнены любопытными показаниями руководителей американских вооруженных сил. В некотором отношении американцам действительно не повезло. Это был тот редкий случай, когда все линкоры тихоокеанского флота США, кроме одного, 7 декабря 1941 г. оказались сосредоточенными в Пирл-Харборе. Два линкора должны были раньше уйти к острову Уэйк, но по техническим причинам задержались. Командующий тихоокеанским флотом США Киммел получил своевременно приказы рассредоточить флот, но эти приказы не были выполнены⁵⁶.

Помощник начальника штаба армии США по делам разведки генерал Майлс в своих показаниях сообщил, что 24 ноября 1941 г. американцы перехватили документ, свидетельствующий о неизбежном нападении на Пирл-Харбор, но этот документ почему-то расшифровали и перевели не сразу, а лишь после 7 декабря.

Наконец, американцы прозевали последнюю возможность. Накануне нападения на Пирл-Харбор, во второй половине дня 6 декабря, военная разведка перехватила длинную телеграмму из Токио японскому послу в Вашингтоне. Первые тринадцать частей этой телеграммы были расшифрованы и доложены президенту США в 21 час 30 минут. Хотя эти части не содержали, по выражению Маршалла, «критического момента» (в них лишь повторялись обвинения, выдвинутые ранее Японией против США), Рузвельт, ознакомившись с ними, сказал Гопкинсу: «Это война». Роковая угроза содержалась в нерасшифрованной четырнадцатой части телеграммы, закончившейся общим выводом: «Японское правительство,

сожалея, настоящим извещает правительство США, что в связи с позицией американского правительства оно вынуждено считать невозможным достигнуть соглашения посредством дальнейших переговоров»⁵⁷. Вместе с последней частью этой телеграммы 7 декабря утром, в девятом часу, было расшифровано предписание, данное Курусу и Номура, — вручить полный текст телеграммы в виде меморандума правительству США 7 декабря в 13 часов по местному времени.

Отсюда стало ясно, что 7 декабря в 13 часов по вашингтонскому времени произойдут события, о которых Того сообщил Номура 22 ноября. Когда в Вашингтоне 13 часов, то в Пирл-Харборе — 7 часов 30 минут. Еще было время предупредить командование вооруженных сил США на Гавайях.

Майлс, получив расшифрованную телеграмму, которая давала ясно понять, что в этот день в 13 часов по вашингтонскому времени следует ожидать нападения Японии, тут же начал искать начальника штаба американской армии генерала Джорджа Маршалла. Маршалл в это время совершал утреннюю прогулку верхом. Только в 11 часов 30 минут удалось созвать в штабе армии США военный совет, на котором Маршалл распорядился немедленно послать предупреждения всем командующим военными силами заморских баз США.

Командующий Гавайским военным округом генерал Шорт получил это предупреждение за 22 минуты до взрыва первой японской бомбы в Пирл-Харборе, а расшифровано оно было через 2 часа после окончания нападения.

У Маршалла в кабинете был телефон, по которому он всегда мог непосредственно связываться с Гавайями. В своих показаниях Маршалл объяснил, что он не пользовался телефоном, так как боялся подслушивания со стороны японцев⁵⁸. В Вашингтоне так тщательно охраняли от японцев тайну владения их кодом, что осенью 1941 г. Маршалл распорядился, чтобы расшифрованные японские телеграммы не сообщались заморским базам США⁵⁹. Начальник морского штаба США адмирал Х. Старк получил японскую телеграмму 7 декабря в 9 часов 14 минут. Несмотря на настоящие начальника морской разведки адмирала Уилкинсона на немедленном сообщении командованию тихоокеанского флота о тревожном положении, Старк не предпринимал соответствующих мер, заявив, что командование на Гавайях, как и на других отдаленных военно-морских базах, уже достаточно предупреждено.

Адмирал Киммел был осведомлен лучше, чем генерал Шорт. Он ожидал нападения японцев. Но он совершенно исключал возможность внезапного нападения с воздуха на Пирл-Харбор, расположенный далеко от японских баз. Он ожидал нападения подводных лодок и отдал приказ топить японские подводные лодки, замеченные в гавайских водах. За час до начала бомбардировки Пирл-Харбора американцы потопили там японскую подводную лодку. Командование тихоокеанского флота США считало, что меры против внезапной торпедной атаки приняты.

За 40 минут до нападения первой бомбы на Пирл-Харбор, в 7 часов 15 минут по гавайскому времени, когда эскадрилья японских бомбардировщиков в сопровождении истребителей находилась в воздухе и приближалась к цели, радарная установка на Гавайях сообщила о движении с севера большого числа самолетов. Сообщение было оставлено без

⁵⁷ «Current History», January 1942, p. 410.

⁵⁸ «Current History», October 1945, p. 349; February 1946, p. 130—131.

⁵⁹ «Current History», February 1946, p. 128.

⁵⁶ «Current History», February 1946, p. 132.

внимания, так как в это время ожидали прилета из Калифорнии большой партии самолетов «Боинг-17». «Боинги» действительно прибыли во время японского налета. Многие из них были уничтожены японцами⁶⁰.

Следует также отметить, что успех японцев, по утверждению указанного отчета, был в большой мере обеспечен особыми торпедами, о существовании которых в Соединенных Штатах не знали. Но из этого, как и из других официальных отчетов, видно, что еще задолго до 7 декабря 1941 г. в США знали о готовящемся нападении на Пирл-Харбор.

24 января 1941 г. морской министр США в письме военному министру, основываясь на донесениях 14-го военно-морского округа, указал, что в случае вооруженного конфликта с Японией военные действия, вероятно, начнутся внезапным нападением на морскую базу в Пирл-Харборе⁶¹.

27 января американский посол в Токио Дж. Грю сообщил государственному департаменту, что из многих источников, включая один японский, он узнал, что японцы готовят массированное внезапное нападение на Пирл-Харбор в случае конфликта с Америкой. Но сам Грю, как и американская разведка, признал сведения этих источников не внушающими доверия, фантастическими. 19 июля 1941 г. американцы расшифровали документ, в котором было указано, что Япония решила воевать с США⁶². Телеграммы такого содержания также были расшифрованы за 8—10 дней до нападения на Пирл-Харбор⁶³.

Адмирал Старк в своих показаниях утверждал, что за последние месяцы 1941 г. адмирал Киммел получил от него 11 «специальных предупреждений». Предупреждение от 27 ноября начиналось так: «Эту телеграмму следует рассматривать как предупреждение о войне»⁶⁴. В добавление ко всему этому Киммел получил своевременно, еще до нападения на Пирл-Харбор, сообщение морского министерства США о том, что японцы в Вашингтоне, Лондоне, Гонконге, Батавии, Сингапуре и Маниле 3 декабря сожгли свои коды⁶⁵.

Однако почти за год до официального опубликования итогов расследования, произведенного военным и морским министерствами, стало известно, что в этих министерствах решили: нет основания для обвинений, выдвинутых против Киммела и Шорта. Но еще до этого, 26 августа 1944 г., официальный кандидат в вице-президенты США Г. Трумэн опубликовал статью в журнале «Кольерс», в которой он обвинял Киммела и Шорта в прямой их ответственности за катастрофу, постигшую флот США 7 декабря 1941 г.

Киммел прервал длительное молчание. Публично возражая Трумэну, он утверждал: «Действительная история нападения на Пирл-Харбор и событий, предшествовавших ему, никогда не была открыто рассказана... Отчет Робертса, на который вы полагаетесь, не содержит основной правды о пирлхарборской катастрофе»^{65а}.

Республиканцы пытались использовать полемику между Трумэном и Киммелом в происходившей тогда президентской кампании. Их надежды не оправдались. Авторитет Рузвельта после открытия второго фронта

во Франции и успехов в тихоокеанской войне был очень велик. В ноябре 1944 г. его избрали четвертый раз в президенты примерно таким же большинством, как в 1940 г., когда он баллотировался на третий срок. На выборах в конгресс в ноябре того же года демократы даже увеличили число своих мест на Капитолии. Через несколько дней после капитуляции Японии, в сентябре 1945 г., когда Рузвельта уже не было в живых, конгресс решил создать свою комиссию для всестороннего расследования всего того, что привело к Пирл-Харбору.

Объединенная комиссия конгресса состояла из десяти человек, по пяти от каждой палаты. Шесть членов комиссии, включая председателя и его заместителя, были демократами, а четыре — республиканцами.

70 дней комиссия слушала показания на открытых заседаниях. Показания и приложенные к ним документы были опубликованы в октябре 1946 г. в 39 томах, содержащих около 10 млн. слов. Основные сведения и заключения были представлены конгрессу в одном томе раньше, 20 июля 1946 г.

В комиссии обнаружились существенные разногласия. Два сенатора-республиканца опубликовали отдельно свой отчет как мнение меньшинства. Отчет большинства подтвердил выводы комиссии Робертса. В нем были признаны неправильными показания, обвиняющие президента Рузвельта, государственного секретаря, военного и морского министров в том, что они «хитростью, провокацией, подстрекательством склонили или принудили Японию к нападению с тем, чтобы легче было добиться объявления войны конгрессом».

Отчет меньшинства возлагает ответственность за пирлхарборскую катастрофу на правительство США, на высшее командование армии и флота в Вашингтоне и на Гавайях и прежде всего на президента Рузвельта.

Несколько основательны обвинения, выдвинутые меньшинством комиссии конгресса против Рузвельта и членов его военного кабинета, трудно судить. К тому времени Рузвельта уже не было в живых. Еще раньше умер морской министр Нокс, умер также осведомленный Гопкинс — ближайший друг президента, а бывший военный министр Стимсон был сильно болен. Факт таков, что ни Рузвельт, ни любой другой президент США не мог согласиться с господством Японии в Китае, а без такого согласия в тех условиях вряд ли мыслимо было сохранить мир на Тихом океане.

Многословные и многотомные отчеты о Пирл-Харборе относятся к тем материалам, при изучении которых возникают все новые и новые вопросы, ответы на которые отсутствуют.

Конечно, если Рузвельт считал войну на Тихом океане неизбежной, он в силу его отношений с конгрессом желал, чтобы нападающей стороной была Япония. Но для этого не требовалось жертвовать тихоокеанским флотом. Для Рузвельта было бы лучше и приятнее, если бы американцы встретили нападение на Гавайи во всеоружии, как они встретили в июне 1942 г. нападение на Мидуэй. Даже в резко антирузвельтском отчете меньшинства комиссии конгресса нет определенных доказательств, подтверждающих, что Рузвельт и его ближайшие высокопоставленные сотрудники знали о готовившемся нападении на Пирл-Харбор.

Спустя четверть века после нападения на Пирл-Харбор 84-летний адмирал в отставке Киммел заявил в данном им интервью: «Они сделали меня козлом отпущения. Они хотели вовлечь Соединенные Штаты в войну». Когда его спросили, кто это «они», он сказал: «Это президент Рузвельт, генерал Джордж Маршалл и другие в верховном

⁶⁰ «Current History», October 1945, p. 347, 349.

⁶¹ Ibid., p. 344.

⁶² «Current History», October 1945, p. 354; February 1946, p. 127; Wohlstetter R. Pearl Harbour and Decision. Stanford, 1963, p. 368; Grew J. Turbulent Era, v. 2, p. 1283.

⁶³ Theobald R. The Fine Secret of Pearl Harbour, p. 196.

⁶⁴ «Current History», February 1946, p. 132.

⁶⁵ Ibid., p. 129.

^{65а} Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. New Haven, 1948, p. 292—293.

командовании в Вашингтоне. Рузвельт был архитектором всего этого дела...» Киммел предсказывал, что в будущем «все это гнусное дело» («the Whole Rotten mess») будет разоблачено⁶⁶. Но Киммел, как и отчет меньшинства, не смог, как признает сам Киммел, привести безусловные доказательства, подтверждающие обвинение, выдвинутое против Рузвельта.

При суждении об отчете меньшинства нельзя забывать и об узкопартийных соображениях, которые в политической жизни США играют существенную роль.

Многочисленные факты свидетельствовали о неизбежности японо-американской войны. Никто не сомневался в том, что эта война начнется без объявления, внезапным нападением со стороны Японии. Некоторые факты определенно указывали, что это нападение совершится на Пирл-Харбор. Помимо фактов сама логика подсказывала, что японцы постараются использовать внезапность для получения максимальных результатов, для нанесения наиболее эффективного удара по морскому могуществу США в Тихом океане, а это могло быть достигнуто лишь при удачном нападении на Пирл-Харбор. Это впоследствии подтвердил начальник штаба объединенного флота Японии вице-адмирал Фукудومي, готовивший в свое время операцию против Пирл-Харбора⁶⁷. Кроме того, здравый смысл, как утверждали в комиссии конгресса, подсказывал, что японцы не будут осуществлять своего продвижения на юго-восток, оставляя у Гавайев мощный американский флот, способный бить по их левому флангу и угрожать их жизненным путям. Однако в Вашингтоне рассуждали тогда совершенно по-иному.

В стратегии, как и политике, недостаточно знания фактов. Гораздо важнее их толкование, логическое заключение, которое делается на основе разнообразных, зачастую противоречивых и вводящих в заблуждение донесений. Трудность вопроса увеличивается в связи с тем, что стратегия переплетается с политикой и, как правило, подчиняется политике.

В Вашингтоне недооценили военную силу Японии, ударную силу ее авиации, но переоценили политическую проициательность государственных деятелей Японии.

Государственный секретарь Хэлл в своих показаниях утверждал, что ни государственный департамент, ни военное, ни морское министерство США не считали, что Япония нападет на Пирл-Харбор⁶⁸. Киммел на объединенной комиссии конгресса 15 января 1946 г. сообщил, что руководство военно-морскими силами США считало нападение вражеской авиации на Пирл-Харбор практически маловероятным⁶⁹. А военный министр Стимсон, говоря о настроениях в Вашингтоне в первых числах декабря 1941 г., утверждал: «Еще считалось невероятным, чтобы японцы совершили следующий шаг открытым нападением на Соединенные Штаты. Еще даже менее вероятным казалось, что такое нападение будет направлено против флота Соединенных Штатов у Гавайев»⁷⁰.

В докладе президенту США 27 ноября 1941 г., составленном Маршаллом и Старком на основе важнейших донесений разведки, ни слова не было об угрозе району Гавайских островов⁷¹.

В заключении упомянутого отчета отмечается, что за 12 дней до нападения на Пирл-Харбор военное министерство США было уверено, что война с Японией неизбежна, что военные действия начнутся в юго-западной части Тихого океана, но никто в этом министерстве не верил, что Гавайи находятся в непосредственной опасности⁷². В Вашингтоне преобладало мнение, что японцы не пойдут на такую рискованную операцию, как нападение на Пирл-Харбор.

Если бы американцы ожидали такое нападение, то они, вероятно, попытались бы уничтожить японские авианосцы у Гавайев, как спустя полгода они уничтожили их у Мидуэя. Без авианосцев японский флот сразу лишился бы наступательной силы в тихоокеанских просторах. Политически нападение Японии на Пирл-Харбор расценивали в Вашингтоне и в Лондоне как акт самоубийства, несовместимый-де с разумом, с представлением о благоразумии государственных деятелей Японии⁷³.

В самом деле, Черчилль заявил, что Англия будет воевать с Японией, если Япония будет воевать с США. Рузвельт же официального обязательства о том, что в случае нападения Японии на Англию США выступят против Японии, не дал и дать не мог, хотя утверждают, что частным образом такое заверение он дал Черчиллю в августе 1941 г. Другими словами, нападение Японии на американские владения означало безусловную войну и с США, и с Англией, а нападение на британские владения не означало обязательно войну с Америкой. В Вашингтоне, как и в Лондоне, далеко не были уверены в позиции конгресса США: согласится ли он объявить войну Японии, если она нападет на британские или голландские владения на Дальнем Востоке? Действительно, конгресс не объявил войны гитлеровской Германии после захвата Голландии. Почему же он должен был втянуть США в войну за колониальные владения Голландии?⁷⁴

Кроме того, правительство США, как и английское правительство, считало, что союзник Японии — Германия, решившая всеми доступными ей средствами удерживать Соединенные Штаты от вступления в войну, окажет свое воздействие на Токио. Поэтому Рузвельт предполагал, что следует ожидать нападения Японии на Голландскую Ост-Индию, Сингапур, Таиланд, но не на Гавайи или Филиппины⁷⁵.

⁷² «Current History», October 1945, p. 376. Стимсон в своих показаниях в комиссии конгресса констатировал: «Движение сил флота, атаковавших Пирл-Харбор, оставалось для нас совершенно неизвестным» (Что произошло в Пирл-Харборе..., с. 159).

⁷³ Правда, за месяц до начала тихоокеанской войны, 3 ноября 1941 г., американский посол в Токио Грю в донесении Хэллу предупреждал, что экономическими санкциями нельзя будет вынудить Японию к политическим уступкам, что «японцы способны пойти на риск национального характера, броситься в «самоубийственную войну с Соединенными Штатами». «В то время, когда наше здравомыслие не может быть оценено американскими нормами логики» (Goebel D. Op. cit., p. 306).

⁷⁴ Черчилль писал: «Казалось невозможным, чтобы Япония могла пойти на то, чтобы навлечь на себя бедствия, связанные с войной против Великобритании и Соединенных Штатов и, вероятно, в конце концов, — против России... Мы знаем, что все выдающиеся американцы, окружавшие Рузвельта и пользовавшиеся его доверием, испытывали так же сильно, как и я, ужасное опасение, что Япония нападет на британские и голландские владения на Дальнем Востоке и тщательно будет избегать владений США, и в результате конгресс не санкционирует объявление войны Америкой» (Churchill W. The Second World War, v. 3, p. 535, 536). Вместе с тем 27 января 1942 г. Черчилль сообщил в палате общин, что в августе 1941 г. он обсуждал с Рузвельтом вероятность японо-американской войны, даже если Япония не нападет на США (Vanderberg A. Private Papers. Boston, 1952, p. 27).

⁷⁵ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins, p. 423.

⁶⁶ «U. S. New and World Report», 19.XII 1966, p. 20.

⁶⁷ «U. S. News and World Report», 11. XII 1961, p. 66, 67.

⁶⁸ «Current History», February 1946, p. 128.

⁶⁹ Что произошло в Пирл-Харборе. Документы о нападении Японии на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 г. М., 1961, с. 52.

⁷⁰ Goebel D. American Foreign Policy. A Documentary Survey 1776—1960. N. Y., 1961, p. 310.

⁷¹ «Current History», February 1946, p. 128.

Япония со своей стороны всячески ориентировала Америку и Англию на то, что она собирается напасть на владения европейских государств в районе Южно-Китайского моря.

В то время как нападение на Пирл-Харбор готовилось в такой строжайшей тайне, что даже американцы, владевшие японским кодом, ничего не знали о движении эскадры под командованием адмирала Нагумо от Курильских островов к Гавайям⁷⁶, в Южно-Китайское море японские военные корабли отправлялись открыто. За день до нападения на Пирл-Харбор, 6 декабря 1941 г., Вашингтон был информирован британским адмиралтейством, что в 3 часа по местному времени вдоль южного индонезийского побережья прошли 2 японские эскадры в составе 8 крейсеров, 20 эсминцев и 35 транспортов, держа курс на запад⁷⁷.

Японцам в общем удалось ввести американцев в заблуждение, отвлечь их внимание от Гавайских островов⁷⁸.

Однако эскадры японского флота отправились на юго-запад не только для отвода глаз. Вслед за Пирл-Харбором японцы начали наступление на американские, английские и голландские владения в бассейне Южно-Китайского моря: на Филиппины, Гонконг, Малаккский полуостров и Индонезию. Одновременно с бомбардировкой Пирл-Харбора 7 декабря японцы высадили десант на Малаккском полуострове. Через три дня, 10 декабря, они высадились на Филиппинах. В этот же день они потопили к северо-востоку от Сингапура английский линкор «Принц Уэльский» и английский линейный крейсер «Рипалс».

Японский флот стал господствующей силой на необъятных просторах Тихого океана. Он получил свободный доступ в Индийский океан. Но на этом история тихоокеанской войны не кончалась, а только началась.

«Война на Тихом океане — составная часть мировой войны — явилась результатом обострения империалистических противоречий, вызванного усилением стремления японских правящих кругов к захвату колоний и установлению экономического и политического контроля над Китаем и другими странами этого района. Агрессия Японии была частью общего замысла завоевания государствами фашистско-милитаристского блока мирового господства.

Война началась мощным ударом японского авианосного соединения по кораблям тихоокеанского флота США в Пирл-Харборе, в результате которого американцы понесли тяжелые потери»⁷⁹.

Руководители пирлхарборской операции утверждали, что успех превозмошел все их ожидания. Однако эта операция была лишь тактическим временным успехом. Стратегически она оказалась провалом: успех, одержанный в Пирл-Харборе военщиной Японии, обернулся для нее большими потерями в людях, материальных ресурсах и в конечном счете — глобальным военным поражением.

Трагедия Пирл-Харбора способствовала разрешению трудной внутриполитической проблемы Вашингтона: разгром тихоокеанского флота стал разгромом и американской оппозиции войне. Сенат высказался единогласно за войну, а в палате представителей только один голос был

⁷⁶ «Current History», October 1945, p. 428.

⁷⁷ Sherwood R. Op. cit., p. 423.

⁷⁸ Отчет военного министерства США о событиях в Пирл-Харборе констатирует: «Соединенные Штаты в своих расчетах были совершенно сбиты с толку из-за непонимания духа военных и военно-морских кругов Японии» («Current History», Oktober 1945, p. 368).

⁷⁹ История второй мировой войны 1939—1945, 1975, т. 4, с. 382.

против — голос представителя штата Монтана Дж. Рэнкин, которая в 1917 г. тоже голосовала против войны.

Лидер изоляционистов в конгрессе сенатор Ванденберг писал: «Тот день (7 декабря.— В. Л.) покончил с изоляционизмом каждого реалиста»⁸⁰.

Война, которую японцы начали 7 декабря 1941 г., затянулась на 44 месяца и закончилась для них трагически. Государственные деятели Японии, завоевавшие репутацию проицательных и искушенных политиков, в прошлом ловко вводивших в заблуждение своих противников, сбившие с толку перед нападением на Пирл-Харбор американцев, в конечном итоге сами безнадежно просчитались.

В расчетах и действиях японцев была своя логика. Японцы знали силы и возможности США лучше, чем американцы знали силы Японии. Но в этом они просчитались.

Напомним две даты, относящиеся к тому периоду, когда в высших политических и военных сферах Японии все взвешивали, обдумывали, обсуждали, как лучше использовать исключительно благоприятные, неповторимые, как им казалось, возможности, предоставленные второй мировой войной⁸¹.

В середине июля 1941 г., когда меньше чем за месяц германские армии преодолели две трети расстояния от границы до Москвы, Япония решила воевать с Соединенными Штатами⁸². 5 ноября, когда бои шли под Москвой и в окрестностях Ленинграда, когда в Токио были абсолютно уверены, что война против СССР скоро закончится победой Гитлера, японцы приняли решение о нападении на Пирл-Харбор.

В Токио рассуждали так. После победы Германии над Советским Союзом и ликвидации Восточного фронта на земном шаре не останется силы, способной победить сухопутные армии Германии и ее союзников; освободившись на Востоке, Германия обрушит всю мощь своей военной машины с ее многочисленной авиацией против британских островов, которые вряд ли выдержат; в худшем для Японии и Германии случае, если британским и американским морским и воздушным силам удастся отстоять Англию, то эти силы, как бы они ни были мощны, способны лишь предохранить Англию и США от окончательного поражения, но они, полагали японцы, никак не способны победить Германию на континенте Европы и одновременно Японию на территории Восточной Азии. Конечно, японские стратеги понимали, что США и Англия не сдадутся, но считали, что без перспектив на победу они рано или поздно пойдут на соглашение с Германией и ее союзниками. В конце концов, Рузвельт (как полагали в Японии) не вечно же будет президентом США, а Черчилль — премьером Англии. В 1944 г. предстоят новые президентские выборы. При неблагоприятном, бесперспективном для Америки ходе войны Рузвельта в четвертый раз в президенты не выберут. А новому

⁸⁰ Vandenberg A. Op. cit., p. 1.

⁸¹ За 15 месяцев до нападения на Пирл-Харбор, 12 сентября 1940 г., американский посол в Токио Дж. Грю в донесении государственному секретарю Хэллу писал: «Каковы бы ни были намерения настоящего японского правительства, не может быть никакого сомнения, что армия и другие группы населения страны видят в создавшемся положении в мире «золотую возможность» эффективно осуществлять их мечты об экспансии; германские победы ударили им в голову, как крепкое вино» (Goebel D. Op. cit., p. 302). В 1941 г. на высочайшем совещании в Токио был одобрен план установления господства Японии над всей Азией, а также над Австралией и Филиппинами, даже если это приведет к войне с Соединенными Штатами («U. S. News and World Report», 12.XII 1966, p. 47).

⁸² «Current History», February 1946, p. 127.

президенту легче будет идти на переговоры с Германией и Японией. Без США Англия продолжать войну не будет⁸³. Таковы были рассуждения правящих верхов Японии.

Исходя из этих рассуждений, японское правительство решило, что настало благоприятное время для того, чтобы захватить богатейшие колониальные владения Англии, Франции, Голландии и Америки в бассейне Южно-Китайского моря и подчинить себе Китай.

Япония также рассчитывала на территориальные приобретения в СССР, но решила пока воздержаться от вооруженного конфликта с Советским Союзом, так как квантунская армия, не залечившая еще ран 1938 и 1939 гг., нанесенных ей Красной Армией, уступала по своей силе советским войскам на Дальнем Востоке. Уроки, полученные японцами в боях у озера Хасан и реки Холхин-Гол, не прошли для них даром. В Токио считали, что те советские земли, на которые Япония рассчитывает, она и так получит после предполагавшейся ими победы гитлеровской Германии над Советским Союзом⁸⁴.

В тех условиях, когда еще ничего не было известно об атомном оружии, рассуждения японцев были не так уж нелогичны⁸⁵. Тщательно все обдумывая, японцы учитывали разные возможности. Они опшиблись только в одном — в исходном положении своих расчетов. Премьер правительства генерал Тодзио и командующий морскими силами адмирал Ямамото исходили из того, что Германия, безусловно, победит в войне против Советского Союза. Судьба японских замыслов решилась на советско-германском фронте.

Когда японцы громили американский флот в Пирл-Харборе, они еще не знали о начале разгрома немецко-фашистской армии под Москвой. Через несколько дней они вряд ли предприняли бы такую рискованную, самоубийственную операцию.

Начав войну против Соединенных Штатов Америки, Япония втянула в эту войну своих западноевропейских союзников: 11 декабря, четыре дня спустя после нападения Японии на Пирл-Харбор, обе палаты конгресса США единогласно одобрили резолюцию о состоянии войны с

⁸³ Контакты, имевшие место между немцами и англичанами после нападения Гитлера на СССР, подкрепляли приведенные рассуждения японцев. 10 июля 1941 г. германский поверенный в делах в Вашингтоне Томпсон сообщил английскому послу в США Галифаксу через посредника, что после победы в СССР Гитлер предложит англичанам почетный мир, по которому сохранится Британская империя, но Англия не должна будет мешать Гитлеру свободно действовать на Востоке, не должна будет мешать ему создать под своим главенством Соединенные Штаты Европы. Эти планы мирных предложений немцев, рассчитанные на передышку, с тем чтобы, используя ресурсы всей континентальной Европы, лучше подготовиться к нанесению решающего удара по Англии и по Америке, вызвали беспокойство в кругах Белого дома, где опасались, что мирные предложения Германии усилят антивоенные настроения в Америке и смогут привести к свержению Черчилля в Англии и замене его премьером, способным прийти к соглашению с Гитлером (*Ickes H. Secret Diary*, v. 3, p. 573—574).

⁸⁴ 2 июля 1941 г. на совещании в Токио в присутствии императора была принята программа действий правительства, гласившая, что Япония, осуществляя свои планы, не остановится «перед возможностью быть втянутой в войну с Англией и Соединенными Штатами». По вопросу об отношении Японии к войне между Германией и СССР было решено: «Наша позиция будет базироваться на положениях тройственного пакта. Мы не вступим в войну в течение некоторого времени, но будем настойчиво осуществлять военные приготовления против Советов и при этом окончательное решение самостоятельно» (Что произошло в Пирл-Харборе, с. 272).

⁸⁵ До апреля 1945 г. сами американцы не были уверены, что произведенные ими колоссальные расходы действительно приведут к созданию атомного оружия (*Vulnes J. All in One Lifetime*. N. Y., 1958, p. 248).

Германией и Италией. В результате образовалась англо-советско-американская коалиция в войне против Германии и ее союзников в Европе.

Американский нейтралитет закончился на практике войной США на Атлантическом и Тихом океанах, в Европе и Азии.

Вступление США в войну, совпавшее с тяжелым и зловещим для гитлеровских армий поражением под Москвой в декабре 1941 г., сильно ударило по фашистской Германии морально. Поражение под Москвой — первое поражение немцев во второй мировой войне — разбило миф о непобедимости гитлеровской армии. Провозглашенный блицкриг против Советского Союза явно провалился. Немецкие армии на Востоке оказались перед перспективой затяжной, изнурительной войны на фронте протяжением более 3 тыс. км. В это же время Германия вступила в войну с Америкой, с ее нетронутыми людскими и колоссальными материальными ресурсами.

Немецкое командование понимало, что Америку Германия победить не сможет. Если Гитлер не рискнул форсировать Ла-Манш после Дюнкерка и капитуляции Франции, когда Англия в войне с Германией была одинока и на суше безоружна, то как смог бы он одолеть Атлантический океан в условиях, когда Америка воюет против Германии в союзе с СССР и Англией? Перед вермахтом вырисовывалась мрачная перспектива войны на двух фронтах — такой вариант войны, которого Бисмарк всегда так боялся, которого он всегда так искусно избегал, вариант войны, который на словах отвергал сам Гитлер. Как только Америка вступила в войну, военное министерство США задержало отправку всех грузов по ленд-лизу. И вообще ленд-лиз, составлявший всего несколько процентов тех огромных средств, которые СССР тратил на войну, крупного значения на советско-германском фронте не имел, а в исторических битвах, решавших судьбу советско-германской войны, в сражениях под Москвой и Сталинградом, ленд-лиз не имел никакого значения. До официального распространения закона о ленд-лизе на СССР, до 7 ноября 1941 г., в Советский Союз поступило снаряжения из США всего на 41 млн. долл., которые были уплачены наличными⁸⁶. Бывший президент США Гувер признал, что советская армия «остановила немцев даже до того, как ленд-лиз дошел до нее»⁸⁷.

После вступления США в войну Германия, видя опасность своего положения в войне с англо-советско-американской коалицией, должна была торопиться еще больше активизировать войну на Востоке. Президент Рузвельт имел полное основание заявить в конгрессе США 7 января 1943 г.: «...державы оси понимали, что они должны либо выиграть войну в 1942 г., либо в конечном итоге все потерять»⁸⁸. В этих условиях Германия, максимально используя свою военную машину и ресурсы всей оккупированной Гитлером Европы и напрягая до крайних пределов все свои силы и силы своих союзников, стремилась вывести Советский Союз из строя до того, как США переведут свой производственный аппарат на военные рельсы, подготовят и перебросят армию через океан.

⁸⁶ «New York Times», 10.II 1951.

Всего СССР получил по ленд-лизу из США и Англии 10,8 тыс. танков, 9,6 тыс. орудий и 18,7 тыс. самолетов, что составляло соответственно 10,4; 2; 12% к общему числу вооружений, поставленных за годы войны Советской Армии. Из указанных стран в СССР также было доставлено более 400 тыс. автомобилей, паровозы, средства связи и горючее (*Жуков Г. К. Воспоминания и размышления*. М., 1969, с. 722, 723).

⁸⁷ «Congressional Record», 7.I 1943, p. 45.

⁸⁸ «New York Times», 10.II 1951.

А тем временем советским армиям предстояло в 1942 г. одним в на-прикормных боях выдержать все тяготы войны, все огромное давление вооруженной мощи фашистской Германии и ее союзников.

Встал вопрос: как поведут себя союзники СССР — Англия и США? Воспользуются ли они тем, что вся германская военная машина, все силы и средства гитлеровского рейха направлены на Восток? Ударят ли Англия и США по Германии с запада, чтобы облегчить тяжелое положение сражавшихся за общее дело советских армий и ускорить окончание войны?

2. Проблема второго фронта

Сторонники и противники второго фронта в Америке. Обязательства открыть второй фронт в 1942 г. Политика и стратегия противников второго фронта. Возможности создания второго фронта в 1942 г. Позиция английского правительства. Рузвельт уступает Черчиллю. Первый фронт заставил решить проблему второго фронта

Проблема второго фронта, проблема создания против немцев англо-американского фронта на Западе, когда Гитлер сосредоточил свои силы на Востоке, приняла особо острый характер летом 1942 г., когда немецкие вооруженные силы, мобилизовав все доступные им резервы и ресурсы, предприняли крупное наступление на большом пространстве Восточного фронта, форсировали Дон, прорвались у Сталинграда к Волге, а на Северном Кавказе дошли до Моздока.

Как в Англии, так и в США существовали в это время сторонники и противники открытия второго фронта. Противники согласованных, взаимодействующих операций англо-американских и советских армий, оказания эффективной помощи Советскому Союзу мотивировали в Англии и в США свои позиции в разное время совершенно противоположными аргументами.

Раньше, до разгрома немецко-фашистских армий под Москвой, они утверждали, что нет смысла посылать в СССР оружие, военное снаряжение, сырье и продовольствие, так как сопротивление советских армий скоро будет ликвидировано и все американское добро, отправленное по ленд-лизу в СССР, достанется немцам. В оценке сил советских войск антисоветские, профашистские группы объединились в США, как об этом уже было сказано выше, вокруг комитета «Америка прежде всего».

После разгрома немецко-фашистских армий под Москвой, а вместе с этим после того, как расчеты и пророчества о скором поражении СССР, шумно прокламированные англо-американскими генералами, адмиралами и прочими военными и невоенными экспертами, рухнули, силы реакции и в Англии, и в США перестроились и стали выступать против оказания эффективной помощи Советскому Союзу уже с совершенно противоположных позиций. У СССР, рассуждали представители американской реакции, появляются шансы на победу. А победоносная Советская Россия их никак не устраивала.

Так, еще в самом начале войны, 25 июня 1941 г., лидер республиканцев в сенате Роберт Тафт в своем выступлении по радио доказывал, что победа Советской России хуже, чем победа фашистской Германии, что «победа коммунизма чревата несравненно большими опасностями для США, чем победа фашизма»⁸⁹. Единомышленники Тафта строили расче-

ты на ослаблении СССР. Поэтому они всячески боролись против открытия второго фронта.

23 июня 1941 г. сенатор Г. Трумэн (ставший в апреле 1945 г. президентом США) заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше»⁹⁰.

Это известное, напумовшее впоследствии «изречение» Трумэна было не личным мнением сенатора от штата Миссури: он только громко высказал мысль, распространенную тогда в капиталистических кругах и в кулуарах сената США. В октябре 1941 г. Гопкинс писал Черчиллю: «Здесь еще имеется поразительно много людей, которые не хотят помогать России и которые, как кажется, не в состоянии вбить в свои тупые головы стратегическую важность того фронта»⁹¹.

Нельзя сказать, что Трумэн и те круги, которые он представлял в Америке, не понимали стратегическое значение советского фронта, но проблема второго фронта сразу же стала особой проблемой в политической стратегии руководящих кругов Англии и США. Когда летом 1942 г. Трумэну казалось, что германское наступление скоро сломит сопротивление советских армий, он предложил опубликовать в органе конгресса редакционную статью газеты «Сент-Луис стар таймс», озаглавленную призывом: «Второй фронт сейчас или никогда»⁹². Рекомендую эту статью, Трумэн заявил в сенате, что она очень правильно выражает позицию и мысли населения среднезападных штатов по данному вопросу. Ликвидация советского фронта, признал Трумэн, чревата большими потерями и опасностями для Америки.

Сенатор Трумэн, допуская возможность победы Гитлера, рассуждал так, как рассуждали японские милитаристы, нападая на Пирл-Харбор, как рассуждали гитлеровцы, вторгаясь в глубь СССР. В предложенной Трумэном статье говорилось: «С выходом России из войны никакая сила не сможет удержать Германию и Японию... Мы должны поэтому открыть второй фронт для того, чтобы сохранить первый фронт... Важная, непреложная истина такова, что даже второй Дюнкерк — небольшая цена за еще одну зиму, которую Россия будет воевать...»⁹³

Другие реакционеры (в частности, организаторы комитета «Америка прежде всего»), наоборот, активно выступали против открытия второго фронта.

После нападения Японии на Пирл-Харбор и объявления Гитлером и Муссолини войны против США комитет «Америка прежде всего», объявил себя формально распущенным, декларируя: «Время дискуссий прошло: сейчас мы воюем». Фактически же руководители комитета, перестраиваясь, продолжали орудовать во вред англо-советско-американской коалиции, во вред американскому народу. В начале 1942 г., после поражения Гитлера под Москвой, они начали утверждать, что Германия не угроза, что Америке угрожает только «желтая опасность». В прямую угову Гитлеру они сменили лозунг «Америка прежде всего» на лозунг «Тихий океан прежде всего», настаивая на том, что США не должны воевать с Германией: им надо ограничиться ведением «сепаратной войны» с Японией.

⁸⁹ «New York Times», 24.VI 1941.

⁹¹ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins, p. 394.

⁹² «Congressional Record», 23.VII 1942, p. A3133—A3134.

⁹³ Ibidem.

В различных реакционных группах США не было единого мнения о втором фронте. Но вся американская реакция одинаково выступала против открытия этого фронта тогда, когда она была уверена, что советские войска выдержат напряжение.

30 мая 1942 г. на совещании в Белом доме начальник штаба американской армии генерал Маршалл утверждал, что США имеют все для успешного развертывания военных действий в Европе: подготовленные контингенты войск, бронетанковые дивизии и военное снаряжение. Трудность вызывает морской транспорт, но и эта трудность, по мысли Маршалла, одолжима. На этом же совещании президент Рузвельт поручил информировать Советское правительство, что США предполагают создать второй фронт в 1942 г.⁹⁴

В известном советско-американском коммюнике, опубликованном 11 июня 1942 г., правительство США взяло на себя обязательство открыть второй фронт в Европе в 1942 г. Английское правительство взяло на себя аналогичное обязательство, опубликованное тогда же в англо-советском коммюнике.

С тех пор вопрос о втором фронте стал предметом внутренней борьбы в Америке. Руководители крупного капитала, представители наиболее влиятельных капиталистических организаций — Торговой палаты США, Национальной ассоциации промышленников, Национальной ассоциации банкиров и др., а также консервативные лидеры обеих партий (особенно республиканской) и реакционная печать прямо или замаскированно, но настойчиво выступали против открытия второго фронта.

В то же время, как мы видели, даже такой сугубо антисоветски настроенный политический деятель, как Трумэн, подтвердил в июле 1942 г. в сенате, что население среднезападных штатов, считавшихся оплотом изоляционизма, высказывается за немедленное открытие второго фронта. В августе 1942 г. сенатор Дэвис от штата Пенсильвания, вернувшийся из поездки по сельскохозяйственным районам своего штата, также подтвердил, что народ высказывается за открытие второго фронта⁹⁵. Активными поборниками открытия второго фронта в 1942 г. был сенатор Пейпер от штата Флорида, конгрессмен Голланд от штата Пенсильвания и др.

Энергичную кампанию за открытие второго фронта в 1942 г. развернули рабочие, организованные в производственные профсоюзы. В июле 1942 г. многие активные деятели КПП обратились к президенту США с требованием немедленно открыть второй фронт в Западной Европе. Объединенный союз рабочих автомобильной промышленности, насчитывавший тогда свыше 500 тыс. членов, призвал правительства США и Англии открыть второй фронт.

Среди лидеров обеих крупных партий были слышны высказывания в поддержку, по крайней мере в принципе, обещания президента США открыть второй фронт. В частности, кандидат в президенты от республиканской партии в 1940 г. Уиллки, будучи осенью 1942 г. в Москве, заявил, что необходимо торопиться с открытием второго фронта. «В следующее лето, — сказал он, — может быть слишком поздно»⁹⁶.

Вместе с тем лидер республиканцев сенатор Тафт рьяно боролся против открытия второго фронта не только в 1942 г., но и в 1943 г. В своей речи 12 октября 1942 г. он говорил, что «народ, естественно,

нетерпелив, но к ведению наступательных операций за океаном нужно готовиться два-три года»⁹⁷. Обещание президента США открыть второй фронт в 1942 г., если его рассматривать как государственное обязательство, как международное соглашение, заявил Тафт, подлежит ратификации сенатом, иначе оно не имеет силы, между тем как сенат соглашения об открытии второго фронта никогда не видел.

Сенатор Дэвис от штата Пенсильвания, несмотря на признание, что народ везде высказывается за открытие второго фронта, в своей речи в сенате заявил: «Мы не должны делать трагических ошибок под давлением общественного мнения»⁹⁸.

Сенаторы Дж. Дэвис, Р. Тафт, Б. Уиллер и их единомышленники в конгрессе, активно выступая в высшем законодательном органе США против общественного мнения населения представляемых ими в Вашингтоне штатов, пытались оправдаться тем, что вопрос о втором фронте — вопрос стратегический, а стратегические вопросы должны решать военные специалисты.

Говорят, что Ж. Клемансо однажды заявил: «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам». Противники второго фронта в конгрессе США, наоборот, настаивали на том, чтобы ведение войны всецело было доверено генералам и адмиралам, выставляя, таким образом, военных как ширму, как щит против напора общественного мнения. Щит оказался ненадежным, а аргументация противоречивой⁹⁹.

Аргументация противников второго фронта не основывалась ни на убедительных доводах, ни на неоспоримых фактах. Сама постановка вопроса, является ли открытие второго фронта мероприятием политическим или стратегическим, неправильна. Оно являлось мероприятием и стратегическим, и политическим. Но противники второго фронта, объединившие вокруг себя все антисоветское и все профашистское, что было в Америке, утверждая, что это вопрос чисто стратегический, создавали вместе с тем из этого вопроса запутанную внутривополитическую проблему.

Конгрессмен Дж. Голланд, пытаясь в какой-то мере раскрыть смысл дискуссии, развернувшейся в Америке вокруг обещания президента США открыть второй фронт в Европе в 1942 г., утверждал в своем выступлении: «В Америке еще находятся такие люди, которые настолько ненавидят Рузвельта, что теряют при этом разум. Для того чтобы нанести удар по Рузвельту, они готовы на все, вплоть до продажи своей страны Адольфу Гитлеру»¹⁰⁰. К этому следует добавить, что в капиталистиче-

⁹⁷ «Congressional Record», 7.I 1943, p. A31.

⁹⁸ «Congressional Record», 31.VIII 1942, p. 7237.

⁹⁹ Известный враг Советского Союза конгрессмен Дж. Рэнкин от штата Миссисипи, возражая в своем выступлении в палате представителей конгрессмену Э. Голланду, требовавшему создания второго фронта в Западной Европе, ссылаясь на генерала Р. Ли, командовавшего войсками южан во время гражданской войны в США. Ли заявил тогда, что он «не доверяет военным президентам и политическим генералам».

Дж. Рэнкин, заявив, что он не доверяет «военным конгрессменам» (как он называл сторонников второго фронта), предложил в вопросе о создании второго фронта полностью положиться на генералов и адмиралов («Congressional Record», 27.VII 1942, p. A31, 76).

То же самое твердил неугомонный проповедник изоляционизма сенатор Б. Уиллер от штата Монтана. «Самосохранение диктует нам и Англии, что мы не должны жертвовать напрасно полмилионом человек только потому, что мы глубоко восхищаемся храбрыми защитниками Сталинграда, — сказал он, выступая в сенате. — У нас нет иного выбора, кроме как оставить специалистам по этим вопросам решить, когда мы должны будем воевать на Европейском континенте» («Congressional Record», 2.X 1942, p. 7707).

¹⁰⁰ «Congressional Record», 3.IX 1942, p. A3209.

⁹⁴ Sherwood R. Op. cit., p. 563.

⁹⁵ «Congressional Record», 31.VIII 1942, p. 7237.

⁹⁶ «Current History», November 1942, p. 180.

ских кругах США было немало и таких людей, которые, как сенатор Тафт, предпочитали победу гитлеровской Германии победе Советской России¹⁰¹.

Противники открытия второго фронта продолжали твердить, что вооруженные силы США не готовы (интересно отметить, что даже после войны британский фельдмаршал Б. Монтгомери в речи, произнесенной им 15 мая 1959 г. в Оксфорде, осуждал план американского командования о вторжении во Францию через Ла-Манш в 1942 г.)^{101a}.

Конечно, с каждым годом силы Америки все более росли, а силы немцев уменьшались, истощались на советско-германском фронте, и с каждым годом открытие второго фронта требовало все меньше жертв со стороны США и Англии. Но вопрос стоял так: имели ли США вместе с Англией возможность создать и удержать осенью 1942 г. второй фронт в Западной Европе?

Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, не надо быть ни английским маршалом, ни американским сенатором.

США вступили во вторую мировую войну несравнимо более подготовленными, чем в первую мировую войну. К концу 1941 г. американцы имели армию в 1600 тыс. человек. В отличие от первой мировой войны США ввели обязательную воинскую повинность за 15 месяцев до официального вступления во вторую мировую войну. К осени 1942 г., когда в порядке дня стоял вопрос о втором фронте, в США уже два года существовала всеобщая обязательная воинская повинность. В 1942 г., согласно докладу президента Рузвельта конгрессу, численность вооруженных сил США дошла до 7 млн. человек¹⁰².

К этому времени была уже готова значительная армия в Англии. Еще в декабре 1940 г. Черчилль сообщил Рузвельту, что в Великобритании в самом спешном порядке формируются от 50 до 60 дивизий¹⁰³. Летом 1942 г. только в одной Англии находилось в вооруженных силах около 3 млн. человек¹⁰⁴.

К концу 1942 г. в вооруженных силах США и Великобритании числилось уже примерно столько людей, сколько в вооруженных силах Германии. Англия и Америка вместе обладали уже к этому времени более мощной, чем Германия, авиацией, а о морских силах и говорить не приходится. США вели войну на Тихом океане, но, как всякая морская война, она отвлекала сравнительно мало людей.

Около четырех пятых сухопутных сил и около двух третей воздушных сил Германии было приковано к Восточному фронту. На Западе Гитлер в ожидании второго фронта мог оставить только 30—40 дивизий, разбросанных вдоль всего побережья, расположенных в ряде стран среди враждебного населения, ждавшего с нетерпением высадки союзных войск, как показали события в Сен-Назере в июне 1942 г.¹⁰⁵

¹⁰¹ 27 июля 1942 г. журнал «Нью рипаблик» в статье, посвященной проблеме второго фронта, писал: «В высших кругах Англии и Америки имеются еще люди, которые считают коммунизм смертельным врагом... Эти люди заботятся о том, чтобы немцам и русским не мешали обескровить друг друга... В Америке эта линия проводится больше всего на страницах таких газет, как «Чикаго трибюн» и «Нью-Йорк дейли ньюс», а также их глашатаями в конгрессе».

^{101a} «U. S. News and World Report», 22.VI 1959, p. 79.

¹⁰² «Congressional Record», 7.I 1943, p. 47.

¹⁰³ Churchill W. The Second World War, v. 2, p. 495.

¹⁰⁴ «Current History», September 1942, p. 8.

¹⁰⁵ Население Сен-Назера восстало, когда ему показалось, что начинается вторжение союзных войск во Францию.

Как утверждал Черчилль, английская и американская дивизии по своей численности и по своей огневой силе превышали тогда в 1,5—2 раза немецкую дивизию¹⁰⁶. И даже более осторожный в оценке соотношения сил воюющих стран генерал Эйзенхауэр считал, что при господстве в воздухе две англо-американские дивизии могли на Европейском континенте противостоять трем немецким дивизиям.

В этих условиях, учитывая все сложности и все возможности, нетрудно увидеть, что Англия и США, имея абсолютное господство на море и превосходство в воздушных и сухопутных силах, были в состоянии еще до конца 1942 г. начать против немцев на континенте Европы наступательные операции, которые вынудили бы Германию перебросить 30—40 дивизий с Восточного фронта на запад. В результате советские войска получили бы такой перевес, который дал бы им возможность быстрее разгромить немецкие армии и закончить войну годом, а возможно, и двумя раньше.

Руководители вооруженных сил США и Великобритании не отрицали, что к концу 1942 г. англо-американские армии намного превосходили силы немцев в Западной Европе. Но все упиралось, говорили они, в морской транспорт: для создания фронта, способного устоять против немцев, необходимо высадить на континенте полумиллионную армию, для переброски такой армии необходим морской транспорт водоизмещением в 5 млн. т, а таким морским транспортом Англия и США, мол, тогда не располагали¹⁰⁷.

Хотя морской транспорт и был «узким местом» в общей подготовке англо-американских войск для ведения войны в Западной Европе, положение, однако, было далеко не безвыходным. Армия вторжения и нужные ей материальные средства могли быть заблаговременно сосредоточены в Англии. Господствуя на море и имея преобладание в воздухе, союзники могли в течение нескольких дней перебросить через Ла-Манш полумиллионную армию партиями. Первая партия, предназначенная для штурма береговых укреплений Ла-Манша, должна была состоять, как указывал Маршалл, из пяти дивизий — примерно 200 тыс. человек¹⁰⁸. Остальные партии могли иметь по 100 тыс. человек каждая. Для этого достаточно был морской транспорт в 1—2 млн. т, который Англия и США могли выделить для этой цели без особого напряжения. За один 1942 г. США построили транспортные корабли водоизмещением свыше 5 млн. т.

Весной 1943 г. союзники имели в районе Средиземного моря около 40 дивизий¹⁰⁹. За исключением трех французских дивизий, все остальные были доставлены туда морским путем, преимущественно из Англии и Америки. Если союзники могли иметь 40 дивизий в Африке, то тем легче они могли иметь такие же силы в Англии, откуда большинство тех дивизий отправлялось в район Средиземного моря. Девять американских дивизий, находившихся тогда в Северной Африке, могли быть во всяком случае переброшены с небольшим напряжением для морского транспорта в Англию.

Сказанного достаточно для того, чтобы видеть, что морской транспорт не вызывал неодолимых трудностей для создания второго фронта в Западной Европе в 1942 г. Кроме того, под прикрытием с воздуха можно

¹⁰⁶ Churchill W. The Second World War, v. 4, p. 670—671.

¹⁰⁷ «New Republic», 27.VII 1942, p. 102.

¹⁰⁸ Churchill W. The Second World War, v. 4, p. 732.

¹⁰⁹ Ibid., p. 734.

было после высадки первых десантов и создания плацдарма на континенте перебрасывать людей и материальные средства воздушным путем.

Высадка 19 августа 1942 г. одной дивизии союзных войск в сильно укрепленном районе у Дьеша показала, что десантные операции через Ла-Манш вполне под силу англо-американским войскам, что при высадке не одной, а пяти дивизий можно было захватить и удержать плацдарм, необходимый для выгрузки армий, предназначенных для успешного создания второго фронта и ведения наступательных операций в Западной Европе.

Сенатор Пеппер, выступая в июле 1942 г. в поддержку президента Рузвельта за немедленное открытие второго фронта, заявил: «Критический момент призывает к действиям без колебаний. Наша стратегия, наша тактика должны идти на риск, на большой опасный риск. Но не рисковать еще более опасно для дела и для страны, которую мы любим»¹¹⁰.

Американцы, выступавшие в 1942 г. за немедленное открытие второго фронта, руководствовались различными соображениями. Одни опасались, что гитлеровские армии сломят сопротивление советских войск. Другие настаивали на том, чтобы занять Центральную Европу и Балканы до того, как туда подойдут советские армии. Но, как бы то ни было, в правящих кругах США влиятельное меньшинство, к которому примыкал и сам президент Рузвельт, — хотя и недостаточно энергично и не до конца последовательно, выступало за открытие второго фронта во Франции в 1942 г.

В то время как в США разворачивалась борьба вокруг вопроса о создании второго фронта в Западной Европе, американские инициаторы плана этого фронта наткнулись на упорное сопротивление в Англии.

1 апреля 1942 г. на совещании в Белом доме Рузвельт одобрил план вторжения во Францию и поручил Гопкинсу и Маршаллу отправиться в Лондон для того, чтобы ознакомить с этим планом Черчилля и руководителей вооруженных сил Великобритании.

План, представленный Рузвельту Маршаллом, был детально разработан в управлении планирования военных операций, начальником которого был тогда Д. Эйзенхауэр. Этот план предусматривал высадку армии на французском побережье в самом узком месте Ла-Манша, к северу от Сены, с расширением района десантных операций дальше на север — на побережье Бельгии. В этом месте англо-американская авиация имела возможность господствовать в воздухе, что вместе с господством на море обеспечило бы успех десантных операций, бесперебойное пополнение и снабжение действующих на континенте войск.

Эйзенхауэр, защищая разработанный им план, выдвигал следующие аргументы: «Так как безопасность коммуникаций в Англии необходимо обеспечивать в любом случае, операции в Западной Европе не потребуют дальнейшего распыления оборонительных воздушных и морских сил; используя кратчайший морской путь, США могли бы обеспечивать большую армию с наименьшим тоннажем; своевременное сосредоточение авиации и наземных войск в Великобритании явилось бы достаточной угрозой для Германии и помешало бы ей использовать все силы против СССР; наступление через Ла-Манш давало возможность самым коротким наземным путем приблизиться к промышленным центрам Германии; в Англии уже имелись аэродромы, с которых авиация союзников могла проводить операции с целью завоевания господства в воздухе, необходи-

мого для успешной высадки десанта; можно использовать значительную часть английских войск, не ослабляя обороны страны»¹¹¹.

Армия вторжения была предусмотрена в составе 48 дивизий, из них девять бронетанковых. Англия должна была выделить 18 дивизий, из них 3 бронетанковые. Армию должны были сопровождать 5800 боевых самолетов, из них 2550 английских.

8 апреля 1942 г. Гопкинс и Маршалл прибыли в Лондон, где они около десяти дней вели переговоры с руководителями правительства и вооруженных сил Великобритании. 14 апреля они присутствовали на заседании Британского комитета обороны, посвященном обсуждению американского плана вторжения во Францию.

Черчилль, открыв заседание, похвалил американский план, сказав, что «концепция, лежащая в его основе, — именно концентрация сил против главного врага — соответствует классическим принципам ведения войны»¹¹². Но, сказал он, должна быть сделана общая оговорка: защита Индии и Среднего Востока очень важна; существует опасность соединения вооруженных сил Японии и Германии в Индийском океане, захвата немцами нефтеносных земель в районе Персидского залива и закрытия пути через Иран в СССР. Следовательно, подвел итог Черчилль, нельзя бросить все силы в Северную Францию, надо уделить большое внимание защите Индии и Египта, борьбе против армии Роммеля в Африке.

Таким образом, Черчилль, хотя в принципе формально не возражал против американского плана вторжения во Францию, фактически сделал все для того, чтобы этот план не был реализован.

Раньше предполагалось осуществить вторжение большими силами во Францию весной 1943 г., а десантные операции меньшего масштаба начать там в сентябре 1942 г., если к этому времени положение советских войск резко ухудшится. Маршалл предложил захватить осенью 1942 г. Брест и Шербур или один из этих портов.

Черчилль же настаивал на перенесении срока вторжения во Францию на осень 1943 г., а в 1942 г. ограничиться высадкой в Африке.

Черчилль сам не верил, что существует опасность соединения вооруженных сил Германии и Японии. В июне 1942 г. через два месяца после поражения японцев у Мидуэя, никто об этом серьезно не думал. Во всяком случае, до каких бы пределов немцы ни дошли, они сразу были бы вынуждены вернуться оттуда при появлении советских войск на Одере, а англо-американских войск — на Рейне. Это было ясно каждому. Дело было не в опасности соединения германских и японских войск, а в другом: Черчилль считал, что, поскольку советские армии выдерживают бремя войны с гитлеровской Германией и ее союзниками в Европе, незачем торопиться с вторжением во Францию. «Чем больше ждем, — поговаривал английский премьер, — тем горячее будет вода»¹¹³.

Хотя вторая мировая война была более продолжительной и несравненно более опасной и тяжелой для Англии, чем первая мировая война, тем не менее во второй мировой войне в Британской империи насчитывалось в 2 раза меньше убитых и в 3 раза меньше раненых, чем в первой мировой войне.

Напрасно Гопкинс и Маршалл доказывали реальность американского плана, описывали его многообещающие перспективы, перспективы быст-

¹¹¹ *Metloфф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг., ИЛ, 1955, с. 211—212.

¹¹² *Churchill W.* The Second World War, v. 4, p. 283.

¹¹³ *Sherwood R.* Roosevelt and Hopkins, p. 540.

¹¹⁰ «Congressional Record», July 1942, p. A382.

рого окончания войны. Не возражая им по существу, английская сторона свои замечания и оговорки сводила к важности защиты Египта и Индии и возможности отнесения сроков начала выполнения плана вторжения.

По этому вопросу началась активная переписка между Рузвельтом и Черчиллем. Рузвельт доказывал, что нужно сосредоточить главный огонь против Германии. Поражение Германии, говорил он, означает поражение Японии, тогда как поражение Японии не означает поражения Германии. В письме Председателю Совета Министров СССР осенью 1942 г. Рузвельт также признал, «что наилучшая стратегия, которой следует придерживаться Объединенным Нациям, состоит в том, чтобы прежде всего объединиться для обеспечения возможности поражения Гитлера и что это является наилучшим и наиболее верным путем обеспечения поражения Японии»¹¹⁴.

18 июня 1942 г. Черчилль прибыл в США для личных переговоров с Рузвельтом. Он доказывал Рузвельту, что нецелесообразно высаживать в конце 1942 г. или начале 1943 г. англо-американскую армию во Франции. Вместо Франции он предлагал посадить армию во Французской Северо-Западной Африке.

Стимсон, Маршалл и Эйзенхауэр выступили против предложений Черчилля. Они говорили, что его планы означают распыление, рассредоточение сил союзников, вместо того чтобы сосредоточить эти силы там, где они могут быть лучшим образом использованы для более верного и более быстрого поражения Германии, для чего, утверждал Стимсон, необходимо создать фронт во Франции. Отвлечение сил в Африку, по мнению военного министра США, исключает открытие второго фронта не только в 1942, но и в 1943 г. С точки зрения общей стратегии союзников во второй мировой войне, война в Африке представляла не наступательную, а оборонительную операцию, рассчитанную на то, чтобы иметь лучшие позиции в Средиземном море и на Ближнем Востоке в том случае, если советский фронт, как некоторые политические деятели в США и в Англии тогда еще полагали, не выдержит. Маршалл в своих протестах против африканской операции угрожал даже отставкой¹¹⁵.

21 июня в Вашингтоне было получено сообщение о падении Тобрука и вторжении армии Роммеля в Египет. В этих условиях Черчилль, находившийся в Белом доме, стал еще более упорно нападать на планы вторжения во Францию. Он твердил, что осуществление этого плана превратит Ла-Манш в «реку крови» и что нужно отказаться от этого плана в пользу операции в Африке. Ему резко возражали Маршалл, Гопкинс, а также Рузвельт.

Президент США, столкнувшись в вопросе об открытии второго фронта в Западной Европе с сильной оппозицией в конгрессе и в капиталистических кругах внутри страны, а также с возрастающим сопротивлением влиятельных кругов во главе с Черчиллем в Англии, не желая дальше спорами вокруг второго фронта усложнять внутривосточное положение в США в связи с приближавшимися очередными выборами в конгресс, начал постепенно уступать Черчиллю.

С отъездом Черчилля 25 июня 1942 г. в Лондон, спустя всего полмесяца после того, как на весь мир было торжественно провозглашено ан-

ло-советское и советско-американское коммюнике об открытии второго фронта в Европе в 1942 г., оказалось, что вся работа по планированию второго фронта была напрасной.

В середине июля 1942 г. Рузвельт в инструкции Гопкинсу, Маршаллу и адмиралу Э. Кингу, участвовавшим в совещании в Лондоне, говорил, что нужно еще тщательно изучать возможность организации военных действий в Западной Европе в 1942 г. На этом совещании англичане единодушно выступили против открытия второго фронта во Франции, а у американцев обнаружилось разногласие в собственных рядах по этому вопросу. Адмирал Кинг, как и адмирал Нимиц и генерал Д. Макартур, с самого начала вступления США в войну считал, что Америка должна отдавать предпочтение тихоокеанскому театру военных действий в ущерб европейскому.

Натолкнувшись на этот раз на еще более упорное, чем раньше, сопротивление англичан, Рузвельт, желая, чтобы ко времени выборов в конгресс вооруженные силы США проявили себя в военных операциях, в телеграммах Гопкинсу в Лондон 23—25 июля предложил больше настаивать на вторжении в Западную Европу в 1942 г. и переключиться всецело на организацию военных операций в Африке. План таких операций Черчилль излагал еще в декабре 1941 г. в Вашингтоне. Но, как отметил Стимсон, Черчилль и президент США исходили из разных соображений: Черчилль и его советники категорически отказались от мысли форсировать Ла-Манш в 1942 г.; Рузвельт решительно настаивал на том, что какая-то операция должна быть проведена в 1942 г.¹¹⁶

«Второй фронт» — это слова, которые были в 1942 г. самыми популярными и злободневными. Народы воюющих и оккупированных стран, миллионы людей, угнанных в фашистское рабство, томившихся за колючей проволокой в концентрационных лагерях Майданека и Освенцима, летом и осенью 1942 г. с трепетом ожидали вести о прибытии к берегам Франции союзных армий, об открытии в Западной Европе второго фронта, не зная и не подозревая, что судьба этого фронта решена. В 20-х числах июля на узком совещании в Лондоне в строжайшей тайне был окончательно похоронен план вторжения через Ла-Манш во Францию осенью 1942 г. или весной 1943 г.

Черчилль, возражая против создания второго фронта в Западной Европе осенью 1942 г. или весной 1943 г., настаивал на перенесении этой операции на лето или осень 1943 г. 9 февраля 1943 г. в послании Председателю Совета Министров СССР Черчилль писал: «Мы также энергично ведем приготовления, в пределах наших ресурсов, к операции форсирования канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь»¹¹⁷.

Однако второй фронт в Западной Европе, несмотря на категорические настояния и протесты правительства СССР¹¹⁸, не был открыт ни в 1942, ни в 1943 г. К началу 1943 г. вопрос о втором фронте снова послужил предметом разногласий между англичанами и американцами. После высадки англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. союзное командование начало готовиться к вторжению в Сицилию.

¹¹⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 2. М., 1957, с. 33.

¹¹⁵ *Hoggins T. Winston Churchill and the Second Front, 1940—1943. N. Y., 1957, p. 101—103, 106—107, 121, 124, 152—154.*

¹¹⁶ *Higgins T. Op. cit., p. 151—152.*

¹¹⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 2, с. 54.

¹¹⁸ См. там же, с. 55, 58—59, 69, 73, 75 и др.

Маршалл возражал, твердил, что операции против Италии отложат открытие второго фронта во Франции по крайней мере на год, что форсирование Ла-Манша гораздо важнее для оказания эффективной помощи Советскому Союзу, для общего дела союзников, чем занятие Сицилии и Сардинии, что высадка во Франции отвлечет не только сухопутные, но и большие воздушные силы от Восточного фронта.

Черчилль доказывал, что превращение Средиземного моря в зону свободного плавания представляет задачу первостепенной важности.

Маршалл своего не добился. На стороне англичан опять оказался американский адмирал Кинг¹¹⁹, а Рузвельт не занял определенной твердой позиции. Лишь в августе 1943 г. на конференции в Квебеке, где обсуждался вопрос об открытии второго фронта весной 1944 г., Рузвельт, возражая Черчиллю, выступавшему за вторжение англо-американских армий на Балканы, настоял, чтобы этот фронт был создан во Франции¹²⁰.

После Сталинградской битвы никто в США уже больше не сомневался в силе советского оружия. Весной 1943 г. в Америке всем стало ясно, что Германия терпит поражение. Такие сторонники второго фронта в 1942 г., как Уиллки, Трумэн, Пеппер и многие другие, в 1943 г. замолкли. «Многие, называвшие себя либералами, — писал об этом периоде журнал «Нью Рипаблик», — очевидно, совершенно отказались поддержать кампанию за открытие второго фронта, потому что они опасались преобладания Советов в Европе»¹²¹.

В то же время еще больше активизировались деятели бывшего комитета «Америка прежде всего», которые сейчас еще громче стали кричать: «Тихий океан прежде всего». Сенаторы Чандлер и Уиллер утверждали: «Не Европа, а Азия является нашим естественным полем сражения. Нанесем прежде всего поражение Японии»¹²². Их поддерживали столпы республиканской партии — сенаторы Тафт и Ванденберг. Генерала Маккартура, требовавшего уделить главное внимание США тихоокеанской войне, все они рекламировали как национального героя, уговаривали его выдвинуть свою кандидатуру в президенты США на выборах 1944 г.

После Сталинградской битвы авторитет Советского Союза в Америке был настолько высок, что даже некоторые известные своей антисоветской настроенностью сенаторы в борьбе против создания второго фронта считали неудобным открыто выступать против СССР, предпочитая это делать под видом нападок на Англию: вторжение в Западную Европу, говорили они, означает, что «американская стратегия обслуживает нужды Британской империи»¹²³.

Однако не отличавшийся дипломатическим даром сенатор Уиллер оказался более откровенным. Он публично раскрыл секрет борьбы против осуществления второго фронта в Западной Европе. Дело, писал он, не в важности войны с Японией, а в боязни революции в Европе¹²⁴.

Этим же объясняется открытие, наконец, в июне 1944 г. второго фронта в Западной Европе. Англия и Америка поспешили высадить армию во Франции, когда у них появилось опасение, что гитлеровский вермахт будет полностью разгромлен и вся Германия будет оккупирована силами одной Советской Армии.

¹¹⁹ *Tugwell R. Op. cit., p. 615—616; Feis H. Op. cit., p. 98.*

¹²⁰ *Hull C. Memoirs, v. 2, p. 1231.*

¹²¹ «*New Republic*», 19.VI 1944, p. 816.

¹²² *Ibidem.*

¹²³ *Ibid., p. 810.*

¹²⁴ «*New Republic*», 19.VI 1944, p. 810.

Еще в мае 1943 г. Черчилль в беседе с Эйзенхауэром говорил, что «необходимо иметь план и быть готовыми форсировать канал в любое время, если немцы окажутся перед крахом». 26 ноября 1942 г., после окружения немецких войск у Сталинграда, Рузвельт в письме к Черчиллю писал: «Я сейчас думаю над тем, что мы должны создать так быстро, как это только возможно, растущую боевую силу в Великобритании для спешного использования в случае крушения Германии»¹²⁵.

Летом 1944 г. столь напугавшая в течение двух лет проблема второго фронта была решена. Решить ее заставил первый фронт. В 1942 г. многие в США настаивали на открытии второго фронта, потому что они боялись, что первый фронт слишком слаб. В 1944 г. Англия и США поспешили открыть второй фронт, потому что они опасались, что первый фронт слишком силен.

3. Америка в войне

Мобилизация людских и материальных ресурсов. Военно-промышленная, морская и авиационная программы. Битва за Атлантику. Операции воздушных сил США против Германии. Военные действия в Северной Африке. Высадка в Сицилии. Капитуляция Италии. Бои на Апеннинском полуострове. Второй фронт во Франции. Его подчиненное значение. Освобождение Парижа. Контрнаступление немцев в Арденнах. От Рейна к Эльбе «под аркой из белых флагов». Требование Черчилля о взятии Берлина англо-американскими войсками. Капитуляция гитлеровской Германии. Японо-американская война. Разгром квантунской армии вооруженными силами Советского Союза. Атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Капитуляция Японии. Людские потери и расходы США во второй мировой войне

В декабре 1941 г., официально объявив войну державам оси, США приступили к выполнению большого плана мобилизации людских и материальных ресурсов. Конгресс США принял закон о регистрации всех мужчин в возрасте от 18 до 64 лет, из них мужчин в возрасте от 20 до 44 лет — как состав, годный к призыву на военную службу. Но после медицинской проверки 45% из них оказались физически негодными для несения этой службы¹²⁶. Все прежние ограничения, существовавшие в отношении использования вооруженных сил США за границей, были сняты.

К маю 1942 г. в США было зарегистрировано около 40 млн. мужчин в возрасте от 20 до 64 лет. О призыве мужчин 18—19-летнего возраста конгресс принял специальное постановление в конце 1942 г. Всего к военной службе признали годными 16 535 тыс. человек. Лишь к концу второй мировой войны, в 1945 г., в вооруженных силах США насчитывалось 12 123 тыс. человек, примерно в 3 раза больше их максимальной численности в первую мировую войну. В армии вместе с авиацией в 1945 г. насчитывалось 8268 тыс., а во флоте вместе с приданной ему авиацией и морской пехотой — 3855 тыс. человек. В вооруженных силах США негры составляли около 7%, а женщины — свыше 2%¹²⁷. Всего из состава вооруженных сил США за время войны было переправлено через Атлантический океан 2750 тыс., а через Тихий океан — 1900 тыс. человек¹²⁸.

По переписи 1940 г., общее число населения США составляло 131 669 тыс. человек, из которых 51 094 тыс. ко времени вступления

¹²⁵ *Churchill W. The Second World War, v. 4, p. 585, 732.*

¹²⁶ *Beard Ch. A Basic History of the United States. N. Y., 1944, p. 486.*

¹²⁷ «*Statistical Abstract of the U. S.*», 1960, p. 243.

¹²⁸ «*Congressional Record*», 14.IX 1945, p. 8601.

США в войну имели определенное занятие и самостоятельный заработок. Кроме того, в стране насчитывалось тогда 3 млн. безработных¹²⁹. Вскоре по мере призыва мужчин на военную службу и роста военного производства в ряде отраслей народного хозяйства начал наблюдаться недостаток рабочей силы.

Для максимального и рационального использования рабочей силы страны 18 апреля 1942 г. была создана правительственная комиссия по использованию людских ресурсов под председательством П. Макнатта. В задачи этой комиссии входило также использование рабочей силы женщин. До создания этой комиссии президент США заявил, что в военной промышленности семидневная рабочая неделя должна стать правилом. Однако министр труда США Перкинс возражала, доказывая, что максимальная продуктивность рабочих достигается лишь тогда, когда рабочая неделя не превышает 48 часов. 6 июля 1942 г. Макнатт опубликовал список для особо важных отраслей военного производства 138 профессий (в частности в станкостроении, судостроении и самолетостроении), в которых не хватает рабочей силы¹³⁰.

С начала 1942 г. США проводили в жизнь самые большие в истории военно-промышленную, морскую и авиационную программы. Военно-производственные планы на 1942 г., существовавшие раньше, были после нападения Японии на Пирл-Харбор пересмотрены и значительно увеличены, как об этом свидетельствуют следующие данные (в тыс.):

	Программа, принятая до событий у Пирл-Харбора	Программа, одобренная 6 января 1942 г.
Самолеты	28,6	45
Танки	20,4	45
Зенитные орудия	6,3	20
Противотанковые орудия	7,0	14
Пулеметы	168,0	500

В 1943 г. было намечено построить 100 тыс. самолетов, 75 тыс. танков и 35 тыс. зенитных орудий. В 1942 г. США произвели 47 653, в 1943 г. — 85 405, 1944 г. — 95 237, в 1945 г. — 46 819, а всего за четыре года — 275 тыс. военных самолетов¹³¹.

В январе 1942 г. было создано специальное управление военного производства США, во главе которого стал Дональд Нельсон. Его главным советником был Бернард Барух, возглавлявший военно-промышленный совет в годы первой мировой войны.

Особое внимание уделялось морскому транспорту. Рост океанского транспорта США за годы второй мировой войны характеризуется следующими цифрами¹³²:

Год (на 31.XII)	Тыс. т	Год (на 31.XII)	Тыс. т
1940	3 047	1943	13 685
1941	4 109	1944	26 043
1942	9 285	1945	29 730

За годы второй мировой войны океанский транспорт США увеличился на 26 683 тыс. т., т. е. вырос почти в 10 раз. Общее водоизмещение ко-

¹²⁹ «Current History», June 1942, p. 315.

¹³⁰ «Current History», February 1942, p. 495; August 1942, p. 431; September 1942, p. 27.

¹³¹ «Information Please Almanac», 1947, p. 259.

¹³² «Statistical Abstract of the U. S.», 1948, p. 559.

раблей, построенных за это время в США (включая суда каботажного плавания по Великим озерам), доходило до 37 млн. т¹³³.

Ко времени нападения Японии на Пирл-Харбор США имели в строю и в строительстве следующие военные корабли¹³⁴:

	В строю	В строительстве
Линкоры	17	15
Авианосцы	7	11
Крейсеры	37	54
Эсминцы	172	191
Подводные лодки	113	73

После событий у Пирл-Харбора морская программа США намного увеличилась. К пятилетию принятия этой программы (к 1 июля 1945 г.) в строю военно-морского флота США числились¹³⁵:

Линкоры	23	Крейсеры	72
Авианосцы	20	Эсминцы	738
Малые и эскортные авианосцы	78	Подводные лодки	240

Всего во флоте США к середине 1945 г. числилось 1265 боевых кораблей по сравнению с 383 кораблями в середине 1940 г.

Военное производство предъявляло большой спрос на черные и цветные металлы. Выплавка чугуна и стали выросла в 1944 г. по сравнению с 1938 г. почти в 3 раза, а производство алюминия — в 6 раз¹³⁶.

Военно-морские операции в Атлантическом и Тихом океанах США вели с декабря 1941 г., а в битве за Атлантику фактически участвовали еще раньше.

Уже Панамская декларация, опубликованная по инициативе Вашингтона в октябре 1939 г., означала, что США своими планами сокращения зон действия германских подводных лодок желают облегчить положение Англии. Дальнейшие мероприятия (передача Англии 50 эсминцев, высадка американских войск в Исландии, приказ по морским и воздушным силам США о том, чтобы они при встрече с фашистскими подводными лодками и рейдерами стреляли первыми, а также приказ о вооружении торговых кораблей США) свидетельствовали о том, что в битве за Атлантику Америка все больше и больше активизируется.

После официального объявления войны Германии роль Америки в этой битве, естественно, намного увеличилась. Она участвовала не только в борьбе с подводными лодками и рейдерами противника, но и в выполнении большой судостроительной программы.

В битве за Атлантику решалась в большей мере и судьба битвы за Англию. 8 декабря 1940 г. Черчилль в письме Рузвельту указывал, что для успешного продолжения военных усилий Англии ей необходимо импортировать 43 млн. т грузов в год. В сентябре того года импорт в Анг-

¹³³ «World Almanac», 1947, p. 522.

¹³⁴ «Current History», February 1942, p. 495.

¹³⁵ «World Almanac», 1946, p. 122.

¹³⁶ Производство (в тыс. т):

Год	Чугун	Сталь	Алюминий
1938	21 460	31 752	182
1944	62 866	89 642	1 102

(«Statistical Abstract of the U. S.», 1949, p. 773, 972—973).

лию понизился до 37 млн. т. Такой уровень импорта, утверждал тогда Черчилль, фатален для Англии¹³⁷.

Между тем потеря грузов, отправлявшихся в Великобританию из Америки и других частей света, продолжала нарастать в связи с действиями германских подводных лодок, рейдеров и авиации. За 8,5 месяца до вступления США в войну немецкие подводные лодки потопили в Атлантическом океане торговые корабли общим водоизмещением 1564 тыс. т, а за 8 месяцев после их вступления в войну — 3250 тыс. т.

В январе 1942 г. немецкие подводные лодки потопили в Атлантическом океане 45 кораблей общим водоизмещением 297 тыс. т, а в июне — 114 кораблей водоизмещением 627 тыс. т. В ноябре 1942 г. немцы достигли рекорда за все время войны: они потопили торговые суда союзников общим водоизмещением свыше 800 тыс. т, из них 117 кораблей водоизмещением свыше 700 тыс. т были потоплены подводными лодками¹³⁸.

В 1941 г. немцы выработали новую тактику для подводных лодок. Эта тактика, названная «волчьей стаей», сводилась к тому, что несколько лодок, действуя сообща, нападали одновременно с разных сторон так, что жертва торпедной атаки не могла маневрировать и выбраться из опасной зоны. Во избежание преследования со стороны авиации немецкие подводные лодки перенесли свои основные операции далеко на запад от английских берегов, т. е. за зону досягаемости тогда для большинства боевых самолетов, базировавшихся на Британских островах. В результате этой тактики потери грузов, предназначенных для Англии, увеличились.

США, участвуя в битве за Атлантику и отправляя с каждым месяцем все больше грузов за океан, естественно, не относились безразлично к росту числа кораблей, потопленных германскими подводными лодками. Еще в начале 1941 г. в Вашингтоне происходили секретные переговоры об общих мероприятиях Англии и США в этой борьбе.

В конце 1941 г., когда США вступили в войну и в порядок дня стал вопрос не только о грузах, но и о переброске через океан миллионов солдат (о проложении, как выражались в Америке во время первой мировой войны, «моста во Францию»), битва за Атлантику приобрела для США исключительное значение. Кардинальные меры были приняты к обеспечению бесперебойной и безопасной переправы через Атлантический океан войск и материалов. Конвои были усилены дополнительными эсминцами и эскортными авианосцами. Самолеты получили возможность на всем пути через океан сопровождать корабли и преследовать подводные лодки.

Перелом, однако, наступил лишь весной 1943 г. В это время в боевых действиях участвовало 235 германских подводных лодок — больше, чем когда бы то ни было раньше. Но их потери в это время оказались также небывальными: они теряли подводных лодок больше, чем были в состоянии строить. За пять лет и восемь месяцев войны Германия потеряла 781 подводную лодку, из них 40 — только за май 1943 г.¹³⁹ В конце этого месяца гитлеровское командование убрало свой подводный флот с главной дороги между Северной Америкой и Великобританией.

После этого потери союзных кораблей от действия подводных лодок резко уменьшились. Тоннаж потопленных немецкими подводными лодками кораблей в Атлантическом океане в марте 1943 г. равнялся 515 тыс. т, в мае — 199 тыс., а в июне — 22 тыс. т.

Таблица 1

Итоги битвы за Атлантику и судостроительная программа США (в тыс. т)

Год	Тоннаж построенных кораблей		Тоннаж потопленных союзных кораблей	Итог
	США	Британская империя		
1940	439	780	4 407	-3 188
1941	845	1169	4 405	-2 421
1942	5 339	1843	8 238	-1 056
1943	12 384	2201	3 626	+10 959
1944	11 639	1710	1 455	+11 894
1945	6 335	645	575	+6 405
(8 мес.)				
Всего:	36 951	8348	22 706	+22 593

Источник: Churchill W. The Second World War. v. 2, p. 5.

К этому времени сказывались уже результаты большой судостроительной программы США: в 1943 г. союзники впервые за время войны построили намного больше кораблей, чем потопили немцы (табл. 1).

В 1943 г., когда на судостроительных верфях США спуск новых кораблей со стапелей на воду начал превышать спуск фашистскими подводными лодками кораблей в океанскую пучину, битва за Атлантику была окончательно выиграна.

Когда эта битва завершилась победой союзников, воздушные силы США начали развертывать военные операции на европейском театре военных действий. Как было отмечено выше, уже в 1942 г. США произвели около 48 тыс. военных самолетов. Первый вылет через Ла-Манш американские тяжелые бомбардировщики совершили 17 августа того года, но систематические операции против Германии американские самолеты развернули лишь в 1943 г.

Основное внимание в Вашингтоне уделяли развитию стратегической и морской авиации. Последняя предназначалась преимущественно для войны на Тихом океане. Стратегическая же авиация США, как авиация, направленная против военно-промышленных объектов, путей сообщения и тылов противника, была оснащена такими тяжелыми бомбардировщиками дальнего действия, как «Летающая крепость», «Либерейтор» и «Доминатор».

В 1943 г. американские бомбардировщики, совершая налеты с английских баз на Германию, по мощности бомбовых ударов уступали британской авиации. Черчилль утверждает, что до конца 1943 г. тоннаж бомб, сброшенных с английских самолетов, превысил в 8 раз тоннаж бомб, сброшенных американской авиацией¹⁴⁰. Весной 1944 г. превосходство в этом деле перешло к американцам, которые удерживали его в возрастающих размерах до конца войны. По мере расширения сети авиабаз союзников на континенте Европы стратегическая авиация США увеличивала бомбардировку Германии и играла все большую роль в разрушении ряда немецких городов.

Во второй мировой войне американская авиация впервые столкнулась с германскими войсками в Африке.

¹³⁷ Churchill W. The Second World War, v. 2, p. 495—496.

¹³⁸ Ibid., v. 3, p. 137; v. 4, p. 112, p. 113, 116.

¹³⁹ Churchill W. The Second World War, v. 2, p. 7; v. 5, p. 8—10.

¹⁴⁰ Churchill W. The Second World War, v. 2, p. 7.

8 ноября 1942 г. около 650 океанских судов с войсками, вооружением, амуницией и продовольствием в сопровождении более 350 англо-американских военных кораблей всех классов, включая линкоры, авианосцы, крейсера, эсминцы и подводные лодки, подошли к атлантическим и средиземноморским берегам французской Северной Африки. Вся армада, состоявшая из тысячи кораблей, прибыла из США и Великобритании. В тот же день англо-американские войска, действовавшие под командованием генерал-лейтенанта Эйзенхауэра, высадились в ряде мест Марокко и Алжира, к берегам которых была доставлена армия в 290 тыс. человек, из них 150 тыс. американцев и 140 тыс. англичан.

До встречи с фашистской армией в Африке англо-американские десанты имели небольшие сражения с французскими войсками, подчиненными правительству Виши, которое порвало дипломатические отношения, сохранявшиеся до тех пор, с Вашингтоном.

У Касабланки французские военные корабли открыли огонь по десантным судам США. Обрушившаяся на них американская эскадра уничтожила 7 кораблей и 3 подводные лодки и подожгла французский линкор «Жан Барт», после чего путь в Касабланку для американских танков и пехоты был открыт. Сопротивление англо-американским десантам было оказано также в портах Оран и Алжир. Оран американские войска, высадившиеся западнее и восточнее его, взяли с суши. В Алжире американцы захватили адмирала Дарлана, представлявшего во Французской Северной Африке правительство Виши. Через три дня после начала высадки англо-американских войск, 11 ноября 1942 г., Дарлан подписал соглашение о прекращении сопротивления.

Англо-американские войска в Северной Африке начали продвигаться на восток, навстречу 8-й британской армии, теснившей отступавшие германо-итальянские войска под командованием Роммеля на запад. Целью союзных армий был Тунис, господствующий над узким проходом в центральной части Средиземного моря (между Сицилией и Африкой). Но немцы их опередили, перебросив из Сицилии морским и воздушным путем войска, которые закрепились в Тунисе в ожидании подхода армии Роммеля и прибытия резервов из Германии.

Преследуемая по пятам 8-й британской армией при отступлении из Египта, побитая и усталая армия Роммеля, проделав 2 тыс. км и добравшись, наконец, до Туниса, оказалась не в состоянии противостоять англо-американским вооруженным силам.

На эффективное подкрепление из Германии у Роммеля было мало надежд. С каждым днем немцам становилось все труднее переправлять людей и материалы в Африку. Военные корабли союзников блокировали морской путь между Сицилией и Тунисом. За время кампании в Тунисе союзники потопили 137 неприятельских кораблей.

До весны 1943 г. немцы широко пользовались воздушным транспортом. За четыре месяца, с декабря 1942 до апреля 1943 г., они переправили воздушным путем в Африку более 40 тыс. человек и более 14 тыс. т грузов. Но по мере установления господства англо-американской авиации в воздухе в районе Туниса и этот путь становился все менее и менее доступным. В апреле 1943 г. число сбитых немецких транспортных самолетов в этом районе доходило до 50 в день¹⁴². После 22 апреля ни один немецкий транспортный самолет не осмеливался летать в Тунис днем.

7 апреля 1943 г. американские войска в Тунисе соединились с 8-й британской армией.

Господству на море и в воздухе и имея все возрастающее превосходство на суше, вооруженные силы союзников вынудили отрезанные почти от всего мира, окруженные в Тунисе фашистские войска сложить оружие и согласиться на безоговорочную капитуляцию.

13 мая 1943 г. война в Африке закончилась. Около четверти миллиона фашистских войск сдалось в плен. Союзникам досталось более 1000 уцелевших пушек и 250 танков.

Успешное завершение кампании в Африке открыло Средиземное море для навигации союзников и сократило путь в СССР через Иран на много тысяч километров.

Столкнувшись в конце 1942 г. в Африке с мощной англо-американской авиацией, гитлеровское командование вынуждено было перебросить туда несколько эскадрилий самолетов. Но Африка была не тем фронтом, который мог бы внести существенные изменения в соотношение сил на главном театре военных действий и который заставил бы немцев перебросить значительное число пехотных и танковых дивизий с востока на запад и таким образом облегчил бы бремя сражающихся советских армий. Более того, отвлечение англо-американских сил в Африку позволило Гитлеру перебросить немало дивизий из Западной Европы на советский фронт. По некоторым оценкам, 27 немецких дивизий были тогда передислоцированы с запада на восток¹⁴². В конце 1942 г. в Берлине даже выдвигали планы оккупации Иберийского полуострова как ответ на высадку союзных войск в Северо-Западной Африке. Подобная оккупация помешала бы Гитлеру увеличить число немецких дивизий на Восточном фронте, а окружение шестой германской армии на берегах Волги сняло с порядка дня задуманную гитлеровцами авантюру в Испании.

В общем африканская операция содействовала отсрочке создания второго фронта во Франции на полтора-два года. В аспекте согласованной стратегии советско-американской коалиции, стратегии, рассчитанной на скорейшее окончание войны и достижение победы, операция в Африке была, как ее расценивали Маршалл и Эйзенхауэр, неразумной, «абсолютно бесполезной». Оба они считали, что необходимость африканской операции можно было бы понять лишь в том случае, если бы было признано, что советский фронт не выдержит. Впоследствии к их мнению присоединился генерал Макартур¹⁴³.

Не оказали также существенного влияния на восточный фронт высадка англо-американских войск в Сицилии и их вступление в Италию.

Высадка союзных войск в Сицилии началась 10 июля 1943 г. Вся операция по завоеванию острова продолжалась 38 дней и закончилась 16 августа взятием г. Мессины. Американские десанты встретили в Сицилии весьма слабое сопротивление со стороны деморализованных итальянских дивизий.

Сицилию обороняли 9 итальянских дивизий, имевших в своем составе 315 тыс. человек, и 4 германские дивизии общей численностью 90 тыс. человек. Немецкие войска оказывали сопротивление в горных проходах. Но превосходство сил союзников, особенно их господство в воздухе, предопределило быстрый исход борьбы за Сицилию. При этом более 1000 фашистских самолетов было захвачено союзными войсками на аэродромах¹⁴⁴.

На Апеннинский полуостров союзные армии высадились по приглашению нового итальянского правительства. Через две недели после начала

¹⁴² Higgins T. Op. cit., p. 180.

¹⁴³ Ibid., p. 153—154.

¹⁴⁴ Churchill W. The Second World War, v. 5, p. 38.

¹⁴¹ Churchill W., v. 4, p. 690, 697.

вторжения в Сицилию, 25 июля, пала диктатура Муссолини. Глава нового правительства маршал Бадوليو с одобрения итальянского короля вступил в переговоры с союзниками, просил их ввести срочно большие силы в Италию, занять аэродромы района Рима и помочь таким образом Италии присоединиться к союзникам против Германии.

Но немцы опередили события. Пока продолжались переговоры между представителями правительства Бадوليو и союзников, немцы увеличили свои силы в Италии до 16 дивизий, из них 8 были сосредоточены в районе Рима и южнее. В ночь с 8 на 9 сентября немецкие войска начали окружать со всех сторон Рим. В ту же ночь Бадوليو и его правительство, король и его семья бежали из Рима в Бриндизи.

3 сентября 1943 г. на острове Сицилия, у города Сиракузы, генерал Кастеллано подписал от имени правительства Бадوليو предварительный акт о капитуляции Италии. В этот же день союзные войска переправились через Мессинский пролив на основную территорию Италии. Через восемь дней, 11 сентября, основные силы итальянского флота, включая уцелевшие линкоры, прибыли в распоряжение союзников к острову Мальта, где через 17 дней Бадوليو подписал окончательный протокол о безоговорочной капитуляции Италии. 19 сентября союзники заняли без сопротивления остров Сардинию.

На основной территории Италии союзным войскам пришлось после капитуляции итальянского правительства воевать с германской армией, которой командовал Кессельринг. 12 сентября вооруженный отряд немецких парашютистов похитил Муссолини, содержавшегося союзниками под стражей, и переправил его на самолете на север страны, где Гитлер использовал его для создания марионеточного правительства в противовес правительству Бадوليو. Через месяц, 13 октября, королевское правительство Италии объявило войну Германии.

После сражений в сентябре и октябре 1943 г. в Южной Италии — у Салерно, Неаполя и на реке Вольтурно — немецкие войска к концу года закрепились в узком месте Апеннинского полуострова к югу от Рима, в районе Кассино (вдоль рек Сангро и Гарильяно), где расстояние от Адриатического до Средиземного моря составляет всего около 150 км. Эту линию фронта немцы удерживали больше шести месяцев. Лишь удар с фланга, высадка союзных войск между Римом и Кассино, у Анцио, в январе 1944 г., создание и сохранение там плацдарма позволили союзникам предпринять в мае 1944 г. общее наступление с фронта и с фланга, завершившееся 4 июня взятием Рима¹⁴⁵.

После этого немецкие войска отступили и остановились лишь в конце июля между Флоренцией и Болоньей на расстоянии нескольких сот километров от бывшего фронта в районе Кассино. Гитлер, несмотря на очень тяжелое положение своих войск на Восточном фронте и на образование второго фронта во Франции, придавая большое значение сохранению итальянского фронта, преграждающего путь в Австрию, перебросил в августе 1944 г. еще 8 дивизий в Италию.

Последнее наступление против немецкой армии в Италии союзные войска предприняли в апреле 1945 г. Это наступление сопровождалось активными действиями итальянских партизан, захватом ими Милана, Ве-

неции и других городов. В условиях полного разгрома гитлеровских армий на советском фронте, быстрого продвижения советских и англо-американских войск в Германии, находившаяся в Италии миллионная фашистская армия 2 мая 1945 г. сдалась в плен союзникам. Этим закончилась война в Италии.

Через два дня после занятия союзными войсками Рима открылся, наконец, второй фронт во Франции, тот фронт, которого в течение трех лет со дня нападения Гитлера на СССР так ждали народы многих стран и который двумя годами раньше союзники обязались создать.

В ночь на 6 июня 1944 г. 4 тыс. кораблей всех видов и классов с войсками, вооружением и амуницией вместе с несколькими тысячами малых судов и барж при поддержке 11 тыс. самолетов двинулись из района острова Уайт к берегам Нормандии. К утру английский и канадские войска 2-й британской армии занимали уже плацдарм длиной около 40 км вдоль французского побережья к юго-западу от города Кана. Южнее части 1-й американской армии высадились в трех местах, в том числе на полуострове Котантен, где несколькими часами раньше приземлился воздушный десант США.

Так начались наступательные действия союзников, их продвижение через Францию, Бельгию, Голландию, Западную и Южную Германию. Попытки немцев приостановить и даже перейти в контрнаступление не увенчались успехом. В некоторых случаях эти попытки заканчивались для них полным разгромом. Ошибки, совершенные французами в 1940 г., — распыление своих сил по всему фронту, а не сосредоточение их против направления главного удара противника, — немцы повторили в 1944 г. И если в 1940 г. Гитлеру казалось, что у него имеется основание говорить о бездарности командования союзников, то в 1944 г. было больше оснований говорить о бездарности и тупости немецкого командования.

Союзные войска, высадившиеся во Франции, либо совершенно не имели опыта, либо имели незначительный опыт боевых действий. Единственной армией союзников, участвовавшей длительное время в сражениях, была 8-я британская армия. Но эта армия после окончания операций в Тунисе и на Сицилии сражалась до конца войны в Италии. Несмотря на это, вторгшиеся во Францию в своем подавляющем большинстве не обстрелянные войска союзников теснили, окружали и громили немецкие дивизии, состоявшие из ветеранов второй мировой войны. Германские танкер-дивизии, не так давно наводившие ужас на народы Европы, беспомощно метались из одной стороны в другую, их заносчивые генералы и офицеры имели вид растерявших уверенность командиров.

Ход военных событий на западе в 1944 г. подтвердил, что союзники имели возможность начать и успешно развивать военные операции во Франции еще в 1942 или, в крайнем случае, в 1943 г.

Конечно, в 1944 г. англо-американское командование имело в своем распоряжении большее число подготовленных дивизий, эскадрилий боевых самолетов и транспортных кораблей, чем в 1942 или 1943 г. Но другие обстоятельства, в частности отдаленность восточного фронта в 1942 г., где были сконцентрированы основные силы немцев, облегчали союзникам возможность открыть второй фронт во Франции на полтора года раньше. К этому времени США преодолели трудности первого периода войны, связанные с потерями, вызванными внезапностью нападения японских самолетов на Пирл-Харбор. К этому же времени явно определился перевес сил США над действующими в Атлантике военными силами гитлеровцев. Это обстоятельство, а также разгром армии Роммеля в Северной Африке указывали на то, что битва за Атлантику завершилась в пользу

¹⁴⁵ На итальянском фронте в боях отличился полк, сформированный из добровольцев — американских граждан японского происхождения. После нападения на Пирл-Харбор 110 тыс. японцев, живших на западном побережье США, были интернированы в концентрационные лагеря, хотя ни одному из них не было предъявлено обвинение в измене или подрывной деятельности. В лагерях был завербован этот добровольческий полк.

союзников. Таким образом, все препятствия, на которые ссылались противники открытия второго фронта в США и в Англии, были устранены, по крайней мере, не позднее чем к весне 1943 г. И тем не менее открытие второго фронта было отнесено более чем на год после этих событий.

Союзники предпочли открыть этот фронт по существу на последнем этапе войны, после того как Советская Армия, сломив на Волге хребет военной машины немецкого фашизма, последующими тяжелыми ударами по гитлеровским армиям обеспечила полную победу антифашистской коалиции. Главные немецко-фашистские вооруженные силы нашли свою могилу на полях сражений против советских войск. Здесь было разгромлено и взято в плен более 500 немецко-фашистских и 100 дивизий ее сателлитов¹⁴⁶.

Второй фронт после его открытия во Франции имел подчиненное значение. Его успех на западе обеспечивался военными действиями на востоке, где и после создания второго фронта, как отметил 9 мая 1960 г. в своем докладе маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, «находилось около двух третей вооруженных сил гитлеровской Германии»¹⁴⁷.

Советские армии, приковывавшие около двух третей вооруженных сил фашистской Германии даже тогда, когда немцы вынуждены были сражаться на двух фронтах, обеспечивали союзникам тот большой людской и технический перевес, который позволил им через девять месяцев после начала военных операций, в июне 1944 г., во Франции сломить сопротивление немцев на западе. В периоды наиболее напряженных сражений на Западном фронте, во время боев в Нормандии и в Арденнах, в те дни, когда контрудары немцев сильно тревожили союзников, активные наступательные действия советских войск нарушали планы немцев, отвлекали их резервы на восток и облегчали задачи союзных армий.

Высадка англо-американских войск на французском побережье Ла-Манша в 1944 г. ни для кого не была сюрпризом. В отличие от 1942—1943 гг. немцы в 1944 г. напряженно ожидали высадки союзных десантов, тщательно готовились к встрече с ними, усиливали береговые укрепления и нагромодили паутину подводных заграждений у французских берегов Ла-Манша. Немалую подготовительную работу проделал также германский пропагандистский аппарат. Геббельс и его аппарат вещал о том, что решающее сражение произойдет на западе, что лишь после второго Дюнкерка, когда Лондону и Вашингтону больше не повядно будет дразнить Гитлера вторым фронтом во Франции, фюрер получит возможность обрушиться всеми силами против советских армий и закончить затеянную им вторую мировую войну победой германского оружия.

К июню 1944 г. немцы имели во Франции 58 дивизий¹⁴⁸, из них 14 были дислоцированы на юге, в районе Средиземного моря. Командовал всеми вооруженными силами Германии во Франции, Бельгии и Голландии фельдмаршал Рундштедт. В состав этих вооруженных сил входили 10 бронетанковых дивизий, расположенных вдоль побережья от границ Голландии до Бордо. В конце января 1944 г., когда уже реально ожидалось вторжение союзников, командовать береговой обороной от Голландии до устья реки Луары стал Роммель, командовавший гитлеровскими войсками в Африке. Главные и лучшие силы Роммеля образовали 15-ю армию в составе 19 дивизий.

15-я армия стояла наготове на небольшом участке в самом узком месте Ла-Манша — в районе Кале и Булони. Этот участок называли в течение двух лет «побережьем вторжения». Здесь Маршалл и Эйзенхауэр планировали открыть второй фронт в 1942 г. Здесь Роммель и ожидал высадки армии союзников в 1944 г. Все побережье Нормандии защищала 7-я немецкая армия, состоявшая из 10 дивизий.

Немцы были вполне осведомлены о готовившемся англо-американском вторжении во Францию. Еще в апреле англо-американская стратегическая авиация перенесла свои основные операции с промышленных районов Германии на коммуникации северо-западной Франции. По утверждению командовавшего тогда группой американских армий во Франции, к 4 июня все железнодорожные мосты на Сене между Руаном и Парижем были уничтожены. К 6 июня не только вся северо-западная часть Франции оказалась изолированной, но бомбардировками была также парализована железнодорожная сеть Франции¹⁴⁹.

И все же для германского командования многое оказалось неожиданным. Мастера внезапности и обмана сами оказались введенными в заблуждение. Прежде всего гитлеровцы не ожидали, что такая сложная военная операция будет произведена 6 июня: бурное море и проливной дождь чрезвычайно затрудняли высадку десантов на берег.

Много десантных средств действительно при этом затонуло. У одного участка вторжения американских войск больше 80% всех танков-амфибий, спущенных на воду, затонуло из-за сильного прибоя. В двадцатую годовщину высадки, в 1964 г., Эйзенхауэр, вспоминая эту операцию, рассказал в интервью, переданном по телевидению: «Танки-амфибии, которыми мы рассчитывали начать атаку, подвели: в одном отряде из 28 перевернулось 20 и пошло ко дну. Часть экипажей, к счастью, успела выскочить. И из всей артиллерии мы должны были высадить девять батарей, а мы высадили только одну. Остальные просто перевернулись в бурных водах».

Роммель, исключая возможность десантных операций в такую погоду, оставил 5 июня свой штаб во Франции и отправился с визитом к Гитлеру в Берхтесгаден, где и узнал о вторжении в Нормандию. А главное, Роммель ожидал высадки союзных войск на «побережье вторжения», а они вопреки «здравому смыслу» и «военной науке» высадились в Нормандии, где немцы их меньше всего ожидали.

Господство на море и в воздухе позволяло союзникам удерживать инициативу, высаживаться тогда и там, когда и где их не ожидали, навязывать боевые действия противнику в условиях, наименее ему выгодных.

Когда англо-американские войска высадились в Нормандии и находившаяся там 7-я германская армия терпела неудачи, главные силы Роммеля (его 15-я армия) не двигались с места и бездействовали. Германское командование решило, что высадка в Нормандии представляет диверсию, совершенную для отвода глаз, для отвлечения главных сил Роммеля в Нормандию перед тем, как направить основные силы союзников из Англии на «побережье вторжения». Англо-американское командование, естественно, всячески поощряло подобные заблуждения немцев. И это ему удалось¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Там же, с. 274.

¹⁵⁰ Касаясь плана дезинформации немцев с целью сковать их 15-ю армию на «побережье вторжения», О. Брэдли писал: «План был основан на искусном обмане известных нам вражеских агентов, на фальшивых радиосообщениях и создании ложного фронта вторжения. Цель его состояла в том, чтобы ввести противника в заблуждение и заставить поверить, будто мы сосредоточили целую группу армий на восточном побережье Англии для главного удара против Па-де-Кале. Ложным

¹⁴⁶ «Коммунист», 1965, № 7, с. 5.

¹⁴⁷ «Правда», 1960, 10 мая.

¹⁴⁸ Брэдли О. Записки солдата. ИЛ, 1957, с. 273.

Лишь спустя шесть недель после начала вторжения немцы поняли, что они безнадежно обмануты, и решили направить части 15-й армии к югу от их расположения для участия в происходивших там военных действиях. Но за это время 7-я германская армия была обескровлена, а союзники успели сосредоточить большие силы и расширить свой плацдарм во Франции. Свыше 1 млн. войск они высадили на берег уже к 1 июля¹⁵¹.

Немцы были не в состоянии препятствовать высадке союзных войск, поскольку их морские и воздушные силы не были в состоянии препятствовать англо-американским линкорам и крейсерам, бомбардировщикам и истребителям прикрывать десантные операции. Никакие береговые укрепления, сооруженные немцами в Нормандии, не могли выдержать удары 15-дюймовых корабельных орудий.

Конечно, помощь со стороны военных кораблей десантным войскам распространялась лишь на сравнительно узкую береговую полосу. Но дальше все больше сказывалось господство союзников в воздухе, все больше увеличивалась роль стратегической и тактической авиации.

В то время когда стратегическая авиация союзников успешно разрушала тылы, парализовала железнодорожное сообщение и мешала снабжению фронта, а их тактическая авиация активно участвовала во фронтовых операциях, германская авиация была почти нейтрализована. «За шесть месяцев до вторжения союзников их авиация совершила 30 тыс. самолето-вылетов против стартовых площадок». В результате более чем 10 тыс. самолетам, участвовавшим во вторжении, немцы могли противопоставить не более 400¹⁵².

Такое соотношение воздушных сил объясняет в известной мере «мудрость» американцев и «глупость» немцев в летней кампании 1944 г. во Франции.

С 6 июня эта кампания отмечалась следующими основными событиями. Англичане сковали значительные силы 7-й германской армии в боях за Канн. В это время южнее американцы успешно расширяли свой плацдарм. 12 июня, заняв Котантен, они соединили свои морские и воздушные десанты со своими остальными войсками и таким образом создали сплошной фронт протяженностью около 70 км, где к тому времени находились уже девять американских дивизий.

17 июня 1944 г. американские войска перерезали полуостров Котантен и отрезали Шербур с немецким гарнизоном в 30 тыс. солдат. Шербур был взят еще до конца месяца, но порт, в котором союзники так нуждались, немцы вывели из строя. Частично он был восстановлен лишь

штабом этой фиктивной группировки должен был стать штаб 1-й американской группы армий. Командующий американскими танковыми войсками Паттон, прибытие которого в Англию было предано широкой гласности, изображался как командующий армией «вторжения», входящей в эту группу армий.

Пока английская разведка снабжала немецких агентов в Англии вымышленными данными относительно фиктивного вторжения, мы создали специальную радиосеть, чтобы имитировать лихорадочную деятельность группы армий, якобы готовящейся к штурму через пролив Па-де-Кале. В устье Темзы и вдоль восточного побережья Англии инженеры построили макеты судов, единственная роль которых состояла в том, чтобы получались отчетливые изображения на аэрофотоснимках авиации противника. В период бомбардировок побережья Франции перед вторжением авиация подавляла оборону противника в районе Па-де-Кале с такой же силой, как и на побережье Нормандии» (*Бредли О.* Записки солдата, с. 375).

¹⁵¹ Там же, с. 345.

¹⁵² Там же, с. 277, 399.

в июле. Восстановить его пропускную способность полностью удалось лишь к ноябрю 1944 г.¹⁵³

Заняв полуостров Котантен и накопив силы, американцы 25 июля прорвали фронт немцев южнее Сен-Ло. Прорыву предшествовала и сопровождала движение войск мощная воздушная бомбардировка. 1500 тяжелых бомбардировщиков и около 750 средних истребителей-бомбардировщиков, обрушившихся на небольшой участок обороны немцев, вызвали полный хаос в их рядах¹⁵⁴.

После прорыва в Нормандии американские войска быстро продвигались по Франции. Часть войск 3-й американской армии под командованием Паттона устремилась мимо г. Авранш, расположенного у основания полуострова Котантен, на полуостров Бретань. С помощью французов, участников движения Сопротивления, насчитывавших в Бретани около 30 тыс. человек, полуостров был быстро очищен от фашистских войск. К 7 августа немецкие войска, прижатые к морю, укрылись в прибрежных крепостях, где они были блокированы. 19 сентября после шестинедельной осады капитулировал гарнизон Бреста, насчитывавший 20 тыс. человек. В двух южных крепостях Бретани — Лориане и Сен-Назере — немецкие гарнизоны, не причиняя хлопот союзникам, оставались до конца войны. Их блокировали в основном части движения Сопротивления и приданная им в помощь американская дивизия.

Германские вооруженные силы во Франции были сосредоточены вдоль побережья. Эшелонированной обороны в глубину у них там не было. Американские дивизии, устремившиеся после прорыва фронта на восток, не встречали почти никакого сопротивления, продвигаясь вперед, как тогда выражались, «через вакуум». К 7 августа, когда на западе пехотные дивизии 3-й армии США подошли к Бресту и Лориану, на востоке ее танковые дивизии приближались к Ле-Ману, проделав уже почти половину расстояния от Авранша до Орлеана.

В это время немцы предприняли большое контрнаступление.

Собрав все лучшие силы, которые были у них во Франции в количестве 19 дивизий, в том числе ряд дивизий 15-й армии, немецкие войска в ночь на 7 августа бросились на запад, направив острие атаки на дугу, образовавшуюся между наступающими американскими и английскими войсками. Ударную силу немцев составляли пять бронетанковых дивизий. Цель германского контрнаступления сводилась к тому, чтобы прорваться у Авранша к морю, отрезать 12 американских дивизий, находившихся на юго-западе и юго-востоке от Авранша, активизировать немецкие гарнизоны, загнанные в морские крепости Бретани, и общими усилиями разбить эти дивизии США, а затем повернуть на северо-запад против остальных войск союзников.

Этот план был авантюристичен. Выделенные для его осуществления силы были далеко не достаточными. У союзников были большие резервы по ту сторону Ла-Манша. У немцев резервов не было.

¹⁵³ С самого начала вторжения у берегов, где производились десантные операции, американцы образовали волнорезы из специально затопленных ими судов. К началу июля так были созданы для союзных войск и военных грузов две большие искусственные гавани из огромных железобетонных блоков. После через Ла-Манш были проложены два бензопровода для подачи горючего из Англии действующим армиям во Франции: первый был проложен к Шербуру, второй — к Булони. 12 августа горючее начало поступать через первый бензопровод.

¹⁵⁴ Авиация США неоднократно по ошибке бомбила своих. Один раз при прорыве из Нормандии погибло от собственных бомб около 600 американцев, включая генерала Макнейра, прибывшего во Францию в качестве командующего одной из американских армий («Newsweek», 25.V 1970, p. 54).

Большое победоносное наступление советских армий, стремительно двигавшихся летом 1944 г. к границам Германии, заставило Гитлера в начале июля отдать приказ об отправке всех имеющихся резервов на восток, для того чтобы предотвратить катастрофу на советско-германском фронте.

Немецкие танки, двигавшиеся в направлении на Авранш, были остановлены у г. Мортен 1-й американской армией. 7-й корпус этой армии устремился на восток и повернул на север против южного фланга немцев. 15-й корпус 3-й американской армии, находившийся дальше на востоке, повернул от Ле-Мана на север и 12 августа достиг Аржантана. В это время 21-я британская армия атаковала немецкие войска с севера. Канадские войска наступали на Фалез и дошли на расстояние 30 км от 15-го американского корпуса, угрожая с востока замкнуть кольцо окружения.

Немцы, видя, что предпринятым контрнаступлением они загнали 19 своих дивизий в ловушку, что у них остается только возможность спастись бегством через тесный угрожаемый Фалезский проход, упорно охраняя его, 12 августа начали быстро отступать.

Коридор, через который немцы пробирались, насквозь простреливался с двух сторон. Авиация союзников беспрестанно бомбила колонны немцев, бежавших на восток через горловину, которая становилась все уже и уже, пока 19 августа ее совсем не стало: в этот день британские войска замкнули кольцо окружения.

За авантюрное контрнаступление немцы дорого заплатились. Восемь германских дивизий были уничтожены¹⁵⁵. Те части, которые успели выбраться из котла, панически бежали на северо-восток, к Сене, преследуемые авиацией союзников.

Авиация союзников сыграла особую роль в окружении и уничтожении немецкой армии, захваченной в клещи между Мортеном и Фалезом. Генерал Клюге, сменивший в начале июля командующего германскими войсками на западе Рундштедта, в своем донесении Гитлеру писал: «Вражеское превосходство в воздухе ужасающе. Они подавляют почти каждое наше движение. В то же время каждое движение неприятеля подготовлено и защищено его воздушными силами. Людские и материальные потери чрезвычайно велики. Моральное состояние войск очень резко снизилось под постоянным убийственным огнем врага»¹⁵⁶. Сам Клюге отравился 18 августа. Накануне его сменил генерал Модель.

Полный провал контрнаступления немецких войск ускорил исход битвы за Францию. Разбитые германские дивизии спешили переправиться через Сену. На месте разрушенных мостов были сооружены паромы. Скопления войск у переправ на Сене подвергались непрерывной бомбардировке с воздуха.

Когда союзники еще добивали немцев в Фалезском котле, части 3-й американской армии 21 августа уже форсировали Сену южнее и севернее Парижа. К 25 августа союзные войска во многих пунктах Сены опередили немцев. К этому времени 12-й корпус 3-й армии США дошел на востоке до Тура, расположенного в 130 км юго-восточнее Парижа.

По мере приближения союзных войск к Парижу в городе усиливалась борьба отрядов движения Сопротивления. В уличных боях они фактически овладели городом.

¹⁵⁵ Churchill W. The Second World War, v. 6, p. 31.

¹⁵⁶ Ibidem.

Гитлер отдал приказ военному коменданту Парижа генералу фон Хольтицу взорвать в последний момент город, превратить столицу Франции в груды развалин. Но сил и возможностей для осуществления этого страшного преступления уже не оказалось ни у Гитлера, ни у Хольтица. 25 августа 2-я французская бронетанковая дивизия, входившая в состав 3-й армии США, заняла Париж. Немецкий гарнизон в Париже капитулировал без боя.

За 10 дней до освобождения Парижа, 15 августа, три американские и семь французских дивизий высадились на Средиземноморском побережье Франции. Помимо абсолютного господства в воздухе десантные операции поддерживали 6 линкоров, больше 20 крейсеров и около 100 эсминцев. К этому времени у немцев на побережье осталось всего 10 дивизий: четыре дивизии были раньше переброшены в Нормандию. Немецкие войска, засевшие в укреплениях Марселя и Тулона, сопротивлялись только до конца месяца. После этого движение американских и французских войск на север пошло быстро. 3 сентября они вступили в Лион, а 11-го соединились с американскими войсками, наступавшими на восток из Нормандии. В результате от Ла-Манша до Швейцарии образовался сплошной фронт союзников.

Форсировав в конце августа Сену, союзные войска продолжали стремительно двигаться на северо-восток. 31 августа американцы взяли Верден, 8 сентября вступили в Льеж, а 10-го — в Люксембург. Брюссель взяли британские войска 3 сентября, а через день вступили в Антверпен. К середине сентября американские и английские войска вышли к границе Германии и остановились у «линии Зигфрида».

Почти два месяца американские войска топтались на месте. 8 ноября они возобновили наступление. К середине декабря они продвинулись на участке Мец — Карлсруэ примерно до 150 км и вышли на линии Карлсруэ — Страсбург к Рейну. В это время немецкие войска начали второе и последнее контрнаступление против союзных армий.

Учитывая господство союзников в воздухе, немцы приурочили второе контрнаступление к нететной погоде. 16 декабря они атаковали американские войска в Арденнах. Там, где в мае 1940 г. они так блестяще прорвали фронт и развернули сокрушающее наступление против англо-французских армий, немецкие войска сейчас, в условиях неизбежного поражения, совершая отчаянный шаг, бросаясь в наступление с недостаточными для его успешного завершения силами, решили снова попытаться счастья.

Готовя декабрьское наступление, гитлеровцы уже не думали о победе. Они ставили перед собой более скромную задачу: нанести удар, вырвать инициативу и показать, что они еще сильны, что война за безоговорочную капитуляцию Германии потребует от ее противников слишком много жертв и что им выгоднее согласиться на переговоры с немцами.

Немецкий план контрнаступления сводился к тому, чтобы внезапным ударом прорвать фронт в Арденнах, форсировать реку Маас, взять Льеж и Брюссель и выйти к морю у Антверпена. Таким образом, вместо сплошного фронта союзников их армии оказались бы разъединенными. «Молниеносный удар через Арденнский лес, — утверждал Гитлер, — расщепит союзные армии на две беспомощные части!» Быстрый захват главных бельгийских городов, особенно Антверпена, где у союзников находились огромные запасы вооружений и продовольствия, сулил немцам большие трофеи, в которых они очень нуждались. В то же время союзные армии, испытывавшие все большие затруднения со снабжением по мере удале-

ния от берегов Ла-Манша и увеличения их сил на континенте, лишившись Антверпена, оказались бы, по расчетам гитлеровского командования, в еще более трудных условиях.

Для осуществления своего плана немцы выделили четыре армии в составе более 36 дивизий, из них две бронетанковые армии. Прорвав 16 декабря линию фронта в центральной части Арденн на участке длиной около 100 км, немецкие войска за десять дней наступления вклинились в расположение армий союзников вглубь на 100 км. За это время они проделали лишь половину расстояния до Брюсселя. Реку Маас они не только не форсировали, но даже не дошли до нее. 23 декабря, пользуясь тем, что солнце пробилось сквозь облака, авиация союзников сбросила несколько тысяч тонн бомб на колонны немцев, нанося большой ущерб их танковым дивизиям. Продвижение германских армий к реке Маас замедлилось. Но они, упорно сражаясь, продолжали удерживать инициативу.

Второе контрнаступление немцев, начатое в декабре в Арденнах, было так же авантюристским, как и контрнаступление в августе в Нормандии, хотя в Арденнах они лучше подготовились, собрали большую силу и обеспечили свои фланги. Наступление имело бы смысл, потерю союзниками инициативы можно было бы использовать, если бы у немцев были крупные резервы, которые они могли бросить, когда союзные войска преградили им путь к реке Маас. Но резервов у них, как и во время августовского наступления, не было. Около двух третей всех германских сухопутных сил было приковано к Восточному фронту. В этом коренное отличие 1944 г. от 1940 г.

Хотя немцы, предпринимая последнее контрнаступление, начали вскоре выдыхаться, их прорыв фронта в Арденнах вызвал большую тревогу в лагере союзников. 6 января 1945 г. Черчилль в обращении к Председателю Совета Министров СССР, характеризуя положение на Западном фронте, как «тревожное», просил сообщить, могут ли союзники «рассчитывать на большое русское наступление на фронте у Вислы или в другом месте в течение января»¹⁵⁷.

Верховное главнокомандование советских войск, готовя большое наступление, решило, не считаясь с погодой, начать его на восемь дней раньше намеченного срока, с тем чтобы быстрее облегчить положение сражающихся армий союзников в Арденнах. 12 января 1945 г. 150 советских дивизий начали наступление на всем фронте от Балтийского моря до Карпат.

Советское наступление сокрушило и отбросило германский фронт на сотни километров. Немцам сейчас уже было не до контрнаступления. Они сразу потеряли инициативу на западе. Десять ударных дивизий бронетанковой армии, совершившей прорыв в Арденнах, были переброшены на восток. Через четыре дня после начала наступления советских войск, 16 января, разъединенные немецкими войсками армии союзников в Арденнах снова соединились у города Уффалис. К концу января немцы в Арденнах были отеснены восточнее той линии, откуда они начали свое второе обреченное контрнаступление, стоившее им 120 тыс. человек.

Победоносное шествие советских войск, их выход к Одеру и созданная ими непосредственная угроза Берлину помешали немцам сохранить и пополнить силы, необходимые для обороны укреплений «линии Зигфрида» и для того, чтобы удержаться на Рейне — естественном крупном

¹⁵⁷ Churchill W. The Second World War, v. 6, p. 243.

оборонительном рубеже. В конце января немцы перебросили еще несколько дивизий на Восточный фронт.

Между тем силы союзников продолжали нарастать. Кроме господства в воздухе, их армии постоянно пополнялись резервами. К началу февраля армии союзников под общим командованием Эйзенхауэра, возобновляя наступление, насчитывали в своем составе 82 дивизии¹⁵⁸. Хотя к началу 1945 г. германские армии на западе превысили союзные по числу дивизий, но, как мы уже отметили, германская дивизия по своей численности и огневой мощи намного уступала английской и американской дивизиям¹⁵⁹.

Союзники перешли в наступление 8 февраля. Через месяц три армии США стояли уже на Рейне на всем протяжении от Кобленца до Дуйсбурга. 7 марта 1-я американская армия, захватив мост в Ремагене, форсировала Рейн. Через две недели 3-я армия США форсировала Рейн ниже Майнца, а 29 марта она уже была во Франкфурте. В этот же день 7-я американская армия вступила в Мангейм, расположенный на восточном берегу Рейна.

Форсировав Рейн, американские войска не встречали больше сплошного, организованного фронта. Они маршем неслись на восток к Эльбе, лишь в отдельных местах паталкиваясь на очаги сопротивления. 1 апреля они в Руре окружили немецкую группировку в 325 тыс. человек, которая сложила оружие лишь через 18 дней. В большинстве случаев деморализованные и дезорганизованные немецкие гарнизоны сдавались без боя. За первые три недели апреля больше 1 млн. солдат сдалось в плен союзным войскам. От Рейна к Эльбе войска США, как рассказывает командовавший группой американских армий Брэдли, «шестьствовали под аркой из белых флагов».

Однако, когда 12 апреля американские войска перебрались через Эльбу у г. Магдебург и оказались всего на расстоянии 100 км от Берлина, они наткнулись на сильное сопротивление. Их предместное укрепление на восточном берегу Эльбы было ликвидировано. О. Брэдли, говоря об этой неудаче, отмечает: «Впервые за 30 месяцев боев вторая бронетанковая дивизия вынуждена была отступить»¹⁶⁰.

Существует версия, что союзные войска якобы имели возможность раньше советских войск войти в Берлин. Эту версию поддерживал, в частности, в Англии Черчилль, в Америке генерал Макартур и др.¹⁶¹ Как впоследствии об этом писал Эйзенхауэр, Черчилль требовал, чтобы он использовал все имевшиеся в его распоряжении силы и средства для того, чтобы войти в Берлин раньше, чем русские, и был очень недоволен и разочарован тем, что англо-американские войска не вступили первыми в Берлин¹⁶².

Сам Черчилль подтверждал, что «Берлин был важнейшей и подлинной целью англо-американских армий». В письме к Рузвельту 1 апреля 1945 г., отмечая большое стратегическое значение Берлина и важность овладения им, он добавил: «Существует, кроме того, другой аспект, который нам надлежит учесть. Русские армии, несомненно, займут всю Австрию и войдут в Вену. Если они также овладеют Берлином, не воз-

¹⁵⁸ Ibid., p. 245, 354.

¹⁵⁹ По данным, опубликованным в журнале «Коммунист» за май 1965 (с. 5), к 1 января 1945 г. фашистская Германия имела на западе 119 дивизий.

¹⁶⁰ Брэдли О. Указ. соч., с. 577.

¹⁶¹ Churchill W. The Second World War, v. 6, p. 440; «New York Times», July 8, 1958; «Commercial and Financial Chronicle», June 5, 1952, p. 17.

¹⁶² Eisenhower D. Crusade in Europe. N. Y., 1951, p. 399.

никнет ли у них впечатления, что вклад, внесенный ими в нашу общую победу, — решающий, и не создается ли у них в результате настроение, которое вызовет огромные серьезные трудности в будущем?»¹⁶³.

Спустя 20 лет, в 1965 г., американский генерал Дж. Гейвин писал, что в марте 1945 г. он получил приказ подготовить парашютный десант на Берлин и что одновременно готовилась к наступлению на Берлин вторая бронетанковая дивизия американской армии¹⁶⁴. В своей уже цитированной нами книге генерал Брэдли пишет, что он не наступал на Берлин, будто бы из жалости к 100 тыс. солдат, жизни которых эта операция должна была стоить¹⁶⁵. 22 апреля 1945 г. газета «Вашингтон пост» даже утверждала, будто 13 апреля американские войска были в Потсдаме и ушли оттуда в соответствии с Ялтинским соглашением, по которому взятие Берлина будто бы отводилось советским войскам. В таком духе освещали впоследствии ход событий сенатор Тафт и платформа республиканской партии на выборах 1948 г.¹⁶⁶ Во время президентской кампании 1960 г. журнал Уолл-стрита писал, будто Рузвельт перед смертью приказал американским войскам освободить занятые ими позиции, с тем чтобы русские раньше вошли в Берлин¹⁶⁷.

Гопкинс, который был объективнее Черчилля и более осведомлен, чем вашингтонская газета и журнал Уолл-стрита, категорически опровергает эту версию, утверждая, что никакого соглашения о взятии Берлина советскими войсками никогда нигде не было, что американские войска, безусловно, взяли бы Берлин, если бы были в состоянии это сделать¹⁶⁸.

На совещаниях военачальников в Ялте считали, что советские и англо-американские армии должны одновременно оказывать максимальное давление на германские войска, чтобы немцы не имели возможности маневрировать и перебрасывать дивизии между востоком и западом. Но ни на совещаниях в Ялте, ни в каком-либо другом месте никакие пределы там не ставились продвижению англо-американских армий на восток и советских войск на запад¹⁶⁹.

25 апреля Берлин был уже со всех сторон плотно окружен советскими войсками. В этот день в городе Торгау на Эльбе советские войска встретились с американскими.

7 мая в Реймсе немцы подписали предварительный протокол о капитуляции Германии, 8-го они прекратили сопротивление. 9 мая 1945 г., рано утром, в оккупированном советскими войсками Берлине командование вооруженных сил союзников под председательством маршала Советского Союза Г. К. Жукова официально приняло безоговорочную капитуляцию Германии.

После капитуляции Германии США воевали еще несколько месяцев с Японией. Японо-американская война была в основном морской войной. Хотя Японии начала в декабре 1941 г. войну одновременно с США и Британской империей, она в дальнейшем вела военные действия в Тихом океане главным образом с морскими и воздушными силами США.

После нападения на Пирл-Харбор Япония в течение четырех месяцев успешно наступала. В апреле 1942 г. захваченные ею владения тянулись

от Уэйка в центральной части Тихого океана до Андаманских островов в Индийском океане. На юге, захватив остров Тимор, высадив десант на Новой Гвинее и дойдя до Соломоновых островов, японцы подбирались к Австралии, начали угрожать коммуникациям, связывающим Австралию с Соединенными Штатами. Но в это время японская экспансия достигла своего предела. В мае 1942 г. сражение в Коралловом море приостановило продвижение Японии к Австралии, а в июне поражение японцев у Мидуэя означало перелом в тихоокеанской войне.

В Коралловом море сражение произошло 7—8 мая 1942 г. между воздушными силами США и Японии, базировавшимися на авианосцах. В результате сражения обе стороны потеряли по авианосцу. Японии не удалось закрепиться на острове Тулаги в Соломоновых островах и на юго-востоке Новой Гвинее. Она вынуждена была прервать свое наступление в сторону Австралии, но от продолжения этого наступления не отказалась.

Большое значение имело сражение 4 июня 1942 г. у Мидуэя, небольшого острова, расположенного в 1800 км к северо-западу от Гавайев. В этот день рано утром четыре японских авианосца под командованием адмирала Нагумо, который полугодом раньше так удачно провел внезапный удар на Пирл-Харбор, подходили к острову Мидуэй. В 6 часов 30 минут японские самолеты появились над островом. Но на этот раз палет не оказался внезапным. Мощные эскадрильи американских пикирующих бомбардировщиков, базировавшихся на авианосцах, уничтожили все четыре японских авианосца. Вместе с ними были уничтожены не только их самолеты, но и высококвалифицированные японские летчики, отличившиеся 7 декабря 1941 г. при бомбардировке американских линкоров.

Сражение у Мидуэя было ожесточенным. Японцы придавали ему решающее значение. Речь шла не только о Мидуэе. В конце мая 1942 г. главные силы японского флота под командованием адмирала Ямамото вышли в открытый океан и направились на восток. Вперед были выдвинуты 4 авианосца адмирала Нагумо и второй флот адмирала Кандо, имевшие своей целью заманить в ловушку и вызвать на бой тихоокеанский флот США. После начала сражения должна была подойти армада Ямамото и завершить уничтожение американских кораблей, намного уступавших по своей мощи противостоящим им японским силам. При удаче этой операции японцы могли овладеть не только Мидуэем, но и угрожать Гавайям и закрепить надолго свое превосходство в тихоокеанской войне.

Американцы, обнаружив вовремя движение японских кораблей, направили на них самолеты с авианосцев. Восемь атак американцев были отбиты с большими для них потерями. В одной атаке они потеряли 18 из 32 пикирующих бомбардировщиков, в другой — 10 торпедоносцев из 14, в третьей — все 15 торпедоносцев, участвовавших в палете, а в бою над Мидуэем из 25 самолетов, встретивших японцев, 23 были сбиты или выведены из строя. В этих воздушных боях оказалось, что японский истребитель «Зеро» по скорости, маневренности и потолку превосходил любой самолет, которым тогда располагали американцы. Но американцам повезло в том, что они обнаружили японские авианосцы раньше, чем японцы — американские.

В сражении у Мидуэя США потеряли «Йорктаун» — один из трех авианосцев, участвовавших в этом морском бою. Но все их потери оказались сравнительно недорогой ценой за ущерб, нанесенный Японии. Японский флот, потеряв четыре авианосца, 250 самолетов и около 100

¹⁶³ Churchill W. The Second World War, v. 6, p. 400, 407.

¹⁶⁴ «Atlantic», February 1965, p. 56.

¹⁶⁵ Брэдли О. Указ. соч., с. 575, 577.

¹⁶⁶ Taft R. A. Foreign Policy for Americans. N. Y., 1951, p. 53, 54; «New York Times», 22.VI 1948.

¹⁶⁷ «Magazine of Wall Street», June 4, 1960, p. 291.

¹⁶⁸ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins, p. 884.

¹⁶⁹ Feis H. Op. cit., p. 498.

первоклассных летчиков, лишился своей мощной наступательной силы в тихоокеанских просторах. Отныне японские линкоры и крейсера могли оперировать лишь при помощи и под защитой самолетов, базирующихся на аэродромах. Это означало, что Гавайи — главная база США в Тихом океане, а также Мидуэй стали недостижимыми для атаки со стороны японского флота.

Как отмечается в Истории второй мировой войны, «в результате сражения у атола Мидуэй соотношение сил флота еще больше изменилось в пользу США. У японцев оставался один тяжелый и четыре легких авианосца, в то время как американцы имели три тяжелых. Япония строила 6 авианосцев, а США — 13 тяжелых и 15 эскортных авианосцев»¹⁷⁰.

7 июля 1942 г. изоляционистская газета «Чикаго трибюн» выдала важную государственную военную тайну. Она сообщила, что секрет победы Америки у Мидуэя объясняется тем, что США, владея японским кодом, своевременно узнали о нападении японцев на Мидуэй, подтянули к району ожидаемого сражения свои авианосцы и встретили врага во всеоружии^{170а}.

Японцы, конечно, вскоре составили новый код. Но создать быстро новые авианосцы они никак не могли. Америка строила авианосцы, как и другие корабли, несравненно быстрее, чем Япония. Военная продукция США превышала в 1943 г. примерно в 10 раз военную продукцию Японии.

После сражения у Мидуэя до начала 1943 г. значительные военно-морские и военно-воздушные схватки происходили на юге, в районе Новой Гвинее и Кораллового моря, вблизи расположения японских баз.

9 августа 1942 г. японцы потопили у Соломоновых островов (у острова Гвадалканала) три американских и один австралийский крейсер. Но ожесточенная борьба за Гвадалканал и за расположенный рядом с ним остров Тулаги, борьба за стратегические пункты, откуда Япония могла угрожать американским коммуникациям с Австралией, а американцы могли угрожать внешним юго-западным линиям обороны Японии, продолжалась до начала 1943 г. В феврале 1943 г. Гвадалканал был занят американцами. В битвах в районе этого острова американцы потеряли 2 авианосца, восемь крейсеров (один австралийский) и 14 эсминцев, а японцы потеряли два линкора, авианосец, четыре крейсера и 11 эсминцев¹⁷¹.

К началу 1943 г. инициатива на Тихом океане перешла к американцам, а к осени этого года соотношение сил настолько изменилось в пользу США, что позволило им перейти в общее наступление. Японии было уже не до Соломоновых островов. Она оказалась не в состоянии не только защищать далеко растянутые внешние линии своей обороны, но и предохранить свои внутренние оборонительные линии от прорыва вооруженных сил США.

В ноябре 1943 г. военные операции были перенесены на север от Соломоновых островов — на острова Джильберта, а в декабре — на Маршалловы острова.

К середине 1944 г. в результате выполнения морской программы США соотношение морских сил на Тихом океане оценивалось как 3:1 в пользу Америки¹⁷². В то же время американцы достигли абсолютного господства в воздухе. Японский флот в Тихом океане, как в свое время итальянский флот в Средиземном море, начал избегать боя, но все же понес во второй половине 1944 г. большие потери.

В мае 1944 г. американцы высадились на остров Уэйк, в июне — на остров Сайпан (главный из Марианских островов), а затем — на Гуам.

В конце 1944 г. в Тихий океан прибыла английская эскадра в составе двух линкоров, четырех авианосцев, пяти крейсеров и 11 эсминцев, которые вскоре включились в операции против Японии.

С начала 1945 г. военные действия стали приближаться к островам собственно Японии. Заняв в январе Филиппины, американцы стали развигивать свое наступление дальше на север. Большое сопротивление японцы оказали в боях за остров Окинава, служивший преддверием к самой Японии. Эти бои продолжались три месяца и закончились 22 июня. Потери с обеих сторон были велики. Около 2 тыс. японских летчиков-самоубийц бросились на наступавшие вооруженные силы США. Они потопили 34 эсминца и ряд других малых военных кораблей и повредили около 200 кораблей. Но отстоять Окинаву японцам не удалось. Многие японские офицеры совершили харакири и тысячи солдат на острове убили себя ручными гранатами, чтобы не сдаться живыми американцам.

Получив базы на Окинаве, американцы усилили бомбардировку японских островов. Эскадрильи самолетов Боинг-29 производили сокрушительные налеты на густонаселенные города и промышленные центры. Еще до захвата Окинавы, 10 марта 1945 г., при налете на Токио было убито и ранено около 125 тыс. человек¹⁷³. К американцам присоединились англичане. Особое внимание они уделили остаткам японского флота, укрывшегося в проливах между островами собственно Японии. Грозный японский флот, который три года назад господствовал в Тихом океане, представлял сейчас жалкую картину по сравнению с противостоявшими ему морскими силами.

Японский флот потерял во время войны 8 линкоров, 19 авианосцев, 36 крейсеров, 135 эсминцев и 131 подводную лодку, а всего 648 военных кораблей¹⁷⁴. Америка потеряла за время тихоокеанской войны 696 военных кораблей, но она построила за это время гораздо больше кораблей, чем потеряла; Япония же потеряла гораздо больше, чем построила. За все время войны японцы построили два линкора и один крейсер.

Не будучи в состоянии угнаться за США по всем классам военных кораблей, Япония налегла на авианосцы и подводные лодки. Она построила за время войны 17 авианосцев и 121 подводную лодку, но потеряла, как мы видели, больше. Еще в ноябре 1942 г. Рузвельт утверждал, что США топят гораздо больше японских судов, чем японцы могут построить¹⁷⁵.

К концу тихоокеанской войны во флотах США и Японии числилось¹⁷⁶:

¹⁷² «Current History», July 1944, p. 17.

¹⁷³ «New York Times Magazine», August 1.VIII 1965, p. 6.

¹⁷⁴ «World Almanac», 1946, p. 43.

¹⁷⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании 1941—1945 гг., т. 2, с. 39.

¹⁷⁶ «World Almanac», 1946, p. 43, 122.

¹⁷⁰ История второй мировой войны 1939—1945 гг., 1976, т. 5, с. 396.

^{170а} 4 декабря 1941 г., за несколько дней до нападения Японии на Пирл-Харбор, эта же «Чикаго трибюн», а также изоляционистские газеты «Нью-Йорк дэйли ньюс» и «Вашингтон таймс геральд» опубликовали секретный план военного министерства о посылке американской армии в Европу и письмо, подписанное президентом, в котором Рузвельт предложил разработать такой план.

¹⁷¹ Churchill W. The Second World War, v. 5, p. 20.

	США	Япония
Линкоры	23	4
Авианосцы	20	6
Крейсеры	72	11
Эсминцы	738	39
Подводные лодки	240	59

Япония потеряла во время войны торговых кораблей также гораздо больше, чем она была в состоянии построить. Только одни подводные лодки США потопили более тысячи торговых кораблей общим водоизмещением в 5 млн. т, что составляло больше половины всего торгового флота, который Япония имела до войны, захватила и построила во время войны. Общее водоизмещение японских торговых кораблей, потопленных во время войны, превысило 8,5 млн. т¹⁷⁷.

Летом 1945 г., когда тихоокеанская война приближалась к своему завершению, флот и авиация Японии не могли ни в какой мере состязаться с морскими и воздушными силами США. Америка господствовала на море и в воздухе. К тому же после капитуляции Германии значительные английские морские и воздушные силы могли быть переброшены против Японии. Но морской флот не может воевать на суше, а одной авиацией нельзя было занять территорию Японии.

Японская же армия, хотя и понесла большие потери в тихоокеанской войне и в многолетней войне с Китаем, по своей численности и боеспособности представляла еще внушительную силу. По оценке штаба армий США, она насчитывала свыше 5 млн. человек¹⁷⁸. Опыт боев за Окинаву, где японцы с ожесточенностью сражались три месяца, подсказывал, что на территории собственно Японии сопротивление будет еще более ожесточенным, что японскую землю армия Микадо будет защищать еще более фанатично. По оценке Черчилля, для завоевания территории Японии необходимо было жертвовать 1 млн. американцев и 0,5 млн. англичан¹⁷⁹. Для покорения Японии силой потребовалось бы от одной Америки в 2,5 раза больше жертв, чем она понесла за все время второй мировой войны.

США, а также Англия, столкнувшись с задачей перенесения военных действий на территорию Японии, оказались перед сложной проблемой.

Эту проблему быстро разрешила Советская Армия. Выполняя обещание, данное в свое время союзникам, СССР 8 августа 1945 г. объявил войну Японии. В течение одной недели Вооруженные Силы Советского Союза сокрушили квантунскую армию, состоявшую из отборных японских войск. Потеряв лучшие свои дивизии в Маньчжурии, японская армия потеряла и охоту к дальнейшему сопротивлению.

В эти дни произошли события, возвестившие о появлении нового страшного оружия. 6 августа американцы сбросили атомную бомбу на г. Хиросима, а 9 августа — на г. Нагасаки. Эти бесчеловечные по отношению к гражданскому населению меры отнюдь не диктовались военными соображениями. Со вступлением СССР в войну Япония и без взрывов атомных бомб над ее городами вынуждена была согласиться на безоговорочную капитуляцию. Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки была продиктована теми кругами в Америке, которые, претендуют

на мировое господство, хотели продемонстрировать монопольное обладание новым мощным оружием.

Следует признать, что не лишено оснований мнение тех, кто считает, что эта бомбардировка явилась увертюрой к политике «холодной войны», к проведению которой вскоре приступили в Вашингтоне. Как выяснилось впоследствии, Дж. Бирнс, ставший в июле 1945 г. государственным секретарем, в беседе с тремя главными учеными, участвовавшими в создании атомной бомбы, прямо утверждал, что эту бомбу необходимо бросить для того, чтобы «сделать Россию более уступчивой в Европе»¹⁸⁰.

Бирнс доложил Трумэну, ставшему президентом США, решение специальной комиссии, рекомендовавшей применять атомное оружие¹⁸¹. Трумэн, которому принадлежало последнее слово, согласовал этот вопрос в соответствии с договоренностью в Квебеке в 1943 г. с Черчиллем. Сам Трумэн, пока жив был Рузвельт, ничего не знал об атомной бомбе. Когда после смерти Рузвельта, 12 апреля 1945 г., Трумэн, заняв президентское кресло в Белом доме, узнал об этой бомбе, он стал сторонником ее использования. Он и позднее писал, что «рассматривал бомбу как военное оружие и никогда не имел никакого сомнения, что она должна была быть использована»¹⁸². Это свое мнение он повторял много раз в дальнейшем, пытаясь оправдаться тем, что в противном случае последовало бы вторжение в Японию, а это привело бы к потерям с обеих сторон миллиона убитых и столько же искалеченных¹⁸³.

Однако после вступления СССР в войну против Японии аргументация Трумэна оказалась так же неверна, как неверным был прогноз руководства вооруженных сил США в середине апреля 1945 г. о том, что война с Германией продолжится еще шесть месяцев, а с Японией — еще полтора года.

По американским данным, от взрыва атомной бомбы в Хиросиме было убито 78 150 человек, ранено 37 425 и пропало без вести 10 083 человека, а в Нагасаки было убито 73 884 человека. В Японии считают эти данные сильно преуменьшенными, не говоря уже о многочисленных жертвах, погибших от радиации после многих лет мучительной лучевой болезни. Эта болезнь на долгие годы поразила районы, на которые американцы сбросили атомные бомбы. По другим данным, атомная бомба в Хиросиме погубила 240 тыс., а в Нагасаки — 80 тыс. человек¹⁸⁴.

Хиросима стала синонимом неоправданной жестокости, символом борьбы против термоядерной войны. В 1955 г. Всемирная ассамблея мира в Хельсинки решила отмечать ежегодно 6 августа как день борьбы за разоружение и запрещение ядерного оружия. В 1969 г. Международное совещание коммунистических и рабочих партий, призывая к защите мира, отметило: «Зловещий атомный гриб над Хиросимой — это трагическое предостережение о том, к каким последствиям может привести третья мировая война, если бы империализму удалось ее развязать»¹⁸⁵.

После взрывов в Хиросиме и Нагасаки крупнейший французский ученый Жюлио Кюри выразил мнение прогрессивной мировой общественности, заявив, что человечество никогда не забудет этого позорного события — разрушения не имеющих военного значения городов сброшенными американцами атомными бомбами.

¹⁸⁰ «Foreign Affairs», January 1957, p. 347.

¹⁸¹ Byrnes J. Op. cit., p. 286.

¹⁸² Truman H. Memoires, v. 1. N. Y., 1955, p. 419.

¹⁸³ Miller M. Plain Speaking. N. Y., 1974, p. 227.

¹⁸⁴ «Правда», 1970, 6 августа.

¹⁸⁵ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. М., 1969, с. 250.

¹⁷⁷ Baldwin Z. Survey of American History, p. 674; Churchill W. The Second World War, v. 6, p. 559.

¹⁷⁸ Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958, p. 286.

¹⁷⁹ Churchill W. The Second World War, v. 6, p. 552; U. S. Relation with China. Department of State, Publication 3573, 1949, p. VIII.

Известный американский физик Роберт Оппенгеймер, оглядываясь на результаты атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, в подготовке которых он играл руководящую роль, заявил: «Люди нашей планеты должны объединиться или они погибнут. Ужас и разрушения, посеянные последней войной, диктуют нам эту мысль. Взрывы атомных бомб доказали ее со всей жестокостью»¹⁸⁶.

День 6 августа стал для японцев днем скорби и траура. Борцы за мир во всем мире требуют, чтобы ужасы Хиросимы и Нагасаки никогда не повторились.

Атомные бомбы, хотя и имели определенный психологический эффект, не решили, однако, исхода войны с Японией. Даже Черчилль, который старался преуменьшить вклад СССР в победу над Японией и объяснить эту победу только превосходством морских сил США, признал: «Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой»¹⁸⁷.

Следует заметить, что США к тому времени имели всего три атомные бомбы, а для дальнейшего их изготовления потребовалось тогда, как утверждал Бирнс, много месяцев¹⁸⁸.

14 августа, на седьмой день советско-японской войны, Япония согласилась на безоговорочную капитуляцию. Официально акт о капитуляции представитель Японии подписал утром 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури».

С капитуляцией Японии завершилась вторая мировая война.

Эта война стоила США в 3,5 раза больше человеческих жертв, чем первая мировая война. Но Соединенные Штаты Америки принесли на алтарь этой войны меньше жертв, чем другие великие державы. Во второй, как и в первой, мировой войне они воевали на чужих территориях. США — единственная из великих держав, территория которой на всем протяжении войны не подвергалась воздушным бомбардировкам.

Об общих людских потерях вооруженных сил США в первой и второй мировых войнах можно судить по следующим данным¹⁸⁹:

Потери США	Первая мировая война	Вторая мировая война
Число убитых в сражениях	53 407	293 986
Число умерших от ран и болезней	63 156	113 842
Всего погибших	116 563	407 828
Число раненых	204 002	670 843
Всего убитых, умерших и раненых	320 565	1 078 671

Общее число граждан США, погибших во второй мировой войне, составляет всего менее 1% всех жертв этой войны. Отмечая этот факт, американская статистика указывала, что вторая мировая война стоила Соединенным Штатам примерно в 10 раз больше, чем первая мировая война, и почти в 2 раза больше того, что первая война (по данным института Карнеги) стоила всем государствам, участвовавшим в ней.

Согласно данным американской статистики, все государства, участвовавшие во второй мировой войне, кроме Китая, израсходовали на эту войну 1116 млрд. долл., из них 330 млрд. (30% всей суммы) приходится на долю США¹⁹⁰. Последующие официальные оценки, опубликованные

случая четверть века после окончания второй мировой войны, показали, что непосредственные расходы США на эту войну составляли 288 млрд. долл.¹⁹¹

Определенным кругам крупного капитала США вторая мировая война принесла неимоверные барыши. Эти круги вошли во вкус и продолжали заниматься подстрекательством к войне в послевоенные годы. Но об этом у нас будет речь в дальнейшем.

Вторая мировая война имела крупные экономические, внутрисполитические и внешнеполитические последствия для США.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих вопросов, кратко остановимся в следующем разделе на основных моментах экономики, внутренней и внешней политики США во время войны.

4. Военная экономика и политика

Военно-хозяйственная конъюнктура. Ограничение гражданского производства и потребления. Опасность инфляции. Потолок цен. «Черный рынок». Управление экономической стабилизацией. Падение реальной заработной платы. Рост прибылей корпораций. Особые привилегии крупнейших монополий. Монополии о мировом господстве США после войны. Роль международных картелей в вооружении фашистских агрессоров. Отказ от стачек на время войны. Военный совет труда. Конфликты между трудом и капиталом. Ревизионизм в Коммунистической партии США. Выборы в 78-й и 79-й конгрессы. Четвертая победа Рузвельта на президентских выборах

Возникновение в сентябре 1939 г. войны в Европе положило начало военно-хозяйственной конъюнктуре в США. До нападения Гитлера на Польшу хозяйство США еще не оправилось от кризиса 1937—1938 гг. Если принять индекс промышленного производства США за пятилетие, предшествовавшее второй мировой войне, 1935—1939 гг., за 100, то в 1937 г. он равнялся 113, а в 1939 г. — 108. С января по сентябрь 1939 г. этот индекс составлял 101. Лишь после начала войны, в сентябре 1939 г., он дошел до уровня 1937 г. — до 113, а в декабре поднялся до 126. С тех пор индекс промышленного производства США беспрестанно повышался и достиг своего максимума в октябре 1943 г., когда он дошел до 247. Средний индекс за весь 1943 г. равнялся 239, в 1944 г. снизился до 235. На этом уровне он оставался в первом квартале 1945 г. Потом в связи с окончанием войны с Германией он начал снижаться и сократился до 164 в последнем квартале этого года.

Таким образом, за первые четыре года второй мировой войны (с осени 1939 г. до осени 1943 г.) промышленное производство США непрерывно увеличивалось и выросло за это время почти в 2,5 раза. Такой громадный рост производства был вызван исключительно войной, военными заказами.

«Развитию военного производства США способствовали многие благоприятные факторы, связанные с тем, что война велась далеко за пределами Североамериканского континента, а накануне ее страна располагала самой мощной в мире промышленной базой. Вот почему в сравнении с Советским Союзом, который, имея мирную направленность экономики до войны, совершил перестройку и наладил выпуск во многом лучшего в мире вооружения в исключительно тяжелых условиях, успехи США по интенсивности роста и эффективности военного произ-

¹⁹¹ «Statistical Abstract of the U. S.», 1970, p. 248; «U. S. News and World Report», 26.IX 1966, p. 46.

¹⁸⁶ Гросс Л. Указ. соч., с. 294.

¹⁸⁷ Churchill W. The Second World War, v. 6, p. 559.

¹⁸⁸ Byrns J. Op. cit., p. 286.

¹⁸⁹ «Information Please Almanac», 1957, p. 362.

¹⁹⁰ «World Almanac», 1947, p. 523.

водства уступали успехам СССР. Это вынужден был признать президент Рузвельт, который в своем послании американскому конгрессу от 7 января 1943 г. указывал на то, что достижения США в производстве были сравнительно небольшими, чем достижения русских, развивших свою военную промышленность в условиях неимоверных трудностей, порожденных войной»¹⁹².

В США, где в отличие от других великих держав не было военных действий и воздушных бомбардировок, имелись особо благоприятные условия для выполнения военных заказов. Эти условия, созданные войной для хозяйства США, позволили крупному американскому капиталу вырваться в начале второй мировой войны лозунг: «бизнес, как обычно».

Колоссальный рост промышленной продукции за такой короткий период вызвал существенные изменения в экономике страны, что имело свои последствия во внутренней политике и в международном положении США, которое мы рассмотрим дальше. Пока отметим, что военная экономика вызвала сложные проблемы.

Лозунг «бизнес, как обычно» импонировал многим капиталистам в Америке. В действительности, однако, дела шли далеко не так, как обычно. От такого обычного, нормального и очень важного для Америки производства, как массовый выпуск легковых автомобилей, США вынуждены были годами отказываться.

В 1941 г. США произвели 3780 тыс. легковых автомобилей, в 1942 г. — только 223 тыс., в 1943 г. — менее 150 тыс., в 1944 г. — около 600 тыс., а в 1945 г., когда военное производство уже резко сокращалось, было выпущено лишь 70 тыс. легковых машин¹⁹³. Автомобильная промышленность была переключена на производство танков, бронемашин, самолетов и другого военного снаряжения.

Такое резкое сокращение производства легковых автомобилей проводилось не самотеком, а в результате государственных мероприятий по регулированию военного хозяйства, установлению системы приоритетов и лимитов.

В 1942 г. был установлен строгий лимит на потребление черных и цветных металлов, резиновых, текстильных и других изделий, необходимых в производстве легковых машин. К середине 1942 г. в связи с развертыванием программы военного производства обнаружился недостаток стали, меди, никеля, олова, каучука, текстильных и других товаров.

Предприятия, работавшие на оборону, пользовались приоритетом в получении сырья и материалов. В 1943—1944 гг. из перечисленных материалов ничего не было отпущено для производства легковых автомобилей.

Наряду с легковыми автомобилями в 1942 г. было приостановлено или ограничено производство холодильников, радиоприемников, стиральных машин, пылесосов, металлической мебели и других предметов домашнего обихода.

С 10 апреля того же года было запрещено без специального правительства разрешения строительство жилых зданий стоимостью свыше 500 долл. 8 апреля 1942 г. начальник управления военного производства Нельсон заявил, что с 1 июня производство большинства товаров широкого потребления будет прекращено.

Потребление меди в США, составлявшее 800 тыс. т. в 1939 г., увеличилось более чем в 2 раза в 1942 г. 24 июня 1942 г. Д. Нельсон,

¹⁹² История второй мировой войны 1939—1945 гг., 1976, т. 7, с. 368.

¹⁹³ «World Almanac», 1949, p. 260.

выступая с планом изъятия 1 млн. т меди у населения, предложил даже переплавить медные памятники и статуи¹⁹⁴.

Понятно, что в этих условиях не могло быть и речи об отпуске черных и цветных металлов на гражданское производство, для того чтобы продолжать «бизнес, как обычно».

К началу 1943 г. не только производство новых легковых автомобилей фактически прекратилось, но и пользование старыми автомобилями лимитировалось. Для владельцев 32 млн. легковых машин был установлен определенный километраж, который они имели право совершать в день на своих автомобилях. Это ограничение объяснялось необходимостью экономии каучука и бензина.

Районы, являющиеся главными производителями естественного каучука, были в самом начале тихоокеанской войны захвачены Японией. Правительство США уже с первых дней 1939 г. принимало меры к увеличению запасов каучука. Но международный картель, в котором господствовал англо-голландский капитал, контролируя 97% мирового экспорта естественного каучука, по соображениям сохранения монопольных цен лимитировал продажу каучука Америке. США вступили в войну с запасами естественного каучука, которых в нормальное время хватило бы лишь на один год¹⁹⁵.

В то же время США слабо развивали производство синтетического каучука из-за соглашения, существовавшего между американской нефтяной компанией «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и германским химическим трестом «И. Г. Фарбениндустри». Специальная комиссия сената США по обследованию выполнения программы национальной обороны, председателем которой был Трумэн, в своем отчете сенату документально показала, что «Стандард ойл» в результате его картельного соглашения с «И. Г. Фарбениндустри» препятствовал развитию производства синтетического каучука в США и создал положение, при котором его сотрудники действовали в пользу держав оси и во вред Объединенным Нациям¹⁹⁶.

Создавшееся положение заставило правительство США экономить каучук, в частности в автомобильном транспорте. 12 июня 1942 г. президент Рузвельт в своем обращении к населению США по радио открыл широкую кампанию в стране по сбору утиля резины. За две недели было собрано свыше 200 тыс. т резины. Но каучук продолжал оставаться дефицитным сырьем. 6 августа был создан специальный правительственный орган по вопросам, связанным с решением этой проблемы. Во главе этого органа стоял Б. Барух, предложивший форсировать производство синтетического каучука и довести его до 300 тыс. т в год. В 1944 г. это производство выросло до 800 тыс. т¹⁹⁷.

Лучше обстояло дело с бензином. Большая добыча и переработка нефти в США позволяли удовлетворять возросшие в военное время потребности страны в бензине. Но во многие крупные приморские города бензин доставлялся преимущественно на танкерах, которых в Америке после ее вступления в войну не хватало. Поэтому для 17 восточных штатов, округа Колумбия, а также для штатов Орегон и Вашингтон в мае 1942 г. были введены карточки на бензин.

В 1942 г. было также ратифицировано потребление кофе и сахара. Потребление кофе в связи с этим в США сократилось наполовину.

¹⁹⁴ «Current History», August 1942, p. 435.

¹⁹⁵ Baruch B. Public Years, N. Y., 1962, p. 282.

¹⁹⁶ «Current History», July 1942, p. 327.

¹⁹⁷ Baruch B. Op. cit., p. 286—287.

В 1941 г. США потребляли 7900 тыс. т сахара, большую часть которого они получали с Кубы, Филиппин и Гавайев. Филиппины оккупировали японцы, а на Гавайях производство сахара значительно сократилось. В то же время спрос на сахар сильно возрос. Сахар шел на производство алкоголя для военных целей. 1500 тыс. т сахара правительство США обязалось послать в 1942 г. союзникам по ленд-лизу.

Недостаток наблюдался также и в других товарах. Некоторые предметы потребления сделались дефицитными после установления контроля над ценами. Их трудно стало покупать по установленным твердым ценам в свободной продаже, но можно было приобрести по повышенным ценам на «черном рынке». Это относится, в частности, к мясу, которого вообще было достаточно в США. В конце марта 1943 г. было рационировано потребление мяса, жиров, масла, сыра и консервированной рыбы.

Самым сложным вопросом, который вызвал большие опасения и которому правительство и конгресс США уделяли особое внимание в 1942—1943 гг., была проблема инфляции.

В США с 1933 г., не существует свободного обмена бумажных денег на золото. Бумажные деньги, если в обращении их оказывается больше того золота, которое они замещают (т. е. больше необходимого товарному рынку количества), как известно, обесцениваются.

В 1942 г. образовался разрыв между количеством денег в обращении и товаров, находившихся в свободной продаже. Разрыв увеличивался с каждым месяцем. По мере роста военного производства росла и занятость населения, все большие размеры принимала сверхурочная работа. В стране росло количество денег, которое население желало реализовать. В своем послании конгрессу 7 сентября 1942 г. президент США утверждал, что годовая заработная плата рабочих и служащих, достигая 75 млрд. долл., превышает более чем на 70% общую сумму заработной платы в 1939 г. На 31 октября 1942 г. в США числилось в обращении на душу населения на 45% больше денег, чем на 31 октября 1941 г.¹⁹⁸ Вместе с тем уменьшалось производство тех товаров, на которые имевшиеся деньги могли бы быть реализованы.

По оценке министерства финансов США, в 1942 г. покупательная способность населения страны равнялась 115 млрд. долл., а товары, произведенные в этом году для продажи населению, стоили только 37 млрд. долл. Около двух третей промышленной продукции составляли корабли, самолеты, танки, пушки и многие другие предметы, которые в продажу населению не поступали. По утверждению президента Рузвельта, в 1942 г. для удовлетворения внутреннего спроса населения не хватало товаров на 20 млрд. долл., а в 1943 г. предполагали, что эта сумма дойдет до 30 млрд. долл.¹⁹⁹

В результате начался рост цен на предметы потребления. За первые пять месяцев участия США в войне стоимость жизни повысилась на 15%.

В дальнейшем, по мере уменьшения товарных запасов, ожидали более быстрого роста цен, ожидали инфляции еще более внушительной, чем в годы первой мировой войны.

В период первой мировой войны, в 1915—1920 гг., индекс розничных цен на продовольственные товары в США увеличился более чем в 2 раза. Еще более повысился за это время общий индекс оптовых цен на основные товары в США.

В первой мировой войне военное производство составляло гораздо меньшую долю национальной продукции, чем во второй мировой войне: как мы уже видели, в 1942 г. военное производство дошло до двух третей промышленной продукции. В первой мировой войне военное производство никогда не доходило до трети промышленной продукции США.

В годы первой мировой войны правительство США мирилось с ростом цен, с инфляцией. В 1942 г. оно забило тревогу. Президент Рузвельт неоднократно утверждал, что надвигающаяся инфляция чревата катастрофическими последствиями для военной и послевоенной экономики США. Без устойчивой валюты, без уверенности в долларе, говорил он, нельзя будет использовать производительные силы страны должным образом, форсировать и регулировать военное производство, так как все расчеты и заказы производятся в долларах. К тому же обесценение доллара, считал он, будет иметь отрицательное влияние на настроение миллионов американцев, находящихся в вооруженных силах и работающих на оборону в промышленности и сельском хозяйстве. Инфляция вызовет хаос в экономике и приведет к несчастью, последствия которого трудно предвидеть. Поскольку основной вклад Америки во вторую мировую войну составлял ее производственный аппарат, президент США трактовал опасность инфляции как проблему, имеющую большое национальное и международное значение²⁰⁰.

10 апреля 1942 г. по инициативе президента США состоялось специальное совещание по борьбе с инфляцией.

27 апреля Рузвельт обратился с посланием к конгрессу, в котором предложил программу из семи пунктов для борьбы с инфляцией: установить потолок цен, увеличить налоги, стабилизировать заработную плату и сельскохозяйственные цены, увеличить продажу облигаций государственных военных займов, рационировать все основные товары, в которых наблюдается недостаток, препятствовать продаже товаров в рассрочку и поощрять выплату долгов.

Спустя четыре месяца, 7 сентября, Рузвельт вторично обратился к конгрессу по этому вопросу, повторил свою программу, которая, по его мнению, должна была существенно снизить покупательную способность населения США. При этом Рузвельт заявил, что если конгресс до 1 октября не примет решения, уполномочивающего его стабилизировать стоимость жизни, то он, как президент США, возьмет ответственность на себя и будет действовать единолично.

В этом послании, а также в обращении к населению США по радио в тот же день Рузвельт утверждал, что, за исключением некоторых сельскохозяйственных продуктов, потолок цен фактически уже установлен на все товары. Вернее было бы сказать, что потолок цен официально установлен. В условиях капитализма, где товары принадлежат частным лицам, фиксирование государством цен еще не означает, что частные потребители получают необходимые им продукты по твердым ценам. В открытой торговле не хватало многих продовольственных и других товаров. В то же время эти товары продавались по повышенным ценам на «черном рынке», который во время войны процветал в стране, несмотря на то что в конгрессе США торговые операции на «черном рынке» называли «непатриотическими действиями»²⁰¹.

¹⁹⁸ «Current History», October, 1942, p. 147—155.

¹⁹⁹ «Congressional Record», 7.I 1943, p. A42.

Следует отметить, что на «черном рынке» в США продавались во время войны не только предметы потребления, но и важные для военного производства материалы, которые строго нормировались. Так, летом 1942 г. новоорлеанский судо-

¹⁹⁸ «Current History», December 1942, p. 352.

¹⁹⁹ «New York Times», 23.VII 1942; «Current History», October 1942, p. 81, 83, 148.

После бурного обсуждения 2 октября 1942 г. конгресс США принял закон о борьбе с инфляцией. В тот же день его подписал Рузвельт. Закон немедленно вступил в силу. Он предоставил президенту США широкие полномочия в отношении контроля цен, квартирной и заработной платы.

Управление по контролю над ценами существовало с апреля 1941 г. Но полномочия конгресса США на эффективное контролирование цен оно получило лишь в январе 1942 г. 28 апреля 1942 г. Леон Гендерсон, возглавлявший это управление, издал распоряжение о потолке розничных цен, за исключением цен на некоторые сельскохозяйственные продукты. 3 октября Гендерсон распространил потолок цен на сельскохозяйственные продукты, за исключением некоторых видов свежих овощей и фруктов, а также свежей рыбы, широкое потребление которых носит сезонный характер. По оценке Гендерсона, 90% продуктов, потребляемых американцами, находилось к этому времени под контролем.

В тот же день, 3 октября, Рузвельт создал Управление экономической стабилизации, которому был поручен контроль не только над гражданским потреблением, ценами, заработной платой, рентой и прибылью с тем, чтобы не допускать роста стоимости жизни, но и в известной мере контроль над передвижением рабочих, с тем чтобы по возможности ограничить их переезд из одного района в другой, их переход из одного предприятия в другое. Возглавил Управление экономической стабилизации член Верховного суда США Джеймс Бирнс. При Бирнсе был образован Совет экономической стабилизации в составе четырех министров, председателя Федерального резервного управления и других ответственных лиц.

Большая программа военного производства требовала известных жертв, сокращения потребления, снижения жизненного уровня населения. Военная продукция и предметы гражданского потребления производятся человеческим трудом, имеющим свой предел: если больше труда тратится на военную продукцию, то меньше труда остается для производства предметов гражданского потребления. Даже такая богатая страна, как США, в годы войны была не в силах одновременно производить много пушек и потреблять вдоволь масла.

Официально во время второй мировой войны в отличие от первой мировой войны в США цены выросли сравнительно ненамного. Индекс продовольственных розничных цен равнялся 105 в 1941 г., 124 — в 1942 г. и 139 — в 1945 г. За три года после установления контроля над ценами, в 1942 г., этот индекс вырос всего на 12%. Фактически имела место значительная инфляция, но происходила она скрытно. Статистика исходила из официально установленных цен. Между тем население США приобретало много существующих, в частности продовольственных, товаров по инфляционным ценам, не говоря уже о том, что по твердым ценам товары, как правило, были качественно хуже.

промышленник Хиггинс, заключивший контракт с правительством на строительство 200 кораблей, сообщил комиссии конгресса, что различные фирмы предлагают ему сталь помимо ведомства приоритетов. В то же время официально сообщалось, что заводы тяжелой промышленности в штатах Мичиган, Огайо, Индиана и Иллинойс сокращали свое производство из-за недостатка черного металла, что по этому правительством рекомендовало многим предприятиям, на которых рабочая неделя доходила уже до 56—60 часов, вернуться к 48-часовой рабочей неделе. Одни эти факты подтверждают, что регулирование военного хозяйства США происходило весьма относительно и что анархия капиталистического производства существовала в США и во время войны.

Как бы то ни было, все процессы и мероприятия, протекавшие и автоматически, и организованно и имевшие своим следствием сокращение покупательной способности населения, легли тяжелым бременем на трудящиеся массы. Несмотря на полную занятость, на сравнительно высокую заработную плату и на оплачиваемую сверхурочную работу, миллионы американских семейств, получавших фиксированный заработок в пределах от 2 тыс. до 5 тыс. долл. в год (к этой категории в 1945 г. относилось большинство семейств США), к концу второй мировой войны вследствие высоких цен и налогов имели реальный доход, намного уступающий довоенному. Известный американский журнал «New Republic» в июле 1945 г. даже утверждал, что доход этих семей составил к концу войны лишь немногим больше половины того, что они имели в 1939 г.

Следует учесть, что фиксированные в военное время цены продавцы товаров соблюдали весьма относительно. Фиксированную же заработную плату покупатели рабочей силы соблюдали абсолютно.

Формально правительство США принимало также меры против больших доходов, против чрезмерных военных прибылей. В посланиях конгрессу и в обращении к населению по радио в 1942 г. Рузвельт предлагал ограничить чистый (после уплаты всех налогов) индивидуальный доход максимумом в 25 тыс. долл. в год. Конгресс отказался одобрить предложение Рузвельта. В инструкции президента США директору Управления экономической стабилизации, однако, указывалось: необходимо следить, чтобы ни один оклад не превышал 25 тыс. долл. в год после уплаты налогов, страховых и других фиксированных взносов. Но тут же имелась оговорка, гласившая, что любая фирма может назначать своим сотрудникам более высокие оклады, если эти оклады не уменьшают налогов данной фирмы и не повышают стоимости ее продукции, предназначенной для государства. Эта оговорка была достаточной лазейкой для нарушения инструкции о максимальных окладах.

27 октября 1942 г. директор Управления экономической стабилизации издал распоряжение о том, что чистый оклад не должен превышать 25 тыс. долл. в год. Но ничего не говорилось о других источниках доходов. Между тем лица, возглавляющие крупнейшие монополии США, получающие самые большие в Америке оклады, имеют сплошь и рядом еще большие доходы как крупные держатели акций. Так, в 1941 г. А. Слоан как президент крупнейшей автомобильной компании «Дженерал моторс» получил в виде оклада 200 тыс. долл., а как акционер этой же компании — 2308 тыс. долл. Слоану никто не мешал одновременно иметь доход и от акций других компаний.

Собравшийся в начале 1943 г. новый, 78-й конгресс США аннулировал инструкцию президента Рузвельта о максимальном годовом окладе в 25 тыс. долл. Лица, «пострадавшие» от временного существования максимума оклада, были с лихвой компенсированы.

Еще меньшее значение имели разговоры о максимуме прибыли, о том, чтобы лимитировать прибыль. Основным способом сокращения сверхприбылей служили налоги. В конгрессе США каждое предложение о повышении налогов на крупнейшие доходы наталкивалось на сильное сопротивление. Противники таких налогов доказывали, что люди, получающие большие прибыли, являются сравнительно небольшими потребителями товаров, производимых для гражданского потребления, что их обложение не сократит существенно спроса на товарном рынке, не смягчит проблемы инфляции.

И хотя налоги на крупные доходы были увеличены и дошли одно время для крупнейших доходов почти до 80% всей суммы дохода,

крупный монополистический капитал США имел и использовал с помощью государства много возможностей для обогащения на войне, в том числе для сокращения или для компенсации налогового обложения. Одни манипуляции с амортизационными начислениями компенсировали крупным монополиям в значительной мере рост налогов.

О том, как богатели американские монополии в период второй мировой войны, написано довольно много во время и особенно после войны. Данные о прибылях капиталистических корпораций США свидетельствуют, что, несмотря на высокие военные налоги, чистая прибыль корпораций после уплаты налогов была во время войны в 3 раза больше, чем до войны. Средняя годовая чистая прибыль корпораций за довоенное пятилетие (1935—1939) составляла 3 млрд., а за 1941—1945 гг. — 9,5 млрд. долл. Нарастание военного производства государственные органы США осуществляли на условиях, выгодных монополистам. Стремление монополий к получению максимальных прибылей оказывало большое влияние на экономическую политику правительства США, на мероприятия, проводившиеся по программе ленд-лиза, и стратегическое планирование ведения войны²⁰².

Конечно, не каждая капиталистическая корпорация — монополия. В Америке во время войны оперировало около 400 тыс. корпораций. Из них только несколько сот крупных корпораций — одна из тысячи — относятся к монополиям. На войне разбогатели главным образом те крупные корпорации, те монополии, которые выполняли крупные военные заказы.

Лучшее и наиболее правильное представление об этом дают материалы специальной комиссии сената США по изучению проблем мелких фирм, подготовленные и разработанные сотрудниками военной корпорации мелких предприятий.

За пять лет, с 1940 по 1944 г., государство заключило с 18 539 частными корпорациями контракты на общую сумму в 175 млрд. долл. Сто крупнейших корпораций, куда входят такие известные во всем мире монополии, как «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «Ю. Стейтс стил корпорейшн», «Бетлхем стил корпорейшн», автомобильные компании Форда, Крайслера, химический трест Дюпона, «Стандард ойл оф Нью-Джерси», крупнейшие авиационные и судостроительные компании, получили контракты на 117 635 млн. долл., что составляет больше двух третей всей суммы. Из них 33 корпорации, каждая из которых заключила с государством контракты более чем на 1 млрд. долл., получили больше половины всей суммы, а 10 корпораций, каждая из которых заключила контракт более чем на 3 млрд. долл., получили больше 30% всей суммы. Одна «Дженерал моторс» заключила контракты почти на 14 млрд. долл., что составляет 8% всей указанной выше общей суммы²⁰³.

Военные контракты резко увеличили удельный вес крупнейших корпораций в промышленности США. Согласно сообщению сенатора Трумэна сенату США в феврале 1943 г., к началу войны 175 тыс. фирм производили 70% всей продукции обрабатывающей промышленности США, а 30% этой продукции давали 100 крупнейших корпораций. К началу 1943 г. роли переменялись: на долю 100 крупнейших корпораций приходилось 70% всей продукции обрабатывающей промышленности²⁰⁴.

Эти гигантские корпорации, эти крупные монополии пользовались во время войны особыми привилегиями, в частности приоритетом в получении дефицитных материалов и сырья. Правительство предоставило им возможность расширять старые и строить новые предприятия на исключительно выгодных условиях, исходя из того, что стоимость строительства будет амортизирована в течение пяти лет. За этот срок вся стоимость строительства возвращалась владельцам в виде амортизационных начислений на выпускаемую предприятиями продукцию.

Обычно амортизационный срок продолжается от 20 до 30 лет. Крупным монополиям было передано в пользование большое число предприятий, построенных в военное время за счет государства. После войны им же предоставили возможность приобрести эти предприятия на особые льготных условиях.

Монополии США очень осторожно вкладывали в военное время свои капиталы в новое промышленное строительство и оборудование. Во многих случаях они уклонялись от таких капиталовложений, так как, учитывая опыт первой мировой войны, они опасались, что после войны неизбежно наступит экономический кризис и капиталы, вложенные в производство, в значительной мере обесценятся. Поэтому государство строило много предприятий за свой счет.

С середины 1940 до середины 1945 г. в обрабатывающую промышленность США было вложено 25 700 млн. долл., 17 200 млн. долл. были инвестированы государством, а 8,5 млрд. долл. — частным капиталом. Из всех построенных государством промышленных объектов только предприятия стоимостью в 2,2 млрд. долл. эксплуатировались правительственными организациями.

Предприятия стоимостью в 3,4 млрд. долл. были переданы частным корпорациям для управления за определенное вознаграждение.

Остальные же государственные предприятия стоимостью в 11,6 млрд. долл. были полностью переданы в эксплуатацию частным предпринимателям, присвоившим преимущественное право на приобретение в собственность этих предприятий после войны. Это были предприятия, которые немедленно или после незначительной реконверсии могли быть использованы для производства мирного времени.

Государственные предприятия стоимостью в 8700 млн. долл. (или 75% всей приведенной выше суммы) эксплуатировали те же 100 крупнейших монополий, из них 25 самых крупных получили для эксплуатации предприятия стоимостью в половину всей указанной общей суммы²⁰⁵.

В результате монополии получили большие прибыли на капитал, собранный государством в стране при помощи займов и налогов. После войны в связи со значительным сокращением сроков амортизации этим же монополиям за бесценок досталось большинство предприятий и оборудования, сооруженных за счет государства.

В завершение всего конгресс США принял в 1942 г. специальное постановление, позволявшее предприятиям, работавшим на войну, уменьшить причитающиеся с них налоги путем сокращения действительной суммы прибылей, учитывая специальные военные и послевоенные расходы или убытки, связанные с реконверсией промышленности.

Таким образом, в то время, когда для рабочих была установлена твердая, так называемая стабильная заработная плата, все слова об ограничении прибыли капиталистов оказались пустыми разговорами. Аме-

²⁰² История второй мировой войны 1939—1945. М., Воениздат, 1976, т. 7, с. 66.

²⁰³ «Economic Concentration and World War II». 76th Congress, 2 Session, Senate Document, v. 206. Wash., 1946, p. 29—31.

²⁰⁴ «Congressional Record», 41.11 1943, p. 882.

²⁰⁵ «Economic Concentration and World War II», p. 37, 46, 48, 49.

риканские монополии умножили свои богатства в годы войны. Чем крупнее монополия, тем больше была ее доля в военных барышах.

Необычайно возросший в военное время государственный долг США, служивший крупным источником финансирования военных расходов, являлся вместе с тем орудием обогащения монополий, источником роста капиталов банков и трестов.

Государственный долг США, составивший 42 900 млн. долл. в 1940 г., дошел до 258 700 млн. долл. в 1945 г. За время войны государственный долг США вырос на 215 800 млн. долл., что составляет около двух третей всей суммы, которую Соединенные Штаты затратили на вторую мировую войну.

Такой колоссальный рост государственного долга позволил правительству заключить контракты с частными фирмами на 175 млрд. долл., львиная доля которых досталась крупнейшим монополиям.

Неудивительно, что в результате второй мировой войны в США усилился, как мы увидим дальше, процесс концентрации и централизации капитала, увеличилась роль монополий в экономике и политике.

Еще до вступления Америки во вторую мировую войну монополистический капитал США уже разрабатывал определенную программу руководства в послевоенном мире, в котором Англии уделялась роль младшего партнера.

Так, 23 сентября 1941 г. специальный советник при председателе правления «Дженерал моторс» по послевоенным политическим и экономическим проблемам Доуни выступил с докладом на собрании одной капиталистической ассоциации в Детройте на тему «Америка в послевоенном мире». В этом докладе Доуни, излагая цели американских монополий в войне, их послевоенные планы, их мечты о мировом господстве, сказал: «В этом мире англосаксы должны управлять или быть управляемыми... За успешным окончанием войны должен последовать вооруженный англосаксонский мир... Англия, вероятно, не будет в состоянии погашать старые и новые долги. Поэтому мы должны будем владеть на равных началах всеми стратегическими базами в мире, включая Гибралтар, Суэц, Сингапур и Фолклендские острова... Британская империя является такой же частью нашей системы обороны, как Панама, Куба, Гавайи, Филиппины, Аляска, Алеутские острова, острова в Атлантике и наши приобретенные сейчас базы. Если мы помогаем в обороне Британской империи, мы должны иметь равные права в развитии ее ресурсов... Британии определено нужен сильный партнер, старший партнер для руководства миром... В настоящее время мы спасаем себя так же, как и Британию. Британия только побочный продукт нашего собственного спасения... Что я стремлюсь доказать — это то, что для управления миром Британия нуждается в старшем партнере и что это, безусловно, роль, которую Америка будет играть в грядущие годы»²⁰⁶.

В этой программе намечался поход против прогрессивных сил в США, препятствующих проведению агрессивной политики монополистического капитала. В ней также рекомендовалось вмешательство Америки во внутреннюю жизнь других государств. «Чтобы удалить эти препятствия, — заявил Доуни, — мы должны сейчас начать готовить наши силы для ликвидации социалистического, радикального и других разрушительных влияний в нашей стране и в других государствах»²⁰⁷.

²⁰⁶ «Current History», July 1942, p. 329—334.

²⁰⁷ Ibid., p. 332.

В том же 1941 г. журнал «Лайф», возрождая империалистические трезы Теодора Рузвельта, провозгласил о том, что XX век должен стать американским веком.

В 1963 г. в Нью-Йорке была опубликована книга бывшего президента «Дженерал моторс» Альфреда Слоана. Как он повествует, в 1942 г. по его инициативе и под его председательством «Дженерал моторс» создал специальную группу для планирования послевоенной политики. Этой группе было поручено обрисовать будущую политическую картину мира и наметить будущую политику «Дженерал моторс» за границей. Слоан утверждал, что уже тогда возглавляемая им группа «предвидела нечто подобное холодной войне»²⁰⁸.

Послевоенная агрессивная, реакционная внутренняя и внешняя политика Вашингтона, политика доктрин и пактов, ведущих к активному вмешательству США во внутреннюю жизнь других государств, представляет выполнение определенных империалистических планов, которые вынашивались в руководящих кругах монополистического капитала США еще до нападения Японии на Пирл-Харбор.

На всем протяжении между первой и второй мировыми войнами подрывную работу против всеобщего мира вели международные картели. Они сыграли немалую роль в вооружении гитлеровской Германии и других агрессивных фашистских государств. Через картельные соглашения немцы были осведомлены о важных промышленных секретах США, имевших оборонное значение. В 1938 г., например, «Стандард ойл оф Нью-Джерси» предоставил «И. Г. Фарбениндустри» полную информацию о достижениях США в области производства синтетического каучука.

Американский историк Спектор утверждает, что все «виды технической и научной информации были доступны в Соединенных Штатах корпорациям, которые до войны поддерживали теснейшие картельные связи с германскими трестами»²⁰⁹.

В начале 1945 г. известный американский журнал в статье «Международные картели — угроза всеобщему миру» писал: «Мы, как государство, совершили самую дорогостоящую ошибку в нашей истории, позволяя нашим корпорациям сотрудничать через картели в строительстве военной машины Германии, Италии и Японии в 20-х и 30-х годах»²¹⁰.

В эти годы международные картели помогали возникновению, росту и укреплению фашизма в ряде стран. Перед второй мировой войной представители этих картелей в Англии и в США всячески проповедовали политику умиротворения Гитлера.

Мы уже отмечали, как «Стандард ойл» в силу его картельного соглашения работал на пользу держав оси. Компания «Стандард ойл» долго препятствовала использованию патента на производство синтетического каучука в США на основе ее соглашения в 1929 г. с германским химическим трестом²¹¹. Подобное обвинение выдвигалось в 1942 г. в США также против «Дженерал электрик», имевшей патентное соглашение с германской фирмой Крупфа. До войны 109 крупных американских компаний входили в международные картели. Картельные соглаше-

²⁰⁸ Sloan A. My Years With General Motors. N. Y., p. 329—330.

²⁰⁹ «Political Affairs», March 1965, p. 26.

²¹⁰ «Current History», February 1945, p. 111.

²¹¹ Соглашение между «Стандард ойл» и «И. Г. Фарбениндустри» предусматривало, что в случае возникновения препятствий со стороны государства или в связи с новыми обстоятельствами картель приспосабливается к изменившимся условиям, так как интересы «Стандард ойл» и «И. Г. Фарбениндустри» одинаковы («New Republic», 27.III 1944, p. 432).

ния распространялись на станки, электрооборудование, авиационный бензин, каучук, пластмассы, цинк, магний, бериллий, титан, красящие вещества и на многие другие очень важные в военном производстве материалы.

Германский химический трест «И. Г. Фарбениндустри» имел в Америке своими контрагентами такие известные монополии, как «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», «Америкэн алюминум компани», химический трест Дюпона и другие крупные промышленные концерны США, которые помогали росту вооруженных сил Германии до войны и старались спасти Гитлера и его режим в ходе войны.

Характерно соглашение, существовавшее между американской компанией «Бауш энд Ломб» и немецкой фирмой «Цейсс» в области производства и сбыта военных оптических приборов. «По соглашению между этими двумя концернами нацисты снабжались секретной американской военной информацией. Компания «Цейсс» получала секретные комиссионные вознаграждения. Американский концерн в первые годы войны ничего не продавал Англии»²¹².

В конце второй мировой войны в США были опубликованы материалы подкомиссии сената США по делам военной промышленности, председателем которой был сенатор Килгор. Эти материалы проливают некоторый свет на международные картели, показывают их деятельность как заговор против мира. На основании данных этой подкомиссии и других расследований установлено, что «Дюпоны тайно помогали вооружению Германии и особенно много помогали Гитлеру»²¹³. Еще более отчетливо рисуют международные монополии как поджигателей войны документы, захваченные в Германии после разгрома Гитлера.

На основе этих документов установлено, что руководители «И. Г. Фарбениндустри» вместе с сотрудничавшими с ними французами, а также англичанами и американцами не только готовили войну, но еще до прихода Гитлера к власти развивали во всем мире широкую военную и экономическую шпионскую деятельность, подготавливали осуществление тоталитарных программ психологической и экономической войны»²¹⁴.

Эти же документы свидетельствуют, что международные монополии финансировали в ряде стран реакционные организации и кампании, направленные против революционного движения и других прогрессивных сил.

В то время как национальные и международные монополии в Америке заботились о своих корыстных интересах и барышах, а некоторые из них даже предательски сотрудничали с врагами англо-советско-американской коалиции, рабочие США, как и трудящиеся других государств, боровшихся против фашизма, ставили выше всего победу в войне, уничтожение фашизма. Организованные рабочие неоднократно подчеркивали, что в этой напряженной войне заработная плата не является для них основным вопросом.

Вскоре после вступления США в войну, в декабре 1941 г., обе большие профсоюзные организации — АФТ и КПП — отказались на время войны от стачек. 12 января 1942 г. президент США создал Национальный военный совет труда для решения мирным путем всех конфликтов в промышленности, угрожающих военным усилиям государства. При этом указывалось, что его действия не должны находиться в противо-

речии с деятельностью Национального совета трудовых отношений, существовавшего с 1935 г., и законами о труде. 3 октября 1942 г. Рузвельт распространил действия Национального военного совета труда на всю промышленность и на всех рабочих. В декабре 1942 г. сам Национальный военный совет труда, однако, объявил, что его полномочия не распространяются на конфликты в промышленности, находящейся в ведении штатов и муниципалитетов, т. е. не распространяются на промышленность, не связанную с производством для обороны.

Профсоюзы одобрили создание Национального военного совета труда и обещали свое полное сотрудничество с ним. Организованные рабочие, считая уничтожение фашистских агрессоров своей основной задачей, сами согласились не применять во время войны одно из своих главных оружий в борьбе с капиталом — стачек и всячески содействовать военному производству. Большинство из возникших во время войны конфликтов (17 650) было улажено без стачек²¹⁵. Однако профсоюзы не могли согласиться с тем, чтобы заработная плата оставалась неизменной, а контроль над ценами был фиктивным, чтобы разговоры об ограничении прибыли оставались словами, а барыши монополий неизменно росли.

В середине 1944 г. Национальный военный совет труда опубликовал в своем отчете данные о заработной плате, свидетельствовавшие, что к началу 1944 г. две трети всех промышленных рабочих США получали не более двух третей от той суммы, которая составляла тогда прожиточный минимум средней рабочей семьи²¹⁶.

Во время войны возросла численность женщин, работавших в промышленности и сельском хозяйстве. К середине 1944 г. женщины составляли больше одной трети всей рабочей силы страны. Число женщин с определенным занятием и самостоятельным заработком превысило тогда 19 млн. по сравнению с 13 млн. в 1940 г.²¹⁷ 11 млн. женщин, работавших в 1944 г. в промышленности, имели заработную плату, составляющую меньше половины прожиточного минимума средней рабочей семьи²¹⁸.

Создавшееся положение, естественно, вызвало недовольство, вылившееся в протесты, а в ряде случаев и в стачки. Большинство стачек военного времени не было одобрено профсоюзным руководством и продолжались незначительное время. Несмотря на большое число стачек и вовлеченных в эти стачки рабочих, рабочее время, потерянное в производстве по этой причине за годы войны, было весьма незначительным, что видно из следующих данных²¹⁹:

	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Число стачек	2 968	3 752	4 956	4 750
Число вовлеченных в стачки рабочих . . .	840 000	1 981 279	2 416 000	3 467 000
% потерянного годового рабочего времени . .	0,05	0,15	0,09	0,47

Происходили и стачки, организованные профсоюзами: например, четыре стачки в угольной промышленности в 1943 г., в которые было вовлечено около 600 тыс. рабочих. 70% всех рабочих дней, потерянных

²¹⁵ «Current History», June 1965, p. 341.

²¹⁶ «Labor Fact Book», 1945, N 7, p. 134.

²¹⁷ Ibid., p. 163.

²¹⁸ «Congressional Record», v. 90, 1944, p. A4802.

²¹⁹ «Labor Fact Book», 1945, N 7, p. 109—111; N 8, 1947, p. 152.

Статистика в военное время давала вместе цифры стачек и локаутов.

²¹² «Current History», February 1945, p. 113.

²¹³ Сельдес Д. 1000 американцев. ИЛ, 1948, с. 183.

²¹⁴ «Labor Fact Book», 1947, N 8, p. 24—25.

в забастовках 1943 г., падает на угольную промышленность. Эти забастовки происходили под руководством председателя профсоюза горнорабочих Джона Льюиса, который, будучи активным изоляционистом, не соглашался с отказом АФТ и КПП от стачек в военное время.

Забастовки, проводившиеся в Соединенных Штатах в течение всего периода их участия в войне (независимо от того, кем они были организованы и независимо от того, какие силы старались их использовать), в общем вызывались несправедливым распределением тяжести войны, провокационными действиями предпринимателей, антирабочими законопроектами конгресса и законодательных собраний некоторых штатов.

Реакционные силы в конгрессе США воспользовались стачками в угольной промышленности для своих целей: в конце июня 1943 г. обе палаты конгресса приняли закон о запрещении стачек в военное время. Вопреки вето президента Рузвельта закон вступил в силу. Он был так сформулирован, что вызвал возмущение рабочих. Одно дело — добровольный отказ организованных рабочих от стачек на время войны с фашизмом. Другое дело — антипролетарский закон о запрещении стачек, инспирированный реакционными представителями американского капитала в конгрессе. Закон о запрещении стачек, как видно из приведенных выше цифр, скорее увеличил, чем сократил число забастовок в США.

Недовольство рабочих вызвала также кампания за увеличение продолжительности рабочей недели.

До войны, когда в Америке имелаась многомиллионная безработица, по инициативе Рузвельта был издан закон о сокращении продолжительности рабочей недели. По закону о заработной плате и рабочем времени, принятому в 1938 г., основная рабочая неделя считалась 44 часа — до ноября 1939 г., 42 часа — до ноября 1940 г. и 40 часов — в дальнейшем. Была установлена минимальная почасовая заработная плата: 25 центов — до ноября 1939 г., 30 центов с ноября 1939 до 1945 г. и 40 центов в дальнейшем.

Закон 1938 г. был принят с известными ограничениями. Как федеральный акт он не относился к местным предприятиям, не распространялся на рабочих, занятых на предприятиях, снабжающих товарами и обслуживающих население лишь одного штата. На практике этот закон тогда существенного значения не имел. Подавляющее большинство рабочих, на которых он распространялся, было занято неполную неделю. Те рабочие, которые были заняты более 40 часов в неделю, при сокращении рабочей недели в зарплате теряли, так как заработная плата соответствовала количеству рабочих часов. В 1938 г. закон о минимальной заработной плате касался всего 300 тыс. человек. В ноябре 1939 г., когда наступила следующая стадия действия закона, занятость рабочих и продолжительность рабочей недели увеличились в связи с войной. И то закон о максимальной рабочей неделе касался лишь от 2 млн. до 3 млн. человек, а о минимальной заработной плате — лишь 700 тыс. человек²²⁰. Осенью 1940 г., когда наступила третья стадия действия закона, война была в полном разгаре, занятость увеличилась, но закон о максимальной рабочей неделе касался лишь 2 млн. человек²²¹.

Закон не запрещал работать больше установленного времени. Он только объявил установленное время основой. Работа сверх этой основы должна была оплачиваться в полуторном размере.

До войны (поскольку рабочие в массе своей были заняты неполную рабочую неделю) этот закон вызывал мало споров и недоразумений.

Другое положение создалось после вступления США в войну. В ряде отраслей военного производства не хватало рабочих. Рабочая неделя увеличивалась и доходила на многих предприятиях до 56—60 часов. Капиталистическая печать обрушилась на 40-часовую рабочую неделю, протестовала против оплаты за дополнительные часы как за сверхурочную работу. Орган республиканской партии утверждал, что заработная плата рабочих на военных заводах «слишком высока»²²².

Пытаясь игнорировать положение об оплате сверхурочной работы, капиталисты старались увеличивать норму эксплуатации настолько, чтобы выработка на каждого рабочего была эквивалентна и даже более чем эквивалентна повышенной заработной плате, связанной со сверхурочной работой. Это обстоятельство вызывало немало конфликтов между трудом и капиталом.

Лидеры АФТ и КПП, тщательно соблюдая обещание об отказе от забастовок в военное время, уклонялись вместе с тем от защиты повседневных интересов рабочих, отвлекали их внимание сомнительными планами послевоенного экономического и политического развития США.

Специальная комиссия АФТ составляла нереальные проекты послевоенного развития США. Для того чтобы избежать массовой безработицы, она предлагала сократить рабочую неделю до 30 час. Отдел строительных рабочих АФТ выступил с десятилетним планом строительства жилых домов — 1500 тыс. домов в год. Комиссия профсоюзов железнодорожников высказалась за ассигнование государством многомиллиардных фондов на обеспечение после войны полной занятости. Аналогичную программу ответственности государства за полную занятость населения, проведения большого строительства жилищ, дорог, аэродромов, рассредоточения городов и т. д. выдвинул КПП.

28 марта 1945 г. представители АФТ и КПП подписали с представителями промышленников соглашение, в котором подтверждалось, что обещание профсоюзов об отказе от забастовок во время войны продлено и на послевоенное время на неопределенный период. Послевоенные события вскоре продемонстрировали несостоятельность этого соглашения, как показали и несостоятельность планов АФТ и КПП послевоенного экономического и политического развития США.

Коммунистическая партия США, защищая повседневные интересы рабочего класса, борясь за равноправие негров, разоблачая грабеж монополий, уделяла во время войны основное внимание победе антигитлеровской коалиции. Она поддерживала профсоюзы в их содействии всемерному росту производства, в 1942—1943 гг. вела энергичную кампанию за открытие второго фронта, в 1944 г. активно поддерживала на президентских выборах кандидатуру Франклина Рузвельта как сторонника ведения войны до безоговорочной капитуляции держав оси и как поборника сотрудничества с Советским Союзом после войны. Малочисленная коммунистическая партия дала больше 12 тыс. лучших своих сынов вооруженным силам²²³.

Но, увлекаясь актуальными тактическими задачами, некоторые лидеры Коммунистической партии США забыли об основной стратегической цели, об исторической миссии коммунистической партии, об ее авангардной роли в прогрессивном, рабочем и революционном движении. Бывший

²²⁰ «Economist», 11.XI 1939, p. 210.

²²¹ Keesing's Contemporary Archives, 1940—1943, v. IV, p. 4368.

²²² «New York Herald Tribune», 30.III 1942.

²²³ «Political Affairs», October 1945, p. 868.

генеральный секретарь Коммунистической партии США Э. Браудер начал проводить политику классового сотрудничества. Из его утверждений вытекало, будто американский империализм стал прогрессивным. По инициативе Браудера в мае 1944 г. партия была распущена и превращена в коммунистическую политическую ассоциацию.

В июле 1945 г. Коммунистическая партия США была восстановлена. К началу 1947 г. в ее рядах насчитывалось 74 тыс. членов²²⁴. В феврале 1946 г. Браудер был исключен из партии. Но некоторые его единомышленники остались и развивали вредную деятельность в дальнейшем, в сложные и трудные моменты в жизни партии.

Избранный на пост генерального секретаря Коммунистической партии США Юджин Деннис, касаясь в своем выступлении 18 сентября 1945 г. ошибок, совершенных под руководством Браудера в 1944 г., заявил: «Мы, коммунисты, признаем, что благодаря нашим собственным ошибкам мы оказались не в состоянии делать все то, что история на нас возлагала. В настоящее время мы повинны в дорогостоящих ошибках ревизии марксизма. Они ограничивали размах нашей деятельности, снизили нашу авангардную роль в борьбе против фашизма и имели своим результатом ликвидацию коммунистической партии, независимой политической партии американского рабочего класса»²²⁵.

* * *

Выборы 1942 и 1944 гг. в конгрессе США, а также президентские выборы в 1944 г. происходили в сложных и противоречивых политических условиях.

На выборах в 78-й конгресс, происходивших в 1942 г., оппозиционная республиканская партия получила в обеих палатах больше мест, чем она имела за все 10 лет пребывания Рузвельта в Белом доме. Она еще оставалась в меньшинстве, но в таком меньшинстве, которое в американских условиях не является беспомощным. В новом конгрессе республиканцы имели 40% всех голосов в сенате и 48% — в палате представителей.

Итоги выборов вызвали много разговоров и недоумений. Изоляционисты были более сильны в республиканской партии, чем в демократической. Отсюда некоторые пытались скоропалительно заключить, что выборы 1942 г. принесли победу изоляционистам. Однако внимательное рассмотрение хода и итогов выборов показывает несостоятельность подобных выводов.

Прежде всего следует учесть, что на выборах в конгресс, не совпадающих с президентскими выборами, оппозиционная партия, как правило, всегда выигрывает. За 70 лет, предшествовавших 1942 г., это правило было нарушено лишь один раз — в 1934 г. А главное, выборная кампания проходила под лозунгом: «энергичнее воевать». Этот лозунг чаще повторяли республиканцы, чем правительственная партия.

Кандидат в президенты от республиканцев в 1940 г. У. Уиллки и главный орган партии «Нью-Йорк геральд трибюн» резко критиковали правительство за недостаточно энергичное ведение войны. Уиллки, обращаясь к избирателям, говорил, что они должны судить о каждом кандидате в конгресс в зависимости от его отношения к войне и к участию США в международных делах после войны.

20 апреля 1942 г. Национальный комитет республиканской партии, активно готовясь к выборам, публично осудил изоляционизм, принял резолюцию против заключения компромиссного мира и за участие Соединенных Штатов после войны в международной организации по сохранению мира.

Хотя в конгресс вернулись такие известные реакционеры-изоляционисты, как Г. Фиш и сенатор Ч. Брукс, ни один из реакционных кандидатов не решился выступать на выборах с антисоветскими заявлениями или за мир с Гитлером. Даже бывший президент Гувер, проявляя активность в избирательной кампании, воздержался на сей раз от нападок на СССР. Комментируя выборы, Гувер признал: «В этих выборах можно обнаружить элементы протеста, но этот протест сводится к требованию более эффективной организации ведения войны». Характерно также, что в марте 1943 г. новая палата представителей большинством в 407 голосов против 6 продлила срок действия закона о ленд-лизе, несмотря на то что около 80% членов палаты, голосовавших в 1941 г. против ленд-лиза, вернулись после выборов 1942 г. на свои места в конгрессе²²⁶.

В то время как оппозиционные республиканцы выступали единодушно, демократы на выборах 1942 г. не выступали как единая партия. Бывший председатель Национального комитета демократической партии Дж. Фарли сколачивал оппозицию внутри партии против правительства Рузвельта. Он открыто защищал на выборах кандидатуры изоляционистов, утверждая, что то или иное отношение кандидата к державам оси не должно повлиять на избрание его членом конгресса или губернатором штата.

Разногласия между Рузвельтом и Фарли резко обнаружились в 1942 г. на выборах губернатора штата Нью-Йорк. Фарли, несмотря на протесты Рузвельта, удалось выдвинуть Беннета, связанного в прошлом с фашистским радио-патером Кофлином, кандидатом в губернаторы Нью-Йорка. В результате впервые за истекшие 20 лет губернатором штата Нью-Йорк был избран член республиканской партии Томас Дьюи.

В 78-м конгрессе изоляционисты, сторонники компромиссного мира с державами оси, были малочисленны и слабы. Все же выборы 1942 г. в США дали повод для каких-то иллюзий фашистским главарям в Берлине. Выборы 1944 г. их полностью разочаровали.

В 1944 г., как всегда в високосный год, в Америке происходили выборы президента и выборы в конгресс США. Кандидатом в президенты от демократической партии был Франклин Рузвельт, а от республиканской — губернатор Нью-Йорка Дьюи.

Известные круги в республиканской партии пытались использовать против Рузвельта пирлхарборскую катастрофу. Поводом для поднятия этого вопроса в предвыборной кампании служила упомянутая уже выше статья кандидата в вице-президенты от демократической партии Трумэна, опубликованная в августе 1944 г., на что последовал, как мы видели, ответ адмирала Киммела. Тем более что за месяц до выборов стало известно, что обвинения, выдвинутые против Киммела и генерала Шорта за разгром американского флота 7 декабря 1941 г., снимаются. Однако Дьюи не решился сделать этот вопрос темой предвыборной дискуссии. 25 сентября 1944 г. генерал Маршалл предупредил его, что материалы, относящиеся к данному вопросу, необходимо сохранить как военную тайну. Дьюи опасался, что дискуссия о событиях в Пирл-Харборе обернется

²²⁴ Фостер У. З. Очерк политической истории Америки, с. 534.

²²⁵ «Political Affairs», October 1945, p. 868—869.

²²⁶ Beard Ch. A Basic History of the United States. N. Y., 1944, p. 481—483.

против него, что она даст основания для обвинения его в нанесении ущерба усилиям США в тихоокеанской войне ²²⁷.

Официально в области внешней политики республиканская партия в своей предвыборной платформе высказывалась, как и демократическая партия, за войну до полной победы над державами оси и за международное сотрудничество после войны. Поэтому предвыборная дискуссия между двумя крупными партиями США сосредоточилась главным образом на вопросах внутренней политики, на том, как должны решаться задачи, стоявшие перед страной, в частности как решать послевоенные экономические проблемы.

На выборах победил Рузвельт. Он получил 54% всех голосов и 81% всех выборщиков. Он повел за собой 36 штатов, а его соперник Дьюи — только 12 штатов. Дьюи потерпел поражение даже в Нью-Йорке, где он был губернатором. Рузвельт, баллотировавшийся четвертый раз в президенты, одержал примерно такую же победу на выборах, как в 1940 г. Но на этот раз он должен был согласиться с заменой вице-президента Уоллеса Трумэн, который более устраивал консервативных демократов.

Вместе с президентскими выборами 7 ноября 1944 г. происходили выборы в 79-й конгресс США. Президентские выборы всегда вызывают всеобщий интерес в Америке. Выборы конгрессменов считаются по сравнению с выборами президента второстепенным вопросом, ограничивающимся местными интересами и чисто партийными соображениями.

Однако в 1944 г. огромный интерес избирателей к внешней политике повлиял на выборы в конгресс. Реакционные, профашистские взгляды стоили Гамильтону Фицу места в палате представителей, а изоляционизм Дж. Ная стоил ему места в сенате. И Фиш, и Най пробыли в конгрессе около 20 лет. Непримиримый изоляционист Рейнольдс, председатель сенатской комиссии по военным делам, один из двух демократов, голосовавших в ноябре 1943 г. против резолюции сената о послевоенном сотрудничестве США в поддержании международного мира, видя безнадежность перспективы быть переизбранным в сенат, сам отказался от выдвижения своей кандидатуры.

В целом состав 79-го конгресса США стал более благоприятным для правительства Рузвельта, чем состав прежнего 78-го конгресса (табл. 2).

Условия военного времени предоставили возможность оппозиции обращаться с доходчивыми апелляциями и обещаниями к фермерам, домашним хозяйкам и другим категориям избирателей. Платформа республиканцев на выборах 1944 г. обещала домашним хозяйкам ликвидировать рационирование продуктов, а фермерам — покончить с твердыми ценами. Но ничто не помогло. Кандидат республиканской партии Дьюи не только потерпел поражение в Нью-Йорке — в штате, где он был губернатором, но ему не удалось повести за собой Иллинойс — штат, где в г. Чикаго орудовал полковник Маккормик с его реакционной, изоляционистской, профашистской газетой «Чикаго трибюн». Дьюи также не добился успеха в штате Пенсильвания, считавшемся цитаделью «старой гвардии» республиканцев.

Активом Рузвельта явилось его напоминание американскому народу перед выборами о прошлом изоляционистском курсе республиканской партии. «Большинство республиканцев-членов конгресса, — говорил Рузвельт, — голосовало против закона о призыве на военную службу в 1940 г., они голосовали против отмены эмбарго в 1939 г., против закона о ленд-

Таблица 2

Соотношение сил республиканцев и демократов в конгрессе за 12 лет пребывания Рузвельта на посту президента США

Конгресс	Год выборов	Число членов			
		сенат		палата представителей	
		демократы	республиканцы	демократы	республиканцы
73-й	1932	59	36	313	117
74-й	1934	69	25	322	103
75-й	1936	76	17	333	89
76-й	1938	69	23	268	169
77-й	1940	66	28	267	162
78-й	1942	56	38	222	209
79-й	1944	57	38	243	190

лизе в 1941 г., а в августе 1941 г. они голосовали против продления закона о призыве на военную службу» ²²⁸.

Рузвельт победил на президентских выборах в четвертый раз. Второй раз избиратели США сделали для него исключение из правила — отказались в его пользу от традиции, не позволявшей одному и тому же лицу пребывать на посту президента более восьми лет. Расчеты республиканской партии на вынужденный абсентеизм миллионов избирателей, находящихся в вооруженных силах или недавно перекочевавших в новые военно-промышленные центры, не оправдались. Не оправдались также надежды республиканцев на фермерские штаты, представители которых в конгрессе были не согласны с правительственной политикой цен.

Большую поддержку Рузвельту оказывали организованные рабочие. Конгресс производственных профсоюзов полностью, а союзы, входящие в Американскую федерацию труда, в значительной своей части выступали за Рузвельта в предвыборной кампании и на выборах. Так поступали организованные рабочие и раньше, в частности в 1936 г. Но с тех пор их сила, значение и удельный вес на выборах значительно возросли. За истекшие 12 лет число членов профсоюзов в стране увеличилось в 6 раз и достигло в 1944 г. 14 млн.

Еще в июле 1943 г. Конгресс производственных профсоюзов создал под руководством С. Хиллмана Комитет политических действий. Комитет открыл 14 бюро в важнейших промышленных центрах страны и развернул энергичную деятельность, для того чтобы обеспечить совместные выступления и участие союзов, входящих в КПП, АФТ и братства железнодорожников, в президентских выборах. Председатель АФТ Грин предостерегал союзы, входящие в федерацию, от участия в общих действиях с союзами КПП в выборной кампании 1944 г. Но в важнейших штатах страны (Нью-Йорке, Пенсильвании, Огайо, Иллинойсе, Калифорнии и др.) росли объединенные усилия организованных рабочих. Местные союзы АФТ и КПП сплошь и рядом принимали на своих собраниях резолюции о том, что интересы успешного завершения войны и обеспечения международной безопасности в дальнейшем требуют переизбрания Рузвельта в четвертый раз.

²²⁸ Цит. по: «Мировое хозяйство и мировая политика», 1944, № 10-11, с. 27.

²²⁷ Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War, p. 291—292.

В июле 1944 г. перед официальным выдвижением кандидатуры Рузвельта на конвенте демократической партии в Чикаго, около 80 видных общественных и политических деятелей США создали Национальный гражданский комитет политических действий с целью способствовать переизбранию Рузвельта в президенты. В деятельности этого комитета руководители КПП принимали самое активное участие.

Поддержка, оказанная Рузвельту рабочим движением, служила источником его силы на выборах. То обстоятельство, что наиболее реакционные круги США поддержали Дьюи, давало основание рабочим опасаться, что в случае победы Дьюи завоевания, которых они добились в годы президентства Рузвельта, подвергнутся немедленной атаке.

В 1944 г. от республиканской партии и ее кандидата в президенты отвернулись и определенные группы республиканцев, а также некоторые очень влиятельные капиталистические круги. За три недели до выборов группа активных деятелей республиканской партии на Дальнем Западе во главе с бывшим советником Уиллки и известным юристом Крамом заявила об организации республиканского комитета сторонников Рузвельта. Банкирский дом Морган, финансировавший в 1936 г. кампанию за избрание президентом США Лендона и официально высказавшийся за Уиллки в 1940 г., не поддержал Дьюи в 1944 г. Поведение этого международного банкирского дома объясняли внешнеполитическими соображениями. С самого начала второй, так же как и первой, мировой войны Морган и его компаньоны заняли антигерманскую позицию.

Влиятельные лидеры республиканской партии — те из них, кто стоял за спиной Дьюи, — до последней минуты пытались бросать спасательные круги германским захватчикам. Бывший президент Гувер в опубликованной им вместе с Гибсоном книге «Проблемы прочного мира» старался обелить Гитлера, оправдать его агрессию объективными причинами. В Берлине не скрывали своих надежд на Гувера и его единомышленников, считали, что победа Дьюи откроет перед Германией кое-какие перспективы на то, что единство в лагере союзных держав будет нарушено, что фашистам удастся избежать расплаты за совершенные ими разрушения и злодеяния, что в какой-то форме удастся сохранить прежнюю Германию с ее духом старого прусского милитаризма. Естественно, что в Берлине были горько разочарованы итогами выборов в США.

Некоторые известные капиталисты США предпочитали в 1944 г. Рузвельта Дьюи, исходя из внутриполитических и экономических соображений.

В 1944 г. в этих капиталистических кругах США считали, что экономические проблемы страны в целом, и в отдельных отраслях хозяйства в частности, слишком сложны, чтобы они решались после второй мировой войны так, как они решались после первой войны при Гардинге, Кулидже и Гувере, т. е. наугад, наудачу.

Не со всеми мероприятиями правительства Рузвельта эти группы капиталистов были согласны. Но в создавшихся условиях они предпочитали иметь разногласия с Рузвельтом, чем жить в согласии с таким президентом, как Дьюи. Поэтому в 1944 г. от республиканской партии отвернулись некоторые капиталистические круги, которые активно ее поддерживали в 1936 и 1940 гг. Но в основном, конечно, республиканцы в 1944 г., как и в прошлом, черпали свои силы в наиболее состоятельных слоях населения.

Выборы 1944 г. продемонстрировали рост авторитета СССР в Америке и симпатий к героической Советской Армии и ко всему советскому народу среди населения США.

Выступая перед выборами, Рузвельт считал нужным напомнить американцам факт установления по его инициативе дипломатических отношений между США и СССР в первый же год его президентства. Заявляя перед избирателями, что он гордится этим фактом, Рузвельт напомнил, что его соперник на выборах 1944 г., всего несколько лет назад, осуждал признание СССР Америкой в 1933 г. «Американский народ, — заявил Рузвельт, — рад и гордится тем, что находится в союзе с храбрым народом России не только в борьбе за военную победу, но и в закладке фундамента для всеобщего мира, который последует за войной, и в деле сохранения этого мира»²²⁹.

5. Международные конференции

Атлантическая хартия. Вашингтонская декларация 26 государств. Англо-американские переговоры под условным обозначением «Аркадия». Обязательство открыть второй фронт в Европе в 1942 г. Совещание в Касабланке. Сущность «безоговорочной капитуляции». План Моргентау. Конференция 1943 г. в Квебеке. Московская конференция 1943 г. Каирская конференция. Конференция глав правительств трех держав в Тегеране. Вторая конференция в Квебеке. Конференция в Думбартон-Оксе. Ялтинская конференция. Одобрение ее решений в США. Рузвельт о советско-американском сотрудничестве и дружбе после войны

В годы второй мировой войны США участвовали во многих международных конференциях. Никогда в прошлом Америка не заключала в течение пяти лет так много и столь важных для своего времени соглашений с государствами, расположенными по ту сторону Атлантики, сколько в 1941—1945 гг.

Вильсон был первым американским президентом, отправившимся через Атлантический океан с миссией в Европу. Это было после окончания первой мировой войны. В годы второй мировой войны президент Рузвельт трижды пересекал Атлантический океан для участия в международных конференциях в Европе, Азии и Африке.

Прежде чем касаться роли США на конференциях, занимающих определенное место в дипломатической истории второй мировой войны, необходимо напомнить, что политические принципы и лозунги, провозглашенные на англо-американских конференциях, носили зачастую декларативный характер. Правительство США старалось прежде всего придавать своим международным актам такую внешнюю форму, которая импонировала бы народам, боровшимся против фашизма.

В буржуазной дипломатии форма обычно отличается от содержания. Тем более эта особенность проявилась во время второй мировой войны. Из восьми пунктов Атлантической хартии, в которой правительства США и Англии сформулировали в августе 1941 г. свои взгляды на послевоенный мир, все наиболее важные были чисто декларативными. В сентябрь того же года подлинные послевоенные цели монополистического капитала США были изложены в программе «Америка в послевоенном мире».

9 августа 1941 г. к берегам Ньюфаундленда подошел новейший английский линкор «Принц Уэльский». На борту линкора находились Черчилль и сопровождавшие его высшие военные чины Великобритании. В этот же день туда прибыл на американском крейсере «Аугуста» Рузвельт в сопровождении группы военных и дипломатических деятелей США.

²²⁹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1944—45. N. Y., 1950, p. 324.

Переговоры между Черчиллем и Рузвельтом на борту английского линкора и американского крейсера продолжались три дня. Большое место в этих переговорах занимал вопрос об общих действиях на Дальнем Востоке, а также о военной помощи Англии и СССР. Была достигнута договоренность о конференции трех держав (она открылась 28 сентября 1941 г. в Москве).

Рузвельт и Черчилль провозгласили «некоторые общие принципы национальной политики» Англии и США для будущего послевоенного мира. Эти принципы были опубликованы 14 августа 1941 г. и получили название Атлантической хартии²³⁰.

24 сентября 1941 г. на межсоюзной конференции в Лондоне Советское правительство присоединилось к Атлантической хартии, отметив при этом, что конкретное применение ее принципов «должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны».

После войны авторы Атлантической хартии выступили против ее принципов в ряде стран — в Греции²³¹, Китае, Вьетнаме, Гватемале, Кении и др. Но уже в ходе обсуждения Атлантической хартии разногласия между Англией и Америкой в большей мере обесценили ее значение.

Большие трудности вызвали 3-й и 4-й пункты. Против 4-го пункта возражали англичане. Они утверждали, что этот пункт аннулирует Оттавское соглашение, предусматривавшее «имперские преференции» — преимущество для торговли внутри Британской империи. Выход нашли в том, что в 4-й пункт была включена оговорка: «соблюдая должным образом свои существующие обязательства». Но такая оговорка сделала этот пункт совершенно бессодержательным²³².

Черчиллю оказался не по вкусу и 3-й пункт, где говорится о праве каждого народа избирать свою форму правления. Американцы, желая получить свободный доступ в страны Британской империи, толковали этот пункт таким образом, что он распространяется на обширные английские колонии, в частности на Индию.

Черчилль в своем выступлении в палате общин 9 сентября 1941 г. специально остановился на этом вопросе и разъяснил, что 3-й пункт

²³⁰ Восемь пунктов Атлантической хартии сводились к следующему:

- 1) США и Англия не стремятся к территориальным и иным приобретениям;
- 2) они не согласятся на территориальные изменения без желания заинтересованных народов;
- 3) они уважают право каждого народа избирать свою форму правления и стремятся восстановить суверенные права тех народов, которые насильственным путем лишились этих прав;
- 4) они считают, что все страны, соблюдая должным образом свои существующие обязательства, должны иметь доступ на равных основаниях к торговле и к мировым источникам сырья;
- 5) они стремятся обеспечить полное международное экономическое сотрудничество;
- 6) они надеются после победы в войне обеспечить такое положение, когда люди везде могли бы жить в безопасности, не зная ни страха, ни нужды;
- 7) после войны должно быть обеспечено всем государствам свободное плавание по морям и океанам;
- 8) они считают, что все государства должны отказаться от применения силы в своей внешней политике и что до организации надежной системы всеобщей безопасности агрессоры должны быть разоружены. США и Англия будут содействовать избавлению народов от бремени вооружений.

²³¹ В Греции это было продемонстрировано еще до окончания войны.

²³² Государственный секретарь США Хэлл позднее писал, что эта оговорка «лишает пункт фактически всякого значения, так как она предусматривает сохранение за Англией в дальнейшем ее имперских тарифных преференций, против которых я боролся восемь лет» (*Hull C. Memoirs, v. 2, N. Y., 1948, p. 975*).

Атлантической хартии относится только к европейским странам, оккупированным фашистскими войсками, и не имеет никакого отношения к политике Англии в Индии, Бирме и других частях Британской империи.

Таким образом, ровно через месяц после встречи у Ньюфаундленда Черчилль с трибуны английского парламента аннулировал самое ценное, что в Атлантической хартии могло бы обнадежить угнетенные народы. Британский премьер продемонстрировал в палате общин, что общие принципы, провозглашенные этой хартией, оказываются беспринципными.

Когда 1 января 1942 г. 26 государств, подписавших Вашингтонскую декларацию, в которой они обязались не заключать сепаратного мира или перемирия с державами оси, объявили в этой декларации о своем присоединении к общей программе, целям и принципам, выраженным в Атлантической хартии, в нее были уже внесены ее авторами такие поправки, которые искажали ее смысл²³³. Но в то напряженное военное время мало кто из подписавших Вашингтонскую декларацию обращал внимание на поправки, внесенные в эту хартию Черчиллем.

В официальных кругах Вашингтона не преувеличивали значения Атлантической хартии, объявляли, что ее не следует рассматривать как договор²³⁴. Другими словами, в Вашингтоне показали, что англо-американская декларация от 14 августа 1941 г. не возлагает на США каких бы то ни было обязательств.

18 августа на встрече с лидерами конгресса Рузвельт заверял, что в беседах с Черчиллем последний никаких новых обязательств на США не возлагал. Вместе с тем Рузвельт отметил, что главная опасность вовлечения Америки в ближайшее время в войну находится не в Атлантике, а в Тихом океане.

Назавтра, 19 августа, Рузвельт на пресс-конференции подчеркивал, что «американскому народу необходимо осознать, что он находится в состоянии тяжелой борьбы». При этом он цитировал Авраама Линкольна, который в 1862 г. в разгар гражданской войны жаловался: «...Народ не имеет представления о том, что войну необходимо продолжать, тяжело и упорно сражаясь». Американская печать, комментируя интервью Рузвельта, пришла к заключению, что президент рассматривает США как страну, находящуюся уже в состоянии войны²³⁵.

Через две недели после вступления США в войну, 22 декабря 1941 г., Черчилль и сопровождавшие его лица прибыли в Вашингтон, где он, Рузвельт и их советники вели переговоры об основах совместной стратегии США и Великобритании. В переговорах, имевших кодовое название «Аркадия», участвовали английские и американские начальники штабов. Несмотря на оппозицию в конгрессе и на кампанию в изоляционистской печати, которые требовали, чтобы Америка направляла все свои силы на войну против Японии, на конференции «Аркадия» при разработке общей англо-американской стратегии исходили из того, что главным противником США, как и Великобритании, является Германия, разгром которой обеспечивает полную победу над державами оси.

С 29 мая по 1 июня 1942 г. в Белом доме происходили очень важные переговоры между президентом США и народным комиссаром

²³³ Вашингтонскую декларацию подписали США, Англия, СССР, Китай, Индия, Канада, Австралия, Чехословакия, Польша, Югославия, Бельгия, Люксембург, Голландия, Греция, Норвегия, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Никарагуа, Панама, Куба.

²³⁴ *Sherwood R. Roosevelt and Hopkins, p. 362.*

²³⁵ *Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War, p. 124—125.*

иностранных дел СССР. Переговоры касались поставок по ленд-лизу, а также проблемы сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов в деле обеспечения мира и безопасности после войны. Но основной темой этих переговоров был вопрос об открытии второго фронта в 1942 г. в Западной Европе.

В результате 11 июня 1942 г. было опубликовано советско-американское коммюнике, в котором говорилось: «При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.».

Выше мы уже показали, как это обязательство правительства США было нарушено. Мы также показали, что в 1942 г. США и Англия имели все возможности для успешного открытия второго фронта во Франции и что влиятельные силы в Вашингтоне и Лондоне сделали все, что могли, для того чтобы эти возможности не были использованы.

Поэтому здесь мы ограничимся приведением некоторых деталей из переговоров в Белом доме с 29 мая по 1 июня 1942 г.

Рузвельт соглашался с тем, что Гитлер является главным общим врагом и что основные силы союзников должны быть направлены против фашистской Германии. Он несколько раз повторял, что второй фронт в Западной Европе будет открыт еще в 1942 г.

Лидер республиканцев в сенате Тафт, правда, утверждал, что без одобрения сенатом обязательство президента США об открытии второго фронта не имеет силы. Но, после того как конгресс США снял все ограничения, существовавшие для использования вооруженных сил США за границей, вопрос о том, где, когда и как использовать эти силы, подлежал компетенции президента как главнокомандующего всеми вооруженными силами США. К тому же в Белом доме во время переговоров, в которых Рузвельт обязался открыть второй фронт в 1942 г., присутствовали председатели комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей Коннелли и Блум.

Рузвельт говорил, что в интересах открытия второго фронта придется сократить американские поставки в СССР, так как подготовка и обслуживание военных операций в Западной Европе потребуют очень многих транспортных средств. Он сообщил народному комиссару иностранных дел СССР, что в течение 12 месяцев начиная с 1 июля 1942 г. в Америке будет изготовлено для СССР 8 млн. т различных материалов и продуктов, но из-за недостатка транспорта удастся отправить в Советский Союз лишь 4100 тыс. т. Потом президент США предложил сократить эту цифру до 2500 тыс. т²³⁶. Поставки по ленд-лизу были сразу сокращены, а фронт в Западной Европе не был открыт в течение двух лет.

Во время этих переговоров в Белом доме Рузвельт касался и вопроса о послевоенном мире, о том, что после победы союзников мир может быть установлен и гарантирован великими державами-победителями по крайней мере на 25 лет; о разоружении Германии и Японии и об установлении такого эффективного контроля, который исключил бы возможность ремилитаризации этих государств; о ликвидации системы мандатов и об установлении международного управления над мандатными и некоторыми другими колониальными владениями.

С 14 января 1943 г. происходило десятидневное совещание между Рузвельтом и Черчиллем в Марокко, в городе Касабланке. В совещании принимали участие руководители вооруженных сил США и Англии. На нем обсуждались общие планы военных операций в 1943 г.

Планы военных действий в 1943 г. против Германии, не считая воздушных бомбардировок, ограничивались, в конечном итоге, операциями в бассейне Средиземного моря, хотя присутствовавший в Касабланке начальник штаба американской армии Маршалл еще продолжал настаивать на вторжении в 1943 г. в Северную Францию. Начальники штабов морских и воздушных сил США Кинг и Арнольд не поддерживали Маршалла. Кинг соглашался с Черчиллем, что обеспечение свободного плавания по Средиземному морю имеет первенствующее значение, а Арнольда привлекала перспектива получения воздушных баз в Италии.

Операции на европейском театре военных действий и задачи в связи с этими операциями по их значимости были определены в Касабланке в следующем порядке. Первое место было отведено борьбе за Атлантику, безопасности коммуникаций в бассейне Атлантического океана; второе — военным поставкам в СССР; третье — операциям против Италии; четвертое — операциям в Ла-Манше.

Совещание в Касабланке происходило в дни перелома в ходе второй мировой войны, после окружения и разгрома немцев у Сталинграда. Оно закончилось за неделю до ликвидации последних очагов сопротивления армии Паулюса. В этих условиях в Касабланке было принято решение о борьбе союзников до безоговорочной капитуляции держав оси.

Спустя около 20 лет после окончания войны в США было опубликовано заявление бывшего президента Эйзенхауэра, утверждавшего, что он был против требования о безоговорочной капитуляции, так как оно заставило немцев сражаться до конца. Рузвельту, настаивавшему на безоговорочной капитуляции, как отмечала тогда американская печать, возражали и другие, в том числе и Черчилль, считавшие, что это условие продлит войну²³⁷.

В действительности в ходе войны британский премьер толковал условия капитуляции, выдвинутые им и Рузвельтом в Марокко, исключительно сурово. Через год после совещания в Касабланке, 14 января 1944 г., Черчилль, разъясняя сущность «безоговорочной капитуляции», заявил, что это означает:

- 1) Германия будет полностью разоружена и лишена какой бы то ни было возможности ремилитаризации;
- 2) ей будет запрещено пользоваться авиацией, как военной, так и гражданской, а также практиковаться в летном мастерстве;
- 3) виновные в злодеяниях должны будут предстать перед судом тех стран, где их преступления совершались;
- 4) Германия должна быть разделена на ряд отдельных государств; Восточная Пруссия и германские земли, расположенные к востоку от реки Одер, должны быть отчуждены навсегда, а жители этих территорий переселены; сама Пруссия должна быть разделена и урезана, Рур и другие важные центры угля и стали должны быть изъяты из-под власти Пруссии²³⁸.

В таком духе после Сталинградской битвы начали выработываться планы решения судьбы послевоенной Германии в официальных кругах Вашингтона.

В марте 1943 г. Рузвельт в беседе с министром иностранных дел Англии Иденом высказался за поощрение сепаратистского движения в пользу создания отдельных государств в послевоенной Германии²³⁹.

²³⁷ «U. S. News and World Report», 4.I 1965, p. 12; 26.XII 1966, p. 6.

²³⁸ Churchill W. The Second World War, v. 4, p. 617—618.

²³⁹ «The United States and Germany 1945—1955», Department of State Publication, 5827, May 1955, p. 3—4.

На конференции в Квебеке в августе 1943 г. Рузвельт и Черчилль согласились с необходимостью расчленения и «обезвреживания» Германии. В дальнейшем, в 1944 г., конкретные предложения, разработанные в этом направлении, называли «планом Morgentau»²⁴⁰.

В Квебеке было заключено специальное секретное соглашение между главами правительств США и Великобритании об англо-американском сотрудничестве в области производства и использования в будущем атомной энергии в военных и мирных целях. По этому соглашению помимо обмена исчерпывающей научной, технической и другой информацией и согласования работ обеих стран в данной области обе стороны обязались никогда не применять атомного оружия друг против друга, а также против третьей стороны без предварительного согласия на это обеих договаривающихся сторон.

На конференции в Квебеке Гопкинс представил документ, содержащий оценку высшими военными кругами США послевоенного положения Советского Союза в Европе²⁴¹.

В этом документе говорилось, что после краха фашистской Германии СССР будет доминирующей силой в Европе. Учитывая решающую роль Советского Союза в войне и то, что после войны в Европе не окажется противостоящей ему адекватной силы, авторы этого документа пришли к заключению, что необходимо сохранить и развивать самые дружествен-

²⁴⁰ «План Morgentau» состоял из 14 статей:

1) демилитаризация Германии после ее капитуляции (полное разоружение армии и населения, полное уничтожение всей военной промышленности Германии и перемещение или уничтожение других ключевых отраслей промышленности, важных в военном отношении);

2) установление новых границ Германии (передача Польше той части Восточной Пруссии, которая не переходит к СССР, и южной части Силезии; передача Франции Саара и смежных территорий, прилегающих к Рейну и Мозелю; создание интернациональной зоны, включающей Рур и окружающие промышленные районы);

3) раздел остающейся части Германии на два автономных, независимых государства (а) Южно-германское в составе Баварии, Вюртемберга, Бадена и некоторых более южных районов и б) Северогерманское, включающее значительную часть старой Пруссии, Саксонию, Тюрингию и некоторые более мелкие государства); установление таможенного союза между новым Южногерманским государством и Австрией, которая будет восстановлена в своих политических границах до 1938 г.;

4) район Рура должен быть не только лишен всех существующих там отраслей промышленности (все промышленные предприятия должны быть полностью демонтированы, а все оборудование шахт свято и шахты закрыты), но и настолько ослаблен и подвергнут контролю, чтобы он не смог в обозримом будущем превратиться в промышленный район;

5) возмещение нанесенного немцами другим странам ущерба;

6) реорганизация системы просвещения в Германии;

7 и 8) деятельность военной администрации союзников и форма правления после раздела Германии;

9) контроль над германской экономикой;

10) аграрная реформа и ликвидация крупных поместий;

11) денацификация и меры наказания за злодеяния и военные преступления;

12) запрещение на территории Германии военных парадов, военных оркестров и пошения немцами военной формы;

13) конфискация всех видов военной и гражданской авиации и запрещение немцам заниматься летным делом;

14) отзыв в ближайшем будущем американских войск и возложение основной ответственности за надзор и за управление Германией на вооруженные силы соседних с Германией стран — СССР, Франции, Польши, Чехословакии и др. (A Decade of American Foreign Policy US Senate, 81st Congress, Document N 123, p. 502—505).

²⁴¹ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins, p. 748.

ные отношения с СССР. При этом указывалось, что важнейшим фактором, которым США необходимо руководствоваться в отношениях с СССР, является война на Тихом океане. При участии дружественного Советского Союза эта война закончится быстрее и с меньшими для США людскими и материальными жертвами.

Документ, представленный Гопкинсом в Квебеке, объяснял в известной мере позицию президента Рузвельта на предстоявшей вскоре конференции глав правительств трех держав в Тегеране.

Перед конференцией в Тегеране (19—30 октября 1943 г.) в Москве состоялась конференция министров иностранных дел Советского Союза, США и Англии. Министр иностранных дел Англии Иден в своем выступлении на Московской конференции 25 октября высказывался о будущей Германии в духе плана, разработанного Г. Morgentau²⁴².

Опубликованная 2 ноября 1943 г. декларация, подписанная этими тремя министрами и китайским послом в Москве, предусматривала «еще более тесное сотрудничество в ведении войны и во всех вопросах, относящихся к капитуляции и разоружению врагов». Она также установила «принципы, на которых по соглашению четырех правительств должна быть основана широкая система международного сотрудничества и безопасности»²⁴³.

На этой конференции была принята специальная декларация о всеобщей безопасности, в которой говорилось, что правительства США, Великобритании, Советского Союза и Китая «признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей Международной Организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые»²⁴⁴.

Для обеспечения тесного сотрудничества между тремя правительствами при изучении европейских вопросов, возникающих в ходе войны, «Конференция решила создать Европейскую консультативную комиссию с местопребыванием в Лондоне для изучения этих вопросов и для выработки совместных рекомендаций трем Правительствам»²⁴⁵.

В результате Московской конференции были опубликованы специальные декларации об Италии и Австрии. Тогда же была опубликована декларация, подписанная главами правительств США, СССР и Англии, об ответственности гитлеровцев за совершенные ими зверства.

За две недели до отъезда государственного секретаря США Хэлла на конференцию в Москву в государственном департаменте произошли изменения, имевшие большое политическое значение. 25 сентября 1943 г. появилось сообщение Белого дома об отставке заместителя государственного секретаря Уэллеса и о замене его бывшим председателем правления «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Э. Стеттиниусом. Это назначение по существу означало, что по мере приближения победы в войне руководящие деятели монополистического капитала США все больше забирают внешнюю политику непосредственно в свои руки. В последующем, в 1944 г., Стеттиниус заменил самого Хэлла на посту государственного секретаря США.

²⁴² В этом своем выступлении Иден заявил, что его правительство «не хотело бы, чтобы Германия осталась объединенной. Оно предпочитает видеть ее разделенной на отдельные государства, в особенности отдельную Пруссию» (Hull C. Memoirs, v. 2, p. 1287).

²⁴³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1. М., 1946, с. 412.

²⁴⁴ Там же, с. 415.

²⁴⁵ Там же, с. 413.

Уход Уэллеса диктовался и внутривластными соображениями, силой сената, с которой в то время Рузвельту особенно необходимо было считаться.

Разногласия между Хэллом и Уэллесом существовали давно. Уэллес опирался на Рузвельта. Его поддерживал доверенный и личный друг президента США Гопкинс. И Рузвельт, и Гопкинс считали, что Уэллес должен представлять США на конференции министров иностранных дел в Москве. Но обострившийся конфликт в государственном департаменте поставил Рузвельта перед дилеммой: либо Хэлл, либо Уэллес. Рузвельт пожертвовал Уэллесом.

Бывший сенатор Хэлл, заседавший около четверти века в конгрессе США, сохранил очень сильное влияние в сенате. Рузвельт, помня печальный опыт президента Вильсона в 1919 г.²⁴⁶, дорожил своими отношениями с сенатом США.

После возвращения Хэлла из Москвы, 5 ноября 1943 г., сенат США большинством голосов в 85 против 5 одобрил резолюцию Коннели о ведении войны до полной победы и об участии США после войны в международной организации по сохранению мира. Палата представителей приняла аналогичную резолюцию У. Фулбрайта еще в сентябре 1943 г. Решения сената и палаты представителей оправдали расчеты и укрепили позиции Рузвельта, собиравшегося на конференцию глав трех правительств в Тегеран.

13 ноября 1943 г. Рузвельт в сопровождении Гопкинса, начальника штаба американской армии Маршалла и других высших чинов вооруженных сил США на борту новейшего и самого крупного американского линкора «Айова», эскортированного эсминцами, взял курс на Гибралтар²⁴⁷.

20 ноября «Айова» прибыла в Оран, откуда Рузвельт отправился воздушным путем в Каир.

С 22 по 26 ноября в Каире происходила конференция трех держав: США, Англии и Китая. Конференция была посвящена в основном вопросам, относящимся к войне этих держав с Японией. Большое место занимал вопрос об открытии Бирманской дороги в Китай.

Во время переговоров на этой конференции неоднократно касались военных действий против Германии, и Черчилль каждый раз пользовался случаем, чтобы снова и снова настаивать на том, чтобы организовать эти действия в дальнейшем в Юго-Восточной Европе вместо давно обещанного открытия фронта в Северной Франции. Неудачное форсирование Ла-Манша, утверждал Черчилль, — единственная операция, которая может привести к проигрышу в войне.

В опубликованном 1 декабря 1943 г. официальном заявлении об итогах Каирской конференции говорилось, что участники этой конференции решили вести войну до безоговорочной капитуляции Японии, что она должна быть лишена всех островов в Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны, что Япония должна быть изгнана также со всех других территорий, которыми она овладела «насилием и алчностью», что Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова должны быть возвращены Китаю, а Корея должна стать независимой.

²⁴⁶ В 1919 г. сенат США отклонил предложение Вильсона ратифицировать Версальский договор, так как большинство сената возражало против участия США в Лиге Наций.

²⁴⁷ По дороге на Гибралтар «шальная торпеда» одного из этих эсминцев устремилась прямо на «Айову», но линкор во время маневрировал и избежал удара.

28 ноября 1943 г. Рузвельт прибыл в Тегеран на конференцию глав правительств трех союзных держав — Советского Союза, США и Великобритании. Конференция продолжалась четыре дня и закончилась 1 декабря.

Уже на первом свидании с главой Советского правительства Рузвельт заявил, что одним из основных вопросов, подлежащих обсуждению в Тегеране, являются мероприятия, которые заставят немцев отозвать 30—40 дивизий с восточного фронта. Открывая конференцию как председатель первого заседания, Рузвельт выразил уверенность, что представленные на конференции три государства будут работать в тесном сотрудничестве «не только во время войны, но и в течение жизни грядущих поколений». Касаясь создания второго фронта во Франции, Рузвельт заявил, что климатические условия не позволяют форсировать Ла-Манш раньше мая.

В Тегеране неутомимый Черчилль опять пытался доказывать стратегическую важность наступления на Балканы со стороны острова Родос и Турции. О Черчилле говорили, что он имеет склонность к «стратегии заднего хода»²⁴⁸. Но Рузвельт не поддержал его.

В Тегеране было решено, что в течение мая 1944 г. в Северной Франции должен быть создан против Германии англо-американский фронт²⁴⁹.

На последнем заседании в Тегеране обсуждался вопрос о расчленении Германии на отдельные самостоятельные государства. Рузвельт предложил создать на территории Германии пять независимых государств, одним из них должна быть территориально сокращенная Пруссия. Кильский канал, Рур и Саарский бассейн он предлагал поставить под контроль Объединенных Наций²⁵⁰.

Советское правительство с самого начала относилось отрицательно к «плану Моргентау» и к всяким другим планам расчленения Германии.

Поэтому никакие резолюции по данному вопросу не были приняты. Его передали на рассмотрение Европейской консультативной комиссии в Лондоне.

1 декабря 1943 г. в Тегеране была подписана декларация трех держав о совместной работе для успешного завершения войны и о сотрудничестве в послевоенное время в целях сохранения длительного прочного мира.

В декларации говорилось: «Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга... Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения»²⁵¹.

С 13 по 16 сентября 1944 г. состоялась вторая конференция между Рузвельтом и Черчиллем в Квебеке. К этому времени англо-американские войска очистили от гитлеровских армий Францию и вышли к границе Германии.

В Квебеке обсуждались планы предстоявших военных операций на территории Германии и Италии, а также в Тихом океане.

²⁴⁸ Davis K. Soldier of Democracy. N. Y., 1955, p. 296.

²⁴⁹ A Decade of American Foreign Policy, U. S. Senate, Document N 123, p. 24.

²⁵⁰ The United States and Germany, 1945—1955, 1955, p. 4.

²⁵¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 425.

На второй конференции в Квебеке Рузвельт и Черчилль одобрили в принципе «план Morgenthaу» о расчленении, демилитаризации и принятии других мер против возрождения военной мощи Германии²⁵². На этот раз в Квебеке сам Morgenthaу излагал свой план. Этот план предусматривал, чтобы послевоенная экономика Германии основывалась на сельском хозяйстве и на легкой промышленности, чтобы ее тяжелая промышленность была ликвидирована или сокращена до размеров, не допускающих возрождения военного потенциала страны.

В соответствии с решением Московской конференции (октябрь 1943 г.) об учреждении международной организации по сохранению мира с 21 августа по 28 сентября 1944 г. происходили переговоры между представителями СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе — усадьбе, расположенной в предместье города Вашингтона. С 24 сентября по 7 октября эти переговоры продолжались там же между представителями США, Англии и Китая.

9 октября 1944 г. были опубликованы выработанные на конференции в Думбартон-Оксе предложения о целях, принципах, структуре, полномочиях и работе международного органа по сохранению мира. Эти предложения легли в основу устава ООН, принятого в 1945 г.

По некоторым вопросам участники конференции в Думбартон-Оксе не договорились. Вопросы, оставшиеся спорными, были разрешены на международных конференциях в следующем году. Главным из них был вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности. Он был разрешен на конференции в Ялте.

Конференция в Ялте происходила с 4 по 12 февраля 1945 г. Она подвела итоги военным усилиям трех союзных держав в войне с Германией, наметила программу завершения этой войны и дальнейшей совместной работы после безоговорочной капитуляции гитлеровской армии. В этом смысле она была завершающей и вместе с тем самой важной из всех конференций, происходивших в военное время между тремя великими державами-победителями. Конференция была довольно многолюдной. На ней присутствовали главы правительств и министры иностранных дел трех держав, начальники штабов и многочисленные советники. В ночь со 2 на 3 февраля 1945 г. с острова Мальты, куда накануне прибыл на крейсере «Квинси» Рузвельт, поднялись на самолетах и отправились в Крым около 700 человек.

Назавтра после открытия конференции в Ялте (5 февраля) Рузвельт заявил, что американские войска останутся в Европе немного более двух лет после окончания войны.

Ялтинская конференция в отличие от других конференций военного времени заняла известное место в послевоенной политической жизни США. Она явилась предметом партийных споров в президентской кампании 1948 и особенно 1952 г. и позже. В 1956 г. на съезде республиканской партии лидер республиканцев в сенате Ноулэнд заявил, что секретное Ялтинское соглашение омрачает внешнеполитическую картину США. Другие критики внешней политики Франклина Рузвельта утверждали, что Ялтинская конференция является причиной всех бед в послевоенных международных отношениях. Обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Г. Болдуин даже утверждал, что в феврале 1945 г. в Ялте США «проиграли мир»²⁵³. А профессор Даласского университета А. Кубек писал: «История засвидетельствует, что в Ялте Соединенные Штаты отrekliсь

от некоторых своих торжественных обязательств... В течение десятилетий об этом будут жалеть»²⁵⁴.

Прежде всего напомним, что Ялтинское соглашение не было секретным. Решения конференции были опубликованы на следующий день, 13 февраля 1945 г. В сообщении об этих решениях не говорилось о предоставлении Украине и Белоруссии мест в Организации Объединенных Наций, что послужило основанием для обвинения Рузвельта (после его возвращения в Вашингтон) в секретных обязательствах, возложенных им на США без ведома конгресса. Этот вопрос был решен не в Ялте, а позже, в Сан-Франциско, во время образования ООН. В Ялте Рузвельт только обещал свою поддержку в данном вопросе.

Из решений этой конференции в течение полугода сохранялось втайне только одно соглашение — соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. В этом соглашении говорится, что «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников...»²⁵⁵. Естественно, что это соглашение не могло быть сразу опубликовано, как не могло быть летом 1942 г. опубликовано решение высадить англо-американскую армию в ноябре того же года в Северной Африке, как не могло быть в декабре 1943 г. опубликовано решение в Тегеране о создании англо-американского фронта в Северной Франции в мае 1944 г.

Конечно, Рузвельт вел несравненно более здравомыслящую политику, чем его преемники. Он сознавал необходимость сотрудничества с СССР. Он понимал и учитывал, что противоречия между двумя системами, как и противоречия между Англией и Америкой, отошедшие на задний план в совместной великой борьбе против держав оси, приобретут большее значение после окончания войны.

В своем послании конгрессу 6 января 1945 г. Рузвельт отметил, что по мере приближения победы в войне «мы неизбежно больше осознаем разногласия между победителями». Вместе с тем он как реальный политик признавал, что, поскольку сотрудничество с СССР в целях сохранения прочного мира соответствует интересам США, как и других стран, необходимо идти не на обострение разногласий, а на взаимные уступки, на компромиссы.

Но совершенно неправильно утверждения многих политических деятелей США после войны о том, что в Ялте Рузвельт во всем или в основном уступал представителям Советского Союза²⁵⁶. Наоборот, на конференции в Крыму Рузвельт, правда умело и гибко, но очень энергично отстаивал интересы американского капитализма.

В Ялту американцы вместе с англичанами приехали не только для того, чтобы согласовать общие действия трех великих держав, но и для того, чтобы поторгаться с Советским Союзом. Перед отъездом в Крым министры иностранных дел США и Великобритании, как и военачальники этих двух государств, согласовали на Мальте свои позиции в Ялте.

На Ялтинской конференции и до нее Черчилль и Рузвельт старались избегать таких действий, которые могли бы вызвать подозрения о существовании против СССР недружелюбного англо-американского блока²⁵⁷. Но вся документальная и другая литература, опубликованная в США компетентными авторами о Ялтинской конференции, подтверждает, что

²⁵² The United States and Germany, 1945—1955, p. 4.

²⁵³ Baldwin H. Great Mistakes of the War. London, 1950, p. 1.

²⁵⁴ Kubek A. How the Far East was Lost. Chicago, 1963, p. 110.

²⁵⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 111.

²⁵⁶ Stettinius E. Roosevelt and the Russians. N. Y., 1949, p. 5—6.

²⁵⁷ Ibid., p. 62.

ко времени этой конференции такой блок существовал и что политика Черчилля исходила из его основной посылки — будущий мир и все послевоенное развитие зависит от сохранения этого блока²⁵⁸.

Отсюда следует прежде всего, что неправы те государственные и политические деятели в Вашингтоне и Лондоне, которые возлагают вину за ухудшение отношений между бывшими союзниками и за создавшуюся международную напряженность на послеялтинскую политику Советского Союза²⁵⁹. Курс, приведший к ухудшению этих отношений, был взят в Вашингтоне, и был он взят еще до окончания войны, хотя открыто, официально США, поскольку они продолжали руководствоваться необходимостью включения СССР в войну против Японии, оставались на позициях, мотивированных Гопкинсом в упомянутом выше документе, представленном в августе 1943 г. на конференции в Квебеке. Формально США оставались на этих позициях не только в феврале 1945 г. в Ялте, но и в июле этого года на конференции в Потсдаме.

Во второй половине 1944 г. между конференциями в Квебеке и Ялте произошли некоторые изменения в отношении не только Черчилля, но и Рузвельта к обреченной на полный разгром Германии²⁶⁰.

4 декабря 1944 г. Рузвельт дал своему новому государственному секретарю Стеттиниусу указания, означавшие отказ от важных решений по германскому вопросу, принятых в Квебеке²⁶¹. В октябре 1944 г. Рузвельт решил отказаться от «плана Morgenthau»²⁶². Вместе с изменением отношения к терпящей поражение за поражением и приближающейся к своему полному разгрому Германии изменилось в известной мере отношение в Лондоне и Вашингтоне к победоносному Советскому Союзу.

Летом 1943 г. на конференции в Квебеке, когда англо-американские войска еще воевали в Сицилии и Черчилль утверждал, что форсирование Ла-Манша угрожает союзникам поражением в войне, а на Тихом океане военные действия продолжались еще у Соломоновых островов, в Вашингтоне мирились с перспективой преобладания СССР в Европе. Высшие военные круги США, как мы видели, тогда считали необходимым не только согласиться с такой послевоенной перспективой, но и сохранить и развивать самые дружественные отношения с СССР.

Известную роль в этих рассуждениях сыграло распространенное тогда в Вашингтоне убеждение в том, что Советскому Союзу понадобится целое поколение для залечивания ран, нанесенных ему войной. Достаточного основания для такого убеждения не было, но его придерживался и сам президент Рузвельт²⁶³. Еще меньше оснований после 22 июня 1941 г. было для опасения, что Советский Союз может идти на какое-то соглашение с гитлеровской Германией. Но такие опасения высказывал еще в мае 1944 г. государственный секретарь США Хэлл²⁶⁴.

В условиях, вызывавших приведенные рассуждения, убеждения и опасения, правящие круги Вашингтона готовы были мириться и неизбежно-

стью того, что СССР будет доминирующей силой в Европе. При изменившихся к концу войны с Германией условиях такая перспектива начала вызывать большое недовольство во влиятельных кругах Вашингтона и Лондона.

Рузвельт после возвращения из Ялты в своем докладе конгрессу говорил, как и Хэлл после возвращения с Московской конференции в 1943 г., что после войны не будет надобности «в сферах влияния, в союзах, в балансе сил». Но эти либеральные слова расходились с реальными делами правительства США. К этому времени правительство США в вопросах внешней политики начало все больше прислушиваться к голосу реакционного блока в конгрессе. Рузвельт особенно считался с мнением бывшего активного изоляциониста, сильного и влиятельного члена комиссии по иностранным делам сената А. Ванденберга, игравшего решающую роль в позиции республиканской фракции в конгрессе по вопросам внешней политики.

Перед Ялтинской конференцией, 10 января 1945 г., Ванденберг произнес большую политическую речь в сенате, в которой утверждал, что «Москва собирается отстаивать односторонние военные и мирные цели, которые расходятся с нашими целями»²⁶⁵.

После свидания с Рузвельтом председатель комиссии по иностранным делам сената Коннели выразил надежду, что по вопросам, затронутым в речи Ванденберга, сенат не развернет общей дискуссии, «которая может нарушить деликатную международную ситуацию накануне Ялтинской конференции». Но президент США и его советники уделили большое внимание речи Ванденберга. В день отъезда на конференцию в Ялту Рузвельт затребовал 50 экземпляров этой речи²⁶⁶.

Лидер республиканцев в сенате Тафт начал ко времени Ялтинской конференции подготавливать в конгрессе почву для того, чтобы вскоре выступить с тезисом, что Америке нужна сильная Германия²⁶⁷. В понимании Тафта это — милитаристская, реваншистская, агрессивная Германия. К этому нужно добавить, что еще до окончания войны в США появились «прогнозы», согласно которым Америке придется восстановить военную мощь Германии в Европе и Японии в Азии²⁶⁸.

Отсюда становится более понятным то, что происходило в Ялте. На Ялтинской конференции стоял кардинальный вопрос о будущем Германии: останется ли она единой или будет расчленена на несколько государств?

Рузвельт и Черчилль продолжали повторять то, на чем они в 1943—1944 гг. категорически настаивали, но уже не так решительно и настойчиво, как раньше.

Как мы видели, идея расчленения Германии возникла в Вашингтоне и Лондоне; эта идея была одобрена в 1943—1944 гг. на официальных совещаниях глав правительств США и Великобритании, что требование «безоговорочной капитуляции», выдвинутое в Касабланке, Черчилль толковал как требование расчленения Германии. Планы Рузвельта и Черчилля не совпадали по вопросу о количестве государств, которое должно быть образовано на территории Германии. Но то, что Германия должна быть расчленена, то, что Пруссия должна быть урезана и отделена от остальной Германии, и то, что Рур должен быть изъят из-под власти

²⁵⁸ Ibid., p. 67.

²⁵⁹ Ibid., p. 309—315.

²⁶⁰ Ibid., p. 40; *Hull C. Memoirs*, v. 2, p. 1619—1620.

Правда, на полном разоружении Германии Рузвельт продолжал настаивать до конца своей жизни. В марте 1945 г. он говорил, что важно, чтобы немцы никогда больше не носили военной формы, которая дурно на них влияет (*Murphy R. Diplomat Among Warriors*. N. Y., 1964, p. 247).

²⁶¹ *Snell J. The Meaning of Yalta*. Baton Rouge, 1956, p. 47.

²⁶² *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*, p. 40; *Rostow W. The United States in the World Arena*. N. Y., 1960, p. 99.

²⁶³ *Snell J. The Meaning of Yalta*, p. 205.

²⁶⁴ *Vandenberg A. The Private Papers of Senator Vandenberg*, p. 106.

²⁶⁵ Ibid., p. 132.

²⁶⁶ Ibid., p. 139, 140.

²⁶⁷ *Taft R. A Foreign Policy for America*. N. Y., 1951, p. 54.

²⁶⁸ *Lerner M. America as a Civilization*. N. Y., 1957, p. 896.

Пруссии, — в этом планы правительств США и Великобритании полностью совпадали.

От идеи расчленения Германии в Вашингтоне и Лондоне окончательно не отказывались в течение двух лет и после Ялтинской конференции, хотя со смертью Рузвельта, в апреле 1945 г., эта идея лишилась в США своего сильного и влиятельного сторонника. Но уже на этой конференции Рузвельт и Черчилль не проявляли былого энтузиазма, удовлетворившись тем, что добились принятия по этому вопросу неопределенной и неокончательной резолюции²⁶⁹.

Черчилль утверждал в Ялте, что «в принципе» он считает необходимым расчленение Германии, но этот вопрос требует дальнейшего изучения, перед тем как принять конкретное окончательное решение: расчленение государства, связанное с судьбой 80 млн. человек, нельзя определить на дискуссии, которой можно уделить всего 80 минут. Кроме того, продолжал британский премьер, нечего торопиться, лучше будет решать этот вопрос, когда Германия будет оккупирована.

Рузвельт присоединился к мнению Черчилля, отметив, что с решением этого вопроса можно подождать. Вместе с тем он подтвердил, что лично считает добрым делом раздел Германии на пять или семь государств, с тем чтобы она лишилась возможности снова нарушить мир в Европе²⁷⁰.

Разработка конкретного плана расчленения Германии была поручена комиссии из представителей трех держав под председательством министра иностранных дел Англии Идена, которая должна была заседать в Лондоне.

Поскольку Советский Союз с самого начала занял отрицательную позицию в отношении планов расчленения Германии, комиссия ни к чему не пришла.

9 мая 1945 г. в Обращении к народу в связи с победоносным окончанием войны Председатель Совета Министров СССР официально подтвердил, что Советский Союз «не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».

Другим решающим вопросом, от которого зависело развитие послевоенной Германии, был вопрос об ее деиндустриализации. И к этому вопросу Советский Союз относился отрицательно. Наряду с денацификацией и демилитаризацией Германии он считал необходимым ее декартелизацию, а не деиндустриализацию.

Идея деиндустриализации, как и расчленения Германии, возникла в Вашингтоне. Она импонировала влиятельным промышленным кругам в США и Англии²⁷¹, видевшим в реализации этой идеи избавление от сильного конкурента на мировом рынке. Деиндустриализация являлась составной частью «плана Моргентау», одобренного Рузвельтом и Черчиллем на второй конференции в Квебеке в сентябре 1944 г. В Ялте вернулись к этой идее. Но, как и вопрос о расчленении Германии и по тем же причинам, решение вопроса о деиндустриализации было отложено.

В Ялте обсуждался вопрос о репарациях, о возмещении ущерба, нанесенного во второй мировой войне Германией союзным странам. Было

признано «справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере»²⁷². Предусмотренная в Ялте специальная комиссия с местопребыванием в Москве должна была окончательно определить размеры и способы возмещения Германией нанесенного ею ущерба. В Ялте советская и американская делегации считали, что при определении комиссией размеров репараций за основу должна быть взята сумма в 20 млрд. долл. и что половина всей суммы полагается Советскому Союзу.

В Ялте на трех заседаниях обсуждался вопрос о восточных границах Германии. Мы видели, что за год до Ялтинской конференции Черчилль требовал, чтобы германские земли, расположенные к востоку от Одера, были отчуждены навсегда, а немцы с этих территорий были переселены. На конференции в Ялте 7 февраля Черчилль стал доказывать, что для Польши границы на Одере будут непосильным бременем.

8 февраля Рузвельт согласился с тем, чтобы западные границы Польши проходили на Одере.

10 февраля участники конференции сошлись на том, что этот вопрос будет сформулирован следующим образом: «Главы трех Правительств признают, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что, вслед за тем, окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции»²⁷³.

В тот же день Черчилль, как Рузвельт двумя днями раньше, согласился, чтобы территория к востоку от Одера отошла к Польше, если Польша того захочет²⁷⁴.

Что касается восточной границы Польши, то конференция решила, что эта граница должна идти вдоль так называемой «линии Керзона» с незначительным отступлением от нее в некоторых районах в пользу Польши.

В Ялте решили созвать на 25 апреля 1945 г. конференцию в Сан-Франциско для принятия устава Организации Объединенных Наций на основе положений, выработанных в Думбартон-Оксе.

По вопросу о процедуре голосования, по которому в Думбартон-Оксе не было достигнуто соглашения, был принят принцип единогласия всех постоянных членов Совета Безопасности тогда, когда речь идет о применении санкций: экономических, политических или военных. В спорах, разрешаемых путем обсуждения и голосования, сторона, вовлеченная в конфликт, в голосовании не участвует.

Таким образом, постоянные члены Совета Безопасности получали право вето тогда, когда выносились решения по вопросам сохранения мира и безопасности.

В послевоенные годы право вето постоянных членов Совета Безопасности подвергалось в США сильным и неоднократным атакам. Говорили, что в Ялте Рузвельт в этом вопросе действовал в угоду СССР, игнорируя интересы США. В действительности американская делегация на конференции в Думбартон-Оксе и после этой конференции отстаивала право вето при решении вопроса о санкциях. Стеттиниус утверждает, что военный и морской министры и начальники штабов США категорически воз-

²⁶⁹ В добавление к 12-й статье об условиях капитуляции Германии, где говорится о мероприятиях, которые три державы будут проводить, были включены слова: «расчленение Германии» (A Decade of American Foreign Policy, U. S. Senate Document N 123, p. 29—30).

²⁷⁰ Feis H. Op. cit., p. 538—539.

²⁷¹ Churchill W. The Second World War, v. 6, p. 138.

²⁷² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 103.

²⁷³ Там же, с. 107.

²⁷⁴ Snell J. The Meaning of Yalta, p. 65.

ражали против присоединения к международной организации, предусматривающей возможность использования вооруженных сил США без сохранения за США права вето²⁷⁵.

Хэлл утверждает, что право вето сильно поддерживали перед Ялтинской конференцией американцы и англичане. «Мы, — пишет он, — были не менее решительными, чем русские, в приверженности к этому принципу»²⁷⁶.

Характерно, что даже Дж. Ф. Даллес, который впоследствии, когда он стал государственным секретарем США, активно выступал против права вето, в период Ялтинской конференции одобрял это право. В 1944 г. Даллес был советником по вопросам внешней политики у Дьюи — кандидата в президенты США от республиканской партии. По приглашению Хэлла Даллес участвовал в разработке проекта Устава ООН.

Наконец, право вето одобрили члены конгресса США, с которыми государственный департамент консультировался по этому вопросу²⁷⁷. Государственный департамент и Белый дом не верили, что сенат согласится на участие США в ООН без сохранения за Соединенными Штатами права вето. Поэтому Рузвельт считал особо важным сохранение права вето за постоянными членами Совета Безопасности²⁷⁸.

Перед закрытием Крымской конференции, 11 февраля 1945 г., в Ялте было подписано секретное соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. Советский Союз обещал, как мы уже выше отметили, через два-три месяца после капитуляции Германии вступить в войну с Японией при условии:

- 1) сохранения стутус-кво Монгольской Народной Республики;
- 2) восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г.²⁷⁹;
- 3) передачи Советскому Союзу Курильских островов.

В США соглашение в Ялте о Дальнем Востоке служило после войны излюбленной мишенью для критиков внешней политики Рузвельта. Эти критики «забывают», что Каирская конференция, происходившая раньше, без участия Советского Союза, решила, что Япония должна быть лишена всех захваченных ею территорий. Это решение было принято независимо от того, будет ли СССР участвовать в войне на Дальнем Востоке или нет. Отсюда следовало, что территории, захваченные Японией в результате вероломного нападения на Россию в 1904 г., будут возвращены Советскому Союзу.

Этот вопрос и ко времени Ялтинской конференции не подлежал сомнению. США были крайне заинтересованы во вступлении СССР в войну против Японии. Соглашение в Ялте по вопросам Дальнего Востока рассматривалось в 1945 г. в Вашингтоне как очень выгодное для США.

Ко времени Ялтинской конференции сухопутные силы Японии насчитывали еще свыше 5 млн. человек²⁸⁰. Мы уже приводили оценку Черчилля, который доказывал, что для завоевания территории собственно Японии необходимо было пожертвовать одним миллионом американцев и полмиллионом англичан. Стеттиниус рассказывал, как в Ялте Рузвельт говорил Черчиллю, что война с Японией продолжится до 1947 г., с чем Черчилль согласился²⁸¹. Маршалл утверждал, что перед Ялтинской конференцией начальники штабов вооруженных сил США в своем донесении, говоря о тихоокеанской войне, писали: «Мы желаем вступления в нее России как можно скорее...»²⁸². Не только в Ялте, но и после капитуляции Германии, на конференции в Потсдаме, высшие военные круги США проявляли исключительную заинтересованность во вступлении СССР в войну против Японии²⁸³.

Позднее сам президент Трумэн, говоря о своей позиции в период Потсдамской конференции, писал: «Во всяком случае, я был озабочен, чтобы русские вступили в войну против Японии по возможности скорее, спасая таким образом жизни неисчислимо большому числу американцев... Было много причин для моего приезда в Потсдам, — утверждал далее Трумэн. — Но самой срочной я считал получение лично от Сталина подтверждения о вступлении России в войну против Японии. Решение этого вопроса больше всего беспокоило наших военных начальников... Черчилль так же сильно, как я, желал присоединения России к войне с Японией. Он, как и наши военные руководители, чувствовал, что вступление России ускорит поражение Японии»²⁸⁴.

Советский Союз остался и на Дальнем Востоке верным своим союзникам в войне с Германией. В строгом соответствии с договоренностью между союзными государствами, ровно через три месяца после капитуляции Германии, как было обещано в Ялте, СССР вступил в войну против Японии.

Нужно также учесть, что Ялтинская конференция открылась вскоре после прорыва немцев в Арденнах, через месяц после того, как Черчилль в своем обращении к Председателю Совета Министров СССР говорил о тревожном положении на Западном фронте. В своем рождественском обращении к американскому народу, совпавшем с контрнаступлением немцев в декабре 1944 г., Рузвельт заявил: «В этот рождественский день мы еще не можем сказать, когда наша победа придет. Наши враги еще сражаются фанатично. Они еще обладают людскими резервами и военной мощью».

Критики Ялтинских соглашений «забывают» не только об этом, но и о том, что в 1941—1942 гг. Советский Союз один выносил всю мощь еще обладавшей огромной ударной силой гитлеровской военной машины, что героическая борьба советских армий спасла Англию от германского вторжения, что запоздалый второй фронт в Европе сыграл подчиненную роль в разгроме Германии.

Стеттиниус писал в 1949 г.: «Это человеческая слабость — забывать так скоро обстоятельства прошлых событий. Американский народ должен помнить, что он был на грани несчастья в 1942 г. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы были бы в состоянии завоевать

²⁸⁰ *Byrns J. Op. cit.*, p. 286.

²⁸¹ *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*, p. 72.

²⁸² «U. S. News and World Report», 2.XI 1959, p. 51.

²⁸³ *Stettinius E. Op. cit.*, p. 98.

²⁸⁴ *Truman H. Memoirs*, v. 1. N. Y., 1955, p. 245, 387, 411.

²⁷⁵ *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*, p. 296.

²⁷⁶ *Hull C. Memoirs*, v. 2, p. 1652—1654, 1683, 1700—1704.

²⁷⁷ *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*, p. 296.

²⁷⁸ *Sherwood R. Roosevelt and Hopkins*, p. 855.

²⁷⁹ Сюда относятся: а) «возвращение Советскому Союзу южной части острова Сахалина и всех прилегающих к ней островов; б) интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; совместная эксплуатация Восточно-Китайской железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет» (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. III).

Великобританию. Они бы могли также овладеть Африкой и создать таким образом плацдарм в Латинской Америке»²⁸⁵.

Тогда, в дни Ялтинской конференции, об этом не забывали. Решения этой конференции были встречены с одобрением в Америке. Даже такой враг Советского Союза, как бывший президент Гувер, заявил, что Ялтинская конференция «представляет великую надежду для всего мира»²⁸⁶. Одобрил также итоги Ялтинской конференции сенатор Ванденберг²⁸⁷. Крупнейшие нью-йоркские газеты («Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн») восхваляли решения Ялтинской конференции, а филаделфийская газета «Рекорд» назвала эту конференцию «величайшей победой Объединенных Наций в этой войне»²⁸⁸.

1 марта 1945 г. Рузвельт в конгрессе США заявил: «Я считаю, что Крымская конференция была успешной попыткой трех руководящих народов найти общую основу для мира... Крымская конференция была... поворотным пунктом в нашей истории и поэтому в истории всего мира... Я вернулся с Крымской конференции с твердой верой, что мы положили хорошее начало на пути ко всеобщему миру»²⁸⁹.

Своему советнику, с которым он вместе готовил эту речь в конгрессе, С. Розенману Рузвельт выразил уверенность, что Ялтинская конференция положила путь к такому миру, о котором он «мечтал и говорил и который планировал»²⁹⁰. Рузвельт был убежден и неоднократно повторял, что прочный и длительный мир может быть построен только в сотрудничестве с СССР.

Это же подтверждает и Гопкинс. Говоря о Ялтинской конференции, он заявил: «Русские показали, что они могут действовать разумно и проницательно. Не было никакого сомнения ни у президента, ни у любого из нас, что мы сможем ужиться с ними и мирно сотрудничать так долго в будущем, как любой из нас может себе представить»²⁹¹.

В обращении к американскому народу по радио 5 октября 1944 г. Рузвельт заявил: «То, что выиграно в сражениях, не должно быть потеряно из-за отсутствия проницательности, знаний, доверия или вследствие разногласий между нами и нашими союзниками. Мы должны, и, я надеюсь, мы и впредь будем оставаться объединенными с нашими союзниками в могущественной мировой организации, которая готова и способна сохранять мир, если необходимо будет — с применением силы».

Конечно, Рузвельт прекрасно отдавал себе отчет в противоречиях, существующих между капиталистической Америкой и Советским Союзом. Но он считал, что «США и Советский Союз разделяет идеологическая бездна, но объединяет мост государственных интересов»²⁹².

Рузвельт понимал также и то, что после окончания войны увеличатся англо-американские противоречия, которые в известной мере проявились во время конференции в Ялте. Рузвельт, например, говорил частным образом в Ялте, что он считает, что Гонконг должен быть либо возвращен Китаю, либо превращен в международный свободный порт. Когда

Стеттиниус поднял там вопрос о международном управлении мандатными и некоторыми другими колониальными владениями, о чем Рузвельт говорил еще в мае 1942 г., Черчилль возражал, утверждая, что, пока он будет премьером, он «никогда не уступит ни одного клочка британского наследства»²⁹³.

В период Ялтинской конференции, писал Розенман, «президент начал чувствовать, что традиции британского империализма занимают слишком большое место в размышлениях Черчилля. Президент знал, что в этом отношении между ним и Черчиллем будут иметь место серьезные разногласия»²⁹⁴.

На обратном пути из Ялты Рузвельт в беседе с представителями печати выразил свое пожелание применять принципы Атлантической хартии по отношению ко всем колониальным народам, живущим в бассейне Тихого океана. На вопрос президента США, помнит ли он речь Черчилля о том, что он стал премьером не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи, Рузвельт ответил: «Дорогой старший Уинстон в этом отношении никогда ничему не научится»²⁹⁵.

Независимо от личных побуждений и от формы, в которую Рузвельт в данном случае облек свои мысли, приведенные слова соответствовали стремлениям тех кругов монополистического капитала США, которые давно подкапывались под «старомодную Британскую империю», желали иметь свободный доступ в страны этой империи и которые уделяли Англии в послевоенном мире роль младшего партнера США.

Черчилль, наоборот, на шестом году войны был уверен, что самые опасные испытания для империи остались позади, что если в течение пяти лет самой суровой и тяжелой войны в истории Англии удалось сохранить империю, то тем легче будет сохранить ее после войны.

Рузвельт, понимая неизбежность увеличения англо-американских противоречий после войны, считал вместе с тем возможным и необходимым продолжение сотрудничества и сохранения дружественных отношений между обоими государствами. В то же время он считал, что, несмотря на советско-американские противоречия, которые после войны приобретут большое значение, возможны и необходимы продолжение сотрудничества и сохранение дружественных отношений между США и СССР. Рузвельт утверждал: «Мы не можем сохранить мир в одиночку... Наше благополучие зависит от благополучия далеких от нас государств... мы научились быть гражданами мира, членами человеческого общества... Народы, как индивидуумы, оценивают события и думают неодинаково. Государство, предполагающее, что оно имеет монополию на мудрость или на добродетель, не содействует международному сотрудничеству и прогрессу»²⁹⁶.

²⁸⁵ *Sherwood R. Roosevelt and Hopkins*, p. 866.

²⁸⁶ *Rosenman S. Working with Roosevelt*, p. 527.

²⁸⁷ *Ibid.*, p. 525—526.

²⁸⁸ *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*, p. 4.
²⁸⁹ «Congressional Record», v. 91, pt 2, p. 1621—1622.
²⁹⁰ *Rosenman S. Working with Roosevelt*. N.Y., 1952, p. 526.
²⁹¹ *Sherwood R. Roosevelt and Hopkins*, p. 870; *Roosevelt F. Public Papers and Addresses*, 1944—1945, p. 324.
²⁹² *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*, p. 7.

²⁹³ *Tugwell R. Op. cit.*, p. 664, 667.

²⁸⁵ *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*, p. 7.

²⁸⁶ *Sherwood R. Roosevelt and Hopkins*, p. 870.

²⁸⁷ *Snell J. The Meaning of Yalta*, p. 189.

²⁸⁸ *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*, p. 4.

²⁸⁹ «Congressional Record», v. 91, pt 2, p. 1621—1622.

²⁹⁰ *Rosenman S. Working with Roosevelt*. N.Y., 1952, p. 526.

²⁹¹ *Sherwood R. Roosevelt and Hopkins*, p. 870; *Roosevelt F. Public Papers and Addresses*, 1944—1945, p. 324.

²⁹² *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*, p. 7.

В этом отношении, как и во многом другом, Рузвельт показал себя прозорливым, выдающимся государственным деятелем, более здравомыслящим, чем его преемники. Но в большом историческом плане в предвидении послевоенного мирового развития Рузвельт и его соратник по второй мировой войне Черчилль — эти выдающиеся руководители капиталистического мира — оказались, как это свойственно лидерам буржуазных государств в наше время, недалекими и ограниченными. Будущего они не понимали и не видели. В своих суждениях и размышлениях о послевоенном капитализме они напоминали генералов, которые готовятся к прошлым войнам.

Черчилль, радуясь сохранению Британской империи во время войны, не смог предвидеть распад колониальной системы после войны. Рузвельт, правда, чувствовал, что «в мировой истории открывается новый период». Но оба они, придавая важнейшее значение балансу сил на континенте Европы, никак не понимали, что проектируемое ими равновесие ничего не уравнивает²⁹⁷. Действительного, поступательного хода исторического развития они не могли и не хотели понять. Они не представляли себе, что после войны треть населения земного шара выпадет из орбиты капиталистического мира, что соотношение сил на мировой арене изменится не в его пользу и что капитализм уже не тот, каким он был до войны.

«В ходе войны возникли предпосылки дальнейшего ослабления капиталистической системы, сужения сферы ее господства»²⁹⁸.

²⁹⁷ Спустя 13 лет после Ялтинской конференции самому Черчиллю пришлось признать, что после войны «большинство принятых стратегических теорий оказались устаревшими и возникло новое, неслыханное до тех пор равновесие сил, равновесие, основанное на владении средствами взаимного истребления» («Daily Telegraph and Morning Post», 23.IV 1958).

²⁹⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1970, т. 5, кн. 1, с. 77.

II

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ВОЙНЫ

1. Экономические итоги

Несоответствие между ростом продукции и производственного аппарата. Изменение структуры промышленности. Сохранение крупной военной промышленности в мирное время. Усиление концентрации производства и централизации капитала. Усиление крупных монополий. Освобождение крупных доходов от налога. «Благотворительные фонды». «Народный капитализм». Статистика распределения акций и сбережений. «Отложенный спрос». Его влияние на послевоенное хозяйственное развитие. Обновление основного капитала производства. Механизация сельского хозяйства и вытеснение мелкого фермера. Рост экспорта товаров и капиталов. Увеличение удельного веса США в экономике капиталистического мира

В годы второй мировой войны хозяйство США в отличие от хозяйства других великих держав находилось, как мы уже отметили, в особо благоприятных условиях. После 10 лет массовой безработицы, после 30-х годов — периода преобладания экономических кризисов и депрессий — наступило время, когда производственные мощности страны были использованы больше, чем когда бы то ни было раньше в истории США.

Вторая мировая война — последняя глобальная война, в которой США еще могли воевать на чужой территории, вдали от Американского континента. На территории США не было не только военных действий и воздушных бомбардировок, но даже воздушных тревог. Американские заводы и фабрики, железнодорожный и остальной транспорт в отличие от предприятий других великих держав имели возможность функционировать нормально без затемнения, перерывов и перебоев, вызываемых военными действиями, эвакуацией промышленности, воздушными тревогами и разрушениями. В результате производство США увеличивалось, производственная способность страны росла. К концу войны США принадлежало около 60% мирового промышленного производства, около 70% морского торгового флота и около 74% гражданской авиации всего мира. К этому времени в США сосредоточилось около 80% золотого запаса и около 60% серебра капиталистического мира.

Однако рост производственного аппарата в военное время далеко не соответствовал росту продукции. Мы уже видели, что за первые четыре года второй мировой войны ежемесячное промышленное производство США в целом выросло почти в 2,5 раза. Продукция обрабатывающей промышленности выросла за это время еще больше: она увеличилась почти на 170%. Между тем производственная мощность всей обрабатывающей промышленности США выросла с конца 1939 до конца 1945 г. всего на 32%.¹ Большая разница между ростом продукции США и их

¹ «Magazine of Wall Street», 11.VI 1955, p. 333.

производственных мощностей объясняется тем, что до войны, во-первых, значительная часть производственного аппарата и рабочей силы бездействовала; во-вторых, в военное время лучше использовался действовавший производственный аппарат, а миллионы рабочих работали сверхурочно.

В 1940 г., когда производство США уже охватило военный бум, в стране официально еще числилось свыше 8 млн. безработных. В 1944 г. эта цифра составляла менее 700 тыс. За пять лет (с 1940 по 1944 г.) за счет естественного прироста численность рабочей силы США увеличилась почти на 2,5 млн. человек. Кроме того, в связи с большим спросом на труд к имевшейся в США рабочей силе прибавилось 7,5 млн. человек — женщин, пожилых людей и подростков, контингента лиц, которые обычно самостоятельного заработка не имели, и статистика не включала их в состав рабочей силы страны. С весны 1940 до весны 1944 г. удельный вес женщин среди самодеятельного населения в США увеличился с 27,4 до 35,2%. За это же время число женщин, занятых в обрабатывающей промышленности США, почти удвоилось. В результате всех указанных причин в 1944 г. число лиц в США, имевших определенное занятие и самостоятельный заработок, дошло до 66 млн. и было на 18 млн. больше соответствующего числа в 1940 г. Правда, в это число входит и людской состав вооруженных сил².

В обрабатывающей промышленности США число рабочих увеличилось с 10 780 тыс. в 1940 г. до 17 111 тыс. в 1944 г., т. е. больше чем на 6 млн. В основном росло число рабочих, занятых непосредственно в военном производстве. На предприятиях, которые американская статистика включает в рубрику производящих транспортное оборудование, куда входят и авиационные заводы, число рабочих увеличилось более чем в 4 раза — с 834 тыс. в 1940 г. до 3682 тыс. в 1944 г.³

На юге США во время войны значительное число негров — сельскохозяйственных рабочих и домашней прислуги — перешло на военные заводы. Несмотря на различные ограничения и препятствия, мешавшие их уходу с южных плантаций, с 1940 по 1944 г. доля негров, работавших в промышленности, увеличилась: мужчин — с 17 до 29,7%, женщин — с 6 до 18%⁴. Массовое передвижение негров из сельского хозяйства в промышленность имело в дальнейшем определенные политические последствия.

Наконец, следует отметить, что в военное время рабочая неделя на многих предприятиях была более продолжительной. Средняя продолжительность рабочей недели в обрабатывающей промышленности США была в 1944 г. на 7 часов больше, чем в 1940 г.⁵

На авиационных, судостроительных и станкостроительных заводах продолжительность рабочей недели доходила до 56—60 часов⁶.

В общем «чудо» большого военного производства в США объясняется не особым техническим прогрессом и ростом производительности труда, а ростом числа рабочих и количества часов в рабочей неделе при нормальных, сравнительно благоприятных условиях, в которых производство США находилось во время войны.

Производственная мощность обрабатывающей промышленности США в целом выросла за время войны, как мы видели, менее чем на треть.

Но отдельные отрасли этой промышленности выросли в гораздо больших размерах. Производственная мощность промышленности цветных металлов выросла с конца 1939 до конца 1945 г. на 48%, металлообрабатывающей промышленности — на 56, а промышленности транспортного оборудования, включая авиацию, — на 143%⁷.

Конечно, в отдельных отраслях промышленности имели место значительные технические сдвиги, без которых немислим был бы большой рост их продукции. Выпуск самолетов, например, вырос за время войны больше чем в 16 раз, грузовых судов — в 27, производство алюминия — в 6 раз, магния — более чем в 50, а синтетического каучука — более чем в 400 раз⁸.

Во время войны усилился процесс механизации и в сельском хозяйстве США. С января 1940 до января 1945 г. число тракторов на фермах США выросло с 1545 тыс. до 2422 тыс., а число зерновых комбайнов — с 190 тыс. до 375 тыс.⁹

В основном, однако, большой рост производства в военное время в США происходил за счет использования имевшихся резервов как в промышленности, так и на железных дорогах. Так, железнодорожная сеть США сократилась с 1940 по 1945 г. на 6335 миль. Подвижной состав железных дорог вырос незначительно: товарных вагонов было в 1944 г. на 7%, а локомотивов на 4% больше, чем в 1940 г. Между тем количество грузов, перевезенных по железным дорогам США, увеличилось с 1940 до 1944 г. почти в 2 раза — с 375 млрд. до 741 млрд. тонно-миль. За это же время число пассажиро-миль, увеличилось почти в 4 раза¹⁰.

Во время войны произошли структурные изменения в промышленности США. Те отрасли, которые сделали большой скачок вперед (как, например, авиационная и химическая), увеличили свой удельный вес в промышленности страны.

В США до второй мировой войны в мирное время никогда не было большой сухопутной армии. Поэтому там не было и военной промышленности такого масштаба, как, например, предприятия Круппа в Германии, Шнейдера-Крезо во Франции или Армстронга-Виккерса в Англии.

В годы второй мировой войны в США была создана мощная военная промышленность, сохраняющаяся в значительных размерах и в мирное время и играющая большую роль не только в экономической, но и в политической жизни страны. Создание и сохранение крупной военной промышленности в стране является одним из важнейших итогов второй мировой войны в США.

В свое время В. И. Ленин писал: «Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма»¹¹.

Вторая мировая война значительно усилила этот свойственный капитализму процесс концентрации производства. Усиление процесса концентрации производства в итоге войны видно прежде всего из изменений, происшедших в распределении рабочей силы между крупными и мелкими предприятиями в обрабатывающей промышленности (табл. 3).

² «Basic Economic Statistics», 1954, p. 12.

³ Dewhurst J. America's Needs and Resources. N. Y., 1955, p. 12, 743.

⁴ «Political Affairs», March 1946, p. 255.

⁵ «Labor Fact Book», 1945, N 7, p. 136.

⁶ Dewhurst J. Op. cit., p. 13.

⁷ «Magazine of Wall Street», 11.VI 1955, p. 333.

⁸ Dewhurst J. Op. cit., p. 1081—1082.

⁹ Dewhurst J. Op. cit., p. 827.

¹⁰ «World Almanac», 1940, p. 250; Dewhurst J. Op. cit., p. 8.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 310.

Таблица 3

Распределение рабочей силы между крупными и мелкими предприятиями в обрабатывающей промышленности США *

Группа предприятий с числом рабочих	1935 г.				1939 г.				1944 г.			
	Число предприятий этой группы	Их удельный вес, %	Число рабочих, тыс.	Их удельный вес, %	Число предприятий этой группы	Их удельный вес, %	Число рабочих, тыс.	Их удельный вес, %	Число предприятий этой группы	Их удельный вес, %	Число рабочих, тыс.	Их удельный вес, %
До 500	166 019	98,8	4 496	62,4	201 500	98,9	5 569,1	51,7	213 576	97,8	6 363,3	38,2
500-1000	1 142	0,8	976	13,6	1 456	0,7	1 010,0	9,3	2 308	1,1	1 511,3	9,0
Свыше 1000	755	0,4	1 732	24,0	967	0,4	4 220,9	39,0	2 497	1,1	8 819,6	52,8
В том числе												
1000-10 000	—	—	—	—	918	0,4	2 801,0	25,9	2 153	1,0	3 737,0	22,4
свыше 10 000	—	—	—	—	49	—	1 419,9	13,1	344	0,1	5 082,6	30,4
Всего	167 916	100	7 204	100	203 923	100	108 000	100	218 381	100	16 694,2	100

* На основе данных Statistical Abstract of the U. S. 1940, p. 803; Economic Concentration and World War II, p. 311-318, 339.

Таблица 4

Процесс концентрации на предприятиях металлообрабатывающей промышленности

Группа предприятий с числом рабочих	1939 г.				1945 г.			
	Число предприятий этой группы	Их удельный вес, %	Число рабочих, тыс.	Их удельный вес, %	Число предприятий	Их удельный вес, %	Число рабочих, тыс.	Их удельный вес, %
До 500	26 085	97,4	1107,3	52,5	29 952	93,4	1 590,0	25,7
500-1000	403	1,5	297,6	14,1	946	2,9	623,9	10,0
1000-2500	223	0,8	311,6	14,8	667	2,1	965,2	15,5
Свыше 2500	83	0,3	392,4	18,6	515	1,6	3 040,0	48,8
Всего	26 794	100	2108,9	100	32 080	100	6 219,1	100

На основе данных: Economic Concentration and World War II, p. 337.

Таблица 5

Выпуск продукции на предприятиях металлообрабатывающей промышленности *

Группа предприятий с числом рабочих	1939 г.		1945 г.	
	стоимость отп-равленной готовой продукции, млн. долл.	удельный вес этой суммы в стоимости продукции всей отрасли, %	стоимость отп-равленной готовой продукции, млн. долл.	удельный вес этой суммы в стоимости продукции всей отрасли, %
До 500	1 763	48,3	4 062	22,3
500—1000	546	14,9	1 782	9,8
1000—2500	569	15,6	2 727	14,9
Свыше 2500	775	21,2	9 671	53,0
Всего	3 653	100	18 442	100

Источник: * Economic Concentration and World War II, p. 337.

Для сравнения сопоставим концентрацию промышленности военного пятилетия с довоенным пятилетием. Но при этом необходимо отметить, что в 30-х годах в результате двух кризисов и депрессий, ускоривших процесс гибели мелких предприятий, удельный вес этих предприятий в производстве США резко снижался. И все же, несмотря на это, во время войны, как видно из данных табл. 3, удельный вес предприятий с числом рабочих до 500 еще более снизился: на предприятиях с числом рабочих до 500 в 1935 г. было занято 62% всех рабочих обрабатывающей промышленности США, в 1939 г.— 52, а в 1944 г.— лишь 38%. В то же время за 10 лет (1935—1945 гг.) удельный вес предприятий с числом рабочих свыше 1000 больше чем удвоился: в 1935 г. на этих предприятиях было занято 24% всех рабочих обрабатывающей промышленности США, а в 1944 г.— 53%. Но что особенно бросается в глаза — это рост крупнейших предприятий во время войны с числом рабочих свыше 10 тыс. человек. С 1939 по 1944 г. число этих предприятий увеличилось в 7 раз (с 49 до 344). В 1939 г. на них было занято лишь 13,1% всех рабочих обрабатывающей промышленности США, а в 1944 г.— 30,4%.

Наиболее сильно процесс концентрации происходил во время войны на предприятиях, которые больше всего были связаны с военными заказами, — на предприятиях металлообрабатывающей промышленности (табл. 4).

За время войны удельный вес предприятий с числом до 500 рабочих уменьшился в 2 раза, а удельный вес предприятий с числом рабочих свыше 2500 увеличился более чем в 2,5 раза. Удельный вес предприятий металлообрабатывающей промышленности с числом 1000 рабочих и выше увеличился за время войны более чем в 3 раза.

Об исключительно сильном процессе концентрации производства в металлообрабатывающей промышленности США свидетельствует также увеличение роли крупных предприятий в выпуске продукции во время войны (табл. 5). Как видно из данных этой таблицы, в выпуске продукции удельный вес предприятий металлообрабатывающей промышленности США с числом рабочих до 2500 за время войны уменьшился. Удельный вес предприятий с числом рабочих до 500 уменьшился более

чем в 2 раза, тогда как с числом рабочих свыше 2500—увеличился в 2,5 раза.

Концентрация производства в условиях капитализма, как правило, сопровождается централизацией капитала. И во время войны исключительно сильный процесс концентрации производства не мог не отразиться на процессе централизации. В 1939 г. в обрабатывающей и добывающей промышленности США было поглощено 87 фирм, а в 1945 г.—295¹². В 1940—1945 гг. только в одной обрабатывающей промышленности США было поглощено около 1000 фирм¹³. Около 25% всех этих поглощений происходило в производстве железа и стали, а также и в машиностроении¹⁴. В первый послевоенный год (1946) число поглощенных корпораций было в 5 раз больше, чем в 1939 г.¹⁵ Цифры о выпуске продукции в данном случае дополняют картину концентрации производства, так как с распространением комплексной механизации и начавшейся отчасти на некоторых предприятиях автоматизации производства характеристика концентрации промышленности только по числу занятых рабочих становилась недостаточной.

Война усилила индустриализацию Юга и Запада США, которая продолжалась нарастающими темпами в послевоенные годы, показавшие уменьшение числа фабричных рабочих в старых индустриальных штатах Северо-Востока и их рост в ряде южных и западных штатов. За десять лет (с 1955 до 1965 г.) число рабочих обрабатывающей промышленности ряда штатов сократилось; в Массачусетсе — на 6%, в Нью-Йорке — на 9, а в Род-Айленде на — 11%. За это время число рабочих выросло в Миннесоте на 18%, в Северной Дакоте — на 20, в Колорадо — на 23, в Айдахо — на 24, в Калифорнии — на 24, в Теннесси — на 28, в Юте — на 39, в Миссисипи — на 44, в Арканзасе — на 54, во Флориде — на 68, а в Аризоне — на 91%¹⁶.

Процесс концентрации усиливал крупные монополии. Мы уже видели, какую обильную «жатву», крупнейшие американские монополии собрали на военных заказах, как увеличился удельный вес этих монополий в промышленности США. Мы также видели, что за время войны чистая прибыль корпораций увеличилась в несколько раз. Напомним, что в военное время только 40% всех корпораций, в которые входят крупнейшие монополии, получили всю прибыль, а больше половины всех корпораций, состоявших преимущественно из мелких фирм, либо не имели никакой прибыли, либо даже терпели убытки¹⁷.

И до войны важнейшие отрасли обрабатывающей промышленности США были высокомонополизированны. Война еще больше повысила степень монополизации производства. В черной металлургии, например, в 1939 г. 15 крупнейшим корпорациям принадлежало 93,7% всех предприятий, а в 1945 г.—94,7%; в производстве металлоизделий (исключая самолетостроение и судостроение) соответствующие цифры составляли 39,2 и 51,7%, а в судостроении — 56,2 и 88,9%¹⁸. 250 крупнейших корпораций, которым до войны принадлежало 65% средств производства обрабатывающей промышленности США, контролировали во время войны

79% новых производственных мощностей, построенных на государственные средства и отданных в эксплуатацию частному капиталу.

В конце войны в сенате США были опубликованы цифры, показывающие удельный вес самых крупных монополий в американском производстве.

Так, «Ю. Стейтс стил корпорейшн», контролируемая Морганом, владела металлургическими заводами, в которых было сосредоточено 40% всей производственной мощности сталелитейных заводов страны. Этому же тресту принадлежало больше 50% железной руды, добываемой в США.

Все производство алюминия было сосредоточено в руках одного треста, а 90% никеля производила одна компания. Три компании имели монополию в авиационной промышленности.

Один трест производил 50% всех сельскохозяйственных машин, а одна компания контролировала все производство швейных машин.

Двум компаниям принадлежала половина всей мясоконсервной промышленности, а одной компании — все производство рафинированного сахара.

Две компании производили половину электрического оборудования, а одна компания контролировала все производство радиоаппаратуры.

Одна компания являлась монопольным поставщиком пассажирских вагонов, а две компании владели производством всего остального подвижного состава американских железных дорог.

«Америкен телефон энд телеграф компани» владела 80% и контролировала остальные 20% всех телефонов США, а 75% всех американских телеграфных линий принадлежало одной компании.

Пять компаний держали в своих руках все нефтяное дело США.

Четыре компании контролировали все производство электрической энергии.

Три компании имели монополию в быстро развивающейся химической промышленности.

В резиновой промышленности монополию имели четыре компании, в производстве спичек — две, в кинопромышленности — три компании.

Наконец, 1% всех банков контролировал 99% всех банковских ресурсов США.

В конце 40-х годов из 26 главных отраслей обрабатывающей промышленности США в 19 не менее 60% производства контролировалось не более чем шестью корпорациями, а в 13 — не более чем тремя корпорациями¹⁹. В 1946 г. комиссия сената США в своем отчете констатировала: 45 крупнейших транспортных компаний владели 92% всего транспортного оборудования страны; 20 крупнейшим банкам принадлежали 27% кредитов и инвестиций всех числившихся в США 14 685 банков; 17 величайших страховых компаний имели 81% активов всех компаний по страхованию жизни; 200 нефинансовых корпораций владели 55% активов всех 382 тыс. нефинансовых корпораций по сравнению с 25% в 1910 г. и 49% в 1930 г.²⁰

¹² Economic Concentration and World War II, p. 350.

¹³ «Congressional Record», 24.VI 1946, p. A3894.

¹⁴ «New Republic», 2.IX 1946, p. 250.

¹⁵ «Congressional Record», 7.II 1947, p. 1147.

¹⁶ «U. S. News and World Report», November 1965, p. 95.

¹⁷ «Congressional Record», 23.V 1946, p. A2911.

¹⁸ Economic Concentration and World War II, p. 346.

¹⁹ «Congressional Record», 2.IV 1945, p. 3061; Lerner M. America as a Civilization. N. Y., 1951, p. 286.

В приведенных цифрах нет данных об автомобильной промышленности. Производство легковых автомобилей, прекращенное во время войны, еще не было восстановлено к тому времени. До войны «Дженерал моторс» и «Форд» производили 75% всех автомобилей США. Их доля не меньше и после войны.

²⁰ «Congressional Record», 24.VI 1947, p. A3231.

Концентрация содействовала росту старых, возникновению и росту новых монопольных компаний²¹. Владельцы и руководители этих компаний умножили свое состояние. Например, прибыль нефтяной компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» дошла в 1945 г. до 14% всей стоимости проданной продукции, «Стандард ойл оф Калифорния» — до 18, медной компании «Кеннекотт» — до 21, а порохового треста «Дюпон де Немур» — до 25%²². Несмотря на все разговоры, инструкции и распоряжения правительства об ограничении личных доходов, в 1945 г. в США число лиц с индивидуальным доходом в 100 тыс. долл. и выше более чем утроилось по сравнению с 1939 г. В США капиталистов с годовым доходом от 500 тыс. до 1 млн. долл. числилось: в 1940 г. — 112, в 1945 г. — 258, в 1950 г. — 623, в 1961 г. — 985; с доходом в 1 млн. долл. и более (соответственно указанным годам) — 71; 219; 398²³. А в 1971 г., согласно данным налогового ведомства США, уже 864 капиталиста имели ежегодный доход почти 2 млн. долл. каждый²⁴.

К концу войны 250 крупнейших корпораций США распоряжались основным капиталом, равным двум третям всего основного капитала обрабатывающей промышленности США. Этот основной капитал 250 крупнейших промышленных корпораций был к концу войны почти равен всему довоенному основному капиталу всех 75 тыс. корпораций, существовавших в обрабатывающей промышленности США в 1939 г. 31 из этих 250 крупнейших корпораций контролировалась пятью финансовыми группами: моргановской, меллоновской, рокфеллеровской, дюпоновской и кливлендской. Предприятия этой 31 корпорации оценивались суммой, превышающей 18 млрд. долл., что составляло к концу войны 30% стоимости всех предприятий обрабатывающей промышленности США²⁵.

Активы тысячи крупнейших корпораций обрабатывающей промышленности увеличились с 35 666 млн. долл. в 1939 г. до 55 141 млн. долл. в 1944 г., т. е. более чем в полтора раза. В конце 40-х годов 135 крупных корпораций владели 45% всех промышленных активов государства и несколько сот человек из восьми — десяти связанных между собой финансовых групп контролировали активы, превышающие 100 млрд. долл.

²¹ В феврале 1947 г. председатель сенатской комиссии по обследованию монополистических компаний Дж. О'Магони, приводя в сенате данные о росте монополий и об усилении процесса поглощения мелких фирм крупными, заявил: «Проблема монополий в американской промышленности приобретает сейчас более широкий и серьезный характер, чем в любое время со дня принятия антитрестовского закона Шермана в 1890 г. В прошлом поглощение одних фирм другими считалось настолько необычным явлением, что каждый случай привлекал широкое внимание и вызывал общественное осуждение. Сейчас это дело стало настолько банальным, что исчезновение более половины фирм было не замечено. Таким поглощением одних фирм другими устанавливается контроль над ценными источниками сырья, над технологическими процессами и над научно-исследовательской работой; каналы и способы распределения ограничиваются, а свобода инициативы уничтожается. Кучка господствующих фирм решает, кто может выступать на рынке, что должно быть произведено, как рынки должны быть распределены и какое количество товаров может быть куплено или продано, кому и на каких условиях» («Congressional Record», February 17, 1947, p. 1147).

²² «Congressional Record», 5.II 1947, p. A417.

²³ «Statistical Abstract of the U.S.» 1946, p. 256; 1948, p. 333; *Lundberg F. The Rich and Super Rich*. N. Y., 1969, p. 749.

²⁴ «U. S. News and World Report», 30.IV 1973, p. 99.

²⁵ *Economic Concentration and World War II*, p. 42; «Survey of Current Business», November 1947, p. 17; *Lerner M. Op. cit.*, p. 286.

К середине 1946 г. указанные 250 корпораций приобрели уже 70% стоимости всех предприятий, которые правительство решило продать частным лицам, в среднем уплатившим лишь 60% капитала, затраченного на эти предприятия государством («Labor Fact Book», 1947, N 8, p. 22).

Вместе с ростом богатства семейств Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов, Фордов, Пью, Гарриманов и других появились новые архимиллионеры: Дж. Поль Гетти и Генри Кайзер — на Западе (штат Калифорния), Олин — на Севере (штат Иллинойс), Хант и братья Браун — на Юге (штат Техас) и др.

После второй мировой войны американская статистика избегает публиковать такие данные о социальном распределении богатства, какие были опубликованы в США во время и после первой мировой войны. Согласно официальным данным правительственных органов, в 1916 г. 2% населения США владели 60% национального богатства, а в 1926 г. им владели лишь 1% населения²⁶.

Бывший президент США г. Гувер, выступая в июле 1958 г. на Международной выставке в Брюсселе, утверждал, что в США ввиду установления прогрессивного налога на наследство крупные состояния уменьшаются²⁷. При этом пользовались следующими данными. После окончания первой мировой войны, в 1921 г., по данным налогового инспектора, состояние самого богатого человека в США — Рокфеллера — оценивалось в 2740 млн. долл. Между тем американский журнал «Форчун», приводя в ноябре 1957 г. список 76 крупнейших богачей США с состоянием в 75 млн. долл. и выше, назвал среди них калифорнийского нефтепромышленника Гетти, состояние которого оценивается в 1 млрд. долл., самым богатым человеком в Америке²⁸.

Верно, что существующий в США прогрессивный налог на наследство для состояний доходит до трех четвертей и более оставленного богатства. Но верно и другое: официальное наследство отличается от действительного. Рокфеллер, например, задолго до смерти распределил свое состояние между наследниками. Вообще в США существуют многочисленные пути сокращения налога на наследство, как и подоходного налога. Фактически от налога на наследство в США освобождается более 90% оставленного потомству богатства²⁹.

В июне 1968 г. в Нью-Йорке была опубликована книга Фердинанда Ландберга «Богачи и сверхбогачи». До апреля 1969 г. она выдержала восемь изданий. В главе под названием «Большое налоговое надувательство» Ландберг доказывает, что «многие с постоянным годовым доходом в 5 млн. долл. или более часто в течение многих лет совсем не платят никаких налогов, в то время как человек со скудным заработком в 2000 долл., не имевший, возможно, годами никакого заработка, отказывает своей семье в пользовании медицинскими или зубоорудными услугами для того, чтобы платить налог!»³⁰

Ландберг приводит следующие данные: «В 1959 г. пять человек, каждый с доходами более чем в 5 млн. долл., не платили совсем никакого федерального налога в то время, когда народ полагает, что налог отнимает 90% такого дохода. Один с доходом в 20 млн. долл. не платил налога. Другой с годовым доходом почти в 2 млн. долл. не платил налога с 1949 г. В 1961 г. семнадцать человек, каждый с доходами в 1 млн. долл. и более, и 35 других с доходами в 500 тыс. долл. и более не платили какого бы то ни было налога»³¹.

²⁶ «Congressional Record», 2.IV 1945, p. 3061.

²⁷ «New York Times», 5.VI 1958.

²⁸ «Fortune», November 1957, p. 147.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Лан В. И. США: от первой до второй мировой войны*. М., 1976.

³⁰ *Lundberg F. The Rich and Super Rich*. N. Y., 1968, p. 321.

³¹ *Ibid.*, p. 333.

Подходный налог на акционерный капитал в США распространялся лишь на распределенную прибыль, выданную корпорациями в виде дивидендов. Но если прибыль направляется на расширение предприятий, то она обложению не подлежит.

Корпорации, как правило, распределяют в виде дивидендов лишь часть своих доходов. В США существуют крупные компании, которые вообще дивидендов не платят, это «растущие компании», вкладывающие весь свой доход в бизнес. Таким образом, они увеличивают свое богатство и не платят налога. В результате от налога освобождается прибыль, исчисляемая многими миллиардами долларов. В 1950 г. нераспределенная прибыль корпораций, не подлежащая обложению, достигла суммы 16 млрд. долл. Как правило, нераспределенная прибыль превышает сумму дивидендов. В 1947 и 1948 гг. она превышала эту сумму более чем в 2 раза. За 20 послевоенных лет (1945—1965 гг.) дивиденды, выплаченные корпорациями США, равнялись 226 900 млн. долл., а их нераспределенная прибыль составляла 296 200 млн. долл.³² За четверть века (с 1937 по 1961 г.) нераспределенная прибыль рокфеллеровского «Стандард ойл оф Нью-Джерси» выросла с 476,3 млн. долл. до 4716 млн. долл., а вместе с прибылью других пяти крупных нефтяных компаний, входящих в рокфеллеровскую группу, эта сумма выросла с 778,5 млн. долл. до 9 481,4 млн. долл.³³

Недаром в 1965 г. вашингтонская печать сообщала, что около двух третей состояния 90 тыс. американских миллионеров, числившихся тогда в стране, находятся в ценных бумагах корпораций. В 1970 г. из личных доходов в 804 млрд. долл. только на доходы в 401 млрд. долл. был уплачен налог, а из 403 млрд., за которые налог не был уплачен, только 75 млрд. относились к небольшим доходам, не подлежащим обложению³⁴.

Помимо нераспределенной прибыли корпораций в США в послевоенные годы оказались многочисленными лазейки, позволявшие богачам увиливать или сильно сокращать причитающийся с них налог.

Сенатор И. Дуглас из штата Иллинойс в своем выступлении в 89-м конгрессе утверждал, что половина суммы, которая должна быть уплачена в виде налога, утекает в карманы привилегированных слоев населения, что в 1965 г. уборщица, «зарабатывающая 55 долл. в неделю, уплатила в виде подоходного налога больше, чем нефтяная компания с годовым доходом в 26 млн. долл., а так называемая «налоговая скидка на истощение недр» приносит нефтепромышленникам 2,5 млрд. долл. в год»³⁵.

Особые льготы нефтяной промышленности дошли до того, что в 1964—1966 гг. подоходный налог 22 компаний, занимавшихся переработкой нефти, колебался в пределах 4—8,5% их валового дохода. Между тем у рабочих, служащих и мелких предпринимателей подоходный налог составлял около 20% их заработка³⁶.

В апреле 1973 г. член финансовой комиссии сената и будущий вице-президент США сенатор У. Мондэйл сообщил, что в 1971 г. 276 человек, каждый с доходом не менее 100 тыс. долл. в год (включая 72 человека с доходами, превышающими 200 тыс. долл. в год), «не платили никакого федерального налога, а тысячи других платили лишь жалкие гроши

в виде налога на их колоссальный доход». 1 марта 1976 г. в сенате констатировали, что в 1973 г. более 3 тыс. собственников, каждый с годовым доходом свыше 500 тыс. долл., относившихся к 0,5% семейств, считавшихся самыми богатыми в стране, вообще не платили федерального налога³⁷.

Газета «Нью-Йорк таймс» в начале 1975 г. писала, что еще в преддверии бюджетного года уже создаются лазейки для увиливания от налогов на доходы общей суммой в 91 млрд. долл. Десятью годами раньше эта сумма составляла 36,6 млрд. долл.³⁸

После второй мировой войны излюбленным способом богачей для избавления от подоходного налога, как и от налога на наследство, стали «филантропические» фонды.

«Благотворительные фонды» существовали в США и раньше. В 1905 г., например, Карнеги создал фонд для улучшения преподавания в учебных заведениях. В 1913 г. Рокфеллер основал свой фонд, а в 1936 г. возник самый крупный из них — «фонд Форда». К концу 60-х годов в США насчитывалось свыше 20 тыс. «благотворительных фондов» с капиталом, превышающим 20 млрд. долл. Около 80% этого капитала (примерно 16 млрд. долл.) находилось в распоряжении 600 самых больших фондов³⁹. Основная масса фондов представляла сравнительно мелкие, малоизвестные состояния. Подавляющее большинство этих фондов образовалось после второй мировой войны.

До конца первого десятилетия XX в. в США существовали только 18 фондов и лишь один из них — с капиталом более 10 млн. долл. Тогда уклонение от налогов еще не служило стимулом для укрытия прибылей и состояния в этих фондах. Подоходный налог был введен в США лишь в 1913 г., а налог на имущество — в 1916 г. Во втором десятилетии нашего века образовались 76 более или менее значительных фондов, в 20-х годах — 173, в 30-х — 288, в 40-х — 1638, а в 50-х годах — 2839. Из 5050 более или менее значительных фондов 32% были основаны в 40-х и 56% в 50-х годах⁴⁰.

Из десяти самых больших фондов, из которых капитал каждого превышает 250 млн. долл., крупнейшим считается «фонд Форда». К концу 1967 г. его капитал равнялся 3580 млн. долл. Следующий за ним «фонд Рокфеллера» оценивался тогда в 804 млн. долл.

Для семейства Рокфеллеров «благотворительные фонды» стали средством, помогающим ему сохранять под своим контролем децентрализованный «Стандард ойл» после формального раздела этого треста на ряд отдельных компаний, согласно решению верховного суда США в 1911 г. Спустя полвека после официального роспуска этого величайшего нефтяного треста фондам, контролируемым Рокфеллерами, принадлежало 468 тыс. акций в нефтяной компании «Огайо» стоимостью 18 млн. долл., 306 тыс. акций — в «Континентал ойл» стоимостью 17 млн. долл., 602 тыс. акций — в «Сокони Мобил ойл» стоимостью 23 610 тыс. долл., 1256 тыс. акций — в «Стандард ойл оф Индиана» стоимостью 59 737 тыс. долл., а также в других нефтяных компаниях. В «Стандард ойл оф Нью-Джерси» — главном нефтяном тресте, официально сохранившемся и после 1911 г. как рокфеллеровский, — этим фондам к концу 1960 г. принадлежали 7892 тыс. акций стоимостью 325 млн. долл.⁴¹

³² Lundberg F. Op. cit., p. 347, 348.

³³ «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 2, с. 132.

³⁴ «U. S. News and World Report», 11.X 1965, p. 119; 10.IV 1972, p. 23.

³⁵ Pearson D., Anderson J. The Case Against Congress. N. Y., 1968, p. 128—129.

³⁶ Ibid., p. 130.

³⁷ «U. S. News and World Report», April 30, 1973, p. 99; «Congressional Record», 1.III 1976, p. S52523.

³⁸ «N. Y. Times», 2.III 1975.

³⁹ «New York Times Magazine», 16.III 1969, p. 25, 88.

⁴⁰ Lundberg F. Op. cit., p. 386.

⁴¹ Ibid., p. 388—389.

Рокфеллеры не исключение. «Фонду Дюпона» принадлежит много акций в химическом концерне «Дюпон де Немур». «Фонд Меллена» владеет большим количеством ценных бумаг его алюминиевой и других компаний. Во многих случаях эти фонды стали держательскими компаниями, владеющими контрольными пакетами акций, доходы которых не облагаются налогами.

Фонды, освобожденные от налогов, служат средством накопления. «Фонд Рокфеллера», основанный в 1913 г. с капиталом в 34 400 тыс. долл., через полвека превысил 800 млн. долл., а доходы «фонда Форда», образованного в 1936 г., за 30 лет достигли около 2 млрд. долл. В 50-х годах 534 фонда, считавшихся крупными, имели общий доход 6981 млн. долл. За один 1960 г. их доход достиг 1340 млн. долл. Из них на долю одного лишь «фонда Форда» пришлось 433 млн. долл., «фонда Карнеги» — 66 млн. долл., «фонда Рокфеллера» — 51 млн. долл.⁴²

Фондами владеют и их доходами распоряжаются те богачи, имена которых они носят. Верно, часть доходов направляется в виде ассигнований на научные, образовательные, медицинские, религиозные и другие цели в США, а отчасти и в другие страны. Владельцы фондов даже не прочь заверить публику, что на эти цели уходит все то, что они экономят на налогах. В 1951—1960 гг. указанные 534 фонда внесли в пользу научных, медицинских, религиозных и других организаций 3449 млн. долл., что составляло меньше половины доходов этих фондов. Но какие именно университеты, научные институты, церкви и общества содержать или поддержать — это решают те, кто владеет и распоряжается фондами. Таким образом «благотворительные фонды» стали инструментом распространения власти фордов, рокфеллеров, дюпонов, меллонов и им подобных на науку, образование, на церковь и даже на изучение ряда вопросов, имеющих международное значение.

Фонды крупных капиталистов способствуют, как выражаются в США, формированию «культурно-интеллектуальной структуры американского общества». И это достигается средствами, похищенными оборотистыми богачами у государства под камуфляжем «филантропических фондов».

Конечно, когда крупное состояние делится между потомками и родственниками, каждая часть оказывается меньше целого. Но состояния династий американских миллиардеров не уменьшаются, а, наоборот, сильно увеличиваются. И они особенно увеличились после второй мировой войны. Хотя статистика по этому вопросу после 20-х годов не публикуется, кое-какие данные о сильном росте крупных состояний просачиваются в материалы официальных органов США.

В апреле 1945 г., например, в сообщении в сенате США утверждалось, что общее состояние клана Рокфеллеров оценивается примерно в 10 млрд. долл.⁴³ В этом же сообщении говорилось, что 12 крупнейших американских богачей, включая лиц, возглавляющих дома Морганов и Рокфеллеров, контролируют все хозяйство США и что один из богачей сам подтвердил этот факт⁴⁴.

Из перечисленных в журнале «Форчун» 76 американцев, имеющих каждый состояние 75 млн. долл. и выше, 23 нажили свое богатство на

нефти. В этой группе преобладают нефтепромышленники штата Техас, хотя самым богатым нефтепромышленником «Форчун», как мы видели, считал калифорнийского нефтепромышленника Гетти.

В результате второй мировой войны наряду с военным производством увеличился удельный вес нефтяной промышленности в экономике США. Неудивительно, что после второй мировой войны нефтяные короли, как и владельцы военных заводов, играют особую роль в политике государства.

В целом монополии в итоге второй мировой войны выросли и абсолютно, и относительно. Крупнейшие монополистические компании не только умножили свои капиталы, но и возрос их удельный вес в общем производстве США.

Увеличением роли монополистического капитала в экономике объясняется то, что послевоенная политика США в еще большей степени выражает интересы и волю крупного американского капитала, чем довоенная политика; что при Г. Трумэне и Д. Эйзенхауэре внутренняя и внешняя политика США проводилась более открыто как программа монополистического капитала, чем при Ф. Рузвельте.

Это подтверждается всем ходом послевоенной истории США.

В то время как монополии увеличили свои капиталы, а первый послевоенный бюджет США в 8 раз превышал последний довоенный бюджет, сумма, ассигнованная в 1946 г. на расходы по соблюдению анти-трестовских законов, была меньше, чем до войны⁴⁵. Генеральный прокурор Т. Кларк сообщил в комиссии сената, что во время слушания лишь двух дел о нарушении анти-трестовских законов монополии израсходовали на защиту своих интересов больше, чем государство ассигновало на борьбу с нарушителями анти-трестовских законов на весь 1945/46 бюджетный год.

В итоге второй мировой войны национальное богатство США в неизменных ценах (в ценах 1929 г.) выросло незначительно. Оно равнялось 445,8 млрд. долл. в 1929 г., 424,8 млрд. долл. — в 1939 г. и 435,6 млрд. долл. — в 1945 г.⁴⁶ Абсолютно и тем более на душу населения национальное богатство страны в 1945 г. не достигло уровня 1929 г. Это объясняется тем, что война поглощала большую часть национальной продукции, а также несоответствием между ростом продукции и производственного аппарата. В 1942—1943 гг. военное производство занимало две трети промышленной продукции⁴⁷. Следует также учесть огромную государственную задолженность США, выросшую во время войны: в 1944 г. эта задолженность равнялась трем четвертям национального богатства, тогда как в 1939 г. — лишь половине его⁴⁸.

В большей мере, чем богатство, вырос валовой национальный продукт. Он, как и национальный доход, вырос и в целом, и в среднем на душу населения. В неизменных долларах (в долларах 1929 г.) валовой национальный продукт США равнялся 104,4 млрд. в 1929 г., 111 млрд. — в 1939 г. и 180,9 млрд. долл. — в 1945 г. Валовой национальный продукт в среднем на душу населения составлял 857 долл. в 1929 г., 847 долл.

⁴² Ibid., p. 393.

⁴³ «Congressional Record», 2.IV 1945, p. 3061.

⁴⁴ Через 20 лет после окончания войны, в 1965 г., в США насчитывалось около 90 тыс. миллионеров. Из них, согласно данным о налогах, 355 имели годовой доход не менее миллиона долларов, не считая доходов, освобожденных от налогов («U. S. News and World Report», 11.X 1965, p. 119).

⁴⁵ Historical Statistics of the U. S. Wash., 1961, p. 152.

⁴⁷ Американский экономист Хансен, работавший консультантом Федерального резервного управления и правительственных органов США, утверждает: «К концу второй мировой войны в работу для военных целей было включено около половины всех производственных ресурсов США». Хансен Э. Послевоенная экономика США. М., 1966, с. 37.

⁴⁸ «U. S. News and World Report», 8.VIII 1958, p. 50.

в 1939 г. и 1293 долл. в 1945 г.⁴⁹ Но эти данные выражают лишь среднестатистические условные величины. В капиталистической действительности такого среднего распределения на душу населения нет и не может быть. В условиях США увеличение валового национального продукта, обуславливающее рост национального дохода, означает лишь то, что богатые стали еще богаче.

В 1952 г. были опубликованы итоги обследования, произведенного в Мичиганском университете для Федерального резервного управления и в Брукингском институте для нью-йоркской биржи. Мичиганский университет и Брукингский институт изучили распределение акций корпораций среди населения США. В результате получились данные, позволяющие лучше, чем раньше, видеть, кто после второй мировой войны владеет акционерным капиталом американской промышленности.

Семьи с годовым доходом 10 тыс. долл. и выше, составлявшие всего 3% всех семей США, владели 80% всех акций. Большинство остальных акций принадлежало семьям с годовым доходом от 5 тыс. до 10 тыс. долл. Семьи с годовым доходом до 5 тыс. долл., составлявшие 80% семейств США, имели ничтожное число акций. Всего акциями в США владели 7% всех семейств. 1% всех американских семейств принадлежало больше двух третей всего акционерного капитала. Еще 1% всех семейств США принадлежала большая часть остального, а 5% всех семейств, считавшихся акционерами, имели весьма незначительный процент акционерного капитала⁵⁰.

Ко времени окончания второй мировой войны (в 1945 г.) 92% всех семей США имели годовой доход до 5 тыс. долл., из них 40% — до 2 тыс. и 18% — до 1 тыс. долл. Лишь 12% семей имели в том году доход в 5 тыс. долл. и выше. Группе с самым низким доходом, составлявшей 18% всех семей, принадлежало лишь 3% всех доходов, а группе с доходами 5 тыс. долл. и выше (12% всех семей) — 32% всех доходов, из них 16% приходилось на долю 4% всех семей, каждая из которых имела годовой доход не менее 7500 долл.⁵¹

Итоги обследований лишь раз подтвердили несостоятельность всех разговоров о том, что в США трудящиеся города и деревни, рабочие и фермеры владеют акциями, будто бы составляющими существенную долю в их собственности и доходах.

Несмотря на то, что с начала второй мировой войны цены на сельскохозяйственные продукты были более благоприятными для фермеров, чем на всем протяжении 20-х и 30-х годов, только 6% всех фермеров оказались после войны владельцами акций. И то половине из них в среднем на каждого приходилось акций, стоимостью, не достигавшей и 300 долл.⁵²

По данным обследования, произведенного для Федерального резервного управления, только 5% всех рабочих семей США имели акции. И только 3% всех семей рабочих, относящихся к самой высокооплачиваемой категории, к рабочей аристократии, имели акции стоимостью не менее чем на 500 долл. И это после того, как в результате войны безработица была сокращена до небывалого в течение четверти века минимума, после того, как несколько лет миллионы рабочих работали сверхурочно и получали поэтому повышенную заработную плату.

Архиреакционный американский журнал, приводя эти данные, заключает: «Совершенно ясно стало, что трудящийся не является значительным владельцем промышленности»⁵³.

Этот журнал выражается неточно. 95% всех рабочих и 94% всех фермеров, как мы видели, не имели никаких акций, а те несколько процентов рабочих и фермеров, которые имели ценные бумаги корпораций, не были даже незначительными владельцами предприятий.

Характерно, что в следующие десять лет процент рабочих и фермеров, имевших акции, не увеличился, а уменьшился. В 1962 г., по данным нью-йоркской биржи, 17 млн. американцев имели акции по сравнению с 6,5 млн. в 1952 г. Отсюда эта биржа заключила, что оправдываются разговоры о «народном капитализме» в США. Но цифры свидетельствуют о совершенно другом. В 1962 г. в стране циркулировало 15 млрд. акций на общую сумму 500 млрд. долл., но только 3% рабочих и 1,4% фермеров были держателями ценных бумаг⁵⁴.

Таким образом, имевшие место в США после первой мировой войны бесконечные разговоры о перераспределении ценностей, о «демократизации богатства» в стране и подобные же разговоры о так называемом «народном капитализме», ставшие особенно модными после второй мировой войны, не имели и не имеют под собой никакой реальной основы.

Термин «народный капитализм» появился в середине 50-х годов. Его изобрел пропагандистский аппарат правительства, созданный в начале президентства Эйзенхауэра и получивший известность под названием «Информационное агентство США». Агентство широко использовало этот термин в своей деятельности за границей, восхваляя и прославляя американский капитализм. Внутри страны за него ухватились, рекламируя свои акции, руководители крупнейших корпораций («Стальной трест», «Дженерал электрик», «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и др.). Президент нью-йоркской фондовой биржи Фанстон, утверждая, что США становятся страной «народного капитализма», даже пророчествовал, что, «если распространение акций станет достаточно широким, то это приведет капитализм к конечным целям социализма — к тому, что народ будет владеть средствами производства». Но, когда более 95% рабочих и фермеров не имеют никакого отношения к акциям, подобные предсказания убедительно опровергаются, и выражение «народный капитализм» звучит несуразно, бессмысленно.

Владельцами фабрик и заводов, шахт и нефтяных источников, железнодорожного и морского транспорта, владельцами богатства США являются после войны, как и до войны, капиталисты. В итоге второй, как и первой, мировой войны богатые стали еще богаче. Конечно, богаче стали владельцы крупнейших монополий, хозяева крупнейших корпораций, которым достались основные военные барыши. Спустя 20 лет после окончания войны, в начале 1966 г., были опубликованы данные, свидетельствующие, что меньше 1% американских корпораций имеет возможность котировать свои акции на нью-йоркской бирже. Но этим немногим корпорациям принадлежали около 65% чистых доходов, и на их долю приходилось около 60% выплаченных дивидендов всех корпораций⁵⁵.

Много говорили и писали в США о сбережениях, оказавшихся у широких слоев населения страны после войны. Все индивидуальные сбережения населения увеличились в текущих долларах с 2,9 млрд.

⁴⁹ «Historical Statistics of the U.S.», p. 139.

⁵⁰ «U. S. News and World Report», 3.X 1952, p. 100—1.

⁵¹ «Federal Reserve Bulletin», July 1947, p. 794, 803.

⁵² «U. S. News and World Report», 3.X 1952, p. 102.

⁵³ «U. S. News and World Report», 3.X 1952, p. 102.

⁵⁴ «New York Times Magazine», 23.III 1964, p. 11.

⁵⁵ «U. S. News and World Report», 21.II 1966, p. 7.

в 1939 г. до 36,9 млрд. в 1944 г. За пять лет войны (1941—1945) все индивидуальные сбережения составили 137,5 млрд. долл., в 10 раз больше, чем за довоенное пятилетие (1935—1939)⁵⁶. Однако внимательное рассмотрение показало, что основные сбережения сосредоточились не у широких масс, а у сравнительно ограниченного круга лиц.

По данным Бюро сельскохозяйственной экономики, ко времени окончания войны сбережения распределялись среди населения США следующим образом: 40% американских семей имели всего 1% всех сбережений; более состоятельным 30% семейств принадлежало 11,5%, а наиболее состоятельным 30% семейств — 87,5% сбережений. Наиболее богатым в Соединенных Штатах 10% семейств принадлежало 60% всех сбережений⁵⁷.

В абсолютных данных сбережения, накопленные в итоге войны, были значительными. Они образовались в результате так называемого «отложенного спроса», сыгравшего немаловажную роль в послевоенной экономике США. Во время войны сбережения доходили в среднем до 20% дохода населения против 5 1/4% — в 1936 г. и 6 1/3% — в 1950 г.⁵⁸

Как уже было сказано выше, в середине 1942 г. производство ряда товаров широкого потребления было прекращено. Еще раньше было строго ограничено строительство жилых зданий. В результате за годы войны образовался неудовлетворенный спрос на предметы, называемые товарами длительного пользования, образовался «отложенный спрос», и не только у частных лиц, но и у штатов и муниципалитетов, которые во время войны вынуждены были из-за недостатка материалов и рабочей силы отказываться от многих работ по благоустройству городов и штатов. За 10 послевоенных лет штаты и муниципалитеты утроили свои расходы⁵⁹. Из «отложенного спроса», однако, больше всего влияло на послевоенную экономику жилищное строительство и производство автомобилей.

Затраты частного городского жилищного строительства в США, составлявшие 3625 млн. долл. в 1929 г., сокращались во время мирового экономического кризиса и снизились в 1933 г. до 470 млн. долл. Затем они постепенно повышались и дошли до 2680 млн. долл. в 1939 г. В 1941 г., дойдя до 3510 млн. долл., стоимость этого строительства достигла почти уровня 1929 г. В 1942 г. она сократилась более чем в 2 раза, а в 1943 и 1944 гг. она была в 4 раза меньше, чем в 1941 г.⁶⁰

В результате того, что на всем протяжении 30-х годов жилищное строительство США находилось в состоянии кризиса и депрессии, в стране образовался острый недостаток жилищ. Перепись 1940 г. показала, что 7 млн. домов пришло в полную негодность, а многие миллионы были в таком состоянии, что они не соответствовали техническим стандартам жилых зданий. В военное время недостаток жилищ еще больше увеличился, так как за этот период 9 млн. человек переселились из деревни в город. С 1940 по 1945 г. число семейств в США увеличилось на 3,5 млн.⁶¹ Жилищный кризис превратился в национальную проблему. В мае 1946 г. в конгрессе США прошел закон о проведении с помощью государства чрезвычайной программы жилищного

строительства. В 1948—1949 гг. были приняты новые законы, предусматривавшие в качестве «национальной задачи обеспечение каждой американской семьи приличным жильем и подходящими условиями жизни»⁶².

Правда, эти законы были обречены на весьма кратковременное существование. Поставленная задача оказалась неразрешимой, как было это признано в 1969 г. в конгрессе США. Оказалось, что спустя четверть века после принятия указанных законов многие миллионы американцев жили в трущобах. Никогда в США не строилось 2 млн. домов в год, как было предусмотрено законом. По закону 1948 г. предполагалось построить за 20 лет около 6 млн. домов для семей с низким и умеренным доходом, а построили лишь 938 тыс. таких домов. В сентябре 1969 г. в Вашингтоне официально признали, что пропорционально численности населения жилищное строительство в США отстает не только от жилищного строительства СССР, но и ряда капиталистических стран Европы: Швеции, Дании, Нидерландов, Франции и ФРГ⁶³.

Тем не менее сразу после войны капиталы и сбережения устремились в жилищное строительство. В этой области реализовался в большой мере «отложенный спрос». В США развернулось в значительных размерах пригородное строительство, поддержанное продажей небольших домов в кредит, в рассрочку. За исключением 1949 и 1951 гг., в течение 10 лет после окончания войны частное городское и пригородное жилищное строительство в США постоянно увеличивалось и достигло своего максимума в 1955 г., когда стоимость этого строительства дошла до 18 700 млн. долл. В неизменных долларах стоимость жилищного строительства в США была в 1955 г. примерно в 3 раза больше, чем в последний год перед вступлением Америки во вторую мировую войну. Естественно, что такое жилищное строительство подкрепляло послевоенное хозяйственное оживление в Америке.

Еще большее влияние на послевоенное хозяйственное развитие США оказывало производство легковых автомобилей.

Как и жилищное строительство, производство автомобилей находилось почти на всем протяжении 30-х годов в состоянии кризиса и депрессии. С 5600 тыс. машин в 1929 г. выпуск автомобилей сократился до 1400 тыс. в 1932 г. В 1937 г. производство автомобилей приблизилось к 5 млн., но в следующем году оно сократилось наполовину. В 1941 г. выпуск легковых автомобилей в США дошел до 3780 тыс., но в 1942 г. в связи с вступлением США в войну он сократился, как мы видели, в 17 раз. В следующие два года (1943 и 1944) в США было произведено менее 1 тыс. легковых автомобилей. И даже в 1945 г., когда производство автомобилей начали восстанавливать, удалось выпустить только 70 тыс. машин. Лишь к 1950 г. число выпускаемых автомобилей было доведено до уровня 1929 г.

Уже замедленный выпуск автомобилей в 30-х годах имел своим следствием то, что возраст легковых машин, находившихся в эксплуатации в США, увеличивался, а их качество ухудшалось. Средний возраст действующего парка американских легковых автомобилей, составлявший в 1925 г. 3,1 года, повысился до 4,4 года в 1932 г. и 5,5 года в 1939 г. Ко времени вступления США в войну половина всего парка легковых автомобилей имела возраст более пяти лет, а около 25% этого парка — более восьми лет⁶⁴.

⁵⁶ «Economic Report of the President», 1958, p. 133.

⁵⁷ «New Republic», 1.VI 1946, p. 323.

⁵⁸ «Congressional Record», 21.IX 1965, p. 23627.

⁵⁹ «Current History», October 1957, p. 218.

⁶⁰ «Economic Report of the President», January 1958, p. 151.

⁶¹ «Current History», September 1948, p. 138.

⁶² «Congressional Record», 30.IX.1969, p. E7987.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ «Мировое хозяйство и мировая политика», апрель 1945, с. 71, 72.

В течение четырех лет участия США в войне автомобильный парк почти не обновлялся. В результате к концу войны и к началу 1946 г. больше 80% колоссального парка легковых автомобилей оказалось устаревшим, отслужившим свой срок.

Таким образом, США вышли из войны с необходимостью обновления своего автомобильного парка. Накопленные сбережения, «отложенный спрос» в условиях широкой продажи автомобилей в кредит содействовали не только обновлению, но и значительному расширению парка легковых автомобилей США.

Ко времени вступления США в войну, в декабре 1941 г., в стране было зарегистрировано 29 600 тыс. легковых автомобилей. В декабре 1945 г. это число сократилось до 25 800 тыс.; за 10 лет, к концу 1955 г., оно больше чем удвоилось и превысило 52 млн. Еще через десять лет, в 1965 г., эта цифра была выше 75 млн., а в 1970 г. она составляла около 90 млн. Автомобильная промышленность и связанные с ней отрасли хозяйства давали работу около 14 млн. человек. К середине 60-х годов около 90% пассажирского сообщения между городами осуществлялось легковыми автомобилями, 6% — самолетами, 2,5% — автобусами и менее 2% — железными дорогами. К этому времени автомобили и автомобильная промышленность потребляли 22,4% всей израсходованной в стране стали, 56,6 — ковкого железа, 13,5 — алюминия, 35 — цинка, 13 — меди, 14 — никеля, 50 — свинца, 61 — каучука, 75 — листового стекла, 43 радиоприемников и 23% установок для кондиционирования воздуха⁶⁵.

Принимая во внимание роль автомобильной промышленности в производстве США, нельзя не видеть того большого влияния, которое обновление и расширение автомобильного парка, развернувшегося в итоге войны, оказывало на послевоенное хозяйственное развитие Америки. К 1960 г. (по сравнению с 1947 г.) стоимость автомобильной продукции увеличилась почти в 3 раза⁶⁶.

После войны происходило в значительных размерах обновление основного капитала производства. Производственный аппарат США, выросший во время войны, оказался после окончания военных действий в известной степени изношенным: отчасти физически в результате его напряженной эксплуатации в военное время, отчасти морально в результате того, что выросшая военная техника была перенесена на некоторые гражданские предприятия.

Массовое производство автомобилей и большое жилищное строительство содействовали оживлению и развитию ряда отраслей промышленности.

Со дня окончания войны до 1973 г. (за исключением 1949, 1954, 1958 и 1961 гг.) капиталовложения в новые предприятия и оборудование постоянно увеличивались: в текущих долларах они выросли с 5,5 млрд. в 1939 г. до 14,8 млрд. долл. в 1946 г., 20 млрд. в 1950 г., 37 млрд. в 1960 г., 80 млрд. в 1970 г. и до 89 млрд. долл. в 1972 г.⁶⁷

Когда мы говорим об экономических итогах войны, оказавших влияние на послевоенное развитие хозяйства США, необходимо упомянуть об изменениях, происшедших в американском сельском хозяйстве.

6 ноября 1944 г. министерство сельского хозяйства США сообщало, что за четыре истекших года фермерское население страны уменьшилось на 4748 тыс. человек⁶⁸. За время второй мировой войны (1940—1945 гг.) фермерское население США сократилось с 30 547 тыс. до 22 295 тыс. (т. е. на 5252 тыс. человек), а его удельный вес в населении страны снизился с 23% в 1940 г. до 18% в 1945 г. В то время как процесс вытеснения мелкого фермера крупным за годы войны не прекращался, средний размер ферм за 1940—1945 гг. увеличился со 174 до 194 акров. Это свидетельствовало о росте числа крупных и уменьшении числа мелких хозяйств, несмотря на изменение в военное время соотношения товарных цен в пользу продуктов сельского хозяйства.

В 1939 г. цены на сельскохозяйственные продукты находились на уровне 77% паритетных цен. С тех пор этот уровень цен постоянно повышался, и в 1945 г. он дошел до 109% паритета⁶⁹.

Такое изменение соотношения цен в пользу фермера объясняется громадным спросом во время войны на продукты американского сельского хозяйства. Прежде всего государство стало крупным покупателем сельскохозяйственных продуктов в связи с продовольственными заготовками для вооруженных сил США и для поставок по ленд-лизу. Стоимость сельскохозяйственных продуктов, поставленных США по ленд-лизу в 1941—1945 гг., превысила 6 млрд. долл.

В то же время сокращение безработицы, увеличение занятости населения и сверхурочная работа вызвали рост потребления продовольствия в стране: в 1944 г. (по сравнению с 1940 г.) это потребление (в среднемдушевом весовом выражении) увеличилось в США на 7%. Рост спроса и цен содействовал росту объема производства сельского хозяйства США: если принять за 100 индекс всей сельскохозяйственной продукции страны за пятилетие, предшествовавшее второй мировой войне (1935—1939), то в 1940 г. этот индекс достиг 110, а в 1944 г. дошел до 137⁷⁰.

Рост сельскохозяйственной продукции во время войны обязан был отчасти расширению обрабатываемой площади. Но в большей мере этот рост объясняется увеличением продуктивности сельского хозяйства США. Посевная площадь увеличилась за время войны на 10%, а средняя выработка на каждого человека, работавшего на ферме, повысилась в 1944 г. (по сравнению с 1939 г.) на 23%. Среднечасовая выработка на ферме выросла в 1945 г. по сравнению со среднечасовой выработкой в 1935—1939 гг. на 41%⁷¹.

Значительное увеличение продуктивности обеспечило весьма существенный рост сельскохозяйственного производства при уменьшении фермерского населения. Продуктивность же на ферме увеличивалась вместе с ростом техники. Как уже было отмечено, в 1940—1944 гг. число тракторов на фермах США увеличилось более чем в 1,5 раза, а число зерновых комбайнов — почти в 2 раза. За это время увеличилось также потребление минеральных удобрений. Производство синтетического азота, например, выросло за 1940—1944 гг. на 65%⁷².

Следует, однако, отметить, что во время войны растущий спрос на сельскохозяйственные машины далеко не удовлетворялся. В 1942 г. был

⁶⁸ «Current History», January 1945, p. 91.

⁶⁹ Economic Report of the President, 1958, p. 189.

Основой этого паритета в США считается соотношение цен между товарами, продаваемыми и покупаемыми фермерами в среднем за пятилетие, предшествовавшее первой мировой войне.

⁷⁰ Dewhurst J. Op. cit., p. 702, 787, 1080.

⁷¹ Ibid., p. 740, 802, 1080.

⁷² Ibid., p. 827.

⁶⁵ «Survey of Current Business», September 1963, p. 18; «Statistical Abstract of the U. S.», 1970, p. 544; «U. S. News and World Report», 11.VII 1966, p. 44—45; «Fortune», June 1965, p. 137; «Magazine of Wall Street», 13.XI 1965, p. 197.

⁶⁶ «Magazine of Wall Street», 6.II 1965, p. 437.

⁶⁷ Economic Report of the President, 1958, p. 150; 1972, p. 239.

установлен лимит на производство сельскохозяйственных орудий. В 1943 г. производство сельскохозяйственных машин в США было на 40% меньше, чем в 1940 г.⁷³ И в этой области также образовался так называемый «отложенный спрос».

После окончания войны до конца 40-х годов сельскохозяйственный экспорт США и цены на фермерские продукты ввиду огромного спроса на продовольствие со стороны изголодавшихся народов воевавших государств находились на высоком уровне. За 12 месяцев (с июля 1946 до июля 1947 г.) США экспортировали 18,7 млн. т продовольствия по сравнению с 3,6 млн. т в среднем в 1935—1939 гг. Стоимость этого экспорта выросла с 270 млн. долл. (в среднем в довоенные годы) до 2900 млн. долл. в год. Высокий доход фермеров усилил процесс механизации на фермах. «Отложенный спрос» удовлетворялся с лихвой. Среднечасовая выработка на ферме в 1948 г. выросла на 55%, а в 1952 г. — на 75% по сравнению с 1935—1939 гг.⁷⁴

Правда, плодами механизации и высоких цен пользовались лишь менее половины американских ферм, а именно те фермы, которые обычно давали около 90% всей сельскохозяйственной продукции, поступающей на рынок. Уже до войны, как показала перепись 1940 г., 10% всех фермеров производили половину, а 30% всех фермеров — больше трех четвертей всей товарной продукции сельского хозяйства США. Военная и особенно послевоенная механизация, усилившая крупные хозяйства, ускорила вместе с тем процесс вытеснения отсталых, мелких и отчасти средних ферм.

В 1947 г. Л. Фрайер в своей книге о проблемах и перспективах американского фермера, отметив, что около двух третей сельскохозяйственного населения США не в состоянии обеспечивать себе «приемлемый минимум американской жизни» и что «более десяти миллионов из них живет постоянно в ужасной нищете», писал: «Три пятых всех ферм сейчас слишком малы, чтобы удовлетворительно прокормить семью... Трудящиеся фермеры Америки окончательно поставлены в безвыходное положение. Их благосостояние в военное время — только иллюзия, перерыв в цепи старых лишений и забот. Перерыв скоро закончится. Все старые, неразрешенные проблемы 30-х годов и новые проблемы 50-х годов вновь заполнят умы и жизнь сельского населения»⁷⁵.

К этому следует добавить, что к концу войны (к 1945 г.) 13% фермеров, владевших наиболее крупными плантациями, сосредоточили в своих руках около двух третей всей фермерской земли.

Бегство с ферм, сокращение сельскохозяйственного населения США к 1970 г. более чем на 60%, с 26 млн. в 1947 г. до 10 млн. к 1970 г., подтвердили характеристику и предсказания Фрайера. Следует, однако, отметить, что та часть фермеров, которая к концу войны поставляла основную товарную продукцию, обеспечила на ряд последующих лет заводы сельскохозяйственного машиностроения США солидными заказами.

К концу войны руководящие круги Вашингтона, оценивая экономические перспективы, считали, что создавшиеся условия очень благоприятны для американского экспорта. Так, президент Рузвельт в своей речи в Чикаго в октябре 1944 г. выразил уверенность, что объем внешней торговли США удастся увеличить после войны в 3 раза. Не все в США соглашались с Рузвельтом. Но никто не сомневался в том, что восстано-

ление в ряде стран разрушенного войной хозяйства обеспечит в течение нескольких лет после окончания войны большой спрос на товары американской промышленности и сельского хозяйства.

К началу войны изоляционистская оппозиция мешала использованию американских кредитов для форсирования внешней торговли.

К концу войны в финансовых кругах США преобладала совершенно противоположная точка зрения. Летом 1944 г. журнал Уолл-стрит, обсуждая послевоенные экономические проблемы, утверждал, что США стоят перед альтернативой: либо рост внешней торговли путем использования больших кредитных возможностей США, либо падение производства и массовая безработица⁷⁶.

К концу второй мировой войны для экспорта США существовали более благоприятные условия, чем к концу первой мировой войны.

Из войны 1914—1918 гг. США вышли как мировой кредитор: к 1921 г. только европейская задолженность Америке достигла 15 млрд. долл. Правда, большая часть этой суммы впоследствии не была уплачена. Но до поры до времени этот колоссальный долг влиял и давил на экономические взаимоотношения между Европой и США. Официально США не отказались от долгов европейских государств и спустя полвека после образования этих долгов. В 1967 г. в конгрессе США подсчитали, что эти долги вместе с процентами составляли на 30 июня 1966 г. сумму в 23 788 млн. долл.⁷⁷ Во вторую мировую войну в результате действия ленд-лиза задолженность иностранных государств Соединенным Штатам не только не увеличилась, но, наоборот, многие иностранные государства увеличили свои валютные и золотые фонды, а также свои капиталы в США.

В августе 1944 г. бюллетень «Нэшнл сити бэнк» писал, что из-за ленд-лиза и расходов на содержание американских войск за границей США имеют пассивный платежный баланс, который достиг 3 млрд. долл. в год. В апреле 1945 г. этот бюллетень утверждал, что с 1939 по 1944 г. США превратились из кредитора в должника⁷⁸.

Таким образом, после второй мировой войны в отличие от первой США не были «обременены» кредитами и займами, предоставленными иностранным государствам. Они могли производить крупные инвестиционные операции за границей на более выгодных в некотором отношении условиях, чем четверть века раньше. Как экспортер капиталов США не встречали к концу второй мировой войны серьезных конкурентов среди крупных капиталистических держав. Все эти причины облегчили большой экспорт товаров из США.

В то же время ряд обстоятельств затруднял увеличение американского экспорта. Золотые и долларовые фонды, выросшие во многих иностранных государствах, распределялись между этими государствами непропорционально их потребностям в американских товарах. Эти фонды значительно выросли в Латинской Америке и в нейтральных странах. Между тем громадный спрос на американские товары ожидался со стороны государств, пострадавших от войны.

До второй мировой войны в заморской торговле США часто пользовались иностранными судами. После войны они сохранили собственный большой торговый флот. К началу 1946 г. в принадлежавшем государ-

⁷³ Dewhurst J. Op. cit., p. 800.

⁷⁴ «Federal Reserve Bulletin», August 1947, p. 945; Dewhurst J. Op. cit., p. 1080.

⁷⁵ Fruer L. American Farmer, N. Y., 1947, p. 3, 19.

⁷⁶ «Magazine of Wall Street», 22.VI 1944, p. 391, 423.

⁷⁷ «Congressional Record», 31.VIII 1967, p. H11553.

⁷⁸ Economic Conditions, Government Finance U. S. Securities, August 1944, p. 99; April 1945, p. 43.

ству торговом флоте США имелось 6 тыс. судов, составлявших 61% торгового флота всего мира⁷⁹. С тех пор в течение двух лет часть судов государство продало в среднем за 35% себестоимости частным компаниям. Остальные суда оно сохранило как военный резерв. К 1950 г. действовавший торговый флот США превысил по своему тоннажу более чем в 2 раза торговый флот 1940 г.⁸⁰ Чем больше американский торговый флот, тем меньше получают другие страны долларов за перевозку океанских грузов США, тем больше становится разница в платежном балансе США с заграницей.

Форсирование экспорта США неизбежно повлекло за собой рост активного сальдо в их торговом балансе. Активное сальдо, составлявшее 748 млн. долл. в 1939 г. и 5568 млн. долл. в 1945 г., дошло до 10 813 млн. долл. в 1947 г. За первые четыре послевоенных года (1946—1949) это сальдо составляло сумму в 30 млрд. долл.⁸¹

Такая разница в торговом балансе никак не могла быть погашена. Рост экспорта товаров из США означал после второй мировой войны в гораздо большей мере, чем после первой, рост экспорта капитала. Проблема трансфера решалась в обоих случаях посредством оставления больших капиталов США за границей. Через 20 лет после окончания второй мировой войны, в конце 1965 г., только иностранная государственная задолженность Соединенным Штатам (не считая займов, заключенных в период первой мировой войны) доходила до 19 млрд. долл.⁸² Но после второй мировой войны в гораздо большей степени, чем после первой, как мы это увидим далее, Вашингтон старался использовать эти капиталы преимущественно в политических и военных целях.

* * *

Итак, Америка в силу особых условий, отличавших ее экономику от экономики других держав в военное время, увеличила свое богатство в военные и послевоенные годы. Владельцы этого богатства умножили свое состояние.

Во время войны чрезвычайно усилился процесс концентрации производства, а вместе с этим усилилась мощь монополистического капитала.

В итоге войны образовался так называемый «отложенный спрос» внутри страны и большой спрос на товары американской промышленности и сельского хозяйства за границей.

Развернувшееся после войны жилищное строительство и обновление автомобильного парка потянули за собой ряд отраслей производства, что содействовало большим капиталовложениям в промышленность.

Создавшиеся условия имели глубокие и долгосрочные последствия, они модифицировали весь ход послевоенного промышленного цикла.

Большой послевоенный экспорт товаров из США обуславливал значительный рост экспорта капиталов.

Обогащение Америки на войне и ее последствиях, происходившее в условиях колоссальных разрушений хозяйства других великих капиталистических держав, намного увеличило удельный вес США в экономике капиталистического мира.

⁷⁹ «Current History», February 1946, p. 144.

⁸⁰ Dewhurst J. Op. cit., p. 816.

⁸¹ Ibid., p. 664.

⁸² «Congressional Record», 3.VIII 1966, p. A4102.

2. Militarизм

Крупнейшее милитаристское государство. Военные расходы. Пактомания. Отказ от вековой традиции. «Страк» и «зеленые береты». Пентагон и военная каста. Милитаризация науки. Корпорация РЭНД. Роль Пентагона в экономике и политике. Личная уния Пентагона и монополий. Мировая система баз

После второй мировой войны США превратились в крупнейшее милитаристское государство. Процесс милитаризации глубоко проник в экономическую, политическую и общественную жизнь страны.

В прошлом США вели много малых войн и участвовали в больших агрессивных войнах. И каждый раз милитаристский дух, воинственные страсти разгорались и охватывали определенные круги населения. Но после окончания военных действий всегда происходила полная демобилизация: военная, политическая и даже психологическая.

В прежние времена профессиональные военные и военная карьера котировались в США невысоко. В царстве доллара выше всего ставили бизнесмена, промышленника, банкира. Военных людей, не имевших отношения к экономической деятельности и кормившихся за счет налогов, практичные янки не ценили.

Американские историки, изучавшие и отмечавшие своеобразный ход политической жизни США, часто ссылались на отсутствие милитаризма, которое, по их мнению, больше всего отличало Америку от Европы. Милитаризм, вызывающий большие непроизводительные расходы и отрывающий от учебы и полезного труда молодых людей, говорили они, представляет угрозу для «американского образа жизни». Отсутствие в прошлом милитаризма, отсутствие в мирное время всеобщей обязательной воинской повинности считались священной традицией США, соответствующей наказу создателей заокеанской республики, отцов американской революции.

Перед второй мировой войной, в мае 1939 г., указанная проблема обсуждалась на заседаниях комиссии по иностранным делам сената США, на которых были заслушаны выступления крупнейших американских историков Ч. Бирда и Шотвелла, экспертов по вопросам внешней политики, а также военных авторитетов. Бывший государственный секретарь при Гувере, ставший во время войны военным министром в правительстве Рузвельта, Генри Стимсон, выступая в комиссии сената, утверждал, что если державы оси победят в падавшей войне, то США настолько придется увеличить свои вооруженные силы, что милитаризм превратится в угрозу для американского уклада жизни⁸³. В 1940 г. военные эксперты США доказывали, что если Гитлер выйдет из затеянной им войны победителем, то Соединенным Штатам придется тратить на вооруженные силы 10—15 млрд. долл. в год⁸⁴.

После второй мировой войны расходы США на содержание вооруженных сил составляют не 10—15 млрд., а превышают 110 млрд. долл. в год. На таких колоссальных ассигнованиях, намного превышающих максимальные годовые расходы второй мировой войны, вскормлен крупнейший в мире милитаризм, проникающий во все поры экономической, политической и общественной жизни США.

Колоссальные военные расходы служат основной причиной неимоверного роста государственного бюджета США. Расходы федерального пра-

⁸³ U. S. 76th Congress, Neutrality, Peace Legislation, and Our Foreign Policy, Hearings. U. S. Senate, Pt I, p. 35.

⁸⁴ Clark C. Defence for America, N. Y., 1940, p. 64.

вительства, превышающие 70 млрд. долл. в год в мирное время, стали в 50-е годы обычным явлением. К началу 60-х годов они дошли до 100 млрд. долл., к началу 70-х годов эти расходы превысили 200 млрд., а к середине 70-х годов — 300 млрд. долл. В 1976 бюджетном году они равнялись 366,5 млрд., в 1977—411,2 млрд., а на 1978 г. намечается 440 млрд. Достаточно сопоставить эти цифры с довоенными, чтобы увидеть их ненормальный рост, намного превышающий рост национального богатства и национального дохода США.

В 1938 г. бюджетном году федеральные расходы США составляли 6792 млн. долл., из них на вооруженные силы было ассигновано 1030 млн. долл.; соответствующие цифры для 1939 г.— 8858 млн. и 1075 млн.; для 1940 г.— 9062 млн. и 1498 млн.; для 1941 г.— 13 262 млн. и 6036 млн.

По сравнению с 1939 г. в 1969 г. национальное богатство США выросло в 7 раз, а национальный доход — в 8,5 раза. Между тем государственный бюджет увеличился за это время в 21 раз, а военные расходы — в 73 раза.

Особенно выросли расходы на вооружение. К началу 70-х годов на производство некоторых видов вооружений средств расходовалось в 100—200 раз более, чем во второй мировой войне. Авианосец стоил во время войны 55 млн. долл., в 1969 г.— 545 млн., а атомный авианосец в 1975 г. оценивался в 1300—2000 млн. долл.; эсминец стоил во время войны 8,7 млн., а в 1970 г.— 200 млн.; бомбардировщик соответственно — 218 тыс. против 7,9 млн.; истребитель — 54 тыс. против 6800 тыс.; подводная лодка стоила во время войны 4,7 млн. долл., в 1974 г. стоимость атомной подводной лодки дошла до 500 млн. долл. К середине 1974 г. бомбардировщик Ф-111 оценивался в 14 900 тыс. долл., а стоимость супербомбардировщика Б-1 — 61 500 тыс. долл.; к началу же 1977 г. она дошла до 93 млн. Истребитель Ф-15 оценивался в 12 400 тыс., а Ф-14 — в 17 900 тыс. долл. Проектировавшиеся к началу 1975 г. 10 новых подводных лодок «Трайдект» оценивались вначале по 1 млрд. долл. каждая. В конце 1976 г. американская печать сообщала, что намечено строить 11 лодок «Трайдект», из которых каждая будет снабжена 24 ракетами, несущими 200 боеголовок, и общая их стоимость дойдет до 19 млрд. долл.

К началу 1976 г. два крупнейших атомных авианосца («Энтерпрайз» водоизмещением 87 тыс. т и «Нимц» — 91 тыс.) оценивались в 2 млрд. долл. каждый, а вместе с полной нагрузкой самолетов каждый из них стоил 5 млрд. долл. Команда каждого корабля состоит из 6 тыс. человек, мощность двигателей равнялась 200 тыс. л. с., а запас топлива рассчитан на 13 лет плавания⁸⁵.

Государственный бюджет в 400 млрд. долл. в 5 с лишним раз превышает весь национальный доход США в 1939 г., в 13 раз превышает все государственные расходы США за все 128 лет со дня основания федеральной республики до ее вступления в первую мировую войну, в 12 раз превышает все государственные расходы США за первый год их участия во второй мировой войне.

Таков послевоенный государственный бюджет мирного времени США.

С конца прошлого века воинствующий американский империализм опирается на мощные военно-морские силы. В течение ряда лет между

первой и второй мировыми войнами в англо-американском, как и американо-японском, морском соперничестве отражалась острая борьба крупнейших империалистических держав за передел мира, за сферы влияния, за рынки сбыта, за источники сырья. Но своим сухопутным вооруженным силам США в мирное время уделяли гораздо меньше внимания.

До 1940 г. в США в мирное время не было обязательной воинской повинности. Наемная сухопутная армия мирного времени всегда была малочисленной. До 1940 г. ее считали чуть ли не на 20-м месте среди армий других стран. В июне 1940 г. командующий национальной гвардией штата Нью-Йорк генерал У. Хаскел утверждал, что, не считая 44 тыс. человек гарнизонов колоний, на континенте вряд ли вся регулярная армия США соберет 75 тыс. обученных солдат. Территориальные войска отдельных штатов, так называемая национальная гвардия номинально насчитывала тогда 235 тыс. человек, которые, по словам Хаскела, не были вооружены и обучены. К середине 1940 г. во всей американской армии числилось около 400 танков⁸⁶. Тяжелых танков не было. Артиллерия устарела.

Совершенно другая картина наблюдается после второй мировой войны. США сохраняли в мирное время около 1 млн. человек только в регулярной сухопутной армии, а всего в их вооруженных силах насчитывалось около 3 млн. человек. В 1968 г. это число дошло до 3500 тыс., в одной лишь сухопутной армии содержалось 1522 тыс. человек. Если к этому прибавить 1300 тыс. гражданских лиц, служивших в министерстве обороны, и 3800 тыс. рабочих военной промышленности, то получится, что в 1968 г. на военные цели работало не менее 8500 тыс. человек⁸⁷.

После войны вооруженные силы США оснащены новейшей техникой. И армия, и флот, и авиация США занимают первое и главное место в вооруженных силах капиталистического мира. За первые 15 послевоенных лет США израсходовали более 500 млрд. долл. на вооруженные силы, примерно в 40 раз больше, чем за 15 лет, предшествовавших этой войне. За последующие 15 лет (1964—1975) они израсходовали на содержание вооруженных сил около триллиона долларов.

По размеру своих военных расходов США занимают первое место в мире не только в абсолютном, но и относительном смысле. В 1977 г. эти расходы составили 525 долл. в среднем на душу населения.

Наряду с этим США потратили после войны много миллиардов долларов на вооружение других капиталистических государств. В течение 10 лет США под видом «помощи» покрывали 44% всех военных расходов Франции⁸⁸. За первые 14 лет существования НАТО (1950—1963) она получила от США 4145 млн. долл., а всего оказанная «помощь» Соединенными Штатами Франции за 20 лет после окончания войны составила сумму примерно в 10 млрд. долл.

За это время почти на такую же сумму США оказали такую же «помощь» Англии. Общая сумма так называемой американской помощи иностранным государствам за 15 лет после окончания второй мировой войны равнялась почти 80 млрд. долл. Из них свыше 60% составляло прямую, а львиная доля остальной суммы — косвенную военную «помощь»⁸⁹. «Две трети того, что обычно преподносится как иностранная помощь, — писала газета «Нью-Йорк таймс», — в действительности является частью

⁸⁶ «U. S. News and World Report», May 2, 1958, p. 28.

⁸⁷ «Statistical Abstract of the U. S.», 1970, p. 814.

⁸⁸ «U. S. News and World Report», May 2, 1958, p. 28, «Statistical Abstract of the U. S.», 1970, p. 249; «Congressional Record», 31.VIII 1967, p. H11556.

⁸⁹ «Magazine of Wall Street», 19.XI 1960, p. 236, 260.

⁸⁵ См.: «U. S. News and World Report», 3.II 1969, p. 31; 6.I 1975, p. 5; «Congressional Record», 22.V 1974, p. H4253—H4254; 29.III 1976, p. S4447; «New York Times Magazine», 18.I 1976, p. 7, 30, 31; «Fortune», December 1976, p. 172.

системы обороны США»⁹⁰. За 25 лет, истекшие после второй мировой войны, общая сумма этой «помощи» превысила 125 млрд. долл.

За всю свою историю со времени окончания войны за независимость до окончания второй мировой войны США не заключали военных союзов с иностранными государствами. В 1778 г., во время войны за независимость, Америка заключила военный союз с Францией. Но она соблюдала союзный договор лишь до тех пор, пока в нем нуждалась. Этот договор обязывал Америку прийти на помощь Франции в случае ее войны с Англией. Однако в 1793 г., когда развернулись военные действия между Англией и Францией, президент США Джордж Вашингтон прокламировал строгий нейтралитет, несмотря на то что симпатии населения и конгресса были явно на стороне революционной Франции.

Дж. Вашингтон в своем «завещании» предостерегал от заключения союзов с европейскими государствами. Другой крупный лидер американской революции — Томас Джефферсон, вступая в 1801 г. в должность президента США, провозгласил: «Мир, торговля и честная дружба со всеми народами, но вовлекающие в неприятности союзы — ни с кем».

На всем протяжении XIX в. США строго соблюдали наказания Вашингтона и Джефферсона. Во время первой мировой войны США фактически нарушили вековую традицию. Но формально они всячески избегали союза с европейскими державами. Президент В. Вильсон неоднократно подчеркивал, что США являются не «союзной», а только «примкнувшей» к Антанте державой.

И во второй мировой войне США, активно участвуя в англо-советско-американской коалиции, формально не состояли в союзе ни с СССР, ни с Англией.

После войны Соединенные Штаты охватила пактомания. США формально и официально заключили пакты и союзы с 42 государствами. К этому следует прибавить военный союз с Японией, Южной Кореей, с Чанг Кай-ши на Тайване. В апреле 1969 г. один бостонский журнал констатировал: «Мы имеем 8 договоров о защите 48 государств, если они будут об этом просить или если мы сочтем нужным вмешаться в их дела»⁹¹.

Переключение страны на рельсы милитаризма и военных союзов, полный отход от вековой традиции требовали известного объяснения, тем более что в США долго утверждали, что высоким уровнем жизни страна во многом обязана отсутствию милитаризма. Искомое объяснение нашли в жупеле опасности, которая якобы угрожает США со стороны Советского Союза⁹².

Вскоре после окончания второй мировой войны, в июле 1946 г., в Чикагском университете происходила любопытная дискуссия о внешней политике США. В ней участвовали видные американские дипломаты, профессор международного права и международных отношений крупнейших университетов США, а также другие эксперты по вопросам внешней политики. Большинство из них имело в разное время непосредственное отношение к государственному департаменту США. Среди них было два бывших помощника государственного секретаря и другие осведомленные дипломаты.

⁹⁰ «New York Times», 19.V 1958.

⁹¹ «Atlantic», April 1969, p. 51.

⁹² Подполковник Неблетт, который провел ряд лет в Пентагоне, в 1953 г. поведал о том, как Пентагон старался раздуть по всей стране истерию в связи с вымыслом, будто бы вот-вот надвигается советско-американская война. («Progressive», January, 1959, p. 26).

Дискуссия показала, что уже тогда, когда земля еще не успела впитать кровь, обильно пролитую народами в только что закончившейся величайшей в истории войне, военное министерство и государственный департамент Соединенных Штатов начали готовить новую войну против того государства, которое вынесло на своих плечах главную тяжесть борьбы с общим врагом. На этой дискуссии, в частности, отмечалось: «За последние месяцы основной мотив в государственном департаменте, заглушающий все остальное, — это неизбежность войны с Россией. Такое настроение в государственном департаменте создано в результате прямого воздействия военного министерства, а военное министерство имеет сейчас большее влияние на формирование политики государственного департамента, чем оно имело со времени гражданской войны... Нервозность, наблюдающаяся в государственном департаменте, истерия в его отделах, когда речь идет о наших отношениях с Россией, ужасны. В военном министерстве разрабатываются сейчас планы для будущей войны с Россией»⁹³.

Еще раньше, летом 1945 г., командовавший американскими воздушными силами во время войны генерал Арнольд, называя СССР «следующим врагом Америки», утверждал: «Чтобы использовать нашу стратегическую мощь успешно, мы должны иметь базы, расположенные вокруг света таким образом, чтобы мы могли достичь любую цель, по которой мы найдем нужным ударить»⁹⁴.

Спустя несколько лет бывший американский посол в Токио и заместитель государственного секретаря Дж. Грю писал: «Война с Советской Россией в будущем так же определена, как все, что в этом мире может быть определено»⁹⁵.

То, что в Вашингтоне используют возросшую мощь СССР для оправдания колоссальных расходов на вооружение, свидетельствует только о сопротивлении милитаризму в американском народе, о том, что этому народному сопротивлению надо противопоставить жупел какой-то опасности, якобы угрожающей Соединенным Штатам.

Само собой разумеется, что возросший американский милитаризм нельзя объяснить вооружением и политикой Советского Союза.

Вооруженные силы СССР никак не служат причиной милитаризма в Америке. Вернее, наоборот, неимоверный рост вооруженных сил США, строительство американских военных баз вблизи территории СССР, организация ими различных союзов и пактов заставляют Советский Союз настораживаться, содержать соответствующие вооруженные силы. Ведь СССР неоднократно предлагал и проявлял инициативу в сокращении вооружений, в прекращении испытаний самого страшного для человечества оружия. Предложения и инициатива СССР долго не находили отклика в Америке.

Эта истина иногда признается и буржуазной печатью США. В 1948 г., например, когда большая послевоенная программа вооружения США находилась еще в начальной стадии своего осуществления, профессор Дональд Митчелл писал, что причиной проведения такой военной программы является вовсе не Россия, а то, что «эволюция старого и изобретение нового оружия свели на нет преимущества американской обороны»⁹⁶.

Еще раньше, в 1947 г., известный американский журнал, который отнюдь не может претендовать на доброжелательность по отношению к

⁹³ A Foreign Policy for the United States. Univ. Chicago Press, 1947, p. 18, 20.

⁹⁴ Arnold H. Global Mission, N. Y., 1949, p. 586—587.

⁹⁵ Grew J. Turbulent Era. Boston, 1952, p. 1446.

⁹⁶ «Current History», September 1948, p. 135.

СССР, писал: «Русская угроза дает нам почти безукоризненный, исключительно счастливый предлог делать то, что мы бы делали при всех условиях, при желании обеспечить за границей обстановку, благоприятную в дальнейшем для американской системы предпринимательства»⁹⁷.

Американский милитаризм культивируется не для обороны. Основные виды вооружений США носят наступательный характер. Межконтинентальные ракеты, атомные авианосцы и стратегическая авиация, атомное и термоядерное оружие предназначаются в США отнюдь не для обороны. В 1967 г. не кто иной, как бывший заместитель министра обороны США Гилпатрик это подтвердил: «США стараются придавать все большее значение и вкладывать все больше средств в наступательное оружие, в то время как Советы уделяют всегда особое внимание оборонным мероприятиям»⁹⁸.

К 1977 г. в строю морского флота США числилось 20 авианосцев (из них 2 атомных), 26 крейсеров (из них 5 атомных) и 74 подводные лодки (из них 64 атомных). Военно-воздушные силы США насчитывали в это время около двух тысяч новейших бомбардировщиков-истребителей⁹⁹.

Начиная с 1956 г. в составе вооруженных сил США существует специальный стратегический армейский корпус «Страк». В его состав входят две парашютно-десантные и другие дивизии общей численностью свыше 125 тыс. человек. Задача этого корпуса — всегда быть готовым к немедленной отправке для ведения военных действий в любой части земного шара¹⁰⁰. По замыслу его создателей он должен быть готов прежде всего для подавления революционного и освободительного движения народов.

В тесной связи с этим корпусом орудуя войска специального назначения — «зеленые береты», тренированные для ведения террористической и диверсионной деятельности, для организации партизанских отрядов в тылу противника и контрпартизанских операций на занятой американскими войсками, их союзниками и сателлитами территории. «Зеленые береты» вербуются из гангстеров и головорезов. Некоторые подразделения состоят из иностранцев, в значительной части из лиц, бежавших из социалистических стран.

Девиз этого «воинства»: «Любое задание, в любом месте, в любое время, любыми средствами». Каждый из «зеленых беретов» должен быть квалифицированным парашютистом, альпинистом и лыжником. К концу 60-х годов штат войск специального назначения насчитывал 15 тыс. человек¹⁰¹. Выполняя задания министерства обороны и Центрального разведывательного управления США, отряды карателей из войск специального назначения участвовали в вооруженной борьбе против антиимпериалистического освободительного движения в ряде стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки.

Еще до окончания войны с Германией, 11 февраля 1945 г., военный и морской министры США сообщили о создании специального научно-исследовательского «совета национальной обороны с целью развить и готовить оружие для будущей войны»¹⁰².

Сразу после окончания войны, в 1946 г., в США развернулась кампания за всеобщую воинскую повинность. В 1948 г. конгресс США принял закон об обязательной воинской повинности в мирное время. Поскольку это решение конгресса противоречило историческим традициям американского народа, оно было принято как временный закон, действие которого ограничено двумя годами. Однако спустя два года американская интервенция в Корею была использована как повод для того, чтобы конгресс США продлил закон об обязательной воинской повинности, хотя в этом не было крайней надобности.

Из-за постоянной значительной безработицы, особенно среди негров, при сравнительно высокой плате за военную службу в США имеется немало молодых людей, которые согласны служить по найму в вооруженных силах.

Через два десятка лет после окончания второй мировой войны, в 1966 г., накануне истечения очередного срока закона об обязательной воинской повинности, когда в конгрессе обсуждался вопрос о пересмотре этого закона, в вооруженных силах США числилось 3184 тыс. человек. Из них призывными были менее 13% — 414 500 человек. Более 87% — 2 769 500 — служили по найму. Более 95% всех призывников — 395 тыс. — состояли в сухопутной армии, 17 тыс. числились в корпусе морской пехоты, 2500 — в военно-морском флоте. Личный состав военно-воздушных сил (896 400 человек) был полностью укомплектован из наемных военнослужащих¹⁰³. В то время специальная президентская комиссия изучала возможность отказа от обязательной воинской службы после окончания войны во Вьетнаме, что и было осуществлено в 1973 г.

Американский легион, возглавлявший после второй мировой войны кампанию за всеобщую воинскую повинность, требовал, чтобы конгресс США принял закон не только об обязательной двухлетней воинской службе в мирное время, но и о всеобщем шестимесячном военном обучении. Имея в виду неподготовленность вооруженных сил, руководители легиона твердили: «Мы слишком долго имели слишком мало». Напирая на то, что в прошлые войны Америка вступала неподготовленной, они говорили: «Мы привыкли рассчитывать на океан и на сильных союзников, предоставивших нам время для подготовки». Сейчас, мол, этого времени никто больше не предоставит¹⁰⁴.

То же самое повторял представитель США в ООН Остин. Выступая 4 марта 1947 г. с публичной речью в Нью-Йорке, Остин утверждал, что в будущем США не получат «двух льготных лет», предоставленных им в начале второй мировой войны, а также заявил, что Америка «должна создать систему всеобщего военного обучения, которое подготовит необходимые квалифицированные людские резервы, тренированные в сложной технике современной войны»¹⁰⁵.

В то же время в печатном органе конгресса США публиковались выступления о неизбежности третьей мировой войны, о том, что Америка должна быть воинствующей и непримиримой, «готовой ударить первой»¹⁰⁶.

Спустя 15 лет (в 1962 г.) конгрессмен Мелвин Лэйрд, ставший в 1971 г. министром обороны, опубликовал книгу, в которой он ратовал за американскую «инициативу первого удара»¹⁰⁷.

⁹⁷ «Harper's Magazine», August 1947, p. 127.

⁹⁸ «New York Times Magazine», 15.I 1967, p. 32.

⁹⁹ Congressional Record, 5.VIII 1977, p. 814083, S14087—S14090.

¹⁰⁰ «U. S. News and World Report», 30.V 1958, p. 14.

¹⁰¹ «U. S. News and World Report», 1.IX 1969.

¹⁰² «Current History», April 1945, p. 382.

¹⁰³ «U. S. News and World Report», 14.XI 1966, p. 58; «Congressional Record», 2.VI 1966, p. 11591—11597.

¹⁰⁴ Baker R. The American Legion and Americal Foreign Policy, N. Y., 1954, p. 132, 133.

¹⁰⁵ «Congressional Record», 7.III 1947, p. A950.

¹⁰⁶ «Congressional Record», 17.IV 1947, p. A1869; 5.II 1947, p. A418.

¹⁰⁷ «Progressive», February 1969, p. 15.

Подобные воинственные речи, исходившие из не существующей для США угрозы, служили пропагандистским обоснованием для ассигнования колоссальных военных расходов и для разжигания небывалого в США милитаризма.

Американский милитаризм ассоциируется с Пентагоном — зданием министерства обороны США. Это колоссальное сооружение с корридорами общей протяженностью 28 км, считающееся величайшим зданием и крупнейшим помещением казенного учреждения в мире, эта самая грандиозная в США бюрократическая машина символизирует американский милитаризм.

К концу 50-х годов гражданские служащие, занятые в министерстве обороны, составляли больше половины всех государственных федеральных служащих США. Собственность этого министерства оценивалась более чем в 150 млрд. долл. в 1959 г. и в 240 млрд. долл. — в 1969 г. Его активы превышали более чем в 3 раза общие активы пяти таких крупнейших корпораций, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Дженерал моторс», «Стандард Ойл оф Нью-Джерси», «Америкэн телеграф энд телефон компани» и страхового общества «Метрополитен лайф».

К середине 60-х годов около 25 тыс. частных промышленных предприятий, разбросанных по всей стране, работали на Пентагон, находясь под его контролем и соблюдая установленные им правила¹⁰⁸.

Пентагону принадлежало 32 млн. акров земли в США и 2,6 млн. акров за границей¹⁰⁹.

В прошлом, поскольку в мирное время США никогда не содержали большой сухопутной армии, в стране не было большого офицерского корпуса, не было влиятельной военной касты. После второй мировой войны вместе с милитаризацией страны растет влияние высшего военного командного состава в политической жизни США. Генералы и адмиралы, считавшиеся по положению и по традиции вне политики, вовлечены в активную политическую деятельность. Их слово, их мнение, их нажим приобретают сплошь и рядом решающее значение, как в былые времена в Японии.

В 1952 г. соперничали между собой два известных генерала — Д. Маккартур и Д. Эйзенхауэр. Каждый из них желал стать президентом США. Генералы и адмиралы вопреки обычаю включились в партийную борьбу, стали сторонниками или противниками Эйзенхауэра и Маккартура.

Особенно велико влияние генералов и адмиралов на послевоенную внешнюю политику Вашингтона. В одной большой работе, изданной Принстонским университетом в 1957 г., в которой рассматривается этот вопрос, говорится: «Вряд ли сейчас принимается какое-нибудь внешнеполитическое решение без участия в той или иной мере военных деятелей и военных учреждений. Сфера военных интересов, рассматриваемая как «национальная политика обороны», определяет совместную гражданскую и военную ответственность за большую часть того, что раньше входило в исключительную юрисдикцию гражданского ведомства. Организационные изменения, происшедшие в правительственных органах со времени второй мировой войны, имели одной из своих целей достижение большей эффективности в отношении военных ведомств к различным аспектам государственной деятельности, от обсуждения вопросов до принятия

определенного курса действий»¹¹⁰. В самом начале «холодной войны», 18 января 1947 г., орган вооруженных сил США констатировал: «Сейчас армия фактически контролирует внешнюю политику»¹¹¹.

В 1952 г. член комиссии по иностранным делам палаты представителей США А. Рибиков, который после стал губернатором штата Коннектикут, а затем, в 1961 г., вошел в состав правительства президента Дж. Кеннеди, утверждал, что вопросы внешней политики в большей мере решаются в Пентагоне, чем в государственном департаменте¹¹².

При президенте Трумэне генералы и адмиралы начали занимать руководящие дипломатические посты. Начальник штаба американской армии во время войны генерал Дж. Маршалл, например, был назначен личным представителем президента США в Китае, а затем — государственным секретарем. Начальник штаба вооруженных сил США в Европе во время войны генерал Б. Смит был послом в Москве, а потом заместителем государственного секретаря. Послом в Москве был также вице-адмирал Керк. Этот же Керк и адмирал Райт были послами США на Тайване. Генерал Дж. Гейвин занимал одно время пост посла США во Франции. Генералы О. Брэдли, Дж. Коллинз и А. Ванденберг, адмиралы А. Редфорд, Х. Риквер, Ф. Шерман и другие активно вмешивались в работу комиссий конгресса, когда там обсуждались важные внешнеполитические вопросы.

Во время войны во Вьетнаме до падения Дьен-Бьен-Фу председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США адмирал Редфорд официально выступал в комиссии конгресса с требованием применения атомного оружия против Народной армии Вьетнама. Он также утверждал, что Китайская Народная Республика «должна быть уничтожена, если даже Соединенным Штатам придется для этого воевать 50 лет»¹¹³.

Верховное командование армии, флота и авиации подчинило себе важнейшие ключевые отрасли науки. На десятом году после окончания второй мировой войны (в 1954 бюджетном году) правительство США израсходовало на научно-исследовательскую работу 2133 млн. долл., примерно в 20 раз больше, чем до войны; при этом 1822 млн. (больше 85% всей суммы) было израсходовано на военные цели¹¹⁴. На бюджетный год, начавшийся 1 июля 1958 г., правительство США ассигновало на научно-исследовательскую работу 3722 млн. долл., из них 3059 млн. долл. (опять-таки 85%) было ассигновано для военных целей. В дальнейшем расходы на военные научно-исследовательские работы быстро нарастали: с 2859 млн. долл. в 1959 г. до 7457 млн. долл. в 1969 г.¹¹⁵ К этому времени военные исследования и опытно-конструкторские работы составляли 50% всех государственных и частных научных исследований в США. В 1975 г. расходы на научные исследования военного назначения и на освоение космоса достигли 12 млрд. долл. по сравнению с 3 млрд. в 1955 г.¹¹⁶

Милитаризация науки приняла такие размеры, что ряд университетов и научных институтов оказались в материальном отношении всецело зависимыми от штабов вооруженных сил.

¹¹⁰ Furniss C. American Military Policy. N. Y., 1957, p. 44.

¹¹¹ «Army and Navy Bulletin», 18.1 1947.

¹¹² «Progressive», January 1959, p. 24.

¹¹³ «Nation», 17.VII 1954, p. 45.

¹¹⁴ «New York Times», 5.X 1958.

¹¹⁵ Ibid., 14.I 1958; «Statistical Abstract of the U. S.», 1960, p. 239; 1970, p. 247; «New York Times Magazine», 22.VI 1969, p. 68.

¹¹⁶ «Statistical Abstract of the U. S.», 1976, p. 566.

¹⁰⁸ Raymond J. Power of the Pentagon. N. Y., 1964, p. 154.

¹⁰⁹ «Progressive», January, 1959, p. 24; «Statistical Abstract of the U. S.», 1960, p. 241; 1970, p. 249.

Известный в Америке университет Джона Гопкинса в Балтиморе с 1948 г. проводит по заданию министерства обороны США специальные всесторонние исследования с целью определения соотношения вооруженных сил США и СССР и возможностей Америки в случае ее войны с Советским Союзом. Для организации этих исследований при университете был создан оперативный совет, в котором сотрудничают крупные военные специалисты, экономисты, историки, химики, физики, биологи, психологи и ученые других специальностей¹¹⁷.

Университет Джона Гопкинса стоял в списке 100 главных подрядчиков Пентагона. Такое же положение занимал известный Массачусетский технологический институт. Сумма заказов, полученных каждым из этих двух высших учебных заведений от военного ведомства за один год, доходила до 50 млн. долл. В 1966 финансовом году университеты и колледжи получили от Пентагона 385 млн. долл. 54 из этих учреждений имели военные заказы стоимостью более миллиона долларов каждый. В том же году комиссия по атомной энергии заплатила Калифорнийскому университету 269 млн. долл. за прошлые услуги, а 97 млн.— другим университетам и колледжам за выполнение текущих заказов. Кроме того, в 1966 г. около 100 ведущих институтов получили 126 млн. долл. от Национального управления по авиации и исследованию космического пространства — НАСА.

Всего федеральные правительственные учреждения выплачивали университетам более миллиарда долларов в год на выполнение заказов, имеющих военное значение¹¹⁸. Наука в США срослась с гонкой вооружений. Она ассоциируется с военно-промышленным комплексом.

Помимо университетов и колледжей на Пентагон работают специальные научно-исследовательские организации, названные «мыслительными бункерами». Старейшей и наиболее авторитетной из них считается корпорация РЭНД в городе Санта-Моника (штат Калифорния)¹¹⁹.

РЭНД существует с марта 1946 г. Она была организована как научный центр военно-воздушных сил США. В ее задачи вошли долгосрочные исследования развития и использования воздушно-космических сил. Со временем она стала работать в целом на Пентагон, на Управление по авиации и исследованию космического пространства и на Комиссию по атомной энергии. В Санта-Моника работают свыше тысячи особо подобранных сотрудников корпорации РЭНД, не считая ее филиалов и представителей в Вашингтоне и в других городах, а также на американских базах за границей. Ее высококвалифицированные ученые оказывали большое влияние на разработку военных доктрин и стратегических планов, на создание межконтинентальных баллистических ракет, на подготовку гражданской обороны и т. д. Ее ученые занимались размещением стратегических баз США за пределами страны, созданием ядерной боеголовки для межконтинентальных баллистических ракет и других видов новейшего вооружения. Министр обороны Р. Макнамара, говоря о заслугах корпорации РЭНД перед военной авиацией США, заявил, что воздушные силы получают за свои деньги десятикратную отдачу. В течение года РЭНД выпускала около 7 тыс. различных публикаций и около 70 книг¹²⁰. В своих исследованиях она уже давно применяет счетно-решающие устройства.

¹¹⁷ «U. S. News and World Report», 31.I 1958, p. 50.

¹¹⁸ Lapp R. The Weapons Culture. N. Y., 1968, p. 25—26.

¹¹⁹ RAND — сокращенно от слов Research and Development — исследование и развитие.

¹²⁰ «New York Times Magazine», 16.IV 1967, p. 110, 112.

Политически и идеологически корпорация РЭНД за четверть века ее существования занимала сугубо антисоветскую позицию, выступала как маховик «холодной войны». Она проповедовала необходимость превосходства ракетной мощи США, возражала против соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия и высказывалась за сооружение антиракетной системы, подобной проекту «Ника-Х», по имени богини победы в Древней Греции. В 1967 г. один американский журнал сообщил, что около 10% из бюджета РЭНД расходуется на исследования проблем противопартизанской борьбы¹²¹.

Американский журнал, отмечая, что за годы «холодной войны» в США выросли «милитаристская философия и милитаристские институты», писал: «Динамизм военного истеблишмента и его культ вдохновляются и стимулируются огромными средствами, созданием новых военных исследовательских институтов, а также «мозговыми трестами», поддерживаемыми министерством обороны»¹²².

В 1964 г. сенатор У. Фулбрайт утверждал в конгрессе США, что «от 60 до 70% инженеров страны прямо или косвенно вовлечены в работу на оборону и на исследование космического пространства»¹²³.

Военные исследования обходятся очень дорого. Речь идет не только о расходах на высококвалифицированный научный аппарат и на его эксперименты, не только об отвлечении драгоценных «мозгов» от полезного труда, но и о том, что немалая доля колоссальных средств, затраченных на исследования в области вооружений, оказывалась выброшенной на ветер. Много видов вооружений, изготовленных на основе этих исследований, были признаны морально изношенными, устаревшими. Бывший министр авиации сенатор Саймингтон заявил в конгрессе, что США израсходовали на ракетные комплексы, от которых впоследствии отказались, как от устаревших, более 23 млрд. долл.¹²⁴

В начале 1969 г. в США был опубликован специальный сборник, содержащий аргументацию крупнейших специалистов, их высказывания на специальной дискуссии в Нью-Йорке за и против строительства антиракетной системы. В этом сборнике утверждалось, что в 50-х годах США потратили 30 млрд. долл. на воздушную оборону, которая впоследствии оказалась совершенно негодной, а в 60-х годах они израсходовали 20 млрд. долл. на ряд исследований и развитие такой антиракетной системы, о которой заранее было известно, что она устареет до того, как будет построена¹²⁵. Сенатор Проксмайр доказывал, что по крайней мере 10 млрд. долл. в год военице ведомство США тратит напрасно¹²⁶. Тот же сенатор Саймингтон утверждал, что сооружение «плотной» системы противоракетной обороны обошлось бы в 400 млрд. долл.¹²⁷

Известно, что гонка вооружений имеет свои границы, за пределами которой дальнейшее наращивание военной мощи ничего не даст для усиления безопасности страны. Дальнейшее умножение потенциала взаимного уничтожения — в 1,10 или в 100 раз «в действительности означает, — как выразился американский специалист по вооружениям Ральф Лэпп, — что страна подписывает свидетельство о собственной смерти в нескольких экземплярах»¹²⁸.

¹²¹ «New York Times Magazine», 16.IV 1967, p. 117.

¹²² «Atlantic», April 1969, p. 56.

¹²³ «Congressional Record», 27.II 1964, p. 3667.

¹²⁴ «Progressive», June 1964, p. 4.

¹²⁵ ABM: Yes or No? Santa Barbara, February 1969, p. 3.

¹²⁶ «New York Times Book Review», 24.V 1970, p. 1.

¹²⁷ Barnet R. The Economy of Death. N. Y., 1969.

¹²⁸ Lapp R. The Weapons Culture, p. 178.

Небезынтересно признание бывшего министра обороны США Макнамара, который признал, что самое опасное в наше время — это полагать, что с помощью ученых, посредством открытий, изобретений и совершенствований мыслимо выиграть ядерную войну. При этом Макнамара заявил, что победа в ядерной войне немислима и что в современном мире безопасность США зависит не только и даже не главным образом от военной мощи¹²⁹.

Недаром в начале 70-х годов под влиянием протестов студентов и профессоров Массачусетский технологический институт, университет Джорджа Вашингтона, а также Колумбийский и Стэнфордский университеты предполагали выступить с требованием отказаться от сотрудничества с Пентагоном.

Милитаризация науки, ее скованность и зависимость от военных планов побудили в свое время Альберта Эйнштейна незадолго до его смерти сделать известное заявление о том, что при создавшихся условиях он предпочитает положение водопроводчика или коробейника профессии ученого. В подтверждение этого положения американский журнал писал в 1958 г., что в современной Америке Эйнштейн не мог бы получить регулярную работу преподавателя физики в средней школе США¹³⁰.

После войны высокие военные чины, не имевшие никакого отношения к науке, стали возглавлять университеты и колледжи. Генерал Эйзенхауэр, например, перед тем как стать президентом США, был президентом Колумбийского университета, адмирал Ч. Нимиц возглавил Калифорнийский университет, генерал Риджуэй, который командовал американскими войсками в Корее и был начальником штаба армии США, стал председателем совета директоров в Меллоновском институте промышленных исследований.

Затлантическая республика и ее конституция были основаны на принципе, что военные учреждения подчиняются гражданским. Вооруженные силы страны возглавляет как в мирное, так и в военное время не военный специалист, а избранный всеобщим голосованием президент США. Прерогативы объявления войны конституция сохранила за конгрессом. Учреждения и руководители вооруженных сил по идее и по положению должны оставаться консультантами правительства и конгресса, их слугами, исполнителями, стоящими вне политики. Приведенное выше изречение генерала Ли, что он не доверяет военным президентам и политическим генералам, выражало определенный, коренной принцип государственного устройства США.

Между тем созданная после второй мировой войны новая военная каста США — Пентагон не только официально вмешивается, но и фактически превалирует в решающих вопросах политической жизни государства¹³¹.

К концу президентства Л. Джонсона Фердинанд Ландберг писал: «По сравнению с современной политической властью и влиянием амери-

канских военных Германия Гогенцоллернов, которую в свое время американские публицисты рисовали как страну наиболее вопиющего милитаризма, выглядит просто опереточно. Современный Пентагон с его агентами в конгрессе и в правительстве, с политиками, явно благоговящими перед орденосными генералами, с военно-промышленными корпорациями, наводненными отставными офицерами, может немногими хорошо нацеленными ударами сокрушить силу, подобную гогенцоллерновской или гитлеровской Германии»¹³².

Пентагон играет большую роль не только в политике, но и в экономике. Львиную долю колоссальных военных расходов поглощают военные заказы промышленности. Во вторую половину 60-х годов они отнимали более половины военного бюджета. Эти заказы распределялись, как правило, без торгов¹³³, преимущественно между крупными корпорациями, между монополистическими компаниями, которые в конечном итоге определяют поведение и Пентагона, и Белого дома, и Капитолия.

Пентагон подписывает ежегодно соглашения более чем с 20 тыс. подрядчиков. Но львиная доля, ассигнуемая на военные заказы, достается небольшой группе крупных поставщиков. В 1968 г., например, 100 самых крупных подрядчиков получили заказы на 26,2 млрд. долл., что составило 67,4% всех средств, израсходованных государством на контракты стоимостью в 10 тыс. долл. и более¹³⁴. По закону правительство обязано раздавать подряды на основе конкурентных заявок, но этот закон предусматривал 17 исключений. В 1968 г. Пентагон заключил на основе этих «исключений» около 90% своих контрактов. В 60-х годах сумма, на которую были заключены военные контракты, увеличилась в 2 раза (с 22,5 млрд. долл. в 1960 г. до 42,3 млрд. в 1969 г.).

В 1968 г. в США была опубликована книга Д. Пирсона и Д. Андерсена «Дело против конгресса». Авторы, касаясь влияния и давления владельцев военных заводов на конгресс, писали: «Язвительный вице-адмирал военно-морского флота Хаймен Риквер — один из немногих, кто не только сопротивлялся давлению, но и говорил об этом. «Нежелание тратить государственные деньги, — заметил он однажды, — приравнивается почти к вредительству. На нас оказывают давление, чтобы мы выдвигали больше проектов и расходовали больше денег». Это давление, заявил далее Риквер, «сводится к тому, чтобы понуждать выдвигать новые проекты, которые мы считаем нецелесообразными». Очень много контрактов на многие миллионы долларов предоставляются под воздействием разнообразного политического нажима, местных интересов, алчности корпораций, старых армейских связей и совместных возлияний»¹³⁵.

И дальше, иллюстрируя методы воздействия на членов конгресса, Пирсон и Андерсен утверждали: «В последние годы конгресс проявляет все меньше и меньше желания обследовать деятельность лобби военной промышленности. Это объясняется тем, что каждый конгрессмен может навлечь на себя неприятности, если он будет заниматься таким обследованием, и получать больше наград, если он от этого откажется. Военные подрядчики обладают властью размещать или закрывать военные предприятия в избирательном округе любого конгрессмена, финансировать выборную кампанию с тем, чтобы поддержать или провалить его, предо-

¹²⁹ *McNamara R. The Essence of Security. N. Y., 1968, p. X—XI.*

¹³⁰ «U. S. News and World Report», 21.III 1958, p. 78.

¹³¹ В конце 1962 г. «Нью-Йорк таймс», анализируя в своем воскресном приложении растущее влияние профессиональных военных в общественной и политической жизни США, писала: «По их воспитанию и тренировке они больше, чем те, кто руководствуется грубыми экономическими соображениями, стоят за максимум «силы», за максимум подготовленности (военной. — В. Л.) и максимум вооружений... Они содействуют увеличению роли крупной индустрии, правительства, милитаризации науки и решению вопросов военными средствами во времена кризиса. Поэтому профессиональный офицерский корпус создает элементы опасности...» («New York Times Magazine», 18.XI 1962, p. 155).

¹³² *Lundberg F. The Rich and Super Rich, p. 14.*

¹³³ В июле 1957 г. сенатор П. Дуглас сообщил в сенате США, что 92% военных контрактов заключается без торгов («Progressive», January 1959, p. 25).

¹³⁴ «New York Times Magazine», 22.VI 1964, p. 11, 68; «U. S. News and World Report», 21.IV 1969, p. 61.

¹³⁵ *Pearson D., Anderson J. The Case Against Congress. N. Y., 1968, p. 332—333.*

ставлять бесплатно возможность выступать по радио и телевидению, которыми эти подрядчики владеют или контролируют»¹³⁶.

Приведенное выше исследование Принстонского университета, касаясь военных контрактов, усиливающих крупные компании и ускоряющих процесс гибели мелких фирм, отмечает: «Влияние военной политики на американскую экономическую жизнь выросло до такой степени, что американцы должны будут скоро решать, какую экономическую систему они желают иметь... и тогда принимать конкретные шаги для ее защиты. В противном случае наша экономическая структура будет губительной для нас»¹³⁷.

По мере роста военных расходов растут военные заказы, усиливается процесс милитаризации экономики США. К концу 60-х годов в военной промышленности было занято около 4 млн. человек¹³⁸.

Некоторые очень важные отрасли промышленности зависят всецело от военных заказов. Сюда относится прежде всего авиационная промышленность, в которой в 1957 г. было занято свыше 800 тыс. рабочих (столько же, сколько во всей автомобильной промышленности США) и которая на 80—90% зависит от военных заказов¹³⁹. От этих заказов зависят также судостроительная промышленность, производство электронной аппаратуры и оборудования связи, не говоря уже о производстве вооружений, в частности атомного оружия, управляемых снарядов и других видов новейшего оружия. Такие гигантские концерны, как «Дженерал дайнамикс», «Локхид эйркрафт» и «Юнайтед эйркрафт», целиком связаны с Пентагоном. В 1968 г. контракт одного «Юнайтед эйркрафт» на поставки Пентагону составил 1321 млн. долл., «Дженерал электрик» — 1489 млн., «Локхид эйркрафт» — 1870 млн., а «Дженерал дайнамикс» — 2239 млн. долл.¹⁴⁰

Военное ведомство является крупным заказчиком автомобильных и станкостроительных заводов, текстильных, кожевенных и других фабрик, а также крупным покупателем сырья и продовольствия. Барыши от военных заказов в 1,5—2 раза превышают обычные прибыли на вложенный капитал. Одно обследование, проведенное в США, показало, что в 1962—1965 гг. некоторые крупные военные подрядчики получили на свои капиталовложения 17,5% чистой прибыли, тогда как прибыли аналогичных компаний в гражданском производстве не превышала 10,6%¹⁴¹.

Колоссальные военные расходы, милитаризация экономики внесли свою лепту в условия, модифицировавшие, как увидим дальше, послевоенный промышленный цикл.

Милитаризация экономики после войны происходит в большей степени, чем рост удельного веса военных заказов в промышленности. По мере милитаризации экономики усиливаются контакт и непосредственная связь Пентагона с руководящими мощными группами монополистического капитала. Усилилось и их представительство в Пентагоне.

Так, например, министром обороны в правительстве Трумэна с 1947 г. стал Дж. Форрестол — бывший президент банкирского дома «Диллон Рид», а с 1949 г. — бывший директор крупного банка и авиационной компании Луис Джонсон; заместителем военного министра стал в 1947 г. У. Дрейпер — бывший вице-президент компании «Диллон Рид»; минист-

ром ВВС в том же году стал Саймингтон — бывший президент электро-технической и радиоконпании; а морским министром в 1949 г. — бывший директор крупнейшей телефонной компании Белл Мэтьюс; пост военного министра в 1950 г. занимал Пейс — бывший председатель совета директоров концерна «Дженерал Дайнамикс», выполняющий особую роль в военно-промышленном комплексе США; министром обороны в правительстве Эйзенхауэра стал в 1953 г. президент крупнейшей в мире автомобильной компании «Дженерал моторс» Ч. Вильсон; а министром обороны в правительстве Кеннеди в 1961 г. — президент автомобильной «Форд компани» Р. Макнамара.

Личная уния Пентагона и монополистического капитала развивается дальше и по другой линии. После второй мировой войны стало обычаем, что известные генералы и адмиралы, уходя в отставку, получают высокие посты в крупных капиталистических компаниях. Генералы Д. Макартур, М. Риджуэй, О. Брэдли, Л. Клей, Дж. Дулиттл, А. Вейдемеер, Б. Смит, адмиралы А. Керк, Сомервелл и другие адмиралы и генералы заняли президентские или иные высокооплачиваемые посты в крупных капиталистических корпорациях. В начале 1969 г. у 95 крупнейших подрядчиков Пентагона находились на службе 2072 отставных офицера в чине не ниже полковника или капитана военно-морского флота, из них 1065 офицеров действовали в десяти компаниях¹⁴².

Таким образом, влиятельные лица Пентагона убеждены, что за заслуги перед монополистическим капиталом им обеспечено хорошее вознаграждение в будущем.

О наступательном, агрессивном характере военной машины США больше всего свидетельствует всемирная система баз. Как сообщил в своей речи в сенате 18 мая 1971 г. Фулбрайт, США после войны содержали свыше 2 тыс. военных баз, дислоцированных более чем в 30 странах¹⁴³. В 1951 г. американские базы за границей обслуживало около 1 млн. человек¹⁴⁴. Крупные соединения войск США дислоцированы были в 48 иностранных государствах, а не столь крупные контингенты войск к началу второго президентства Эйзенхауэра находились в других 30 странах¹⁴⁵. Система военных баз США тянется от Аляски через Баффинову землю (Северо-Восточная Канада), Гренландию, Исландию, Великобританию, Западную Германию, Бельгию, Испанию, Марокко, Турцию, Саудовскую Аравию и дальше — через Филиппины, Тайвань, Окинаву, Южную Корею, Японию, Алеутские острова, где кольцо всемирной системы американских военных баз замыкается у Аляски.

Достаточно взглянуть на дислокацию перечисленных баз, чтобы увидеть их агрессивное назначение. Ясно, что военные базы США в Испании и Турции, на Тайване и в Южной Корее сооружаются и вооружаются не для обороны США.

В дальнейшем с ростом числа межконтинентальных ракет и атомных подводных лодок, с общим развитием ракетной и другой военной техники надобность во многих базах отпала. Адмирал Риквер даже утверждал, что к 1970 г. (по сравнению с 1957 г.) число военных баз США за границей сократилось в 2 раза¹⁴⁶. Однако отсюда отнюдь не следует, что американский милитаризм стал менее воинственным, менее агрессивным.

¹³⁶ Pearson D., Anderson J. Op. cit., p. 339.

¹³⁷ Furniss E. Op. cit., p. 471.

¹³⁸ «New York Times Magazine», 22.VI 1969, p. 11.

¹³⁹ «U. S. News and World Report», 10.V 1957, p. 29; «Progressive», January 1959, p. 24.

¹⁴⁰ «U. S. News and World Report», 21.IV 1969, p. 63.

¹⁴¹ «New York Times Magazine», 22.IV 1969, p. 69.

¹⁴² «New York Times Magazine», 22.VI 1969, p. 70.

¹⁴³ «U. S. News and World Report», 5.VII 1957, p. 58; 21.VI 1971, p. 35.

¹⁴⁴ «Annals of the American Academy of Political and Social Sciences», July 1957, p. 17.

¹⁴⁵ «U. S. News and World Report», 7.VI 1957, p. 32; Atlantic, April 1969, p. 51.

¹⁴⁶ «U. S. News and World Report», 30.IX 1964, p. 41.

К началу 1970 г. после некоторого сокращения за границей еще находилось около 1200 тыс. военнослужащих США, из них 472 тыс. — во Вьетнаме, 220 тыс. — в ФРГ, 55 тыс. — в Южной Корее, 45 тыс. — в Тайланде, 45 тыс. — на Окинаве, 40 тыс. — в Японии, 30 тыс. — на Филиппинах, 25 тыс. — в Англии, 10 тыс. — в Испании, 10 тыс. — в Турции, 10 тыс. — на Тайване, 30 тыс. — на шестом флоте в Средиземном море и 28 тыс. на седьмом флоте у берегов Китая, остальные 180 тыс. были дислоцированы на других многочисленных базах. И даже после поражения и эвакуации американских войск из Вьетнама в 1976 г. за границей еще были дислоцированы 462 850 военнослужащих США: 295 700 — в Европе, 132 050 — на Тихом Океане и на Дальнем Востоке, 15 800 — в Латинской Америке и 19 300 в других районах мира¹⁴⁷.

В послевоенные годы в конгрессе США и в американской печати много говорилось о заграничных базах, об их эффективности, о расходах на их содержание, об их значении как орудия вмешательства в политическую и экономическую жизнь других государств, как источника усиления международной напряженности и т. д.

Многие в США признают наступательный, агрессивный характер военных баз США, расположенных вдали от Американского континента, на территории и у границ других стран. Но вместе с тем в официальных кругах Вашингтона и в печати США, где всячески стараются доказать необходимость сохранения, расширения и укрепления заграничных баз, утверждают, что эти базы будто бы имеют большое значение для обороны США.

Со времени окончания второй мировой войны в Вашингтоне создавались теории о том, что в век атомного оружия США необходимо иметь многочисленные базы; что, чем больше баз и чем больше пространство, на котором они размещены, тем труднее нанести сокрушительный удар по Америке, и чем больше этих баз и чем больше они рассредоточены, тем больше возможностей не только для нападения, но и для обороны, для сохранения необходимых сил в случае массированного удара по военной мощи США. Следовательно, идеологи и стратеги американского милитаризма исходя из того, что всемирная система баз наряду с военными пактами дает им, как выражаются в США, «географическое преимущество», а каждая страна, сохраняющая нейтралитет и не желающая иметь американские военные базы на своей территории, рассматривается как ущемляющая это преимущество.

Отсюда неприязнь государственного департамента к нейтралитету. В дальнейшем, когда государственным секретарем США стал Дж. Ф. Даллес, эта неприязнь дошла до абсурдных утверждений: мол, кто не с Америкой, тот против нее. Нейтралитет был объявлен аморальным, предан анафеме¹⁴⁸.

Создание и развитие всемирной системы военных баз США опровергает теорию об оборонительном назначении этой системы. Не говоря уже о том, что ни в Вашингтоне, ни в столицах других стран никто не считает серьезными разговоры о готовящемся внезапном нападении на Америку, следует иметь в виду, что всемирная система военных баз была

задумана и строилась в тот период, когда США имели абсолютную монополию на атомное оружие и когда они были уверены, что эта монополия сохранится у них надолго.

Такой крупный военный авторитет в Вашингтоне, как бывший председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США адмирал А. Редфорд, фактически признал, что иностранные базы не имеют для США оборонительного значения. В своем плане реорганизации вооруженных сил США, основанном на теории о примате ядерного оружия, Редфорд предлагал ликвидировать большинство военных баз за границей, а остальные превратить в топливные станции с запасами горючего для стратегической авиации США.

План Редфорда исходил из того, что в будущей войне, в войне межконтинентальных бомбардировщиков и управляемых снарядов, основной наступательной базой должны служить сами Соединенные Штаты; что удаленные от Американского континента, размещенные на чужих территориях вблизи от вероятных противников базы служат сомнительным активом для наступательных операций вооруженных сил США.

Рассуждения Редфорда, подкрепленные новыми аргументами и появлением межконтинентальных баллистических ракет, не лишены здравого смысла. Неизвестно, кто в случае войны воспользуется базами, расположенными очень далеко от США и довольно близко от территории тех государств, против которых американские милитаристы готовятся воевать. Но характерно, что значение иностранных военных баз для обороны США Редфорд совершенно игнорирует.

Как бы то ни было, после второй мировой войны под прикрытием якобы нужд обороны США вопреки своей вековой традиции превратились в крупнейшее милитаристское государство с влиятельной военной кастой, проникающей во все области экономической, политической, общественной и научной жизни страны, с военными пактами, с многочисленными военными союзниками и иностранными базами, предназначенными для наступательных операций, для агрессивных военных действий.

3. Реакция во внутренней политике

Усиление контроля монополий над жизнью и судьбой американского народа. Рузвельт об американских консерваторах и либералах. Страх перед массовой безработицей. Реакционный блок в конгрессе. Сокращение заработной платы и рост цен. Антирабочие законопроекты. Кампания за ликвидацию наследия Рузвельта

В итоге второй мировой войны монополистический капитал, нажившийся на военных поставках и увеличивший свой удельный вес в экономике США, еще больше усилил свое влияние на политическую жизнь в стране. Непосредственное участие руководителей монополий в управлении государством приняло небывалые ранее размеры¹⁴⁹.

Монополии вообще служат движущей силой реакции. Их обогащение и усиление активизировали реакцию в США.

24 мая 1946 г. сенатор Дж. Мэррей из Монтаны в своей речи в сенате США заключил: «Растущая по многим линиям политическая сила

¹⁴⁷ «U. S. News and World Report», 12.I 1970, p. 26—27; 27.XII 1976, p. 37.

¹⁴⁸ *Crabb C. The Elephants and the Grass. N. Y., 1965, p. 172.*

Небезынтересно напомнить, что последний государственный секретарь при президенте Рузвельте — Э. Стеттиниус, выступая в апреле 1945 г. на конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско, заявил: «Тирания и варварство никогда не признавали нейтралитета» («Congressional Record», 2.V 1945, p. A2176).

¹⁴⁹ К концу президентства Г. Трумэна сенатор Х. Кейпхарт констатировал в сенате США: «Верно, что ни одно правительство любой партии не спрелось так с крупным капиталом, как правительство Гарри Трумэна и аппарат его демократической партии» («Congressional Record», 20.V 1952, p. 5645).

Около 150 представителей крупнейших американских монополий занимали высшие государственные посты. Достаточно назвать некоторых из них: министр

монопольей очевидна. Сюда относится кампания за ограничение антитрестовских законов, за изъятие из их действия страховых фирм, железных дорог и газет, а также выступления за сокращение ассигнований управлению по соблюдению антитрестовских законов. Банкиры стараются усилить свой контроль над железными дорогами. Энергетический трест выступает против государственного владения гидросооружениями долины Миссури и против других мероприятий, способных поддержать мелкие фирмы и новые конкурирующие предприятия в промышленно отсталых районах страны. Крупные банки ведут кампанию против любой общественной программы, предусматривающей кредитование мелких фирм и конкурирующих предприятий. А главное, ведется кампания за ограничение прав рабочих и усиление контроля монополий над жизнью и судьбой американского народа»^{149a}.

В выборной кампании 1944 г. правительство США, возглавлявшееся Рузвельтом, обещало трудящимся Америки «экономический билль прав», не только сохранить, но и расширить демократические свободы. Менее чем за месяц до окончания войны в Европе, 12 апреля 1945 г., Франклин Рузвельт внезапно умер. Вице-президент Гарри Трумэн занял пост президента США. Это событие облегчило задачи реакции. Крупный монополистический капитал, требуя реставрации «добрых» старых дорузвельтовских времен, стал с помощью президента Трумэна поворачивать государственный корабль США вправо. Через два дня после смерти Рузвельта реакционная нью-йоркская печать, ликуя, утверждала, что «правительство Трумэна будет постепенно, но неуклонно менять внутреннюю политику с тем, чтобы покончить с радикальными принципами «нового курса»»¹⁵⁰.

Председатель Конгресса производственных профсоюзов Ф. Мэррей, говоря о наступлении капитала на рабочий класс, заявил: «До 1933 г. правительство США находилось на Уолл-стрите. Потом исполнительная власть была переведена в Вашингтон. Сейчас развернулась борьба за обратный перевод этой власти из Вашингтона туда, где она была до 1933 г.»¹⁵¹.

Мэррей в данном случае преувеличивает силу Белого дома и преуменьшает влияние Уолл-стрита при Рузвельте. Монополии оказывали сильный нажим и на правительство Рузвельта. Рузвельт лишь в интересах самих монополий пытался обуздать их чрезмерные аппетиты. Но Мэррей, безусловно, прав в том отношении, что к началу 1946 г. монополистический капитал развернул энергичную кампанию за восстановление порядков, существовавших до 1933 г. во взаимоотношениях правительства и Уолл-стрита.

финансов Дж. Спайдер — бывший вице-президент «Ферст нэшнл банк оф Сент-Луис», заместитель Снайдера Э. Виггинс — бывший президент Американской ассоциации банкиров; министр обороны Р. Ловетт — бывший директор ряда железных дорог; о предыдущем министре обороны, Дж. Форрестале, мы уже упоминали; министр торговли Р. Гарриман — бывший президент ряда железнодорожных и судостроительных компаний; морской министр Ч. Эдисон — бывший директор «Интернешнл телефон энд телеграф компани»; председатель Федерального резервного управления Дж. Мартин — бывший президент нью-йоркской биржи; администратор по проведению «плана Маршалла» Гофман — бывший президент автомобильной компании «Студебеккер»; посол в Англии У. Олдрич — крупнейший банкир; верховный комиссар в Германии Дж. Макклой — бывший директор «Федеральной тихоокеанской железной дороги»; специальный советник по вопросам внешней политики при президенте Трумэне, Джон Фостер Даллес — бывший директор «Банк оф Нью-Йорк» и «Интернешнл никель компани» (ibid., p. 5645—5650).

^{149a} «Congressional Record», v. 92, pt 5, 24.V 1946, p. 5620.

¹⁵⁰ «Sun», 14.IV 1945.

¹⁵¹ «New York Times», 23.I 1946.

Господствующая на Уолл-стрите концепция резко враждебна всяким социальным реформам. Сторонники этой концепции утверждают, что благосостояние страны определяется положением крупнейших промышленных и финансовых корпораций, что от благополучия этих корпораций зависит благосостояние всех слоев населения США. В отличие от них сторонники Рузвельта считали, что в интересах самих капиталистов правительство должно делать известные уступки трудящимся, не должно игнорировать интересы тех, кто составляет основу социальной пирамиды в стране.

В предисловии к седьмому тому своих речей и документов Рузвельт определил сущность основных политических разногласий в кругах американской буржуазии как разногласия между либеральным и консервативным направлениями в политической жизни США. Он писал: «В американской истории, к сожалению, в течение долгого времени обе большие партии отличались друг от друга только по названию... В последние годы, по крайней мере с 1932 г., демократическая партия является либеральной партией, а республиканская — консервативной».

Рузвельт объяснил, как он понимает разницу между либералами и консерваторами в Америке: «Либеральная партия — это партия, которая уверена, что, поскольку новые условия и новые проблемы ставятся не под силу частным лицам, государство должно найти средства для решения возникающих задач. Либеральная партия утверждает, что государство, безусловно, обязано использовать всю свою власть и все свои ресурсы для решения новых общественных проблем с помощью нового общественного контроля. Консервативная партия отстаивает противоположную точку зрения. Она считает, что в конце концов индивидуальная инициатива и частная филантропия справятся с любой ситуацией».

Рузвельт и его сторонники доказывали, что индивидуальная инициатива и частная филантропия не справятся с проблемой безработицы, что возникновение массовой безработицы после войны будет способствовать дискредитации существующего в США строя и чревато для него большими опасностями.

На всем протяжении 1945 г. в конгрессе США обсуждался билль об «обеспечении полной занятости населения». Этот вопрос стал предметом общеамериканской дискуссии еще задолго до смерти Рузвельта. Он возник в итоге многолетней политической борьбы в США.

К концу войны многие в Америке повторяли один и тот же вопрос: если страна обеспечивает всех или почти всех работой в военное время, то почему это невозможно в мирное время?

Еще в декабре 1943 г. на съезде Национальной ассоциации промышленников, происходившем в Нью-Йорке, президент «Дженерал моторс» А. Слоан предупреждал, что в мирное время необходимо будет обеспечить работой всех людей, которые видели, как была ликвидирована безработица во время войны. Если это не удастся, заключил Слоан, «частнокапиталистическая система будет заменена какой-то формой социализма»¹⁵².

В феврале 1944 г. эту же мысль высказал председатель правления нью-йоркского федерального резервного банка Румол. В докладе на конференции Ассоциации американских торговых фирм он заявил: «Большинство деловых людей считает сейчас предотвращение массовой безработицы важнейшей задачей послевоенного периода. Многие убеждены, что если система частного хозяйственного предпринимательства не сможет предотвратить массовую безработицу, то частное хозяйство уступит место

¹⁵² «Harper's Magazine», February 1944, p. 200.

другому порядку производства, распределения товаров и оказания услуг»¹⁵³.

В январе 1945 г., незадолго до смерти Рузвельта, сенатор Мэррей внес в конгресс билль «о полном обеспечении населения работой».

Конечно, полное обеспечение всех желающих постоянной работой неосуществимо в условиях капитализма. Но многие прогрессивные деятели США полагали тогда, что само одобрение такого закона возложит на правительство и на конгресс большую ответственность за принятие мер против роста безработицы, за расширение и улучшение системы пособий по безработице.

Однако в конгресс вслед за биллем об обеспечении полной занятости населения были внесены сотни антирабочих законопроектов. Билль об обеспечении полной занятости тонул в предложенном реакционном антирабочем законодательстве.

Заседавший в начале 1945 г. 79-й конгресс официально по своему составу был таким: в сенате 56 демократов и 39 республиканцев; в палате представителей 237 демократов и 190 республиканцев. Фактически, по крайней мере когда речь шла о борьбе с капиталом, в обеих палатах конгресса против рабочего класса и его организаций единодушно выступал реакционный блок конгрессменов обеих партий. В конгрессе его возглавляли сенаторы-республиканцы Р. Тафт, А. Ванденберг, С. Бриджес, Ч. Халлек и др., а также сенаторы-демократы Г. Бирд, М. Тайдингс, Дж. Уиттингтон и др. Этот блок, строго выполнявший волю и желание крупного капитала при Рузвельте, совершенно распоясался при Трумэне.

Кампания за восстановление старых, довоенных порядков проводилась правящими кругами американского капитала и после окончания первой мировой войны. Достаточно напомнить пальмеровские походы¹⁵⁴ против революционного движения в США при президенте В. Вильсоне и политику реставрации «нормального» правительства Гардинга. Но сейчас все это происходило в других условиях, в совершенно другой внутривнутриполитической и международной обстановке.

Внутри страны число организованных в профсоюзы рабочих было теперь в 5 раз больше, чем при президенте Гардинге. По ту сторону Атлантического и Тихого океанов происходили великие исторические события, свидетельствовавшие о наступлении нового этапа общего кризиса капитализма. В Европе ряд стран отпал от капиталистического мира, образовав государства, которые становились на путь социалистического строительства. В Китае нарастала народная революция против империализма. Угнетенные народы Азии и Африки поднялись на борьбу за освобождение от колониального ига.

В этих условиях поход монополистического капитала против рабочего класса, «усиление контроля монополий над жизнью и судьбой американского народа», как говорил сенатор Мэррей, рассматривались правящими кругами США не только в национальном, но и в международном аспекте, расценивались как выполнение актуальной задачи мирового капитализма.

Непосредственным поводом для похода против рабочего класса после второй, как и после первой, мировой войны послужила стачечная волна. В 1945—1946 гг. по штатам прокатилась волна забастовок. Крупные забастовки происходили в автомобильной, угольной и сталелитейной промышленности, а также на железных дорогах.

Мы к этим забастовкам еще вернемся и подробнее рассмотрим их размеры и характер. Пока отметим, что послевоенные стачки возникли на экономической основе, на основе резкого падения заработной платы. Конечно, крупные забастовки, развернувшиеся после второй мировой войны, имели и большое политическое значение. Но в отличие от стачечной волны, поднявшейся после первой мировой войны, большие забастовки 1945—1946 гг. не выдвигали политических программ.

Со дня окончания войны на заводах и фабриках США наблюдалось падение заработной платы. Заработная плата сокращалась номинально и реально. Она падала номинально из-за прекращения сверхурочной работы, реально — из-за роста цен на предметы первой необходимости, в частности на продукты питания.

Во время войны рабочая неделя в основных отраслях промышленности США была на 20% продолжительнее, чем до войны. За эти 20% рабочие получали в полуторном размере. Таким образом, их заработная плата возросла номинально на 30%, что в известной мере компенсировало рост цен. Установление после войны довоенного размера рабочей недели без возврата к довоенным ценам означало значительное снижение жизненного уровня американских рабочих. Кроме того, резкое снижение военных заказов, вызвавшее рост безработицы, сопровождалось переводом многих рабочих в более низко оплачиваемые категории.

5 декабря 1945 г. председатель Конгресса производственных профсоюзов Мэррей сообщил, что со времени окончания войны с Японией фонд заработной платы рабочим в США (согласно официальным правительственным данным) сокращается на 25 млрд. долл. в год, что из-за прекращения сверхурочной работы и перевода многих рабочих в низшие разряды заработная плата сократилась в пределах от 23 до 50%.

В то же время цены на товары первой необходимости повысились. К середине 1946 г. до фактической отмены контроля над ценами индекс стоимости жизни в США был на 35—40% выше, чем до войны¹⁵⁵. Но официальный индекс не учитывал роли «черного рынка» в повышении стоимости жизни в США.

«Черный рынок», существовавший в Америке с 1942 г., со времени установления контроля над ценами, увеличил свой оборот сразу после окончания войны. В 1946 г. американские газеты много раз писали о недостатке различных продуктов, а между тем США собрали в том году небывалый урожай. Особенно много жалоб было на недостаток мяса, в то время как производство мяса в 1946 г. превысило более чем в 1,5 раза производство 1939 г.¹⁵⁶

Как бы ни возросло потребление продовольствия за время войны в США, продукция сельского хозяйства еще больше возросла. Мяса, в частности, в США было все время сколько угодно, но только не по фиксированным, официальным ценам. В июне 1946 г. в сенате США утверждали, что свыше двух третей потребляемого в стране мяса продается по ценам выше установленных, что около трех четвертей убойного скота покупается на «черном рынке»¹⁵⁷.

Таким образом, материальное положение рабочего класса США ухудшалось из-за прямых и косвенных причин: из-за сокращения заработной платы и из-за роста стоимости жизни. За время войны благодаря напряженным усилиям трудящихся в стране колоссально возросли богатства, кото-

¹⁵³ «Journal of Commerce», 1.III 1944.

¹⁵⁴ М. Пальмер — генеральный прокурор США в 1919—1921 гг. (подробнее о нем см.: Лан В. И. США: от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 111—113).

¹⁵⁵ «Congressional Record», 13.VI 1946, p. 6901.

¹⁵⁶ Ibid., p. 6899.

¹⁵⁷ Ibid., p. 6900, 6914.

рыми воспользовались монополии, а рабочий класс оказался после победы не только обойденным, но и потерпевшим ущерб.

Рабочий класс, естественно, не мирился с создавшимся положением. Еще до конца 1945 г. в ряде отраслей промышленности возникали стачки. В 1945 г. число бастовавших рабочих дошло до 3467 тыс. 1946 год с числом бастующих 4650 тыс. и количеством потерянных рабочих дней 113 млн. побил рекорд в истории США.

Монополии решили, что настало время для отмены тех прав, которые рабочие завоевали в годы президентства Рузвельта, что пора приступить к осуществлению программы, провозглашенной еще в сентябре 1941 г. и требовавшей «ликвидации социалистического, радикального и других разрушительных влияний». Монополии требовали запрещения стачек и ликвидации прав рабочих на коллективные договоры. Они объявили реформы Рузвельта и права профсоюзов, зафиксированные в «акте Вагнера»¹⁵⁸, «социалистическими экспериментами». Они трактовали рузвельтовский «нью дил» как коммунизм¹⁵⁹.

Ко времени окончания войны реакционная печать США занялась дискредитацией экономических мероприятий Рузвельта. Антирузвельтовская книжка экономиста Фридриха Хайека «Путь к рабству» стала евангелием американского консерватизма, как в свое время сочинение Эдмунда Борка «Размышление о французской революции» вдохновляло реакцию в Европе. Хайек утверждал: что «нью дил» Рузвельта и нацизм Гитлера не противоречат друг другу, а, наоборот, имеют общую основу: государственное вмешательство в хозяйство и регулирующую экономику. Отсюда Хайек заключал, что подобные идеи, как бы их ни называли — «нью дил», либерализм, социализм или нацизм, — одинаково ведут к «тоталитарному режиму»¹⁶⁰.

В послевоенную социально-экономическую литературу США Хайек вошел как идеолог реакции и консерватизма.

Крупные капиталистические корпорации обеспечили неоригинальной импровизации Хайека многократный массовый тираж: рекомендовали ее как сыворотку против проникновения «чуждой американскому индивидуализму» идеологии, рекламировали как ангела-хранителя американского образа жизни.

Хайек был далеко не единственным. В 1950 г., когда он в качестве профессора прибыл в Чикагский университет, он застал там подготовленную почву, большую группу единомышленников. Консерватизм распространялся и дал вскоре свои ядовитые плоды в маккартизме, а в начале 60-х годов — в кампании Б. Голдуотера.

Консерватизм, который в США обычно ассоциируется с антикоммунизмом, восстал прежде всего против курса Рузвельта во внутренней и во внешней политике, против его экономических мероприятий, вызванных мировым экономическим кризисом, против его тактики компромиссов по отношению к организованным рабочим, против мирного сосуществования и сотрудничества с Советским Союзом. У консерваторов не было едино-

душия, не было и общей программы. Их объединяла негативная сторона их деятельности: все они критиковали внутреннюю и внешнюю политику Рузвельта, высказывались против расширения функций федерального правительства, против бюджетных дефицитов, против «акта Вагнера» и других прав, завоеванных профсоюзами.

Крупные монополии особенно не могли примириться с системой коллективных договоров. Они, как отметил сенатор Мэррей в приведенном уже выступлении в сенате США, не расставались с мыслью о возвращении к «добрым старым временам», когда рабочее движение было отравлено компанейскими союзами и компанейскими шпионами, когда в найме рабочей силы практиковались «контракты рыжей собаки»¹⁶¹.

После окончания войны, в 1945 г., некоторые профсоюзы требовали повышения заработной платы на 30%, с тем чтобы компенсировать в известной мере рост стоимости жизни. Капиталисты возражали, ссылаясь на то, что рост заработной платы, мол, повлечет за собой повышение цен на промышленную продукцию, в результате чего будет инфляция, чреватая опасностями для экономики страны. Официальные обследования и отчеты доказывали, что положение в промышленности таково, что заработная плата может быть повышена на 25% без повышения цен на промышленные изделия. Монополии, ставя своей целью разгром профсоюзов и принятие реакционного антирабочего законодательства, игнорировали эти доводы, упорствовали и провоцировали стачки.

Многие капиталисты были уверены, что компенсацию потерь предприятий в результате забастовок возьмет на себя государство на основе акта конгресса 1942 г., предусматривавшего компенсацию в виде сокращения налогов за военные и послевоенные расходы и убытки, связанные с реконверсией промышленности. Такая уверенность еще больше увеличивала упорство монополий в борьбе с рабочими.

В конце 1945 г. на совещании представителей 12 крупнейших корпораций с капиталом в 1 млрд. каждая было решено совместно бороться против какого бы то ни было повышения заработной платы.

Правительство Трумэна заняло вначале официально примирительную позицию. В ноябре 1945 г. президент США созвал конференцию представителей крупного капитала и лидеров профсоюзов. Трумэн желал продемонстрировать, что в конфликтах между трудом и капиталом он по примеру Франклина Рузвельта выступает посредником. Однако к этому времени бастующие рабочие уже имели случай видеть действительные намерения президента Трумэна.

В начале октября 1945 г. во время забастовок в нефтяной промышленности, когда рабочие требовали повышения заработной платы на 30%, министр труда в правительстве Трумэна Л. Швелленбах предложил прекратить стачку на условиях, что заработная плата будет немедленно повышена на 15%, а вопрос об остальных 15% будет передан на решение арбитража. Бастующие рабочие согласились с этим предложением. Нефтепромышленники его отвергли. Тогда Трумэн распорядился, чтобы морское министерство взяло в свои руки предприятия, на которых происходила эта забастовка, заставив рабочих прекратить стачку не на условиях, предложенных Швелленбахом, а на условиях, существовавших до начала забастовки. По мере нарастания стачечной волны в конгрессе росло число антирабочих законопроектов.

¹⁶¹ «Контрактом рыжей собаки» («yellow dog contract») в США называется подписка, которую вынуждали рабочего давать при поступлении на работу с обязательством не вступать в профсоюз и не участвовать в стачках.

¹⁵⁸ «Акт Вагнера» вошел в силу в июле 1935 г. и рассматривался как одно из самых прогрессивных мероприятий, проведенных правительством Рузвельта. Он признал за рабочими право на объединение и на заключение коллективных договоров через выбранных ими представителей, запретил предпринимателям мешать рабочим вступать в профсоюз, отказываться от заключения коллективных договоров, а также преследовать рабочих за участие в стачках или за активную профсоюзную работу.

¹⁵⁹ Goldman E. The Crucial Decade. N. Y., 1956, p. 7.

¹⁶⁰ Hayek F. The Constitution of Liberty. London, 1960, p. 397, 409, 411.

30 января 1946 г. конгрессмен из Южной Дакоты К. Кейз внес драконовский билль против забастовок. В конце мая обе палаты конгресса одобрили этот билль. «Билль Кейза» не только урезал права рабочих на стачки, но фактически отменил многолетние завоевания трудящихся США. Содержавшийся в нем пункт о наказании бастующих рабочих за то, что они «мешают торговле между штатами», означал отмену закона Клейтона 1914 г., означал, что существующий с 1890 г. антитрестовский «акт Шермана» будет в дальнейшем всецело направлен против рабочих и их союзов. Согласно этому закону «каждое объединение в форме треста или в другой форме, ограничивающее торговлю между отдельными штатами», считается незаконным.

Влиятельная буржуазная печать США — газеты «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн», агентства «Юнайтед пресс» и «Ассошиэтед пресс», а также известные реакционные журналы выступили за принятие антирабочего билля и отмену или по крайней мере пересмотр «закона Вагнера». Подобные требования открыто выдвинул съезд Национальной ассоциации промышленников 4 декабря 1946 г.

Комиссия сената США, рассматривавшая «билль Кейза», охарактеризовала его как «смирительную рубашку для рабочих». В связи с тем, что этот билль вызвал многочисленные протесты в стране и даже в конгрессе, президент США решил наложить на него вето. Но в то же время он предложил принять другой антирабочий закон, по сравнению с которым «билль Кейза» расценивался в конгрессе как «мягкий»¹⁶². Трумэн предложил узаконить принудительный арбитраж и мобилизацию в армию рабочих, бастующих на предприятиях, над которыми установлен правительственный контроль. Пока правительство США сохраняло чрезвычайные полномочия военного времени, оно могло на любое более или менее важное предприятие распространить свой контроль, как оно поступило осенью 1945 г. с предприятиями нефтяной промышленности.

Небезынтересно напомнить, что когда-то в США по отношению к уголовным преступникам применялась такая мера наказания: принудительная мобилизация в военно-морской флот. Перед первой мировой войной по инициативе Франклина Рузвельта, который тогда был помощником морского министра, это наказание было отменено. После второй мировой войны у президента США Трумэна появилось желание приравнять бастующих рабочих к уголовным преступникам, предоставив государственным органам право мобилизовать их в вооруженные силы.

25 мая 1946 г. палата представителей поспешно одобрила антирабочий законопроект, предложенный Трумэном. Она обсуждала его менее 40 минут. Председатель Конгресса производственных профсоюзов в телеграмме, разосланной членам сената, охарактеризовал этот законопроект как «попытку протащить через конгресс США закон, единственной целью которого является уничтожение рабочего движения в стране». Бывший министр финансов Генри Моргентау заявил, что «Трумэн решил открыто и окончательно отказаться от наследия Рузвельта».

Решение палаты представителей вызвало такое возмущение во всех профсоюзных организациях, а также в других прогрессивных кругах, что даже сенат вынужден был смягчить этот законопроект — изъять из него параграф о принудительной мобилизации бастующих рабочих в вооруженные силы.

Параллельно с этим законом вносились и обсуждались другие антирабочие законопроект. 23 мая 1946 г., например, в сенате США был за-

читан билль, внесенный сенатором Х. Кейпхартом из Индианы. Сущность этого билля сводилась к следующему: в случае прекращения работы в результате конфликта между трудом и капиталом на предприятиях, имеющих народнохозяйственное или какое-либо другое важное значение, президент США после предупреждения берет по своему усмотрению эти предприятия во временное владение государства до достижения соглашения между рабочими и капиталистами. Рабочие обязаны возобновить работу на условиях, существовавших до возникновения конфликта. Отказ от работы без уважительных причин или без согласия администрации влечет за собой потерю всех прав, обеспеченных существующим рабочим законодательством. Если после окончания конфликта и возвращения предприятия владельцу последний соглашается принять такого рабочего обратно на работу, то он принимается заново, без сохранения льгот, обеспечиваемых предыдущим стажем работы. Во время нахождения предприятия во владении государства запрещается кому бы то ни было принуждать, призывать или каким-либо другим способом содействовать или поощрять прекращение работы на этом предприятии.

В таком духе были выработаны многочисленные антирабочие законопроекты, в избитили представленные в сенате и в палате представителей, а также в законодательных собраниях отдельных штатов. Одни законопроекты были частично использованы в подготовке общего суммированного антирабочего закона, другие приняли законную форму самостоятельно. В июле 1946 г., например, был принят «акт Хоббса» о тюремном заключении на срок до 20 лет за «вмешательство в торговлю между штатами». Хотя формально этот акт относился и к профсоюзам, и к предпринимательским организациям, в действительности он был направлен своим острием против организованных рабочих.

Когда в конгрессе США обсуждалось антирабочее законодательство, никто в сенате и в палате представителей не выступал, конечно, в защиту стачечной борьбы. Но отдельные сенаторы и конгрессмены ставили под сомнение целесообразность запрещения стачек. Они утверждали, что объявление стачек вне закона опаснее для американского капитализма, чем узаконение забастовок.

Характерным в этом отношении явилось большое выступление сенатора Х. Мид из штата Нью-Йорк. 23 мая 1946 г. в своей речи в сенате США, отметив, что все планы ликвидации стачек несовместимы с действием свободных коллективных договоров, Мид заявил: «В этом споре сенаторы, занимающие противоположные позиции, одинаково заботятся о недопущении стачек. Однако в свете опыта народов очевидно, что сторонники предложенных мероприятий держатся неправильного курса. Их курс не дорога, ведущая к миру в промышленности»¹⁶³.

Ссылаясь на утверждение профессора Гарвардского университета С. Шлихтера, Мид доказывал, что запрещение стачек экономически не рационально. В условиях капитализма стачки, как и борьба за повышение заработной платы вообще, говорил он, стимулируют технические усовершенствования и улучшение управления производством, и поэтому необходимо сохранить право рабочих на стачки, тем более что профсоюзы США неохотно организуют забастовки.

Подавляющее большинство споров, возникающих в промышленности США между трудом и капиталом, отметил Мид, решается мирным путем, без стачек и локаутов. Больше трех четвертей всех конфликтов ликвидируется обычно с помощью Управления по примирению рабочих и ка-

¹⁶² «Congressional Record», 14.VI 1946, p. A3685.

¹⁶³ «Congressional Record», 23.V 1946, p. 5621.

питалистов министерства труда США. Отсюда Мид заключил, что необходимо отвергнуть жестокие и опасные билли о запрещении стачек.

Мида поддерживали сенаторы К. Пеппер, Дж. Мэррей и другие, составлявшие в общем незначительное меньшинство. Реакционный блок в конгрессе, образовавший большинство в сенате и в палате представителей, активно поддерживал сенаторов Р. Тафта и У. Ноуланда, требовавших отмены «акта Вагнера», элементарных прав рабочих, профсоюзов — этого сильного оружия в борьбе с капиталом.

Стачки служили только поводом для открытого похода реакции. Дискуссия в сенате подтвердила, что дело не столько в стачках, сколько в общей политике монополистического капитала США, избранной им при решении проблем внутреннего и международного положения, сложившегося в итоге второй мировой войны.

Поход реакции за ликвидацию так называемого Рузвельтовского наследия далеко не ограничивался кампанией за запрещение стачек. Сюда прибавилась, как увидим дальше, и антикоммунистическая истерия, и бешеная активность комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, и проверка лояльности, и многое другое. Но, объявляя поход за возвращение к дорузвельтовским порядкам, монополистический капитал США по опыту реакции в других странах в эпоху империализма направил прежде всего главный огонь против выросших и окрепших в годы президентства Франклина Рузвельта профсоюзов, против организованных рабочих.

4. От изоляционизма к претензиям на руководство миром

Официальный отказ республиканцев от изоляционизма. Трумэн об американском руководстве миром. Несостоятельность притязаний США на мировое господство. Современная политика «открытых дверей». Чапультанекская конференция. Политический блок американских государств. Конференция в Сан-Франциско. Структура ООН. А. Ванденберг о важности права вето в Совете Безопасности для США. Потсдамская конференция. Директива № 1067. Московская конференция в декабре 1945 г. Инструкция о демилитаризации Японии. Курс на ремилитаризацию Японии и Германии

Вторая мировая война положила конец изоляционизму как влиятельному направлению во внешней политике США.

Сенатор Ванденберг, который был не только лидером, но и символом изоляционизма, говоря о перемене, происшедшей в его взглядах в результате событий 7 декабря 1941 г., писал: «Мои убеждения в отношении международного сотрудничества и коллективной защиты мира приняли окончательную форму в день нападения на Пирл-Харбор»¹⁶⁴.

Через 15 лет после посмертного издания записок Ванденберга, в 1967 г., бывший сотрудник государственного департамента, автор оригинальных книг о внешней политике США Роналд Стил писал: «Старый изоляционизм мертв. Его наиболее страстные приверженцы стали сейчас активными интервенционистами. Америка не только повернулась спиной к изоляционизму. Она его забыла»¹⁶⁵.

В действительности изоляционизм окончательно не забыт. Во всяком случае, во время войны неоднократно о нем напоминали в политических кругах США.

В партии республиканцев, одним из виднейших деятелей которой был А. Ванденберг, осталось немало руководителей, которые не хотели расставаться со своим изоляционистским багажом. Сюда относились лидер республиканцев в сенате Р. Тафт, губернатор Нью-Йорка Т. Дьюи, редактор газеты «Чикаго трибюн» полковник Р. Маккормик, бывший президент США Г. Гувер и др. Одни из них хранили этот багаж как спасательный круг для Гитлера, которому они симпатизировали, другие допускали возможность продолжения после войны традиционного курса внешней политики США. Но формально изоляционизм независимо от личных побуждений отдельных его сторонников не одобрял активного участия США в политических проблемах Европы.

Изоляционисты того или другого толка имели своих сторонников и среди демократов. Но с конца первой мировой войны в течение четверти века изоляционизм ассоциировался с республиканской партией.

Уже в 1940 г., после нападения Парижа и капитуляции Франции, изоляционисты потеряли руководящее положение даже в республиканской партии, лидеры которой официально отказались от изоляционизма через полгода после нападения на Пирл-Харбор.

В мае 1942 г. национальный комитет республиканской партии, собравшийся в Чикаго, специально обсуждал курс послевоенной внешней политики США. На заседаниях комитета столкнулись две точки зрения и две резолюции. Резолюция Уиллки одобряла всестороннее международное сотрудничество США. Резолюция Тафта сводилась к тому, что республиканская партия не должна брать на себя каких бы то ни было обязательств в отношении послевоенной политики Америки.

Несмотря на то что накануне окончательного решения вопроса газета «Чикаго трибюн» всячески поносила Уиллки, утверждала, что ему чужд дух республиканской партии, национальный комитет принял резолюцию Уиллки.

Газета «Нью-Йорк таймс», комментируя решение национального комитета республиканской партии, писала: «Весь вопрос об изоляции Америки после войны стал сейчас иллюзией, могущей казаться реальной только тем республиканцам, которые не находятся у власти так долго, что над их сознанием доминируют привычки оппозиции. Пирл-Харбор превратил этот вопрос в иллюзию».

Журнал «Каррент истори», приводя эти слова, уточнил: «Изоляционизм в этой стране не был полностью уничтожен ни 7 декабря, ни действиями национального комитета республиканцев в Чикаго. Но взгляды республиканской партии в общем не являются больше изоляционистскими. Если бы они оставались таковыми, была бы принята резолюция Тафта»¹⁶⁶.

События 7 декабря 1941 г. на главной военно-морской базе США в Тихом океане, безусловно, послужили толчком к официальному отказу республиканской партии от политики изоляционизма. Но изоляционизм потерял экономическую и в известной мере географическую основу задолго до нападения Японии на Пирл-Харбор.

Однако нас сейчас интересуют цели и задачи, которые правящие круги США ставили себе во внешней политике, пути и средства, ведущие к достижению этих целей, к решению этих задач республиканской партией после того, как она рассталась с изоляционизмом.

Конечно, если бы США, покончив с изоляционизмом, вступили бы на путь равноправного широкого международного сотрудничества, это следо-

¹⁶⁴ Vandenberg A. The Private Papers of Senator Vandenberg. Boston, 1952, p. 1.

¹⁶⁵ Steel R. Pax Americana. N. Y., 1967, p. 326.

¹⁶⁶ «Current History», June 1942, p. 264.

вало бы только приветствовать. Но уже в Чикаго на заседании национального комитета республиканской партии лидер этой партии, ее бывший кандидат в президенты и бывший директор моргановского «Ферст лойшил банк оф Нью-Йорк» Уэнделл Уиллки, воспевая международное сотрудничество, круто переключился на совершенно другую мелодию. Он требовал согласия республиканской партии на то, что США должны сейчас и в будущем брать на себя ответственность за события, происходящие во всем мире.

То же самое твердили к концу войны видные представители демократической партии. В октябре 1944 г. Бернард Барух, выступая на очередном форуме, организованном газетой «Нью-Йорк геральд трибюн», заявил: «Благодаря могуществу своих вооруженных сил, своему превосходству в области экономики, своим ресурсам и моральной силе, вытекающей из американского образа жизни, Соединенные Штаты в состоянии утвердить свое руководство над миром»¹⁶⁷.

Вскоре после окончания войны, 19 декабря 1945 г., президент Трумэн в послании конгрессу США заявил: «Нравится ли это нам или нет, мы все должны признать, что победа, которую мы одержали, возложила на американский народ постоянное бремя ответственности за руководство миром»¹⁶⁸.

Мысль о руководстве миром, о мировом господстве Трумэн повторял и в дальнейшем. 6 марта 1947 г. в речи в Бейлорском университете он, утверждая, что мировое развитие будет зависеть от американского руководства, заявил: «Мы являемся гигантом мировой экономики. Нравится ли это нам или нет, характер будущих экономических отношений зависит от нас. Мир ждет и взирает на нас, на то, что мы будем делать. Выбор принадлежит нам»¹⁶⁹.

Бывший неофициальный советник Франклина Рузвельта Джеймс Уорбург, комментируя эту речь Трумэна, заключил: «Он дал совершенно ясно понять, что весь мир должен принять американскую систему, во-первых, потому, что он ее считает лучшей системой, и, во-вторых, эта система сможет выжить в Америке, только если она станет мировой системой»¹⁷⁰.

Бывший государственный секретарь США Д. Ачесон писал: «Соединенные Штаты — паровоз человечества, а остальной мир — вагон этого состава»¹⁷¹.

«Бремя белого человека» — слова, которыми империалисты оправдывали эксплуатацию ими колоний, — Трумэн рекомендовал конгрессу понимать широко, как «бремя» Америки по руководству всем миром.

Концепции и рассуждения о всемирной ответственности, о руководстве миром, о «глобальной стратегии» Пентагона, об «американском веке» и «американском мире» — «пакс американа», заполнившие внешнеполитические программы правящих кругов США, на практике сводились к агрессивной политике мирового господства Америки.

Идеи и стремления к мировому господству США не следует понимать шаблонно, не следует понимать таким образом, что в Вашингтоне разработаны планы установления мирового господства в духе планов, разработанных при Гитлере в Берлине, или что США собирались создать

мировую империю, подобную бывшей Британской или другим прошлым мировым империям. Век не тот, и Америка не Британия.

Правда, мы видели, что еще до нападения Японии на Пирл-Харбор, в сентябре 1941 г., в кругах монополистического капитала США выдвигалась уже определенная программа господства Америки в послевоенном мире, в которой Англии уделялась роль младшего партнера. В этой программе говорилось, что США должны владеть на равных началах всеми стратегическими базами в мире, включая Гибралтар, Суэц и Сингапур, что Британская империя является такой же частью обороны США, как Панама, Гавайи и Аляска. Но эта программа намечалась еще до вступления США в войну. После войны произошли большие изменения: Суэц больше никто не включал в состав Британской империи, а саму империю основательно обкарнали.

Главное, однако, не в этом, а в том, что указанная программа выдвигалась в те дни, когда правящие круги монополистического капитала США были совершенно уверены, что Советский Союз выйдет из войны в лучшем случае обескровленным и обессиленным, что ему понадобятся десятки лет на заживление ран, нанесенных войной, что, по крайней мере, в течение поколения он будет зависеть от американской помощи.

Вопреки расчетам и прогнозам авторитетов Вашингтона и Нью-Йорка СССР не только вышел из войны сильным, не только в кратчайший срок восстановил без посторонней помощи разрушенное войной хозяйство и оставил далеко позади уровень довоенного производства, но во главе с могущественным Советским Союзом образовалось мощное содружество социалистических государств.

В итоге второй мировой войны и социалистических революций, происшедших в ряде стран Европы и Азии, развернулся второй, а затем и третий этапы общего кризиса капитализма, расшатывая позиции мирового империализма, подтачивая основы политики мирового господства США — главной, ведущей силы капитализма.

В этих условиях помимо всего прочего планы американского руководства миром, программы мирового американского господства, выдвинутые в кругах монополистического капитала США в сентябре 1941 г., наталкивались на такие препятствия, которые империалистические круги США в начале второй мировой войны никак не предвидели. Жизнь показала полную несостоятельность притязаний империализма США на мировое господство. Послевоенная американская внешнеполитическая литература исходит из факта существования, соревнования и борьбы двух могущественных систем.

Но отсюда делаются неправильные выводы. Например, в июле 1957 г. орган Американской академии политических и социальных наук, отмечая, что в мире происходят «революционные преобразования», представляющие «настоящую мировую революцию», писал: «Вопрос ставится прямо: кто будет организовывать, направлять новый жизнеспособный мировой политический порядок, мировое государственное устройство. Сейчас существуют только два серьезных соперника: Советский Союз и Соединенные Штаты. Во многих отношениях, как часто подтверждается, имеется достаточно оснований говорить, что борьба за земной шар происходит между этими двумя соперниками»¹⁷².

Конечно, после второй мировой войны международное положение, а также международный мир во многом зависят от взаимоотношений

¹⁶⁷ Цит. по: *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, с. 408.

¹⁶⁸ «Congressional Record», v. 91, pt 9; 19.XII 1945, p. 12398—12399.

¹⁶⁹ «New York Times», 7.III 1947.

¹⁷⁰ *Warburg J.* Put Yourself in Marchalls' Place. N. Y., 1948, p. 12.

¹⁷¹ «New York Times Magazine», 4.VII 1965, p. 17.

¹⁷² «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», July, 1957, p. 3.

между СССР и США. Но концепция «двух сверхдержав», имеющая хождение в послевоенной буржуазной литературе, совершенно неверна. Послевоенное развитие подтверждает, что удельный вес США в экономике и политике мирового капитализма не увеличивается, а уменьшается, хотя США и остаются главной экономической и военной силой капиталистического мира.

Орган Американской академии политических и социальных наук придерживается в данном случае этой неправильной концепции «двух сверхдержав», игнорирующей значение развивающихся, малых и нейтральных стран. Несостоятельность этой концепции, в частности, подтверждается растущей ролью афро-азиатских стран в мировой политике в последние годы.

Орган этой Академии видит только возможность борьбы, и не видит или не хочет видеть возможность сотрудничества. Но то, что США в своих попытках установить мировой порядок по «американскому образцу» наталкиваются на непреодолимое сопротивление не только могущественного содружества социалистических стран, но и развивающихся стран, не вызывает сомнения.

Со временем увеличивается сопротивление американскому господству даже и со стороны некоторых капиталистических государств. В 1966 г. известный американский историк профессор Г. Коммаджер писал: «В течение сравнительно короткого времени Соединенные Штаты узнали, что они не могут дальше своей силой, своим богатством или своими аргументами навязывать свою волю остальному свободному миру¹⁷³, что малые государства, некогда зависевшие от США из-за экономической и военной помощи, настойчиво желают сейчас идти своим собственным путем; что их система союзов — НАТО, СЕАТО и ОАГ больше ненадежны; что США не только не имеют монополии на ядерную силу, но сами находятся под угрозой ядерного оружия ряда стран»¹⁷⁴.

Говоря о стремлении к мировому господству, не следует также забывать, что еще в 20-х годах, когда Америка заняла первое место в мире как экспортер капитала, когда Уолл-стрит стал мировым банком, в правящих кругах США критиковали и высмеивали «старомодную Британскую империю», указывали, что Америке, учитывая ее финансовые возможности, гораздо выгоднее строить экономическую империю, основанную на мощи доллара, империю, которая после второй мировой войны проводит политику, называемую неокOLONиализмом, в проведении которого империализм янки имел долгий опыт и приобрел особые навыки.

Во время войны Рузвельт с одобрения капиталистических кругов США, желавших получить свободный доступ в страны Британской империи, выступал против сохранения целостности этой империи. Вопреки протестам англичан в Вашингтоне толковали третий пункт Атлантической хартии¹⁷⁵ таким образом, что он распространяется и на обширные английские колонии, в частности на Индию¹⁷⁶.

На Ялтинской конференции Рузвельт говорил, что Гонконг должен быть либо возвращен Китаю, либо превращен в международный порт¹⁷⁷.

Реакционную концепцию «всемирной ответственности» США и вытекающие отсюда их послевоенные доктрины, в которых воплощаются стре-

мления к мировому господству, следует рассматривать в свете соотношения мировых сил капитализма и социализма, в аспекте сложившегося в итоге второй мировой войны международного положения, учитывая вместе с тем своеобразие американского империализма, особенности экспансии внешней политики Вашингтона.

Во внешней политике США давно выработался своеобразный метод, прием, свойственный американской дипломатии и характерный для нее. Этот прием сводится к тому, что Вашингтон декларирует определенную доктрину в вопросах, жизненно важных для других стран и затрагивающих интересы третьих государств, не спрашивая ни тех, ни других. На основании односторонней декларации государственный департамент присваивает себе определенные международные права, требуя, чтобы другие государства признавали, соблюдали и уважали эти права.

Впервые такой дипломатический прием был применен в 1823 г., когда была объявлена «доктрина Монро». Подобные приемы применялись и после второй мировой войны в виде «доктрины Трумэна», «доктрины Эйзенхауэра» и др.¹⁷⁸

Конечно, новейшие доктрины США кардинально отличаются от их старых доктрин. «Доктрины» Трумэна и Эйзенхауэра отличаются от «доктрины Монро», как Америка середины XX в. отличается от Америки первой четверти XIX в. Вместе с тем старые и новые внешнеполитические доктрины имеют очень существенные общие черты. «Доктрину Монро» в дни ее возникновения пытались оправдывать тем, что она имеет «справедливое начало», «прогрессивную» сторону, что она направлена против опасности агрессии со стороны крупнейших европейских держав в Западном полушарии, где восставшие народы боролись за независимость, за самостоятельное государственное существование.

Вопрос о том, руководствовались ли инициаторы «доктрины Монро» справедливыми, прогрессивными побуждениями, остается предметом спора. Но бесспорно то, что эта доктрина с самого начала имела другую, обратную, претенциозную, агрессивную сторону. Она поставила под опеку США страны и народы, игнорируя их мнение и национальное достоинство. На основе этой доктрины США присвоили себе права, которые они могут использовать по своему собственному усмотрению, когда хотят и как хотят без малейших обязательств перед кем бы то ни было.

Еще до опубликования «доктрины Монро» Англия предложила, чтобы эта доктрина была совместной, т. е. англо-американской. Вашингтон отклонил это предложение. Некоторые новые латиноамериканские республики предлагали использовать «доктрину Монро» для создания системы союзов о взаимной помощи на равных правах и основаниях. И это было отвергнуто.

Независимо от намерений Томаса Джефферсона, по совету которого Монро декларировал в 1823 г. указанную доктрину, названную его именем, в ней сохранилось только ее агрессивное направление, и уже к концу XIX в. она превратилась в орудие реакции и империализма.

Последующие «доктрины» Вашингтона имели с самого начала лишь одно определенное агрессивное направление независимо от грима и декораций, которыми оформлялось их появление на международной арене.

В эпоху империализма большое место во внешней политике США занимала «доктрина Хейя», объявившая в 1899 г. «открытые двери» и «равные возможности» для всех держав в Китае.

¹⁷⁸ Об этих доктринах подробно см.: *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма; *Мельников Ю. М.* Внешнеполитические доктрины США. М., 1970.

¹⁷³ Так буржуазная печать США называет капиталистический мир.

¹⁷⁴ Information Please Almanac, 1966, p. 42—43.

¹⁷⁵ Третий пункт Атлантической хартии гласил, что каждый народ имеет право избрать свою форму правления.

¹⁷⁶ Hull C. Memoirs, v. 2, N. Y., 1948, p. 1484.

¹⁷⁷ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins, p. 866.

Дж. Хей распорядился судьбой Китая, как Монро судьбой Латинской Америки. Правда, в отличие от „доктрины Монро“, резервировавшей специальные права только за США, „доктрина Хей“ говорит о „равных возможностях“ всех держав в Китае. В конце 90-х годов, когда Америка вышла на большую империалистическую арену, китайские берега были уже охвачены щупальцами более старых империалистических агрессоров. Вашингтону ничего не оставалось делать, как выступить в качестве защитника «равноправия» всех держав в Небесной империи. Но «открытые двери» при «равных возможностях» открыли путь для установления господства доллара в эксплуатации Китая.

Ко времени опубликования «доктрины Хей» промышленность США уже занимала первое место в мире. По своему национальному доходу (в абсолютных размерах и на душу населения) Америка тоже стояла уже на первом месте. Дистанция, отделявшая США по их богатству от других империалистических держав, увеличивалась с каждым годом.

На базе быстрого роста производства, национального богатства и национального дохода развивались теории пионеров американского империализма. Военно-морской историк А. Мэхен, будущий президент США Теодор Рузвельт и сенатор Генри Кабот Лодж утверждали, что Америка возмужала, что «веление судьбы» («manifest destiny») обязывает ее строить мощный флот и взять на себя «бремя белого человека», что наступает «эра Тихого океана», что эта эра будет американской, как эра Атлантики была британской.

Эти глашатаи американского империализма, готовя доктрину Хей, были уверены, что при громадном перевесе США в производстве и богатстве «открытые двери» и «равные возможности» обеспечат Америке господствующее положение в эксплуатации Китая — самой многочисленной в мире страны.

После окончательного отказа от изоляционизма программа американского империализма сводилась в конечном итоге к распространению в модифицированном виде приспособленной к современным условиям доктрины «открытых дверей» на весь мир, сопровождая и подкрепляя ее по мере надобности и возможности вооруженными силами.

В Вашингтоне были убеждены, что там, где «двери открыты», там, учитывая промышленную мощь и финансовые возможности США, обеспечено господство американского капитала. Программа «открытых дверей» во всем мире, программа создания негласной колониальной империи — это программа мирового господства Соединенных Штатов Америки.

Суть этой программы выразил в своем выступлении президент США Трумэн на открытии сессии Генеральной ассамблеи ООН 23 октября 1946 г., хотя на этой международной трибуне Трумэн, бравируя силой Америки, вынужден был заявить, что эта сила, мол, будет использована «в интересах мира и справедливости». Заявив вначале, что «это собрание — символ того, что Соединенные Штаты отказались от политики изоляционизма», президент США заключил: «Применение силы или угроза применения силы с целью нарушения мира в какой бы то ни было части мира непосредственно затрагивает интересы американского народа. Ход истории сделал нас одной из сильнейших стран мира. Этим самым на нас возложена особая ответственность за сохранение нашей силы и за пользование ею в интересах справедливости в таком взаимосвязанном мире, каким наш мир является теперь»¹⁷⁹.

Верно, что программа «открытых дверей» во всем мире существенно отличалась от политики создания и сохранения Британской или других мировых империй в прошлом. Но в проведении своей программы Соединенные Штаты применяли вооруженные силы чаще и в более значительных размерах, чем Англия в борьбе за сохранение Британской империи. Достаточно сказать, что за четверть века, последовавшего после второй мировой войны, Соединенные Штаты совершали интервенцию в Китай, воевали в Корее и во Вьетнаме, высаживали свои десанты в Ливане и в Доминиканской республике, были вовлечены в вооруженные конфликты у берегов Китая, в Гватемале, в Лаосе и в Конго, не говоря уже о том, что они держат свой 6-ой флот в Средиземном море и 7-ой — у берегов Юго-Восточной Азии, что они имеют многочисленные военные базы во всех частях земного шара, возглавляют и вооружают военные союзы, которые (в отличие от известных военных союзов в прошлом) имеют общее командование и общие вооруженные силы.

Упомянутый выше Роналд Стилл писал: «Соединенные Штаты стали интервенционистской державой, действительно самым крупным интервентом в мире, когда большинство американцев не представляет себе вполне, как это случилось и куда это ведет. Интервенция является доминирующим мотивом послевоенной американской политики, но цель и даже методы этой интервенции скрываются в миазмах риторики и замешательства... Мы были легковерьными в посылке денег и оружия любому деспоту, достаточно разумному, чтобы претендовать на антикоммунизм. Мы высокомерно считали, что наша сила и наше богатство дают нам право говорить другим, как организовать их общества и их образ жизни... Присваивая обязанность подавлять насильственные изменения статус-кво недовольными группами в различных странах, мы самонадеянно берем на себя обязанности международной полицейской силы. Мы так поступаем, никого не спрашивая, руководствуясь лишь уверенностью, что наше представление о правильном политическом порядке действительно для всех народов. Это — признаем мы или нет — империализм, а империалистическую внешнюю политику нельзя вести без значительных жертв внутри страны и репрессий за границей»¹⁸⁰.

Послевоенное мировое развитие наглядно показало неосуществимость и авантюризм программы мировой политики Вашингтона, привело к кризису этой политики. Но эта программа глубоко засела в умах правящих кругов США и служила постоянной помехой к налаживанию сотрудничества между государствами социалистической и капиталистической систем, доводя внешнюю политику США, по выражению государственного секретаря Даллеса, до балансирования «на грани войны».

Еще до окончания второй мировой войны в Вашингтоне развернулась большая дипломатическая подготовка к проведению программы руководства миром, мирового господства, к созданию блока для обеспечения господствующего положения США в будущей Организации Объединенных Наций.

Государственный секретарь США Э. Стеттиниус, возвращаясь с Ялтинской конференции, отправился прямо в Мексику, где в окрестностях ее столицы, в замке Чапультепек по инициативе Вашингтона была созвана конференция министров иностранных дел американских государств.

Чапультепекская конференция открылась 21 февраля и продолжалась до 8 марта 1945 г. В Чапультепекке США преследовали различные цели. Они старались прежде всего закрепить и усилить экономические пози-

¹⁷⁹ «New York Times», 24.X 1946.

¹⁸⁰ Steel R. Op. cit., p. 309, 325.

ции, приобретенные ими в южных странах Нового Света во время войны. В военное время в связи с прекращением торговли между латиноамериканскими странами и державами оси, а также в связи с тем, что британская торговля с этими странами испытывала затруднения, увеличивалась доля США в торговле латиноамериканских стран. В 1939 г. товары США занимали 40%, а в 1944 г. — 57% в импорте этих стран. Сохранение экономических позиций облегчило бы решение политических задач, которые Вашингтон преследовал в Латинской Америке и которые он пытался решать в своей мировой политике с помощью Латинской Америки.

Экономические проблемы и противоречия, осложняющие отношения между Латинской Америкой и Соединенными Штатами, смягченные в какой-то мере в военные годы, когда существовали большой спрос и высокие цены на продовольствие и сырье латиноамериканских стран, неизбежно должны были обостряться после войны.

В обычное время экспорт хлеба, мяса и некоторых видов сырья из Латинской Америки не может рассчитывать на рынок США. Экономическое состояние Южной Америки зависит во многом от торговли с Европой. Все меры, принимавшиеся с 1889 г., со времени созыва первого пан-американского конгресса, с целью создания американского таможенного союза, не увенчались успехом. Такой союз выгоден Соединенным Штатам, но невыгоден южным странам, так как обеспечил бы односторонний беспошлинный ввоз промышленных изделий США в Латинскую Америку. Но он не обеспечил таких же условий для экспорта латиноамериканских стран, в частности для экспорта хлеба, мяса и тех видов сырья, которых США сами производят больше, чем потребляют.

В Латинской Америке усиливается движение за развитие национальной промышленности, за поднятие хозяйства выше уровня слаборазвитых стран, за экономическую независимость. Активность капитала США в странах Латинской Америки рассматривается ими как сила, направленная против экономической независимости этих стран.

В Чапультепеке делегация США ставила вопрос о снижении таможенных тарифов. Хотя, как всегда, планы Вашингтона, сводящиеся к подчинению экономики латиноамериканских стран интересам капитала США, натолкнулись на сопротивление представителей этих стран, все же на этот раз под флагом «экономической хартии американских государств» капиталу США удалось улучшить свои позиции в южных странах континента.

Основные вопросы в Чапультепеке, однако, были политическими: отношение американских стран к созданию Организации Объединенных Наций и усиление Панамериканского союза. В постановке этих вопросов США преследовали далеко идущие цели.

Латиноамериканские государства долго сопротивлялись поползновениям США на право интервенции в другие страны Американского континента. Попытки Вашингтона представить интервенцию в таком свете, будто она совершается в интересах стран — жертв этой интервенции, вызывали у народов Латинской Америки возмущение.

В Чапультепеке Соединенным Штатам удалось создать лазейку для оправдания вооруженного вмешательства во внутреннюю жизнь других государств под видом борьбы с агрессией или предполагаемой возможностью агрессии против одной или более американских стран. Конференция решила, что агрессия против одной американской страны будет рассматриваться как агрессия против всех американских государств.

Формально все решения были приняты на основе взаимности. На практике же ни одна латиноамериканская страна и все латиноамерикан-

ские государства, взятые вместе, не имели возможности вмешиваться с помощью вооруженных сил во внутреннюю жизнь США. США же имели эту возможность, и их вооруженные силы неоднократно вторгались в страны Латинской Америки. К тому же США добивались на этой конференции признания «доктрины Монро», что означает признание особых прав, на которые претендуют США.

Равным образом, решение Чапультепекской конференции о создании общего генерального штаба, состоящего из представителей всех американских стран, при существующем соотношении вооруженных сил означало подготовку к использованию военного потенциала Латинской Америки Соединенными Штатами, к использованию американских стран как военного блока под эгидой Вашингтона, к использованию их территорий для военных баз США.

Стеттиниус говорил на конференции о «равноправии», об «общности интересов» всех американских государств. Но общность интересов латиноамериканских стран и США напоминала общность коня и всадника.

В Чапультепеке Вашингтону удалось создать политический блок американских государств перед конференцией в Сан-Франциско, с тем чтобы выступая на конференции, использовать этот блок в своих интересах. В целях включения в блок всех стран Латинской Америки Аргентина, которая не была представлена на Чапультепекской конференции, получила приглашение присоединиться к декларации этой конференции. При этом Стеттиниус «забыл», что незадолго до этого его предшественник в государственном департаменте К. Хелл, а также президент Рузвельт говорили об Аргентине как о главном штабе фашистского движения на Американском континенте.

27 марта 1945 г. Аргентина присоединилась к решениям Чапультепека и одновременно разыграла комедию объявив в этот день войну Германии и Японии.

25 апреля 1945 г. открылась конференция Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско. Рузвельт, учитывая прошлые ошибки В. Вильсона, назначил делегатами на эту конференцию вместе с Э. Стеттиниусом, К. Хэллом, сенатором Т. Коннели и конгрессменом Блумом трех видных республиканцев: сенатора Ванденберга, бывшего губернатора Миннесоты Х. Стассена и конгрессмена Итона. Этим он пожелал обеспечить двухпартийную поддержку его послевоенной внешней политики.

Конференция в Сан-Франциско решила наряду с Украиной, Белоруссией и Данией пригласить Аргентину.

США обеспечили себе на этой конференции поддержку 20 голосов латиноамериканских стран. В дальнейшем эта поддержка долго сохранялась в Ассамблее ООН. Имея такую прочную поддержку, Соединенным Штатам до принятия в ООН новых государств Азии и Африки нетрудно было вести за собой большинство в Ассамблее. Таким образом, работа и решения Ассамблеи в большой мере оказались в зависимости от голосов представителей Латинской Америки, где к концу второй мировой войны проживало всего около 5% населения земного шара.

В Сан-Франциско стоял вопрос о принятии Устава Организации Объединенных Наций. В основу Устава были положены решения совещания в Думбартон-Оксе. Организация Объединенных Наций приняла следующую структуру: 1) Генеральная Ассамблея, в которой каждое государство, входящее в ООН, имеет один голос; 2) Совет Безопасности, в котором СССР, США, Англия, Китай и Франция имеют постоянное место, а шесть других государств, периодически избираемых в Ассамблею, име-

ют временное место; 3) Социальный и Экономический совет — из представителей 18 государств, периодически избираемых в Ассамблею; 4) Международный Суд.

Особыми полномочиями облечен Совет Безопасности. Он создан с целью обеспечения мира, ликвидации конфликтов между государствами мирным путем. В случае необходимости предусмотрено применение санкций: моральных, политических, экономических, военных. Вопрос о санкциях решает Совет Безопасности, при этом требуется единогласие его постоянных пяти членов. Другими словами, при решении важнейших вопросов, в частности вопросов войны и мира, каждый постоянный член Совета Безопасности имеет право вето.

На конференции в Сан-Франциско США, опираясь на блок американских стран, тщетно пытались ограничить право Совета Безопасности, подчинив его Ассамблее, где этот блок силен. Конференция отклонила попытки США узаконить американский региональный блок как автономную организацию, имеющую право применять санкции, помимо Совета Безопасности. Она не подтвердила, как в свое время Лига Наций, особых прав, на которые США претендуют в связи с «доктриной Монро». Но США принимали в дальнейшем энергичные меры к укреплению блока, основанного в Чапультепеке.

22 ноября 1945 г. правительство Уругвая, за спиной которого стоял государственный департамент США, выступило с предложением, чтобы американские республики узаконили право коллективного вмешательства во внутреннюю жизнь любой из этих республик, которая-де нарушит свои международные обязательства или «элементарные права граждан». Предложение Уругвая встретило сопротивление ряда латиноамериканских государств, которые не без основания рассматривали право такого коллективного вмешательства как мандат Соединенным Штатам на право интервенции в расположенные к югу от них стран. Характерно, что Уругвай предложил применять крайние санкции без согласования с ООН и что такую же линию по существу пытался провести и президент США Трумэн. В своем выступлении в Нью-Йорке 27 октября 1945 г. и в послании конгрессу 21 января 1946 г. Трумэн утверждал, что основные задачи внешней политики США сводятся к тому, чтобы американские государства сами решали свои общие проблемы «без вмешательства извне в дела Западного полушария»¹⁸¹.

Подобные заявления президента США игнорировали существование ООН, хотя несколькими месяцами раньше в своем выступлении на конференции в Сан-Франциско Трумэн назвал Устав ООН «международным биллем прав», документом, в котором «реализуется идея Вудро Вильсона»¹⁸².

В том же, 1945 г. в течение нескольких месяцев менялись не только дела, но даже слова правящих кругов США. Так, 29 июня 1945 г. сенатор Ванденберг, предлагая сенату ратифицировать Устав ООН, заявил: «Америка, поддерживая Устав, может все выиграть и ничего не потерять»¹⁸³. Сенаторы поддержали это предложение, встретив его продолжительными аплодисментами. В своей пространной речи Ванденберг доказывал, что право вето постоянных членов Совета Безопасности, против которого впоследствии энергично боролась американская дипломатия, крайне важно для США, что вмешательство ООН во внутренние дела

любого государства исключено¹⁸⁴. В дальнейшем, как увидим, США неоднократно толкали ООН на такое вмешательство и сами помимо ООН вмешивались во внутреннюю жизнь ряда государств. Ванденберг также подчеркнул, что прочный мир зависит не от Устава ООН, а от взаимоотношений между великими державами; ООН может лишь содействовать их сотрудничеству, но не может гарантировать, что сотрудничество между великими державами-победительницами продолжится после окончания войны.

В те дни в официальных кругах США принято было подчеркивать большое значение сотрудничества между великими державами. Стеттиниус в речи на конференции в Сан-Франциско утверждал, что это сотрудничество является важнейшим и необходимым условием сохранения мира¹⁸⁵. А генерал Эйзенхауэр, торжественно встреченный в Вашингтоне после капитуляции Германии, заявил: «Солдат знает, что во время войны угроза уничтожения каждого в отдельности заставляет союзников держаться вместе; он надеется, что мы сможем сохранить мир как наиболее благородный мотив для сохранения такого единства»¹⁸⁶.

Политика руководства миром, мирового господства, вдохновляемая монополистическим капиталом, не соответствовала приведенным высказываниям Стеттиниуса и Эйзенхауэра. Еще до капитуляции Германии, до конференции в Сан-Франциско в реакционных кругах США развернулась кампания против курса президента Рузвельта, направленного на тесное сотрудничество с Советским Союзом в мирное время. Огонь был нацелен против соглашений в Ялте. Ялту называли «Мюнхеном» Рузвельта¹⁸⁷. Издательский трест «Скрипс-Говард» выбросил лозунг: «Пусть Сан-Франциско исправит Ялту». Этот лозунг поддержали реакционные лидеры профессиональных союзов, входивших в АФТ и за ее пределы.

Франклин Рузвельт умер за две недели до открытия конференции в Сан-Франциско. Новый президент США — Трумэн — во внешней, как и во внутренней, политике с каждым месяцем все больше прислушивался к голосу реакции, к голосу тех, кто утверждал, что после окончания войны пути США и СССР расходятся. В конце года, как мы видели, Трумэн дошел до заявления в послании конгрессу о том, что Америка должна руководить миром.

Но, пока продолжалась война с Японией, в официальных кругах Вашингтона все еще говорили о послевоенном сотрудничестве между великими державами. 12 апреля 1945 г. Трумэн, вступив в должность президента Соединенных Штатов, заверял, что будет проводить политику Рузвельта. Во время конференции глав правительств трех великих держав в Потсдаме многие в Америке еще думали, что новый президент сдержит свое слово.

Потсдамская конференция открылась 17 июля и продолжалась до 2 августа 1945 г. Учитывая быстрое восстановление военной машины Германии после первой мировой войны, основное внимание конференции было уделено мероприятиям, необходимым для того, чтобы оградить народы от возможной в будущем агрессии со стороны Германии, от возможного восстановления ее военной мощи после второй мировой войны. Этой задаче было подчинено соглашение, достигнутое на конференции «о политических и экономических принципах координированной поли-

¹⁸¹ «Current History», March 1946, p. 211.

¹⁸² «Congressional Record», 27.VI 1945, p. A3338.

¹⁸³ «Congressional Record», 29.VI 1945, p. 7093.

¹⁸⁴ Ibid., p. 7092.

¹⁸⁵ «Congressional Record», 2.V 1945, p. A2175.

¹⁸⁶ «Congressional Record», 29, VI 1945, p. 7093.

¹⁸⁷ «Congressional Record», 26.III 1945, p. A1587.

тики союзников в отношении побежденной Германии в период союзного контроля».

«Целью этого соглашения, — говорится в решениях Потсдамской конференции, — является выполнение Крымской Декларации о Германии. Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире»¹⁸⁸.

В соответствии с поставленными задачами Потсдамская конференция организовала союзные учреждения. Для составления мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, для подготовки мирного урегулирования с Германией, а также для выработки решений по другим политическим и территориальным вопросам был учрежден Совет Министров иностранных дел СССР, Англии, США, Китая и Франции.

Верховную власть в Германии по вопросам, затрагивающим всю страну, решено было возложить на Контрольный совет, состоявший из главнокомандующих вооруженными силами четырех оккупационных зон — СССР, Англии, США и Франции, а по остальным вопросам — на каждого главнокомандующего в его зоне.

Контрольный совет должен был осуществлять «полное разоружение и демилитаризацию Германии и ликвидацию всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней»¹⁸⁹. Он должен был строго контролировать и ограничивать производство металлов, химической продукции и машиностроения, ликвидировать монополистические объединения в форме картелей, синдикатов, трестов и др.

«При организации экономики Германии, — говорится в решении конференции, — главное внимание должно быть обращено на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления... В период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое»¹⁹⁰.

В Потсдаме были определены в принципе восточные границы Германии.

За несколько месяцев до решения Потсдамской конференции, еще до капитуляции Германии, в апреле 1945 г., Эйзенхауэр как командующий вооруженными силами США в Германии получил из Вашингтона директиву № 1067, составленную в духе будущих решений Потсдама. В этой директиве говорилось: «Союзники ставят своей основной целью добиться того, чтобы Германия никогда больше не могла стать снова угрозой всеобщему миру. Существенными шагами в достижении этой цели является уничтожение нацизма и милитаризма во всех его проявлениях, немедленный арест военных преступников и предание их суду, промышленное разоружение и демилитаризация Германии с сохранением контроля над способностью немцев подготавливать войну»¹⁹¹.

Приведенный документ полностью опровергает все разговоры, имевшие впоследствии место в США, о том, что потсдамские решения будто не исходили из Вашингтона и были приняты в угоду СССР.

Сторонники этой версии хотели бы забыть, что строгое ограничение производства металлов и химической продукции в Германии с большим удовлетворением встретили и в американских, и в английских промышленных кругах, конкурировавших с немцами на мировом рынке.

Те, кто в Америке критиковал Ялтинскую конференцию, критиковали и Потсдамскую. Старавшийся в свое время спасти Гитлера, активно борющийся против открытия второго фронта сенатор Уиллер, доживая в сенате свои последние дни, использовал его трибуну для того, чтобы препятствовать советско-американскому сотрудничеству после войны. Он настоял на опубликовании в органе конгресса ряда статей из реакционной печати, направленных против решений Потсдама, как и против директивы Эйзенхауэру в апреле 1945 г. о демилитаризации Германии¹⁹².

Правда, в 1945 г. такие политические деятели, как сенатор Уиллер, которые открыто выступали против демилитаризации Германии и против продолжения сотрудничества между союзниками в войне, составляли в США незначительное меньшинство.

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г. были достигнуты соглашения по ряду вопросов, смягчившие дипломатическую напряженность, создавшуюся в результате неудачи конференции этих министров, созванной в сентябре в Лондоне.

В ходе Московской конференции, 22 декабря, правительства США и Англии сообщили о своем решении признать правительство Тито, порвав таким образом с бывшим королем Югославии Петром. Они также согласились признать новые правительства Румынии и Болгарии. Со своей стороны Советское правительство согласилось участвовать в работе вновь созданной Дальневосточной комиссии.

На Московской конференции было решено, что мирный договор с Италией подготовят СССР, США, Англия и Франция; с Румынией, Болгарией и Венгрией — СССР, США и Англия; с Финляндией — СССР и Англия. Участники конференции обязались не вмешиваться во внутренние дела Китая и вывести оттуда свои войска.

Наконец, на конференции было решено рекомендовать ООН создать Комиссию по атомной энергии в составе представителей от 11 государств, являющихся членами Совета Безопасности, и Канады. В задачи Комиссии входило всестороннее изучение проблемы атомной энергии и подготовка предложений Совету Безопасности о мерах, необходимых для изъятия атомного оружия из вооружений отдельных государств и для обеспечения использования атомной энергии исключительно в мирных целях.

Московская конференция обнадежила тех политических деятелей США, которые подобно президенту Франклину Рузвельту держали курс на сотрудничество после войны с Советским Союзом. Бывший государственный секретарь Хэлл, например, поздравил Дж. Бирнса, в июле 1945 г. сменившего в государственном департаменте Стеттиниуса, с «блестящим прогрессом, достигнутым на Московской конференции»¹⁹³.

Однако идея руководства миром, которую президент США Трумэн официально провозгласил во время работы Московской конференции и которая неизбежно вела к обострению борьбы двух систем, к этому времени настолько укоренилась в руководящих кругах американского империализма, что Вашингтон вскоре взял курс на ревизию решений глав

¹⁸⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 339.

¹⁸⁹ Там же, с. 340.

¹⁹⁰ Там же, с. 343, 344.

¹⁹¹ The United States and Germany 1945—1955, Department of State Publication. 5827. Wash, 1955, p. 7—9.

¹⁹² «Congressional Record», 20.XII 1945, p. A6130—A6132.

¹⁹³ «Current History», February, 1946, p. 104.

трех правительств в Потсдаме, курс на превращение Западной Германии в военно-экономическую базу антисоветских агрессивных блоков.

На Дальнем Востоке политика мирового господства Соединенных Штатов и связанная с ней мировая система баз США и военных союзов также подорвала демилитаризацию Японии.

Поражение во второй мировой войне и безоговорочная капитуляция потрясли население Японии. Народ, который в течение многих веков воспитывался на легендах и преданиях о непобедимости Японии, о божественном происхождении ее императора, принял капитуляцию как национальный позор. Но вместе с тем японцы, признав поражение как неодолимый рок, как предначертание судьбы со свойственными им дисциплинированностью и организованностью покорно подчинились победителям, оккупационным властям. Те немногие, кто не смог примириться с катастрофой, постигшей их родину, совершили харакири или полностью устранились от общественной жизни.

Хотя микадо и его династия остались в стране, никто в Японии в первые послевоенные годы не осмеливался публично защищать империализм и милитаризм. Народ ждал реформ, переустройства общественной, политической и культурной жизни страны на новых, демократических началах.

В руках командующего оккупационными войсками США в Японии генерала Макартура оказалась неограниченная власть. Союзный совет для Японии и Дальневосточная комиссия функционировали как совещательные органы, с которыми Макартур своей власти не делил.

Как и Эйзенхауэр в Германии, Макартур в Японии в первые дни оккупации получил из Вашингтона инструкцию о демилитаризации и демократизации страны. В конце 1945 г. в политических кругах США говорили о Макартуре больше, чем об Эйзенхауэре, как о вероятном кандидате в президенты от республиканской партии. Сам Макартур более энергично, чем Эйзенхауэр, выражал пожелания стать обитателем Белого дома. Естественно, что Макартур должен был считаться с американской общественностью, с теми в США, кто, не забыв Пирл-Харбор, требовал сурового наказания виновников коварного нападения, демилитаризации и демократизации Японии. В этих условиях в первые месяцы своего господства в Токио Макартур не мог отказаться от проведения минимальных реформ.

Через месяц после подписания акта о капитуляции Японии, в начале октября 1945 г., была ликвидирована японская секретная полиция и сняты ограничения на гражданские свободы. Несколько тысяч политических заключенных были освобождены. Вслед за тем Макартур предложил провести ряд мер по эмансипации женщин, расширить права профсоюзов, перестроить народное образование и ограничить деятельность монополий, связанных с завоевательной политикой Японии. В ноябре того же года были распущены держательские компании четырех крупнейших монополий страны. Еще раньше был закрыт 21 крупный банк (только три из них разрешили открыть до конца года). Монополисты, милитаристы, а также крупные землевладельцы были объявлены врагами японского народа. Многие видные военные и политические деятели были арестованы как военные преступники.

Казалось, что процесс демилитаризации Японии развивается полным ходом. Однако во многих случаях директивы носили формальный характер. Сам Макартур издавал их без энтузиазма, и с еще меньшим энтузиазмом он заботился об их выполнении. Император, его двор, его династия — символы и вдохновители японского милитаризма — нашли в

лице Макартура верного защитника. После того как накануне 1946 г. император Хирохито в послании японскому народу объявил неверной легенду о своем божественном происхождении, Макартур опубликовал специальное заявление, в котором утверждал, что император играет руководящую роль в демократизации Японии.

Еще до своего отъезда из Токио Макартур позаботился о ремилитаризации Японии. И это он сделал с энтузиазмом.

Итак, экспансионистские силы американского империализма, избавившись от груза и тормоза изоляционизма, проводя под флагом «всемирной ответственности» политику мирового господства, строя с этой целью всемирную систему баз и создавая агрессивные военно-политические блоки, взяли вскоре после окончания войны курс на ремилитаризацию Японии и Германии, на превращение своих недавних заклятых противников в военных союзников.

РЕКОНВЕРСИЯ

1. От военной к мирной экономике

Проблемы реконверсии. Боязнь глубокого экономического кризиса. Доклад Бирса и послание Трумэна. Требование НАП. Переход государственных заводов в собственность к монополиям. Угроза многомиллионной безработицы — важнейшая проблема американского капитализма. Участь билля об обеспечении полной занятости

К переходу от военной к мирной экономике США готовились долго и основательно. Учитывая трудности и опыт такого перехода после первой мировой войны, правительство США начало заблаговременно готовиться к реконверсии.

Задача была довольно сложной: во время второй мировой войны производство для военных целей дошло до двух третей всей промышленной продукции и составило почти половину валового национального продукта США¹.

Весной 1943 г., когда американские войска еще воевали в Африке, Управление военного производства США уже занялось разработкой плана демобилизации промышленности. К осени 1944 г. этот план был готов и одобрен. Демобилизация промышленности рассматривалась как условие, необходимое для перевода военной экономики на рельсы мирного времени. За полтора года 45% промышленности было переведено с военного производства на гражданское².

Однако решение проблем реконверсии охватывало значительно более широкий круг вопросов — производственных, финансовых, внутри- и внешнеполитических. Безработица, заработная плата и продолжительность рабочей недели, налоги и общественные работы, цены и тарифы, железнодорожные фрахты и внешняя торговля, неиспользованная военная продукция и государственные военные заводы — таков далеко не полный перечень проблем, связанных с реконверсией.

Самое большое место занимала проблема занятости населения. Массовая безработица после войны считалась в США величайшей угрозой для американского капитализма³. Поэтому так тщательно готовились и так много говорили о реконверсии.

Все разговоры и планы реконверсии исходили из того, что после второй мировой войны хозяйство США в своем развитии будет напоминать

хозяйство тех лет, которые последовали после первой мировой войны. Зимой 1918 г. в связи с окончанием войны наблюдался кратковременный спад в экономике США, сменившийся в начале 1919 г. подъемом, которому положил конец кризис, наступивший в 1920 г. В 1922 г. начался подъем в промышленном производстве, который с кратковременными депрессиями в 1924 и 1927 гг. продолжался до краха 1929 г.

20-е годы «просперити», сопровождавшиеся биржевой оргией, в США прозвали «раем глупцов»⁴. Правительство и конгресс США, готовясь к реконверсии, заботились о том, чтобы «рай», ведущий к аду большого и очень опасного в новых условиях кризиса, опять не образовался в Америке.

Опасения большого кризиса тем более казались основательными, что в Вашингтоне учитывали опыт развития экономики не только после первой мировой войны. В истории США по своим масштабам, продолжительности и глубине выделяются два экономических кризиса: 1873—1878 и 1929—1933 гг. Первый кризис наступил через 8 лет после окончания гражданской войны между северными и южными штатами, а второй — через 11 лет после окончания первой мировой войны.

Воспоминания о прошлом увеличивали тревогу о будущем — о возможности прихода нового большого экономического кризиса, в котором, как признавали в руководящих кругах США, может решиться судьба капитализма.

Проблемами реконверсии в США активно занимались в годы войны и правительство, и конгресс, и буржуазные партийные организации, и организации капиталистов, и профсоюзы, и печать.

Во многих штатах и городах были созданы специальные комиссии для подготовки программ послевоенных работ. Зачастую эти работы, имевшие не только местное значение, согласовывались с планами федерального правительства.

Особое внимание уделяли в военное время послевоенным проблемам Торговая палата США и Национальная ассоциация промышленников — НАП (National Association of Manufacturers). В стране числилось около 3 тыс. местных торговых палат, из них примерно половину, включая наиболее важные, объединяла Торговая палата США. НАП объединяла большое число преимущественно наиболее крупных промышленных корпораций. Наряду с ними группа крупных капиталистов создала Комитет экономического развития с целью оказания помощи частной промышленности в ее переходе от военной к мирной экономике. По данным этого комитета, в 1943 г. государство израсходовало 85 млрд. долл. на военные закупки, а 20 млн. человек было занято в военном производстве⁵. В конце ноября 1945 г. президент Трумэн сообщил, что менее чем за три месяца, истекшие со времени капитуляции Японии, было аннулировано военных заказов на 27 млрд. долл. Суть проблемы состояла в том, чтобы подготовиться к тому периоду после окончания войны, когда этим многим десяткам миллиардов долларов и многим миллионам людей, к которым должны были прибавиться миллионы демобилизованных из вооруженных сил, надо будет найти применение в экономике мирного времени.

Торговая палата, НАП и Комитет экономического развития оказывали сильное воздействие на послевоенную программу экономического и политического развития, составленную федеральным правительством.

⁴ «Congressional Record», 9.X 1945, p. A4534.

⁵ Lorwin L. Postwar Plans of the United Nations. N. Y., 1943, p. 27.

¹ «Magazine of Wall Street», 21.I 1967, p. 451.

² «New York Times Magazine», 19.IV 1959, p. 86.

³ Сенатор Дж. Мэррей, возглавивший подкомиссию сената по вопросам реконверсии, выступая 24 мая 1945 г. на посвященной этим вопросам конференции в Чикаго, заявил: «Деловые круги США признают, что повторение кризиса, пережитого нами в 30-х годах, вполне может означать конец капитализма в Америке» («Congressional Record», 31.V 1945, p. A2801).

7 сентября 1944 г. начальник Управления военной мобилизации Бирнс представил президенту США подробный доклад о планах реконверсии. Бирнс обращал внимание на то, что его доклад подытоживает работы ряда комиссий военного и морского министерства и других федеральных ведомств, которые больше года занимались вопросами, затронутыми в его докладе. Особенно он подчеркнул важность доклада Баруха — Ганкока, составленного по его, Бирнса, просьбе и представленного в марте 1944 г. Этот доклад, писал он, служит руководством в проведении политики реконверсии.

Бирнс предложил немедленно после капитуляции Германии перевести предприятия, не занятые в обычное время выполнением заказов для вооруженных сил, на гражданское производство, смягчить военный контроль, с тем чтобы стимулировать производство мирного времени, ликвидировать Военную комиссию людских ресурсов, ликвидировать сверхурочную работу и восстановить продолжительность рабочей недели 1940 г. Он также предложил ликвидировать специальный военный налог на крупные доходы.

Эти мероприятия расценивались как важнейшие в подготовке к реконверсии. Они должны были смягчить ожидавшуюся безработицу и убедить капиталистов, что их прибыль, несмотря на сокращение военных заказов, будет достаточно велика и в дальнейшем. Бирнс уверял, что сокращение налога на прибыль будет стимулировать хозяйственную активность.

Доклад Бирнса рассматривался как программный. 3 октября 1944 г. Управление военной мобилизации было реорганизовано в Управление военной мобилизации и реконверсии. Основное внимание нового учреждения было направлено на подготовку к демобилизации, к реконверсии.

Через три недели после капитуляции Японии президент Трумэн направил конгрессу США пространное послание о переходе от военной экономики к мирной⁶. Но за две недели до отправления этого послания 85% предприятий промышленности США уже было освобождено от государственного контроля.

Вокруг программы реконверсии развернулась борьба в конгрессе и в стране. Борьба по существу сводилась к тому, на кого возлагать основное бремя последствий войны и издержек перехода от военной экономики к мирной, и носила сугубо классовый характер между трудом и капиталом, между организованными рабочими и Национальной ассоциацией промышленников. НАП, которая в свое время не ужилась с «новым курсом» Рузвельта и не мирилась с «актом Вагнера», имела свой собственный совет по вопросам реконверсии. Этот совет опубликовал в марте 1943 г. свою программу. Он требовал сокращения налогов на прибыль, ликвидации контроля над ценами, но сохранения контроля над «замороженной» в военное время заработной платой. НАП высказывалась против вмешательства государства в экономику, против больших государственных

⁶ В этом послании Трумэн выдвинул программу из восьми пунктов. Демобилизовать как можно скорее вооруженные силы, в которых не будет надобности в дальнейшем; аннулировать военные заказы; разгрузить военные заводы, с тем чтобы они имели возможность переходить на производство мирного времени; сохранить временно контроль над ценами и квартирной платой для того, чтобы препятствовать росту стоимости жизни; не допускать повышения заработной платы там, где такое повышение может вызвать рост цен; ликвидировать, где только возможно, государственный контроль над производством; сохранить государственный контроль лишь там, где это необходимо в целях воспрепятствования росту цен и образованию недостатка материалов; предотвращать быстрое сокращение заработной платы и покупательной способности населения.

ных расходов, за содействие расширению экспорта США и в то же время за ограждение внутреннего рынка Америки от иностранной конкуренции. Особенно НАП ополчилась на «закрытую мастерскую», характеризовала ее как чуждую «свободному американскому предпринимательству». В таком духе выступал и Комитет экономического развития и Торговая палата США, создавшая свою комиссию по послевоенной экономической политике еще в 1942 г.

Требования ассоциаций промышленников, естественно, натолкнулись на сопротивление организованных рабочих. Возникший конфликт вылился в большую стачечную борьбу, о которой более подробно речь будет ниже.

Следует отметить, что борьба вокруг реконверсии, борьба вокруг вопросов о том, на кого и в какой мере возложить тяготы, кому и какие получать выгоды от перехода к мирной экономике, развивалась и в лагере самого капитала: между крупным и мелким, между отдельными группами крупных капиталистов. Горячие споры возникали, когда речь шла о снижении налога на прибыль, о продаже государственных заводов и грузовых судов, о реализации излишков военного имущества и по другим вопросам.

Пожалуй, больше всего разговоров и споров вызывали в 1944—1945 гг. построенные во время войны государственные заводы. Как мы уже видели, за пять военных лет государство вложило в обрабатывающую промышленность около 17 млрд. долл. Оно построило около 2800 предприятий: 534 авиационных завода, 116 станкостроительных, 84 алюминиевых, 65 судостроительных, 60 синтетического каучука, металлургические заводы, заводы для производства радиоаппаратуры, труб для нефтепроводов, нефтеперегонные заводы и др. Большинство этих заводов стоимостью примерно в 10 млрд. долл. могло быть немедленно переключено на производство мирного времени⁷. Из остальных заводов основная их часть после некоторых затрат также могла быть приспособлена к выпуску товаров гражданского производства.

Уже в 1944 г. возник вопрос: что делать с государственными предприятиями?

Предложения были разные. Заместитель председателя объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности У. Рейтер предложил, чтобы заводы, выпускающие продукцию, которую обычно производит монополизированная промышленность, сохранились в руках государства. Сторонники этого предложения доказывали, что государственное производство будет служить более действенным средством против монополий, чем существующие с конца прошлого века антитрестовские законы, что оно будет действовать как тормоз против монопольных цен. Сенатор Дж. Мэррей в мае 1944 г. внес билль о передаче государственных заводов на льготных условиях корпорации мелких предпринимателей. А министр внутренних дел Г. Икес составил план передачи государственных заводов ветеранам войны.

Авторы всех этих планов утверждали, что их предложения направлены против дальнейшего усиления монополистического капитала.

Однако, поскольку правительство и конгресс США выражают прежде всего и главным образом интересы крупного капитала, интересы монополий, естественно, что ни один из указанных планов не получил должной поддержки в Вашингтоне. Позиция правительства и большинства в конгрессе сводилась к тому, что государство ни в коем случае не долж-

⁷ «Current History», July 1944, p. 24.

но конкурировать с частным сектором, что такая конкуренция противоречит американскому образу жизни.

В 1944 г. 50% всех станков, 70% всего алюминия, 80% синтетического каучука, 90% магния, а также большинство самолетов и авиационных моторов выпускались на государственных заводах⁸. Под видом защиты американского образа жизни эти заводы в соответствии с планом Баруха — Ганкока были проданы в основном по дешевке соответствующим американским монополиям.

Через год после окончания второй мировой войны около трех четвертей стоимости всех заводов, построенных государством во время войны, уже принадлежало 250 крупнейшим корпорациям, которые скупили эти заводы в среднем за 60% их номинальной цены. Некоторым крупным корпорациям государственные заводы, которые они эксплуатировали во время войны, обошлись еще дешевле. Стальной трест, например, купил в штате Ютта металлургический завод, на строительство которого правительство израсходовало 190 млн. долл., за 21% его стоимости⁹.

Трумэн в своем послании конгрессу о реконверсии указывал на необходимость реализации накопившегося за время войны государственного имущества. Он остановился на административной стороне вопроса, на том, кто, какие органы должны заниматься реализацией, продажей государственного имущества. Но он обошел молчанием вопрос о том, кому это имущество должно быть продано.

Характерно, что Трумэн в своем послании о реконверсии акцентировал внимание на необходимости сохранения больших запасов стратегического сырья в мирное время, двухлетней обязательной воинской повинности, проведении программы научно-исследовательских работ, которые, как он отмечал, диктуются уроками войны. Это последний раз показывает, насколько не соответствуют действительности последующие утверждения Вашингтона, что после окончания второй мировой войны США полностью демобилизовались.

Больше всего места в послании конгрессу о реконверсии Трумэн уделил проблеме безработицы. Он, как и многие другие тогда в США, предсказывал неизбежность массовой безработицы в связи с окончанием войны¹⁰. Трумэн не называл цифр. Но другие авторитетные лица еще в 1944 г. утверждали, что после окончания войны число полностью безработных в США будет колебаться в пределах от 7 млн. до 12 млн.¹¹

В США настолько были уверены в неизбежности послевоенной массовой, многомиллионной безработицы, что публиковали фантастические подсчеты по этому поводу¹².

В общем в США много говорили и долго готовились к переходу от военной экономики к мирной. Однако, как писал известный американ-

⁸ «Current History», July 1944, p. 25.

⁹ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1947, № 5, с. 81.

¹⁰ «Congressional Record», 6.IX 1945, p. 8364.

¹¹ В частности, сенатор Мэррей в своем выступлении на упомянутой конференции о реконверсии в мае 1944 г. в Чикаго заявил: «Если не будет найден экономический заменитель военных контрактов, массовая безработица станет серьезной угрозой, а число безработных мужчин и женщин может вполне превзойти трагическую безработицу во время прошлого кризиса». Мэррей говорил о большом кризисе 30-х годов, когда число безработных перевалило за полтора десятка миллионов («Current History», October 1944, p. 280; «Congressional Record», 31.V 1945, p. A2801).

¹² Так, в 1944 г. был сделан следующий подсчет. Для того чтобы в 1946 г. все желающие имели работу, гражданам США необходимо потреблять больше, чем в 1940 г.: пищи — почти в 2 раза, табака — в 1,5, одежды — в 2, автомобилей — в 2, топлива и электроэнергии — в 2 раза и осуществить жилищное строительство, превышающее в 2,5 раза строительство 1940 г. («Current History», October 1944, p. 278—279).

ский журнал, «капитуляция Японии застала Америку не подготовленной к решению проблем реконверсии»¹³. И если реконверсия прошла легче, вызвала меньше потрясений, чем ожидали, то это объясняется тем, что ни в США, ни за их пределами не учли значения экономических итогов войны, недооценили значение «отложенного спроса», предстоявшего большого жилищного строительства и обновления автомобильного парка, как и не предвидели обновления в значительных размерах основного капитала и больших послевоенных капиталовложений в промышленность.

Прогнозы о массовой, многомиллионной безработице исходили из того, что все те, кто был занят на производстве или находился в вооруженных силах во время войны, пожелают работать в мирное время. Между тем в военное время работали 4 млн. учащихся, 1 млн. пожилых людей и 2,5 млн. женщин, которые в обычное время самостоятельного заработка не имели¹⁴.

Учитывая уход этих 7,5 млн. человек из общего состава рабочей силы и то, что в вооруженных силах США после войны числилось около 3 млн. человек, а также благоприятные условия, создавшиеся для хозяйственного оживления после войны, следовало ожидать, что в послевоенный период число полностью безработных будет оставаться в пределах обычной в условиях капитализма резервной армии труда.

Как бы ни ошибались политические деятели США и обслуживающие их экономисты и статистики в подсчетах, в новых условиях — в условиях выросшего международного авторитета СССР и образования содружества социалистических государств — страх в руководящих капиталистических кругах США перед массовой безработицей был настолько велик, что эта угроза рассматривалась как важнейшая не только экономическая, но и политическая проблема реконверсии.

Предсказывая неизбежность массовой безработицы после войны, президент США в своем послании конгрессу 6 сентября 1945 г., представлявшем подробную программу реконверсии, предлагал ряд мероприятий, лишенных оригинальности и потерявших вскоре какое бы то ни было значение и интерес. Но на одном предложении Трумэна, хотя также неоригинальном, стоит остановиться. Трумэн поддержал и просил не откладывать утверждения билля сенатора Мэррея «о полном обеспечении населения работой». При этом Трумэн ссылаясь на Франклина Рузвельта, который назвал право каждого на полезный труд, на свободу от нужды «вторым биллем прав»¹⁵.

Билль Мэррея вызвал не только много шума, рассматривался не только как законопроект, диктуемый проблемами реконверсии, но и как мероприятие, вытекающее из многолетних, популярных в стране требований.

Со времени мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., когда в Америке образовалась небывалая в ее истории безработица, в США раздавались голоса о том, что государство обязано заботиться о безработных, обязано обеспечивать их работой или средствами существования. Эти голоса продолжали настойчиво раздаваться и после окончания кризиса, так как армия безработных оставалась невероятно большой и в годы хозяйственного оживления между мировым экономическим кризисом и второй мировой войной.

¹³ «Current History», November 1949, p. 420.

¹⁴ «Congressional Record», 9.X 1945, p. A4533.

¹⁵ Первый билль прав был принят в конце XVIII в. (вскоре после образования США) в виде специальных добавлений к конституции.

В результате в 1935 г. образовался Национальный совет ресурсов, который наряду с другими функциями занимался подготовкой общественных работ и разработкой шестилетней программы таких работ. В 1939 г. этот совет уступил место Национальному совету по планированию ресурсов, имевшему те же задачи в подготовке общественных работ, но более широкие полномочия в отношении изучения экономических проблем и рекомендации мер для решения этих проблем. В 1943 г., когда безработица в стране сократилась до самого низкого уровня за истекшую четверть века, конгресс США решил ликвидировать учреждение, занимавшееся изысканием занятости для безработных, указав при этом, что функции ликвидированного совета ни в коем случае не должны быть переданы другому ведомству.

Однако в 1944 г., когда стало ясно, что война приближается к концу, и когда в США заговорили о неизбежности многомиллионной безработицы после войны, проблема безработицы встала с новой силой: как мы уже видели, эту проблему стали рассматривать в руководящих кругах как проблему, от решения которой зависит участь капитализма в США.

В январе 1944 г. президент Рузвельт в послании конгрессу о положении страны говорил об «экономическом билле прав», о праве каждого гражданина США «на полезную и хорошо оплачиваемую работу».

В президентской кампании 1944 г. лозунг «полная занятость» после войны был настолько популярен среди широких кругов избирателей США, что даже такой реакционный политический деятель, как кандидат в президенты от республиканской партии губернатор Нью-Йорка Дьюи, должен был в разгар выборной кампании, 21 сентября 1944 г., в своем выступлении в Сан-Франциско заявить: «Все республиканцы согласны, что полная занятость должна быть важнейшей целью государственной политики... Если в какое-то время не окажется достаточно для всех работы в частном секторе, государство может и обязано создавать возможности для такой работы, потому что в нашей стране должна быть работа для всех»¹⁶.

К этому многие добавляли, что безработица представляет колоссальное материальное бедствие для страны. Так, министр торговли США Генри Уоллес утверждал, что с 1929 по 1941 г. безработица означала потерю товаров и услуг на 350 млрд. долл. — сумма, которая в 3,5 раза превышает весь национальный доход США 1929 г.¹⁷

Таким образом, в стране создалась обстановка для необычного в условиях капитализма билля, внесенного сенатором Мэрреем в январе 1945 г. в конгресс, билля «о полном обеспечении населения работой».

Сенатор Мэррей пытался голосованием в конгрессе США ликвидировать основные пороки капитализма — безработицу и кризисы. Он пытался юридическим законом обезвредить действие экономических законов.

После первой мировой войны, в 20-х годах, в США появились неожиданные, «оригинальные» идеи в области внутренней и внешней политики. В Колумбийском университете, например, зародилась мысль об объявлении войны вне закона. На практике эта мысль привела к принятию «пакта Келлога», который никого ни к чему не обязывал. В отдельных штатах решили голосованием в законодательных собраниях опровергнуть теорию Дарвина.

После второй мировой войны в конгрессе США не на шутку начали обсуждать билль Мэррея, пытавшегося разрешить квадратуру круга ка-

питализма. При этом в сенате и в палате представителей соблюдали полностью установленную процедуру.

Следует заметить, что в то время попытками решить проблему полной занятости населения занимались не только в США. В Англии была опубликована работа А. Бевериджа о полной занятости при капитализме. Эта работа вышла далеко за рамки чисто научного анализа вопроса. В официальных кругах Лондона к ней относились как к возможной программе послевоенной рабочей политики Англии. Беверидж возлагал ответственность за обеспечение полной занятости населения на государство. В 1945 г. правительства Канады и Австралии сообщили о мероприятиях, принимаемых ими с целью «обеспечения максимальной и стабильной занятости» населения. Наконец, ст. 55 Устава ООН, принятого в том же, 1945 г. в Сан-Франциско, гласит, что государства, входящие в новую международную организацию, обязуются способствовать полной занятости населения.

Таким образом, призванный облегчить основные проблемы реконверсии билль об обеспечении полной занятости населения, внесенный в конгресс в результате опасений перед массовой безработицей, которая в новых послевоенных условиях рассматривалась в правящих кругах США как реальная и весьма опасная угроза для капитализма, действовал в унисон духу времени, гармонировал с модными разговорами на эту тему в других странах. Но в США эти разговоры вылились в определенную законодательную форму.

Правда, в результате обсуждения билля Мэррея родился совершенно бессильный закон. Тем не менее спустя более 10 лет — на 69-м ежегодном собрании Американской экономической ассоциации — утверждали, что этот закон себя оправдал, что принятие федеральным правительством на себя ответственности за поддержание высокого уровня занятости представляет одно из условий, обеспечивших этот уровень, как и высокий уровень послевоенной хозяйственной конъюнктуры. Билль Мэррея гласил: «Все американцы, способные трудиться и ищущие работы, имеют право на полезную, хорошо оплачиваемую, регулярную, ежедневную работу». И дальше в этом билле говорилось, что государство должно обеспечивать условия для осуществления этих прав¹⁸.

Прежде всего отметим, что «полная занятость» в капиталистической Америке понимается относительно. Она считается таковой, если неотъемлемая от капитализма резервная армия труда не превышает 3—4 млн. человек. Некоторые авторитетные буржуазные экономисты США считают, что сокращение безработицы до уровня, ниже 6% рабочей силы страны, чревато большими опасностями для капиталистической экономики. В этом случае «полная занятость» населения будет считаться при безработице в 4—5 млн. человек¹⁹. Между тем закон в окончательном виде был так сформулирован, что он отнюдь не гарантировал того, что число безработных в США не будет превышать 4—5 млн. В палате представителей из закона было выхолощено его основное содержание: право каждого американца на работу и ответственность федерального правительства за полную занятость. Вместо этого в законе сказано, что на правительство возлагается ответственность за содействие «максимальной занятости, развитию

¹⁸ «American Economic Review», May 1957, p. 99, 115, 116.

¹⁹ Ibid., p. 101. В 1950 г. президент США Трумэн, повторяя мысли, задолго до этого высказанные Г. Фордом, заявил: «Известная безработица, скажем, от 3 до 5 млн. желательна, это хорошее дело, для того чтобы всегда искали работу. Это полезно для экономики».

¹⁶ «Current History», January 1946, p. 24.

¹⁷ Ibid., p. 29.

производства и покупательной способности» и создание условий, при которых те, кто ищет работу, будут иметь возможность найти ее. И тут же внесена оговорка, что ответственность правительства осуществляется в рамках «поощрения свободной конкурентной предприимчивости и всеобщего благополучия».

Из законопроекта были исключены не только слова об ответственности правительства за обеспечение всех желающих работой, но и все то, что относилось к конкретным мероприятиям государства в этом отношении.

В билле Мэррея, например, говорилось, что государство должно «производить такой объем федеральных инвестиций и расходов, какой понадобится в добавление к инвестициям и расходам, производимым частными предпринимателями, штатами и местными властями, чтобы обеспечивать полную занятость». В соответствии с этим в билле Мэррея предусматривалось предоставление президентом США конгрессу ежегодного бюджета, учитывающего национальную продукцию и рабочую силу страны.

Другими словами, вместо бюджета правительства президент США должен был составлять что-то вроде народнохозяйственного бюджета. Как это на деле мыслили авторы билля Мэррея, никому не известно. Размышлять долго по этому вопросу не пришлось. Все то, что относится к государственной ответственности и к государственным мероприятиям по обеспечению всех желающих работой, было вычеркнуто из билля Мэррея во время путешествия законопроекта по инстанциям конгресса.

Законодатели, изменяя коренным образом билль Мэррея, руководствовались тем, что защита системы частного предпринимательства для них превыше всего²⁰. В преамбуле к биллю говорится, что федеральное правительство Соединенных Штатов должно, «поощряя и способствуя свободному конкурентному предпринимательству и общему благосостоянию, создать условия, при которых будут предоставлены возможности для полезной работы, включая самостоятельную работу, тем, кто способен, желает и ищет работы»²¹.

Билль Мэррея об обеспечении полной занятости, внесенный в конгресс в январе 1945 г., превратился в феврале 1946 г. в акт только о занятости. Этот акт возлагал на правительство ответственность за «максимальную занятость». Но максимальное число занятых осталось неопределенной величиной. На правительство США возлагалась по существу лишь моральная ответственность. Вообще акт конгресса 1946 г. об обеспечении максимальной занятости населения США никого ни к чему не обязывал.

Акт о занятости прошел единогласно в сенате и подавляющим большинством голосов в палате представителей. В соответствии с этим актом при президенте США был создан Совет консультантов по экономическим вопросам. В обязанности Совета входит определение частных и государственных мероприятий, необходимых для поддержания на должном уровне хозяйственной конъюнктуры, мероприятий, стимулирующих или, наоборот, задерживающих ее развитие. На основе рекомендаций совета президент США представляет ежегодно конгрессу «экономический отчет», в котором приводятся итоговые данные и излагаются основные моменты эконо-

номической деятельности правительства, политика цен и зарплаты, налоги, займы, общественные работы и др.

Акт 1946 г. предусмотрел также образование Объединенной экономической комиссии конгресса, рассматривающей отчет президента и представляющей сенату и палате представителей свои соображения по экономическим вопросам.

Внесение билля Мэррея, его допущение к обсуждению в конгрессе и принятие акта 1946 г., хотя и искажившего первоначальное содержание этого билля, свидетельствуют об эволюции, происшедшей в умах правителей США, о сдвигах в их представлении о роли и задачах государства. В 20-х годах не могло быть и речи об обсуждении в конгрессе США законопроекта, подобного биллю Мэррея. Но тех, кто в 1945 г. питал какие бы то ни было иллюзии в связи с этим биллем, в 1946 г. постигло полное разочарование. Даже президент Трумэн, подписав 20 февраля 1946 г. акт, принятый конгрессом в результате обсуждения билля Мэррея, признал, что это не то, на что надеялись²².

Билль Мэррея, если бы он даже был принят конгрессом без изменений, никогда не был бы проведен в жизнь. Гарантия на труд невысказана без планового хозяйства, а плановое хозяйство невысказано при частной собственности на средства производства. Вся затея с внесением, обсуждением и фактическим отклонением билля об обеспечении всех желающих работой, затея, появившаяся в конгрессе в особых условиях, которые сложились ко времени реконверсии в США и в других странах, еще раз показала, что при капитализме не только невысказано осуществление задуманного сенатором Мэрреем закона, но и невозможно даже превращение подобного билля в закон.

2. Классовая борьба

Борьба за распределение издержек реконверсии. Отчет Р. Натава. Активность НАП. Стачка на заводах «Дженерал моторс». Стачка сталелитейщиков. Стачка углекопов и железнодорожников. Стачки рабочих морского транспорта, мясоконсервной и электротехнической промышленности. Особенности послевоенных стачек. Влияние борьбы двух социальных систем на эти стачки

Билль Мэррея обсуждался в конгрессе и в стране в месяцы острой послевоенной классовой борьбы. Борьба развернулась между трудом и капиталом за распределение бремени последствий войны и издержек перехода от военной экономики к мирной. Организованные рабочие боролись против падения реальной заработной платы, против роста стоимости жизни.

Мы видели, что материальное положение рабочего класса США после окончания войны ухудшилось прямо и косвенно. Прекращение сверхурочной работы и рост цен повлекли за собой падение номинальной и реальной заработной платы.

Рост цен сокращал реальную заработную плату гораздо сильнее, чем показывала официальная статистика. По официальным данным, ко времени отмены контроля над ценами (к 1 июля 1946 г.) индекс стоимости жизни в США был на треть выше, чем до войны. Но этот индекс не

²⁰ Когда этот билль обсуждался в палате представителей, конгрессмен Уиттингтон из Миссисипи заявил: «Я не представляю себе более вредного мероприятия». Конгрессмен Хар из Южной Каролины сказал: «Полная занятость — синоним пособия по безработице». А конгрессмен Смит из Огайо воскликнул: «Рассматриваемый билль призван под видом защиты свободы надеть на американский народ оковы» («New Republic», 11.II 1946, p. 207).

²¹ «Congressional Record», 23.II 1966, p. 3716.

²² В 1976 г. к 30-летию существования закона о занятости в конгрессе США констатировали бессилие этого закона в борьбе с безработицей. За 30 лет безработица составляла в среднем 4,9% и дошла в 1975 г. до 8,6% рабочей силы страны. У негров этот процент в том же году доходил до 26 («Congressional Record», 30.III 1976, p. E1635).

учитывал роли «черного рынка» в повышении стоимости жизни в Соединенных Штатах.

Недостаток продуктов по фиксированным ценам, в частности мяса, ставил население США покупать продукты по повышенным ценам. Отмена контроля над ценами показала, насколько действительно выросла стоимость жизни.

За все четыре года участия США в войне индекс цен на пищевые продукты вырос на 47,7 пункта, а за 11 дней после отмены контроля над ценами — на 64,3 пункта. Цены на пшеницу за эти дни дошли до самого высокого уровня за истекшие со времени окончания первой мировой войны 27 лет, цены на масло выросли больше чем на 30%, дойдя до самого высокого уровня в истории США²³.

В то время как заработная плата падала, прибыль капиталистов росла. За первый квартал 1946 г. эта прибыль была выше, чем за первый квартал 1945 г., когда США воевали в Европе и на Тихом океане. По сравнению с последним месяцем войны против Германии (апрель 1945 г.) в апреле 1946 г. дивиденды, выплаченные корпорациями США, выросли на 9,4%²⁴.

Такой рост дивидендов наблюдался, несмотря на небывалые стачки, реконверсию и сохранявшийся еще контроль над ценами. После отмены контроля над ценами монополии получили новые возможности для увеличения своих барышей.

На требования профсоюзов о повышении заработной платы капиталистические компании отвечали отказом, мотивируя это тем, что они не могут увеличить заработную плату без увеличения цен на продукцию своих предприятий.

Многочисленные обследования, произведенные официальными лицами и авторитетными экономистами, свидетельствовали о возможности повышения заработной платы без повышения цен. Из докладов, опубликованных в результате различных обследований, наиболее известным и авторитетным явился в 1946 г. отчет бывшего заместителя начальника Управления реконверсии Роберта Натана. Натан пришел к выводу, что заработная плата может быть повышена на 25% без повышения цен.

Для подтверждения этого вывода в этом отчете приводятся следующие цифры: прибыль корпораций после уплаты налогов была в 1946 г. в 1,5 раза выше самых высоких прибылей военного времени. Доход корпораций вырос с начала второй мировой войны больше, чем заработная плата рабочих и служащих. Во вторую половину 1946 г. прибыль в процентном соотношении к стоимости реализованной продукции была почти в 2 раза выше, чем в 1936—1939 гг. В последнем квартале 1946 г. прибыль на капитал корпораций превысила более чем в 3 раза соответствующую прибыль в 1936—1939 гг.

Отсюда в своем отчете Роберт Натан пришел к выводу, что если процент чистой прибыли на капитал корпораций сохранить на уровне 1936—1939 гг., можно, не повышая цен, повысить заработную плату во всей промышленности на 25%, а в обрабатывающей — на 21%. В этом отчете также доказывалось, что, для того чтобы восстановить заработную плату на уровне января 1945 г., необходимо ее повысить во всей обрабатывающей промышленности в среднем на 23%, в сталелитейной — на 25,7, а в автомобильной — на 28,4%.

²³ «U. S. News and World Report», 19.VII 1946, p. 16.

²⁴ «New Republic», 15.VII 1946, p. 27.

Свой отчет Натан заключил утверждением, что сложившееся после войны «нездоровое» соотношение между заработной платой и прибылью, сокращение потребления широких масс неминуемо ведут к тяжелому кризису производства²⁵.

Еще примерно за год до опубликования отчета Натана официальные правительственные органы пришли к тому же выводу, что можно повысить заработную плату, не повышая цен. 25 октября 1945 г. Управление военной мобилизации и реконверсии опубликовало доклад, в котором утверждалось, что промышленность в целом может увеличить заработную плату рабочим на 24% без повышения цен, а наиболее прибыльные отрасли производства могут повысить заработную плату в больших размерах²⁶.

Активную борьбу за повышение заработной платы вели рабочие, входившие в Конгресс производственных профсоюзов (КПП). Им противостояли организации монополистического капитала США, в особенности его основные объединения — Национальная ассоциация промышленников (НАИ) и Торговая палата США.

Торговая палата США, объединяющая наряду с промышленниками владельцев торгового и ссудного капитала, представляет капиталистов и капиталистические фирмы, которые непосредственно с рабочими и их заработной платой не сталкиваются. Она, разумеется, вела антирабочую политику, активно поддерживая послевоенное антирабочее законодательство. Но главную, непосредственную борьбу против повышения заработной платы после войны повела НАИ.

Существующая с 1895 г., НАИ проводит политику крупного промышленного капитала. К концу второй мировой войны в НАИ в качестве ее членов входило около 12 тыс. фирм и свыше 40 тыс. крупных промышленников. Она имеет несколько десятков комиссий, занимающихся тарифами, налогами, патентами и другими вопросами. Но после окончания войны наиболее важными ее органами считались три комиссии, занимавшиеся взаимоотношениями капиталистов и рабочих: политическая комиссия, комиссия по рабочему законодательству и комиссия по переговорам с рабочими.

НАИ создала свой совет по вопросам реконверсии, который после окончания войны требовал немедленной ликвидации всех видов государственного контроля в промышленности, в частности контроля над ценами. Она всячески боролась против возложения на государство ответственности за полную занятость населения. И по вопросу о ценах, и по вопросу о билле Мэррея конгресс США полностью удовлетворил требования НАИ.

НАИ обрушилась на отчет Натана. Она утверждала, что выводы этого отчета о необходимости повышения заработной платы для поддержания покупательной способности широких масс неверны; что, наоборот, повышение заработной платы повлечет за собой рост цен, а рост цен понизит покупательную способность населения. НАИ категорически возражала против повышения заработной платы.

Однако суть дела заключалась не в выдвинутых ею аргументах и не только в позиции НАИ в вопросе о заработной плате. Речь шла об общем наступлении, которое монополистический капитал США повел на позиции, завоеванные организованными американскими рабочими в 30-х го-

²⁵ «New Republic», 23.XII 1946, p. 860.

²⁶ Warne C. Labor in Postwar America. N. Y., 1949, p. 406.

дах. Собираясь «руководить миром», крупный американский капитал решил прежде всего «навести порядок» у себя дома, «ликвидировать», как предлагал представитель «Дженерал моторс» еще в 1941 г., «радикальные и другие разрушительные влияния в Америке».

Осенью 1945 г. заместитель председателя Объединенного союза рабочих автомобильной промышленности Р. Франкенштайн сообщил, что летом 1944 г. на секретном собрании бизнесменов в Атлетическом клубе Детройта было решено повести всеобщую кампанию против профсоюзов, когда наступит время реконверсии²⁷.

Руководители промышленных предприятий и корпораций, следуя советам НАП, в переговорах с представителями профсоюзов упорствовали, занимали непримиримые позиции. В результате волна забастовок, охвативших США после окончания войны, поднялась до небывалых в истории страны размеров.

В 1945 г. бастовали 3467 тыс. рабочих. 1946 год с числом бастующих рабочих 4650 тыс. побил, как уже было выше отмечено, рекорд в истории США. Основные стачки происходили в автомобильной, сталелитейной, электротехнической и угольной промышленности, на железных дорогах и среди рабочих морского транспорта.

Борьба за повышение заработной платы в автомобильной промышленности началась сразу после капитуляции Японии. Автомобильная промышленность, являясь в известной мере ключевой отраслью американского производства, дает большие заказы сталелитейной, резиновой, текстильной, кожевенной, электротехнической и другим отраслям промышленности. В то же время заработная плата на автомобильных заводах сократилась после окончания войны (как мы уже видели из отчета Натана) больше, чем на других предприятиях обрабатывающей промышленности США.

За год до опубликования отчета Натана, через неделю после появления упомянутого доклада Управления военной мобилизации и реконверсии, министр торговли США Уоллес опубликовал свои подсчеты, относящиеся специально к автомобильной промышленности. Уоллес утверждал, что в 1946 г. заработную плату на автомобильных заводах можно увеличить на 25%²⁸.

Рабочие автомобильных заводов требовали повышения заработной платы на 30%, так как прекращение сверхурочной работы примерно на столько же сократило их заработок. Конфликт начался прежде всего на заводах Форда. Три гигантские монополии в автомобильной промышленности США — «Дженерал моторс», «Крайслер» и «Форд», беспощадно конкурирующие друг с другом, выступали теперь, как всегда, когда дело касалось борьбы с рабочим классом, заодно. Все они объявили, что не смогут продолжать деятельность своих предприятий, если удовлетворят требования Объединенного союза рабочих автомобильной промышленности.

Когда конфликт назрел, Форд решил закрыть несколько заводов и переклассифицировать их с производства автомобилей модели «Т» на модель «А». Основная борьба сосредоточилась на заводах «Дженерал моторс». Администрация «Дженерал моторс» не только отказалась повысить заработную плату на 30%, но и кричала на всех перекрестках, что требования рабочих — это «революция», «социализация» и «смерть частного предпринимательства»²⁹.

19 октября президент «Дженерал моторс» Вильсон предложил представителям Объединенного союза рабочих автомобильной промышленности совместно ходатайствовать перед конгрессом США пересмотреть закон о продолжительности рабочего времени, с тем чтобы удлинить рабочую неделю на пять часов и, таким образом, соответственно увеличить заработную плату. Это предложение было отклонено, как и предложение об увеличении заработной платы на 13,5 цента, при условии согласия Объединенного союза, с тем чтобы «Дженерал моторс» получила основание требовать от администрации по контролю над ценами разрешения на повышение цен на свою продукцию в условиях небывалого спроса на автомобили.

После дальнейших бесплодных переговоров 19 ноября 1945 г. заместитель председателя Объединенного союза автомобильных рабочих, возглавлявший профсоюзную организацию на заводах «Дженерал моторс», У. Рейтер потребовал передачи конфликта на арбитраж. Рейтер требовал ответа в течение 24 часов. Ответа не последовало.

21 ноября забастовали 200 тыс. рабочих заводов «Дженерал моторс» (стачка затянулась на четыре месяца и закончилась 26 марта 1946 г.).

10 декабря 1945 г. озлобленная администрация «Дженерал моторс» объявила, что она аннулирует соглашения, заключенные с рабочими на основе указаний Национального совета трудовых отношений. Она, в частности, угрожала восстановлением «открытой мастерской»³⁰.

Через 10 дней после начала забастовки в конфликт вмешался президент США Трумэн. 14 декабря он назначил комиссию для установления фактов и выработки рекомендаций для соглашения.

10 января 1946 г. комиссия рекомендовала увеличить заработную плату на 19,5 цента в час, что означало повышение ее на 17,5% без увеличения цен на автомобили. Она также предложила восстановить соглашения, аннулированные администрацией «Дженерал моторс».

Правительство Трумэна старалось разыгрывать роль беспристрастного арбитра. Но это ему не удалось. 14 февраля оно объявило новую политику заработной платы и цен, позволяющую повышать цены, если интересы компании страдают в результате изменений, внесенных в заработную плату.

После этого правительственного решения позиции борющихся рабочих, возражавших против повышения цен на автомобили, ослабли. Повышение цен на такой важный в условиях США товар, как автомобиль, неминуемо должно было повлечь за собой рост цен на ряд других товаров, что в конечном итоге должно привести к росту стоимости жизни и к сведению на нет выгод от номинального повышения заработной платы.

Борьба бастующих рабочих против роста цен на автомобили находила поддержку и одобрение в самых широких слоях американского народа. Но вмешательство правительства Трумэна заставило профсоюзы пойти на уступки.

После 16 недель борьбы рабочие заводов «Дженерал моторс» решили вернуться к работе. Администрация «Дженерал моторс» согласилась повысить заработную плату на 18,5 цента в час. Она также пошла на некоторые уступки в отношении отпусков и сверхурочной работы, что в общем было равносильно увеличению заработной платы на 19,5 цента в

²⁷ «Political Affairs», December 1945, p. 1070.

²⁸ Warne C. Op. cit., p. 407.

²⁹ «New Republic», 14.I 1946, p. 41.

³⁰ «Открытой мастерской» (open shop) в США называется предприятие, администрация которого не признает ни профсоюза, ни коллективного договора, а лишь компанийский (хозяйский) союз и индивидуальное соглашение с каждым отдельным рабочим.

час, или на 17,5%. Администрация «Дженерал моторс» также обязалась не подвергать дискриминации рабочих за участие в забастовке.

Так закончилась большая послевоенная стачка на разбросанных в 50 американских городах 92 заводах крупнейшей в мире автомобильной компании. Нанесенный ею ущерб оценивался американской статистикой суммой свыше 1 млрд. долл.³¹

Другие две крупные автомобильные компании — «Форд» и «Крайслер», видя, как упорно развивается стачка на заводах «Дженерал моторс», пошли на уступки еще раньше. В конце января 1946 г. Форд согласился повысить заработную плату на 18 центов, а Крайслер — на 18,5 цента в час.

С середины 1946 г. в связи с отменой с 1 июля контроля над ценами наблюдались дальнейший рост стоимости жизни и падение реальной заработной платы. После длительных переговоров в апреле 1947 г. автомобильные и некоторые другие крупные компании согласились повысить заработную плату на 15 центов в час.

Согласно произведенным в США подсчетам, с января 1941 до мая 1947 г. номинальная почасовая заработная плата на автомобильных заводах США увеличилась на 60%. Но эти подсчеты показали также и то, что реальная заработная плата, покупательная способность рабочих в мае 1947 г. были ниже, чем в январе 1941 г.³²

Через два месяца после начала стачки на заводах «Дженерал моторс», 21 января 1946 г., забастовало более 750 тыс. рабочих сталелитейной промышленности на заводах, расположенных в 30 штатах.

Сталелитейщики также требовали увеличения заработной платы на 25 центов в час. Потом, когда в автомобильной промышленности рабочие согласились на повышение почасовой заработной платы на 18,5 цента, сталелитейщики тоже согласились на такое же увеличение. Стальные компании ответили, что они пойдут на это лишь в том случае, если правительство разрешит им повысить цены на сталь в размере 7,5 долл. за тонну.

Начальник Управления по контролю над ценами Честер Боулз утверждал, что, учитывая отмену специального военного налога и возвращение части уплаченных налогов, сталелитейные компании могут удовлетворить требования рабочих о повышении заработной платы и иметь достаточную прибыль, если цены на сталь поднять лишь на 2,5 долл. за тонну.³³

Правительство США, верное стальным трестам, разрешило увеличить цифру, предложенную Боулзом, в 2 раза. Сталелитейные компании согласились. После четырех недель забастовки рабочие сталелитейных заводов вернулись к работе. Цена за тонну стали была увеличена в среднем на 5 долл. Почасовая заработная плата повысилась на 18,5 цента и была доведена в среднем до 96,5 цента.

В США отмечали, что в результате забастовки в начале 1946 г. сталелитейная промышленность недодала 6 млн. т стали и недоплатила около 100 млн. долл. заработной платы.

1 апреля 1946 г. забастовали углекопы. Стачка охватила 400 тыс. шахтеров. Добыча угля сократилась примерно в 15 раз. Запасы топлива в стране быстро исчерпались. 10 мая, когда топливный кризис достиг критических размеров, бастующие шахтеры сами предложили прервать стачку

на две недели, с тем чтобы обеспечить топливом наиболее важные национальные нужды. Фактически работа была возобновлена на восемь дней — с 14 до 22 мая.

21 мая правительство взяло угольные шахты в свои руки, 25 мая президент Трумэн внес предложение о том, чтобы конгресс США предоставил ему чрезвычайные полномочия для предотвращения стачек на предприятиях, взятых под государственный контроль.

К концу этого месяца нехватка угля вызвала такую тревогу, что президент, сам занимавшийся этим вопросом, вынужден был добиваться соглашения с бастующими рабочими. 29 мая министр внутренних дел Джеймс Круг от имени правительства США подписал с председателем Объединенного союза горняков Джоном Льюисом соглашение, по которому заработная плата рабочих повышалась на 18,5 цента в час. Заработная плата во время отпуска, составлявшая 75 долл. в год, была повышена до 100 долл. Кроме того, ввиду антисанитарного состояния шахт и плохого санитарно-медицинского обслуживания углекопов решено было в целях улучшения культурного и медицинского обслуживания шахтеров создать специальный фонд, куда должны были отчисляться 5 центов на каждую тонну от общей суммы проданного угля. Правительство со своей стороны обязалось составить федеральный кодекс по соблюдению техники безопасности в шахтах. Раньше условия работы в шахтах зависели всецело от местных властей.

Однако это соглашение носило временный характер. Оно имело законную силу до тех пор, пока шахты находились в ведении правительства. Шахтовладельцы южных штатов категорически отказались признать соглашение, подписанное министром Кругом и профсоюзным лидером горняков Льюисом.

Между тем в связи с отменой контроля над ценами и ростом стоимости жизни продолжалось дальнейшее движение за повышение заработной платы. 15 ноября 1946 г. Льюис предупредил, что через пять дней его соглашение с Кругом прекратит свое действие.

20 ноября шахтеры опять забастовали. На этот раз Льюис, как и неоднократно в прошлом, занимал неопределенную, колеблющуюся позицию. 17 декабря он заявил о прекращении стачки, не добившись положительных результатов.

Конфликты в угольной промышленности продолжались и завершились в конце июня 1947 г. стачкой 200 тыс. шахтеров. 30 июня правительство вернуло большинство шахт владельцам. В июле шахтовладельцы подписали соглашение. Заработная плата углекопам была повышена на 15 центов в час, а отчисления в фонд культурного и медицинского обслуживания шахтеров были увеличены с 5 до 10 центов на каждую тонну из общей суммы, вырученной от продажи угля.

После отмены контроля над ценами расходы, вызванные новым соглашением, шахтовладельцы с лихвой компенсировали. Угольная компания Питтсбурга, например, в результате указанного соглашения с шахтерами увеличила расходы на добычу тонны угля на 38,5 цента. Цену же тонны угля она подняла на 75 центов.³⁴

23 мая 1946 г. забастовка железнодорожников парализовала на двое суток движение поездов во всех штатах. Впервые в истории США стачка приостановила железнодорожное движение по всей стране. Президент Трумэн обрушился на бастующих железнодорожников, сравнивал их с японцами, напавшими на Пирл-Харбор. 25 мая он выступил в конгрессе

³¹ *Warne C. Op. cit.*, p. 412.

³² *Ibid.*, p. 416.

³³ «Congressional Record», 23.V 1946, p. A3074.

³⁴ *Warne C. Op. cit.*, p. 382.

с предложением предоставить ему, как главнокомандующему, полномочия «мобилизовать в вооруженные силы США всех рабочих, бастующих против государства». Трумэн считал, что достаточно объявить железные дороги находящимися в ведении правительства, чтобы обвинить любого железнодорожника, участвующего в стачке, бастующим против государства.

Предложение Трумэна вызвало такое негодование, что лидер оппозиции в сенате архиреакционер Тафт не преминул воспользоваться этим. Сенатор Тафт заявил, что предложение президента США о мобилизации бастующих рабочих в вооруженные силы «оскорбляет не только конституцию, но и основные принципы, на которых базируется американская республика».

Конфликты на железных дорогах продолжались. В конце 1947 г. Трумэн снова объявил железные дороги находящимися в ведении правительства. Однако на этот раз он не угрожал бастующим рабочим мобилизацией в вооруженные силы. Лишь весной 1948 г. было достигнуто соглашение, по которому железнодорожники добились повышения заработной платы, которое примерно соответствовало росту заработной платы в промышленности.

5 сентября 1946 г. началась забастовка работников морского транспорта. Приняв вскоре общеамериканские размеры, она одно время охватывала почти 500 тыс. человек. Как большая общеамериканская стачка она продолжалась до 14 сентября, но отдельные категории работников морского транспорта бастовали 10—12 недель.

16 января 1946 г. развернулась стачка на всех крупных предприятиях мясоконсервной промышленности США. Руководители стачки разрешили мелким предприятиям продолжать работу для снабжения госпиталей, больниц и удовлетворения других наиболее важных общественных нужд. Через 10 дней правительство взяло заводы, охваченные стачкой, в свои руки. Рабочие, получив заверение о повышении заработной платы, вернулись к работе. Но конфликт в мясоконсервной промышленности затянулся на несколько месяцев.

Стачка в мясоконсервной промышленности послужила примером дружного совместного выступления белых и негритянских рабочих. Попытка капиталистов, как в прошлом, натравливать рабочих с разным цветом кожи друг против друга теперь не удалась. Негры проявили большую организованность и взяли на себя основное бремя пикетирования.

15 января 1946 г. началась забастовка рабочих электротехнической промышленности. В стачке приняли участие 200 тыс. рабочих, занятых на 78 заводах компаний «Дженерал электрик», «Вестингауз» и «Дженерал моторс». Рабочие требовали повышения заработной платы на 25 центов в час. 9 февраля «Дженерал моторс» согласилась увеличить заработную плату. «Дженерал электрик» пошла на такое соглашение 13 марта, а «Вестингауз» — лишь 9 мая 1946 г.

Многочисленные стачки происходили и в других отраслях производства. В 1946 г. были проведены всеобщие стачки в городах Рочестер (штат Нью-Йорк), Окленд (штат Калифорния), Ланкастер (штат Пенсильвания), Хьюстон (штат Техас) и Камден (штат Нью-Джерси).

Правительство Трумэна энергично защищало интересы предпринимателей. В ряде случаев, как мы видели, в борьбе с бастующими рабочими правительство в интересах монополий брало предприятия, охваченные стачками, в свои руки.

Коммунистическая партия США всячески помогала бастующим рабочим, организовывала пикеты и обеспечивала их обслуживание пищей и литературой. Во многих случаях она внесла большой вклад в поло-

жительный исход стачек. Но все же сказывался ревизионизм истекших лет.

На многих предприятиях, где рабочие бастовали, коммунистов совсем не было. Только что покончившая с ликвидаторством Э. Браудера Коммунистическая партия США оказалась не в состоянии использовать небывалую стачечную волну для объединения рабочего класса против готовившегося политического наступления реакции.

Невиданная ранее стачечная волна в США, повторяем, имела политическое значение и политические последствия. В разгар стачек среди бастующих рабочих были слышны голоса о необходимости создания третьей, массовой партии американского пролетариата. Но эти голоса не получили широкого отклика. В отличие от стачек, последовавших за первой мировой войной, забастовки 1945—1946 гг. не выдвигали политических программ.

Во всех крупных стачках, развернувшихся в 1945—1946 гг., несмотря на то что бастующим рабочим противостояли гигантские тресты, величайшие монополии американского капитала, их специальные организации (Национальная ассоциация промышленников, Торговая палата и др.), а также правительство, конгресс и государственный аппарат, борьба рабочих увенчалась успехом, они добились повышения заработной платы.

Капиталисты вначале упорствовали, торговались, но потом вынуждены были пойти на компромиссы и уступки.

Конечно, предприниматели не впервые применяли эту тактику. Идя на уступки, они переносят издержки повышения заработной платы на рабочего — за счет интенсификации труда — и на потребителя — за счет повышения цен. В результате рост заработной платы, как правило, сопровождается еще большим ростом прибылей. Но такое положение было всегда. И все же в прошлом капиталисты не так быстро шли на уступки, как в 1946 г.

Величайшая в истории стачечная волна, большие массовые забастовки, прокатившиеся по стране, впервые в истории США обошлись без вооруженных столкновений, без мобилизации национальной гвардии, без вмешательства войск.

Международное положение и внутривнутриполитическая обстановка заставили правительство и большинство конгресса США склонить капиталистов к компромиссу.

В условиях выросшего в итоге войны международного авторитета СССР и образования содружества социалистических государств разжигание и обострение классовой борьбы в США дискредитировало бы американский капитализм, ослабило бы его позиции в борьбе двух систем, в проведении самонадеянно поставленной им цели — осуществлять политику руководства миром.

В ноябре 1946 г. предстояли выборы в новый, 80-й конгресс США. Правительство и большинство прежнего, 79-го конгресса принадлежали к демократической партии, позиции которой со времени смерти Франклина Рузвельта значительно ослабли. Разжигание и углубление классовой борьбы в стране перед выборами были весьма некстати для демократической партии и ее представителей в конгрессе.

Монополистический капитал США, идя в 1946 г. на экономические уступки, на компромиссы и соглашения в вопросах заработной платы, готовился к политическому наступлению в 1947 г.

3. Начало президентства Трумэна

«Средний американец» в Белом доме. Галантерейщик из г. Индепенденс. Протеже Т. Пендергаста. Председатель комиссии сената. Вице-президент и президент США. Смена кабинета и аппарата президента Рузвельта. Поражение демократов на выборах в 80-й конгресс

Окончание войны с Германией и реконверсия совпали с началом президентства Трумэна. 12 апреля 1945 г., через два часа после того, как Трумэн узнал о смерти Франклина Рузвельта, он принял в Белом доме полагающуюся по конституции присягу. Гарри Трумэн стал 33-м президентом США.

В истории США было немало «серых» президентов. Еще в 1861 г. Маркс писал, что «за последние два десятилетия в Соединенных Штатах выработалась своеобразная практика» выбирать в президенты людей, являющихся «неизвестными посредственностями»³⁵.

Трумэн мог вполне выдержать соперничество с такими бледными фигурами, обитавшими в Белом доме после первой мировой войны, как Гардинг и Кулидж. Но он заменил Франклина Рузвельта.

Трумэну пришлось возглавить государство после второй мировой войны. Он был первым президентом, который отказался от вековой традиции и заключил военные союзы со многими государствами. Начало его президентства совпало с началом использования атомной энергии для военных целей. В условиях новых больших и сложных внутренних и международных проблем особенно отчетливо проявились духовная скудость, политическая ограниченность и неуклюжесть Трумэна.

«Ограниченность, — писал один его биограф, — слово, характеризующее Гарри Трумэна. Он имеет ограниченное представление о стоящих проблемах, ограниченное воображение и особенно ограниченное чувство личной инициативы»³⁶.

К первой годовщине его пребывания в Белом доме редактор газеты самого большого города родного штата Трумэна — Сент-Луиса писал: «Мы в Миссури никак не можем забыть, что мистер Трумэн «политическая случайность». Мы знали его как неудачного фермера и мелкого торговца, включившегося в местную политику, чтобы зарабатывать на жизнь»³⁷.

Появление Трумэна в Белом доме резко подчеркивало значение потери Рузвельта. Через полтора года после смерти Рузвельта известный американский журнал констатировал, что у Трумэна отсутствуют опыт и престиж³⁸.

К концу первого его президентства Уолтер Липпман писал: «Я думаю, не будет преувеличением сказать, что положение правительства Трумэна представляет серьезную проблему для страны... Главная опасность вытекает из того факта, что мистер Трумэн не подготовлен и не обнаруживает способности выполнять обязанности верховного командира... Заседаниям правительства Трумэна, где принимаются важнейшие решения, чреватые самыми серьезными дипломатическими и военными последствиями, не хватает авторитетности и ответственности. Там нет никого, кто бы руководил, направлял, координировал и дисциплинировал деятельность правительства»³⁹.

³⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 390.

³⁶ Allen R. The Truman Merry-Go-Round. N. Y., 1950, p. 5.

³⁷ «Nation», 20.IV 1946, p. 455.

³⁸ «Nation», 16.XI 1946, p. 548.

³⁹ Allen R. Op. cit., p. 30.

17 мая 1948 г. нью-йоркский журнал «New Republic», всесторонне характеризуя президента США, писал: «Гарри Трумэн не обладает ни одним качеством, необходимым президенту. Стоящие перед ним задачи совершенно недоступны его узкому кругозору и ограниченным способностям, что известно каждому работавшему с ним».

Все, знавшие Трумэна, удивлялись: как он стал президентом? Он сам удивлялся. Когда он узнал о смерти Рузвельта, он заявил: «У меня такое чувство, как будто луна, звезды и планеты свалились на меня». Желая сделать ему комплимент, говорили: «Трумэн не дурак». Но при этом не утверждали, что он умный. Его, как в свое время президента Гардинга, выдавали за «среднего человека среднего ума, среднего американца среднего американского города». Писали, что Трумэн — человек, которого «следует жалеть, но не следует порицать»⁴⁰.

В 1944 г., когда его выбрали кандидатом в вице-президенты США, он, самодовольный, счастливый и гордый, отправился в специальном поезде произносить речи в штатах. Когда содержание его речей дошло до Белого дома, Рузвельт телеграфировал сопровождавшему в поездке Трумэна Джорджу Эллену: «Удержите его от всех этих ужасно глупых выступлений»⁴¹.

Трумэн верил в правило, которым руководствовались президенты США в середине прошлого века: «То правительство лучше, которое правит меньше»⁴². После активного и не всегда желательного для господствующих монополий вмешательства Рузвельта в хозяйство запоздалые взгляды Трумэна импонировали крупному капиталу. В правительстве США Трумэн не руководил, а председательствовал, не направлял, а санкционировал или отвергал. И это правилось действительным хозяевам страны. В кругах крупного капитала поговаривали, что в сложное послевоенное время предпочтительно иметь в Белом доме «среднего» или «маленького человека», так как «большой человек», способный идти на большой риск, может совершать большие ошибки.

Вот этот «средний человек» среднего роста, с плотно сжатыми губами, неестественной, недоверчивой улыбкой, с холодными карими глазами, неуверенно глядевшими сквозь большие стекла очков, стал в возрасте 60 лет руководителем государства и правительства США. Он возглавлял государство в течение почти восьми лет, насыщенных крупными политическими внутренними и международными событиями.

Через несколько месяцев после его переезда в Белый дом Институт общественного мнения Дж. Гэллана утверждал, что 87% опрошенных граждан страны одобряют деятельность Трумэна как президента США⁴³. Эти итоги, по данным Гэллана, были на 3% выше того максимального уровня, который когда-либо получал Франклин Рузвельт при соответствующем опросе населения. Правда, в конце следующего, 1946 г. при таком же опросе общественного мнения за Трумэна высказалось лишь 32%, а в 1948 г. — 36%⁴⁴. Но в том же, 1948 г. он победил на президентских выборах. Отношение общественности к Трумэну неоднократно резко менялось. Временами он обнаруживал удивительную, загадочную силу, оказывал влияние на широкие круги избирателей.

В чем заключалась «таинственная сила» 33-го президента США?

⁴⁰ «Fortune», January 1946, p. 242.

⁴¹ Allen R. Op. cit., p. 14.

⁴² «Fortune», January 1946, p. 235.

⁴³ «Harper's Magazine», July 1948, p. 28.

⁴⁴ «New Republic», 17.V 1948, p. 25; «Current History», October 1964, p. 221.

Трумэн при всей ограниченности не был простачком, лишенным силы воли и сообразительности. Он превосходно знал партийно-политический механизм, прекрасно понимал, как создается общественное мнение, как обеспечивается победа на выборах. Он, как увидим дальше, был сугубо фальшивым и осторожным человеком, оберегающим свою репутацию, умеющим не навредить себе противников среди тех, кто влияет на массу избирателей и представляет реальную политическую силу.

Во время президентской кампании 1948 г. один американский журнал писал: «Гарри Трумэн, испытывающий недостаток почти во всем, что необходимо лидеру, испытывающий даже недостаток в воле к руководству, в общем и целом справлялся с стоявшими перед ним задачами совсем неплохо»⁴⁵.

Роль Трумэна в послевоенной истории США нам станет более ясной, если в самых общих чертах рассказать, как этот провинциал, который никогда не занимал поста в масштабе штата, добрался до высшей должности в стране.

Гарри Трумэн родился в 1884 г. в небольшом городе Индепенденс (штат Миссури) в семье фермера и торговца скотом. В восемь лет, когда он пошел в школу, он уже носил очки. Трумэн рассказывает в своих мемуарах, что в школьные годы он избегал играть с мальчиками, так как боялся, что они разобьют очки и повредят ему глаза. Он много читал, увлекался исторической литературой, биографиями выдающихся политических деятелей, что ему пригодилось, когда он стал президентом США⁴⁶. Но больше всего он налегал на Библию. По настоянию своей матери он учился играть на рояле, хотя не имел к музыке ни призвания, ни рвения. Все же, как дилетант, он научился играть и охотно демонстрировал свой «музыкальный талант», где только представлялась возможность. «Миссурийский вальс» он играл даже в 1945 г. на Потсдамской конференции глав трех правительств.

Окончив в 17 лет школу, Трумэн отправился искать счастья во второй по величине город его штата — Канзас-Сити. Там он работал в аптекарском магазине, в экспедиции газеты, клерком в банке, табельщиком на строительстве железной дороги и затем бухгалтером. Его мечты о карьере в городе разбились. Разочарованный, после пяти лет пребывания в Канзас-Сити он в 1906 г. вернулся на ферму, где оставался до вступления США в первую мировую войну.

Еще в 1905 г. Трумэн вступил в национальную гвардию, служба в которой обычно совмещается с постоянной гражданской работой. Через 12 лет, в 1917 г., когда США вступили в первую мировую войну, 33-летний фермер Трумэн дослужился до звания лейтенанта артиллерии. В армии он ведал полковой лавкой. В 1918 г. его послали во Францию в чине капитана артиллерии. Он прибыл со своей батареей на фронт в сентябре 1918 г., за два месяца до капитуляции Германии, через полтора месяца после начала большого и последнего наступления союзных армий, через три недели после заявления Людендорфа о том, что «великая игра закончена». Пребывание Трумэна в артиллерии наступавшей американской армии не отмечалось ни риском, ни храбростью. Но он вернулся в Америку фронтовиком, участником Аргониского наступления. Он был демобилизован в звании майора запаса.

Трумэн вернулся в Канзас-Сити и открыл там вместе с компаньоном магазин мужского белья. В 1921 г., во время экономического кризиса,

торговое заведение Трумэна рухнуло. Он потерял собственные сбережения в 15 тыс. долл. и остался должником на 20 тыс. долл. Мечтавший с детства, с тех пор как начитался исторической литературы, о политической карьере, Трумэн не растерялся. Он удачно использовал свое материальное разорение. В отличие от своего компаньона он, имея все возможности, категорически отказался объявить себя банкротом и обязался постепенно выплачивать долг.

Долг Трумэна никогда не был полностью погашен. Он неоднократно переоценивался в банках и во много раз сокращался⁴⁷. Но его расчеты оправдались и помогли ему стать сенатором, вице-президентом и президентом США.

Трумэн еще не успел ликвидировать бельевую торговлю, как переключился на политику. Во Франции он служил в одной артиллерийской части с Джимом Пендергастом, племянником всемогущего босса, который железной рукой управлял аппаратом демократической партии города Канзас-Сити и штата Миссури. Через племянника Трумэн нашел доступ к дяде, к Тому Пендергасту.

Для такого погрязшего в коррупции босса, как Том Пендергаст, торговавшего на выборах «мертвыми душами»⁴⁸, фермер, фронтовик Трумэн, активный деятель Американского легиона, отказавшийся от объявления себя банкротом, оказался находкой в борьбе с кандидатом республиканской партии за выборную должность. Для продажных боссов в США всегда существует проблема надежных кадров, людей, которым можно было бы доверять, которые из-за мелкой личной наживы не скомпрометируют своей партии в глазах избирателей. Таких людей в аппарате демократической партии штата Миссури нелегко было найти.

Потомственный фермер, баптист и масон, некурящий и непьющий, Трумэн внушил Пендергасту доверие в том, что он своего босса не подведет и свою партию не дискредитирует. Позже, когда Трумэн стал национальной фигурой, Том Пендергаст оказался в тюрьме за сокрытие от налога дохода в полмиллиона долларов, полученных в виде взяток от страховых компаний⁴⁹. Тогда Трумэн утверждал, что «Пендергаст никогда не предлагал ему совершать нечестные дела»⁵⁰.

В 1922 г. Трумэн был выбран судьей графства Джексон, а в 1926 г. — председателем суда этого графства. В 1923—1925 гг. он посещал юридическую школу Канзас-Сити. В 1934 г. стал с помощью Тома Пендергаста сенатором США.

Сам Трумэн энергично боролся на выборах в сенат против кандидата республиканцев, выдавал себя за беспрекословного поборника мероприятий Франклина Рузвельта. К 1934 г. авторитет Рузвельта настолько вырос в стране, что республиканцы потерпели небывалое ранее поражение на выборах в конгресс. Но в штате Миссури один авторитет президента США казался недостаточным для обеспечения победы кандидата демократической партии на выборах. Через два года было официально установлено, что аппарат Пендергаста прибавил 86 тыс. мнимых избирателей к числу голосов, поданных за Трумэна⁵¹.

В сенате США первые годы Трумэн соблюдал правило, гласящее, что «новый сенатор должен быть видимым, но неслышимым», как благовоспитанное дитя. Став членом верхней палаты, Трумэн следовал со-

⁴⁵ «Harper's Magazine», July 1948, p. 34.

⁴⁶ Truman H. Memoirs. N. Y., 1955, v. 1, p. 116, 119—121.

⁴⁷ Truman H. Op. cit., p. 135.

⁴⁸ Allen R. Op. cit., p. 8; Current Biography, 1945, p. 619.

⁴⁹ Miller M. Plain Speaking. N. Y., 1974, p. 153.

⁵⁰ «New Republic», April 30, 1945, p. 577.

⁵¹ Allen R. Op. cit., p. 8.

вету Пендергаста, которому обещал, что будет молчать и учиться⁵². Он изучал биографию каждого сенатора, старался завоевать расположение сильных людей в сенате не только демократов, но и республиканцев. Упорной работой, выполнением всевозможных трудоемких поручений ему это удалось. Наконец, он добился, чтобы его включили в комиссию по ассигнованиям, являющуюся, не считая комиссии по иностранным делам, самой важной комиссией сената США.

В сенате Трумэн голосовал за важнейшие мероприятия, предложенные или поддержанные правительством. Когда в конгрессе обсуждался какой-нибудь законопроект, Трумэн интересовался: «За него ли хозяин?»⁵³ Мнение Рузвельта о любом билле было, как правило, достаточно убедительным аргументом для Трумэна.

Правда, Трумэн голосовал против предложения правительства об увеличении налога на корпорации. Но он поддерживал все мероприятия, которые характеризовались словами «нью дил». Голосуя за «акт Вагнера» о трудовых отношениях, за социальное страхование, за минимальную заработную плату и высказываясь за другие биллы, входившие в рабочее законодательство «нью дил», Трумэн расположил в свою пользу профсоюзы. Высказываясь за сельскохозяйственную программу Рузвельта, Трумэн обеспечил себе популярность среди фермеров.

Заручившись поддержкой в среде фермеров и рабочих, Трумэн обеспечил себе победу во время переизбрания в сенат в 1940 г. На этих выборах он столкнулся с сильными соперниками внутри самой демократической партии, пытавшимися воспользоваться тем, что Трумэн — протеже Пендергаста, попавшего к тому времени в тюрьму. Но связь Трумэна с преступной деятельностью Пендергаста и его разгромленного аппарата доказать не удалось. Трумэн остался в 1940 г. кандидатом демократической партии в сенаторы от штата Миссури. Кандидата республиканской партии ему было сравнительно легко одолеть. Республиканцы в Миссури ассоциировались с изоляционизмом. Осенью 1940 г., когда происходили выборы в 77-й конгресс, изоляционизм не был в фаворе даже к западу от Миссисипи.

В 1941 г. Трумэн начал свой второй срок в сенате, уверенный и предприимчивый, готовый реализовать накопленный политический багаж. И случай ему представился.

В это время США энергично готовились к войне, увеличивали свои сухопутные и воздушные силы, проводили большую морскую программу, начали отправлять много грузов в Англию по ленд-лизу. За первые месяцы своей работы 77-й конгресс ассигновал свыше 25 млрд. долл. на военные цели.

Военные заказы промышленности росли с каждым месяцем. Вместе с ними росли злоупотребления. О злоупотреблениях, о расхищении государственных средств на строительстве военных объектов Трумэн, как и другие сенаторы, получал письма от граждан своего штата. В кулуарах конгресса и в стране участились разговоры, что контракты на различные военные сооружения и поставки правительство заключило почти исключительно с теми крупными корпорациями, которые связаны с членами Консультативного строительного совета военного министерства США. Обиженные капиталисты и корпорации всячески поддерживали и подогревали эти разговоры, апеллировали к палате представителей и сенату.

Члены конгресса неохотно откликались на сигналы о злоупотреблениях. Ведь речь шла о расследовании деятельности крупнейших в стране монополий, связанных с центральными военными органами. Трумэн взялся за дело.

По его рассказам, прежде чем официально что-нибудь предпринять, он инкогнито проехал на автомобиле около 50 тыс. км по стране, посетил военные лагеря и предприятия, в результате чего убедился, что слухи, циркулировавшие в Вашингтоне вокруг военных контрактов, имеют основание.

Конечно, трудно подтвердить или отрицать то, что Трумэн говорит о своем секретном путешествии. Но в марте 1941 г. по его предложению сенат создал специальную Комиссию по обследованию состояния национальной обороны⁵⁴. Председателем комиссии стал Трумэн.

Трумэн так организовал работу комиссии, что избегал конфликтов с сильными людьми. В особенности он оберегал авторитет правительства Рузвельта. Он утверждал, что задачи комиссии сводятся к оказанию помощи правительству, к тому, чтобы в военное время были рационально израсходованы государственные деньги. Против такой интерпретации задач никто возражать не мог. Одновременно комиссия Трумэна успокаивала заключившие военные контракты корпорации, заверяя, что эти контракты должны обеспечивать «разумную прибыль».

Все же кое-какие факты комиссия Трумэна предала гласности, и они вызвали тогда сенсацию в стране. Комиссия сообщила о действии в военное время соглашения между «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и германским химическим трестом «И. Г. Фарбениндустри».

С начала второй мировой войны, задолго до вступления в нее США, как только в стране развернулось большое военное строительство, в Вашингтон нахлынули представители крупных корпораций, объявивших, что «патриотический долг» побуждает их трудиться безвозмездно, дабы внести свою лепту в оборонные мероприятия государства. За этими «патриотами» сохранялись полностью оклады в представляемых ими фирмах. В Вашингтоне они получали символическое жалование — 1 долл. в год. Комиссия Трумэна обнаружила, что только за 11 месяцев начиная с июня 1940 г. 66 фирм, служащие которых работали в Вашингтоне «на государство» всего лишь за 1 долл. в год, получили заказы от военного и морского министерств США на 3 млрд. долл.⁵⁵

После вступления США в войну увеличились государственные заказы и военное строительство. Вместе с ними увеличились хищения, казнокрадство. Комиссия Трумэна установила, что стальные плиты, заказанные правительством США на заводах корпорации «Карнеги—Иллинойс» для военно-морского флота и для поставок по ленд-лизу, не соответствуют своему назначению и заключенному соглашению. Корпорация в погоне за наживой понизила себестоимость за счет качества брони, а продажные приемщики давали заключение, что стальные плиты соответствуют их спецификации⁵⁶.

Комиссия установила, что поступающие на вооружение авиационные моторы «Кэртис-Райт» также не соответствовали спецификации. В результате, помимо обмана государства, много людей, летавших на самолетах с дефектными моторами, поплатились жизнью. Более 400 моторов комиссия забраковала. Разоблачения такого рода до поры до времени,

⁵² Allen R. Op. cit., p. 9; Current Biography, 1945, p. 19.

⁵³ «Fortune», January 1946, p. 105.

⁵⁴ Special Senate Committee Investigating National Defence.

⁵⁵ Truman H. Op. cit., p. 179.

⁵⁶ Ibid., p. 185.

естественно, не доводились до сведения общественности. В отличие от Черчилля, доказывавшего, что тоннаж всех кораблей союзников, потопленных в 1942 г., составил 8200 тыс. т, комиссия Трумэна утверждала, что тоннаж только американских кораблей, потопленных в том году германскими подводными лодками, составлял 12 млн. т⁵⁷.

В общем работа комиссии, ее сенсационные отчеты сделали Трумэна известным в Вашингтоне и в стране человеком. Трумэн утверждал, что комиссия, которую он возглавлял более трех лет и работа которой стоила государству около 400 тыс. долл., сэкономила американским налогоплательщикам 15 млрд. долл.⁵⁸

В 1944 г., когда развернулась очередная президентская кампания, в демократической партии не было сомнений относительно нового выдвижения кандидатуры Рузвельта в президенты США. Трудности вызывала кандидатура в вице-президенты: Рузвельт ценил Уоллеса, который был вице-президентом с 1941 г. Уоллеса также поддерживал Конгресс производственных профсоюзов. Но он не вполне устраивал реакционных лидеров АФТ. Он также вызывал недовольство в партийном аппарате демократической партии. А главное, его кандидатура встречала большую оппозицию со стороны представителей Юга, играющих большую роль в демократической партии.

Рузвельт, готовясь в 1944 г. к решению больших послевоенных международных проблем, помня, как после первой мировой войны сенат свел на нет внешнеполитические усилия президента Вильсона, очень дорожил отношением к нему в сенате.

Другие кандидаты — бывший член верховного суда США Дж. Бирнс, член этого суда У. Дуглас и лидер демократов в сенате Э. Беркли не получали должной поддержки. Бирнс и Беркли — южане. Они не пользовались симпатией демократов на Севере. Ситуация сложилась так, что Трумэн оказался кандидатом, против которого в решающих и влиятельных партийных кругах, в частности среди представителей демократов в конгрессе, было меньше возражений, чем против других кандидатов.

В этих условиях бешеную активность в пользу Трумэна развернул председатель национального комитета демократической партии, бывший босс города Сент-Луис, который после провала Пендергаста стал главным боссом демократической партии штата Миссури.

Выдвижение в вице-президенты США кандидатуры Трумэна рассматривалось как компромисс между представителями различных частей страны. Штат Миссури расположен на стыке Севера и Юга, Востока и Запада. Консерваторы имели основание считать Трумэна своим человеком; особенно им понравилось то, что он голосовал против увеличения налогов на крупный капитал. Либералы возлагали на него надежду, поскольку он поддерживал основные мероприятия «нью дил» и высказывался за расширение избирательных прав негров.

В то же время Трумэн считался почетным гражданином на Юге, так как его предки активно поддерживали рабовладельцев в гражданской войне между северными и южными штатами. Хотя Трумэн голосовал за отмену избирательного налога, направленного против участия негров в голосовании, он энергично боролся против дальнейшего рассмотрения соответствующего билля, когда флибустьеры его провалили.

⁵⁷ Truman H. Op. cit., p. 183; Churchill W. The Second World War. London, 1951, v. 5, p. 5.

⁵⁸ Truman H. Op. cit., p. 186.

К тому же Трумэн нашел опору в профсоюзах. Председатель АФТ У. Грин, которому не нравился Г. Уоллес, обещал свою поддержку Трумэну. То же самое сделал председатель КПШ Ф. Мэррей, после того как кандидатура Уоллеса отпала.

Наконец, кандидатура Трумэна в вице-президенты США импонировала фермерам.

Трумэн, прекрасно зная, что ситуация сложилась исключительно в его пользу, притворялся, что не хочет стать вице-президентом, что предпочитает оставаться сенатором США. Он заставлял себя упрашивать, изображал, что вынужден согласиться на выдвижение своей кандидатуры, что приносит себя в жертву интересам народа. Он даже изрек: «Государственный деятель — только мертвый политик. Я никогда не хотел быть государственным деятелем»⁵⁹.

На самом же деле Трумэн неистово боролся за выдвижение своей кандидатуры. Он разыгрывал комедию до тех пор, пока не уверился, что получит нужную поддержку на национальном конвенте демократической партии. На конвенте и в его кулуарах он проявлял лихорадочную активность, льстиво обхаживал партийных боссов, возглавлявших делегации штатов, обрабатывал рядовых делегатов, не останавливаясь ни перед чем, для того чтобы получить необходимое количество голосов. Когда его кандидатура прошла на конвенте, он не мог скрыть самодовольства⁶⁰.

Следует отметить, что в прошлом вице-президент США, как правило, не играл большой политической роли. На него обычно не возлагались сколько-нибудь существенные права и обязанности. Ему полагается председательствовать в сенате, но эти функции сплошь и рядом выполняются избираемым временным председателем. В сенате вице-президент голоса не имеет, за исключением того случая, когда голоса делятся поровну, что бывает очень редко. Тем более незначительна была роль вице-президента при таком выдающемся президенте, как Франклин Рузвельт.

Сила вице-президента потенциальная: в случае смерти президента он автоматически становится президентом США. Рузвельт, согласившись на кандидатуру Трумэна в вице-президенты, совершенно не предполагал, что этот ограниченный провинциал станет его преемником. Но случилось так, что менее чем через три месяца после начала четвертого срока пребывания в Белом доме Рузвельт умер и президентом США оказался Трумэн.

Вступив 12 апреля 1945 г. в должность президента США, Трумэн дал свои заверения в том, что «будет продолжать политику Рузвельта и сохранит его кабинет». Но начал он свою деятельность в Белом доме с ликвидации «наследия Рузвельта», разгона его кабинета и отстранения основных его кадров.

За первые три месяца пребывания в Белом доме Трумэн сменил 6 из 10 членов кабинета, а через полтора года после начала его президентства в кабинете Трумэна из всех бывших членов правительства Рузвельта остался один морской министр Дж. Форрестол, который никакой роли в прогрессивных мероприятиях Рузвельта не играл.

Так Трумэн выполнил свое обещание сохранить кабинет Рузвельта. Впоследствии, оправдываясь, он писал, что некоторые члены его правительства ушли по собственной инициативе, что министр юстиции, называемый в США генеральным прокурором, Ф. Биддл, например, подал в отставку, потому что он не считал Трумэна таким либеральным прези-

⁵⁹ Maxey C. Bipartisanship in the United States. Caldwell, 1965, p. 336.

⁶⁰ Allen R. Op. cit., p. 14.

дентом, как Рузвельт⁶¹. Но основных помощников Рузвельта, с которыми ассоциировался «нью дил», — Г. Икеса, Г. Уоллеса и Г. Моргентау — Трумэн выжил из Белого дома. Более 12 лет — с тех пор как Рузвельт стал президентом США, и до конца его жизни — он не расставался с этой тройкой. С Моргентау Рузвельт работал еще раньше, когда был губернатором Нью-Йорка. Еще до ухода Моргентау Белый дом вынужден был навсегда покинуть советник и личный доверенный Рузвельта Дж. Гопкинс.

Трумэн не только не сохранил главных помощников Рузвельта в своем кабинете, но и в обращении с ними пускал в ход весь арсенал своего лицемерия. Перед отъездом в Потсдам, летом 1945 г., Трумэн имел беседу в Белом доме с министром финансов Генри Моргентау. На прощание президент сказал: «Генри, когда я принял эти дела, я не очень хорошо Вас знал. Но с тех пор, как работаю с Вами, я начинаю чувствовать в Вас брата. Я хочу, чтобы Вы чувствовали себя братом по отношению ко мне»⁶².

Однако через неделю Трумэн бесцеремонно его уволил.

«Последним из могикан», последним защитником политики Рузвельта в правительстве Трумэна оставался Уоллес. Летом 1946 г. на заседании кабинета он доказывал, что политика США ведет к войне. 23 июля он написал большое письмо Трумэну, в котором изложил программу внешней политики США. Открытый конфликт между ним и президентом США возник после речи, произнесенной Уоллесом 12 сентября 1946 г. в Нью-Йорке. В этой речи он, отмечая ответственность США за ухудшение советско-американских отношений, говорил о необходимости изменения внешней политики Вашингтона в сторону улучшения отношений с Советским Союзом. Уоллес утверждал, что он предварительно ознакомил с этой речью президента, который полностью ее одобрил. В тот же день Трумэн на пресс-конференции подтвердил эти слова Уоллеса. Но, после того как государственный секретарь Бирнс и сенатор Ванденберг, которые тогда были в Париже, резко протестовали против речи Уоллеса, Трумэн начал бить отбой, стал доказывать, что он эту речь раньше не читал, что он одобрил не содержание речи, а намерение Уоллеса произнести эту речь. Спустя десять лет, в 1956 г., Уоллес, вернувшись к этому вопросу, категорически утверждал, что он и Трумэн вместе, каждый с экземпляром рукописи в руках, проверяли предварительно его речь, страницу за страницей⁶³.

18 сентября 1946 г. Трумэн обсуждал с Уоллесом в течение двух с половиной часов создавшееся положение. Они вместе готовили предполагаемую декларацию Белого дома о внешней политике Вашингтона. Оба согласились, что эта декларация должна содержать следующие основные пункты: США преследуют мирные цели; война исключена; политика США не направлена против какого бы то ни было государства⁶⁴. После этого 19 сентября Бирнс разговаривал с Трумэном по телефону из Парижа, угрожая отставкой. Отставкой также угрожал Б. Барух, представлявший тогда США в Комиссии ООН по контролю над атомной энергией. Бирнс и Ванденберг категорически требовали, чтобы Уоллес ушел⁶⁵.

⁶¹ Truman H. Op. cit., p. 325.

⁶² Allen R. Op. cit., p. 24.

⁶³ Goldman E. The Crucial Decade. N. Y., 1956, p. 39.

⁶⁴ «Nation», 28.IX 1946, p. 343.

⁶⁵ Taft R. A Foreign Policy for Americans. N. Y., 1951, p. 57, 65.

20 сентября Трумэн потребовал отставки Уоллеса.

Непосредственной причиной отставки Икеса послужило его заявление в комиссии сената. В начале 1946 г. Трумэн решил назначить нефтепромышленника Поули заместителем морского министра, с тем чтобы он после замены Форрестола. Икес сообщил комиссии сената, что Поули в свое время ему говорил о своем намерении внести в фонд демократической партии сумму в несколько сот тысяч долларов, если правительство откажется от своих планов объявить некоторые нефтеносные земли государственными резервами. Поули, разумеется, отрицал показания Икеса, а Трумэн заявил 7 февраля 1946 г. на пресс-конференции, что он верит Поули. Икес еще в бытность его в Чикагском муниципалитете получил кличку «одинокого волка», так как он был единственным деятелем этого муниципалитета, которого никому не удалось подкупить. И вдруг президент США бросил ему обвинение в диффамации по адресу Поули. Икес ответил отставкой.

С отставкой Икеса и Уоллеса правительство Трумэна не только потеряло способных и энергичных администраторов, но и оттолкнуло от демократической партии много избирателей, что сказало, как мы увидим, на выборах в конгресс в конце этого года. Даже в родном штате президента назначение Поули было осуждено. Проведенный опрос показал, что 89% опрошенных в штате Миссури считает такое назначение неразумным⁶⁶.

Трумэну не удалось пристроить Поули. Но основные кадры Рузвельта в Белом доме и в министерствах он заменил своими земляками и знакомыми. Он увеличил штат Белого дома (по сравнению со штатом мирного времени при Рузвельте) более чем в 2 раза.

Смена аппарата возвестила новую политику, вернее, реставрацию старой, до Рузвельтовской политики. Впервые за истекшие 12 лет в Белом доме в мае 1945 г. появились бывший президент Г. Гувер, за ним — бывшие кандидаты в президенты от республиканской партии А. Лендон и Т. Дьюи, а несколько позже — Дж. Ф. Даллес, советник Дьюи по внешнеполитическим вопросам.

Наконец, как увидим дальше, Трумэн порвал с Барухом, советы которого высоко ценили все президенты США со времени первой мировой войны независимо от их партийной принадлежности.

Трумэн лично, разумеется, занимался лишь верхушкой правительственного аппарата — аппаратом Белого дома и теми чиновниками, которые находились на самой вершине государственной пирамиды США. Государственные служащие рангами ниже подвергались чистке, проходили так называемую проверку лояльности. Новому генеральному прокурору Т. Кларку Трумэн поручил «очистить» федеральные учреждения от «красных».

Проверка лояльности приняла, как увидим в следующей главе, характер антикоммунистической истерии. Трумэн под видом восстановления власти конгресса, ущемленной якобы Рузвельтом, дал сигнал к походу против прогрессивного законодательства, принятого в годы президентства Рузвельта.

В 79-м конгрессе, где демократы имели значительное большинство, все вопросы начал решать реакционный блок обеих партий, которым наряду с консервативными демократами руководили лидеры республиканцев в сенате Тафт и Ванденберг.

⁶⁶ «Nation», 20.IV 1946, p. 456.

5 января 1946 г. Тафт в выступлении по радио обрушился на билль о «полном обеспечении работой», заявив, что этот билль чужд Соединенным Штатам, так как он «заимствован из советской конституции». В то же время реакционный блок в конгрессе провел снижение налогов на крупные доходы.

Палата представителей 79-го конгресса начала свою работу образованием комиссии Дж. Рэнкина, деятельность которой, как и предшествовавшей ей комиссии М. Дайса, под флагом борьбы с коммунистами была направлена против рабочего и прогрессивного движения вообще.

Бывший помощник генерального прокурора США, работавший в министерстве юстиции до конца 1946 г., Джон Рогги утверждал, что комиссия Рэнкина по расследованию антиамериканской деятельности требовала отставки Икеса и Уоллеса, министра труда Ф. Перкинс и др.⁶⁷ Комиссия причиняла немало беспокойства крупнейшему ученому нашего века Альберту Эйнштейну⁶⁸.

За реакционную деятельность, за ликвидацию «наследия Рузвельта» демократы поплатились на выборах в конгресс в ноябре 1946 г. Политический курс обновленного правительства Трумэна окрылил оппозиционную республиканскую партию. Республиканцы вступили в выборную кампанию 1946 г. уверенные в том, что политика Трумэна поможет им получить большинство в следующем, 80-м конгрессе, так же как ошибки Вильсона обеспечили им победу на выборах в 1918 г. в 66-й конгресс.

Разочарование широких кругов избирателей в демократической партии объяснялось не только внутренней политикой правительства. Большую роль сыграла и его внешняя политика. На ревизии внешней политики Рузвельта Трумэном мы остановимся специально. Сейчас ограничимся лишь выдержкой из публичного выступления Икеса в Чикаго за пять недель до выборов в 80-й конгресс: «Мы не знали во время войны, что мы проливаем драгоценную кровь для того, чтобы сохранить у власти в Италии деградирующую монархию, которую, к счастью, сами итальянцы позднее ликвидировали. Мы не знали, что мы прокладываем путь к восстановлению опереточного короля в Греции, которого свободолюбивые греки уже дважды свергали с трона. Мы не знали, что американское оружие будет поддерживать власть военного преступника — императора Японии. Мы не знали, что освободим Филиппины лишь для того, чтобы видеть, как президентом Филиппин будет избран коллаборационист Рохас и как власть получают профранкистские фалангисты. Мы не знали, что победа союзников укрепит кровавого диктатора Испании Франко»⁶⁹⁻⁷⁰.

Позиция Икеса в известной мере отражала борьбу против наступления реакции. В конце сентября 1946 г. в Чикаго состоялась конференция прогрессивных организаций США, осудившая внешнюю и внутреннюю политику правительства Трумэна. Еще раньше Комитет политических действий Конгресса производственных профсоюзов опубликовал программу борьбы на выборах в конгресс США за обеспечение прогрессивной внешней и внутренней политики, основанной на наследии

⁶⁷ Rogge J. Our Vanishing Civil Liberties. N. Y., 1949, p. 62.

⁶⁸ Еще в 1945 г. конгрессмен Дж. Рэнкин в палате представителей предлагал правительству «покарать агитатора, некоего Эйнштейна», осмелившегося выступать против режима Франко. Пять лет спустя тот же Рэнкин говорил об Эйнштейне: «Старый шарлатан, некий Эйнштейн, который называет себя ученым, а в действительности является участником коммунистического лагеря...» (см. «Новый мир», 1965, № 2, с. 23).

⁶⁹⁻⁷⁰ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1946, № 12, с. 27—28.

Рузвельта. В начале августа 1946 г. председатель этого комитета Дж. Кролл заявил, что комитет не выставит на выборах в конгресс своих кандидатов, а будет поддерживать прогрессивных кандидатов независимо от того, принадлежат ли они к демократической или республиканской партии.

Коммунистическая партия США впервые после ее восстановления выступила в национальной выборной кампании. Она, как и другие прогрессивные организации США, направила главный огонь против кандидатов реакции.

В некоторых штатах прогрессивные силы добились определенных успехов. В штате Монтана, например, потерпел поражение лидер изоляционистов в конгрессе во время войны Уиллер, пробывший в сенате 22 года, в штате Миннесота — Шипстэд, носивший звание сенатора 24 года. Бывшему деятелю профашистского комитета «Америка прежде всего» Уиллеру, неоднократно пытавшемуся бросить спасательный круг Гитлеру, не помогло даже вмешательство президента США: во время предварительных выборов в штате Монтана Трумэн открыто осуждал противников Уиллера. Уиллеру не помогло и то, что его поддерживал президент АФТ Грин.

Успех прогрессивных сил в отдельных штатах, однако, не мог изменить общую ситуацию на выборах.

Таблица 6

Соотношение сил республиканцев и демократов в результате выборов, происходивших 9 ноября 1946 г.

Конгресс	Год выборов	Число членов			
		сенат		палата представителей	
		республиканцы	демократы	республиканцы	демократы
79-й	1944	38	57	190	243
80-й	1946	52	44	243	189

Демократическая партия, которая с 1931 г. господствовала в палате представителей и с 1933 г. — в сенате, потеряла это господство, а республиканская партия, считавшаяся в течение полутора десятков лет партией меньшинства, вернула себе большинство в конгрессе.

Успех республиканцев на выборах отнюдь не означал одобрения их политики американским народом. Как отметил секретарь профсоюза рабочих автомобильной промышленности США Дж. Эддес, выборы в 80-й конгресс явились «протестом широких масс против руководства демократической партии, которая за последние полтора года постыдно предала программу Рузвельта защиты всеобщего мира и прогресса внутри страны»⁷¹.

⁷¹ Цит. по: «Известия», 1946, 10 июня.

4. Ревизия внешней политики Рузвельта

«Железный кулак и сильные выражения» в адрес СССР. Речь Черчилля в Фултоне. Мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией и Венгрией. Речь Бирнса в Штутгарте. Внешнеполитические программы Уоллеса и Даллеса. Американцы на Филиппинах. Нефтяные монополии США на Ближнем Востоке. «Атомная дипломатия» Вашингтона. План Баруха

С изменением состава правительства менялось и его политическое направление, изменялась не только внутренняя, но и внешняя политика Вашингтона.

Мы видели, что еще в ходе войны Рузвельт высказывал предположения о будущих разногласиях между победителями. Но вместе с тем он утверждал, что прочный мир может быть построен только в сотрудничестве с СССР. Он считал, что несмотря на советско-американские противоречия, которые после войны приобретут большее значение, возможно и необходимо продолжение сотрудничества между США и СССР в мирное время. Он признавал, что, поскольку такое сотрудничество соответствует интересам США, следует идти не на углубление разногласий, а на их смягчение путем взаимных уступок.

Вскоре после смерти Рузвельта правительство Трумэна взяло во внешней политике совершенно другой курс, курс, не поощряющий компромиссов, курс, направляемый теми агрессивными кругами монополистического капитала США, которые еще до вступления США в войну выдвигали программу американского господства в послевоенном мире.

Агрессивная, антисоветская, опасная послевоенная внешняя политика Вашингтона вызвала протесты в прогрессивных кругах США. В первые полтора года президентства Трумэна эта политика наталкивалась на оппозицию в самом правительстве. Трумэн заставил недовольных его внешней, как и внутренней, политикой оставить правительственный кабинет. С уходом Уоллеса разногласия в правительстве по вопросам внешней политики прекратились.

Еще во время войны в Вашингтоне установилась в известной мере двухпартийная внешняя политика. Рузвельт всячески старался ладить с лидером республиканцев сенатором Ванденбергом, как главным авторитетом оппозиционной партии по международным вопросам. В феврале 1945 г. Рузвельт, учитывая роль Ванденберга в республиканской партии и его влияние в сенате, включил его в состав делегации США на конференции в Сан-Франциско. Но одно дело — двухпартийная внешняя политика при Рузвельте, другое дело — при Трумэне.

После победы республиканцев на выборах в 80-й конгресс Ванденберг стал председателем комиссии по иностранным делам сената. Но еще задолго до этих выборов Ванденберг, у которого с Трумэном сложились личные доверительные отношения в сенате еще до войны, оказывал как участник важнейших международных политических конференций большее влияние на президента США, чем государственный секретарь Бирнс.

Бирнс много лет представлял в демократической партии и в конгрессе США южных консерваторов. На посту государственного секретаря, на котором он находился с середины 1945 г. в течение полутора лет, Бирнс, как он сам неоднократно подчеркивал, проводил «двухпартийную внешнюю политику». Но «двухпартийная политика» в понимании даже такого реакционера, как Бирнс, не всегда устраивала Ванденберга, а следовательно, и Трумэна.

Как мы уже отметили, в декабре 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел СССР, Англии и США было достигнуто соглашение по ряду вопросов. После неудачи конференции этих министров в Лондоне в сентябре того же года итоги московских переговоров были встречены миролюбивыми народами всего мира с удовлетворением. В США сторонники сотрудничества с СССР в мирное время поздравляли Бирнса с успешным окончанием Московского совещания. Сам Бирнс, как южный консерватор и расист, относился враждебно к Советскому Союзу и к образовавшимся тогда государствам народной демократии.

Однако, чувствуя настроения общественности, Бирнс пожелал рекламировать соглашение, достигнутое в Москве, как его личное достижение. Но Трумэн после свидания с Ванденбергом и Ачесоном встретил в Вашингтоне возвратившегося из Москвы Бирнса резкими упреками.

В то время как государственный секретарь вел переговоры в Москве, президент США нашел уместным в официальном послании конгрессу провозгласить идею американского руководства миром. Когда Бирнс, вернувшись в Вашингтон, собирался выступить по радио с речью о положительных результатах Московского совещания, Трумэн крепко отчитал его.

5 января 1946 г. в Белом доме Трумэн зачитал Бирнсу свое письмо о необходимости жесткой и по существу непримиримой политики по отношению к Советскому Союзу. Вопреки Московскому соглашению Трумэн утверждал, что он не думает согласиться на признание новых правительств Румынии и Болгарии, «если они не будут радикально изменены». Он также заявил, что США должны создать «сильное центральное правительство» в Китае и Корее. В этом письме президент утверждал, что России необходимо противопоставить «железный кулак и сильные выражения». Он закончил свое сочинение словами: «Я устал паянчиться с Советами»⁷².

В этом документе, написанном президентом США всего через несколько месяцев после окончания второй мировой войны, не только содержится отказ от внешней политики Рузвельта, но и излагается агрессивная, антисоветская программа, которую Вашингтон проводил в последующие годы. Здесь и политика «с позиции силы», и агрессивная, непримиримая дипломатия, названная вскоре «холодной войной».

Этот документ, подготовленный самим президентом США и написанный его рукой, превращает в макулатуру обильную американскую литературу, посвященную послевоенной истории, в которой многочисленные авторы из кожи вон лезут, чтобы доказать, что инициатором «холодной войны» был не Вашингтон. Лишь впоследствии, в 50-х и 60-х годах, в Америке появились книги, в которых подтверждалось, что ответственность за «холодную войну» несут США⁷³.

В соответствии с директивами президента США Трумэна государственный департамент взял курс на ревизию внешней политики Рузвельта.

5 марта 1946 г. Черчилль произнес подстрекательную речь в Фултоне. Фултон — городок в штате Миссури, в котором, по переписи 1950 г., насчитывалось всего 10 тыс. жителей. Его крошечный Вестминстерский колледж имел специальный фонд для приглашения раз в год знатной

⁷² Truman H. Memoirs, v. 1, p. 551—552.

⁷³ Steel R. Pax Americana. N. Y., 1967; Ossby C., Shaul R. Containment and Change. N. Y., 1967; Williams W. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959; Fleming D. The Cold War and Its Origin, v. 2. London, 1961.

особы прочесть лекцию. Зимой 1946 г. Черчилль, отдыхая во Флориде, бывал в Вашингтоне. Директор Вестминстерского колледжа (с помощью своего земляка президента Трумэна) пригласил для чтения лекции Черчилля, предложив ему при этом диплом с присуждением ученой степени. Черчилль не заставил себя уговаривать, отметив, что это приглашение кстати, так как он хочет публично высказаться и охотно это сделает в Фултоне.

10 февраля 1946 г. Черчилль обсуждал с Трумэном в Белом доме приготовленную им речь. 4 марта в специальном поезде президента США Трумэн и Черчилль в сопровождении многочисленных корреспондентов отправились в Фултон, где на следующий день бывший английский премьер выступил перед аудиторией в 3 тыс. человек. 5 марта 1946 г. Черчилль произнес в Фултоне речь, совпавшую во многом с высказываниями Трумэна против СССР в беседе с Бирнсом двумя месяцами раньше. Вместе с тем Черчилль пошел дальше и предложил создать против СССР тесный англо-американский военный союз с унифицированным вооружением и общими военно-морскими и воздушными базами во всем мире. Он также выдвинул предложение о переходе народов, говорящих по-английски, эвентуально к общему гражданству.

Вся речь Черчилля была проникнута мыслью об особой миссии наций, говорящих по-английски, о том, что эти нации должны занимать господствующее положение в мире, что коммунистические партии во многих странах «представляют растущий вызов и угрозу христианской цивилизации», что только бронированный англо-американский военный союз способен спасти эту цивилизацию.

Правда, в этой же речи Черчилль признал: «Я не верю, что Советская Россия хочет войны». Он также заявил, что согласен с британским министром иностранных дел Э. Бевином в том, что срок англо-советского договора о взаимопомощи и сотрудничестве вполне можно было бы продлить до 50 лет. (Тогда не прошло еще и четырех лет, как правительством Великобритании, возглавлявшимся Черчиллем, был заключен англо-советский договор о взаимной помощи сроком на 20 лет.)

Однако, какими бы оговорками Черчилль ни сопроводил свою речь, его выступление в Фултоне, резко направленное против СССР, было рассчитано на обострение разногласий между недавними союзниками в войне, на усиление препятствий, стоявших на пути к их послевоенному сотрудничеству.

Черчилль в общем, как и Трумэн, утверждал, что Советскому Союзу необходимо противопоставить силу. Он в Фултоне впервые употребил выражение «железный занавес», якобы опустившийся на континенте Европы между Востоком и Западом.

Общественное мнение США встретило призыв Черчилля неодобрительно. В кругах конгресса расценивали речь английского премьера в отставку как провокационную, как желание использовать военную мощь США для сохранения Британской империи. Таково было мнение о фултоновской речи и председателя исполкома лейбористской партии Гарольда Ласки в Англии. 6 марта 1946 г. Ласки заявил, что речь Черчилля, произнесенная накануне, была «настоящим призывом к сохранению британского империализма». Английский журнал «Экономист» констатировал: «Американцы не хотят связывать себя военным союзом с Британией. У них нет никакого желания защищать ни Британскую империю, ни британскую колониальную политику»⁷⁴. Даже Трумэн, учитывая откли-

ки в стране, впоследствии оправдывался, заявив, что он «поддерживал эту речь как пробный шар»⁷⁵.

Через 21 год в том же Фултонском колледже вице-президент США Г. Хэмфри говорил о том, что пора покончить с «холодной войной», объявленной с той же трибуны в марте 1946 г. Черчиллем, и предложил девиз, вытекавший из уроков провала общей послевоенной глобальной политики США: «Вместо железного занавеса — открытые двери»⁷⁶.

После фултонской речи Черчилля Трумэн некоторое время воздерживался от публичных разговоров об англо-американском бронированном союзе. Но он продолжал твердить об американском руководстве миром, для чего, мол, США должны быть самым сильным государством.

Через месяц после выступления Черчилля в Фултоне Трумэн в речи, посвященной Дню армии, говоря о том, что в мире нет государства сильнее США, заявил: «Мы должны оставаться сильными для того, чтобы сохранить наше руководство и, мобилизовав все наши ресурсы, это руководство осуществлять»⁷⁷.

Со времени окончания второй мировой войны Трумэн в США, как Черчилль в Англии, олицетворял в отношениях с СССР наиболее реакционные империалистические круги. В этих условиях помимо всего прочего искусственно разжигаемые этими кругами разногласия по отношению к СССР трудно было устранить.

В апреле 1946 г. в Париже открылось совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции по вопросу о подготовке мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии в Европе. Хотя в основном договоры были подготовлены, разногласия часто принимали нежелательный характер, ввиду того что американская делегация, блокируясь с английской, затрудняла принятие согласованных решений.

Бирнс предложил на этом совещании обсудить проект сенатора Ванденберга о заключении между четырьмя государствами-победителями договора о разоружении и демилитаризации Германии на 25-летний срок. Позже, в частности в своем выступлении 6 сентября 1946 г., он говорил о возможном продлении этого срока до 40 лет.

Формально все участники совещания были согласны с необходимостью разоружения и длительной демилитаризации Германии. Но в проекте Ванденберга эти задачи были урезаны по сравнению с решениями, принятыми по этим вопросам в Ялте и Потсдаме. В таком виде предложение американской делегации вызвало большие сомнения и не могло служить гарантией мира и безопасности народов. Эти сомнения, как мы дальше увидим, усилил сам Бирнс своим выступлением 6 сентября 1946 г.

На мирной конференции, открывшейся в Париже 29 июля 1946 г., после острой и напряженной дипломатической борьбы, в которой делегация США всячески мешала положительному исходу переговоров, подавляющее большинство статей мирных договоров с бывшими союзниками Германии в Европе было согласовано. Вопросы, оставшиеся спорными, были разрешены на сессии Совета министров иностранных дел в декабре 1946 г. в Нью-Йорке. 20 января 1947 г., накануне своей отставки, Бирнс от имени США подписал мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией и Венгрией.

Во время мирной конференции в Париже Бирнс в сопровождении сенаторов Ванденберга и Т. Коннели — членов делегации США на этой

⁷⁵ Goldman E. Op. cit., p. 38.

⁷⁶ «U. S. News and World Report», 13.III 1967, p. 22.

⁷⁷ «New York Times», 7.IV 1946.

⁷⁴ «Economist», 16.III 1946, p. 415.

конференции — появился в американской оккупационной зоне в Германии. 6 сентября 1946 г. он произнес в Штутгарте речь, которая транслировалась радиосетью по всей Германии.

В этой речи, адресованной к немцам, Бирнс критиковал действия союзного контрольного органа в Германии. «Контрольный совет, — говорил он, — не управляет Германией и не допускает ее самоуправления»⁷⁸. Он утверждал, что решения Потсдамской конференции нуждаются в коррективах, и поставил под сомнение стабильность польско-германской границы на Одере, о чем три державы договорились еще в Ялте.

Речь Бирнса вызвала тревогу в ряде стран, пострадавших от гитлеровской агрессии, особенно во Франции, несмотря на то, что государственный секретарь отметил в своей речи в Штутгарте, что США не возражают против присоединения к Франции Саарской области.

В Штутгарте Бирнс по существу развернул программу восстановления в кратчайший срок германского промышленного и военно-экономического потенциала без надлежащей гарантии против возрождения немецких милитаристских агрессивных сил. Хотя он сказал, что «ресурсы Рура никогда больше не должны быть использованы для разрушительных целей», и упомянул опять об американском предложении заключить соглашение четырех держав о разоружении и демилитаризации Германии сроком на 25 или 40 лет, но это было изложено в общем плане уменьшения гарантий против восстановления экономических основ военной мощи Германии.

Бывший заместитель государственного секретаря США Уэллес расценивал программу Бирнса, выдвинутую им в Штутгарте, как путь к возрождению германского милитаризма⁷⁹. В Западной Германии биржа ответила на речь Бирнса сильным повышением курсов промышленных акций.

Бирнс выступил в Штутгарте в роли американского «покровителя» Германии. К этому времени в правительственных кругах США взяла верх концепция сенатора Тафта о том, что в борьбе двух систем Соединенным Штатам нужна сильная, т. е. милитаристская, Германия.

Выступление Бирнса в Штутгарте послужило толчком к развязке в Вашингтоне. Через шесть дней, 12 сентября, министр торговли Уоллес публично изложил свою внешнеполитическую программу. Речь Уоллеса, вызвавшая большой шум и приведшая к его отставке, выплеснула наружу. Борьба Уоллеса против внешнеполитической линии правительства Трумэна продолжалась уже давно.

17 сентября 1946 г. было опубликовано сохранявшееся ранее в секрете большое письмо Уоллеса Трумэну от 23 июля того же года о внешней политике США. В этом письме, поскольку оно не предназначалось для опубликования, Уоллес вскрывал порочность и опасность внешней политики США более откровенно, чем в своей речи 12 сентября. Но и в публичном выступлении, и в секретном письме Уоллес проводил мысль о том, что речь идет не об отдельных спорных вопросах, а о подходе, об исходных взглядах в отношениях США к Советскому Союзу.

Отметив, что не следует удивляться подозрительности и настороженности, которые действия США вызывают в СССР, Уоллес рекомендовал исходить из того, как бы Вашингтон поступал на месте Москвы. Он писал: «Как бы мы смотрели на то, если бы Россия имела атомную бомбу, а мы бы не имели; если бы Россия имела бомбардировщики с

радиусом действия в 10 тыс. миль и воздушные базы на расстоянии до тысячи миль от наших берегов, а мы бы их не имели?»⁸⁰

В своей публичной речи Уоллес заявил: «Мы должны признать, что Балканы находятся ближе к Советскому Союзу, чем к нам, что Советский Союз не может разрешить ни Англии, ни Соединенным Штатам занять господствующее политическое положение в этом районе...»⁸¹. Во внешнеполитическом курсе Уоллес настаивал на том, чтобы Соединенные Штаты строго придерживались принципа невмешательства во внутренние дела других стран. Сопrotивление США стараниям Советского Союза иметь на Западе дружественных соседей, писал Уоллес, не может не рассматриваться в Москве как возвращение к прошлой политике окружения СССР враждебными государствами.

Говоря о том, что в США существуют две точки зрения на отношение к СССР, Уоллес писал: «Первая сводится к тому, что сосуществование с русскими невозможно и поэтому война неизбежна. Вторая точка зрения такова, что война с Россией будет означать катастрофу для всего человечества, а поэтому мы должны найти путь к тому, чтобы жить в мире». Сторонники первой точки зрения, продолжал Уоллес, «выступают за превентивную войну, за нападение на Россию сейчас, пока она не имеет атомных бомб». Такая идея, говорил он, «не только аморальна, но и глупа, так как война с Россией не принесет Соединенным Штатам победы»⁸².

Защищая вторую точку зрения, Уоллес в своем публичном выступлении в Нью-Йорке заключил: «Идеологический конфликт будет существовать всегда, но это не может служить причиной, по которой дипломаты не могли бы создать основы для мирного сосуществования обеих систем... Наш народ, как и все народы, должен быть убежден в том, что новая война не является неизбежной... И мы, считающие разговоры о войне с Советским Союзом преступной глупостью, должны апеллировать непосредственно к народу, даже если нас назовут коммунистами за то, что мы осмеливаемся высказаться»⁸³.

Выступления Уоллеса раскрывают картину внутренней борьбы в правительстве. Борьба происходила также и в конгрессе, и в стране. В 1946 г. агрессивный курс, взятый Трумэном во внешней политике, наталкивался на сильную оппозицию в самих США.

Когда Уоллес говорил, что «наш народ миролюбив», что «американский народ ненавидит войну», он отражал действительное положение: в своих выступлениях против опасной, воинственной, авантюристической политики Вашингтона он, несомненно, выражал мнение подавляющего большинства населения США. Но это большинство политически не было активным, объединенным.

В то же время силы, выступавшие против Уоллеса, были хорошо организованы. Эти силы, представлявшие руководящий монополистический капитал, имели на своей стороне большинство в правительстве и в конгрессе США, почти всю печать страны, радио и кино. Против Уоллеса, как мы видели, активно выступали даже лидеры профсоюзов, входивших в АФТ. Рупором воинственных сил стал в США к этому времени главный эксперт республиканской партии по вопросам внешней политики известный экспансионист Джон Фостер Даллес.

⁸⁰ «New York Times», 18.IX 1946.

⁸¹ «New York Times», 13.IX 1946.

⁸² «New York Times», 18.IX 1946.

⁸³ «New York Times», 13.IX 1946.

⁷⁸ «New York Times», 7.IX 1946.

⁷⁹ «Правда», 1946, 22 сентября.

17 января 1947 г. Даллес произнес речь перед собранием Национальной ассоциации издателей, насыщенную грубыми выпадами против Советского Союза. Констатируя, что народы Китая, Индокитая, Индии, Индонезии, арабских стран и Латинской Америки поднялись на борьбу за уничтожение колониального гнета, он заявил: «Эти революционные движения поощряются советским руководством, претендующим на «бесклассовое» общество»⁸⁴. Он утверждал, что США должны распространять свое влияние на другие страны не только с помощью доллара, но и используя для этого всевозможные средства.

Через неделю, 25 января 1947 г., Даллес выступил перед собранием женщин — членов республиканской партии. В этом выступлении будущий государственный секретарь Даллес более открыто, чем бывший государственный секретарь Бирнс, высказался за восстановление военно-экономического потенциала Германии.

Сенатор К. Пешпер, говоря в сенате об опасности, которую программа Даллеса создает для всеобщего мира, заявил: «Мистер Даллес, очевидно, предлагает аннулировать букву и дух Потсдамского соглашения... Он знает, что ненависть к Советскому Союзу побуждает его выдвигать свой план. В надежде, что Германия будет снова использована против Восточной Европы, особенно против Советского Союза, он желает вручить ей новый меч, как это было сделано немного лет назад, в результате чего она и пролила реки крови не только людей Советского Союза, но и Америки, и всего мира»⁸⁵.

Даллес сообщил, что его речь была заранее согласована и одобрена лидером республиканцев Дьюи и председателем комиссии по иностранным делам сената Ванденбергом. Ссылаясь на то, что республиканцы имеют большинство в конгрессе, он недвусмысленно дал понять, что это большинство согласится лишь с такой двухпартийной внешней политикой, которая будет проводить линию республиканцев⁸⁶.

В борьбе вокруг ревизии внешней политики Рузвельта в правительстве и конгрессе США взяли верх противники послевоенного советско-американского сотрудничества, сторонники неизбежной войны. И если они воздержались от доведения этой программы до ее логического завершения, до превентивной войны против СССР, в которой они намеревались использовать свою монополию на атомную бомбу, то это объясняется тем, что еще до того, как Советский Союз создал атомное оружие, в авторитетных кругах США нашлись достаточно здравомыслящие люди, доказывавшие, что (как мы это увидим в следующей главе) в такой войне, которая, безусловно, была бы длительной и напряженной, у США не было надежд на победу.

Борьба вокруг внешнеполитического курса США имела большое историческое значение. От ее исхода зависело во многом развитие международных отношений в грядущие годы: сохранится ли мирное сосуществование или продлится «холодная война», сохранится ли соревнование в мирном строительстве или небывалая гонка вооружений. В тех условиях борьба в США оказалась неравной: на стороне противников мирного сосуществования, выразивших взгляды самых реакционных кругов американского монополистического капитала, стояло абсолютное большинство правительства и конгресса США, а также основные органы печати страны.

⁸⁴ «Congressional Record», 5.II 1947, p. A440.

⁸⁵ Ibid., p. 834, 883.

⁸⁶ Ibid., p. 832, 833.

В этих условиях особую роль играл президент США. Было время, когда против президента Рузвельта выступали 90% всех газет и журналов страны. Но Франклин Рузвельт, апеллируя к широким массам избирателей, получал их поддержку. Трумэн вообще не был способен на подобный шаг, а в данном случае в этом не испытывал надобности: внешнеполитический воинствующий империалистический курс Даллеса ему был несравненно ближе, чем мирный курс Уоллеса.

Вместе с ревизией внешней политики Рузвельта во взаимоотношениях с СССР усиливалась активность американского империализма на Ближнем и Дальнем Востоке. 4 июля 1946 г. вступил в силу закон о независимости Филиппин, принятый конгрессом США по инициативе Франклина Рузвельта еще в 1934 г. Закон, подписанный президентом США 24 марта 1934 г., предусматривал сохранение за США морских баз на Филиппинских островах.

Через два дня после вступления в силу закона о независимости Филиппин, 6 июля 1946 г., верховный комиссар США на архипелаге Поль Макнатт писал, что отныне Филиппинам суждено играть особую роль в стратегических планах Вашингтона на Дальнем Востоке. «Мы уже решили иметь на Филиппинах морские и воздушные базы, — писал Макнатт, — они предназначены не только для защиты Филиппин и даже не только для обороны Соединенных Штатов. Эти базы должны играть роль второстепенных, вспомогательных организаций в системе снабжения, подвоза и ремонта имущества всех наших вооруженных сил на Дальнем Востоке... Поскольку мы решили осуществлять длительную оккупацию Японии и проводить активную политику в Азии, Филиппинам суждено играть важную роль в нашей дипломатической деятельности на Востоке»⁸⁷.

Однако дело не ограничивалось военными базами США. Большая американская армия, высадившаяся к концу второй мировой войны на Филиппинах, активно вмешивалась во внутренние дела архипелага.

Под покровительством вооруженных сил США формировались филиппинская армия и органы управления в столице Филиппин Маниле и на периферии страны, на местах, где руководящее положение сплошь и рядом заняли коллаборационисты. Коллаборационист Рохас, выборы которого производились в присутствии американских войск, стал президентом Филиппин. Прогрессивное движение, в частности движение за аграрную реформу на острове Люсон, преследовалось. Все было сделано для того, чтобы на Филиппинах после получения ими независимости сохранилось внутриполитическое положение, соответствующее интересам и замыслам американского империализма в Юго-Восточной Азии. Рохас представлял реакционные круги, связанные с капиталом США, туземными крупными землевладельцами и компрадорами. Когда в апреле 1948 г. Рохас внезапно умер, его заменил вице-президент Кирино. При Кирино филиппинское правительство продолжало жестоко преследовать прогрессивное и революционное движение, тысячи людей были брошены в тюрьмы и лагеря. Отличался при этом министр вооруженных сил правительства Кирино, Магсайсай, который в 1953 г. с благословения Вашингтона сам стал президентом Филиппин.

Предоставление независимости Филиппинам сопровождалось соглашениями, сохраняющими и защищающими позиции американского капитала на архипелаге. Вслед за обеспечением своих военных и экономических позиций американцы втянули Филиппины (как увидим дальше) в свою

⁸⁷ Марион Дж. Базы и империя. ИЛ, 1948, с. 154.

агрессивную внешнюю политику в Юго-Восточной Азии, в военный союз СЕАТО.

Основное внимание и усилия дипломатии США на Дальнем Востоке после окончания второй мировой войны были направлены на создание такого же внутривосточного положения в Китае. В планах экспансии США Филиппины всегда рассматривались лишь как форпост для распространения влияния и господства американского капитала на Китай⁸⁸.

На Ближнем Востоке активность американского капитала значительно усилилась еще до окончания второй мировой войны. От ближневосточной политики империалистических держав давно разит на весь мир нефтью. Нефтью пропитана и политика США в этом районе.

С 1944 г. американская печать начала уделять много внимания нефтеносным землям в Саудовской Аравии, Кувейте, Иране и Ираке. До того времени США больше экспортировали нефть, чем импортировали. В 1944 г. впервые импорт нефти превысил экспорт. И это не оказалось случайностью, исключением военного времени. В дальнейшем импорт нефти в США быстро возрастал: через 12 лет после окончания войны он составлял в среднем 1500 тыс. баррелей (свыше 200 тыс. т) в день. Между тем экспорт нефти из США к этому времени практически прекратился⁸⁹.

Через четверть века после войны ввоз нефти и нефтяных продуктов в США, превысив по своей стоимости 2500 млн. долл. в год, занимал одно из первых мест в их импорте. К этому следует прибавить свыше 300 млн. долл., которые США ежегодно расходовали на закупку нефтепродуктов в других странах для своих вооруженных сил, дислоцированных за границей (не считая увеличения этих расходов с 1965 г. в результате эскалации войны во Вьетнаме)⁹⁰.

После второй мировой войны наблюдалось сильное падение удельного веса США в добыче нефти: в 1940 г. на их долю приходилось 63%, а в 1965 г. — лишь 27% мировой добычи⁹¹.

Изменения в нефтяном торговом балансе США оживили разговоры о быстром истощении запасов нефти в недрах США. По данным, опубликованным в 1944 г. комиссией Трумэна, при достигнутом уровне потребления известных тогда резервов нефти в США должно было хватить лишь на 14 лет. Правда, к оценкам Трумэна относились довольно спокойно, поскольку в прошлом подобные опасения и тревоги не оправдывались. Например, вскоре после окончания первой мировой войны, в 1923 г., американские геологи утверждали, что нефти в США хватит всего на 15 лет. В 1938 г., когда указанный срок истек, разведанных нефтяных ресурсов в стране оказалось больше, чем в 1923 г.

Все же после окончания второй мировой войны в Вашингтоне преобладало мнение, что собственную нефть, а также нефть, принадлежавшую американским фирмам в других странах Западного полушария, необходимо резервировать для внутреннего потребления. В то же время нефтяные монополии намерены были сохранять и расширять свои позиции на международном, в частности на европейском рынке. Ведь до войны из США в Европу ежедневно вывозилось в среднем свыше 40 тыс. т нефти, что составляло более трети потребности европейского рынка.

⁸⁸ Об интервенции США в Китай подробнее см. следующую часть настоящей главы.

⁸⁹ «Commercial and Financial Chronicle», 22.V 1958, p. 5.

⁹⁰ «Congressional Record», 25.II 1965, p. 3589; «Statistical Abstract of the U. S.», 1970, p. 781.

⁹¹ «Fortune», June, 1965, p. 130.

Американские монополии обратили свои взоры на ближневосточную нефть. Запасы жидкого топлива этого района колоссальны. По оценкам официальных правительственных органов США, к 1948 г. на Ближнем Востоке находилось 40% всех известных мировых запасов нефти⁹². К 1970 г. считали, что из разведанных в капиталистическом мире запасов нефти, составлявших 480 млрд. баррелей, 333 млрд., или 70%, находилось на Ближнем Востоке⁹³. Еще важнее то, что стоимость американской нефти, расположенной на большой глубине и поэтому труднодобываемой, гораздо выше стоимости ближневосточной нефти. В 1958 г. журнал Уолл-стрита, объясняя, почему крупнейшие американские нефтяные компании стараются с каждым годом захватить все большую долю арабской нефти, писал, что добыча нефти на Ближнем Востоке обходится от 10 до 45 центов за бочку, а в США — около 150 центов, а иногда еще дороже⁹⁴.

В 1965 г. американская печать сообщила, что в штатах Колорадо, Уайоминг и Юта резервы нефти, которую можно извлекать из сланцев, исчисляются в 2600 млрд. баррелей, но добыча этой нефти должна стоить еще дороже⁹⁵. Тогда же эта печать отмечала, что баррель нефти, доставленный на восточное побережье США с Ближнего Востока, стоит на 1—1,5 долл. дешевле, чем из Техаса.

Однако американские нефтяные компании, оперировавшие на Ближнем Востоке, в Аравии и Иране («Стандард ойл оф Калифорния», «Техас корпорейшн» и др.), встречали упорное сопротивление английских нефтяных компаний и даже правительства Великобритании. Американские компании обращались за помощью к своему правительству.

Англичане нуждались в финансовой поддержке США не только во время войны, но и после ее окончания. В середине 1946 г. они получили в Вашингтоне заем на 3750 млн. долл. и вынуждены были идти на уступки американцам в спорах о ближневосточной нефти. 8 августа 1944 г. в Вашингтоне и через год (24 сентября 1945 г.) в Лондоне были подписаны англо-американские нефтяные соглашения.

Насколько большое значение придавали в Вашингтоне этим соглашениям, видно из того, что в 1944 г. председателем делегации США для переговоров с англичанами о регулировании разногласий о нефти был назначен государственный секретарь Хэлл, а в 1945 г. — министр внутренних дел Икес. В основу обоих соглашений был положен принцип «равных возможностей» для США и Англии в отношении нефтяных концессий. Между тем в продолжение всего периода между первой и второй мировыми войнами среди компаний, захвативших нефтяные месторождения, куда входили британские, американские, французские и голландские капиталы, англичане играли явно руководящую роль.

Накануне подписания соглашения 1945 г. английская печать указывала, что позиции США на Ближнем Востоке уже достаточно прочны, «поскольку им принадлежат все концессии на Бахрейнских островах, большинство концессий в Саудовской Аравии и половина всех концессий в Кувейте»⁹⁶.

⁹² «Current History», May 1948, p. 274.

⁹³ «Business Week», 26.IX 1970, p. 24.

⁹⁴ «Magazine of Wall Street», 11.X 1958, p. 45.

На Бахрейне, например, американские концессионеры получили на капиталовложения в 100 тыс. долл. прибыль 92 млн. долл. (Маршон Дж. База и империя, с. 176—177).

⁹⁵ «U. S. News and World Report», 31.V 1965, p. 100; «Fortune», April 1965, p. 202.

⁹⁶ «Times», 23.IX 1945.

При равных возможностях американцы вскоре оставили своего «младшего партнера» позади. Через 10 лет, в 1955 г., из 150 млн. т нефти, добытых в районе Ближнего Востока, 60% было добыто американскими компаниями.

По мере увеличения значения Ближнего Востока для нефтяных монополий США возрастала политическая активность Вашингтона в этой части света.

* * *

В первые послевоенные годы США старались использовать монопольное обладание секретами производства атомной бомбы как орудие распространения своего влияния на другие страны, как средство проведения своей программы руководства миром, мирового господства.

«Полагали, что эта монополия, — писал известный американский историк Г. Коммаджер, — обеспечит Соединенным Штатам превосходство не только в любой возможной войне, но даже в переговорах и маневрировании против враждебных государств»⁹⁷.

«Атомная дипломатия» стала способом внешнеполитического давления, методом воздействия на другие государства, особенно на слабые страны. Но и в борьбе двух систем, а также в борьбе за усиление влияния США во всем капиталистическом мире вашингтонская дипломатия пыталась спекулировать на обладании новым оружием. Когда Трумэн заявил Бирнсу, что против СССР нужны «железный кулак и сильные выражения», он имел в виду прежде всего атомную бомбу. Когда сразу после окончания войны наметились существенные разногласия между Англией и США, то это, между прочим, выражалось и в протестах британского премьера Эттли президенту США по поводу нарушения Вашингтоном соглашений военного времени о совместном англо-американском обладании секретами производства атомного оружия»⁹⁸.

Наиболее агрессивные круги монополистического капитала США требовали, как на это указывал Уоллес в письме к Трумэну, превентивной войны, нападения на Советский Союз, пока он не овладел производством атомной энергии. Подобные голоса, как увидим дальше, раздавались и в конгрессе США.

В Вашингтоне не решились на превентивную войну, как на слишком рискованное мероприятие. Но там энергично пытались с помощью «атомной дипломатии» навязать странам и народам такие условия, которые обычно мыслимы лишь после абсолютной победы в войне.

В 1946 г. мировая печать уделяла большое внимание плану Баруха о международном контроле над атомной энергией. По своему замыслу этот план сводился по существу к тому, что за Соединенными Штатами сохраняется на неограниченное время монополия на атомное оружие и что вместе с тем другим государствам возбраняется работать над подготовкой такого оружия.

76-летний Барух был представителем США в комиссии ООН по контролю над атомной энергией с марта 1946 до января 1947 г. Он настойчиво защищал в ООН агрессивные затеи американского империализма. Но Барух не был автором плана, представленного им летом 1946 г. комиссии ООН и названного его именем. Этот план был подготовлен в недрах государственного департамента, Белого дома и конгресса США при не-

посредственном и активном участии представителей монополистического капитала.

С тех пор как с американских самолетов были сброшены атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, правящие круги США прониклись заботой о сохранении монополии на новое страшное оружие. После совещания с лидерами обеих партий в сенате 3 октября 1945 г. Трумэн в специальном послании конгрессу предложил, чтобы государственная политика в отношении атомной энергии и монополии США на атомную бомбу проводилась строго в соответствии с определенным законом.

4 октября в конгресс был внесен билль Мэя—Джонсона о проведении в жизнь программы Трумэна. В результате была создана специальная комиссия сената по атомной энергии под председательством Макмагона. Одновременно этим вопросом занималась специальная правительственная комиссия под председательством заместителя государственного секретаря Ачесона. В комиссию вошли ученые Конант и Буш, генерал А. Гровс и бывший заместитель военного министра Макклой. В помощь этой комиссии был создан совет консультантов из представителей крупного капитала с целью выработать предложения и формулировки для плана международного контроля над атомной энергией, который правительство США собиралось внести в ООН. Председателем совета консультантов стал Д. Лилленталь — начальник Управления гидросооружений долины р. Теннесси.

К началу марта 1946 г. американский план международного контроля над атомной энергией был готов в виде доклада Ачесона — Лиллентали. Но этот доклад не был полностью согласован с комиссией Макмагона, он встречал некоторые возражения в сенате. Трумэн и Бирнс нашли необходимым назначить представителем США в комиссии ООН по контролю над атомной энергией человека, компетентного в международных вопросах, известного за границей и вместе с тем авторитетного в сенате. Таким, по их мнению, был Барнард Барух.

Буш говорил Баруху, что «он самый неквалифицированный человек в стране для выполнения этой задачи». Но Барух повторил слова Эйнштейна, который заявил, что «контроль над ядерной энергией представляет этическую и политическую проблему». Хотя Барух консультировался у таких знаменитых ученых, как Комптон и Р. Опенгеймер, с его помощью эта проблема приобрела чисто политический аспект, соответствовавший глобальным планам Вашингтона. 14 июня 1946 г. Барух внес американский план международного контроля над атомной энергией в комиссию ООН, заявив при этом: «Мы здесь для того, чтобы сделать выбор между жизнью и смертью... Мы должны выбрать всеобщий мир или всемирное разрушение»⁹⁹. Этот план содержал в основном предложения доклада Ачесона — Лиллентали.

В соответствии с требованиями начальников штабов вооруженных сил США в директивах Трумэна Лилленталю, Ачесону и другим указывалось, что необходимо составить такой план, который обеспечил бы эффективный и всеобъемлющий контроль над производством атомной энергии во всех странах и вместе с тем обеспечил бы строгое сохранение тайны производства атомных бомб в США¹⁰⁰. На одном из заседаний комиссии ООН Барух договорился до того, «что США не откроют секрета атомной бомбы до тех пор, пока другие страны не уменьшат своих армий до размеров полицейских сил»¹⁰¹.

⁹⁷ Information Please Almanac, 1966, p. 42.

⁹⁸ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 11—15.

⁹⁹ Baruch B. The Public Years. N. Y., 1962, p. 343—344.

¹⁰⁰ Truman H. Memoirs, v. 1, p. 525, 527, 533—534.

¹⁰¹ Дипломатический словарь, т. 1. М., 1948, с. 214.

Внося в ООН предложения, содержащиеся в докладе Ачесона — Лилиенталя, Барух добавил пункт о санкциях против любого государства, нарушившего правила, содержащиеся в предлагаемом американском плане.

В общем суть плана сводилась к тому, чтобы все страны под строгим международным контролем прекратили подготовку к использованию атомной энергии для военных целей, в то время как США были уже к этому готовы. Основным вопросом — запрещение атомного оружия — откладывался на неопределенный срок. Главное внимание план уделял строгой и сложной процедуре контроля и инспекции. Контроль предусматривался стадиями: сначала контроль над атомным сырьем, потом — над производством, затем — над взрывчатыми материалами. Продолжительность каждой стадии зависела от международного контрольного органа. Таким образом предполагалось прежде всего взять под контроль все мировые источники атомного сырья, а монополию США на атомное оружие сохранить. По образному выражению Уоллеса, стадийность контроля означала, что СССР должен раскрыть свои карты, в то время как американские карты остаются закрытыми.

Международный контрольный орган ООН, создать который предложил Барух, фактически должен был превратиться в американский орган. США, страны, зависящие от них экономически или политически, а также те государства, которые впоследствии стали официальными союзниками США, составили бы вместе большинство в контрольном органе, как они составляли большинство в комиссии ООН по атомной энергии. Большинство этой комиссии и одобрило американский план. Но он не был реализован, потому что Совет Безопасности, где требуется единогласие постоянных членов, его не одобрил.

План США в случае его проведения в жизнь означал бы, что американцы, которые имели бы прочное большинство в контрольном органе, могли в любое время, в любом месте любой страны совершать ревизии под предлогом проверки — не производится ли там атомное оружие, не накапливаются ли там тайно запасы атомного сырья и т. д.

Другими словами, Барух предложил, чтобы все государства поступили своим суверенитетом в пользу США, которые получили бы возможность взять под свой полный надзор территории всех стран. Барух признавал, что его план ущемляет суверенитет государств и его принятие вызвало бы «огорчение у отважных и гордых народов», но припугивал: «Лучше огорчение как плата за мир, чем смерть как плата за войну»¹⁰².

Предположение Баруха о санкциях означало нейтрализацию Совета Безопасности, лишение его полномочий во всех случаях, имеющих какое-либо отношение к атомной энергии, т. е. означало отстранение Совета Безопасности от важнейших военных вопросов, определяющих соотношение сил, представляющих основные международные проблемы после войны. Во всех этих случаях вопрос о санкциях, включая военные санкции, решает согласно плану Баруха международный контрольный орган простым большинством, которое Вашингтон завербовывал разными способами.

Таким образом, международный контрольный орган с самыми широкими полномочиями был задуман в Вашингтоне как инструмент, с помощью которого можно было бы проводить программу «открытых дверей» в ее новом толковании во всем мире, устанавливая мировой порядок по американскому образцу, распространять влияние США на другие госу-

дарства, навязывать их волю странам и народам. В плане Баруха по существу выдвигалась программа военной и научно-технической гегемонии США в мире.

Советское правительство немедленно отклонило все сочинение, названное планом Баруха. Оно внесло в комиссию ООН по контролю над атомной энергией свои предложения, исходившие из того, что главным вопросом является запрещение атомного оружия. Поэтому оно предложило заключить конвенцию, обязывающую:

«А) не применять ни при каких обстоятельствах атомного оружия;

В) запретить производство и хранение оружия, основанного на использовании атомной энергии;

С) уничтожить в трехмесячный срок, считая со дня вступления в силу настоящей конвенции, весь запас готовой и незаконченной продукции атомного оружия»¹⁰³.

Советское предложение также предусматривало установление суровых наказаний для нарушителей этой конвенции, организацию эффективного контроля и обмен научной информацией в области атомной энергии.

Ни советский, ни американский планы не были приняты. Разногласия сохранялись и в дальнейшем. Но соотношение сил изменилось. К концу 40-х годов в СССР было осуществлено производство атомного оружия. Главный козырь американцев выпал из их рук. Вся агрессивность плана, внесенного Барухом в комиссию ООН, основывалась на монополии США в области атомной энергии. Претенциозность плана пытались оправдывать тем, что в конце концов спустя годы, а может быть десятилетия, правительство и конгресс США, если убедятся, что американский план контроля над атомной энергией осуществляется везде «правильно» и «добросовестно», откроют тайну изготовления атомного оружия. Но СССР сам раскрыл эту тайну намного раньше, чем рассчитывали в Вашингтоне.^{103a}

С потерей США монополии на атомное оружие план Баруха лишился своей основы. Но в годы сохранения этой монополии «атомная дипломатия» составляла важнейший компонент во внешнеполитическом курсе, взятом правительством Трумэна в нарушении международного сотрудничества, на достижение которого Рузвельт потратил много сил. Эта дипломатия достаточно убедительно показала агрессивные замыслы и стремления американского империализма, направленные на подчинение страны и народов диктату Вашингтона, на установление господства доллара на земном шаре.

5. Интервенция в Китай

Курс США на дискредитированный режим Чан Кай-ши. Планы войны против Китая. Запрещение японцам сдаваться Народной армии Китая. Оккупация морской пехотой США Пекина и Тяньцзиня. Миссия Маршалла. Нарушения Чан Кай-ши соглашений с китайскими коммунистами. Переход стратегической инициативы к Народно-освободительной армии. Американская помощь Чан Кай-ши. Крах интервенции и политики США в Китае. Значение победы китайской революции

В то время как в Северной Америке пересматривалась внешняя политика, готовились планы американского руководства миром, выраба-

¹⁰² «Правда», 1946, 23 июня.

^{103a} В официальных кругах США считали, что СССР сможет создать атомное оружие не раньше, чем через 20 лет (см., например: «N. Y. Times Book Review», 12.VI 1977, p. 1).

¹⁰² Baruch B. Op. cit., p. 351.

тивалась «атомная дипломатия», в Восточной Азии нарастали события, изменившие вскоре соотношение мировых сил.

Ко времени капитуляции Японии к югу от Великой китайской стены восточная часть Китая с ее морскими портами была еще занята японскими и марионеточными войсками. На севере существовала революционная власть и большая Народная армия, находившаяся под руководством Китайской коммунистической партии. Значительные силы Народной армии оперировали также в оккупированных японцами провинциях. Власть правительства Чан Кай-ши распространялась лишь на юго-западные провинции. В Вашингтоне, разумеется, был взят курс на Чан Кай-ши.

После поражения Японии и ослабления других империалистических соперников США на Дальнем Востоке в Вашингтоне надеялись, что наступили благоприятные условия для превращения Китая в монополярную сферу влияния американского капитала, в базу для распространения господства этого капитала на другие страны Азии, а также в военный плацдарм против СССР. Эти задачи, как считали в правящих кругах США, можно будет решить только с помощью Чан Кай-ши.

Но продажный режим Чан Кай-ши, дискредитированный в глазах широких масс, не имел опоры в китайском народе. Об этом были достаточно информированы Белый дом и государственный департамент. В постоянных донесениях официальных представителей США в Китае говорилось, что Чан Кай-ши не сможет установить в стране порядок, необходимый для того, чтобы там мог нормально функционировать американский капитал¹⁰⁴.

В то же время официальные представители США признавали силу и авторитет Коммунистической партии и Народной армии в Китае. Их авторитет намного вырос в результате восьмилетней самоотверженной борьбы против японских агрессоров. Государственный секретарь США Ачесон, отмечая, что после окончания второй мировой войны гоминдановские войска оказались «слабыми, деморализованными и непопулярными», писал: «Коммунисты в то время были гораздо сильнее, чем когда бы то ни было»¹⁰⁵.

После капитуляции Японии в Вашингтоне опасались, что если США срочно и энергично не вмешаются, то дни Чан Кай-ши сочтены и китай-

¹⁰⁴ Например, американский посол в Китае в 1944—1945 гг. Б. Хэрли утверждал, что к концу второй мировой войны общее мнение авторитетных лиц США и Китая было таково, что только чудо может спасти режим Чан Кай-ши (*Truman H. Memoirs*, v. 2, p. 62). Позднее Трумэн, говоря о причинах краха американской интервенции в Китае, в частности о причинах неудачи миссии Маршалла, признал: «Миссия Маршалла была неспособна добиться положительных результатов, потому что правительство Чан Кай-ши не пользовалось уважением и поддержкой китайского народа» (*ibid.*, p. 90).

Генерал Стилуэлл, будучи с марта 1942 г. до осени 1944 г. военным представителем США в Чунцине и советником Чан Кай-ши, характеризуя Чан Кай-ши и руководимую им гоминдановскую партию, писал: «Гоминдановская партия, лидером которой он является, некогда выражала подлинные национальные чувства. Но теперь она представляет неопределенное сборище пришедших в упадок и соперничающих фракций, не имеющих ни динамических принципов, ни популярной основы. Чан осуществляет контроль, манипулируя этими фракциями, проявляя ловкое политическое чутье. Его место небезопасно. Его нежелание расширять военную власть, озабоченность обеспечением своего превосходства внутри страны, подозрительность к каждому из его окружения и увеличивающаяся эмоциональная неустойчивость выдают его опасения. Он стал заложником сил, которыми он манипулирует» (цит. по: *Rostow W. The United States in the World Arena*. N. Y., 1960, p. 204).

¹⁰⁵ *United States Relations with China, with a Special Reference to the Period 1944—1949*, Department of State Publication 3573. Wash., 1949, p. 8.

ский народ пойдет за коммунистами. Трумэн писал: «Для нас было совершенно ясно, что, если бы мы приказали японцам сложить оружие немедленно и отправиться к морским берегам, вся страна перешла бы к коммунистам»¹⁰⁶.

Перед Вашингтоном встал вопрос: что делать, как «спасти» Китай от коммунизма и включить его в орбиту американского империализма? В 1945—1946 гг. в военных и дипломатических кругах США было много разговоров и предложений о вторжении в Китай большими силами, достаточными для того, чтобы разбить Народную армию и водворить там удобный Соединенным Штатам порядок. Это, между прочим, признает и сам Трумэн¹⁰⁷. Но руки оказались коротки.

В сложившихся условиях непосредственная война США против Народной армии Китая настолько увеличила бы престиж и популярность этой армии и настолько деморализовала бы войска Чан Кай-ши, что эта война означала бы войну против всего китайского народа, для борьбы с которым понадобилась бы армия, исчисляемая миллионами. Ведь японцы с их двухмиллионной армией в Китае своей цели не достигли. США имели в это время большие морские и воздушные силы у западных берегов Тихого океана, но их сухопутных войск в этом районе было недостаточно, для того чтобы развернуть военные операции с целью покорения Китая. В Вашингтоне нашлись влиятельные люди, понимавшие, что такая операция, даже в ее чисто военном аспекте, обречена на провал.

В Вашингтоне учитывали международное значение этого вопроса. В столице США не сомневались в том, что победоносный Советский Союз не допустит подавления революционного Китая американским империализмом. Это больше всего оказывало свое воздействие на интервенционистские силы, заставляло их умерить свой воинственный пыл. Советский Союз, соблюдая соглашение, заключенное между правительствами СССР и США в Москве в декабре 1945 г. о выводе советских и американских вооруженных сил из Китая, завершил эвакуацию своих войск к маю 1946 г. и, естественно, ожидал, что и США выполнят взятые по этому соглашению обязательства. В США также учитывали реакцию во всем мире, в частности в странах Азии, на войну США против Китая. К тому же американское правительство и его президент были уверены, что народ США не будет мириться с такой авантюрой¹⁰⁸.

Правительство США вынуждено было признать план открытой войны американских войск против Народной армии Китая неосуществимым. Оно решило действовать через Чан Кай-ши, оказывать ему всестороннюю помощь — военную, политическую, дипломатическую, экономическую и др. Другими словами, правительство США решило активно вмешиваться во внутренние дела, осуществлять интервенцию в Китай, воздерживаясь вместе с тем от непосредственных военных действий против Народной армии. Однако в ходе гражданской войны морские и воздушные силы США участвовали не только во вспомогательных операциях, но и в непосредственных военных действиях против Народной армии, а в некоторых случаях участвовали также американская пехота и танки¹⁰⁹.

В соответствии с директивами президента США американское командование запретило японцам сдаваться Народной армии Китая. Немедленно после капитуляции Японии воздушные силы США перебросили три го-

¹⁰⁶ *Truman H. Memoirs*, v. 2, p. 62.

¹⁰⁷ *Ibidem*.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 63, 91.

¹⁰⁹ *Астафьев Г.* Интервенция США в Китае и ее поражение. М., 1958, с. 159—160.

минданоуские армии в районы Нанкина, Шанхая, Пекина и другие важные пункты Восточного и Северо-Восточного Китая. Наряду с этим американцы начали на своих пароходах перевозить на восток и на северо-восток большие контингенты гоминдановских войск речным и морским путем. Вскоре число гоминдановских солдат, переправленных американским морским и воздушным транспортом с целью занятия оккупированных японцами районов, дошло до полумиллиона.

Одновременно в поддержку Чан Кай-ши США увеличили в Китае свои вооруженные силы, насчитывавшие здесь ко времени окончания войны с Японией около 60 тыс. человек. Более 50 тыс. солдат морской пехоты США оккупировали Пекин, Тяньцзинь, железные дороги, угольные шахты и другие ключевые позиции в Северном Китае¹¹⁰. В Пекине и Циньдао были выброшены крупные воздушные десанты американских войск.

Кроме того, на территории Китая оперировали воздушные силы, а в его внутренних водах курсировали крупные морские силы США, не говоря уже о больших группах американских советников и инструкторов в стане Чан Кай-ши.

Официально морская пехота США высадилась в китайских портах для обеспечения эвакуации японцев. Фактически она имела своей целью обеспечение бесперебойного снабжения, охрану коммуникаций и оказание всесторонней помощи войскам Чан Кай-ши.

Параллельно правительство США выступило в роли посредника между Чан Кай-ши и лидерами китайских коммунистов, в качестве сторонника создания коалиционного правительства, чтоб таким путем подлатать потрепанную репутацию гоминдановских властей. Коалиционное правительство американцы мыслили только на базе гоминдановского правительства. Они надеялись, что в результате образования такого правительства создастся передышка, во время которой можно будет с помощью американских вооружений и долларов поднять престиж режима Чан Кай-ши¹¹¹.

Миссию посредника Трумэн возложил на ушедшего в отставку начальника штаба американской армии генерала Дж. Маршалла.

Маршалл прибыл в Китай в декабре 1945 г. и оставался там до января 1947 г. В официальном письменном наказе ему было поручено сообщить Чан Кай-ши, что в дальнейшем он будет получать американскую помощь лишь в том случае, если пойдет на соглашение с коммунистами. В то же время Маршалл был устно информирован государственным департаментом и президентом США о том, что помощь США правительству гоминдана будет продолжаться, если даже оно откажется от соглашения¹¹².

¹¹⁰ United States Relations with China, p. 311, 312, 338.

¹¹¹ Лидеры республиканцев не возлагали особых надежд на коалиционное правительство в Китае и выступали против его создания. Весной 1947 г. Ванденберг заявлял в сенате, что в китайском вопросе нет двухпартийной внешней политики (Taft R. A Foreign Policy for Americans, p. 65).

¹¹² Fels H. The China Tangle.

В апреле 1946 г. в Китай отправился вашингтонский журналист Джон Бийл, который, став консультантом гоминдановского правительства, служил неофициальным связным между этим правительством и Маршаллом. Впоследствии Бийл опубликовал свой дневник, о котором «Нью-Йорк таймс» писала: «Это замечательная и полная картина правительства, руководители которого не доверяют и боятся друг друга, заявляют, что прислушиваются к советам Маршалла о переговорах, но хвастаются перед Бийлом своей способностью уничтожить коммунистов в течение нескольких месяцев; они созывают национальное собрание, почти не соблюдая демократическую процедуру, и тут же пользуются нажимом и убийствами для того, чтобы устранять умеренных и либеральных руководителей» («New York Times Book Review», 21.II 1970, p. 3).

Маршалл проявлял в Китае большую активность. Он летал на север, в районы расположения Народной армии, разговаривал с ее высшими командирами, посетил Яньань и имел там беседу с Мао Цзе-дуном.

Китайские коммунисты активно боролись против того, чтобы Соединенные Штаты заняли место Японии, против превращения Китая в зависимую от Вашингтона и Нью-Йорка страну, в фактическую колонию США. 25 августа 1945 г., сразу после капитуляции Японии, Центральный Комитет Коммунистической партии Китая декларировал, что независимость, мир и демократия составляют основу его послевоенной политики.

Не желая гражданской войны, стараясь добиться непосредственных целей мирным путем, китайские коммунисты терпеливо вели переговоры с гоминдановским правительством.

После трехнедельных переговоров, 10 октября 1945 г., было подписано предварительное соглашение, но гоминдановское правительство его не соблюдало.

В декабре 1945 г. в Чунцин прибыла делегация Коммунистической партии во главе с Чжоу Энь-лаем. 10 января 1946 г. было подписано соглашение о прекращении военных действий между гоминдановскими войсками и Народной армией. Была также достигнута договоренность о созыве Политической консультативной конференции с участием представителей всех партий и групп с целью подготовки проекта конституции, создания коалиционного правительства и решения других вопросов. В день подписания соглашения, 10 января 1946 г., в Чунцине открылась конференция, продолжавшаяся три недели. 31 января она приняла решение об объединении страны и создании коалиционного демократического правительства.

Однако под прикрытием решений Политической консультативной конференции о демократизации страны правительство Чан Кай-ши продолжало концентрировать войска для наступления против Народной армии и сорвало соглашение о прекращении военных действий. Оно добивалось того, чтобы распространить свою власть на Народную армию, а Чан Кай-ши был уверен, что он этого добьется, если не соглашением, то силой. В этом отношении его полностью поддерживал президент США. Отправляя Маршалла со специальной миссией в Чунцин, Трумэн 15 декабря 1945 г. опубликовал заявление о политике США в Китае, в котором он, высказываясь за соглашение между гоминданом и коммунистами и обещая чунцинскому правительству всевозможную помощь, осудил существование самостоятельной «коммунистической армии»¹¹³.

В дальнейшем еще имели место переговоры и даже соглашения о временном перемирии. Но все это гоминдановское правительство старалось использовать как маневр для укрепления своих военных позиций. Под покровительством американцев оно стремилось к тому, чтобы разжечь всеобщую гражданскую войну, и в конце концов оно ее разожгло.

Чан Кай-ши был уверен в превосходстве своих сил. По официальным американским данным, к концу 1945 г. по своей численности гоминдановские войска превосходили регулярные части Народной армии в 5 раз. Во столько же раз они имели больше винтовок. В тяжелом вооружении эта разница была еще больше¹¹⁴. К услугам чанкайшистов были предоставлены американский транспорт и американская авиация, которая почти не встречала сопротивления в воздухе.

¹¹³ «Current History», February 1946, p. 166—168.

¹¹⁴ United States Relations with China, p. 311.

Американцы доставляли гоминдановским войскам вооружение и боеприпасы в большем количестве, чем эти войска могли использовать. Государственный секретарь США Ачесон утверждал, что в решающий период гражданской войны недостаток оружия или снаряжения ни разу не был причиной проигрыша сражения армией Чан Кай-ши. Он также утверждал, что перевес в людях и вооружении эта армия сохранила до осени 1948 г.¹¹⁵ Кроме того, лидеры гоминдана были уверены, что Соединенные Штаты никогда их не оставят и при всех условиях не допустят победы коммунистов в Китае¹¹⁶.

Численное превосходство в людях и вооружении, уверенность в неограниченной американской помощи служили лидерам гоминдана, как писал Ачесон, основой для иллюзий, «что они могут силой оружия уничтожить коммунистов»¹¹⁷. Они хвастали, что им достаточно 8—10 месяцев, для того чтобы сокрушить силы Народной армии¹¹⁸. Поэтому они нарушали все соглашения с коммунистами.

Маршалл в своем указанном выше сообщении, утверждая, что «непримиримая группа в гоминдановской партии, заинтересованная в сохранении ее собственного феодального контроля над Китаем», доминирует в этой партии и в правительстве Чан Кай-ши, писал, что эта группа совершенно открыто, публично заявляет о своей уверенности, что сотрудничество с Коммунистической партией Китая в правительстве невероятно и что только политика силы может определенно решить вопрос.

«Коммунисты, я уверен,— писал далее Маршалл,— чувствуют, что правительство Чан Кай-ши неискренне в принятии резолюций Политической консультативной конференции о формировании нового правительства и намерено при помощи военной силы и действием секретной полиции стереть с лица земли Коммунистическую партию»¹¹⁹.

Переговоры и посредничество Маршалла с целью прекращения огня ни к чему не привели.

Миссия Маршалла, не верившего в боеспособность войск Чан Кай-ши и пытавшегося доступными ему средствами спасти этот обреченный режим, не удалась. В январе 1947 г. Маршалл, заключив, что его дальнейшее пребывание в Китае бесполезно, вернулся в Вашингтон, где он сменил Бирнса на посту государственного секретаря.

Впоследствии в США нашлись политические деятели и публицисты, которые обвинили Маршалла в провале американской политики в Китае, поскольку, отправляясь в Чунцин, он соблюдал лишь официальную письменную инструкцию, игнорируя устное указание президента Трумэна и госдепартамента о готовности США предоставлять всевозможную помощь гоминдановскому правительству, даже если оно откажется от соглашения с коммунистами.

В действительности Маршалл сделал все, что было в его силах, для спасения режима Чан Кай-ши, но на месте Маршалл яснее, чем его единомышленники в Вашингтоне, увидел слабости этого режима, его оторванность от народа. Поэтому Маршалл определенно решил, что единственный шанс сохранения власти Чан Кай-ши — это соглашение с коммунистами и создание вместе с ними коалиционного правительства.

¹¹⁵ United States Relations with China, p. XI, XIV.

¹¹⁶ 7 января 1947 г. Маршалл в своем сообщении о положении в Китае заявил: «Реакционеры в правительстве, очевидно, рассчитывают на существенную американскую помощь независимо от их действий» («Congressional Record», 5.II 1947, p. 841).

¹¹⁷ United States Relations with China, p. XI.

¹¹⁸ Reitzel W. United States Foreign Policy 1945—1955. Wash., 1956, p. 184.

¹¹⁹ «Congressional Record», 5.II 1947, p. 841.

Гоминдановское правительство, занявшее непримиримую позицию, желавшее разрешить разногласия силой оружия, сокрушительным ударом по Народной армии, развязало всеобщую гражданскую войну, закончившуюся для него, как известно, полной катастрофой, крушением режима Чан Кай-ши.

Гоминдановским войскам, развернувшим наступательные операции, хватило инициативы лишь до конца 1946 г. С начала 1947 г. стратегическая инициатива перешла к Народно-освободительной армии, которая удерживала ее в возрастающих размерах до полного освобождения Китая от гоминдановской реакции и ее американских покровителей, до полного разгрома вооруженных сил гоминдана в 1949 г. и бегства Чан Кай-ши на Тайвань. Трумэн утверждал, что между Пекином и Нанкином гоминдановские войска численностью примерно в 5 млн. человек сложили оружие перед Народной армией в 300 тыс. человек¹²⁰.

В начале 1949 г. бывший американский посол в Москве Буллит, посетив Китай, потребовал усиления американской интервенции. Он доказывал, что «американское руководство и контроль» над армиями гоминдана могут еще сохранить для Чан Кай-ши южные районы Китая¹²¹.

Однако победоносное продвижение Народно-освободительной армии на юг страны быстро разбило планы и прогнозы Буллита. Не помогли ни обилие американской техники, ни масса американских советников и инструкторов, ни интервенционистские вооруженные силы США. Американские вооружения и материалы, отправленные для Чан Кай-ши, стали в большей своей части трофеями Народно-освободительной армии Китая.

Официально на спасение режима Чан Кай-ши правительство США ассигновало в виде подарков и кредитов 2 млрд. долл. Оно специально для гоминдановского Китая продлеvalo действие закона о ленд-лизе. В добавление к этому США передали правительству гоминдана излишки военного имущества стоимостью более чем 1 млрд. долл.¹²² В июле 1946 г. конгресс США решил подарить этому правительству 271 военный корабль. Стоимость военных излишков при их реализации переоценивалась и обычно снижалась примерно в 3 раза. Таким образом, в фонд помощи оказавшемуся в беде Чан Кай-ши США внесли непосредственно около 5 млрд. долл.

Указанная сумма не исчерпывает расходов США на борьбу против Народной армии в Китае. Сюда следует прибавить стоимость осуществления самой американской интервенции, содержания американских вооруженных сил и расходы на их операции в Китае: воздушных и морских сил, штабов, советников и инструкторов; переброска воздушным и морским транспортом США больших контингентов гоминдановских войск и другие расходы, которые точному подсчету не поддаются, но которые исчисляются миллиардами долларов. Даже в конгрессе указывали, что операция по спасению режима Чан Кай-ши стоила США не 2 млрд. долл., как принято официально считать, а 3—4 млрд. долл. Впоследствии бывший президент Трумэн утверждал, что одни материалы, отправленные Соединенными Штатами для поддержания этого режима, оценивались в 3,5 млрд. долл. и что эти материалы достались Народной армии Китая¹²³.

Вашингтону трудно было смириться с мыслью о проигрыше войны в Китае. Там до последней минуты пытались спасти тонущий режим Чан

¹²⁰ Miller M. Plain Speaking. N. Y., 1974, p. 283.

¹²¹ «Current History», March, 1949, p. 187.

¹²² United States Relations with China, p. XV.

¹²³ «Congressional Record», 27.VI 1947, p. A3381; Miller M. Op. cit., p. 282—283.

Кай-ши. США заключали соглашения с гоминдановским правительством не только в 1947, но и в 1948 г., когда под непрерывными ударами Народно-освободительной армии этот прогнивший строй разваливался, как непрочное здание от землетрясения. Эти соглашения по существу предусматривали установление, сохранение и обеспечение военного, экономического и политического контроля США над Китаем, обеспечение грабежа, угнетения и эксплуатации великого народа. Спустя более 10 лет печать Уолл-стрита жаловалась, что во время гражданской войны в Китае англичане ввели американцев «в заблуждение»: англичане-де говорили, что все происходящее там — «это только аграрная революция»¹²⁴.

Учитывая роль, которую декларированная Коммунистической партией в мае 1946 г. аграрная реформа, в частности политика конфискации владений крупных землевладельцев и распределения земли среди крестьян, сыграла в подъеме широких народных масс на борьбу с феодальной гоминдановской реакцией, — американское правительство заключило в августе 1948 г. соглашение с правительством Чан Кай-ши об образовании из представителей США и чанкайшистов специальной комиссии по реконструкции китайской деревни. Это запоздалое сомнительное средство, как и другие «пожарные» мероприятия, которые в Китае пытались осуществить Соединенные Штаты в 1948 г., ничего не могло ни спасти, ни изменить, ни остановить.

В это время (в августе 1948 г.) США официально отказались от создания в Китае коалиционного правительства¹²⁵. Им нужно было в Китае не коалиционное правительство вообще, а правительство определенного состава. В Вашингтоне цеплялись за такой план до тех пор, пока лелеяли еще какую-то надежду на создание коалиционного правительства, разумеется, на основе и при сохранении власти Чан Кай-ши.

Крах интервенции и политики США в Китае рассматривался в руководящих кругах американского империализма не только как крупнейшее поражение, но и как катастрофа, вселяющая страх и тревогу за судьбы капитализма.

Профессор Чикагского университета Ганс Моргентау, оценивая значение крушения интервенции в Китае, писал: «Анализ непосредственных последствий нашего провала в Китае показывает, что это одно из самых ужасных поражений, которое когда-либо терпела наша внешняя политика. В далеко идущей перспективе этот провал угрожает оказать колоссальное, беспрецедентное воздействие на весь западный мир, стать событием, с которого будущие историки начнут датировать окончательный упадок Запада в его отношениях с цветными расами»¹²⁶.

Государственный секретарь Ачесон, констатируя крушение американской интервенции в Китае, нашел утешение и оправдание в признании, что перед революционной бурей, всколыхнувшей самую многолюдную в мире страну, капиталистическая Америка оказалась совершенно бессильной. Он писал: «Печальный, но неопровержимый факт таков, что злоеший итог гражданской войны в Китае не зависел от правительства Соединенных Штатов. Ничто из того, что оно сделало или могло сделать в разумных пределах его возможностей, не в состоянии было изменить этот итог. Это был результат действия внутренних сил Китая, сил, на которые США старались влиять, но не смогли»¹²⁷.

Вскоре после окончания второй мировой войны президент США Трумэн заявил, что по всем вопросам Дальнего Востока точке зрения Вашингтона следует отдавать предпочтение. Однако всего лишь три года спустя после этого заявления китайский народ доказал, что он предпочел свою собственную точку зрения.

Поражение мирового империализма в Китае повлияло на всю дальнейшую политику США во всем мире. Оно нашло свое отражение в неимоверной злобе реакционных кругов американского империализма по отношению к социалистическому лагерю, в неразумном, но упорном игнорировании, непризнании Китайской Народной Республики, в разжигании «холодной войны» и в призывах к превентивной горячей войне.

После потери своих позиций в Китае американский империализм поспешил выдвинуть «план Маршалла» — план «спасения капитализма» в Европе. Вслед за этим планом, как увидим дальше, Вашингтон создал под своим руководством ряд систем военных союзов в Америке, в Европе, на Ближнем и на Дальнем Востоке.

¹²⁴ «Magazine of Wall Street», 25.IV 1959, p. 128.

¹²⁵ United States Relations with China, p. 279.

¹²⁶ Morgenthau H. In Defence of National Interest. N. Y., 1952, p. 208.

¹²⁷ United States Relations with China. Op. cit., p. XVI.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

1. «Доктрина Трумэна» и «план Маршалла»

Сущность «холодной войны». Совет по планированию политики. Создание министерства обороны, Национального совета безопасности и Центрального разведывательного управления. Политика «сдерживания». «Доктрина Трумэна». Московская сессия министров иностранных дел весной 1947 г. Англия и США против общегерманских выборов. Экономические основы и военно-политическое назначение «плана Маршалла». Оппозиция к этому плану в конгрессе США. Роль «плана Маршалла» в восстановлении военно-промышленного потенциала Западной Германии. Кампания поджигателей войны. Призывы к превентивной войне. Сепаратные действия США в Западной Германии. Конференция в Рио-де-Жанейро. Девятая панамериканская конференция в Боготе. Усиление роли нефтяных монополий в ближневосточной политике США. Глобальный характер американской политики «холодной войны»

За два года, истекшие со времени разгрома гитлеровской Германии, произошли великие исторические события, изменившие и продолжавшие изменять политический колорит земного шара.

В итоге второй мировой войны чрезвычайно вырос авторитет Советского Союза — освободителя народов от фашистского ига. В Европе образовались и крепились государства народной демократии. В Китае Народно-освободительная армия развернула победоносное наступление за освобождение страны от гоминдановской реакции и ее американских покровителей.

Угнетенные народы Азии, Африки и Латинской Америки поднялись на борьбу против колониализма, восстали против чужеземного капитала, против «бремени белого человека». Огромные социальные динамические силы привели в движение больше половины населения земного шара, ультимативно требовавшего государственной независимости, немедленных перемен — политических, экономических, общественных и др. Под непрерывными ударами национально-освободительного движения сокращались владения империализма, слабели позиции мирового капитализма.

В главной капиталистической стране — Соединенных Штатах Америки, — претендовавшей на руководство миром, сменился состав правительства, а затем и конгресса. Новое правительство, встревоженное победами национально-освободительного, прогрессивного, революционного, антиколониального, антиимпериалистического и антикапиталистического движения во многих странах, пересматривало курс внешней политики Франклина Рузвельта. Реакционный блок в новом, 80-м конгрессе, вознамерившись выжечь каленым железом все прогрессивное, что было завоевано в годы «нью дил» внутри страны, выступал за ликвидацию «наследия Рузвельта» и во внешней политике.

Речь Черчилля в Фултоне, выступление Бирнса в Штуттгарте, отречение Трумэна от предложенной Уоллесом программы международного сотрудничества и «атомная дипломатия» Баруха послужили увертюрой к более опасным акциям, связанным с политикой Вашингтона, названной зловещными словами «холодная война».

«Холодная война» — это послевоенный внешнеполитический курс Вашингтона, направленный против Советского Союза и других стран социалистического лагеря. Это глобальная политика, которой следовали США в своих конкретных дипломатических действиях в различных частях земного шара, ориентируясь не на мирное сосуществование, а на неизбежную вооруженную борьбу двух систем.

Впервые слова: «холодная война» произнес публично Бернард Барух 16 апреля 1947 г. в своей речи в законодательном собрании штата Южная Каролина. Это сильное выражение, как и всю речь, заготовил для Баруха известный журналист Герберт Своуп. Изречение Своупа подхватил Уолтер Липпман и пустил его в оборот по многочисленным газетам, в которых печатались его статьи. Вскоре слова «холодная война» начали широко употребляться в мировой прессе, стали ходовыми во всех странах.

«Холодную войну» на Западе стали рассматривать не как эпизод, не как кратковременное явление, а как процесс, затягивающийся на многие годы, возможно, на десятилетия. В соответствии с этим в Вашингтоне предприняли ряд организационных мероприятий по военной и дипломатической линии.

Вскоре после прихода в государственный департамент Маршалл решил создать новый отдел — Совет по планированию политики в составе высококвалифицированных специалистов. Совету поручено было заниматься формулированием и разработкой долгосрочной программы внешней политики США, рассчитанной на 5—10 и более лет, а также изучать и подготавливать доклады о широких политических проблемах.

Новый отдел государственного департамента начал официально функционировать с 5 мая 1947 г. Руководство отделом Маршалл возложил на бывшего советника американского посольства и будущего посла США в Москве Джорджа Кеннана. Назначение Кеннана, считавшегося в Вашингтоне крупным знатоком СССР, подчеркивало, что Маршалл нашел необходимым планировать внешнюю политику в связи с тем, что советско-американские отношения заняли центральное место в работе государственного департамента.

Идею планирования внешней политики Маршалл заимствовал у штаба американской армии, начальником которого он был до конца 1945 г. В штабе армии давно существовало Управление планирования военных операций, во главе которого одно время стоял будущий президент Д. Эйзенхауэр. Управление планирования военных операций оказывало влияние только во время войны. Совет по планированию политики стал оказывать постоянное воздействие на внешнюю политику США и играл важную роль в этой политике до 1953 г., т. е. до того времени, когда Даллес стал государственным секретарем. В 1961 г., когда президентом стал Джон Кеннеди, роль этого совета, возглавлявшегося Уолтером Ростоу — ближайшим доверенным президента, увеличилась, но со смертью Кеннеди влияние совета резко снизилось.

В том же 1947 г., 25 июля, конгресс США постановил создать министерство обороны, объединяющее сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы. Для подготовки согласованной общей стратегии и для разработки планов взаимодействия всех видов вооруженных сил был соз-

дан Комитет начальников штабов, состоящий из пяти человек — председателя комитета, начальников штабов армии, военно-морских и военно-воздушных сил, а также командующего корпусом морской пехоты.

Вместе с тем конгресс решил создать Совет национальной безопасности из пяти членов — президента и вице-президента США, государственного секретаря, министра обороны и начальника Управления мобилизации. По усмотрению президента на заседания Совета национальной безопасности могут быть приглашены также и другие руководители федеральных учреждений США. Обычно на этих заседаниях помимо постоянных членов Совета присутствуют советник президента по вопросам национальной безопасности, министр финансов, директор бюджета, председатель Комитета начальников штабов, министр юстиции, директор Центрального разведывательного управления, председатель Комиссии по атомной энергии, начальник Управления авиации и изучения космического пространства. Указанным постановлением конгресс предусмотрел также реорганизацию Центральной разведывательной группы в Центральное разведывательное управление при Совете национальной безопасности. Директор Центрального разведывательного управления, а также председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США являются постоянными советниками Совета национальной безопасности. Совет собирается раз в неделю для рассмотрения важнейших вопросов внешней военной политики США.

Особое место занимает и вызывает много шума завоевавшее худую славу Центральное разведывательное управление — ЦРУ. ЦРУ было образовано при Совете национальной безопасности как консультативный орган, координирующий деятельность, суммирующий и обобщающий результаты всей разведывательной службы США: армии, флота и авиации, Бюро по разведке и исследованиям госдепартамента, информационного отдела Комиссии по атомной энергии, а также Федерального бюро расследования (ФБР). На деле ЦРУ стало играть большую роль в глобальной агрессивной политике Вашингтона. Из источника информации о проведении этой политики оно превратилось во влиятельный орган, неоднократно определявший позицию Белого дома и госдепартамента в решении важнейших международных вопросов.

В 1949 г. власть ЦРУ резко усилилась. Его директор получил право нанимать и увольнять сотрудников по своему личному усмотрению и тратить любую сумму без какого-либо отчета. В отличие от других федеральных учреждений штат и расходы ЦРУ оказались вне сферы контроля конгресса и министерства финансов. Его аппарат насчитывал в 1975 г. 16 тыс. человек. За четверть века его существования штат американских разведывательных органов доходил до 150 тыс. человек с официально объявленным годовым бюджетом, превышающим 6 млрд. долл.¹

¹ В 1973 г. сенатор Уильям Проксмайер утверждал, что вся разведывательная служба США обходится стране в 6200 млн. долл. в год, из них, по оценке вашингтонского журнала, близкого к Пентагону, на долю ЦРУ приходилось от 750 млн. до 2 млрд. в год («U. S. News and World Report», 7.IV 1973; 7.V 1973, p. 80).

В январе 1976 г. комиссия палаты представителей, обследовавшая деятельность разведывательных органов, пришла к выводу, что все федеральные службы, ведущие разведывательную деятельность в других странах, обходятся Соединенным Штатам в 10 млрд. долл. в год («New York Times», 25.I 1976).

Минимальный бюджет ЦРУ оценивался в 750 млн. долл. Национальное агентство безопасности, занимающееся перехватом и расшифровкой официальных донесений, имело в 1975 г. штат в 20 тыс. сотрудников и бюджет в 1 млрд. долл.; соответствующие цифры для разведки сухопутных сил — 38 500 и 775 млн., флота — 10 тыс. и 775 млн., военно-воздушных сил — 60 тыс. и 2800 млн., министерства обо-

В активе ЦРУ числятся путчи, заговоры и свержение неугодных Вашингтону иностранных правительств. Примерами могут служить организация государственного переворота в Гватемале в 1954 г., а также позорно провалившееся вторжение на Кубу в 1961 г. В 1954 г. был обнаружен тайный туннель, прорытый по распоряжению ЦРУ для перехвата телефонных разговоров в Восточном Берлине. В 1973 г. в Чили с помощью ЦРУ военная хунта захватила власть вооруженным путем и установила фашистскую диктатуру.

Как утверждал в номере от 12 сентября 1976 г. «Нью-Йорк таймс мэгэзин», за 20 лет ЦРУ осуществило вмешательство в дела иностранных государств 900 раз.

В распоряжении ЦРУ находятся новейшая электронная техника, самолеты-шпионы, как, например, сбитый 1 мая 1960 г. в районе Свердловска самолет У-2, спутники-шпионы, непосредственно находящиеся под контролем министерства обороны, и др. По заказу ЦРУ производятся исследования в университетах и в научных институтах, в упомянутой корпорации РЭНД, в институте оборонных исследований, расположенном на территории Принстонского университета и др.

Газета «Нью-Йорк таймс», обозревая в апреле 1966 г. деятельность ЦРУ, поставила вопросы, которые, как она утверждала, «постоянно задают во всем мире»: «Этот секретный орган, который известен как свергающий и водворяющий правительства, который создает армии, подготовил вторжение на Кубу, шпионит и контршпионит, строит воздушные линии, радиостанции и школы, поддерживает некоторые виды бизнеса, издание книг и журналов, не выходит ли он из-под контроля предполагаемого его политического хозяина? Может ли ЦРУ тратить огромные суммы на выкуп, подкуп и подрывную деятельность бесконтрольно и независимо от последствий? Обманывает ли ЦРУ политических лидеров США или его влияние на них доходит до такой степени потому, что этот орган действительно является «невидимым правительством», более сильным, чем даже президент?»²

К двадцатилетию существования ЦРУ было обнаружено, что оно вовлекло в подрывную деятельность за границей Национальную студенческую ассоциацию и другие молодежные организации США. ЦРУ финансировало издательства и радиовещательные станции, научные, культурные, технические, религиозные и другие организации, а также их деятельность за пределами США. Оно осуществляло подкуп реакционных лидеров профсоюзов³, щедро финансировало союз журналистов. Зачастую ЦРУ щедро «награждает» за заслуги не прямо, а окольным путем, в частности через «филантропические фонды»⁴.

роны — 5 тыс. и 100 млн., Бюро разведки и исследований государственного департамента — 350 сотрудников и 8 млн. долл. («New York Times Magazine», 21.XII 1975, p. 15—16; «U. S. News and World Report», 7.V 1975, p. 23).

² «Congressional Record», 3.V 1966, p. 9111.

Подрывную роль ЦРУ в Иране и Гватемале в тот период, в частности, признал в своей книге сам его директор Аллен Даллес (Dulles A. The Craft of Intelligence. N. Y., 1963, p. 224). Об этой роли в Гватемале писал также президент Эйзенхауэр («N. Y. Times», 22.IX 1974, section 4, p. 1).

³ Хотя председатель АФТ — КПП Джордж Мини, заведующий его международным отделом Джей Ловстон и другие подобные профсоюзные боссы отрицали факт финансирования ЦРУ их деятельности за границей, известный публицист Дрю Пирсон утверждал, что отделу, возглавляемому Ловстоном, было предоставлено за счет ЦРУ через различные каналы около 100 млн. долл. («Political Affairs», May 1967, p. 19; «Time», 24.II 1967, p. 11—12; «U. S. News and World Report», 6.III 1967, p. 28—29).

⁴ «Political Affairs», May 1967, p. 19; «U. S. News and World Report», 6.III 1967, p. 28—29).

С течением времени происходят изменения в структуре и во взаимоотношениях разведывательных органов США. Каждый новый президент вносит и действительность громоздкого разведывательного аппарата свою лепту. Но ЦРУ продолжает оставаться главным конструктором и проводником шпионских, подрывных и диверсионных операций. Его директор является председателем президентского совета по делам разведки.

Со дня основания ЦРУ проявляло себя как неотъемлемый инструмент в проведении послевоенной глобальной политики Вашингтона.

Фред Кук в специальной работе о ЦРУ пришел к следующему заключению: «Президенты толкуют о мире, а ЦРУ ниспровергает режимы, замышляет саботаж и перевороты, насаждает наркоманию в дружественных государствах, направляет военные вторжения и поддерживает реакционных милитаристов».

Называя саботаж, диверсию, лутчи и интервенцию «черной магией», Кук продолжает: «По нашей конституции только конгресс имеет право объявлять войну... Однако сегодня мы практикуем «черную магию» в таких больших размерах и окутываем ее такой мантией лжепатриотической таинственности, что ни народ, ни его сторожевые псы в конгрессе не имеют ни малейшего представления о том, что нас ожидает, пока это не случается, пока не становится слишком поздно. По существу ЦРУ — этот корень зла — стало громадным чудовищем, возвышающимся над созданным его конгрессом»⁵.

Перечисленные выше организационные мероприятия, проведенные в 1947 г. в аппаратах военных ведомств и министерства иностранных дел США, были обусловлены новым агрессивным курсом, политикой «холодной войны».

Еще в феврале 1946 г., когда Черчилль обсуждал с Трумэнem приготовленную для Фултона речь, советник американского посольства в Москве Кеннан отправил в Вашингтон пространный доклад. Утверждая, что

⁵ «Nation», Special Issue, 24.VI 1961, p. 570.

После Уотергейтского скандала, завершившегося отставкой президента Никсона в августе 1974 г., газета «Нью-Йорк таймс», поддержанная другими органами печати, обвинила ЦРУ в незаконных действиях, направленных против американских граждан, выразивших свое недовольство войной во Вьетнаме и другими мероприятиями Вашингтона. При этом печать США указывала, что действия ЦРУ выходят за рамки его полномочий и нарушают закон 1947 г. о создании этого учреждения.

В результате были образованы три комиссии — президентская, сената и палаты представителей — по расследованию деятельности ЦРУ.

Президентскую комиссию возглавлял вице-президент США Нельсон Рокфеллер. Хотя его комиссия старалась всячески выгородить ЦРУ, она все же после пяти месяцев расследования признала, что агенты ЦРУ совершали преступные действия по отношению к гражданам США, в том числе «перлюстрацию почтовых отправлений, подслушивание телефонных разговоров, тайную установку микрофонов, совершение вломоов, проникновение в антивоенное и негритянское движение, испытание вредных наркотиков на ничего не подозревавших людях и сочинение огромных досье на много тысяч американских граждан» («Newsweek», 23.VI 1975, p. 19).

Сенатор Фрэнк Черч, возглавлявший специальную сенатскую комиссию по расследованию незаконной деятельности ЦРУ, утверждал, что отчет Рокфеллера представляет лишь «верхушку айсберга» («U. S. News and World Report», 23.VI 1975, p. 18).

20 ноября 1975 г. эта комиссия сената опубликовала доклад, в котором она обвиняла ЦРУ в организации заговоров с целью убийства иностранных политических деятелей, неудобных Вашингтону. По данным этого доклада, ЦРУ с 1960 по 1965 г. организовало по меньшей мере восемь неудачных заговоров против главы правительства Кубы Фиделя Кастро. Комиссия также установила причастность ЦРУ к заговорам, завершившимся убийством Патриса Лумумбы в Конго, генерала Рене Шнейдера в Чили и других политических деятелей.

американцы не имеют и отдаленного представления о том, что происходит в Советском Союзе, и что политика правительства США в отношении СССР выражает скорее «желаемое» Вашингтоном, чем реально возможное, Кеннан взялся объяснить причины настороженности Москвы по отношению к послевоенной политике Вашингтона. Он писал, что Советы одержимы «традиционным и инстинктивным чувством опасности», уходящим своими корнями в глубь веков, когда образовалась Московская Русь, опасавшаяся набегов кочевников. В наше время, в советский период, капиталистическое окружение еще больше укрепило, по мнению Кеннана, традиционное чувство опасности.

Не стоило бы останавливаться на сочинениях советника американского посольства в Москве, если бы их автор не оказал большого влияния на практическую деятельность государственного департамента⁶.

Ознакомившись с докладом Кеннана, Трумэн поручил своему советнику Клиффорду дать оценку этому докладу. Клиффорд, который более 20 лет спустя стал министром обороны в кабинете Джонсона и приобрел известность как ярый поборник грязной, позорной войны во Вьетнаме, при Трумэне подвизался в роли подстрекателя «холодной войны» против СССР. После консультации с Д. Ачесоном, Дж. Форрестоллом, Дж. Маршаллом, Р. Ловеттом, А. Гарриманом и другими Клиффорд 24 сентября 1946 г. вручил президенту США меморандум на 70 страницах. Отмечая в этом меморандуме, что «самая серьезная проблема, стоящая перед Соединенными Штатами сегодня, — это американо-советские отношения», Клиффорд заключил, что с Советским Союзом следует разговаривать «языком военной силы»⁷.

«Исторический анализ» Кеннана настолько понравился в Вашингтоне и произвел такое впечатление на нового государственного секретаря — Дж. Маршалла, что он назначил Кеннана руководителем Совета по планированию политики.

В июле 1947 г. Кеннан выступил в журнале «Форин Аффферс» под псевдонимом «Г. Икс» со статьей, в которой он старался обосновать предлагаемый им враждебный курс США по отношению к Советскому Союзу. Он выдвинул в этой статье идею политики «сдерживания» СССР. Он говорил, что гибкой политике Советского Союза бесполезно противопоставлять отдельные, спорадические мероприятия. Советскую активность, продолжал он, необходимо сдерживать «находчивым и бдительным применением контрмер в различных, постоянно меняющихся географических и политических пунктах сообразно переменам и маневрам советской политики». Он призывал воздвигнуть барьеры, окружить кольцом — политическим, экономическим и военным — СССР и союзные с ним страны.

Политика «сдерживания» отнюдь не была программой, предусматривающей ответные действия, как ее изображали тогда в Вашингтоне. Она осуществлялась как сугубо агрессивная, наступательная политика. Она представляла вызов не только Советскому Союзу и другим социалистическим государствам, но и всему демократическому и национально-освободительному движению во всем мире. Вашингтон угрожал своей монополией на атомную бомбу. Через десять лет сам Кеннан признал, что он «никогда не считал реальной угрозой военной экспансии со стороны

⁶ «Хотя время от времени, — писал американский историк В. Вильямс, — предлагались и другие оценки, но то объяснение советского образа действий, которое было дано в 1946—1947 годах Джорджем Фростом Кеннаном, явилось основой и задавало тон американскому суждению о русских делах, за исключением очень маленькой группы лиц» (Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960, с. 181).

⁷ «New York Times Magazine», 28.I 1968, p. 21.

Советского Союза». А Джон Фостер Даллес заявил в сентябре 1949 г., что информация, полученная им от правительств США и Европы, не свидетельствует о намерениях СССР напасть на Западную Европу⁸.

Еще в 1946 г. в правящих кругах США поговаривали, что следует предпринять активные действия для спасения и укрепления капитализма в Западной Европе. Эти разговоры вылились в определенные планы с приходом в государственный департамент Маршалла, живого свидетеля провала американских усилий в Китае. Маршалл требовал принятия срочных мер. Он считал, что как «план Дауэса» после первой мировой войны помог экономической и политической стабилизации капитализма, так и сейчас миллиарды американских долларов должны спасти капитализм в Западной Европе.

Ассигнование миллиардов долларов зависит от конгресса США. В конгрессе же существовала сильная оппозиция расходованию больших сумм для проведения «спасательных операций» в Европе; эта оппозиция учитывала неимоверно выросший за время войны государственный долг и послевоенную инфляцию, сильно проявившуюся после отмены контроля над ценами в середине 1946 г.

Правительство США, проделав предварительно большую подготовительную работу, решило для начала предложить конгрессу план расходов не миллиардов, а сотен миллионов долларов, решило начать проведение задуманного большого плана «холодной войны» не в Западной Европе, а на ее юго-восточной окраине — в Греции и Турции.

В новой глобальной политике «холодной войны» Вашингтона против стран социалистического лагеря Турция и Греция имеют особое стратегическое значение. Обе эти страны расположены на стыке Европы и Азии. Турция владеет Дарданеллами — воротами к берегам СССР, Румынии и Болгарии. Она расположена между Советским Союзом и нефтеносными землями Ближнего Востока, ставшими лакомым куском для очень влиятельных монополий США. Отсюда монополистический капитал США решил начать операции в затеянной им «холодной войне».

25 сентября 1946 г. правительство США обсуждало вопрос о предоставлении военной и экономической помощи Турции и Греции. Но нужен был повод, для того чтобы заручиться согласием конгресса.

Формальный повод для вмешательства правительство США нашло в продолжавшейся гражданской войне в Греции. С октября 1944 г. в Греции находились английские войска, с помощью которых была восстановлена монархия и велась борьба против революционных, прогрессивных сил страны.

К началу 1947 г. английское правительство, испытывая большие финансовые затруднения и погруженное в заботы о сохранении Британской империи, решило переложить «бремя борьбы с коммунизмом в Греции» на Соединенные Штаты. 21 февраля того же года оно довело свои пожелания до сведения Белого дома, будучи уверено в том, что Белый дом и государственный департамент охотно примут предложение Лондона. И оно не ошиблось.

Трумэн и Маршалл ухватились за предложение англичан. Оставалось только обработать лидеров обеих партий в конгрессе. Но еще до одобрения конгрессом из США в Грецию и Турцию снаряжались пароходы с оружием и продовольствием, и к греческим берегам отправилась американская эскадра в составе 10 военных кораблей, включая авианосец⁹.

⁸ Osgood R. NATO. Chicago, 1962, p. 50.

⁹ Truman H. Memoirs, v. 2. N. Y., 1955, p. 107.

27 февраля и 10 марта 1947 г. в Белом доме происходили заседания правительства с лидерами обеих партий в конгрессе. На первом заседании Маршалл обрисовал положение на Ближнем Востоке так, будто судьба США решается в Афинах.

На втором заседании, более многочисленном, присутствовал и лидер большинства в сенате Тафт. Тафт был одним из немногих столпов республиканской партии, не расставшихся окончательно с багажом бывшего изоляционизма. От него сейчас многое зависело, а правительство не было уверено в его поддержке. Но Тафт был непримиримым врагом революционного движения, где бы оно ни происходило. Его уверяли, что без американского вмешательства в греческие дела увеличится численность коммунистических партий в других средиземноморских странах, в частности в Италии и во Франции. Аргумент подействовал.

Лидеры обеих партий в конгрессе обещали поддержать предложение правительства об ассигновании 400 млн. долл. для проведения американской политики в Греции и Турции. Для убедительности Ванденберг советовал Трумэну самому выступить по этому вопросу на объединенном заседании обеих палат конгресса.

12 марта 1947 г. Трумэн произнес речь на объединенном заседании сената и палаты представителей. Отметив вначале, что серьезность положения заставила его явиться перед общим собранием конгрессменов, он обрисовал мрачными красками положение в Греции. «Греческое правительство, — говорил он, — работает в условиях хаоса и отчаяния... Греческая армия мала и плохо экипирована. Она нуждается в снабжении и в вооружении для того, чтобы восстановить власть правительства над всей территорией Греции»¹⁰.

Признавая, что он предлагает вмешиваться во внутренние дела других, далеких от Америки государств и что курс, который он рекомендует взять, очень серьезный, Трумэн пытался оправдать свою политику тем, что США должны вмешиваться в жизнь других народов якобы для того, чтобы помогать большинству против меньшинства. В действительности, как отметил Д. Горовиц в книге «Колосс свободного мира», США неуклонно поддерживают за границей имущих против неимущих, образующих явное большинство.

Заявив, что «мир не стоит на месте и что статус кво не нерушим», Трумэн дал понять, что США согласятся лишь с такими изменениями в мире, какие они считают правильными. Если, говорил он дальше, США откажутся «от оказания помощи Греции и Турции в этот роковой час, то это будет иметь далеко идущие последствия для Запада, так же как и для Востока». И Трумэн просил конгресс ассигновать на «помощь» этим двум государствам в течение ближайших 15 месяцев 400 млн. долл. В заключение Трумэн сказал, что США потратили на вторую мировую войну 341 млрд. долл., что ассигнования, которые он сейчас предлагает, это пустяки: всего лишь около 0,1% расходов Соединенных Штатов на эту войну.

Обращение президента США 12 марта 1947 г. к конгрессу получило название «доктрины Трумэна».

Несмотря на проведенную подготовительную работу, «доктрина Трумэна» встретила сильную оппозицию в конгрессе. Прения затянулись на два месяца. В конгрессе многие отдавали себе отчет в том, что означает затея президента США. Один конгрессмен в своем выступлении заявил: «Мистер Трумэн требует вмешательства Америки в крупном масштабе в

¹⁰ «Congressional Record», 12.III 1947, p. 1999.

политические, экономические и военные дела Балкан. Он говорит о таком вмешательстве также в другие страны... Если бы это даже было желательным, США не так сильны, чтобы управлять миром с помощью военных сил»¹¹.

В палате представителей из 435 конгрессменов только 287 удалось убедить в пользу предложения Трумэна, 107 голосовали против, а из 96 сенаторов 67 голосовали за и 23 против. Через 10 недель после выступления в конгрессе, 22 мая 1947 г., Трумэну удалось подписать билль об ассигновании 400 млн. долл.

Трумэн сравнивал свою доктрину с «доктриной Монро»¹². Но «доктрина Монро» предусматривала невмешательство Америки в дела других континентов. Трумэн не только распространил свою доктрину на государства, расположенные в Европе и в Азии, но и пошел гораздо дальше. Монро выступил против вмешательства иностранных государств во внутренние дела латиноамериканских стран. Трумэн взял на себя защиту существующего строя в Турции и Греции не только против внешней, но и против внутренней угрозы. Он поступил так же, как за столетия до него «Священный союз» европейских монархистов, который защищал старые реакционные режимы и против которого как раз выступил Монро. Таким образом, между этими двумя доктринами имеется существенное различие.

22 мая 1947 г. «доктрина Трумэна» вступила в силу. Конгресс, санкционируя вмешательство США во внутренние дела стран Ближнего Востока, одобрил агрессивный, опасный новый внешнеполитический курс — курс на поддержку Вашингтоном реакционных сил и режимов во всем мире, курс, поистине чреватый далеко идущими последствиями. Своей доктриной Трумэн добился того, что конгресс возложил на США односторонние обязательства, не обеспечив себя ни союзниками, ни поддержкой ООН.

Бывший сотрудник госдепартамента, член его плановой комиссии Халле, обзревая изменения, которые «доктрина Трумэна» внесла во внешнюю политику Америки, писал: «В удивительно короткое время — меньше чем за месяц — мы перевернули политику президента Рузвельта и связали себя с курсом на проведение дипломатии силы в Европе»¹³. «Доктрина Трумэна, — утверждал обозреватель «Нью-Йорк таймс» Артур Крок, — означала полный отход от традиционной политики»¹⁴. «Было ясно, — писал Уолтер Ростоу, — что доктрина Трумэна возлагает на страну гораздо более широкие обязательства, чем те, которые связаны с Грецией и Турцией»¹⁵.

В соответствии с этой доктриной правительство Трумэна, в частности, решило оказать военную помощь Франции в ее колониальной войне в Индокитае, что в конечном итоге привело к скандальной и позорной для Америки войне во Вьетнаме.

Маршалл все подготовил для утверждения «доктрины Трумэна». Но, когда президент США зачитал свое послание в конгрессе, государственно-го секретаря не было в Вашингтоне. Он находился на 4-й сессии Совета министров иностранных дел, открывшейся в Москве 10 марта и продолжавшейся до 25 апреля 1947 г.

¹¹ «Congressional Record», 18.III 1947, p. 2289, 2291.

¹² Truman H. Memoirs, v. 2, p. 402.

¹³ Halle L. American Foreign Policy. London, 1960, p. 294—295.

¹⁴ «U. S. News and World Report», 1.III 1965, p. 29.

¹⁵ Rostow W. Op. cit., p. 209.

Проблемы государственного устройства Германии и ее демилитаризации были основными вопросами этой сессии. Делегация СССР предложила до конца 1948 г. ликвидировать военно-промышленный потенциал Германии. Маршалл, как и его предшественник Бирнс, наоборот, вел линию на восстановление этого потенциала. Его поддержал министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин.

По вопросу о государственном устройстве делегация СССР, отметив, что Советский Союз не собирался расчленять Германию, высказалась за образование общегерманского правительства и общегерманского парламента с предоставлением известной автономии землям в рамках единого германского государства.

Маршалл и Бевин возражали против создания в Германии единого централизованного государства. Они отстаивали план федерализации Германии с весьма ограниченной центральной властью, с предоставлением очень широких прав отдельным землям, которым они пытались придать в большой мере характер самостоятельных государств.

Мы уже отмечали, что еще в Ялте США и Англия продолжали толковать о расчленении Германии на ряд отдельных самостоятельных государств. В какой-то мере расчленение Германии они допускали еще в 1947 г. Расчлененная Германия импонировала прежде всего американским и английским монополиям, стремящимся подчинить немецкую экономику своему влиянию и избавиться надолго от сильной конкуренции германских фирм на европейском и мировом рынках.

Кроме того, центральное правительство и общегерманский парламент мыслимо было образовать только в Берлине. США и Англия не хотели, чтобы центральная общегерманская власть образовалась в центре советской зоны оккупации.

Наконец, в 1947 г., когда следы катастрофы, постигшей немцев, были еще свежи, когда руины и зияющие раны свидетельствовали на каждом шагу, до чего довел страну гитлеровский фашизм, правительства США и Англии опасались, что общегерманские выборы, вытекавшие из предложенного советской делегацией плана государственного устройства Германии, не дадут желательных для правительств США и Англии результатов.

Советская делегация предложила провести в Германии плебисцит: предоставить самим немцам возможность высказаться, какой проект государственного устройства Германии они предпочитают — советский или англо-американский.

Бевин, к мнению которого присоединился Маршалл, решительно возражал против какого бы то ни было общегерманского голосования, общегерманского опроса. Он заявил: «Я вовсе не намерен ставить в зависимость от немецкого плебисцита безопасность представляемой мной страны. Речь идет о нашей безопасности, которую мы здесь должны принять во внимание, а также о безопасности стран, пострадавших от Германии... Мне все равно, являются ли немцы социалистами, консерваторами или коммунистами, — лишь бы они были миролюбивы. Но мне не все равно, если немецкому центральному правительству автоматически будут предоставлены широкие полномочия»¹⁶.

Конечно, Бевину, а тем более Маршаллу далеко не все равно было, за кого проголосуют немцы — за консерваторов или за коммунистов. Оба они были против общих выборов в 1947 г., потому что опасались их итогов.

¹⁶ Зере И. Между Бонном и Москвой. ИЛ, 1957, с. 9.

Таким образом, общие выборы, ставшие впоследствии (в 50-х годах) лозунгом американской дипломатии в германском вопросе, отнюдь не вытекали из каких-то принципов, как это пытались изображать в Вашингтоне. Государственный департамент выступал за общегерманские выборы, когда он их рассматривал как выгодные, и против них, когда он считал их невыгодными с точки зрения политики американского империализма в Европе.

На Московской сессии Совета министров иностранных дел не было достигнуто соглашение ни по одному из обсуждавшихся крупных вопросов. Равным образом 5-я сессия Совета министров иностранных дел, происходившая в Лондоне с 25 ноября до 15 декабря 1947 г., так же безрезультатно обсуждала германскую проблему. Не договорившись, Совет министров иностранных дел закончил свою 5-ю сессию, не назначив ни времени, ни места следующего заседания.

Маршалл вернулся из Москвы еще более агрессивно настроенным против СССР, чем после неудачи его миссии в Китае. Через 10 дней после его возвращения в Вашингтон государственный департамент официально сообщил о начале деятельности Совета по планированию политики.

Первый вопрос, который Маршалл поручил подготовить Кеннану, как руководителю Совета по планированию политики, — это объединение с помощью Соединенных Штатов капиталистической Европы против Советского Союза. Этот вопрос государственный секретарь велел подготовить в особо срочном порядке, в течение 10—15 дней.

В Греции и Турции Вашингтон преследовал военно-стратегические цели, и в их числе — подкрепление позиций нефтяных монополий США на Ближнем Востоке. Но в общем большом плане «холодной войны» «доктрина Трумэна» представляла лишь предварительную, подготовительную операцию. Основным полем действий в этой войне Вашингтон в то время считал Западную Европу.

23 мая 1947 г., назавтра после вступления в силу «доктрины Трумэна», Кеннан представил Маршаллу план оказания «экономической помощи» странам Европы. После всестороннего обсуждения Маршалл изложил публично основные моменты этого плана в своей речи 5 июня 1947 г. в Гарвардском университете. Так зародился «план Маршалла».

Этот план преследовал далеко идущие экономические, политические и военно-стратегические цели. Западная Европа служит не только прямо, но и косвенно важнейшим рынком для американского капитализма. Экспорт продовольствия и сырья в Европу из Латинской Америки, Канады и других стран увеличивает покупательную способность, а следовательно, и значение этих стран как рынка для товаров США. В 1947 г. экспорт США превысил импорт примерно в 2,5 раза, а экспорт США в Европу превысил импорт из Европы в 7 раз¹⁷. Такой ненормальный баланс в американской торговле с Европой неизбежно должен был в дальнейшем оказывать пагубное воздействие на все состояние внешней торговли США. Принимая во внимание обострившуюся борьбу двух систем в результате развернутой Соединенными Штатами политики «холодной войны», в Вашингтоне считали, что стабилизация и усиление позиций капитализма в Западной Европе выгодны для США экономически и необходимы политически.

Между тем в первые послевоенные годы частный капитал США неохотно шел за границу. Со времени окончания ленд-лиза в 1945 г. до

весны 1949 г. правительство США предоставило иностранным государствам в виде займов и субсидий около 20 млрд. долл., а экспорт частного капитала из США составил за это время лишь около 1,5 млрд. долл.¹⁸ А главное, в Вашингтоне в это время готовились планы объединения капиталистической Европы в военный союз под эгидой США против СССР. Для этого необходимо было прежде всего подкрепить экономически и политически позиции капитализма в Европе. И «план Маршалла» действительно послужил, как мы увидим дальше, экономической и политической основой для агрессивного военного союза. Спустя почти 20 лет в сенате США открыто признавали: «План Маршалла положил основу Северо-Атлантическому союзу»¹⁹.

Таким образом, «план Маршалла» наряду с некоторыми экономическими задачами имел, как и «доктрина Трумэна», военно-политическое назначение. Но официально решили, как рекомендовал Совет по планированию политики, преподнести этот план как чисто экономическое, даже филантропическое, мероприятие. Маршалл в своей речи в Гарвардском университете заявил: «Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса»²⁰.

Западная Европа не Турция и не Греция. Маршалл в своей речи в Гарвардском университете не нашел возможным так открыто говорить о вмешательстве Америки во внутреннюю жизнь других государств, как это сделал Трумэн в своей «доктрине». Тем более неразумно было бы со стороны Маршалла раскрыть тайну и проговориться, что в Вашингтоне рассматривают его план как пролог к превращению Западной Европы в военно-стратегический плацдарм США. Однако другие официальные лица США в других условиях проговорились.

Еще до одобрения «плана Маршалла» конгрессом в Вашингтоне три правительственные комиссии занимались подготовкой проведения этого плана в жизнь. Главной из них была комиссия президента США по оказанию помощи иностранным государствам. Эта комиссия, действовавшая под руководством А. Гарримана, официально признала: «Интересы Соединенных Штатов в Европе... не укладываются просто в экономические рамки. Они являются также стратегическими и политическими. Мы все знаем, что сейчас в мире противостоят друг другу две борющиеся идеологии»²¹.

Суммируя задачи «плана Маршалла», комиссия под руководством Гарримана подчеркивала стратегические и политические интересы Соединенных Штатов²².

Президент США в специальном послании конгрессу, посвященном «плану Маршалла», подчеркнув, что этот план занимает большое место во внешней политике правительства, заявил: «Его администрация должна поэтому нести полную ответственность перед нашей внешней политикой». «Его администратор, — говорил Трумэн, — должен подчиняться директи-

¹⁸ «Fortune», March 1949, p. 75.

¹⁹ «Congressional Record», 10.III 1966, p. 5303.

²⁰ A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents 1941—1949. Wash., 1950, p. 1269.

²¹ European Recovery and American Aid. President's Committee on Foreign Aid. Wash., 1947, p. 4.

²² European Recovery and American Aid, p. 11.

В 1964 г. известный американский дипломат, который одно время был заместителем государственного секретаря, Роберт Мэрфи прямо признал, что «создание НАТО было тесно связано с „планом Маршалла“» (Murphy R. Diplomat among Warriors. N. Y., 1964, p. 432).

¹⁷ World Almanac, 1953, p. 456.

вам государственного секретаря»²³. В этом послании утверждается также, что США должны получать соответствующую информацию об использовании в каждой стране средств, полученных по «плану Маршалла», и что США оставляют за собой право в любое время прекращать предоставление этих средств. Так Трумэн дал понять, что любое государство, получающее по плану Маршалла американские доллары, обязано соблюдать определенные условия, навязываемые Соединенными Штатами.

В комиссии конгресса, где обсуждался «план Маршалла», подчеркивалось его военное значение, а также его роль в проектировавшемся объединении военных усилий США и Западной Европы.

В общем «план Маршалла», как и «доктрина Трумэна», преследовал военно-стратегические и политические задачи, но только несравненно более крупные. Он также, хотя более осторожно, завуалированно предусматривал вмешательство США во внутренние дела стран Западной Европы. Но формально Маршалл старался придать своему плану демократическую окраску. Он говорил, что европейские государства, желающие пользоваться его планом, должны сами проявлять инициативу и выработать детали этого плана, подсчитывать необходимые средства и т. д.

На речь Маршалла в Гарвардском университете немедленно откликнулись министры иностранных дел Англии и Франции — Э. Бевин и Ж. Бидо. По их инициативе 12 июля 1947 г. в Париже открылась конференция представителей 16 европейских государств²⁴, изъявивших желание пользоваться «услугами» «плана Маршалла». Конференция создала Комиссию европейского экономического сотрудничества, которая к концу августа сообщила, что, по ее подсчетам, для восстановления хозяйства и финансов 16 европейских государств в течение ближайших четырех лет от США потребуется 29 млрд. долл. Однако, учитывая оппозицию в конгрессе, в Вашингтоне к 22 сентября сократили эту цифру до 22 400 млн. долл., из коих 19 300 млн. должно было предоставить правительство США и 3100 млн. — Международный банк.

Западная Германия формально на конференции в Париже не присутствовала. Но правительство США давало понять, что оно особенно заинтересовано в восстановлении промышленного потенциала Западной Германии. Об этом заявил Гарриман после посещения Германии летом 1947 г.²⁵ В конце этого года Трумэн в послании конгрессу, сообщив, что Западная Германия включена в «план Маршалла», говорил о необходимости быстрого восстановления производства Рура. Он отметил, что «особо важно, чтобы добыча угля в Руре быстро возрастала»²⁶.

В конгрессе США «план Маршалла» встретил более сильную оппозицию, чем «доктрина Трумэна». Ведь речь сейчас шла о несравненно более крупных ассигнованиях. Первая сессия 80-го конгресса закончила свою работу, ничего не предприняв в этом отношении.

Трумэн созвал на 17 ноября 1947 г. специальную сессию конгресса. В выступлении по радио 24 октября он говорил, что США должны принять срочные меры для спасения капитализма во Франции и Италии; 19 декабря в пространным послании конгрессу, превышающем по своим размерам в 7 раз речь Маршалла в Гарвардском университете, Трумэн умолял о немедленном ассигновании 17 млрд. долл. на оказание «помо-

²³ A Decade of American Foreign Policy, p. 1297.

²⁴ В этой конференции участвовали следующие государства: Англия, Франция, Италия, Австрия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Дания, Норвегия, Швеция, Ирландия, Исландия, Португалия, Швейцария, Греция и Турция.

²⁵ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 121.

²⁶ A Decade of American Foreign Policy, p. 1294.

щи» ряду капиталистических государств Европы. На первые 15 месяцев, с апреля 1948 г. до июля 1949 г., он просил ассигновать 6,8 млрд., а на следующие три года — 10,2 млрд. долл.

Трумэн в послании конгрессу прибегнул к испытанному методу сопоставления предложенных им ассигнований с военными расходами. Признавая, что предложенная им сумма весьма внушительна, он отметил, что 17 млрд. долл. составляют лишь около 5% расходов США на вторую мировую войну и менее 3% национального дохода США в течение того времени, на которое «план Маршалла» рассчитан²⁷.

На сенатора Тафта и его сторонников эти сравнения Трумэна не произвели впечатления. Они говорили, что «план Маршалла» представляет нечто вроде «глобального нью дил». Оппоненты «плана Маршалла» характеризовали его как ничем не оправданный план вмешательства США во внутренние дела европейских государств²⁸.

Сенатор Ванденберг, используя свое положение председателя комиссии по иностранным делам сената, стремился к тому, чтобы от имени его большинства отстоять «план Маршалла» в конгрессе. Но, пока Тафт упорствовал, не было уверенности, что большинство в сенате действительно будет голосовать за этот план.

В это время Трумэн и Ванденберг не преминули воспользоваться событиями в Чехословакии — поражением реакции, пытавшейся в феврале 1948 г. осуществить государственный переворот и ликвидировать Национальный фронт в этой стране. В конгрессе США была раздута анти-советская истерия. Два конгрессмена (К. Керстен из штата Висконсин и Р. Никсон из штата Калифорния) внесли в палату представителей резолюцию, угрожавшую войной против Советского Союза.

1 марта 1948 г. Ванденберг, выступая в сенате, поставил вопрос так, будто «план Маршалла» направлен против угрозы третьей мировой войны²⁹. Он утверждал, что экономические и военные задачи США неразрывно связаны с «планом Маршалла», что успех этого плана зависит от того, удастся ли восстановить хозяйство Западной Германии и прежде всего экономику Рура³⁰. И Тафт уступил. 69 сенаторов голосовали за, 17 — против «плана Маршалла».

3 апреля 1948 г. этот план был подписан Трумэном и вступил в силу. Через два дня республиканец Поль Гофман был назначен в ранг члена правительства администратором по проведению «плана Маршалла».

«План Маршалла» осуществлялся в условиях сравнительно высокой хозяйственной конъюнктуры в капиталистических странах, последовавшей за экономическим кризисом 1948 г. Он продолжался четыре года. Никто не может доказать, что без «плана Маршалла» хозяйство Западной Европы находилось бы к началу 1952 г. на более низком уровне. Трумэн утверждал, что из 17 млрд., ассигнованных на проведение «плана Маршалла», оказалось достаточно 13 млрд.³¹ По этим же данным Трумэ-

²⁷ A Decade of American Foreign Policy, p. 1293.

²⁸ Dulles F. America's Rise to World Power. N. Y., 1955, p. 236.

²⁹ Позже Трумэн утверждал, что без активной поддержки Ванденберга сенат не принял бы «плана Маршалла» (Miller M. Plain Speaking. N. Y., 1974, p. 261).

³⁰ «New York Herald Tribune», 2.III 1948.

³¹ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 119.

Спустя десятилетие после окончания действия «плана Маршалла» в сенате США были опубликованы данные, свидетельствующие о том, что в 1948—1951 бюджетных годах конгресс принимал решения об ассигновании на этот план суммы в размере 12 430 млн. долл., но что фактически было ассигновано лишь 10 902 млн. долл. («Congressional Record», 11.III 1961, p. 14523). Всего экономическая помощь

на, помощь по «плану Маршалла» должна была составлять всего около 5% национального дохода 16 государств, пользовавшихся этим планом³². Фактически этот процент был меньше 4.

Конечно, в отдельных случаях, в частности в восстановлении военно-промышленного потенциала Западной Германии, «план Маршалла» сыграл большую роль³³. Но в общем развитии хозяйства Западной Европы «план Маршалла» оказался палкой о двух концах. С одной стороны, он снабжал долларами, с другой, — он в известной мере сковывал хозяйственную инициативу, приспособлял внешнюю торговлю ряда европейских государств к интересам монополистического капитала США. Во всяком случае, экономические заслуги перед Западной Европой, которые Трумэн и другие высокопоставленные лица США приписывали «плану Маршалла», во многом преувеличены.

Однако политическая и военно-стратегическая направленность этого плана, которую его автор усердно замалчивал в своей программной речи в Гарвардском университете, а ряд других государственных деятелей США подчеркивали, отнюдь не преувеличена. Это подтвердили прения по вопросу о «помощи» Европе в конгрессе США. Американские миллиарды содействовали удалению коммунистов из правительств Франции и Италии. Без «плана Маршалла» Соединенным Штатам труднее было бы усилить свое политическое влияние в ряде западноевропейских стран и превратить эти страны в свой военный плацдарм.

Обсуждение «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла» сопровождалось в конгрессе разнузданным ажиотажем поджигателей войны. Военный угар охватил не только реакционную печать, ряд генералов и адмиралов, но и многих либеральствующих членов конгресса США.

Со дня открытия первой сессии 80-го конгресса, с января 1947 г., трудно было найти бюллетень высшего законодательного органа 48 штатов без антисоветского выпада. Нередко в этих бюллетенях печатались речи, представлявшие прямое или косвенное подстрекательство к войне.

Так, например, в бюллетене от 21 января 1947 г. говорилось, что во второй мировой войне США сделали только половину дела, что вторую половину, мол, они должны завершить в третьей мировой войне³⁴.

Примерно через месяц после опубликования «доктрины Трумэна» в этом бюллетене появилось следующее заявление: «Между событиями, происходящими сейчас, и событиями, приведшими к первой и ко второй мировым войнам, имеется много общего. Хотите ли вы верить или нет, США переживают самый критический период своей истории»³⁵.

В этом же месяце конгрессмен Дж. Рэнкин из штата Миссисипи в своем выступлении в палате представителей, ссылаясь на утверждение известного клеветника на СССР бывшего посла в Москву У. Буллита о том, что если бы Россия, а не США имела монополию на атомную бомбу, то эта бомба была бы сброшена на США, требовал разрыва с Советским Союзом. При этом он демагогически вопрошал: «Должны ли мы заниматься пустяками до тех пор, пока СССР не станет сильнее и узнает секрет атомной бомбы, а мы настолько ослабнем, что не будем обладать той силой, которой обладаем сейчас?»³⁶.

США иностранным государствам в 1948—1951 гг. составила 12 524 млн. долл. («Statistical Abstract of the United States», 1963, p. 858).

³² A Decade of American Foreign Policy, p. 1288.

³³ Западная Германия получила по «плану Маршалла» около 3500 млн. долл. (Snell A. Wartime Origins of the East-West Dilemma over Germany. New Orleans, 1959, p. 226).

³⁴ «Congressional Record», 21.I 1947, p. A231.

³⁵ Ibid., 9.IV 1947, p. A1655.

³⁶ Ibid., 15.IV 1947, p. A1776.

Через месяц бывший кандидат в президенты США от республиканской партии У. Лендон в своем антисоветском выступлении, опубликованном в печатном органе конгресса, заявил: «Мы имеем силу и мы должны использовать ее сейчас»³⁷.

18 июня 1947 г. по инициативе члена палаты представителей от штата Огайо Дж. Макгрегора в бюллетене конгресса была опубликована статья, призывавшая «сбросить атомную бомбу в самом центре Кремля»³⁸.

Форрестол, ставший в сентябре 1947 г. первым министром обороны США, писал 8 декабря того же года: «До тех пор, пока мы можем производить больше всех, контролировать моря и нанести атомный удар вдали от наших берегов, мы можем пойти на некоторый риск, который в других случаях неприемлем в попытках восстановить нашу мировую торговлю и наш баланс военных сил...»³⁹.

Выступления поджигателей войны в высшем законодательном органе США продолжались и после открытия следующего, 81-го конгресса.

13 апреля 1945 г., на другой день после смерти Франклина Рузвельта, газеты городов Сент-Луис и Канзас-Сити призвали население штата Миссури «возгордиться»: впервые в истории страны гражданин штата, сенатор от Миссури, стал президентом США.

13 апреля 1949 г. штат Миссури снова «прославился»: его представитель в конгрессе доказал, что аппарат демократической партии Миссури способен вырастить не только таких взяточников и казнокрадов, как босс Пендергаст, но и таких каннибалов, как конгрессмен Х. Кеннон — председатель комиссии палаты представителей по ассигнованиям. С трибуны конгресса США он призвал к превращению в развалины оборонных центров Советского Союза и к использованию при этом солдат западноевропейских стран в качестве пушечного мяса.

В июле 1948 г. известный и компетентный военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин выступил со статьей под названием «Цена войны». В этой статье Болдуин, подтверждая, что в США существует влиятельная группа, призывающая к немедленной войне против СССР, писал: «Непрерывно увеличивающееся меньшинство действительно настаивает на превентивной войне против России, пока она не имеет атомной бомбы»⁴⁰. Спустя 12 лет журнал «Каррент Хистори» отмечал: «В 1948 г. события достигли такого развития, что Трумэн ожидал общей войны»⁴¹.

Отмечая, что подобные призывы легкомысленны и опасны, Болдуин продолжал: «Те, кто так рассуждает, путают фантазию с действительностью... Допустим, что мы последуем советам сторонников превентивной войны и осуществим преднамеренное и внезапное ядерное нападение на Россию прежде, чем она будет в состоянии отплатить той же монетой. Каков будет ход такой войны?»⁴².

Доказывая, что такая война неизбежно будет длительной, что она принесет разочарование ее горячим приверженцам, Болдуин далее писал: «Все это подчеркивает сомнительность быстрой и легкой победы в войне

³⁷ Ibid., 15.V 1947, p. A2439.

³⁸ Ibid., 18.VI 1947, p. A3147.

По утверждению Генри Лоджа, который был сенатором и представителем США в ООН, в беседе с ним в 1948 г. Черчилль заявил, что он тоже является сторонником использования атомной бомбы против СССР («New York Times Book Review», 28.XI 1976, p. 2).

³⁹ Forrestal J. Diaries. N. Y., 1951, p. 350.

⁴⁰ «Harper's Magazine», July 1948, p. 23.

⁴¹ «Current History», October 1960, p. 226.

⁴² «Harper's Magazine», July 1948, p. 24.

против России путем использования внезапного нападения. Такая атака будет ужасающим риском без уверенности в его исходе. Кроме того, существует еще другой фактор, являющийся важнейшим аргументом против такого рискованного предприятия. Мы имеем мало, очень мало атомных бомб; их пригодное количество настолько ограничено, что наша атомная атака может на деле свестись лишь к одному или двум ударам»⁴³.

«Но,— заключал Болдуин,— имеется даже более убеждающий резон против рискованного предприятия. Атомная бомба не может остановить Советскую Армию. Очевидным ответом на нашу атаку в воздухе на русские города и промышленные объекты будет поход в Западную Европу. Все наши военные руководители считают, что сейчас и в обозримом будущем мы такой поход остановить не сможем... Поэтому бомбардировкой России мы добьемся того, чего стараемся не допустить,— оккупации Западной Европы русскими. Вместо атомного блицкрига мы будем вовлечены в затяжную войну на истощение»⁴⁴.

Наконец, говоря об экономических и политических последствиях, о том, что колоссальные материальные расходы США на вторую мировую войну окажутся ничтожными по сравнению с расходами на третью мировую войну, Болдуин снова подчеркивал опасность для США «величайших потерь в Европе: то, что мы стараемся спасти в Западной Европе, может быть потеряно навсегда»⁴⁵.

Поэтому, прежде чем говорить серьезно о нападении на СССР, в Вашингтоне решили вооружить и подготовить к современной войне Западную Европу. В связи с этим «план Маршалла» предусматривал прежде всего создание экономической и политической базы для вооружения и объединения капиталистических стран Европы в общем военном союзе с Соединенными Штатами.

Мы привели основные суждения из статьи Болдуина, потому что этот весьма осведомленный военный обозреватель в данной статье показывал сокровенные намерения правящих кругов США в первые годы «холодной войны», в период обсуждения «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла». Суждения Болдуина свидетельствуют, что шумиха поджигателей войны в 1947—1948 гг. являлась не только порывом антисоветской злобы, а представляла реальную опасность. И если эту опасность удалось тогда миновать, то это объясняется тем, что даже при тогдашней монополии США на атомное оружие риск разжигания пожара третьей мировой войны путем внезапного нападения на СССР оказался слишком велик и не сулил ничего хорошего американскому империализму.

Поэтому все официальные заявления Вашингтона о том, будто США в свое время не воспользовались монополией на атомное оружие из-за при-

сущего им миролюбия, можно охарактеризовать как ханжество и лицемерие. Между тем спустя 10 лет, в 1958 г., президент Эйзенхауэр в послании Председателю Совета Министров СССР еще пытался подобными аргументами доказывать миролюбие Вашингтона: если бы не миролюбие США, утверждал Эйзенхауэр, «мы нанесли бы удар, когда обладали атомным оружием, а у Советского Союза его не было»⁴⁶. Однако, как уже отмечено выше, вскоре после этого сам Эйзенхауэр в своих мемуарах признал, что «миролюбие» здесь ни при чем.

Одновременно с подготовкой и проведением «плана Маршалла» США вместе с Англией проводила в оккупированной Германии сепаратные действия, срывавшие выполнение решений Потсдамской конференции и работу Контрольного совета четырех держав, восстанавливая западногерманские промышленные монополии — застрельщиков двух мировых войн, подготавливая почву для ремилитаризации Западной Германии и превращения ее в военного союзника США⁴⁷.

2 декабря 1946 г. в Вашингтоне было заключено соглашение о слиянии американской и английской зон оккупации в Германии, образовавших так называемую Бизонию. Летом 1948 г. к ним присоединилась и французская оккупационная зона и, таким образом, создалась Тризония. 18 июня 1948 г. США, Англия и Франция объявили о проведении в западных зонах Германии сепаратной денежной реформы. Через пять дней, 23 июня, самовольно, без санкций советских властей, они распространили эту реформу на Западный Берлин, находившийся в советской зоне и имевший свободное общение с Восточным Берлином и всей Восточной Германией. Западные державы своими действиями угрожали дез-

⁴⁶ «Правда», 1958, 8 марта.

⁴⁷ Американская военная администрация в Западной Германии систематически нарушала решения Ялтинской и Потсдамской конференций о денацификации, декартелизации и демилитаризации Германии. Весной 1946 г., менее чем год спустя после капитуляции немцев, глава военной администрации США в Германии генерал Клей передал самим немцам осуществление решений союзников о денацификации. Через два года он распорядился, чтобы денацификация была закончена до конца лета 1948 г. К тому времени в Западной Германии было зарегистрировано около 13 млн. немцев, активно участвовавших в нацистской деятельности. Из них свыше 10 млн. было тогда же реабилитировано, почти 2,5 млн. амнистировано без суда и лишь около 800 тыс. отдано под суд. Из судимых около 40% было оправдано, другие 50% признаны лишь «попутчиками» нацизма, а виновных в неслыханных злодеяниях гитлеровского режима во всей Западной Германии оказалось лишь около 1 тыс. человек; из признанных виновными подавляющее большинство отделалось штрафом менее чем в 1 тыс. марок. Ко времени образования ФРГ, к концу 1949 г., во всей Западной Германии за военные преступления в период фашизма находилось в заключении лишь около 250 человек («Political Affairs», April 1959, p. 14).

Декартелизацию Германии, предусмотренную в Ялте и Потсдаме, американцы поручили представителям Уолл-стрит, видным деятелям монополистического капитала США Макклоу, Дрейперу и другим, связанным с германскими корпорациями. Вместо декартелизации был взят курс на укрепление картелей и других промышленных монополий в Германии. С помощью американской администрации и американских миллиардеров спустя 10—15 лет после окончания войны западногерманская промышленность оказалась более монополизированной, чем при Гитлере.

Подготовка к ремилитаризации Западной Германии началась также вскоре после окончания войны. Но сам процесс ремилитаризации происходил в 50-х годах. Ремилитаризация Западной Германии ввиду недовольства мировой общественности была вначале санкционирована с известными ограничениями. Но постепенно эти ограничения снимались. В ноябре 1958 г. под видом укрепления суверенитета Западной Германии в Вашингтоне было сообщено о желании правительства США ликвидировать остатки ограничений, «ущемляющих права ФРГ».

⁴³ «Harper's Magazine», July 1948, p. 24—25.

Двумя годами раньше Уолтер Липшман, говоря об опасности войны, отмечал: для США важно «понять, что атомная бомба не может гарантировать победы и даже не обещает ее. Одним из неоспоримых положений военной науки является то, что, чем больше территория страны, тем менее она уязвима для блицкрига» («New York Herald Tribune», 21.III 1946).

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Пятнадцать лет спустя экс-президент Эйзенхауэр в своих мемуарах подтвердил опасения, высказанные Болдуином. Отмечая, что корейская война была чревата опасностью перерастания в третью мировую войну, Эйзенхауэр пришел к такому выводу: «В этом последнем варианте многие чувствовали, что преобладающие советские наземные силы, несмотря на нашу атомную монополию, захватили бы Западную Европу в течение нескольких дней, провикнув на дружественные нам территории, которые США не рискнули бы подвергнуть ужасам Хиросимы» («Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 2, с. 144).

организовать хозяйственную жизнь не только в Восточном Берлине, но и во всей Восточной Германии. В ответ советские власти в Германии временно закрыли свободный доступ в Берлин из западных зон.

Перечисленные сепаратные действия США, Англии и Франции помимо всего прочего означали мероприятия по экономическому и политическому расколу Германии. Они завершились образованием 21 сентября 1949 г. западногерманского государства — Федеративной Республики Германии со столицей в г. Бонне.

Вместе с обострением германской проблемы, с активизацией политики «холодной войны» в Вашингтоне принимали меры к тому, чтобы втянуть в нее государства Латинской Америки, обеспечить полную поддержку Соединенным Штатам со стороны этих государств в Организации Объединенных Наций. Эти цели США преследовали на конференции министров иностранных дел американских республик в 1947 г. в Рио-де-Жанейро и на девятой панамериканской конференции, состоявшейся в 1948 г. в Боготе.

К конференции в Рио-де-Жанейро в Вашингтоне проектировали подготовить план стандартизации вооружений латиноамериканских стран по образцу США. Соответствующий билль находился еще в 79-м конгрессе. Поскольку он там не был принят, правительство 26 мая 1947 г. снова внесло его в 80-й конгресс. Но и на этот раз комиссия по иностранным делам сената решила, что с этим вопросом, вызывающим большое недовольство у народов Латинской Америки, рассматривавших стандартизацию оружия как усиление господства США на Американском континенте, следует подождать. Между тем президент Трумэн предлагал не только стандартизацию вооружений, но и создание единого генерального штаба Западного полушария, а также унификацию во всех государствах этого полушария военного обучения, что фактически означало бы отказ латиноамериканских стран от своего суверенитета⁴⁸.

Конференция в Рио-де-Жанейро открылась 15 августа и продолжалась до 2 сентября 1947 г. Делегацию США возглавлял Маршалл. Перед закрытием конференции в столицу Бразилии прибыл президент Трумэн и выступил перед делегациями американских стран.

В Рио-де-Жанейро было повторено более обстоятельно решение Чапультепекской конференции о том, что нападение на одну американскую страну будет рассматриваться как нападение на все американские государства. Участники конференции подписали договор о защите Западного полушария, который в Вашингтоне комментировали как прообраз будущего Северо-Атлантического пакта 1949 г.

Договор, заключенный в Рио-де-Жанейро, состоит из 26 статей. Он устанавливает «зону безопасности», на которую распространяется договор. 4-я статья указывает подробно границы «зоны безопасности». Эти границы тянутся от Ледовитого океана на севере; на западе они проходят сравнительно недалеко от Гавайских островов; на востоке доходят до середины Атлантического океана, а на юге захватывают часть Антарктики.

25-я статья гласит, что договор бессрочный, но каждое государство может отказаться от обязанностей, возлагаемых на него договором. Освобождение от этих обязанностей наступает лишь спустя два года после письменного заявления в Панамериканский союз. Местопребыванием штаб-квартиры Панамериканского союза был определен Вашингтон. А два года — достаточный срок, для того чтобы государственный депар-

тамент США мог принять нужные ему меры в отношении соответствующей латиноамериканской страны.

Конференцией в Рио-де-Жанейро Вашингтон еще крепче привязал 20 государств, расположенных к югу от Рио Гранде, к колеснице своих агрессивных планов. Но Трумэну пришлось отказаться от многого из того, что он в своих планах связывал с Латинской Америкой.

Девятая панамериканская конференция в Боготе происходила с 30 марта по 2 мая 1948 г. Маршалл возглавил на этой конференции американскую делегацию в составе 90 человек. Он добился принятия антикоммунистической декларации, пользуясь тем, что во время заседания девятой панамериканской конференции в Боготе вспыхнуло восстание против реакционного режима в Колумбии.

На этой конференции Панамериканский союз был переименован в Организацию американских государств (ОАГ). На ней был также принят пространный устав этой организации из 112 статей. Постоянным руководящим органом ОАГ является совет с местопребыванием в Вашингтоне. Латиноамериканцы называют ОАГ «министерством колоний Соединенных Штатов».

Как и в Рио-де-Жанейро, в Боготе проявились глубокие противоречия, существующие между США и латиноамериканскими странами. Монополистический капитал США добивается лучших условий для экспорта промышленных изделий в Латинскую Америку. В то же время США не являются рынком для хлеба, мяса и некоторых важных видов сырья, которые экспортируются из Латинской Америки.

После второй мировой войны в Латинской Америке усилилось движение за развитие национальной промышленности, за экономическую независимость. Но капитал США всячески мешал этому движению. Д. Ачесон, ставший в 1949 г. государственным секретарем, в своем официальном выступлении в Панамериканском обществе 19 сентября того же года высказался против индустриализации Латинской Америки. Он советовал этим странам повышать жизненный уровень путем увеличения продуктивности сельского хозяйства⁴⁹.

В южных странах Нового Света вызывало большое недовольство то, что Вашингтон, щедро финансирующий после второй мировой войны капиталистические страны Европы, оказался скупым по отношению к Латинской Америке. Правительство США мотивировало свою скупость тем, что не хочет в этой части света конкурировать с североамериканским частным капиталом, с нью-йоркскими банками. Но частный капитал США идет в Латинскую Америку лишь при условии получения огромных сверхприбылей, таких барышей, которые подрывают хозяйство эксплуатируемых им стран. К тому же сама торговая политика правительства США — продажа сельскохозяйственных продуктов по демпинговым ценам и за местную валюту за границей, валютные и другие манипуляции — наносила сильные удары по экономике ряда государств Латинской Америки.

В Рио-де-Жанейро и в Боготе, а также на последующих межамериканских конференциях США выдвигали на первый план военные и политические вопросы — борьбу с коммунизмом, превращение Центральной и Южной Америки в свой военно-стратегический плацдарм. Представители же Латинской Америки требовали обсуждения прежде всего экономических вопросов. В Рио-де-Жанейро даже был поднят вопрос о борьбе против экономической агрессии, что было направлено прямо против США.

⁴⁸ Арисменди Р. Вторжение доллара в Латинскую Америку. ИЛ, 1948, с. 42—43, 47.

⁴⁹ A Decade of American Foreign Policy, p. 451—452.

По Маршаллу удалось отделаться обещанием заключить между США и желающими латиноамериканскими государствами двусторонние экономические соглашения.

В Боготе было подписано специальное соглашение о межамериканском экономическом сотрудничестве, но на условиях, весьма выгодных капиталу США, не ограничивающих его деятельность в Латинской Америке.

Панамериканские конференции, конечно, не могли остановить движение народов Латинской Америки против господства доллара в их странах. В сентябре 1949 г. Ачесон в его приведенной выше речи жаловался: «Больше двух лет страны района Карибского моря тревожат заговоры и контрзаговоры»⁵⁰.

На Ближнем Востоке в 1947—1948 гг. после принятия «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла» усилилась активность нефтяных монополий США. На следующий день после опубликования «доктрины Трумэна», 13 марта 1947 г., было сообщено, что американские компании решили инвестировать 227 млн. долл. в нефтеносные земли Саудовской Аравии и строить нефтепровод из района этих земель до Средиземного моря длиной в 1050 миль. 6 июля 1948 г. появилось сообщение о получении американцами большой концессии на добычу нефти в Кувейте.

К арабской нефти начала проявлять большой интерес крупнейшая нефтяная монополия США — рокфеллеровская «Стандард ойл оф Нью-Джерси», которая к этому времени уже интенсивно действовала в Ираке. 18 ноября 1948 г. в Нью-Йорке стало известно, что американские монополии разделили между собой арабскую нефть следующим образом: «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Техасская компания» и «Стандард ойл оф Калифорния» в арабско-американской нефтяной компании «Арамко» будут иметь каждая по 30%, остальные 10% будут принадлежать «Сокони вакуум ойл»⁵¹.

С тех пор самые крупные и влиятельные нефтяные монополии США с каждым годом играли все возрастающую роль в ближневосточной политике Вашингтона.

На Дальнем Востоке параллельно с интервенцией в Китай США укрепляли свои военно-стратегические позиции на ближайших подступах к этой стране. 14 марта 1947 г. президент Филиппин Рохас и посол США в Маниле подписали соглашение о предоставлении Соединенным Штатам права строительства на этом архипелаге 23 военных, морских и воздушных баз сроком на 99 лет.

Одновременно США цеплялись за свои позиции в Южной Корее. Они отклонили предложение СССР об одновременном отводе советских войск из Северной, а американских — из Южной Кореи. 31 декабря 1948 г. ТАСС сообщило, что эвакуация советских войск из Северной Кореи полностью завершена. Лишь спустя полгода в Вашингтоне появилось официальное сообщение о том, что 29 июня 1949 г. последние части оккупационной армии США покинули Корею, но что там осталось много американских военных советников и инструкторов.

23 июня государственный секретарь Ачесон в своем заявлении официально признал, что весь режим в Южной Корее держится на американской экономической и военной помощи, что «без помощи США правительство Южной Кореи рухнет в течение двух или трех месяцев»⁵².

Вашингтон втягивал в «холодную войну» Западную Европу и Южную Америку, Ближний и Дальний Восток, придавал этой политике глобальный характер, углублял и обострял ее в дальнейшем созданием военных союзов. Правительство США развернуло и проводило «холодную войну» с одобрения и благословения лидеров обеих больших партий в конгрессе, несмотря на то что в отдельных вопросах между этими партиями обнаруживались известные тактические разногласия.

Таков итог двухпартийной внешней политики 80-го конгресса. Такова роль республиканцев и демократов в «холодной войне».

2. «Закон Тафта — Хартли» и другие

Атаки реакционного блока в конгрессе на права организованных рабочих. Антирабочие билли. Местные законы против «закрытой мастерской». НАП за аннулирование «акта Вагнера». «Период охлаждения». «Закон Тафта — Хартли». Использование закона Трумэном. Антикоммунистическая истерия. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Комиссия по проверке лояльности. Подкомиссия внутренней безопасности. «Заговор» в Голливуде. «Лояльные американцы». Иезуитские допросы. «Личевание негров» — не преступление. Вопросы внутренней и внешней политики на съездах АФТ и КПП. Исключение прогрессивных союзов из КПП. Судебный процесс над руководителями Коммунистической партии США. Кампания за дискредитацию политики Рузвельта. Руководство Американского легиона и католической церкви как оплот реакции в США

Политика «холодной войны» отнюдь не ограничивалась сферой деятельности государственного департамента и Пентагона. Она охватила не только внешнюю, но и внутреннюю политику, экономику и общественную жизнь страны.

В США раздувалась шпиономания, которая превзошла все то, что происходило когда-либо после первой мировой войны, когда американскую буржуазию охватил «великий красный страх». Многие прогрессивные деятели и ряд деятелей науки преследовались. Федеральное бюро расследований установило наблюдение за миллионами американцев. В Вашингтоне рвала и метала Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. В конгресс беспрерывно вносились реакционные билли.

Агрессивная внешняя политика сопровождалась наступлением реакционных сил внутри страны, небывалым нарушением гражданских прав, зафиксированных в конституции США.

Как обычно в эпоху империализма, наступление реакции началось прежде всего с похода против организованных рабочих. Билли К. Кейза и С. Хоббса в 1946 г. послужили прологом к общему наступлению монополистического капитала на профессиональные союзы в 1947 г.

Формальным поводом для такого наступления считались успешно завершившиеся крупные послевоенные стачки. В конгрессе США начали жаловаться, что «дух сотрудничества и доброй воли между предпринимателями и рабочими», дух «классового сотрудничества» исчез⁵³. Но, как мы видели, задолго до этих стачек, в 1944 г. и еще раньше, монополистический капитал США решил после окончания войны повести всеобщую кампанию против профессиональных союзов.

С самого начала заседания 80-го конгресса реакционный блок в обеих законодательных палатах повел атаки на права организованных рабочих,

⁵⁰ A Decade of American Foreign Policy, p. 448.

⁵¹ Keesing's Contemporary Archives, 1948, p. 9645.

⁵² Keesing's Contemporary Archives, 1949, p. 10221.

⁵³ «Congressional Record», 17.IV 1947, p. 3696.

завоеванные в годы президентства Франклина Рузвельта. 23 января 1947 г. Комиссия сената по вопросам труда и общественного благосостояния под председательством сенатора Тафта приступила к рассмотрению внесенных в конгресс антирабочих законопроектов. Их оказалось так много, что комиссия должна была классифицировать билли по группам. Билль сенатора О'Даниэла об аннулировании «акта Вагнера»⁵⁴; билль сенаторов Р. Тафта, Дж. Болла и Х. А. Смита против стачек, напоминающий во многом законопроект Кейза; новый билль Кейза об узаконении «инджанкши»⁵⁵; билли сенаторов Болла и Г. Бирда о запрещении «закрытой мастерской»⁵⁶, билль группы конгрессменов-республиканцев о запрещении стачек и принуждении рабочих к арбитражу — все это только лишь некоторые из антирабочих законопроектов, внесенных в начале 1947 г. на рассмотрение нового конгресса США. За первые 100 дней своей работы 80-й конгресс «обогатился» 200 антирабочими законопроектами.

Федеральной столице подражали столицы отдельных штатов. В 30 штатах законодательные собрания приняли в 1947 г. законы, ограничивающие права профсоюзов. Эти законы называли «маленькими актами Тафта — Хартли». В штатах Аризона, Арканзас, Джорджия, Айова, Мэйн, Небраска, Северная Каролина, Северная Дакота, Южная Дакота, Теннесси, Техас, Юта и Вирджиния были приняты специальные добавления к конституциям штатов или законы, запрещающие «закрытую мастерскую» или даже «союзную мастерскую»⁵⁷. В штатах Пенсильвания, Делавер, Коннектикут, Мичиган, Миссури, Колорадо, Северная и Южная Дакота, Юта, Техас, Джорджия и Вирджиния прошли законы, ограничивающие или регулирующие пикетирование. Эти реакционные, антипрофсоюзные добавления к конституциям штатов и местные законы прошли под фальшивым, лицемерным, провокационным названием «права на труд».

Нью-Йоркская и местная буржуазная печать превозносила поход капиталистов на рабочий класс. Вскоре после открытия 80-го конгресса газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала большую статью профессора Гарвардского университета С. Шлихтера: «Покончить со стачками в ведущих отраслях промышленности»⁵⁸. Доводы Шлихтера повторялись во многих выступлениях в сенате и в палате представителей. Орган конгресса напечатал такого же содержания многословную речь сенатора Болла из штата Миннесота⁵⁹. Многочисленные буржуазные газеты и журналы США соревновались тогда в печатании на своих страницах подробных статей и речей на эту тему:

⁵⁴ «Акт Вагнера» вошел в силу в июле 1935 г. и рассматривался как одно из самых прогрессивных мероприятий, проведенных правительством Рузвельта. Акт признавал за рабочими право на объединение и заключение коллективных договоров через выбранных ими представителей и запретил предпринимателям мешать рабочим вступать в профсоюз, отказываться от заключения коллективных договоров, а также преследовать рабочих за участие в стачках или за активную профсоюзную работу.

⁵⁵ «Инджанкши» — судебное распоряжение о запрещении любой стачки по мотиву, что она наносит кому-нибудь материальный ущерб.

⁵⁶ «Закрытой мастерской» («closed shop») в США называется предприятие, администрация которого признает профсоюз представителем всех рабочих, занятых на данном предприятии, заключает с ним коллективный договор и принимает на работу только членов профсоюза.

⁵⁷ «Союзной мастерской» в отличие от «закрытой мастерской» называется предприятие, принимающее на работу не только членов профсоюзов; рабочие же, поступающие на это предприятие, обязаны стать членами профсоюза.

⁵⁸ «New York Times», 22.I 1947.

⁵⁹ «Congressional Record», 22.I 1947, p. A235—A237.

Профессор Шлихтер, сенаторы Болл, Тафт и их единомышленники, доказывая необходимость принятия антирабочего законодательства, выдвигали аргументы, которые до этого в течение более 10 лет постоянно повторяла Национальная ассоциация промышленников (НАП). Представители НАП твердили, что принятие «акта Вагнера» было несправедливостью по отношению к предпринимателям, так как он, предоставив известные права рабочим, будто бы не дал ничего взамен капиталистам. Поэтому они настаивали на аннулировании «акта Вагнера», для того чтобы ликвидировать «социальную несправедливость». Тафт заявил, что он намерен «восстановить некоторое равенство между предпринимателями и рабочими»⁶⁰.

НАП никогда не мирилась с тем, что стремление рабочих выступать организованно в переговорах с предпринимателями было юридически признано в принятом в 1935 г. «акте Вагнера». Промышленные компании США выступали уже по крайней мере в течение полувека по вопросам заработной платы, рабочего времени и других условий труда объединенным фронтом против рабочих. Правда, если до середины 30-х годов крупнейшие американские тресты не терпели на своих заводах профессиональных союзов, то потом они вынуждены были с этим смириться. Но это означало только то, что американским рабочим в конце концов удалось добиться лишь таких элементарных прав, которыми давно уже пользовались рабочие в ряде стран Европы.

Формально «акт Вагнера» предоставил профессиональным союзам право выступать объединенно, ограничив это сферой переговоров с предпринимателями, т. е. такое право, которым давно пользуются предпринимательские организации. Фактически же и здесь не могло быть речи о равенстве. В США все экономические и политические преимущества всегда находились на стороне предпринимательских организаций. К тому же «акт Вагнера», возлагавший известные обязанности на капитал, не был страшен для его нарушителей. В стране, где так свято охраняется капиталистическая собственность, где беспощадно карается даже малейшее посягательство со стороны рабочих на вмешательство в дела, касающиеся собственности предпринимателей, ни один капиталист не был посажен в тюрьму за нарушение «акта Вагнера». Но капиталисты тем не менее возмущались: как смеют хотя бы чисто формально при переговорах уравнивать их представителей в правах с представителями рабочих! Это несправедливо, это не по-американски, это — «зло иностранного происхождения»!

«Акт Вагнера» оказался не по вкусу монополиям вовсе не потому, что он якобы ущемлял их права: этот акт отнюдь не мешал монополиям умножать свое богатство и усиливать свой контроль над хозяйством США. «Акт Вагнера», как выразился в палате представителей 13 февраля 1947 г. конгрессмен от штата Иллинойс А. Сэбэт, не уничтожил ни одной монополии. Монополии требовали отмены «акта Вагнера» потому, что он признает за рабочими элементарные права. Организованные рабочие представляют большую прогрессивную силу, которая, естественно, мешала реакции реставрировать старые порядки, существовавшие во времена Гардинга, Кулиджа и Гувера, когда фактическое местопребывание правительства США на Уолл-стрите считалось само собой разумеющимся.

Отмена «акта Вагнера» отнюдь не означала компенсации «бедным» капиталистам за якобы им нанесенные в годы президентства Рузвельта обиды. Редакция газеты «Нью-Йорк таймс», комментируя выступление

⁶⁰ «Current History», June 1965, p. 348.

профессора Шлихтера против этого акта, признала: «Суть здесь в том, чтобы обуздать рабочие союзы»⁶¹.

Опытные адвокаты американских предпринимателей обычно не выступали открыто и прямо против права рабочих на стачки. В конгрессе США иногда бывает легче и удобнее проваливать законодательный акт внесением к нему соответствующих добавлений, чем открыто выступать против него. Так, например, поступил известный сенатор Г. Лодж после окончания первой мировой войны, когда он решил провалить мирный договор, подписанный президентом Вильсоном.

Профессор Шлихтер предложил дополнить «акт Вагнера» прежде всего добавлением о том, что перечисленные в акте права не распространяются на бастующих рабочих, что бастующие рабочие увольняются и теряют стаж. Федеральному правительству и губернаторам штатов согласно предложению Шлихтера предоставлялись чрезвычайные полномочия, для того чтобы ликвидировать в зародыше любую стачку, «угрожающую общественной безопасности, здоровью или общему благосостоянию». Подобные полномочия достаточны, для того чтобы признать незаконной любую стачку. Но профессор Гарвардского университета этим не ограничился и добавил, что в важных отраслях промышленности стачки вообще нетерпимы, что в таких отраслях хозяйства, как, например, железнодорожный транспорт и электропромышленность, право рабочих на стачки существует «лишь до тех пор, пока они этим правом не пользуются». Шлихтер требовал также запретить заключение коллективных договоров в масштабе целой отрасли промышленности. Он считал, что в каждой отрасли промышленности должно существовать не менее трех-четырёх отдельных профсоюзов. Орган КПП назвал это предложение «балканизацией» союзов и договоров.

Сенатор Дж. Болл требовал принятия поправки к «акту Вагнера» о том, что любой договор между профсоюзом и предпринимателями может распространиться максимально на территорию, не превышающую 100 миль в диаметре. Болл в своем выступлении рассказывал, что он получил много писем от предпринимателей, которые требуют аннулирования «акта Вагнера» и запрещения раз и навсегда стачек. Конфликты между рабочими и капиталистами должны, по мнению последних, решаться не такими «варварскими и некультурными» средствами, как забастовка, а судом, как решаются-де любые другие конфликты.

Сенатор Болл, однако, полагал неудобным провести подобный закон в конгрессе. Наоборот, он говорил, что право на стачки не должно быть отнято у рабочих. Но сочиненный им с помощью сенаторов Тафта и Смита билль означал такое добавление к праву на стачки, которое нагромождает препятствия на пути к осуществлению этого права. Билль Болла, Тафта и Смита, внесенный в сенат 6 января 1947 г., через три дня после начала работы нового конгресса, предусматривал «период охлаждения» страстей в 60 дней, который должен протекать от начала конфликта до начала стачки. Предложений о введении «периода охлаждения» было тогда много. Их отстаивали многие сенаторы и конгрессмены. Каждый из них заботился о том, чтобы готовящуюся стачку обставить такой процедурой, которая обрекла бы любую забастовку на неудачу.

Предложенная в конгрессе процедура сводилась к тому, что профессиональный союз, решив объявить стачку, извещает об этом не только предпринимателей, но и органы власти — Национальное управление трудовых отношений. С этого момента наступает «период охлаждения»,

в течение которого происходят переговоры с целью урегулирования конфликта «мирным путем».

Изобретатели «периода охлаждения» прекрасно знали, что успех стачки зависит от ее организационной подготовки и морального состояния бастующих рабочих. Стачка эффективна тогда, когда она объявляется в наиболее подходящий момент для рабочих и в обстановке, наименее желательной для предпринимателей. Большие стачки, проведенные, например, КПП в 30-х годах, увенчались успехом прежде всего потому, что они были тщательно подготовлены и проведены по всем правилам стратегии и тактики стачечной борьбы. Немалую роль играют место и время начала стачки. В начале 1937 г., например, приостановка работы на так называемых ключевых предприятиях «Дженерал моторс» во Флинте сразу расстроила производство на десятках заводов, разбросанных в 14 штатах.

Ни один стачечный комитет не может рассчитывать на успех, если он оперативно связан сроками, диктуемыми предпринимателями или правительственными органами. 60 дней выжидания означает, что в течение двух месяцев рабочие находятся в неопределенном состоянии. Предпринимателям и стоящим за ними органам власти нетрудно по тактическим соображениям вести переговоры с представителями союза таким образом, чтобы создавать впечатление соглашения, а в последнюю минуту круто повернуть в другую сторону. Современная стачка в США, особенно, когда речь идет о стачечной борьбе на предприятиях крупного монополистического капитала, — это такая сложная операция, которую нельзя так просто спланировать, организовать, назначить и затем отложить; тем более нельзя требовать от стачечного комитета, чтобы он заранее открыл свои карты и лишил себя всякой тактической инициативы.

«Период охлаждения» предусматривал также еще в 1946 г. и билль Кейза. Тогда председатель КПП Ф. Мэррей, протестуя против этого билля, писал президенту США: «Нельзя начать стачку сегодня, назавтра ее отменить, а послезавтра — продолжать... Своевременно начать стачку так же важно для ее эффективности, как важно своевременно начать любую операцию, требующую координированных усилий многих тысяч людей. Она должна совершаться в то время, когда все усилия могут быть координированы и когда все рабочие в состоянии действовать наиболее эффективно»⁶².

В общем весь смысл «периода охлаждения» заключался в том, чтобы чрезвычайно затруднить и усложнить подготовку и организацию эффективной стачки.

Многочисленные антирабочие законопроекты нашли свое выражение в драконовском билле, главными авторами которого считаются сенатор Р. Тафт и конгрессмен Ф. Хартли. Этот билль превратился летом 1947 г. в «закон Тафта — Хартли».

Этот закон занимал в течение многих лет видное место в политической жизни США. Как и предыдущие билли, он установил «период охлаждения» 60 дней, но предусмотрел, чтобы во многих случаях президент США имел право объявлять продолжительность этого периода в 80 дней.

Наряду с «периодом охлаждения» этот закон предусматривал и другие меры против стачек. Генеральному прокурору, например, предоставлялось право применения «инджанкшн», если стачка охватывала целую отрасль промышленности или предприятия не одного штата, под предлогом, что такая забастовка может иметь отрицательные последствия для

⁶¹ «New York Times», 12.I 1947.

⁶² «New York Times», 3.VI 1946.

здоровья населения или безопасности страны. В этих случаях «период охлаждения» объявляется на 80 дней. «Закон Тафта — Хартли» запрещал стачки солидарности, названные в США забастовками «вторичного бойкота», требующие бойкота тех предприятий-поставщиков, которые не признают профессиональные союзы, стачки за права профсоюзов представлять рабочих всего данного предприятия, а также забастовки, связанные с профсоюзной юрисдикцией, с требованием выполнения рабочими данного профессионального союза всего комплекса определенных работ и др.

«Закон Тафта — Хартли» поощряет штрейкбрехерство, затрудняет эффективное пикетирование, позволяет существование компанийских союзов, запрещенных «актом Вагнера»: по этому акту увольнение рабочих за участие в забастовке или за активную профсоюзную деятельность признавалось незаконным и предусматривалось, что уволенные по таким причинам должны быть восстановлены на работе и получить полную компенсацию за вынужденный прогул. Новый закон фактически ликвидировал эти права рабочих.

«Закон Тафта — Хартли» предусмотрел ряд мер, препятствующих заключению коллективных договоров. В сельском хозяйстве, в государственных учреждениях и на предприятиях рабочим отказано было в праве на такие договоры. На частных предприятиях предпринимателям предоставлялись большие возможности для отказа от заключения коллективных договоров.

По «закону Тафта — Хартли» любой профсоюз лишался права на заключение коллективного договора, если кто-нибудь из его руководителей «подозревается» в «коммунистических настроениях». Поскольку «подозрение» и «настроение» — понятия расплывчатые, постольку возможности, предоставленные новым антирабочим законом предпринимателям для отказа от заключения коллективных договоров, неограниченны.

Новый антирабочий закон предусматривал строгий контроль над средствами профсоюзов, опубликование каждым союзом финансового отчета. Профсоюзам запрещалось использовать свои средства для политических целей, для избирательных кампаний, а также для создания самостоятельных фондов помощи безработным и больным без надзора над этими фондами со стороны предпринимателей. Каждый профсоюз должен был регистрироваться в министерстве труда и посылать туда отчеты, содержащие фамилии профсоюзных работников, данные об их окладах, о размерах членских и других взносов, о процедуре выработки решений по различным вопросам, а также представлять ежегодный финансовый отчет. При регистрации требовались показания под присягой, что никто из местных и центральных работников данного союза не является коммунистом. Такие же индивидуальные показания под присягой закон устанавливал для каждого профсоюзного работника.

Наконец, «закон Тафта — Хартли» объявил незаконной систему «закрытой мастерской». Правда, он разрешил существование «союзной мастерской»⁶³, но санкционировал и взял под защиту федерального зако-

нодательства действия законодательных собраний ряда штатов, которые провокационным лозунгом «права на работу» стремились ликвидировать не только «закрытую», но и «союзную мастерскую»⁶⁴. Этот же закон давал право каждому штату принимать свои собственные антирабочие законы о «праве на работу». На систему «закрытой мастерской» представители монополистического капитала США особенно обрушились после второй мировой войны. Бывший председатель военно-промышленного управления Д. Ричберг даже заявил, что с точки зрения производства лучше коммунистическая революция, чем «закрытая мастерская», которая-де подтачивает основы капитализма.

Многолетняя борьба профсоюзов США за свое существование убедила их в том, что на предприятиях монополистического капитала система «закрытой мастерской» является известной гарантией для сохранения самого союза и что «открытая мастерская» дает предпринимателям большие возможности для вербовки шпионов и провокаторов с целью подрыва и ликвидации союзов на своих предприятиях. «Неслучайно термин «открытая мастерская», — писал орган КПШ, — стал синонимом не только оппозиции к «закрытой мастерской», но и синонимом лютой враждебности к юнионизму, преследованию организаторов и членов профсоюзов, использованию штрейкбрехеров, компанийских бандитов...»⁶⁵

Хозяева стальных, автомобильных, химических, машиностроительных и других крупных трестов хотели реставрировать порядки, существовавшие на их заводах до середины 30-х годов, когда вопросы заработной платы, рабочего времени и других условий труда всецело зависели от произвола предпринимателей. Недаром кампания за объявление «закрытой мастерской» вне закона щедро финансировалась, как писал в начале 1947 г. председатель АФТ Грин, крупным американским капиталом⁶⁶.

«Законом Тафта — Хартли» монополистический капитал США пытался ослабить организованных рабочих в их борьбе за экономические требования, за повышение заработной платы и улучшение условий труда. Этим законом крупный капитал стремился и к тому, чтобы препятствовать росту политической активности рабочего класса, помешать его движению за организацию и поддержку третьей массовой прогрессивной партии, которая в то время создавалась. В том же направлении действовали те статьи «закона Тафта — Хартли», которые предусматривали отстранение и изоляцию коммунистов и других активных сил в профсоюзах, с тем чтобы ослабить способность организованных рабочих бороться против всех видов реакции. То же самое относится к тем статьям закона, которые запрещали использовать средства профсоюзов на проведение политических кампаний или на разоблачение реакционной, антидемократической, противоконституционной деятельности некоторых комиссий и большинства членов 80-го конгресса.

Во время обсуждения «закона Тафта — Хартли» в стране происходили массовые демонстрации протеста. В Детройте в демонстрации участвовало около четверти миллиона рабочих⁶⁷. Голоса протеста раздавались также в самом конгрессе США. Например, конгрессмен от штата Миннесота в своем выступлении в палате представителей, отмечая, что предложенный законопроект является «одним из самых худших антирабочих

⁶³ По «закону Тафта — Хартли» «союзная мастерская» считалась законной лишь тогда, когда при тайном голосовании за нее высказывается большинство рабочих. Уже первый год существования закона показал, что больше 95% рабочих защищают «союзную мастерскую». Поэтому в дальнейшем голосование было отменено. Через пять лет после принятия этого закона (в 1952 г.) больше 60% всех рабочих были охвачены соглашениями о «союзной мастерской». Однако спустя примерно 15 лет в 19 штатах уже действовали законы о «праве на труд», что давало им возможность объявлять «союзную мастерскую» незаконной («Congressional Record», 29.I 1966, p. 1466).

⁶⁴ Reynolds L. Labor Economics and Labor Relations. N. Y., 1954, p. 325; Labor Fact Book N 9, p. 140.

⁶⁵ «CIO News», 20.I 1947.

⁶⁶ «New York Times», 26.I 1947.

⁶⁷ «Congressional Record», 4.VI 1947, p. A2816.

биллей, когда-либо обсуждавшихся в конгрессе», заявил: «Большинство в палате упорно отстаивало интересы корпораций за счет рабочих и фермеров. Этот неразумный билль Хартли представляет не больше, чем кодификацию законодательных рекомендаций Национальной ассоциации промышленников»⁶⁸. Секретарь-казначей АФТ Джордж Мини писал, что билль Тафта — Хартли должен быть назван «биллем Национальной ассоциации промышленников, каким он в действительности является»⁶⁹. Филипп Мэррей из КПП, Уильям Грин из АФТ и Уитни из профсоюза железнодорожных кондукторов осудили направленный к закабалению рабочих законопроект Тафта — Хартли как фашистское мероприятие. Все трое единодушно считали, что этот законопроект соответствует тем мерам, которые ранее были приняты против профсоюзов Гитлером и Муссолини⁷⁰.

В то же время капиталистическая печать утверждала, что «закон Тафта — Хартли» в недостаточной мере «обезвредил» «акт Вагнера».

Борьба вокруг этого вопроса в стране и в конгрессе затянулась на десятилетия. Через 18 лет после принятия «закона Тафта — Хартли» орган крупного американского капитала писал: «Правда такова, что союзы уже имеют достаточно и более чем достаточно специальных привилегий, что все наши усилия должны быть направлены скорее на урезывание этих привилегий, чем на их увеличение»⁷¹.

В палате представителей официально утверждали, что рассматриваемый билль написан не Тафтом, не Хартли и не другими конгрессменами, а юристами автомобильной компании Крайслера и других крупных корпораций⁷².

4 июня 1947 г. палата представителей большинством в 320 против 79, а через два дня сенат большинством в 54 против 17 одобрили «билль Тафта — Хартли».

В создавшихся условиях, учитывая национальные выборы следующего года, Трумэн удачно сманивровал. 20 июня он наложил вето на «билль Тафта — Хартли». Но вето ничего изменить не могло: в тот же день палата представителей, а через три дня сенат подтвердили свое решение большинством, превышающим две трети голосов. Большинства в обеих палатах, превысившего две трети голосов, достаточно, для того чтобы билль превратился в закон, невзирая на вето президента США. 23 июня 1947 г. билль стал законом. Но Трумэн и национальный комитет демократической партии заручились поддержкой профессиональных союзов на президентских выборах 1948 г.

Вместе с антирабочим законом 80-й конгресс принял закон о прогрессивном сокращении подоходного налога на крупные доходы. Для семей с годовым доходом до 2400 долл. налог был сокращен на 3%, с доходом до 10 тыс. — на 8, до 20 тыс. — на 15, а для семей с годовым доходом свыше 100 тыс. долл. налог был сокращен на 48—65%.

«Закон Тафта — Хартли» обсуждался и проходил в конгрессе в обстановке антикоммунистической истерии, раздуваемой во всех штатах Национальной ассоциацией промышленников. Как после окончания первой мировой войны, в дни знаменитого Пальмеровского похода против «красных», когда разгул реакции и ее наступление на рабочий класс выражались прежде всего в гонениях на его авангард, на революционных рабо-

чих, на коммунистов, которых загнали в подполье, так и после второй мировой войны преследование профессиональных союзов в США прикрывалось антикоммунистической ширмой.

11 июля 1947 г. министр труда Л. Швеленбах предложил объявить Коммунистическую партию США вне закона. К этому времени в палату представителей поступило шесть биллей, направленных против легального существования коммунистической партии, а председатель Комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности Д. Томас официально сообщил тогда о подготовке еще восьми антикоммунистических законопроектов. 31 марта Томас обратился к генеральному прокурору США Т. Кларку с предложением начать судебное преследование коммунистической партии и ее официальных представителей. В начале июля суд, обвинив генерального секретаря Коммунистической партии США Денниса в «неуважении» к Комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, присудил его к тюремному заключению сроком на один год и к штрафу в 1 тыс. долл.

Объявление коммунистов вне закона облегчило бы Национальной ассоциации промышленников проведение всей задуманной ею программы борьбы против профессиональных союзов. Достаточно было заподозрить какого-нибудь деятеля любого профессионального союза в «коммунистических настроениях», чтобы лишить этот союз права на стачки и на коллективный договор.

Снискавшая дурную славу Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности ухитрилась «раскрывать» «коммунистические заговоры» в самых неожиданных местах — и в государственном департаменте, и в центре кинопромышленности США — в Голливуде и т. д. Комиссия даже заподозрила, что кинозвезды Голливуда «светят» чуждым Америке «светом».

Комиссия конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности возникла еще перед второй мировой войной, в 1938 г. Ее деятельность называли в самом конгрессе «клеветнической, истерической, антиамериканской». Ее первым председателем был Мартин Дайс — конгрессмен от штата Техас.

Сам бывший президент США Трумэн, говоря о работе Дайса, впоследствии признал: «Как председатель первой Комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, он выдвигал много диких обвинений. Он проводил слушание дел такими методами, которые я называл в сенате наиболее антиамериканскими. Людей, представших перед его комиссией, очень часто запугивали, ложно обвиняли, не давая возможности ни узнать, на чем обвинение основано, ни опровергнуть его»⁷³.

Между тем после окончания второй мировой войны Трумэн создал подобную же комиссию, которая состязалась в клевете и лжи с пресловутой комиссией Дайса. Через 10 дней после опубликования своей «доктрины», 22 марта 1947 г., Трумэн издал приказ № 9835 о проверке лояльности государственных служащих. С этой целью в Вашингтоне была создана Федеральная комиссия в составе 23 человек, назначенных президентом США; на местах организовывались районные комиссии, а в каждом государственном учреждении и на предприятии — своя комиссия.

Приказ Трумэна по своему содержанию совпал с требованиями, выдвинутыми раньше Торговой палатой США о борьбе с «красной опасностью» в государственном аппарате.

⁶⁸ «Congressional Record», 17.IV 1947, p. A2816.

⁶⁹ Ibid., p. A1870.

⁷⁰ Селдес Д. 1000 американцев, с. 83.

⁷¹ «Fortune», June 1965, p. 130.

⁷² «Congressional Record», 17.IV 1947, p. 3699.

⁷³ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 275.

В США давно существуют многочисленные законы против разглашения государственной тайны, против злоупотребления или небрежного обращения с секретными документами, против саботажа, измены или проповеди насильственного свержения существующего строя. Комиссия президента по проверке лояльности, как и Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, обрушила всю силу своих акций не против незаконных действий, а против неугодных Национальной ассоциации промышленников идей. Эти комиссии пытались в США, как в свое время милитаристы в Японии, вытравить из сознания людей «опасные мысли».

Дайса сменили Дж. Рэнкин, Дж. Томас, Дж. Вуд. Против Томаса суд возбудил 8 ноября 1948 г. дело об обмане государства, о выписывании и присвоении им заработной платы для мнимых сотрудников его комиссии, которые никогда в этой комиссии не работали. За совершенные преступления Томасу полагалось 32 года тюрьмы и 40 тыс. долл. штрафа. Но и после разоблачения он еще продолжал некоторое время руководить расследованиями так называемой антиамериканской деятельности, пока в 81-м конгрессе его не сменил Вуд.

Небезынтересно, что Томас, как и большинство членов его комиссии, состояли членами местных торговых палат и были связаны с Торговой палатой США, которая вместе с Национальной ассоциацией промышленников вела со времени окончания войны ожесточенную кампанию против «инакомыслящих радикалов».

14 апреля 1947 г. в печатном органе конгресса США был опубликован пространный отчет Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. В нем была приведена таблица с данными о численности коммунистических партий в различных странах, данные о I и III Интернационалах, об истории и деятельности Коммунистической партии США и т. п. Для составления этого отчета были использованы ренегаты и исключенные из Коммунистической партии США — Буденц, Гитлоу, Ловстон и др. Несмотря на все ухищрения, комиссия в своем отчете никак не могла доказать, что Коммунистическая партия США занимается незаконной деятельностью, что ее деятельность выходит за рамки тех прав, которые специальные добавления к конституции предоставили гражданам США еще в XVIII в. Отчет послужил подтверждением, что комиссия конгресса борется не против незаконных действий, а против неприемлемых для нее взглядов и идей.

В конгрессе США пытались оправдать антикоммунистические статьи «закона Тафта — Хартли», как и вообще незаконное, позорное преследование представителей революционных рабочих, ссылкой на то, что, мол, в поражении Франции во второй мировой войне виноваты были ее революционные рабочие и что поэтому США должны-де заблаговременно применить суровые меры против коммунистов. На это конгрессмен А. Сэбэт в своем выступлении в палате представителей заметил: «Многие военные, политические и промышленные лидеры Франции уже осуждены за коллаборационизм, многие другие из них находятся в тюрьме, в ожидании суда. Но я никогда не слышал, чтобы в этой стране кто-нибудь из рабочих лидеров или какой-нибудь рабочий был осужден за государственную измену. Предателями Франции были люди, имевшие власть... Поражение Франции поэтому оказалось неизбежным; измена исходила из высших кругов»⁷⁴.

В 1940 г., еще до вступления во вторую мировую войну, в нарушение федеральной конституции в 14 штатах США коммунистическая партия

была лишена права участия в выборах⁷⁵. После войны, 15 декабря 1947 г., в разгар антикоммунистической истерии в конгресс США был внесен билль о распространении этого беззакония на всю страну.

19 мая 1948 г. палата представителей одобрила билль, внесенный конгрессменами К. Мундтом и будущим вице-, а затем президентом США Р. Никсоном. Этот билль, подготовленный в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, лишал коммунистов элементарных гражданских прав и требовал регистрации коммунистической партии и всех организаций, которые министерство юстиции сочтет близкими к коммунистическим. Но, так как билль вызвал широкие протесты в самых различных кругах страны, характеризовавших его как антиамериканский закон, сенат воздержался от его принятия. Однако следующий, 81-й конгресс все же принял аналогичный закон.

Наряду с Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности после второй мировой войны развернула лихорадочную деятельность дублер этой комиссии — подкомиссия внутренней безопасности юридической комиссии сената. Эта подкомиссия, орудовавшая под руководством сенатора У. Дженнера из Индианы, сделала феноменальное «открытие»: она заявила, что внутренняя и внешняя политика США находится всецело в руках коммунистов.

Подкомиссия утверждала, что коммунисты управляют важнейшими комиссиями конгресса. «Коммунисты, — суммировала подкомиссия Дженнера, — помогают составлять билли, руководят обсуждением вопросов в конгрессе и пишут его законы. Они оказывали влияние на членов правительства, писали для них речи и представляли их на межправительственных конференциях. Коммунисты заполняли межведомственные комиссии, которые вырабатывали основы американской и мировой политики... Велико стало их влияние на верхушку государственного департамента, где дипломаты устанавливают мировую политику США... Группа этих лиц (т. е. группа коммунистов. — В. Л.) оказывала свое воздействие на государственный департамент с гибельными результатами для американской дальневосточной политики»⁷⁶.

Приведенные строки убедительно показывают, до какого абсурда дошла антикоммунистическая истерия в Америке, вплоть до того, что коммунистам приписывали авторство законов, принимаемых конгрессом США, включая, следовательно, билли об объявлении коммунистической партии вне закона.

Так же абсурдно и дико выглядела затея Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в Голливуде. 5 декабря 1947 г. федеральные судебные органы предъявили девяти известным сценаристам и одному директору голливудского предприятия обвинение в «неуважении к конгрессу». «Неуважение» выразилось в том, что эти 10 человек отказались отвечать на некоторые вопросы Томаса, прибывшего в начале мая 1947 г. во главе специальной подкомиссии в Калифорнию для расследования «антиамериканской деятельности» в Голливуде. Вопросы касались в основном политических взглядов и принадлежности к союзу сценаристов.

Обвинению подверглись также артисты и административные работники кинопромышленности. В середине июня 1947 г. «теоретик» Комиссии

⁷⁵ Это следующие штаты: Висконсин, Миннесота, Огайо, Индиана, Миссури, Западная Вирджиния, Кентукки, Арканзас, Канзас, Коннектикут, Иллинойс, Аризона, Юта и Вашингтон.

⁷⁶ Baker R. The American Legion and American Foreign Policy. N. Y., 1954, p. 105—106.

⁷⁴ «Congressional Record», 17.IV 1947, p. 3711.

по расследованию антиамериканской деятельности Рэнкин, заявив в палате представителей, что Чарли Чаплин ведет в Голливуде образ жизни, «вредный для существующего в Америке строя», потребовал распоряжения конгресса о высылке Чаплина из США.

Подкомиссия Томаса набрала в Голливуде четыре тома «следственного материала», на основании которого она заключила: «...многие сценаристы, являющиеся коммунистами, проникли в различные студии и впрыскивали таким путем коммунистическую пропаганду в фильмы...; некоторые фильмы, представляющие наиболее явную коммунистическую пропаганду, создавались в результате давления со стороны Белого дома...; коммунистические сценаристы, директора и продюсеры применяли уточненную технику в картинах, прославляя коммунистическую систему и унижая нашу собственную государственную систему и наши институты...; Национальное управление трудовых отношений оказывало большую поддержку коммунистам в их стараниях проникать в кинопромышленность и контролировать ее...; коммунистам удалось помешать выпуску определенно хороших американских картин, в которых пытались прославлять Соединенные Штаты Америки и американскую систему»⁷⁷.

Приведенное заключение показывает, насколько вздорны выдвинутые обвинения. «Уликой» для обвинения одного из самых известных сценаристов США — Джона Лоусона — в антиамериканской деятельности, например, служила его оппозиция к кандидатуре Томаса Дьюи в президенты США, а также его одобрение избрания Франклина Рузвельта президентом в четвертый раз⁷⁸.

Член подкомиссии Томаса Джон Вуд разъяснил, что означает коммунистическая пропаганда в кинокартинах. «Я думаю, — заявил он, — особенно плохо то, что постоянно, каждый вечер, когда вы ходите в кино, вы видите нечестного банкира или сенатора; вы начинаете думать, что вся система не годится»⁷⁹.

В то самое время, когда на Дальнем Западе страны кинороботникам предъявлялись обвинения в «плеуважении к конгрессу», на востоке по такому же обвинению были присуждены к денежному штрафу и тюремному заключению на срок от трех месяцев до одного года члены Национального совета американо-советской дружбы, члены Конгресса защиты гражданских прав, члены Комитета антифашистских беженцев и другие антифашисты.

Параллельно с комиссией Томаса развернула лихорадочную деятельность Комиссия по проверке лояльности, созданная Трумэном. Его приказ № 9835 помимо образования федеральной и местных комиссий предоставил широкие полномочия Федеральному бюро расследований для вторжения в частную жизнь 2300 тыс. государственных служащих. Под видом борьбы с «коммунистическими настроениями» государственным служащим запрещалось выражать либеральные или прогрессивные взгляды. Недоверие или сомнение в нелепых и позорных обвинениях, сочиненных в комиссии или подкомиссии Томаса, рассматривалось как нелояльность к существующему в США строю. Провокаторы-шпионы в среде рабочих, тайные осведомители об обывательских сплетнях и анекдотах, клеветники и лжецы были возведены в ранг образцовых, «лояльных» американцев.

⁷⁷ «Congressional Record», 6.VI 1947, p. A2843.

⁷⁸ Rogge J. O. Our Vanishing Civil Liberties. N. Y., 1949, p. 75; Кан Г. Прогрессивные деятели Голливуда перед судом. ИЛ, 1949, с. 83.

⁷⁹ Rogge J. O. Our Vanishing Civil Liberties, p. 74.

Бывший помощник генерального прокурора США Дж. Рогги в 1949 г. опубликовал любопытные сведения о том, за что государственные служащие увольнялись с работы. Один служащий военного министерства получил извещение: «Вы уволены по секретным соображениям». Рогги раскрыл секрет: этот служащий однажды помог организовать профсоюз преподавателей в университете одного штата и приобрел книгу, которую комиссия Дайса включила в список «вредных»⁸⁰.

В Филадельфии был уволен электрик, работавший в морском ведомстве. Он получил официальное извещение, объяснившее причины его увольнения: «Достоверно известно, что вы являетесь активным членом и активно участвуете в расширении деятельности организации, политика которой направлена на разрушение принципов, на которых основывается государство Соединенных Штатов, организации, известной под названием «Друзья природы»⁸¹.

Масса государственных служащих и рабочих государственных предприятий или предприятий, выполнявших государственные заказы, была запугана, терроризирована. Для того чтобы свести с любым из них счеты, достаточно было, по словам Рогги, подать на него анонимное заявление и указать, что его жена читала что-нибудь из произведений Теодора Драйзера, подписалась на журнал «Нью рипаблик» и однажды приняла в своем доме негра, который вошел через парадную дверь⁸². Анонимка обязательно влекла за собой вызов на келейный допрос в Комиссию по проверке лояльности. В результате данный служащий или рабочий в лучшем случае (т. е. если он даже не был уволен) оставался на работе с клеймом как однажды подвергавшийся следствию «за нелояльность»⁸³.

Рогги приводит характерные вопросы, которые задавались на секретных допросах в Комиссии по проверке лояльности: «Где родились родители? Говорите ли по-русски? Писали ли когда-нибудь кому-нибудь по-русски? Сочувствуете ли обездоленным людям? Приглашали ли вы или ваша жена когда-нибудь к себе домой негра? Был ли когда-нибудь кто-либо из ваших родственников коммунистом? Что бы вы сделали, если бы вдруг узнали, что ваша жена — коммунистка? Присутствовали ли вы на митинге радикалов в Мэдисон сквер Гардене во время войны? Считаете ли вы, что члены коммунистической партии или сочувствующих ей организаций виновны в измене Соединенным Штатам? Какие газеты читаете? Знаете ли что-нибудь о писателе Фейхтвангере? Знаете ли вы, где находится Комитет коммунистической партии в Нью-Йорке? Что вы думаете о «доктрине Трумэна»? Как относитесь к «плану Маршалла»? Чему учит католическая церковь?»⁸⁴.

Характерны также и такого рода вопросы: «Знаете ли вы Генри Уоллеса? Читаете ли вы журналы «Нью рипаблик» и «Нэйшн»?»⁸⁵

Летом 1947 г. один американский журнал, касаясь жестокой расправы различных комиссий над ни в чем не повинными гражданами США, отметил: «Сейчас Томас Джефферсон и Авраам Линкольн могли бы быть уволены с государственной службы, как опасные и нелояльные лица»⁸⁶.

⁸⁰ Ibid., p. 107—108.

⁸¹ Ibid., p. 109.

⁸² Ibid., p. 110.

⁸³ Ibid., p. 10.

⁸⁴ Ibid., p. 113, 117, 122, 125, 128, 141, 144, 150.

⁸⁵ «New Republic», 8.III 1948, p. 11.

⁸⁶ «New Republic», 11.VIII 1947, p. 10.

«Пляска первов», которую комиссия устраивала на секретных допросах над гражданами США, кончалась иногда весьма печально, даже если они были формально реабилитированы. 16 августа 1948 г., например, бывший помощник министра финансов Гарри Уайт после длительного, мучительного допроса на Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности умер от инфаркта. Учительница Гутрайд, имевшая 17-летний стаж педагогической деятельности, была членом союза учителей Нью-Йорка. В конце декабря 1948 г. ее подвергли иезуитскому допросу по поводу одного заседания, проходившего в ее доме в 1940 г. Вернувшись домой, она отравилась газом.

Обвинения в «нелояльности» предъявлялись также за старые «грехи». В мае 1947 г. федеральный суд США признал бывшего служащего Бюро стратегической информации Марзани виновным в «обмане государства». «Обман» выразился в том, что Марзани, будучи государственным служащим, не сообщил о своих связях с коммунистами. В Бюро стратегической информации в 1942 г. он занимался выбором объектов в Токио для налетов американской авиации. Он был на хорошем счету как человек, образцово выполняющий возложенные на него обязанности. На суде Марзани признал, что принимал участие в деятельности различных прогрессивных организаций, но никогда не состоял членом коммунистической партии. Суд все же посчитал «преступление» Марзани доказанным и установил, что за него полагается заключение на срок до трех лет. После апелляции и двух слушаний дела в верховном суде США 25 марта 1949 г. Марзани был посажен в тюрьму.

Как всегда в США, наступление реакции сопровождалось усилением преследования негров. В мае 1947 г., накануне дня, когда федеральный суд объявил Марзани «крупным преступником», суд штата Южная Каролина постановил, что линчевание негров не является преступлением.

Внесенные в 80-й конгресс билли о принятии федерального закона против линчевания негров представители Юга, как всегда, провалили. В 1948 г. сенаторы из южных штатов сорвали принятие закона, запрещающего взимать избирательный налог, при помощи которого на Юге США обычно лишали негров права голоса.

Избирательный налог, правда, был далеко не единственным способом недопущения негров к избирательным урнам в южных штатах. 20 ноября 1948 г. 37-летний негр Роберт Маллард, фермер в штате Джорджия, например, был убит группой белых хулиганов за то, что он советовал неграм участвовать в предварительных выборах во время президентской кампании, происходившей в том году.

Разгул инквизиторских комиссий и подкомиссий, закатывавших всеамериканскую истерику с целью борьбы с прогрессивными идеями, с «опасными мыслями», служил вместе с тем камуфляжем для выполнения главной внутриполитической задачи Национальной ассоциации промышленников — для похода против рабочего класса, в первую очередь против организованных рабочих.

В 1948 г. подкомиссия комиссии палаты представителей по вопросам труда и образования под председательством конгрессмена К. Керстена занялась расследованием «лояльности» и «благонадежности» ряда профессиональных союзов, входивших в КПП. Соревнуясь с комиссией Томаса, Керстен чинил расправу над активными прогрессивными деятелями профессиональных союзов, вызывал их в подкомиссию, подвергал унижительным допросам, пытаясь навязать им обвинение в нарушении «закона Тафта — Хартли».

В специальной брошюре Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности обрушилась на 20 профессиональных союзов, включив их в «черные списки». На основании данных этой комиссии и в соответствии с задачами, поставленными перед Комиссией по проверке лояльности, 5 декабря 1947 г. генеральный прокурор США опубликовал «черный список», куда были включены 90 организаций. Участие в любой из них было объявлено порочным, дающим бесспорное основание для обвинения в «нелояльности». 28 мая 1948 г. генеральный прокурор прибавил к этому списку еще 32 организации.

В 1948 г., как и после первой мировой войны, началась кампания за высылку из страны «нежелательных». В декабре 1948 г. министерство юстиции США сообщило, что оно готовит депортацию за политические взгляды 228 натурализованных американских граждан и 428 иммигрантов, не оформивших гражданства США.

В обстановке раздувания антикоммунистической истерии внутри страны и «холодной войны» во внешней политике реакционные лидеры профсоюзов, хотя формально в целях сохранения влияния на рабочих и высказывались против «закона Тафта — Хартли», в других важных внутриполитических и международных вопросах оказывали прямую поддержку монополистическому капиталу.

В 1947 г. в профсоюзных организациях США встал ребром вопрос об отношении к «закону Тафта — Хартли» и к политике «холодной войны», в частности к «плану Маршалла». Эти вопросы обсуждались на 66-м съезде АФТ, происходившем в октябре 1947 г. в Сан-Франциско, и на IX съезде КПП, состоявшемся в том же месяце в Бостоне.

Съезд АФТ не только одобрил «доктрину Трумэна» и «план Маршалла», но и занял примиренческую позицию по отношению к «закону Тафта — Хартли». Правда, на съезде критиковали этот закон и угрожали голосованием за него членам конгресса провалом на очередных выборах. Тем не менее съезд решил подчиниться правилам этого закона. Это означало согласие съезда на то, чтобы лидеры и местные работники АФТ заявляли в письменном виде под присягой, что они не являются коммунистами.

Следует отметить, что вопрос о подчинении правилам «закона Тафта — Хартли» вызвал на съезде горячие дебаты. Джон Люис вместе со своим союзом углекопов в знак протеста даже вышел спустя два месяца из АФТ, куда они только за год до съезда вернулись после десятилетнего разрыва. Но секретарю-казначее АФТ Джорджу Мини и председателю союза водителей грузовиков Даниэлю Тобину, возглавлявшим кампанию за подчинение правилам антирабочего закона, удалось получить большинство на съезде.

На IX съезде КПП в Бостоне правые лидеры в своих выступлениях во время обсуждения вопросов внешней политики также с одобрением отнеслись к «доктрине Трумэна» и «плану Маршалла». Но большинство их не поддержало. Более того, принятая резолюция призвала вернуться к политике Франклина Рузвельта, к сотрудничеству между СССР, США и Англией — тремя великими союзниками в войне против гитлеровской Германии.

Съезд КПП принял резолюцию, осуждавшую позорную деятельность комиссии Томаса, и обязался сделать все возможное для ликвидации этой комиссии.

Позиция КПП вызывала недовольство и беспокойство в рядах крупного капитала. Правая фракция в КПП, возглавлявшаяся председателем союза рабочих автомобильной промышленности У. Рейтером, Грином из

союза судостроителей и Э. Ривом из союза текстильщиков, защищала внешнюю политику государственного департамента, политику «холодной войны». Эта фракция требовала «чистки» КПП от инакомыслящих, от «красных». Но влиятельный председатель этого профсоюзного объединения Ф. Мэррей не соглашался с реакционной линией профлидеров. На протяжении напряженного 1947 г., когда горячо обсуждалось отношение профсоюзов к «закону Тафта — Хартли» и к комиссиям по проверке лояльности и расследованию антиамериканской деятельности во внутренней политике и к «доктрине Трумэна» и «плану Маршалла» во внешней политике, Мэррей активно выступал за сохранение единства, против отстранения прогрессивных союзов.

Представители крупного капитала старались оказать свое влияние на председателя КПП, склонить его к изменению своих взглядов. В частности, этого требовал сторонник превентивной войны против СССР министр обороны Дж. Форрестол. В своих военных планах он придавал особое значение позиции КПП, объединяющего организованных рабочих в автомобильной, авиационной, судостроительной и других решающих в военном производстве отраслях промышленности. Форрестол лично пытался переубедить, «переориентировать» Мэррея. На совещании с Форрестолом в начале 1948 г. Мэррей согласился с возможностью пересмотра Исполнительным советом КПП его позиций в отношении обязательной воинской повинности в мирное время⁸⁷. Против такой повинности высказывался решительно не только IX съезд КПП, но даже 66-й съезд АФТ.

К началу 1948 г. Мэррей в руководстве КПП стал уступать сторонникам «плана Маршалла», сторонникам «холодной войны». В январе 1948 г. исполнительный совет КПП постановил, что все руководимые им союзы обязаны поддерживать его политическую линию и голосовать в выборных кампаниях за тех кандидатов, которых он рекомендует. Это постановление было направлено непосредственно против поддержки союзами, входившими в КПП, кандидатов прогрессивной партии на выборах 1948.

На X съезде КПП, происходившем в ноябре 1948 г. в Портленде, была принята резолюция против самостоятельной третьей партии. Новая политическая линия КПП находила свое выражение в выступлениях Мэррея на съезде об «опасности» проникновения коммунистических настроений в профессиональные союзы.

Во внешнеполитической резолюции X съезд КПП одобрил политику «холодной войны» государственного департамента. Впервые в истории КПП на съезде прогрессивное меньшинство выступило против официальной политической линии, изложенной Мэрреем. Утверждая, что «холодная война» означает увеличение бремени вооружений и инфляцию, антирабочее законодательство и ущемление гражданских прав, а также угрозу неизбежной военной катастрофы, это меньшинство на съезде призвало к возвращению к программе международного сотрудничества покойного президента Рузвельта, к проведению плана полного разоружения, к прекращению оказания помощи режиму Чан Кай-ши. Оно также настаивало на сохранении традиционной оппозиции организованных рабочих США всеобщей обязательной воинской повинности в мирное время. Наконец, оно заявило, что в рядах КПП должна быть сохранена полная свобода в отношении выражения различных политических взглядов.

Большинство, однако, одобрило на съезде не только политику «хо-

⁸⁷ Mills W. The Forrestal's Diaries. N. Y., 1951, p. 406.

лодной войны», но и реакционный курс во внутренней политике, который к этому времени преобладал в руководстве КПП и по существу перекликался с походом против «красных» со стороны Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Впервые в истории США на съезде профессиональных союзов в Портленде выступил член верховного суда США У. Дуглас, который, повторяя обычные буржуазные измышления об общности интересов труда и капитала, заявил: «Идея классов чужда нам в этой стране». Так КПП — массовый профсоюз американских рабочих, возникший и окрепший в огне классовой борьбы, в боевых «сидячих стачках», предоставил представителю высшей буржуазной судебной власти трибуну своего съезда для проповеди классового сотрудничества.

Разногласия, проявившиеся на съезде, имели вскоре политические и организационные последствия. В течение ближайших двух лет (1949—1950) КПП исключил из своих рядов 11 профсоюзов с общим числом членов до 1 млн.⁸⁸ Руководство КПП мотивировало изгнание левых профсоюзов необходимостью борьбы с «коммунистическим засильем», тем, что союзы, лидеры которых выступают против политики «холодной войны», находятся «во власти коммунистов».

Исключив прогрессивные, самые активные союзы, служившие образцом для всего профсоюзного объединения в стране, КПП терял не только свое политическое значение, свой вес в общественной жизни страны, но и массу членов помимо тех, кого он сам исключил. К 1947 г., перед началом похода против «красных», в рядах КПП числилось 6,3 млн. членов, а перед его слиянием с АФТ, в 1954 г., в его рядах оставалось лишь около 4,5 млн. человек⁸⁹.

Таким образом, реакционные лидеры профсоюзов, действуя в унисон с подкомиссией Керстэна в угоду Национальной ассоциации промышленников, сами сократили и ослабили ряды КПП.

Поход против рабочего класса во второй половине 40-х годов, наступление капитала на организованных рабочих, глубокое вторжение реакции в деятельность профессиональных союзов завершились в 1949 г. процессом над руководителями Коммунистической партии США.

В июле 1948 г., перед открытием XIV национального партийного съезда, 12 руководителям Коммунистической партии США, включая ее председателя У. Фостера и генерального секретаря Ю. Денниса, было предъявлено обвинение в том, что они «проповедуют философию и теорию Маркса и Ленина». Юридическую основу для обвинения судебные органы пытались найти в «законе Смита», принятом в июне 1940 г. и названном «актом о регистрации иностранцев». Этот закон прошел в конгрессе во время падения Парижа и капитуляции Франции в качестве мероприятия против проникновения и подрывной деятельности фашизма в США⁹⁰. На основании «закона Смита», посредством которого пытались

⁸⁸ Это были следующие профсоюзы: объединенный профсоюз электриков, союз горняков и рабочих цветной металлургии, объединенный союз конторских служащих и лиц свободных профессий, союз пиццевиков, табачников и сельскохозяйственных рабочих, объединенный союз работников общественных учреждений, объединенный союз рабочих сельскохозяйственного машиностроения, союз портовых грузчиков и складских рабочих, союз судовых поваров и официантов, союз рыбаков и рабочих смежных профессий, союз работников связи, союз меховщиков и кожевников.

⁸⁹ Labor Fact Book, 1947, N 8, p. 107; 1955, N 12, p. 84.

⁹⁰ По закону Смита лица, проповедующие насильственное свержение существующего в США строя, подвергаются заключению сроком до 10 лет и штрафу в 10 тыс. долл., а лица в возрасте 14 лет и старше, родившиеся за границей и проживающие

установить контроль над мыслями, лидеры компартии обвинялись в «сознательной и злонамеренной защите и пропаганде необходимости свержения и ликвидации правительства Соединенных Штатов с применением силы и насилия».

За исключением тяжело больного ветерана рабочего движения и руководителя коммунистической партии США Уильяма Фостера, 11 человек были привлечены к суду. Процесс начался в январе 1949 г. и продолжался до середины октября. Его вел судья Х. Медина, отличавшийся жестокостью, грубым издевательством и утонченной придирчивостью к подсудимым. 10 человек он приговорил к пяти годам тюремного заключения и к 10 тыс. долл. штрафа каждого, а одного — к трем годам тюремного заключения.

Вслед за инсценировкой суда над идеями и взглядами членов национального комитета Коммунистической партии США в ряде штатов начались процессы над руководителями местных партийных организаций. Только на основании «закона Смита» были осуждены на различные сроки 108 деятелей коммунистической партии и других прогрессивных лиц⁹¹.

Партийные функционеры, активные члены коммунистической партии и других прогрессивных организаций преследовались и на основании других законов. Засланные в эти организации шпионы и провокаторы — троянский конь Федерального бюро расследований — развернули свою подрывную деятельность.

Антирабочее законодательство и поход против организованных рабочих, антикоммунистическая истерия, бешеная активность комиссий и подкомиссий по проверке лояльности и по расследованию антиамериканской деятельности имели помимо всего прочего своей целью создать внутриполитическую обстановку для проведения «холодной» и подготовки «горячей» войны против Советского Союза и других стран социалистического лагеря.

Вся эта шумиха сопровождалась кампанией за дискредитацию внутренней и внешней политики Франклина Рузвельта, за реставрацию старых, дорузвельтовских порядков. Его курс «нью дил» реакционеры ассоциировали с коммунизмом: и то, и другое, по их словам, восстает против старого, «самобытного» американизма; и то, и другое апеллирует к массам и требует перемен; и то, и другое — пропагандисты занесенных из Европы «опасных мыслей», «зло иностранного происхождения», вдохновители программ, чуждых традиционным американским взглядам и идеям.

В конгрессе США эта кампания возглавлялась представителем крупного капитала, неутомимым защитником политики Национальной ассоциации промышленников, лидером большинства в сенате Робертом Тафтом. Проводя политику Национальной ассоциации промышленников, Тафт и его единомышленники обрушивались на сторонников «нью дил». Апелляцию последних к массам они называли «антиамериканской», «коммунистической». Но вместе с тем в своей оголтелой кампании антирабочих законов и борьбы против коммунистов и прогрессивных идей реакционеры старались создать себе массовую опору.

Прежде всего реакция старалась использовать Американский легион, представляющий общество ветеранов двух мировых войн. Хотя легион

в США, но не ставшие американскими гражданами, обязаны в течение пяти месяцев пройти особую регистрацию, при которой у них берут отпечатки пальцев.
⁹¹ «Проблемы мира и социализма», 1959, № 4, с. 94.

объединяет лиц из различных социальных слоев, разных политических взглядов, его руководство состоит из самых махровых реакционеров, самых заядлых врагов рабочего класса. Руководство легиона выступало застрельщиком антикоммунистической истерии, инициатором предложения о принятии специального добавления к конституции США, согласно которому коммунистическая партия ставилась вне закона.

Другой значительной опорой реакции служила католическая церковь. Как известно, в высших капиталистических и политических сферах США католичество раньше не было в фаворе. Никогда до 1960 г. не допускали католика на пост президента США. Но когда речь зашла о походе против организованных рабочих, о восстановлении старых порядков под флагом борьбы с коммунизмом, верный сторонник унитарной церкви Роберт Тафт нашел общий язык с главой католической церкви в США кардиналом Ф. Spellманом.

В 1947—1948 гг. Spellман постоянно выступал с призывами к войне против коммунизма в США и во всем мире. Его антикоммунистические проповеди напоминали былые вопли радио-патера Кофлина — американского Геббельса. В феврале 1949 г. Spellман, заявив с кафедры собора святого Патрика, что «Америке угрожает опасность ее завоевания коммунизмом и уничтожения», призвал к немедленным, решительным действиям.

Конечно, католический прелат Spellман не так наивен, чтобы попусту на всю Америку городить нелепости, а члены Комиссии по проверке лояльности не так глупы, чтобы зря задавать своим жертвам несусветные, не совместимые со здравым смыслом вопросы. Господствующим верхам США антикоммунистическая истерия нужна была для того, чтобы под ее покровом урезать права и ослабить силу организованных рабочих, обеспечить осуществление «закона Тафта — Хартли» внутри страны и агрессивные планы американского империализма за границей.

3. Выборная кампания 1948 г.

Неблагоприятная ситуация у демократов. Вопросы внешней политики на съездах республиканцев и демократов. Борьба за голоса рабочих. «Третья палата» 80-го конгресса США. Новое толкование Декларации независимости. Основы расовой терпимости Трумэна. Кампания диксикратов. Специальная сессия конгресса. Прогрессивная партия на выборах. Поддержка, оказанная ей коммунистами. Удар, нанесенный АФТ и КПП по прогрессивной партии. Итоги президентских выборов и выборов в 81-й конгресс

На второй год узаконенной в правительственных кругах и в печати США «холодной войны», подчинившей себе основные вопросы не только внешней, но и внутренней политики, развернулась очередная выборная кампания. «Закон Тафта — Хартли» и сопровождавшие его реакционные, антидемократические билли, «доктрина Трумэна» и «план Маршалла» стали предметом предвыборных дискуссий, составной частью партийных платформ.

Во внешней политике правительственная партия, отмечая и одобряя в своей платформе сотрудничество республиканцев и демократов, ограничивалась лишь претензиями на руководящую роль в этой политике. Антирабочее законодательство эта партия, наоборот, всецело отнесла на счет республиканцев, пользуясь тем, что «закон Тафта — Хартли» вступил в силу 23 июня 1947 г. вопреки вето президента Трумэна.

Республиканцы, молчаливо признавая, что 80-й конгресс, в котором они имели большинство, слишком далеко зашел в своем наступлении на права трудящихся, пытались перевести предвыборную дискуссию на международные вопросы, несмотря на все разговоры об общей так называемой двухпартийной внешней политике.

Во времени выборной кампании 1948 г. политическая ситуация сложилась неблагоприятно для правительственной партии. Весной этого года исполнилось 15 лет, с тех пор как Белый дом принадлежал представителю демократов. За всю историю США со времени существования двухпартийной системы до второй мировой войны лишь 2 раза одна и та же партия одерживала победы на президентских выборах более 3 раз подряд. Впервые это происходило во время и после наполеоновских войн. Такая же картина повторилась во время и после гражданской войны между северными и южными штатами. Во время же второй мировой войны четвертый раз подряд победа досталась на президентских выборах не только одной и той же партии, но и одному же президенту — Франклину Рузвельту. Рузвельт был единственным президентом в истории США, который находился в Белом доме более восьми лет. Победы демократической партии на выборах 1940 и 1944 гг. рассматривались в большой мере как личные победы Рузвельта.

Трумэн отказался от «наследия Рузвельта», от его политики, от членов его кабинета, от его советников. Но сам Трумэн авторитета в стране не завоевал.

«Сан Луи пост диспетч» — главная газета самого крупного города родного штата президента, штата Миссури, примыкавшая к демократической партии, писала перед выборами, что Трумэн доказал отсутствие у него «стойкости, дальновидности и чувства истории, необходимых для того, чтобы руководить страной во время мирового кризиса». Американские историки, говоря о положении Трумэна на выборах 1948 г., писали: «Его плоские речи, его влечение к компании узких политиков, его неспособность возглавить руководство своей партией или вызвать энтузиазм среди избирателей казались всем роковыми для его кандидатуры»⁹².

Проведенные в стране опросы показывали, что популярность Трумэна систематически падает и что лишь 36% опрошенных одобряли его деятельность как президента США. 90% газет страны выступали против его дальнейшего пребывания в Белом доме⁹³. К тому же в демократической партии образовались две оппозиции — прогрессивная и реакционная, которые выступали на выборах самостоятельно и выдвигали собственных кандидатов в президенты США. Поэтому на всем протяжении предвыборной кампании печать Америки и Европы предсказывала неизбежное поражение Трумэна. Такого мнения держались многие видные демократы и даже личные друзья Трумэна. Некоторые из них считали, что Барух, пользуясь своим влиянием, должен убедить президента отказать от дальнейшего пребывания в Белом доме⁹⁴. «До президентских выборов в ноябре 1948 г., — писал банкир и публицист Дж. Уорбург, — практически все, кроме самого Трумэна, ожидали, что он потерпит сильное поражение».

Для спасения положения правительственной партии лидеры демократов усердно уговаривали Эйзенхауэра баллотироваться в президенты США

от имени демократической партии и согласились с тем, чтобы он составил платформу, с которой будет выступать перед избирателями. Но Эйзенхауэр категорически отказался.

В письме, опубликованном в начале 1948 г., Эйзенхауэр писал: «Необходимая и разумная субординация военных — гражданской власти будет полнее соблюдена, если человек, который на протяжении всей своей жизни был профессиональным солдатом, воздержится от соискания высокого политического поста»⁹⁵. А за два дня до открытия национального конвента демократической партии в ответ на ее настоятельные просьбы Эйзенхауэр заявил: «Независимо от выражений, условий и оговорок, в которых будет изложено предложение о моей кандидатуре, я его отклоню»⁹⁶.

Трумэн, на этот раз зная, что единственный возможный сильный соперник от его же партии — Эйзенхауэр не согласится на выдвижение своей кандидатуры, вначале распустил слух, что Эйзенхауэру он готов уступить президентское кресло⁹⁷, а потом, без «ложной скромности» заявил, что сам хочет баллотироваться в президенты. Ведь в 1944 г. Трумэна не выдвигали и не выбирали в президенты, и первый срок он на этом посту в Белом доме пробыл непредвиденно, в связи с неожиданной смертью Рузвельта. А в 1948 г. Трумэн хотел фигурировать на выборах как кандидат в президенты США.

Если президент, который, пробыв в Белом доме на этом посту не более одного срока, желает дальше оставаться на своем посту, то по существующей в США традиции его партия не может возражать. Президент является неоспоримым лидером правительственной партии. Эта партия выбирает председателя национального комитета и национального конвента и составляет выборную платформу соответственно желанию президента. Поскольку Трумэн никак не хотел добровольно отказаться от президентского кресла, национальный конвент демократической партии волей-неволей должен был мириться с выдвижением его кандидатуры.

В 1948 г. американский избиратель охотно голосовал бы в большинстве своем за нового президента, если бы не боялся, что кандидатура Т. Дьюи, предложенная республиканцами, может оказаться хуже кандидатуры Трумэна. Дьюи был неподходящей, слабой или, как выразился Уолтер Липпман, «невесомой фигурой»⁹⁸, для того чтобы вырвать бразды правления из рук демократов.

Основной темой предвыборных дискуссий внутри каждой партии и между партиями были вопросы внутренней политики, но и вопросы внешней политики играли большую роль.

В республиканской партии до национального конвента обнаруживались существенные разногласия по вопросам внешней политики между сенаторами Тафтом и Ванденбергом. Первый охранял остатки реакционного изоляционизма, доходя даже до осуждения Нюрнбергского процесса над фашистскими убийцами⁹⁹. Второй защищал реакционный агрессивный курс мировой экспансии. Тафт до национального конвента котирировался как один из возможных кандидатов в президенты от республиканской партии. Ванденберг поддерживал кандидатуру Дьюи, который в

⁹² Malone D., Rauch B. America and World Leadership. N. Y., 1965, p. 101.

⁹³ «Current History», October 1964, p. 223.

⁹⁴ Baruch B. Op. cit., p. 373; Warburg J. The United States in Postwar World. London, 1966, p. 63.

⁹⁵ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 187.

⁹⁶ Goldman E. The Crucial Decade. N. Y., 1956, p. 83.

⁹⁷ «Congressional Record», 23.IX 1963, p. S11211.

⁹⁸ «New York Herald Tribune», 9.III 1948.

⁹⁹ «Manchester Guardian», 14.VI 1948.

1946 г. одержал внушительную победу на выборах губернатора Нью-Йорка большинством в 680 тыс. голосов. Его сторонники предсказывали ему такую же победу в стране, ссылаясь на проведенные опросы.

Национальный конвент республиканской партии, происходивший в июне 1948 г. в Филадельфии, выбрал кандидатом в президенты Дьюи. Оппозиция изоляционистов на конвенте, возглавлявшаяся сенатором Бруксом из Иллинойса, потерпела неудачу. Сторонники активной мировой экспансии американского империализма оказались в явном большинстве.

В программной речи на конвенте внешняя политика правительства подвергалась резкой критике за то, что она якобы недостаточно активна и агрессивна. Ее называли «путаной и некомпетентной». Обрушиваясь на решения Тегеранской и Ялтинской конференций, республиканцы утверждали, что они не отвечают за двухпартийную внешнюю политику. В принятой в Филадельфии платформе они требовали ликвидации права вето в Совете Безопасности и создания вооруженных сил ООН, которые в случае отказа от права вето находились бы в распоряжении США.

Наконец, республиканцы отреклись от изоляционизма, за который в 1948 г. еще цеплялись сенаторы Тафт, Брукс и другие деятели этой партии. В программной речи на конвенте отмечалось, что обвинение республиканцев в изоляционизме — это клевета, что они никогда в прошлом не были изоляционистами, что именно они, республиканцы, приобрели Аляску, аннексировали Гавайи, декларировали доктрину «открытых дверей» в Китае и совершали другие «подвиги» во «славу» мировой экспансии доллара.

К открытию национального конвента республиканской партии 19 июня 1948 г. конгресс США впервые в истории страны принял закон об обязательной воинской повинности в мирное время мужчин в возрасте от 19 до 26 лет сроком на 21 месяц¹⁰⁰.

Национальный конвент демократической партии, состоявшийся в июле также в Филадельфии, уделил меньше внимания вопросам внешней политики. Принятая платформа ограничивалась в самом начале несколькими словами о том, что США, мол, суждено руководить миром. Но Трумэн, чувствуя шаткость своих позиций, задумал внешнеполитический шаг, который, по его расчетам, должен был изобразить его перед избирателями как сторонника уменьшения международной напряженности, обусловливаемой «холодной войной», как инициатора улучшения советско-американских отношений. Он решил перед выборами послать со специальной комиссией в Москву председателя верховного суда США Ф. Уинсона. Вернувшийся из Парижа Маршалл не одобрил этой миссии. Трумэн не настаивал. Предполагавшийся визит главы верховного суда США в Москву немедленно стал достоянием печати. Президент США был удовлетворен, что ему удалось выставить себя в позе миролюбца.

Основная борьба между республиканцами и демократами, сосредоточившись на внутривнутриполитических вопросах, развернулась за массового избирателя, за голоса трудящихся, прежде всего за голоса рабочих.

Организованные рабочие во всех штатах проявляли отрицательное отношение к «закону Тафта — Хартли», несмотря на примиренческую позицию некоторых профсоюзных лидеров. Руководство АФТ отклонило пред-

ложение КПШ о политическом сотрудничестве во время выборной кампании. Но во многих городах и штатах профсоюзы обоих крупных объединений, а также братств железнодорожников действовали совместно с целью провала на выборах реакционных кандидатов, голосовавших в 80-м конгрессе за антирабочее законодательство.

Трумэн в своих многочисленных предвыборных выступлениях клеймил «закон Тафта — Хартли», хотя он сам в 1946 г., как мы видели, предложил еще более суровый антирабочий билль, предусматривавший принудительный арбитраж и мобилизацию в вооруженные силы бастующих рабочих. Выступая 6 октября 1948 г. (за месяц до выборов) в Филадельфии, Трумэн, рисуя себя защитником организованных рабочих, заявил, что профессиональные союзы «не должны быть уничтожены»¹⁰¹.

В 1948 г. в платформах республиканцев и демократов обнаружилось определенное расхождение. Республиканцы понимали, что антипрофсоюзное законодательство, выраженное в «законе Тафта — Хартли», по их инициативе, принятом в 1947 г., будет стоить им миллионов голосов рабочих. Но отказаться от этого факта они не могли. В США никто еще не успел забыть, что этот «закон» прошел в конгрессе вопреки вето президента Трумэна, что в палате представителей 225 республиканцев голосовали за этот билль и лишь 11 были против него, а в сенате из 52 республиканцев лишь 3 поддержали вето Трумэна. Признать столь шумевший закон неудачным, чрезмерно реакционным означало бы самодискредитацию республиканской партии в глазах широких масс избирателей. В то же время республиканцы не считали во время предвыборной кампании возможным выступать с полным одобрением этого закона.

В своей платформе они утверждали, что «закон Тафта — Хартли» имеет положительное значение, что он якобы исходит из равноправия, из учета взаимозависимых интересов рабочих и капиталистов, но вместе с тем обязались продолжать изучение отношений труда и капитала с целью улучшения существующего законодательства.

Демократы тоже внесли немалую долю в осуществление «закона Тафта — Хартли». Из 189 членов демократической партии в палате представителей 106 голосовали против вето президента США, а из 44 сенаторов-демократов лишь половина поддержала Трумэна. Но все же демократам было сейчас, в разгар выборной кампании, несравненно легче, чем республиканцам, отказаться от закона, отталкивающего рабочего-избирателя.

Трумэн, уверенный, что отношение к «закону Тафта — Хартли» играет решающую роль в президентской кампании, что от этого зависит победа или поражение на выборах, настоял на том, чтобы в платформе демократов было определенное высказывание за его отмену.

Предвыборные выступления президента США и программная речь на национальном конвенте демократической партии, произнесенная сенатором Бэркли из Кентукки, представляли обвинительный акт против 80-го конгресса. Бэркли обвинял республиканцев в стремлении ликвидировать права рабочих на коллективные договоры, а также в том, что республиканское большинство в 80-м конгрессе провалило предложение о повышении минимума заработной платы с 40 до 70 центов в час и отказалось принять меры против роста цен, снижающего жизненный уровень трудящихся. Трумэн, обращаясь к профессиональным союзам, заявил, что 80-й конгресс, в котором преобладают республиканцы, не пожелал снизить цены, но охотно урезал права рабочих.

¹⁰¹ «New York Times», 28.X 1948.

¹⁰⁰ В сентябре 1940 г., когда был принят закон об обязательной воинской повинности, США тогда еще не воевали, но это происходило уже во время второй мировой войны, после падения Парижа, когда в Вашингтоне решили, что вступление США в войну неизбежно.

Демократы отнесли в свой актив и то, что во время второй мировой войны и в первые годы после нее объективные условия сложились в общем благоприятно для американского фермера. Ко времени выборов 1948 г., когда эти особые условия миновали и соотношение цен изменилось не в пользу сельскохозяйственных продуктов, демократы имели возможность обвинить республиканцев в том, что их 80-й конгресс не заботился о фермерах и не принял сельскохозяйственной программы Трумэна.

В этой демагогии демократы пошли еще дальше. Бэркли в своей речи говорил, что демократическая партия представляет народ, а республиканская партия — богачей. Трумэн в своем выступлении 20 сентября в Денвере утверждал, что сейчас «за республиканскую партию стоят наиболее реакционные элементы страны», что «эта партия получает большую часть своих фондов для проведения выборной кампании с Уолл-стрита»¹⁰².

Пожалуй, рекорд лицемерия демократы побили, когда они заявили в своей платформе: «Мы осуждаем неоднократные попытки республиканцев в 80-м конгрессе установить контроль над мыслями американского народа и покушаться на свободу слова и печати»¹⁰³.

Здесь имелся в виду разгул Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и Комиссии по проверке лояльности за время работы 80-го конгресса. Но Комиссию по проверке лояльности создал Трумэн. Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности конгресс США образовал тогда, когда демократы имели 77% в палате представителей и 78% в сенате. Демократы Дайс и Рэнкин отнюдь не уступали республиканцу Томасу в преследовании «опасных мыслей».

В пылу борьбы за власть демократы наряду с демагогическими выступлениями и лицемерными обвинениями опубликовали цифры, красноречиво иллюстрирующие, кто действительно управлял 80-м конгрессом.

Крупные американские фирмы давно содержат своих представителей в Вашингтоне, которых называют «лобби» или «третьей палатой конгресса». Используя сенаторов и членов палаты представителей, «лобби» защищают перед конгрессом интересы тех фирм и лиц, которых они представляют. «Лобби» следят, чтобы принимаемые законы соответствовали интересам представляемых ими капиталистов. В США сплошь и рядом действительными творцами законов являются не сенат и не палата представителей, а никем не выбранная, но назначенная сильными людьми Уолл-стрита и другими крупными капиталистами «третья палата конгресса».

Специалист по этим вопросам профессор Ф. Бардетт писал о типе такого «лобби», как о «хвастуне, обманщике, искусителе и дубинке»; о том, что само это название звучит как позорный ярлык. Поэтому «лобби» желает, чтобы его именовали консультантом, агентом или доверенным¹⁰⁴.

«Лобби» от нефтяных монополий долго считались самыми влиятельными в Вашингтоне. В конце президентства Эйзенхауэра они добились установления квоты на импорт нефти, что обходилось потребителям США более чем в 5 млрд. долл. в год. По подсчетам Американского нефтяного института, система квот приносила нефтяной промышленности США от 5200 млн. до 7200 млн. долл. в год. Эта система позволила

«повысить цены на сырую нефть в США примерно вдвое против цен на мировом рынке».

Однако в послевоенные годы самое сильное влияние и давление на высший законодательный орган США оказывают владельцы военных заводов, «фабриканты смерти». Каждый вид оружия, особенно нового, имеет своих адвокатов, своих «лобби», деятельность которых, повторяем, конгресс избегает контролировать¹⁰⁵.

Промышленники, занятые производством мирного времени, при подборе «лобби» отдают предпочтение бывшим членам конгресса, а фабриканты оружия наряду с бывшими сенаторами и членами палаты представителей стараются иметь своими «лобби» отставных адмиралов и генералов.

В 1946 г. конгресс США решил узаконить «третью палату» и принял билль о регистрации «лобби». За время работы 79-го конгресса в Вашингтоне было зарегистрировано 360 «лобби» (и их контор), а за время работы 80-го конгресса — более 1400. «Третья палата конгресса» по своей численности почти в 3 раза превзошла число сенаторов и членов палаты представителей. Только гласные расходы «лобби», затраченные с целью оказания влияния на 80-й конгресс, превысили 8 млн. долл. Эта сумма примерно в 3,5 раза больше общей суммы заработной платы всех сенаторов за два года существования 80-го конгресса.

Таковы данные о «лобби», опубликованные в программной речи на национальном конвенте демократической партии сенатором Э. Бэркли¹⁰⁶. Эти данные весьма наглядно показывают механизм, направляющий законодательную машину капиталистической Америки. Они также помогают выяснить, почему члены 80-го конгресса — не только республиканцы, но, как мы видели, и большинство демократов — так ретиво выполняли программу Национальной ассоциации промышленников.

Закон 1946 г. требует не только регистрации «лобби», но и представления ими ежегодных отчетов о произведенных ими расходах. Ни отчетность, ни даже сама регистрация не соблюдаются. «Самые умелые лобби, — писали Д. Пирсон и Д. Андерсон, — редко вообще регистрируются». Эти авторы утверждают, что зарегистрированных и незарегистрированных «лобби» насчитывается около 5 тыс.¹⁰⁷ В 1950 г. гласные расходы «лобби» составляли 10 303 тыс. долл.¹⁰⁸ Но эта сумма составляет лишь небольшую часть их действительных расходов.

В программной речи, произнесенной сенатором Бэркли, характерна и другая сторона. Сенатор из Кентукки совершил небольшой экскурс в теорию, пытаясь дать новое толкование Декларации независимости — этому историческому документу, написанному Джефферсоном, которого демократы называют отцом своей партии. Равенство всех людей, декларированное Джефферсоном, объяснял Бэркли, не означает равенства между богатыми и бедными, между протестантами и католиками, между белыми и черными: слова о равенстве всех людей означают, что они имеют «одинаковое право наслаждаться благами американской формы правления».

Бэркли, подчеркнув с трибуны национального конвента, что негр не равен белому, пытался таким образом удержать в партии наиболее шовинистические, реакционные элементы на Юге — воинственных дикси-

¹⁰⁵ Pearson D., Anderson J. The Case Against Congress. N. Y., 1968, p. 339.

¹⁰⁶ «New York Herald Tribune», 13.VI 1948.

¹⁰⁷ Pearson D., Anderson J. Op. cit., p. 296, 308.

¹⁰⁸ «Statistical Abstract of the U. S.», 1953, p. 332.

¹⁰² «New York Herald Tribune», 21.IX 1948.

¹⁰³ «New York Times», 14.VII 1948.

¹⁰⁴ Burdette F. Lobbyists in Action. Manassas, 1950, p. 6, 9.

кратов, недовольных тем, что Трумэн, по их мнению, слишком либерально относится к неграм.

Реально Трумэн ничего не сделал для облегчения положения трудящихся негров. Но он говорил: «Мы не можем проводить расовую дискриминацию у себя и в то же время распространять наше влияние на огромные массы народов Азии и Африки»¹⁰⁹. Подобных высказываний, а также создания Трумэном еще в декабре 1946 г. комиссии для изучения состояния гражданских прав оказалось достаточно, для того чтобы вызвать так называемое «восстание» на Юге в демократической партии.

На национальном конвенте в Филадельфии 35 делегатов из южных штатов (во главе с губернатором штата Южная Каролина Дж. Термондом), бурно протестовавших против включения в платформу нескольких слов о том, что демократическая партия высказывается против расовой дискриминации, демонстративно покинули зал заседания. После этого южные диксикраты решили выступить самостоятельно на выборах и выдвинули губернатора Термонда своим кандидатом в президенты США. В опубликованной ими платформе говорилось, что они стоят «за расовую сегрегацию».

Диксикраты отобрали у Трумэна около 1 млн. голосов и четыре штата. Зато руководство демократической партии с лихвой компенсировало потерю на Юге, выиграв в других штатах в борьбе с более опасными соперниками — Т. Дьюи и Г. Уоллесом.

За пределами Юга основная борьба во всех штатах разыгралась за президентское кресло между Трумэном и Дьюи. Дьюи, потерпевший поражение на выборах 1944 г., проявлял сейчас лихорадочную активность. В течение шести недель он выступал в различных штатах, произнес 170 речей, покрыв расстояние в 16 тыс. миль.

Печать страны и радио в основном выступали против Трумэна. 90% тиража всех ежедневных газет, подкрепляя свои прогнозы опросами общественного мнения, предсказывали его неизбежный провал на выборах.

Но Трумэн цепко боролся за то, чтобы остаться в Белом доме. Он совершил агитационный тур по штатам, проделал расстояние свыше 30 тыс. миль и произнес 356 речей. На грубом английском языке с западным акцентом, на котором со времен Авраама Линкольна не говорил ни один кандидат в президенты США, Трумэн в возрасте 64 лет выступал в течение пяти недель в среднем около 10 раз в день¹¹⁰. Везде он обрушивался на 80-й конгресс. Со свойственной ему демагогией он говорил избирателям: «Если вы позволите республиканцам установить контроль над правительством, вы превратите Америку в экономическую колонию Уолл-стрита»¹¹¹.

Платформы обеих крупных партий в 1948 г., как обычно, не были скупы на демагогические обещания. Но демократы сделали ловкий ход. Трумэн в своем выступлении на национальном конвенте демократов объявил (по совету Баруха) о созыве на 26 июля специальной сессии конгресса, с тем чтобы дать возможность республиканцам, имевшим большинство в обеих законодательных палатах, принять еще до выборов билли, которые вытекали из обещаний, данных в платформе республиканцев. В этой платформе они обязались принять законы о борьбе с ин-

фляцией, о сокращении государственного долга, о федеральной помощи штатам в борьбе с жилищным кризисом, о помощи народному образованию и здравоохранению, о защите гражданских прав, о повышении минимальной заработной платы и др.

Специальная сессия конгресса заседала две недели. Она не решила ни одного вопроса. Тем не менее она поставила в затруднительное положение республиканцев и дала против них новые убедительные аргументы демократам.

Хотя основным соперником Трумэна на выборах был Дьюи, много забот причинял ему Генри Уоллес — кандидат в президенты от третьей, так называемой прогрессивной партии.

В апреле 1948 г. опрос общественного мнения, произведенный журналом «Форчун», предсказал, что Уоллес получит на выборах 6—7%, или 3—4 млн. голосов¹¹². Другие оценки предвещали Уоллесу гораздо больше, чем «Форчун»¹¹³. Эти миллионы голосов должны были быть в основном получены от избирателей, на которых рассчитывал Трумэн, а не Дьюи. Сам Трумэн признал, что миссию Уинсона в Москву он затеял из опасения, что многие избиратели пойдут за Уоллесом. Впоследствии Трумэн писал: «Я хотел воспользоваться случаем, чтобы предотвратить любой ущерб, который кампания Уоллеса могла причинить, возбуждая у некоторых групп населения мысль о том, что правительство не делает всего возможного в интересах мира»¹¹⁴.

Уоллес после ухода из правительства продолжал борьбу против двухпартийной внешней политики, которая вскоре начала выражаться в «холодной войне» против Советского Союза. Он вел кампанию за возвращение к внутренней и внешней политике Рузвельта, в частности к его политике сотрудничества США и СССР. В 1947 г. он редактировал журнал «Нью рипаблик», в котором, излагая свою программу, критиковал деятельность правительства и реакционное законодательство 80-го конгресса.

29 декабря 1947 г. Уоллес сообщил, что он будет баллотироваться в президенты США как независимый кандидат, выступающий против авантюрной двухпартийной политики «холодной войны».

5 января 1948 г. он опубликовал декларацию новой партии, названной им «прогрессивной», от имени которой он намеревался выступать на выборах. В этой декларации говорилось, что двухпартийная внешняя политика «основана на ненависти и страхе», что «доктрина Трумэна» — удар по ООН, что «план Маршалла» не объединил мир. Возражая против американской программы «помощи» Европе, основанной на антисоветизме, Уоллес заявил, что США в роли мирового банкира подобны кредитору, который заставляет своих должников голосовать за угодных ему кандидатов.

Характеризуя республиканцев и демократов, Уоллес утверждал: «Основной факт таков, что руководство нашей страной принадлежит в настоящее время не народу, а сравнительно маленькой кучке богатых людей. Государство в его нынешнем виде основывается не на всеобщем благосостоянии, а на специальных привилегиях промышленных и финансовых гигантов. Они контролируют обе партии. Махинации этих могущественнейших гигантов я смог по-настоящему понять лишь после того, как... мне пришлось посидеть в кресле министра торговли. Ни республи-

¹⁰⁹ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 183.

¹¹⁰ Ibid., p. 219.

¹¹¹ Goldman E. The Crucial Decade, p. 85.

¹¹² «Fortune», June 1948, p. 5.

¹¹³ Malone D., Rauch B. Op. cit., p. 103.

¹¹⁴ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 217.

канская, ни демократическая партия не могут работать на благо американского народа, ибо обе партии интересуют больше всего прибыли монополий»¹¹⁵.

На 10 апреля 1948 г. в Чикаго был созван съезд прогрессивной партии. На нем присутствовали делегаты 43 штатов. Представители 30 профессиональных союзов (включая союзы, входившие в АФТ, КПП и железнодорожные братства), несмотря на отрицательное отношение лидеров этих профсоюзных объединений к новой партии, участвовали в работе чикагского съезда.

Национальный конвент прогрессивной партии открылся 23 июля 1948 г. в Филадельфии. Конвент избрал Уоллеса кандидатом в президенты, а сенатора Г. Тэйлора из Айдахо — кандидатом в вице-президенты США. В сенате США Тэйлор активно боролся против биллей Кейза и Тафта — Хартли, против «доктрины Трумэна» и обязательной воинской повинности в мирное время.

Платформа прогрессивной партии, принятая в Филадельфии, значительно отличалась от платформ республиканцев и демократов в своем внешнеполитическом курсе. Она требовала переговоров и соглашения с Советским Союзом с целью установления прочного и длительного мира, отмены обязательной воинской повинности в мирное время, отказа «от доктрины Трумэна» и прекращения помощи реакционным режимам в Китае, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Платформа высказалась за оказание помощи нуждающимся народам Европы, но на совершенно других началах, нежели «план Маршалла». Она обязала прогрессивную партию добиваться всеобщего соглашения о разоружении, о запрещении атомного, бактериологического и другого оружия массового уничтожения. Она призвала к ликвидации колониальной системы во всем мире.

Во внутренней политике платформа прогрессивной партии выступала за национализацию крупнейших банков, железных дорог, торгового флота, предприятий коммунального обслуживания, авиационной и нефтяной промышленности, а также производства синтетического каучука. Платформа требовала отмены «закона Тафта — Хартли», повышения минимальной заработной платы до 1 долл. в час и запрещения расовой дискриминации в любом виде. Наконец, в платформе декларировалось, что прогрессивная партия «будет бороться за конституционные права коммунистов и других политических групп выражать свои взгляды, рассматривая эти права как первую линию в защите свобод демократического государства»¹¹⁶.

24 июля 1948 г. на национальном конвенте в Филадельфии Уоллес в качестве кандидата от прогрессивной партии в президенты США подверг уничтожающей критике деятельность правительства и политику республиканцев и демократов. Напомнив, что при Рузвельте американский народ мечтал о послевоенном прочном и длительном мире, он заявил: «В Гайд-парке они похоронили нашего президента, а в Вашингтоне — наши мечты». Указывая на быстрое восстановление военно-промышленного потенциала Западной Германии, Уоллес утверждал: «Это приведет к тому, что Германия будет служить основой кризиса в мире до тех пор, пока мы не придем к соглашению с Советским Союзом. Касаясь «помощи» иностранным государствам, оказываемой США с определенной поли-

тической целью, Уоллес заявил: «Мы можем покупать правительства, но не можем покупать народы».

Ссылаясь на крупнейших в мире экспертов-специалистов, он утверждал, что 10% годового военного бюджета США было бы достаточно, для того чтобы «уничтожить на земном шаре туберкулез, тиф, малярию и холеру».

Отметив перерождение партий республиканцев и демократов, он выразился так: «Партия, основанная Джефферсоном, умерла в объятиях Трумэна», а «партия Линкольна деградировала до партии Дьюи»¹¹⁷.

Повторяя слова платформы своей партии о превращении части состояния монополий в общественное достояние, Уоллес заявил: «Я сторонник политики, ставящей права человека выше прав собственности»¹¹⁸.

Уоллес неоднократно подчеркивал, что он является непоколебимым защитником капиталистической системы, что его программа рассчитана на спасение и увековечивание этой системы. Для этого он желает ее улучшить, реформировать, как 36 лет до этого аргументировал Теодор Рузвельт, баллотировавшийся в 1912 г. в президенты также от третьей партии, назвавшейся прогрессивной.

В своей программе реформ, в предложениях обуздать власть гигантских монополий Уоллес пошел дальше и Теодора Рузвельта, и Франклина Рузвельта. В речи на национальном конвенте и в других выступлениях он утверждал, что выдвигает «программу прогрессивного капитализма, программа, которая будет защитой от щупальцев монополий»¹¹⁹.

Уоллес говорил, что капитализм может существовать не только без войн, но и без экономических кризисов¹²⁰, без нужды и безработицы, без разоряющихся фермеров и резервной армии труда. В своих рассуждениях о решении всех социальных проблем при капитализме Уоллес не был оригинален. Анализ причин и возможности борьбы с кризисами он заимствовал у Дж. Кейнса. В предложениях планировать ключевые отрасли производства, играющие решающую роль в народном хозяйстве, с целью предотвращения экономических кризисов Генри Уоллес повторял мысли Франклина Рузвельта и некоторых его советников из «мозгового треста».

Время, когда капитализм был прогрессивным, давно миновало. Повернуть обратно стрелку часов истории никому не удастся. Поэтому рассуждения Уоллеса о прогрессивном капитализме, о капитализме без кризисов и безработицы были утопичными, отстающими. Но его борьба за прочный и длительный мир, за мирное сосуществование и сотрудничество капиталистических и социалистических государств, его призывы к обузданию монополий были, несомненно, прогрессивными. Поэтому прогрессивные силы США, выступавшие за создание сильной антимонполистической коалиции, за мир, защиту демократических свобод, поощряли и поддерживали инициативу Уоллеса.

Коммунистическая партия США всячески поддерживала кампанию Уоллеса. В ее предвыборной платформе, принятой на XIV национальной партийной конференции, состоявшейся в августе 1948 г. в Нью-Йорке, говорилось:

«Прогрессивная партия по своей природе является большой коалицией рабочих, фермеров, негров, молодежи, лиц свободных профессий и городской мелкой буржуазии. Это — антимонполистическая, антифа-

¹¹⁵ «New Republic», 5.I 1948, p. 7.

¹¹⁶ «New York Herald Tribune», 25.VII 1948.

¹¹⁷ «New York Herald Tribune», 25.VII 1948.

¹¹⁸ Ibidem.

¹¹⁹ Ibidem.

¹²⁰ «New Republic», 5.I 1948, p. 5.

нистская и антивоенная, но не антикапиталистическая партия. Это — не социалистическая и не коммунистическая партия, и мы не добиваемся сделать ее таковой. Она есть и должна развиваться как единый фронт, как большая, массовая, народная партия...

Коммунисты, которые помогали каждому народному, прогрессивному движению, естественно, приветствуют эту новую народную партию. Мы поддерживали прогрессивные черты внутренней и внешней политики Рузвельта. Мы помогали организовать КПП в 30-х годах. Мы поддерживали каждое демократическое движение, с тех пор как коммунисты поколения Линкольна сражались за дело Союза во время гражданской войны.

По наиболее актуальным вопросам, стоящим перед народом страны, прогрессивная партия выдвинула подробную платформу, вокруг которой все передовые люди могут объединиться. Наша помощь политике и кампании прогрессивной партии не меняет того факта, что мы имеем фундаментальные, как и некоторые тактические разногласия с Генри Уоллесом и силами, близкими к третьей партии.

Коммунистическая партия не выдвигает своих кандидатов на президентских выборах 1948 г. В 1944 г. мы, коммунисты, поддерживали Рузвельта, чтобы помочь выиграть войну против держав оси. Точно так же в 1948 г. мы, коммунисты, объединяемся с миллионами американцев в поддержке кандидатов прогрессивной партии, чтобы помочь выиграть мир»¹²¹.

На только что созданную прогрессивную партию — социально неоднородную, еще не окрепшую политическую организацию сразу ополчились не только республиканцы и демократы, Национальная ассоциация промышленников и Торговая палата США, их печать и радио, но и реакционное руководство профсоюзов.

В январе 1948 г. Исполком КПП большинством в три четверти голосов принял резолюцию против кампании Уоллеса, объявив, что «неразумно вводить третью партию в политической обстановке 1948 г.». В феврале исполком АФТ единогласно высказался против «третьей партии» и ее кандидата в президенты США Уоллеса. Против Уоллеса высказались и лидеры железнодорожных братств. Ему отказали в поддержке и многие активные сторонники рузвельтовского курса «нью дил».

Правда, не все рядовые члены профсоюзов считались с решением руководства. Около 100 ответственных работников профсоюзов, примыкавших к АФТ, КПП и братствам железнодорожников, принимали активное участие в кампании прогрессивной партии. Но партия Уоллеса могла рассчитывать на успех или по крайней мере на получение многих миллионов голосов лишь при активной поддержке всего организованного рабочего движения.

Решения КПП и АФТ нанесли тяжелый удар по прогрессивной партии еще до того, как она успела организационно оформиться. Еще большее значение имели доводы, которые в дальнейшем выдвигали профсоюзное руководство и так называемая либеральная печать против прогрессивной партии. Они утверждали, что у Уоллеса нет никаких шансов на победу, а голоса, которые будут поданы за него, уменьшат силы Трумэна и увеличат шансы Дьюи, т. е. шансы республиканской партии, платформа которой одобряет «закон Тафта — Хартли». С подобной аргументацией выступил розово-либеральный журнал «Нэйшн» еще в январе 1948 г.¹²²

В этих условиях Уоллес собрал лишь 1157 тыс. голосов, из них больше 0,5 млн. в штате Нью-Йорк и около 180 тыс. в штате Калифорния.

Выборы происходили 2 ноября 1948 г. По мере приближения этого дня печать, радио, организаторы опросов общественного мнения и другие оракулы США стали все более щедро расточать прогнозы о безусловной победе Дьюи. Видные деятели демократической партии, обосновавшиеся на жительство в Вашингтоне с первых дней пребывания в Белом доме Франклина Рузвельта, начали публиковать объявления о продаже своих домов и другого имущества. А в состоятельных традиционно республиканских семьях, наоборот, готовились пировать и за празднично убраным столом слушать вечером 2 ноября по радио победное заявление Дьюи, его первое выступление как президента США.

К 9 часам вечера итоги выборов во многих городах и штатах показали, что Трумэн идет впереди Дьюи. Но радиокорментаторы все еще продолжали возвещать победу Дьюи и утверждали, что так и следовало ожидать, что окончательные коррективы внесут итоги выборов в западных фермерских штатах. Поздно вечером газета «Чикаго трибюн» выпустила экстренный бюллетень с извещением: «Дьюи побеждает Трумэна».

В ночь с 2 на 3 ноября знакомый американским радиослушателям США голос диктора Калтенборна часто раздавался в эфире. 10 годами раньше, осенью 1938 г., Калтенборн сообщил об окончательной «победе» Н. Чемберлена в Мюнхене. Теперь, осенью 1948 г., он сообщил о приближающейся победе Дьюи в США. 3 ноября в 4 часа утра Калтенборн, отметив в очередном сообщении по радио, что Дьюи собрал на 2 млн. голосов меньше, чем его соперник, все же заключил, что возможности победы Трумэна не видать.

Через несколько часов, однако, положение прояснилось. Трумэн получил от Дьюи традиционно принятую в США телеграмму, в которой кандидат, потерпевший поражение, обычно поздравляет победителя на выборах.

Победа Трумэна оказалась далеко не такой, как бывшие победы Рузвельта. До утра 3 ноября, пока еще не был закончен подсчет голосов в штатах Огайо и Калифорния, действительно, не было уверенности в том, что Трумэн останется еще на четыре года в Белом доме. В Калифорнии то большинство голосов, которое Трумэн получил по сравнению с Дьюи, составило всего немногим более 1% общего числа голосов, поданных за республиканцев и демократов, а в Огайо — лишь на 0,2%¹²³⁻¹²⁴. Ничтожное колебание в другую сторону в этих двух штатах могло бы положить конец политической карьере Трумэна.

Решающее значение в этом весьма незначительном перевесе, как обычно в США, имела хозяйственная конъюнктура. Ко времени выборов индекс промышленного производства сохранился на своей высшей циклической точке и вскоре начал снижаться. Если падение производства началось бы на один-два месяца раньше, то исход выборов был бы совершенно другим (табл. 7).

Вместе с президентскими выборами 2 ноября 1948 г. происходили выборы в 81-й конгресс (табл. 8).

В сенате демократы почти восстановили свои силы, а в палате представителей они даже улучшили свои позиции по сравнению с положением в 79-м конгрессе. На выборах в конгресс в 1948 г. поражение республиканцев было более внушительным, чем на президентских выборах.

¹²¹ «Political Affairs», September 1948, p. 943.

¹²² «Nation», 21.I 1948.

¹²³⁻¹²⁴ World Almanac, 1949, p. 63, 81.

Таблица 7

Общие итоги президентских выборов 1948 г.

Кандидат в президенты	Общее число полученных голосов, тыс.	Их удельный, вес, %	Число полученных выборщиков	Число получен- ных штатов
Трумэн	24 105	49,5	303	28
Дьюи	21 969	45,1	189	16
Термонд	1 169	2,4	39	4
Уоллес	1 157	2,4	—	—

Таблица 8

Соотношение республиканцев и демократов на выборах в 81-й конгресс

Конгресс	Год выборов	Число членов			
		сенат		палата представителей	
		республиканцы	демократы	республиканцы	демократы
80-й	1946	52	44	243	189
81-й	1948	42	54	171	263

Абсентеизм, характерный для выборной кампании в США, принял в 1948 г. особенно большие размеры. Десятки миллионов избирателей, не веривших в возможность победы Уоллеса и не желавших голосовать за Дьюи и Трумэна, повернулись спиной к избирательным урнам. В 1948 г. в президентских выборах участвовал лишь 51% лиц, формально имевших право голоса в США, по сравнению с 56% в военный 1944 г. и 59% в 1940 г. Почти во всех больших штатах общее число лиц, участвовавших в голосовании в 1948 г., было меньше, чем в 1944 г.¹²⁵, когда миллионы мужчин, находившихся в вооруженных силах, не могли участвовать в выборах. Следует также учесть рост избирательного корпуса: с 1940 по 1948 г. население США выросло на 10%.

Трумэн долго кичился своей победой в 1948 г., хотя за него голосовало лишь 25% избирателей США. Три четверти из них относились к его избранию в президенты отрицательно или безразлично. Даже на прочном для демократов Юге, где в 1932 и 1936 гг. Рузвельт собрал более 80% всех поданных голосов, Трумэн в 1948 г. получил менее 50%.¹²⁶

Анализ итогов выборов 1948 г. по городам и штатам свидетельствует о том, что демократы победили благодаря поддержке профессиональных союзов, выступавших против «закона Тафта—Хартли». В день выборов, 2 ноября, в решающих районах 80 тыс. человек вели работу на избирательных участках только по заданию Комитета политических действий КПП.¹²⁷ В крупнейших промышленных городах организованные рабочие проявляли особую активность. Не везде победа демократов в городах обеспечивала поражение республиканцев в штатах. Но без поддержки АФТ и КПП положение Трумэна было бы безнадежным.

¹²⁵ «Labor Fact Book», 1949, N 9, p. 154—155.

¹²⁶ «New York Herald Tribune», 21.XI 1948.

¹²⁷ «New Republic», 15.XI 1948, p. 6.

В крупнейшем городе страны, Нью-Йорке, демократы получили на 0,5 млн. голосов больше, чем республиканцы. В штате Нью-Йорк в целом Дьюи собрал на 60 тыс. голосов больше, чем Трумэн, но на 450 тыс. голосов меньше, чем его соперники — Трумэн и Уоллес. В штате, где Дьюи был губернатором, республиканцы получили лишь 46% поданных голосов. Благодаря помощи АФТ и КПП демократы собрали большинство в крупнейших городах промышленного штата Пенсильвания — Филадельфия и Питтсбурге. Они также победили в Бостоне, Сент-Луисе, Милуоки, Чикаго, Кливленде, Лос-Анджелесе и многих других больших городах. Общее число голосов, собранных республиканцами на президентских выборах 1948 г., было самым меньшим после 1936 г., когда их кандидатом был У. Лендон.

На выборах в 81-й конгресс союзы, входившие в АФТ и КПП, также проявляли значительную активность. Палата представителей 81-го конгресса обновилась на 120 человек. Все конгрессмены, потерпевшие поражение на выборах, за исключением четырех, голосовали за «закон Тафта—Хартли» вопреки вето президента Трумэна.¹²⁸

Печать США утверждала, что новый, 81-й конгресс более прогрессивен или, вернее, менее реакционен, чем старый, 80-й. Но по своему социальному составу новый конгресс мало отличался от обычного состава высшего законодательного органа США.¹²⁹

В целом выборная кампания 1948 г. расценивалась как отпор широких масс избирателей наиболее реакционным политическим силам страны, сосредоточившимся вокруг республиканской партии и ассоциировавшимся с руководящим монополистическим капиталом, с Национальной ассоциацией промышленников и Торговой палатой США.

Большинство избирателей голосовало за отмену «закона Тафта—Хартли», против расовой дискриминации, против роста цен, за повышение минимальной заработной платы, за решение жилищного вопроса.

Хотя в центре выборной кампании стояли внутренние проблемы, недовольство широких масс избирателей опасной двухпартийной внешней политикой сказалось на ее итогах. Республиканцы, потерпевшие поражение на президентских выборах и на выборах в конгресс, выдвигали наиболее агрессивную, наиболее антисоветскую платформу. Демократы, наоборот, выставляли себя сторонниками мирного урегулирования, соглашения с Советским Союзом. С этой целью рекламировалась предполагавшаяся миссия Уинсона в Москву. С этой целью Трумэн утверждал: «Я не верю, что война неизбежна. Я использую каждое честное средство, чтобы не допустить ее».¹³⁰

Уолтер Липпман, говоря об итогах выборной кампании 1948 г., заключил, что подавляющее большинство избирателей, голосовавших за обе

¹²⁸ «U. S. News and World Report», 26.XI 1948, p. 12—13.

¹²⁹ Социальный состав 81-го конгресса:

	Сенат	Палата пред- ставителей
Адвокаты	66	235
Капиталисты	16	81
Фермеры	9	37
Журналисты и издатели	2	21
Учителя	—	20
Прочие	3	41

(«U. S. News and World Report», 26.XI 1948, p. 11).

¹³⁰ «U. S. News and World Report», 12.XI 1948, p. 23.

НОВОЕ СООТНОШЕНИЕ МИРОВЫХ СИЛ

1. «Регулируемое процветание»

Экономическая экспансия США в первые три послевоенных года. Быстрое восстановление и рост хозяйства стран социалистического лагеря. Конец американской монополии на атомное оружие. Экономический кризис 1948—1949 гг. в США. Тревога в капиталистических кругах. Толкование особенностей кризиса буржуазными экономистами США. Противоположные экономические программы Трумэна в течение одного полугодия. Участие «направляемого и регулируемого процветания». Размышления лидеров американского капитализма об опасности социализма в США.

Насыщенные историческими событиями 40-е годы нашего века завершились изменением в соотношении мировых сил.

Хозяйство США, как мы уже отмечали, находилось во время второй мировой войны в особенно благоприятных условиях. Оно вышло из войны с выросшим производственным аппаратом и благоприятными условиями для своего развития на ближайшие годы. Американские капиталисты обогащались не только на военных поставках. Образовавшийся в военное время «отложенный спрос» в самих США и колоссальные разрушения хозяйства других воевавших государств вызвали большой спрос на американские товары внутри страны и за границей, продолжали способствовать умножению барышей монополий США и после окончания военных действий. Общая прибыль капиталистических корпораций США до уплаты налогов, равнявшаяся 9 млрд. долл. в 1939 г. и 27 млрд. долл. в 1944 г., дошла до 33,9 млрд. долл. в 1948 г.

В итоге войны американское производство выросло не только абсолютно, но и относительно: удельный вес США в экономике капиталистического мира сильно увеличился. Они заняли не только ведущее, но и решающее место в капиталистическом производстве, в экспорте товаров и капиталов.

Индекс промышленного производства США дошел до своей высшей военной точки в октябре 1943 г., когда он равнялся 247 (1935—1939 гг. = 100). Потом он начал снижаться и сократился до 164 в конце 1945 г. Затем он постепенно повышался и достиг летом 1948 г. своего циклического максимума.

К середине 1948 г. промышленное производство США находилось на уровне, превышающем почти в 2 раза среднее промышленное производство за пятилетие, предшествовавшее второй мировой войне. Между тем такие крупные европейские капиталистические державы, как Англия, Франция и Италия, только к концу 1948 г. довели свое промышленное производство примерно до довоенного уровня. В Западной Германии оно еще намного отставало от уровня 1939 г., а в Японии равнялось лишь половине от уровня производства 1937 г.¹

¹ «Monthly Bulletin of Statistics», October 1950, p. 27—31.

большие партии, «не одобряет теории неизбежной войны или мнения, что большой (международный) кризис неразрешим дипломатическими, мирными средствами»¹³¹.

Трумэн демагогически маневрировал, создавая впечатление, что демократическая партия возвращается к традициям Рузвельта, к «нью дил». Ловкие пропагандисты платформы демократов даже говорили избирателям: голосуя за Трумэна, вы голосуете пятый раз за программу Рузвельта.

Демократы жаловались, что прогрессивная партия отняла у них миллион голосов. Трумэн утверждал, что если бы не 0,5 млн. голосов, поданных за Уоллеса в Нью-Йорке, он победил бы в крупнейшем штате страны¹³².

Вернее было бы утверждать обратное: не Уоллес отнял миллион голосов у Трумэна, а Трумэн отнял миллионы голосов у Уоллеса. Демократы демагогически включили в свою платформу решающие пункты внутривнутриполитической программы прогрессивной партии: отмену «закона Тафта—Хартли», защиту гражданских прав, повышение минимальной заработной платы, помощь фермерам, борьбу с инфляцией, проведение национальной программы здравоохранения и др.

Появление на политической арене США в 1948 г. прогрессивной партии заставило демократов идти на разрыв с крайними расистами, с диксикратами, требовать отмены антирабочего законодательства 80-го конгресса и заявить о своем желании улучшить отношения с Советским Союзом. Оно также побудило демократов выдвинуть в 81-й конгресс ряд менее реакционных кандидатов. В одних этих вынужденных маневрах демократов помимо всего прочего многие прогрессивные люди в США видели целесообразность движения за третью массовую партию в 1948 г.

В создавшихся условиях миллионы американцев, не веривших в возможность победы на президентских выборах Уоллеса и на выборах в конгресс кандидатов прогрессивной партии, считавших, что голосование за эту партию — бессмысленное, напрасное мероприятие, предпочитали демократов республиканцам. Одних ввели в заблуждение демагогические обещания Трумэна и платформа его партии, другие рассматривали демократов как «меньшее зло» по сравнению с республиканцами.

На выборах 1948 г. демократы формально выступали с обширной программой социальных реформ, против «специальных привилегий», отреклись от Уолл-стрита. Но Уолл-стрит продолжал их контролировать, а они, получив 2 ноября нужные голоса, продолжали в угоду монополистическому капиталу проводить реакционную внутреннюю и агрессивную двухпартийную внешнюю политику, политику «холодной войны».

¹³¹ «Political Affairs», December 1948, p. 1048.

¹³² *Truman H. Memoirs*, v. 2, p. 221.

Экспорт товаров из США, составлявший в среднем за трехлетие, предшествовавшее второй мировой войне, 3200 млн. долл. в год, за 1946—1948 гг. равнялся в среднем 17 млрд. долл.² Правда, довоенный доллар был намного дороже послевоенного. Но и в неизменной валюте экспорт США в 1946—1948 гг. был в 3 раза больше, чем в 1937—1939 гг.³ В 1938 г. на долю США приходилось 14,9% мирового экспорта, а в 1948 г. — 23,8%⁴.

В первые три послевоенных года активное сальдо внешней торговли США составило около 24 млрд. долл., что превысило почти на 5 млрд. долл. все государственные кредиты и безвозвратные ссуды, а также частные инвестиции США за границей, произведенные за это время⁵.

Экономическая экспансия служила основой для международной политической активности Вашингтона, для его претензий на руководство миром. Эти претензии подкреплялись содержанием небывалых ранее в мирное время вооруженных сил, временной монополией США на атомное оружие.

После второй мировой войны образовались два противостоящих друг другу социально-политических лагеря. США стали не только главной, руководящей силой капиталистического лагеря: их экономическая мощь, высокая политическая активность, их вооруженные силы и монопольное владение атомным оружием определяли активность и силу всего этого лагеря.

Те европейские государства, которые образовали содружество стран нового мира, вышли из горнила войны с большими разрушениями. Военные действия происходили на территории всех этих стран. Особенно большие разрушения вторая мировая война причинила хозяйству Советского Союза — главной, руководящей силе этого мирового содружества.

В первые годы после окончания военных действий в СССР и в странах народной демократии много сил и средств отняло процесс залечивания ран, нанесенных хозяйству войной. Но этот процесс происходил быстро. Гораздо быстрее, чем предполагали и предсказывали официальные круги Вашингтона. Промышленность Советского Союза после колоссальных разрушений была восстановлена без иностранной помощи в кратчайший срок. Уже в 1948 г. валовая продукция всей промышленности СССР превысила продукцию довоенного 1940 г. на 18%, а в последние месяцы 1949 г. выпуск валовой продукции промышленности превзошел уровень 1940 г. более чем в 1,5 раза⁶.

Быстро развивалось и крепло также хозяйство стран народной демократии. В 1949 г. Польша произвела в 2 раза больше чугуна и стали и в 2 с лишним раза больше электроэнергии, чем в 1937 г.⁷ В Румынии к концу 1949 г. выпуск промышленной продукции в целом превзошел довоенный уровень; производство стали в 1949 г. превзошло в 1,5 раза, а производство чугуна в 2 раза уровень 1938 г.⁸ В Чехословакии и

² «Federal Reserve Bulletin», April 1950, p. 404; The Economic Almanac, 1950, p. 494.

³ «U. S. News and World Report», 29.VII 1949, p. 13.

⁴ Yearbook of International Trade Statistics. N. Y., 1953.

Данные за 1948 г. относятся только к экспорту капиталистических стран.

⁵ «Federal Reserve Bulletin», April 1950, p. 401; Dewhurst J. America's Needs and Resources. N. Y., 1955, p. 664.

⁶ «Известия», 1949, 20 января; 1950, 18 января.

⁷ Статистический ежегодник Польской Народной Республики. ИЛ, 1957, с. 10.

⁸ Развитие экономики Румынской Народной Республики по пути социализма. ИЛ, 1958, с. 23, 106.

Венгрии основные отрасли промышленности к концу 40-х годов также намного превзошли довоенный уровень.

В это же время, в 1949 г., гражданская война в Китае завершилась победой революции, выпадением из капиталистического мира четверти населения земного шара. В сентябре была образована Китайская Народная Республика. В октябре 1949 г. образовалась Германская Демократическая Республика. В Чехословакии после провала контрреволюционного заговора (в начале 1948 г.) быстро и успешно начал развиваться и укрепляться народно-демократический строй.

Исторические победы и успехи социалистического лагеря, ознаменовавшие новый, второй этап общего кризиса капитализма, увенчались большими достижениями советской науки. В 1949 г. весь мир окончательно убедился, что СССР овладел секретом производства атомной энергии. Американская монополия на атомное оружие, служившая столь большим козырем не только на случай войны, но и инструментом шантажа в дипломатических переговорах и маневрах, кончилась и кончилась (как признал президент Трумэн) по крайней мере на три года раньше, чем предсказывали самые осторожные авторитеты в США⁹.

События конца 40-х годов изменили соотношение мировых сил. В дальнейшем этот процесс продолжался постепенно, а иногда и скачкообразно, но неуклонно в пользу мирового социализма.

В то же время в конце 40-х годов в США возник экономический кризис. Хотя этот кризис оказался не таким глубоким и продолжительным, как многие в США ожидали, он был достаточным, для того чтобы напомнить о неизлечимых пороках капитализма и ударить по престижу его главной цитадели.

Общий индекс промышленного производства США с учетом сезонных колебаний поднялся в июне 1948 г. до 105 (1947—1949 гг. = 100). На этом же уровне он оставался и в июле, и в августе. Потом в течение 10 месяцев он падал, и в июне 1949 г. достиг 96 — низшей точки. За 10 месяцев 1948—1949 гг. общий индекс промышленного производства сократился на 8,5%.

В важнейших отраслях промышленности падение оказалось еще более значительным. В обрабатывающей промышленности продукция в июле 1949 г. сократилась по сравнению с октябрем 1948 г. на 20%. В августе и сентябре 1949 г. выпуск продукции несколько увеличился, но в октябре в связи с забастовкой полумиллиона рабочих-сталелитейщиков в промышленности он снова резко сократился. В октябре 1949 г. выпуск продукции обрабатывающей промышленности был на 29% меньше, чем в октябре предыдущего года, а общий индекс промышленного производства был на 10,5% ниже, чем в августе 1948 г. Кризис за короткий срок сильно ударил по металлургической промышленности. В выплавке чугуна высшая докризисная точка была достигнута в марте 1949 г., а стали — в феврале того же года. За пять месяцев (с марта по июль 1949 г.) производство чугуна сократилось на 33%, а за полгода (с февраля по июль) производство стали снизилось на 39%¹⁰.

Кризис почти не затронул автомобильной промышленности. За исключением ноября и декабря, каждый месяц 1949 г. заводы выпускали больше продукции, чем в соответствующий месяц 1948 г. Всего в 1949 г. было

⁹ Truman H. Memoirs, v. 2. N. Y., 1955, p. 306.

Такой военный авторитет в США, как генерал Л. Гровс, утверждал в 1945 г., что у русских никогда не будет атомной бомбы (Miller M. Plain Speaking, p. 228).

¹⁰ «Federal Reserve Bulletin», April 1950, p. 457; December 1959, p. 1469.

произведено 4948 тыс. легковых автомобилей по сравнению с 3641 тыс. в 1948 г.¹¹ В третьем квартале 1949 г. расходы потребителей США на автомобили составили 11 млрд. долл. по сравнению с 8,7 млрд. в третьем квартале 1948 г.¹² Учитывая особую роль автомобильной промышленности в народном хозяйстве США, трудно было ожидать глубокого и продолжительного кризиса в условиях, когда производство автомобилей возросло. В автомобильной промышленности продолжали сказываться последствия отложенного во время войны спроса.

«Отложенным спросом» объяснялось также и то, что общее падение производства в первую половину 1949 г. мало отразилось на жилищном строительстве, хотя в январе 1949 г. стоимость контрактов, заключенных на это строительство, была на 37% ниже, чем в январе 1948 г.

Зато контракты на строительство фабричных зданий резко сократились в 1948—1949 гг. В июне 1949 г. стоимость этих контрактов составляла лишь 43% их стоимости в июне 1948 г.¹³

Оборот оптовой торговли сократился с октября 1948 по октябрь 1949 г. на 26%¹⁴.

Безработица (согласно официальным данным Бюро цензов США) составляла в последние пять месяцев 1948 г. менее 2 млн. человек. В 1949 г. она увеличивалась, и в июле дошла до 4,1 млн. человек. Она достигла своего максимума в феврале 1950 г., когда официально числилось 4,7 млн. безработных¹⁵. Статистика профсоюзов США считает, что официальные данные не учитывают всех безработных. Экономисты Объединенного союза электриков, например, утверждали, что в феврале 1950 г. число полностью безработных дошло до 6,6 млн.¹⁶

По сравнению с кризисами, следовавшими после первой мировой войны, кризис 1948—1949 гг. вызвал незначительное падение общего индекса цен. Однако цены на сельскохозяйственные продукты существенно снизились. В январе 1950 г. оптовые цены на фермерские продукты были на 22% ниже, чем в январе 1948 г.¹⁷ Падение сельскохозяйственных цен свидетельствовало о том, что рост безработицы в городах сопровождается, как обычно, ухудшением положения широких слоев трудящихся на ферме.

Таковы общие данные, характеризующие экономический кризис 1948—1949 гг.

Падение производства, начавшееся в конце 1948 г., вызвало большую тревогу в капиталистических кругах США. В этих кругах вспоминали предупреждения, сделанные еще во время войны бывшим президентом «Дженерал моторс» А. Слоаном, председателем правления нью-йоркского федерального резервного банка Румолом и другими представителями крупного американского капитала о том, что в новых послевоенных условиях глубокий экономический кризис и массовая безработица настолько дискредитируют капиталистическую систему, что эта система «будет заменена какой-то формой социализма».

Летом 1947 г. солидный буржуазный журнал США в редакционной статье, напечатанной в виде обращения к деловым кругам страны, утверждал: «Экономический кризис в Соединенных Штатах не оставит ме-

ста для академических дебатов о том, какая система, какой образ жизни лучше. Наш провал произошел бы так быстро, что Москва не успела бы выразить свое ликование»¹⁸.

Со дня окончания второй мировой войны не только отдельные крупные экономисты, но и конференции экономистов США предсказывали неизбежность возникновения глубокого кризиса. Одни советовали готовиться к встрече экономического кризиса во всеоружии, к своевременному проведению антикризисных мероприятий. К этим относились прежде всего экономические советники президента Трумэна. Другие, наоборот, утверждали, что никакие мероприятия не помогут, что за хозяйственным подъемом неизбежно должен следовать кризис, как ночь за днем. К сторонникам подобных взглядов причисляли такого авторитетного в США экономиста, как президент Брукингского института Гарольд Мултон¹⁹.

В истории США выделяются, как мы уже отметили, два экономических кризиса: первый возник в 1873 г. и был самым глубоким кризисом XIX в.; второй самый глубокий и продолжительный кризис XX в. начался в 1929 г. Оба кризиса возникли вскоре после больших войн: первый — через 8 лет после окончания гражданской войны между северными и южными штатами, второй — через 12 лет после окончания первой мировой войны. Эти исторические факты служили во вторую половину 40-х годов теоретическим обоснованием для многочисленных прогнозов о неизбежном наступлении большого кризиса в США²⁰.

Когда в 1948 г. производство в США начало сокращаться и в течение восьми месяцев довольно значительно, многие буржуазные прорицатели экономического развития США и в Европе, и в Америке предсказывали, что наступивший кризис будет по своей глубине если не таким, как в 1929—1933 гг., то по крайней мере таким, как в 1920—1921 гг. В марте 1949 г. известный вашингтонский реакционный журнал, ссылаясь на экономистов, представлявших крупнейшие промышленные и финансовые компании и подготовивших для правительства конфиденциально характеристику экономического положения страны, пришли к заключению, что падение производства достигнет своей низшей точки лишь в 1950 г.²¹

Низшая точка была достигнута, как мы видели, в июле 1949 г. Падение производства в 1948—1949 гг., не говоря уже о падении цен и других симптомах экономического кризиса, не достигло не только масштабов 1929—1933 гг., но и размеров 1920—1921 гг.

Постоянные апологеты и адвокаты капитализма, старающиеся всегда приуменьшить его противоречия и пороки, на сей раз оказались в полной растерянности. Они предсказывали более тяжелый и продолжительный экономический кризис, чем действительно имевший место после второй мировой войны в США.

Особенности промышленного цикла после второй мировой войны представляют сложную проблему. Для понимания этой проблемы необходимо прежде всего учитывать все своеобразие послевоенного развития американского капитализма, что обычно не под силу буржуазным экономистам. Исторические аналогии в данном случае не разъясняют, а скорее затемняют картину.

¹¹ Dewhurst J. America's Needs and Resources, p. 271.

¹² «Commercial and Financial Chronicle», 15.XII 1949, p. 3.

¹³ «Federal Reserve Bulletin», January 1950, p. 89.

¹⁴ «Monthly Bulletin of Statistics», October 1950, p. 93.

¹⁵ «Federal Reserve Bulletin», January 1949, p. 66; January 1950, p. 88; April 1950, p. 484.

¹⁶ «Labor Fact Book», 1951, N 10, p. 14.

¹⁷ «Federal Reserve Bulletin», January 1949, p. 73; April 1950, p. 471.

¹⁸ «Fortune», June 1947.

¹⁹ «Manchester Guardian», 17.VI 1949.

²⁰ «Commercial and Financial Chronicle», 15.XII 1949, p. 1, 36.

²¹ «U. S. News and World Report», 4.III 1949, p. 13.

Никогда в прошлом не было таких побоищ, как во время второй мировой войны, не было таких разрушений во многих странах, не было такого «отложенного спроса» в США, не было такого износа оборудования и т. д. Все эти факторы имели далеко идущие экономические последствия. Они, как мы уже говорили, модифицировали весь ход послевоенного промышленного цикла.

Наконец, особое влияние оказывает на развитие послевоенного промышленного цикла в США международное положение страны, усилившаяся борьба двух систем. Именно в этой борьбе империалистические круги США искали оправдания для гонки вооружений, для колоссальных военных расходов и милитаризации ряда важных отраслей промышленности.

После того как кризис 1948—1949 гг. прошел быстрее и легче, чем предсказывали официальные авторитеты США, многие известные американские экономисты, путая, как обычно, причину и следствие, начали прибегать к объяснению этого явления движением цен: в прошлом, говорили они, во время больших войн имел место большой рост цен, инфляция; после войн происходило падение цен, дефляция, обусловившая глубину экономического кризиса; во время второй мировой войны не было большого роста цен. Поэтому после войны, заключали они, не было большого кризиса²².

В объемистой коллективной работе о военном и послевоенном экономическом развитии США, изданной «Фондом XX века», утверждается, например, что отсутствие после второй мировой войны большого кризиса, который повторялся после каждой большой войны, связано с тем фактом, что инфляция в основном происходила скорее после, чем во время войны²³. Это объяснение нашло широкое хождение среди буржуазных экономистов США, хотя оно ничего не объясняет. И в самом деле ведь длительная инфляция, последовавшая после второй мировой войны, не содействовала тому, чтобы кризисы были глубокими, чтобы они вызвали большое падение цен, а в конце 1929 г. возник величайший в истории экономический кризис, после того как на всем протяжении 20-х годов цены не повышались.

Вся суть состоит в том, что не падение цен вызывает кризис перепроизводства, а, наоборот, перепроизводство вызывает промышленный кризис, сопровождающийся, как правило, падением цен. Тем не менее сейчас, как и в прошлом, правительство и конгресс США в поисках средств борьбы с кризисом пошли по линии стимулирования роста цен, по линии инфляции.

В январе 1949 г. Трумэн перед началом второго срока своего президентства предложил в послании только что открывшемуся 81-му конгрессу большую экономическую программу. В общих чертах Трумэн изложил эту программу в новогоднем послании о положении страны. Подробно он ее рассматривал в экономическом отчете конгрессу, написанном в соответствии с законом 1946 г. о максимальной занятости населения. К отчету был приложен еще более подробный ежегодный экономический обзор, составленный Советом экономических консультантов при президенте США. Все эти три документа содержали программу эконо-

мических мероприятий правительства и конгресса США на ближайшие годы²⁴.

Трумэн объявил войну циклическому развитию капиталистического производства. В указанном послании конгрессу о положении страны Трумэн заявил: «Хозяйственный цикл создан человеком, и люди доброй воли, работая сообща, могут его устранить».

Далее он утверждал, что бескризисное развитие капитализма не только возможно, но что упомянутый нами закон 1946 г. обязывает правительство использовать все средства для обеспечения такого развития. «В настоящее время,— говорил Трумэн,— нашему процветанию угрожает давление инфляции на различные критические места нашей экономики». Следовательно, для обеспечения в дальнейшем непрерывного хозяйственного процветания, заключил он, необходима беспощадная борьба с инфляцией.

И вот президент США предложил конгрессу план борьбы с инфляцией. План состоял из восьми пунктов. Он сводился в основном к тому, чтобы сделать деньги, как выражаются в США, «тугими», чтобы кредит стал более дорогим, менее доступным.

Характерен 8-й пункт, в котором Трумэн говорил о необходимости ликвидировать недостаток стали и других материалов, приводящий к взвинчиванию цен. Он предложил предоставить государственные кредиты частным компаниям для расширения соответствующих отраслей промышленности, а если частный капитал этого не сделает, то государство само должно строить сталелитейные заводы и другие предприятия, необходимые для полного удовлетворения существующего спроса.

Мероприятия, предложенные Трумэном для борьбы с инфляцией, представляли план расширения и укрепления государственно-монополистического капитализма США. Наряду с этим Трумэн рекомендовал увеличить налоги на 4 млрд. долл. Он говорил, что в целях ослабления инфляции и сокращения государственного долга, равнявшегося тогда 252 млрд. долл., необходимо иметь не только сбалансированный федеральный бюджет, но и значительное превышение государственных доходов над расходами.

Всю экономическую программу Трумэна, намеченную на ближайшие четыре года, назвали в США «направляемым и регулируемым процветанием»²⁵.

Послание президента о положении страны и его экономический отчет конгрессу с приложенным к нему годовым обзором экономического положения США опубликованы 5 и 7 января 1949 г. Они были составлены на основе материалов, подготовленных в конце 1948 г., когда индекс промышленного производства находился на высшем докризисном уровне или когда кризис только что начинался.

Антиинфляционные мероприятия, рекомендованные правительством Трумэна, могли скорее стимулировать развитие кризиса, чем задерживать его возникновение. Но кризис возник до этих рекомендаций. В середине 1949 г. их признали негодными, даже вредными. Правительство вскоре предложило совершенно противоположные средства — средства, ведущие к всеобщей инфляции.

За два года, истекшие со времени принятия закона, формально возлагавшего на правительство обязанности бороться против возникновения

²² За время американской войны за независимость оптовые цены повысились более чем в 3 раза; во время гражданской войны в США и первой мировой войны — в 2 раза, но после каждой из этих войн цены падали до довоенного уровня. В 1940 г. в США начался рост цен, который продолжается до сих пор.

²³ Dewhurs J. America's Needs and Resources, p. 920.

²⁴ Полный текст этих трех документов см.: «U. S. News and World Report», 14.I 1949. Этим текстом мы пользуемся в наших ссылках.

²⁵ «Business Week», 14.I 1949, p. 19.

и развития кризиса, впервые создалась возможность проверить, способно ли правительство выполнять эти обязанности. Согласно закону 1946 г. конгресс создал Совет экономических консультантов, которому поручено было изучать состояние и развитие хозяйства и рекомендовать президенту США мероприятия, необходимые для того, чтобы поддержать производство, занятость и покупательную способность населения на высоком уровне. Два раза в год Совет представляет президенту доклады об экономическом положении страны. На основе этих докладов президент рекомендует конгрессу меры по обеспечиванию высокой хозяйственной конъюнктуры.

В середине 1949 г., когда был представлен очередной доклад конгрессу об экономическом положении страны, падение производства достигло своей низшей точки. Экономические советники президента США исходили из того, что причиной кризиса является дефляция. Поэтому они призвали к поощрению всесторонней инфляции. Их призыв нашел немедленное выражение в обращении Трумэна к конгрессу и к народу Соединенных Штатов.

Вместо большого превышения доходов над расходами государственно-го бюджета, на чем президент США настаивал всего полугодом раньше, он сейчас советовал мириться с большим бюджетным дефицитом. Он, правда, не одобрял предложения тех его советников, которые считали, что для успешной борьбы с кризисом необходимо увеличить государственные расходы настолько, чтобы дефицит в государственном бюджете составил около 15 млрд. долл. Но он соглашался с тем, чтобы в новом бюджетном году, наступающем 1 июля 1949 г., дефицит превысил 5 млрд. долл.²⁶

Об увеличении налогов на 4 млрд. долл., предложенном Трумэном в январе, правительство и конгресс США больше не упоминали. Наоборот, в июле конгресс обсуждал проект сокращения налогов, и президент США в принципе не возражал.

Для стимулирования хозяйственной деятельности решили увеличить государственные расходы, удешевить и расширить кредит. Трумэн предлагал ассигновать на общественные работы не менее 3 млрд. долл., всячески поощрять строительство общественных и частных домов. В конгрессе проектировали вливание в хозяйство миллиардов долларов отчасти в виде непосредственных кредитов и субсидий казначейства, отчасти в виде банковских кредитов, гарантированных государством. Реконструктивной финансовой корпорации было поручено расширять свою деятельность и более либерально финансировать хозяйственные операции в тех случаях, когда получение кредитов в частных банках затруднено.

С 1 июля 1949 г. все ограничения и контроль над продажей товаров в кредит, в рассрочку были сняты. В начале этого года при покупке акции обязательно было платить наличными не менее 75% ее стоимости. В июле достаточно было платить 50%.

Все эти инфляционные мероприятия были задуманы с целью, как выражаются в США, «заправки насоса» («pump priming»), с целью «накачивания хозяйственной конъюнктуры». Но перелом в хозяйственной конъюнктуре произошел еще до начала реализации этих мероприятий. В июле 1949 г. индекс промышленного производства достиг низшей точки. Потом он начал повышаться.

Как в январе 1949 г. президент США опоздал со своей программой борьбы против инфляции, так и в июле того же года он опоздал со своей

²⁶ «U. S. News and World Report», 22.VII 1949, p. 11.

программой борьбы за инфляцию. Его экономические советники уподобились пассажирам, прибывающим каждый раз со своим багажом на вокзал после отправления поезда.

Проверить на практике способность (или, вернее, неспособность) правительства выполнять обязанности, возложенные на него законом 1946 г., не удалось из-за того, что в 1949 г. кризис закончился раньше, чем ожидали в Вашингтоне. Но события 1949 г. свидетельствовали о полной беспомощности правящих кругов США в этом вопросе, показав, что правительство и его экономические советники неспособны не только предотвратить, но и предвидеть наступление кризиса и его конец.

Регулирование экономики, на которое правительство США претендовало, мероприятия, рекомендованные с этой целью Трумэном и названные им «справедливым курсом» («фейр дил») в отличие от рузвельтовского «нового курса» («нью дил») напоминали игру в чехарду. Рекомендации растерянных экономических советников толкали правительство и конгресс из одной крайности в другую.

Экономическая программа, провозглашенная Трумэном в начале второго его президентства, предусматривавшая усиление государственного вмешательства в хозяйство, расценивалась как возвращение в известной мере к экономической политике Рузвельта, к его методам и приемам, встречавшим сопротивление в определенных капиталистических кругах. В частности, им не понравились рассуждения Трумэна о строительстве государством сталелитейных заводов и других предприятий.

В обстановке исторических побед лагеря социализма, изменивших соотношение мировых сил, рассуждения президента США о строительстве государственных предприятий в мирное время представители определенных кругов монополистического капитала нашли не только неуместными, но и опасными. Каждое государственное предприятие, по их словам, — это «рассадник социализма».

9 декабря 1949 г. на 54-м съезде американских промышленников сенатор Дж. Бриккер из Огайо выступил с докладом на тему «Ведет ли наш путь к социализму?». Бриккер, утверждая, что государственное вмешательство в хозяйство толкает экономику США в объятия социализма, предостерегал от продолжения взятого курса. Указывая на Англию, на «помощь», получаемую ею от США, на лейбористское правительство, которое он называл «социалистическим», Бриккер говорил: «Ее нынешняя социалистическая система государства довела Великобританию до положения «просителя у наших дверей»»²⁷.

«...В настоящее время самой страшной угрозой нашим политическим институтам является правительство, пользующееся большой властью... Неизбежный конец этого — государственный социализм»²⁸.

Еще более характерна публичная лекция, прочитанная двумя неделями раньше (23 ноября 1949 г.) в Нью-Йорке президентом Эдиссоновского института электричества Э. Линдсетом на тему «Как остановить социализм?» Утверждая, что «самая критическая и актуальная внутренняя проблема, стоящая перед Америкой, — это движение к социалистическому государству», Линдсет заключил, что каждый акт национализации представляет удар по капиталистической системе»²⁹.

Приведя данные об усилении участия государства в экономике, Линдсет ссылаясь на отчет бывшего президента Гувера, согласно которому

²⁷ «Commercial and Financial Chronicle», 22.XII 1949, p. 78.

²⁸ Ibid., 22.XII 1949, p. 78, 79.

²⁹ Ibid., 15.XII 1949, p. 29, 36.

Федеральное правительство владеет полностью или имеет финансовые интересы в сотне важных хозяйственных предприятий. Особенно быстро этот процесс развивался в производстве и снабжении электроэнергией. В 1933 г. государственные и муниципальные электростанции обслуживали 9% всех потребителей электроэнергии в США, а в 1949 г. — 19%³⁰.

Линдсет жаловался: «Мы все знаем о падении престижа лидеров американского бизнеса». По его мнению, необходимо поднять репутацию руководителей капитала, а для этого недостаточно выступать против государственного владения предприятиями, крупный капитал США должен выдвинуть «позитивную программу»³¹.

Разъясняя сущность предлагаемой им «позитивной» программы, Линдсет заявил: «Мы должны действительно заслужить доверие народа... Конечно, капитал не может рассчитывать на влияние до тех пор, пока не покажет, что он осведомлен о проблемах, стоящих перед рабочими, фермерами и потребителями, и готов предлагать конструктивные мероприятия для решения этих проблем»³².

Линдсет и Бриккер доказывали, что капиталисты должны активно и умело вести всестороннюю работу среди рабочих. «Для сохранения нашей политической системы, — заявил Бриккер перед съездом предпринимателей, — доброжелательство промышленных рабочих должно быть достигнуто»³³. Линдсет рекомендовал крупному американскому капиталу усилить свой непосредственный контроль над правительством и конгрессом США.

Конечно, в кругах монополистического капитала подобные выступления имели место и до, и после этого. Но к началу второго президентства Трумэна они стали характерными. Экономический кризис, происходивший в США на фоне изменения в соотношении мировых сил и породивший в течение полугода различные противоположные и противоречивые экономические программы президента, встревожил представителей крупного американского капитала.

Однако вскоре, в 1950 г., начало военных действий в Корее создало военно-хозяйственную конъюнктуру в США. Капиталисты, увлекшись военными барышами, стали меньше размышлять об опасности социализма в Америке.

2. НАТО и «4-й пункт»

Резолюция Ванденберга. Договор о создании НАТО. США — инициатор военных союзов. НАТО — агрессивный военный союз. Особо привилегированное положение США в этом союзе. Ратификация его сенатом. Совет НАТО. Роль США в вооружении НАТО. Внешнеполитическая и военная программа Гувера. НАТО и ремилитаризация Западной Германии. Предложения Советского Союза 1950 и 1952 гг. о восстановлении единства Германии. «4-й пункт» Трумэна. Заграничные инвестиции США. НАТО и ближневосточная нефть. Тревога, вызванная потерей США монополии на атомное оружие. Официальный отказ правительства США от дальнейшего оказания помощи Чан Кай-ши. Разногласия в Вашингтоне. «Открытия» сенатора Дж. Маккарти

³⁰ «Commercial and Financial Chronicle», 15.XII 1949, p. 29.

Сам бывший президент Гувер в выступлении 27 апреля 1950 г. на конференции ассоциации издателей американских газет обрушился не только на марксизм и социализм, но и на учение Кейнса, поощряющего государственное вмешательство в хозяйство и инфляцию. Гувер утверждал, что влияние кейнсианства «принесло много бед экономике Англии» («New York Herald Tribune», 28.IV 1950).

³¹ «Commercial and Financial Chronicle», 15.XII 1949, p. 29.

³² Ibidem.

³³ «Commercial and Financial Chronicle», 22.XII 1949, p. 79.

Во внешней политике второе президентство Трумэна проходило под флагом усиления международной напряженности, обострения советско-американских отношений.

«План Маршалла», вступивший в силу в апреле 1948 г., рассматривался в Вашингтоне как экономическая основа и подготовка к объединению капиталистических стран Европы в военном союзе с Соединенными Штатами Америки для неизбежной, как тогда считали во влиятельных кругах США, войны с СССР. В сенате США официально подтверждали: «План Маршалла положил основу для Северо-Атлантического союза»³⁴. Еще до принятия «плана Маршалла» в Вашингтоне обсуждались проекты военного союза с будущими «маршаллизированными» государствами. Без такого союза, твердили его поборники в США, Западной Европе угрожает включение в орбиту СССР, и тогда ресурсы и мощь Советского Союза настолько увеличатся, соотношение сил настолько изменится, что США окажутся-де в очень опасном положении»³⁵.

Весной 1948 г., когда «план Маршалла» вступил в силу, в США развернулись очередные президентские выборы. На время выборной кампании предпочитали не форсировать создание военного союза, не говорить о нем громко и публично. Но официальные переговоры об образовании такого союза США вели с июня 1948 г. Республиканцы, резко нападавшие на внешнюю политику правительства Трумэна, обошли молчанием деликатный вопрос о готовившемся военном союзе между США и рядом европейских государств. Этого вопроса не касались в предвыборной дискуссии ни кандидат в президенты от республиканской партии Дьюи, ни его советник по внешнеполитическим вопросам, адепт вашигтонской дипломатии Даллес. Даллес, совещавшийся в апреле 1948 г. в Вашингтоне с государственным секретарем Маршаллом, сенатором Ванденбергом и другими по вопросу о создании военного союза США с западноевропейскими странами, предупредил, что ничего определенного не должно быть предпринято в этом отношении до окончания президентских выборов³⁶.

Республиканцы в подавляющем большинстве выступали, как и демократы, за отказ от вековой традиции, за создание при участии и под эгидой США системы военных союзов в мирное время.

В разгар выборной кампании, перед открытием конвента республиканской партии, 11 июня 1948 г., сенат большинством 64 против 4 принял резолюцию А. Ванденберга, одобрявшую оказание помощи региональным военным союзам. Впервые в истории сенат США одобрил предоставление в мирное время военной помощи иностранным государствам, расположенным за пределами Западного полушария. Двумя днями раньше аналогичное решение единогласно приняла комиссия по иностранным делам палаты представителей³⁷.

И в сенате, и в этой комиссии большинство принадлежало республиканцам. Одобрение этим большинством подобных резолюций в это время (в июне 1948 г.) свидетельствовало о том, что республиканцы в конгрессе, как и на национальном конвенте, желают продемонстрировать перед выборами, что они всячески открепиваются от изоляционизма. По существу эти резолюции санкционировали участие США в военных союзах.

³⁴ «Congressional Record», 10.III 1966, p. 5303.

³⁵ Taft R. A Foreign Policy for Americans. N. Y., 1951, p. 82.

³⁶ Dulles J. F. War or Peace. N. Y., 1957, p. 96—97.

³⁷ «New York Herald Tribune», 17.II 1949.

Они служили прелюдией к заключению Соединенными Штатами военного союза со многими капиталистическими странами.

После выборов правительство США действовало более энергично и открыто. 20 января 1949 г. в речи, посвященной началу второго срока своего президентства, Трумэн заявил: «Мы сейчас вырабатываем с рядом государств общее соглашение, предназначенное для укрепления безопасности района Северной Атлантики... Мы уже создали такой оборонительный пакт для Западного полушария договором в Рио-де-Жанейро... Я надеюсь скоро послать в сенат договор, содержащий план обеспечения безопасности Северной Атлантики»³⁸.

Через два с половиной месяца (4 апреля 1949 г.) представители 12 правительств подписали в Вашингтоне договор о Северо-Атлантическом военном союзе, названном НАТО³⁹. Его подписали США, Канада и 10 западноевропейских стран⁴⁰. Вашингтон оказывал сильное давление на Стокгольм. Но Швеция, сохранившая нейтралитет в двух мировых войнах, предпочла не вступать в военный союз, созданный для подготовки третьей мировой войны. Спустя некоторое время США объявили Грецию и Турцию... североатлантическими государствами и добились включения их в НАТО. Впоследствии (в 1955 г.) по настоянию американцев полноправным членом этого военного союза официально стала и Западная Германия.

В дальнейшем США заключали другие военные союзы. Но НАТО продолжала оставаться центральным, самым важным из них, приковавшим к себе основное внимание госдепартамента США, олицетворявшим послевоенную глобальную политику Вашингтона, направленную на борьбу с мировой социалистической системой, с национально-освободительным и революционным движением во всем мире.

Подписание 4 апреля 1949 г. в мирное время военного союза с европейскими державами — неслыханный акт в истории США. Как известно, со времени окончания борьбы за независимость США не заключали военных союзов с иностранными государствами. Формально они не состояли ни с кем в союзе даже во время двух мировых войн, в которых принимали активное участие.

Конституция США, выработанная еще в 1787 г., по существу лишила возможности правительство США заключать военные союзы с иностранными государствами. Вернее, она лишила военные союзы той надежности, которую обычно им придают в Европе. Прерогативу объявления войны конституция США сохранила только за конгрессом. Каждый заседающий в данное время конгресс обязан руководствоваться конституцией. Но акты правительства и решения прошлых конгрессов для него необязательны. Правительства Англии и Франции, например, могут заключать союзные договоры, обязывающие будущие правительства их стран вступать в войну, если создадутся условия, предусмотренные в этих договорах. Правительство США может заключить договор о военном союзе. Сенат может его ратифицировать. Но подобные акты правительства и сената отнюдь не обязывают конгресс объявлять войну.

Конечно, если господствующий в США монополистический капитал выступает за войну, то большинство в обеих палатах конгресса за нее

голосует. Но автоматически на основании заключенного правительством военного союза конгресс войну не объявляет. Во всяком случае нет уверенности в том, что конгресс поступит так, как предусмотрено договором о союзе. Поэтому ни у кого не было уверенности в прочности военных союзов США. И хотя они фактически воевали в союзе с другими государствами, официального союза с ними США не имели.

Совершенно другое положение создалось после второй мировой войны. США не только заключали военные союзы с иностранными государствами, но и выступали как инициатор и создатель таких союзов. Более того, в отличие от военных союзов в прошлом НАТО создала свои штабы и свои вооруженные силы, куда входят сухопутные войска, военно-морские и военно-воздушные силы ряда государств. В соответствии с этим договором суверенные государства Западной Европы позволили Соединенным Штатам содержать в мирное время вооруженные силы на своей территории. В 1953 г. вооруженные силы США в Западной Европе насчитывали 427 тыс. человек⁴¹.

Некоторые политические деятели США интерпретировали создание НАТО как распространение «доктрины Монро» на Европу. Сенатор Тафт писал, что это является характерной чертой Северо-Атлантического пакта⁴². Но «доктрина Монро» не была военным союзом, не была даже договором. Формально она появилась как односторонняя декларация президента США против вмешательства великих держав Европы во внутреннюю жизнь стран Нового Света. Другое дело — эволюция этой доктрины, ее превращение в орудие реакции и империализма, в орудие дипломатии доллара. В защиту «доктрины Монро» США никогда не воевали с великими державами Европы, не воевали даже тогда, когда европейские державы явно нарушали эту доктрину⁴³.

Президент США и его ближайшие сотрудники сравнивали НАТО с договором о защите Западного полушария, подписанным в сентябре 1947 г. в Рио-де-Жанейро. Об этом говорил Трумэн в речи, произнесенной в связи с началом второго срока его президентства. Оба договора сходятся в одной формуле: в Рио-де-Жанейро было объявлено, что нападение на одну американскую страну будет рассматриваться как нападение на все американские государства; ст. 5 Северо-Атлантического пакта гласит: «Договаривающиеся стороны считают, что вооруженное нападение против одной или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение против них всех»⁴⁴.

Однако договор, подписанный 2 сентября 1947 г. в Рио-де-Жанейро, существенно отличается от пакта, заключенного 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне.

Договор американских государств 1947 г. предусматривал немедленную консультацию его участников в случае нападения или угрозы нападения на кого-либо из них. Но он не предусматривал немедленного, автоматического применения вооруженной силы. Более того, ст. 20 договора отмечает, что ни один из его участников без своего согласия не обязан принимать участие в применении вооруженной силы. Каждый из участников сохраняет суверенное право решать — воевать или нет.

³⁸ «New York Herald Tribune», 21.I 1949.

³⁹ НАТО — первые буквы английских слов «North Atlantic Treaty Organization» — Организация Северо-Атлантического договора.

⁴⁰ Из стран Западной Европы его подписали: Англия, Франция, Италия, Бельгия, Люксембург, Голландия, Португалия, Норвегия, Дания и Исландия.

⁴¹ «U. S. News and World Report», 7.XII 1970, p. 59.

⁴² Taft R. A Foreign Policy for Americans, p. 88.

⁴³ Имеется в виду интервенция Франции в Мексику в 60-х годах прошлого века, бомбардировка и высадка десантов Англии и Германии в Венесуэле в 1902 г. и Германии в 1903 г.

⁴⁴ A Decade of American Foreign Policy, p. 425, 442, 1329.

В договоре об образовании НАТО такой оговорки нет. НАТО отличается также от договора американских государств 1947 г. тем, что этот договор не региональный пакт.

Формально в преамбуле договора от 4 апреля 1949 г. говорится, что НАТО имеет своей целью коллективную оборону. Фактически США создали Северо-Атлантический пакт как агрессивный, наступательный военный союз.

В эпоху империализма и до этого многие агрессивные военные союзы, начиная от Тройственного союза 1882 г. и кончая «антикоминтерновским пактом» фашистских поджигателей войны 1936 г., назывались их творцами «оборонительными». Так, в договоре о создании Тройственного союза указывалось, что договаривающиеся стороны «воодушевлены желанием увеличить гарантии всеобщего мира», что они будут оказывать друг другу военную помощь только в случае неспровоцированного нападения на одну из них. «Антикоминтерновский пакт» формально призывал лишь «принять оборонительные меры» против Коммунистического Интернационала.

Так называемый оборонительный Северо-Атлантический пакт сразу после его возникновения в 1949 г. выработал стратегический план наступательных военных операций, предусматривавший нападение воздушных сил США на СССР с применением атомных бомб⁴⁵.

Осведомленный лидер республиканской партии сенатор Тафт, комментируя стратегические планы Пентагона, создававшиеся в соответствии с образованием НАТО, пришел к следующему заключению: «Отсюда явствует, что предусматривается использование американских армий в сухопутной войне против России на континенте Европы, как только начнется война. В дальнейшем предполагается предпринять вторжение по тем направлениям, которые для Наполеона и Гитлера оказались роковыми»⁴⁶.

Даже Тафт отмечал, что напрасно правительство США, создавая Северо-Атлантический союз, ссылается на ст. 51 Устава ООН о «праве на индивидуальную и коллективную самооборону, если вооруженное нападение совершится против члена Объединенных Наций». При этом Тафт указывал на то, что эта статья отнюдь не дает права направлять вооруженные силы одного государства на территорию других стран до того, как такое нападение совершится⁴⁷.

И дальше Тафт, доказывая, что создание НАТО нарушает принципы ООН, писал: «Оно противоречит всему духу Устава Объединенных Наций. Этот Устав предусматривает сокращение вооружений соглашением между отдельными государствами. Атлантический пакт действует как раз в направлении, противоположном целям Устава, и превращает в фарс дальнейшие попытки обеспечить международный мир с помощью права и справедливости. Он предопределяет разделение мира на два вооруженных лагеря... Этот договор неизбежно означает гонку вооружений, а гонка вооружений в прошлом вела к войне»⁴⁸.

⁴⁵ Reitzel W. United States Foreign Policy 1945—1955. Wash., 1953, p. 285.

⁴⁶ Taft R. A Foreign Policy for Americans, p. 98.

⁴⁷ Taft R. Op. cit., p. 89—90.

⁴⁸ Ibid., p. 90—91.

За 20 лет — 1949—1969 гг. — вооруженные силы, находящиеся в распоряжении НАТО, выросли: пехота — с 12 дивизий численностью в 200 тыс. человек до 64 дивизий в 875 тыс. человек; авиация — с 400 до 3750 самолетов; атомное оружие — с нуля до 7000 боеголовок; морской флот — с 300 до 500 кораблей. За эти 20 лет НАТО обзавелась 200 аэродромами, 6300 миль нефте- и бензопроводов и другими сооружениями («U. S. News and World Report», 24.IV 1969, p. 72—73).

Так авторитетный вожак республиканской партии, непримиримый враг Советского Союза сенатор Тафт аттестовал НАТО, которую правительство США и их союзники выдавали за оборонительное, миролюбивое творение.

Президент США Трумэн и другие официальные лица Вашингтона пытались оправдать создание НАТО и связанную с ним гонку вооружений в Северной Америке и в Западной Европе событиями, происшедшими в Чехословакии в феврале 1948 г., и закрытием свободного доступа в Западный Берлин в июне того же года^{49—50}.

Объяснение, что НАТО была создана как ответное мероприятие на события, происшедшие в 1948 г., так же неверно, как неверно утверждение, что Северо-Атлантический пакт является оборонительным, миролюбивым союзом. Вашингтон активно готовил почву для НАТО в Америке и в Европе в 1946—1947 гг. В результате этой активной подготовки появилось выражение «холодная война».

Обсуждение правительством в сентябре 1946 г. вопроса о предоставлении военной и экономической «помощи» Турции и Греции положило начало, как мы видели, подготовке к объединению капиталистических стран Европы против Советского Союза. И «доктрина Трумэна», и «план Маршалла», опубликованные в 1947 г., действовали в том же духе. Дальнейшие шаги в этом направлении предпринимались в 1948 г. В марте был заключен Брюссельский пакт на 50 лет между Англией, Францией и странами Бенилюкса. Договаривающиеся стороны обязались оказывать друг другу военную помощь в случае нападения на территорию одной из них в Европе.

Правительство США не сочло возможным в разгар президентской кампании объявить себя официальным членом Брюссельского пакта. Но оно вдохновляло и благословляло его, обещало ему всяческую поддержку. В день подписания пакта, 17 марта 1948 г., Трумэн, выступая в конгрессе, заявил, что этот пакт «заслуживает, чтобы мы оказывали ему всевозможную помощь»⁵¹. С целью оказания военной помощи Брюссельскому пакту сенат США принял 11 июня 1948 г. соответствующую резолюцию Ванденберга. В то же время правительство США решило отправить своих представителей в Лондон для участия в обсуждении военных вопросов стран Брюссельского пакта.

6 июня 1948 г. начались секретные переговоры между представителями США и стран, образовавших Брюссельский пакт. Американскую делегацию возглавлял заместитель государственного секретаря США Р. Ловетт. Об этих переговорах Трумэн впоследствии писал: «Переговоры велись в строжайшей тайне. Применялась специальная система безопасности — фигурировало только самое минимальное число документов. Специальные курьеры переправляли все бумаги. Телефонные разговоры по вопросам, относящимся к конференции, были абсолютно исключены, а телеграфная связь была доведена до минимума. Только очень ограниченному числу лиц разрешался допуск к какому бы то ни было из относящихся к данным переговорам документов»⁵².

В этих секретных переговорах принимали участие также представители Канады. Канаду Вашингтон начал готовить одновременно с европейскими государствами к участию в осуществлении задуманного им общего антисоветского курса. Перед опубликованием «доктрины Трумэна», в фев-

^{49—50} Truman H. Memoirs, v. 2, p. 241—247.

⁵¹ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 242.

⁵² Truman H. Memoirs, v. 2, p. 247.

рале 1947 г., Соединенные Штаты Америки заключили военное соглашение с Канадой.

В 1949 г. был образован Европейский совет с привлечением более широкого круга стран, чем Брюссельский пакт. Через два месяца была создана НАТО.

НАТО, таким образом, готовили более двух лет. Эта подготовка началась за один-полтора года до тех событий 1948 г. в Чехословакии и в Западном Берлине, на которые правители США ссылались как на причины, побудившие Вашингтон организовать Северо-Атлантический военный пакт. И это признавали в самих Соединенных Штатах.

Так, известный американский журнал писал в июне 1949 г.: «Северо-Атлантический договор является, конечно, продолжением плана Маршалла»⁵³. «План Маршалла» был опубликован за восемь месяцев до событий в Чехословакии и за год до временного закрытия свободного доступа в Западный Берлин. Он был задуман, и к нему начали готовиться еще раньше, в 1946 г., вместе с новым внешнеполитическим курсом, взятым правительством Трумэна.

Подготовка НАТО затянулась независимо от президентской кампании 1948 г. Нарушение исторической традиции и особенности конституции США обуславливали длительность этой подготовки. Правительство США могло надеяться на одобрение Северо-Атлантического пакта сенатом лишь после того, как была найдена удобная для этого формулировка, на которую согласились другие участники НАТО. Эта формулировка сводилась к тому, что каждая из договаривающихся сторон обязуется (в соответствии со своей конституцией) оказывать всестороннюю помощь той из сторон, которая подвергнется нападению.

Ст. 11 Северо-Атлантического договора гласит: «Этот договор будет ратифицирован, и его условия будут выполняться его участниками в соответствии с конституционными особенностями». Такая формулировка, в отличие от оговорки в договоре, заключенном в сентябре 1947 г. в Рио-де-Жанейро, поставила в привилегированное положение только одну из договаривающихся сторон. Только США, ссылаясь на свою конституцию, получили свободу действий. Все остальные участники НАТО оказались в менее выгодных условиях. Создавая НАТО, США обеспечили себе в этом военном союзе не только руководящее, господствующее, но и особо привилегированное положение.

12 апреля 1949 г. Трумэн отправил договор о создании НАТО в сенат для ратификации. Лидер республиканцев Тафт голосовал против его ратификации. Он еще раньше предупреждал, что согласится с Северо-Атлантическим пактом лишь в том случае, если этот пакт будет составлен так, как договор в Рио-де-Жанейро. Компромиссная формулировка в ст. 11 договора о создании НАТО недостаточна, по мнению Тафта, освобождает США от автоматических обязательств по отношению к другим участникам этого военного союза.

Тафт в своем выступлении в сенате против ратификации Северо-Атлантического пакта отстаивал так называемую политику свободных рук. «Традиционная внешняя политика этой страны, — утверждал он, — не была изоляционистской, не означала, что мы должны оставаться у наших берегов. Она была политикой свободных рук. Соединенные Штаты действовали на большой арене, но не беря на себя обязательств и заранее не ангажируя себя. США должны продолжать сохранять свои

международные отношения в таком направлении, которое обеспечит нам свободу воевать тогда, когда мы решим, или совсем не воевать»⁵⁴.

В сенате решающее значение имела позиция председателя комиссии по иностранным делам Т. Коннели и бывшего председателя этой комиссии А. Ванденберга. Ванденберг и Коннели обеспечили подавляющее большинство голосов республиканцев и демократов в сенате в пользу НАТО. Оба они признавали, что США не могут заключить такой союзный договор, который обязал бы их автоматически вступить в войну. Но оба они вместе с тем утверждали, что ст. 11 Северо-Атлантического пакта освобождает США от подобных обязательств, что конституционные права конгресса объявлять войну по его усмотрению сохраняются при всех условиях.

Оба они, как и комиссия по иностранным делам сената, заверяли, что большие американские гарнизоны не будут постоянно дислоцированы в Западной Германии, что она не будет вооружена и что договор НАТО не обязывает США защищать Западную Европу в этом районе⁵⁵. Эти заверения нужны были для ратификации сенатом Северо-Атлантического договора. Уже в следующем году правительство США активно выступало за вооружение Западной Германии. В сентябре 1950 г. государственный секретарь Д. Ачесон призвал к ремилитаризации Западной Германии и к включению ее 12 дивизий в вооруженные силы НАТО⁵⁶.

Ванденберг и Коннели — символы консерватизма. Оба они боролись против прогрессивных мероприятий Франклина Рузвельта во внутренней политике. В лице Коннели, сенатора из Техаса, находили верную опору на Капитолии южные расисты. Он пробыл в конгрессе свыше 30 лет, из них более 20 лет — в сенате. Будучи впервые избранным в палату представителей весной 1917 г., он тут же стал членом ее комиссии по иностранным делам. Став сенатором, он с 1941 г. был председателем комиссии по иностранным делам сената, уступив это место только на два года (на время работы 80-го конгресса) Ванденбергу.

70-летний Коннели и 65-летний Ванденберг олицетворяли реакционную двухпартийную внешнюю политику. Оба они были посвящены в тайны государственного и партийного механизма США. Оба они превосходно знали, как провалить и как провести любой билль в конгрессе, и оба они пользовались исключительным влиянием в сенате. Особенно непререкаемым их авторитет считался тогда, когда в верхней палате высшего законодательного органа США обсуждались вопросы внешней политики. Когда эти лидеры обеих партий непоколебимо выступили в защиту Северо-Атлантического договора, подчеркивая, что его ст. 11 подтверждает сохранение прерогативы конгресса на объявление войны, то ратификация этого договора сенатом уже не вызвала сомнений.

21 июля 1949 г. сенат большинством голосов (82 против 13) одобрил Северо-Атлантический договор. Из 13 сенаторов, голосовавших против, 11 были республиканцами, оставшимися верными своему старому лидеру Тафту.

Через четыре дня (25 июля) президент Трумэн подписал ратифицированный сенатом договор. США сразу вступили в военный союз с 10 европейскими государствами. До 1949 г. за всю свою историю Соединенные Штаты только один раз заключили военный союз с одним европейским государством — с Францией. Это было в 1778 г., в разгар борьбы

⁵⁴ «New York Herald Tribune», 16.III 1951.

⁵⁵ «Progressive», September 1961, p. 9.

⁵⁶ Steel R. Pax Americana, p. 53.

⁵³ «Current History», June 1949, p. 325.

бы 13 английских колоний в Америке за независимость, за 10 лет до вступления в силу федеральной конституции Соединенных Штатов.

Даже после того, как сенат подавляющим большинством ратифицировал Северо-Атлантический пакт, борьба вокруг вопросов о роли и участии США в этом пакте продолжалась дальше и в конгрессе, и за его пределами. Существенные разногласия обнаружились, когда речь зашла о финансировании НАТО, о вооружении Соединенными Штатами Западной Европы.

17 сентября 1949 г. был создан Совет НАТО. В него вошли министры иностранных дел государств — членов Северо-Атлантического пакта. Через год этот совет принял решение формировать общие вооруженные силы НАТО. 18 декабря 1950 г. генерал Эйзенхауэр был назначен командующим этими вооруженными силами. Совет НАТО образовал также его высший военный орган, состоящий из начальников штабов вооруженных сил всех стран, входящих в Северо-Атлантический пакт, за исключением не имеющей вооруженных сил Исландии, которую в этом созданном военном органе представляет гражданское лицо. Начальники штабов стран НАТО должны собираться не менее 2 раз в год. В промежутки между этими собраниями всю оперативную работу проводят постоянные представители начальников штабов. Вооруженные силы НАТО имеют три командования: европейское — со штабом в Париже (впоследствии в Брюсселе), атлантическое — со штабом в Норфолке (штат Вирджиния) и на Ла-Манше — со штабом в Англии (в г. Портсмуте). Вся военная организация НАТО ответственна перед его советом, состоящим из министров иностранных дел стран-участниц.

Вскоре после создания совета НАТО, 6 октября 1949 г., конгресс США принял акт о так называемой взаимной помощи, предусматривавший ассигнование 1314 млн. долл. на оказание военной помощи членам НАТО. Но этого оказалось далеко не достаточно. Эйзенхауэр доказывал, что американские союзники в Европе сами вооружиться не смогут и что поэтому их должны вооружить Соединенные Штаты⁵⁷.

В 1950 г. Трумэн предложил конгрессу ассигновать 3,5 млрд. долл. на оказание военной помощи членам НАТО. Европейские союзники начали смотреть на эту помощь как на новый ленд-лиз. В США растущие расходы на содержание европейских союзников вызывали недовольство.

Правда, конгресс, ассигнуя миллиарды долларов на военную помощь членам НАТО, требовал тут же определенных компенсаций. Северо-Атлантический пакт формально был создан как военный союз равноправных членов. Акт конгресса от 6 октября 1949 г. обусловил получение союзниками американской военной помощи особыми, односторонними правами для США. От американского правительства зависят не только размеры и характер помощи каждой стране, но оно может по своему усмотрению в любое время прекратить предоставление этой помощи. В акте конгресса от 6 октября США выступают не только как руководящая, доминирующая сила Северо-Атлантического союза, но и как единственный и окончательный арбитр в вопросах вооружения этого военного союза.

Тем не менее растущие расходы на НАТО вызывали резкую критику в США. Бернард Барух утверждал, что «американскими долларами нельзя укреплять западный союз» и что «друзей нельзя покупать»⁵⁸. Сена-

тор Тафт выступал против вооружения Западной Европы за счет американских налогоплательщиков. Он утверждал, что сенат США, ратифицировав в июле 1949 г. Северо-Атлантический договор, был введен в заблуждение. «В июле 1949 г., — напомнил Тафт, — в стенах сената даже доказывали, что Атлантический пакт не обязывает нас поставлять оружие и оборудование партнерам по пакту»⁵⁹.

Ванденберг уверял во время обсуждения в сенате договора о НАТО, что вся помощь со стороны США своим союзникам по этому договору составит 1130 млн. долл. в год. Между тем в первый год существования НАТО конгресс ассигновал 1300 млн. долл., на второй год Трумэн запросил 3500 млн., а в 1951 г. речь уже шла об ассигновании для этой цели 6250 млн. долл. на ближайшие 12 месяцев и 25 млрд. долл. на последующие три года⁶⁰.

Ачесон, аргументируя в пользу ратификации договора перед комиссией по иностранным делам, уверял, что помощь США составит не более одной седьмой — одной шестой от военных расходов европейских союзников⁶¹. Потом оказалось, что европейские союзники смотрели на американскую военную «помощь», как на основной источник их расходов на вооружение, а командующий вооруженными силами НАТО генерал Эйзенхауэр, как мы видели, подобные взгляды одобрял.

Критика, развернутая сенатором Тафтом, встречала поддержку и в конгрессе, и в печати. Она вызвала общеамериканскую дискуссию в конце 1950 г. в связи с нагнетавшейся речью, произнесенной 20 декабря того же года бывшим президентом Гувером. Гувер в выступлении по радио, обрисовав картину провала внешней политики правительства, пришел к заключению, что США должны оставить европейско-азиатский континент и защищать линии, проходящие к западу от континентальной Европы — в Англии и к востоку от Азиатского континента — через Японию, Формозу и Филиппины⁶²; что США не должны больше посылать ни одного человека и ни одного доллара в Европу, пока европейские государства не увеличат своих вооруженных сил и не докажут, что они сами могут постоять за себя. Ачесон советовал концентрировать внимание США на усилении военно-морских и воздушных сил и на защите Западного полушария.

Трудно сказать, какими побуждениями руководствовался бывший президент США, выдвигая свою внешнеполитическую и военную программу. Возможно, что он рассчитывал запугать европейских союзников желанием переложить на них самих основное бремя своих вооружений. Но его речь, транслировавшаяся по всем штатам, вызвала нескрываемое раздражение в Белом доме и государственном департаменте.

Трумэн заявил, что «бывший президент Герберт Гувер рекомендует для Соединенных Штатов ни более и ни менее, как изоляционизм»⁶³. В то же время в сенате речь Гувера подкрепила позиция Тафта. Даже Даллес, состоявший консультантом при государственном департаменте, выступая против изоляционизма, заявил вместе с тем, что он во многом

⁵⁹ Taft R. A Foreign Policy for Americans, p. 96.

⁶⁰ Ibid., p. 97.

Фактически американская военная помощь иностранным государствам в первые десять лет существования НАТО, в 1949—1959 гг., составляла сумму в 22 713 млн. долл., а сумма всей помощи другим государствам за это время равнялась 62 386 млн. долл. («Congressional Record», 31.VIII 1967, p. H11555).

⁶¹ Taft R. A Foreign Policy for Americans, p. 97.

⁶² «New York Times», 21.XII 1950.

⁶³ Ibid., p. 29.XII 1950.

⁵⁷ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 258.

⁵⁸ Baruch B. Public Years, p. 370—371.

согласен с Гувером. Одна из крупнейших американских газет — «Чикаго трибюн» озаглавила редакционную статью, посвященную выступлению Гувера по радио, так: «Мистер Гувер говорит от имени народа». Эта статья заключила: «Так как мы не намерены сражаться на Европейском материке, конгресс должен приказать Эйзенхауэру вернуться домой»⁶⁴.

Шум, поднятый Гувером, приобретал более значительный политический смысл, если учесть роль вооружения ФРГ во всей этой дискуссии. Вполне возможно, что Гувер угрожал отказом в военной помощи своим европейским союзникам до тех пор, пока НАТО сама не станет (в частности, такие ее участницы, как Франция и Англия) достаточно сильной, для того, чтобы согласиться на вооружение Западной Германии, ибо без ее ремилитаризации (как были убеждены в военных кругах США) Западная Европа не может представлять собой ту силу, о которой говорил Гувер в своей речи 20 декабря 1950 г. Не случайно, надо полагать, Гувер упрекал представителей Западной Европы в том, что они не включают в свой союз Испанию и Западную Германию. Еще в 1947 г. он выступал за снятие ограничений в развитии тяжелой промышленности Западной Германии — основы ее военной мощи⁶⁵.

НАТО с самого начала было задумано в Вашингтоне с участием ФРГ и с ее ремилитаризацией. Поэтому правительство США так заботливо распространяло «план Маршалла» на Западную Германию.

Не прошло и шести месяцев после вступления в силу «плана Маршалла», перед президентскими выборами 1948 г., когда в официальных кругах США еще избегали публично обсуждать готовившийся военный союз между США и рядом европейских государств, еще за год до образования Федеративной Республики Германии, а газета «Нью-Йорк таймс» уже начала подготавливать общественное мнение США к мысли о ремилитаризации ФРГ. Военный обозреватель этой газеты Х. Болдуин писал: «Нравится это нам или нет, но рано или поздно нам придется примириться с использованием людских сил ФРГ для защиты Запада и помощи в восстановлении равновесия сил в Европе»⁶⁶.

После образования НАТО и ФРГ эта газета помещала сообщения о ремилитаризации ФРГ уже не в порядке теоретических рассуждений и прогнозов военных обозревателей. Весной 1950 г., например, вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Рестон сообщил: «Правительство США обсуждает сейчас ряд предложений о повышении авторитета западногерманской Федеративной Республики и о введении ее в тесный союз с Северо-Атлантическим сообществом»⁶⁷.

В конце 1949 и начале 1950 г. правительство США активно обсуждало со своими союзниками вопрос об организации вооруженных сил НАТО. Впоследствии Трумэн об этом периоде писал: «Основной проблемой в этих дискуссиях вскоре оказался вопрос об участии Западной Германии в защите Европы... Без этого защита Европы представляет арьергардные действия у берегов Атлантического океана. С Западной Германией там может быть создана глубинная оборона, достаточно мощная, чтобы оказывать эффективное сопротивление наступлению с Востока»⁶⁸.

В сентябре 1950 г. Ачесон в личном донесении Трумэну из Нью-Йорка о происходившей там сессии совета НАТО, где он настаивал на

вооружении Западной Германии, писал: «Я продолжал доказывать, что это предусматривает защиту Европы так далеко на востоке, как это только возможно, и что такая защита немислима без прямого и разумного решения вопроса о германском участии»⁶⁹. А в донесении из Брюсселя в декабре того же года, где тогда заседал совет НАТО, Ачесон сообщал: «Мы сняли препятствия, стоявшие на пути к участию Западной Германии»⁷⁰.

В мае 1952 г. США, Англия и Франция подписали соглашение о Западной Германии — о включении ее через проектировавшееся Европейское оборонительное сообщество в НАТО. Ратификация этого соглашения соответствующими парламентами затянулась вопреки усилиям и нажиму Вашингтона на три года. ФРГ стала официально полноправным членом НАТО в мае 1955 г. В Вашингтоне начали смотреть на западногерманскую армию, на бундесвер, как на основу агрессивной политики США в Европе.

Создание Северо-Атлантического пакта и его вооруженных сил, сопровождаемое ремилитаризацией Западной Германии, чрезвычайно усилило международную напряженность. В то время как правительство США вопреки существовавшим соглашениям между великими державами — победителями во второй мировой войне принимало все меры к ремилитаризации Западной Германии, правительство Советского Союза прилагало все усилия к тому, чтобы разрешить германский вопрос на основе, предохраняющей от превращения ФРГ в опасное для всеобщего мира милитаризованное государство.

В октябре 1950 г. на совещании министров иностранных дел Советского Союза и стран народной демократии в Праге была разработана и предложена программа решения германского вопроса. 3-й пункт этой программы гласил: «Безотлагательное заключение мирного договора с Германией с восстановлением единства германского государства в соответствии с Потсдамским соглашением, с тем чтобы оккупационные войска всех держав были выведены из Германии в годичный срок после заключения мирного договора»⁷¹. Подобное предложение, естественно, не гармонировало с американскими планами вооружения Западной Германии. Оно было оставлено без последствий.

10 марта 1952 г. Советское правительство в нотам, посланных США, Англии и Франции, предложило восстановление единой Германии и образование общегерманского правительства, выражающего волю германского народа. Восстановленная единая Германия должна была быть совершенно независимой, не вступающей в какие-либо коалиции или военные союзы. Общегерманское правительство должно было гарантировать полностью гражданские свободы на всей территории государства отдельным лицам и организациям, не допуская в то же время существования организаций, враждебных демократии и делу сохранения мира⁷².

Правительство США отклонило это предложение, как «не содержащее ничего нового».

Уолтер Липшман, комментируя этот ответ, писал, что государственный департамент будет препятствовать организации общих выборов в Германии до окончательного вовлечения ФРГ в НАТО⁷³.

⁶⁴ «Chicago Tribune», 22.XII 1950.

⁶⁵ «Congressional Record», 27.VI 1947, p. A3382.

⁶⁶ «New York Times», 29.IX 1948.

⁶⁷ Ibid., 26.IV 1950.

⁶⁸ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 253.

⁶⁹ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 254.

⁷⁰ United States and Germany, Department of State Publication 5827, p. 31.

⁷¹ «Новое время», 1950, № 43. Приложение, с. 6.

⁷² «Известия», 1952, 11 марта.

⁷³ «New York Herald Tribune», 27.III 1952.

Таким образом, усилия Советского Союза, направленные на решение германской проблемы и на ослабление международной напряженности, не находили отклика в Вашингтоне.

* * *

Трумэн в речи, произнесенной в день начала второго срока его президентства, в которой он официально сообщил о создании Северо-Атлантического пакта, выдвинул программу из четырех пунктов так называемой американской помощи другим государствам. 4-й пункт предусматривал сильное увеличение роли американского капитала в экономике развивающихся стран. В дальнейшем проекты этой помощи, законодательство и дебаты о ней часто обозначались словами: «4-й пункт».

«План Маршалла» ставил своей задачей подкрепление пошатнувшихся позиций капитализма в Западной Европе. «4-й пункт» программы Трумэна, провозглашенной в период развала колониальной системы империализма, в дни исторических побед китайской народной армии, роста и укрепления всего лагеря социализма, ставил своей целью содействие развитию бывших колониальных и зависимых стран по капиталистическому пути, по пути, обеспечивающему экспансию и господство доллара в этих странах.

Трумэн подчеркивал, что «4-й пункт» его программы выражает практические меры против роста влияния коммунизма⁷⁴, и подтверждал, что идея «4-го пункта» появилась на два-три года раньше, чем она была опубликована. Она зародилась вместе с возникновением «плана Маршалла»⁷⁵.

Оба эти мероприятия носили сугубо политический характер. И «план Маршалла», и «4-й пункт» были задуманы как оружие в «холодной войне». Но, подобно тому как Маршалл пытался 5 июня 1947 г. в Гарвардском университете преподнести свой план в качестве чисто экономического и филантропического мероприятия, так и его преемник в государственном департаменте Ачесон 30 марта 1950 г. перед комиссией по иностранным делам сената пытался изобразить «4-й пункт» в качестве плана решения экономических и технических задач⁷⁶.

Однако печать крупных монополий более откровенно разъясняла сущность вопроса. Так, орган финансового капитала США в редакционной статье, посвященной «4-му пункту», оплакивая потерю для капитализма Китая, с тревогой писал: «Китай, очевидно, считается «потерянным» по крайней мере на обозримое время. Операции по «4-му пункту» готовятся сейчас как средства спасения того, что осталось на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, или того, что еще может быть спасено. Если рассматривать его таким образом, становится совершенно ясно, что этот вопрос является политическим, а не экономическим»⁷⁷.

Выдвигая программу участия американского капитала в развитии экономики освободившихся стран, правительство США намеревалось также бороться с ростом антиамериканских настроений в этих странах. Когда президент Трумэн выступил со своим «4-ым пунктом», реакционный ваппингтонский журнал, отмечая растущее недоверие к политике США на всем азиатском востоке, признал: «Мыслящие люди в Азии запуганы по-

литикой США, направленной на восстановление сил Японии. Их возмущает роль Америки в Китае, и они относятся подозрительно к намерениям США в Индонезии, Индокитае и на других территориях, где туземные лидеры борются за независимость»⁷⁸.

В специальном послании конгрессу США от 24 июня 1949 г. об участии капитала США в экономике развивающихся стран Трумэн, указывая на то, что эти страны имеют важнейшее значение для внешней политики Вашингтона в «холодной войне», предложил всячески поощрять экспорт частного капитала в экономически отсталые страны, вплоть до взятия на себя государством риска за эти операции. «Я рекомендую поэтому,— заявил Трумэн,— поручить экспортно-импортному банку гарантировать частный капитал США, инвестированный в предприятия за границей, которые содействуют экономическому развитию в отсталых районах, от риска, свойственного подобным инвестициям»⁷⁹.

Трумэн, таким образом, сулил капиталу США, инвестируемому в отсталые страны, прибыль без риска, вместе с тем он обусловил участие этих американских капиталовложений — не только государственных, но и частных — вмешательством США в жизнь этих стран и народов.

Как впоследствии писал Трумэн, он исходил из того, что содействие развитию слаборазвитых стран будет играть первенствующую роль в сохранении и укреплении капитализма в США: «Здравый смысл подсказывал мне, что развитие этих стран будет поддерживать работу наших промышленных предприятий в течение многих поколений. Ресурсы таких пространств, как Месопотамия, Иран, Индия, Северная Африка и обширные районы Южной Америки, почти не тронуты». «Подсчитано,— писал он далее,— что повышение жизненного уровня в Азии и Африке только на 2% увеличит спрос на товары и услуги настолько, что промышленные предприятия США, Англии и Франции будут полностью обеспечены заказами в течение столетия»⁸⁰.

Неизвестно, на чем основаны весьма сомнительные подсчеты, приведенные Трумэном. Для подобных подсчетов необходимо помимо всего прочего, чтобы в течение 100 лет промышленные предприятия США, Англии и Франции и производительность труда на них оставались неизменными, что само по себе абсурдно, как это показывает действительность капиталистического развития (в частности, в США).

В конгрессе США фантастические оценки Трумэна не произвели должного впечатления. Обсуждение сенатом и палатой представителей «4-го пункта» затянулось на более длительный срок, чем понадобилось для принятия «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла». Конгресс принял соответствующий акт лишь в июне 1950 г. и то в урезанном виде.

Значительные протесты в конгрессе вызвал вопрос о государственной гарантии потерь частных инвестиций в развивающихся странах. Соплились на компромиссном решении: создать условия, которые дадут уверенность капиталистам, что их инвестиции в экономически отсталых странах будут полностью обеспечены. В принятом билле говорится, что с помощью соглашений с соответствующими государствами и другими путями должна быть создана у экспортеров капитала уверенность, «что они не будут лишены собственности без немедленной адекватной и эффективной компенсации; что им будут созданы приемлемые условия для перевода прибылей и для изымания капиталов; что они будут иметь должную свободу

⁷⁴ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 232.

⁷⁵ Ibid., p. 231.

⁷⁶ «New York Times», 31.III 1950.

⁷⁷ «Commercial and Financial Chronicle», 22.XII 1949, p. 83.

⁷⁸ «U. S. News and World Report», 28.I 1949, p. 24.

⁷⁹ «New York Herald Tribune», 25.VI 1949.

⁸⁰ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 232—233, 238.

производить операции и управлять своими предприятиями; что им будет обеспечена защита личности и собственности, включая промышленные и культурные ценности, а также защита против дискриминации в налогах и в ведении своих дел»⁸¹.

Таким образом, билль конгресса, одобрявший «4-й пункт», под предлогом создания уверенности у частного капитала и поощрения его инвестиций в развивающихся странах, предусмотрел такое вмешательство США в жизнь этих стран, какое обычно имело место в колониях.

8 сентября 1950 г. Трумэн уполномочил государственного секретаря США проводить «4-й пункт» в жизнь. С тех пор активность США в развивающихся странах нарастала. К концу президентства Трумэна, к началу 1953 г., около 2500 американских специалистов проводило различные строительные и другие программы в 35 странах⁸².

За 10 лет после опубликования «4-го пункта» только прямые частные инвестиции США за границей, вложенные в заводы, рудники, плантации и другие предприятия, увеличивались в среднем на 2 млрд. долл. в год. Эти инвестиции составили 11 788 млн. долл. в 1950 г. и 31 865 млн. в 1960 г. Через пять лет они дошли до 50 млрд. долл. Всего частные инвестиции США за границей выросли с 19 млрд. в 1950 г. до 81 млрд. долл. в 1965 г. Первое место в этих инвестициях принадлежало нефтяной промышленности Латинской Америки и Ближнего Востока. В 1950 г. американские инвестиции в добычу и переработку нефти за границей составили 3390 млн. долл., через десять лет эта сумма более чем утроилась. Не считая Канады, капитал США вкладывался главным образом в добывающую промышленность развивающихся стран⁸³.

Однако в дальнейшем все большее значение американский капитал стал придавать инвестициям в обрабатывающую промышленность Западной Европы.

Нефть занимала первое место в прибылях на американские заграничные капиталы. Удельный вес нефти в этих прибылях увеличивался и дошел в 1957 г. до половины всех доходов на прямые инвестиции США за границей. В 1950 г. прибыли на заграничные инвестиции США в нефтяную и в обрабатывающую промышленность составляли примерно одинаковую сумму. Через семь лет нефть принесла в 2 раза больше прибыли, несмотря на значительный рост капиталовложений США в заводы и фабрики других стран⁸⁴.

Особенно быстро и значительно росли барыши нефтяных монополий США на Ближнем Востоке. В 1951 г. начал функционировать построенный американцами нефтепровод длиной 1068 миль, начинающийся к северу от Даммана в Саудовской Аравии и проходящий через Иорданию и Сирию к порту Сидон на берегу Средиземного моря в Ливане.

Мы уже видели, как после принятия «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла» усиливалась деятельность нефтяных монополий США на Ближнем Востоке и как (по мере увеличения значения Ближнего Востока для нефтяных монополий США) возрастала политическая активность Вашингтона в этой части света.

После организации НАТО печать монополий США стала доказывать, что ближневосточная нефть является жизненно важным кровеносным со-

судом в экономике их европейских союзников, так как последние-де получают на Ближнем Востоке три четверти потребляемой ими нефти. И поскольку США после второй мировой войны из экспортера нефти превратились в ее импортера, Ближний Восток как источник снабжения нефтью Западной Европы не может быть заменен Соединенными Штатами. А потому, утверждала эта печать, все построение НАТО, сила и надежность союзников США в Европе зависят от того, насколько уверенно американские, а также английские монополии смогут вкладывать свои капиталы и бесперебойно эксплуатировать нефтеносные земли Ближнего Востока. Отсюда эта печать заключила, что государственный департамент и Пентагон должны уделять больше внимания Ближнему Востоку и крепче держать его в орбите политики и стратегии Вашингтона⁸⁵.

Подобные рассуждения и заключения имели в дальнейшем свои последствия в создании Багдадского военного пакта, в так называемой «доктрине Эйзенхауэра», в высадке американских войск в Ливане и в других агрессивных действиях.

Вслед за созданием НАТО увеличивалась политическая и военная активность США на Ближнем Востоке, у границ СССР. Международная напряженность усиливалась. «Холодная война» распространялась на новые районы.

Через 17 лет после опубликования программы Трумэна о «помощи» другим государствам конгрессом США были опубликованы цифры, свидетельствующие о печальных итогах проведения «4-го пункта» этой программы. В начале 50-х годов рост национального продукта в развивающихся странах равнялся 2,5% в год; к середине 60-х годов этот процент снизился до одного. Около двух третей населения земного шара не имело достаточно продовольствия. В Латинской Америке, Африке и на Дальнем Востоке темп роста производства продовольствия составлял лишь две трети по сравнению с темпом роста населения. В Латинской Америке в первой половине 60-х годов население росло почти в 2 раза быстрее, чем производство пищевых продуктов⁸⁶.

Вскоре после образования НАТО, в 1949 г., произошли два исторических события: победа народной революции в Китае и сообщение правительства США, Англии и Канады, подтвержденное Советским правительством, что СССР владеет секретом производства атомного оружия. Эти события, усилив ярость и враждебность правящих кругов американского капитализма по отношению к содружеству социалистических государств, вместе с тем выявили большие внешнеполитические разногласия в этих правящих кругах.

Потеря Соединенными Штатами монополии на атомное оружие, пропущенная пангоном или по крайней мере на несколько лет раньше, чем ожидали и предсказывали в Вашингтоне, вызвала досаду, замешательство и тревогу в реакционных кругах США⁸⁷. В начале 1950 г. появились сообщения о том, что комиссия конгресса изучает вопросы рассредоточения промышленности и государственных учреждений США, подготовки

⁸⁵ «Commercial and Financial Chronicle», 21.XII 1950, p. 5, 32.

⁸⁶ «Congressional Record», 12.I 1966, p. 106; 4.III 1964, p. 4207.

⁸⁷ Наиболее осторожные американские ученые предсказывали, что Советский Союз овладеет производством атомного оружия в начале 50-х годов. Иного мнения придерживались военные авторитеты. Они утверждали, что СССР сумеет производить атомное оружие не раньше первой или даже второй половины 60-х годов. Руководитель работ по созданию первой атомной бомбы в США генерал Л. Гровс, например, уверял в 1947 г., что Советскому Союзу потребуется 15—20 лет на овладение производством атомного оружия («New York Times», 31.X 1947).

⁸¹ «New York Herald Tribune», 30.V 1959.

⁸² Truman H. Memoirs, v. 2, p. 327.

⁸³ «Statistical Abstract of the U.S.», 1970, p. 765; «Survey of Current Business», September 1960, p. 20, 22.

⁸⁴ «Economic Notes», December 1958, p. 10.

резервной столицы и подземных помещений для государственных учреждений⁸⁸. 30 августа 1950 г. Трумэн предложил конгрессу ассигновать 140 млн. долл. для начала строительства новых ведомственных зданий на расстоянии до 50 миль от Вашингтона, рассчитанных на 35—40 тыс. федеральных служащих. Эти ассигнования рассматривались как первый шаг к рассредоточению федеральных учреждений⁸⁹.

Поражение США в Китае вызвало раздоры в конгрессе и резкие нападки на Трумэна и его нового государственного секретаря — Ачесона. Несмотря на все разговоры о двухпартийной внешней политике, поражение в Китае, совпавшее с образованием НАТО, вызвало в конгрессе и в рядах обеих партий борьбу, свидетельствующую о двух направлениях, о различных взглядах на внешнюю политику в правящих кругах США. В начале 1949 г. больше половины всех сенаторов США высказалось за оказание марионеточному правительству Чан Кай-ши новой помощи в сумме 1,5 млрд. долл. Государственный департамент, считая положение Чан Кай-ши абсолютно безнадежным, категорически возражал против дальнейшей отправки американских грузов в Китай, так как они доставляются Народной армией.

Вскоре, после того как Чан Кай-ши с остатками своих разбитых войск сбежал на Тайвань, группа сенаторов во главе с Р. Тафтом, У. Ноулендом, С. Бриджесом и П. Маккарэном обвинила правительство в том, что оно вело нерешительную политику в Китае и во всей Азии.

Другая группа, которую возглавляли Тафт и его единомышленники, беспощадно критиковали НАТО и выступавшие за уход США из континентальной Европы, требовали оказания всевозможной экономической и военной помощи Чан Кай-ши. И даже Ванденберг, сыгравший большую и, пожалуй, решающую роль в одобрении сенатом «плана Маршалла» и Северо-Атлантического пакта, поддерживавший двухпартийную внешнюю политику США по отношению к Европе, заявлял, что такой политики не существует по отношению к Азии⁹⁰.

Бывший президент Гувер, который вскоре выступил за то, чтобы Соединенные Штаты оставили европейско-азиатский континент, раздосадованный поражением США в Китае, где он в конце прошлого века создал себе солидное состояние, обвинял в позорном провале Чан Кай-ши правительство Трумэна и доказывал, что США всячески должны бороться за реставрацию капиталистических порядков в Китае.

И в конце 1949 и в начале 1950 г. в правительственных кругах и в кругах конгресса США раздавались трезвые голоса. Даже Даллес в качестве республиканского советника правительства демократической партии, реально оценивая создавшееся положение и перспективы, признал, что Китайскую Народную Республику придется принять в ООН, а через некоторое время США должны будут признать правительство этой республики⁹¹.

Под влиянием высказываний подобных авторитетов Трумэн и Ачесон сообщили, что правительство США не намерено снабжать вооружением и оказывать Чан Кай-ши какую-либо иную помощь для того, чтобы он удержал Формозу⁹².

5 января 1950 г. было опубликовано заявление президента США, главившее: «США в настоящее время не имеют никакого желания получать

специальные права и привилегии или строить военные базы на Формозе. Они также не имеют никакого намерения использовать свои вооруженные силы для вмешательства в существующее положение. Правительство США не будет придерживаться курса, ведущего к вовлечению Китая в гражданский конфликт. Равным образом, оно не будет оказывать военной помощи или давать консультации китайским вооруженным силам на Формозе»⁹³.

Это заявление Белого дома расценивалось как подготовка к признанию Китайской Народной Республики Соединенными Штатами. В тот же день, 5 января 1950 г., в сенате США развернулись горячие дебаты по этому вопросу. Кампанию против признания Китая возглавляли сенатор из Калифорнии Ноуленд и бывший президент Гувер.

5 января 1950 г. в сенате Ноуленд заявил: «Признание коммунистического Китая будет означать премию за восстание и революцию»⁹⁴. Он предложил сенату принять программу дальневосточной политики США из восьми пунктов, которую он опубликовал месяцем раньше в Токио. Программа Ноуленда предусматривала: опубликование официального заявления о том, что правительство США не намерено признавать Китайскую Народную Республику; назначение генерала Д. Макаргура верховным комиссаром США на Дальнем Востоке; увеличение помощи Чан Кай-ши; усиление вооруженных сил США на Дальнем Востоке; блокаду китайских берегов, если немедленно не будут освобождены задержанные в Китае за враждебную деятельность американцы, а также другие требования в таком же ультимативном духе⁹⁵.

В то же время Гувер, который в бытность свою в Белом доме упорно отказывался от установления дипломатических отношений с Советским Союзом, сейчас выступал против признания Китайской Народной Республики и за оказание морским флотом США помощи Чан Кай-ши. В письме Ноуленду, опубликованном в печати, Гувер доказывал, что нельзя признать Китайскую Народную Республику, так как нельзя допустить, чтобы она получила постоянное место в Совете Безопасности ООН и участвовала в заключении мирного договора с Японией. Сохранение Тайваня в руках Чан Кай-ши, утверждал он, будет служить барьером против коммунизма на Тихом океане, а также символом сопротивления существующему в Китае строю и надежды на его изменение⁹⁶.

В этой обстановке развернул бешеную деятельность сенатор от штата Висконсин Джозеф Маккарти, и вскоре английский язык на континенте Америки «обогатился» новым одиозным словом — «маккартизм».

Выросший на ферме в районе поселения ирландских иммигрантов на севере штата Висконсин, Маккарти с ранних лет отличался грубостью, наглостью и нечистоплотностью. Окончив университет в Милуоки, он работал в местных судебных органах, которые он, не пренебрегая никакими средствами, старался использовать в корыстных целях, в целях создания политической карьеры. Верховный суд штата Висконсин вынес ему выговор за циничное искажение показаний и за фальсификацию протоколов заседаний суда. Он дважды обвинялся в уклонении от уплаты подоходного налога⁹⁷.

В 1942 г. Маккарти поступил на военную службу. До конца войны он провел основное время в канцелярии одной из авиационных частей,

⁸⁸ «New York Herald Tribune», 18.II 1950; 20.II 1950.

⁸⁹ «New York Times», 31.VIII 1950.

⁹⁰ «New York Herald Tribune», 1.I 1950.

⁹¹ Dulles J. War or Peace. N. Y., 1957, p. 190—191.

⁹² «New York Herald Tribune», 6.I 1960.

⁹³ «Current History», February 1950, p. 102.

⁹⁴ «New York Herald Tribune», 6. I 1950.

⁹⁵ «Congressional Record», 5.I 1950, p. 82.

⁹⁶ «New York Herald Tribune», 3.I 1950.

⁹⁷ «New Republic», 20.III 1950, p. 6.

действовавших против Японии. Вернувшись в Америку как участник военных действий на Тихом океане, он получил возможность выдвинуть свою кандидатуру на выборах 1946 г. и пробраться в сенат США.

В первые три года Маккарти никак не мог проявить себя в сенате. Он защищал интересы компании, производящей пепси-колу, так усердно, что сенаторы назвали его «детисцем пепси-колы». Но после поражения США в Китае, когда в конгрессе США разгорелись бурные дебаты по поводу политики США на Дальнем Востоке, Маккарти, поощряемый и подстрекаемый его друзьями по военной службе, решил, что его час пробил. Он выступил как защитник чести мундира, как хранитель лавров тихоокеанской войны, как разоблачитель «преступников», подготовивших в Вашингтоне неудачи США в Китае.

Займствуя некоторые приемы убитого 15 лет назад фашистского демагога сенатора Х. Лонга из Луизианы, Маккарти выбрал своим оружием сенсацию. Как Лонг обвинял в коррупции Дж. Фарли — министра почт в правительстве Рузвельта, так Маккарти обвинял государственного секретаря Ачесона в нелояльности, а государственный департамент — в измене.

В публичных речах, напугавших во всех штатах, Маккарти утверждал, что государственный департамент «наводнен коммунистами», что Ачесон — «самый опасный человек в США». В одной из своих речей он заявил: «Я держу сейчас в руках список 205 лиц, известных государственному секретарю как члены коммунистической партии, которые тем не менее продолжают работать и формировать политику в государственном департаменте»⁹⁸. Отсюда Маккарти и его заступники в конгрессе и в печати заключили, что Чан Кай-ши и весь гоминдановский режим были разбиты не Народной армией Китая, а «тройским конем в Вашингтоне — засильем коммунистов» в государственном департаменте.

Обвинения, выдвинутые в свое время Хьюи Лонгом против правительства Рузвельта, поддерживали такие авторитетные сенаторы, как Ванденберг и Остин. Но тогда сенат решил, что нет оснований для расследования. Теперь же обвинения, выдвинутые против правительства Трумэна Джозефом Маккарти, поддерживали сенаторы Тафт и Бриджес, а также председатель национального комитета республиканской партии Габриэлсон. На этот раз сенат нашел достаточно «оснований» для расследования.

Расследование «тяжелых обвинений», выдвинутых Маккарти, сенат поручил подкомиссии своей комиссии по иностранным делам. Подкомиссию возглавил сенатор М. Тайдингс из штата Мэриленд. Тайдингс пришел к заключению, что обвинения Маккарти против государственного департамента представляют преднамеренную ложь и клевету.

Маккарти не растерялся, он обрушился на Тайдингса, выступал против него на выборах в штате Мэриленд. «Дьявола антиамериканской деятельности» Маккарти нашел даже в радиопередачах «Голоса Америки». Он требовал изъятия «подозрительной литературы» из библиотек.

За спиной Маккарти кроме ряда сенаторов и конгрессменов стояла группа капиталистов, названных в Вашингтоне «китайскими лобби». Эта группа всеми мерами поддерживала в конгрессе и в печати козни Чан Кай-ши и всячески мешала нормализации американо-китайских отношений. Одним из главных ее деятелей был нью-йоркский миллионер Альфред Кольберг, крупный импортер китайских текстильных изделий в Америку. В 1948 г. Кольберг финансировал кампанию Бриджеса на выборах в сенат. Позднее, когда акции Маккарти в сенате начали падать, ему

на помощь пришел Бриджес. Бывший президент Трумэн утверждал, что Чан Кай-ши щедро финансировал его американских друзей — «китайских лобби», используя для этого средства, полученные им в виде помощи от США⁹⁹.

Кольберг являлся крестным отцом чанкайшистской организации в США, названной Ассоциацией американо-китайской политики. Он оказывал ей финансовую поддержку. Президентом этой ассоциации стал Лэб — издатель газеты в Нью-Гемпшире, который в сенате представлял Бриджес.

Из других главных фигур, вдохновлявших и снабжавших материалами Маккарти, следует отметить соратников радио-патера Кофлина: бывшего защитника гитлеровской Германии в Америке У. Гудвина и финансового советника Кофлина — Р. Гарриса.

Маккарти постепенно переключал свою активность на внутривнутриполитические вопросы. На личном составе и на деятельности государственного департамента его «разоблачения» отразились меньше, чем действия комиссий по проверке лояльности и по расследованию антиамериканской деятельности. Но его демагогические, истерические выступления оказывали определенный внешнеполитический эффект. Они пригодились сторонникам Чан Кай-ши и противникам признания Соединенными Штатами Китайской Народной Республики. Те члены правительства и конгресса США, которые высказывались за более трезвую, гибкую политику по отношению к новому Китаю, отступили. Надежды, которые многие в США и в других странах возлагали на смягчение международной напряженности при нормализации американо-китайских отношений, не оправдались.

На Дальнем Востоке разыгрались события, чрезвычайно обострившие американо-китайские отношения, усилившие общую международную напряженность и обнажившие вместе с тем разногласия между двумя направлениями — между так называемой европейской и азиатской ориентациями во внешней политике США.

3. Интервенция в Корею

Военные действия в Корею. Вооруженное вмешательство США. Удар, нанесенный американцам китайскими добровольцами. Переговоры и перемирие. Угроза третьей мировой войны. Недовольство европейских союзников США. Снятие генерала Макартура. Борьба европейской и азиатской ориентаций во внешней политике США. Захват Тайваня 7-м американским флотом. «Мирный договор» США с Японией. Новая программа вооружений. Общие итоги внешней политики правительства Трумэна

25 июня 1950 г. пхеньянское радио передало два заявления министерства внутренних дел Корейской Народно-Демократической Республики. В первом заявлении сообщалось, что рано утром этого дня войска Южной Кореи «начали внезапное наступление на территорию Северной Кореи по всей линии 38-й параллели». Во втором говорилось: «Действуя совместно с частями Народной армии, охранные отряды республики полностью отбили атаки врагов, проникших на север от 38-й параллели, и перешли в контрнаступление»¹⁰⁰.

Пограничные стычки вдоль 38-й параллели, отделявшей Корейскую Народно-Демократическую Республику от Южной Кореи, происходили и

⁹⁹ Miller M. Plain Speaking, p. 289.

¹⁰⁰ «Правда», 1950, 26 июня.

⁹⁸ Goldman E. The Crucial Decade. N. Y., 1956, p. 141—142; «Observer», 17.I 1960.

раньше. Иногда в этих стычках участвовало с каждой стороны более чем по тысяче человек. Южнокорейские войска, совершая провокационные нападения, неоднократно проникали на территорию Народно-Демократической Республики. Каждый раз их отбрасывали восвояси. Но на этот раз пограничный конфликт принял более серьезный характер, превратился в войну между Северной и Южной Кореей.

Образованное летом 1948 г. в Сеуле, в зоне оккупации вооруженных сил США, проамериканское южнокорейское правительство открыто говорило о намерениях силой распространить свою власть на Северную Корею¹⁰¹. Это вынуждало Корейскую Народно-Демократическую Республику готовиться к отпору и постоянно быть на страже, рассматривать каждый пограничный конфликт как начало осуществления намерений правительства Сеула.

Перед началом военных действий в Корее в Японию прибыли министр обороны США Луис Джонсон и председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США генерал Омар Брэдли, совершавшие инспекционный тур по Дальнему Востоку. С ними был Джон Фостер Даллес. Даллес отправился в Сеул, где в обращении к «законодательному собранию» Южной Кореи 19 июня заявил: «Вы не одиноки!»¹⁰². Глава южнокорейского правительства Ли Сын Ман в присутствии Даллеса заявил на этом собрании: «Если мы не сможем защищать демократию в холодной войне, мы добьемся ее победы в горячей войне»¹⁰³.

Подобные публичные заявления официальных лиц Южной Кореи и США чрезвычайно настораживали руководителей Корейской Народно-Демократической Республики.

Когда в конце июня 1950 г. на территории Кореи развернулись военные действия, войска южнокорейского правительства оказались деморализованными: они не желали воевать за ставленников США. К концу второго дня военных действий Макартур в телеграмме Трумэну сообщал: «Людские потери Южной Кореи в итоге сражений свидетельствуют об их недостаточной способности к сопротивлению и нежелании воевать. Мы считаем, что полный крах неизбежен»¹⁰⁴.

После первого сильного удара армия южнокорейского правительства быстро покатила на юг. 28 июня войска Корейской Народно-Демократической Республики заняли Сеул. В начале августа в их руках находилась уже вся Южная Корея за исключением небольшого клочка земли на юго-западе у Пузана. Военные действия приближались к своему завершению. Создались условия для образования в Корее единого независимого демократического государства. Но вооруженное вмешательство США ввергло Корею в длительную разрушительную войну. Американские самолеты годами беспощадно бомбили корейские города и села.

Утром 27 июня 1950 г. Трумэн без, как полагается в таких случаях, санкций конгресса приказал морским и воздушным силам США оказать помощь южнокорейским войскам. «Корейская война стала войной Трумэна», — писал в связи с этим журнал Йельского университета¹⁰⁵. В тот же день вечером правительство США, пользуясь временным отсутствием представителя СССР на заседаниях Совета Безопасности, провело на заседании этого Совета резолюцию, рекомендуемую всем членам ООН оказывать помощь Южнокорейской республике.

¹⁰¹ Reitzel W. United States Foreign Policy 1945—1955, p. 263.

¹⁰² «Правда», 1950, 30 июня.

¹⁰³ «Новое время», 1950, № 33. Приложение, с. 14—15.

¹⁰⁴ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 337.

¹⁰⁵ Information Please Almanac, 1953, p. 13; «The Yale Review», Summer 1965, p. 485.

Таким образом, США, начав вооруженную интервенцию в Корее, оформили эту интервенцию постфактум под флагом ООН. 8 июля 1950 г. Трумэн назначил командующего вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерала Макартура главнокомандующим вооруженными силами ООН в Корее. Так называемые вооруженные силы ООН по своему составу были в основном американскими. Англия, Франция, Австралия, Турция, Таиланд, Филиппины и еще восемь стран отправили в распоряжение Макартура лишь незначительные, символические военные части. 27 июня 1950 г. Трумэн приказал включиться в корейскую войну только морским и воздушным силам. К концу же первой недели военных действий Макартуру было разрешено использовать для этой войны все виды войск США, находившихся в районе Дальнего Востока.

15 сентября 1950 г. 10-й американский корпус высадился у Инчона, вблизи Сеула, с намерением отрезать сражающиеся далеко на юге страны войска Народной армии Кореи. Эти войска вынуждены были быстро отступить. 26 сентября американцы заняли Сеул, а 19 октября — Пхеньян и приблизились к границе Китая.

Правительство Китайской Народной Республики заявляло публично и через дипломатические каналы, что оно не останется безразличным к приближению к ее территории враждебных вооруженных сил и что оно вынуждено будет действовать, если иностранные (т. е. некорейские) войска начнут продвигаться к северу от 38-й параллели.

В ноябре 1950 г. американцы подошли к границе Маньчжурии. Там их встретили китайские добровольцы и нанесли американцам удар такой силы, что они вместе с войсками южнокорейского правительства в панике бежали на юг. 5 декабря они оставили Пхеньян, а 4 января 1951 г. — Сеул¹⁰⁶. 15 марта китайские добровольцы и части корейской Народной армии оставили Сеул без боя. С тех пор линия фронта передвигалась то в ту, то в другую сторону вдоль 38-й параллели.

10 июля 1951 г. по инициативе Советского правительства начались переговоры о перемирии в Корее. Переговоры затянулись на два года и неоднократно прерывались. Но общие большие наступления со стороны стоявших друг против друга сухопутных армий не возобновлялись. Перемирие было подписано 27 июля 1953 г.

За время интервенции в Корее, согласно официальным американским данным, вооруженные силы США потеряли убитыми в сражениях 33 629 человек, а всего погибшими — 54 246 человек и 103 284 человека ранеными. Потери американцев ранеными и убитыми в сражениях в Корее составили более половины их потерь во время первой мировой войны¹⁰⁷. По американским данным, южнокорейцы насчитывали убитых и раненых примерно в десять раз больше, чем войска США¹⁰⁸.

За время войны в Корее сильно увеличился людской состав вооруженных сил США — с 1460 тыс. в 1950 г. до 3636 тыс. в 1952 г. Военный бюджет вырос с 13 млрд. долл. в 1950 г. до более 50 млрд. в 1953 г. В дальнейшем прямые военные расходы не опускались ниже

¹⁰⁶ Перед этими событиями Трумэн спросил Макартура: «Существует ли какой-либо риск, что китайцы вступят в войну на стороне Северной Кореи?». Макартур ответил: «Очень маловероятно, что это случится. Они имеют несколько сот тысяч солдат к северу от р. Ялу, но у них нет никаких воздушных сил. Если они попытаются форсировать реку, наша авиация разобьет их. Самое большее для этого понадобится, возможно, 60 тыс. солдат. Наша пехота легко сможет их сдержать» («Congressional record», 19.II 1966, p. A802).

¹⁰⁷ World Almanac, 1959, p. 741.

¹⁰⁸ Rostow W. The United States in the War Arena, N. Y., 1960, p. 230.

40 млрд. долл. в год. Но в 1960 г. они составили уже 46 млрд., в 1970 г. дошли до 80 млрд., а в 1975 г. — до 87 млрд. долл.¹⁰⁹. Временное положение 1948 г. об обязательной воинской повинности было расширено и продлено. Ставя новые задачи перед вооруженными силами, увеличивая их состав, Трумэн в сентябре 1950 г. заменил министра обороны Джонсона бывшим начальником штаба американской армии при Рузвельте и государственным секретарем в 1947—1949 гг. генералом Маршаллом.

В конце 1950 и начале 1951 г. вооруженная интервенция США в Корею серьезно угрожала превратиться в третью мировую войну. Макартур решил перенести военные действия на территорию Китая и использовать для этой цели войска Чан Кай-ши. 25 марта 1951 г. он угрожал нападением на Китай с воздуха и с моря. Он планировал применить против Китая от 20 до 30 атомных бомб. А главарь южнокорейского марионетного «правительства» Ли Сын Ман просил Трумэна разрешить Макарту сбросить атомные бомбы не только на Китай, но и на Москву»¹¹⁰.

Через 10 дней лидер республиканцев в палате представителей Мартин зачитал в конгрессе письмо Макарту, в котором говорилось о необходимости более решительного ведения корейской войны и о включении в войну вооруженных сил Чан Кай-ши¹¹¹. Сторонники Макарту в США требовали открытия с помощью войск Чан Кай-ши нового фронта на юге Китая. Среди этих сторонников особенно выделялись своей активностью сенатор от штата Висконсин Маккарти и член палаты представителей будущий президент США Никсон¹¹².

Сенатор Тафт, поддерживая идею использования находящихся на Тайване войск Чан Кай-ши в качестве американского пушечного мяса, заявил: «Дешевле воевать с помощью иностранных солдат, даже если нам приходится их снабжать... Те, кто отказывается использовать войска Чан Кай-ши, жертвуют жизнью американских солдат»¹¹³.

Нападение на Китай при существовании советско-китайского договора о взаимопомощи, естественно, рассматривалось как нападение на СССР, как реальная опасность третьей мировой войны. Так расценивал президент США намерение Макарту подвергнуть Маньчжурию ударам американской авиации¹¹⁴.

Намерение Макарту встревожило общественное мнение не только в США, но и в лагере их союзников, в особенности в Великобритании. После бурных дебатов в английском парламенте не только левые лейбористы, но и лидеры консерваторов (У. Черчилль, Э. Иден и Р. Батлер) потребовали от правительства заверения, что из-за Кореи Англия не будет втянута в мировую войну. Премьер лейбористского правительства Эттли в начале декабря 1950 г. срочно вылетел в Вашингтон для переговоров с президентом США о создавшейся серьезной опасности.

На совещаниях в Белом доме главы обоих правительств, по словам Трумэна, пришли к выводу, что «ввязывание в общую войну с Китаем было бы несчастьем» и что поэтому такой войны следует всячески избегать¹¹⁵. Эттли утверждал: необходимо сделать все, для того чтобы убедить Китай в том, что СССР не является его единственным другом; необходимо, чтобы Китай противостоял России на Дальнем Востоке. «В про-

тивном случае,— заключил британский премьер,— мы будем играть на руку русским»¹¹⁶.

11 апреля 1951 г. Трумэн заменил Макарту генералом Риджуэем. Общественное мнение во многих странах рассматривало тогда этот шаг президента США как желание локализовать корейскую войну. Сам Трумэн всячески старался поддержать подобное мнение. В день снятия Макарту Трумэн в обращении к американскому народу по радио утверждал, что генерал Макартур, настаивая на бомбардировке Китая и высадке с помощью вооруженных сил США чанкайшистских войск на территорию КНР, втянул бы США в мировую войну при невыгодных для них условиях. «Поэтому,— заключил Трумэн,— я считаю необходимым сменить генерала Макарту, чтобы не было никаких сомнений или путаницы в действительных целях нашей политики»¹¹⁷. Позже в своих мемуарах Трумэн, вспоминая о предложениях 1950—1951 гг. бомбардировать Китай, писал: «Генерал Макартур был готов рисковать общей войной. Я не был готов»¹¹⁸.

Президент США в данном случае действовал сообразно советам министра обороны Маршалла, начальников штабов армии, флота и авиации, а также председателя комитета начальников штабов вооруженных сил США Брэдли¹¹⁹.

Трумэн как президент США, который по конституции является главнокомандующим всеми вооруженными силами государства, болезненно реагировал на то, что Макартур слишком самостоятелен, что старый известный генерал смотрел на указания Трумэна не как на распоряжение высшего военного начальника, а как на советы майора запаса Трумэна¹²⁰. Конечно, линия Макарту вела к мировой войне. Но Трумэн лицемерно принял позу борца за мир. Когда разногласия в высших военных кругах приняли серьезный характер, Трумэн, получив возможность снять Макарту, заодно не упустил случая выставить себя перед американским народом в качестве противника третьей мировой войны.

Решающие политические и военные круги Вашингтона, не педшие на риск большой войны в 1947—1948 гг. во время интервенции в Китай, когда влиятельная группа в США призывала к превентивной войне против СССР, не могли согласиться на такую авантюру в 1950—1951 гг. при гораздо худших условиях для США в самом Китае и при новом соотношении мировых сил.

Основным аргументом против превентивной войны в 1947—1948 гг. служило опасение потери для капитализма Западной Европы. Это опасение не уменьшилось. После образования НАТО в Вашингтоне составлялись планы вооружения Западной Европы. Но в 1950—1951 гг. эти планы были далеки от реализации. Эйзенхауэр, который в 1950—1952 гг. командовал вооруженными силами НАТО, как уже отмечалось, высказывал предположение о том, что в случае перерастания корейской войны в мировую, Советские войска «оккупировали бы Западную Европу в течение нескольких дней».

Таким образом, соображения, мешавшие сторонникам войны три-четыре года назад осуществить свои коварные замыслы, оставались сейчас

¹⁰⁹ Historical Statistics of the U. S., p. 736.

¹¹⁰ World Almanac, 1959, p. 148; «N. Y. Times Magazine», 22.VI 1975, p. 20, 22.

¹¹¹ «Congressional Record», 11.IV 1951, p. 3766.

¹¹² «Manchester Guardian», 18.IV 1951; Miller M. Op. cit., p. 299.

¹¹³ «New York Times», 5.V 1951.

¹¹⁴ Miller M. Op. cit., p. 298, 301.

¹¹⁵ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 402, 409.

¹¹⁶ Donelan M. The Ideas of American Foreign Policy. London, 1963 p. 165.

¹¹⁷ «New York Herald Tribune», 12.IV 1951.

¹¹⁸ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 416.

¹¹⁹ «New York Herald Tribune», 13.IV 1951.

¹²⁰ Спустя 10 лет, уже будучи в отставке, Трумэн так объяснял отстранение Макарту: «Я его отстранил, потому что он не уважал власти президента» (Miller M. Plain Speaking, p. 287, 294).

и силе. Между тем за это время США потеряли плацдарм в Китае и монополию на атомное оружие. Китай, который в 1947—1948 гг. в подавляющей своей части находился в руках гоминдановских войск, рассматриваемых в США как союзники, теперь оказался в лагере противников американского капитализма. Военный обозреватель Х. Болдуин доказывал в декабре 1950 г., что войну с Китаем на Азиатском континенте США выиграть не могут¹²¹, а генерал О. Брэдли заявил в комиссии сената, что война, в которую действия Макартура «вовлекут нас, не та война, не в том месте, не тогда, когда надо, и не с тем врагом»¹²².

Угроза Макартура перенести военные действия на территорию Китая всполошила европейских союзников США. Их недовольство приняло такие размеры, что руководители Пентагона заговорили об альтернативе: либо Макартур, либо НАТО. И даже государственный секретарь Ачесон, который одно время колебался, согласился с мнением тех генералов, которые считали, что курс, взятый Макартуром, курс на риск войны с Китаем и с СССР, прежде всего разрушит англо-американский союз¹²³.

Снятие Макартура вызвало большой шум. Оно обнажило разногласия в конгрессе и в руководящих кругах по основным вопросам внешней политики США и придало им публичный характер.

Со времени поражения США в Китае и создания НАТО в Вашингтоне происходили дискуссии между сторонниками различных направлений в мировой политике. Пентагон и шедшее в ногу с ним правительство США считали, что при обострившейся борьбе двух систем, в условиях расширения и усиления лагеря социализма для США важнее всего сохранение капитализма в Западной Европе; что поэтому США должны уделять максимальное внимание усилению европейских союзников, укреплению НАТО. Развязывание же большой войны на Дальнем Востоке отвлечет американские силы из Европы, распатает и развалит слабый, еще не вооруженный Северо-Атлантический союз.

Этой так называемой европейской ориентации во внешней политике противостояла довольно сильная оппозиция, названная «Азия прежде всего». В конгрессе США оппозицию возглавлял сенатор Ноулэнд. Его сильно поддерживали сенаторы Тафт и Маккарти, бывший президент Гувер, будущий президент Никсон и др. Их кумиром стал генерал Макартур. Оппозиция утверждала, что судьбы капитализма решаются в Азии. Макартур заявлял, что «для защиты США Формоза важнее, чем Франция»¹²⁴. Он, как Ноулэнд, Гувер и другие, выражал мнение тех кругов США, которые еще в XIX в. взирали на Китай и на всю Юго-Восточную Азию как на район неисчерпаемых возможностей для экспансии американского капитала.

Еще до войны в Корее, в начале 1950 г., в сенате США развернулись горячие дебаты между сторонниками европейской и азиатской ориентаций во внешней политике. 5 января 1950 г. Ноулэнд, цитируя в своем выступлении в сенате документ государственного департамента, в котором говорилось, что «Формоза не имеет особого военного значения», критиковал правительство США за то, что оно уделяет главное внимание Европе, в то время как безопасность США, по его словам, «зависит скорее всего от того, что происходит на Дальнем Востоке»¹²⁵.

Член комиссии по иностранным делам сената Х. А. Смит из штата Нью-Джерси в своем отчете сенату о поездке на Дальний Восток утверждал, что Формозу, несмотря на Каирское и Ялтинское соглашения, следует считать частью Японии и что поэтому американская оккупация Японии распространяется и на Формозу. Он заключил, что американцы обязаны защищать Формозу, что попытка Китая занять этот остров должна рассматриваться как нападение на США¹²⁶.

После начала военных действий в Корее сторонники азиатской ориентации во внешней политике США еще больше активизировались.

8 января 1951 г. на объединенном заседании обеих палат конгресса президент Трумэн зачитал свое очередное ежегодное послание о положении страны. В своем выступлении он подчеркнул, что сохранение капитализма в Западной Европе представляет основу внешней политики США. Он заявил: «Северо-Атлантическое сообщество представляет сердцевину наших общих военных усилий... Вслед за Соединенными Штатами Европа является величайшей мастерской мира.. Если Западная Европа примкнет к Советской России, добыча угля у Советов удвоится, а их производство стали утроится... Стратегически, экономически и морально Европа является частью нашей обороны»¹²⁷.

Речь Трумэна была воспринята как выступление против лозунга «Азия прежде всего». Сторонники азиатской ориентации обрушились на эту речь. Они особенно критиковали планы увеличения вооруженных сил США в Европе.

Бывший президент Гувер резко выступил против отправки сухопутных сил США в Европу. Он напомнил, что во время ратификации Северо-Атлантического договора «правительство через государственного секретаря и председателя комиссии по иностранным делам сената определенно заверяло, что по этому пакту никакая экспедиция американских сухопутных войск не будет послана в Европу». Утверждая, что сухопутная война с Советской Армией будет «несчастьем для США», Гувер ссылался на опыт начала второй мировой войны, когда 240 хорошо экипированных дивизий гитлеровской Германии и ее союзников не могли осилить одну Россию: «Она остановила немцев даже до того, как ленд-лиз дошел до нее»¹²⁸.

Основными вооруженными силами Западной Европы, по мнению Гувера, должна стать западногерманская армия, а США необходимо сосредоточить свои силы на защите Западного полушария, на укреплении своих позиций на Дальнем Востоке, на подготовке войск Чан Кай-ши к войне с Китайской Народной Республикой. Для этого, как обычно утверждал Гувер, военные усилия США должны быть направлены не на создание большой сухопутной армии, а на развитие авиации и морского флота.

За три дня до выступления Трумэна на объединенном заседании сената и палаты представителей сенатор Тафт выступил в конгрессе США с пространной речью о внешней политике и решительно высказался против предполагавшейся отправки новых контингентов американских войск в Европу. Он говорил, что США должны всячески избегать войны на континенте Европы, где «неприятель сильнее». В то же время Тафт требовал развертывания с помощью войск Чан Кай-ши войны на континентальной территории Китая¹²⁹.

¹²¹ «New York Times», 1.XII 1950.

¹²² Цит. по: Goldman E. The Crucial Decade, p. 209.

¹²³ «New York Herald Tribune», 13.IV 1951; Rostow W. Op. cit., p. 239.

¹²⁴ «New York Herald Tribune», 13.IV 1951.

¹²⁵ «Congressional Record», 5.I 1950, p. 79, 81.

¹²⁶ Ibid., 9.I 1950, p. 150, 160.

¹²⁷ Ibid., 8.I 1951, p. 104.

¹²⁸ «New York Times», 10.II 1951.

¹²⁹ «New York Times», 6.I 1951.

Реакционная печать монополий призывала к атомной войне против Китайской Народной Республики. Орган финансовых кругов США, утверждая, что «судьба Европы будет решена в Азии», требовал предъявить «ультиматум Китаю, за которым последует общее воздушное нападение, которое обрушит град атомных бомб на тылы и коммуникации неприятеля, уничтожит его аэродромы, центры снабжения и города. Кроме этого разрушительного эффекта целые районы смогут быть «отравлены» на недели радиоактивной эманацией»¹³⁰.

Страсти в спорах между представителями двух направлений во внешней политике США разгорелись больше всего ко времени снятия Макартура. Сам Макартур в приведенном выше письме лидеру республиканцев в палате представителей Мартину объяснил решающее значение, придаваемое им борьбе американского капитализма за Азию, следующими словами: «Если мы проиграем битву с коммунизмом в Азии, падение Европы неизбежно... Как вы выразились, мы должны выиграть. Победа ничем не может быть заменена»¹³¹.

Уолтер Липпман, комментируя программу Макартура, писал: «Война, к которой генерал призывает, — это большая война, которая, по его утверждению, решит мировой конфликт. Он хочет развязать третью мировую войну сейчас и хочет вести ее на Дальнем Востоке»¹³².

В общем курс Макартура неизбежно вел к третьей мировой войне. Правительство США и Пентагон опасались, что эта война развернется в условиях, весьма невыгодных для американского и для всего мирового капитализма. До снятия Макартура этот вопрос обсуждался на заседаниях Совета национальной безопасности и на совещаниях правительства с лидерами конгресса.

Еще 28 ноября 1950 г. на специальном совещании Совета национальной безопасности, созванном президентом США, генерал Брэдли заявил, что начальники штабов вооруженных сил США возражают против намерений Макартура бомбардировать аэродромы в Маньчжурии. Он сказал: «Если мы позволим втянуть нас в общую войну с Китаем, невозможно будет продолжение строительства вооруженных сил в Европе». Министр обороны Маршалл заявил на этом совещании, что все министры вооруженных сил США согласны в том, «что мы не должны допустить вовлечения нас отдельно или совместно с Объединенными Нациями в общую войну с Китаем»¹³³.

После этого 1 декабря Трумэн пригласил видных деятелей конгресса и в присутствии государственного секретаря и руководителей вооруженных сил США заявил им: «Мы сейчас находимся не в таком положении, которое позволило бы нам принять бремя большой войны»¹³⁴.

Макартур продолжал настаивать на перенесении военных действий на территорию Китая. Он даже выдвинул альтернативу: либо общая война с Китаем, либо уход США из Кореи. 9 апреля 1951 г. на совещании Трумэна с Маршаллом, Брэдли, Ачесоном и Гарриманом Брэдли доложил, что начальники штабов вооруженных сил США, как и Трумэн, считают, что Макартур должен быть снят. Через два дня последовало официальное сообщение Белого дома об освобождении Макартура и назначении на его место генерала Риджуэя.

Снятие Макартура вызвало большой шум во всех штатах. Его сторонники организовали бурные протесты и торжественные встречи Макартура в Сан-Франциско, Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго и других городах. Белый дом получил больше 70 тыс. телеграмм и писем протеста. После очередного опроса Гэллуп заключил, что лишь 29% населения США одобряют отставку генерала. Сенат штата Иллинойс принял резолюцию «безотвестственные, капризные действия» президента США. Лидер республиканцев в палате представителей Мартин сообщил, что конгресс намерен расследовать внешнюю политику правительства и что обсуждается вопрос об организации суда над президентом Трумэном¹³⁵. Во многих американских городах публично сжигали его портреты.

Все это свидетельствовало о том, что в реакционных кругах республиканской партии и монополистического капитала США воинственные настроения настолько сильны, что они стремятся использовать обиду популярного в их среде генерала, для того чтобы разжечь третью мировую войну.

19 апреля Макартур выступил на объединенном заседании обеих палат конгресса. В своем выступлении он снова утверждал, что США нельзя отступать в Азии, что Формоза имеет решающее значение в американской стратегии на Тихом океане, что переход этого острова к Китайской Народной Республике вполне может заставить США перенести свою линию обороны с западных к восточным берегам Тихого океана, «к берегам Калифорнии, Орегона и Вашингтона»¹³⁶. Макартур заявил, что «в войне победа ничем не может быть заменена»; тем же, что ему помешали бомбардировать военные базы в Маньчжурии, блокировать китайские берега и использовать вооруженные силы Чан Кай-ши, насчитывающие около 600 тыс. человек, ему «запретили одержать победу».

Вопрос слушался на объединенных заседаниях военной комиссии и комиссии по иностранным делам сената, где выступали Макартур, его главный противник в высших военных кругах Брэдли и их сторонники¹³⁷.

Разгоревшиеся страсти в связи со снятием Макартура постепенно остывали. Война в Корее была крайне непопулярной среди американцев. Инициатива Советского правительства в переговорах о перемирии в Корее встретила всеобщее одобрение в штатах. Комиссии сената пришли к заключению, что президент США, уволив генерала Макартура, действо-

¹³⁵ Суд над президентом США может организовать только конгресс, и этот суд может вынести только порицание. За всю историю США такой суд имел место лишь один раз, но порицание не было вынесено, ввиду того что за него не было подано нужное большинство голосов членов конгресса.

¹³⁶ «New York Times», 20.IV 1951.

¹³⁷ Аргументы противников разжигания третьей мировой войны оказались сильнее. 3 мая 1951 г. на объединенном заседании комиссии сената сенатор Б. Макмагон, обращаясь к Макартуру, спросил: «Генерал, думаете ли вы теперь, что мы готовы противостоять русскому наступлению в Западной Европе?»

Макартур ответил уклончиво: «Сенатор, я просил несколько раз не впутывать меня в вопросы, не относящиеся к моей области. Я здесь не даю показаний о моих представлениях по глобальной обороне. Я не претендую на то, что являюсь сейчас авторитетом в этом деле».

Макмагон заключил: «Итак, генерал, этим заявлением, мне кажется, вы признаете, что комитет начальников штабов, имея доступ к материалам глобальной разведки, в процессе подготовки планов нашей обороны во всемирном масштабе получает соответствующую информацию, и, основываясь на ней, он принял трезвое решение, противоположное вашим рекомендациям» (Rostow W. Op. cit., p. 241).

¹³⁰ «Commercial and Financial Chronicle», 14.XII 1950, p. 72.

¹³¹ «Congressional Record», 11.IV 1951, p. 3766.

¹³² Ibid., p. 3752.

¹³³ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 385, 386.

¹³⁴ Ibid., p. 433, 488.

вал в соответствии с полномочиями, предоставленными ему конституцией. Рассмотрение вопроса в комиссиях было прекращено без вынесения его на заседание сената.

Трумэн в выступлениях в конгрессе и в обращениях по радио к американскому народу всячески старался изобразить конфликт с Макартуром как свое желание локализовать войну в Корее, не допустить ее перерастания в третью мировую войну. Однако хитрый, изворотливый Трумэн и здесь обнаружил свое двоедушие. Черчилль, ставший вскоре премьером Англии, огласил 26 февраля 1952 г. секретное соглашение, заключенное между лейбористским правительством Великобритании и президентом США Трумэном о бомбардировке воздушных баз в Маньчжурии, если вооруженные силы Северной Кореи усилят свои воздушные атаки¹³⁸.

Длительная послевоенная борьба между двумя ориентациями во внешней политике США вылилась во время войны в Корее в острый конфликт внутри самих военных кругов США. Макартур не добился своего в 1951 г., как не добились своего сторонники превентивной войны в 1947—1948 гг. В 1951 г. разжигание третьей мировой войны было еще более авантюристским, рискованным и опасным для капитализма, чем тремя-четырьмя годами раньше. В этом удалось убедить большинство на комиссиях конгресса США.

Через год, когда Макартур выступил с большой программной речью на национальном конвенте республиканской партии, в которой он опять заострил внимание на прошлых спорных вопросах во внешней политике и обвинил правительство в отсутствии решимости для войны с Китаем, а к нему — уважения, необходимого для руководства в мировых делах, его речь уже больше не вызвала ни сенсации, ни любопытства.

План Макарура не прошел. До третьей мировой войны дело не дошло. Но вооруженная интервенция США в Корею усилила международную напряженность, чрезвычайно обострила американо-китайские отношения.

В самом начале военных действий в Корее США захватили китайскую территорию Тайвань (Формоза). Мы видели, что после бегства Чан Кай-ши из Китая Белый дом и государственный департамент заявили, что правительство США не намерено оказывать помощи остаткам гоминдановских войск с целью удержания ими Тайваня. 12 января 1950 г. Ачесон в речи, произнесенной в Национальном клубе печати в Вашингтоне, заявил, что «периметр обороны» США в Тихом океане проходит от Алеутских островов через Японию и Окинаву к Филиппинам. Государственный секретарь дал ясно понять, что на Корею, как и на Формозу, расположенную к западу от этого периметра, не распространяются гарантии США.

Как только в Корее начались военные действия, Трумэн приказал 7-му американскому флоту, стоявшему в филиппинских водах, немедленно отправиться в Формозский пролив с целью не допустить занятия Тайваня Китайской Народной Республикой. Формально правительство США отказалось удовлетворить требования Макарура об официальной оккупации этого острова американскими войсками¹³⁹. Трумэн вместе с приказом 7-му флоту отражать любое нападение на Тайвань отдал распоряжение следить, чтобы со стороны этого острова не совершалось вооруженное нападение на материк, с тем чтобы не вызвать общей войны с КНР.

Но это были пустые слова, которые понадобились президенту США тогда, когда он притворялся противником третьей мировой войны.

Без активной поддержки со стороны вооруженных сил США Китаю не угрожало нападение с Тайваня. США воспользовались создавшейся ситуацией: отправив свой флот к берегам Тайваня, они фактически стали бесконтрольными хозяевами этого большого китайского острова, а их военные корабли, курсирующие вдоль берегов Китая, стали постоянной угрозой миру на Дальнем Востоке.

В этой напряженной обстановке на Дальнем Востоке США подписали 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско сепаратный мирный договор с Японией. Одновременно правительство США заключило с японским правительством «договор о безопасности». США получили исключительное право содержать на территории Японии и у ее берегов свои вооруженные силы: сухопутные, воздушные и морские. Эти силы согласно договору могли быть направлены как против внешней угрозы, так и по просьбе японского правительства для подавления внутренних восстаний. США, таким образом, обязались своими вооруженными силами охранять императорскую Японию от народных движений в стране.

За мирной конференцией в Сан-Франциско последовали другие договоры между обоими государствами. 28 февраля 1952 г. было заключено «административное соглашение», на основании «договора о безопасности», предоставившее США право пользования на территории Японии безвозмездно и в течение неограниченного времени военными базами, арсеналами и другими военными объектами. В апреле 1953 г. был подписан американо-японский «Договор о дружбе, торговле и навигации», а в марте 1954 г. — «Соглашение о помощи в обеспечении взаимной обороны».

Еще 8 марта 1952 г. американские оккупационные власти отменили запрет, существовавший со времени капитуляции, на производство вооружений в Японии. Этот запрет был зафиксирован в конституции, принятой Японией после войны. 1 июля 1954 г. в Токио в нарушение этой конституции с благословения США было официально объявлено о ремитилизации страны, о создании собственных сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил.

1 сентября 1951 г. США заключили в Сан-Франциско договор с Австралией и Новой Зеландией — АНЗЮС. Четвертая статья договора гласит, что нападение на одну из договаривающихся сторон в районе Тихого океана будет рассматриваться как угроза миру и безопасности другим из них. АНЗЮС заключен на неограниченный срок.

Также на неограниченный срок США заключили в 1954 г. договор о взаимной помощи с Южной Кореей.

Пользуясь войной в Корее, Трумэн провозгласил новую большую программу вооружений. В упомянутом послании конгрессу, которое Трумэн лично зачитал на объединенном заседании сената и палаты представителей, он сообщил о большом увеличении людского состава вооруженных сил, о доведении производственной способности танковой промышленности до 35 тыс. танков и авиационных заводов — до 50 тыс. самолетов в год; о строительстве бомбардировщиков «Боинг-36» вместо «Боинг-17», известных в период второй мировой войны. Предлагая конгрессу намного увеличить военные расходы, Трумэн ссылаясь на то, что один «Боинг-17» стоит 275 тыс. долл., а один «Боинг-36» — около 3500 тыс.¹⁴⁰

Вслед за Трумэном выступал официальный лидер республиканской партии, ее кандидат в президенты на последних и предпоследних выбо-

¹³⁸ Information Please Almanac, 1953, p. 14.

¹³⁹ «New York Times», 6.IV 1951.

¹⁴⁰ «Congressional Record», 8.I 1951, p. 105.

рах, губернатор Нью-Йорка Томас Дьюи с призывами к быстрой и значительной гонке вооружений. Он требовал, чтобы только одна сухопутная армия США была доведена до 100 дивизий общей численностью 1800 тыс. человек¹⁴¹. Он также настаивал на значительном увеличении вооруженных сил США в Европе.

Прямые военные расходы США, равнявшиеся 13,6 млрд. долл. в 1949 календарном году, дошли до 50 млрд. долл. в 1953 г. Достигнув небывалых (не считая годов второй мировой войны) размеров, эти расходы и после окончания военных действий в Корее на всем протяжении 50-х годов превышали сумму в 40 млрд. долл. в год¹⁴².

* * *

Подводя самые общие итоги внешней политики правительства Трумэна, напомним, что Трумэн попал в Белый дом в дни победоносного завершения войны в Европе, менее чем за месяц до капитуляции Германии, в период между Ялтинской и Потсдамской конференциями, когда народы земного шара ожидали наступления длительного и прочного мира, согласия и сотрудничества между великими державами-победительницами, союзниками в величайшей в истории войне против общего врага, угрожавшего всему человечеству.

Однако уже в первый год своего президентства Трумэн отклонил не только политику дружественных американо-советских отношений его предшественника, политику, которую после смерти Франклина Рузвельта защищал Гепри Уоллес, но и отказался от умеренных предложений государственного секретаря Бирнса, направленных к некоторому смягчению напряженности, по инициативе американского правительства быстро нараставшей в отношениях между США и СССР.

В декабре 1945 г., когда Бирнс в Москве вел переговоры на совещании министров иностранных дел трех держав, Трумэн в Вашингтоне в послании конгрессу провозгласил идею американского руководства миром. Когда Бирнс, вернувшись в Вашингтон, доложил президенту об успешном окончании Московского совещания, Трумэн в ответ на это заявил, что России необходимо противопоставить «железный кулак и сильные выражения».

После этого Трумэн участвовал в подготовке провокационного выступления Черчилля в Фултоне. Через год он опубликовал свою «доктрину», означавшую не только вмешательство США во внутреннюю жизнь стран Ближнего Востока, но и превращение Вашингтона в мирового жандарма. Все это сопровождалось «атомной дипломатией». Затем последовали интервенция США в Китай, подготовка военных союзов, строительство американских военных баз во всех частях света и другие агрессивные мероприятия, названные в совокупности «холодной войной», в которую Вашингтон втягивал Западную Европу и Южную Америку, Ближний и Дальний Восток.

Второе президентство Трумэна началось созданием главного военного агрессивного союза Вашингтона — НАТО. В дальнейшем оно «отличилось» бесславной интервенцией в Корею и нависшей угрозой третьей мировой войны. Хотя Трумэн по настоянию его военных и гражданских советников тогда не пошел на риск общего мирового побоища, он не отка-

зался от разжигания третьей мировой войны, хранил в тайне, как мы видели, соответствующий план.

Однако ход мирового развития, вопросы войны и мира, судьбы человечества решали не тайные планы и соглашения Трумэна, не дипломатическая игра премьера лейбористского правительства Эттли во время его переговоров в Белом доме, не конфликт Макарура с Пентагоном, а соотношение в новой расстановке сил на мировой арене.

4. «Холодная война» внутри страны

Обуза военных расходов. Недовольство в стране внешней политикой США. «Руки прочь от Кореи!» Стачки сталелитейщиков. «Акт Маккарэна». Контроль над мыслями. Присяги о лояльности. Инакомыслящие Калифорнийского университета. «Промывание мозгов». Линчевание и убийства негров. Дискриминация в школах. Случай на кладбище в Сиу-Сити. Апатия в конгрессе

Непопулярная, авантюристическая внешняя политика, усугублявшая «холодную» и предвещавшая эвентуально «горячую» войну, вызывала, как и реакционная внутренняя политика, недовольство в широких кругах американского народа. Буржуазная печать США начала признавать, что поглощавшая основное внимание правительства Трумэна Западная Европа, в которую это правительство вложило столь много средств, отнюдь не в восторге от проводимой государственным департаментом «холодной войны».

Орган крупного американского капитала отмечал в мае 1951 г.: «Действительно, трудно найти какой-нибудь период в истории Западной Европы, когда янки были так непопулярны, как сейчас. Несмотря на затраченные на нее 35 млрд. долл. начиная с 1945 г. и все еще до этого сделанное нами, складывается убеждение, что мы ответственны за раздувание русской угрозы и за втаскивание мира в гонку вооружений, ведущую к экономическому разорению и в конечном итоге к войне»¹⁴³.

Председатель «Нэшнл стил корпорейшн» Уир после возвращения из Европы в начале 1951 г., освещая на страницах печати отношение западноевропейских держав к внешней политике США, писал: «В Европе нет сочувствия к войне, ставящей целью изгнание коммунизма со всего земного шара или из любой его части... Мы должны ясно сознавать, что мы не можем ликвидировать коммунизм войной. Напротив, я уверен, что третья мировая война усилит коммунизм... В Европе считают, что США должны общаться с Россией непосредственно, вместо того чтобы настаивать на контактах через органы ООН... Поддерживая контакты с Россией, мы будем иметь возможность помешать развитию ситуации, способной привести к войне, которую не хотят ни русские, ни западные государства»¹⁴⁴.

Резкую критику вызывала также политика Вашингтона в Азии. Американские государственные и политические деятели, совершая поездки по азиатским и другим экономически отсталым странам, отмечали, что в США совершенно не отдают себе отчета в том, что происходит в этих странах. Характерным в этом отношении было выступление члена Верховного суда США Уильяма Дугласа в начале 1951 г. «Простой факт таков, — заявил Дуглас, — что в мире происходит революция, от которой

¹⁴¹ «New York Herald Tribune», 13.II 1951.

¹⁴² U. S. 85th Congress, 2 Session, Control and Production of Armaments, Report 2501. Wash., 1958, p. 231; «World Almanac», 1959, p. 748.

¹⁴³ «Commercial and Financial Chronicle», 3.V 1951, p. 22.

¹⁴⁴ «Commercial and Financial Chronicle», 18.I 1951, p. 87—90.

нельзя откупиться долларами. Она всколыхнула каждую деревню от Средиземного моря до Тихого океана».

Эта революция, продолжал Дуглас, не коммунистическая, как полагают в Америке: «...революционерами являются голодные люди, которые эксплуатировались с незапамятных времен. Сейчас век их пробуждения и мобилизации... Мы говорим о демократии и справедливости. В то же время мы помогаем режимам, ставящим своей целью, чтобы демократия и справедливость никогда не стали достоянием крестьян. Мы предоставляем миллиарды долларов продажным и реакционным правительствам, которые освобождают богатых от подоходного налога и все ту же и ту же опутывают народ оковами олигархии.... Нас охватывает паника, когда вода напирает на ненадежную плотину. Мы торопимся помочь каждой группировке, которая против советского коммунизма. Это вовлекает нас в товарищество с продажными и реакционными группами... Мы думали, что можем спасти мир от коммунизма долларами. В этой кампании, однако, ценятся больше не доллары, а идеи»¹⁴⁵.

В широких кругах трудящихся США протесты против опасной внешней политики принимали различные формы.

В октябре 1949 г. в Чикаго состоялась национальная конференция представителей организованных рабочих, собравшихся с целью активизировать профсоюзы в борьбе за защиту мира. На конференции присутствовали 1200 делегатов, представлявших союзы, входившие в АФТ, КПП, братства железнодорожников и другие союзы. В Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Бостоне, Детройте, Сан-Франциско и других крупных промышленных центрах организовались рабочие комитеты в защиту мира.

В 1950 г. около 2,5 млн. американцев подписало петицию о запрещении атомного оружия¹⁴⁶. Подпись под таким документом служила тогда достаточным основанием, для того чтобы оказаться на учете у Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и Комиссии по проверке лояльности, Федерального бюро расследований и других подобных учреждений. Каждый голос за запрещение атомного оружия свидетельствовал о борьбе, служил демонстрацией, протестом против существующей внешней политики, а это было связано с известным риском.

Во вторую половину 1950 г., после начала интервенции в Корею, в США были произведены аресты среди тех, кто протестовал против этой интервенции. В июле 1950 г. в городе Хьюстон (штат Техас) 11 человек были арестованы за сбор подписей под петицией о запрещении атомного оружия. Местное радио призывало толпу к расправе над сборщиками подписей.

Несмотря на такой террор, в США развернулось движение «Руки прочь от Кореи!». Письма и телеграммы, требовавшие «вернуть сыновей из Кореи», засыпали членов конгресса.

Политика «холодной войны» за границей сопровождалась реакцией внутри страны.

На выборах 1948 г., как мы видели, демократическая партия в своей платформе обещала отменить «закон Тафта—Хартли». Это обещание сыграло решающую роль в победе демократов на президентских выборах 1948 г. и на выборах в 81-й конгресс, где демократы получили абсолютное большинство в обеих палатах. Но «закон Тафта—Хартли» не был отменен. Коалиция северных республиканцев и южных демократов, называемых диссидентами, проваливала попытки пересмотра этого закона.

В годы второго президентства Трумэна этот закон пополнился местными драконовскими законами против профессиональных союзов. В 1951 г. штат Техас, например, объявил, что профсоюзы, охватывающие всех рабочих на предприятиях, являются «заговорщическими». Подобные законы принял штат Невада. Штат Миннесота объявил «незаконными» стачки учителей и рабочих, занятых на коммунальных предприятиях.

В 1950 г. конгресс США принял новый закон, направленный против стачек — акт о сохранении непрерывности производства, имеющего военное значение.

Федеральные и местные законы против организованных рабочих, конечно, не могли остановить классовую борьбу. За время второго президентства Трумэна происходило довольно много стачек. В первый год этого президентства бастовало около 3 млн., а в последний год (1952) — около 3,5 млн. рабочих. Из крупных забастовок этого периода следует отметить стачку 100 тыс. рабочих на заводах Форда в мае 1949 г., 500 тыс. сталелитейщиков в октябре — ноябре 1949 г., около 400 тыс. углекопов в 1949—1950 гг., 90 тыс. рабочих на автомобильных заводах Крайслера в январе — мае 1950 г., 70 тыс. железнодорожников в январе — феврале 1951 г., 600 тыс. сталелитейщиков и 300 тыс. углекопов в 1952 г.

Во многих случаях правительство активно вмешивалось в стачки, применяло «закон Тафта—Хартли» и другие меры против бастующих рабочих. Осенью 1949 г., когда в США забастовало около 0,5 млн. рабочих металлургических заводов, расположенных в 29 штатах, специальная комиссия президента Трумэна воспрепятствовала рабочим добиться удовлетворения требований о повышении заработной платы. Во время стачки углекопов в 1949—1950 гг. президент США безуспешно пытался применить «закон Тафта—Хартли» и угрожал объявить шахты государственными. В начале 1951 г. правительство, угрожая бастующим железнодорожникам увольнением и лишением производственного стажа, приказало немедленно вернуться к работе.

Особое внимание Трумэн уделял стачке сталелитейщиков в 1952 г. 1 ноября 1951 г. профсоюз, объединяющий рабочих металлургических заводов, сообщил, что с начала 1952 г. в связи с окончанием срока действия договора с предпринимателями он потребует повышения заработной платы и улучшения условий труда. Министерство обороны США забеспокоилось, опасаясь, что конфликт в металлургической промышленности отразится на заказах для войны в Корею и для вооружений союзников США по НАТО.

Владельцы металлургических заводов, уверенные, что правительство не позволит в такое время приостановить выпуск стали, заняли непримиримую позицию. С конца 1951 г. правительство США посредничало в переговорах между союзом сталелитейщиков и предпринимателями. Непримиримая позиция последних привела к тому, что на 9 апреля 1952 г. была объявлена общеамериканская забастовка рабочих металлургической промышленности.

Трумэн решил на этот раз прибегнуть к более сильному средству, чем «закон Тафта—Хартли», позволяющий президенту откладывать стачку только на 80 дней. На основании акта 1950 г. он приказал министру торговли с 8 апреля 1952 г. взять от имени правительства металлургические заводы в свои руки.

Предприятия оставались в руках правительства, пока дело рассматривалось в верховном суде США. Верховный суд, учитывая, что, хотя фактически США воюют в Корею, они не находятся в состоянии формально объявленной войны, решил, что Трумэн неправильно применял законы

¹⁴⁵ «New Republic», 12.III 1951, p. 9—10.

¹⁴⁶ «Labor Fact Book», 1951, N 10, p. 28.

военного времени к сталелитейной промышленности. Федеральный суд США признал действия правительства незаконными и вынес решения о возврате предприятий владельцам. Решение верховного суда было опубликовано 2 июня 1952 г. Трумэн немедленно распорядился о возвращении предприятий владельцам.

В этот же день забастовало свыше 600 тыс. рабочих. Стачка сталелитейщиков продолжалась больше семи недель. Владельцы металлургических заводов согласились в значительной мере удовлетворить требования рабочих, после того как правительство разрешило повысить цены на сталь в среднем на 5,65 долл. за 1 т. В результате на каждый доллар повышения заработной платы прибыль капиталистов увеличилась на 2 долл.

Повышение цен на сталь повлекло за собой рост цен на другие товары. Согласно официальным данным, в итоге увеличения прибыли стальных компаний средняя американская семья должна была увеличить свои расходы на приобретение одних и тех же товаров по крайней мере на 100 долл. в год¹⁴⁷.

Трумэн утверждал, что потери от большой забастовки сталелитейщиков в 1952 г., не считая роста цен, превышают 2 млрд. долл.¹⁴⁸ С его помощью эти миллиарды были переложены на массового потребителя США.

Классовая борьба внутри страны на фоне растущей общей борьбы двух систем и изменения соотношения мировых сил в условиях неудачной затянувшейся войны США в Корее сопровождалась новым реакционным законодательством в Вашингтоне и в столицах отдельных штатов, усилением преследования прогрессивных, революционных сил.

23 сентября 1950 г. конгресс США по инициативе сенатора от Невады, председателя юридической комиссии сената П. Маккарэна, принял так называемый акт внутренней безопасности.

«Акт Маккарэна» по своей жестокости не имеет прецедента в истории реакционного законодательства США. Он отдаленно напоминает закон, принятый на заре существования заатлантической республики. В 1798 г. конгресс принял закон против «враждебных иностранцев», уполномочивший президента выселять или подвергать аресту лиц, которые представляются опасными для существующего порядка. Тогда этот закон вызвал массовое возмущение в молодой республике. Его инициаторы, федералисты, были через два года провалены на выборах. Президентом США стал Джефферсон, возглавлявший кампанию против реакционного законодательства и ликвидировавший его после прихода к власти. Спустя 150 лет после этого реакционное законодательство стало обычным явлением в работе конгресса США.

Во-первых, «акт Маккарэна» требует регистрации в министерстве юстиции всех коммунистов и организаций, рассматриваемых американскими властями как близкие к коммунистической партии и названных «организациями коммунистического фронта». С этой целью было решено создать специальный орган, который должен определять, какие организации относятся к коммунистическим и какие — к «коммунистическому фронту».

Во-вторых, коммунистические организации обязаны выпускать свои издания под таким грифом и оповещать свои выступления по радио и телевидению таким образом, чтобы было ясно, что они исходят от коммунистов.

В-третьих, любому члену коммунистической организации запрещалось получать заграничный паспорт, работать в государственном учреждении и на предприятии, имеющем военное значение. С этой целью министерству обороны поручалось опубликовать список заводов, лабораторий и других предприятий, важных в военном отношении.

В-четвертых, в случае войны или восстания внутри страны в пользу внешнего врага правительство уполномочено подвергать аресту лиц, которые подозреваются в том, что от них можно ожидать актов саботажа или шпионажа, даже если они вообще никаких преступлений не совершали.

В-пятых, многими новыми ограничениями были дополнены существующие законы об иммиграции и натурализации. Иммиграция в США лиц, состоявших когда-либо в Коммунистической партии, была запрещена. Натурализация лиц, принадлежавших к Коммунистической партии или к «организации коммунистического фронта», не может быть произведена раньше 10 лет после их прибытия в США. В дальнейшем иммиграционный акт, принятый в июне 1952 г., полностью исключил возможность натурализации для «лиц, состоявших членами коммунистической партии или каким-либо образом связанных с ней или с другой организацией, считающейся прямым ее предшественником или преемником». Большие возможности предоставлялись властям для депортации из США «нежелательных» лиц, рожденных за границей.

Американский комитет защиты иностраннорожденных предупредил, что «акт Маккарэна» угрожает свободе 14 млн. американцев, родившихся за границей. Но он стал реальной угрозой свободе не только для иностраннорожденных. Согласно этому акту любой гражданин и любая организация, выступающие в защиту мероприятий, предлагавшихся коммунистами, могут быть обвинены в уголовных преступлениях. Любой профессиональный союз или другая организация, требующая, например, уничтожения или прекращения испытаний атомного оружия, могут быть включены в список «организаций коммунистического фронта», поскольку эти требования совпадают с предложениями коммунистической партии.

Миллионы американцев оказались на учете Федерального бюро расследований, Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и Комиссии по проверке лояльности. Из «акта Маккарэна» вытекает, что при определенных условиях эти миллионы американцев, хотя они не совершали никаких преступлений, должны подвергаться превентивной изоляции либо в тюрьмах, либо в концентрационных лагерях. Между тем пятое добавление к конституции США гласит, что никто в стране не может быть лишен свободы без соответствующего судебного разбирательства.

«Билль Маккарэна» прошел в обеих палатах конгресса 20 сентября 1950 г. Через два дня президент США наложил на него вето. Трумэн возражал против этого билля не потому, что он слишком реакционен и противоречит конституции США, а потому, что государственный департамент, министерство обороны и даже Центральное разведывательное управление признали его глупым и вредным. Маккарэн, внося свой билль, мотивировал необходимость его принятия тем, что он направлен против возможной подрывной шпионской деятельности. В то же время этот билль обязывал министерство обороны опубликовать список всех заводов, лабораторий и предприятий, имеющих военное значение.

Доводы президента США не подействовали на пришедший в азарт конгресс. В тот же день, когда Трумэн наложил свое вето, палата представителей вторично одобрила полагающимся большинством в две

¹⁴⁷ «Labor Fact Book», 1953, N 11, p. 108.

¹⁴⁸ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 477.

трети «акт внутренней безопасности». 23 сентября то же произошло и в сенате. Архиреакционный «билль Маккарэна» превратился в закон помимо вето президента США.

После принятия билля Маккарэна, 24 сентября 1950 г., председатель Компартии США Уильям Фостер заявил, что партия будет игнорировать «акт внутренней безопасности», что коммунисты скорее согласятся с тем, чтобы подвергаться тюремному заключению, чем регистрироваться в министерстве юстиции, как того требует указанный билль.

Вскоре после вступления в силу «акта Маккарэна» заработала предусмотренная им специальная комиссия по установлению подлежащих регистрации организаций. Решение комиссии могло быть обжаловано в суде. Если суд согласится с комиссией, то организация получает «окончательный приказ» о регистрации. Если после этого приказ не выполняется, то активисты этой организации подлежат тюремному заключению сроком на пять лет и штрафу в 10 тыс. долл. за каждый день отказа от регистрации. За отказ от регистрации были арестованы руководители компартии США Гэс Холл и Бенджамен Дэвис.

Почти полтора года, с апреля 1951 г. до середины августа 1952 г., комиссия слушала и разбирала вопрос о том, контролируется ли Коммунистическая партия США иностранным государством. Само министерство юстиции действовало проще: оно по своему собственному усмотрению без разбора включило различные организации в список «подрывных».

30 апреля 1951 г. верховный суд США охарактеризовал как произвол действие министерства юстиции, включившего в список «подрывных» такие организации, как Объединенный комитет антифашистских беженцев, «ветераны бригады Линкольна» и Национальный совет американско-советской дружбы. Но произвол министерства юстиции продолжался. К середине 1953 г. в этом списке числилось более 250 организаций¹⁴⁹.

Против фашистского «акта Маккарэна» развернулось широкое движение в стране. Против него выступали АФТ, КПШ, братства железнодорожников и другие общественные организации.

В США был создан общеамериканский комитет борьбы за отмену «акта Маккарэна». Открытое письмо, направленное комитетом в 1952 г. всем сенаторам и конгрессменам, подписали известные деятели науки и народного образования, а также 20 епископов протестантской церкви. В этом письме говорилось, что «акт Маккарэна ответствен за нетерпимое положение, когда государственные органы по способу, всецело напоминающему нацистскую Германию, готовят уже концентрационные лагеря и слушают дела по контролю над мыслями»¹⁵⁰.

В дальнейшем под влиянием широких общественных протестов верховный суд США разъяснил, что, для того чтобы приклеить любой организации ярлык «подрывная», нужны более веские аргументы и действия, чем приверженность учению Маркса и Ленина. После четырнадцатилетней борьбы против фашистского антиконституционного «акта Маккарэна» Коммунистическая партия США одержала значительную победу. 8 июня 1964 г. верховный суд США признал незаконным обвинение компартии и возложенный на нее штраф в 120 тыс. долл. за отказ от регистрации, требуемой «актом Маккарэна». В том же 1964 г. высшая судебная инстанция страны признала неконституционным отказ в выдаче заграничных паспортов деятелям Компартии США Герберту Аптекеру и Элизабет Флинн.

¹⁴⁹ «Political Affairs», March 1965, p. 5.

¹⁵⁰ «Labor Fact Book», 1953, N 11, p. 53.

В 1965 г. прогрессивные силы страны добились дальнейших успехов в борьбе против «акта Маккарэна». 15 ноября этого года верховный суд единогласно вынес решение, что регистрация членов организаций, требуемая этим актом, нарушает конституционное право воздерживаться от самообвинения. Правда, различные судебные инстанции США не согласовали свои действия между собой. Через четыре дня после решения верховного суда, 19 ноября 1965 г., федеральный окружной суд в Вашингтоне вторично обвинил Коммунистическую партию США в отказе от регистрации, вытекающей из «акта Маккарэна», и наложил на нее штраф в 230 тыс. долл. Не успокоилось и министерство юстиции, неистовствовал председатель сенатской подкомиссии по вопросам внутренней безопасности сенатор Джеймс Истленд от штата Миссисипи.

Однако после решения верховного суда обвинения, выдвинутые на основании «акта Маккарэна» низшими судебными ведомствами, правительством и комиссиями конгресса, не возымели должного эффекта, воспринимались многими в стране как смехотворные, как результат озлобленности и замешательства. Но «закон Маккарэна», создавший, как утверждал комитет борьбы за отмену этого закона, нетерпимое положение, продолжал существовать, несмотря на то что более тысячи видных американцев, представлявших различные организации и общественные круги страны, подписали обращения к президенту и членам конгресса, в которых осуждали этот закон и требовали его отмены.

Вслед за принятием конгрессом США «акта Маккарэна» в ряде штатов и во многих городах были приняты местные акты о регистрации «подрывных» организаций и другие реакционные, антидемократические законы, направленные на установление контроля над мыслями в США. В 20 штатах были приняты местные законы, подобные «акту Маккарэна». В четырех штатах коммунистическая партия была запрещена. В 30 штатах были введены ограничения для преподавателей, а в 21 — для юристов. В 40 штатах были ограничены избирательное право и право занимать общественную должность для тех, на кого распространялись реакционные законы, созданные по образцу «акта Маккарэна».

В проведении контроля над мыслями особое внимание уделялось преподавателям. К концу 1952 г. больше половины всех штатов уже имели законы, требующие от преподавателей школ и высших учебных заведений специальной присяги в лояльности.

В крупнейшем штате страны — в штате Нью-Йорк — задолго до одобрения конгрессом «акта Маккарэна» (в марте 1949 г.) был принят закон о составлении списка «подрывных» организаций и об увольнении всех учителей, примыкавших к любой из этих организаций.

В Калифорнии в октябре 1950 г. вступил в силу закон, требующий присяги в лояльности от всех рабочих и служащих общественных учреждений этого штата. Все они должны были в течение месяца заявить в письменном виде, что за последние пять лет не состояли, не состоят сейчас и никогда в будущем не станут членами организаций, проповедующих «насильственное свержение правительства». Отказ от такого заявления влечет за собой увольнение с работы, а нарушение этого обязательства — тюремное заключение сроком до 14 лет.

Руководство Калифорнийского университета опередило законодательное собрание штата на 15 месяцев. В конце июня 1949 г. оно приняло постановление, согласно которому все сотрудники университета обязаны принять и подписать особую присягу в лояльности помимо обычной, существовавшей и раньше для сотрудников этого университета присяги в верности федеральной конституции и конституции штата.

Многие профессора категорически отказались принять особую присягу. 24 февраля 1950 г. им объявили, что, если до 1 мая кто-либо не примет присяги, он будет уволен. В начале марта 900 профессоров и преподавателей единодушно голосовали против особой присяги. В тот же день такое же решение бурно поддержало собрание студентов Калифорнийского университета, на котором присутствовало свыше 8 тыс. человек.

Никакие инакомыслящие ученые, утверждали профессора Калифорнийского университета, не смогли бы нанести вреда, подобного тому, который нанесло науке постановление руководства университета, вызвавшее у его сотрудников и у студентов страх, неуверенность и подозрительность.

События в Калифорнийском университете вызвали большой резонанс по всей стране. Они обсуждались на очередном ежегодном собрании Американской ассоциации профессоров университетов в Кливленде.

Постепенно власти Калифорнии начали бить отбой. Уволить всех профессоров, отказавшихся принять особую присягу, было невозможно. 17 октября 1952 г. верховный суд штата Калифорния, наконец, постановил: поскольку требование особой присяги находится в противоречии с конституцией, уволенных 27 профессоров и преподавателей восстановить на работе. В ноябре этого же года Калифорнийский университет вынужден был пригласить их всех вернуться на прежнюю работу.

Одновременно усиливалась кампания по «промыванию мозгов», развернувшаяся в США еще до второй мировой войны. Этой процедуре подверглись, по данным одного американского автора, свыше 50 млн. американцев¹⁵¹. Она не только охватывала большую часть населения, но и затрагивала высшие категории частных и государственных служащих. Поступающему на административную должность задавались, например, такие вопросы: «Хорошо ли для страны в целом то, что, по мнению богатых бизнесменов, должно делать государство?». «Должно ли наше государство в случае необходимости использовать «вооруженные силы для защиты собственности его граждан в латиноамериканских странах?» Для того чтобы занять вакантную должность, разумеется, требовался положительный ответ на подобные вопросы. В капиталистических кругах США считают, что «большинство хороших администраторов являются консервативными республиканцами»¹⁵².

Как обычно, в США во время прилива волны реакции усиливались нападения на негров. Официальная американская статистика утверждает, что со времени второй мировой войны число актов линчеваний значительно уменьшилось, что если в первую половину XX в. в США их жертвами пали 1790 негров, то за четыре десятилетия, предшествовавшие второй мировой войне, эти жертвы составляли в среднем за год 44 человека, а за десятилетие с 1942 по 1951 г.—2 человека в год¹⁵³.

В действительности негры в США и после второй мировой войны оставались жертвами расовой ненависти, разжигаемой ку-клукс-кланом и другими погромными организациями в США. Вместо линчевания, связанного с шумом, вызывающим в последнее время широкие протесты в прогрессивных кругах страны и служащего помехой для распространения влияния американского капитала в странах Азии и Африки, расистские палачи предпочитают обычное бандитское убийство.

В 1951 г. Конгресс защиты гражданских прав представил в Генеральную Ассамблею ООН список 124 убитого негра за шесть лет — с середины 1945 до середины 1951 г. В этот список, далеко не полный, вошли 79 жертв произвола полиции и 42 убитых частными лицами — расистами. В него не вошли по крайней мере 21 негр, убитый за это время разъяренной толпой, и много других подобных убийств, отнесенных в рубрику «несчастных случаев».

Примером произвола полиции по отношению к неграм на Юге может служить убийство Джона Митчелла в ноябре 1951 г. в штате Луизиана. Митчелл жаловался через Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения, что ему, как негру, отказали в регистрации на выборах. За эту «дерзость» помощник местного шерифа застрелил Митчелла. Убийца не был наказан.

Произвол полиции не ограничивается южными штатами. 19 марта 1952 г., например, в штате Нью-Йорк полицейский Лабенски застрелил двух братьев негров Блэктолл за то, что они осмелились присутствовать в таверне, где он выпивал. Лабенски был привлечен к ответственности за убийство. Но через три месяца дело было прекращено, а он освобожден.

За четыре года второго президентства Трумэна (1949—1952 гг.) в различных штатах было совершено не менее 68 нападений с применением бомб¹⁵⁴. Эти нападения совершали главным образом расисты, и по существу они не отличались от линчевания.

В декабре 1951 г., в рождественскую ночь, в штате Флорида, например, была брошена бомба в домик негра Мура. Мур был убит на месте, а его тяжело раненная жена скончалась через неделю. Как признала газета «Нью-Йорк таймс» 1 января 1952 г., этот случай во Флориде классифицируется как убийство, по фактически он является актом линчевания. Подобные убийства — обыкновенное явление на Юге США.

Мур был местным активным деятелем Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и секретарем Лиги прогрессивных избирателей штата Флорида. Эта лига ставила своей целью политически активизировать негров. Перед смертью Мур возглавлял кампанию протеста против произвола шерифа Макколла. Макколл застрелил в тюрьме одного негра и серьезно ранил другого. Макколл не был привлечен к ответственности, как никто не был привлечен к ответственности за убийство Мура и его жены, несмотря на широкие протесты в стране.

Южные штаты, повторяем, не исключение. В Калифорнии, например, были сожжены дома работников Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения.

После второй мировой войны в США растет движение против сегрегации в учебных заведениях. Верховный суд США неоднократно должен был признавать, что дискриминация по отношению к учащимся неграм противоречит конституции США.

Южные расисты обрушились на движение за общие, или, как говорят в США, интегрированные, школы.

Бывший государственный секретарь Джеймс Бирнс (он же бывший член Верховного суда США), став в 1951 г. губернатором Южной Каролины, старался на восьмом десятилетии своей жизни всячески отличиться как диксикрат, как расист. Бирнс ополчился на позицию Верховного суда, заявив, что его штат скорее пойдет на то, чтобы ликвидировать систему общественных школ, чем пойдет на отказ от сегрегации.

¹⁵⁴ «Labor Fact Book», 1953, N 11, p. 69.

¹⁵¹ Gross M. The Brain. Watchers. N. Y., 1962, p. 3.

¹⁵² Ibid., p. 192, 194.

¹⁵³ «Labor Fact Book», 1953, N 11, p. 69; World Almanac, 1959, p. 312.

«Южная Каролина, — говорил он, — не будет ни сейчас, ни в грядущие годы объединять белых и цветных детей в наших школах»¹⁵⁵.

Губернатор штата Джорджия Ю. Толмэйдж предложил поправку к конституции штата о передаче общественных школ частным лицам. Он заявил, что интеграция школ «вызовет большее замешательство, беспорядки и кровопролитие, чем что-либо другое со времени гражданской войны». А его главный политический помощник Гаррис угрожал, что если не будет сегрегации, то «негры будут насильственно изгнаны из 50 графств штата Джорджия»¹⁵⁶.

В Алабаме законодательное собрание штата единогласно приняло резолюцию, гласившую: «Образ жизни населения Юга, сама цивилизация, как ее понимают на Юге, мир и добрая воля между белой и черной расами зависят от сегрегации». Губернатор Миссисипи Ф. Райт заявил, что его штат «будет отстаивать сегрегацию, не считаясь ни со средствами, ни с последствиями»¹⁵⁷. Подобные заявления сделали губернаторы штатов Техас, Арканзас, Вирджиния и Северная Каролина.

В этой обстановке произошел эпизод, привлечший большое внимание и продемонстрировавший низость расовых предрассудков.

В штат Айову, в город Сиу-Сити, привезли тело сержанта Джона Райса, убитого на фронте в Корее. Ему устроили почетные похороны. Знатные особы города, демонстрируя свой патриотизм и отдавая последний долг солдату, приняли участие в траурной процессии. Но в тот момент, когда гроб собирались опустить в могилу, кто-то из влиятельных лиц, присутствовавших на церемонии, велел подождать. В последнюю минуту было получено сообщение, что в венах Джона Райса будто текла кровь племени виннебаго. Супругу Райса спросили, согласится ли она подписать заявление, что кровь ее покойного мужа была на 100% «белой». Она такого заявления не подписала. Гроб с телом Райса был беспеременно отправлен обратно домой.

Случай на кладбище в Сиу-Сити немедленно стал известен в штатах. На следующее утро он стал предметом обсуждения в Белом доме, который был обеспокоен следующими соображениями: вскоре об этом узнают солдаты в Корее, среди которых, между прочим, насчитывается немало негров, как они будут реагировать? Вскоре слух о позорном происшествии в штате Айова дойдет до народов Азии и Африки — как будут эти народы смотреть на американскую пропаганду? Кливлендская газета «Плэйн диллер» в связи с этим писала: «Нам давно пора прекратить это дело. Как порядочные люди и как государство, предлагающее свою демократию миру, в котором преобладает небелое население, мы не можем продолжать так поступать»¹⁵⁸.

Трумэн реагировал немедленно, он предложил похоронить Райса на Национальном кладбище в Арлингтоне и выслать военный самолет в Сиу-Сити, чтобы привезти покойника и членов его семьи в Вашингтон. И в то же время Трумэн отказался помочь установить истину в отно-

шении семи невинно осужденных негров. В феврале 1951 г. они были казнены на электрическом стуле в городе Мартинсвилле (штат Вирджиния), несмотря на то что смертная казнь этих негров по недоказанному обвинению вызвала большое возмущение и протесты широких кругов населения США и за границей.

В негритянском, как и в других вопросах, Трумэн лавировал между расистами и их противниками. Он выставлял себя современным государственным деятелем, учитывающим влияние расовой проблемы в США на политику американского капитала в странах Азии и Африки. В то же время он старался ладить с диксикратами в его партии. В результате в нем разочаровались и те, и другие¹⁵⁹.

Второе президентство Трумэна — с его непопулярной авантюристической внешней и реакционной внутренней политикой, политикой «холодной войны» за границей и внутри страны растранило былой багаж, приобретенный демократической партией в годы президентства Франклина Рузвельта.

Рузвельту оказывали большую поддержку организованные рабочие. Они решили исход выборов и в 1948 г., когда Трумэн и его партия одержали победу. Но после этих выборов президент США и 81-й конгресс, в котором подавляющее большинство принадлежало демократам, своими действиями отталкивали от себя рабочих.

На выборах 1948 г. демократическая партия обещала отменить «закон Тафта — Хартли» и провести прогрессивное законодательство (принять меры к повышению минимума заработной платы, обузданию власти монополий, защите гражданских прав негров и др.). Но «закон Тафта — Хартли» остался в действии, а вместо обещанного прогрессивного законодательства 81-й конгресс принял «акт Маккарэна».

8-й конгресс, в котором позиции демократов были ослаблены (хотя они все же сохранили большинство), также игнорировал, проваливал или откладывал билли об обеспечении гражданских прав негров, улучшении условий труда, здравоохранения, образования и др. За время работы этого конгресса было внесено 35 биллей об улучшении условий труда и об обеспечении гражданских прав негров. Ни один из них не был рассмотрен.

82-й конгресс отличался абсентеизмом и апатией. В 1952 г. присутствие на заседаниях членов сената сократилось среди республиканцев до 36%, среди демократов — до 50%, а на заседаниях палаты представителей — до 46% у республиканцев и до 24 — у демократов.

Апатия в обеих высших законодательных палатах отражала моральное оскудение, упадок не только в конгрессе, но и в правительстве США.

Результаты политики правительства сказались уже в известной мере на выборах в 82-й конгресс в ноябре 1950 г. Число демократов в палате представителей сократилось с 263 до 234, а в сенате — с 54 до 49. Республиканцы увеличили число своих мест в сенате с 42 до 47, а в палате представителей — с 171 до 199. Еще большие неудачи постигли демократическую партию на выборах 1952 г. Она не только, как мы увидим, потеряла большинство в обеих палатах конгресса, но и всем своим поведением подготовила возвращение в Белый дом республиканцев.

¹⁵⁹ В ноябре 1950 г. было совершено покушение на жизнь Трумэна. Он остался невредимым. Но один его охранник был убит, а два других — ранены.

¹⁵⁵ «New Republic», 11.II 1952, p. 15.

¹⁵⁶ Ibidem.

¹⁵⁷ Ibidem.

¹⁵⁸ Goldman E. The Crucial Decade, p. 182.

Случай в Сиу-Сити не единственный. Такое же событие, например, произошло в городке Дос Риосе, где по расовым соображениям отказали в похоронах убитого в Корее. В дело вмешался будущий президент США сенатор Джонсон, который так же, как Трумэн, добился, чтобы похороны состоялись с военными почестями на Арлингтонском кладбище (Geyelin P. Lyndon B. Johnson and the World. London, 1966, p. 25).

5. Поражение демократов

Пятилетние итоги «холодной войны». Расстановка сил и внутрипартийные противоречия республиканцев и демократов. Оппозиция младореспубликанцев. Внешнеполитическая программа Тафта и его выборная тактика и поражение на конвенте. Платформы обеих партий. Поединок между Эйзенхауэром и Стивенсоном. Эйзенхауэр об иллюзии «просперити». Корея и коррупция. Прогрессивная партия на выборах 1952 г. Итоги выборов

С начала 1952 г. политическая жизнь страны с каждым месяцем все больше сосредоточивалась вокруг выборной кампании.

Президентская кампания 1952 г. занимает особое место в политической истории США, в борьбе за правительственную власть между республиканцами и демократами.

Со времени победы Авраама Линкольна на президентских выборах в 1860 г. в течение более полувека республиканцы лишь 2 раза уступали демократам президентское кресло и каждый раз не больше чем на четыре года. В период первой мировой войны демократической партии удалось сохранить Белый дом за Вильсоном в течение восьми лет благодаря обещанию обеспечить мир, благодаря тому что на выборах 1916 г. эта партия, рекламируя своего кандидата в президенты — Вильсона, ввела избирателей в заблуждение лозунгом: «Он нас удержал от войны». Только Франклин Рузвельт, пришедший в Белый дом в 1933 г. на волне всеобщего недовольства, вызванного небывалым экономическим кризисом и неслыханной безработицей, четыре раза подряд одерживал победы на президентских выборах и доводил республиканскую партию до положения беспомощной оппозиции. Рузвельт настолько поднял престиж и вес демократической партии в политической жизни страны, что после его смерти она еще годами пользовалась созданным ей авторитетом. Авторитет Рузвельта, как мы видели, демократы использовали на выборах 1948 г.

Рузвельт наносил такие меткие удары своим политическим противникам, что долго после его смерти республиканская партия не могла оправиться. Но ей помог Трумэн, растерявший авторитет, созданный демократам его предшественником.

В прошлом вопросы внешней политики США занимали, за очень редким исключением, незначительное место в партийной борьбе. Изоляционистский курс оставлял международным вопросам небольшую роль в схватках между республиканцами и демократами. Со времени второй мировой войны положение изменилось. Удельный вес внешнеполитических вопросов в общественной и политической жизни страны постоянно увеличивался. Более того, международное положение США сплошь и рядом определяло внутривнутриполитическую атмосферу в стране.

В апреле 1952 г. исполнилось пять лет со дня появления в США термина «холодная война». За это время «холодная война» превалировала не только во внешней, но и во внутренней политике, а также в общественной жизни страны, вызвав небывалую в истории США волну шпиономании и антикоммунистической истерии, антирабочих и антидемократических законов. Все это создавало напряженное, перевозное состояние у миллионов людей в стране.

Пятилетние итоги «холодной войны» оказались безотрадными. К началу 1952 г. США (по сравнению с 1947 г.) ослабили свои международные позиции. За это время изменилось соотношение сил на мировой арене: США лишились монополии на атомное оружие и потеряли исклю-

чительное по своим размерам и последствиям поражение в Китае. Компенсация, которую Вашингтон пытался получить в Западной Европе созданием и финансированием НАТО, не вызвала энтузиазма ни в Европе, ни в Америке. Наконец, в довершение всего правительство Трумэна втянуло страну в длительную, непопулярную, опасную для США и безнадежную войну в Корее.

Престиж правительства Трумэна в стране резко упал.

В 1952 г. у республиканцев впервые за 20 лет появились реальные перспективы на возвращение в Белый дом. Правда, у них оказалось «рыльце в пушку»: ведь их представители настаивали на расширении корейской войны, на превращении ее в третью мировую войну. Но во время выборной кампании они с успехом обвинили демократов в том, что их правительство и их президент втянули США в невыгодную войну на Дальнем Востоке.

26 февраля 1952 г. боровшимся за власть в Вашингтоне республиканцам пришел на помощь премьер английского правительства Черчилль: он сообщил о существовании секретного соглашения между Трумэном и бывшим лейбористским правительством Великобритании, предусматривавшего ведение эвентуально военных действий против Китайской Народной Республики. Демократы лишились возможности выставить себя перед избирателями спасителями страны от третьей мировой войны, к которой могли привести акции наиболее милитаристски настроенных видных деятелей из республиканской партии.

Тем не менее разбить на выборах демократическую партию, вырвать у нее бразды правления было нелегко. В США считалось аксиомой, что нельзя победить партию, стоящую у власти, тогда, когда хозяйство страны находится в стадии оживления и индекс промышленного производства повышается. В 1952 г. производство США, поддержанное военными заказами, находилось на высоком уровне.

Однако экономическая политика правительства давала немало оснований для критики. Борьба с инфляцией провалилась. Дефицит 1952/53 бюджетного года доходил до 10 млрд. долл. Республиканцы не переставали напоминать о противоречивых экономических программах Трумэна в кризисный 1949 г. Но массовый избиратель слабо разбирается в экономических программах и мало интересуется дискуссиями на эту тему. Он судит прежде всего по общему экономическому положению, создавшемуся ко времени выборов. В последний месяц перед выборами, в октябре 1952 г., число безработных в США, по официальным данным, сократилось до самого низкого уровня со времени окончания второй мировой войны.

В сложившихся условиях особую роль играла личность кандидата в президенты. Республиканцы могли уверенно выступать на президентских выборах, выдвигая популярного кандидата и ссылаясь больше на его личные достоинства, чем на «заслуги» партии. Равным образом, демократы в единоборстве с республиканцами в 1952 г. должны были выдвинуть кандидатом в президенты человека, выступающего как инициатор самостоятельных конструктивных планов, а не как продолжатель дела Трумэна.

До окончательного выдвижения кандидатов на национальных конвентах в рядах республиканцев и демократов происходила острая борьба, которая вскрывала внутреннее положение в обеих партиях.

За год до выборов руководящие деятели обеих партий претендовали на то, чтобы заполучить согласие Д. Эйзенхауэра на выдвижение его кандидатуры в президенты. Каждая из этих партий считала его своим человеком и каждая из них была уверена, что этот генерал является тем

наиболее популярным кандидатом, который соберет нужное количество голосов на президентских выборах. Уже один этот эпизод характеризует природу и «принципиальность» обеих правящих партий в США.

16 февраля 1952 г. Эйзенхауэр сообщил через генерала Клея, что он согласен баллотироваться как кандидат в президенты США от республиканской партии. Сообщение Эйзенхауэра развязало борьбу внутри демократической партии. Раз ее самый сильный кандидат, в победе которого на выборах можно быть уверенным, отпадает, то возник вопрос, кем его заменить? А в республиканской партии заявление Эйзенхауэра активизировало сторонников кандидатуры сенатора Тафта в президенты США.

Обсуждение кандидатур на высший правительственный пост в США, борьба вокруг этих кандидатур сплошь и рядом отражают позиции различных групп в каждой партии.

Демократическая партия за 20 лет пребывания у власти укрепила свой аппарат и свой постоянный избирательный корпус. В разгар президентской кампании 1952 г. в США на основании различных опросов и оценок считали, что 48% всех избирателей обычно голосует за демократов и лишь 30% — за республиканцев¹⁶⁰.

Хотя в основных вопросах внутренней и внешней политики демократы, так же как и республиканцы, неизбежно отстаивают интересы крупного американского капитала, они формально апеллируют к массам, к трудящимся города и деревни, как партия, якобы защищающая интересы этих масс, выступающая против привилегий монополий.

В XX в., особенно в годы президентства Франклина Рузвельта, демократическая партия ассоциировалась в представлении трудящихся масс с некоторыми реформами, с либеральным рабочим законодательством. Республиканская партия, наоборот, рассматривалась как консервативная, заботящаяся исключительно об интересах монополистического капитала, выступающая против каких бы то ни было социальных реформ, против прогрессивного рабочего законодательства. Реакционное антирабочее законодательство 80-го конгресса, в котором большинство принадлежало республиканцам, могло служить подтверждением этих взглядов.

При отсутствии массовой партии рабочего класса трудящиеся промышленных центров страны, участвующие в выборах, как правило, голосуют за демократов. В этом основная сила демократической партии. При Рузвельте демократам удалось завербовать на свою сторону аграрный Запад, который раньше обычно отдавал большинство голосов республиканцам. «Прочный Юг», хотя он и не всегда прочен, все же остается цитаделью демократов.

Такое положение дает возможность утверждать, что постоянных избирателей у демократов в 1,5 раза больше, чем у республиканцев. Но демократическая партия (как, впрочем, всякая буржуазная партия) состоит из противоречивых групп с противоречивыми интересами. В конгрессе США постоянно обнаруживаются внутривнутрипартийные противоречия. За годы президентства Трумэна коалиция республиканцев и южных демократов неоднократно выступала против правительства и проваливала его предложения. «Закон Тафта — Хартли» не прошел бы в конгрессе помимо вето президента США, если бы наряду с республиканцами за него не голосовали южные демократы. В 81-м конгрессе из 54 сенаторов-демократов лишь 13 в важнейших вопросах непоколебимо поддерживали правитель-

ство, а 18 обычно выступали по этим вопросам вместе с республиканцами против правительства демократов¹⁶¹.

Внутрипартийные противоречия сказываются на национальных конвентах демократов. В 1948 г. на конвенте в Филадельфии дело дошло до откола четырех южных штатов, выступивших на выборах самостоятельно как диссиденты.

Иногда эти противоречия обнаруживаются в правительстве между президентом и вице-президентом. Известны, например, разногласия между Франклином Рузвельтом и его первым вице-президентом южанином Дж. Гарнером из Техаса. Вице-президент при Трумэне южанин Бэркли из Кентукки публично утверждал, что ни он, ни демократическая партия не согласны с правительственным планом регулирования сельскохозяйственных цен (так называемый план Бреннана)¹⁶².

Когда общая политическая конъюнктура неблагоприятна для данной партии, внутренние разногласия выступают более рельефно.

После отказа Эйзенхауэра баллотироваться в качестве кандидата в президенты США от демократов, внутренние слабости и противоречия в этой партии всплыли на поверхность.

В течение 100 лет ни один южанин не был президентом США. Президент Вильсон, правда, — уроженец штата Вирджиния. Но он баллотировался в 1912 г. на выборах президента США как губернатор северо-восточного штата Нью-Джерси. В 1952 г. южане сенаторы Р. Рассел из Джорджии, Э. Кефвер из Теннесси и Р. Керр из Оклахомы энергично добивались выдвижения своих кандидатур в президенты. Само обсуждение этих кандидатур вызвало большие трения в партии и отражало наличие глубоких разногласий между ее приверженцами на Севере и Юге страны. Южане, считавшиеся «прочной основой» демократической партии, нашли, что наступило то время, когда на высшую должность в США должен быть выдвинут их представитель, как это бывало в первые десятилетия существования республики. Партийное руководство никак не могло согласиться с этим. В южных штатах, где республиканцы очень слабы, где фактически функционировала однопартийная система, избиратели, участвовавшие в президентских выборах, голосовали за кандидатов из северных штатов. На Севере избиратели, на которых рассчитывала демократическая партия, состоявшие в значительной части из трудящихся, потомков иммигрантов, выходцев из разных стран и народов, не голосовали бы за южных расистов.

Руководящим кругам демократической партии предстояло сделать выбор между губернатором штата Иллинойс Э. Стивенсоном и будущим губернатором Нью-Йорка А. Гарриманом — крупным банкиром, судопромышленником, потомственным архимиллионером. Демократам, претендующим на то, что они представляют широкие народные массы, и называющим республиканцев партией богачей, особых привилегий и монополий, не совсем удобно было противопоставлять Гарримана кандидату республиканской партии Эйзенхауэру — старому солдату, сыну механика на маслозаводе. После долгих размышлений и споров они остановились на кандидатуре Стивенсона — популярном губернаторе штата Иллинойс.

Усилилась внутренняя распря и в республиканской партии. После 1928 г. эта партия не выиграла ни одной президентской кампании. С тех пор избирательный корпус США обновился больше чем наполовину. Обновился и состав этой партии. Между тем партийное руководство

¹⁶¹ «New York Times Magazine», 5.XI 1950.

¹⁶² Ibidem.

¹⁶⁰ «New York Times Magazine», 20.VII 1952.

сохранилось в руках старых лидеров, заседавших в сенате с 30-х, а некоторые даже с 20-х годов. Особенно обострилась конфронтация среди республиканцев после 1948 г., когда вопреки их ожиданиям и расчетам они потерпели поражение на президентских выборах.

Недовольство старым руководством вылилось в движение младореспубликанцев, развернувших борьбу в конгрессе и в законодательных собраниях отдельных штатов. В конгрессе группа сенаторов, включая Р. Фландерса и Дж. Эйкена из Вермонта, М. Юнга из Северной Дакоты, Г. Лоджа и Л. Салтенстола из Массачусетса, Ивса из Нью-Йорка, Х. А. Смита и Гендриксона из Нью-Джерси, подняли кампанию против лидера республиканцев в сенате Р. Тафта.

Спор шел вокруг вопроса о том, кто виноват в поражении республиканцев в 1948 г.: порочная предвыборная стратегия Т. Дьюи или ошибочная политика большинства в 80-м конгрессе, принадлежавшего республиканцам, политика, которую удачно использовал Трумэн в президентской кампании?

Разногласия приняли острый характер на заседании Национального комитета республиканской партии в конце января 1949 г., состоявшемся в г. Омаха (штат Небраска). Тафт и его сторонники отстаивали наиболее консервативные взгляды. Они говорили, что партия восстановит свои былые силы лишь в том случае, если она займет твердую, принципиальную позицию и полностью отречется от внутренней и внешней политики Рузвельтовского курса «нью дил».

Оппозиция старому партийному руководству, названная «либеральным крылом», выступила с противоположной программой, изложенной в г. Омаха губернатором Небраски У. Петерсоном. Он утверждал, что «республиканская партия должна освободиться от своей реакционной репутации, если она хочет вернуть себе федеральную власть»¹⁶³.

Программа, предложенная Петерсоном, была встречена в штыки «старой гвардией» республиканцев. Из 105 членов Национального комитета 57 поддержали Тафта. Его сторонники оказались достаточно сильными, для того чтобы удержать руководство в своих руках. Но программа, выдвинутая губернатором Небраски Петерсоном, продемонстрировала всю глубину разногласий и противоречий в республиканской партии.

Вопрос о положении в республиканской партии снова стал во всем его объеме в выборной кампании 1952 г. С начала этого года Тафт вел всесторонне подготовленную, поддержанную крупными финансовыми средствами, энергичную кампанию за выдвижение своей кандидатуры в президенты США.

Летом 1952 г., перед открытием национального конвента республиканской партии, где окончательно должен был быть выбран кандидат в президенты США, голоса делегатов конвента разделились примерно пополам: половина за Эйзенхауэра и половина за Тафта¹⁶⁴. Борьба вокруг

кампании за избрание Тафта имела большое политическое значение. Она определяла в известной мере курс не только внутренней, но и внешней политики США.

В демократической партии разногласия проявлялись в основном во внутренней политике, в частности по расовому вопросу. Этот вопрос, правда, переплетается, как это разъяснял Трумэн, с внешней политикой, ибо нельзя претендовать на распространение влияния США на страны Азии и Африки и продолжать поощрять расовые конфликты у себя дома. Но непосредственно расовый вопрос рассматривается как сложная внутриполитическая проблема США, как проблема, подтачивающая основы демократической партии.

В республиканской партии разногласия в основном относились к проблемам внешней политики. Сторонники Эйзенхауэра называли Тафта изоляционистом, готовым отказаться от Европы и убрать оттуда вооруженные силы США. Приверженцы Тафта утверждали, что Эйзенхауэр желает продолжать внешнюю политику правительства Трумэна и готов бросить все силы США в Европу¹⁶⁵.

Спор достиг наивысшего накала к началу июня 1952 г., когда Тафт выступил по радио с внешнеполитической программой, в которой он, резко критикуя Трумэна, вместе с тем напал на своего соперника от республиканской партии — Эйзенхауэра. Он говорил, что во внешней и военной политике США решающую роль должна играть мощная авиация, способная не только контролировать океаны, но и «доставлять атомные бомбы до городов и промышленных предприятий России». Между тем советская боевая авиация, утверждал он, превышает более чем в 3 раза американскую. В этом Тафт всецело винил Эйзенхауэра. «Происходит, — заявил он, — постоянное относительное ухудшение наших воздушных сил, начавшееся, когда генерал Эйзенхауэр был начальником штаба»¹⁶⁶.

В своей речи Тафт призвал к тому, чтобы республиканская партия без всяких колебаний отвергла внешнюю политику правительства. Политика Трумэна и Ачесона, заявил Тафт, представляет «самый несчастный период во всей истории американской внешней политики»¹⁶⁷. По его словам, США в 1945 г. находились «на вершине величия и могущества». Потом, начиная с 1946 г., вследствие порочной политики правительства демократов они стали терять свои преимущества, и в результате, утверждал Тафт, силы США намного уступают воздушным и сухопутным силам Советского Союза. Тафт подчеркивал, что он считает господство в воздухе важнейшей задачей внешней и военной политики США в отличие от правительства, ставящего выше всего НАТО.

Известно, что внешняя политика буржуазной партии, находящейся в оппозиции, не всегда совпадает с той ее практической деятельностью, которую она проводит, придя к власти. Но в отношении Тафта в Вашингтоне преобладало мнение, что его правительство, если бы он стал президентом США, не старалось бы локализовать войну в Корее, а, наоборот, содействовало бы ее расширению. В приведенном выступлении по радио Тафт выразил сожаление, что не послушались Макартура, курс которого вел, как мы видели, к третьей мировой войне¹⁶⁸.

Кандидатура Тафта по мере приближения национального конвента вызывала все больше опасений в республиканской партии. Дело было не

¹⁶³ Он выдвинул программу из следующих пунктов: 1) рассеять распространенное мнение, что партия против любых государственных мероприятий, направленных к облегчению экономической пужды; 2) прекратить сопротивление любой демократической политике, создающее впечатление противодействия всем социальным реформам и любому виду общественных услуг, требующих денежных затрат; 3) принять меры к опровержению обвинения, что партия играет в команде предпринимателей против рабочих; 4) не допускать наиболее неуступчивых промышленников выступать в качестве представителей партии; 5) отбросить изоляционистский ярлык, который партия получала благодаря некоторым ее представителям, пытавшимся доказать, что в катастрофе при Пирл-Харборе скорее виноват Рузвельт, чем японский флот («New York Herald Tribune», 27.I 1949).

¹⁶⁴ «Manchester Guardian», 2.II 1952.

¹⁶⁵ Ibidem.

¹⁶⁶ «Wall Street Journal», 10.II 1952.

¹⁶⁷ «New York Herald Tribune», 2.II 1952.

¹⁶⁸ Ibidem.

только и не столько в его опасной внешнеполитической программе, состоявшей, как и у бывшего президента Гувера, из смеси изоляционизма прошлых лет и новейшего, воинственного авантюризма. Несмотря на эту программу, большинство национального комитета шло за Тафтом. Но республиканцев боялись, что Тафт не соберет нужного числа голосов на выборах, что выдвижение его кандидатуры в президенты США помещает им воспользоваться возможностями, сложившимися для их партии в результате банкротства политики Трумэна.

Выдвижение спорной кандидатуры Тафта обнадеживало демократов, давало им основание надеяться на их победу в президентской кампании 1952 г.

Тафт, учитывая настроения делегатов на конвенте республиканской партии, 12 июня выступил в Национальном клубе партии в Нью-Йорке с объяснением причин пятикратного поражения республиканцев и изложением сути той тактики, при помощи которой он поведет свою партию к победе.

За годы пребывания в Белом доме Рузвельта и Трумэна республиканцы, утверждал Тафт, терпели поражение на выборах в президенты потому, что они говорили: республиканцы одобряют цели «нью дил», но могут их достичь легче, чем Рузвельт, республиканцы одобряют послевоенную внешнюю политику правительства, но могут ее осуществить лучше, чем Трумэн. Тафт требовал, чтобы такой тактике был положен конец, чтобы республиканцы показали на выборах ошибки и печальные итоги внешней политики Трумэна.

В пылу нападок на Трумэна Тафт даже заявил, что «империалистическая идея лежит в основе проводимой внешнеполитической программы»¹⁶⁹. Однако автор «закона Тафта — Хартли» не строил иллюзий насчет перехода на его сторону избирателей, голосовавших раньше за демократов, и на этих избирателей он не надеялся.

Тафт рассчитывал привлечь на свою сторону миллионы избирателей из резерва. В 1948 г., рассуждал он, избирательный корпус США равнялся 85 млн. человек; из них в голосовании участвовали лишь 50 млн., а 35 млн. игнорировали выборы. Такой абсентеизм Тафт объяснял тем, что десятки миллионов избирателей, несогласных с демократами, не видят ничего лучшего у республиканцев. И если республиканцы выступят с новой программой, кардинально отличающейся во внутренней и особенно во внешней политике от платформы демократов, то масса новых избирателей будет за них голосовать. Достаточно из этого огромного резерва привлечь на сторону республиканцев 20—25% — около 8 млн. новых избирателей, чтобы обеспечить ему, Тафту, победу на президентских выборах в 1952 г.

В центре внешнеполитической программы Тафт ставил господство США в воздухе. Основывая внешнюю и военную политику США на мощной авиации, можно будет, по его мнению, существенно сократить военные расходы. Он ссылаясь при этом на генерала О. Брэдли, доказывавшего в марте 1950 г., что военных расходов в 15 млрд. долл. в год более чем достаточно, для того чтобы обеспечить безопасность США. Между тем на 1952/53 бюджетный год Трумэн запросил ассигновать на военные расходы 52,5 млрд. долл. плюс 10,5 млрд. долл. на оказание прямой и косвенной военной помощи иностранным государствам¹⁷⁰.

Значительное сокращение военных расходов, говорил Тафт, позволило бы уменьшить бремя налогов: 20 лет назад государственные расходы составляли 6% национального дохода, а Трумэн довел их до 30%. В результате больших налогов, которые препятствуют накоплению крупного состояния, жаловался Тафт, в США уже не появится капиталист масштабов Форда. Он даже утверждал, что если налоги будут отнимать более 25% дохода населения, то движение к социализму нельзя будет задержать.

Так, соблазняя избирателей сокращением военных расходов и уменьшением налогов, республиканский претендент на кресло президента США ратовал за свою новую программу внутренней и внешней политики США. Но эта программа и аргументы в ее защиту не убедили даже активных деятелей его собственной партии.

Миллионы избирателей, воздержавшихся от голосования, относятся к республиканцам отнюдь не с большим энтузиазмом, чем к демократам. Опыт предыдущих лет показал, что, наоборот, чем больше избирателей участвует в голосовании, тем хуже для республиканцев. После 1928 г. республиканцы 4 раза поправляли свои дела на выборах в конгресс, не совпадавших с президентскими выборами: в 1938, 1942, 1946 и 1950 гг. Каждый раз в этих выборах участвовало гораздо меньше избирателей, чем в предыдущих президентских выборах. В 1946 г., например, когда республиканцы получили в обеих палатах конгресса больше мест, чем за все время, начиная с выборов 1930 г., в голосовании участвовало всего 34 млн. избирателей. Между тем двумя годами раньше, в 1944 г., когда Рузвельт одержал свою четвертую победу на выборах и республиканцы сократили число своих конгрессменов, в выборах участвовало 48 млн. избирателей.

Как бы то ни было, Тафту никак не удалось убедительно доказать, что масса граждан США, воздерживающихся от голосования, пойдет за ним, если ее удастся привлечь к избирательным урнам.

7 июля 1952 г. в Чикаго открылся национальный конвент республиканской партии¹⁷¹. Накануне открытия конвента Тафт заявил на пресс-конференции о своей уверенности в победе. 537 делегатов обещали голосовать за него, а для того чтобы стать кандидатом в президенты США, необходимо было иметь всего 604 голоса. За Эйзенхауэра определенно высказались лишь 427 делегатов¹⁷².

Главные докладчики на конвенте были политически ближе к Тафту, чем к Эйзенхауэру. Программную, или, как ее называют в США, «ключевую» (keynote) речь, задающую тон конвенту, произнес 7 июля Мак-артур, которому был поручен этот ответственный доклад вопреки протестам сторонников Эйзенхауэра. Игнорируя устав американской армии, запрещающий служащим в вооруженных силах критиковать правительство, Мак-артур в ряде выступлений обрушивался на Трумэна и на его внешнюю политику. Он отнюдь не скрывал, что считает собственную персону лучшей кандидатурой в президенты США. На следующий день вы-

ного состояния и что по этой причине в США уже не сможет появиться «новый Форд».

¹⁷¹ Выступления на конвентах обеих партий транслировались по радио и телевидению. В 1952 г. в США насчитывалось 17 млн. телевизоров по сравнению с 1 млн. в 1948 г., когда происходили предыдущие национальные конвенты. То, что широкие слои населения впервые имели возможность не только слушать, но и видеть все то, что происходит на национальных конвентах, придало партийным конвентам 1952 г. большую популярность.

¹⁷² «New York Herald Tribune», 7.VII 1952; «Information Please Almanac», 1953, p. 17, 18—19.

¹⁶⁹ «New York Times», 13.VI 1952.

¹⁷⁰ «New York Times», 13.II 1952.

Тафт жаловался на то, что большие налоги препятствуют накоплению круп-

ступил с большой речью бывший президент Гувер. И Гувер, и Макартур считались единомышленниками Тафта по основным вопросам внешней политики.

Макартур обвинял правительство Трумэна в отсутствии мужества для войны с Китайской Народной Республикой. Он в духе Тафта выразил сомнение в отношении союза с европейскими государствами, не желавшими брать на себя бремя вооружений¹⁷³.

Гувер повторял слова Макартура: «В войне победа ничем не может быть заменена». Этим он подтвердил свое согласие с Макартуром в вопросе о войне против Китая. В основном выступление бывшего президента США на конвенте было посвящено защите внешнеполитической программы Тафта. Отметив, что федеральные и местные государственные расходы, составляющие около 35% национального дохода, являются непосильными и вызывают опасную инфляцию, Гувер говорил, что бороться с этой опасностью можно только путем сокращения военных расходов внутри страны и за границей. Он, как и Тафт, высказался против большой армии, против посылки сухопутных войск США в Европу и за усиление авиации. Он также рекомендовал сохранить мощный военно-морской флот. Расходы на сухопутную армию и на помощь союзникам США должны быть, по мнению Гувера, настолько сокращены, чтобы путем снижения налогов можно было бы сбалансировать бюджет¹⁷⁴.

Гувер в своей речи перед национальным конвентом, не называя фамилий, отстаивал внешнеполитическую и военную программу Тафта и выступал против линии Эйзенхауэра — поборника НАТО, сторонника вооружения европейских союзников США.

К открытию конвента республиканцев Тафту симпатизировало большинство в национальном комитете, за него высказалось больше делегатов, чем за Эйзенхауэра, а на конвенте выступили в его пользу крупнейшие политические и военные авторитеты республиканской партии. Но ничего не помогло. В решающий момент практические соображения взяли верх над настроениями и симпатиями. Коклэв республиканцев предпочел более надежного и более популярного кандидата в президенты, чем Тафт. Чтобы выиграть в этой борьбе, республиканцам необходимо было получить большинство голосов в 27 штатах, в которых на предыдущих трех президентских выборах большинство получили демократы. Большинство конвента пришло к убеждению, что вырвать бразды правления у демократов может Эйзенхауэр, а не Тафт.

Первое голосование 11 июля на конвенте принесло Эйзенхауэру 595 голосов, а Тафту — только 500. Эйзенхауэру недоставало 9 голосов, для того чтобы стать кандидатом в президенты США. Но второй раз голосовать не пришлось. До официального объявления результатов делегация штата Миннесоты, шедшая за Х. Стассеном, сообщила, что она решила полностью перейти на сторону Эйзенхауэра. Эйзенхауэр, получив таким путем еще 19 голосов, победил на конвенте. Тут же ряд делегатов других штатов последовал примеру представителей Миннесоты. Число голосов, поданных за Эйзенхауэра, увеличилось до 845, а за Тафта уменьшилось до 280.

Генерал Эйзенхауэр стал официальным кандидатом в президенты США от республиканской партии. Вместе с ним на этом конвенте кандидатом в вице-президенты был избран Ричард Никсон — сенатор от штата Калифорния.

¹⁷³ «New York Times», 8.VII 1952.

¹⁷⁴ «New York Times», 9.VIII 1952.

Длительная и упорная борьба Тафта закончилась неудачно. Она наглядно иллюстрировала силы и взгляды, содержание и настроения в любимой партии крупного американского капитала. Вместе с поражением Тафта закончилось продолжавшееся больше полувека неоспоримое господство твердолобой, консервативной, так называемой старой гвардии в республиканской партии.

Хотя Тафт своей цели не достиг, его программа нашла во многом отражение в платформе республиканской партии на выборах 1952 г. Вопросы внутренней политики платформа освещала в духе Тафта, а внешней политики — в духе Трумэна с поправками Дж. Ф. Даллеса.

Платформа республиканцев, как и демократов, — это не документ, излагающий определенные партийные принципы, а скорее набор обещаний, которые, по мнению ее авторов, должны привлечь наибольшее число избирателей. Тем не менее неверно было бы смотреть на борьбу обеих партий только как на сценические сражения. Выборные платформы затрагивают злободневные вопросы. Послевоенные платформы кардинально отличаются от довоенных. В 1932 г., например, платформа республиканской партии одобряла протекционные тарифы, а в 1936 г. она высказывалась против вступления США в Лигу Наций и в Международный суд, отстаивала полностью политику изоляционизма. Сопоставление платформ различных периодов свидетельствует об изменениях, происшедших в позиции этой партии, об ее приспособлении к новым условиям.

Но есть вопросы, по которым республиканской партии трудно менять свою позицию, хотя эта позиция ставит ее в невыгодное положение перед широкими кругами избирателей. В 1952 г., как и на предыдущих президентских выборах, это относилось, в частности, к «закону Тафта — Хартли». По этому вопросу, как и во всей внутренней политике, платформа республиканцев в 1952 г. по существу не отличалась от их платформы в 1948 г. Но в 1948 г. «закон Тафта — Хартли» играл решающую роль на выборах. В 1952 г., после того как демократы не выполнили своего обещания, не отменили этого закона во время заседания 81-го конгресса, где они имели значительное большинство, пропагандистское значение этого вопроса в выборной борьбе уменьшилось.

Республиканцы в своей платформе осуждали экономическую политику правительства демократов, называли рекламированное им «просперити» фальшивым, а кажущееся хозяйственное благополучие — продуктом расточительных военных расходов и инфляции. Республиканцы обвиняли правительство демократов в том, что оно ведет к национал-социализму¹⁷⁵.

Особое внимание в платформах обеих партий, как и во всей президентской кампании 1952 г., уделялось вопросам внешней политики. В платформе республиканской партии осуждалась политика «сдерживания», выдвинутая в апреле 1947 г. руководителем отдела планирования политики государственного департамента — Дж. Кеннаном и рассматривавшаяся в течение пяти лет как официальный внешнеполитический курс правительства демократической партии.

Республиканцы в своей платформе осуждали политику «сдерживания» как пассивную, «негативную, фатальную и аморальную»¹⁷⁶. Они заявляли, что этой политике будет положен конец. Внешнеполитическая часть платформы основывалась на программе «освобождения», провозглашенной Даллесом двумя месяцами раньше, в мае 1952 г.¹⁷⁷

¹⁷⁵ «New York Times», 11.VII 1952.

¹⁷⁶ Ibidem.

¹⁷⁷ См.: «Life», May 1952.

Активная политика «освобождения», или «отбрасывания», твердили лидеры республиканской партии, придет на смену пассивной политике «сдерживания». Активная политика «освобождения» рассматривалась как программа восстановления силой капитализма в странах народной демократии, как курс на превращение «холодной войны» в горячую.

Платформа также содержала зловещие, ставшие в последующие годы нарицательными слова: «массированное возмездие». Но, по настоянию Эйзенхауэра, они были изъяты как слишком воинственные, могущие вызвать недовольство и тревогу у европейских союзников¹⁷⁸.

Национальный конвент демократической партии открылся 21 июля в Чикаго, в том же помещении, где двумя неделями раньше заседали представители республиканцев. После третьего голосования 26 июля Стивенсон был избран кандидатом в президенты от демократов. Их кандидатом в вице-президенты стал сенатор от Алабамы Дж. Спаркман.

Главные докладчики демократической партии занялись прежде всего разоблачением своих соперников, критикой выступлений на конвенте республиканцев. «Ключевую» речь произнес губернатор штата Массачусетс Девер. Отметив, что республиканцы всегда выступали против ограничения власти монополий, поощряли «менял Уолл-стрита» и ущемляли интересы бедных, Девер обвинил республиканцев в том, что они желают сейчас передать производство атомной энергии частным монополиям¹⁷⁹. Утверждая, что республиканцы злоупотребляют именем генерала Эйзенхауэра, Девер, перефразируя библейские слова: «голос — голос Якова, а руки — руки Исавы», сказал: «голос — голос генерала, а руки — руки Томаса», т. е. Томаса Дьюи.

В программной речи и в платформе демократы в 1952 г., как в 1948 г., искали опоры в авторитете имени Франклина Рузвельта. Они сравнивали экономическое положение США 1952 г. с 1932 г., когда Рузвельт впервые баллотировался в президенты США и когда мировой экономический кризис достиг наибольшей глубины. Они даже отнесли к своим заслугам то, что после второй мировой войны в отличие от годов, следовавших после больших войн в прошлом, не было большого экономического кризиса¹⁸⁰.

Платформы обеих партий отличались в основном своим размером: платформа демократов была почти в 2 раза больше, чем республиканцев. Только в двух вопросах они различались по содержанию.

Во внешней политике демократы повторяли, что они остаются на позициях «сдерживания» и что приложат все усилия к тому, чтобы избежать новой мировой войны; республиканцы же, как мы видели, осуждали эту позицию и приняли более опасную для всеобщего мира политику Даллеса.

В отношении внутренней политики в платформе демократов говорилось: «Мы решительно отстаиваем отмену «закона Тафта — Хартли»; республиканцы же высказались за сохранение этого закона. Как уже отмечалось выше, в 1952 г. «закон Тафта — Хартли» не играл уже той большой роли, которую он играл в кампании 1948 г. И вообще выборная кампания 1952 г. обнаруживала больше разногласий по вопросам внутренней политики внутри демократической партии, а по вопросам внешней политики — внутри республиканской партии, чем между республиканцами и демократами.

¹⁷⁸ «New York Times», 13.VII 1952.

¹⁷⁹ «New York Times», 22.VII 1952.

¹⁸⁰ Ibidem.

Национальные конвенты партий положили конец борьбе за президентское кресло внутри каждой из этих партий. После закрытия конвентов начался поединок между Эйзенхауэром и Стивенсоном.

Формально Стивенсон открыл свою президентскую кампанию 1 сентября речью в Детройте, а Эйзенхауэр — 4 сентября речью в Филадельфии. Неофициально оба кандидата в президенты выступали и раньше, излагая публично свои взгляды и свои программы.

За месяц до открытия национального конвента республиканской партии (4 и 5 июня 1952 г.) Эйзенхауэр в речи и на пресс-конференции в родном г. Абилин (штат Канзас) говорил о своем отношении к вопросам внутренней и внешней политики. В этой, как и в других предвыборных речах, кандидат в президенты сделал основной упор, как он сам рассказывает в своих мемуарах, на борьбе против коммунизма. Он, так же как его предшественник в Белом доме, утверждал, что Америка «должна взять на себя бремя руководства миром». 23 июня он выступил в г. Денвер против изоляционизма. Он высказался за переговоры о сокращении бремени вооружений, но такие переговоры, по его мнению, должны вестись «с позиции силы». В этой же речи он решительно высказался за сбалансированный бюджет и за сокращение налогов. После национального конвента Эйзенхауэр, агитируя за свое избрание в президенты США, посетил 45 штатов, преодолев по железной дороге и самолетами более 50 тыс. миль.

4 сентября Эйзенхауэр, открыв официально свою выборную кампанию выступлением в Филадельфии по телевидению, пытался разговорами о необходимости сохранения мира, о мерах против третьей мировой войны ослабить тяжелое впечатление, оставленное платформой и воинственными речами республиканцев на конвенте. Он заявил: «В этот атомный век, в эти дни грозного нового оружия победа в глобальной войне невозможна. Начало такой войны будет ударом, от которого мир не сможет оправиться в течение тысячелетий. Только поражение в современной войне может быть еще большим бедствием. Единственный путь выиграть третью мировую войну — не допускать ее»¹⁸¹.

Эйзенхауэр подержал тезис платформы республиканской партии о содействии ниспровержению существующего строя в странах, ставших на путь социализма. Он это особенно подчеркнул в своем выступлении на съезде Американского легиона 25 августа в Нью-Йорке, по добавил, что это должно осуществляться «только мирными средствами»¹⁸².

За месяц до выборов, 2 октября, выступая в г. Пеория (штат Иллинойс), Эйзенхауэр утверждал, что все экономическое благополучие США за 20 лет господства демократов основывалось на войне. За 10 лет (1929—1939 гг.), говорил он, национальный продукт США в расчете на душу населения не вырос. «В 1939 г. после семи лет «ню дил» 9,5 млн. американцев еще сидели без работы»¹⁸³. И то, что не был в состоянии сделать «ню дил», сделала война: она ликвидировала безработицу и увеличила производство.

После войны, продолжал Эйзенхауэр, создалась иллюзия хозяйственного процветания. В действительности с 1946 г. не было ни экономического роста, ни роста жизненного уровня. Для подтверждения своих слов Эйзенхауэр привел следующие официальные данные правительства США: в 1945 г. средний доход американской семьи составлял 3561 долл.,

¹⁸¹ «New York Times», 5.VI 1952; 24.VII 1952.

¹⁸² «New York Times», 5.IX 1952.

¹⁸³ «New York Times», 3.X 1952.

а в 1951 — 4773 долл. — на треть больше, но еще больше выросли за это время цены и налоги, поэтому доход средней американской семьи в целом реально был в 1951 г. ниже, чем в 1945 г. И Эйзенхауэр заключил: «Для американской экономической политики, зависящей в создании и сохранении просперити от стимулов угрозы войны, нет будущего»¹⁸⁴.

Подобная критика против демократов, особенно рекламировавших свои экономические достижения, естественно, должна была произвести известное впечатление на избирателей. Но гораздо большее впечатление произвело заявление Эйзенхауэра 24 октября — за 10 дней до выборов, — что если он будет избран президентом, то отправится в Корею, чтобы добиться там окончания войны.

Стивенсон показал себя в предвыборной кампании как резонер и в то же время как опытный политик и незаурядный оратор, осведомленный в международных вопросах. Но он очутился перед неодолимыми трудностями. Он вступил в единоборство с самым популярным в стране генералом, с именем которого ассоциируется высадка союзных войск в Нормандии и победа на Западном фронте во второй мировой войне. В то же время против него действовала непопулярная политика правительства его собственной партии.

Учитывая эти трудности, Стивенсон держался осторожно и тактично по отношению к своему сопернику Эйзенхауэру. Одновременно он отгораживался по возможности от курса Белого дома, подчеркивая, что он отличается от Трумэна и не собирается во всем продолжать его политику.

Эйзенхауэр в критике правительства демократической партии акцентировал внимание на двух обвинениях: Корея и коррупция. Трумэна больше всего затрагивало второе обвинение. Он не отрицал, что правительственный аппарат США несвободен от продажных лиц. Но вместе с тем он утверждал, что республиканцы, «отличившиеся» в свое время «нефтяной панамой», оказались еще более продажными, когда им принадлежала исполнительная власть в стране. Его сильно задел ответ коллеги по партии Стивенсона на вопрос, поставленный последнему во время его выступления в штате Орегон по поводу коррупции в правительственном аппарате. Стивенсон, не возражая против обвинения в коррупции, заявил, что, придя к власти, он ликвидирует «беспорядок в Вашингтоне»¹⁸⁵.

Через две недели после избрания его кандидатом в президенты США Стивенсон добился снятия выдвинутого Трумэном председателя Национального комитета демократической партии и замены его своим человеком — чикагским прокурором Митчеллом. Главную квартиру своей президентской кампании Стивенсон разместил не как обычно в столице США Вашингтоне или в Нью-Йорке, а в провинциальном городе Спрингфилд (штат Иллинойс), подчеркивая этим свою независимость от Вашингтона, свою самостоятельность, не связывающую его с Трумэном и его правительством. Трумэн жаловался на отсутствие согласованности между Вашингтоном и Спрингфилдом¹⁸⁶.

Открывая 1 сентября в Детройте (штат Мичиган) официально свою президентскую кампанию, Стивенсон на площади Кадилак выступил против «закона Тафта — Хартли». В рабочем Детройте уместно было выступить против антирабочего законодательства. Но после того как демократы нарушили свое обещание в этом вопросе, новые заверения их

кандидата в президенты США не возымели должного эффекта. Правда, в графстве Уэйн, где расположен Детройт, Стивенсон получил большинство голосов. Но в целом за него в этом штате высказалось меньшинство избирателей, участвовавших в выборах. Поэтому Эйзенхауэру достались все голоса выборщиков в штате Мичиган.

В тот же день Стивенсон выступил еще в трех городах этого штата. Проводя свою тактику, он произносил хвалебные слова в адрес Эйзенхауэра. В этих речах он утверждал, что между ним и Эйзенхауэром нет разногласий по основным международным вопросам, что оба они одинаково одобряют основное направление существующей внешней политики. Но, утверждал он, по этим важным вопросам «республиканская партия безнадежно разделена», а демократическая партия выступает единодушно, в то время как Эйзенхауэр вынужден выступать против влиятельных республиканцев, добивающихся расширения войны в Корею. И Стивенсон, ссылаясь на то, что внешняя политика США зависит не только от правительства, но и от конгресса, спрашивал: как сможет Эйзенхауэр проводить эффективную и позитивную внешнюю политику, «когда большая часть его партии в сенате и больше половины в палате представителей постоянно борются против того, что он одобряет?»¹⁸⁷.

Этот вопрос Стивенсон поставил в своей речи и в Гранд Рапидс. Но графство Кент, где расположен этот второй по величине город штата Мичиган, как и графство, где находится промышленный Флинт, в котором кандидат в президенты от демократической партии выступил в тот же день, отдало большинство голосов Эйзенхауэру.

9 сентября в речи в Сан-Франциско, посвященной внешней политике, Стивенсон опять утверждал, что сильное и многочисленное крыло республиканской партии, которое, если республиканцы получат большинство на выборах в конгресс, будет контролировать все важные комиссии в обеих законодательных палатах, не поддержит внешнеполитической программы, предлагаемой Эйзенхауэром¹⁸⁸. В этой речи, между прочим, Стивенсон говорил о мирном сосуществовании как об активной борьбе между двумя системами, но мирными средствами.

В середине октября в речи в Лос-Анджелесе Стивенсон подчеркивал, что при существующем соотношении мировых сил сохранение мира должно превалировать над всеми вопросами. В этих условиях, утверждал он, выдержка, терпение важнее храбрости или силы: «Условия требуют терпения, выдержки, силы духа, снисходительности, благоразумия и снова терпения»¹⁸⁹.

Выступая перед избирателями, оба претендента на Белый дом обещали бороться за мир. Да иначе говорить они и не могли. Между воинственным духом платформы республиканцев и миролюбивыми речами Эйзенхауэра образовалась значительная дистанция. В обещаниях борьбы за мир Стивенсон усердствовал больше Эйзенхауэра. Но обещание Эйзенхауэра безотлагательно закончить войну в Корею оказалось красноречивее и убедительнее элоквиции Стивенсона в его аргументации о необходимости сохранения мира.

На выборах 1952 г. снова выступила прогрессивная партия. В начале июля она созвала свой национальный конвент в Чикаго, на котором присутствовало более 1800 делегатов из 41 штата. Программную речь на конвенте произнес известный негритянский историк и писатель У. Дю-

¹⁸⁴ «New York Times», 3.X 1952.

¹⁸⁵ Truman H. Memoirs, v. 2, p. 498.

¹⁸⁶ Ibid., p. 499.

¹⁸⁷ «New York Times», 2.IX 1952.

¹⁸⁸ «New York Herald Tribune», 10.IX 1952.

¹⁸⁹ «New York Times», 17.X 1952.

буа. Кандидатом в президенты был выбран прогрессивный калифорнийский юрист Холлинэн, а кандидатом в вице-президенты — редактор старейшей негритянской газеты на Тихоокеанском побережье США Шарлотта Басс.

Платформа прогрессивной партии во многом напоминала ее платформу в 1948 г. Наряду с этим в нее были включены злободневные вопросы 1952 г.: прекращение войны в Корее, установление дружественных отношений с Китайской Народной Республикой и принятие ее в ООН, запрещение производства и применения атомных бомб, прекращение вооружения Западной Германии, отмена законов Смита и Маккарэна, принятие законов за избирательный налог, против лицезвания, сегрегации и всех видов дискриминации негров.

Прогрессивная партия оказалась в 1952 г. перед еще большими трудностями, чем в 1948 г. На нее ополчились те же силы, что и на предыдущих президентских выборах, включая реакционное руководство профсоюзов. К тому же в ряде штатов власти приняли особые меры против участия прогрессивной партии в выборах. В штате Огайо, например, раньше, для того, чтобы кандидат третьей партии баллотировался, требовалось ходатайство, подписанное 25 тыс. избирателей, представленное до 3 августа того года, в котором происходят данные выборы. К выборам же 1952 г. вышел новый закон, требовавший предоставления к 6 февраля 500 тыс. подписей. В результате подобных и других препон, поставленных перед прогрессивной партией, ее кандидаты в 1952 г. имели возможность баллотироваться лишь в 28 штатах по сравнению с 45 штатами в 1948 г.

Уильям Фостер охарактеризовал платформу прогрессивной партии в 1952 г. следующими словами: «Эта программа выражает действительные желания большинства рабочего класса, угнетенных негров и массы американского народа, несмотря на то что эти массы, введенные в заблуждение нечестными лидерами, продолжают оставаться в западне двухпартийной системы и голосовать за политических представителей своих классовых врагов»¹⁹⁰.

Коммунистическая партия США активно участвовала в выборной кампании, несмотря на гонения и преследования. Там, где условия позволяли, она выдвигала на местные выборные должности своих кандидатов. На посты президента и вице-президента США она поддерживала, как и в 1948 г., кандидатов прогрессивной партии.

Коммунисты распространяли и старались довести до широких масс избирателей свою предвыборную платформу, указывающую перспективы американского пути к миру, демократии и социализму.

Учитывая, что широкие массы трудящихся США, «находящиеся под идеологическим влиянием реформистских помощников империализма»¹⁹¹, еще не готовы к непосредственной борьбе за социализм, Коммунистическая партия США сосредоточила свои усилия на борьбе в защиту непосредственных интересов трудящихся Америки. Она требовала отмены антирабочих, реакционных законов Тафта—Хартли, Смита и Маккарэна, защиты гражданских прав негров, освобождения прогрессивных деятелей, приговоренных к тюремному заключению на основе антидемократических, противоречащих конституции США законов.

Генеральный секретарь Юджин Деннис и ряд других руководителей Коммунистической партии США находились в это время в тюрьме.

Как отметил Уильям Фостер на предвыборной национальной партийной конференции 6 сентября 1952 г. в Нью-Йорке, центральным вопросом кампании, которую вела Коммунистическая партия США, явилась борьба за мир¹⁹².

Как и в предыдущей президентской кампании, лидеры организованных в профсоюзы рабочих официально поддерживали кандидатов демократической партии. Выступая за Стивенсона, руководители АФТ и КПП утверждали, что возвращение к власти республиканцев вернет страну к годам Гувера, к массовой безработице. Но, как бы ни старались лидеры, в 1952 г. они не могли обеспечить такое голосование членов профсоюзов за демократов, которое принесло бы победу Стивенсону. Нарушение демократами своих обещаний во внутренней политике и банкротство внешней политики Трумэна отразились на поведении рабочих во время выборов, сказалось также и то, что в 1952 г. кандидат республиканцев был более популярен в стране, чем их кандидат в 1948 г. В 1948 г. лишь 26% членов профессиональных союзов голосовало за республиканцев, а в 1952 г. — 36%¹⁹³.

Выборы происходили 4 ноября. Активность избирателей была на этот раз наиболее высокой за истекшие 50 лет. Раньше рекордным годом считался 1940-й, когда 59% лиц избирательного возраста участвовало в голосовании.

В 1952 г. этот процент равнялся 63%¹⁹⁴. Около 75 млн. граждан США выразило желание участвовать в голосовании, из них свыше 13 млн. было в соответствии с законами отдельных штатов лишено возможности голосовать. Ценз оседлости, образовательный ценз, избирательный налог и другие препятствия помешали им осуществить свои права. Все же в выборах участвовало свыше 61 млн. избирателей — больше, чем когда бы то ни было раньше в истории США.

Эйзенхауэр получил 33,9 млн. голосов и 442 выборщика: он имел большинство в 39 штатах, в том числе в 18 штатах, которые в течение 20 лет были верны демократам, и победил во всех наиболее многолюдных штатах.

Стивенсон получил 27,3 млн. голосов и 89 выборщиков: он повел за собой лишь 9 штатов, из них 7 южных и 2 (Кентукки и Западная Вирджиния) пограничных, расположенных на стыке Севера и Юга. Во всех остальных штатах победил Эйзенхауэр. Он победил даже в четырех из одиннадцати штатов, образующих «прочный Юг», т. е. прочную основу демократов.

Однако Эйзенхауэр не набрал такого большинства поданных голосов, как кандидаты республиканской партии в 20-х годах и Рузвельт в 30-х годах. В 1920 г. У. Гардинг получил 64% всех голосов, в 1924 г. К. Кулидж — 65, в 1928 г. Г. Гувер — 59, в 1932 г. Ф. Рузвельт — 59, а в 1936 г. — 62%. Д. Эйзенхауэр получил в 1952 г. лишь 55% всех поданных голосов¹⁹⁵.

Э. Стивенсон потерпел поражение, получив все же больше голосов, чем любой кандидат в президенты Соединенных Штатов до 1952 г. (за исключением 1936 г.).

Вместе с президентскими происходили выборы в 83-й конгресс (табл. 9).

¹⁹² «Political Affairs», September 1952, p. 1—5.

¹⁹³ «U.S. News and World Report», 27.II 1953, p. 30.

¹⁹⁴ Ibid., p. 32.

¹⁹⁵ «Current History», January 1953, p. 27.

Таблица 9

Положение республиканцев в 83-м конгрессе

Конгресс	Год выборов	Число членов			
		сенат		палата представителей	
		республиканцы	демократы	республиканцы	демократы
82-й	1950	47	49	199	234
83-й	1952	49	47	221	212

Улучшение позиций республиканцев в конгрессе не идет ни в какое сравнение с их победой на президентских выборах. Их большинство в высшем законодательном органе федерации оказалось самым незначительным, которое партия, победившая на президентских выборах, имела за все время, начиная с периода реконструкции, последовавшей после гражданской войны между северными и южными штатами.

Сопоставление выборов в конгресс с президентскими выборами показывает, что победа 1952 г. принадлежала не республиканской партии, а лично Эйзенхауэру. Эйзенхауэр получил большинство голосов даже в штате Иллинойс, где Стивенсон был губернатором, и в родном штате Трумэна — Миссури¹⁹⁶. Подобная картина наблюдалась на выборах в конгресс в 18 штатах, в котором Эйзенхауэр получил большинство.

Как отмечается в одном американском журнале, голосование 1952 г. показало, что многим избирателям, участвовавшим в выборах, не нравится Трумэн, но они идут за демократической партией; им нравится Эйзенхауэр, но они не верят республиканской партии¹⁹⁷.

Известный английский журнал, оценивая итоги выборов в Америке, писал: то, что Эйзенхауэр «оказался в состоянии победить такого интеллектуального и влиятельного соперника, как губернатор Стивенсон, является результатом его личного обаяния. В то же время не подлежит сомнению, что, выбирая этого человека, избиратели не голосовали за его партию: ветер всеобщего энтузиазма, принесший генерала в Белый дом, направлялся не через Капитолий». Не меньшее значение, чем популярность Эйзенхауэра, сыграло его обещание принять необходимые меры к тому, чтобы покончить с непопулярной войной в Корее. «Из всех факторов, содействовавших получению Эйзенхауэром большего количества голосов, — продолжал этот журнал, — наибольшее значение имело недовольство войной в Корее»¹⁹⁸. Широкие круги избирателей США были уверены, что Эйзенхауэр сможет скорее, чем Стивенсон, добиться окончания этой войны.

Желанием скорее покончить с войной в Корее, возможно, объясняется тот факт, что в наблюдавшихся в различных кругах избирателей на пре-

¹⁹⁶ На выборах в конгресс демократы сохранили свои силы в Миссури, а в Иллинойсе они даже выиграли одно место.

¹⁹⁷ «Current History», January 1953, p. 28.

¹⁹⁸ «Economist», 8.XI 1952, p. 357, 381.

зидентских выборах сдвигах в пользу республиканцев в 1952 г. (по сравнению с 1948 г.) особое место заняли молодые избиратели¹⁹⁹.

Мировая печать интересовалась, горячо обсуждала не только возможные мероприятия Эйзенхауэра в целях окончания войны в Корее, но и общий курс внешней политики нового правительства США, учитывая, что платформа республиканской партии осуждала политику «сдерживания», что автор программы «освобождения» или «отбрасывания», Даллес, стал наиболее вероятным кандидатом на пост государственного секретаря. Вместе с тем эта печать указывала на разногласия по основным вопросам дальневосточной и европейской политики, существовавшие между Эйзенхауэром и консервативным крылом республиканской партии, тем крылом, которое составляло две трети всех республиканцев в обеих палатах нового конгресса²⁰⁰.

Каковы бы ни были платформы республиканцев и демократов и внутренние разногласия в рядах обеих партий, их кандидаты в президенты должны были выступать за мир. Перед выборами и Эйзенхауэр, и Стивенсон обязаны были учитывать желание широких масс избирателей. После выборов победивший кандидат вынужден был исходить из нового соотношения мировых сил.

Итак, республиканцы после 20-летнего пребывания в оппозиции стали хозяевами федеральной исполнительной власти. Хотя никто не может внятно сказать, какая разница между обеими партиями, успех республиканцев на президентских выборах 1952 г. расценивался в руководящих капиталистических кругах США как их большая политическая победа.

По всей стране, во многих богатых семьях ликовали и пировали, отмечали (как им казалось) окончательное избавление от надоевшего им «нью дил», праздновали конец «ненавистной» 20-летней «американской смуты».

¹⁹⁹ Это видно из следующих данных:

Группы избирателей по классификации американской статистики	Удельный вес голосов, поданных за республиканцев, %		Прирост в 1952 г. по сравнению с 1948 г., %	Группы избирателей по классификации американской статистики	Удельный вес голосов, поданных за республиканцев, %		Прирост в 1952 г. по сравнению с 1948 г., %
	1948 г.	1952 г.			1948 г.	1952 г.	
Лица свободных профессий	58	67	15	Фермеры	48	60	25
Служащие	51	63	23	Члены профсоюзов	26	36	38
Жители больших городов	40	50	25	Молодые избиратели	38	57	50

(«U. S. News and World Report», 27.II 1953, p. 30).

²⁰⁰ «Current History», June 1953, p. 331.

1. Дуайт Эйзенхауэр

Феноменальная и случайная карьера. Практичный, трудолюбивый меннонит. Президент из школьного учебника. Под влиянием «сильных людей» Уолл-стрита. Более 40 лет в строю. Его время, его противоречивые взгляды и забота о месте в истории

Дуайт Эйзенхауэр — 34-й президент США.

В Америке были великие президенты: Томас Джефферсон, Авраам Линкольн, Франклин Рузвельт. Президентами были и заурядные политики, провинциальные посредственности, например Уоррен Гардинг, Кальвин Кулидж, Гарри Трумэн.

Эйзенхауэра не относят в США ни к тем, ни к другим. Его называют «средним американцем». Но вместе с тем из всех 33 предшествовавших ему президентов Эйзенхауэра обычно выделяют и ставят особняком. Однако если всех этих президентов классифицировать по их общему и политическому кругозору, дальновидности и государственной деятельности, то Эйзенхауэр близко подходит к группе Гардинга — Кулиджа.

Генерал Макартур, под непосредственным руководством которого будущий президент США работал около семи лет, аттестовал Эйзенхауэра как «верх посредственности»¹.

Многое в прошлом Эйзенхауэра дает основание для подобной нелестной аттестации. Даже после того, как ему уже исполнилось 50 лет, никто, кроме очень узкого круга военных, сталкивавшихся с ним постоянно по работе, ничего не знал о нем.

У него нет ни тех черт, ни тех интеллектуальных качеств, которыми отличались выдающиеся американские президенты. Он не ученый, не энциклопедист и не мыслитель, как Джефферсон. Высказывания Эйзенхауэра не цитировали, как изречения Линкольна, которые гремели как удары грома и передавались из уст в уста по штатам страны. Он не мастер доходчивых лозунгов, как Франклин Рузвельт. Об Эйзенхауэре не пишут, как о Рузвельте, что он «величайший оратор своего времени». Эйзенхауэра относили к тем «уважаемым» докладчикам, которым аудитория аплодирует больше до начала, чем после окончания их речей. Он никогда не выдвигал новых творческих идей. Один из его биографов — Уильям Уайт выразился об Эйзенхауэре так: «...никогда не сожжет ни одной ведьмы, но и никогда не загорится ни одной возвышенной или смелой мечтой»².

К концу первого года его второго президентства видный вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Рестон писал: «Мы живем в то время, когда сила разума более важна, чем сила огня, но в

последние пять лет президент постепенно отстранялся от того, чем жили мыслящие люди страны, заполняя свое свободное время болтовней с закадычными друзьями, отказываясь от интеллектуального влияния, которое всегда доступно любому президенту». А в октябре 1960 г. известный американский журнал утверждал: «Президент никогда не имел привычки читать газеты, когда был в армии; не обрел он ее и после своего въезда в Белый дом»³.

Тем более непонятны его возвышение, его взлет, его былая популярность.

В разгар президентской кампании 1956 г. один американский журнал озаглавил статью об Эйзенхауэре словами «Кульм Айка»⁴. Автор статьи предупреждал, что этот культ таит в себе опасность: он мешаает миллионам избирателей здраво, объективно судить о деятельности президента. Но само существование культа считалось бесспорной истиной.

Политическая карьера Эйзенхауэра феноменальна. Но партийные профессионалы США считали его политическим дилетантом. Ему уже исполнилось 60 лет, а он еще не знал, к какой партии примкнуть, еще не решил, от кого баллотироваться на выборах — от республиканцев или от демократов.

Его военная карьера головокружительна. Но военные профессионалы считают ее случайной. Он стал командующим вооруженными силами союзников в Северной Африке, а затем в Западной Европе, не имея никакого боевого опыта, не побывав ни в одном сражении. Он стал главнокомандующим, обойдя старших по чину 366 офицеров вооруженных сил США, многие из которых участвовали в боевых действиях американской армии еще в первую мировую войну⁵. Обойденные чином офицеры смотрели на Эйзенхауэра не как на боевого солдата, а как на солдата-политикана⁶. Писатель Э. Хемингуэй называл его «политическим генералом»⁷. Военные считали его хорошим политиком, а политики считали его знатоком военного дела.

Эйзенхауэр был не просто одним из президентов США. Его президентство протекало в особое время, в переломный период истории страны, в годы, насыщенные крупнейшими историческими событиями, в годы появления спутников Земли и межконтинентальных баллистических ракет. Океаны, веками охранявшие Соединенные Штаты Америки, перестали служить надежным барьером. Недостигаемость и неуязвимость США отошли в прошлое.

Эйзенхауэр возглавлял правительство в условиях, когда сохранение и упрочение мира, смягчение или усиление международной напряженности во многом зависят от политики США, от политики главной, руководящей страны в лагере капитализма. А в США немало зависит от президента, от главы государства и правительства 50 штатов. В новых условиях деятельность президента США и его правительства приобретает особое международное значение.

Между тем многие в США расценивали Эйзенхауэра как неактивного и инициативного президента, уделяющего более чем достаточно времени игре в гольф и другим развлечениям и недостаточно занимающегося важнейшими государственными проблемами. Эйзенхауэр жаловался, что

³ «Current History», October 1960, p. 233, 234.

⁴ «Nation», 16.VI 1956, p. 504.

⁵ Childs M. Op. cit., p. 59.

⁶ «New York Times Magazine», 3.II 1957, p. 63.

⁷ Хемингуэй Э. За рекой в тени деревьев. ИЛ, 1960, с. 96.

¹ Цит. по: Childs M. Eisenhower: Captive Hero. N. Y., 1958, p. 43.

² «Harper's Magazine», December 1958, p. 83.

воздусный телефон мешает ему пользоваться настоящим отдыхом⁸. Многие также считали его быстрый взлет случайным и неслучайным то, что еще до ухода из Белого дома его слава начала тускнеть.

В США личность каждого президента изучается всесторонне и детально. Особому анализу подвергалась в Америке и Европе личность 34-го президента США. В 1958 г. один французский журнал в статье под названием «Эйзенхауэр» писал, что «за его благодушными улыбками и озабоченными гримасами скрывается человек исключительно загадочный»⁹.

Человек, вышедший из бедной, трудовой семьи, преклонялся перед богатством, боготворил магнатов Уолл-стрита. В юные годы он сам испытал тяжелый физический труд. Его рабочий день продолжался тогда 14 часов¹⁰. Став после войны президентом Колумбийского университета, он «внес вклад в науку» своим «мотивированным» выступлением против социального страхования, заявив: «...если все то, чего хотят американцы, — это обеспеченность, они могут направиться в тюрьму... Они получают там достаточно еды, постель и крышу над головой»¹¹.

Эйзенхауэру удалось завоевать слепое доверие и расположение широких кругов народа, завоевать репутацию простого, добропорядочного и добродушного человека. «Личность Эйзенхауэра, — писал к концу его пребывания в Белом доме уже цитированный выше американский журнал, — затмевает самого президента. Традиционные служебные обязанности кажутся не столь важными по сравнению с теплой, непринужденной улыбкой, сияющим лицом, неформальными, простыми, непретенциозными манерами, которые завоевывают общую симпатию»¹².

Однако те, кто более серьезно и обстоятельно изучал жизнь и деятельность Эйзенхауэра, отмечали, что познать этого «простоватого Гинденбурга», как его называли американцы, не так просто. Они подозревали, что его благодушная внешность и чарующая улыбка обманчивы.

Уолтер Липпман писал: «С тех пор как он оставил армию, чтобы стать президентом, он всегда думал о себе не как об американском политическом лидере, но как о близкой копии английского монарха, который стоит над партийной борьбой и представляет народ в целом»¹³.

Летом 1957 г. многолетний представитель газеты «Нью-Йорк таймс» в Вашингтоне, адепт закулисной жизни Капитолия и Белого дома Артур Крок писал о своих впечатлениях об Эйзенхауэре: «Президент излучает теплоту в разговоре и в поведении, но он может распространять холод айсберга, дрейфующего в теплых морях»¹⁴.

Когда его друг и благодетель, сыгравший решающую роль в его карьере, генерал Дж. Маршалл отутился в когтях безжалостного сенатора Маккарти, Эйзенхауэр отказался выступить в его защиту. Джон Кеннеди отозвался о нем так: «Нет человека менее лояльного к своим старым друзьям, чем Эйзенхауэр. Он ужасно холодный человек»¹⁵.

Окончательно дискредитировал себя Эйзенхауэр в 1964 г., поддержав в последнюю минуту на национальном конвенте республиканской партии

кандидатуру архиреакционного сенатора Б. Голдуотера в президенты США.

Наконец, Эйзенхауэр, который при каждом случае подчеркивал, что религиозные взгляды обязывают его бороться за прочный мир и всеобщее разоружение, за предотвращение атомной катастрофы, 3 октября 1966 г., уже будучи в преклонном возрасте, за два с половиной года до своей смерти, выступая перед журналистами, заявил, что он «не исключил бы автоматически возможность применения ядерного оружия для достижения американской победы во Вьетнаме».

Эйзенхауэр вырос в религиозном окружении, воспитывался в богобоязненной семье, в строгой сектантской дисциплине. Его предки поколениями подвергались религиозным гонениям. Из-за религиозных преследований они в XVI в. бежали из Южной Германии в Швейцарию, оттуда в XVIII в. переехали в Новый Свет, в английскую тогда колонию Пенсильванию.

В доме Эйзенхауэра религия была не только верой, но и священной традицией. Эйзенхауэр неоднократно говорил, что он является непримиримым противником атеизма и коммунизма. «Я самый религиозный из всех, кого я знаю»¹⁶, — сказал он как-то. Однако, когда практические цели, которые поставил перед собой Эйзенхауэр, не совпали с религиозными взглядами его предков, он, не задумываясь, порвал с вековой традицией своего дома.

В XVI в., во время 30-летней войны в Германии, далекие предки Эйзенхауэра примкнули к основанной тогда протестантской секте меннонитов. С тех пор их потомки, невзирая на тяжелые испытания и гонения, оставались горячими приверженцами этой секты, названной в Пенсильвании «речными братьями», а затем «братьями во Христе», ревниво соблюдали суровую дисциплину этой секты¹⁷. Большим грехом у меннонитов считается не только ведение войны, но и несение военной службы и принятие присяги. 400 лет военная профессия была чужда роду Эйзенхауэров.

В 1910 г. 20-летний Дуайт Эйзенхауэр, не имея других возможностей продолжать образование, решил поступить в военное училище, где обучение и содержание обеспечивалось за счет государства. Семейные предрассудки и огорчения родителей не изменили его решения.

Спустя более 40 лет он, наоборот, посчитался с предрассудками. В начале 1953 г. Эйзенхауэр, переехав в Белый дом, тут же примкнул к пресвитерианской церкви, против обрядов и канонов которой веками восставали его предки: президенту США в это время больше подходило быть прихожанином национальной пресвитерианской церкви в Вашингтоне, нежели числиться членом сектантской общины «братьев во Христе».

В годы его пребывания в Белом доме обильная периодическая печать США постоянно помещала его фотографии в различных позах: то благодушно улыбающегося, то по-детски смеющегося, то задумчиво озабоченного. Но всегда его внешности придавалось выражение прямоты и скромности. В действительности он не был ни скромным, ни искренним.

Не опускаясь до саморекламы, он никогда не возражал против того, чтобы ему (разумеется, в пределах приличия) кадили. Он дорожил своим местом в истории, когда приобрел мировую известность.

Эйзенхауэр стал президентом США в 1953 г. Разговоры о выдвижении его кандидатуры в президенты продолжались 10 лет, из них 9 лет

⁸ «Congressional Record», 23.IX 1968, p. S11212.

⁹ «Point de vue — Images du Monde», 29.VIII 1958, p. 46.

¹⁰ «New York Herald Tribune», 9.III 1952.

¹¹ «New York Times», 17.X 1952.

¹² «Current History», October 1960, p. 234—235.

¹³ «Newsweek», 22.VI 1964, p. 41.

¹⁴ «New York Times Magazine», 23.VI 1957, p. 38.

¹⁵ «U. S. News and World Report», 9.VIII 1965, p. 53.

¹⁶ «U. S. News and World Report», 2.XI 1956, p. 72.

¹⁷ Childs M. Op. cit., p. 78, 101.

он отказывался. Но он никогда окончательно не отклонял своей кандидатуры в президенты США так категорически, как это сделал, например, генерал Шерман после гражданской войны в США. Шерман заявил, что если даже его выберут, он никогда не станет выполнять обязанности президента страны. Эйзенхауэр утверждал, что он так категорически говорить не может, так как долг гражданина, особенно солдата, не позволяет ему ставить пределы в его обязанностях служить Соединенным Штатам. Он отказывался так, что после каждого отказа усиливалась активность его сторонников, готовивших его приход в Белый дом. Он мотивировал свой отказ не нежеланием, а нецелесообразностью, тем, что в соответствии с государственным устройством США профессиональные солдаты должны «воздерживаться от соискания высокого политического поста»¹⁸.

Один автор книги о президентстве Эйзенхауэра, который для ее написания пользовался материалами аппарата Белого дома, членов правительства и конгресса США, приводит объяснение Эйзенхауэра, сделанное в свое время близким друзьям, негодовавшим по поводу его отказа от поста на высшую власть и славу в государстве. «Пик его карьеры, — писал этот автор, — был достигнут, когда он как верховный главнокомандующий вооруженными силами союзников в Европе принял капитуляцию Германии. После тех драматических событий 1945 г. он считал, что даже Белый дом будет ступенькой вниз в его карьере. Он был бы вовлечен в споры, и его место в истории могло бы быть запятнано партийными интригами»¹⁹.

Эйзенхауэра пугала участь У. Гранта. Грант отличился в гражданской войне как генерал и провалился в Белом доме как президент.

Необычная карьера и несоответствие между внешним впечатлением и внутренними настроениями Эйзенхауэра, между его личными качествами и личными достижениями давали повод для различных заключений. Одни приписывали несвойственные ему совершенства; другие говорили, что он представляет загадку; третьи утверждали, что его жизнь и его достижения демонстрируют редкое стечение случайных обстоятельств.

Конечно, 40-е и 50-е годы в США складывались исключительно благоприятно для военной и политической карьеры Эйзенхауэра. Но не все в его личных достижениях случайно. Он заимствовал у своих предков сектантское трудолюбие. Тунеядство считалось самым нетерпимым преступлением у меннонитов. С юных лет будущий президент США упорно работал и учился. Пороками у меннонитов считались также острые споры и разлады, строптивость, упрямство и неуступчивость. Отсюда его способности посредника, сыгравшие особую роль в его военной карьере.

Во время войны многие на него смотрели, как на примирителя, как на человека, сглаживающего противоречия, разногласия, возникавшие между Вашингтоном и Лондоном. Автор статьи «Культе Айка», на которую мы уже ссылались, отметил, что Эйзенхауэр, будучи командующим вооруженными силами союзников в Европе, «каким-то чудом мог успокоить весьма чувствительных англичан и французов»²⁰. Упомянутый выше Уайт писал, что для Эйзенхауэра на этом посту главная задача сводилась к тому, чтобы «служить своего рода гибким соединением между двумя массивными поршнями — Франклином Рузвельтом и Уинстоном Черчиллем, каждый из которых был уверен, что он-то очень хорошо знает, как выиграть войну»²¹.

¹⁸ Childs M. Op. cit., p. 78, 101.

¹⁹ Pusey M. Eisenhower the President. N. Y., 1956, p. 6.

²⁰ «Nation», 16.XI 1956, p. 505.

²¹ «Harper's Magazine», December 1958, p. 81.

Не гениальность, а трудолюбие, выдержка и способность примирителя выделили неодаренного «среднего американца», вынесли его на поверхность, когда стране понадобился символ.

США участвовали в величайшей не только в своей, но и в мировой истории войне, которая началась для них поражением в Пирл-Харборе и закончилась победой. По мобилизации людских и материальных ресурсов, по проведенным боевым операциям, по количеству жертв и расходов Соединенных Штатов первая мировая война не идет ни в какое сравнение со второй. Вторая мировая война, как и первая, правда, не велась на континентальной территории США. Но по значению ее сравнивали с большими историческими национальными войнами, происходившими на американской земле: с борьбой за независимость в XVIII в. и с гражданской войной между северными и южными штатами в 60-х годах XIX в.

Как в войне за независимость и в гражданской войне появились национальные герои, так и после декабря 1941 г., после нападения на Пирл-Харбор, в США создавалась настоятельная потребность в национальном герое, в символе. И как после войны за независимость президентом США стал генерал Вашингтон, а после гражданской войны — генерал Грант, так и после второй мировой войны президентское кресло предоставлено было генералу Эйзенхауэру.

Биография Эйзенхауэра облегчала возможность рекламировать его как «истинного сына народа», выросшего в прериях Канзаса, как живое олицетворение идиллии, отображающей «самобытный, крепкий американизм».

Уильям Уайт писал, что Эйзенхауэр представляет идеал того президента, которого обычно встречают только в школьных учебниках²²: он-де воплощение классической американской легенды о бедных, настойчивых, способных, жизнерадостных мальчиках, которые, не пасуя перед любыми препятствиями, трудолюбием уверенно преодолевая все невзгоды и преграды, прокладывают себе путь к богатству и славе.

Со школьной скамьи американским детям постоянно внушают, что они-де родились на земле изобилия и счастья, что они живут в стране неограниченных возможностей, где сын рабочего, сын фермера имеют одинаковые с сыном миллионера шансы возглавлять государство. До 1953 г. единственным привлекательным примером в этом отношении был Авраам Линкольн: пришелец с Запада, бывший лесоруб и дровосек, выбившийся в провинциальные адвокаты, стал президентом Соединенных Штатов.

Сейчас появился второй пример — Эйзенхауэр и тоже с Запада. Он говорил с западным акцентом. Юношей он был чернорабочим, пас коров и молотил хлеб. И вот он добился сначала самого высокого военного, а затем самого высокого гражданского поста.

Не случайно Эйзенхауэр восхищался Линкольном, не переставал изучать его произведения. Осенью 1954 г., когда на заседании правительства обсуждался вопрос об экономическом положении страны, Эйзенхауэр советовал членам своего кабинета больше читать Линкольна, чтобы расширить свой политический кругозор²³.

Общим между Линкольном и Эйзенхауэром оказалось лишь западное происхождение.

Линкольн был мыслителем, рожденным для великих подвигов.

Эйзенхауэр показал себя как образец американского прагматизма, американского практицизма. Он всегда находился под идейным влиянием и

²² Ibid., p. 82.

²³ Donovan R. Eisenhower. The Inside Story. N. Y., 1956, p. 207.

воздействием других людей. Под влиянием своего товарища Хазлетта он стал военным. Под воздействием своего начальника генерала Коннора он остался в армии, а под влиянием инициатора политики «с позиции силы» Даллеса проводилась внешняя политика Эйзенхауэра, когда он стал президентом США. «Да, он не всегда сам себе хозяин»²⁴, — сказал о нем Хемингуэй.

Став президентом США, Эйзенхауэр окружил себя богатейшими людьми Америки. Он был общительным президентом, склонным к развлечениям.

Свой досуг, свои развлечения он предпочитал проводить не среди официальных лиц, а в кругу видных банкиров и магнатов крупной промышленности, среди сильных людей Уолл-стрита²⁵. В этот круг входили, в частности, председатель правления крупнейшей нефтяной компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» Юджин Холмен, президент «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Бенджамен Фэйрлесс, президент «Дженерал электрик» Ральф Корднер, председатель крупнейшей страховой компании Нью-Йорка Льюис Дуглас, председатель правления банка «Чэйз Манхэттен бэнк» Джон Макклой и др. Джон Кеннеди в указанном выше отзыве о нем отметил: «Все его приятели по гольфу — богатые люди, с которыми он сходилась начиная с 1945 г.»²⁶ А Артур Шлезингер писал: «Ни один президент со времен Гувера не ограничивал своих контактов столь узким кругом. Даже свои отношения с профессиональными политиками его собственной партии мистер Эйзенхауэр свел к минимуму»²⁷.

Наиболее правильное представление о пружинах, двигавших Эйзенхауэром и его правительством, дано в статье, опубликованной в начале его второго президентства в воскресном приложении газеты «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Ближайшее окружение Эйзенхауэра». Приведя фамилии группы крупнейших банкиров и промышленников, образующих приятельский круг Эйзенхауэра и участвующих в его развлечениях, автор статьи заключил: «Таковы богатые и преуспевающие крупные дельцы, на которых президент с открытым восхищением ориентируется в последние годы в общественном и интеллектуальном смысле... Президент интересуется их личными взглядами на законодательство, на правительственные программы, на положение в стране и во всем мире... Было бы трудно переоценить влияние этой группы на образ мыслей Эйзенхауэра или на формирование тех взглядов, руководствуясь которыми, он решает многие из вопросов и проблем, стоящих перед ним, как перед президентом»²⁸.

На Эйзенхауэра, писал Уайт, «производят чрезмерно сильное впечатление богатые люди, в значительно большей мере, я бы сказал, чем люди, занимающие только высокое положение»²⁹.

Особое место среди его интимных друзей, советников и «специальных помощников» занимал бостонский банкир Роберт Катлер как консультант по вопросам, относящимся к работе Совета национальной безопасности США. Катлер пользовался особым доверием Эйзенхауэра, и он рассматривался как личный надсмотрщик президента над этим важнейшим из национальных советов страны.

²⁴ Э. Хемингуэй. Указ. соч., с. 96.

²⁵ «New York Times Magazine», 3.II 1957, p. 9.

²⁶ «U. S. News and World Report», 9.VIII 1965, p. 53.

²⁷ «New York Times Magazine», 17.VII 1960, p. 48.

²⁸ «New York Times Magazine», 3.II 1957, p. 64.

²⁹ «Harper's Magazine», December 1958, p. 83.

Наконец, подобно пяти его предшественникам в Белом доме Эйзенхауэр прибегал к советам известного финансового деятеля престарелого Бернарда Баруха³⁰.

Как и предшествовавшие ему президенты от республиканской партии Кулидж и Гувер, Эйзенхауэр считал крупнейших промышленников и банкиров необходимым и обязательным фактором существования самой атлантической республики, счастьем и гордостью Нового Света, а магнатов Уолл-стрита — гениями процветающих штатов.

Президентство Эйзенхауэра протекало в особое историческое время, когда его инициатива и его деятельность могли в гораздо большей мере, чем любого до него обитателя Белого дома, оказать влияние на судьбы не только американского, но и других народов. Личность его станет более понятной, если мы в самых общих чертах вкратце остановимся на его прошлом и на тех обстоятельствах, которые способствовали формированию этой до некоторой степени случайной, ограниченной и противоречивой фигуры.

14 октября 1890 г. в городке Денисон штата Техас в невзрачном домике у полотна железной дороги в неприглядной обстановке и нужде в семье рабочего железнодорожного депо Дэвида Эйзенхауэра родился третий сын — Дуайт. Его отец и мать происходили из семей типичных пионеров, прибывших в Новый Свет еще в колониальный период.

Эйзенхауэры со дня их прибытия в Америку — несколько поколений в Пенсильвании, а с конца 70-х годов XIX в. в Канзасе — были крупными фермерами. Другого занятия, кроме земледелия, они не признавали, считали недостойным их рода. Отец будущего президента, не питая склонности к сельскому хозяйству и нарушая вековую традицию, решил стать бизнесменом, но скоро разорился и стал рабочим на железной дороге в Денисоне. Для погашения долгов ему пришлось все продать, включая ферму, полученную от отца. Неудача, постигшая его на фоне благоденствия нескольких поколений Эйзенхауэров, оставила глубокий след в жизни его большой семьи.

В 1891 г. отец Эйзенхауэра с семьей вернулся в штат Канзас, в город Абилин. Там он 20 лет проработал на маслобойне механиком и ночным сторожем. Там же временами работали некоторые из его шести сыновей, в том числе и Дуайт. Дуайт, как и его братья, в свободное от школы время также работал на близлежащих фермах.

На Эйзенхауэра и его братьев оказывала сильное влияние мать, которая, как и многие женщины тогда на Западе, проявляла исключительную приспособляемость к условиям еще не освоенного края. Она приучала детей с ранних лет к упорному труду, прививала им унаследованные ею взгляды, настойчивость и волю: никогда не падать духом и не жаловаться, а всегда встречать трудности, препоны на жизненном пути дерзко, смело и с достоинством.

В 1909 г. Эйзенхауэр окончил среднюю школу. Для продолжения учебы у него не было средств. До 1910 г. он выполнял различные работы на фермах и на маслобойне, а в 1910 г. под влиянием своего товарища Хазлетта поступил в армейское военное училище (академию) Вест-Пойнт, где слушателей бесплатно обучали и обеспечивали всем необходимым. Его родители были горько опечалены тем, что сын избрал военную карьеру.

За 12 лет до этого, в 1898 г., выход США на империалистическую арену ознаменовался испано-американской войной, захватом островов в

³⁰ «U. S. News and World Report», 25.IV 1958, p. 16.

Карибском и Южно-Китайском морях. Заатлантическая республика превратилась в колониальную державу. Пионеры молодого американского империализма, желая поднять воинственный дух народа, организовали во многих городах демонстрации. Демонстрировала с воинственными песнями и молодежь Абилина.

Мать Эйзенхауэра предостерегала своих детей от участия в этих демонстрациях, как от предательства по отношению к дедам и отцам.

Вест-Пойнт, основанный в 1802 г. как военное учебное заведение, мало изменился за столетие его существования. В его стенах главное внимание обращалось на железную дисциплину и чисто военные и военно-технические предметы. Его слушатели были далеки не только от политики, но даже от современной военной стратегии. Такое историческое событие, как убийство в Сараеве, происшедшее к концу третьего года пребывания Эйзенхауэра в Вест-Пойнте, не произвело ни на него, ни на других слушателей никакого впечатления. Они никогда не слышали ни о городе Сараеве, ни об австрийском эрцгерцоге.

Когда в Европе разгорелся пожар первой мировой войны, в Вест-Пойнте никто не сомневался, что эта война не коснется Америки. Военные действия в Европе рассматривали в порядке изучения военной истории. Сражения на Марне и в Карпатах разбирали на занятиях так же, как походы Александра Македонского и Наполеона, битвы под Каннами и Бородино. Слушатели интересовались гораздо больше назревавшим конфликтом с Мексикой, чем войной в Европе. Некоторое удивление, правда, вызвали провал германского наступления на Париж и стабилизация фронта во Франции. Но на это Вест-Пойнт имел готовый единодушный ответ: «Все объясняется пулеметом, он все изменил, он даст обороне по крайней мере в три раза большее преимущество, чем наступлению»³¹.

Вест-Пойнт имел свой прогноз и на исход войны, основанный на статистике людских ресурсов воюющих держав; у кого больше людей, тот и победит.

Скудость военной мысли, примитивный подход к стратегическим вопросам в высшей военной школе сухопутных сил США отражали общее состояние американской армии. К началу первой мировой войны в регулярной армии США насчитывалось менее 100 тыс. человек. Армия была не только малочисленной, но и отсталой, слабо обученной и недостаточно вооруженной.

В июне 1915 г. Эйзенхауэр окончил Вест-Пойнт в звании младшего лейтенанта пехоты. В списке 164 выпускников он по успеваемости и по проявленным способностям числился 61-м. Он был направлен в пехотный полк, стоявший в Техасе у Сан-Антонио.

Ему предстояла утомительно однообразная, неинтересная и непочетная тогда в США служба в «сонных» гарнизонах. Надежд на повышение звания, кроме выслуги лет, не было. Такая перспектива его не окрыляла. Еще в Вест-Пойнте и после он неоднократно говорил, что считает звание полковника пределом своей военной карьеры³². После окончания первой мировой войны он собирался уйти в отставку даже в чине капитана.

В 1917 г. со вступлением США в мировую войну зашевелилась и американская армия. Командного состава для мобилизованной четырехмиллионной армии не хватало. Кадровые офицеры быстро выдвигались. В мае

1917 г., через шесть недель после объявления конгрессом США войны Германии, Эйзенхауэр стал капитаном. В июне 1918 г. ему присвоили временно звание майора, а в октябре того же года он получил временно чин подполковника. В это время он был начальником учебного танкового центра, который не имел ни одного танка³³. Танковая школа была расположена в Кемп-Колте (штат Пенсильвания) у Геттисбурга, где Эйзенхауэр в 1950 г. обзавелся фермой.

После окончания войны Эйзенхауэру оставили только чин капитана. В майоры он был произведен лишь в сентябре 1924 г. Следующего повышения в звании ему пришлось ждать целых 12 лет.

В США после окончания войны резко усилились антивоенные, изоляционистские настроения. Сенат отказал президенту Вильсону в ратификации подписанного им Версальского договора и в присоединении США к Лиге Наций. Победившие на президентских выборах 1920 г. республиканцы требовали реставрации «нормального» — возвращения к «добрым» старым временам. Прежде всего возвратилась к старому малоприятельному положению армия США.

В это время Эйзенхауэр серьезно сомневался в целесообразности службы в армии³⁴. До поставленной им цели, до звания полковника, оставалась еще очень большая дистанция.

В 1922 г. после окончания танковой школы Эйзенхауэр был направлен в зону Панамского канала, в распоряжение генерала У. Коннора.

Коннор оказался не шаблонным генералом. Он интересовался и разбирался в послевоенных международных событиях, имел свои особые, не совпадающие с официальной точкой зрения взгляды на то, что закончившуюся конференцию морских держав в Вашингтоне. Оказывая большое влияние на капитана Эйзенхауэра, Коннор сыграл решающую роль в изменении его настроений и в его судьбе.

Коннор утверждал, что вторая мировая война обязательно будет, вероятнее всего, через 15—20, но не позднее чем через 30 лет³⁵. Он говорил, что сам будет к тому времени слишком стар и что на Эйзенхауэра и его одноклассников по Вест-Пойнту, которые тогда станут генералами, история возлагает большую ответственность, а поэтому Эйзенхауэру следует готовиться к неизбежной второй мировой войне.

Эйзенхауэр расстался с мыслью об отставке. По инициативе Коннора в 1925 г. он был принят в академию генерального штаба в Левенуэрте. Он окончил академию в следующем году первым. Его включили в особый список способных командиров генерального штаба.

Проложив себе таким образом путь, попав в поле зрения высшего командования сухопутных сил США, Эйзенхауэр в дальнейшем работал в разное время у трех виднейших командиров американской армии: у командующего американскими войсками во Франции в первой мировой войне генерала Дж. Першинга и у начальников штаба армии генералов Д. Макарура и Дж. Маршалла.

В начале 1927 г. по рекомендации Коннора, занимавшего тогда пост заместителя начальника штаба армии США, Эйзенхауэр был отозван в Вашингтон в комиссию, собирающую материалы для опубликования работы о боевых действиях американской армии в первой мировой войне. Комиссию возглавлял Першинг, командовавший американским экспедиционным корпусом в Европе в первой мировой войне.

³¹ Davis K. Soldier of Democracy. N. Y., 1955, p. 153.

³² Lovelace D. General «Ike» Eisenhower. N. Y., 1944, p. 34, 59; Pusey M. Eisenhower the President, p. 1; «U. S. News and World Report», 2.XI 1956, p. 62.

³³ Childs M. Op. cit., p. 36.

³⁴ Lovelace D. Op. cit., p. 59.

³⁵ Davis K. Op. cit., p. 194; Hatch H. General Ike. N. Y., 1945, p. 79.

В августе 1927 г. Эйзенхауэр поступил в военный колледж в Вашингтоне. Окончив его летом следующего года, он продолжал работать в комиссии Першинга. Он посещал бывший театр военных действий во Франции, бывал в Париже, где его удивляло то, что там никто не думал всерьез о будущей войне. Политические и военные деятели Франции находились под влиянием «духа Локарно».

Вернувшись в США, он с ноября 1929 г. до марта 1933 г. работал в военном министерстве в Вашингтоне, где занимался планированием мобилизации промышленности, перевода на время войны автомобильных, паровозостроительных и других заводов на производство авиационных моторов, танков и других видов оружия. В 1933 г. он окончил незадолго до этого основанный военно-промышленный колледж, совмещая занятия в нем с работой в министерстве.

На докладные записки военного министерства, аккуратно написанные майором Эйзенхауэром, обратил внимание начальник штаба американской армии Макартур и пригласил его к себе на работу.

Под началом генерала Макартура Эйзенхауэр проработал с начала 1933 до конца 1939 г. Макартур и Эйзенхауэр — разные люди, различных взглядов и воспитания.

Первый — потомственный генерал, сын генерал-лейтенанта — отличился в первой мировой войне как командир боевой бригады во Франции. Генерал с бонопартистскими замашками, он в боевых операциях придавал решающее значение способностям полководца. Макартур полагал, что, как и в прошлом, генерал, умеющий принимать быстрые решения, способный драматизировать каждое свое действие, является образцом полководца.

Дуайт Эйзенхауэр сознавал, что современная армия, оснащенная новейшей техникой, — слишком сложный и колоссальный механизм, чтобы им управлял один человек. Как современные гигантские промышленные комбинаты, так и армии наших дней требуют точного учета и расчета, организации и подготовки каждой ее части, каждого ее компонента во взаимодействии со всем механизмом. Успешное командование современной армией, по мнению Эйзенхауэра, зависит гораздо меньше от гениальности командующего, чем от коллектива высококвалифицированных специалистов, каждый из которых является крупным знатоком своего дела, но работает в контакте с коллективным руководством так, чтобы различные сложные механизмы функционировали как единое целое в преследовании определенной цели, в выполнении поставленной задачи. По мнению Эйзенхауэра, командующий современными большими войсковыми соединениями напоминает скорее председателя совета директоров крупного индустриального комбината, чем легендарного полководца прошлых войн. Впоследствии он говорил, что на посту главнокомандующего ему приходилось играть роль председателя совета и координатора³⁶.

Подобные взгляды Эйзенхауэра во многом объясняют отношения, сложившиеся между ним и его подчиненными, расположение к нему в штабе не только американских, но и союзных войск.

Несмотря на противоположность характеров и взглядов, Макартур ценил трудолюбивого майора. В 1935 г., когда Макартур получил назначение на Филиппины, он пригласил с собой Эйзенхауэра. На этом архипелаге он работал четыре года в качестве помощника военного советника и организатора филиппинской армии. В Маниле в 1936 г. он получил звание подполковника.

После возникновения второй мировой войны, в декабре 1939 г., Эйзенхауэр вернулся в США для участия, как он писал, в интенсивной военной подготовке³⁷.

В 1940 г. ему исполнилось 50 лет, а он, как и 22 года назад, был только подполковником. Однако уже в том году начали вырисовываться новые перспективы для профессиональных военных.

Через три месяца после капитуляции Франции, в сентябре 1940 г., вступил в силу впервые в истории США в мирное время закон о всеобщей воинской повинности. Еще до официального вступления в войну США начали создавать массовую армию. Опять, как и во время первой мировой войны, кадровые офицеры стали быстро выдвигаться. Из окончивших вместе с Эйзенхауэром Вест-Пойнт 56 человек стали генералами³⁸.

В ноябре 1940 г. подполковник Эйзенхауэр был назначен начальником штаба дивизии, а в марте 1941 г. — начальником штаба армейского корпуса. В том же месяце сбылись его мечты: он стал полковником. В дальнейшем он быстро продвигался в генеральских чинах: к началу 1943 г. уже имел звание полного генерала, а к концу следующего года получил временное звание генерала армии, закрепленное за ним постоянно в 1946 г.

В июне 1941 г. он стал начальником штаба 3-й армии США.

В это время верховное командование в Вашингтоне готовило небывалые в истории США в мирное время маневры. Маневрам придавали особое значение. В них участвовало почти 500 тыс. человек, включая 2-ю и 3-ю армии США, около 1 тыс. танков, 800 самолетов, а также парашютный батальон.

Маневры происходили в сентябре 1941 г. в штате Луизиана. Всеми признанные правильные действия 3-й армии компетентные наблюдатели приписали планам ее начальника штаба. Неизвестный до сих пор в стране полковник Эйзенхауэр сразу выдвинулся на американской арене как видная военная фигура. Военный обозреватель Болдуин писал в газете «Нью-Йорк таймс», что если бы была настоящая война, то 3-я армия уничтожила бы 2-ю³⁹.

Эйзенхауэр произвел должное впечатление на наблюдавшего за маневрами начальника штаба армии США генерала Маршалла. Через два дня после окончания маневров, 29 сентября, Эйзенхауэр стал бригадным генералом.

Через неделю после нападения Японии на Пирл-Харбор, в декабре 1941 г., Эйзенхауэр был отозван в Вашингтон на должность помощника начальника Управления планирования военных операций.

В штабе армии он нашел общий язык с Маршаллом в вопросе о том, что США должны сосредоточить свои основные силы на ведении войны в Европе против «врага номер один», в отличие от сторонников Макартура, выбросивших лозунг «Тихий океан прежде всего». В феврале 1942 г. он стал начальником Управления планирования военных операций, а в апреле — помощником начальника штаба и руководителем вновь созданного оперативного управления, к которому перешли функции планирования военных операций.

За время работы в штабе армии США Эйзенхауэр встречался с президентом Рузвельтом, которого раньше никогда не видел, присутствовал

³⁷ Eisenhower D. Crusade In Europe. N. Y., 1951, p. 5.

³⁸ Childs M. Op. cit., p. 31.

³⁹ Davis K. Op. cit., p. 272.

на совещаниях Рузвельта с Черчиллем, имел с ними частные беседы. Оба они дали Маршаллу положительные отзывы об Эйзенхауэре. После возвращения в начале июня 1942 г. из командировки в Англию, где он произвел выгодное впечатление на руководителей вооруженных сил Великобритании, его ожидало дальнейшее продвижение. В конце этого месяца Эйзенхауэр был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами США на европейском театре военных действий с главной квартирой в Лондоне.

После успешного завершения военных действий под командованием Эйзенхауэра в Северной Африке в мае 1943 г. и на Сицилии — в августе он был выдвинут на руководство предстоящими операциями во Франции.

В декабре 1943 г. президент Рузвельт сообщил, что Эйзенхауэр назначен верховным главнокомандующим экспедиционными силами союзников, готовящих вторжение в Западную Европу. Ко времени вторжения во Францию в вооруженных силах, находившихся в распоряжении Эйзенхауэра в Европе, насчитывалось 2 876 439 солдат и офицеров — 39 дивизий (20 американских, 17 британских, в их числе 3 канадские, 1 французская и 1 польская)⁴⁰.

Высадка в Нормандии и дальнейшее продвижение союзных армий в Западной Европе происходили под командованием Эйзенхауэра. В странах союзников, в частности, оценили его заслуги, а Советский Союз наградил его орденом «Победы». Он показал себя в Северной Африке и в Западной Европе умелым организатором, незаурядным «председателем совета директоров»: вверенные ему различные рода войск он рассматривал как громадные движущиеся цехи огромного предприятия или как колоссальные заводы гигантского индустриального комбината. На положении директоров у него были генералы О. Брэдли и Дж. Паттон, Б. Монтгомери и Х. Александер, адмиралы А. Теддер, К. Спаатц, Кеннинг и др.

Примерно так же о нем отзывались к завершению его президентства: «Эйзенхауэр рассматривает свой правительственный аппарат частично как военный штаб, частично как совет директоров». В своих подчиненных он особенно ценил деловитость без лишних слов. Как главнокомандующий союзными армиями он отказывался принимать рапорты длиннее двух страниц. Как президент он утверждал, что его «голова должна быть свободна от несущественных деталей»⁴¹.

Что касается его полководческого таланта, то ни его действия, ни оценки других военных специалистов не дают основания назвать его крупным стратегом и тактиком. Дело не только в критических отзывах о нем генералов Д. Макартура и А. Кларка в США и фельдмаршалов А. Брука и Б. Монтгомери в Англии⁴². Это отзывы небеспристрастных людей. Дело в том, что на фронтах, которыми командовал Эйзенхауэр, ситуация складывалась так, что командующему достаточно было быть способным организатором и тактичным «председателем совета директоров».

Везде, во всех проведенных операциях, он располагал большим перевесом сил на суше и полным господством в воздухе, а при высадке десантов — также и абсолютным господством на море.

Наиболее удачная операция, проведенная под командованием Эйзенхауэра, — это высадка в Нормандии 6 июня 1944 г. Монтгомери утверждал, что высадка в Нормандии совершалась не по плану Эйзенхауэра, что Эйзенхауэр этого плана не понял⁴³. Как бы то ни было, при англо-американском господстве на море и в воздухе немцы никак не могли помешать успеху этой операции. В дальнейшем по мере продвижения от побережья у союзных войск создавался все увеличивающийся перевес на суше и сохранялось абсолютное господство в воздухе.

Не говоря уже о том, что вооруженные силы союзников под командованием Эйзенхауэра вступили в боевые действия, когда германская армия была обескровлена в ожесточенных сражениях на востоке, Восточный фронт продолжал приковывать к себе около двух третей всех вооруженных сил гитлеровской Германии и после открытия второго фронта во Франции⁴⁴. Летом 1944 г., когда немцы начали рискованное для них контрнаступление в Нормандии, они вынуждены были по приказу Гитлера бросить все имевшиеся у них резервы на восток, где в результате победоносного наступления советских армий гитлеровские войска постигла катастрофа. Равным образом вызвавшее большую тревогу у командования союзных войск контрнаступление немцев в декабре того же года в Арденнах потерпело неудачу из-за того, что нужные для его продолжения резервы также были переброшены на восток. Более того, начавшееся 12 января 1945 г. большое наступление советских войск заставило немцев снять с Западного фронта 10 ударных дивизий, совершивших прорыв в Арденнах, и перебросить их на восток⁴⁵. У немцев не хватило сил для организации эшелонированной обороны на западе. Поэтому американцы после прорыва фронта 25 июля 1944 г. у Сен-Ло не встречали дальше существенного сопротивления.

После форсирования Рейна войска США шествовали до Эльбы, как писал командовавший группой американских армий генерал Брэдли, «под аркой из белых флагов»⁴⁶. В этих условиях военной гениальности не требовалось.

Для руководства обороной, например, Ленинграда и Сталинграда одних способностей «председателя совета директоров» даже самого крупного в мире промышленного комбината вряд ли было бы достаточно. И от командования союзных армий на западе потребовалось бы гораздо больше военного искусства, если бы эта армия высадилась во Франции не в 1944 г., а в 1942 г. Неизвестно, как Эйзенхауэр справился бы с более сложными и трудными задачами, тем более что он сам сомневался в возможном успехе союзных войск во Франции в 1942 г.⁴⁷ Конечно, в 1944 г. задачи союзных армий и их командования на западе оказались значительно облегченными.

В июне 1945 г., после капитуляции Германии, Эйзенхауэру устроили пышную встречу в Вашингтоне. Миллионы людей вышли на улицы при-

⁴³ Следует учесть, что между Эйзенхауэром и Монтгомери были сильные разногласия. Последний претендовал на самостоятельные военные операции, не подчиняясь Эйзенхауэру как главнокомандующему на европейском театре военных действий. 13 октября 1944 г. Эйзенхауэр поставил прямо вопрос, что если Монтгомери не откажется от своих претензий, то одному из них придется подать в отставку. Тогда Монтгомери уступил. Впоследствии Монтгомери признал в своих мемуарах, что Эйзенхауэр, отклоня стратегический план Монтгомери, был прав («New York Times Book Review», 10.V 1970, p. 30—31).

⁴⁴ «Правда», 1960, 10 мая. Доклад маршала Р. Я. Малиновского.

⁴⁵ Churchill W. The Second World War, vol. 6. L., 1951, p. 354.

⁴⁶ Брэдли О. Записки солдата. ИЛ, 1957, с. 632.

⁴⁷ Eisenhower D. Op. cit., p. 53.

⁴⁰ Eisenhower D. Op. cit., p. 53; История Великой Отечественной войны, т. 4. М., 1962, с. 524.

⁴¹ «Current History», October 1960, p. 233, 234.

⁴² «U. S. News and World Report», 22.VI 1959, p. 78—84; Childs M. Op. cit., p. 83.

встать его как национального героя. Он проезжал через запертые демонстрантами аллеи ликующей столицы в открытом автомобиле, стоя, улыбаясь с протянутыми руками. Он выступил на объединенном заседании обеих палат конгрессов. В его честь был устроен прием в Белом доме. Его чествовали в Нью-Йорке и в других городах США, которые он посетил. Ему организовали торжественные парады в Лондоне и в Париже. Гостеприимно он был встречен в Москве, которую посетил в августе 1945 г. по приглашению Советского правительства.

Через два месяца после капитуляции Японии, в ноябре 1945 г., Эйзенхауэр сменил Маршалла на посту начальника штаба армии США, на котором он пробыл до февраля 1948 г. В июне этого года он стал президентом Колумбийского университета, а в декабре 1950 г. — командующим вооруженными силами НАТО.

Став командующим вооруженными силами НАТО, Эйзенхауэр отстаивал ту точку зрения, что европейские союзники США сами вооружиться не смогут и что поэтому американцы должны их вооружать⁴⁸. В то же время он подчеркивал, что американская военная помощь иностранным государствам и пребывание вооруженных сил США за границей должны быть кратковременными.

Он писал: «Мы не можем быть современным Римом, охраняя далекие границы с помощью наших легионов, потому что это помимо всего прочего с политической точки зрения не наши границы... Если через 10 лет все американские войска, дислоцированные в Европе, не будут возвращены в США, этот проект окажется провалившимся»⁴⁹.

Так смотрел Эйзенхауэр на НАТО, когда стал командующим его вооруженными силами.

В июне 1952 г., перед тем как национальный конвент республиканской партии выбрал его кандидатом в президенты США, он подал в отставку и ушел из армии, в которой он прослужил более 40 лет.

Деятельность Белого дома, а также внутренняя и внешняя политика правительства и конгресса США за восемь лет президентства Эйзенхауэра будут освещены в дальнейшем. Здесь отметим лишь некоторые наиболее для него характерные и неоднократно высказанные им во многом противоречивые политические взгляды.

Воспитанный в духе преклонения перед богатством, перед преуспевающими капитанами индустрии, он утверждал, что Америка многим обязана капиталистам, выступая против классовой борьбы, за классовое сотрудничество⁵⁰. Довольный своими достижениями, он считал, что каждый должен сам прокладывать себе дорогу в жизни. До того, как он стал президентом США, он высказывался против социального страхования.

На словах он был против государственного вмешательства в экономическую жизнь. На деле, однако, его правительство активно вмешивалось в хозяйство. В 1952 г. (еще до того, как его официально выбрали кандидатом в президенты США) он признал, что «правительство не может быть пассивным наблюдателем экономической жизни страны»⁵¹. Он говорил тогда, что бедствия, вызываемые экономическим кризисом, служат «топливом» для войны, что государство обязано использовать все ресурсы страны для предотвращения повторения несчастья начала

30-х годов⁵². Во внутренней политике его считали сторонником «среднего курса» — среднего между политикой реакционной, твердолобой «старой гвардии» республиканской партии и «ню дил» Рузвельта. Сам он определил «средний курс» таким образом, что следует заимствовать от каждой стороны любую здравую идею и проводить ее в жизнь независимо от того, от кого бы она ни исходила⁵³. В действительности же, как это Эйзенхауэр сам отметил в своих мемуарах, уже в первом послании о положении страны, зачитанном перед конгрессом 2 февраля 1953 г., он намеревался разъяснить, что не будет продолжателем ни «нового курса» Рузвельта, ни «справедливого курса» Трумэна. Новый президент публично отклонил экономические программы своих двух предшественников.

Во внешней политике его слова также не совпадали с его делами. Со времени окончания второй мировой войны он выражал пацифистские взгляды. Он утверждал, что война ничего не решает, что попытки разрешить проблемы человечества путем состязания в силе фатальны⁵⁴. Он неоднократно говорил о своем стремлении улучшить отношения с СССР, но и в этом вопросе его средства сплошь и рядом не совпадали со сформулированной им целью.

В течение первых шести лет пребывания в Белом доме в вопросах внешней политики на него оказывал систематическое влияние застрельщик воинствующего крупного американского капитала Джон Фостер Даллес, на которого Эйзенхауэр всецело полагался. О Даллесе Эйзенхауэр отзывался как о «лучшем государственном секретаре из всех, которых я когда-либо знал»⁵⁵.

К началу второго президентства Эйзенхауэра импровизированная дипломатия Даллеса, его политика «на грани войны» вызывала большое недовольство в США и в лагере их союзников. К концу 1957 г., после запуска в СССР первого спутника Земли, это недовольство усилилось. Оно, как мы увидим дальше, находило отражение в конгрессе США, а также в руководстве республиканской партии. Американская и английская печать отмечала, что первый спутник Земли произвел ошеломляющее впечатление и крепко задел престиж президента США: ведь он за месяц до этого события публично выразил свое недоверие к сообщению ТАСС об обладании СССР межконтинентальными баллистическими ракетами⁵⁶.

Однако, несмотря на явную дискриминацию политики Даллеса, расстаться с ним Эйзенхауэр не пожелал.

После смерти Даллеса, в мае 1959 г., Эйзенхауэр с энергией, поразившей его критиков, отдался вопросам внешней политики. Он посетил много стран в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. В декабре 1959 г. он побывал в одиннадцати государствах трех континентов. Он путешествовал больше, чем любой другой президент США до него.

В жизни и деятельности Эйзенхауэра отразился большой период в истории развития США со всеми их достижениями, неприглядностью и противоречиями.

Он родился на рубеже двух эпох, когда сельские жители составляли еще около двух третей населения страны, на фермах США числилось

⁴⁸ «New York Herald Tribune», 9.III 1952; 10.III 1952.

⁴⁹ «U. S. News and World Report», 28.III 1952, p. 13.

⁵⁰ «Eisenhower D. Op. cit.», p. 476; «New York Herald Tribune», 10.III 1952.

⁵¹ «New York Times Magazine», 3.II 1957, p. 63; «Newsweek», 27.I 1958, p. 12.

⁵² «Time and Tide», 21.II 1959, p. 206; Childs M. Op. cit., p. 206—261.

⁴⁸ Truman H. Memoirs, v. 2. N. Y., 1955, p. 258.

⁴⁹ «New York Herald Tribune», 3.III 1952.

⁵⁰ «New York Herald Tribune», 9.III 1952.

⁵¹ «U. S. News and World Report», 8.III 1952, p. 16.

более 15 млн. лошадей и не было ни одного автомобиля; когда популисты на аграрном Западе организовали мощное движение и энергично боролись против установления власти монополий, а конгресс США вынужден был принять антитрестовский «закон Шермана».

Он начал ходить в школу, когда США с шумом вышли на большую империалистическую арену, превратились из провинциальной в мировую державу.

Он вырос на аграрном Западе, на родине американского индивидуализма. Он воспитывался в Вест-Пойнте и в других военных учебных заведениях, где прививалась фельдфебельская преданность действительным хозяевам Америки, тем, кто владеет ее богатством.

Чтобы судить об Эйзенхауэре, чтобы понять его, следует учесть его прошлое, его жизнь, его достижения и его эпоху, следует учесть все унаследованное и все приобретенное. Сюда относятся веками культивированные его предками трудолюбие и приспособляемость, практицизм и примиренчество, его воспитание и его достижения на фоне тех изменений, которые происходили в стране у него на глазах.

Многое изменилось в США и во всем мире в течение жизни Эйзенхауэра. Его особенно волновали военно-стратегические изменения. За период его жизни США помимо участия в двух мировых войнах воевали с Испанией, на Филиппинах, в Никарагуа и в других странах, но всегда США воевали на чужой земле. Территория США оставалась неприкосновенной и неуязвимой. В период же президентства Эйзенхауэра США навсегда потеряли былую недосыгаемость и неуязвимость⁵⁷.

Эйзенхауэр дорожил своим местом в истории, высоко оценивая свою миссию президента США. Известный американский публицист Маркис Чайлдс писал в 1958 г., что Эйзенхауэр, став национальным героем, «шагал вперед, крепко и осторожно держа в руках полную чашу своей славы, не желая пролить ни одной капли»⁵⁸.

Героя гражданской войны генерала Гранта постигла трагическая неудача. Он вошел в историю как один из самых неспособных президентов США. Даже героя войны за независимость генерала Вашингтона не пощадила в XX в. суровая критика. Она соскоблала с него очарование и величие, изобразив его обыкновенным смертным с непривлекательными человеческими слабостями.

Зная, что американцы способны и возвеличивать и низвергать национальных кумиров, Эйзенхауэр в последние годы пребывания в Белом доме мобилизовал всю свою энергию для достижения тех целей, которые он считал своей миссией и от удачи которой, как он был убежден, будет зависеть окончательное суждение о нем грядущих поколений.

⁵⁷ Артур Крок писал, что Эйзенхауэр как опытный военный деятель, посвященный в тайны новейшего разрушительного оружия, прекрасно отдает себе отчет в тех опустошениях, к которым война может привести Америку. Поэтому, утверждает Крок, Эйзенхауэр считает, что сейчас «война как способ решения международных споров не только вышла из моды, но и что следующая война ввергнет то, что останется от человечества, в состояние, перед которым мрачное средневековье будет сиять как ренессанс» («New York Times Magazine», 23.VI 1957, p. 39).

⁵⁸ «Look», 22.VII 1958, p. 38.

2. Ненадежная экономика

Правительство Эйзенхауэра. Кризис 1953—1954 гг. и отказ от «выключения государства из бизнеса». Антикризисная программа. Устойчивость цен и капиталовложений. Влияние расходов на научно-исследовательскую работу. Дискуссии о роли государства в хозяйстве. Ненадежная экономика

В промежуток между выборами в ноябре 1952 г. и сменой Трумэна в январе 1953 г. Эйзенхауэр, как каждый новый президент, занимался формированием своего кабинета и комплектованием аппарата Белого дома. Но прежде всего он должен был выполнить данное им за 10 дней до выборов обещание о поездке в Корею, с тем, чтобы добиться там окончания войны.

В конце ноября 1952 г. он отправился на Дальний Восток и вернулся оттуда в середине декабря. Посещение театра военных действий в Корее носило формальный, рекламный характер. Положение на фронте и международные условия складывались так, что независимо от поездки вновь избранного президента в Корею в середине 1953 г. перемирие все равно было бы подписано.

Правда, и после избрания Эйзенхауэра президентом США сенаторы Тафт и Ноулэнд, генерал Макартур и его сторонники продолжали выступать за продолжение войны в Корее, за ее активизацию, за новое наступление к границам Маньчжурии. Но руководители Пентагона не считали возможным идти на такой риск. Еще в середине 1952 г. они запросили мнение генерала М. Риджуэя, сменившего в 1951 г. в Корее Макартура. Риджуэй утверждал, что наступление к границам Маньчжурии обойдется США в 350—400 тыс. убитыми и ранеными, а если военные действия будут перенесены на территорию Китая, то число убитых и раненых американцев достигнет астрономической цифры⁵⁹.

На подобные жертвы в Корее ни новое правительство США, ни новый конгресс, ни Пентагон не были склонны пойти, тем более что в Вашингтоне не было уверенности, что эти жертвы в какой-то мере себя оправдают. К тому же планы активизации войны на Дальнем Востоке вызывали недовольство и тревогу у европейских союзников США.

По этим причинам перемирие было бы заключено и без поездки Эйзенхауэра в Корею.

Интерес вызвало выступление Эйзенхауэра на совещании, созванном им на обратном пути на Гавайях. На совещании присутствовали члены его будущего кабинета, генерал О. Брэдли, адмирал А. Редфорд и др.

Эйзенхауэр говорил в своем выступлении, что он смотрит на задачи президента США совсем не так, как Рузвельт и Трумэн. Но все же он, следуя за Трумэном, повторил мысль, высказанную столетием раньше Авраамом Линкольном: то правительство лучше, которое правит меньше. В области экономики, утверждал он, роль правительства должна ограничиваться обеспечением устойчивого доллара.

Вернувшись из Кореи, Эйзенхауэр образовал правительственный кабинет не из бывших государственных деятелей, а из богатых деловых людей по типу совета директоров крупнейшей фирмы. Из девяти членов кабинета восемь были миллионерами.

Со времени существования США первое место после президента среди членов правительства занимает государственный секретарь, а второе — министр финансов. После второй мировой войны особую роль играет

⁵⁹ Graebner M. The New Isolationism. N. Y., 1956, p. 123.

министр обороны; помимо всего прочего его ведомство поглощает львиную долю государственных расходов.

Министром обороны в кабинете Эйзенхауэра стал глава «Дженерал моторс» Чарлз Вильсон. Его оклад в этом крупнейшем в мире автомобильном концерне-гиганте составлял 566 тыс. долл. в год, не считая дивидендов на принадлежавшие ему акции. Известно изречение Ч. Вильсона: «Что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо для страны».

Государственным секретарем стал бывший директор крупных капиталистических компаний Джон Фостер Даллес — руководитель и консультант юридической фирмы «Сэлливен и Кромвелл». Эта фирма обслуживала крупнейшие американские монополии и иностранные государства в их финансовых операциях в США. Его заработок в этой фирме оценивался в 150 тыс. долл. в год.

Министром финансов стал Джордж Хэмфри — глава ряда крупных промышленных и финансовых компаний, ярый сторонник Тафта в республиканской партии. Согласно данным биржевой комиссии США, далеко не полный доход Хэмфри составил в 1951 г. 305 тыс. долл. Назначение Хэмфри обеспечивало Тафту сильное влияние на правительство в вопросах внутренней политики.

Следующие по рангу члены кабинета — министр торговли С. Уикс и министр почт А. Саммерфилд — имели годовой доход более чем 100 тыс. долл. Крупные доходы имели также министр юстиции Г. Броунелл, министр внутренних дел Д. Маккей и министр сельского хозяйства Э. Бансон⁶⁰. Маккей, получив назначение, провозгласил: «Мы здесь в седле, в правительстве, представляющим бизнес и индустрию»⁶¹.

Только на пост министра труда Эйзенхауэр назначил руководителя профсоюза водопроводчиков из Американской федерации труда Мартина Дэркина, и то в сентябре 1953 г. его сменил помощник военного министра Джеймс Митчелл.

В апреле 1953 г. в США было создано новое министерство — здравоохранения, образования и социального обеспечения. Возглавила новое министерство Овета Хобби, которая раньше руководила федеральным ведомством социального обеспечения. Хобби в чине полковника во время войны возглавляла женский армейский вспомогательный корпус. Она была второй женщиной в истории США, занявшей министерский пост, и оставалась на этом посту в течение двух лет. Новое правительство назвали в стране «корпорацией миллионеров»⁶².

Во главе большого аппарата Белого дома, выросшего почти до 400 человек, Эйзенхауэр поставил бывшего губернатора Нью-Гемпшира Шермана Адамса. Его прозвали «начальником штаба президента США». Секретарь по вопросам печати Хегерти постоянно сопровождал президента; раньше он был членом редакции «Нью-Йорк таймс» и секретарем губернатора Нью-Йорка Т. Дьюи. Хегерти осуществлял связь между президентом и прессой, радио и телевидением.

Весь кабинет, за исключением Дюркена, был укомплектован не только из миллионеров, но и из консервативных представителей крупного американского капитала, из людей, враждебных рузвельтовскому «нью дил», из противников государственного вмешательства в хозяйство. Они провозгласили своей задачей «выключение государства из бизнеса»⁶³.

Эйзенхауэр заявил: «Мы сократим долю национального дохода, расходуемую государством». В результате налоговый акт 1954 г. передал 7 млрд. долл. из государственных средств в руки частных монополий⁶⁴.

Рузвельтовский «нью дил» Эйзенхауэр назвал «ползучим социализмом» (creeping socialism), примером которого, по его словам, служит государственное владение гидроэлектросооружениями долины р. Теннесси⁶⁵. «Оскорбленные» лидеры демократов назвали программу нового правительства «ползучим маккинлизмом»⁶⁶.

Прежде всего новое правительство пообещало навести порядок в финансах, добиться во что бы то ни стало бездефицитного бюджета. В своем первом послании о положении страны, отправленном конгрессу 2 февраля 1953 г., Эйзенхауэр обязался покончить с инфляцией⁶⁷.

Чтобы влиять на кредит и денежное обращение, необходимо было вмешательство в хозяйство, что несовместимо с «выключением государства из бизнеса». С самого начала, в первые месяцы 1953 г., правительство Эйзенхауэра проводило уже известную политику ограничения кредитной экспансии с целью борьбы с инфляцией и опасным расширением производства.

Вскоре, однако, выяснилось, что существует реальная опасность падения производства и что экономика США вступает в очередной кризис.

По данным Федерального резервного управления индекс промышленного производства (1947—1949 гг. = 100) поднялся в июле 1953 г. до высшей предкризисной точки, до 142. С тех пор в течение семи месяцев он падал и в феврале 1954 г. дошел до 128. На этом низком уровне индекс оставался в течение трех месяцев. Потом три месяца — с мая по июль — он держался на уровне 129. Затем он начал постепенно повышаться и достиг своего докризисного уровня лишь к апрелю 1955 г. За семь месяцев систематического падения объем промышленного производства в целом сократился на 9,9%. Производство товаров длительного пользования уменьшилось с июля 1953 до мая 1954 г. на 15%, а выпуск черных и цветных металлов упал за время кризиса на 25%⁶⁸. Нагрузка сталелитейных заводов снизилась до 63% их производственной мощности.

Безработица, согласно официальным данным Бюро цензов США, увеличилась с августа 1953 до марта 1954 г. более чем в 3 раза, охватив 3725 тыс. человек.

В конгрессе США эта цифра оспаривалась как заниженная. Там доказывали, что в мае 1954 г., когда Бюро цензов определило число безработных в стране в 3305 тыс., фактически оно составляло 4853 тыс. Кроме того, 8344 тыс. человек рассматривались тогда как частично безработные, занятые менее 35 час. в неделю⁶⁹. Судя по приведенным в конгрессе данным, весной 1954 г. число полностью безработных в США превысило 5 млн.

Падение производства и рост безработицы вызвали большую тревогу в Вашингтоне, продемонстрировали перед всем миром, что экономика крупнейшей и богатейшей капиталистической страны неустойчива и ненадежна. Эти события остро задевали новое правительство республикан-

⁶⁴ «New York Times Magazine», 17.VII 1960, p. 48.

⁶⁵ «Wall Street Journal», 19.VI 1953.

⁶⁶ Президентство Маккинли (1897—1901 гг.) символизирует произвол монополий США.

⁶⁷ «New York Times», 3.II 1953.

⁶⁸ «Federal Reserve Bulletin», January 1955, p. 63; December 1959, p. 1469.

⁶⁹ «Congressional Record», 13.VII 1954, p. 9896.

⁶⁰ «U. S. News and World Report», 12. XII 1952, p. 14—17.

⁶¹ «New York Times Magazine», 17.VII 1960, p. 48.

⁶² Donovan R. Eisenhower. The Inside Story, p. 171.

⁶³ «New York Times», 24.VII 1958.

цов, которых демократы обвиняли в порочной экономической политике, неизбежно ведущей к кризису⁷⁰.

Кризис 1953—1954 гг. оказался сравнительно кратковременным и неглубоким, какой обычно называют «промежуточным кризисом». Но, когда из месяца в месяц производство сокращалось и безработица увеличивалась, никто в стране не мог толком сказать, когда и на каком уровне наступит перелом.

Встревоженное правительство отказалось не только от «выключения государства из бизнеса», но и от обещания добиться бездефицитного бюджета. В первые три года президентства Эйзенхауэра федеральные расходы превысили доходы на 16,5 млрд. долл. В 1953 г. бюджетный дефицит, составивший более 6,5 млрд. долл., был наивысшим после 1946 г. Подстегиваемое критикой в конгрессе и советами своих экономических консультантов, правительство заявляло, что не остановится перед любыми средствами, чтобы не допустить повторения краха 1929 г.⁷¹

В конгрессе и в печати заговорили о том, что на послевоенной стадии борьбы двух социальных систем кризис и безработица — наихудшее зло, что по сравнению с ними инфляция и бюджетный дефицит — зло не только меньшее, но и незначительное.

В мае 1954 г. бывший президент Трумэн выступил на съезде объединенного союза рабочих швейной промышленности с докладом на тему об экономических проблемах, стоящих перед страной. Он доказывал, что в результате кризисов и постоянной безработицы 30-х годов объем национального производства США был на 635 млрд. долл. меньше, чем можно было бы ожидать при полной занятости населения и при полной загрузке производственных мощностей⁷².

Данные, опубликованные Трумэном, лишний раз продемонстрировали трагедию расточительства капиталистической экономики, экономики, при которой почти на всем протяжении 30-х годов безработица в США исчислялась восьмизначным числом.

В конце 1953 и начале 1954 г. страх перед надвигающимся кризисом был настолько велик, что правительство должно было отказаться от важнейших установок экономической платформы республиканской партии и экономической программы, провозглашенной новым президентом.

В январе 1954 г. президент США в очередном экономическом докладе конгрессу, говоря о своей готовности использовать все доступные средства для борьбы с кризисом, изложил обширную программу стимулирования хозяйственной деятельности. Он предложил пересмотреть налоговые законы, увеличить на более льготных условиях кредиты на жилищное строительство, принять новый сельскохозяйственный план и проводить большое дорожное строительство.

Через год Эйзенхауэр предложил конгрессу принять 10-летнюю программу дорожного строительства стоимостью более чем в 100 млрд. долл.⁷³ С этим конгресс не согласился, но основные экономические мероприятия, предложенные Эйзенхауэром, одобрил.

Некоторым отраслям промышленности, очутившимся в тяжелом положении (как, например, судостроительной и цветных металлов), была оказана помощь путем государственных заказов и создания фондов стратегического сырья.

В 1953 г., когда появились первые признаки кризиса, правительство не только отказалось от политики ограничения кредита, но и взяло курс на его удешевление и расширение. Это, пожалуй, было единственным мероприятием, проведенным во время падения производства. Что касается других средств, рекомендованных правительством и одобренных конгрессом с целью «накачивания хозяйственной конъюнктуры», то к их осуществлению в 1954 г., как и в 1949 г., не приступали до прекращения падения производства.

В последующие годы, особенно во время президентской кампании 1956 г., республиканцы много говорили о заслугах правительства Эйзенхауэра в борьбе с кризисом 1953—1954 гг. Главной заслугой считалась его налоговая политика. По инициативе правительства конгресс согласился сократить налоги, невзирая на то что бюджет 1954/55 г. закончился дефицитом, превысившим 3 млрд. долл. Налоги были сокращены преимущественно на крупный капитал, с тем чтобы оставить в распоряжении корпораций больше средств для вложения в производство.

Из каждого доллара, на который 83-й конгресс в 1954 г. сократил налог, корпорации получили 73 цента; семьи с доходом в 5 тыс. долл. и выше — 18 центов; семьи с доходом до 5 тыс. долл. — 9 центов. В результате закона 1954 г. квалифицированный рабочий-сталелитейщик должен был платить налог на свою заработную плату, превышающий более чем в 2 раза налог на доход от акций, равный размеру этой заработной платы⁷⁴.

Три четверти всей суммы, на которую в 1954 г. был сокращен налог, досталось корпорациям. Увеличили ли они, действительно, вложения в производство благодаря сокращению налога и нуждались ли они в этом?

Капиталисты вкладывают средства в производство не тогда, когда сокращают налоги, а тогда, когда они рассчитывают на рынок, на заказы, на прибыль. Согласно данным министра торговли США С. Уикса, к концу 1953 г. ликвидные активы в стране исчислялись сотнями миллиардов долларов⁷⁵. Американские корпорации не чувствовали недостатка в капиталах и без сокращения налогов.

С 1 апреля 1954 г. конгресс США сократил акцизный сбор примерно на 1 млрд. долл. в год. Но к этому времени падение производства и так прекратилось.

Единственным антикризисным средством, применявшимся правительством с самого начала падения производства в 1953 г., было, как уже отмечено, удешевление кредита, снижение учетной ставки федеральными резервными банками. Но удешевление и предоставление кредита на льготных условиях сами по себе еще не обеспечивают его применения в производстве. В связи с этим редактор американской экономической газеты «Джорнал оф коммерс» повторил слова, сказанные Кейнсом по этому вопросу: «Вы можете привести лошадь к воде, но вы не можете заставить ее пить»⁷⁶.

Производство поглощает кредит не в зависимости от уровня учетной ставки, а в зависимости от прибыльных заказов. Прибыль определяет уровень учетной ставки, а не наоборот.

⁷⁰ The 1956 Democratic Fact Book. Wash., 1956, p. 26.

Следует отметить, что наряду с федеральным налогом существовал налог штата, а в ряде городов и муниципалитетов — местный налог. В 1955 г. местный подоходный налог изымался в 370 городах и муниципалитетах, а через десять лет — почти в 2000 («US News and World Report», 8.VIII 1966, p. 86).

⁷¹ «Commercial and Financial Chronicle», 17.VI 1954, p. 18.

⁷² Ibid., 20.V 1954, p. 30.

⁷⁰ «New York Times», 14.V 1954.

⁷¹ Donovan R. Op. cit., p. 209, 214.

⁷² «New York Times», 14.V 1954.

⁷³ Pusey M. Op. cit., p. 233, 234.

Государственные мероприятия по борьбе с кризисом опираются, как считают в Вашингтоне, на трех китов: на организацию общественных работ, сокращение налогов и политику дешевых денег. Во время падения производства в 1953—1954 гг. первые два мероприятия не были реализованы, а третье показало полностью свою несостоятельность еще на длительном опыте большого кризиса, возникшего в 1929 г.⁷⁷

Кратковременность и сравнительная легкость кризиса 1953—1954 гг. объясняются не государственными мероприятиями, а общим состоянием и своеобразием экономики США в начале 50-х годов. В ходе кризиса наблюдались явления, необычные для периода падения производства.

Как мы видели, кризис 1948—1949 гг. вызвал незначительное падение общего индекса цен. Все же этот индекс снизился тогда на 10%. В 1953—1954 гг. падение производства не отражалось на ценах. В 1949 г. большую роль в общем падении цен сыграли сельскохозяйственные продукты, в 1953—1954 гг. цены на сельскохозяйственные продукты, как и цены в общем, даже несколько возросли.⁷⁸

Вторую особенность кризиса 1953—1954 гг. представляет продолжавшаяся вложение больших капиталов в промышленность в период ее падения.

2 апреля 1954 г. председатель Совета экономических консультантов президента США Артур Бернс сообщил на заседании правительства о наблюдавшейся аномалии. В течение девяти месяцев общего падения производства, говорил он, промышленное и жилищное строительство находится на очень высоком уровне.⁷⁹ Предыдущее максимальное капиталовложение в новые предприятия и оборудование имело место в третьем квартале 1953 г., когда оно находилось на уровне 28 290 млн. долл. в год. В первом квартале 1954 г. эта цифра составляла 28 040 млн. долл.⁸⁰

Жилищное строительство продолжало расти, несмотря на падение производства. В июле 1953 г. расходы на городское жилищное строительство равнялись 979 млн., а в марте 1954 г. — 1081 млн. долл. К этому следует добавить рост расходов штатов и муниципалитетов в 1953—1954 гг. Во втором квартале 1953 г. их расходы на товары и услуги находились на уровне 24 600 млн. долл. в год, а в первом квартале 1954 г. — 27 млрд. долл. в год.⁸¹

Необычные явления, сопровождавшие падение производства, служили основанием для неправильных выводов, которыми изобилвала американская буржуазная экономическая литература. Так, например,

⁷⁷ Осенью 1929 г., сразу после возникновения экономического кризиса, нью-йоркский резервный банк начал снижать учетную ставку. К весне 1931 г. он довел ее до того, что дисконтный процент в США был в 4 раза ниже, чем до кризиса, в августе 1929 г. Между тем кризис не только не прекращался и даже не смягчался, но, наоборот, продолжал углубляться. В начале 1931 г. известный тогда американский конъюнктурный журнал утверждал, что политика дешевых денег резервных банков явилась бичом, усилившим удары кризиса («Annalist», 16.I 1931).
⁷⁸ Общий уровень оптовых цен в США до и после падения производства в 1953—1954 гг. представляется в следующем виде (1947—1949 гг. = 100):

	Май 1953 г.	Май 1954 г.
Все товары	109,8	110,8
Фермерские продукты	97,8	98,9
22 наиболее ходовых товара	88,1	93,0

(«Commercial and Financial Chronicle», 24.VI 1954, p. 5).

⁷⁹ Donovan R. Op. cit., p. 218.

⁸⁰ «Commercial and Financial Chronicle», 27.V 1954, p. 48.

⁸¹ Ibidem.

профессор Гарвардского университета Шлихтер утверждал, что указанные выше явления будут иметь место в дальнейшем, что капиталовложения в производство впредь не будут производиться циклически, что они, мол, обрели своего рода иммунитет против влияния хозяйственной конъюнктуры и что государственные мероприятия по борьбе с кризисом эффективны.⁸²

Другие, в частности лидеры республиканской партии, пошли еще дальше. Они повторяли слова Эйзенхауэра, высказанные им на выборах 1952 г., о том, что все экономическое благополучие США при правительстве демократов основывалось на войне, а республиканцы-де нашли ключ к непрерывному «просперити» в мирное время. Их лидеры начали, как и в 20-х годах, претендовать на патент, обеспечивающий якобы беспрестанную высокую хозяйственную конъюнктуру. Они говорили, что только благодаря политике правительства Эйзенхауэра страна избежала тяжелого кризиса после окончания военных действий в Корее в 1953 г.

Летом 1956 г. бывший губернатор Нью-Йорка и дважды кандидат в президенты США Дьюи в своем выступлении на национальном конвенте республиканской партии заявил: «Одним из самых замечательных достижений правительства является то, что оно ликвидировало опасные и вредные опасения нашего народа — невозможность просперити без войны. Сейчас каждый видит, что при правительстве республиканцев американский народ может иметь в одно и то же время и просперити, и мир».⁸³

Конечно, высокая хозяйственная конъюнктура бывает в США, как и в других капиталистических странах, не только во время войны. Циклическое развитие капитализма характерно больше в мирное, чем в военное, время. Цикл наряду с кризисом и депрессией включает в себя в той или иной мере оживление и подъем. Но говорить о том, что после второй мировой войны правительство республиканской партии нашло сыворотку против циклического развития капитализма, против экономических кризисов, не было никакого основания.

Причины, порождающие экономические кризисы, продолжали действовать со всей силой и после второй мировой войны. Несмотря на все разговоры о росте числа акционеров в США, о «народном капитализме», основное противоречие капиталистического строя — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов труда — остается. Следовательно, остаются причины, порождающие экономические кризисы.

Другое дело — своеобразие, особенности послевоенного промышленного цикла. При рассмотрении как экономического кризиса 1948—1949 г., так и кризиса 1953—1954 гг. следует учесть новые послевоенные моменты, проявившиеся к началу 50-х годов и оказывавшие свое воздействие на экономику в дальнейшем.

Начиная с 1946 г. в течение последующих 8 лет американская промышленность израсходовала на научно-исследовательскую работу в 2 с лишним раза больше средств, чем за всю предыдущую историю США. За один 1953 г. эти расходы в промышленности были больше, чем за все десятилетие, предшествовавшее второй мировой войне.⁸⁴ В 1930 г. США вложили в научно-исследовательскую работу 156 млн., а в 1960 г. —

⁸² Ibidem.

⁸³ «New York Times», 23.VIII 1956.

⁸⁴ «Commercial and Financial Chronicle», 27.V 1954, p. 48—49.

11 млрд. долл. В 1930 г. специально научной работой занимались 40 тыс. человек, а в 1960 г. — 275 тыс.⁸⁵

Григорьев, что большая часть расходов на научные изыскания в промышленности падает на затраты, производимые для военных целей. 29 августа 1962 г. будущий вице-президент США сенатор Хэмфри утвердил перед сенатской комиссией, что правительство финансирует около двух третей исследовательских работ, производимых в стране, и что львиная доля этих ассигнований идет на военные и космические цели⁸⁶. Но результатами этих изысканий, хотя и в меньшей мере, пользуются и в гражданском производстве.

В прошлом обновление основного капитала в производстве начиналось обычно к концу кризиса, в фазе депрессии. Стимулом служило приспособление капиталистов к новым условиям, к сниженным в результате кризиса ценам. В 1953—1954 гг. такого стимула не было. Но зато существовала возможность использовать большие затраты предыдущих лет на научно-исследовательскую работу в промышленности. В отличие от стимула, вызываемого падением цен, этот соблазн оказывал свое действие с самого начала кризиса.

Конечно, отсюда отнюдь не следует, что так будет и в дальнейшем, что и в будущем во время кризиса капиталовложения в производство будут находиться на высоком уровне. Кризис 1953—1954 гг. отнюдь не характерен. В отношении капиталовложений в производство, да и не только капиталовложений, он представляет определенное исключение.

Дискуссия в США о роли государства в экономике, о значении его антикризисных мероприятий, о его способности обеспечивать максимум занятости в производстве в соответствии с законом 1946 г., затихшая после начала военных действий в Корее, снова оживила в 1954 г. На этот раз она затянулась на более длительный срок и продолжалась в период президентской кампании 1956 г. В этой дискуссии участвовали официальные лица, крупные капиталисты и экономисты.

В марте и сентябре 1954 г. Комитет экономического развития⁸⁷ опубликовал два сборника. Первый назывался «Защита против кризиса», второй — «Проблемы антикризисной политики». В первом сборнике подтверждается, что периоды подъема и спада неизбежны в американской эко-

номике. Вместе с тем там говорится, что колебание в экономическом развитии может быть сокращено.

Отмечая, что борьба с кризисом жизненно важна не только для США, но и для всего капиталистического мира, комитет заявил: «Нам брошен вызов. Несмотря на замечательные достижения, будущность нашей системы конкуренции и предпринимательства окажется небезопасной, если мы не сможем избежать опустошительных последствий бума и краха»⁸⁸.

В своей позитивной части комитет высказался в том духе, что в период подъема хозяйства предотвращение кризиса зависит во многом от капиталистов, а после возникновения кризиса основные задачи по борьбе с ним должно решать государство; главные антикризисные мероприятия государства сводятся к проведению программы общественных работ и сокращению налогов.

Рекомендованные государственные антикризисные мероприятия неновы. Они неоднократно проводились, но своей цели не достигали. Предложенные этим комитетом мероприятия, содержащиеся в обоих указанных сборниках, с целью предотвращения кризиса противоречат духу и природе капитализма. Капиталистам в подобных рецептах по существу предлагается в своих операциях руководствоваться не прибылью, а некими общегосударственными соображениями, не руководствоваться, а руководить рынком. Это никак не совместимо с системой конкуренции и предпринимательства, которую так восхваляет Комитет экономического развития.

В октябре 1954 г. председатель Совета экономических консультантов при президенте США Артур Бернс выступил в экономическом клубе Детройта с докладом об итогах кризиса и о мероприятиях правительства в связи с кризисом. Экономический кризис, как учит опыт, говорил он, ведет к тому, что люди теряют веру в экономические и политические институты США. Эта опасность особенно велика в наши дни, в обстановке острой борьбы двух систем. И поэтому вопрос о том, должно ли государство вмешиваться в ход промышленного цикла и контролировать его, не подлежит дискуссии: «... правительство, — утверждал Бернс, — не может стоять в стороне от частной экономики, оно должно быть готово к тому, чтобы предпринимать энергичные шаги для поддержания стабильного процветания»⁸⁹.

Подобные же взгляды выражал профессор Шлихтер, к мнению которого часто прислушивались в конгрессе США, когда там обсуждались важные экономические вопросы. Он обвинял министерство финансов в том, что оно больше заботится о сбалансированном бюджете, чем о поддержании на должном уровне производства и занятости населения. В своем выступлении в Вашингтоне в мае 1954 г. Шлихтер заявил: «Я уверен, что в следующий раз, когда начнется падение производства (даже если оно будет таким же умеренным и ограниченным, как настоящее), правительство независимо от того, будет ли оно республиканским или демократическим, станет действовать быстрее и решительнее, чем это сделало существующее правительство»⁹⁰.

Другие авторитетные в буржуазных кругах экономисты возражали против таких выводов.

Редактор газеты «Джорнал оф коммерс» Людайк, например, предупреждал, что несерьезно и опасно полагаться на государство как на не-

⁸⁵ «Harvard Business Review», September — October 1961, p. 95. Бывший министр обороны США Макнамара привел следующие данные о состоянии образования в Америке и в Западной Европе в 60-х годах. В Великобритании, Франции, ФРГ и Италии менее 20% детей школьного возраста продолжают учебу после достижения 15 лет. Между тем в США более 45% всех восемнадцатилетних продолжают свое образование. В Англии лишь около 10% молодых людей студенческого возраста посещают высшие учебные заведения. В ФРГ и Италии этот процент равен семи, во Франции он доходит до 15, а в США — до 40 (McNamara R. The Essence of Security. N. Y., 1968, p. 111—112). Процент молодежи в США в возрасте 14—17 лет, посещающей школу, увеличился после второй мировой войны с 82 в 1947 г. до 92 в 1962 г. (Heller W. Perspectives on Economic Growth. N. Y., 1968, p. 153).

⁸⁶ «Nation», 16.II 1963, p. 133.

⁸⁷ Комитет экономического развития (КЭР) был организован в Нью-Йорке в 1942 г. В его состав вошли 150 виднейших капиталистов и экономистов. Его первым председателем стал Поль Гофман. В то время страх перед ожидавшимся после войны большим экономическим кризисом был, как мы видели, очень велик в буржуазных кругах США. Гофман и другие руководящие деятели крупного американского капитала решили создать комитет и сосредоточить в нем, по их выражению, лучшие умы университетов, а также капиталистических компаний с целью решения проблемы эффективной борьбы против кризиса и массовой безработицы.

⁸⁸ Defence Against Recession. N. Y., 1954, p. 1—2, 3, 4, 48, 49.

⁸⁹ «U. S. News and World Report», 29.X 1954, p. 42, 46.

⁹⁰ «Commercial and Financial Chronicle», 27.V 1954, p. 50.

кую «линию Малкина» в экономике. Он, как и Эйзенхауэр на выборах 1952 г., утверждал, что за предыдущие два десятилетия высокая хозяйственная конъюнктура в США существовала не в результате государственных мероприятий, а вследствие второй мировой войны и войны в Корее. Государственные мероприятия, по его мнению, опасны тем, что они могут уничтожить плоды благоприятных экономических условий. Эти мероприятия эффективны лишь тогда, когда они проводятся в больших размерах, вызывающих колоссальные расходы, которые неизбежно ведут к очень опасной инфляции⁹¹.

Угроза большой, опасной инфляции вызвала тревогу в руководящих финансовых кругах США. Государственные мероприятия по борьбе с кризисом сводятся в конечном итоге к росту государственных расходов за счет увеличения государственного долга. Хотя никто не мог сказать, где предел роста американских государственных займов, многие опасались, что бесконечное увеличение государственного долга может поколебать не только денежную, но и всю финансовую структуру США.

В описываемый нами период, в 1954 г., исполнилось 20 лет, с тех пор как золото федеральных резервных банков перестало служить обеспечением для банковской эмиссии в США. С 1934 г. эта эмиссия опирается на государственные ценные бумаги, которые также не обеспечиваются золотом. В зависимости от состояния государственных ценных бумаг находится и состояние банков. Поэтому опасались, что дальнейший рост и без того уже раздутого государственного долга может во время кризиса перепроизводства не только расшатать денежное обращение, но и вызвать хаос всей кредитной системы США.

В этих условиях некоторые известные американские экономисты считали, что попытка приостановить кризис при помощи инфляции равносильна попытке приостановить кровь из носа путем затягивания петли на шее.

Когда правительство Эйзенхауэра вскоре после прихода к власти стало перед угрозой экономического кризиса, оно отказалось от своих обещаний и от декларации своей партии о борьбе с инфляцией, о борьбе за устойчивый доллар и бездефицитный бюджет. Но дискуссия о том, что опаснее для экономики США, какое зло меньше — кризис или инфляция, продолжалась и в дальнейшем. Она приняла характер горячих споров в выборной кампании 1956 г.

В октябре 1956 г., за две недели до очередных президентских выборов, на собрании Ассоциации американских банкиров выступил советник президента США и редактор известного экономического журнала «Бизнес уик» Эллиот Балл с докладом на тему «Можно ли гарантировать США от кризиса и что нужно для этого сделать?». Напомнив вначале о законе 1946 г., обязывающем правительство бороться против экономического кризиса, Балл отметил, что никто не знает, и меньше всех само правительство, как выполнять обязанности, возложенные на него этим законом.

Положение правительства, продолжал Балл, тем более деликатно, что каждый капиталист хочет, чтобы ему гарантировали «просперити», но ни один капиталист не желает, чтобы какой-нибудь государственный чиновник вмешивался в его дела и говорил: «Ты это делай, а это делать нельзя».

Балл предложил создать национальный экономический совет во главе с президентом США. Но при этом он не давал обещаний, что такой совет или любое другое федеральное ведомство будет способно активно бороться

ся с экономическим кризисом. Напротив, он признал: «Неоспоримый факт таков, что в прошлом наши старания оградить страну от кризиса не увенчались успехом». Но вместе с тем он утверждал, что необходимо в дальнейшем что-то предпринимать: может быть, что-нибудь и получится. Если же в этом отношении не удастся добиться удовлетворительных результатов, сказал он, «наше положение будет действительно жалким»⁹².

В конце своей речи Балл заявил: «Мы приближаемся к точке, близкой к кульминационной. Мы не можем позволить дальше событиям развиваться самотеком. Как государство мы вовлечены в большой эксперимент, которым проверяется, достаточно ли мудрости и организованности у демократии (читай: капиталистической. — В. Л.), чтобы управлять циклическим подъемом и падением хозяйства. Мы все согласны, я думаю, что новый большой кризис будет катастрофой, уступающей по своей силе только катастрофе новой большой мировой войны»⁹³.

Лидеры правительственной республиканской партии, готовя к очередным президентским выборам, провозглашали всеобщее благополучие, кричали на всю страну о хозяйственном процветании. В то же время их видные экономические эксперты били тревогу, говорили о возможной хозяйственной катастрофе, подтверждали, что экономика главной капиталистической страны ненадежна.

3. Внешняя политика Дж. Ф. Даллеса

«Балансирование на грани войны». Глобальная политика Вашингтона. «Массированное возмездие». План Редфорда. Водородное оружие. Принятие ФРГ в НАТО. Кампания в США за войну с КНР. Отношение Америки к войне Франции против Вьетнама. Соглашение в Женеве об Индокитае. Создание СЕАТО. Военные пакты США с правительством Южной Кореи и Чан Кай-ши. «Формозская резолюция». Вмешательство Америки во внутренние дела Ирана. Ближневосточная нефть. Багдадский пакт. Суэцкий кризис. Суэц и Паанама. Гнет доллара в Латинской Америке. События в Гватемале. Конференция 1954 г. в Каракасе. Конференция президентов американских стран в Паанаме. Крах политики «освобождения». Конференция глав правительств четырех держав. Эфемерный «дух Женевы».

Экономический спад 1953—1954 гг. в США имел известные внешнеполитические последствия. Он не сопровождался соответствующим спадом в Европе. Европейские союзники США увеличили в 1954 г. свое производство абсолютно и относительно. Падение американского производства содействовало росту удельного веса Западной Европы в объеме промышленного производства капиталистических стран. С увеличением значения стран Западной Европы в экономике усиливались голоса, требовавшие увеличения роли этих стран в мировой политике. В то же время влиятельные круги в США, в частности в конгрессе, начали выступать за то, чтобы переложить большую долю общих военных расходов на европейских союзников.

Во взаимоотношениях с западноевропейскими странами первые годы президентства Эйзенхауэра отличаются от периода, когда проводился в жизнь «план Маршалла», подготавливалось и создавалось НАТО. В эти годы, несмотря на окончание войны в Корее, дальневосточная политика Вашингтона оставалась тревожной. С приходом к власти республиканцев активизировались сторонники курса «Азия прежде всего», или, как их

⁹¹ «Commercial and Financial Chronicle», 20.V 1954, p. 31.

⁹² «U. S. News and World Report», 2.XI 1956, p. 94.

⁹³ Ibidem.

называли, «поизоляционисты», открыто выступая за войну против Китая.

Государственный департамент под руководством Даллеса усилил свою активность на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Но основное внимание в своей внешней политике правительство Эйзенхауэра уделяло советско-американским отношениям, борьбе двух систем. В аспекте этой борьбы, через ее призму в Вашингтоне рассматривали, взвешивали и расценивали все международные вопросы.

В первое президентство Эйзенхауэра политика «холодной войны» достигла своего кульминационного пункта. В соответствии с платформой республиканцев 1952 г. новый государственный секретарь под видом «освобождения» возвестил о приверженности правительства США к насильственному изменению строя народной демократии в странах Восточной Европы и в Китае. Правда, в это время вопрос о большой войне не стоял так определенно, как тогда, когда США надеялись на свою монополию на атомную бомбу и когда Макартур угрожал перенести военные действия с Кореи на территорию Китая. Но сам Даллес называл внешнюю политику США в первое президентство Эйзенхауэра «балансированием на грани войны». Он даже хвастал, что за время первого президентства Эйзенхауэра «три раза поставил мир на край атомной пропасти»⁹⁴.

Грань, на которой Даллес балансировал, оказалась более устойчивой, чем он сам предполагал, но в этом он совершенно «неповинен»: решающую роль в укреплении военных страстей Вашингтона сыграло продолжавшееся изменение соотношения сил в пользу СССР, в пользу мира социализма. Следует отметить сопротивление, оказанное этим планам общественностью Европы и Америки. Некоторое значение имела настороженность европейских союзников по отношению к военным планам США.

Первое президентство Эйзенхауэра насыщено внешнеполитическими событиями во всех частях света. События развивались в условиях усиления международной напряженности. Но, поскольку в Вашингтоне не рискнули превратить «холодную войну» в горячую, международная напряженность, доведенная до крайних пределов, начала проявлять признаки ослабления. Третий год его президентства отличался от первых двух лет.

С тех пор как республиканцы расстались с правительственной властью, прошло 20 лет. Они вернулись в Белый дом в 1953 г. — в тот период, когда международное положение США и их внешняя политика кардинально изменились. Былые горячие поборники изоляционизма, ярые противники американского участия в военных союзах и комбинациях европейских государств, придя в 1953 г. к власти, отнюдь не требовали возвращения к курсу формального невмешательства в политические дела Европы. Наоборот, они выдвинули авантюрную программу активного вмешательства во внутреннюю жизнь других стран с целью изменения существующего строя в ряде государств Европы и Азии.

Внешиполитическая платформа республиканской партии, составленная при участии и под руководством Даллеса, была проникнута духом политики Трумэна. Это не мешало республиканцам обвинять правительство Трумэна в пассивности, негативной политике в Европе и в недооценке значения для США Дальнего Востока. Они обещали, что, получив власть, откажутся от Ялтинского соглашения и очистят от «неблагонадежных» государственный департамент.

Внешняя политика правительства Трумэна проводилась при активном участии Даллеса. Эйзенхауэр был известен как сторонник европейской

ориентации во внешней политике Вашингтона. Но, став президентом США, он занял в международных вопросах привычное ему положение примирителя между республиканцами и демократами и между различными группами внутри республиканской партии. Официально он не отказался от Ялтинского соглашения, но согласился провести жесткую чистку в государственном департаменте. Он с оговоркой присоединился к платформе республиканской партии об отношении к странам народной демократии и без всяких оговорок заявил, что США будут воевать за Тайвань.

Официальные внешнеполитические декларации нового президента и нового государственного секретаря США усиливали в 1953—1954 гг. международную напряженность. Перед выдвижением национальным конвентом республиканской партии его кандидатуры в президенты в 1952 г. Эйзенхауэр, выступая в родном городе Абилине, утверждал, что «Америка, как сильная держава, должна взять на себя бремя руководства миром»⁹⁵. Сразу после переезда в Белый дом Эйзенхауэр, как в свое время Трумэн, заявил, что «судьба возложила на США ответственность за руководство капиталистическим миром. В первом послании конгрессу о положении страны, сообщив, что «правительство начало вырабатывать новую, позитивную внешнюю политику», он заявил: «Наша политика должна быть последовательно глобальной»⁹⁶. Глобальная политика трактовалась в Вашингтоне как претензия на руководство миром, на мировое господство⁹⁷.

15 января 1953 г., Даллес за пять дней до принятия им руководства государственным департаментом, выступая перед комиссией по иностранным делам сената, утверждал, что Вашингтон никогда не должен оставлять мысль об освобождении стран народной демократии от социализма: «Мы никогда не будем иметь прочного мира или счастья до тех пор, пока советский коммунизм доминирует на одной трети земного шара»⁹⁸.

В своей первой речи на посту государственного секретаря, обращаясь к тем элементам в странах социалистического содружества, которые, по мнению Даллеса, недовольны существующим строем, он заявил: «Вы можете рассчитывать на нас».

После ряда таких претенциозных заявлений президента США и государственного секретаря последний выступил в январе 1954 г. с внешнеполитической программой, носившей вызывающий, провокационный характер.

В этой программе, изложенной перед Советом внешних сношений в Нью-Йорке, Даллес употреблял те воинственные выражения, которые в 1952 г. были изъяты из платформы республиканской партии из боязни запугать избирателей. Он угрожал превратить местные вооруженные конфликты в большие общие войны. Он заявил: «Локальная оборона должна быть подкреплена силой массированного возмездия», способностью применить эту силу «мгновенно там и так, где и как мы найдем это нужным»⁹⁹.

⁹⁵ Цит. по: «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 2, с. 146.

⁹⁶ «New York Times», 31.I 1953; 3.II 1953.

⁹⁷ Спустя три года, 21 апреля 1956 г., Эйзенхауэр в своем выступлении в американском обществе редакторов газет заявил: «Наш народ призван руководить. Я не собираюсь комментировать этот вопрос. Я знаю, что вы все понимаете — руководить всем миром» («New York Times», 22.IV 1956).

⁹⁸ «New York Times Magazine», 24.V 1967.

⁹⁹ «New York Herald Tribune», 13.I 1954.

Доктрину «массированного возмездия» Даллес вынашивал годами, а Эйзенхауэр ее одобрил еще до его избрания кандидатом в президенты, хотя по так-

⁹⁴ The 1956 Democratic Fact Book. Wash., 1956, p. 91.

Затем Даллес в своей внешнеполитической программе начал, как и бывшие президенты Гувер и Трумэн, доказывать необходимость ремилитаризации Западной Германии. Утверждая, что «НАТО начало свое существование без солидного основания», Даллес заявил: «Западная Европа не может быть успешно защищена без защиты Западной Германии. Западная Германия не может быть защищена без помощи со стороны немцев. Участие же ФРГ исключено действующим соглашением. Западно-германская республика должна быть освобождена от этого соглашения»¹⁰⁰.

Даллес находил общий язык с бывшим президентом реакционером Гувером не только в вопросе о ремилитаризации Западной Германии, но и в провозглашенной Даллесом так называемой доктрине «массированного возмездия». Эта доктрина опиралась на мощную стратегическую авиацию, развитие которой проповедовали и бывший лидер республиканской партии Тафт, и бывший президент США Гувер.

В соответствии с доктриной Даллеса, но в несколько измененном виде выдвинул свой план адмирал Редфорд, возглавлявший с середины 1953 г. комитет начальников штабов вооруженных сил США.

План Редфорда о примате ядерного оружия исходил из того, что большая война станет термоядерной, притом основные задачи будут выполнены стратегической авиацией еще до того, как наземные силы США будут мобилизованы, переброшены через океан и введены в действие. Поэтому, говорил Редфорд, нет необходимости в содержании большой сухопутной армии в США и в сохранении крупных американских военных сил и военных баз за границей. Отсюда, заключал Редфорд, США должны постепенно возвращаться к наемной профессиональной армии и сокращать свои военные базы за границей.

План Редфорда основывался на том, что в будущей большой войне нападающей стороной явятся США и что в условиях термоядерной войны лучше организовать это нападение с Американского континента.

Откровенность адмирала не устраивала правительство США, которое постоянно утверждало, что все военные приготовления Вашингтона, включая НАТО и другие агрессивные союзы, имеют лишь оборонительные цели.

Даллес не соглашался с Редфордом в вопросе о сокращении сухопутных сил и иностранных военных баз США. Но они сошлись на том, что им следует иметь наготове такую мощную стратегическую авиацию, которая обеспечит Вашингтону возможность вести политику «с позиции силы», разговаривать с Москвой как более сильная сторона.

Воинственная речь Даллеса перед Советом внешних сношений вызвала беспокойство в Америке и тревогу в странах — союзниках США в Европе. Придворный историк правительства Эйзенхауэра М. Пасей назвал эту речь «зенитом холодной войны»¹⁰¹.

тическим соображениям эти угрожающие, воинственные слова были по его настоянию изъяты из платформы республиканцев на выборах 1952 г. В своих мемуарах Эйзенхауэр приводит письмо, написанное им в марте 1952 г., в котором он выразил свое отношение к двум меморандумам по внешней политике, подготовленным Даллесом: «Читая эти меморандумы, я был поражен, насколько совпадали с моими собственными взглядами взгляды Даллеса по поводу сохранения нашей национальной военной мощи, а также той роли, которая отводилась им политике, ставшей позднее определяться как «массированное возмездие». (Цит. по: «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 2, с. 145).

¹⁰⁰ «New York Herald Tribune», 13.I 1954.

¹⁰¹ Pusey M. Eisenhower the President, p. 133.

«Освобождение», «массированное возмездие», «на грани войны» и другие провокационные лозунги государственного секретаря расценивались в США и в ряде других стран как «война нервов» не только против социалистических, но и против нейтральных стран. 9 июня 1956 г. Даллес объявил нейтралитет «аморальным», оскорбив таким образом нейтральные государства, насчитывавшие тогда 600 млн. населения¹⁰². Между тем всем известно, что до первой войны Соединенные Штаты Америки в течение целого века занимали нейтральную позицию по отношению к великим державам.

Летом 1953 г. произошло событие, подействовавшее как холодный душ на горячие головы воинственных политических и военных деятелей Вашингтона. Во всем мире стало известно, что СССР первый овладел производством водородного оружия (США произвели испытание своей первой водородной бомбы в марте следующего года). То, что в обладании таким грозным оружием СССР оказался впереди, вызвало большое беспокойство в Вашингтоне. Президент США, маневрируя в пропагандистских целях, немедленно реагировал на создавшееся положение¹⁰³.

После совещания Эйзенхауэра и Даллеса с премьер-министрами иностранных дел Англии и Франции на Бермудских островах 8 декабря 1953 г. президент США выступил с речью в ООН. Обрисовав опасность опустошительной термоядерной войны и бремя дорогостоящих новейших видов вооружения, он высказался против соревнования в создании атомного оружия. С этой целью он предложил часть расщепляющихся материалов тех государств, которые ими обладают, передать в распоряжение Международного агентства по атомной энергии для использования их в мирной экономике.

11 января 1954 г. по этому вопросу начались предварительные переговоры между представителями СССР и США. 4 декабря этого же года представитель СССР в ООН голосовал за резолюцию о необходимости использования атомной энергии только в мирных целях. Что касается участия в международном пуле, в котором сосредоточились бы расщепляющиеся материалы различных государств, то СССР, естественно, не мог согласиться на это до запрещения атомного оружия. В международном пуле, предложенном Эйзенхауэром, как и в международном контрольном органе, рекомендованном ранее Барухом, США и голосующие вместе с ними страны имели бы обеспеченное большинство.

Наряду с мирными заявлениями Эйзенхауэра продолжались воинственные выступления Даллеса. На следующий день, после того как между СССР и США начались переговоры в связи с предложениями президента США в ООН, Даллес в своем выступлении угрожал «массированным возмездием» и ремилитаризацией Западной Германии.

В капиталистических кругах Европы лозунг «освобождения», выдвинутый Даллесом, причинял немалое беспокойство. Там опасались, что попытки осуществления этого лозунга освободят скорее Западную Европу от капитализма, чем Центральную Европу от социализма.

¹⁰² «New York Times», 31.VII 1956; The 1956 Democratic Fact Book, p. 89, 90.

¹⁰³ Через 15 лет в конгрессе США сообщили, что в конце 40-х и начале 50-х годов три из пяти членов комиссии по атомной энергии и 19 из 20 ученых, состоящих членами консультативного совета при этой комиссии, выступали против создания водородной бомбы. Но президент Трумэн по совету министра обороны и других решил, что работа по изготовлению водородной бомбы должна продолжаться так интенсивно, как это только возможно («Congressional Record», 2.X 1969, p. 8858).

Как об этом писал Уолтер Липпман, еще больше Даллес напугал европейских союзников США своим заявлением о «массированном возмездии»¹⁰⁴. Они рассматривали это заявление как усиление опасности третьей мировой войны, в которой они окажутся между молотом и наковальней.

В середине марта 1954 г. канадский министр иностранных дел Пирсон заявил в Вашингтоне, что речь Даллеса в Нью-Йорке сильно задела союзников США.

Бывший государственный секретарь Ачесон, утверждая, что применение на практике «массированного возмездия» неминуемо приведет к общей войне, писал: «Было бы глупо полагать, что это не вызовет контрвозмездия, которое ударит нас также или может быть сильнее, с тем чтобы помешать дальнейшим атакам с нашей стороны. Так мы окажемся втянутыми в третью мировую войну... Наша собственная коалиция будет разделена и ослаблена. Она будет разделена потому, что наши союзники будут совершенно уверены, что само их существование зависит от безрасчетного, ненужного риска. Нельзя рассчитывать, что они согласятся с такой союзной политикой и использованием нами баз на их территории»¹⁰⁵.

Гарольд Каллендер, возглавлявший корреспондентское бюро газеты «Нью-Йорк таймс» в Париже и много лет изучавший отношение в европейских столицах к политике США, писал: «Обозревая из Европы внешнюю политику США, мы видим, что она выглядит совершенно не такой, какой она кажется в Вашингтоне». В Вашингтоне, продолжал он, существует тенденция организовать крестовый поход против коммунизма. «Американский подход к Советскому Союзу оказывается гораздо более жестким и доктринерским, чем бы желали европейцы ... Даже самые большие ненавистники коммунизма встревожены духом крестового похода. Они бы хотели быть уверенными, что во внешних делах правительство Эйзенхауэра не будет практиковать того, что оно проповедует»¹⁰⁶.

Далее Каллендер, отметив, что Черчилль незадолго до этого осудил негибкую политику США по отношению к СССР и желает вести переговоры с советскими лидерами на высшем уровне, утверждал, что британский премьер стремится таким образом отнять дипломатическое руководство у американцев, имея в этом вопросе поддержку вероятного большинства государственных деятелей Западной Европы.

Многие в Англии, писала газета Уолл-стрит летом 1954 г., «боятся, что Соединенные Штаты втянут Британию в новую войну»¹⁰⁷.

В США после выступления Даллеса перед Советом внешних сношений этот вопрос слушался в комиссии по иностранным делам сената и обсуждался в печати.

В феврале 1954 г. бывший посол в Индии и губернатор штата Коннектикут Честер Боулз в пространной статье, обрисовав серьезную опасность, создаваемую для США политикой Даллеса, требовал общеевропейского обсуждения этого вопроса¹⁰⁸. Ноуленд, ставший после смерти Тафта лидером республиканцев в сенате, всецело взял под защиту речь Даллеса в Совете внешних сношений. Он категорически возражал против всестороннего обсуждения этой речи в конгрессе и в стране, так как подобная дискуссия, говорил он, будет выгодна Советскому Союзу¹⁰⁹.

¹⁰⁴ «New York Herald Tribune», 18.III 1954.

¹⁰⁵ «New York Times Magazine», 28.III 1954.

¹⁰⁶ «New York Times Magazine», 7.III 1954.

¹⁰⁷ «Wall Street Journal», 9.VI 1954.

¹⁰⁸ «New York Times Magazine», 28.II 1954.

¹⁰⁹ Ibid., 21.III 1954.

Вслед за тем выступил Ачесон. Он утверждал, что Даллес отталкивает союзников США и что создавшееся положение вызывает необходимость развертывания общеамериканской дискуссии по вопросам внешней политики¹¹⁰.

Как бы то ни было, в США признавали, что грозные слова Даллеса не произвели должного впечатления в тех странах, против которых они были направлены, но сильно напугали американских союзников¹¹¹.

Под растущим давлением своих союзников США согласились на созыв (после пятилетнего перерыва) конференции министров иностранных дел четырех великих держав — Советского Союза, США, Англии и Франции. Конференция открылась в конце января 1954 г. в Берлине.

По основным проблемам, относящимся к германскому вопросу, не договорились. Даллес избегал серьезных разговоров по этому вопросу, поскольку еще не имел возможности противопоставить Советскому Союзу создание вооруженных сил Западной Германии¹¹². Но на конференции было достигнуто соглашение о созыве в апреле в Женеве совещания министров иностранных дел 19 государств, включая Китайскую Народную Республику, с целью смягчения напряженного положения на Дальнем Востоке.

Первая часть нашумевшей речи Даллеса, произнесенной перед Советом внешних сношений в США, содержавшая угрозу «массированного возмездия», как и его крикливая реклама концепции «освобождения», были вскоре признаны пустыми и нереальными.

Вторая же часть этой речи, посвященная ремилитаризации Западной Германии, имела другую судьбу. Несмотря на большое сопротивление в Европе, особенно во Франции, Даллес неуклонно и настойчиво, применяя тактику кнута и пряника, добивался вооружения Западной Германии и включения ее в НАТО.

Весной 1952 г., когда США решили, что наступило время включить Западную Германию в Северо-Атлантический военный союз, они нашли необходимым сделать это не прямо, а окольным путем. 26 мая этого же года в Бонне было заключено соглашение об окончании оккупационного режима в Западной Германии, названное «общим договором». На следующий день в Париже был подписан договор о создании так называемого Европейского оборонительного сообщества — военного союза шести государств: Франции, Италии, ФРГ, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Этот союз рассматривался как составная часть НАТО, как его основа и опора на континенте Европы, но он провалился еще до того, как договор о сообществе вступил в силу.

Вступление в силу Боннского соглашения было связано с ратификацией парижского договора. Боннский бундестаг первым ратифицировал договор о военном союзе. За ним последовали парламенты Бельгии и Нидерландов. Италия и Люксембург ждали решения этого вопроса во Франции. Но во Франции нелегко было ратифицировать договор, открывающий путь для ремилитаризации ФРГ.

После прихода к власти республиканцев Даллес начал оказывать сильный нажим на Францию. Став государственным секретарем, он тут же отправился с этой целью в Западную Европу. В декабре 1953 г., прибыв на очередную сессию совета НАТО в Париж, бесперемонно и грубо стал оказывать давление на представителей Франции, угрожая, что если

¹¹⁰ «New York Times Magazine», 28.III 1954.

¹¹¹ «New York Herald Tribune», 18.III 1954.

¹¹² Rostow W. Op. cit., p. 344—345.

Париж не договорится с Бонном и не ратифицирует договор о Европейском оборонительном сообществе, то Вашингтон «вынужден будет мучительно переоценивать основы политики США»¹¹³. В этом же месяце на совещании на Бермудских островах Даллес привлек на помощь Черчилля, и уже оба они предупредили Францию, что если она не перестанет упорствовать, то они помимо нее найдут средства для привлечения Западной Германии к участию в НАТО.

Угрозы Даллеса не возымели эффекта. Он рвал и метал. С начала 1954 г. после его воинственной речи перед Советом внешних сношений в Нью-Йорке он непрестанно направлял свои главные усилия на легализацию вооруженных сил Западной Германии.

В июне 1954 г. Даллес снова предупредил французов, что «существующее положение не может долго продолжаться», что Западная Германия должна быть вооружена.

12 июля в письме председателям комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей, указывая на «серьезное положение», которое создается, если Франция не ратифицирует парижского договора от 27 мая 1952 г., Даллес изложил план проведения соглашения в Бонне об окончании оккупационного режима независимо от позиции Парижа¹¹⁴.

19 июля 1954 г. сенат США одобрил резолюцию о признании ФРГ суверенным государством.

Новый французский премьер Мендес-Франс обещал, наконец, поставить вопрос о парижском договоре на голосование в парламенте, если к этому договору будут внесены добавления, облегчающие его ратификацию Францией.

На конференции в Брюсселе, открывшейся 19 августа, остальные пять государств, подписавших парижский договор 1952 г., не согласились с добавлениями, предложенными Францией.

30 августа 1954 г. французский парламент большинством в 319 против 264 при 43 воздержавшихся отказался ратифицировать этот договор. Идея о Европейском оборонительном сообществе с Западной Германией как его полноправным членом провалилась.

На следующий день Даллес заявил, что отклонение Францией парижского договора является «печальным событием», «обязывающим США пересмотреть свою внешнюю политику, особенно отношение к Европе»¹¹⁵.

В середине сентября Даллес вылетел в Бонн и Лондон. 28 сентября в Лондоне была созвана конференция девяти государств: Англии, США, Канады, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и ФРГ. На этой конференции Даллес повторял, что без договора, обеспечивающего ремилитаризацию Западной Германии, США не могут обещать, что американские войска останутся дальше в Европе¹¹⁶. Вместе с тем США считали, что независимо от исхода конференции оккупационный режим в Западной Германии должен быть отменен.

Участь Лондонской конференции девяти государств решила Англия, которая после раздумий и колебаний в конце концов согласилась войти в военный союз с шестью континентальными западноевропейскими государствами. В результате возник Западноевропейский союз, входивший составной частью в НАТО со штаб-квартирой в Лондоне.

¹¹³ Pusey M. Op. cit., p. 142.

¹¹⁴ United States and Germany 1945—1955; Department of State Publication, № 5827, p. 37.

¹¹⁵ Ibid., p. 38—39.

¹¹⁶ Pusey M. Op. cit., p. 144.

20 октября 1954 г. представители девяти государств, участвовавших в Лондонской конференции, собрались в Париже для оформления протоколов о новой роли Западной Германии в Европе. Западная Германия была признана ими суверенным государством.

29 октября США заключили с ФРГ договор о дружбе, торговле и навигации.

До конца 1954 г. Англия, Италия и ФРГ ратифицировали парижские протоколы. Французский парламент 24 декабря отказался одобрить ремилитаризацию Западной Германии. Но через шесть дней Мендес-Франсу удалось добиться согласия парламента на участие Франции вместе с ФРГ в Западноевропейском военном союзе. И таким образом препятствия, стоявшие на пути к ремилитаризации Западной Германии, удалось снять.

В мае 1955 г. ФРГ стала членом Западноевропейского союза и Северо-Атлантического пакта. Ровно через 10 лет после крушения и безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии Германия Аденауэра развернула с благословения и с помощью Соединенных Штатов Америки большую программу вооружений, программу возрождения германского милитаризма. В то же время агрессивные силы Вашингтона не переставали нагнетать напряженность на Дальнем Востоке.

В новом, 83-м конгрессе республиканцы стали возглавлять важнейшие комиссии сената и палаты представителей. В обеих палатах конгресса республиканцы в большинстве своем принадлежали к реакционному крылу, непримиримо и враждебно относившемуся к Китайской Народной Республике.

С начала 1953 г. правительство и большинство в конгрессе состояли из республиканцев. Президент США иногда пытался вести на Дальнем Востоке более гибкую и менее опасную политику, чем его государственный секретарь и лидеры его партии, но часто уступал руководству республиканцев в конгрессе.

Сторонники курса «Азия прежде всего» начали толковать возвращение к власти республиканцев как полномочие на восстановление Соединенными Штатами с помощью Чан Кай-ши капитализма в Китае. Лидер большинства в сенате Тафт высказывался за блокаду Китая силами США. Он опять поднял вопрос о том, что в начале 1951 г. Макартур был неправильно смещен с поста за то, что хотел добиться победы в войне с Китаем¹¹⁷.

В июле 1953 г. Тафт умер. Лидером большинства в сенате стал еще более свирепый враг Китайской Народной Республики, глашатай политики «Азия прежде всего» У. Ноулэнд. В январе 1954 г. Ноулэнд писал: «Мы должны быть готовы действовать в Китае одни, если наши союзники сбегут. Такое бегство вероятно... Мы не должны обманывать себя мыслями, что можем избежать вооруженной борьбы с красными китайцами. Если мы не будем сражаться с ними в Китае и на Формозе, нам придется сражаться с ними в Сан-Франциско, в Сиэтле, в Канзас-Сити»¹¹⁸.

В 1954 г. Ноулэнд призывал не только к блокаде американским флотом берегов Китая, но и к разрыву дипломатических отношений с СССР¹¹⁹. «Мирное сосуществование,— говорил он,— это троянский конь, оно убаюкивает Америку песнями о безопасности»¹²⁰. 1 июля он заявил в сенате, что если подтвердятся слухи о приеме Китая в Организацию

¹¹⁷ Graebner N. The New Isolationists. N. Y., 1956, p. 120, 124.

¹¹⁸ Ibid., p. 125.

¹¹⁹ Pusey M. Op. cit., p. 124—125.

¹²⁰ Goldman E. The Crucial Decade. N. Y., 1956, p. 283.

Объединенных Наций, он, Ноуленд, подаст в отставку как лидер большинства, для того чтобы все свои силы посвятить одному вопросу: добиться выхода США из ООН ¹²¹.

Ноуленд выражал в китайском вопросе взгляды не только руководимого им большинства в сенате. В правительстве его поддерживал Даллес, а в вооруженных силах — председатель комитета начальников штабов адмирал Редфорд, который утверждал в комиссии конгресса США, что существующий в Китае строй должен быть уничтожен, если даже для этого США придется воевать 50 лет на азиатском континенте ¹²².

Президент США, как это было ему свойственно, пытался держаться среднего курса между различными силами, оказывавшими влияние на Белый дом и на конгресс.

На Эйзенхауэра оказывали сильное давление европейские союзники США, особенно Англия, которая считала, что блокада китайских берегов Америкой приведет к третьей мировой войне ¹²³, а силы США будут отвлечены от европейского плацдарма.

Эйзенхауэр не одобрял предложений Ноуленда и Редфорда о войне против Китая. Он также возражал против некоторых других шагов, ведущих к дальнейшему обострению положения на Дальнем Востоке.

26 мая 1953 г. сенатор Дженнер предложил, чтобы президент США заявил: его страна никогда не признает пекинского правительства и не допустит принятия Китая в ООН. Эйзенхауэр не согласился с этим. 27 мая комиссия сената по ассигнованиям приняла решение о том, что взносы США в ООН автоматически прекратятся, если Китай станет ее членом. Эйзенхауэр осудил это решение как «серьезную ошибку».

Свою позицию президент объяснил тем, что, поскольку решение разногласий на Дальнем Востоке военным путем слишком опасно для США, целесообразнее вести более дальновидную политику по отношению к Китаю. Дальновидная политика, по его мнению, означала, что американцы должны содействовать не сближению между Китаем и СССР, а развитию между ними разногласий ¹²⁴.

Эйзенхауэр в соответствии с желанием сторонников курса «Азия прежде всего» и в конгрессе, и в республиканской партии продолжал до конца пребывания в Белом доме проводить политику игнорирования, непризнания Китайской Народной Республики. В то же время президент США воздерживался от усиления напряженности на Дальнем Востоке до такой степени, которая неизбежно повела бы к большой войне. Но и здесь он не был постоянен.

После подписания перемирия в Корее летом 1953 г. события во Вьетнаме начали занимать главное место в дальневосточной политике США.

Демократическая Республика Вьетнам, провозглашенная к концу второй мировой войны, вела в течение ряда лет борьбу против французского экспедиционного корпуса и созданного им марионеточного правительства. Это правительство было признано Соединенными Штатами. Осенью 1950 г. инициатива военных действий перешла в руки Народной армии ДРВ. После ряда удачных сражений она одержала серьезную победу над французскими войсками в районе Дьен Бьен Фу.

Во Франции усиливалось движение за прекращение тяжелой, «грязной войны» в Индокитае. Но Вашингтон оказывал большое давление на

Париж, требуя продолжения этой войны. С июля 1950 г. при французской армии во Вьетнаме находилась группа американских военных советников.

В конце 1953 г. вице-президент США Никсон, посетив Индокитай, предупредил французов: «Нельзя складывать оружие до тех пор, пока не будет одержана полная победа» ¹²⁵. Энтони Иден в своих мемуарах рассказывает о сделанном 8 февраля 1954 г. в государственном департаменте английскому послу в Вашингтоне следующем заявлении: «...Правительство Соединенных Штатов обеспокоено тем фактом, что французы стремятся не к тому, чтобы выиграть войну, а к тому, чтобы занять такое положение, которое позволило бы им вести переговоры с Вьетнамом» ¹²⁶. К этому времени США покрывали около 80% стоимости войны против Народной армии Вьетнама. Их расходы на эту войну составляли около 1 млрд. долл. в год ¹²⁷. США готовы были увеличить эти расходы и оказывать иную помощь французским войскам, лишь бы не мириться с победой Народной армии Вьетнама.

7 января 1954 г. Эйзенхауэр в послании конгрессу о положении страны писал: «Я буду просить у конгресса разрешения продолжать оказание материальной помощи для скорейшего успешного завершения борьбы в Индокитае» ¹²⁸.

Даллес угрожал Китаю «серьезными последствиями», если он разрешит своим добровольцам сражаться во Вьетнаме.

Весной 1954 г. Даллес и Никсон, Редфорд и Ноуленд выступили за отправку американских воздушных сил на помощь осажденному французскому гарнизону в Дьен Бьен Фу. Никсон предупредил, что падение Дьен Бьен Фу будет катастрофой. Ноуленд, считая, что наступил благоприятный момент для развязывания войны против Китая, утверждал, что если США не начнут действовать немедленно, то вся Юго-Восточная Азия будет потеряна для капитализма. Редфорд, как уже было отмечено выше, доказывал в комиссии конгресса необходимость применения атомного оружия против Народной армии Вьетнама ¹²⁹.

11 апреля 1954 г. Даллес, будучи в Лондоне, сообщил Идену, что руководители штабов вооруженных сил США считают необходимым вмешательство морских и воздушных сил США в войну Франции против Вьетнама и что некоторые авианосцы, стоявшие у Манилы, уже вышли к берегам Индокитая. 31 мая в Лондон поступило донесение о достигнутом между США и Францией соглашении, согласно которому США примут участие в этой войне, если переговоры, начавшиеся между Францией и Вьетнамом, ни к чему не приведут.

Хотя некоторые военные авторитеты в США (например, генералы Риджуэй и Туайнинг) сомневались в целесообразности втягивания США в индокитайскую войну, президент США склонен был уступить сторонникам войны. Но, не уверенный в том, что конгресс согласится пойти на риск, связанный с такой войной, Эйзенхауэр считал, что США должны

¹²¹ *Donovan R. Op. cit.*, p. 132.

¹²² «*Nation*», 17.VII 1954, p. 45.

¹²³ *Donovan R. Op. cit.*, p. 130.

¹²⁴ *Ibid.*, p. 132.

¹²⁵ В том же 1953 г. Эйзенхауэр говорил: «Знаете ли вы, почему мы так заинтересованы в отдаленном юго-восточном уголке Азии? ...Все, что происходит в этом районе, чревато серьезными последствиями для США, поскольку, если в конечном счете мы его потеряем, каким образом тогда свободный мир удержит за собой богатую империю Индонезии?» («Проблемы мира и социализма», 1970, декабрь, с. 12).

¹²⁶ *Eden A. Memoirs, Full Circle. London, 1960*, p. 90.

¹²⁷ «*U. S. News and World Report*», 23.IV 1954, p. 18.

¹²⁸ «*New York Times*», 8.I 1954.

¹²⁹ *Graebner N. Op. cit.*, p. 164; «*Nation*», 17.VII 1954.

действовать не одни, а вместе с союзниками. В соответствии с позицией президента США Даллес заговорил о плане «интернационализации войны в Индокитае», об участии в ней США и Англии, а возможно, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда и Филиппин. В этом случае президент рассчитывал получить санкцию конгресса на участие в войне в Индокитае. Но его расчеты не оправдались.

Положение в конгрессе было неопределенным. Приближавшиеся очередные выборы вызывали сомнения в том, будут ли все республиканцы в сенате и особенно в палате представителей поддерживать Ноулленда и голосовать за отставку американских солдат в Индокитае. Еще больше сомнений вызывало поведение демократов в обеих палатах. Между тем позиция Англии была определенной. Она не только учитывала резонанс в Индии и в других азиатских странах, но и опасалась, что план Даллеса превратит войну во Вьетнаме в войну против Китая, в третью мировую войну. На такой риск она не желала идти и не советовала этого делать Соединенным Штатам. Еще в конце 1953 г. на Бермудских островах Иден предупредил американцев, что если они ввяжутся в индокитайскую войну, то это уничтожит Северо-Атлантический пакт. В апреле 1954 г. английскийское правительство официально отказалось от совместных с США военных действий в Индокитае¹³⁰.

В соответствии с решением Берлинской конференции, принятым в январе 1954 г., 26 апреля того же года в Женеве открылось совещание министров иностранных дел. В порядке дня стояли два вопроса: мирное урегулирование в Корее и восстановление мира в Индокитае. В обсуждении первого вопроса участвовали СССР, КНР, США, Англия, Франция, Северная и Южная Корея и 12 других государств, принимавших какое-либо участие в американской интервенции в Корее в 1950—1953 гг. К обсуждению второго вопроса помимо пяти великих держав были привлечены Северный и Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджа.

Стремление США распространить режим Ли Сын Мана на север обрекло попытки решения корейского вопроса на неудачу. Последующие события, в частности апрельские волнения 1960 г. в Южной Корее, подтвердили полное банкротство этого режима.

Обсуждение второго вопроса на совещании в Женеве дало положительные результаты. Этому содействовало полное поражение французских войск у Дьен Бьен Фу 7 мая 1954 г. Несмотря на сопротивление США, в Индокитае был восстановлен мир, достигнуто соглашение о проведении всеобщих выборов во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, а также о запрещении этим государствам участвовать в военных союзах и предоставлять свою территорию для строительства иностранных военных баз.

Женевское совещание завершило 21 июля свою работу итоговой декларацией, одобренной всеми его участниками, кроме США и Южного Вьетнама. Даллес, будучи против Женевского соглашения, оставил Женеву еще 4 мая, до начала переговоров по второму вопросу и открыто выражал свое недовольство.

Кардинал Ф. Спеллман, заявляя на конференции Американского легиона, что Женевское соглашение создало «пробоины» в свободе Юго-Восточной Азии, поспешил во Вьетнам для поддержания Нго Динь Дьема, ставшего премьером. Дьем, как сообщили в конгрессе США, «с первого дня стал истреблять всякую оппозицию и сконцентрировал власть в маленькой семейной группе»¹³¹.

¹³⁰ Graebner N. Op. cit., p. 160, 165; Eden A. Op. cit., p. 106, 112.

¹³¹ Летом 1971 г. «Нью-Йорк таймс» и другие американские газеты опубликовали

Соглашения в Женеве об Индокитае рассматривались как победа сил мира. Они продемонстрировали перед всем миром, что там, где другие великие капиталистические державы не следуют слепо американскому руководству, вполне возможна договоренность с целью смягчения международной напряженности.

Победа Народной армии во Вьетнаме означала военное поражение США, а соглашения в Женеве расценивались как большое дипломатическое поражение Вашингтона.

Желая укрепить свои пошатнувшиеся позиции в Юго-Восточной Азии, США решили создать в этой части света военно-политический блок. Новый военный пакт был организован в сентябре 1954 г. в Маниле под названием СЕАТО¹³². В него вошли США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд и Филиппины. Давая оценку этому агрессивному пакту, Даллес заявил: «Мы не заручились сотрудничеством наших друзей, которого мы желали, но мы дали ясно понять, что не намерены допускать, чтобы Юго-Восточная Азия следовала за коммунистами. Мы создали военный союз СЕАТО и запротоколировали защиту трех индокитайских стран»¹³³.

Новый военный пакт в Юго-Восточной Азии был создан по образцу и подобию НАТО, фактически подчинен ему как его восточный филиал.

Великие государства Юго-Восточной Азии Индия и Индонезия, предпочитая оставаться нейтральными, игнорировали этот союз. Глава индийского правительства Неру, выражая свое отрицательное отношение к СЕАТО, заявил, что от этого пакта недалеко до одностороннего объявления «доктрины Монро» действительной и для стран Юго-Восточной Азии¹³⁴.

Американская и западноевропейская печать, указывая на слабость нового военного союза, утверждала, что СЕАТО без Индии и Индонезии представляет такой абсурд, каким было бы НАТО без Франции и Ита-

материалы, основанные на секретном докладе Пентагона о войне во Вьетнаме. Эти материалы, вызвавшие большой шум во всем мире, разоблачили деятельность правительства Эйзенхауэра, направленную на срыв Женевских соглашений 1954 г. по Индокитаю. Через несколько дней после декларации об итогах соглашения в Женеве Совет национальной безопасности США, решив, что это соглашение является «бедствием для Америки», добился того, что Эйзенхауэр «одобрил планы действий во Вьетнаме». Эти действия сводились к непосредственному вмешательству США во внутренние дела Вьетнама, к защите и оказанию всесочетной поддержки шаткому, дискредитированному марионеточному режиму Нго Динь Дьема в Южном Вьетнаме и к срыву всеобщих выборов. Когда в 1957 г. Дьем — он пользовался личным самолетом президента Эйзенхауэра — прибыл с официальным визитом в США и выступил перед объединенным заседанием конгресса, в Нью-Йорке ему устроили прием кардинал Спеллман, а мэр города Вагнер восхвалял его как человека, «для которого свобода — это дыхание самой жизни» («Congressional Record», 3.VI 1965, p. 12119). Выборы, предусмотренные Женевским соглашением, намечались в 1956 г. при содействии ООН и под наблюдением специальной международной комиссии с целью объединения страны и образования общего правительства.

Подрывные действия США продолжались и нарастали при преемниках Эйзенхауэра. Они завершились в 1965 г. эскалацией длительной и позорной войны США в Индокитае, которая дискредитировала США во всем мире и вызвала большое недовольство внутри страны. Своей героической борьбой вьетнамский народ «убедил» правителей США в том, что (как уже тогда признавали сами американцы) «это война, которую Америка выиграть не может» («New York Times Magazine», 10.III 1968, p. 23).

¹³² South-East Asia Treaty Organization — SEATO (СЕАТО, Организация договора Юго-Восточной Азии).

¹³³ Bearding A. Dulles on Diplomacy. Princeton, 1965, p. 95.

¹³⁴ Donelan M. Op. cit., p. 95.

лии. В политических кругах США критиковали СЕАТО, называли его «военным пассивом Америки»¹³⁵.

В 1966 г. журнал «Форчун» назвал СЕАТО «заброшенным домом»¹³⁶.

В том же году в докладе конгрессу о позициях США на Дальнем Востоке констатировалось, что «СЕАТО мертво и оживить его невозможно»¹³⁷.

Никто, правда, с самого начала не переоценивал силы новых военных союзников США, учитывая, что с Англией и Францией Америка состояла официально в союзе по НАТО с 1949 г., а с Австралией и Новой Зеландией — с 1951 г. Но вместе с тем многие указывали на реакционный и опасный для дела мира характер СЕАТО. Его возникновение и деятельность усиливали напряженность в Юго-Восточной Азии.

Формально СЕАТО, как и НАТО, называется «оборонительным» пактом. Фактически военный союз в Юго-Восточной Азии проводил агрессивную деятельность, поскольку он был направлен против национально-освободительного движения народов Востока, против их борьбы за освобождение от остатков колониального гнета, за укрепление национальной независимости.

В 1958 г., например, мятежники в Индонезии организовали путчи на островах Суматре и Северном Сулавеси, намереваясь с помощью СЕАТО свергнуть правительство, решительно отстаивавшее нейтралитет государства.

В погоне за военными союзами в ноябре 1954 г. США заключили с Южной Кореей пакт о взаимном обеспечении безопасности, который по существу ничего не менял.

1 декабря Даллес сообщил о заключении аналогичного пакта между США и режимом Чан Кай-ши на Тайване. Этот пакт, направленный непосредственно против Китайской Народной Республики и рассматриваемый как вмешательство в ее внутренние дела, вызвал горячие дебаты в США и в конгрессе.

В вопросах о Корее и Индокитае президент США, хотя весьма робко и осторожно, все же не соглашался с поборниками войны с КНР. В вопросе же о Тайване он шел им на уступки. С самого прихода Эйзенхауэра в Белый дом его заявления о Тайване импонировали покровителям Чан Кай-ши в США. Эйзенхауэр сразу пошел в этом вопросе дальше Трумэна.

Трумэн, как мы видели, приказал 7-му американскому флоту не допускать нападения ни на Тайвань, ни со стороны Тайваня на материк. Эйзенхауэр, обещая защищать Тайвань, одновременно предоставил свободу действий Чан Кай-ши для совершения диверсионных вылазок на континент. В своем первом послании конгрессу о положении страны в феврале 1953 г. Эйзенхауэр сообщил о своем распоряжении, «чтобы 7-й флот не служил больше щитом для коммунистического Китая»¹³⁸.

Китайская Народная Республика не нуждалась в «американском щите», будто бы оберегавшем ее от угрозы Чан Кай-ши. Без вооруженных сил США Чан Кай-ши опасности для КНР не представлял. Приказ Трумэна 7-му флоту фактически носил односторонний характер. Он означал лишь формальное аннулирование заявления правительства США о том, что оно не намерено оказывать помощь Чан Кай-ши в его усилиях удерживать Тайвань. Вместе с тем в результате этого приказа создались неко-

торые формальные препятствия для провокационных вылазок со стороны Тайваня. Эйзенхауэр же снял эти препятствия. В результате вооруженные силы Чан Кай-ши получили возможность совершать пиратские нападения и прятаться затем за спиной американского флота.

17 августа 1954 г. Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции, что «любая атака на Формозу будет иметь дело с 7-м флотом». 2 декабря 1954 г. США подписали с чанкайшистами договор о взаимном обеспечении безопасности. США обязались охранять от нападения Тайвань и Пескадорские острова, а Чан Кай-ши обязался «охранять США». За 15 лет, истекших с тех пор, как Чан Кай-ши сбежал на Тайвань, США предоставили его правительству 2,5 млрд. долл. в виде военной и около 1,5 млрд. долл. в виде «экономической помощи»¹³⁹.

24 января 1955 г. Эйзенхауэр отправил конгрессу беспрецедентное послание, в котором предлагал принять «формозскую резолюцию», уполномочивающую президента США использовать по его усмотрению вооруженные силы США с целью выполнить обязательства, вытекающие из договора от 2 декабря 1954 г. Эйзенхауэр заявил, что США готовы воевать за Тайвань.

16 марта 1955 г. Эйзенхауэр подтвердил угрозы Даллеса, что в случае общей войны в Азии США применят против военных объектов атомное оружие¹⁴⁰. Одновременно тогдашний вице-президент Никсон, выступая в Чикаго, угрожал Китаю атомной войной¹⁴¹.

Президент США, отправляя свое послание от 24 января, означавшее передачу ему прерогатив конгресса, если дело дойдет до войны с Китаем из-за Тайваня (послание по существу являлось требованием предоставления президенту полномочий на ведение по его усмотрению такой войны), предварительно подготовил почву, согласовал вопрос с лидерами обеих партий в сенате и в палате представителей.

Тем не менее «формозская резолюция» вызвала горячие споры. Сенатор Фландерс утверждал, что эта резолюция ведет к «превентивной войне», сенатор В. Морз, — что это «угроза агрессии против Китая».

Самые большие возражения встретило предложение президента США предоставить ему полномочия использовать вооруженные силы США в случае попыток со стороны КНР освободить не только Тайвань и Пескадорские острова, но и острова Куэмой и Матсу.

Исконные китайские территории Тайвань и Пескадорские острова, захваченные Японией в 1895 г., должны были быть возвращены Китаю согласно Каирской декларации 1943 г. и Потсдамской декларации 1945 г. Обе эти декларации подписаны Соединенными Штатами. Когда США при помощи своих вооруженных сил стали препятствовать возвращению Тайваня и Пескадорских островов их законным владельцам, в Вашингтоне пытались оправдать это тем, что, мол, эти острова полвека принадлежали японцам. В отношении же прибрежных островов Куэмой и Матсу не было даже такого оправдания.

В Вашингтоне сошлись на том, что в случае наступления вооруженных сил Китайской Народной Республики на прибрежные острова президент США должен определить цель этого наступления. Если он найдет, что оно служит подготовкой к операциям против Тайваня и Пескадорских островов, то он может начать военные действия против Китая без дальнейших санкций конгресса.

¹³⁵ «New York Times», 31.VII 1956.

¹³⁶ «Fortune», January 1966, p. 163.

¹³⁷ «Congressional Record», 49.X 1966, p. 26750.

¹³⁸ «Times», 3.II 1953.

¹³⁹ «U. S. News and World Report», 12.VII 1965, p. 16.

¹⁴⁰ «New York Times», 17.III 1955.

¹⁴¹ «Chicago Tribune», 18.III 1955.

Добавление сенатора Хэмфри об исключении из «формозской резолюции» прибрежных островов не было принято. Президент США получил мандат с полномочиями начать по его усмотрению военные действия, чреватые третьей мировой войной, и все это для того, чтобы сохранить в руках Чан Кай-ши не только Тайвань и Пескадорские острова, но и прибрежные острова.

Беспрецедентный в условиях США мандат, выданный конгрессом президенту, естественно, вызвал негодование в общественных кругах страны. Влиятельный председатель комиссии по иностранным делам сената 77-летний сенатор Уолтер Джордж от штата Джорджия, признавая, что впервые в истории страны конгресс США доверяет судьбу всеобщего мира одному человеку, успокаивал негодующих тем, что Эйзенхауэр является терпеливым государственным деятелем, «знающим ужасы войны».

Вопрос обсуждался сразу после созыва нового, 84-го конгресса. До следующих выборов оставалось почти два года. В это время влияние общественного мнения на конгресс обычно слабее, чем перед выборами. Только три голоса в сенате и три голоса в палате представителей были поданы против «формозской резолюции». 29 января 1955 г. эта резолюция была подписана президентом США и вступила в силу. 23 июля следующего 1956 г. конгресс США принял резолюцию против предоставления Китаю места в ООН.

В тайваньском вопросе Эйзенхауэр, действуя в унисон со сторонниками курса «Азия прежде всего», добился принятия конгрессом «формозской резолюции», не останавливаясь, таким образом, перед развязыванием третьей мировой войны в деле защиты незаконной и ничем не оправданной позиции США в отношении к китайскому народу.

Правительство Китайской Народной Республики не отказывалось от урегулирования возникших проблем. В апреле 1955 г. Чжоу Энь-лай заявил на Бандунгской конференции стран Азии и Африки, что китайское правительство готово обсудить с Соединенными Штатами формозскую проблему и другие вопросы с целью смягчения напряженного состояния на Дальнем Востоке. Переговоры на уровне послов начались в августе 1955 г. Но пребывание 7-го флота США в Формозском проливе способствовало сохранению очага войны у берегов Китая.

С первых дней прихода к власти правительства Эйзенхауэра государственный департамент усилил свою агрессивную деятельность и на Ближнем Востоке.

Американский посол в Тегеране Гендерсон грубо вмешивался во внутренние дела Ирана, добиваясь свержения правительства Мосаддыка, национализировавшего нефтяную промышленность страны. Даллес воспользовался англо-иранским конфликтом с целью усиления давления со стороны США в вопросе о ближневосточной нефти. «Государственный департамент, — писал Иден в своих мемуарах, — настаивал на создании всеамериканской компании, которая выкупила бы акции Англо-Иранской нефтяной компании»¹⁴².

В 1954 г., когда англо-иранский конфликт был урегулирован и англичане получили компенсацию за национализированные предприятия, был образован международный консорциум для эксплуатации иранской нефти. В этом консорциуме акции между англичанами и американцами были распределены на паритетных началах. Даллес на этом не остановился. Он старался при помощи долларов увеличивать не только экономическое, но

и политическое влияние США в Иране, где нефтеносные земли содержали около 13% мировых запасов нефти.

Как только в иранском правительстве Мосаддык был заменен генералом Захеда (в августе 1953 г.), Вашингтон обещал последнему финансовую помощь. 3 сентября 1953 г. правительство США сообщило, что оно будет оказывать Ирану техническую помощь в размере 23 400 тыс. долл. в год. Через два дня оно «подарило» Ирану 45 млн. долл. с целью укрепить положение проамериканского правительства¹⁴³.

После второй мировой войны американская печать стала усиленно подчеркивать растущую роль нефти в мировой экономике и в международной политике и в связи с этим — все увеличивающееся значение Ближнего Востока.

В частности, приводились следующие цифры: в 1940 г. на Ближнем Востоке было добыто 14 млн. т нефти, в 1945 г. — 26 млн., в 1950 г. — 86 млн., а в 1955 г. — 160 млн. т.¹⁴⁴ В 1965 г. проектировалось увеличение годовой добычи нефти в этом районе до 400 млн. т. Фактически к середине 60-х годов в арабских странах Ближнего Востока и в Иране добыча нефти доходила до 500 млн. т в год. К этому времени доходы США от их инвестиций на Ближнем Востоке и в Ливии превышали 1 млрд. долл. в год, что составляло одну четверть всех доходов США на их прямые инвестиции за границей. По оценкам на 1955 г., на Ближнем Востоке находилось от 2/3 до 3/4 известных запасов нефти всего капиталистического мира¹⁴⁵.

Из 160 млн. т нефти, добытой в 1955 г. на Ближнем Востоке, больше половины принадлежало компаниям США, включая 46 млн. т, извлеченных из недр Саудовской Аравии, и 1,5 млн. т нефти, добытой на Бахрейнских островах¹⁴⁶. К этому времени американцы вложили в нефтяную промышленность Ближнего Востока свыше 1,5 млрд. долл.¹⁴⁷

Американские компании, инвестировавшие в нефтяное дело в самих США и в других странах свыше 100 млрд. долл., оказывают большое влияние на внешнюю политику Вашингтона. Спрос на нефть и нефтепродукты в США постоянно увеличивается. За десять лет, последовавших за 1957 г., этот спрос вырос более чем на 40%. Между тем в 1967 г. в США эксплуатировалось на 40% меньше нефтяных скважин, чем в 1957 г. Американские геологи, правда, утверждают, что в недрах США находятся еще колоссальные запасы нефти, оцениваемые более чем в 300 млрд. баррелей, но ее добыча обойдется очень дорого¹⁴⁸. Поэтому для американских компаний с каждым годом все большее значение приобретает ближневосточная нефть, добыча которой стоит намного дешевле, чем ее добыча в США.

Приведенные здесь и в предыдущих главах цифры и факты о роли американского капитала в использовании ближневосточной нефти объясняют, почему дипломатия США, как и политика других империалистических государств в этом районе, «пропитана» нефтью.

¹⁴³ Pusey M. Op. cit., p. 135.

¹⁴⁴ «Current History», June 1965, p. 354.

¹⁴⁵ «Current History», June 1956, p. 355; «U. S. News and World Report», 19.VI 1967, p. 110.

В 1970 г. запасы нефти на Ближнем Востоке оценивались в 70% известных запасов капиталистического мира («Business Week», 26.IX 1970, p. 24).

¹⁴⁶ Кроме того, американцам принадлежала половина из 54 млн. т нефти, добытой в 1955 г. в Кувейте, 40% из 16 млн. т — в Иране, значительная часть из 33 млн. т — в Ираке, а также в других местах (ibidem).

¹⁴⁷ «Fortune», January 1957, p. 97.

¹⁴⁸ «Congressional Record», 16.I 1968, p. E30, E31.

¹⁴² Eden A. Op. cit., p. 214.

Вместе с тем особое значение в послевоенной политике США, рассматриваемой прежде всего и главным образом в аспекте борьбы двух систем, имеет стратегическое положение Ближнего Востока, находящегося на стыке трех континентов.

После второй мировой войны США неоднократно вмешивались не только в экономические, но и в политические дела государств Ближнего Востока. В мае 1947 г. вступила в силу «доктрина Трумэна», и на ее основе осуществляли вмешательство во внутреннюю жизнь Греции и Турции. В мае 1950 г. США, Англия и Франция декларировали, что в случае нарушения границ или линий, установленных перемирием на Ближнем Востоке, эти три державы будут немедленно действовать вместе с ООН или без нее. Через несколько лет Дж. Ф. Даллес заявил, что США резервируют за собой право применять силу на Ближнем Востоке самостоятельно, без консультации со своими союзниками¹⁴⁹.

Пактомания, охватывая после второй мировой войны государственный департамент США, распространилась и на Ближний Восток.

В октябре 1955 г. был окончательно оформлен Багдадский пакт пяти государств: Англии, Турции, Ирака, Ирана и Пакистана. Являясь фактически ближневосточным филиалом НАТО, Багдадский пакт был тесно связан и с его дальневосточным филиалом — с СЕАТО. С НАТО Багдадский пакт непосредственно связывали Англия и Турция, а с СЕАТО — Англия и Пакистан.

«Так был создан агрессивный военный блок, направленный против национальных интересов стран Ближнего и Среднего Востока, призванный защитить интересы колонизаторов»^{149a}.

Формально США не стали членом Багдадского пакта. Но они являлись его вдохновителем и организатором. «Этот пакт, — писал американский журнал «Форчун», — изобрели Соединенные Штаты»¹⁵⁰.

Правительство США обязалось «оказывать солидную поддержку достижению целей пакта». Оно обещало, что американские «наблюдатели будут играть конструктивную роль в работе его комиссий». 29 ноября 1956 г. государственный департамент опубликовал специальное заявление, в котором (указывая на связи США с Багдадским пактом через двусторонние соглашения с его членами, а также через активное участие в его работе в качестве члена некоторых его комиссий) обещал этому пакту всяческую помощь¹⁵¹.

Государственный секретарь США и другие представители Вашингтона участвовали в работе сессий совета Багдадского пакта официально как наблюдатели, но фактически — как руководители.

Багдадский пакт открыл новые возможности для американского вмешательства во внутреннюю жизнь стран Ближнего и Среднего Востока, для строительства военных баз на их территориях, поддержания реакционных режимов и подавления национально-освободительного движения в этих странах. Этот пакт сразу вызвал подозрение у арабских государств, даже у Саудовской Аравии с ее феодально-монархическим режимом. Египет, Саудовская Аравия и Сирия выражали недовольство военным союзом так называемого северного яруса из-за опасений, что этот союз укрепит британские позиции на Ближнем Востоке и ослабит Арабскую Лигу. Единственная арабская страна, примкнувшая к нему (Ирак), участвова-

ла в нем лишь до тех пор, пока в стране господствовал феодально-монархический режим.

Подозрение и недовольство вызвал Багдадский пакт также в Индии, открыто протестовавшей против вооружения Пакистана Соединенными Штатами. 2 января 1954 г. глава правительства Индии Джавахарлал Неру отозвался об американской «помощи» Пакистану как «о шаге к войне, даже к мировой войне»¹⁵². Индия с тревогой взирала, как у ее границ образуется военный блок мусульманских государств, вооружаемых Соединенными Штатами. Еще в 1952 г. она предупредила Пакистан, что любой его шаг, предпринятый для присоединения к военному союзу на Среднем Востоке, будет рассматриваться в Дели как недружественный шаг.

Из-за того, что США вооружали Пакистан как члена Багдадского пакта, Индия, которая и так с большим напряжением выполняла свой пятилетний план развития экономики страны, вынуждена была расходовать 38% своего бюджета на цели обороны¹⁵³. Пакистан получал от США оружие бесплатно, а Индия, сохраняя строгий нейтралитет, отказывалась от оружия, предоставляемого бесплатно или на льготных условиях. В результате акций Багдадского пакта и вооружения его участников, в частности Пакистана, Вашингтоном, Индия вынуждена была с каждым годом тратить все большие суммы из своего скудного фонда иностранной валюты на импорт оружия, которое к тому же быстро устаревало.

Заключение и последствия Багдадского пакта вызвали сомнения и критику даже во влиятельных политических кругах США. Летом 1956 г. газета «Нью-Йорк таймс», подводя итоги внешней политики в первое президентство Эйзенхауэра, писала: «Что касается Багдадского пакта, или «северного яруса», то даже некоторые сторонники мистера Даллеса уверены, что он принес больше вреда, чем пользы, и желают, если можно было бы, совершенно от него отделаться»¹⁵⁴. Эдлай Стивенсон утверждал, что «политический вред, причиняемый Багдадским пактом, намного перевешивает его военную выгоду»¹⁵⁵.

Американский капитал в странах Ближнего Востока опирался и опирается на самых махровых реакционных политических деятелей, на ярых врагов прогрессивного движения пробудившихся народов. В 1957 г. журнал «Форчун» назвал «верными друзьями США» на Ближнем и Среднем Востоке иракского реакционного правителя Нури Саида, короля Саудовской Аравии и им подобных. Они, писал этот журнал, стоят «за все то, к чему направлена наша собственная политика на Среднем Востоке. Поэтому то, что угрожает им, угрожает нам... Мы должны помогать тем, чьи цели полезны нам, и оказывать сопротивление тем, чьи цели противостоят нашим»¹⁵⁶.

Насер в Египте далеко не устраивал американцев. «Ясно, с точки зрения наших национальных политических целей, — писал тот же журнал, — нынешнее руководство в Египте не то, какого мы добиваемся. Но если это так, то мы должны направлять свои усилия к изменению курса, взятого этим руководством»¹⁵⁷. Зато режим Нури Саида в Ираке и короля Сауда в Саудовской Аравии вполне устраивали Вашингтон.

¹⁵² Stebbins R. The United States in World Affairs. N. Y., 1954, p. 324.

¹⁵³ «Nation», December 1957, p. 434.

¹⁵⁴ «New York Times», 31.VII 1956.

¹⁵⁵ «U. S. News and World Report», 9.XI 1956, p. 78.

¹⁵⁶ «Fortune», January 1957, p. 166, 172.

¹⁵⁷ Ibid., p. 165.

¹⁴⁹ «Fortune», January 1957, p. 220.

^{149a} История дипломатии, т. 5, кн. 1. М., 1974, с. 544.

¹⁵⁰ «Fortune», January 1957, p. 214.

¹⁵¹ «Current History», March 1956, p. 161; February 1957, p. 105.

Несмотря на свое недовольство правительством Насера, правительство США не считало возможным осенью 1956 г., во время суэцкого кризиса, присоединиться к военным действиям Англии и Франции с целью свержения этого египетского правительства. До этого кризиса оно даже готово было финансировать строительство Асуанской плотины. Но признание в мае 1956 г. КНР Египтом и разрыв его отношений с Чан Кай-ши усилили оппозицию в США, выступавшую против кредитования этого строительства.

Помимо известных противников КНР в США эту оппозицию возглавляли сенаторы, представлявшие в конгрессе хлопководческие штаты. Комиссия сената США по ассигнованиям единогласно высказалась против предоставления большого займа Египту. Правительство США, не желая в год национальных выборов усложнять происходившую президентскую кампанию новыми вопросами, за месяц до открытия национального конвента республиканской партии (19 июля 1956 г.) отказалось от своих намерений финансировать большое гидросооружение на Ниле. Через неделю, 19 июля, Насер объявил о национализации Суэцкого канала.

Суэцким кризисом завершилась политика США на Ближнем Востоке в первое президентство Эйзенхауэра. Этот кризис вызвал большой шум в Америке и за ее пределами. Вашингтон официально выступил против своих главных союзников по НАТО, голосовал в ООН за осуждение их агрессивных действий против Египта. Американская печать даже сообщала, что Эйзенхауэр имел по этому вопросу «крупный разговор» с Иденом по телефону, употребив при этом «казарменный язык»¹⁵⁸. А Иден в своих мемуарах позже писал, что «правительство Соединенных Штатов взяло на себя инициативу, выступив в Ассамблее ООН против Израиля, Франции и Британии»¹⁵⁹.

Поведение США во время англо-французско-израильского нападения на Египет осенью 1956 г. объясняется не только внешнеполитическими соображениями. Нападение на Египет было совершено за неделю до президентских выборов в США. Голосование представителя США в Совете Безопасности против этого нападения происходило 2 раза: первый раз за четыре дня и второй — за два дня до выборов.

На выборах же избирателям больше всего импонировало обещание Эйзенхауэра сохранить мир. В этих условиях представитель США в ООН не мог не голосовать против войны, затеянной в Египте их европейскими союзниками по НАТО.

Политика распространения влияния США на страны Азии и Африки, политика привлечения на свою сторону нейтральных стран, занимающая особое место в условиях послевоенной борьбы двух социальных систем, также не позволила Соединенным Штатам голосовать в поддержку вооруженного нападения на Египет. В Вашингтоне опасались, что иная позиция США в этом вопросе в ООН настолько повысит авторитет СССР у народов, недавно вступивших на путь самостоятельного развития и отстаивающих свою независимость, что капитализму будет нанесен еще один непоправимый удар.

Современная политика «открытых дверей», которая, как мы видели, воплощает идею мирового господства США, выступает под маской антиколониализма. Еще во время войны в Вашингтоне, желая обеспечить себе свободный доступ в страны Британской империи, США выступали

против сохранения целостности этой империи. После войны американцы высказывались за уход англичан из Индии, Египта и других колоний. Они также выступали за оставление французами своих колониальных владений по крайней мере в Африке.

Подобные маневры были рассчитаны на поднятие престижа США в глазах народов Азии и Африки. В этом обнаруживались и межимпериалистические противоречия между США, Англией и Францией в борьбе за влияние на афро-азиатские регионы. Эти противоречия сказывались и во время суэцкого кризиса.

Даллес утверждал, что суэцкий вопрос обнаружил противоречивое положение Соединенных Штатов, оказавшихся между «неизбежно уходящим колониализмом и Атлантическим союзом, привязывающим США к колониальным державам». Никсон тогда же заявил: «Впервые в истории мы продемонстрировали свою независимость от англо-французской политики, которая, как нам кажется, отражает колониальную традицию»¹⁶⁰.

Все это объясняет позицию США в ООН в начале ноября 1956 г. во время обсуждения суэцкого вопроса. Но дипломатия США играла в этом вопросе двойную игру.

Голосуя в ООН против вооруженного нападения на Египет, США отнюдь не одобряли национализации Суэцкого канала. Наоборот, они опасались, что национализация Суэцкого канала послужит прецедентом для Панамского канала. Панама была единственным американским государством, одобрявшим национализацию Суэцкого канала правительством Насера.

Американский журнал «Форчун», говоря об отклике в Панаме на национализацию Суэцкого канала, писал: «Панамцы немедленно разъяснили Вашингтону, что они не считают статус Панамского канала решенным вопросом... Суэцкий кризис вызвал ряд инцидентов в Панаме, которые, хотя в большинстве своем обойдены молчанием в американской прессе, неделями волновали официальные круги и газеты Панамы и резко ухудшили наши отношения с Панамской республикой»¹⁶¹.

Весной 1957 г. президент Панамской республики Де Ла Гардиа заявил, что Панама «намерена вернуть себе полный суверенитет над Панамским каналом»¹⁶².

¹⁶⁰ «The Atlantic Monthly», April 1960, p. 86.

¹⁶¹ «Fortune», February 1957, p. 129.

¹⁶² Цит. по: «Правда», 1957, 14 апреля.

Движение в Панаме за пересмотр кабального договора 1903 г. с США происходило и раньше. Первоначальный ежегодный взнос Вашингтона Панаме за пользование зоной канала в 250 тыс. долл. был доведен в 1955 г. до 1930 тыс. долл. В 1964 г. исполнилось 50 лет со дня открытия Панамского канала. К этому времени через него проходили в год более 11 тыс. кораблей, которые перевозили более 67 млн. т груза «и оплатили за проход сумму, превышающую 67 млн. долл. («Congressional Record», 26.IV 1966, p. 8567).

Через пять лет число кораблей достигло почти 15 тыс., тоннаж перевозок — 140 млн., а плата за проход через канал — 143 млн. долл. («World Almanac», 1977, 149). Национализация Суэцкого канала оживила борьбу панамцев за аннулирование договора 1903 г., за возвращение Панаме зоны канала, за восстановление целостности страны и национального суверенитета над всей ее территорией.

В качестве уступки Эйзенхауэр в конце своего президентства согласился на то, чтобы в зоне канала наряду с американским флагом висел панамский. Но и эта уступка не соблюдалась. Конгресс США выступил против нее. В 1960 г. 381 член палаты представителей голосовал за сохранение полного суверенитета США над зоной Панамского канала; против голосовали лишь 12. В январе 1964 г. демонстрация панамцев, требовавшая поднять национальный флаг в зоне канала, была встречена огнем из винтовок, пулеметов и танков. 21 человек был убит и более 300 ранены (*Dubois J. Danger over Panama. N. Y., 1964, p. 379*).

¹⁵⁸ «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1957, p. 14.

¹⁵⁹ *Eden A. Op. cit., p. 540.*

В Вашингтоне опасались также и того, что национализация Суэцкого канала послужит стимулом для стран Ближнего Востока в активизации их борьбы за национализацию своих нефтеносных земель. Весьма внимательные в США нефтяные монополии, строившие большие планы в отношении ближневосточной нефти, готовы были на любую авантюру, вплоть до применения вооруженных сил, лишь бы удержать свое господство в этих регионах.

Совершенно не соответствует действительности распространявшаяся тогда официальная версия, будто Вашингтон не был осведомлен о готовившейся агрессии против Египта. Так, Эйзенхауэр в выступлении по радио 31 октября, касаясь нападения Англии, Франции и Израиля на Египет, заявил: «С Соединенными Штатами совершенно не консультировались ни в одной фазе этих действий. Мы также не были информированы об их развитии»¹⁶³.

Даже если допустить, что, учитывая предвыборную обстановку в США, правительства Англии и Франции и не сообщали в Белый дом подробности подготовляемых ими военных операций, планы военного нападения на Египет не были секретом для Вашингтона. Во всяком случае для него не были секретом объявленная 28 октября всеобщая мобилизация в Израиле, а также последовавший в ночь с 29 на 30 октября 1956 г. переход египетской границы израильскими войсками, что послужило началом совместного военного нападения на Египет со стороны Англии, Франции и Израиля.

Журнал «Форчун», отрицая версию о неосведомленности США как нелицепутую, писал: «Неверно, что, пока бюллетень последних новостей не был положен на его стол, Эйзенхауэр не знал о намерениях Израиля ударить по Египту и о подготовке к участию в этих действиях Англии и Франции»¹⁶⁴.

Иден в своих мемуарах утверждает, что еще 27 июля он информировал президента США, что, «в случае, если другие методы не оправдают себя», Англия применит военную силу и оккупирует канал, что, если другие государства ей не помогут, она будет «действовать в одиночку»¹⁶⁵.

США, хотя и голосовали в Совете Безопасности за резолюцию, осуждающую агрессию в Египте, отказались в то же время принять вместе с Советским Союзом (в соответствии с решением ООН) эффективные меры с целью прекращения этой агрессии. Более того, американская печать сообщила, что правительство США решило поддержать агрессоров, если СССР сам предпримет эффективные меры против них¹⁶⁶.

Однако СССР принял достаточно эффективные меры: «Советское правительство направило послания Идену, Ги Молле и Бен-Гуриону, в которых предупредило, что есть страна, которая может нанести сокрушительный удар, если агрессия не будет прекращена. И буквально через 22 часа после этого война прекратилась»¹⁶⁷.

США в суэцком кризисе в отличие от Советского Союза выступали не против агрессии, а преследовали свои корыстные интересы. Сразу же после выборов президент США поспешил заявить, что разногласия Америки с Англией и Францией по суэцкому вопросу отошли в область истории. В то время Вашингтон решил воспользоваться ослаблением британских

позиций на Ближнем Востоке и принять меры к укреплению положения США в этом районе.

Правительство Эйзенхауэра, как и его предшественники, уделяло много внимания южным странам Западного полушария. Послевоенные проблемы, существовавшие во взаимоотношениях США со странами Латинской Америки, не смягчались, а скорее обострялись за годы президентства Эйзенхауэра.

Мы видели, что в период войны США постарались ту же привязать экономику южных стран этого континента к своей колеснице. Созданное положение в основном оставалось и в послевоенные годы.

В экономике этих стран особую роль играет внешняя торговля, в особенности их торговля с государствами, расположенными за пределами южноамериканского континента. В континентальной Европе, например, половина всей внешней торговли падает на товарообмен европейских государств между собой. В Латинской Америке только 10% ее внешней торговли приходится на товарообмен между государствами, расположенными на ее территории. 90% составляет торговля с Соединенными Штатами, Европой и странами других частей света.

До второй мировой войны около половины экспорта и импорта Латинской Америки приходилось на торговлю с Европой, а около трети — с США. Спустя 10 лет после окончания войны Соединенные Штаты занимали в торговле Латинской Америки примерно то место, которое занимала довоенная Европа, а Европа — довоенное место США.

Торговля с Латинской Америкой имеет большое значение для США. К середине 50-х годов она составляла почти четверть всего их экспорта и почти 30% импорта. В 1957 г. прямые инвестиции США в страны Латинской Америки достигли 8,4 млрд. долл., что равнялось трети всех их прямых инвестиций за границей. Первое место в этих инвестициях занимала Венесуэла, куда к началу 60-х годов США вложили около 3 млрд. долл. К этому времени капиталы США в добыче венесуэльской нефти почти в 2 раза превышали американские капиталы на Ближнем Востоке¹⁶⁸.

Вместе с увеличением роли капитала США в эксплуатации богатств стран, расположенных к югу от Рио Гранде, росло недовольство народов Латинской Америки своим северным соседом. Эти народы все больше убеждались в том, что капитал США в их странах содействует не столько развитию местной экономики, сколько расхищению национальных ресурсов и эксплуатации трудящихся. В 1954 г. на конференции американских стран в Каракасе представитель Боливии утверждал: «Не подлежит сомнению, что больше капитала было в виде прибыли экспортировано из Латинской Америки, чем импортировано»¹⁶⁹. Так, например, в 1959 г. капиталисты США инвестировали в Латинскую Америку 200 млн. долл., а переправили оттуда в виде прибыли в США 775 млн. долл.¹⁷⁰

Производители пшеницы в Аргентине, хлопка в Перу и в Мексике не престапно чувствуют на своей спине тяжкий гнет давления огромных государственных запасов сельскохозяйственных продуктов США, сбываемых по демпинговым ценам за границей. Не желают народы стран Латинской Америки и того, чтобы их страны продолжали оставаться поставщиком дешевой нефти, меди и других металлов, источником ценных видов различного сырья для промышленности США. В послевоенные годы наблюдается сравнительно быстрый процесс индустриализации некоторых райо-

¹⁶³ «New York Times», 1.XI 1956.

¹⁶⁴ «Fortune», January 1957, p. 210.

¹⁶⁵ Eden A. Op. cit., p. 427—428.

¹⁶⁶ «Fortune», January 1957, p. 212.

¹⁶⁷ «Правда», 1960, 22 июня.

¹⁶⁸ «Fortune», February 1958, p. 113; December 1963, p. 129—131.

¹⁶⁹ «Current History», March 1957, p. 161.

¹⁷⁰ «Progressive», June 1962, p. 28.

нов Латинской Америки. В 1955 г. промышленная продукция латиноамериканских стран выросла более чем в 2,5 раза по сравнению с довоенным временем. По индустриализация началась там с очень низкого уровня. В 1957 г. вся продукция обрабатывающей и добывающей промышленности всех 20 республик Латинской Америки, в которых проживает больше населения, чем в Соединенных Штатах, составляла лишь 10% этой продукции, производимой в США¹⁷¹.

Широкие массы населения Латинской Америки нищенствуют. Через 10 лет после окончания второй мировой войны годовое производство в среднем на душу населения составляло там 285 долл. (в 9 раз меньше, чем в США); в наиболее бедных странах (например, в Парагвае и Гаити) эта цифра не достигала и 100 долл.¹⁷² Если учитывать рост населения, то следует считать, что производство в среднем на одного человека в последние годы в Латинской Америке даже сократилось. К началу 60-х годов половина богатства всего этого континента принадлежала 2% его населения.

В 1961 г. в 18 государствах Латинской Америки 1,2% всех ферм, каждая из которых имела не менее тысячи гектаров, владели 71,6% всей фермерской земли, а на долю 74,4% всех ферм приходилось лишь 2,9% этой земли¹⁷³. В Бразилии 5% сельского населения владели 95% всей земли. В Венесуэле 2% сельского населения принадлежали 74% земли, а более 25% всех крестьян были безземельными. В Гватемале 0,3% сельскохозяйственного населения владело более чем половиной всей земли. В отдельных районах Латинской Америки до сих пор существует крепостничество. В перуанских Андах, например, половина индейского населения работала три дня в неделю на полях землевладельцев за право пользоваться крохотными участками земли. В Перу же практиковалась продажа земли вместе с работающими на ней людьми¹⁷⁴. Неграмотные составляли больше половины населения Латинской Америки. Больше половины ее населения постоянно недоедало.

Антиколониальные революции Л. И. Брежнев назвал «одним из мощных ускорителей современной истории»^{174а}.

Как в Азии и Африке освободительное движение пробудившихся народов было направлено против колониальных держав, в первую очередь против британского империализма, так в Латинской Америке движение за экономическую независимость, за поднятие жизненного уровня населения направлено прежде всего против гнета доллара. Деятельность монополий США рассматривается там как сила, направленная против экономической независимости, против политического и культурного прогресса стран Латинской Америки. Когда латиноамериканцы произносят слово «империалист», писал распространённый в США буржуазный журнал, «они подразумевают США»¹⁷⁵.

Послевоенный подъем, наблюдавшийся во всех отсталых странах, выражается в Латинской Америке (как в Азии и в Африке) не только в экономических, но и в политических требованиях народов.

Весной 1956 г. корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» писал из Рио-де-Жанейро, что Южная Америка «бросает вызов Соединенным Штатам, их руководству и их внешней политике». Ее народы, утверждал он, не

хотят больше, чтобы их рассматривали как орудие Вашингтона в борьбе, с коммунизмом, как «автоматическое большинство» государственного департамента США в ООН¹⁷⁶.

Политика США в южных странах Нового Света ассоциируется с реакционными режимами, с военными диктатурами. «Во всей Латинской Америке,— писал летом 1958 г. известный английский журнал,— существует убеждение, что США предпочитают диктаторов демократиям и видят коммунистическое пугало в каждом либеральном движении»¹⁷⁷.

В первые годы президентства Эйзенхауэра яркой иллюстрацией в этом отношении служили события в Гватемале.

Существовавшее в Гватемале с 1950 г. правительство Арбенса проводило курс на демократизацию страны и на обеспечение ее независимости от США не только во внутренней, но и во внешней политике.

В 1950 г. 163 крупным землевладельцам принадлежало больше 40% всей обрабатываемой площади страны¹⁷⁸. В соответствии с принятым в 1952 г. законом об аграрной реформе, о конфискации за известную компенсацию земельных владений в Гватемале многие крестьяне получили земли местных крупных владельцев, а также американской «Юнайтед фрут компани». Эта гигантская компания долго хозяйничала в странах Центральной Америки. Арбенса национализировал электрическую компанию, в которой хозяйничали капиталисты США, и предложил «Юнайтед фрут компани» вернуть 200 тыс. акров земли, которую она сохраняла в резерве. Наделение крестьян землей и другие прогрессивные мероприятия не выходили за пределы либерально-буржуазных реформ. Тем не менее государственный департамент США поднял крик о «коммунистической угрозе» в Центральной Америке.

Обсуждение событий в Гватемале заняло по настоянию США центральное место на X конференции американских государств, состоявшейся с 1 по 28 марта 1954 г. в г. Каракасе. Большинство латиноамериканских государств желало обсудить на этой конференции, как и в 1948 г. в Боготе, экономические вопросы: стабилизацию валют, проблемы цен, борьбу с демпингом и т. п. Рассмотрение этих вопросов было перенесено на совещание министров финансов американских стран, открывшееся в конце ноября этого года в Рио-де-Жанейро и закончившееся разочарованием представителей Латинской Америки¹⁷⁹.

Делегации Бразилии и Аргентины внесли резолюцию против сохранения колоний в Западном полушарии. Но представители Соединенных Штатов, обычно рекламирующих свой антиколониализм, возражали против этой резолюции.

В Каракасе государственный секретарь США старался сосредоточить внимание делегатов на так называемой опасности коммунизма в Гватемале.

Антикоммунистическая резолюция, предложенная Даллесом и названная «Декларацией солидарности за сохранение неприкосновенности американских государств», гласила, что в любом американском государстве «контроль над правительством со стороны участников международного коммунистического движения будет рассматриваться как угроза миру в Западном полушарии». Эта резолюция, предусматривавшая санкции, встретила сильные возражения. Многие делегаты указывали, что она не

¹⁷¹ «Fortune», February 1958, p. 117, 216.

¹⁷² Ibid., p. 216.

¹⁷³ Gerassi J. The Great Fear. N. Y., 1963, p. 22, 23.

¹⁷⁴ «Progressive», June 1962, p. 26.

^{174а} Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5. М., 1976, с. 163.

¹⁷⁵ «Life», 25.IX 1961, p. 56.

¹⁷⁶ «New York Times», 13.IV 1956.

¹⁷⁷ «World Today», June 1958, p. 231.

¹⁷⁸ Barber H. The United States in World Affairs. N. Y., 1955, p. 205.

¹⁷⁹ Reitzel W. United States Foreign Policy 1945—1955, p. 79.

совместима с принципом Организации американских государств о невмешательстве во внутреннюю жизнь стран, входящих в данную организацию. Даллес сманеврировал: в своем выступлении 8 марта в политической комиссии конференции он заявил, что «время для действий еще не наступило» и что пока речь идет лишь «об определении угрозы»¹⁸⁰.

Вместо санкций, предложенных Даллесом против так называемой угрозы коммунизма, в резолюции была упомянута «консультация». Но и в таком виде Гватемала голосовала против резолюции, Аргентина и Мексика воздержались от голосования, представители Коста Рики отсутствовали. Представитель Уругвая, хотя и голосовал за резолюцию, но, выражая мнение делегатов ряда других стран, уступивших нажиму США, заявил: «Мы присоединились к ней без энтузиазма, без оптимизма, без удовольствия и без чувства, что способствуем принятию конструктивного мероприятия»¹⁸¹.

После закрытия конференции в Каракасе государственный департамент начал подготавливать реакционные силы внутри Гватемалы и у ее границ к тому, чтобы свергнуть демократическое правительство Арбенса. В Гондурас, граничащий с Гватемалой, а также в Никарагуа из США прибыли корабли с оружием¹⁸². В то же время помощник государственного секретаря Голланд добился формального согласия правительств 14 латиноамериканских стран на патрулирование вдоль берегов Гватемалы, с тем чтобы не допустить ввоза оружия в эту страну.

В июне 1954 г. отряды, вооруженные Соединенными Штатами, под руководством полковника Кастильо, вторгшись в Гватемалу с территории Гондураса, подняли мятеж. Кастильо сверг законное правительство и сам стал президентом этой страны.

Американский ставленник отменил аграрную реформу в Гватемале и запретил деятельность прогрессивных организаций. 85 тыс. земельных участков, распределенных при Арбенсе между крестьянами, Кастильо отнял у них и вернул обратно «Юнайтед фрут компани» и другим крупным землевладельцам¹⁸³. В 1955 г. его правительство подписало соглашение с США, предоставившее Пентагону право строительства военных баз на территории Гватемалы.

Официальный историк правительства Эйзенхауэра пытался изобразить дело так, что США не были причастны к государственному перевороту, совершенному полковником Кастильо¹⁸⁴. Однако более солидные американские историки, сотрудники Брукингского института в Вашингтоне, писали, что насильственное свержение демократического правительства Гватемалы в 1954 г. «оставило в Латинской Америке определенное впечатление, что это дело было подготовлено Соединенными Штатами»¹⁸⁵. В другой известной работе, изданной Советом внешних сношений США, прямо говорится, что было бы неправильно рисовать вооруженный переворот Кастильо «как чисто гватемальское дело...» Без политической, моральной и дипломатической помощи Соединенных Штатов его шансы на успех были бы незначительными¹⁸⁶.

¹⁸⁰ Stebbins R. The United States in World Affairs, 1954, p. 375.

¹⁸¹ Ibid., p. 377.

¹⁸² Ibid., p. 381.

¹⁸³ «Progressive», June 1962, p. 26.

¹⁸⁴ Pusey W. Op. cit., p. 139—140.

¹⁸⁵ Reitzel W. Op. cit., p. 82.

¹⁸⁶ Stebbins R. Op. cit., p. 382.

Впоследствии (как уже было отмечено выше) сам президент Эйзенхауэр и Аллен Даллес признали роль ЦРУ в свержении правительства Арбенса (см. стр. 233 книги).

В конце июня 1954 г., когда правительство Гватемалы обратилось в Совет Безопасности ООН за помощью против открытой агрессии, совершенной со стороны Гондураса и Никарагуа по отношению к государству — члену ООН, сенат и палата представителей США приняли резолюцию, направленную против правительства Арбенса и всецело поддерживавшую мятежников.

13 июля Вашингтон признал новое правительство Гватемалы и начал официально оказывать ему всестороннюю помощь.

В июле 1956 г. Эйзенхауэр перед его избранием на национальном конвенте республиканской партии кандидатом в президенты США на второй срок отправился в Панаму на конференцию президентов американских государств. Такая конференция происходила впервые. На ней присутствовали 19 президентов латиноамериканских стран и США (президенты Колумбии и Гондураса отсутствовали).

В Панаме была принята декларация президентов о том, что блок американских государств является оплотом «свободного» (т. е. капиталистического) мира.

Желая продемонстрировать перед национальным конвентом республиканской партии свои заслуги в деле сближения США с латиноамериканскими странами, Эйзенхауэр в своем выступлении в Панаме говорил о важности экономического сотрудничества и о необходимости использования атомной энергии для промышленных и медицинских целей в Западном полушарии.

Лихорадочная активность даллесовской дипломатии в Латинской Америке и в Западной Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке наиболее обнаруживает свою сущность, выступает ясной и определенной в аспекте борьбы двух систем. Со времени окончания второй мировой войны борьба против стран социалистического содружества, подготовка к войне с ним занимала центральное место во внешней политике США, поглощала основное внимание государственного департамента и Пентагона.

Однако уже первые два года президентства Эйзенхауэра показали не только опасность, но и несостоятельность воинственной программы республиканской партии. Даллес бравировал тем, что он 3 раза ставил весь мир на грань атомной войны. Но каждый раз, когда он доводил США до опасной грани, его политика встречала сильное сопротивление в Америке и в Европе. Вскоре печать США начала говорить об обещавшей «освобождение» платформе, как об «обмане», о «фикции и блефе»¹⁸⁷. В Америке и в Европе все больше убеждались, что в США далеко не многие рискнут ринуться в ураган третьей мировой войны, для того чтобы восстановить капитализм в странах, ставших на путь социализма.

В борьбе двух систем соотношение сил продолжало изменяться не в пользу США. Государственный департамент и Пентагон делали все возможное, для того чтобы в отношениях с СССР правители США могли выступать «с позиции силы». Но силы США относительно Советского Союза уменьшались. Такое грозное оружие, как водородная бомба, оказалось изготовленным в СССР раньше, чем в США.

Несмотря на это столь явное преимущество Советское правительство не прекращало настойчивых поисков путей к разрядке напряженности. Неуклонно рос авторитет СССР как последовательного поборника за дело мира во всем мире. И с этим были вынуждены считаться государственные и политические деятели Запада.

¹⁸⁷ «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1957, p. 26; «New York Herald Tribune», 9.X 1959.

С самого начала президентства Эйзенхауэра влиятельные политические деятели в США и в странах-союзниках поговаривали о необходимости соглашения с Советским Союзом с целью смягчения международной напряженности. В мае 1953 г. английский премьер Черчилль публично заявил, что была бы желательна встреча глав правительств великих держав. После того как весь мир узнал, что СССР первый овладел производством водородного оружия, и в Америке и в Западной Европе усиливались голоса, требовавшие переговоров о соглашении с Советским Союзом. В октябре 1953 г. Черчилль снова предложил организовать совещание на высшем уровне.

В течение первых двух лет своего пребывания в Белом доме Эйзенхауэр по совету Даллеса, желавшего раньше всего узаконить вооружение Западной Германии, уклонялся от такого совещания, говорил, что, прежде чем встретиться с советскими лидерами, он должен убедиться в их намерениях сотрудничать в решении существующих разногласий¹⁸⁸. Уже в начале 1955 г. президент США и его государственный секретарь стали давать отбой.

В ноябре 1954 г. республиканцы потерпели поражение на выборах в 84-й конгресс. Новый председатель комиссии по иностранным делам сената демократ Джордж настойчиво высказывался в духе Черчилля о созыве совещания глав правительств.

На выборах в конгресс основное внимание привлекали вопросы внутренней политики. Вице-президент США Никсон, проявляя большую активность в предвыборной кампании, щеголял своими заслугами в борьбе с коммунизмом. Но антикоммунистическая истерия Никсона и Маккарти ассоциировалась с внешней политикой Даллеса, рассматривалась как результат «холодной войны». То, что в США называли зенитом «холодной войны», совпадало с зенитом маккартизма.

Эйзенхауэр вначале воздерживался от участия в предвыборной борьбе, но потом вмешался. Обращаясь к избирателям, он предупреждал, что победа демократов вызовет «холодную войну» между президентом и конгрессом.

После таких предупреждений победа демократов расценивалась как поражение республиканцев не только в конгрессе, но и в правительстве, как осуждение большинством избирателей не только их внутренней, но и внешней политики.

Президент США немедленно сделал вывод. Через месяц после выборов он заявил на пресс-конференции: «Мы обязаны перед страной и перед всем миром исследовать каждую возможность уладить разногласия мирными средствами, прежде чем думать о таком деле, как война»¹⁸⁹. Одновременно Даллес, уже добившись принятия Западной Германии в НАТО и решения о ее вооружении, начал разглаживать о том, что его программа «освобождения» рассчитана не на военные, а на мирные средства¹⁹⁰.

9 февраля 1955 г. Верховный Совет СССР опубликовал декларацию, в которой призывал народы и парламенты всех государств укрепить мир. В декларации говорилось: «Советский Союз считает, что необходимо покончить с гонкой вооружений. Необходимо безотлагательно решить вопрос о всеобщем сокращении вооружений и, прежде всего, о значительном сокращении вооружений больших государств. Атомное и вся-

кое другое оружие массового уничтожения должно быть запрещено. Проведение соответствующих мероприятий должно быть обеспечено эффективным международным контролем... Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик будет искренне приветствовать любые шаги со стороны парламентов других государств, направленные на упрочение мира между народами»¹⁹¹.

Вскоре четыре великие державы — СССР, США, Англия и Франция договорились об организации конференции глав их правительств.

В стране и в конгрессе США вест о предстоявшей конференции на высшем уровне была встречена с одобрением. Хотя сенатор Маккарти не преминул внести предложение, предусматривавшее ограничение свободы действий президента на этой конференции, его, однако, поддержали только 3 сенатора, а 77 голосовали против.

Конференция открылась во Дворце Наций в Женеве 18 июля 1955 г., через 10 лет после начала работы Потсдамской конференции глав правительств трех великих держав-победительниц. Она продолжалась шесть дней. Советская делегация на конференции ставила своей задачей прежде всего улучшение международной атмосферы, создание условий для решения в дальнейшем сложных спорных вопросов, для обеспечения мирного сосуществования.

Конференция рассматривала такие вопросы, как сокращение вооружений, германский вопрос и европейская безопасность, а также развитие контактов между Востоком и Западом. Более чем за два месяца до окончания Женевской конференции глав правительств Советский Союз предложил конкретный план сокращения обычных вооружений и полного запрещения производства и применения ядерного оружия, а также любых других средств массового уничтожения. Советское правительство предложило вместе с тем создать по линии ООН надежный контрольный орган, способный обеспечить соблюдение предложенного им плана. В соответствии с этим планом представители СССР в Женеве предложили установить максимум для численного состава вооруженных сил каждой из пяти великих держав: для США, Советского Союза и Китая — 1500 тыс. человек, а для Англии и Франции — 650 тыс. Они также предложили снять с вооружения атомное и водородное оружие.

В ответ на конкретное предложение СССР представители США, как обычно, выдвинули в качестве главной задачи не разоружение, а контроль и инспекцию вооружений.

Президента США в поездке в Европу сопровождала большая группа советников и экспертов, в которую вошли Нельсон Рокфеллер, адмирал Редфорд, генерал Грюнтер, заместитель министра обороны Андерсен, Стассен и др. По предложению Рокфеллера эксперты вернулись к программе воздушной инспекции, предусмотренной девятью годами раньше «планом Баруха». В результате Эйзенхауэр выступил в Женеве с так называемым планом «открытого неба», служившим по существу камуфляжем для отказа США от предложений по ограничению вооруженных сил, которые они раньше сами выдвигали.

Нереальность плана «открытого неба» сразу бросилась в глаза. Эйзенхауэр предложил, чтобы американские самолеты свободно летали над СССР, советские самолеты — над Соединенными Штатами. В этом кажущемся равноправии СССР и США оказались бы не в одинаковом положении. Многочисленные американские военные базы были сооружены на территории десятков стран во всех частях света.

¹⁹¹ «Правда», 1955, 10 февраля.

¹⁸⁸ Donovan R. Op. cit., p. 346.

¹⁸⁹ «New York Times», 3.XII 1954.

¹⁹⁰ Graebner N. Op. cit., p. 184.

Естественно, возник вопрос: в случае принятия плана «открытого неба» обеспечено ли будет советским самолетам право беспрепятственно летать над территорией тех государств, где расположены военные базы США? Ответ гласил, что это зависит от правительств тех стран, где находятся эти базы.

У действительных сторонников мира вызывали настороженность и сами по себе авторы плана — проповедник атомной войны Рэдфорд, генерал Грюнтер и Нельсон Рокфеллер. Не менее настороженно побуждал относиться к желанию США получить свободный доступ в небо СССР инцидент, происшедший в июне 1955 г.: за три недели до открытия в Женеве конференции был сбит американский самолет, вторгшийся в воздушное пространство СССР.

По конкретным спорным вопросам в Женеве не договорились. Не договорились по этим вопросам и на открывшемся 27 октября 1955 г. совещании министров иностранных дел. Тем не менее общественное мнение и печать многих стран и народов в общем положительно отозвались об итогах конференции в верхах.

Американская печать, как правило, отмечала, что в Женеве пришли к общей точке зрения по главному вопросу, больше всего интересующему широкие круги населения США: участники конференции убедились, что каждая страна считает ядерную войну катастрофой, что в такой войне не будет победителей и что поэтому война как способ решения споров между Востоком и Западом должна быть исключена. Однако дальнейшие события показали, что реакционные монополистические круги США отнюдь не отказываются от решения больших, кардинальных международных проблем путем применения силы, путем войны.

«Дух Женевы» — слова, символизировавшие начало разрядки международной напряженности. Но этот дух оказался весьма недолговечным, эфемерным. Несмотря на мирные заверения президента США в Женеве, его правительство не уменьшило, а, наоборот, усилило подготовку к войне, предприняло шаги, которые вели к усилению международной напряженности.

В январе 1956 г. Эйзенхауэр предложил конгрессу увеличить военные расходы, в то время как Советский Союз на 10 млрд. руб. сократил свои расходы на оборону. Газета «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье, посвященной проекту нового бюджета США, подчеркнула, что «холодная война господствует над этим бюджетом»¹⁹².

1 февраля 1956 г. была опубликована за подписями президента Эйзенхауэра и премьера Великобритании Идена так называемая Вашингтонская декларация, которую мировая печать охарактеризовала как отход от «духа Женевы».

25 апреля 1956 г. в Американском обществе газетных редакторов президент США произнес речь, которая была начинена резкими нападками против СССР. Орган республиканской партии газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в редакционной статье комментировала эту речь как призыв к восстаниям в странах социалистического содружества¹⁹³.

Эйзенхауэр оставался верен себе. Во внешней политике, как и во внутренней, он сохранял позу примирителя между различными влиятельными кругами в Вашингтоне. Он лавировал между общественным мнением широких масс американского народа, больше всего ценящего мир, требующего ликвидации «холодной войны», и теми реакционными кругами

крупного американского капитала, Пентагона и конгресса, которые настроены сугубо враждебно к Советскому Союзу и ко всем другим социалистическим странам.

К концу первого президентства Эйзенхауэра стал очевидным провал «холодной войны», опиравшейся на политику «с позиции силы», а также несостоятельность воинственной платформы республиканской партии. Но руководящие круги монополистического капитала, постоянно оказывавшие свое воздействие на правительство и конгресс США, не желали признать принципов мирного сосуществования, явно страшились перспективы действительного сотрудничества между капиталистической Америкой и социалистическим Советским Союзом.

Президент США в своем маневрировании склонен был в важных вопросах уступать реакционным лидерам республиканской партии и своему ближайшему окружению с Уолл-стрита, под сильным влиянием которого он находился. Так он поступил в вопросе о Тайване. Так он действовал и после конференции в Женеве.

Предшественник Даллеса в государственном департаменте Дин Ачесон, анализируя в октябре 1956 г. внешнюю политику США, утверждал, что разговоры Эйзенхауэра о мире неискренни, что президент США находится «в плену у примитивной пропаганды и лозунгов, заимствованных у группы Маккарти, Тафта и Ноулленда»¹⁹⁴.

Следует признать, что у Дина Ачесона для такого вывода было достаточно оснований.

4. Маккартизм

Сущность и основы маккартизма, его средства и методы. Антикоммунистический акт 1954 г. Преследование иностраннорожденных. Досье Эдгара Гувера. Игнорирование конституции США. Травля Р. Опенгеймера. Сфабрикованный процесс над Розенбергами. Заигрывание президента Эйзенхауэра с Маккарти. Хозяин сената. Недовольство маккартизмом. Антимаккартистское движение в США. Осуждение Маккарти

Первые годы президентства Эйзенхауэра, когда Даллес довел «холодную войну» до максимального напряжения, вошли в историю США как времена позорного маккартизма.

В США, как и в других империалистических государствах, агрессивная внешняя политика всегда сопровождалась реакционными мероприятиями внутри страны. Маккартизм наглядно продемонстрировал это положение. Маккартизм снял покрывало с США и выставил перед всем миром разрекламированную свободу Соединенных Штатов в ее наготе, без маски и грима. Все увидели, какую опасность таят в себе политические нравы этой страны, увидели сущность ее хваленной демократии, ее близость к грубой милитаристской демагогии и склонной к фашизму реакции.

Маккарти сменил Р. Лафаллета — сенатора от штата Висконсин — в начале 1947 г. В первое время он редко выступал с речами, голосовал за «доктрину Трумэна» и «план Маршалла», за билль «Тафта — Хартли» и другие реакционные законы. Большую политическую активность Маккарти начал развивать после краха американской интервенции в Китае. Он стал национальной фигурой и завоевал худую славу в США и за их пределами после победы республиканской партии на выборах 1952 г., после начала его второго срока в сенате. Но уже в последние годы президентства Трумэна Маккарти считали большой силой в конгрессе. «Начиная от

¹⁹² «New York Times», 17.I 1956.

¹⁹³ «New York Herald Tribune», 23.IV 1956.

¹⁹⁴ «U. S. News and World Report», October 1956, p. 89.

провидента и ниже рангом, — писал Р. Ровер, автор солидной работы о Маккарти, — ни один благоразумный член правительства Трумэна в его последние два года или правительства Эйзенхауэра в его первые два года не принимал ни одного важного решения без учета реагирования на это со стороны Маккарти. После горячей схватки с ним по вопросу об утверждении сенатом Чарлза Болена послом в Советском Союзе лидер большинства в сенате Роберт Тафт сказал президенту Эйзенхауэру, что он никогда впредь не будет поддерживать того, против кого выступает Маккарти. На протяжении ряда месяцев, в течение которых после двадцатилетнего перерыва власть находилась у правительства республиканцев, Маккарти принадлежало право вето на назначение высших чинов»¹⁹⁵.

В 83-м конгрессе, открывшем свою первую сессию в январе 1953 г., Маккарти стал председателем комиссии сената по правительственным операциям, следившей за расходами федеральных учреждений. Одновременно он был председателем постоянной подкомиссии сената по расследованию, незаконно присвоившей при Маккарти неограниченную власть. Поддержанный вице-президентом США Никсоном и группой реакционных сенаторов — руководителей республиканцев в конгрессе — Маккарти не пренебрегал никакими средствами. Мораль иезуитов — цель оправдывает средства — была его моралью: все средства хороши, когда речь идет о борьбе с опасностью коммунизма. В этой борьбе, твердили сторонники маккартизма, можно игнорировать конституцию США, билль о правах и другие демократические свободы, завоеванные американским народом еще в XVIII в. То, «что мы совершенно правильно называем эрой маккартизма», — писал Уолтер Липпман, — это «истерия, демагогия, беззаконие и жестокая несправедливость»^{195a}.

Маккартизм — продукт определенной политической атмосферы, создававшейся в США по мере нарастания и углубления «холодной войны». Маккарти не создал ни «холодной войны», ни ее атмосферы. Напротив, атмосфера «холодной войны» породила то, что назвали маккартизмом.

Подобно тому, как после победы Великой Октябрьской социалистической революции панический страх, охвативший господствующие круги в США, привел к разгулу так называемых пальмеровских походов и облав, — победа национально-освободительного движения народов колоний и других зависимых стран, освобождение этих народов от ига империализма в условиях роста и укрепления могущества мировой системы социализма вызвали панику и истерию в руководящих кругах американского капитализма, завершившиеся разгулом маккартизма.

Первые лучи надежды на международное сотрудничество, на мирное сосуществование, коснувшиеся лишь поверхностного слоя толстого льда «холодной войны», оказались невыносимыми для тех кругов, которые представлял Маккарти. Но в 1953 — 1954 гг. он обладал большой властью и пользовался ею беспощадно. Как писал влиятельный буржуазный журнал, «мыслящие люди в различных частях света серьезно задавались вопросом: кто же государственный секретарь — сенатор Маккарти или Джон Фостер Даллес?»¹⁹⁶.

Через два месяца после прихода в Белый дом, 27 марта 1953 г., Эйзенхауэр зачитал на заседании правительственного кабинета письмо, ко-

торое, по его утверждению, отражало общественное мнение страны. Автор письма считал, что не Эйзенхауэр, а Маккарти фактически руководит государством¹⁹⁷.

Корреспондент газеты «Крисчен сайенс монитор» Харш писал: «Европеец, оглядываясь вокруг, действительно видит в Европе настоящую американскую полицейскую силу, верную не правительству США, а сенатору Маккарти. Маккарти имеет своих агентов во многих европейских странах... Там фактически существует частная полицейская сила, работающая на сенатора Маккарти»¹⁹⁸.

Маккарти рассматривал как основное препятствие, преграждающее ему путь к славе, не правительство Эйзенхауэра и не оппозиционных демократов, а Коммунистическую партию США. Он обрушивался на всех прогрессивных лиц и организации, но особенно свирепо — на коммунистов.

В июне 1954 г. сенатор Р. Фландерс из Вермонта сравнивал Маккарти с Гитлером, а маккартизм — с нацизмом. Как Гитлер, Маккарти старался нажать политический капитал на борьбе с коммунизмом. Он создавал свои частные полицейские силы и шпионскую систему. «Его финансировали богатые капиталисты. Как Гитлер получал большие средства от магнатов Рура, так перед Маккарти щедро открыли свои кошельки нефтяные магнаты Техаса. Тактика Маккарти, ничем не отличаясь от тактики Муссолини и Гитлера, исходила из одной и той же иезуитской догмы: чтобы сокрушить своего оппонента, нет необходимости спорить, нужно лишь обвинить его в предательстве»¹⁹⁹. Как Гитлер в Германии, Муссолини в Италии и во многом подражавший им Хьюи Лонг в США, Маккарти выбрал своим оружием демагогию, с помощью которой он стремился возбуждать и поднимать массы, командовать ими и господствовать над ними.

Он выставлял себя другом, защитником жизненных интересов фермеров. Он выступал за повышение цен на сельскохозяйственные продукты до 100% их паритета²⁰⁰. Он щедро расточал демагогические обещания ветеранам войны. Он выступал за предоставление государственных заказов мелким предпринимателям и оказание помощи жилищному строительству. Он старался заигрывать с правыми лидерами профсоюзов и проникать в рабочее движение. Он требовал «во имя памяти американских солдат», погибших во второй мировой войне, расследования коррупции в государственном аппарате.

На практике годы маккартистского кошмара характеризовались не только бешеной активностью американского Гитлера от штата Висконсин. Вместе с подкомиссией Маккарти свирепствовала комиссия внутренней безопасности сената, возглавлявшаяся преемником Маккарти сенатором У. Дженнером из Индианы.

Маккартизм выражался в огульном применении реакционных законов Смита и Маккарэна и в проведении новых фашистских законов и мероприятий, в произволе, который чинили различные комиссии конгресса,

¹⁹⁷ Donovan R. Op. cit., p. 243.

Опрос Гэллага, проведенный в начале 1954 г., показал, что 50% американцев имели «благоприятное мнение» о Маккарти и лишь 29% высказались по отношению к нему «неблагоприятно».

¹⁹⁸ Davis E. But We were Born Free. Indianapolis, 1954, p. 32.

¹⁹⁹ «New Republic», 12.IV 1954, p. 15; 23.VIII 1954, p. 13; 11.I 1954.

²⁰⁰ Стопроцентным паритетом в данном случае считается соотношение между ценами на товары, покупаемые и продаваемые фермерами в среднем за пятилетие, предшествовавшее первой мировой войне.

¹⁹⁵ «New York Times Magazine», 30.IV 1967, p. 23.

^{195a} «New York Herald Tribune», 25.III 1955.

¹⁹⁶ «U. S. News and World Report», 26.VIII 1955, p. 68.

в распространении паники и страха. Все это делалось во имя обеспечения «здорового американизма» и «безопасности» Соединенных Штатов.

Летом 1953 г. газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что согласно правительственным директивам американцы, подражая деятельности Гитлера в годы фашистской диктатуры в Германии, в ряде стран сожгли на кострах тысячи книг, изъятых из библиотек США, находящихся за границей. Сожжению или изъятию из этих библиотек подлежали все книги, заподозренные сенатором Маккарти и его подкомиссией в том, что они написаны коммунистами или авторами, симпатизирующими коммунистам²⁰¹.

Весной 1953 г., с начала деятельности Маккарти на посту председателя подкомиссии по расследованию, начались гонения на Школу социальных наук имени Джефферсона в Нью-Йорке. В апреле этого года генеральный прокурор США Броунелл потребовал, чтобы Джефферсоновская школа вместе с 11-ю другими прогрессивными организациями зарегистрировалась как «организация коммунистического фронта» в соответствии с «законом Маккарэна». Руководство школы протестовало, доказывало, что школа имеет право преподавать, а американцы имеют право изучать теоретические положения марксизма, что «закон Маккарэна» не распространяется на преподавание тех или иных теоретических взглядов. Протест поддержали многие деятели просвещения в США. Они заявляли, что «любая попытка запретить преподавание марксизма в таком учебном заведении, как Джефферсоновская школа социальных наук, представляет серьезную угрозу свободному исследованию вообще»²⁰². Тем не менее в декабре 1954 г. комиссия по контролю над так называемой подрывной деятельностью, определявшая, на какие организации распространяется «закон Маккарэна», предложила Джефферсоновской школе зарегистрироваться в качестве «организации коммунистического фронта».

Подкомиссия Маккарти по расследованию опиралась на лжесвидетелей. Те, кто, ссылаясь на конституцию США, отказывались отвечать на провокационные вопросы, обвинялись в неуважении к конгрессу. Действуя в тесном контакте с комиссией по контролю над так называемой подрывной деятельностью, подкомиссия Маккарти терроризировала членов прогрессивных организаций в США.

Любому либералу, автору любой книги, брошюры или статьи в пользу мирного сосуществования двух систем, в пользу советско-американского сотрудничества, в любое время можно было предъявить обвинение в участии в «коммунистическом заговоре». Как писал прогрессивный американский деятель Корлис Ламонт, вызванный в 1953 г. на допрос в подкомиссию Маккарти, это обвинение имеет такое неопределенное и всеохватывающее значение, что беспринципные и неразборчивые в средствах сенаторы и прокуроры могут обвинить в участии в таком заговоре любого либерала, посетившего какое-нибудь собрание организации «левого фронта»²⁰³.

В 1954 г. грубым нападкам подвергался Национальный совет американо-советской дружбы. В этот совет входили видные деятели науки и церкви, далекие по своим взглядам от коммунизма. Вызванные на допросы члены этого совета заявляли, что их деятельность, направленная на содействие установлению прочного мира, соответствует жизненным

интересам и чаяниям американского народа. Но для Маккарти малейшая связь с Национальным советом американо-советской дружбы была достаточной для обвинения в «коммунистическом заговоре».

В 1954 г. 83-й конгресс завершил свою работу принятием нового закона против Коммунистической партии США. Новый закон назван «актом 1954 г. о контроле над коммунистами». Он объявил коммунистическую партию незаконной. По этому закону коммунистическая партия лишается «любых прав, привилегий и иммунитета, которыми пользуются законные учреждения, действующие под юрисдикцией Соединенных Штатов». Это прежде всего означало лишение коммунистов права выдвигать своих кандидатов по крайней мере в национальных выборах кампаниях.

Закон 1954 г., как и принятый в 1950 г. «закон Маккарэна», запрещал коммунистам получать заграничный паспорт, состоять на государственной службе в федеральном учреждении и работать на военном заводе.

Закон, принятый в дни произвола маккартизма, распространил жесткие правила на более широкий, фактически на неограниченный круг граждан США. Он установил 14 признаков, которые служили критериями для определения причастности любого лица в стране к Коммунистической партии или к коммунистическому движению. Эти признаки настолько неясны и неточны и в то же время настолько обширны, что они позволяли распространить правила акта 1954 г. на любого жителя США, имевшего когда-либо хотя бы отдаленную связь с какой-нибудь прогрессивной организацией или высказавшегося когда-либо за какое-нибудь прогрессивное мероприятие.

Одним из 14 признаков, например, является подписание петиции, которую пропагандируют коммунисты. В 1950 г., как мы видели, 2,5 млн. американцев поставили свои подписи под петицией о запрещении атомного оружия. Все они подпали под закон 1954 г.

Конгресс США, сооружая под влиянием маккартистской истерии нагромождение антикоммунистических правил и законов, сам в них запутался. После двухлетнего слушания и разбора 26 апреля 1953 г. комиссия по контролю над так называемой подрывной деятельностью предписала Коммунистической партии США зарегистрироваться в соответствии с «законом Маккарэна». Дело дальше разбиралось в апелляционном суде. В августе 1954 г., когда новый антикоммунистический закон вступил в силу, апелляционный суд еще не вынес окончательного решения. Закон 1954 г. о контроле над коммунистами, объявив коммунистическую партию лишенной каких бы то ни было прав, фактически аннулировал «акт Маккарэна». Юристы, выступавшие перед апелляционным судом, доказывали, что нельзя требовать регистрации партии, объявленной вне закона.

Апелляционный суд США, как и комиссия по контролю над так называемой подрывной деятельностью, игнорировал юридические нормы и аргументы. Действуя в духе маккартизма, он в декабре 1954 г. решил, что Коммунистическая партия США подлежит регистрации в министерстве юстиции. Но к этому времени Маккарти был нанесен жестокий удар.

Акт 1954 г. о контроле над коммунистами содержал специальную статью, направленную против профессиональных союзов. Профсоюз, в который «просачивались коммунисты», или руководящее лицо профсоюза, работавшее в пользу коммунистического движения, лишался права на коллективные договоры, а также других прав. По существу это пред-

²⁰¹ «New York Times», 22.VI 1953.

²⁰² «Labor Fact Book», 1955, № 12, p. 57.

²⁰³ Ламонт К. Свобода должна быть свободной на деле. ИЛ, 1958, с. 59.

усмотрел еще «закон Тафта — Хартли» Но в решение вопроса о том, «заражен ли данный профсоюз коммунистическими взглядами», закон 1954 г. внес свою лепту, поручив роль арбитра пресловутой комиссии по контролю над так называемой подрывной деятельностью.

В октябре 1954 г. апелляционный суд подтвердил обвинение против 13 руководителей Коммунистической партии США. Как и коммунистов, которых судья Медина еще в 1949 г. приговорил к заключению, их судили на основе «закона Смита». Апелляция в верховный суд США ни к чему не привела. Высший блюститель законности в США не пожелал этим заниматься. С начала 1955 г., обвиненные в том, что они проповедуют учение Маркса и Ленина, эти 13 деятелей Компартии США начали отбывать срок тюремного заключения.

Одновременно преследовались и подвергались такому же наказанию и коммунисты во многих штатах и городах страны.

Около 15 млн. американцев, родившихся за границей, были взяты под подозрение. 3 млн. жителей США, не ставших гражданами страны, состоявших на учете еще с 1940 г., были взяты под более строгий контроль. Их обязали сообщать о каждом своем передвижении. За недонесение в течение 10 дней о смене адреса жительства им грозило тюремное заключение.

Через два месяца после прихода к власти правительства Эйзенхауэра, 17 марта 1963 г., генеральный прокурор США сообщил о предстоящем изгнании из страны 12 тыс. человек, не успевших принять американское гражданство, и о лишении этого гражданства по политическим мотивам еще 10 тыс. человек. На деле этот вид расправы над иностраннорожденными в США практиковался в гораздо более широком масштабе. Одновременно усилились гонения на рабочих, прибывающих в США из близлежащих латиноамериканских стран. В 1953—1954 гг. в Мексику было насильно изгнано из США около 1500 тыс. человек²⁰⁴.

Подозрение распространялось не только на иностраннорожденных, но и на стопроцентных американцев. Председатель подкомиссии сената по расследованию Маккарти, председатель комиссии внутренней безопасности сената Дженнер и председатель Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Велде — эта «святая троица» — неистовствовали в 83-м конгрессе до такой степени, что под подозрение в нелояльности были взяты даже бывший президент Трумэн и бывшие государственные секретари Маршалл и Ачесон.

Федеральное бюро расследований под начальством Эдгара Гувера завело досье на миллионы американцев. Материалом для толстых секретных папок служили слухи, догадки, предположения, сплетни, антиамериканские шутки и явная клевета. Люди старались не думать. Еще меньше они желали, чтобы другие думали о них. Масса американцев боялась собственной тени.

Миллионы служащих государственного аппарата были терроризированы. Создалось такое положение, при котором участь любого из них мог решить донос недобросовестного сослуживца, недовольного увольнением сотрудника, оставленной жены и др. Около 20 млн. американцев, состоявших из служащих государственных учреждений, рабочих военных предприятий и членов их семей, оказалось под постоянным гнетом всевозможных расследований²⁰⁵.

Маккарти привлекал к ответственности американцев, уже достигших среднего возраста, за давно забытые действия и разговоры, которые имели место, когда обвиняемые еще были студентами. Жена покойного президента Элеонора Рузвельт после поездки по стране в 1953 г. утверждала, что подрастающее поколение боится всего, боится проявлять инициативу, выражать свои мысли, боится думать. Они боятся, что и через 20 лет их смогут обвинить и наказать за то, что они сейчас делают или говорят²⁰⁶.

В 1953/54 учебном году Маккарти, Дженнер и Велде обрушились на школы и вузы. Национальная ассоциация просвещения утверждала, что преподаватели боятся обсуждать спорные в науке вопросы²⁰⁷.

Одновременно была взята под обстрел протестантская церковь. Некий менестрель по фамилии Корнфедер, ставший профессиональным свидетелем в комиссиях конгресса, утверждал перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, что 600 протестантских священников являются коммунистами и несколько тысяч — попутчиками коммунистов. Другой свидетель — бывший поп Мэтьюз выступил со статьей, в которой утверждал, что 7 тыс. служителей протестантского духовенства «участвуют в коммунистическом заговоре»²⁰⁸. Правда, он назвал имена только 95, из которых многие умерли. Остальные попали в такую немилость потому, что они высказались за то же, за что выступают коммунисты, — за гражданские права для негров, за международный мир и т. д.

Маккарти пошел еще дальше. Он объявил коммунистом каждого, кто выступал против него, например брата президента США Милтона Эйзенхауэра²⁰⁹. Критиковавшие Маккарти газеты «Вашингтон пост», «Милуоки джорнел» и другие он назвал местными изданиями «Дейли уоркер» — центрального органа Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки.

По конституции США никто не должен дважды привлекаться к ответственности по одному и тому же делу. Для комиссий конгресса не существовали никакие конституционные правила. Каждая из них вызывала одного и того же человека на основании одних и тех же «подозрений».

Бывший председатель Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Томас во время допроса внушал своей очередной жертве, что она не имеет никаких прав, за исключением тех, которые комиссия считает нужным ей предоставить²¹⁰.

По положению комиссии сената и палаты представителей в своих расследованиях готовят материал для актов конгресса. Естественно, что никакая комиссия не может заниматься расследованием в той области, в которой конституция не позволяет конгрессу принимать законы. Первое добавление к конституции гарантирует свободу слова. Привлечение к ответственности за выражение своих взглядов, своих идей является явным нарушением конституции.

Маккартисты открыто претендовали на то, что конституция не для них писана. Они утверждали, что отцы американской революции — творцы конституции США не могли предвидеть «опасности международного

²⁰⁴ «Labor Fact Book», 1955, № 12, p. 78.

²⁰⁵ «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1957, p. 15.

²⁰⁶ Davis E. Op. cit., p. 202—203.

²⁰⁷ Ibid., p. 33.

²⁰⁸ Ibid., p. 74—75.

²⁰⁹ «U. S. News and World Report», 15.III 1956, p. 58.

²¹⁰ Davis E. Op. cit., p. 106.

коммунизма», что, если бы они это предвидели, они бы никогда не приняли билля о правах человека ²¹¹.

Это было время, когда генерал с диктаторскими замашками Маккартур без обиняков говорил о возможном переходе государственной власти в США, как это неоднократно бывало в Латинской Америке, к военной хунте ²¹².

Никак не совместим с конституцией США, с ее биллем о правах билль, принятый в апреле 1954 г. палатой представителей, о предоставлении Федеральному бюро расследований (ФБР) права подслушивать телефонные разговоры.

Еще менее совместим с конституцией США арест за частные разговоры. Между тем в дни разгула маккартизма в США имели место аресты за разговоры, квалифицируемые как нелояльные будто по отношению к правительству США и даже по отношению к режиму Чан Кай-ши. В городе Хьюстоне, например, муж и жена разговаривали в ресторане о безнадежном положении Чан Кай-ши на Тайване. Кто-то их подслушал и сообщил в полицию о том, что они ведут прокоммунистический разговор. Супругов тут же арестовали ²¹³.

В ноябре 1953 г. сотрудник Объединенной комиссии конгресса по атомной энергии Борден начал кампанию травли крупного ученого Роберта Оппенгеймера. Травля продолжалась много лет. В период расцвета кошмарного маккартизма, весной 1954 г., в Вашингтоне разбирали шумевшее «дело Оппенгеймера». Ученого-физика обвиняли в неблагонадежности, в дружеских отношениях с коммунистами или с членами организации коммунистического фронта, а также в том, что его выступления против безрассудства гонки вооружения массового уничтожения, его возражения против водородной бомбы замедлили работу над созданием этой бомбы. Оппенгеймера отстранили от секретной работы. Его реабилитировали через 10 лет, после вручения премии имени Ферми.

19 июня 1953 г. в тюрьме Синг-Синг штата Нью-Йорк были казнены на электрическом стуле супруги Юлиус и Этель Розенберги. Их обвинили в передаче Советскому Союзу «секрета атомной бомбы». Через двенадцать лет крупное американское издательство «Даблдей энд компани», придерживающееся крайне консервативных политических взглядов, опубликовало книгу «Приглашение к расследованию», в которой доказано, что процесс над Розенбергами от начала до конца был сфабрикован. Все обвинение основывалось на показаниях неполноценной личности — брата Этель Розенберг Дэвида Грингласа, работавшего в 1945 г. механиком на атомном заводе в Лос-Аламосе и завербованного и запуганного ФБР. В книге «Приглашение к расследованию» свидетельские показания Грингласа убедительно опровергаются как вымышленные. Но в те дни антикоммунистической истерии, когда Маккарти рвал и метал, а Дж. Ф. Даллес нагнетал международную напряженность, нужны были жертвы. ФБР умеет при надобности находить жертвы и создавать против них «дело».

Директор ФБР Эдгар Гувер, который возглавлял это ведомство с 1924 г., который еще в 1919 г. в возрасте 24 лет отличился как со-

²¹¹ Davis E. Op. cit., p. 29.

²¹² В марте 1953 г., выступая в Нью-Йорке, Маккартур заявил: «Мы, военные, должны всегда поступать так, как нам велят. Но, коль скоро наши государственные деятели не в состоянии обеспечить сохранения мира, мы с вами обязаны довериться солдату, если мы хотим, чтобы наша страна выжила» (Миллс Р. Властвующая элита, с. 280).

²¹³ Davis E. Op. cit., p. 36—37.

трудник министерства юстиции во время пальмеровского похода против «красных», афишировал свою дружбу с Маккарти. Штат бюро Гувера вырос за полвека существования этого учреждения с 300 до 15 с лишним тысяч служащих, а его годовой бюджет превысил 130 млн. долл., что составляло около половины всех расходов министерства юстиции США, от делом которого является ФБР.

В дни возвышения Маккарти все в конгрессе и в правительстве избегали ему прекословить, предпочитали с ним не спорить. Даже кандидат в президенты США Эйзенхауэр, выступая в 1952 г. в штате Висконсин, приспособил содержание своей речи в Милуоки, а в известной мере и форму, к запросам и вкусам Маккарти — сенатора из этого штата. Эйзенхауэр говорил о своей общности интересов с Маккарти ²¹⁴.

В сенате в начале 50-х годов Маккарти установил свои правила. Однажды, будучи недоволен ходом обсуждения вопроса об ассигнованиях, он выхватил молоток у председателя и сам вел до конца заседание ²¹⁵. Председатель не протестовал.

В те дни, за исключением У. Фулбрайта, никто в сенате не осмеливался возражать против того, что делал Маккарти. Фулбрайт оказался единственным, кто в сенате голосовал против предоставления ассигнований на бешеную деятельность Маккарти. В течение первого года деятельности 83-го конгресса Маккарти чувствовал себя в сенате хозяином. Сенаторы и конгрессмены боялись этого страшного человека. Он мастерски натравливал одних на других. «Маккарти, — писал о нем Р. Ровер, — был классическим создателем враждебных отношений. Для всей той черной магии, которую он практиковал, его природный дар и натренированная изворотливость подходили наилучшим образом» ²¹⁶.

Он жаждал славы. Путь к ней он прокладывал шумно, вызывая своими кампаниями и «разоблачениями» общий конфуз и смятение. Он и сам вряд ли верил в нелепости, глупости и панические слухи, распространявшиеся его комиссией. Своему приятелю Маккарти однажды заявил, что он закончит свою политическую карьеру «либо в Белом доме, либо в тюрьме» ²¹⁷.

Его поддерживали крупные миллионеры, лидеры республиканской партии и видные деятели Американского легиона. Легион наряду с нефтяными королями предоставлял ему денежные суммы. «Пост легиона» на Уолл-стрите наградил Маккарти «золотой медалью билля о правах» за «особые заслуги в защите американского образа жизни» ²¹⁸.

Никсон, став в 1953 г. вице-президентом США, продолжал поддерживать с Маккарти дружеские отношения. По инициативе Никсона Маккарти был приглашен в государственный департамент, где Даллес «заверил сенатора Маккарти, что последний действовал в национальных интересах». После, когда Маккарти начал задевать правительство США, Никсон предупреждал Эйзенхауэра, что выступление против агрессивного сенатора может поставить президента в ложное положение, в котором оказались Трумэн и Ачесон ²¹⁹.

Неугомонный сенатор ни перед чем не останавливался. Его назвали «хроническим оппозиционером». Вначале он нападал на демократов. Потом он добрался до правительства, сформированного из членов его соб-

²¹⁴ Donovan R. The Inside Story, p. 244.

²¹⁵ «Observer», 10.I 1960.

²¹⁶ Ibidem.

²¹⁷ Ibidem.

²¹⁸ Davis E. Op. cit., p. 102.

²¹⁹ Donovan R. Op. cit., p. 245, 247.

ственной партии, критиковал «святая святых» американского милитаризма — Пентагон и Центральное разведывательное управление. Но здесь, как мы увидим далее, он не рассчитал своих сил.

Маккарти хвастливо заявил, что он поднял «железный занавес секретов Трумэна». Председатель Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Х. Велде предписал бывшему президенту США явиться в комиссию для дачи показания, так как его подозревают в симпатии к коммунизму²²⁰.

Трумэн не подчинился. Его взял под защиту сам президент Эйзенхауэр. Национальный комитет республиканской партии, который сначала не возражал, советовал потом Велде отменить вызов Трумэна в комиссию.

Труднее было отделаться от Маккарти генералу Маршаллу, бывшему государственному секретарю во время президентства Трумэна. Маккарти утверждал, что генерал Маршалл является «инструментом советского заговора», что «его руки в крови», что «он продал бы свою бабку за любую выгоду»²²¹. В отличие от случая с Трумэном Эйзенхауэр не защищал Маршалла, хотя был последнему многим обязан.

Еще в июне 1951 г. Маккарти передал военной комиссии и комиссии по иностранным делам сената целый ящик рукописей, которые, по его утверждению, дискредитировали Маршалла, занимавшего в то время пост министра обороны.

Президент Трумэн назвал Маршалла «величайшим из живущих американцев». Материалы, на основании которых Маккарти назвал Маршалла «предателем» и даже «убийцей», представляли критические высказывания об англо-американской стратегии во второй мировой войне. Все же, как утверждает Ричард Ровер, не будет преувеличением сказать, что «нападки Маккарти уничтожили Маршалла в том смысле, конечно, что они лишили его возможности провести остаток своих дней на посту, который он мог бы занимать с незапятнанным именем»²²².

Через несколько месяцев после начатой Маккарти против него кампании Маршалл ушел в отставку с поста министра обороны. «Величайший из живущих американцев», — писал тот же Ровер, — не был больше огражден от нападок. Никто не был от них огражден»²²³.

Маккарти начал нападать и на американских союзников. Он выступил против оказания Соединенными Штатами какой бы то ни было помощи Англии. Он даже потребовал, чтобы США топили британские корабли, ведущие торговлю с КНР²²⁴.

Маккарти стал национальной политической фигурой в результате краха американской интервенции в Китае и выпадения народного Китая из капиталистического мира. Против Китайской Народной Республики Маккарти выступал со свойственными ему рвением и злобой.

В годовом отчете подкомиссии Маккарти, опубликованном в январе 1954 г., раздел, названный «Торговля Востока с Западом», посвящен обвинением союзников США за их торговлю с Китаем. В отчете подкомиссии указывалось, что, несмотря на все формальные ограничения, торговля союзников США с Китаем сильно растет: семь их главных союзников в Европе увеличили свой экспорт в Китай в первом квартале 1953 г. в 12 раз по сравнению с первым кварталом 1952 г.²²⁵ 27 июля 1953 г.

²²⁰ Davis E. Op. cit., p. 58—59.

²²¹ «Observer», 10.I 1960.

²²² «Observer», 24.I 1960.

²²³ Ibidem.

²²⁴ Davis E. Op. cit., p. 73, 100.

²²⁵ «U. S. News and World Report», 29.I 1954, p. 115.

Маккарти на основании закона о так называемом взаимном обеспечении безопасности внес свое особое добавление к биллю об ассигнованиях на 1953/54 финансовый год. Он предложил, чтобы за каждый корабль союзника США, входящий в порт социалистического государства, американская помощь этому союзнику была сокращена на 1 млн. долл.

Добавление Маккарти не было принято, как не было удовлетворено и его требование об уничтожении британских кораблей, обслуживающих торговлю с КНР. Но его активность в этой области показала степень враждебности известных капиталистических кругов США не только к Китайской Народной Республике, но и степень остроты конкурентной борьбы между США и Великобританией.

В указанном отчете подкомиссии Маккарти специальный раздел был посвящен работе информационного центра США за границей, задачи которого состоят в ведении антикоммунистической, проамериканской пропаганды. В отчете утверждалось, что обследование обнаружило в заграничных библиотеках этого центра книги писателя Ильи Эренбурга, председателя Коммунистической партии США Уильяма Фостера и других деятелей коммунистического движения и движения за мир.

Трудно сказать, действительно ли хранились такие книги в государственных библиотеках США за границей или они были приготовлены специально к обследованию подкомиссией конгресса. Но Маккарти утверждал, что в этих библиотеках числилось свыше 30 тыс. «вредных» книг, принадлежавших 300 с лишним авторам, имевшим отношение к коммунистическому фронту²²⁶.

Отношение к коммунистическому фронту — довольно растяжимое понятие. Сюда, например, были отнесены те авторы, которые, будучи вызваны на допрос в комиссию конгресса, отказывались отвечать на провокационные вопросы, ссылаясь на пятое добавление к конституции США, предоставляющее им соответствующее право.

Несмотря на большие расходы на пропаганду в других странах и на различные виды так называемой помощи иностранным государствам, престиж США за границей падал. Американская печать, ссылаясь на отзывы в странах Европы и в Азии, констатировала «заслуги» в этом Маккарти²²⁷.

Разгул маккартизма вызвал недовольство в стране. Различные прогрессивные круги начали оказывать ему сопротивление. Это была борьба за демократические свободы, против опасности большой термоядерной войны. Маккарти и маккартизм поддерживали материально и морально самые оголтелые поджигатели войны в Америке — ноуленды, редфорды и другие сторонники превращения вооруженной борьбы в Индокитае в общую войну против Китайской Народной Республики, в третью мировую войну.

Коммунистическая партия США объявила маккартизму с самого начала беспощадную войну, увязывая ее с борьбой против «законов Смита и Маккарэна», в защиту партии, за освобождение из тюрьмы коммунистов и других жертв маккартизма, за окончание «холодной войны».

В проекте программы Коммунистической партии США говорилось: «Маккартизм буйствует. Он старается запугать и подавить каждую самостоятельную точку зрения, каждую мыслящую личность. Он сжигает книги, уничтожает искусство и культуру. Он стремится разгромить рабочее движение, усилить порабощение негритянского народа, возбуждать

²²⁶ «U. S. News and World Report», 19.I 1954, p. 112—113.

²²⁷ «New Republic», 13.IX 1954, p. 9.

расистские и антисемитские чувства, заставить замолчать молодое поколение и смести все следы свободы»²²⁸.

В антимаккартистскую борьбу включились организации рабочего движения, представители объединенного союза рабочих автомобильной и авиационной промышленности и других профсоюзов, входивших в КПП. К ним присоединились различные негритянские организации; борьба против маккартизма слилась с борьбой за гражданские права негров. Постепенно все большие слои организованных рабочих начали понимать, что безжалостное преследование Коммунистической партии США представляет замаскированный поход против рабочего класса.

Выступления против Маккарти усиливались в рядах протестантской церкви. В то же время и в католической церкви, где иерархия, возглавлявшаяся кардиналом Спеллманом, открыто поощряла и помогала Маккарти, число его сторонников уменьшалось.

Вскоре антимаккартистское движение приняло общеамериканский характер, охватив различные слои населения во многих штатах. Не только в демократической, но и в республиканской партии росло недовольство необузданной, вызывающей активностью сенатора от штата Висконсин. Это нашло отражение в изменившейся позиции по отношению к Маккарти руководящих нью-йоркских газет — «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн».

К концу работы первой сессии 82-го конгресса, летом 1953 г., все демократы, состоявшие в комиссии Маккарти, демонстративно вышли из нее. Другие члены демократической партии отказались замещать их места. Но комиссия и подкомиссия Маккарти отнюдь не убавили своей активности. Наоборот, они распространили ее на новые области. Маккарти единолично олицетворял шумевшую подкомиссию по расследованию. Он не принадлежал к числу тех политических фигур, которые способны признать свои ошибки, отступают перед критикой, уступают общественному мнению. Недовольство, вызванное его действиями, еще больше его озлобило. Поборник ненависти, «первый национальный демагог», как его называли в США, начавший с атаки на прошлое правительство, закончил нападками на правительство Эйзенхауэра.

Пока он раскрывал «хаос» и «подрывную деятельность» в государственном департаменте, пока он твердил, что США лишились плодов победы во второй мировой войне благодаря предательству лиц, находившихся ранее на высоких дипломатических и других государственных постах, ему все сходило с рук. Даллес, как мы видели, даже признавал, что Маккарти делает полезное дело, действует в национальных интересах. Но, когда он добрался до Пентагона, он получил резкий отпор. «Первый национальный демагог» не понял, что то, что ему дозволено по отношению к государственному департаменту, не дозволено по отношению к Пентагону, где решаются основные вопросы военной политики Вашингтона.

24 ноября 1953 г. в выступлении, транслировавшемся по радио и телевидению по всей стране, Маккарти открыл большую кампанию против правительства. Отметив, что Эйзенхауэр и Даллес лучше, чем Трумэн и Ачесон, он вместе с тем подчеркивал их «существенные огрехи». Маккарти привел пример, связанный с положением советника американского посольства в Лиме: 8 раз занималась им Комиссия по проверке лояльности, а он продолжал оставаться на дипломатической службе. Маккарти

требовал, чтобы борьба с опасностью коммунизма стала основным вопросом на выборах в конгресс в 1954 г.

И в этот период, и раньше Маккарти не переставал настаивать на том, чтобы главный огонь был направлен против союзников США, ведущих торговлю с Китаем. Он требовал, чтобы правительство США заявило им: «Если вы будете продолжать отправлять товары в красный Китай ... вы не получите ни одного цента американских денег»²²⁹.

В кругах Белого дома не было единого мнения о том, каким должен быть ответ президента США на вызов Маккарти. Шерман Адамс, Ричард Никсон и другие высказывались за сохранение хороших отношений с ним. Специальный помощник президента Джексон, секретарь Белого дома по делам печати Хегерти и другие считали, что «умиротворение» зарвавшегося сенатора — дело опасное, чреватое нежелательными последствиями для республиканской партии. 1 декабря 1953 г. Даллес на пресс-конференции заявил, что критика сенатора Маккарти бьет по основам внешней политики США²³⁰.

Через два дня, накануне совещания Эйзенхауэра и Черчилля на Бермудских островах, Маккарти еще более резко выступил против Англии.

Напряженность в отношениях между правительством и Маккарти нарастала. Она завершилась, когда сенатор вступил в конфликт с Пентагоном.

Маккарти утверждал, что «самое худшее» положение существует в Центральном разведывательном управлении, что там находится более 100 коммунистов²³¹. Однако обследовать это строго секретное ведомство ему не удалось. Ему пришлось ограничиться раскрытием «коммунистического разговора» в менее важных учреждениях вооруженных сил США.

В начале 1954 г. подкомиссия сената по расследованию обвинила военного врача майора Пересса в «коммунистической деятельности». Пересс, ссылаясь на пятое добавление к конституции США, отказался отвечать на вопросы подкомиссии. Маккарти потребовал от военного министра Р. Стивенса привлечения Пересса к военному суду. Вместо этого с Пересса были почетно сняты все обвинения и подозрения.

Маккарти вызвал для объяснения генерала Цвикера, в подчинении которого находился майор Пересс. Цвикер — генерал с боевыми заслугами. Маккарти обрушился на него с оскорблениями, заявил ему, что он недостойн носить военную форму и что его «мозг менее развит, чем у пятилетнего ребенка».

На защиту Цвикера выступил военный министр Р. Стивенс. Он приказал генералу больше не являться на вызов Маккарти. Маккарти угрожал, что подвергнет Стивенса тщательному допросу в подкомиссии²³². В конфликт вмешался Белый дом. В результате специальная комиссия сената занялась расследованием деятельности самого Маккарти. Слушание его дела привлекло всеобщее внимание. 36 дней оно транслировалось по телевидению. Комиссия рассмотрела 46 обвинений, выдвинутых против Маккарти. 33 она отклонила. Остальные свела к двум, за которые предложила осудить его деятельность и вынести ему порицание²³³.

За месяц до принятия сенатом окончательного решения по этому вопросу происходили выборы в 84-й конгресс. Неудачи республиканцев на выборах объясняли агрессивной, опасной внешней политикой Даллеса

²²⁹ *Donovan R. Op. cit.*, p. 247.

²³⁰ *Ibid.*, p. 249.

²³¹ «Observer», 10.I 1960.

²³² «New Republic», 10.V 1954, p. 6.

²³³ «Congressional Record», 1.XII 1954, p. 15208.

²²⁸ «Political Affairs», April 1954, p. 8.

и фашистской деятельностью Маккарти. Маккартизм в представлении многих избирателей ассоциировался с республиканской партией. На выборах в палату представителей 84-го конгресса «потерпели поражение наиболее отъявленные, вирулентные маккартисты»²³⁴.

После выборов, 15 ноября, газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что рассерженные сторонники обвиняемого сенатора собираются начать кампанию по сбору 10 млн. подписей под петицией за полную реабилитацию Маккарти и что эта кампания поддерживается группой лиц, имеющих высокие военные чины во главе с отставным контр-адмиралом Кроммлином и отставным генерал-лейтенантом Стратемейром. Утверждали даже, что к началу декабря было собрано около миллиона подписей²³⁵. Выступая 12 ноября 1954 г. в сенате в защиту Маккарти, будущий кандидат в президенты США Б. Голдуотер заявил: «Нравится вам это или нет, голос Маккарти сейчас самый сильный среди тех, кто в Америке выступает против коммунизма... Лишить такого человека чести и влияния в США при подобной конъюнктуре будет большой победой Москвы ... пропагандистским триумфом для Эттли, Мендес-Франса и для местной толпы, болтающей о сосуществовании с Россией»²³⁶.

2 декабря 1954 г. сенат старого состава осудил деятельность Маккарти. В принятой сенатом резолюции говорилось, что Маккарти «мешал конституционной работе сената», «затронул его честь» и что «это поведение сенатора из Висконсина, противоречащее сенатским традициям, осуждается».

Сенат большинством в 67 против 22 голосов вынес Маккарти порицание. Подобное взыскание сенат США за всю свою историю налагал раньше на своих членов всего 3 раза, из них 2 раза за драку в сенате.

Маккарти остался сенатором. Но он был уже обезврежен. Он не пожелал мириться с поражением, пробовал неоднократно выступить публично, но аудитория отказывалась его слушать.

Через пять дней после осуждения его сенатом Маккарти принес извинение американскому народу за то, что он в 1952 г. выступал за избрание Эйзенхауэра президентом США, о чем он сейчас горько сожалеет.

Летом 1955 г. Маккарти внес свою последнюю резолюцию в сенат. Резолюция обязывала правительство США поставить на совещании в верхах в Женеве вопрос об изменении существующего строя в странах, вставших на путь строительства социализма. Резолюция была отклонена большинством в 77 голосов против 4.

В конгрессе Маккарти бойкотировали и игнорировали. В сенате каждый раз, когда он появлялся на трибуне, сенаторы оставляли зал заседания, пустовала и галерея для представителей печати. Его также игнорировал президент США. В 1955 г. на большой прием в Белый дом были приглашены все члены обеих палат конгресса, кроме сенатора Маккарти.

Маккарти считал, что друзья и поклонники изменили ему. Особенно чувствительно для него было «предательство» со стороны вице-президента Никсона, которому Маккарти всегда доверял²³⁷.

Маккарти спился. Более чем за полтора года до истечения положенного срока пребывания в сенате (2 мая 1957 г.) на 48-м году жизни он скончался.

²³⁴ «Political Affairs», February 1955, p. 42.

²³⁵ «New York Times Magazine», 30.IV 1967, p. 116.

²³⁶ «Progressive», September 1964, p. 18.

²³⁷ «Observer», 31.I 1960.

В октябре 1952 г. Никсон вслед за Маккарти утверждал, что Трумэн, Ачесон и Стивенсон — «изменники» (Miller M. Plain Speaking. N. Y., 1974, p. 178).

Маккарти умер. Но маккартизм остался, остались те силы, благоденствуют те реакционеры, которые его поддерживали и финансировали. И каждый раз, когда этим реакционным силам удастся обострить международную обстановку, маккартизм дает о себе знать.

5. Выборная кампания 1956 г.

«Необычный» итог выборов. Социальные и национальные изменения в избирательном корпусе. Избиратели-негры. Взносы богатей. Заигрывание обеих партий с объединенной АФТ — КПП. Прибыли корпораций. Фермерская проблема и голоса фермеров. Вопрос о гражданских правах. США проигрывают «холодную войну». Состояние и позиция Коммунистической партии США перед выборами 1956 г. Итоги президентских выборов и выборов в 85-й конгресс. Вторжение республиканцев в «прочный Юг». Абсентеизм. Мандат на сохранение мира

Выборная кампания 1956 г. закончилась необычно: республиканцы получили большинство на выборах президента, а демократы — на выборах в конгресс. Миллионы избирателей голосовали одновременно за президента одной партии и за членов конгресса другой партии. Такого деления голосов в США не было более 100 лет, начиная с президентской кампании 1848 г. И впервые в истории государства партия, получившая абсолютное большинство на выборах президента, не получила большинства ни в одной палате конгресса, а партия, собравшая на президентских выборах лишь 14% всех выборщиков, получила большинство в обеих палатах.

Правда, в 1952 г. итоги выборов президента и конгресса были также неодинаковыми для республиканцев, но все же на Капитолии у них оказалось большинство.

В 1956 г. Эйзенхауэр победил в 41 штате, а большинство в обеих палатах конгресса досталось оппозиционной демократической партии.

В 1954 г. на выборах в 84-й конгресс республиканцы тоже не получили большинства в высшем законодательном органе США. Их не спасло личное обращение президента к избирателям. Им также не помогли напряженные усилия вице-президента США: в 1954 г. Никсон проделал путь в 26 тыс. миль, посетив 31 штат и 95 городов, произнес 204 речи и дал более 100 пресс-конференций. И все же в сенате число республиканцев сократилось с 49 до 47, а в палате представителей — с 221 до 203. Демократы увеличили число своих мест в палате представителей с 212 до 232, а в сенате — с 47 до 49.

В 1954 г. такой исход выборов считался нормальным. За исключением 1934 г., на выборах в конгресс, происходивших между президентскими кампаниями, оппозиционная к правительству партия всегда выигрывала. Выборы 1954 г. примечательны не тем, что на них республиканцы потеряли большинство в конгрессе, а тем, что маккартисты потерпели поражение. Известные маккартисты сенатор Х. Фергюсон из Мичигана, конгрессмен К. Керстен из Висконсина и многие их единомышленники в других штатах не вернулись больше в Капитолий. В штате Иллинойс провалился на выборах в сенат США сторонник Маккарти Мийк, которого лично поддерживал президент Эйзенхауэр²³⁸.

Исход же выборов 1956 г. в 85-й конгресс выглядел как единственное исключение в истории США. Но этот исход не был случайным. Он

²³⁸ Donovan R. Op. cit., p. 275.

объясняется не только временными факторами, но и эволюцией, проработанной обеими партиями США за последние десятилетия.

В 1954 г. республиканская партия отметила столетие своего существования. Она была создана в 1854 г. как прогрессивная буржуазная политическая организация, выступившая против распространения рабства. Потом, к концу XIX в., она превратилась в партию крупного американского капитала. Такой она и осталась к своему столетнему юбилею. Но ее положение в стране, ее влияние на массы избирателей сильно изменились.

После разгрома рабовладельцев в гражданской войне республиканцы более полувека считались партией большинства. Со времени мирового экономического кризиса, возникшего в 1929 г., их влияние в стране уменьшалось и авторитет среди избирателей падал. Из партии большинства республиканцы превратились в партию меньшинства. Согласно утверждению исследовательского центра Мичиганского университета, специально изучающего итоги выборов, к 1957 г. 44% взрослого населения США считали себя демократами, 29% — республиканцами, 23% — независимыми и 4% — совершенно аполитичными²³⁹.

На выборах 1952 г. республиканцам после 20-летнего перерыва удалось вернуться в Белый дом благодаря совпадению двух обстоятельств: непопулярной политики президента Трумэна и популярной кандидатуры в президенты Эйзенхауэра. На выборах 1956 г. Эйзенхауэр собрал еще более значительное большинство, чем в 1952 г. Но эти выборы оказались его личной победой, а не его партии. Одновременно со вторичной победой Эйзенхауэра на президентских выборах республиканская партия потерпела второй раз подряд поражение на выборах в конгресс.

Но дело не ограничивалось неудачами республиканцев на выборах в высший законодательный орган США. В ноябре 1954 г., когда республиканцы потеряли большинство в конгрессе, они одновременно уступили демократам 500 мест в законодательных собраниях штатов, а отняли у демократов только 5 мест²⁴⁰. В то же время демократы одержали победы на выборах губернаторов штатов.

На выборах членов конгресса и законодательных собраний, а также губернаторов штатов личность кандидата играет определенную роль, но не такую, как на президентских выборах. Несравненно большее значение имеет партийная принадлежность. И здесь демократы вербовали большинство избирателей, несмотря на то что федеральная исполнительная власть оставалась в руках республиканцев.

Исход выборов 1956 г. подытожил и подчеркнул те изменения, которые произошли во влиянии республиканцев и демократов на избирателей.

Со времени первой мировой войны в избирательном корпусе США произошли существенные сдвиги, изменился его социальный состав. Война 1914—1918 гг. и последовавшие за ней жесткие законы фактически приостановили иммиграцию рабочих в США. За четыре десятилетия, истекшие с начала первой мировой войны, в стране выросло новое поколение рабочих. В отличие от пролетариата конца XIX и начала XX в., состоявшего в большей части из конгломерата иммигрантов, новое поколение рабочих родилось и воспитывалось в Соединенных Штатах. Оно говорит с детства на английском языке. Оно менее аполитично, чем предшествовавшие ему поколения рабочих.

За четверть века, предшествовавшие 1956 г., число членов профсоюзов в США увеличилось в 6 раз. Организованные рабочие активнее участвуют в выборах, чем неорганизованные, и в большинстве своем голосуют за демократов. Значительную роль в этом отношении сыграли «закон Вагнера» и другие реформы президента Франклина Рузвельта. Эти реформы привлекли в северных штатах избирателей-негров к демократической партии.

Согласно оценке Бюро цензов США, к середине 1956 г. в стране числилось 17,5 млн. негров, из них большинство еще жило на Юге страны. Со времени окончания первой мировой войны наблюдается большая миграция негров с Юга на Север. Этот процесс еще больше усилился со времени второй мировой войны. В 40-х годах негритянское население США увеличилось на 17%, на Севере оно выросло на 52%, на Западе — на 234, а на Юге — лишь на 3%. Только в 50-е годы около 1,5 млн. негров оставили южные штаты. По переписи 1950 г., в штате Нью-Йорк насчитывалось свыше 900 тыс. негров, примерно столько же, сколько в таких типичных штатах с многолюдным негритянским населением, как Алабама или Миссисипи. К этому времени число негров в Иллинойсе составляло 646 тыс., в Пенсильвании — 638 тыс., в Огайо — 513 тыс., в Мичигане — 422 тыс., в Нью-Джерси — 319 тыс.²⁴¹

В южных штатах до последних лет негры, как правило, не допускались к избирательным урнам. В штатах Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи, Северная Каролина, Южная Каролина и Вирджиния в 1960 г. еще существовал образовательный ценз, направленный против участия негров в выборах. Там, где их допускали к выборам, они голосовали обычно за республиканцев. Негры еще не забыли, что в гражданской войне республиканская партия возглавляла борьбу за освобождение от рабства, а если кто-нибудь и забывает, то об этом постоянно напоминают потомки рабовладельцев — нынешние расисты.

До конца 20-х годов негры оставались верными республиканцам и после переселения на Север в тех местах, где они получили возможность участвовать в выборах.

Мировой экономический кризис привел к тому, что негры разочаровались в политике республиканцев. Кризис особенно сильно ударил по трудящимся неграм, обычно наименее квалифицированным, наиболее эксплуатируемым, наименее оплачиваемым рабочим. В образовавшейся многомиллионной армии безработных негры — первые, кого лишают заработка, и последние из тех, кому вновь предоставляют работу. Безразличие и равнодушие правительства Гувера к создававшемуся положению отталкивали трудящихся негров от республиканцев. Мероприятия и реформы Рузвельта привлекли их на сторону демократов.

Негры сосредотачиваются массами в определенных районах промышленных центров. В крупнейших городах страны (в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Детройте, Балтиморе, Сен-Луисе, Кливленде, Цинциннати и др.) негры стали играть все более важную роль на выборах. С 1936 г. они увеличивали число голосующих за демократов, которые, таким образом, получали большинство в крупных промышленных городах на Севере. И даже в 1952 г., когда республиканцы одержали большую победу на президентских выборах, около 80% негров голосовало за демократов²⁴².

²³⁹ «U. S. News and World Report», 29.III 1957, p. 83.

²⁴⁰ «New York Times Magazine», 15.V 1955, p. 39.

²⁴¹ «World Almanac», 1959, p. 262.

²⁴² «Current History», August 1956, p. 73.

Накопец, падение удельного веса фермерского населения страны означает уменьшение значения избирателей сельскохозяйственных штатов, которые в прошлом чаще голосовали за республиканцев, чем за демократов.

Перед гражданской войной сельскохозяйственное население США составляло около 80% населения страны. Перед первой мировой войной, в 1910 г., на фермах еще жило 35% населения республики. К 1954 г. эта цифра сократилась до 13,5²⁴³.

Основные сельскохозяйственные районы страны (западные фермерские штаты) в партийных аппаратах республиканцев и демократов называли «колеблющимися», так как эти штаты неоднократно меняли свою партийную ориентацию. Но все же в первые три десятилетия XX в. они служили опорой республиканцев. Из восьми президентских кампаний, проведенных в США в первые 30 лет нашего века, в шести кампаниях западные штаты отдали свои голоса республиканцам. Резкое сокращение фермерского населения означает в известной мере уменьшение потенциальных избирателей, голосовавших часто за кандидатов республиканской партии.

Все сказанное дает основание для вывода, что республиканцы превратились в партию меньшинства и что их поражение на выборах в конгресс в 1956 г. не было случайным.

Однако следует учесть противодействующие силы. Заключение о росте или падении потенциальных сил республиканцев и демократов верно, когда речь идет о местных выборах или о выборах в конгресс, на которых решающее значение имеют до сих пор местные интересы отдельных районов и штатов.

Другое дело, когда речь идет о президентских выборах, где решающую роль играют общенациональные вопросы. Со времени второй мировой войны, с тех пор как США покончили с изоляционизмом, внешняя политика занимает в каждой президентской кампании все большее место. В 1952 и 1956 гг. вопросы войны и мира сыграли особую роль в победах Эйзенхауэра на выборах. В президентской кампании сплошь и рядом решающее значение имеет не столько партия, сколько ее кандидат.

При этом нельзя также игнорировать значение денег. Расходы на выборные кампании постоянно возрастают. Например, в 1968 г. они доходили до 250 млн. долл.²⁴⁴ Правда, с конца прошлого века у республиканцев их всегда было больше и они всегда тратили больше денег на президентскую кампанию, чем демократы. Но одно дело, когда демократы выдвигали в президенты такого популярного кандидата, как Рузвельт: тогда крупные взносы богачей в фонд республиканцев не могли иметь какого бы то ни было существенного влияния на исход избирательной кампании. Другое дело, когда разница между шансами кандидатов обеих партий в президенты не столь велика.

После выборов 1956 г. сенатская комиссия опубликовала отчет о расходах обеих партий на проведенную кампанию. Отчет, напечатанный убогим шрифтом на 928 страницах, разбирает только, как отмечают его авторы, часть (притом меньшую) произведенных расходов.

Общие расходы республиканцев и демократов на выборную кампанию 1956 г. оцениваются суммой, намного превышающей 100 млн. долл.²⁴⁵ В отчете приводятся частичные сведения — лишь о сумме в 33 млн. долл.,

из коих 20,6 млн. относятся к расходам республиканцев, 11,9 млн. — демократов и около 500 тыс. долл. — различных мелких партий.

Самые большие взносы в фонд кампании республиканской партии в 1956 г. сделали, как обычно, крупнейшие богачи США²⁴⁶.

Профессиональные союзы, согласно сенатскому отчету, израсходовали в 1956 г. в пользу кандидатов демократической партии почти 3 млн. долл.

В фонд демократов многие капиталисты также внесли солидные суммы, но не такие крупные, как в фонд республиканцев. Самый большой индивидуальный взнос в фонд демократов, указанный в приведенном отчете, составил 71 тыс. долл. Его сделал нью-йоркский миллионер Кристи. Губернатор Нью-Йорка Аверелл Гарриман, сам претендовавший в 1956 г. на выдвижение его кандидатуры в президенты США от демократической партии, пожертвовал в пользу этой партии всего 4,5 тыс. долл. В то же время его брат Роланд Гарриман внес в фонд республиканской партии 34 тыс. долл.

В отчете сената перечислены индивидуальные взносы лиц, непосредственно связанных с крупнейшими корпорациями, военными заказами, производством атомной энергии. Другие лица, связанные с 225 крупнейшими корпорациями США, внесли в фонд республиканцев 1816 тыс., а в фонд демократов — 103 тыс. долл., из них первое место занимают лица, связанные с «Дженерал моторс», а второе — лица, связанные с Дюпонами. Лица, связанные с фирмами, заключившими 100 самых крупных военных контрактов, внесли в фонд республиканцев 1134 тыс., а в фонд демократов — 41 тыс. долл. Лица, связанные с компаниями, участвующими в производстве атомной энергии, внесли в фонд республиканцев 387 тыс., а в фонд демократов — 35 тыс. долл. Лица, связанные с 29 самыми крупными нефтяными компаниями, внесли в фонд республиканцев 345 тыс., а в фонд демократов — 15 тыс. долл.²⁴⁷

В конце 1959 г. журнал «Форчун» утверждал, что около 80% руководителей крупнейших корпораций считают себя республиканцами²⁴⁸.

В общем, хотя обе партии проводят в конечном итоге политику монополистического капитала, крупные капиталисты предпочитают и поддерживают деньгами больше республиканцев.

При составлении соотношения сил обеих партий следует учесть, что республиканцы не всегда и не везде теряют голоса избирателей. Мы видели, что на Севере негры за последние 30 лет в подавляющем большинстве отдавали свои голоса демократам. Но на Юге они голосуют, как правило, за республиканцев. Раньше в южных штатах лишь незначительная часть негров допускалась к избирательным урнам. Но в дальнейшем в силу ряда причин число негров, участвующих в голосовании, возрастало. Активизация негров на выборах пробила брешь в монопольном положении демократической партии в ряде южных штатов страны. Южные штаты считаются традиционным оплотом демократов. Эти штаты названы ими «прочным Югом». Без «прочного Юга» демократы не являются партией большинства.

Во всяком случае большинство, получаемое демократами на местных выборах и на выборах в конгресс, как и большинство республиканцев в президентских кампаниях 1952 и 1956 гг., не автоматическое. Колеба-

²⁴⁶ Дюпоны внесли 248 тыс. долл., Пью — 217 тыс., Рокфеллеры — 153 тыс., Уитни — 121 тыс., Меллоны — 100 тыс., Вандербильты — 55 тыс., Олин — 54 тыс., Форд — 37 тыс. долл.

²⁴⁷ Не все эти лица входят в число указанных 225 крупнейших корпораций.

²⁴⁸ «Fortune», December 1959, p. 228.

²⁴³ «Current History», August 1956, p. 85, 89.

²⁴⁴ «U. S. News and World Report», 11.XI 1968, p. 51.

²⁴⁵ «U. S. News and World Report», 15.II 1957, p. 90.

ния происходят и в ту и другую сторону. Обе партии ведут между собой постоянную борьбу, приобретающую упорный характер во время проведения общенациональной выборной кампании, в ходе которой наряду с дискуссией по второстепенным вопросам волей-неволей выносятся на обсуждение актуальные проблемы американского капитализма.

В отличие от 1952 г. в 1956 г. не было большой борьбы внутри каждой из двух партий. Эйзенхауэр был бесспорным кандидатом республиканцев, а Стивенсон не встречал сильного конкурента среди демократов. Борьба за федеральную исполнительную, как и законодательную, власть развернулась между обеими партиями.

Обе партии придавали большое значение голосам рабочих. К 1956 г. потенциальная сила организованных рабочих США увеличилась. В декабре 1955 г. на совместном съезде в Нью-Йорке было оформлено объединение АФТ и КПП. Объединенную организацию назвали АФТ — КПП. Она охватила около 15 млн. человек из всех 17 млн. членов профсоюзов, числившихся тогда в США.

Новой организацией продолжали руководить старые реакционные лидеры. Лидеры АФТ и КПП договорились между собой еще в феврале 1955 г. об условиях слияния профсоюзных объединений. На учредительном съезде они без обсуждения, как это свойственно им, провели антисоветскую резолюцию.

Слияние АФТ и КПП не было чисто организационным мероприятием их лидеров. Широкие профсоюзные массы требовали усиления борьбы против маккартизма, против антирабочего законодательства, против наступления капитала на права организованных рабочих. К началу 1955 г. в 17 штатах с многочисленными организациями профсоюзов, входивших в АФТ (под видом так называемого «права на работу»), были приняты законы против «союзной мастерской»²⁴⁹.

Эти законы угрожали больше союзам АФТ, чем КПП.

Объединение профсоюзов всегда рассматривается как прогрессивное мероприятие, как движение к единству рабочего класса. И в данном случае, несмотря на реакционные взгляды и действия лидеров АФТ и КПП, объединение укрепило позиции профсоюзов в борьбе за защиту своих прав, за организацию неорганизованных рабочих. Слияние двух крупнейших профсоюзных организаций было встречено с одобрением во всех прогрессивных кругах США.

Лидерам АФТ пришлось отказаться от некоторых своих консервативных, давно устаревших принципов. Они признали равноправными и одинаково необходимыми производственные и цеховые союзы. Они также признали «право всех рабочих» независимо от расы, вероисповедания, цвета кожи и национального происхождения пользоваться всеми выгодами профсоюзных организаций²⁵⁰.

В исполнительный совет АФТ — КПП вошли 29 человек: президент, секретарь-казначей и 27 вице-президентов. Среди вице-президентов было избрано два негра. Никогда раньше негр не занимал такого поста ни в АФТ, ни в КПП.

Каждая из двух больших партий США, борясь в выборной кампании 1956 г. за голоса рабочих, старалась прежде всего склонить на свою сторону 15-миллионное профсоюзное объединение. Перед выборами 1956 г. республиканцы и демократы соревновались между собой в обещаниях. Платформа демократов раздел, посвященный рабочим, даже назвала «ве-

ликой хартией труда». Демократы фактически включили в свою платформу основные требования АФТ — КПП: предложили отменить «закон Тафта — Хартли» и повысить минимум заработной платы до 1 долл. 25 центов в час²⁵¹. Платформа республиканцев обещала пересмотреть и улучшить «закон Тафта — Хартли». Она обвиняла демократов в том, что их большинство в конгрессе мешало внесению «конструктивных поправок» в этот закон.

За полтора месяца до национальных конвентов обеих партий разразился большой конфликт в сталелитейной промышленности. 1 июля 1956 г. забастовали 650 тыс. рабочих. Правительство Эйзенхауэра и руководство республиканской партии принимали все меры к тому, чтобы администрации «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Бетлхем стил корпорейшн» и других металлургических концернов примирились с некоторым повышением заработной платы рабочим. Стачка закончилась соглашением сроком на три года. К началу следующего месяца работа на заводах крупнейших стальных трестов возобновилась.

Республиканцы в своей платформе утверждали, что благодаря усилиям их правительства в 1956 г. стачка в сталелитейной промышленности быстро закончилась в отличие от стачки в этой промышленности в 1952 г. (при правительстве демократов), когда конфликт, затянувшийся на полгода, дошел до того, что правительство взяло в свои руки металлургические заводы и дело было доведено до вмешательства верховного суда США²⁵².

В 1956 г. лидеры АФТ — КПП, как и раньше, поддерживали демократов. Им удалось обеспечить демократам большинство на выборах в конгресс, а также на президентских выборах в ряде важнейших промышленных городов. В Нью-Йорке, например, кандидат в президенты от демократов Стивенсон получил 51% всех голосов, в Питтсбурге — 52, в Бостоне — 54, в Филадельфии — 57, в Сент-Луисе — 61%²⁵³. Но по стране в целом Стивенсон собрал лишь 42% всех голосов.

Следует отметить, что организованные рабочие далеко не единодушно откликнулись на призыв их лидеров голосовать за Стивенсона. Почти половина членов профсоюзов и их семей голосовала за Эйзенхауэра (табл. 10)²⁵⁴.

Таблица 10

Голоса рабочих, поданные за кандидатов в президенты (в %) *

Группировка рабочих	1948 г.		1952 г.		1956 г.	
	I	II	I	II	I	II
Квалифицированные рабочие	27	73	47	53	56	44
Неквалифицированные рабочие	33	67	33	67	46	54
Рабочие — члены профсоюзов и их семьи	24	76	44	56	48	54

* I — за кандидата от республиканцев;

II — за кандидата от демократов.

²⁵¹ «New York Times», 16.VIII 1956.

²⁵² «New York Times», 22.VIII 1956.

²⁵³ «New York Times», 8.XI 1956.

²⁵⁴ «U. S. News and World Report», 29.III 1957, p. 65—66.

²⁴⁹ «Political Affairs», March 1955, p. 35.

²⁵⁰ Ibidem.

Из приведенных цифр видно, что в 1956 г. организованные рабочие и их семьи в большинстве своем голосовали на президентских выборах за демократов. Но это большинство оказалось весьма незначительным. На президентских выборах 1956 г. процент голосов, поданных за республиканцев этой категорией избирателей, был в 2 раза выше, чем в 1948 г. В 1956 г. среди рабочих, участвовавших в президентских выборах, квалифицированные рабочие голосовали в большинстве за республиканцев, а неквалифицированные — за демократов.

В 1948 г. в центре внимания рабочего избирателя стоял вопрос о «законе Тафта — Хартли». Поэтому организованные или квалифицированные рабочие, участвовавшие в президентских выборах, голосовали на три четверти за демократов. В дальнейшем «закон Тафта — Хартли» потерял свою остроту, тем более что демократы, имея после 1948 г. большинство в трех конгрессах (81, 82 и 84-м), не выполнили своего обещания, не отменили этого закона.

В 1956 г. все вопросы заглушил избирательный лозунг республиканцев: «За мир и процветание».

Республиканцы много говорили о корейской войне, которую два с половиной года неудачно вели демократы и которая закончилась через полгода после прихода в Белый дом Эйзенхауэра. Республиканцы включили в свой актив Женевскую конференцию глав четырех правительств в 1955 г. Но больше всего повлияло на рабочих, как и на многих избирателей других слоев населения, голосование представителей США в ООН во время суэцкого кризиса²⁵⁵.

Эйзенхауэр, Джонсон и другие лидеры республиканцев особенно рекламировали в своих предвыборных выступлениях «процветание», гарантировали хозяйственный подъем, если они победят на выборах. Но «процветание», о котором столько шумели, оказалось в действительности только для крупного капитала. Прибыль корпораций США в 1956 г. была почти в 2 раза больше, чем в самый лучший для них военный год: она дошла до 43,4 млрд. долл.

Но не все корпорации получили одинаковую порцию прибыли. За годы президентства Эйзенхауэра доходы значительно выросли только у крупных компаний. За первые три года его президентства корпорации с капиталом в 100 млн. долл. и выше увеличили свою прибыль по сравнению с предыдущими тремя годами более чем на 60%. Самые крупные компании получили наибольшую прибыль. У «Дженерал моторс» она выросла за это время на 113%, у «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» — на 158, у «Форда» — на 274%. В то же время у корпораций с активом до 1 млн. долл., занимающих большое место в общем числе корпораций, прибыль сократилась за эти годы на 13%, а у более мелких компаний с активом не более 250 тыс. долл. она уменьшилась на 52% по сравнению с предыдущими тремя годами²⁵⁶.

Во время избирательной полемики против демократов в октябре 1952 г. Эйзенхауэр в своем выступлении в г. Пеории показывал, что номинальный рост заработной платы после войны не компенсировал роста цен и налогов. Однако, когда республиканцы трубили о якобы достигнутом ими «процветании», они выставляли напоказ только одну сторону медали — рост номинальной заработной платы. За годы первого президент-

ства Эйзенхауэра заработная плата в обрабатывающей промышленности США выросла на 10%, но за это время стоимость жизни выросла в значительно больших масштабах.

Комиссия Калифорнийского университета под руководством Геллера установила в сентябре 1955 г. прожиточный минимум (называемый обычно «бюджетом Геллера») для средней рабочей семьи, состоящей из четырех человек, в размере 5400 долл. в год. Между тем, согласно данным, опубликованным 23 января 1957 г. в послании Эйзенхауэра конгрессу об экономическом положении страны, из 52,2 млн. семей, числившихся в США в 1955 г., 29,2 млн. имели заработок менее 5 тыс. долл. в год, 21,6 млн. — менее 4 тыс., 14,5 млн. — менее 3 тыс. и 8,3 млн. — менее 2 тыс. долл. в год.

Стивенсон в своем выступлении в Детройте в сентябре 1956 г. утверждал, что 14 млн. американцев относятся к семьям, из которых доход каждой составлял менее 1000 долл. в год²⁵⁷.

Однако то, что оживление, наступившее в производстве весной 1954 г., продолжалось два с половиной года, служило основанием для привлечения на сторону правительственной партии республиканцев миллионов голосов рабочих. Следует учесть, что много миллионов рабочих с низким заработком, а также миллионы безработных относятся к тем категориям трудящихся, которые менее организованы и в меньшем числе участвуют в выборах.

В 1956 г. республиканцы по сравнению с предыдущими президентскими выборами выиграли голоса рабочих, но проиграли голоса фермеров. Дело в том, что основные сельскохозяйственные районы страны, западные фермерские штаты, «колеблющиеся» в политическом отношении, имеют в соответствии со своей численностью большее значение на выборах, чем население многолюдных штатов. В сенате каждый штат имеет два места независимо от численности его населения. На президентских выборах каждый штат имеет столько выборщиков, сколько у него мест в сенате и в палате представителей США. В сенате, ратифицирующем международные соглашения большинством в две трети, 34 сенатора могли провалить любой важный внешнеполитический акт правительства США. А эти сенаторы могут быть представителями малонаселенных штатов, таких, которые все вместе имеют меньше 7% населения страны.

Несмотря на резкое падение удельного веса сельскохозяйственного населения страны, представители фермерских штатов продолжали играть видную роль в конгрессе, и за фермерские голоса происходит энергичная борьба на выборах.

За 35 лет, предшествовавших выборам 1956 г., фермерская проблема (если судить по количеству слов, произнесенных в сенате и в палате представителей), вероятно, занимала первое место. Сущность этой проблемы заключается в том, что присущий капиталистическому сельскому хозяйству процесс вытеснения мелких фермерских хозяйств более крупными и более механизированными усилился в результате индустриализации сельского хозяйства США. Разница в себестоимости продукции на передовых и отстающих фермах в условиях широкого применения машин в сельском хозяйстве несравненно большая, чем это было в прошлом, когда на всех фермах пользовались тягловой силой лошадей и применялся в основном ручной труд. По мере распространения тракторов и других сельскохозяйственных машин разоряются и вытесняются те фермы, которые не в состоянии пользоваться этими машинами. Фермер без

²⁵⁵ Американская печать утверждала: «Не подлежит сомнению, что вспышка военных действий в Египте и определенное противодействие президента акциям наших союзников разрешили сомнения у миллионов избирателей» («New York Times», 8.XI 1956).

²⁵⁶ The 1956 Democratic Fact Book. Washington, 1956, p. 28, 31.

²⁵⁷ «New York Times», 4.IX 1956.

техники с 40 акрами земли влечит жалкое существование, а фермер с 640 акрами земли, с трактором, грузовиками и другими машинами процветает.

Со времени второй мировой войны индустриализация сельского хозяйства США значительно усилилась. Выработка на одного человека, занятого в сельском хозяйстве, увеличилась в большей степени, чем в промышленности. С 1939 по 1956 г. в обрабатывающей промышленности выработка возросла в среднем на 40%, а в сельском хозяйстве — на 100%²⁵⁸. С 1940 по 1955 г. число тракторов на американских фермах увеличилось более чем в 3 раза, число зерновых комбайнов — более чем в 5 раз, а кукурузных пикеров — в 6 раз.

Даже при выгодном соотношении цен мелкие фермеры с трудом сводят концы с концами. Крупные же фермеры даже тогда, когда условия меняются, маневрируя и совершенствуя технику, продолжают работать с прибылью, а мелкие разоряются.

Во время войны и в первые послевоенные годы соотношение цен сложилось в пользу фермеров. Потом, по мере восстановления сельского хозяйства стран, пострадавших от войны, и сокращения за границей спроса на американские продукты питания, положение массы фермеров в США ухудшилось.

Если принять за 100 среднее соотношение цен на товары, продаваемые и покупаемые фермерами в 1910—1914 гг., то в 1947 г. оно дошло до 115, а к началу 1956 г. опустилось до 80. В 1948 г. чистый доход от сельского хозяйства составил 9% национального дохода, а в 1955 г. — 4%²⁵⁹. За первые три года президентства Эйзенхауэра доходы фермеров уменьшились больше чем на четверть, а их ипотечная задолженность выросла на 2,4 млрд. долл. Цены на важнейшие продукты сельского хозяйства катастрофически падали. Так, за эти три года цены упали: на хлопок — на 11%, на рис — 20, на кукурузу — 25, на овес — 29, на ячмень — 36, на рожь — на 47%²⁶⁰.

Такое падение сельскохозяйственных цен происходило при условиях, когда цены на покупаемые фермерами товары непрерывно повышались.

К этому прибавилась засуха, которая в течение 8 лет сжигала урожай в 15 зерновых штатах страны. Сказывались пагубные результаты многолетнего хищнического капиталистического хозяйничанья и истребления лесов. На плодородных равнинах к западу от Миссисипи в засушливую пору ветер поднимает тучи песка и пыли. В конце 1956 г. бюро погоды США сообщило, что около 70 графств в 15 штатах терпят бедствие от засухи. В 40 графствах штата Техас с 1949 по 1956 г. не собрали ни одного урожая²⁶¹.

В результате разорение фермеров увеличилось, бегство с ферм усилилось. С 1950 г. фермерское население США сокращалось в среднем на 0,5 млн. в год²⁶².

Лидеры обеих партий, признавая сложность фермерской проблемы, называли ее «кризисом». Вопрос усугублялся еще тем, что этот «кризис» не вел, как обычно, к сокращению продукции сельского хозяйства. Наоборот, продукция росла, несмотря на падение цен, на засуху, на сокращение общего дохода от сельского хозяйства и бегство людей с ферм.

По существу в 50-х, как и в 20-х, годах речь шла не о кризисе фермерского хозяйства вообще. Крупные и богатые, наиболее механизированные фермы при всех неблагоприятных условиях увеличивали свои владения и умножали свои доходы. С 1920 г. фермы с площадью от 1000 акров и выше более чем удвоили свои земельные массивы. Согласно сельскохозяйственной переписи 1954 г., в США числилось 4800 тыс. ферм, т. е. на 600 тыс. ферм меньше, чем в 1950 г. За эти четыре года число ферм с площадью от 500 до 1000 акров увеличилось на 5%, а от 1000 и выше — на 7,5%. Число ферм с годовой продукцией стоимостью от 10 тыс. до 25 тыс. долл. увеличилось за это время на 16%, а свыше 25 тыс. долл. — на 26%.

Перепись показала, что к 1955 г. из 4800 тыс. ферм только 3400 тыс. считались коммерческими, т. е. работавшими на рынок. Из них 100 тыс. самых крупных хозяйств (около 3% от всех коммерческих ферм) поставляли на рынок 26% всех фермерских продуктов, а 1300 тыс. ферм (38% от всех коммерческих ферм) поставляли на рынок всего лишь 8% всех сельскохозяйственных продуктов. Средний доход фермы первой группы составлял около 12 тыс. долл. в год, а второй группы — примерно лишь 1000 долл.²⁶³

Следует иметь в виду, что фермы с доходами в 1000 и даже 1500 долл. в год в условиях США считались обреченными.

Некоторые государственные деятели США советовали не мешать естественному ходу событий — концентрации сельского хозяйства в наиболее крупных и наиболее механизированных фермах. Министр финансов правительства Эйзенхауэра Г. Хэмфри, например, заявил: «Я очень сожалею, но треть всех фермеров обречена на гибель». А министр сельского хозяйства Э. Бансон утверждал в 1957 г., что речь идет о 2 млн. фермеров, которым придется покинуть землю²⁶⁴.

Правящие круги США считали для себя важным оградить от разорения около 3 млн. оставшихся коммерческих ферм как основу, по их выражению, «крепкого американизма». Это положение особо подчеркивается во время выборных кампаний, когда обе партии рекламируют свои планы помощи фермерам.

В президентской кампании 1956 г. обе партии вели между собой горячую дискуссию по фермерскому вопросу. Бывший президент Трумэн даже заявил на национальном конвенте демократической партии, что Эйзенхауэр и Бенсон «собираются коллективизировать американские фермы»²⁶⁵.

Планы обеих партий в отношении помощи фермерам исходили из факта перепроизводства сельскохозяйственных продуктов в США и необходимости сокращения их производства. Но обе партии предлагали противоположные средства для достижения этой цели.

Республиканцы утверждали, что падение сельскохозяйственных цен автоматически сократит продукцию фермеров. На практике получилась совершенно другая картина. За первые три года президентства Эйзенхауэра, например, цены на овес упали на 29%, а продукция за это время выросла на 30%; на ячмень цены упали на 36%, а продукция выросла на 71%²⁶⁶. То же наблюдалось с ценами на кукурузу и другие продукты.

Абсурдной была и аргументация демократов. Они говорили, что низкие цены стимулируют рост производства, дескать, при низких ценах

²⁵⁸ «U. S. News and World Report», 30.VIII 1956, p. 90.

²⁵⁹ «New York Times», 31.X 1956.

²⁶⁰ The 1956 Democratic Fact Book, p. 19—20.

²⁶¹ «U. S. News and World Report», 15.II 1957, p. 49.

²⁶² «Harper's Magazine», November 1957, p. 57.

²⁶³ «Congressional Record», 19.VIII 1957, p. 13802.

²⁶⁴ Ibidem.

²⁶⁵ «New York Times», 18.VIII 1956.

²⁶⁶ The 1956 Democratic Fact Book, p. 20—21.

фермеры должны больше засеять, производить больше мяса и других продуктов, для того чтобы сводить концы с концами²⁶⁷.

Но при этом игнорировалось основное: фермерское хозяйство — это капиталистическое хозяйство. Ни один капиталист не будет сокращать свою продукцию в период высоких цен из-за того, что при меньшей продукции он имеет достаточно дохода. Фермер всегда старается использовать все возможности, чтобы максимально увеличивать свой доход. Капиталисты, будь то в городе или в деревне, всегда стремятся к получению максимального дохода. Равным образом фермеры в массе своей не увеличивают продукцию, когда сельскохозяйственные цены низки. Когда цены падают, и тем более падают сильно, часть ферм работает в убыток. Поэтому разорение фермеров, бегство с ферм наблюдаются в несравненно больших размерах тогда, когда цены на продукты сельского хозяйства падают.

Теоретические рассуждения республиканцев и демократов не объясняли и не разрешали фермерской проблемы.

Когда развернулась президентская кампания 1956 г., в Соединенных Штатах уже около 30 лет составлялись различные планы помощи сельскому хозяйству. Все прошлые планы помощи фермерам сводились к тому, что в целях поддержания цен на сельскохозяйственные продукты государство покупало и брало под залог большие запасы фермерских продуктов и выплачивало им определенную компенсацию за сокращение производства этих продуктов. Такие цели преследовал Земельный банк, создание которого демократы рекомендовали с 1954 г., на что республиканцы согласились в 1956 г. Земельный банк выплачивал фермерам определенную сумму за добровольное сокращение обрабатываемой площади.

Согласно отчету министерства сельского хозяйства США, в 1957 г. Земельный банк подписал соглашения с 915 тыс. фермеров, которые получили 614 млн. долл. за изъятие 21 300 тыс. акров из обрабатываемой земли под посевами кукурузы, пшеницы, риса, хлопка и табака, сократив таким путем стоимость продукции сельского хозяйства более чем на 1 млрд. долл.²⁶⁸

Больше трех четвертей всех фермеров США отказалось от соглашения с Земельным банком и его помощи.

Подобные мероприятия были выгодны только крупным фермерам, имевшим возможность маневрировать и получать государственные деньги за согласие не обрабатывать наименее плодородные участки. Разорявшимся же фермерам Земельный банк ничего не сулил и не создал им условий для того, чтобы удержаться на земле.

Государство тратило путем различных видов помощи в среднем более 1000 долл. на ферму в год. Между тем мы видели, что почти 40% всех коммерческих ферм имели вместе с государственной помощью в среднем годовой доход в 1000 долл. Следовательно, эти наиболее нуждающиеся фермеры получили совсем мизерную государственную помощь или вообще не получили ее.

В июне 1957 г. бюллетень «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» утверждал, что государственная помощь достается 2 млн. коммерческих ферм. В среднем на каждую из этих ферм приходится 2,5 тыс. долл. в год в виде государственной помощи²⁶⁹. Но эта помощь опять-таки не распределяется между фермерами поровну: на долю одних ферм приходится

много тысяч долларов, а на долю других — сотни или даже десятки долларов. Как правило, чем крупнее и богаче ферма, тем большую долю она получает от государственного пирога²⁷⁰.

В 1957 г. за сокращение посевной площади 67 крупных ферм получили более чем по 50 тыс. долл. каждая, 10 — более чем по 100 тыс. долл. Самая крупная сумма, выданная, например, в штате Канзас ферме, производившей пшеницу, достигла 278 тыс. долл.²⁷¹

Помощь фермерам приводит к накоплению в руках государства огромных запасов сельскохозяйственных продуктов. С начала 1952 до начала 1956 г. стоимость этих запасов увеличилась почти в 5 раз: с неполных 2 млрд. до 9 с лишним млрд. долл.²⁷²

За четверть века, предшествовавших выборам 1956 г., политика поддержания сельскохозяйственных цен и доходов фермеров (не считая других расходов по проведению различных сельскохозяйственных программ) стоила государству около 12,5 млрд. долл.²⁷³ Однако фермерская проблема не была разрешена и даже не была смягчена. Наоборот, с начала 50-х годов она углублялась и обострялась. С 1951 по 1956 г. излишки фермерских продуктов в США увеличились на 361%, а задолженность фермеров выросла на 58%. За это время цены на сельскохозяйственные продукты, несмотря на общий рост цен, упали на 23%, а средний доход (в расчете на ферму) понизился на 19%²⁷⁴. Рост продукции сельского хозяйства в других капиталистических странах еще больше усложнял фермерскую проблему в США.

В 1952 г. Эйзенхауэр обещал гарантировать цены на сельскохозяйственные продукты на уровне не менее 90% паритета. В 1956 г. республиканцы в своей платформе обошли молчанием то, что обещание их президента не выполнено. Но платформа демократов напомнила им об этом и выдвинула вопрос о поднятии цен на основные продукты сельского хозяйства до 90% паритета²⁷⁵.

Недовольство фермеров правительственной партией нашло отражение на выборах. В 1952 г. Эйзенхауэр получил 64% фермерских голосов, а в 1956 г. — 55%. Стивенсон соответственно получил 36 и 45%²⁷⁶. На выборах в 85-й конгресс республиканцы потеряли в фермерских штатах, расположенных к западу от Миссисипи, 10 мест в палате представителей²⁷⁷.

Во времени выборной кампании 1956 г. в партийной борьбе возросло значение вопроса о гражданских правах для негров. Это старый вопрос, но за последнюю четверть века он занимал все большее место в политической жизни страны.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг., всколыхнувший общепрогрессивное движение в США, усилил освободительное движение трудящихся негров, особенно пострадавших от кризиса. С приходом в 1933 г. к власти Франклина Рузвельта в конгресс начали часто поступать, хотя и безрезультатно, билли об облегчении правового положения негров. Сле-

²⁷⁰ В 1954 г. самый крупный фермер-хлопковод получил от государства 1292 тыс. долл., самый крупный производитель пшеницы — 431 тыс., самый крупный производитель ржи — 487 тыс. долл. («U. S. News and World Report», 30.XII 1956, p. 80).

²⁷¹ «U. S. News and World Report», 3.I 1958, p. 68.

²⁷² «First National City Bank», June 1957, p. 68.

²⁷³ Ibidem.

²⁷⁴ «U. S. News and World Report», 17.V 1957, p. 59.

²⁷⁵ «New York Times», 16.VIII 1956.

²⁷⁶ «U. S. News and World Report», 29.III 1957, p. 64.

²⁷⁷ «U. S. News and World Report», 1.II 1957, p. 59.

²⁶⁷ The 1956 Democratic Fact Book, p. 21.

²⁶⁸ «World Almanac», 1959, p. 85.

²⁶⁹ «First National City Bank», Monthly Letter, June 1957, p. 68.

дующий толчок дала вторая мировая война, когда в вооруженных силах США находилось около 1 млн. негров и в стране развернулась при поддержке правительства Рузвельта активная кампания против расистской политики нацизма, который в своей антиамериканской пропаганде старался использовать бесправие негров в США.

В 1944 г. впервые со времени окончания гражданской войны вопрос о гражданских правах для негров занял значительное место в общенациональной выборной кампании. В платформе демократической партии на президентских выборах 1944 г. отмечалось, что национальным и религиозным меньшинствам должны быть обеспечены все права, предоставленные им конституцией, и что конгресс США должен защищать эти права.

Платформа республиканцев оказалась в 1944 г. еще более щедрой на обещания. Она осудила расовые предрассудки, высказалась за принятие специальных законов против лицезавания и специального добавления к конституции США о ликвидации избирательного налога как способа лишения негров права голоса, а также за расследование конгрессом фактов дискриминации негров в вооруженных силах.

На выборах 1944 г. победила демократическая партия. Ввиду особой роли, которую в этой партии играют южные расисты, в конгрессе в течение четырех лет вопрос фактически с места не сдвинулся. Однако в 1948 г. он снова всплыл и принял более острый характер. Непримириемые южные расисты-дискрикраты в знак протеста против позиции большинства на национальном конвенте демократов откололись и выступали самостоятельно на выборах. На национальном конвенте 1952 г. демократы так сформулировали свои обещания по вопросу о гражданских правах, что им удалось вернуть дискрикратов в партию. Но растущую борьбу по этому вопросу в стране и внутри демократической партии, и между партиями остановить не удалось.

В 1952 г. впервые в национальной выборной кампании занял определенное место вопрос о сегрегации в учебных заведениях. Республиканцы обещали как первый шаг покончить с сегрегацией в учебных заведениях, кинотеатрах, на спортивных стадионах, в автобусах, троллейбусах и других местах в округе Колумбия, в который входит столица США Вашингтон. Но в общем их платформа сулила неграм меньше, чем платформа демократов, составленная при Рузвельте в 1944 г.

17 мая 1954 г. Верховный суд США, наконец, сделал известный шаг в этом направлении. В этот день он принял решение, что дискриминация учащихся негров, сегрегация в общественных учебных заведениях противоречат конституции. 23 апреля 1956 г. он также признал нарушением конституции сегрегацию в автобусах, курсирующих между штатами. 11 марта 1956 г. 19 сенаторов и 77 членов палаты представителей от южных штатов в специально опубликованном ими документе обрушились на решение верховного суда против сегрегации и призвали представленные ими в конгрессе штаты игнорировать это решение.

Позицию верховного суда разделяли правительство США и руководство республиканской партии, а также многие видные деятели демократов на Севере. Но сегрегация в школах далеко не была ликвидирована. Ко времени выборов 1956 г., через два с половиной года после решения верховного суда, 2400 тыс. негритянских детей учились в районах, где сохранялась сегрегация, и лишь 319 тыс. — в районах, где было установлено совместное обучение детей белых и детей негров.

Во время первого президентства Эйзенхауэра были приняты кое-какие меры против открытой дискриминации негров в вооруженных силах и в

государственных учреждениях. Но в результате этих мер к середине 1956 г. всего лишь 316 негров были приняты на государственные должности, которые оплачиваются не ниже 6000 долл. в год²⁷⁸.

В июле 1956 г. палата представителей приняла формально большинством в 279 против 126 билль Селлера о гарантии неграм гражданских прав, заранее зная, что сенат этот билль не пропустит. И действительно, в сенате США билль Селлера даже не удостоился рассмотрения: он был похоронен там в юридической комиссии.

В президентской кампании 1956 г. опять, как и в 1952 г., был поднят вопрос о сегрегации в учебных заведениях. Платформа демократической партии отметила положительное значение решения верховного суда. Но вместе с тем она указала на то, что демократы «отвергают любое предложение о применении силы при вмешательстве судебных органов в решение этих вопросов». В США рассматривали эту оговорку как отказ демократов от проведения в жизнь решения верховного суда, как оставление вопроса о сегрегации в школах на усмотрение местных судебных органов в южных штатах, как отказ от позиции, которую демократы занимали при Трумэне.

В своей платформе республиканцы также выступили против применения силы при проведении в жизнь решений верховного суда о сегрегации в общественных школах. Но вместе с тем они высказались за рассмотрение конфликтов на почве сегрегации не судами штатов, а федеральными судами.

Разница в платформах обеих партий по вопросу о сегрегации нашла свое отражение на выборах. По сравнению с 1952 г., в 1956 г. негров, отдавших свои голоса за республиканцев, было больше, чем за демократов. В 1952 г. Стивенсон получил 79% всех голосов негров, а Эйзенхауэр — 21%. В 1956 г. процент этих голосов за Стивенсона сократился до 64, а за Эйзенхауэра вырос до 36²⁷⁹.

Борьба вокруг вопросов о гражданских правах для негров, ставшая актуальной к началу выборной кампании 1956 г., приняла острый характер и в дальнейшем, после выборов. Но эта борьба развернулась не в результате решения верховного суда против сегрегации и даже не в связи с ростом значения избирателей-негров во многих штатах. Само решение верховного суда против расовой дискриминации диктовалось необходимостью внести изменения в политику Вашингтона, о чем говорил еще Трумэн в бытность его президентом²⁸⁰.

В 1957 г. председатель объединенного союза рабочих автомобильной промышленности США У. Рейтер, выступая на конференции Американской федерации учителей, заявил: путешествие по деревням Северной Индии убедило его, что индексы производства США мало интересуют население Азии, но его очень интересует, как живут негры в штате Алабама. Оно судит о США не по количеству производимых автомобилей и стали, а по тому, как там обращаются с трудящимися неграми²⁸¹.

²⁷⁸ «New York Times», 2.VII 1956.

²⁷⁹ «U. S. News and World Report», 29.III 1957, p. 66.

²⁸⁰ Трумэн, как уже было указано выше, тогда заявил: «Мы не можем проводить расовую дискриминацию у себя и в то же время распространять наше влияние на огромные массы народов Азии и Африки».

²⁸¹ «Congressional Record», 19.IX 1957, p. A756.

Следует отметить, что расовая ненависть разжигается в США не только на Юге и что гражданские права негров ущемлены не только в южных штатах. Ко времени президентской кампании 1956 г. в 24 штатах, куда входят все южные, а также некоторые северные и западные штаты, еще существовали законы, запрещавшие браки между людьми разных рас.

Конечно, многолетняя борьба, которую трудящиеся негры ведут за элементарные человеческие права, борьба, которую поддерживают прогрессивные силы страны, сыграла известную роль, как определенную роль играл рост числа негритянских голосов на выборах во многих крупных городах на севере страны. Но и решения верховного суда о защите гражданских прав негров, и тот факт, что такие реакционеры, как вице-президент США Никсон и лидер республиканской партии Ноулэнд, поддерживали эти решения, объясняются главным образом внешнеполитическими соображениями — стремлением американского империализма к распространению своего влияния и господства в афро-азиатских странах.

Во время президентской кампании 1956 г. вице-президент Р. Никсон, проявляя большую активность, доказывал, что народы Азии и Африки имеют для США решающее значение в борьбе двух систем. Летом того же года, выступая перед студентами-выпускниками и призывая их начать «мирный крестовый поход» в Азию и Африку за «американские идеи», он утверждал, что исход «титанической борьбы между двумя противоположными концепциями жизни» будет решен в зависимости от того, что произойдет в нейтральных развивающихся странах, где живет около 600 млн. человек.

Признав, что эта борьба представляет «в основном войну за человеческие мысли», Никсон заявил: «В этой борьбе идеи, а не пушки и самолеты, являются оружием. В этой войне наши армии носят не солдатскую форму, а университетскую шапочку и мантию. Книжки и брошюры скорее, чем танки и линкоры решают исход этого состязания».

Дальше он утверждал, что после своих поездок по развивающимся странам он убедился, что в состязании двух систем Советский Союз имеет очень сильный актив и определенные преимущества, которые необходимо учесть.

Во-первых, говорил Никсон, у этих недавно освободившихся от колониальной зависимости народов очень сильно желание жить в мире; это желание объясняется не столько страхом перед войной, сколько стремлением к экономическому, политическому и культурному подъему, мыслимому только в условиях мира; этим народам Советский Союз обещает мир, обещает уважать их желание оставаться нейтральными. Американцы же, признал Никсон, в представлении этих народов ассоциируются с войнами, с военными пактами.

«Во-вторых, в слаборазвитых странах существует понятное стремление к экономическому прогрессу. Советский Союз демонстрирует перед народами этих стран его головокружительный промышленный прогресс при коммунизме».

В-третьих, «в большей части Азии и Африки наблюдается сильная неприязнь к западным государствам из-за прошлой и настоящей колониальной и империалистической политики»; народы этих континентов требуют отношения к себе, как к равным, уважения к своей культуре и религии; Советский Союз признает справедливость этих требований.

Наконец, в-четвертых, продолжал Никсон, во многих районах земного шара интеллектуальные, духовные ценности уважают больше, чем материальные. Американцы рассматриваются там как люди «антиинтеллектуальные, несовершенные в вопросах культуры...» В Советском Союзе, наоборот, наука и искусство находятся в особом почете. «Конечно, — говорил Никсон, — США должны сохранить адекватную военную силу внутри страны и у своих союзников за границей... Но наши военные и экономические программы, как бы существенны они ни были, могут оказаться не наиболее важными элементами в этом сражении. В одном мы мо-

жем быть уверены. Слаборазвитые страны невозможно превратить в союзников Запада при помощи военной силы, их верность нельзя купить за доллары».

Поэтому, продолжал Никсон, США «должны обращать особое внимание на проведение любой ценой идеологической программы, которой суждено овладеть умами и сердцами людей». В заключение Никсон, утверждая, что «лучшие мысли лучших умов должны быть посвящены этой жгучей проблеме», предложил шире открыть двери американских университетов, колледжей и школ для молодежи из отсталых стран и призвал молодых людей США, окончивших колледжи, добровольно направляться работать в эти страны²⁸².

Выступление Никсона не только показало то особое значение, которое США в своих претензиях на руководство миром придают развивающимся странам, но и объясняло, почему он, как и другие реакционные политические деятели в Вашингтоне, стал активно выступать против дискриминации негров. Конечно, невозможно поверить, чтобы американскому империализму и его реакционной идеологии удалось «овладеть умами и сердцами» народов Азии и Африки. При всех обстоятельствах такая программа никак не совместима с расистской дискриминацией в США.

В то время как эти проблемы занимали основное место на выборах в конгресс, на президентских выборах решающую роль играли проблемы внешней политики.

В 1956 г. дискуссия и платформы обеих партий по вопросам внешней политики существенно отличались от дискуссий и программ в 1952 г., подобно тому как начало второго президентства Эйзенхауэра в международном аспекте отличалось от начала первого президентства. Первое президентство Эйзенхауэра проходило под лозунгами развязывания рук Чан Кай-ши на Дальнем Востоке, «освобождения» от социализма стран Восточной Европы, «массированного возмездия», «балансирования на грани войны». На выборах 1956 г. некоторые из этих лозунгов замалчивали, другие старались даже по возможности предать забвению.

В последние две недели перед выборами события в Венгрии послужили поводом для антикоммунистических выпадов представителей республиканцев и демократов. Ничего удивительного нет в том, что вдохновители и организаторы подрывной деятельности в странах, вставших на путь социализма, взяли венгерских мятежников под свою защиту. Но ни один ответственный политический деятель США уже не осмеливался говорить на выборах о втягивании США в войну, о крестовом походе за реставрацию капитализма в социалистических странах.

Платформа республиканцев в 1956 г. была не столь воинственной, как на предыдущих президентских выборах. В ней отмечалось, что угроза мировой войны уменьшилась по сравнению с 1952 г. и что конференция на высшем уровне в Женеве смягчила международную напряженность.

Менее воинственная платформа республиканской партии в 1956 г. по сравнению с 1952 г. объясняется прежде всего дальнейшим изменением соотношения сил в пользу мирового социализма. За эти годы изменилось также соотношение сил внутри капиталистического мира. Удельный вес экономики стран Западной Европы вырос. По мере восстановления и роста хозяйства она требовала, чтобы больше прислушивались к ее голосу в политике. Страны Западной Европы, за исключением ФРГ, как мы

²⁸² «New York Times», 8.VII 1956.

видели, опасались последствий войны за восстановление капитализма в социалистических странах. Учитывая новые международные условия, республиканцы должны были в не меньшей мере считаться и с настроениями широких кругов избирателей, которым воинственные, угрожающие всеобщему миру лозунги Даллеса не imponировали.

Платформа правительственной партии, хотя и разглагольствовала о мире и включила в актив президента США Эйзенхауэра уменьшение военной опасности, тем не менее была составлена в агрессивном, анти-советском духе. Она по-прежнему говорила «об ответственности за руководство миром», о том, что вооруженные силы США должны быть первыми в мире, что США должны иметь «стратегические базы, разбросанные внутри страны и вокруг всего света». В частности, отмечался успешный исход переговоров с Мадридом о военных базах США в Испании. Платформа выступила против принятия Китайской Народной Республики в ООН и против расширения торговли со странами социалистического содружества. Платформа повторила установку республиканцев на восстановление капитализма в этих странах. Но тут же следовало добавление, что республиканская партия уверена в осуществлении этих стремлений «мирной политикой, решительно отстаиваемой»²⁸³.

Демократы критиковали внешнюю политику правительства, говорили о ее провале, утверждали, что лозунг «освобождения», провозглашенный республиканцами, оказался обманом и блефом, что Даллес, разделяя в вопросе о Гоа позицию тогда салазаровской Португалии, восстановил против США Индию; что, объявив нейтралитет «аморальным», он оттолкнул от США Индию и другие страны; что, наконец, Даллес поставил США на грань войны. «В Азии, — констатировала платформа демократической партии, — антиамериканизм быстро нарастает; в Бирме, на Цейлоне, в Индонезии, Индии раздражены бестактными действиями нашего правительства, возмущены абсурдными заявлениями наших государственных деятелей»²⁸⁴. Демократы ссылались при этом на опрос, проведенный в апреле 1956 г. среди редакторов газет всей страны; две трети считали, что США проигрывают «холодную войну»²⁸⁵.

Резко критикуя правительство, демократы в своих позитивных предложениях, однако, мало чем отличались от республиканцев. Демократы в 1956 г. в своей платформе высказались за политику «с позиции силы» по отношению к СССР и против допущения Китая в ООН.

Широкие круги избирателей голосовали в 1956 г. на президентских выборах за сохранение мира, за смягчение международной напряженности. Демократам не удалось создать уверенность, что они лучше, чем республиканцы, исполнят важнейшие желания избирателей²⁸⁶.

Коммунистическая партия США не выдвигала в 1956 г. своих кандидатов в президенты и вице-президенты. Антидемократические, дискриминационные законы, за отмену которых она боролась, фактически лишали коммунистов возможности выступать со своими списками на президентских выборах.

²⁸³ «New York Times», 22.VIII 1956.

²⁸⁴ «New York Times», 16.VIII 1956.

²⁸⁵ The 1956 Democratic Fact Book, p. 87.

²⁸⁶ На президентских выборах 1956 г. кроме Эйзенхауэра и Стивенсона баллотировались кандидаты 10 мелких партий. Из 62 млн. голосов, поданных на выборах, всем мелким партиям вместе досталось 410 тыс. голосов, из них 310 тыс. получили кандидаты двух независимых партий. Кандидат социалистической рабочей партии получил 44 тыс., а кандидат сторонников запрещения спиртных напитков — 42 тыс. голосов.

В конце 1956 г., когда происходили выборы, Коммунистическая партия США готовилась к своему XVI съезду, состоявшемуся в Нью-Йорке в феврале следующего года. Это был тяжелый период в жизни партии. Спустя три года, на XVII национальном съезде генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, вспоминая об этом периоде, говорил: «В то время наша партия переживала глубокий кризис и усиленно дебатировался вопрос о жизни или смерти партии. Тогда происходило накопление сил правых оппортунистов и ликвидаторов для наступления на нашу партию, для наступления, в котором отражалось оживление ревизионизма в мировом масштабе как под давлением буржуазной идеологии, так и в качестве реакции на «левацкую», сектантскую, догматическую практику в прошлом»²⁸⁷.

Ко времени выборов 1956 г. Коммунистическая партия США насчитывала примерно в 3 раза меньше членов, чем 10 лет назад. К началу 1947 г. в ее рядах числилось 74 тыс. человек. К концу 1956 г. число ее членов определялось в 25 тыс.²⁸⁸

Антикоммунистические драконовские законы и беспощадные репрессии сделали свое дело. Но кризис, пережитый партией, объясняется не только гонениями на нее. Особые условия, в которых Америка находилась во время второй мировой войны, условия, определившие ее экономическое развитие в течение ряда лет после войны, своеобразный ход послевоенного промышленного цикла имели свои последствия в разных областях общественной и политической жизни страны, в том числе и в коммунистическом движении США.

Как в 20-е годы, годы «просперити», буржуазные иллюзии о вечном «процветании» соблазнили неустойчивые элементы Коммунистической партии США, начавшие проповедовать «теорию исключительности» американского капитализма, так и в годы хозяйственного оживления после второй мировой войны в партии появились рецидивы этой и других ревизионистских «теорий». Повторяя кейнсианские положения, ревизионисты заговорили о том, будто американский капитализм стал прогрессивным и рабочий класс США якобы не является больше пролетариатом. Отрицая опасность войны, они выступали против постоянной активной борьбы за мир. Рассуждения ревизионистов вели их в общем к планам Э. Браудера, к ликвидации коммунистической партии. Уильям Фостер, анализируя в октябре 1956 г. создавшееся положение, писал: «В партии определенно развивается новый браудеризм»²⁸⁹.

Некоторые концепции Браудера начали воскрешать в 1954 г. бывшие редакторы иностранного отдела газеты «Дейли уоркер» Старобин и Кларк. Затем ликвидаторскую группу, выступавшую против марксистско-ленинских принципов партии, возглавлял редактор этой газеты Гейтс. Как Браудер был исключен из партии в 1945 г., так и его единомышленники через 10—12 лет оказались вне партии.

Коммунистическая партия США пришла к своему XVII съезду в 1959 г. единой и оздоровленной. Но в 1956—1957 гг., во время национальной выборной кампании, а также в период ее XVI съезда она переживала глубокий кризис.

В предыдущих трех президентских кампаниях коммунистическая партия поддерживала кандидатов других партий. На выборах 1944 г. она выступала за Рузвельта, как за президента, возглавлявшего в Америке

²⁸⁷ «Коммунист», 1960, № 4, с. 101.

²⁸⁸ «Labor Fact Book», № 13, p. 148.

²⁸⁹ «Political Affairs», October 1956, p. 27.

борьбу за победу в войне. В 1948 и 1952 гг. она поддерживала кандидатов прогрессивной партии Уоллеса и Холизна, с тем чтобы объединить прогрессивные силы страны в борьбе за мир.

В 1956 г. на президентских выборах не баллотировался такой кандидат, которого коммунистическая партия нашла бы возможным поддержать. Но в то же время коммунисты не отстранились от национальной выборной кампании. Занимая критическую позицию по отношению ко всем баллотировавшимся в президенты кандидатам и выдвинувшим их партиям, Коммунистическая партия США активно выступала в выборной кампании в защиту интересов рабочего класса, трудящихся фермеров и угнетенных негров. Она поддерживала борьбу широких масс американского народа за мир, за экономический и социальный прогресс, за демократические права, против всех видов дискриминации негров и других меньшинств.

Национальная конференция, состоявшаяся в конце сентября, опубликовала заявление о политике Коммунистической партии США на выборах. В нем говорилось: «В то время как на выборах 1956 г. перед американским народом не стоит вопрос о социалистическом переустройстве нашей экономики, борьба за мир, за свободу, за изобилие теперь, как и всегда, является необходимым предварительным условием для фундаментальных социальных изменений в нашей стране»²⁹⁰.

Выборы происходили 6 ноября. В них участвовали 62 млн. избирателей. За Эйзенхауэра было подано 35 585 тыс. голосов — (более 57%), за Стивенсона — 26 млн. (42%) голосов. Эйзенхауэр, победив в 41 штате, получил 457 выборщиков. Стивенсон повел за собой только 7 штатов. Ему достались лишь 74 выборщика — меньше, чем демократы получали на президентских выборах за истекшие 84 года.

Иные результаты дали выборы в 85-й конгресс, происходившие одновременно с президентскими выборами. На выборах в палату представителей было подано за республиканцев почти на 8 млн. голосов меньше, чем на выборах президента Эйзенхауэра²⁹¹.

Демократы, как мы уже отметили, получили большинство в обеих палатах (табл. 11).

Т а б л и ц а 11

Соотношение сил в обеих палатах в конгрессе

Конгресс	Год выборов	Число членов			
		сенат		палата представителей	
		республиканцы	демократы	республиканцы	демократы
84-й	1954	47	49	203	232
85-й	1956	47	49	201	234

Социальный состав 85-го конгресса представлял характерную для высшего законодательного органа США в XX в. картину²⁹² (табл. 12).

Капиталисты и их адвокаты занимали 83% всех мест в палате представителей и 77% в сенате.

Т а б л и ц а 12

Социальный состав 85-го конгресса

Род занятий	Члены палаты представителей		Члены сената	
	число	%	число	%
Адвокаты	257	59,4	57	59,5
Капиталисты	102	23,5	17	17,7
Издатели	20	4,6	7	7,3
Преподаватели	28	6,5	4	4,1
Фермеры	15	3,5	7	7,3
Прочие	11	2,5	4	4,1
Всего	433	100	96	100

В результате выборов 1956 г. демократы имели своих губернаторов в 29 штатах с населением, составлявшим более 70% населения всей страны. Губернаторы, принадлежавшие к партии республиканцев, остались лишь в 19 штатах.

На президентских выборах республиканцы вторглись в глубь «прочного Юга». Они получили большинство не только в Кентукки и Теннесси, которые когда-то считались буферными штатами, не только в Техасе, Флориде и Вирджинии, которые не всегда входили в «прочный Юг», но и в неизменно преданной демократам Луизиане.

Впервые республиканцы ворвались в южную цитадель демократов в 1928 г. В 1932 г. демократы восстановили свои позиции на Юге и сохраняли их до 1952 г. Победа республиканцев на президентских выборах в 1952 г. в 4, а в 1956 г. в 5 из 11 штатов, образующих традиционный оплот демократов, свидетельствует о том, что «прочный Юг» уже не столь прочен и что при увеличении активности негров на выборах южные штаты перестают служить надежной основой демократов. Вместе с тем разрушение «прочного Юга» подготавливает силы их партийного аппарата, который вырос на базе территориального влияния партии и который играет большую роль в двухпартийной системе США.

Несмотря на внушительную победу Эйзенхауэра, большинство избирателей за него не голосовало. По данным Бюро цензов США, ко времени выборов 1956 г. в стране числилось 104 млн. избирателей. Около 10 млн. не было допущено по разным причинам к избирательным урнам и голосовать имело возможность около 95 млн. человек. В голосовании участвовало только 62 млн. избирателей, а свыше 30 млн. не участвовало.

Таким образом, за второе президентство Эйзенхауэра, несмотря на весь шум о его популярности, высказалось в 1956 г. меньше 40% лиц, имевших возможность участвовать в голосовании. Больше 60% относилось к его избранию отрицательно или безразлично. Десятки миллионов избирателей, в том числе миллионы организованных рабочих, не желавших голосовать за республиканцев и демократов и не видевших в существующих условиях возможности победы на президентских выборах кандидатов третьей партии, бойкотировали выборы.

²⁹⁰ «Political Affairs», October 1956, p. 3.

²⁹¹ «U.S. News and World Report», 14.XII 1956, p. 61.

²⁹² «U.S. News and World Report», 11.I 1957, p. 44.

Колоссальный абсентеизм на выборах показывает, какие большие резервы, какие потенциальные возможности существуют для организации третьей массовой, прогрессивной партии в США ²⁹³.

В международном аспекте выборная кампания 1956 г. в США развивалась в свете борьбы двух систем. На последней ее стадии реакционные капиталистические круги пытались использовать события в Венгрии для нанесения удара по мирному сосуществованию. Эта кампания была завершена лидерами республиканцев и демократов как антисоветская, как кампания за усиление «холодной войны».

Совершенно по-иному расценивали исход выборной кампании широкие массы избирателей. Они рассматривали победу Эйзенхауэра как мандат американского народа на выполнение главного обещания, данного им на выборах, — обещания сохранить мир.

Это была первая президентская кампания после появления страшного водородного оружия. Все в США понимали, что сейчас война сразу ставит под угрозу разрушения и уничтожения жизненные центры страны.

Когда комиссия конгресса обратилась к генерал-лейтенанту Дж. Гейвину, — руководителю научных исследований в армии США, за консультацией о том, какие жертвы ожидают Соединенные Штаты в случае войны с СССР, Гейвин ответил, что «общая атака России на Соединенные Штаты может окончиться гибелью 70 млн. американцев».

Подобные консультации, ставшие достоянием печати и широких масс населения, объясняют не только рост антивоенных настроений в США, но и свидетельствуют о том, что такие настроения основательны, что сейчас несравненно труднее, чем в прошлом, повернуть американский народ на военный лад.

Более 35 млн. американцев голосовало за Эйзенхауэра прежде всего потому, что они считали его в вопросе сохранения мира более надежным кандидатом, чем его соперник.

Через два дня после выборов, 8 ноября 1956 г., «Нью-Йорк таймс» поместила выдержки из наиболее важных газет, издающихся в различных районах страны. Газета «Дезерт ньюс» (г. Солт Лейк-Сити) писала: «Наиболее важным и очевидным результатом большой победы президента Эйзенхауэра является мандат на усиление деятельности по обеспечению мира во всем мире. Ни один другой вопрос не имел такого значения для избирателей, как этот вопрос». А газета «Реджистер энд трибюн» (г. Де Мойн) писала: «Президент Эйзенхауэр возвращается на свой пост с мандатом избирателей на увеличение усилий за мир во всем мире и за разоружение».

Встал вопрос: оправдает ли Эйзенхауэр возложенные на него надежды? Человек, который без боевого опыта стал главнокомандующим вооруженными силами союзников на Западе и который без политического опыта стал президентом Соединенных Штатов, выполнит ли он свои предвыборные обещания, увенчается ли его головокружительная карьера вкладом в дело обеспечения мира и мирного сосуществования на Земле?

²⁹³ Характерно, что абсентеизм на выборах, недоверие к выборной процедуре в США проявляются особенно сильно среди наиболее бедных слоев населения страны. Через десять лет после кампании 1956 г., в 1966 г., когда в ряде городов специально обращались к наиболее нуждающимся группам населения, с тем чтобы они голосовали за сторонников борьбы с бедностью, в Канзас-Сити в выборах участвовали 5% бедных избирателей, в Кливленде — 4,2, в Филадельфии — 2,7, в Бостоне — 2,4, а в Лос-Анджелесе — 0,7% («U.S. News and World Report», 21.III 1966, p. 94).

VII

В ГОДЫ СПУТНИКОВ ЗЕМЛИ И КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ

1. Экономическое соревнование двух систем

«Экономический вызов» СССР. Прогнозы хозяйственного развития СССР и США. Обсуждение вопроса на подкомиссии конгресса. Кризис 1957—1958 гг. Послевоенный промышленный цикл. Его влияние на соревнование двух систем. Проблема цен. Безработица и автоматизация. Антикризисные мероприятия и проблема инфляции. Экономическое соревнование и стачечная борьба

С начала второго президентства Эйзенхауэра американская печать, государственные и политические деятели Вашингтона все больше внимания стали уделять экономической борьбе двух социальных систем. На конференциях американских банкиров и промышленников, в капиталистических и партийных клубах все чаще произносились слова «экономическая холодная война».

15 октября 1957 г. вице-президент США Никсон в своем выступлении в Сан-Франциско утверждал, что экономический прогресс Советского Союза и успешно развивающиеся экономические отношения СССР со странами Азии и Африки потенциально более опасны для капитализма, чем межконтинентальные баллистические ракеты. Межконтинентальные ракеты, говорил он, возможно, никогда и не будут пущены в действие, а экономический прогресс СССР и расширение его экономического отношений с нейтральными странами — «реальный процесс» ¹.

В январе 1958 г. Эйзенхауэр в послании конгрессу США, признавая большое значение экономического соревнования двух систем, заявил: «Мы должны признать растущую мощь Советского Союза в экономической области... Вызов в этой области нельзя игнорировать без самого серьезного риска для нашего образа жизни... Вопрос заключается в том, сумеет ли система свободной конкуренции, отстаиваемая нами, успешно принять на международной экономической арене вызов, брошенный советскими лидерами» ².

Еще определеннее выразился государственный секретарь Даллес: «Нам следует смотреть в лицо тому факту, что мы окажемся в ужасной опасности, если Советы догонят или превзойдут нас в важнейших отраслях производства» ³.

В руководящих кругах Вашингтона и Нью-Йорка, а также в буржуазной печати основанием для беспокойства служили несравненно более высокие темпы экономического роста в СССР, чем в США. За первые семь лет после окончания второй мировой войны (благодаря все возра-

¹ «Commercial and Financial Chronicle», October, 1957, p. 32.

² «Congressional Record», 30.I 1958, p. 1171.

³ Berding A. Dulles on Diplomacy. Princeton, 1965, p. 97.

ставшему удовлетворению отложенного в период войны спроса внутри страны, усилившемуся спросу на американский капитал в зарубежных странах в связи с нуждами восстановления их разрушенного войной хозяйства, а также американской агрессией в Корее) в США сложилась особенно благоприятная конъюнктура. И тем не менее среднегодовой прирост промышленного производства в СССР был в 3 раза выше, чем в США. В следующие шесть лет, с 1953 по 1959 г., при менее благоприятной для американского хозяйства конъюнктуре этот прирост был в СССР в 6 раз больше, чем в США⁴.

В сентябре 1958 г. Никсон в своем выступлении в Гарвардском университете жаловался, что прирост валового национального продукта в США составляет всего лишь 1,5% в год⁵. Правда, Никсон выступил после того, как в производстве США наблюдался значительный спад. Однако, если не считать первых послевоенных особо благоприятных для США пяти лет, то в целом следующие 15 лет (1951—1965 гг.), в течение которых три раза чередовались годы высокой и низкой хозяйственной конъюнктуры, темпы роста как национального дохода, так и промышленного производства в США были в среднем примерно в 2½ раза ниже, чем в СССР⁶.

Проблемы экономического соревнования главнейших стран социализма и капитализма, анализ и сравнение развития и перспектив экономики Соединенных Штатов и Советского Союза стали предметом пристального внимания и детального изучения крупнейших американских университетов, ряда научных институтов и специальных ассоциаций крупного американского капитала, конференций промышленников и банкиров, партийных съездов, правительства и конгресса и, конечно, Центрального разведывательного управления США.

В июне 1958 г., например, бывший экономический советник президента Эйзенхауэра Н. Джакоби выступил на съезде инженеров с докладом на тему «Время не ждет в экономической холодной войне». Утверждая, что трезвое изучение фактов заставляет принять всерьез «советский вызов», он обратил внимание на подготовку кадров как на самое важное в экономическом соревновании грядущих лет. «Согласно наиболее надежным оценкам,— говорил он,— СССР готовит каждый год примерно в 2 раза больше ученых и инженеров, чем США». Перечисляя преимущества СССР в экономическом соревновании с США в развивающихся странах, Джакоби отметил как наиболее важное то, что советские технические кадры охотнее направляются в эти страны и лучше приспособлены к работе в них, чем американцы. Джакоби закончил свое выступление, сказав: для того чтобы США выиграли экономическую борьбу, они должны в будущем «двигаться быстрее, чем двигались в прошлом»⁷.

Но он не сказал, как это делать.

Бывший руководитель научных исследований в вооруженных силах США генерал-лейтенант в отставке Гейвин в своем выступлении на очередном съезде американских банкиров в декабре 1958 г. также указывал на то, что темпы хозяйственного роста США, составляющие немногим

⁴ «Коммунист», 1960, № 1, с. 81.

⁵ «Commercial and Financial Chronicle», 11.IX 1958, p. 26.

⁶ «Проблемы мира и социализма», 1966, № 10, p. 21; Показатели экономического развития социалистических стран. М., 1966, с. 296—300.

⁷ «Commercial and Financial Chronicle», 17.VII 1958, p. 22. «В 1965 г. выпуск инженеров в СССР был более чем в 4 раза выше, чем в США, и составил 170 тыс. человек» («Проблемы мира и социализма», 1966, № 10, с. 27).

более 2% в год, слишком медленны и что доведение этого процента до 5 существенно поправит положение.

Этот отставной генерал прямо заявил, что советские планы развития народного хозяйства означают объявление экономической войны Соединенным Штатам. «Мы не должны дальше успокаивать себя тем, что русские от нас отстают,— говорил он.— Мы, вероятно, имеем меньше времени, чем обычно полагаем»⁸. Он также акцентировал внимание на необходимости усиления научно-исследовательской работы, предложив увеличить военные расходы и эффективнее использовать достижения военной техники в гражданском производстве.

В ноябре 1958 г. главная газета республиканской партии США привела подсчеты группы американских экономистов, специализировавшихся в области капиталовложений и тенденций хозяйственного развития. Эти экономисты пришли к выводу, что, учитывая возможности развития экономики США, Советскому Союзу понадобится примерно 25 лет для того, чтобы догнать США в производстве на душу населения. Вместе с тем они заключили, что «советский вызов», возможно, подтолкнет американскую экономику и ускорит ее развитие⁹.

Вслед за тем выступили представители обеих больших партий: новый губернатор Нью-Йорка республиканец Нельсон Рокфеллер и бывший председатель Совета экономических консультантов при президенте США демократ Леон Кайзерлинг, доказывая необходимость координированных действий государства и частного капитала с целью обеспечить прирост валового национального продукта США в среднем на 5% в год¹⁰. Кайзерлинг утверждал на объединенной экономической комиссии конгресса, что в 1953—1959 гг. среднегодовой рост хозяйства США составлял 2,3%¹¹.

В огромной литературе, опубликованной в США за 1959—1960 гг. об экономическом соревновании двух систем, выделяется сборник объединенной экономической комиссии конгресса США, посвященный сравнению развития экономики Соединенных Штатов и Советского Союза. В докладах, представленных и обсужденных на этой комиссии, содержатся основные суждения виднейших экспертов США по данному вопросу.

В ноябре 1959 г. представленные доклады обсуждались на заседаниях подкомиссии экономической статистики при объединенной экономической комиссии конгресса США. В обсуждении принимали участие руководитель Центрального разведывательного управления Аллен Даллес и его заместитель Роберт Эмори, эксперт по СССР газеты «Нью-Йорк таймс» Гарри Шварц, эксперт по советской экономике Массачусетского технологического института профессор У. Росту, профессор Вирджин-

⁸ «Commercial and Financial Chronicle», 18.XII 1958, p. 24, 47.

⁹ «New York Herald Tribune», 16.XI 1958.

¹⁰ «New York Times», 1.II 1959.

¹¹ Hearings before the Joint Economic Committee of the U.S. Congress on Employment, Growth and Price Levels. Pt I, Wash., 1959, p. 105. Экономический рост далеко не всегда совпадает и не всегда вызывает увеличение потребления населения. Многие зависят от того, какая доля национального дохода направляется на военные и другие цели. Но все же в мирное время в США потребление населения в известной мере отражает состояние и развитие экономики. По данным профессора Лампмана, состоявшего членом Совета экономических консультантов при президенте Кеннеди, в США за первые 15 послевоенных лет расходы на душу населения, включая федеральные и местные ассигнования на образование, здравоохранение и другие полезные услуги, увеличились в неизменных ценах в среднем в пределах 1,5—2,5% в год (Heller W. Perspectives on Economic Growth, N. Y., 1968, p. 148).

ского университета Паттер и др. Всего на заседаниях подкомиссии выступило свыше 30 экспертов по экономическим вопросам.

Американская печать уделяла особое внимание выступлению в подкомиссии конгресса А. Даллеса — наиболее информированного консультанта в государственном аппарате США, выразившего в своем выступлении в концентрированном виде мнение крупнейших буржуазных экспертов Северной Америки и Западной Европы в вопросах экономического соревнования двух систем.

«Опыт учит нас, что мы должны относиться серьезно к советским промышленным планам, — сказал Даллес. ... За короткий срок, за 30 лет, последовавших после 1928 г., Советский Союз, несмотря на разрушения, причиненные четырехлетней войной, и на годы, ушедшие на послевоенное восстановление, стал второй в мире индустриальной державой. По этому вопросу у экспертов нет никаких споров. Более того, анализируя различные исследования западных ученых, я был поражен единством их точек зрения в отношении темпов промышленного роста, достигнутых в Советском Союзе с 1950 г. Оценка этих темпов колеблется в пределах от 9 до 10,5% в среднем в год»¹².

Эксперт по СССР Шварц в своем выступлении в подкомиссии конгресса критиковал шефа ЦРУ А. Даллеса за то, что он все расчеты об экономических перспективах США и СССР приспособил к 1970 г. Он заявил: «Только если мы останавливаемся на 1970 г., мы еще можем получить какую-то успокаивающую нас статистику. Если вы сделаете такие же расчеты для 1980 и 1990 г., какие были сделаны для 1970 г., то увидите, что в какое-то время после 1970 г., даже при самых благоприятных для нас условиях, Советский Союз обгонит нас. Он обгонит нас потому, что у него больше людей, больше территории и больше ресурсов, не говоря уже, конечно, о том, что у него есть воля обогнать нас. Наши же действия временами очень напоминают вырвавшегося вперед бегуна, истратившего свои силы»¹³.

Разумеется, сроки, необходимые Советскому Союзу, для того чтобы его производство превысило американское как абсолютно, так и на душу населения, зависят от темпов развития народного хозяйства не только в СССР, но и в США. В СССР темпы заданы, они устанавливаются планом, являются величинами определенными. К тому же планы, как правило, перевыполняются. В США перспективы развития народного хозяйства совершенно неопределенные. Другими словами, весь вопрос сводится к тому, каков будет уровень производства в США и что произойдет в американской экономике в грядущие годы. Этот вопрос затрагивает проблемы экономических кризисов, так называемых антикризисных мероприятий, о которых очень много говорят в США, эффективности этих мероприятий, источников их финансирования и др.

Американские экономисты, рассуждая о перспективах экономического соревнования двух систем, либо совершенно абстрагируются от экономических кризисов, либо исходят из того, что в дальнейшем экономические кризисы будут небольшими, не сильнее тех, что происходили после второй мировой войны. Группа экономистов, на авторитет которых ссылалась газета «Нью-Йорк геральд трибюн», не учитывала того факта, что в СССР не может быть промышленных кризисов, а промышленность США не может развиваться без кризисов.

Между тем в 1957—1958 гг. экономика США пережила очередной кризис. В январе 1957 г. Эйзенхауэр, начав второй срок своего президентства, в соответствии с платформой республиканской партии в выборной кампании 1956 г. возвестил новый подъем промышленного производства в США. Однако с тех пор выпуск промышленной продукции в течение двух последующих лет не превышал уровня, на котором он находился в феврале 1957 г., когда индекс промышленного производства, по данным Федерального резервного управления равнялся 155 (с учетом сезонных колебаний)¹⁴. За первые восемь месяцев 1957 г. этот индекс составил в среднем 154. С сентября 1957 г. в течение восьми месяцев он беспрестанно падал, снизился на 14,8% и дошел в апреле 1958 г. до 132, т. е. упал до самого низкого уровня, на котором он был три с половиной года назад. С мая 1958 г. индекс промышленного производства систематически повышался. Но до марта 1959 г. он не поднялся до уровня, которого достиг в феврале 1957 г.¹⁵

Несмотря на то что кризис 1957—1958 гг. был, как и два предыдущих послевоенных кризиса, сравнительно небольшим и неглубоким, он приостановил рост промышленного производства на два года и два месяца.

Падение индекса промышленного производства в 1957—1958 гг. было почти в 1,5 раза ниже, чем в 1953—1954 гг., и на 75% ниже, чем в 1948—1949 гг. По количеству безработных и числу банкротств кризис 1957—1958 гг. был также самым глубоким за весь предшествовавший послевоенный период.

За время кризиса 1957—1958 гг. число банкротств выросло до самого высокого уровня за период с начала второй мировой войны. Прибыли корпораций обрабатывающей промышленности упали в первом квартале 1958 г. на 39% по сравнению с первым кварталом 1957 г., а капиталовложения в новые предприятия и оборудование сократились в 1958 г. (по оценкам, сделанным ко времени закрытия 85-го конгресса) на 17% по сравнению с 1957 г. Средства, ассигнованные в первом квартале 1958 г. для вложения в обрабатывающую промышленность, были на 43% меньше, чем соответствующие средства, ассигнованные в первом квартале 1957 г. Заказы на станки сократились за первые пять месяцев 1958 г. почти на 60% по сравнению с первыми пятью месяцами 1957 г. Производство стало сокращаться за время кризиса на 49%, а выпуск автомобилей — на 41%¹⁶. Нагрузка сталелитейных заводов понизилась весной 1958 г. до половины их производственной мощности¹⁷.

Вместе с падением производства росла безработица. Число полностью безработных превысило весной 1958 г. 6 млн.

В 1948—1958 гг. хозяйство США пережило три кризиса. Все они были сравнительно небольшими и неглубокими. Ни один из них не достиг масштаба кризиса не только 1929—1933 гг., но и 1920—1921 и 1937—1938 гг. В результате в руководящих кругах американского капитала стали говорить о том, что время больших, глубоких кризисов миновало, а небольшие, умеренные кризисы не страшны, даже выгодны и иногда благотворны.

Летом 1957 г., например, осведомленная нью-йоркская газета — орган финансовых и коммерческих кругов США — утверждала, что правитель-

¹² Comparison of the U. S. and Soviet Economics. Hearings before the Joint Economic Committee of the Congress of the U. S. 86th Congress. Wash., 1960, p. 5, 7.

¹³ Comparison of the U. S. and Soviet Economics, p. 254.

¹⁴ Средний уровень производства 1947—1949 гг. принят за 100.

¹⁵ «Federal Reserve Bulletin», December 1959, p. 1469.

¹⁶ «Congressional Record», 12.IX 1958, p. A 8332; 14.VIII 1968, p. 14711.

¹⁷ «Newsweek», 2.VI 1958, p. 44.

ство и руководители федеральной резервной системы считают умеренное сокращение производства желательным, так как оно предохранило бы от спекулятивного бума, чреватого катастрофой¹⁸. Руководители крупнейших монополий США также считали желательным некоторое увеличение безработицы. В 1958 г. истекали сроки соглашений между компаниями и профсоюзами на автомобильных заводах «Дженерал моторс», «Форд» и «Крайслер», на заводах «Дженерал электрик» и «Вестингауз», на авиационных, судостроительных и других крупных предприятиях. Для капиталистов, разумеется, выгоднее было заключать новые соглашения в условиях роста безработицы.

Отсутствие продолжительного и глубокого кризиса в США после второй мировой войны, своеобразный ход послевоенного промышленного цикла служили базой для ревизионистских рассуждений и концепций. Опять ожила теория исключительности американского капитализма. Ревизионисты опять заговорили о том, что общие законы капитализма, открытые Марксом и Лениным, в частности их учение о промышленных циклах и кризисах, не распространяются на США.

Прежде всего напомним, что Маркс, создавший научную теорию кризисов и циклов капиталистического производства и указавший, что такой цикл обычно охватывает от 10 до 11 лет, отнюдь не утверждал, что при капитализме всегда так было и всегда так будет. Наоборот, Маркс тут же отметил, что нет никаких причин считать это число неизменным, постоянным, что циклы и их периодичность установились в связи с расширением и углублением капитализма, установились лишь тогда, когда образовался мировой рынок и когда он постепенно открыл для себя колоссальные области в Америке, Азии и Австралии¹⁹.

В последние десятилетия происходит сужение базы капитализма, сокращение поля его деятельности, сферы его рынка. Капитализм находится в состоянии общего кризиса. Если расширение сферы капитализма, как это было во времена Маркса, выработало своеобразный ритм промышленного производства, определенную периодичность циклов, то сужение сферы капитализма не могло не нарушить эту периодичность.

Сужение сферы господства капитализма в условиях борьбы двух социальных систем, сокращение поля его деятельности, выпадение из капиталистического мира трети населения, развал колониальной системы империализма, рост милитаризма в США привели к тому, что за 25 лет, последовавших после второй мировой войны, Соединенные Штаты потратили на вооружение свыше триллиона долларов — примерно в 30 раз больше, чем за 25 лет, предшествовавших второй мировой войне, включая годы первой мировой войны.

Во второй половине 50-х годов доля государственных расходов федерального и местных правительств только на товары и услуги составляла около 30% всех расходов на личное потребление населения США. С начала XX в. до первой мировой войны федеральные расходы, а также расходы администрации штатов, муниципалитетов и других местных властей колебались в пределах лишь 7—9% национального дохода США. В 1929 г. этот процент дошел до 12, в 1950 г. — до 21, в 1960 г. — до 34, в 1970 г. — до 43, а в 1975 г. — превысил 45%²⁰. Другими словами, к началу последней четверти нашего века почти половина национального дохода США расходовалась независимо от хозяйственной конъюнктуры.

Уже одно это вносит новые особенности в развитие экономики США, в ее циклическое развитие.

Рост государственных расходов — это первое, на что указывают, когда заходит речь об экономических сдвигах, влияющих на циклическое развитие современного капиталистического производства. К тем или иным комбинациям с государственными средствами сводятся в конце концов рецепты Кейнса, хотя Кейнс не первый буржуазный экономист, который приписывал государственным, как и другим расходам, не подвергающимся воздействию конъюнктуры, особую роль в промышленном цикле. За несколько десятилетий до Кейнса Туган-Барановский, утверждая, что промышленный кризис возникает вследствие недостатка капитала и что его теория находит свое подтверждение именно в Америке, пришел к заключению, что доходы, совершенно не зависящие или очень мало зависящие от уровня производства, составляют резерв, образующий свободный денежный капитал, который, проникая в промышленность, вызывает после кризиса подъем²¹.

Но и Туган-Барановский не имел оснований для такого вывода. Когда Туган-Барановский развивал свою концепцию, федеральные и местные расходы в США составляли менее 10% национального дохода. При таком положении сомнительно было даже для буржуазных экономистов рассчитывать на государственные расходы, как на волшебную силу, способную укротить стихию кризиса. Но, когда доля этих расходов дошла до 40% национального дохода, создалось иное положение и возникли иные представления, в частности по этому вопросу.

Известное влияние на ход цикла оказывают большие расходы на научно-исследовательскую работу. Частные и государственные расходы на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу выросли с 1 млрд. в 1940 г. до 26 млрд. долл. в 1970 г. и до 34 млрд. в 1975 г.²² Уже к концу 50-х годов США израсходовали в один год больше средств на научно-исследовательскую работу в промышленности, чем за первые 150 лет истории американского государства²³.

Большие расходы на научные изыскания способствуют ускорению морального износа оборудования. К началу 60-х годов треть всего промышленного оборудования США считалась устаревшей. Через пять лет 21% станков имели «возраст» свыше 20 лет²⁴. По оценкам, произведенным в 1958 г., замена устаревшего оборудования современным должна была тогда стоить 95 млрд. долл.²⁵

Карл Маркс считал обновление основного капитала материальной основой промышленных циклов, продолжительность которых составляла около 10 лет. Естественно, что ускорение износа и обновления основного капитала должны были содействовать сокращению продолжительности циклов и возникновению более частых кризисов.

При рассмотрении своеобразия промышленного цикла после второй мировой войны следует учитывать также и большой рост удельного веса услуг в расходах населения и правительства США. Уже в первые послевоенные годы (в 1947—1949 гг.) расходы на услуги составляли 36% национального дохода США. В 1960 г. этот процент дошел до 45, в 1970 г. —

²¹ Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. Смоленск, 1923, с. 271—273, 280.

²² «Congressional Record», 14.VIII 1961, p. 14724; «Statistical Abstract of the U.S.», 1975, p. 546.

²³ Pacard V. The Status Seekers. London, 1960, p. 21.

²⁴ «Congressional Record», 14.VIII 1961, p. 14703; 19.IV 1966, p. 172118.

²⁵ «Business Week», 27.IX 1958, p. 18072.

¹⁸ «Journal of Commerce», 15.VII 1957.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 224—225.

²⁰ «Economic Report of the President», January 1976, p. 184, 185, 249, 250, 252.

до 51, а в 1975 г. — до 58²⁶. В отличие от товаров услуги не могут быть накоплены в виде запасов ни на складах, ни дома.

Следует также напомнить, что война и ее последствия модифицировали весь ход послевоенного промышленного цикла в США и что это создало особые, временно благоприятные условия для американского хозяйства. В дальнейшем по мере исчезновения этих условий кризисы, как это показали 70-е годы, будут более сильными, чем те, которые имели место в течение 25 лет после второй мировой войны.

Но допустим, что в следующие 25 лет экономические кризисы в США будут такими же, как и в первые послевоенные 25 лет. В данном аспекте, в аспекте экономического соревнования двух социальных систем, в свете оценки темпов развития СССР и США это мало что меняет.

Конечно, с точки зрения политического эффекта, социально-экономических последствий один большой кризис не сравним с тремя небольшими кризисами. Одно дело, если производство, скажем, раз в 10 лет сокращается на 35—40%. Другое дело, если оно в течение 10 лет 3 раза сокращается на 10—15%. Одно дело, если безработица доходит до 15—17 млн. человек. Другое дело, если она доходит до 6—8 млн. человек. Но с точки зрения экономического соревнования двух систем, с точки зрения задержки, торможения процесса капиталистического производства в этом соревновании разница между одним большим и тремя небольшими кризисами в течение одного и того же десятилетия не так уж велика. В этом смысле три небольших кризиса, происходивших на протяжении 1948—1958 гг., равноценны одному большому кризису.

Рассмотрим вкратце некоторые особенности последнего кризиса указанного десятилетия, кризис 1957—1958 гг. Беспрерывное падение производства продолжалось всего восемь месяцев. По сравнению с высшим докризисным уровнем производство сократилось лишь на 14,8%. И то даже такой сравнительно небольшой кризис приостановил рост производства в США на два года. Все три кризиса, происходившие в 1948—1958 гг., приостановили рост производства на 5,5 года. За 11 лет (с 1948 по 1958 г.) половину времени производство топталось на одном и том же месте.

Президент Кеннеди в экономическом отчете конгрессу в начале 1962 г. утверждал: «Из последних 15 лет американская экономика потратила в общей сложности 7 лет на то, чтобы восстановить промышленное производство до ранее достигнутого уровня»²⁷. По оценке известных американских экономистов В. и Е. Войтинских, прямые и косвенные потери экономики США от трех кризисов, происходивших в 1948—1958 гг., составляют 413 млрд. долл. Эта цифра не уступает сумме, которой оценивают потери от самого тяжелого экономического кризиса в истории США, кризиса 1929—1933 гг. По подсчетам супругов Войтинских, в результате двух кризисов 50-х годов (1953—1954 и 1957—1958 гг.) производство США в неизменных ценах на душу населения в этом десятилетии очень мало выросло. Его рост в 1952—1958 гг. составлял в среднем около 0,1% в год²⁸.

Войтинские, суммируя «уроки» (как они их называют) послевоенных кризисов, приходят к такому заключению: «Каждый новый кризис может быть сравнительно коротким и умеренным, протекающим при высоком уровне производства, но общий результат послевоенных кризисных препятствий таков, что они задерживают развитие страны именно в то время, когда ей необходим весь динамизм и энергия»²⁹.

²⁶ «Economic Report of the President», January 1976, p. 176, 184.

²⁷ «Economic Report of the President», 1962, p. 4.

²⁸ *Woytinskys W. and E. Lesson of the Recessions*. Washington, 1959, p. 1—2, 9.

²⁹ *Ibid.*, p. VII.

Между тем нет никакой уверенности, что в дальнейшем экономические кризисы по своей продолжительности, глубине и остроте не превысят кризисов 1948—1958 гг. Напротив, многое говорит о том, что в будущем кризисы, вероятно, будут более глубокими и продолжительными, как это показал кризис 1974—1975 гг.

Речь идет не только о том, что в дальнейшем все меньше будут сказываться те военные и послевоенные условия, которые смягчающим образом влияли на кризисы. В прошлом кризисы насильственно разрешали на короткое время или по крайней мере существенно смягчали некоторые противоречия, накопившиеся в капиталистическом хозяйстве. Послевоенные кризисы не смягчили или почти не смягчили ни одной острой проблемы.

Возьмем, например, такой важный вопрос, как проблема цен. Во время кризисов, предшествовавших второй мировой войне, всегда происходило падение цен. Капитализм всегда выходил из кризиса на низких ценах. Низкие цены вели к ликвидации отсталых предприятий и заставляли передовые, более крупные предприятия совершенствовать технику и приспособляться к существующим ценам. Таким образом начиналось переоборудование основного капитала производства, создававшее основу для нового хозяйственного подъема.

В условиях низких, падающих цен обесценивался в известной мере основной капитал производства, смягчались противоречия, вытекающие из огромного «возрастания стоимости этого все нарастающего капитала»³⁰.

Во время кризисов 1953—1954, 1957—1958 и 1974—1975 гг. цены в общем не только не падали, но даже повышались³¹. Следовательно, проблемы, которые в прошлом смягчались в процессе падения цен, сейчас остаются во всем их объеме, нарастают и, вероятно, усилят удары кризиса в будущем.

А главное, при рассмотрении характера послевоенных экономических кризисов следует учитывать роль социалистической системы, влияние борьбы двух систем на развитие капитализма.

В нынешних условиях соревнования двух систем правительство и конгресс США полны решимости бороться с кризисом всеми доступными им средствами.

Но здесь у США возникают особые трудности.

В прошлом массовая безработица не особенно тревожила правящие круги Вашингтона. Другое дело после второй мировой войны, когда США тратят сотни миллиардов, для того чтобы сохранить капитализм в других странах, чтобы завоевать на свою сторону нейтральные государства. В этих условиях массовая безработица чрезвычайно ослабляет позиции США за границей, позиции, на завоевание которых американский капитализм потратил после войны огромные силы и средства.

Как уже отмечалось выше, еще во время войны, в начале 40-х годов, руководители крупнейших американских монополий смотрели на будущую массовую безработицу, порождаемую экономическим кризисом, как на смертельную угрозу капиталистической системе. Так сильно они опасались массовой безработицы тогда, когда война еще была в полном

³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. 1, с. 292.

³¹ В 1947—1957 гг. цены на товары в США, за исключением фермерских продуктов, выросли более чем на одну треть. Цены на изделия обрабатывающей промышленности выросли на 39%, добывающей промышленности — на 43, а строительство вздвинулось на 54%. (Committee for Economic Development Prices, Costs and Output for the Postwar Decade: 1947—1957. N. Y., 1959, p. 44, 66).

рагаре, когда буржуазная печать США твердила, что Советскому Союзу понадобится десятки лет для залечивания ран, нанесенных ему войной. Тем более правителей США тревожит перспектива массовой безработицы после войны, когда вырос и окреп могущественный мир социализма и когда колоссальные экономические, политические и научные достижения СССР очевидны всем. В этой борьбе двух систем хроническая массовая безработица больше всего дискредитирует американский капитализм внутри страны и за границей.

Однако летом 1957 г. в руководящих правительственных и капиталистических кругах США считали неопасным и даже желательным умеренное сокращение производства и некоторое увеличение безработицы. Когда же осенью того года производство начало стремительно сокращаться, а безработица быстро увеличиваться, буржуазная печать и конгресс США забили тревогу.

В январе 1958 г. 85-й конгресс, собравшийся на вторую свою сессию в разгар экономического кризиса, потребовал принятия самых срочных мер против дальнейшего падения производства и роста безработицы. Демократы, критикуя правительство республиканцев, возлагая на него вину за экономический кризис, внесли в обе палаты конгресса законопроекты о государственных ассигнованиях на пятилетний период суммы в 208 млрд. долл. для борьбы с кризисом, не считая расходов, которые дублировались в других биллях³².

Республиканцы, возражая против таких колоссальных ассигнований, заверяли вместе с тем, что если положение в хозяйстве будет дальше резко ухудшаться, они не будут жалеть сил и средств для борьбы с кризисом.

9 февраля 1958 г. лидер республиканцев в сенате Ноулэнд сообщил, что правительство имеет наготове широкие проекты общественных работ, которые могут быть немедленно реализованы, как только конгресс ассигнует соответствующие средства.

Несмотря на закон 1946 г. о занятости, большая безработица стала в США хроническим явлением. Она не рассасывается в периоды оживления в производстве. В январе 1960 г., например, когда производство в США перед очередным спадом достигло самого высокого уровня, общее число полностью безработных составляло, по официальным данным, 4149 тыс. С тех пор это число увеличивалось. В феврале 1961 г., когда индекс производства дошел до низшего уровня с начала спада, оно достигло 5705 тыс., что составляло 8,1% всей гражданской рабочей силы в стране. В июне 1961 г., когда индекс производства поднялся до уровня января 1960 г., общее число безработных, по тем же официальным данным, равнялось 5580 тыс., или 7,5% всей гражданской рабочей силы. К концу 1970 г., когда индекс промышленного производства был в 1,5 раза выше, чем в 1960 г., число безработных, по данным президентского отчета, составляло около 5 млн.³³ (В июле 1975 г. число безработных, по официальным данным, достигло 8567 тыс.).

В гражданскую рабочую силу входит все население рабочего возраста, не состоящее на военной службе. Сюда наряду с рабочими включают фермеров, государственных чиновников, частных служащих, а также лиц свободных профессий и капиталистов.

³² «Congressional Record», 25.VIII 1958, p. 18072.

³³ «Statistical Abstract», 1961, p. 205; «Federal Reserve Bulletin», January 1961, p. 80, 82; January 1962, p. 82, 84; «Survey of Current Business», January 1962, p. 12; «Economic Report of the President», 1971, p. 226, 237.

По отношению к рабочим в середине 1961 г. безработные составляли не 7,5%, а примерно в 1,5—2 раза больше.

Председатель союза рабочих автомобильной и авиационной промышленности США У. Рейтер утверждал 5 сентября 1966 г., что за истекшие 30 лет валовой национальный продукт в результате безработицы потерял более триллиона долларов, что составляло в среднем 25 тыс. долл. на каждую американскую семью³⁴.

Официальные данные о безработице не показывают всей правды. Они учитывают лишь тех безработных, которые активно ищут работу. Но многие, отчаявшись, уже и не ищут, считая такие поиски напрасными. Официальные данные также не учитывают частично безработных, работающих лишь от двух до четырех дней в неделю.

Сенатор П. Дуглас, подсчитав число частично безработных, утверждал, что в середине 1961 г. частичная безработица была адекватна 1,5 млн. полностью безработных. Внеся некоторые поправки в состав гражданской рабочей силы страны и учитывая частичную безработицу в ее эквиваленте к полной безработице, Дуглас пришел к выводу, что в середине 1961 г. 11,3% рабочих и служащих США были безработными. Дуглас в данном случае не включает в состав гражданской рабочей силы фермеров, лиц свободных профессий и некоторые другие категории не работающих по найму, которые вместе составляли в 1961 г. около 9 млн. человек. Но он считает служащими всех лиц, получающих оклады, включая директоров крупнейших предприятий. И то, по его подсчетам, в середине 1961 г. процент безработных среди рабочих и служащих был в 1,5 раза выше, чем по официальным данным министерства труда США³⁵. Если бы Дуглас взял одних рабочих, то этот процент был бы еще выше³⁶.

Речь идет не о случайном, временном явлении. В 50-х и 60-х годах массовая безработица являлась не только циклической, но и хронической. Такая картина, когда безработица не рассеивается и во время роста производства, наблюдалась и в периоды хозяйственного подъема, последовавшие после кризисов 1953—1954 и 1957—1958 гг. После кризисов 1957—1958 гг., когда продукция обрабатывающей промышленности поднялась на 9,4% по сравнению с низшим уровнем кризиса, занятость в этой промышленности увеличилась лишь на 0,9%. За это время в добывающей промышленности продукция увеличилась на 11%, а занятость сократилась на 3,5%. В 1963 г. журнал «Нью Рипаблик» утверждал, что на протяжении 12 месяцев 15 млн. человек, что составляло 20% рабочей силы страны, были в то или иное время безработными³⁷.

Хроническая безработица в США имеет тенденцию к неуклонному значительному увеличению. Рынок труда растет быстрее, чем число новых рабочих мест, плюс то число занятых, которые выбывают из производства из-за старости, болезни, выхода на пенсию, смерти и т. д.

Существует еще один важный фактор, влияющий на рост безработицы в капиталистической Америке. Сюда относится автоматизация производства.

В 50-х и 60-х годах процесс автоматизации промышленности США усилился. Конкуренция Западной Европы заставляет еще больше усилить этот процесс в 70-х годах. Автоматизация освобождает много рабочих

³⁴ «Worker», 18.IX 1966.

³⁵ «Congressional Record», July 12, 1961, p. 11520; 28.VIII 1961, p. 16117.

³⁶ Так, в апреле 1975 г. в воскресном приложении к «Нью-Йорк таймс» утверждалось, что полная и частичная безработица составляет минимум 13 млн. человек и что «официальная» и «неофициальная» безработица доходит до 15% рабочей силы страны («New York Times Magazine», 27.IV 1975, p. 48).

³⁷ Woytinskys W. and E. Op. cit., p. 46; «New Republic», 25.V 1963, p. 14.

рук в автомобильной, машиностроительной и сталелитейной промышленности, в добыче угля и нефти и в других отраслях производства, а также на транспорте. В 1961 г., например, на главных железных дорогах США, на которых в 1950 г. было занято 1212 тыс. рабочих, осталось 793 071. В 1970 г. это число сократилось до 5 771 435. В 1961 г. в США было добыто столько же битуминозного угля, сколько 12 лет назад, с числом углекопов в 3 раза меньшим, чем в 1949 г.³⁸ За четверть века, последовавшую после второй мировой войны, с 1945 по 1970 г., продукция обрабатывающей промышленности США увеличилась в 2,5 раза, а число рабочих и служащих в этой промышленности выросло лишь на 25%³⁹.

Конечно, не следует упрощенно рассматривать процесс автоматизации, не следует думать, что безработица увеличивается на столько же, на сколько автоматизация освобождает рабочие руки. Автоматизация сокращает число рабочих на одних предприятиях и одновременно увеличивает спрос на рабочую силу на других, в частности на заводах, готовящих оборудование для автоматизации производства. Она содействует развитию электронной техники, производства вычислительных машин и других новых отраслей промышленности.

Однако, не говоря уже о том, что автоматизация не переводит рабочих с одного предприятия на другое и что те рабочие, которых она лишает занятий, как правило, мало приспособлены к работе в новых отраслях производства, весь смысл автоматизации в условиях капитализма сводится к тому, чтобы существенным образом уменьшить число занятых рабочих. В конечном итоге автоматизация содействует росту безработицы в США.

В феврале 1962 г. президент Кеннеди заявил, что замена рабочих машиной возлагает большую заботу на правительство и что образующаяся в результате безработица является «главным вызовом 60-х годов внутри страны»⁴⁰.

Как бы то ни было, автоматизация в современной Америке увеличивает безработицу. Это признала Национальная комиссия по технологии, автоматизации и техническому прогрессу, созданная президентом Джонсоном в августе 1964 г. в соответствии с решением конгресса. Комиссия рекомендовала улучшить подготовку квалифицированных кадров рабочей силы. Но улучшение образования не создает новых рабочих мест, не останавливает роста безработицы, стимулируемого автоматизацией производства. Правительство США возлагало надежды на другие меры против «главного вызова» в его внутренней политике, считая основными мерами — общественные работы.

Американская печать указывала, что, хотя в США федеральные и местные расходы составляют более одной трети стоимости валового национального продукта страны, эти расходы относительно меньше, чем в ряде других капиталистических стран. В 1959 г., например, когда этот процент в США составил 28,3%, в Канаде — 30, во Франции — 33,5, в Англии — 34,9, в Швеции — 35,7%⁴¹. Отсюда делались заключения, что в США еще не использованы возможности увеличения государственных расходов с целью проведения большой программы общественных работ.

В соответствии с пожеланиями президента США в 1961 г. сенатор Ф. Кларк внес в конгресс билль о финансировании федеральным пра-

вительством общественных работ в штатах в период спада производства и роста безработицы.

В 1965 г. в американской печати утверждали, что для создания одного нового рабочего места требуется увеличение валового национального продукта на 30 тыс. долл., что через 10 лет на это понадобится 75 тыс. долл. и что максимальный рост этого продукта не позволит создавать в среднем в год больше одного миллиона новых рабочих мест⁴².

При существующем напряженном финансовом положении, при колоссальных расходах на вооружение и при разбухшем государственном долге правительство США лишено возможности существенно сокращать безработицу при помощи организации общественных работ.

Все так называемые антикризисные мероприятия правительства и конгресса сводятся к увеличению государственных расходов. А так как во время кризиса государственные доходы уменьшаются и без этих расходов образуется дефицит в бюджете, то антикризисные мероприятия сводятся в конечном итоге к увеличению государственного долга, а всякое увеличение государственного долга в условиях США представляет собой мероприятие инфляционного порядка.

Летом 1958 г. в конгрессе США утверждали, что инфляция является проблемой номер 1, что «инфляция представляет сейчас большую и всевозрастающую угрозу для экономики США»⁴³.

Колоссальное увеличение государственных расходов и государственного долга, небывалый ранее в мирное время бюджетный дефицит 1958/59 г. превратили вопрос об инфляции в злободневную государственную проблему. В последние месяцы работы 85-го конгресса (летом 1958 г.) в сенате происходили горячие дебаты об устойчивом и неустойчивом долларе. Но проблема эта существует уже давно. Со времени второй мировой войны покупательная способность доллара неуклонно падает. Если принять его покупательную способность в 1939 г. за 100, то в 1946 г. она равнялась 71,2, в 1955 г. — 51,9, а в 1965 г. — 44⁴⁴.

В последующие годы тенденция к дальнейшему росту цен, к падению покупательной способности доллара не прекращалась. Свидетельством этому служил не только неофициальный рост цен на золото в бумажных долларах⁴⁵: в 1940 г. за доллар можно было получить в 3 раза больше товаров и услуг, чем в 1970 г.

Постепенный, но неуклонный рост цен, наблюдавшийся в США со времени второй мировой войны, называют в США «ползучей инфляцией» (creeping inflation). В правящих кругах США опасались, что «ползучая инфляция» может перейти в «скачущую инфляцию» с вытекающими отсюда весьма опасными последствиями.

В период деятельности 85-го конгресса (в 1957—1958 гг.) финансовая комиссия сената США проводила такое обследование финансово-экономического положения страны, какого конгресс не проводил за истекшие почти 50 лет. Со всех концов страны в Вашингтон были вызваны ученые-экономисты и эксперты в области финансов. На комиссии были заслушаны доклады и сообщения руководителей министерства финансов США, Федерального резервного управления, советников по экономическим вопросам правительства и др.

⁴² «New York Times Magazine», 24.X 1965, p. 48.

⁴³ «Congressional Record», 20.VIII 1958, p. 17158.

⁴⁴ Ibid., 12.V 1966, p. 9919.

⁴⁵ «Magazine of Wall Street», 13.IX 1958, p. 702; «Economic Report of the President», February 1971, p. 250.

³⁸ «New York Times», 16.II 1962; «World Almanac», 1973, p. 437.

³⁹ «Statistical Abstract of the U.S.», 1960, p. 208; 1973, p. 228.

⁴⁰ «New York Times», 15.II 1962.

⁴¹ «Congressional Record», 5.III 1962, p. 3071.

Летом 1958 г. в отчете сенату о работе этой комиссии указывалось, что, как учит история, инфляция неизменно заканчивается крахом. Заместитель председателя Федерального резервного управления Болдерстон утверждал на комиссии сената, что если отказаться от сохранения устойчивого доллара, то едва ли дело ограничится лишь «ползучей», маленькой инфляцией⁴⁶. В такой стране, как США, где с 1934 г. банковская эмиссия опирается не на золото, а на государственные ценные бумаги, которые также не обмениваются на золото, где государственная и частная задолженность исчисляется астрономическими цифрами, переход от «ползучей» к «скачущей инфляции» чреват грозными последствиями.

На заседании этой сенатской комиссии Бернард Барух заявил: «Инфляция, джентльмены, — важнейший экономический факт нашего времени, величайшая угроза нашей экономике»⁴⁷.

А сенатор У. Беннет в своих пространных докладах в сенате США о работе финансовой комиссии говорил об иллюзиях, существующих в определенных кругах и в конгрессе, будто инфляция из ничего создает богатство и реальные ценности, будто государственный долг, увеличивая национальное богатство, повышает жизненный уровень населения и будто от инфляции одни могут выиграть без ущерба для других. Инфляция, признал Беннет, ничего не может создавать. Она может только за счет ограбления одних награждать других.

Некоторые эксперты и члены финансовой комиссии сената, заключил свое выступление Беннет, «готовы признать инфляцию постоянным процессом нашей экономической жизни... Мы слышим много разговоров о необходимой связи между инфляцией и экономическим ростом, как будто мы должны принять первое для того, чтобы иметь второе»⁴⁸.

Критика Беннета относилась прежде всего к профессору Шлихтеру, к мнению которого прислушивались в конгрессе США. В комиссии сената Шлихтер утверждал: «В этом несовершенном мире мы часто вынуждены выбирать известное зло... «Ползучая инфляция» — меньшее из трех зол»⁴⁹.

До кризиса, возникшего в 1957 г., верх имели сторонники сокращения государственного долга, превышения государственных доходов над расходами, торможения кредитной экспансии. В 1955/56 бюджетном году государственные доходы превысили расходы на 4087 млн., а в 1957 — на 3249 млн. долл. В течение двух с половиной лет учетная ставка резервных банков повышалась и дошла к осени 1957 г. до 3,5%.

⁴⁶ «Nation», August 1957, p. 71.

⁴⁷ «Congressional Record», 8.VII 1958, p. 11911.

Еще в 1946 г. Барух, возражая против инфляционных мероприятий правительства, в письме президенту Трумэну утверждал: «Существует лишь один способ избежать инфляции — не допускать ее... Никто никогда еще не был в состоянии контролировать инфляцию» (*Baruch V. Public Years*, p. 366). В 1965 г. в сенате США утверждали: «Инфляция, когда она становится хронической, ведет к таким ужасным далеко идущим, не поддающимся контролю и даже прослеживанию последствиям во всей экономике страны и ее внешней политике, что их общий результат не может не вызвать у дисциплинированного и уважающего законы населения возмущения, доходящего до социальных и политических волнений и переворотов» («Congressional Record», 17.II 1965, p. 2771).

В 1968 г. на совещании промышленников и банкиров даже стоял вопрос о том, что США должны мириться со значительным ростом безработицы, лишь бы приостановить растущую инфляцию» («New York Times Magazine», 24.XI 1968, p. 181).

⁴⁸ «Congressional Record», 18.VII 1958, p. 11911, 1191.

⁴⁹ «Nation», 17.VIII 1957, p. 71. Другими двумя видами «зла» Шлихтер считал большую безработицу и прямой государственный контроль над заработной платой и ценами.

Когда же производство начало падать, полным голосом заговорили сторонники «дешевых денег». С осени 1957 г. до весны 1958 г. учетная ставка резервных банков была снижена наполовину — до 1,75. За полгода учетная ставка понизилась настолько, насколько она повысилась в течение двух с половиной лет промышленного оживления.

Конгресс в большинстве своем стал на ту точку зрения, что экономический кризис хуже инфляции. Полагая, будто кризис можно лечить инфляцией, конгресс согласился для начала увеличить дефицит в 1958/59 бюджетном году на 13 млрд. долл.

6 сентября 1958 г. вице-президент США Никсон в своем выступлении в Гарвардском университете заявил, что не следует бояться бюджетного дефицита в интересах экономического развития⁵⁰. Когда Никсон советовал не пугаться инфляции, индекс промышленного производства Федерального резервного управления уже четыре месяца повышался, повышались цены на акции, на сталь и цветные металлы. Позиции противников инфляции снова укрепились.

Ко времени же закрытия 85-го конгресса опять усилилась кампания за «твердый» доллар, или, как выражаются в США, за «тугие деньги» (*tight money*). Федеральное резервное управление наряду с повышением учетной ставки распорядилось в октябре 1958 г., чтобы при покупке акций платили не менее 90% номинала (до этого в разгар кризиса — 1 января того же года — правительство снизило процент, необходимый для оплаты наличными, до 50).

В США не всегда правильно пользуются словом «инфляция». Этим термином там обычно называют любой, даже циклический, рост цен. В прошлом то, что в США принято называть инфляцией, т. е. рост цен, обычно удавалось ликвидировать во время кризиса, в период падения уровня производства. Напротив, в 1957—1958 гг. в течение восьми месяцев производство непрерывно сокращалось, а цены продолжали расти. Это обстоятельство вызывало неуверенность, усиливало тревогу в конгрессе и в капиталистических кругах. В сенате США утверждали, что инфляция опаснее кризиса: кризис вытекает из «нормального» циклического развития капитализма, а инфляция свидетельствует о ненормальном состоянии капиталистической экономики⁵¹.

Между тем все антикризисные мероприятия правительства, сводящиеся в конечном итоге к увеличению государственного долга, вызывают или усиливают инфляцию.

Равным образом, утверждения Никсона, Рокфеллера, Кайзерлинга и других о том, что в условиях экономического соревнования двух систем рост производства в США должен быть не менее 5% в год, являлись по существу предложениями увеличить инфляционные мероприятия Вашингтона.

Заместитель председателя Комитета экономического развития Говард Питерсон доказывал на подкомиссии конгресса, что в США для увеличения темпов роста производства на 2% в год требуются огромные усилия и колоссальные средства, исчисляемые десятками миллиардов долларов, что необходимо будет увеличить на много миллиардов долларов в год расходы на капиталовложения в производство, на научно-исследовательскую работу и на образование. Питерсон также утверждал, что для повышения темпов экономического роста США должны прежде всего до-

⁵⁰ «Commercial and Financial Chronicle», 11.IX 1958, p. 26.

⁵¹ «Congressional Record», 15.VII 1958, p. 12558; 5.VII 1958, p. 14809, 14813.

биться уменьшения глубины и продолжительности циклических спадов производства⁵².

Между тем многие авторитетные в буржуазных кругах США экономисты твердят, что искусственное форсирование роста производства неизбежно приведет к глубокому кризису и может закончиться трагически для американского капитализма⁵³. Даже такая богатая капиталистическая страна, как США, при отсутствии свободного обмена бумажных денег на золото не может бесконечно увеличивать государственный долг и сохранять устойчивый доллар. Более того, ход событий свидетельствует, что опасения, высказанные заместителем председателя Федерального резервного управления, о том, что при отказе от сохранения устойчивого доллара нельзя будет долго ограничиваться «ползучей инфляцией», имеют вполне определенные основания⁵⁴. Крупнейшие финансовые эксперты США утверждают, что рост государственного долга неизбежно превратит «маленькую» инфляцию в большую, хотя очень трудно сказать, где граница, предел роста государственного долга в Америке, за которым инфляция перестает быть «ползучей».

Во всяком случае возможности финансирования антикризисных мероприятий весьма ограничены. Разговоры об ассигновании сотни миллиардов долларов, о чем толковали в конгрессе в начале 1958 г., так и остались лишь разговорами, вызванными паникой в разгар кризиса. Ассигнования такого или даже меньшего масштаба привели бы к хаосу во всей кредитно-финансовой системе США и подтвердили бы только то, что инфляция неспособна что-либо создавать, зато может многое разрушить; что при существующих условиях усиление инфляции, как опасаются в руководящих политических и деловых кругах США, чревато крайне опасными для американского капитализма последствиями не только внутри страны, но и за границей.

Наконец, когда рассуждают о перспективах развития капиталистической экономики США, следует учитывать весьма существенный политический фактор. Классовая борьба оказывает свое влияние на производственный процесс. Известно, например, что организованность рабочих и более высокая заработная плата в северных штатах США служили главной причиной перевода многих промышленных предприятий с Севера на Юг. Стаечная борьба иногда модифицирует и ход производства.

Фактом остается и то, что в условиях послевоенной борьбы двух социальных систем крупные стачки, как и массовая безработица, ослабляют, подтачивают, дискредитируют капиталистическую систему. Поэтому правительство и конгресс США принимают все меры к тому, чтобы предотвратить возникновение и развитие больших забастовок. Но это им далеко не всегда удается.

В 1959 г. развернулась величайшая в истории США забастовка на заводах стальных трестов. По своей продолжительности и числу бастующих она превзошла великую стачку сталелитейщиков в 1919 г. Со времени окончания первой мировой войны крупные стачки в сталелитейной промышленности продолжались в 1919—1920 г.—109 дней, в 1946 г.—26, в 1952 г.—59, в 1956 г.—34, а в 1959 г.—116 дней.

⁵² Comparison of the U. S. and Soviet Economics, p. 210—211.

⁵³ «Commercial and Financial Chronicle», 23.VI 1960, p. 1, 28.

⁵⁴ Цены в США продолжали и в дальнейшем сильно расти. Если в 1958 г. индекс потребительских цен вырос в США на 2,7%, то в 1968 г.—на 4,7, а в 1974 г.—на 12,9% («Economic Report of the President», 1965, p. 244; «New York Times», 26.XII 1976).

Правительственная партия, объявившая в избирательной платформе 1956 г. своей крупной заслугой быструю ликвидацию конфликта в сталелитейной промышленности, всячески старалась не допускать возникновения нового конфликта в этой отрасли накануне приближавшейся очередной президентской кампании. Эйзенхауэр с самого начала вмешивался в конфликт. Еще большую активность проявлял вице-президент и будущий президент США Никсон, который помимо всего прочего был председателем президентского консультативного совета по вопросам экономического роста и стабилизации.

Конфликт начался в связи с истечением срока коллективного договора между предпринимателями и рабочими в сталелитейной промышленности. 10 апреля сталелитейные компании предложили продлить действующий договор с профсоюзом на один год. За три года действия договора существенно повысилась производительность труда и выросла стоимость жизни. Сталелитейные компании, настаивая на замораживании заработной платы, вместе с тем покушались на отмену принятой в прежнем соглашении с Объединенным союзом сталелитейщиков статьи о подвижной шкале заработной платы: по этой статье предусматривалось повышение заработной платы в соответствии с ростом стоимости жизни.

Капиталисты хорошо подготовились к стачке. До ее начала запасы стали на складах увеличились почти в 2 раза и достигли 20 млн. т. Правительство и суд использовали против бастующих рабочих все возможности, предоставленные им «законом Тафта — Хартли».

Однако стойкость бастующих, солидарность и помощь, оказанная им миллионами организованных рабочих, заставили капиталистов пойти на уступки, смириться с некоторым повышением заработной платы и с включением в новое соглашение, хотя и в ограниченном виде, статьи о подвижной шкале заработной платы.

Несмотря на то что и владельцы сталелитейных заводов, и предприниматели — потребители их продукции — тщательно подготовились к стачке (в частности, накопили большие запасы металла), они просчитались, недооценив решимость и способность рабочих бороться до победы.

К концу октября, когда с начала забастовки прошло уже 100 дней, производство стали сократилось более чем на 30 млн. Недостаток металла привел к сокращению производства на автомобильных и других машиностроительных заводах. Сократилась добыча угля и железной руды. Общий индекс промышленного производства начал падать: в октябре, учитывая сезонные колебания, он был на 7% ниже, чем в июне⁵⁵.

Сенатор Э. Харт из штата Индиана, производящего сталь, заявил, что удар, нанесенный стачкой по его штату, «почти равносильен землетрясению». 22 октября 1959 г. Эйзенхауэр на пресс-конференции жаловался, что недостаток металла задерживает выполнение военно-строительной программы. Еще до ее окончания стачка оцепивалась как «самая дорогостоящая» в истории США⁵⁶. Сталелитейные корпорации недополучили прибыли на сумму 1100 млн. долл.

Судя по индексу промышленного производства Федерального резервного управления, стачка сталелитейщиков 1959 г. задержала процесс развития производства на шесть месяцев⁵⁷.

Правда, такие крупные стачки нечасто бывают в США. Но забастовки меньшего размера происходят постоянно. Согласно данным министерства

⁵⁵ «U.S. News and World Report», 2.XI 1959, p. 39; «Federal Reserve Bulletin», March 1960, p. 314.

⁵⁶ «U.S. News and World Report», 2.XI 1959, p. 39, 40, 78; 3.V 1965, p. 87.

⁵⁷ «Federal Reserve Bulletin», March 1960, p. 314.

труда, в том же 1959 г., за шесть месяцев до возникновения стачки стилистичеков, было зарегистрировано 1957 забастовок, в которых участвовало 850 тыс. рабочих.

Поскольку борьба между трудом и капиталом в США продолжается, она принимает и будет принимать форму стачек, а стачки будут в той или иной мере оказывать свое влияние на развитие производства.

В отдельные годы рост производства в США может достигать или даже превышать те 4—5%, о которых мечтали Даллес, Никсон, Рокфеллер и др., те 5%, которые обещала платформа демократической партии в 1960 г. Но в большом плане, в масштабе 20—25 лет, учитывая все факторы, задерживающие рост производства, особенно неизбежные при капитализме экономические кризисы, можно прийти к заключению, что в среднем рост производства в США вряд ли превысит 3—3,5% в год, т. е. вряд ли превысит темпы среднегодового роста валового национального продукта за три четверти века, начиная с 1890 г., с тех пор как США стали претендовать на роль крупнейшей промышленной страны⁵⁸.

Во всяком случае нет основания полагать, чтобы в дальнейшем рост валового национального продукта США превышал средний рост за 1948—1965 гг., который, по данным министерства торговли США, равнялся 3,7% в год. Больше того: имеется достаточно оснований полагать, что и в дальнейшем этот рост снизится.

Поскольку планы развития народного хозяйства СССР, даже при самом осторожном подсчете превышающие по крайней мере в 2—3 раза темпы роста экономики США, не только выполняются, но и перевыполняются, можно не сомневаться в том, что экономическое соревнование двух общественных систем развивается успешно в пользу социализма⁵⁹.

2. Напряженное сосуществование

Воинствующие выступления адмирала Редфорда и генерала Грюнтера против СССР, Непоследовательная внешняя политика США. «Доктрина Эйзенхауэра». «Жизненные интересы» США. Сопровождение Эйзенхауэра с Макмилланом и Аденауэром. Ракетно-ядерное вооружение НАТО. Первые искусственные спутники Земли. Доклады Гейтера и Рокфеллера. Подкомиссии сената о военной готовности США. Некоторые итоги «холодной войны». Германская проблема. Берлинский вопрос. Создание ЮСИА. Интервенция в Ливан. Причины бойкота КНР Соединенными Штатами. Очередной кризис на Дальнем Востоке. Волнения на Тайване. Возмущение визитом Никсона в Латинскую Америку. Отражение недовольства внешней политикой на выборах в 86-й конгресс.

Успехи социализма в экономическом соревновании с капитализмом служили основой дальнейшего неуклонного изменения соотношения сил в пользу социализма. Рост могущества стран социалистического содру-

⁵⁸ Committee for Economic Development, *Economic Growth in the U.S.* October 1969, p. 13, 41—42; «Business Week», 15.X 1966, p. 86; «Economist», 28.VIII 1965, p. 781.

⁵⁹ В 60-х годах СССР перегнал США не только в таких важных отраслях промышленности, как добыча угля, нефти, железной руды, производство стали, цемента и шерстяных тканей, но и по производству на душу населения таких важных продуктов питания, как молоко и масло, пшеница и картофель («Statistical Abstract», 1970, p. 823—826; «U.S. News and World Report», 3.III 1970, p. 65).

По подсчетам, произведенным в США, занижающим темпы роста СССР, в 70-х годах валовой национальный продукт в США вырастет на 59%, а в СССР — на 100% («U.S. News and World Report», 7.XII 1970, p. 78—79).

В 1913 г. объем промышленной продукции России был равен 1/3 объема американской промышленной продукции, а Советского Союза в 1974 г.—80% («Правда», 1976, 13 февраля).

жества ослабил влияние воинствующих деятелей в республиканской партии, выступавших на выборах 1952 г. с программой восстановления капитализма в странах социализма и пришедших в начале 1953 г. к власти под лозунгом его «отбрасывания». На выборах 1956 г. они вынуждены были разговаривать менее воинственно, иногда даже переходить к сравнительно мирному языку.

Однако события в Венгрии осенью 1956 г. разгорячили заправил республиканцев и демократов. Лидеры обеих партий завершили выборную кампанию 1956 г. антисоветской свистопляской. Конец первого и начало второго президентства Эйзенхауэра сопровождалось опасными агрессивными заявлениями и действиями официальных лиц Вашингтона.

Через три недели после президентских выборов, 29 ноября 1956 г., председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США адмирал Редфорд в своем выступлении в Вашингтоне воспевал войну, подобно тому как «теоретики» нацизма в годы владычества Гитлера. Так, Редфорд заявил: «Говоря о взаимном родстве войны и мира, мы любим первое красить целиком в черный, а второе полностью в белый цвет. Но история показала, что не все войны были плохими и не всегда мир был хорошим»⁶⁰.

16 декабря 1960 г. генерал Грюнтер, — командующий вооруженными силами НАТО в 1952—1956 гг., в своем выступлении по телевидению заявил, что в случае войны с СССР Соединенные Штаты и их союзники применят атомное и водородное оружие независимо от того, использует ли Советский Союз такое оружие или нет⁶¹.

Сам президент США Эйзенхауэр, одержав на выборах 1956 г. большую победу благодаря обещанию сохранить мир, продолжал, как это ему свойственно, выступать в роли примирителя между воинственными и умеренными кругами во внешней политике Вашингтона. Но, занимая формально примиренческую позицию, он в кардинальных вопросах действовал в угоду агрессивным кругам Пентагона и Уолл-стрита.

Со времени окончания второй мировой войны советско-американские отношения стояли в центре внешней политики Вашингтона. Эти отношения приковали еще большее внимание правительства, конгресса, а также общественности США в годы второго президентства Эйзенхауэра, когда обозначились успехи СССР в экономическом соревновании двух систем. Любой вопрос — германский, ближневосточный, дальневосточный, военные пакты, взаимоотношения США с развивающимися странами — рассматривался в аспекте борьбы двух систем.

Когда мы обзриваем внешнюю политику США во второй половине 50-х годов, то наряду с общим агрессивным курсом бросаются в глаза известные колебания или, как выразился Уолтер Липпман, «импровизации».

В 1955 г. Эйзенхауэр участвовал в Женевской конференции глав правительств. Мировая печать заговорила о «духе Женевы». Но вскоре, весной 1956 г., выступления президента США (в частности, его речь в Американском обществе газетных редакторов 25 апреля того же года) оценивались печатью Америки и Европы как стремление ликвидировать положительные результаты, достигнутые в Женеве.

Осенью 1956 г. США голосовали в ООН против агрессии в Египте. Но в начале 1957 г. они сами декларировали агрессивную «доктрину Эйзенхауэра» для Ближнего Востока. 22 апреля этого же года государ-

⁶⁰ «U.S. News and World Report», 14.XII 1956, p. 107.

⁶¹ Ibid., 28.XII 1956, p. 74—75.

ственный секретарь Дж. Ф. Даллес в одном из своих официальных выступлений, в котором (как выразился сам Даллес) он изложил «некоторые основные концепции, определяющие внешнюю политику» Вашингтона, говорил «об особой миссии США», цель которой — так называемое «освобождение», т. е. подрыв существующего строя в странах социализма.

В январе 1958 г. было подписано советско-американское соглашение в области культуры, техники и образования. Многие рассматривали это соглашение как начало улучшения советско-американских отношений, смягчения международной напряженности. Но агрессия США в Ливане опять усилила эту напряженность.

Вскоре США начали бить отбой. В августе 1958 г. они признали пришедшее к власти в результате революции и свержения монархии правительство Иракской республики и голосовали за арабскую резолюцию в ООН, обязавшую их вывести американские войска из Ливана. Но тут же США начали обострять положение на Дальнем Востоке и увеличивать свои морские силы у берегов КНР.

1959 год выделялся как год «потепления», улучшения международной политической погоды. Весь мир заговорил о «духе Кэмп-Дэвида», о перспективах на окончание «холодной войны» и на прекращение гонки вооружений. Но враждебные к Советскому Союзу выступления государственных деятелей США, агрессивные действия Вашингтона, вторжение американских разведывательных самолетов в глубь воздушного пространства СССР весной 1960 г. ликвидировали достижения 1959 г. в области укрепления международного мира, сорвали конференцию глав правительств в Париже, на которую народы всего мира возлагали большие надежды.

Непоследовательность и противоречивость внешней политики Вашингтона объяснялись прежде всего внутривластным положением, соотношением общественно-политических сил в самих США.

В стране и в конгрессе США находились деятели, осуждавшие политику балансирования «на грани войны», считавшие, что в современных условиях такая политика чрезвычайно опасна для самих Соединенных Штатов.

Так, командовавший во второй мировой войне группой американских армий в Европе генерал Брэдли, говоря о тех роковых последствиях, которые может вызвать одна безрассудная рука на пусковой кнопке ракетной установки, заявил, что «проблема мирного сосуществования должна быть решена»⁶².

В 85-м конгрессе сенаторы Фулбрайт, Мэнсфилд, Хэмфри, Морз и другие выражали недовольство агрессивной, безрассудной и опасной внешней политикой правительства США. Но решающее влияние на правительство и на большинство членов палаты представителей и сената имели реакционные силы американского капитала, умножившего свое богатство на военных поставках и на послевоенных вооружениях.

В 50-х годах выросло и усилилось непосредственное влияние и давление на конгресс со стороны Пентагона. В 1958 г. около 500 «лоббистов», оплачиваемых Пентагоном, вели «обработку» членов конгресса⁶³. Пентагон по существу является военным штабом американских монополий.

⁶² «Newsweek», 20.I 1958, p. 34.

⁶³ «Fortune», April 1958, p. 156.

Пирсон и Андерсон в книге «Дело против конгресса», на которую мы ссылались выше, писали: «Самой мощной группой давления в Вашингтоне является, пожалуй, лобби военной промышленности, вовлеченное в великую борьбу корпораций за доллары, которые расходуются на военные цели... Фабриканты оружия.

Среди руководителей монополистического капитала США, его идеологов и политиков немало таких, кто питает органический страх и органическую ненависть к Советскому Союзу и всему социалистическому лагерю. В великих исторических изменениях, происшедших в мире со времени Великой Октябрьской социалистической революции в России, они видят не результат закономерного развития, а лишь нечто временное и неестественное. Преувеличивая затруднения и преуменьшая достижения социалистических стран, они тешат себя иллюзиями о возможности раньше или позже восстановить капитализм в социалистических странах. Подобные представители господствующих кругов США не мыслят себе Вселенной без капитализма, без миллионеров и миллиардеров, без милитаризма и безработицы, без высших и низших рас и наций, без зависимых и слаборазвитых стран. Такие исходные позиции во взаимоотношениях между капиталистическими и социалистическими государствами, основанные на несбыточных мечтах, являются постоянной помехой на пути к сотрудничеству между государствами социалистической и капиталистической систем.

Однако, как наглядно показала прошедшая в 1956 г. национальная выборная кампания, широкие массы США выразили желание жить в мире. Почти вся американская печать подчеркивала, что широкие круги избирателей расценивали победу Эйзенхауэра на выборах в ноябре 1956 г. как мандат американского народа президенту США на выполнение его обещания сохранить мир.

Поэтому агрессивная, воинственная и опасная внешняя политика, проводившаяся Вашингтоном на протяжении второго президентства Эйзенхауэра, маскировалась под этикеткой защиты мира.

Начало второго президентства Эйзенхауэра во внешней политике ознаменовалось декларацией доктрины, названной его именем. Доктрина была изложена в послании конгрессу США от 5 января 1957 г. Послание было составлено во враждебном к СССР духе и содержало грубые анти-советские выпады. Оно подтверждало, что центральным и главным вопросом внешней политики США является борьба против Советского Союза, против всего лагеря социализма и что эта борьба в данное время острее всего проявляется на Ближнем Востоке.

Отметив в самом начале своего послания, что он обращается к конгрессу по вопросу, исключительно актуальному для государства, Эйзенхауэр в дальнейшем иллюстрировал важность Ближнего Востока для США. Он ссылаясь на «всемирную ответственность» США и на большое стратегическое значение Ближнего Востока, а также на то, что в этом

конечно, оказывают самое сильное давление на тех конгрессменов, в избирательных округах которых расположены военные заводы. Боинг, например, с его предприятиями в Сиэтле в состоянии заручиться почти любым желанным контрактом со стороны представителей в конгрессе от штата Вашингтон. Применяя эту практику в национальном масштабе, Боинг старался воспрепятствовать прекращению производства его ракет «Бомарк», что могло последовать за опубликованием в вашингтонских газетах на целой странице списка его 3500 субподрядчиков. Мотивы опубликования этого списка не нуждались в объяснении. Мало кто из конгрессменов не понимал, что «Бомарк» приносит доход субподрядчикам в их избирательных округах.

Промышленники, заключающие военные контракты, используют для установления полезных контактов в Вашингтоне не только отставных офицеров, но и экс-конгрессменов. Перед каждым бывшим членом конгресса, способным примазаться к какому-нибудь военному производству (как признал член палаты представителей Эберг), всегда открыто плодотворное поле деятельности. Но наиболее находчивых лоббистов приобрело военное ведомство, используя самих конгрессменов (Pearson D., Anderson J. The Case Against Congress, N. Y., 1969, p. 331, 335-336).

районе находятся две трети известных мировых запасов нефти. При этом Эйзенхауэр и здесь не обошелся без ханжества, утверждая, что Соединенные Штаты интересуют Ближний Восток как родина трех великих религий.

Эйзенхауэр потребовал санкции конгресса на оказание военной и экономической помощи странам Ближнего и Среднего Востока и на использование вооруженных сил США в этом районе в любой момент, когда он сочтет необходимым, не спрашивая разрешения конгресса, как это предусмотрено конституцией; он имел в виду не только применение внешней, но и так называемой внутренней агрессии.

Таким образом, в районе Ближнего и Среднего Востока, как и в вопросе о Тайване, Эйзенхауэр предложил конгрессу отказаться от своих прерогатив и предоставить исключительное право на вступление в войну президенту США.

Президент заверял, что вооруженные силы США будут использованы лишь по желанию или с согласия стран Ближнего Востока, которые будто бы могут подвергнуться нападению. Однако в каждой ближневосточной стране можно найти реакционные группировки, которые в своих корыстных интересах согласны на такое вмешательство. Вскоре 6-й флот США в составе 50 военных кораблей с морской пехотой, боевыми эскадрильями самолетов и атомным оружием подошел к берегам стран Ближнего Востока для того, чтобы навязывать свои «услуги», поощряя в каждой стране одних и запугивая других, как это было во время антинародного переворота в Иордании в апреле 1957 г. и во время высадки американских войск в Ливане в июле 1958 г.

Подобные действия с несравненно меньшими вооруженными силами у берегов латиноамериканских стран президенты США в свое время назвали «политикой дубинки» и «дипломатией доллара». И сейчас своими военными демонстрациями 6-го флота вдали от Америки, у восточных берегов Средиземного моря, США посягали на суверенитет и попирали достоинство стран и народов, несмотря на то что эти демонстрации прикрывались миролюбивыми заявлениями Вашингтона. Впрочем, действия американских десантов в Мексике и Никарагуа, на Кубе и в Гаити также в свое время сопровождалось заявлениями Белого дома о защите мира.

Декларацией Эйзенхауэра правительство США упорно стремилось навязать народам Ближнего и Среднего Востока свою «опеку», напоминающую «бремя белого человека», белых колонизаторов.

Президент и государственный секретарь США, готовя «доктрину Эйзенхауэра», воспользовались ситуацией, сложившейся на рубеже 1956—1957 гг., когда удалось убедить большинство конгресса, что на Ближнем Востоке после суэцкого кризиса образовался якобы вакуум, который США в силу их далеко идущих международных интересов обязаны заполнить.

В другое время «доктрина Эйзенхауэра» вряд ли получила бы большинство в конгрессе. И даже в начале 1957 г. многие в Вашингтоне понимали, что, одобряя эту доктрину, конгресс подписал незаполненный бланк и что это может привести к последствиям, роковым для всеобщего мира и для судеб самих Соединенных Штатов.

В заявлении ТАСС по поводу так называемой доктрины Эйзенхауэра говорилось: «Выдвинутая Соединенными Штатами империалистическая программа колониализма свидетельствует о том, что американские правящие круги не сделали необходимых выводов из факта провала агрессии против Египта. Они явно пытаются возвратиться к обанкротившейся политике «с позиции силы». Все это не только не способствует ослабле-

нию напряженности в этом районе, а, наоборот, ведет к обострению положения, к усилению угрозы для мира на Ближнем и Среднем Востоке и представляет собой попрание миролюбивых принципов ООН, руководствуясь которыми Генеральная Ассамблея осудила недавнюю агрессию против Египта. В послании господина Эйзенхауэра звучит не голос мира, а голос войны»⁶⁴.

«Доктрина Эйзенхауэра» натолкнулась на значительную оппозицию в конгрессе США. 61 член палаты представителей и 19 сенаторов голосовали против нее. В сенате она прошла лишь после острых дебатов, продолжавшихся два месяца. «Доктрина Эйзенхауэра» вступила в силу 10 марта 1957 г., но и после ее принятия она неоднократно подвергалась резкой критике в печати и конгрессе США; при этом указывали, что она покоится на зыбкой почве, что тяжелое вооружение, на которое эта доктрина опирается, «расположено на тонком льду»⁶⁵, хотя воды Ближнего Востока, где сосредоточилось это вооружение, не замерзают.

«Доктрина Эйзенхауэра» отражала не только те интересы, которые правящие круги американского капитала проявляют к Ближнему Востоку, но и то особое внимание, которое Вашингтон в своей политике «руководства миром», в борьбе двух систем уделяет странам Азии и Африки.

В феврале 1957 г. вице-президент США Р. Никсон отправился во главе правительственной делегации с официальным визитом в Африку. В Гане он представлял США на церемонии по случаю образования нового государства, а в Тунисе — на празднике независимости страны. Он также посетил Либерию, Марокко, Ливию, Судан, Эфиопию и Уганду.

В январе 1957 г. Эйзенхауэр назначил бывшего председателя комиссии по иностранным делам палаты представителей Джеймса Ричардса специальным помощником президента США по проблемам Ближнего Востока.

В марте 1957 г. Ричардс отправился со специальной миссией в страны, которые Эйзенхауэр решил «осчастливить» своей доктриной. Ричардс посетил 15 государств, расположенных в районе от Марокко до Пакистана и от Греции до Эфиопии включительно. Таким образом, Ближний, или (как его называют в США) Средний Восток охватывает, по мнению авторов «доктрины Эйзенхауэра», гораздо более обширную территорию, чем та, которая подразумевается под этим географическим понятием.

Везде Ричардс утверждал, что «доктрина Эйзенхауэра» сулит большие блага странам, на которые она распространяется. Везде он предлагал «бескорыстную» американскую помощь: он тут же обещал 120 млн. долл. странам, которые посетил.

Не все государства, слушавшие сладкие слова Ричардса, отнеслись с доверием к подаркам «дяди Сэма»: Йемен и Судан, например, уклонились от этих подарков, Иордания колебалась, а Сирия их совершенно отвергла. Другие сначала набросились на американские подачки и тут же согласились компенсировать их опубликованием совместного коммюнике, начиненного нападениями на «международный коммунизм». Совместные коммюнике, опубликованные специальной комиссией Ричардса и правительствами Турции, Ирака, Ирана и Пакистана, напоминали во многом антикоминтерновский пакт держав оси. Ричардс сообщил турецкому правительству о готовности США участвовать в работе военной комиссии Багдадского пакта.

⁶⁴ «Правда», 1957, 13 января.

⁶⁵ «Congressional Record», 19.IX 1957, p. A7515—A7516.

Но все это не помогло «доктрине Эйзенхауэра». Вскоре в Вашингтоне признали ее полный провал.

Разочарование вызвали также американские декларации в Африке. Провозглашая политику «самоопределения» народа Анголы, Вашингтон в то же время продолжал вооружать своего союзника по НАТО — Португалию, которая американским оружием убивала борющихся за свою национальную независимость африканцев. Равным образом слова и дела государственного департамента резко расходились в отношении Соединенных Штатов к ЮАР и ее политике дискриминации и истребления коренного населения страны.

В 1957 г. одновременно с миссиями Никсона и Ричардса на Ближний Восток и в Африку Вашингтон посетили король Сауд, наследный принц Ирака, марокканский король, марионетка США — президент Южного Вьетнама Нго Динь Дьем и другие государственные деятели Азии и Африки.

В общем опека, которую США старались установить над странами Азии и Африки, была рассчитана на все пространство от Марокко до Тихого океана.

В своей речи 15 октября 1957 г. в Сан-Франциско Никсон снова повторил, что в Азии и Африке решится исход борьбы двух систем, что, если коммунистам удастся распространить свое влияние на эти континенты, «западный мир будет вынужден сдать без единого выстрела». Обращаясь к американским капиталистам, Никсон предлагал им увеличить свои инвестиции за границу и обещал, как в свое время президент Трумэн, соответствующие гарантии. Никсон утверждал, что необходимо удвоить и утроить экспорт капитала из США. Если, заключал он, Америка инвестировала бы за границу такую долю своего национального дохода, какую Англия инвестировала в 1910 г., то в 1956 г. экспорт капитала США составил бы не 4 млрд., а 30 млрд. долл.⁶⁶

«Доктрина Эйзенхауэра» означала активизацию американского капитала не только на Ближнем Востоке, но и на всех обширных территориях в Азии и Африке. В то же время она служила как бы ориентиром во всей агрессивной, заносчивой и непримиримой внешней политике Вашингтона, проводившейся в 1957 г.

Через пять дней после опубликования своей доктрины Эйзенхауэр выступил на объединенном заседании обеих палат конгресса с очередным ежегодным посланием «о положении страны». В своем послании он, как и прежде, декларировал претензии США на установление мирового господства. Заявляя о том, что «жизненные интересы Америки связаны со всем миром, охватывая оба полушария и все континенты», Эйзенхауэр утверждал, что интересы США обязывают их «взять на себя высокую роль в мировых делах — роль энергичного руководителя»⁶⁷.

Политические и военные совещания с представителями иностранных государств, визиты премьеров и министров иностранных дел, происходившие в Вашингтоне в 1957 г., характеризуются той же враждебностью к СССР и той же антисоветской направленностью, что и «доктрина Эйзенхауэра».

Переговоры, которые в январе 1957 г. вел в Вашингтоне министр обороны Англии Данкен Сэндис, хотя и обнаружили разногласия в вопросе о доле Великобритании в общих расходах и усилиях государств, входящих в НАТО, сводились в конечном итоге к вопросу о том, как целе-

сообразнее использовать новейшее американское оружие — управляемые снаряды на английском плацдарме.

Совещание на Бермудских островах, происходившее в марте 1957 г. между Эйзенхауэром и Макмилланом при участии государственного секретаря США, министра иностранных дел Англии и многочисленных советников обоих государств, протекало под флагом «холодной войны» и усиления военных приготовлений против СССР, КНР и других социалистических стран.

В опубликованном 24 марта 1957 г. совместном англо-американском коммюнике говорилось об «особой важности НАТО для обеих стран, представляющем краеугольный камень их политики на западе»; о предоставлении вооруженным силам Великобритании некоторых видов управляемых снарядов США; о намерении продолжать испытания ядерного оружия; об активном участии США в работе военной комиссии Багдадского пакта и о других вопросах в духе «холодной войны»⁶⁸.

В этом же духе в мае 1957 г. проходили в Бонне сессии совета НАТО, в которой участвовали министры иностранных дел 15 стран, и переговоры Аденауэра с Эйзенхауэром в США.

В совместном коммюнике, опубликованном Эйзенхауэром и Аденауэром 28 мая в Вашингтоне, указывалось, что федеральное правительство Западной Германии внесет свой вклад в военные мероприятия НАТО так скоро, как только это будет возможно⁶⁹. В тот же день Аденауэр выступил в сенате США с речью, содержащей грубые выпады против СССР.

Сессию совета СЕАТО, происходившую в марте 1957 г. в Канберре, Даллес старался (правда, безуспешно) использовать для активизации союзников США в Юго-Восточной Азии. Острие его выступления было направлено против КНР. Равным образом, переговоры, которые в Вашингтоне вел Эйзенхауэр с японским премьером Киси в июне 1957 г., были направлены против усилившегося в Японии стремления к нормализации отношений с КНР.

Все эти и другие совещания и переговоры, проводившиеся на основе курса «холодной войны» и проходившие либо в Вашингтоне, либо под руководством Вашингтона, завершились в 1957 г. переговорами Эйзенхауэра с Макмилланом в конце октября и сессией совета НАТО в конце декабря.

25 октября 1957 г. было опубликовано коммюнике о соглашении, заключенном между Эйзенхауэром и Макмилланом в Вашингтоне. Главы обоих государств объявили, что в нынешних условиях взаимопомощь обуславливает взаимозависимость государств, необходимость объединения их ресурсов для лучшего использования в общих целях. Было решено, что Соединенные Штаты Америки на своих базах в Англии ускорят сооружение ракетных установок для управляемых снарядов с радиусом действия до 1500 миль.

Эйзенхауэр и Макмиллан договорились также о пересмотре своей политики по отношению к Египту и Сирии, с тем чтобы эти страны толкнуть на сближение с США и Англией и на отход от дружеских отношений с Советским Союзом. В конце ноября американская печать сообщила, что после 17 месяцев перерыва США возобновили оказание ранее прерванной помощи Египту⁷⁰.

⁶⁶ «Commercial and Financial Chronicle», 24.X 1957, p. 32.

⁶⁷ «New York Times», 10.I 1957.

⁶⁸ «Department of State Bulletin», 8.IV 1957, p. 551—562.

⁶⁹ «U.S. News and World Report», 7.VI 1957, p. 61—63.

⁷⁰ «U.S. News and World Report», 29.XI 1957, p. 10.

Поднятые в переговорах Эйзенхауэра и Макмиллана вопросы («взаимозависимость», размещение американских ракетных установок и термоядерного оружия в странах НАТО и др.) предполагалось согласно опубликованному совместному коммюнике обсудить на очередной сессии совета НАТО в декабре.

Однако к открытию парижской сессии НАТО в декабре 1957 г. нараставшая со времени опубликования «доктрины Эйзенхауэра» активность воинственной дипломатии Даллеса натолкнулась на большие затруднения внутри страны и за границей.

На очередную сессию НАТО отправились Эйзенхауэр и Даллес. Поездка самого президента США во Францию (несмотря на то что со времени сильного сердечного приступа, перенесенного им, прошло всего три недели) подчеркнула то большое значение, которое США придавали размещению ракетного и атомного оружия на территории европейских государств. Эта поездка была предпринята с целью оживления деятельности НАТО, подчеркивания его значения, единства и сплоченности его членов.

Европейские союзники встретили предложение Эйзенхауэра весьма холодно. Норвегия и Дания категорически отказались от американского ракетного и атомного «подарка». Большинство членов НАТО дало уклончивый ответ под предлогом подумать, посоветоваться. Лишь три члена НАТО — Англия, Италия и Турция — приняли американское предложение.

Англия имела уже к тому времени собственное ракетное и атомное оружие на своей территории. И все же согласие на размещение на Британских островах американских ракетных установок и складов для атомного оружия вызвало бурю негодования в стране.

Вместо демонстрации сплоченности членов НАТО на сессии в Париже обнаружилось разногласия. Вместо безоговорочного принятия плана Вашингтона и единодушного отклонения мысли о переговорах с Советским Союзом сессия совета НАТО в Париже вынуждена была заняться вопросами, относящимися к переговорам о разоружении, и обсуждением предложения СССР по этому вопросу.

Уолтер Липшман, отмечая, что сессия совета НАТО в Париже продемонстрировала «поразительное отсутствие доверия к американскому руководству», утверждал, что такое положение объясняется изменением соотношения сил в борьбе двух систем не в пользу США⁷¹.

Вернувшись в Америку, 23 декабря 1958 г. Эйзенхауэр и Даллес в выступлениях по радио и телевидению заявили о своем желании достигнуть соглашения между Востоком и Западом с целью смягчения международной напряженности.

Макмиллан, который вместе с Даллесом подготовил агрессивную повестку дня сессии совета НАТО в Париже, уже через две недели после закрытия этой сессии, 4 января 1958 г., в выступлении по британскому радио даже предложил заключить пакт о ненападении с Советским Союзом.

Эти выступления свидетельствовали о новом соотношении мировых сил, заставившем Эйзенхауэра и Даллеса изменить свою тактику во взаимоотношениях между Востоком и Западом, а также о том, насколько далеко Даллес отошел от своей речи в Буффало, произнесенной им 14 сентября 1952 г., когда он обещал, что в случае избрания Эйзенхауэра

президентом Соединенные Штаты организуют в странах социализма «эффективные восстания»⁷².

Хотя программа «освобождения», выдвинутая Даллесом, будучи не-реальной, вызывала с самого начала большое беспокойство и сопротивление в Западной Европе и встречала большую оппозицию в самих США, однако со дня прихода к власти республиканцев после выборов 1952 г. эта программа в течение пяти лет рассматривалась как официальное кредо внешнеполитического курса Вашингтона.

К концу пятого года пребывания Эйзенхауэра в Белом доме, осенью 1957 г., произошло великое событие, убедительно свидетельствовавшее о новом, скачкообразном изменении соотношения мировых сил. Оно заставило многих в Северной Америке и в Западной Европе призадуматься и выразить свои сомнения и недоверие к воинственной, опасной внешней политике Даллеса. 4 октября 1957 г. вошло в историю как дата начала завоевания космоса. В этот день в СССР был запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

Сразу рухнули расчеты и надежды на техническое превосходство США, на то, что в соревновании по производству вооружения Америка с ее высокой техникой имеет преимущество. Вместе с тем рухнула вера в американскую пропаганду, постоянно рекламировавшую силу американского оружия, якобы намного опередившего советское.

В ноябре в СССР был запущен второй, более крупный спутник Земли. Директор центра изучения внешней политики США при Чикагском университете Ганс Моргентау писал, что советские спутники Земли «явились драматической демонстрацией упадка американского могущества — упадка, начавшегося в сентябре 1949 г. и продолжавшегося со всевозрастающей быстротой, неизвестной нам, но не нашим друзьям и врагам»⁷³.

Когда 26 августа 1957 г. появилось сообщение ТАСС об успешном запуске советского межконтинентального баллистического снаряда, имеющего возможность достигнуть любой точки земного шара, Эйзенхауэр на пресс-конференции, состоявшейся 3 сентября, выразил публично свое недоверие к этому сообщению. Вскоре, в начале октября, запуск первого советского спутника Земли рассеял всякие сомнения в правильности сообщения ТАСС.

Самоуверенность многих сторонников политики «с позиции силы» в США убавилась, а их союзники — великие и малые державы — заколебались. Значение многочисленных заграничных баз США уменьшилось, а народы тех стран, где эти базы дислоцированы, встревожились.

Запуск советских спутников Земли, демонстрировавших технический прогресс СССР, поднявших перед всем миром авторитет советской науки, в то же время снизил престиж воинственных правителей США.

Создавшееся положение вызвало сильное беспокойство в правящих кругах США. Официальные и неофициальные комиссии занялись изучением изменений, происшедших в соотношении мировых сил. В капиталистических странах заговорили, что США проигрывают «холодную войну». В самих США известный идеолог и политик американского монополистического капитала У. Ростоу писал: «В истории США нет аналогии, подобной кризису, вызванному запуском советского спутника Земли 4 октября 1957 г.»⁷⁴.

⁷² Pearson D., Anderson J. U.S.A. A Second Class Power? N. Y., 1958, p. 311.

⁷³ «Current History», March 1958, p. 129. Сентябрь 1949 г. Моргентау отметил как время, когда стало известно, что СССР овладел атомным оружием.

⁷⁴ Rostow W. The United States in the World Arena. N. Y., 1960, p. 366.

⁷¹ «Правда», 1957, 20 декабря.

В январе 1958 г. Институт общественного мнения Гэллага опубликовал итоги опроса, проведенного в столицах важнейших капиталистических государств. На вопрос о том, у кого лучшие позиции в «холодной войне» — у СССР или у западных союзников, последовали ответы (в %) ⁷⁵:

	У СССР	У западных союзников	Не высказали своего мнения		У СССР	У западных союзников	Не высказали своего мнения
Вена	38	31	31	Париж	55	16	29
Торонто	42	22	36	Копенгаген	57	14	29
Стокгольм	46	16	38	Вашингтон и Чикаго	67	13	20
Лондон	47	28	25				

К этому времени в США появились доклады различных комиссий, рекомендовавших срочные меры, для того чтобы изменить положение, чтобы быстро преодолеть отставание США в новейших и важнейших видах оружия.

Американская печать уделяла большое внимание этим докладам, подготовка которых финансировалась фондами Форда и Рокфеллера. Одно из таких произведений, сочиненное на средства Форда, названо «докладом Гейтера» по имени председателя комитета «фонда Форда».

Доклад Гейтера не был опубликован. Печать США объясняла необходимость сохранения его в тайне тем, что его авторы высказались за превентивную войну ⁷⁶ и оперировали фактами, считавшимися строгой военной тайной Пентагона. Но все же кое-что из этого доклада получило огласку. Его авторы предупреждали: США отстают в военном отношении от СССР, и особенно опасно отставание в ракетной технике; командование вооруженными силами США не принимало последние годы должных мер, а утверждения правительства о том, что США могут эффективно противостоять советской военной силе при существующем уровне подготовки и организации вооруженных сил США, неверны; США очень уязвимы, и весьма вероятно, что они потерпят поражение в случае войны в 1959 г. с Советским Союзом ⁷⁷.

В докладе Гейтера предлагалось увеличить непосредственные военные расходы США на 8 млрд. долл. в год, а все государственные расходы — на 20 млрд. долл. в год ⁷⁸.

Подготовленный под непосредственным руководством Нельсона Рокфеллера доклад «фонда Рокфеллера» о военных силах США был опубликован 5 января 1958 г. В этом докладе также утверждалось, что США отстают от СССР во многих областях вооружений, что США «быстро теряют ведущее место в военно-техническом состязании», предлагалось расширить сотрудничество США с их союзниками, увеличить военные

⁷⁵ «U.S. News and World Report», 17.I 1958, p. 14.

⁷⁶ Pearson D., Anderson J. U.S. A Second Class Power? p. 12—13, 329. Как и другие сторонники превентивной войны, авторы «доклада Гейтера» считали, что пока межконтинентальные баллистические снаряды СССР еще, мол, не полностью освоены, США с их многочисленными базами сохраняют стратегические преимущества, которые необходимо поторопиться использовать.

⁷⁷ «U.S. News and World Report», 3.I 1958, p. 57; Rostow W. Op. cit., p. 370. В 1965 г. были изданы мемуары Эйзенхауэра «Годы в Белом доме», в которых экс-президент США рассказывает, что на него оказывалось сильное давление с целью опубликования доклада Гейтера, но что он не уступал, так как считал доклад слишком пессимистическим и его разглашение нецелесообразным.

⁷⁸ «U.S. News and World Report», 3.I 1958, p. 57.

ассигнования на 3 млрд. долл. в год и реорганизовать центральные военные учреждения ⁷⁹.

Доклады Гейтера и Рокфеллера основывались в значительной мере на материалах специальных исследований, проведенных по заданию командования вооруженных сил США с целью определить военную мощь США и их возможности в случае войны с СССР.

Для организации этих исследований еще в 1948 г. при университете Джона Гопкинса в Балтиморе было создано Оперативное исследовательское бюро, названное ОРО. К работе в этом бюро наряду с крупными военными специалистами привлечены экономисты, историки, физики, химики, биологи, психологи и другие специалисты. В начале 1958 г. ОРО пришло к выводу, что вооруженные силы США в очень важных областях сильно отстают от вооруженных сил СССР и что Соединенным Штатам необходимо увеличить военные расходы на 15 млрд. долл. в год ⁸⁰. Глава ОРО Эллис Джонсон утверждал, что СССР может внезапным ударом сокрушить Соединенные Штаты ⁸¹.

Комментируя причины, приведшие к отставанию США в важнейших видах современных вооружений, многие ссылались на маккартизм, запугавший и разогнавший ряд талантливых ученых ⁸².

Особое значение имела работа подкомиссии сената по военной подготовленности США, в которой сразу после запуска первого советского спутника в октябре 1957 г. начали обсуждаться самые важные военно-политические вопросы. Хотя конгресс в это время не заседал, специальная весьма авторитетная подкомиссия под председательством лидера большинства в сенате будущего президента США Л. Джонсона работала напряженно. Она заслушала сообщения 70 докладчиков и опросила около 200 экспертов. 23 января 1958 г. Джонсон заявил в сенате, что возможность Советского Союза запускать баллистические ракеты с одного континента на другой не подлежит сомнению ⁸³.

Культивируемые в США в течение долгих лет надежды на «недостигаемость», на «неуязвимость» окончательно рассеялись.

Достижения современной стратегической авиации и раньше вызывали у американцев опасения, что их страна больше не гарантирована от воздушных бомбардировок. Однако, пока бомбы доставлялись к цели на самолетах, в Вашингтоне надеялись, что надлежащая противовоздушная оборона в сочетании с обширной, детально разработанной системой радарных установок может служить более или менее надежной защитой против нападения с воздуха из-за океана.

Официальное сообщение Джонсона о том, что СССР владеет межконтинентальными баллистическими ракетами, показало, что подобные расчеты весьма неосновательны ⁸⁴.

Правда, руководители вооруженных сил США (министр обороны Н. Макэлрой и сменивший его в ноябре 1959 г. Т. Гейтс, председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США до августа 1960 г. Н. Туайнинг, командующий морскими силами США адмирал Бэрк и др.) в своих показаниях на подкомиссии конгресса и в публичных выступлениях

⁷⁹ «New York Times», 6.I 1958; Rostow W. Op. cit., p. 371.

⁸⁰ «U.S. News and World Report», 31.I 1958, p. 60.

⁸¹ «New York Times», 4.II 1958.

⁸² Pearson D., Anderson J. U.S.A. A Second Class Power?, p. 19.

⁸³ «U.S. News and World Report», 31.I 1958, p. 56.

⁸⁴ Через 10 дней после доклада Джонсона в сенате Х. Болдуин констатировал в «Нью-Йорк таймс»: «Америка навсегда потеряла географическую неуязвимость» («New York Times», 2.II 1958).

ших продолжали утверждать, что США имеют известные военные преимущества перед Советским Союзом, у них лучшие стратегические позиции, больше атомных и водородных бомб и они могут внезапным ударом уничтожить больше людей, чем это может сделать Советский Союз⁸⁵. Но, как отметил военный обозреватель Х. Болдуин, это — «ненужная роскошь». Советский Союз имеет достаточно средств, чтобы в случае войны опустошить Соединенные Штаты⁸⁶.

В 1960 г. известный физик, принимавший участие в создании первых американских атомных бомб, Ганс Бетэ писал: «Широко признано в США, а также в Советском Союзе, что продолжающаяся гонка вооружений бессмысленна. Обе страны имеют полную возможность уничтожить друг друга. Фактически их возможности превышают в несколько раз силу, необходимую для того, чтобы друг друга уничтожить»⁸⁷.

Еще до запуска первого спутника Земли в военных и политических кругах Вашингтона сложилось мнение, что любое внезапное массированное нападение на СССР не гарантирует от ответного испепеляющего удара по США. В начале 1957 г. газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала оценку экспертов, доказывавших, что даже при обеспечении лучшими бомбоубежищами, какие только могут быть построены, массированный удар может уничтожить 40—45% населения США⁸⁸.

После запуска первых советских спутников Земли близкий к кругам Пентагона Джозеф Олсон писал: «Соединенные Штаты уже не могут нанести первый удар в ядерной войне, даже если наши союзники вдрут согласятся на это»⁸⁹.

Потеря США ее былой недосыгаемости и неуязвимости вызвала неуверенность в рядах ее союзников по НАТО, что скоро привело к оппозиции Франции в лице де Голля в Северо-Атлантическом блоке, но жалобы на этот блок имели место в Париже еще до возвращения к власти де Голля. Пока в этом блоке господствовало мнение, что США продолжают оставаться недоступными для противника, что в случае третьей мировой войны они, как в прошлом, будут воевать лишь на чужих территориях, никто не сомневался в готовности США выполнить обязательства по НАТО.

Другое положение создалось после появления межконтинентальных баллистических ракет. Союзники по НАТО стали задумываться над тем, будут ли США рисковать Вашингтоном и Нью-Йорком для защиты Лондона и Парижа.

Сторонники де Голля начали доказывать, что они не могут представить себе такую ситуацию, при которой Соединенные Штаты пошли бы на риск своего полного или частичного уничтожения «ради своих европейских союзников. В дальнейшем французское правительство неоднократно повторяло аргументы де Голля. 13 апреля 1966 г. премьер Ж. Помпиду заявил в Национальном собрании, что сохранение французских вооруженных сил под командованием НАТО вовлекло бы Францию в войну, в которой она никак не заинтересована. Французы аргументировали также и тем, что, как показал суэцкий кризис, происшедший еще до появления межконтинентальных баллистических ракет, США в своих корыстных целях готовы игнорировать интересы своих союзни-

⁸⁵ «U.S. News and World Report», 6.IV 1959, p. 94, 13.IV 1959, p. 23, 37—38; «Magazine of Wall Street», March 1959, p. 627.

⁸⁶ «New York Times», 11.II 1958.

⁸⁷ «Atlantic», August 1960, p. 51.

⁸⁸ «New York Times», 19.II 1957.

⁸⁹ «Saturday Evening Post», 2.III 1958.

ков и даже голосовать против них. Ганс Моргентау, говоря об уроках этого кризиса, писал: «Западный альянс оказался гораздо менее обширным, менее прочным и надежным, чем казалось, судя по официальной идеологии и множеству общих институтов»⁹⁰.

Проповедники войны могли бы с успехом продолжать бряцать оружием и заручиться должной поддержкой, если бы им удалось убедительно доказать, что в такой войне США окажутся в положении Рима. Но они не могли рассчитывать на реальную поддержку, если война сулила Америке участь Карфагена или если даже в результате войны оказалось бы, как выражались в США, два Карфагена.

Такая перспектива действовала очень сильно как укрощающий, сдерживающий фактор. Виднейшие военные руководители США, писал в январе 1958 г. известный американский журнал, «уверены, что сейчас война не является полезным инструментом национальной политики, а представляет только дорогой путь к самоубийству»⁹¹.

В указанном выше докладе, подготовленном сенату Л. Джонсоном, где подчеркивалась необходимость усиления военной мощи США, сделано было такое заключение: «Важнее всего, однако, тот факт, что безопасность США или любой другой страны не может быть обеспечена вооружениями. Баллистические снаряды самой большой разрушительной силы могут принести нам не больше, чем положение шахматного лада. Мы предпочитаем такое положение поражению. В этом вопросе должна быть полная ясность. Но те же силы, знания и технология, которые производят баллистические снаряды, могут также создать инструменты мира и общего сотрудничества»⁹². Л. Джонсон — будущий президент США, как и многие другие государственные и общественные деятели, признал, наконец, что в атомный век безопасность государства нельзя обеспечить непрерывным увеличением запасов смертоносного оружия.

В этих условиях Вашингтону пришлось пересмотреть свои внешнеполитические и военно-стратегические установки. Эйзенхауэр и Даллес были вынуждены в канун 1958 г. заявить на весь мир, что США желают достигнуть соглашения между Востоком и Западом и смягчить международную напряженность. Однако американская дипломатия на Ближнем и Дальнем Востоке по-прежнему поддерживала в 1958 г., как мы увидим, напряженное состояние.

В 1958—1959 гг., в общественных и политических кругах США подвелись некоторые итоги «холодной войны». В апреле 1959 г. испол-

⁹⁰ Morgenthau H. The Crossroad Papers, N. Y., 1965, p. 156; «Congressional Record», 25.I 1963, p. 1046.

⁹¹ «Newsweek», 20.I 1958, p. 34.

⁹² «U.S. News and World Report», 31.I 1958, p. 57.

Даже Дж. Ф. Даллес сильно убавил присущий ему воинственный тон. В тот месяц, когда был запущен первый советский спутник Земли, он опубликовал статью, в которой писал: «Самое важное, что отличает нас от прошлого,— это, конечно, тот факт, что никогда раньше не было такой необходимости в уменьшении риска войны. Сегодня война между великими военными державами может уничтожить почти всю человеческую жизнь, по крайней мере в северных широтах. Мы предполагаем, что мудростью, находчивостью и дисциплинированностью человек может обуздать и контролировать силы, которые он создал. Мы упорно добиваемся общими усилиями возможности освободить мир от существующей угрозы его уничтожения оружием, которое цивилизация произвела» («Foreign Affairs», October 1957, p. 35). Позднее в этом журнале отмечалось: «Когда первый спутник показал, что соотношение сил будет изменяться в пользу СССР, Даллес сумел это быстро осознать и начать постепенное отступление, означавшее ориентацию на совершенно другое военное и политическое положение» («Foreign Affairs», April 1964, p. 383).

нилось 12 лет с тех пор, как крутой антисоветский курс внешней политики Трумэна был назван вселяющим во всем мире страх и тревогу термином «холодная война». За это время США потратили почти 0,5 трлн. долл. на то, чтобы, как утверждало правительство США, иметь более сильные позиции, чем СССР, чтобы разговаривать с ним как «более сильная сторона». За эти 12 лет военные расходы США превысили более чем в 40 раз их военные расходы за 12 лет, предшествовавших второй мировой войне. До конца 50-х годов США потратили на «холодную войну» в 1,5 раза больше долларов, чем на всю вторую мировую войну. Только на приобретение и содержание союзников и «друзей» за границей США израсходовали в 1947—1957 гг. около 100 млрд. долл.⁹³

«Холодная война» вызвала не только колоссальные материальные затраты: как уже было показано выше, этот курс с самого начала превалировал не только во внешней, но и во внутренней политике, а также во всей общественной жизни страны. Распространившаяся по всей стране шпиономания, преследование многих прогрессивных деятелей и ряда деятелей науки, наблюдение, которое Федеральное бюро расследований установило за миллионами американцев, бешеная активность комиссий по расследованию так называемой антиамериканской деятельности и проверке лояльности, антирабочие законы, маккартизм и другие взрывы истерии, отравлявшие политическую атмосферу в США и создавшие напряженное состояние у миллионов людей в стране, — все это результат политики «с позиции силы», продукт «холодной войны».

Итоги этой политики оказались безотрадными. С военной точки зрения, к концу 50-х годов США оказались в несравненно менее выгодном положении, чем до «холодной войны». Поэтому во влиятельных кругах США росло движение за свертывание или даже за окончание «холодной войны», за уменьшение или даже за прекращение гонки вооружений. Даже такой ярый сторонник превентивной войны против СССР и других стран социализма, каким был генерал Макартур в начале 50-х годов, в конце десятилетия занял диаметрально противоположную позицию⁹⁴. Другой известный в США генерал — О. Брэдли также начал выступать за мирное сосуществование. Именно по тем же причинам лидер большинства республиканцев заявил в сенате, что безопасность Соединенных Штатов Америки не может быть обеспечена вооружениями.

В первые два года второго президентства Эйзенхауэра внешняя политика Даллеса подвергалась резкой критике в стране и в конгрессе. Программа борьбы с «международным коммунизмом», обещание «дезорганизовать международный коммунизм», декларированные Эйзенхауэром в начале 1957 г. в его доктрине и в других его выступлениях еще в том же году, были признаны неосуществимыми не только в американской и европейской печати, но и на парижской сессии НАТО, на которой союзники США заставили Соединенные Штаты согласиться с тем, что необходимо найти пути и средства для заключения если не мира, то по крайней мере перемирия в «холодной войне».

Критика политики «с позиции силы», сомнения в целесообразности продолжения «холодной войны» появились во влиятельной американской печати и в конгрессе США до запуска советских спутников. В июле 1957 г. в вестнике Американской академии политических и социальных наук, посвященном взаимоотношениям США с их союзниками, утверждалось, что в Америке убедились, что «холодную войну нельзя выиграть», что политика «с позиции силы» не удалась, что Запад должен научиться жить в мире, где он навсегда утратил свое господство, что мирному сосуществованию нет альтернативы, что США и социалистические государства «должны разумно жить вместе либо вместе умереть на огромном погребальном костре»⁹⁵.

17 августа 1957 г. заместитель лидера большинства в сенате США сенатор Мэнсфилд выступил с обстоятельным докладом, названным «Пора принять решительные шаги во внешней политике».

Говоря о том, что ныне внешняя политика отодвигает на задний план все другие государственные вопросы США, Мэнсфилд утверждал, что в атомный век от этой политики зависит, «будут ли грядущие поколения... жить в мире, где сохранятся следы цивилизации, или — будет ли этот мир хотя бы обитаем». Не следует, говорил Мэнсфилд, строить иллюзии при такой серьезности положения: «В конце концов эти иллюзии, это шаткое равновесие, на котором покоится участь человечества, могут быть нарушены каким-нибудь просчетом, каким-нибудь актом безумия»⁹⁶.

Некоторые события, происшедшие в начале 1958 г., показали, что опасения Мэнсфилда не были лишены основания. Сенатор Фландерс, например, рассказал в комиссии сената, что 3 февраля 1958 г. американские радарные станции сообщили о движении армады бомбардировщиков на США со скоростью 2 тыс. миль в час. Военно-воздушные силы были немедленно приведены в боевую готовность. Сообщение оказалось ложным, результатом дефекта в работе американских радарных установок. Подобные очень опасные ложные сообщения неоднократно имели место и в дальнейшем. В октябре 1960 г., например, под воздействием света луны один автоматический прибор сигнализировал о ракетной атаке на США.

Такие события вызвали хотя и очень сильные, но кратковременные волнения. Другой факт привел к реальной длительной тревоге. После запуска советских спутников правительство США решило держать постоянно в воздухе значительную часть самолетов американской стратегической авиации, вооруженных водородными бомбами. Эти самолеты совершали полеты по направлению к северным границам СССР.

Выступая за соглашение, основанное на взаимных уступках, Мэнсфилд заключил, что медлить нельзя: «Время для бесплодных разговоров о мире истекает. Положение может быть изменено либо быстро, либо никогда»⁹⁷.

После запуска советских спутников Земли в общественных и политических кругах США усилились голоса за освобождение от постоянного страха, от кошмаров, как выражались в Америке, от плена «холодной войны»⁹⁸.

В конце 1957 г. и в начале 1958 г. в комиссиях конгресса, а также в лекциях Дж. Кеннана, в статьях виднейших американских публицистов У. Липпмана и С. Сульцберга подвергалась критическому анализу внешняя политика Даллеса, отмечались несостоятельность, банкротство политики «с позиции силы».

Сульцбергер, посвятивший этому вопросу серию статей на страницах «Нью-Йорк таймс», писал, например: «Мы обманывали себя в отношении нашего технического превосходства над Россией. Мы продолжаем себя обманывать в отношении действительного положения дел в Китае. Мы даже обманываем себя в отношении положения дел в нашей собственной стране»⁹⁹.

⁹³ Pearson D., Anderson J. U.S.A. A Second Class Power? p. 18.

⁹⁴ 5 июля 1961 г., выступая в филиппинском парламенте, Макартур заявил: «Глобальная война стала Франкенштейном, который уничтожает обе стороны. В войне не осталось даже шансов победителя на дуэли. Она содержит в себе только залог обоюдного самоубийства. Поэтому, — заключил Макартур, — усилил против глобальной войны являются проблемой, в которой интересы стран Востока и Запада полностью совпадают» («New York Times», 6.VII 1961).

⁹⁵ «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1957, p. 16, 17.

⁹⁶ «Congressional Record», 19.VIII 1957, p. A6776, A6777.

⁹⁷ «Congressional Record», 19.VIII 1957, p. A6777.

⁹⁸ «Nation», 14.XII 1957, p. 450.

⁹⁹ «New York Times», 20.XI 1957.

Недовольство внешней политикой Даллеса проявилось в 1958 г. очень сильно не только в оппозиционной демократической, но и в правительственной республиканской партии. Оно проявлялось в стране и в конгрессе. В январе 1958 г. «Ньюсуик», организовавший опрос об отношении к Даллесу, констатировал, что «подавляющее большинство членов конгресса независимо от партийной принадлежности сугубо не доверяет ему»¹⁰⁰.

Против Даллеса особенно активно выступали два бывших кандидата в президенты США от республиканской партии — У. Лендон и Дж. Дьюи. Дьюи, который широко пользовался услугами Даллеса во время двух проведенных им президентских кампаний, заявил в конце 1957 г. Эйзенхауэру, что Даллес должен немедленно оставить пост государственного секретаря¹⁰¹. И если тот остался в государственном департаменте, то этим он обязан Эйзенхауэру и тем влиятельным реакционным кругам Уолл-стрита, которые постоянно оказывали свое воздействие на президента США.

Широкое недовольство и беспокойство вызывала авантюрная внешняя политика Даллеса в соседней Канаде, обширные территории которой рассматривались в послевоенных агрессивных планах американского империализма как стратегический плацдарм Соединенных Штатов, а ее ценное стратегическое сырье — как их военный потенциал¹⁰².

В Западной Европе недовольство «холодной войной», воинственным, угрожающим курсом государственного департамента находило также свое выражение в нелестном отношении к государственному секретарю США¹⁰³.

В западноевропейской политике США особенно много разговоров и споров в последние годы президентства Эйзенхауэра вызвал германский вопрос, стоявший со времени окончания второй мировой войны в центре внимания.

Изменения, происшедшие на территории Германии, — образование двух германских государств, их разное социально-экономическое развитие, вступление ФРГ в НАТО и ее ремилитаризация — ставили по-новому германский вопрос.

В 1947 г. США и Англия выступали против предложенного Советским Союзом общегерманского плебисцита. Они тогда категорически возражали и против какого бы то ни было общегерманского голосования, общегерманских выборов. Они провели ряд сепаратных действий, завершившихся в сентябре 1949 г. образованием западногерманского государства — ФРГ.

После этого на территории Восточной Германии была создана Германская Демократическая Республика — ГДР.

Образование двух самостоятельных германских государств, естественно, осложняло и затрудняло объединение Германии. Советский Союз продолжал выступать за восстановление единства германского государства.

¹⁰⁰ «Newsweek», 22.I 1958, p. 16, 18.

¹⁰¹ «Economist», 11.I 1958, p. 113.

¹⁰² В мае 1958 г. газета «Виктория таймс» писала, что «подавляющее большинство канадцев, включая всех их руководящих государственных деятелей, рассматривает мистера Даллеса как абсолютное несчастье — несчастье, вредящее Канаде так же глубоко, как оно вредит Соединенным Штатам» («Harper's Magazine», May 1958, p. 49).

¹⁰³ Подытоживая свои опросы о Даллесе за границей, журнал «Ньюсуик» констатировал в начале 1958 г.: «За незначительным исключением, остальной мир ненавидит его и не доверяет ему» («Newsweek», 27.I 1958, p. 12).

Его предложения о восстановлении единой независимой Германии, не вступающей в какие-либо коалиции или военные союзы, были, в частности, опубликованы в октябре 1950 г. и в марте 1952 г. Но и тогда правительство США не согласилось на проведение общих выборов в Германии. Уолтер Липпман, как мы видели, утверждал тогда, что государственный департамент будет препятствовать таким выборам до окончательного вовлечения ФРГ в военный союз с Соединенными Штатами Америки.

На обращение Советского правительства в марте 1952 г. к США, Англии и Франции о восстановлении единства Германии и образовании общегерманского правительства, выражающего волю германского народа, эти три державы ответили в мае 1952 г. подписанием соглашения с ФРГ о включении ее в НАТО.

Ялтинское и Потсдамское соглашения возложили на державы-победительницы ответственность за развитие послевоенной Германии как демилитаризованного, миролюбивого государства. Вовлечением ФРГ в военный союз и ее ремилитаризацией западные державы нарушили основы соглашений в Ялте и Потсдаме о Германии. После окончательного включения ФРГ в НАТО и ее ремилитаризации была фактически и юридически ликвидирована та почва, на базе которой великие державы-победительницы в войне против фашизма должны были договориться о будущем Германии.

В марте 1957 г. с благословения США было подписано соглашение о создании «Общего рынка» шести западноевропейских государств, в пределах которого предусматривалась постепенная отмена таможенных пошлин, и об образовании Евратома формально для сотрудничества этих государств в области мирного использования атома. В обеих новых организациях западногерманским монополиям в силу их экономической мощи суждено было играть важную роль. Реваншистские круги Западной Германии в создании Евратома увидели путь к снятию всяких ограничений в области производства атомного оружия в ФРГ и оснащения ее армии этим оружием. Создание этих организаций означало еще более тесное и глубокое втягивание ФРГ в систему замкнутых экономических и военных группировок западных держав. В результате возникли новые серьезные препятствия на пути восстановления единства Германии.

Проблема объединения Германии чрезвычайно усложнилась не только вследствие формальных юридических соображений. Дело в том, что западные державы, содействовавшие своими сепаратными мероприятиями экономическому и политическому расколу Германии, никогда не были в восторге от перспективы ее объединения. Во всяком случае у них не было единства по этому вопросу.

Французы, которые на протяжении 70 лет трижды испытали немецкое нашествие, которые знают, что само объединение Германии произошло после марша прусских полков по улицам Парижа, отнюдь не были огорчены созданием на территории Германии двух самостоятельных государств. Англичане также не жаждали объединения Германии.

Не было общей точки зрения по германскому вопросу и в самих США. Кеннан, Липпман, бывший кандидат в президенты США Стивенсон и другие выступали за отвод всех иностранных войск из Германии. Даллес и Ачесон отстаивали продолжение оккупации Германии. Осведомленный Уолтер Липпман, утверждая, что официальные заявления западных держав в пользу воссоединения Германии неискренни, весной 1958 г. писал: «В Бонне, Лондоне, Париже и Вашингтоне некоторые руководители давно уже в неофициальных высказываниях совершенно

откровенно говорят, что они предпочитают разделенную и оккупированную Германию воссоединенной и неоккупированной Германии»¹⁰⁴.

Между тем правительство США в германском вопросе долго исходило не из реальной обстановки, а из своих субъективных, антисоветских устремлений и пожеланий. На заседании Верховного Совета СССР в декабре 1955 г. позиция США, Англии и Франции в германском вопросе характеризовалась следующими словами: «Их позиция состоит в том, чтобы к Западной Германии присоединить Германскую Демократическую Республику, ликвидировав социальные завоевания трудящихся ГДР, вооружить до зубов это объединенное и притом включенное в НАТО Германское государство»¹⁰⁵.

Что правительство США игнорирует реальное положение вещей, признавали и в самих Соединенных Штатах. Так, сенатор Пелл (из штата Род-Айленд), выступая в марте 1964 г. за признание Соединенными Штатами границы по Одеру — Нейсе, утверждал, что позиция Вашингтона в германском вопросе «определяется скорее эмоциями, чем реальной оценкой действительности», и напомнил, что одна мысль о возможном воссоединении Германии, которая оказалась бы военным колоссом, вызывает в народах Европы страх и негодование¹⁰⁶.

При создавшихся условиях мало кто спорил против того факта, что Германия разделена на два германских государства всерьез и надолго. Вопрос встал об урегулировании положения в Западном Берлине, оккупированном тремя державами.

В свое время, когда решили разделить Берлин на зоны четырех оккупирующих держав, предполагалось, что Берлин будет административным центром всей послевоенной Германии, откуда представители этих держав будут во время оккупации управлять страной.

После того как образовались и развиваются два самостоятельных германских государства и Берлин находится в центре ГДР, продолжение оккупации его западных секторов вызывало не только сомнения в его целесообразности, но и было чревато серьезными конфликтами.

Американцы цепляются за Западный Берлин не из военных соображений. Западный Берлин, расположенный вдали от ФРГ, на территории ГДР, может быть в любое время отрезан. Его никак нельзя защищать.

Западный Берлин важен для государственного департамента и Центрального разведывательного управления США как центр шпионажа и подрывной деятельности в социалистических странах. В Западном Берлине действовали свыше 60 различных шпионских организаций капиталистических стран¹⁰⁷.

Подрывная деятельность против социалистических стран была узаконена в Вашингтоне и возведена в ранг официальной политики США. В 1951 г. конгресс США принял закон об ассигновании ежегодно 100 млн. долл. на подрывную деятельность против СССР и других социалистических стран. В 1956 г. эта сумма была увеличена до 125 млн. долл. в год.

В августе 1953 г. в Вашингтоне было создано Информационное агентство США (ЮСИА). Это агентство в большой мере напоминает мини-

стерство пропаганды Геббельса. К трехлетию существования агентства его штат превысил 10 тыс. человек. Созданное для пропаганды и прославления американского капитализма за границей, оно открыло более 200 отделений в 103 иностранных государствах, в 86 странах основало более 200 библиотек, 223 — к началу 1967 г., издавало около 140 журналов и газет общим тиражом 30 млн. экземпляров, распространяемых на 29 языках по всему миру. К концу 60-х годов в распоряжении ЮСИА находилось более 100 коротковолновых радиостанций и к его услугам было предоставлено 2 тыс. телевизионных станций; используя все эти средства, ЮСИА распространяло свои передачи более чем на 60 языках в 90 странах. Согласно сообщению директора ЮСИА, в 1967 г. оно ежедневно отправляло всем американским посольствам информационные материалы объемом от 10 тыс. до 15 тыс. слов¹⁰⁸.

Весной 1955 г. в США был разработан подробный план подрывной деятельности, названный «программой политического наступления против мирового коммунизма».

Для всего огромного американского комбината, фабрикающего клевету и готовящего шпионаж и диверсию против социалистических стран, Западный Берлин представляет очень удобные позиции, с которыми государственный департамент и Центральное разведывательное управление США расстаться не желают.

Западный Берлин также важен для американских стратегов как свидетельство того, что в США не оставляют надежды на восстановление капитализма в странах социализма и еще не отказались от программы «освобождения», выдвинутой Даллесом.

Продолжение оккупации Западного Берлина означает поддержание очага военной опасности в центре Европы. Поэтому в 1958 г., когда зашла речь о смягчении международной напряженности, то прежде всего встал вопрос об изменении устаревшего статуса Берлина.

27 ноября в нотах правительствам США, Англии и Франции Советское правительство предложило превратить Западный Берлин в самостоятельную политическую единицу — вольный город, в жизнь которого не вмешивалось бы ни одно государство, в том числе и ни одно из существующих двух германских государств. В этой ноте указывалось: «Можно было бы, в частности, договориться о том, чтобы территория вольного города была демилитаризована и на ней не было никаких вооруженных сил»¹⁰⁹.

Три державы в нотах Советскому Союзу 31 декабря 1958 г. отклонили предложение о превращении Западного Берлина в вольный город, но они выражали свою готовность обсудить вопрос о Берлине вместе с вопросом об объединении Германии.

Даллес заявил, что путь к воссоединению Германии лежит не только через «свободные выборы»¹¹⁰, разговоры о которых служили ряд лет основой его дипломатии в этом вопросе.

Предложение о превращении Западного Берлина в вольный, демилитаризованный город Советское правительство подтвердило в ноте, посланной 10 января 1959 г. государствам, участвовавшим в войне против фашистской Германии. Эта нота сопровождалась проектом мирного договора с Германией, в котором говорилось, что «впредь, до восстановления единства Германии и создания единого Германского государства,

¹⁰⁴ «Atlantic», April 1958, p. 35.

¹⁰⁵ «Правда», 1955, 30 декабря.

¹⁰⁶ «Progressive», March 1964, p. 23—24.

¹⁰⁷ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. 2. М., Госполитиздат, 1959, с. 250—251.

¹⁰⁸ «U.S. News and World Report», 20.II 1967, p. 77, 79.

¹⁰⁹ «Правда», 1958, 28 ноября.

¹¹⁰ «World Almanac», 1960, p. 88.

Западный Берлин будет находиться на положении демилитаризованного вольного города на основании своего особого статута»¹¹¹.

16 марта 1959 г. Эйзенхауэр в выступлении по радио и телевидению, посвященном в большей части берлинскому вопросу, упомянув, что США готовы вести переговоры, сказал: «Если события будут развиваться таким образом, что оправдают созыв Совещания на высшем уровне, Соединенные Штаты будут готовы принять участие в этом дальнейшем усилении».

11 мая 1959 г. в Женеве открылась конференция министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции для обсуждения предложения Советского Союза о Берлине и о мирном договоре с Германией. Конференция продолжалась с трехнедельным перерывом до 5 августа. В опубликованном коммюнике говорилось, что проведенная в Женеве дискуссия будет полезна для дальнейших переговоров и что конференция возобновит свою работу в будущем.

Конференция в Женеве не решила стоящих перед ней задач. Но непопулярное в общественных кругах Европы и Америки, вызывающее и угрожающее всеобщему миру поведение западных держав в Берлине заставило их представителей в Женеве занять более гибкую позицию, говорить о возможном сокращении своей подрывной деятельности, проводимой из Западного Берлина против социалистических стран.

На пленарных заседаниях конференции в Женеве присутствовали делегации ГДР и ФРГ на одинаковых правах.

Решение берлинского вопроса было отложено. Но во влиятельных кругах Европы и Америки политика Вашингтона не только в берлинском, но и во всем германском вопросе подвергалась резкой критике.

Заместитель лидера большинства М. Мэнсфилд в своем выступлении в сенате США 12 февраля 1959 г. рекомендовал ведение переговоров между правительствами ГДР и ФРГ передать непосредственно им самим. А лидер демократической партии Стивенсон заявил в мае 1960 г., что существующее положение в Берлине не должно продолжаться и что соглашение с СССР о решении этой проблемы должно быть достигнуто¹¹².

В 1958 г. в США вызвала недовольство и тревогу агрессивная деятельность Вашингтона на Ближнем Востоке.

Со времени опубликования «доктрины Эйзенхауэра» государственный департамент усиливал свою активность в этом регионе. В конце января 1958 г. государственный секретарь Даллес в качестве главы делегации «наблюдателей» США присутствовал на сессии совета Багдадского пакта в Анкаре. Даллес заявил здесь, что США используют «большую мобильную силу» для оказания в случае надобности помощи странам Багдадского пакта.

Через полгода, 14 июля, в Ираке произошла национальная антиимпериалистическая революция. В этот день была свергнута монархия, служившая англо-американской опорой на Ближнем Востоке. Ирак был объявлен республикой.

Багдадский пакт сразу остался без Багдада, хотя официально Ирак заявил о своем выходе из этого пакта лишь 24 марта 1959 г. В октябре 1959 г. Багдадский пакт был переименован в Центральный пакт — СЕНТО.

События в Ираке сильно встревожили Вашингтон и Лондон. Американские и английские монополии забеспокоились за судьбу контролируе-

мой ими ближневосточной нефти, за судьбу своих капиталов в этом районе.

На следующий день после свержения монархии в Ираке, 15 июля, 6-й флот США приступил к высадке десантов в Ливане. К 5 августа численность американских войск в Ливане дошла, по официальным данным, до 14 300 человек¹¹³. Одновременно с этим американские истребители осуществляли операции по сопровождению транспортов британских войск, направленных воздушным путем из Кипра в Иорданию. По мере накопления вооруженных сил США в Ливане и британских в Иордании создавалась угроза англо-американской интервенции в Ирак.

В этот же день, 15 июля, в специальном послании конгрессу Эйзенхауэр, сообщив об американской интервенции в Ливан, утверждал: события в Ираке показали, что меры, принятые Советом Безопасности ООН, недостаточны для сохранения существующего положения и что эти события заставили его принять срочные меры против «распространения революции» на другие страны Ближнего Востока¹¹⁴. Однако Даллес утверждал, что «доктрина Эйзенхауэра» не ограничивается только политикой США на Ближнем Востоке, что «существует немало районов возможных действий, если они будут вызваны соответствующей ситуацией».

Выступление вооруженных сил США в роли хранителя реакционных режимов на Ближнем Востоке вызвало недовольство и протесты в США и в Европе. За исключением Англии и Италии, все союзники США в Европе высказали свое отрицательное отношение к высадке американских войск в Ливане¹¹⁵.

Мы видели, что еще в конце 40-х и в начале 50-х годов в США резкой критике подверглась американская политика в Азии за то, что она игнорирует чаяния пробудившихся народов, за то, что эта политика, как выразился член верховного суда Дуглас, «вовлекает США в товарищество с продажными и реакционными группами».

Во время интервенции в Ливан влиятельная нью-йоркская печать утверждала: политика США на Ближнем Востоке исходит из того, что «Средний Восток может в дальнейшем оставаться под властью старых господствующих классов, которые правили там в течение веков. После столетней социальной стабильности Средний Восток теперь требует полным голосом различных перемен любой ценой»; прежде всего он... «настойчиво требует быстрого повышения жизненного уровня» и выражает «гневное возмущение против иностранного господства — прямого или косвенного»¹¹⁶.

Отношение общественного мнения США и Западной Европы к интервенции в Ливан несколько сковывало ее развитие и задержало ее распространение на другие страны.

Позиция же Советского Союза и других государств социалистического содружества обрекли интервенцию США на провал. На следующий день после начала высадки американских войск в Ливане, 16 июля, Советское правительство заявило, что оно не может оставаться безучастным к событиям в районе, примыкающем к границам СССР.

По требованию Советского Союза была созвана чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Сессия открылась в Нью-Йорке 8 августа. На ней была единогласно принята резолюция 10 араб-

¹¹³ «World Almanac», 1959, p. 111.

¹¹⁴ «New York Times», 16.VII 1958; «Current History», May 1965, p. 260.

¹¹⁵ Pearson D., Anderson J. U.S.A. A Second Class Power?, p. 327.

¹¹⁶ «New York Times Magazine», 3.VIII 1958, p. 8.

¹¹¹ «Правда», 1959, 11 января.

¹¹² «World Almanac», 1960, p. 92; «New York Times», 24.V 1960.

ских стран, требовавшая незамедлительного вывода иностранных войск из Ливана и Иордании.

Под давлением позиции Советского Союза и мирового общественного мнения, осудившего англо-американскую агрессию, угрожавшую всеобщему миру, представители США вынуждены были голосовать за арабскую резолюцию.

Американская политика на Ближнем Востоке, воплощенная в «доктрине Эйзенхауэра», потерпела, по выражению известного американского обозревателя Джозефа Олсопа, «тотальное поражение»¹¹⁷.

Правительство США, учитывая приближающиеся очередные выборы в конгресс, решило скорее закончить с неудачной авантюрой на Ближнем Востоке. Еще 2 августа оно признало Иракскую республику, а к концу октября, накануне выборов в конгресс, согласилось вывести американские войска из Ливана. Но провалившаяся агрессия отразилась на отрицательных последствиях для правительственной партии при выборах в высший законодательный орган США, происходивших в ноябре 1958 г.

Еще менее благоприятной для республиканской партии к выборам 1958 г. оказалась политика государственного департамента на Дальнем Востоке. Перед выборами в 86-й конгресс национальный комитет демократической партии опубликовал «Книгу фактов», в которой обвинял правительство Эйзенхауэра в том, что оно связало судьбу США с обанкротившимися режимами на Ближнем и Дальнем Востоке.

За годы второго президентства Эйзенхауэра в конгрессе и в печати США много говорили о Китае. Бойкотирование Вашингтоном 700-миллионного народа и признание главой огромной страны выпяченного на о. Тайвань и находящегося под охраной американского 7-го флота Чан Кай-ши вызвало оппозицию даже в некоторых консервативных кругах США¹¹⁸. Часть буржуазной печати США признавала, что военный союз США с режимом Чан Кай-ши на Тайване является формой вооруженного вмешательства во внутренние дела Китая. Официально в Вашингтоне пытались оправдывать это вмешательство тем, что оно, мол, проводится в интересах Китая¹¹⁹.

Напомним, однако, что до второй мировой войны в ответ на протесты правительства США против агрессивных действий японских милитаристов в Китае последние также говорили: «Япония сама должна решать, что хорошо для Китая»¹²⁰. «Заботы» Вашингтона о Китае после второй мировой войны напоминают «заботы», которыми Токио руководствовалось в своей империалистической политике в Китае до этой войны. Послевоенные правители США, как и довоенные правители Японии, игнорировали чаяния самого китайского народа. Американцы даже не пожелали опросить население Тайваня о его отношении к режиму Чан Кай-ши и к союзу этого режима с США. Однако массовое возмущение против американцев на Тайване в 1957 г. достаточно ясно показало отношение населения этого острова к данному вопросу.

Китайская Народная Республика к 10-летию своего существования имела дипломатические отношения более чем с 30 государствами. США

не только упорно продолжали отказываться от нормализации отношений с китайским народом, но и мешали это делать другим странам, в частности латиноамериканским государствам.

Политика Вашингтона по отношению к КНР оказалась в вопиющем противоречии с принципами, на которых была основана заатлантическая республика, и с историческими документами, почитаемыми в США как святая святых американского народа.

Декларация независимости США, написанная Томасом Джефферсоном, объявила право всех народов на революцию. 30 декабря 1792 г. Джефферсон в качестве первого государственного секретаря США провозгласил в соответствии с принципами Декларации независимости доктрину невмешательства во внутреннюю жизнь других государств, признания правительств, созданных в результате революции, доктрину, согласно которой форма правления в каждой стране — это дело исключительно народа данной страны.

Авраам Линкольн, отмечая, что Декларация независимости касалась не только революции английских колоний в Америке, но и революции вообще, заявил: «Честь и слава Джефферсону — человеку, который в ... напряженной борьбе за национальную независимость одного народа имел спокойствие, дальновидность и проницательность, чтобы включить в революционный документ общую истину, пригодную для всех людей во все времена»¹²¹.

Но это было в другие времена. В 1965 г. сенатор Ф. Черч, имея в виду эту Декларацию и противоречащее ей отношение правителей современной Америки к борьбе народов за независимость, с полным основанием поставил такой вопрос: «Почему мы так упорно сопротивляемся? Как народ, который гордо прокламировал наше право на революцию в годы, когда наша страна переживала свое младенчество, — почему мы испытываем ужас, когда другие народы отстаивают это же право в годы нашей зрелости и полной силы?»

* * *

Антикитайская политика Вашингтона обходилась Соединенным Штатам довольно дорого. Дружба с Чан Кай-ши, прямая поддержка его режима на Тайване стоили американскому налогоплательщику около 600 млн. долл. в год¹²². Несравненно большую сумму США расходовали на поддержание своих вооруженных сил в районе Тайваня.

Достаточно привести один пример, чтобы получить представление о масштабах этой суммы. В 1958 г., когда американско-китайские отношения обострились из-за острова Куэмой, командующий морскими силами США адмирал Барк обратился в комиссию по ассигнованиям конгресса США за дополнительными средствами, необходимыми для конвоирования судов, курсирующих под флагом режима Чан Кай-ши. Только проведение этой операции, расходы на которую не были предусмотрены бюджетом, Барк оценивал в 1 млрд. долл.¹²³

¹²¹ Malone D. Jefferson and His Time, v. I. Boston, 1934, p. 226; «New York Times Magazine», 28.XI 1965, p. 188.

¹²² «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July, 1959, p. 79. В 1961 г. бывший президент Трумэн утверждал, что поддержка, оказанная Чан Кай-ши в Китае и на Тайване, обошлась Соединенным Штатам в 35 млрд. долл., что из них 750 млн. Чан Кай-ши украл, вложив часть их в недвижимость в Сан-Пауло, а часть использовал в Нью-Йорке (Miller M. Plain Speaking, p. 289).

¹²³ «Annals of the American Academy...», July, 1959, p. 76.

¹¹⁷ «New York Herald Tribune», 22.VIII 1958.

¹¹⁸ Например, орган финансовых кругов США, выразивший свое отрицательное отношение к КНР, вместе с тем писал летом 1958 г.: «Всегда кажется непонятным, что Формозе и Чан Кай-ши разрешается представлять 700-миллионный Китай в ООН» («Commercial and Financial Chronicle», 28.VIII 1958, p. 19).

¹¹⁹ «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1959, p. 75, 76.

¹²⁰ Latane J. A History of American Foreign Policy. N. Y., 1941, p. 882.

Гораздо важнее материальных затрат в данном случае было недовольство, вызванное во многих странах политикой США по отношению к Китаю.

Прежде всего в самом Китае резко возросла ненависть к американскому империализму. Во всех социалистических странах в ответ на враждебную антикитайскую политику США прокатилась волна протестов. Народы Юго-Восточной Азии (в Индии, Индонезии, Пакистане и Бирме) непризнание Китая со стороны США осуждали как несправедливую империалистическую политику. В Японии, заинтересованной в расширении торговли с Китаем, американская политика вызывала недовольство тем, что США мешали установлению нормальных отношений между Токио и Пекином. Бандунгская конференция стран Азии и Африки 1955 г., в которой участвовали 29 государств, представлявших больше половины населения Земного шара, выразила свое благоприятное отношение к новому Китаю. Решения этой конференции оказались в полном противоречии с антикитайской политикой США.

Даже в странах НАТО не было единогласия в этом вопросе. Так, Англия установила дипломатические отношения с КНР еще 1 января 1950 г. В январе 1964 г. такие отношения установила Франция, в октябре 1970 г. — Канада.

Недовольство, вызванное в США и за границей политикой Вашингтона по отношению к Китаю, заставляло официальных лиц США неоднократно объяснять и оправдывать поведение американского правительства.

В июне 1957 г. государственный секретарь Даллес в выступлении в Сан-Франциско, пытаясь обосновать непримиримо враждебную политику и цели, преследуемые США в Китае, открыто сводил их к следующему основному тезису: нынешняя власть в Китае не постоянная, а временная; США стараются делать все, для того чтобы сократить время ее существования¹²⁴.

В мае 1958 г. помощник государственного секретаря по дальневосточным делам Н. Робертсон выступил перед комиссией по иностранным делам сената США с докладом об американской политике на Дальнем Востоке. Он отметил, что пример Советского Союза, «превратившего отсталую аграрную страну в промышленного и научного гиганта», а также пример развития экономики Китая очень соблазнительны для развивающихся стран, желающих в короткий срок поднять свою экономику¹²⁵. Поэтому, мол, не следует подобные примеры поощрять признанием Соединенными Штатами Китая.

В августе 1958 г. в Вашингтоне был опубликован пространный меморандум государственного департамента о причинах непризнания США Китайской Народной Республики. Меморандум был разослан всем американским посольствам. В нем суммируются заявления о Китае, сделанные конгрессом и правительством Соединенных Штатов Америки на протяжении ряда лет.

Основную причину упорного непризнания Китайской Народной Республики государственный департамент объяснял так: «США придерживаются того мнения, что коммунистическая власть в Китае не является прочной и что в один прекрасный день ее не станет. Отказом от дипломатического признания пекинского правительства США стараются ускорить его гибель»¹²⁶.

¹²⁴ «New York Times», 19.VI 1957.

¹²⁵ «Department of State Bulletin», 2.VI 1958.

¹²⁶ «New York Times», 10.VIII 1958.

Точно такого же мнения государственный департамент упорно придерживался целых 16 лет в отношении Советского Союза. Но на 17-м году он должен был публично отречься от этого мнения.

В непризнании Китайской Народной Республики правительством США сказывалось все то же игнорирование реальных изменений в мире. Не подлежало сомнению, что такой курс и в этом вопросе не принесет лавров Вашингтону.

За годы президентства Эйзенхауэра и Кеннеди представители Китая и США встречались для переговоров 827 раз¹²⁷. Но в то же время Вашингтон не только отказывал Пекину в его признании, но и активно препятствовал его вступлению в ООН.

Лелея надежду на непрочность КНР, на реставрацию в Китае капиталистического строя, государственный департамент в приведенном меморандуме назойливо повторял одни и те же положения¹²⁸.

До сентября 1960 г. под давлением США и Ватикана ни одно латиноамериканское государство не признало Китайской Народной Республики. Признание Пекина Соединенными Штатами повлекло бы за собой его признание большинством государств Латинской Америки, как и другими государствами, а также его принятие в ООН. В результате, утверждал государственный департамент, престиж, влияние и сила Пекина увеличились бы настолько, что гораздо труднее стало бы решать задачи сохранения американских интересов в бассейне Тихого океана¹²⁹.

Меморандум показателен своей откровенностью. В отличие от других документов, в которых Вашингтон обычно выставляет себя миротворцем, заботящимся о благе других народов, в этом меморандуме государственный департамент подчеркивал только выгоды США, интересы американского империализма, хотя и здесь он не обошелся без ханжества и лицемерия.

В результате политики США 7-й американский флот, курсируя у китайских берегов, постоянно поддерживал угрозу третьей мировой войны. Временами напряженное состояние в этом районе доходило до опасных пределов. Вмешательство США во внутренние дела Китая, покровитель-

¹²⁷ «U.S. News and World Report», 11.V 1964, p. 8.

¹²⁸ Достаточно привести без всяких комментариев некоторые выдержки из меморандума, чтобы видеть, насколько это многословное сочинение государственного департамента свидетельствовало о близорукости и агрессивности политики США на Дальнем Востоке. «По существу, — говорится в меморандуме, — политика отказа США от дипломатического признания коммунистической власти в Китае вытекает из убеждения, что такое признание не могло бы принести реальных выгод Соединенным Штатам... Второй основной фактор состоит в том, что Восточная Азия особенно уязвима для распространения коммунизма из-за близости ряда стран этого района к коммунистическому Китаю, неопытности в самоуправлении тех, кто недавно добился независимости, их подозрительного отношения к Западу, унаследованного от колониального прошлого, а также социальных, политических и экономических перемен, которые неизбежно сопровождают их стремления к модернизации. Продолжающееся признание Америкой Китайской республики (режима Чан Кай-ши на Тайване. — В. Л.) и оказываемая ей поддержка позволяют ей оспаривать притязания китайских коммунистов на то, что они представляют китайский народ и поддерживают надежды тех китайцев, которые стремятся к освобождению своей страны от коммунистической власти. Многие государства, расположенные подалее от Китая, рассматривали бы признание Америкой коммунистического Китая как первый шаг к уходу США с Дальнего Востока... Непризнание Пекина в сочетании с признанием и поддержкой Китайской республики (т. е. признанием режима Чан Кай-ши. — В. Л.) облегчает осуществление политики США на Дальнем Востоке» («New York Times», 10.VIII 1958).

¹²⁹ «U.S. News and World Report», 22.VIII 1958, p. 97.

ство авантюрам Чан Кай-ши на прибрежных островах, в частности на острове Куэмой, расположенном всего на расстоянии 5 км от берегов континентального Китая, привело в сентябре 1958 г. к очередному кризису, встревожившему весь мир.

С 7 сентября военные корабли США начали сопровождать транспорты Чан Кай-ши на Куэмой, создавая непосредственную угрозу побережью КНР. 8 сентября было опубликовано предупреждение правительства СССР о том, что нападение на КНР будет рассматриваться как нападение на Советский Союз.

В послании Советского правительства президенту США Эйзенхауэру от 19 сентября 1958 г. снова повторялось, что «нападение на Китайскую Народную Республику — это нападение на Советский Союз». В этом же послании указывалось на «всю опасность, которая грозит человечеству, если Соединенные Штаты Америки не откажутся от своей агрессивной политики, постоянно создающей очаги серьезных конфликтов то в одном, то в другом районе Земного шара и приведшей к созданию в настоящее время особо напряженного положения на Дальнем Востоке»¹³⁰.

Опасность создавшегося положения для всеобщего мира заключалась в том, что провокационные маневры Чан Кай-ши у китайских берегов при поддержке американских вооруженных сил приближали вовлечение США в военный конфликт с Китаем. Чан Кай-ши только и надеялся на такой конфликт. Он сам признавал, что его мечты о возвращении на китайский материк могут быть осуществимы лишь при общей большой войне США против КНР¹³¹.

Решительные протесты и предупреждения Советского правительства возымели эффект. 30 сентября Даллес заявил, что США одобряет сокращение вооруженных сил Чан Кай-ши на острове Куэмой, если перестрелка в этом районе прекратится. Он заявил, что США не брали на себя обязательство помочь Чан Кай-ши восстановить его власть на основной территории Китая¹³².

Этот очередной кризис на Дальнем Востоке возник, когда 85-й конгресс закончил свою работу. Сенатор В. Морз, поддержанный председателем комиссии по иностранным делам сената Т. Грином и рядом конгрессменов, требовал созыва специальной сессии конгресса, чтобы обсудить вопрос о кризисе в Тайваньском проливе. Президент США отказался удовлетворить это требование. Эйзенхауэр и Даллес прекрасно понимали, что на такой сессии будет много неугодных им выступлений.

Как отмечала газета «Нью-Йорк таймс», позиция президента США в вопросе об острове Куэмой встретила «острую оппозицию со стороны демократов, вызвала широко распространенные сомнения в его собственной партии и не находит должной поддержки со стороны союзников США... Многие лучшие друзья Соединенных Штатов, выступающие в европейской прессе, находятся сейчас среди самых сильных критиков нашей политики на Дальнем Востоке»¹³³.

Члены комиссии по иностранным делам сената США, принадлежавшие к демократической партии, 6 сентября резко выступили против позиции Эйзенхауэра и Даллеса в конфликте с Китаем, и не все члены

этой комиссии, принадлежавшие к республиканцам, одобрили политику правительства в этом вопросе.

У. Фулбрайт, ставший в январе 1959 г. председателем комиссии по иностранным делам сената, заявил: «Великая трагедия оказаться вынужденными воевать за Куэмой»¹³⁴. А председатель комиссии по иностранным делам сената Грин, обычно поддерживавший внешнюю политику правительства, 29 сентября предупредил письменно Эйзенхауэра, что, если правительство США затеет войну из-за прибрежных островов Китая, оно будет вести ее без союзников и без поддержки американского народа¹³⁵.

Бывший государственный секретарь Д. Ачесон, выразивший внешнеполитические взгляды консервативных кругов демократической партии, защищавший в Европе политику Даллеса, также осуждал позицию правительства США по отношению к Китаю. 6 сентября он заявил: «Факт таков, что наше правительство самым глупым образом вовлекло себя с помощью Чан Кай-ши в положение, над которым оно потеряло контроль». Чан Кай-ши, продолжал Ачесон, может в любую минуту втравить США в войну, и он строит свои надежды на такой войне. Говоря о том, что исторически прибрежные китайские острова всегда принадлежали тем, кто осуществлял свою власть на близлежащем побережье, Ачесон утверждал: «Едиственная цель удержания этих островов силой, враждебной к государству основного Китая, заключается в том, чтобы заблокировать порт Амой и сохранить базу, угрожающую вторжением на континент»¹³⁶.

Высказывания бывшего государственного секретаря Ачесона, лидера демократов Стивенсона, председателя их национального комитета Батлера и большинства членов комиссии по иностранным делам сената свидетельствовали о том, что в конгрессе (если бы он заседал) политика правительства США в конфликте с Китаем подверглась бы острой критике, которая была совершенно нежелательна республиканской партии перед выборами в новый, 86-й конгресс.

Тем не менее спустя ряд лет, в 1966 г., когда правительство США принадлежало демократам, представитель этого правительства в ООН уверял, что США никогда не согласятся на прием Китайской Народной Республики в эту международную организацию ценой исключения из нее Тайваня¹³⁷.

В конгрессе США и в государственном департаменте китайская проблема обычно рассматривалась в свете сохранения позиций американского империализма в Азии или даже развивающихся стран вообще. В годы второго президентства Эйзенхауэра народы ряда стран убедительно показали, насколько эти позиции США ненадежны.

Летом 1957 г. взрыв массового возмущения против американцев на Тайване дошел до разгрома посольства и Информационного агентства США. Даже реакционный вашигтонский журнал, касаясь волнения на Тайване, вынужден был признать: «Всюду в Азии, где расквартированы американские военнослужащие, чувствуется недовольство и возмущение, которое временами приобретает характер открытых враждебных действий. ... Именно это произошло и на Формозе, где находится чанкайшистское правительство, которое многие американцы считают своим самым близким другом в Азии, и где возмущение против привилегий, предо-

¹³⁰ «Правда», 1958, 20 сентября.

¹³¹ «Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1959, p. 78.

¹³² «World Almanac», 1959, p. 119. Как позже сообщала американская печать, государственный департамент дал знать Пекину, что если Чан Кай-ши рискнет высажить десант на территорию КНР, то США его не поддержат («Life», 28.XII 1964, p. 32).

¹³³ «New York Times», 15.IX 1958.

¹³⁴ Ibid., 8.IX 1958.

¹³⁵ «Department of State Bulletin», 20.X 1959, p. 605.

¹³⁶ «New York Times», 8.IX 1958.

¹³⁷ «Congressional Record», 12.IX 1966, p. 21336.

ставленным американским военнослужащим, вызвало гнев, приведший к открытым насилиям»¹³⁸.

Везде в Азии американские военнослужащие, где они расквартированы, пользуются полностью или частично экстерриториальностью — особыми правами бывших колонизаторов. В одних странах Азии американцы могут быть привлечены к ответственности судебными органами этих стран лишь за преступления, совершенные в неслужебное время, в других местах, например на Тайване, военнослужащих США может привлекать к ответственности только американский суд.

К началу второго президентства Эйзенхауэра больше 1 млн. человек из состава вооруженных сил США находилось в 79 государствах¹³⁹. У народов этих государств, особенно стран Азии и Африки, политика США вызывала недовольство и возмущение. Не лучше было положение и в американских странах.

Так, в один и тот же день, 13 мая 1958 г., в столицах трех государств, расположенных в разных частях Земного шара — в Бейруте, Алжире и Каракасе, — происходили бурные антиамериканские демонстрации. За 10 лет, истекших со времени принятия «плана Маршалла», в 21 иностранном государстве было взорвано, сожжено или разгромлено более 50 информационных центров США¹⁴⁰.

В Латинской Америке, где капитал США особенно активен, где дипломатия доллара на всем протяжении истории империализма проявляет лихорадочную деятельность, применяя различные методы — от политики «дубинки» Теодора Рузвельта до тактики «доброе соседство» Франклина Рузвельта, — существует глубокая неприязнь и ненависть к «дяде Сэму».

Бывший сотрудник государственного департамента, упомянутый выше Роналд Стил в книге, опубликованной в 1967 г., говоря о взглядах народов Латинской Америки на США, писал: «Они боятся нас за то, что наша сила была использована против них в прошлом и может быть снова использована против них в будущем. Для Карибских государств это означает военную оккупацию морской пехотой. Для больших народов Южной Америки это означает экономическую власть, осуществляемую через американские корпорации, и политическую власть, осуществляемую правительством США. Мало кто в Северной Америке представляет себе, каким образом осуществляем мы наше господство в Латинской Америке. У многих латиноамериканцев сложилось представление о Соединенных Штатах не как о старшем брате, который будет защищать их от враждебных государств, подстерегающих их за пределами Западного полушария, а как об имперской державе, готовой послать морскую пехоту в любое время, когда ее добрые соседи осмелятся уклониться от установленной ею линии»¹⁴¹.

Враждебные настроения в южных странах Западного полушария по отношению к их богатому северному соседу объясняется, как мы уже говорили, экономическими и политическими причинами. В Латинской Америке, как и на Ближнем и Дальнем Востоке, США в своей политике исходят из устарелых представлений об отсталых странах. Эти правители по старой привычке видят колоссальные барыши, нефть, кофе, каучук, цветные металлы и т. д., но не видят пробуждения народов, требующих экономических и политических перемен, рассматривающих активность

американского капитала в их странах как силу, направленную против экономической независимости, против политического и культурного прогресса народов Латинской Америки.

В латиноамериканских странах горсточка владельцев латифундий держит в своих руках колоссальные земельные массивы. Менее 5% землевладельцев владеют 70% всей земли. В 1960 г. в Аргентине, например, 0,8% землевладельцев имели 37% всей фермерской земли. Соответствующие цифры в Чили составляли 2 и 60, в Парагвае — 5 и 94, в Колумбии — 1,3 и 49,5, в Эквадоре — 0,4 и 45,1, в Перу — 1,1 и 82,4¹⁴². В этих странах латифундисты являются основой местной реакции и опорой американского империализма. Во всей Латинской Америке в 1965 г. 5% населения получали около одной трети всего дохода, а половина населения имела лишь 14% этого дохода¹⁴³.

Конец 50-х годов в Латинской Америке отмечался пробуждением и активизацией прогрессивных сил, подъемом рабочего и революционного движения. В 1958 г. в Латинской Америке бастовало 11,8 млн. человек, а в 1959 г. — 20 млн.¹⁴⁴

Весной 1958 г. вице-президент США был встречен в столицах ряда южноамериканских государств камнями и криками: «Никсон, убирайся домой!». 13 мая в столице Венесуэлы — Каракасе демонстранты выбили стекло и сорвали флажок США с машины, в которой сидел Никсон.

«Провал мистера Никсона, — писал осведомленный в международных вопросах английский журнал об итогах его визита в Латинскую Америку, — служит поразительным примером падения престижа и дискредитации руководства США во всем мире»¹⁴⁵.

¹⁴² «Congressional Record», 12.I 1966, p. 105; *Guanter J. Inside South America*. N. Y., 1967, p. 298; «Progressive», June 1961, p. 3.

В 60-е годы латиноамериканские страны по-прежнему оставались источником сырья для промышленно развитых капиталистических государств, особенно для США. В этих странах получали более 11% мировой добычи железной руды, но здесь производилось лишь до 2% чистой стали; на долю этих стран падало около 50% мировой добычи бокситов, но сами они совершенно не производили алюминия. Примерно то же самое относилось к запасам и производству других цветных металлов. В 1960 г. национальный доход на душу населения в Латинской Америке был в 8 раз меньше, чем в США, а в 1969 г. — в 9 раз. В Боливии этот доход на душу населения составлял около 100 долл. в год. Более 80% иностранных инвестиций в Латинской Америке принадлежало США, прямые инвестиции которых в этой части света увеличились с 4,6 млрд. долл. в 1950 г. до 8,4 млрд. в 1960 г. и до 13 млрд. долл. в 1968 г. Крупнейшие монополии США контролировали в Латинской Америке более 50% добычи нефти, около двух третей железной руды и бокситов и 95% добычи меди. В 50-х и 60-х годах иностранные компании вывезли из Латинской Америки в виде прибылей, платежей и процентов на свои капиталы гораздо больше, чем в этот район поступило средств в виде инвестиций и так называемой иностранной помощи. Так, с 1960 до 1970 г. в латиноамериканские страны было вложено в виде частных инвестиций 6 млрд. долл., а вывезено оттуда в счет прибылей и процентов около 15 млрд. долл. В середине 60-х годов число неграмотных превышало половину взрослого населения Латинской Америки, из 70 млн. человек в возрасте от 5 до 19 лет 40 млн. не посещали никакой школы («Проблемы мира и социализма», 1971, № 11, с. 389. Приложение с. 4, 6, 10, 11, 14).

¹⁴³ «Congressional Record», 23.X 1969, p. S13123.

¹⁴⁴ «Проблемы мира и социализма», 1965, № 8. Приложение, с. 3-4.

В январе 1958 г. всеобщая стачка и вооруженное восстание в Венесуэле привели к свержению диктатуры Хименеса. В феврале в Аргентине на президентских выборах победили блок прогрессивных сил. В августе в г. Асунсьон — столице Парагвая происходили уличные бои и всеобщая забастовка. В сентябре вспыхнула всеобщая забастовка в Венесуэле, а в октябре — в Уругвае. В январе 1959 г. победила революция на Кубе, о которой речь пойдет в дальнейшем. В этом же месяце во всеобщей стачке трудящихся Аргентины участвовали 2 млн. человек.

¹⁴⁵ «World Today», June 1958, p. 231.

¹³⁸ «U.S. News and World Report», 7.VI 1957, p. 29

¹³⁹ Ibid., p. 32.

¹⁴⁰ «Nation», 31.V 1958, p. 489.

¹⁴¹ *Steel R. Pax Americana*, p. 192-193.

Спусти шесть лет вашингтонский журнал жаловался: «Антиамериканизм фактически неистово распространяется по всему миру. Нападения на американские посольства, уничтожение имущества Соединенных Штатов, сжигание их флага становятся любимым спортом растущего числа стран. Это стало почти нормально действующей акцией, и для того, чтобы дойти до такого положения, американский налогоплательщик отдал 104 млрд. долл.»¹⁴⁶.

В день закрытия 85-го конгресса сенатор Г. Хэмфри, подводя в сенате итоги внешней политики США, дал ей следующую оценку: «Американская внешняя политика вызывает глубокое беспокойство... Она привела к потере друзей во всем мире. Во-первых, она отождествляется с отсталыми, дискредитированными правителями на Среднем Востоке и во всей Азии, в то время как Советы показывают себя как друзья арабских и азиатских народов. Во-вторых, она пренебрегает проблемами южноамериканских соседей до такой степени, что официальных представителей США встречают там камнями и оскорблениями. В-третьих, продолжая испытания больших водородных бомб, она ставит США в положение государства, относящегося безразлично к ценности человеческой жизни»¹⁴⁷.

Широкое недовольство и беспокойство, которые авантюрная дипломатия Даллеса вызвала в США и за границей, позволили лидеру демократической партии Стивенсону в октябре 1958 г. (за три недели до выборов в 86-й конгресс) заявить, что предстоящие выборы рассматриваются в Соединенных Штатах и во всем мире как референдум по внешней политике правительства Эйзенхауэра¹⁴⁸. (Хотя обычно на выборах в конгресс США в отличие от президентских выборов вопросы внешней политики не играют значительной роли.)

На выборах в 86-й конгресс, происходивших в ноябре 1958 г., республиканская партия потерпела такое поражение, какого она не имела со времени президентства Франклина Рузвельта, с тех пор как популярность Рузвельта достигла наибольших размеров. После 1936 г. демократы ни разу не получали в палате представителей, а после 1940 г. в сенате столько мест, сколько они собрали на выборах 1958 г.

На этих выборах архиреакционное руководство республиканской партии во главе с сенатором Ноулэндом, служившим опорой Даллеса в сенате, было разгромлено.

К началу 1959 г. правительство и руководство республиканской партии вынуждены были еще больше, чем к началу 1958 г., призадуматься над дальнейшим направлением внешней политики США.

3. «Потепление» и «похолодание»

Влияние советских искусственных спутников Земли. Советско-американские соглашения о сотрудничестве в области культуры. Поездка А. И. Микояна в США. Советская выставка в Нью-Йорке и американская в Москве. Делегация Советского правительства в США. Провокационные выступления в Вашингтоне. Самолет «У-2». Срыв совещания на высшем уровне. Обсуждение этого вопроса в комиссии сената. Трагедия Эйзенхауэра. Отмена его приглашения в СССР. Аннулирование приглашения президента США в Японию. Американо-японский военный договор. Выступления против проамериканских государственных деятелей в Японии, Южной Корее и Турции. Победа революции на Кубе. Проблема разоружения на XV сессии Генеральной Ассамблеи

¹⁴⁶ «U.S. News and World Report», 23.III 1964, p. 26.

¹⁴⁷ «Congressional Record», 25.VIII 1958, p. 18105.

¹⁴⁸ Цит. по: «Правда», 1958, 17 октября.

ООН. Политические условия и экономические проблемы разоружения. Причины «похолодания».

В летописи послевоенных международных отношений 1959 год выделяется как год «потепления», улучшения политической погоды. Некоторые события этого года обнадежили народы, открыли перспективы на окончание «холодной войны», прекращение гонки вооружений, уменьшение бремени налогов, мирное сосуществование, сотрудничество в области экономики, науки и культуры, в борьбе с болезнями и эпидемиями.

Советский Союз, все время выступавший против политики «холодной войны», особенно энергично развернул борьбу за ослабление международной напряженности со времени XX съезда КПСС, выработавшего Программу мира и доказавшего, что в нынешних условиях нет фатальной неизбежности войны, что войну можно не допустить, что мир можно укрепить и упрочить.

На внеочередном XXI съезде КПСС отмечалось: «В деле разрядки международной напряженности особо важное значение имеет улучшение отношений между США и Советским Союзом»¹⁴⁹.

Курс Советского Союза на укрепление мира между народами, его борьба за широкое международное сотрудничество вытекают из ленинских принципов о возможности и необходимости мирного сосуществования двух систем. Этот курс основан не на временных, конъюнктурных соображениях, а является краеугольным камнем внешней политики СССР.

В 1959 г. лед «холодной войны» тронулся и в Соединенных Штатах. Изменение соотношения сил в пользу СССР, отрицательные итоги «холодной войны» для США, неудачи государственного департамента в Азии и Латинской Америке и широкое недовольство в стране внешней политикой Даллеса нашли отражение на выборах 1958 г. в 86-й конгресс. В 1959 г. следовало ожидать каких-то шагов Вашингтона в сторону смягчения международной напряженности.

Некоторый перелом в этом отношении наблюдался в Вашингтоне еще в начале 1958 г., вскоре после запуска первых советских спутников Земли.

1 января 1958 г. в новогоднем поздравлении руководителям Советского государства Эйзенхауэр обещал, что правительство США приложит все усилия, чтобы прийти «к лучшему взаимопониманию между народами Советского Союза, Америки и других стран».

В послании о положении страны, зачитанном президентом США на объединенном заседании обеих палат конгресса 9 января 1958 г., Эйзенхауэр заявил: «В конечном счете существует только одно решение стоящей перед нами грозной проблемы. Мир должен остановить азартную погоню за все более и более разрушительными средствами войны и окончательно повернуть на тропу продолжительного мира»¹⁵⁰.

Двумя днями раньше, 7 января, на собрании демократической фракции конгресса лидер большинства в сенате, будущий президент США Линдон Джонсон произнес речь, которую в Вашингтоне назвали «докладом демократической партии о положении страны». Джонсон закончил доклад следующими словами: «За последние недели, начиная с 4 октября¹⁵¹, человек стал хозяином горизонтов, простирающихся далеко за

¹⁴⁹ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, т. II. М., Госполитиздат, 1959, с. 405.

¹⁵⁰ «U.S. News and World Report», 17.I 1958, p. 99.

¹⁵¹ День запуска первого советского спутника Земли.

пределы нашего воображения. Мы должны относиться с почтением к этому достижению, обязывающему нас сейчас больше, чем когда бы то ни было, стараться объединить всех людей в усилиях, направленных к сотрудничеству. Цели, находящиеся сейчас в пределах досягаемости человеческого рода, слишком велики, чтобы их хищнически дробить, слишком велики для всего мира, чтобы расточать его усилия в слепом состязании между соперничающими государствами. Переговоры сейчас важнее, чем когда бы то ни было, и мы будем приветствовать за столом конференции представителей всех народов»¹⁵².

Такие миролюбивые заявления расточали глава государства, лидер большинства в конгрессе и другие руководящие политические деятели США под впечатлением первых советских спутников Земли, в то время когда все старания американцев вывести свой спутник Земли на орбиту не увенчались успехом, когда в авторитетных кругах Вашингтона признавали, что в ракетном оружии США сильно отстают от СССР.

27 января 1958 г. в Вашингтоне после трехмесячных переговоров было подписано советско-американское соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки, техники и образования. В этом соглашении отмечалось, что оно рассматривается обеими сторонами в качестве значительного первого шага в деле улучшения взаимоотношений между СССР и США.

Через четыре дня, 31 января, на мысе Канаверал во Флориде был запущен первый американский спутник Земли «Эксплорер-1». Он весил менее 15 кг, был примерно в 35 раз меньше, чем второй, и раз в 100 легче, чем третий советский спутник Земли, запущенный 15 мая 1958 г. Однако запуск «Эксплорера-1» оказался достаточным для того, чтобы агрессивные круги в США опять воспрянули духом. Акции Вашингтона на Ближнем и Дальнем Востоке снова обострили международную напряженность.

В дальнейшем США намеревались упущенное, запускали в год десятки спутников Земли. К десятилетию появления первого спутника, в октябре 1967 г., 19 американцев побывали в космосе. Две трети спутников Земли, запущенных США, были предназначены для военных целей, главным образом это были такие спутники, которые в США называют «небесными шпионами».

Выборы в 86-й конгресс, происходившие в конце 1958 г., дали итоги, расценивавшиеся как сильный удар по сторонникам «холодной войны». 1959 год начался как многообещающий в улучшении международной политической жизни.

Наблюдавшийся процесс облегчался тем, что безнадежно больного Даллеса, с именем которого ассоциировалось «балансирование на грани войны», в апреле 1959 г. на посту государственного секретаря сменил К. Гертер. Следует отметить, что и сам Даллес перед смертью (он умер в мае того же года) несколько отступил от своих прежних непримиримых позиций; во всяком случае и он понял, что в создавшихся условиях, при сложившемся соотношении мировых сил, «балансирование на грани войны» означало для Соединенных Штатов балансирование на краю пропасти.

Менее чем за год до своей смерти Даллес на комиссии по иностранным делам сената заявил: «Мы верим, что Советский Союз, как и США, пожелал бы уменьшить бремя современных вооружений. Мы также ве-

рим, что Советский Союз в нынешних условиях не хочет войны. Поэтому некоторая общая основа имеется»¹⁵³.

Вице-президент США Никсон, который на всем протяжении 50-х годов шагал в ногу с Даллесом и усердно защищал его политику «освобождения» (от социализма), через три месяца после смерти Даллеса официально отрекся от этой политики. 25 августа 1959 г. он публично заявил: «Так называемая война за освобождение освободит только мертвые тела и разрушенные города»¹⁵⁴.

О новых веяниях во внешней политике США в отношениях Вашингтона к Советскому Союзу свидетельствовали встречи и беседы первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна с руководящими государственными, промышленными и финансовыми деятелями Америки в начале 1959 г.

12 января 1959 г. государственный секретарь Даллес в своем выступлении на комиссии по иностранным делам сената сказал: «Мы рады, что первый заместитель премьера Советского Союза мистер Микоян сейчас здесь и изучает нашу страну»¹⁵⁵.

Никсон в беседе с А. И. Микояном утверждал, что «США и Россия должны исходить из того, что обе державы сильны, не боятся друг друга..., каждое из этих двух государств должно быть готовым по спорным вопросам идти навстречу друг другу». Вашингтонский реакционный журнал, описывая пребывание А. И. Микояна в Америке и его встречи с государственными деятелями США, отметил: «Микояну, одному из лидеров враждебной стороны в «холодной войне», был оказан такой прием, который затмевает даже приемы, оказанные лидерам государств, состоящих в союзе с США»¹⁵⁶.

Это в какой-то мере свидетельствовало об изменениях, происшедших во взглядах правящих кругов США на «холодную войну» и на мирное сосуществование.

Мировая печать заговорила о повороте в советско-американских отношениях, о новом внешнеполитическом курсе Вашингтона, о новой эре в международной политике. Однако государственный департамент, вынужденный повернуть в сторону смягчения международной напряженности, двигался не прямолинейно, а зигзагами, с реверансами в сторону противников мирного сосуществования.

5 марта 1959 г. в Анкаре Соединенные Штаты подписали с Ираном, Турцией и Пакистаном идентичные двусторонние соглашения о военных союзах, направленных против СССР и официально тесно связанных с Центральным пактом.

4 апреля 1959 г., в день 10-летия существования Северо-Атлантического блока, в Вашингтоне закрылась трехдневная сессия совета НАТО. Сессия, как обычно, протекала в агрессивном духе. На ней снова подчеркивалось, что в новых условиях «взаимопомощь» обуславливает «взаимозависимость», а взаимозависимость подразумевалась как оснащение НАТО ракетным вооружением и использование Соединенными Штатами баз европейских союзников для американских ракетных установок.

Несравненно большую опасность представляли в то время действия Пентагона. 18 мая 1959 г. 2-й флот США (как 2 декабря того же года признал командир этого флота вице-адмирал У. Смедберг) получил при-

¹⁵³ Ibid., 27.IV 1959, p. 42.

¹⁵⁴ «New York Times», 26.VIII 1957.

¹⁵⁵ «U.S. News and World Report», 23.I 1959, p. 43.

¹⁵⁶ Ibid., p. 39, 89.

¹⁵² «U.S. News and World Report», 17.I 1958, p. 102.

каз готовится к атомной войне против СССР. Флот в боевой готовности вышел в открытый океан и вернулся обратно на свои базы лишь 30 мая¹⁵⁷.

Все же американская печать оценивала общий курс внешней политики Вашингтона в 1959 г. как примирительный, как направленный на смягчение международной напряженности.

29 июня в Нью-Йорке открылась Выставка достижений СССР в области науки, техники и культуры, а 24 июля в Москве — Национальная выставка США.

Однако и в дни, когда сближение между США и СССР было встречено с одобрением народами обеих стран, руководящие государственные органы в Вашингтоне позволяли себе выступления, наводившие тень на советско-американские отношения.

5 июля государственный департамент США выступил с заявлением против расширения торговли с Советским Союзом, мотивируя это тем, что расширение торговли с СССР было бы невыгодным для США и якобы могло бы служить «укреплению военного потенциала СССР»¹⁵⁸.

Когда Никсон уже собирался в Москву, конгресс США 17 июля принял резолюции об организации так называемой «недели поработанных стран». В соответствии с резолюцией конгресса президент Эйзенхауэр объявил началом этой «недели» 19 июля, за четыре дня до вылета Никсона в СССР. Американская печать расценивала этот враждебный к социалистическим государствам акт конгресса и президента как напоминание о том, что «холодная война» отнюдь не прекращается.

Все же визит Никсона в Москву свидетельствовал о некотором переломе в отношениях между США и СССР. На следующий день после его отъезда из Москвы (3 августа 1959 г.) Эйзенхауэр на специально созванной им пресс-конференции сообщил о предстоящем обмене визитами между главами правительств обоих государств и выразил надежду, что «это поможет растопить лед в отношениях между СССР и США».

15 сентября 1959 г. правительственная делегация СССР прибыла в Вашингтон. 18 сентября она внесла на рассмотрение ООН Декларацию о всеобщем и полном разоружении в течение четырех лет. Авторитетная печать США приветствовала эту декларацию. Борьбу за разоружение газета «Нью-Йорк таймс» охарактеризовала как «борьбу против всех сил зла в мире, против своего рода всемирного пожара, исходом которого будет победа или поражение всего человеческого рода»¹⁵⁹.

Правительственная делегация СССР завершила свои переговоры с президентом США 27 сентября на вилле Эйзенхауэра в Кэмп-Дэвиде. Стороны согласились, что «все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путем применения силы, а мирными средствами, путем переговоров». Мировая печать заговорила о «духе Кэмп-Дэвида».

21 ноября было подписано новое советско-американское соглашение о сотрудничестве в области науки, культуры, техники и образования. 1 декабря был подписан договор об использовании Антарктики только в мирных целях. В договоре участвовали СССР, США и другие заинтересованные государства. Перед ответным визитом президента США в

Москву, 16 мая 1960 г., решено было созвать конференцию четырех государств на высшем уровне в Париже.

Однако перспективы окончания «холодной войны» далеко не всех радовали в Америке. Правительство США шло на улучшение отношений с Советским Союзом не прямо, не без колебаний, не с открытой душой. Его толкало на сближение с СССР изменившееся соотношение сил, а также давление, оказываемое общественностью внутри страны и за границей. В США открыто поговаривали о том, что отставание США от СССР в важнейшем современном оружии — в ракетной технике заставило Вашингтон временно, пока не будет ликвидировано это отставание, применить новую тактику, вести переговоры о разоружении, о сотрудничестве, об установлении дружественных отношений между США и СССР¹⁶⁰.

Сторонники «холодной войны», противники нормализации отношений с социалистическими государствами по-прежнему оставались внушительной силой в США. Они имели крепкую опору среди финансовых магнатов Уолл-стрита, среди хозяев предприятий разбухшей военной промышленности, в обеих палатах конгресса и в обеих больших партиях, а также в руководстве АФТ — КПШ. Как только стало известно о предстоящем обмене визитами между главами правительств США и СССР, все эти силы развернули свою подрывную деятельность.

Более чем за две недели до прибытия правительственной делегации СССР в Вашингтон журнал Уолл-стрита писал: «Огромные пропагандистские усилия направлены к тому, чтобы свести на нет любые конструктивные результаты этого визита»¹⁶¹.

В 1959 г. комиссия по иностранным делам сената опубликовала ряд докладов о перспективах внешней политики США, подготовленных по ее заданию. В докладе, названном «Мировые и внутренние экономические проблемы и их влияние на внешнюю политику США», опубликованном в августе, говорилось: «В ближайшее десятилетие следует, по-видимому, ожидать усиления международной напряженности, что, в частности, объясняется советскими замыслами и возможностями... Проектируемое развитие советской экономики представляет опасность для Соединенных Штатов и свободного (читай: капиталистического.— В. Л.) мира вообще»¹⁶².

Не все доклады, опубликованные в 1959 г. комиссией по иностранным делам сената, рисовали столь пессимистические перспективы. Но цитируемый доклад показателен тем, что, составленный корпорацией экономических и промышленных исследований, он отражал мнение влиятельных капиталистических кругов США.

Выступления, мешавшие нормализации советско-американских отношений, далеко не ограничивались реакционной печатью. Они исходили от самых ответственных государственных деятелей Вашингтона, включая самого президента США. Достаточно привести лишь некоторые из этих выступлений, имевших место в течение нескольких месяцев перед конференцией на высшем уровне, назначенной на 16 мая 1960 г., чтобы видеть, что правящие круги США не собирались покончить с «холодной войной».

¹⁶⁰ В начале 1959 г. специальная комиссия палаты представителей США, занимавшаяся вопросами, относящимися к изучению космоса и ракетной техники, сообщила: «По оценке квалифицированной исследовательской группы, даже при сильном напряжении Соединенным Штатам понадобится пять лет, чтобы сравняться с Россией» («U.S. News and World Report», 16.I 1959, p. 5).

¹⁶¹ «Magazine of Wall Street», 29.VIII 1959, p. 632.

¹⁶² «U.S. Foreign Policy. Worldwide and Domestic Economic Problems and Their Impact on the Foreign Policy of U.S.». Congress, 86th, Wash., 1959, p. 6, 89.

¹⁵⁷ «U.S. News and World Report», December 14.XII 1959, p. 8. По словам Смедберга, тревога была вызвана ожидавшимся 27 мая осложнением, связанным с вопросом о Западном Берлине.

¹⁵⁸ «U.S. News and World Report», 13.VII 1959, p. 86.

¹⁵⁹ «New York Times», 18.X 1959.

29 декабря 1959 г. Эйзенхауэр объявил, что начиная с 1 января 1960 г. США «свободны в возобновлении испытаний ядерного оружия». 3 февраля 1960 г., выступая на пресс-конференции, Эйзенхауэр сказал: «Я не знаю ни о каком духе Кэмп-Дэвида»¹⁶³.

4 апреля государственный секретарь США Гертер заявил: «Если кто-либо надеется на серьезные успехи во время совещания в верхах, то он, вероятно, разочаруется»¹⁶⁴.

20 апреля заместитель государственного секретаря Д. Диллон в выступлении на профсоюзной конференции по международным вопросам заявил: «Выбросим на свалку концепцию неустойчивого и неудобного сосуществования»¹⁶⁵.

В таком же духе произнес речь 24 апреля и вице-президент США Никсон на конференции Американского общества газетных редакторов.

Подобные выступления ответственных государственных деятелей США накануне совещания в верхах выглядели как провокационные, настораживали Советское правительство, тем более что на своей пресс-конференции президент США одобрил эти выступления и заявил, что в них изложена внешняя политика Соединенных Штатов.

За две недели до открытия конференции на высшем уровне, 2 мая 1960 г., палата представителей США приняла резолюцию, требовавшую, чтобы президент Эйзенхауэр на этой конференции добивался для капиталистических стран таких изменений, которые обеспечат реставрацию капитализма в этих странах. Всего за восемь дней до открытия этой конференции, 7 мая, президент Эйзенхауэр снова объявил, что Соединенные Штаты намерены возобновить подземные испытания ядерного оружия. Наконец, накануне открытия конференции в Париже, 15 мая, министр обороны США Т. Гейтс объявил состояние тревоги в американских вооруженных силах внутри страны и на многочисленных военных базах за границей. На комиссии по иностранным делам сената Гейтс назвал эту тревогу «сильно предупредительным мероприятием»¹⁶⁶.

Перечисленные события предшествовали совещанию в верхах. Они давали достаточно оснований полагать, что правящие круги США серьезно не считаются с принципами мирного сосуществования, не хотят покончить с политикой «с позиции силы», не желают встать на путь действительного сотрудничества с Советским Союзом и смягчения международной напряженности. Недаром многие в США и за их пределами подозревали, что временное «потепление» в советско-американских отношениях Вашингтон стремится использовать не в интересах мира, а для изменения соотношения в ракетном оружии, в чем США сильно отставали от Советского Союза.

В довершение всего Центральное разведывательное управление США предприняло прямые провокационные действия против СССР. 9 апреля и 1 мая 1960 г. самолеты Соединенных Штатов вторглись в пределы Советского Союза со стороны Афганистана. Второй самолет был сбит 1 мая на высоте 20 км в районе Свердловска. Это был самолет военной авиации США, летевший из Пакистана и имевший задачу пересечь с разведывательной целью всю территорию Советского Союза с юга на север и совершить затем посадку в Норвегии.

Как в 1955 г. за три недели до открытия Женевского совещания глав четырех правительств был сбит американский самолет, вторгшийся в

воздушное пространство СССР, так и в 1960 г. за 15 дней до Парижского совещания на высшем уровне над территорией СССР был сбит военный самолет США, вторгшийся в пределы Советской страны на расстояние более 2 тыс. км от его границы. Но на этот раз инцидент повлек за собой более серьезные последствия.

Государственный департамент США, не зная, как и где был сбит самолет, полагая, что самолет уничтожен и летчик погиб, поспешил 5 мая выступить с официальным заявлением для печати, в котором утверждал, что самолет «Локхид У-2», о котором шла речь, занимался исследовательской работой в верхних слоях атмосферы над турецкой территорией, что его занес в воздушное пространство СССР автопилот, после того как летчик потерял сознание в результате неисправности кислородного аппарата.

Заявление государственного департамента было заранее подготовлено. Официальное сообщение о пропаже американского самолета, изучавшего верхние слои атмосферы над Турцией, было на всякий случай опубликовано еще 3 мая.

Национальное управление США по авиации и исследованию космического пространства немедленно подтвердило версию государственного департамента. Оно сообщило, что 1 мая в 9 час. утра оно получило сообщение от пилота самолета «У-2», летевшего над турецкой территорией в районе озера Ван, об испытываемом им затруднении с кислородом. В то же время секретарь Белого дома по вопросам печати Хегерти заявил, что президент США ничего не знает об американском самолете, вторгшемся в пределы СССР.

6 мая представитель государственного департамента Уайт заявил: «Не было абсолютно никакой преднамеренной попытки нарушить советские воздушные границы, и такого нарушения никогда не было»¹⁶⁷.

На следующий день, 7 мая, на заседании Верховного Совета СССР было официально сообщено, что оставшийся в живых летчик и части сбитого самолета «У-2» находятся в Москве. В этом сообщении были приведены непреложные доказательства, свидетельствовавшие о том, что самолет «У-2» ничего общего не имел с «исследованием погоды в верхних слоях атмосферы», что это был «настоящий военный разведчик, оборудованный различными приборами для сбора шпионских сведений, в том числе и для фотографирования местности», что самолет летел не из Турции, а из Пакистана и вторгся в пределы СССР через Афганистан¹⁶⁸.

Оглашение достоверных сведений о шпионском самолете «У-2» поставило в позорное и глупое положение государственный департамент, Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства, Пентагон, а также некоторых высокопоставленных официальных лиц США.

В этот же день, 7 мая, государственный департамент вынужден был признать, что самолет «У-2» был направлен в пределы СССР с разведывательными военными целями, но вместе с тем утверждалось, будто этот полет был совершен без ведома и разрешения правительства США¹⁶⁹.

Явно лживые, противоречивые и путаные заявления правительства США вызвали резко отрицательную реакцию в стране и в конгрессе. 9 мая государственный секретарь Гертер признал, что полет самолета

¹⁶³ «New York Times», 30.XII 1959; 4.II 1960.

¹⁶⁴ «Department of State Bulletin», 25.IV 1960, p. 638.

¹⁶⁵ «New York Times», 21.IV 1960.

¹⁶⁶ «New York Times», 3.V 1960; 8.V 1960; «Wall Street Journal», 3.VI 1960.

¹⁶⁷ «New York Times», 9.V 1960.

¹⁶⁸ «Правда», 1960, 8 мая.

¹⁶⁹ «New York Times», 8.V 1960.

«У-2» был одним из целой серии разведывательных полетов над территорией СССР, проводимых в соответствии с директивами президента Эйзенхауэра о сборе любыми доступными способами информации о вооруженных силах СССР, и что на основе этих директив была разработана и введена в действие программа разведывательных полетов и проникновения в пределы других государств¹⁷⁰.

11 мая содержание заявления Гертера было повторено самим президентом США.

12 мая американское посольство в Москве в ноте правительству СССР также не отрицало, что шпионские полеты над советской территорией являются рассчитанной политикой Соединенных Штатов.

10 мая правительство Советского Союза в специальной ноте заявило решительный протест правительству Соединенных Штатов в связи с агрессивными актами американской авиации. В ноте протеста говорилось: «Правительство СССР с сожалением констатирует, что в то время как оно предпринимает все возможное к нормализации и оздоровлению международной обстановки, правительство США идет по иному пути... последними действиями американских властей, видимо, преследуется цель отбросить назад состояние американо-советских отношений к худшим временам «холодной войны», а также отравить международную обстановку перед совещанием в верхах»¹⁷¹.

Накануне открытия совещания в верхах, 15 мая, вице-президент Никсон в заявлении, передававшемся по телевидению, отстаивал правомерность полетов американских самолетов со шпионскими заданиями в воздушном пространстве СССР. Из его рассуждения, как и из рассуждений Гертера, вытекало, что США и в дальнейшем будут посылать разведывательные самолеты в пределы Советского Союза. Никсон утверждал, что не только он лично знал и одобрил задание летчика Ф. Пауэrsa, пилотируемого самолет «У-2», сбитый 1 мая в районе Свердловска, но об этом заранее знал и президент Эйзенхауэр¹⁷².

Таким образом, выступления Никсона подтвердили следующее:

во-первых, государственный департамент, публично признав 7 мая, что самолет «У-2» был послан в пределы СССР со шпионской целью, продолжал вместе с тем лгать, когда он утверждал, что этот полет был совершен без ведома правительства США;

во-вторых, выступая 15 мая вечером, т. е. перед самым открытием конференции на высшем уровне, с вызывающим заявлением, в котором Никсон защищал засылку американских разведывательных самолетов в воздушное пространство СССР, он тем самым подтвердил основательность предположения Советского правительства, высказанного в ноте правительству США от 10 мая, о том, что Вашингтон пытается «отравить международную обстановку перед совещанием в верхах».

В этой отравленной международной атмосфере конференция на высшем уровне была обречена на неудачу. Главы четырех правительств встретились 16 мая в Париже. Но президент США, не найдя в себе мужества выразить сожаление и осудить провокационные действия винов-

ных в нарушении суверенитета Советского Союза, не сделал тех минимальных шагов, которые в создавшихся условиях были необходимы, для того чтобы конференция на высшем уровне могла работать.

Под давлением глав правительств Англии и Франции Эйзенхауэр в последнюю минуту (16 мая) оказался вынужденным дать обещание, что до окончания срока его пребывания в Белом доме американские самолеты не будут засылаться в пределы СССР. Но этого было совершенно недостаточно, для того чтобы наладить плодотворную работу столь ответственной конференции. Дальнейшие события показали, что обещание, данное Эйзенхауэром в Париже, не соблюдалось. 1 июля опять был сбит военный самолет США «РБ-47», нарушивший воздушное пространство СССР.

Соглашения об укреплении международного мира, о разоружении и даже о прекращении гонки вооружений немислимы без соблюдения основ международного права, без строгого уважения суверенитета договаривающихся сторон. Прогрессивные общественные силы во всем мире, приветствуя конференцию на высшем уровне, сознавали, что она была созвана не столько для окончательного решения сложных спорных вопросов, сколько для достижения взаимопонимания, для смягчения международной напряженности, для создания атмосферы, которая необходима для ликвидации «холодной войны» и которая сделает возможным решить угрожающие миру разногласия путем мирных переговоров и мирными средствами.

Чрезвычайно накалив международную атмосферу перед самой конференцией на высшем уровне, правительство США вместо выражения сожаления пыталось оправдать нарушения американской авиацией международного права, возвести эти нарушения в принцип сознательно осуществляемой государственной политики. Тем самым правительство США торпедировало Парижскую конференцию.

За 10 дней до открытия совещания на высшем уровне, когда государственный департамент еще распространял версию, будто самолет «У-2» случайно оказался в пределах СССР, лидер большинства в сенате будущей президент США Л. Джонсон заявил: «...если бы была хоть малейшая вероятность того, что полет самолета был преднамеренным вторжением с нашей стороны, то нас нужно было бы привлечь к ответственности за то, что мы допустили это накануне совещания на высшем уровне и вообще независимо от этого»¹⁷³.

После срыва совещания в Париже многие видные политические и общественные деятели США, признав, что совещание было сорвано американским правительством, осуждали Эйзенхауэра за посылку шпионского самолета в пределы СССР, за официальные выступления правительства США с лживыми объяснениями и за непримиримое поведение в Париже. Сенатор Дж. Кеннеди, который вскоре был избран президентом США от демократической партии, отметив 24 мая на пресс-конференции провал политики США в результате неудачи с самолетом «У-2», сказал: «Эти полеты ни в коем случае не должны были иметь место перед совещанием на высшем уровне»¹⁷⁴.

За три дня до открытия совещания в Париже (13 мая) газета «Нью-Йорк таймс» поместила статью редактора журнала «Сатердей ревью» под названием «Пора проявить здравый смысл»; в статье говори-

¹⁷⁰ «New York Times», 10.V 1960.

¹⁷¹ «Правда», 1960, 11 мая.

¹⁷² «New York Times», 16.V 1960. В 1964 г. влиятельный американский журнал сообщил, что в течение четырех лет начиная с июня 1956 г. около 30 самолетов проникли в воздушное пространство СССР, что каждый такой полет был заранее согласован с Белым домом, а объекты для фотографирования шпионскими самолетами намечались ЦРУ после одобрения Пентагоном, комиссией по атомной энергии и государственным департаментом США («Life», 28.XII 1964, p. 30).

¹⁷³ Из заявления министра иностранных дел СССР А. А. Громыко. — «Правда», 1960, 12 мая.

¹⁷⁴ «New York Times», 25.V 1960.

лось: «Американский народ не давал своему правительству или какому-нибудь его ведомству позволения лгать от нашего имени или выставить нас дураками»¹⁷⁵.

17 мая Уолтер Липпман писал: «Вопрос, из-за которого совещание сорвалось, — это полет «У-2» или, точнее, позиция, занятая президентом и его правительством»¹⁷⁶.

19 мая Эдлай Стивенсон публично утверждал, что правительство Эйзенхауэра «сделало успешные переговоры с русскими, имеющие жизненно важное значение для нашего существования, невозможными в течение всего срока его пребывания у власти»¹⁷⁷.

22 мая консультативный совет национального комитета демократической партии опубликовал заявление, утверждавшее, что «за первые две недели мая 1960 г. внешняя политика правительства Эйзенхауэра — Никсона потерпела крушение»¹⁷⁸.

Когда Эйзенхауэр после срыва конференции вернулся из Парижа в Вашингтон, большая группа конгрессменов потребовала, чтобы правительство ответило: почему оно отправило самолет «У-2» в пределы Советского Союза перед самым совещанием в верхах? Почему оно после провала полета опубликовало целую серию противоречивых и неправильных заявлений? Почему накануне открытия совещания на высшем уровне оно отдало приказ о проверке боевой готовности вооруженных сил США во всем мире?

Выяснением этих вопросов занялась после срыва совещания в верхах комиссия по иностранным делам сената. 27 мая она начала обсуждение обстоятельств срыва Парижской конференции. На комиссию были вызваны для дачи показаний государственный секретарь Гертер, его заместитель Диллон, бывший посол США в Москве Болен, министр обороны Гейтс, начальник Центрального разведывательного управления А. Даллес и др.

Показания главного «героя» этой американской трагедии — А. Даллеса не были опубликованы. Комиссия в своем отчете отметила, что Даллес, как и Гертер, отказался сообщить очень важные для выводов комиссии сведения, которые ее интересовали.

Президент Эйзенхауэр и Гертер пытались оправдать посылку самолета «У-2» именно 1 мая тем, что необходимо было получить очень важную информацию, которая в дальнейшем могла оказаться недоступной. Но Гертер и Даллес отказались сообщить комиссии, о какой информации идет речь¹⁷⁹.

Гейтс в своих показаниях комиссии сената выразил сожаление по поводу того, что потеря самолета «У-2» и прекращение дальнейших шпионских полетов над СССР лишают Пентагон источника информации о вооруженных силах Советского Союза¹⁸⁰.

Гертер на вопрос председателя комиссии сената Фулбрайта об уроках, которые следует извлечь из провала этого полета, ответил: «Не иметь несчастных случаев».

После показаний Гертера член комиссии по иностранным делам сенатор А. Гор из Теннесси заявил: «Я испытывал чувство унижения, вызванного официальной фальсификацией, и я считаю, что были унижены

миллионы американцев. По-моему, мы занимались бы самообманом, если бы не осознали, что этот прискорбный инцидент нанес жестокий удар по моральной позиции Соединенных Штатов»¹⁸¹.

28 июня председатель комиссии по иностранным делам Фулбрайт представил сенату отчет о расследовании дела с самолетом «У-2» и срыва конференции в Париже. В отчете констатируется, что Пентагон стоит над политикой, что ни 1 мая 1960 г., ни раньше при посылке самолетов «У-2» в пределы СССР дипломатические соображения не учитывались, не служили основанием для отсрочки намеченного полета, что взятие президентом США на себя ответственности за провалившуюся шпионскую операцию является беспрецедентным актом, что, как подтвердил сам Гертер, до 1 мая не было никаких оснований полагать, что Советское правительство относится несерьезно к конференции на высшем уровне¹⁸².

Фулбрайт, вручив сенату отчет комиссии, сделал следующее заявление: «С тяжелым сердцем и с горьким сожалением я представляю этот отчет сенату и тем самым народу нашей страны. Всегда неприятно допускать ошибки в нашей частной жизни. Тем более мучительно для великого народа признать, что его политике недостает благоразумия и предусмотрительности».

Констатируя, что престиж и влияние США резко пали, Фулбрайт в своем выступлении подчеркнул некоторые моменты, затронутые в отчете. «Реагируя на провал, США должны были бы поступить в трех случаях по-иному. Заявление нашего правительства о полете носило слишком явный оправдательный характер. В результате мы выглядели смехотворно, когда выяснилось все то, что знали Советы. Самая серьезная ошибка была допущена тогда, когда президент принял на себя ответственность за проведение этого полета. Наконец, после того как все стало известно, государственный департамент и Белый дом заняли позицию самооправдания, которая еще более осложнила наше положение в Париже... На протяжении всей истории обдуманное и умышленное утверждение главой государства права нарушать территориальный суверенитет другого государства считалось чрезвычайно серьезным недружелюбным актом... Одним из результатов является то, что конференция в верхах не состоялась. Совершенно ясно, что инцидент с самолетом «У-2» и наше отношение к нему служили непосредственными причинами провала конференции... Другим результатом целой серии глупостей была потеря доверия во всем мире к Соединенным Штатам... Понадобится долгое время для того, чтобы мы смогли вернуться к тому положению, которое занимали 30 апреля»¹⁸³.

Провал затеи с самолетом «У-2» и дальнейшее компрометирующее поведение президента США и его правительства имели серьезные последствия лично для Эйзенхауэра. Они окончательно решили его историческую судьбу. «Средний американец», всегда находившийся под чьим-либо сильным влиянием, которого трудолюбие меннонита и «талант» примирителя вынесли на вершину политической жизни США, оказался не в состоянии осуществить свою мечту — занять почетное место в истории президентов. Он растерялся, обнаружил свои слабости тогда, когда ему казалось, что он находится у порога своей цели, перед самым большим

¹⁸¹ Цит. по: «Правда», 1960, 2 июня.

¹⁸² «New York Times», 26.VI 1960.

¹⁸³ «U.S. News and World Report», 11.VII 1960, p. 89—90.

¹⁷⁵ Ibid., 13.V 1960.

¹⁷⁶ «New York Herald Tribune», 17.V 1960.

¹⁷⁷ «New York Times», 20.V 1960.

¹⁷⁸ Ibid., 23.V 1960.

¹⁷⁹ «New York Times», 26.VI 1960.

¹⁸⁰ Ibid., 3.VI 1960.

триумфом своей жизни, который прославит и увековечит его как великого президента¹⁸⁴.

Эйзенхауэр вошел в историю не как великий президент, а как второй У. Грант, чьей участи больше всего опасался Эйзенхауэр. Грант оскандалился на аферах внутри страны. Эйзенхауэр оскандалился в международном масштабе.

Многие в Америке и в Европе недоумевали: что побудило осторожного, терпеливого, расчетливого и удачливого Эйзенхауэра так неразумно поступить в такой ответственный момент? Видимо, президент США и влиятельные члены его правительства помешались, как тогда считали, на разведке.

Это подтвердили показания К. Гертера, Т. Гейтса и А. Даллеса на комиссии по иностранным делам сената о том, что они торопились добыть важную военную информацию, для получения которой пренебрегли политическими соображениями.

Однако, направляя 1 мая самолет «У-2», Вашингтон преследовал не только шпионские цели. Готовясь к конференции на высшем уровне, Эйзенхауэр говорил, что он опять предложит принцип «открытого неба». Посылкой самолета «У-2» правительство Эйзенхауэра хотело к совещанию в Париже продемонстрировать, что США могут по своему усмотрению использовать советское небо, летать над советской территорией и без согласия СССР. Правительство США надеялось таким образом показать, что, несмотря на их отставание в ракетной технике, они еще имеют значительные военные преимущества и, следовательно, имеют достаточно оснований «с позиции силы» диктовать свою волю Советскому Союзу. Это подтвердил государственный секретарь США на комиссии по иностранным делам сената. 27 мая сенатор М. Мэнсфилд задал вопрос Гертеру: «Считаете ли вы, что «У-2» мог служить фактором, способствующим ослаблению советской позиции?». На это Гертер ответил: «Мог служить в том смысле, что для военных и гражданских руководителей в России должно было быть сильным ударом узнать, что их небо открыто...»¹⁸⁵.

Многие также негодовали по поводу того, что президент США совершил беспрецедентный шаг: взял ответственность за провалившуюся шпионскую операцию на себя. Это также являлось предметом обсуждения комиссии сената. Там утверждали, что «Аллен Даллес готов был взять всю ответственность на себя, как принято всегда при таких обстоятельствах»¹⁸⁶.

Однако при этом не учитывалось, что Эйзенхауэр был вынужден пойти на такой шаг: разоблаченный обман в поведении ряда различных государственных ведомств и высокопоставленных официальных лиц настолько усложнил положение и в условиях начавшейся президентской кампании вызвал такое замешательство, что Эйзенхауэру пришлось все взять на себя.

Когда обыкновенный человек попадает в нелепое положение и ему остается выбор между признанием, что он действовал либо глупо, либо подло, то он может выбрать первое. Президент США, который претендовал на почетное место в истории страны, не мог добровольно объявить

себя дурачком, тем более что такое признание не спасло бы от осуждения его поведения перед предстоявшим совещанием в верхах как нечестное, недостойное. Если Эйзенхауэр не взял бы вину за посылку «У-2» на себя, то общественное мнение и конгресс потребовали бы привлечения к ответственности виновных в посылке шпионского самолета, приведшего к срыву совещания в верхах. В результате на сенатской комиссии все равно выяснилось бы, что Даллес, направляя 1 мая самолет «У-2», действовал в соответствии с директивами президента США.

Эйзенхауэр поступил в данном случае так, как в свое время президент У. Гардинг. В июне 1922 г., когда комиссия сената занялась расследованием нефтяной «панамы», Гардинг заявил, что раздача государственных нефтеносных земель, резервированных для военных нужд, частным лицам происходила с его одобрения. Заявление подействовало. До самой смерти Гардинга никто не был привлечен к ответственности по делу об этой «панаме».

В мае 1960 г., накануне совещания в Париже, Эйзенхауэр, приняв все на себя, избавил организаторов шпионского полета от ответственности. Но дело о нефтяной «панаме», пока жил Гардинг, удалось ограничить келейным разбором. Дело же о самолете «У-2» стало сразу известным во всем мире, а так называемые прикрывающие заявления сделали государственный департамент, Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства США и правительство Эйзенхауэра международным посмешищем.

Взятие Эйзенхауэром на себя ответственности за шпионские полеты, его попытка оправдать нарушение американской авиацией суверенитета СССР сорвали не только конференцию в Париже, но и его готовившийся визит в Советский Союз.

Для Эйзенхауэра, привыкшего к тому, чтобы его парадно встречали в столицах Старого и Нового Света, после столь головокружительной карьеры больше всего дорожившего своей славой, своим местом в истории, отмена Советским правительством приглашения его в СССР явилась торжковой пилюлей.

Но на этом его падение не кончилось. Ему пришлось испытать чашу унижения до дна. Эйзенхауэр собирался после увлекательной поездки с семьей по Советскому Союзу посетить Японию, где правительство Н. Киси готовило ему пышную встречу. Из Японии он планировал вернуться в США через Тихий океан, совершив кругосветное путешествие, которое должно было символизировать завершение круга его триумфальной карьеры.

Однако после отказа правительства СССР принять Эйзенхауэра ему пришлось ограничиться частью задуманного путешествия. Для того чтобы эта часть выглядела более значительной, он решил во время поездки в Японию заехать на Филиппины, Тайвань и в Южную Корею. 12 июня президент США отправился на Дальний Восток, 14-го прибыл в Манилу, а 16-го получил из Токио от премьера Киси сообщение: «Не приезжайте в Японию, ибо ваша жизнь будет в опасности»¹⁸⁷.

Эйзенхауэр, которого биографы рисовали человеком, отличающимся самообладанием, не проявлявшим внешних признаков волнения даже во время высадки в Нормандии, на сей раз не мог скрыть своего гнева и растерянности. «Недовольная гримаса на его покрасневшем лице свидетельствовала, что президент США очень сердит и глубоко оскорблен»¹⁸⁸.

¹⁸⁴ Вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Дж. Рестон писал: «Трагедия президента Эйзенхауэра в деле с разведывательным самолетом заключается в том, что он и его коллеги сами создали почти все то, чего они больше всего боялись» («New York Times», 11.V.1960).

¹⁸⁵ «New York Times», 28.V.1960.

¹⁸⁶ Ibid., 28.VI.1960.

¹⁸⁷ «U.S. News and World Report», 27.VI.1960, p. 37.

¹⁸⁸ Ibidem.

Весть о том, что народ Японии захлопнул свои двери перед президентом США, после того как Эйзенхауэр уже перебрался через Тихий океан и сделал остановку на Филиппинах перед торжественным въездом в «страну восходящего солнца», сразу облетела весь мир. Газеты многих столиц ныншли с заголовками: «Сокрушительный удар по престижу США и лично Эйзенхауэра», «Дипломатическая катастрофа», «Унизительное поражение», «Беспрецедентная дипломатическая неудача Вашингтона». Сочувствовавший Эйзенхауэру лондонский «Таймс» назвал это событие «величайшим ударом по престижу американского президента и правительства Соединенных Штатов со времени мировой войны»¹⁸⁹. Некоторые американские газеты окрестили поездку Эйзенхауэра в июне 1960 г. по Дальнему Востоку словами «операция кошмара».

Премьер-министр Киси, пригласив Эйзенхауэра, готовил ему блестящий прием, но, перепуганный событиями в Японии, вынужден был 16 июня аннулировать приглашение. В течение многих дней в Токио и в других японских городах происходили массовые демонстрации под лозунгами: «Долой американо-японский военный союз!», «Долой правительство Киси!», «Эйзенхауэр, держись подальше от наших берегов!».

В заявлении Советского правительства по поводу «ратификации» американо-японского военного договора говорилось: «По новому договору Япония принимает на себя обязательство активно сотрудничать с американскими вооруженными силами, дислоцированными в Японии. Это означает, что внешняя политика, а в конечном счете, и судьба Японии мертвым узлом связывается с авантюристической политикой Соединенных Штатов, направленной против соседних с Японией государств»¹⁹⁰.

7 июня государственный секретарь Гертер цинично признал, что сфера действия нового американо-японского военного договора распространяется на территорию СССР, Китая и других стран этого района¹⁹¹.

Демонстрации и политические забастовки, в которых участвовали многие миллионы различных слоев населения, выражали протест против превращения Японии в орудие агрессивной политики Соединенных Штатов. Широкие массы Японии не хотели, чтобы судьба их народа зависела от авантюристических планов государственного департамента и Пентагона. Инцидент с самолетом «У-2» наглядно показал, для каких секретных операций используются в мирное время американские базы в других странах и какую опасность они представляют для этих стран. В Японии не забыли развалины Хиросимы и Нагасаки. Там помнят, как эти города стали первыми жертвами американских атомных бомб, помнят и рыбаков, пострадавших от испытаний в Тихом океане ядерного оружия США.

В стране развернулись всеобщие политические забастовки. Политическая стачка 4 июня охватила около 5,5 млн. человек. В 40 крупнейших японских городах остановились поезда, трамваи и автобусы. По всей стране прекратили работу многие крупные предприятия и учреждения, школы, а также магазины.

10 июня многотысячная антиамериканская демонстрация встретила на аэродроме секретаря Белого дома Хегерти, прилетевшего в Токио для окончательной разработки программы визита Эйзенхауэра, камнями и криками «Помни Хиросиму!». Хегерти и американский посол в Японии Макартур были задержаны демонстрантами в их автомобиле на 1,5 часа.

Их вывезли на вертолете вооруженных сил США. Хегерти, с трудом спасшийся от демонстрантов, отбыл из Японии вечером тайно с американской военно-воздушной базы.

15 июня массовые антиамериканские демонстрации в Токио приняли характер бурных протестов у стен японского парламента и у посольства США. Проведенный опрос показал, что большинство японского народа возражает против приезда Эйзенхауэра. В то время как в Вашингтоне изображали путешествие президента США по странам Дальнего Востока как визит «посланца мира», в Токио его рассматривали как инспекционную поездку по американским военным базам. Эйзенхауэр отправился на Дальний Восток в разгар борьбы широких масс японского народа против заключенного правительством Киси нового военного договора с Соединенными Штатами. Этот договор предоставил им право содержать на японской территории американские вооруженные силы и военные базы по крайней мере в течение 11 лет.

Киси, связавший свою политическую карьеру и судьбу своей партии с опасными затеями США на Дальнем Востоке, пользуясь антидемократическими приемами, протащил американо-японский военный договор через парламент, несмотря на то что этот договор находится в противоречии с японской конституцией, запрещающей вооружение страны, несмотря на то что против заключения этого договора протестовали широкие массы японского народа. 19 июня 1960 г. договор без голосования был утвержден верхней палатой советников. Через три дня, 22 июня, его подписал японский император, и в тот же день его одобрил сенат США. Но приглашение Эйзенхауэра в Японию Киси вынужден был отменить. А 15 июля он вынужден был уйти в отставку.

Вместо Японии Эйзенхауэр вынужден был ограничиться двухчасовой остановкой на острове Окинава, где находится военно-морская база США, куда он прибыл 19 июня с о. Тайвань. Короткий визит и здесь был омрачен антиамериканскими волнениями японцев. Демонстранты прорвали полицейский кордон. Они несли плакаты с надписями: «Возвратите Окинаву Японии!», «Янки, убирайтесь домой!».

Не подняли духа расстроенного Эйзенхауэра 125 кораблей седьмого флота и 500 самолетов, эскортировавшие президента на участке Тайвань — Окинава — Южная Корея.

В тот же день, 19 июня, Эйзенхауэр вылетел в Южную Корею, а на следующий день — на Гавайские острова, где он после неудачного путешествия успокаивался пять дней за игрой в гольф.

27 июня Эйзенхауэр после возвращения в Вашингтон выступил по радио и телевидению. Рассерженный тяжелым впечатлением, которое произвел в Америке провал его путешествия на Дальний Восток, он клеветал на Советский Союз и Китайскую Народную Республику, обвиняя в своей неудаче коммунистов.

Волнениям в Японии, заставившим правительство Киси аннулировать приглашение Эйзенхауэра, а затем подать в отставку, предшествовали бурные события в других странах, ставшие плохим предзнаменованием и предупреждением для президента США.

Весной 1960 г. население Южной Кореи восстало против тирании Ли Сын Мана. Непосредственным поводом послужили жульничество и мошенничество на выборах, происходивших 15 марта, в результате которых пост президента в четвертый раз достался Ли Сын Ману. Последний считался верным сторонником реакции и надежной опорой американского империализма на Дальнем Востоке. Эйзенхауэр назвал его «отцом своей страны». «Я, — говорил Эйзенхауэр, — уважаю его и восхищаюсь

¹⁸⁹ Ibidem.

¹⁹⁰ «Правда», 1960, 30 июня.

¹⁹¹ Заявление Советского правительства правительству Японии от 15 июня 1960 г. — «Правда», 1960, 16 июня.

«...». И вот этот 85-летний «отец» Ли Сын Ман не только позорно был свергнут с поста президента, но и вынужден был бежать от народного возмущения. Он нашел убежище в новом, 50-м штате США — на Гавайских островах.

Через месяц после падения Ли Сын Мана, 27 мая 1960 г., в Турции было свергнуто и арестовано правительство А. Мендереса, в течение 10 лет стоявшее на страже интересов американского империализма на Ближнем Востоке. Правительство Мендереса было свергнуто в результате военного переворота. Но этому перевороту предшествовали массовые выступления в апреле и мае 1960 г. против авантюристической антинародной внутренней и внешней политики правительства Турции.

Общим в почти одновременно происходивших народных волнениях в Турции, Южной Корее и Японии явилось то, что во всех этих странах возмущение широких масс было направлено против антинациональной политики правительств, верой и правдой служивших Пентагону.

Особо болезненно Вашингтон всегда реагирует на движение против ставленников государственного департамента в Латинской Америке. Мы видели, как весной 1958 г. миссия вице-президента США Никсона позорно провалилась в южноамериканских странах. 1 января 1959 г. Вашингтон потерпел сильное поражение на расположенной вблизи берегов США Кубе.

До этой даты на Кубе свирепствовала диктатура генерала Батисты, который впервые захватил власть на острове в результате военного переворота еще в 1934 г. и бессменно удерживал ее около 10 лет. Затем в 1952 г. он снова с помощью такого же переворота взял власть в свои руки. Послушный американским монополиям диктатор установил на острове террористический режим, преследовал прогрессивные организации, заключил кабальные экономические и военные соглашения с США.

1 января 1959 г. на Кубе восторжествовала национальная революция. Вооруженные силы повстанцев, сражавшихся с конца 1956 г. под руководством Фиделя Кастро, поддержанные широкими массами трудящихся, свергли диктатуру Батисты.

Новое правительство, образованное Фиделем Кастро, немедленно приступило к проведению ряда демократических преобразований, к освобождению страны от гнета доллара. Прежде всего оно объявило аграрную реформу, предусматривавшую наделение к началу 1960 г. 150 тыс. семей землей. Ко времени падения диктатуры Батисты 8% земельных собственников владело 75% всей земли на Кубе. Аграрная реформа задела интересы американского капитала, плантации которого давали около трети урожая сахарного тростника на острове¹⁹². Эта реформа вызвала большое недовольство в Вашингтоне.

Еще больше недовольства там вызвала последовавшая затем национализация революционным правительством Кубы ряда крупных предприятий и банков, до этого принадлежавших в основном монополиям США, которые прибрали к рукам и богатства, тающиеся в недрах острова. В его восточной части имеются значительные залежи меди, марганца, хрома, никеля, железной руды и т. д. 90% всех запасов железной руды принадлежало сталелитейным компаниям США.

Демократические и прогрессивные мероприятия, проводимые на Кубе, вызвали ярость в правящих кругах Вашингтона не только потому, что эти мероприятия весьма ущемляли интересы американского капитала,

¹⁹² «U.S. News and World Report», 2.V 1960, p. 41.

¹⁹³ Information Please Almanac, 1960, p. 17.

но и потому, что эти мероприятия служили наглядным и вдохновляющим примером успешной борьбы за освобождение от господства доллара во всей Латинской Америке¹⁹⁴.

Воспользовавшись тем, что около 60% всей внешней торговли Кубы тогда производила с Соединенными Штатами, Вашингтон сократил импорт кубинского сахара, а потом, в октябре 1960 г., наложил эмбарго на основные статьи экспорта из США на Кубу.

В ответ на эмбарго и другие агрессивные действия Вашингтона кубинское правительство 25 октября 1960 г. приняло решение о национализации всего имущества и собственности граждан и юридических лиц США на территории Кубы.

Экономические санкции США отнюдь не приостановили экономических преобразований на Кубе. Правительство Кастро расширило экономические отношения с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

Однако США в борьбе с кубинской революцией не удовлетворились одними экономическими санкциями. В реакционных кругах монополистического капитала США вынашивались планы повторить на Кубе «гватемальский вариант». В октябре 1960 г. латиноамериканская печать сообщила, что на территории Гватемалы и Флориды сосредотачиваются воздушные и сухопутные вооруженные силы для нападения на Кубу.

Летом 1961 г. американская печать утверждала, что весной 1960 г. по настоянию вице-президента Никсона Эйзенхауэр дал согласие на поддержку вооруженной интервенции на Кубу. Впоследствии, будучи уже более пяти лет в отставке, Эйзенхауэр открыто выражал поддержку интервенции США во Вьетнаме и в Доминиканской Республике¹⁹⁵.

Однако Куба не Гватемала. Кубинская революция завоевала популярность, сочувствие и поддержку в ряде стран Латинской Америки. Попытки государственного департамента использовать союз американских государств для применения всеми странами Западного полушария политических и экономических санкций против революционной Кубы не увенчались успехом. Это показало чрезвычайное совещание министров иностранных дел американских государств, состоявшееся в августе 1960 г. в столице Коста-Рики Сан-Хосе, где делегаты ряда стран возражали против осуждения правительства Кастро. Это же спустя два месяца показало голосование предложений Кубы, внесенных ею в ООН, чтобы Генеральная Ассамблея обсудила жалобу Кубы на агрессивные намерения США. Соединенным Штатам не удалось обеспечить себе, как в прошлом, поддержку всех представителей Латинской Америки: Мексика, Венесуэла, Панама, Эквадор, Доминиканская Республика и Боливия воздержались от голосования.

Кубинская революция нашла широкое сочувствие и поддержку во всех странах социалистического содружества. Она встретила также сим-

¹⁹⁴ В 1960 г. Мексика национализировала принадлежавшие американскому капиталу силовые станции. В 1961 г. то же самое сделала Аргентина, в 1962 г. — Колумбия, в 1963 г. — Бразилия, а в 1965 — Чили. В 1967, 1969 и 1971 гг. Чили национализировала медные рудники компании «Кеннекот» и «Анаконда», принадлежавшие Моргану. В 1968 г. в Перу была экспроприрована собственность нефтяной компании Рокфеллера, а в 1970 г. были национализированы предприятия США по производству и переработке сахара, минерального сырья и др. В 1971 г. Колумбия аннулировала концессию рокфеллеровской нефтяной компании. Затем наступила очередь главной нефтедобывающей страны Латинской Америки — Венесуэлы.

¹⁹⁵ «Nation», Special Issue, 24.VI 1961, p. 563; «U.S. News and World Report», 24.V 1965, p. 8.

патию и сочувствие среди прогрессивных слоев населения различных стран, включая и Соединенные Штаты.

В 1960 г. применение «гватемальского эксперимента» к Кубе рассматривалось в Вашингтоне как весьма рискованная операция. В 1960 г. до окончания президентской кампании в США подобная операция считалась нежелательной.

В феврале 1960 г., совершая тур по Латинской Америке, посетив Бразилию, Уругвай, Аргентину и Чили, Эйзенхауэр (хотя его и не встречали так, как вице-президента Никсона двумя годами раньше в южноамериканских столицах камнями) мог лично убедиться, что ненависть к США в этих государствах весьма значительна. В Монтевидео полиция пускала в ход слезоточивые бомбы, чтобы рассеять демонстрацию протеста против визита президента США в Уругвай. В Сантьяго председатель сената, представляя высокого гостя чилийскому парламенту, нашел уместным обратить внимание на тот факт, что отношения между США и Латинской Америкой отнюдь не добрососедские, что между ними нет ясного общего языка. В Буэнос-Айресе бурные антиамериканские демонстрации заставили Эйзенхауэра перебраться из аэропорта в посольство США на вертолете. Учитывая печальный опыт политики Вашингтона в южных латиноамериканских странах, близкий к государственному департаменту журнал требовал в 1964 г. принятия мер против «складывающегося впечатления, что мы смотрим на организацию американских государств только как на инструмент для борьбы с коммунизмом».

Через два года этот же журнал писал: «Если Соединенные Штаты должны обеспечивать свои жизненные интересы в Латинской Америке, им следует лучше понимать природу происходящей там революции, более определенно сформулировать свое отношение и свои обязательства к этой революции и пересмотреть соответственно свою латиноамериканскую политику и программы — как частные, так и общественные. Не может быть никакого сомнения, что в настоящее время интересы США подвергаются опасности»¹⁹⁶.

Сколько бы в Вашингтоне ни разглагольствовали о «политике доброго соседа», о «Союзе ради прогресса» и об экономической помощи южным странам, остается неопровержимым тот факт, что в середине 60-х годов вся Латинская Америка с населением примерно на одну четверть больше, чем в США, имела общий национальный доход, равнявшийся лишь 10% национального дохода Соединенных Штатов¹⁹⁷.

Удары по престижу и позициям Вашингтона в Латинской Америке, на Ближнем и Дальнем Востоке способствовали дальнейшему изменению соотношения мировых сил в пользу лагеря социализма, содействовали процессу, беспрестанно развивающемуся с конца 40-х годов.

В изменившихся в пользу мирового социализма условиях, в частности в условиях, когда стали очевидными преимущества СССР в ряде новейших видов вооружений, Советское государство по-прежнему продолжало неустанно бороться за прочный мир, за мирное сосуществование.

Борьба за мирное сосуществование переплетается с важнейшей проблемой современности — с вопросом о разоружении. В гонке вооружений находит свое основное материальное выражение «холодная война». Перспектива международных отношений стала в большой степени зависеть от того, будет ли принята и реализована программа полного или частичного разоружения.

Осенью 1959 г. предложение СССР о всеобщем и полном разоружении, сформулированное в совместной советско-американской резолюции по этому вопросу, было одобрено всеми членами ООН.

В марте 1960 г. в Женеве начал свою работу Комитет десяти по разоружению¹⁹⁸.

Советское правительство в развитие своей программы, изложенной 18 сентября 1959 г. в ООН, подготовило для обсуждения на совещании в верхах конкретные развернутые предложения о разоружении. Эти предложения предусматривали в первую очередь ликвидацию под международным контролем всех средств доставки ядерного оружия и иностранных военных баз, а также осуществление мер, необходимых для обеспечения мира и безопасности в условиях всеобщего и полного разоружения. После срыва совещания на высшем уровне в Париже Советское правительство внесло подготовленные им предложения в Комитет десяти государств. В Комитете десяти вопрос завяз в бесплодных словопрениях. Поэтому Советское правительство предложило перенести вопрос о разоружении из Комитета десяти на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

Очередная, XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН открылась в Нью-Йорке 20 сентября 1960 г. 28 сентября Советская делегация внесла на рассмотрение Ассамблеи проект «Основных положений Договора о всеобщем и полном разоружении», предусматривающий строгую и детально разработанную систему международного контроля по обеспечению соблюдения условий договора.

Выступившие на сессии главы правительств США, Англии и их союзников повторяли свои трафаретные предложения по данному вопросу. По существу эти предложения предусматривали контроль над вооружением, а не разоружение под контролем, на чем в течение многих лет настаивал Советский Союз.

Предложение США, сводившееся к тому, чтобы, прежде чем приступить к разоружению, установить контроль над существующими вооруженными силами, заведомо обрекло переговоры о разоружении на неудачу. Формально американцы утверждали, что в вопросе о контроле они ставят в одинаковое положение СССР и США. Фактически же как предложение США об «открытом небе», так и их предложение о контроле до разоружения при существующей сети американских военных баз у границ Советского Союза ставило США и СССР в неодинаковое положение. Во всяком случае ни СССР, ни любое другое государство на его месте не могло бы согласиться на установление международного контроля над его вооруженными силами и оборонными предприятиями, до тех пор пока на близком расстоянии от границ его территории не ликвидированы военные базы потенциального неприятеля.

Никто не может быть уверен и никто не может гарантировать, что после установления контроля, после раскрытия всех военных секретов действительно последует всеобщее и полное разоружение. Подобная уверенность тем более не может быть по отношению к Соединенным Штатам, где конституция предоставляет президенту и конгрессу достаточно простора для уклонения от выполнения международных обязательств, взятых на себя прошлыми правительствами¹⁹⁹.

¹⁹⁸ Комитет состоял из представителей СССР, Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, США, Англии, Франции, Италии и Канады.

¹⁹⁹ Прецедент в этом отношении создал еще первый президент США. Вопреки существовавшему франко-американскому союзу, обязывавшему США прийти на

¹⁹⁶ «Foreign Affairs», April 1964, p. 442; January 1966, p. 173.

¹⁹⁷ «Nation», 1.XI 1965, p. 293.

Другое дело — если всеобъемлющему контролю предшествует соглашение о всеобщем и полном разоружении, если степень контроля будет увеличиваться по мере ликвидации вооруженных сил. При всеобщем и полном разоружении отпадают опасения в отношении любого строгого контроля.

После того как многолетняя «холодная война», сопровождавшаяся безрассудной гонкой вооружений и невероятными бесполезными расходами, показала свои отрицательные последствия для США и убедила многих политических и общественных деятелей США в том, что Соединенные Штаты в результате этой политики отнюдь не стали сильнее, что их уязвимость не уменьшилась, а напротив увеличилась (как это признал лидер большинства в верхней палате высшего законодательного органа США в своем докладе сенату об итогах тщательной проверки специальной подкомиссией военной подготовленности страны), создались политические условия, для того чтобы правительство США стало на путь поиска общего языка с СССР, чтобы оно серьезнее отнеслось к предложению Советского правительства о разоружении.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов того, что господство монополий и диктат военно-промышленного комплекса в США создают сложные проблемы в вопросе существенного сокращения вооружений и разоружения.

В США существует и активно действует сильная и влиятельная группа капиталистов, заинтересованных в гонке вооружений, в военных заказах, составлявших в конце 50-х годов в среднем около 2 млрд. долл. в месяц и приносивших большие прибыли²⁰⁰. В 1958 г., например, 40 военных подрядчиков, общая сумма военных заказов которых составляла не менее 13 млрд. долл., имели более 20% дохода на инвестированный капитал. В 1960 г. около 18 тыс. компаний выполняли непосредственно заказы Пентагона на общую сумму в 22 млрд. долл. 70% этой суммы получили 24 компании: 4 компании имели заказы больше чем на 1 млрд. долл. каждая; 4 — на сумму от 750 млн. до 1 млрд.; 4 — от 500 млн. до 750 млн.; 12 компаний — от 250 млн. до 500 млн. долл.

Как мы уже видели, очень важные отрасли промышленности США — авиационная, судостроительная, производство электронной аппаратуры и оборудования для связи, производство вооружений и др. — зависят от военных заказов. В 1962 г. 40% всех рабочих в радиопромышленности и в производстве другой аппаратуры для связи были заняты военными заказами.

В судостроении этот процент был равен 60, а в производстве самолетов и ракет — 95.

Военные заказы Пентагон предоставлял определенным компаниям, как правило, без торгов. В 1957 г., например, без торгов было размещено более 90% всех военных заказов²⁰¹. Предприятия, выполняющие заказы Пентагона, обеспечены высокой прибылью, не знают ни риска, ни конкуренции. В годы «холодной войны» их влияние и давление на правительство США, в частности на государственный департамент и Пентагон, особенно выросло.

помощь Франции в случае войны с Англией, в 1793 г., когда такая война развернулась, президент Вашингтон прокламировал строгий нейтралитет.

²⁰⁰ «Magazine of Wall Street», 12.IX 1959, p. 693; «Congressional Record», 2.VIII 1969, p. E7321; 5.X 1962, p. 21392.

²⁰¹ «Progressive», January 1959, p. 25; Economic Impacts of Disarmament. Washington, 1962, p. 3.

Перед запуском первого советского спутника Земли заместитель лидера большинства в сенате сенатор Мэнсфилд утверждал, что колоссальные военные ассигнования обуславливаются тем, что правительство США «в своей внешней политике балансирует, испытывая, во-первых, страх перед тем, что могут сделать русские, во-вторых, — испытывая страх перед тем, что может сделать конгресс с военными ассигнованиями, если не будет страха перед русскими»²⁰².

В 1958 г., как мы уже отметили, около 500 «лобби», оплачиваемых Пентагоном, специально занимались обработкой членов конгресса США²⁰³.

Велико в Вашингтоне влияние «торговцев смертью». Они, разумеется, оказывают сильное сопротивление разоружению или даже существенно сокращению вооружений в США. Но в нынешних условиях все эти «торговцы» и те государственные и партийные деятели, на которых они влияют, вынуждены в какой-то мере учитывать, что если дело дойдет до применения того оружия, которое ныне изготавливается, то всепожирающий огонь не пощадит ни владельцев военных заводов, ни членов правительства, ни конгресс США.

Что касается значения вооружений для экономики США, то, конечно, военные заказы играли стимулирующую роль в послевоенной хозяйственной конъюнктуре. Председатель комиссии по иностранным делам сената Фулбрайт разъяснил: «Легкость, с которой оборонные бюджеты утверждаются конгрессом, в немалой степени объясняется огромным значением расходов на оборону для экономики». Достаточно сказать, что в 1964 г. американская печать, ссылаясь на экспертов по вопросам занятости, утверждала, что около 60% научных сотрудников и инженеров в США находятся на работе, связанной с военным производством. В 1962 г. специальная комиссия экспертов, готовившая доклад для советника президента США по вопросам разоружения, заключила, что около половины работ по исследованию и развитию в США финансируется военным ведомством²⁰⁴. Разоружение или даже существенное сокращение вооружений вызвало бы немалые затруднения. Но эти затруднения не следует преувеличивать.

Орган Гарвардского университета, признавая, что в капиталистических кругах США существуют опасения в отношении экономических последствий разоружения, доказывал, что эти опасения сильно преувеличены. Программу разоружения, утверждал этот журнал, предполагается осуществлять постепенно, в течение 12 лет. За это время расходы на вооружение будут в большей мере заменены увеличением других государственных расходов: ассигнований на изучение космического пространства, на использование атомной энергии в мирных целях, на общественные работы, на здравоохранение, на помощь иностранным государствам и др. Кроме того, экономика выиграет от уменьшения налогов. В результате, заключает этот авторитетный в США научный орган, проведение программы разоружения почти не отразится на размерах валового национального продукта. Профессор Снайдер, служивший экономическим советником правительства Трумэна, признавая, что выполнение программы разоружения лишит работы 6500 тыс. человек, занятых прямо или косвенно в военном производстве и в вооруженных силах, все же пришел к выводу: «Правда такова, что разоружение, вместо того чтобы вызывать

²⁰² «Congressional Record», 19.VIII 1957, p. A6774.

²⁰³ «Fortune», April 1958, p. 156.

²⁰⁴ «U.S. News and World Report», May 18.V 1964, p. 81; Economic Impacts of Disarmament, p. 20.

беспокойство, должно стать стимулом значительного улучшения экономики»²⁰⁵.

В научных кругах США преобладало мнение, что экономические проблемы, вытекающие из сокращения военных расходов, вполне разрешимы. Это мнение имело опору в финансовой комиссии конгресса США и поддерживалось даже некоторыми очень влиятельными представителями крупного американского капитала, например лицами, возглавлявшими федеральную резервную систему.

В прошлом периоды наибольшего подъема в хозяйстве США, включая годы «просперити» после первой мировой войны, протекали при почти полном отсутствии милитаризма либо при сравнительно небольших расходах на вооружение. Более того, отсутствие милитаризма исторически рассматривалось как одна из главных основ экономического процветания США.

В начале «холодной войны», в конце 40-х годов, специальные комиссии (например, комиссия бывшего президента Гувера по реорганизации правительственных органов и др.) предсказывали, что растущие военные расходы подорвут экономику США. Комиссия по организации национальной обороны, возглавлявшаяся Эберштадтом, которая обследовала состояние военных расходов в 1948 г., когда военный бюджет составил около 12 млрд. долл., заключила, что эти расходы подтачивают народное хозяйство США. Член этой комиссии военный обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Х. Болдуин писал в январе 1949 г., что «подобные расходы, если они будут продолжаться и впредь, могут стать фатальными для народного хозяйства». Президент Трумэн заявил в октябре 1948 г.: «Страна не может тратить 14—15 млрд. долл. в год на оборону». В конгрессе США тогда утверждали: «Эти астрономические суммы уничтожат нас». Член подкомиссии по военным ассигнованиям сенатор Макклалан из Арканзаса утверждал, что «экономическая неустойчивость, обусловленная дефицитным бюджетом, представляет гораздо большую угрозу внутри безопасности и существованию наших свобод, чем военная угроза коммунизма извне». А сенатор Тафт, предупреждая, что колониальные военные расходы несовместимы с системой свободного предпринимательства, заявил: «Если мы настаиваем на этих расходах, мы должны повернуть к социалистической форме государства»²⁰⁶.

Таким образом, в самом начале «холодной войны» растущие военные расходы вызвали во влиятельных кругах США сильное беспокойство за экономику страны.

Сильно преувеличивали в США, в частности, и трудности перевода предприятий, выполняющих военные заказы, на производство предметов гражданского потребления. За 18 месяцев реконверсии, последовавшей после второй мировой войны, США перевели почти половину своей промышленности с военного на гражданское производство²⁰⁷. Конечно, в период реконверсии существовали особые условия в США и за границей, содействовавшие расширению производства, работающего для мирных целей. Но следует учесть то, что к концу 50-х годов удельный вес военной продукции в общем промышленном производстве США был примерно в 5 раз меньше, чем к концу войны.

Военные заказы распределялись по стране так, что они в большинстве штатов не играли роли или в ряде очень влиятельных в экономическом и политическом отношении штатов играли незначительную роль. В 1957/58 финансовом году, например, самые большие военные заказы, составлявшие общую сумму в 4458 млн. долл., получил штат Калифорния. Военные заказы, полученные штатом Нью-Йорк, составляли лишь около половины этой суммы. Важнейший промышленный штат страны — Пенсильвания — получил военные заказы лишь на 700 млн. долл., а крупнейший центральный промышленный штат Иллинойс (в котором расположен Чикаго) получил военные заказы только на 577 млн. долл. В 1962 бюджетном году Калифорния получила заказы почти на 6 млрд. долл., составлявшие 24% всех военных контрактов. Другие шесть штатов вместе получили 33% этих заказов, из них Нью-Йорку достались почти 11%, а на долю 26 из всех 50 штатов приходилось менее чем по 1% общей суммы военных подрядов²⁰⁸.

Такое распределение военных заказов по штатам облегчало конгрессу США (в частности, сенату) задачу преодолевать сопротивление сокращению вооружений.

Мы уже отмечали, что еще в 1951 г. печать крупного американского капитала признавала, что «военные расходы представляют в конечном итоге обузу», что, «как бы ни ухищрялись в аргументах, они не могут быть превращены в нечто такое, что обогащает нас»²⁰⁹.

В конце 50-х годов такая точка зрения подкреплялась, получала солидную поддержку в конгрессе. В стране усиливалось убеждение, что колоссальные расходы на вооружение, сопровождающиеся инфляцией, чреваты большой опасностью для американской экономики.

Мы также отмечали, что опасность инфляции очень тревожила заседавший в 1957—1958 гг. 85-й конгресс. В выступлениях на заседаниях его финансовой комиссии указывалось, что колоссальные военные расходы не создают материальных благ, что громадная военная продукция не поступает в полезное народу потребление, ничего не прибавляет к материальным благам населения; что все это с экономической точки зрения представляет безвозвратные расходы, выброшенные за борт деньги налогоплательщиков США, что поэтому вместе с ростом военных расходов неизбежно растет инфляция.

Инфляция продолжала вызывать большую озабоченность и тревогу в руководящих кругах монополистического капитала США и во время работы 86-го конгресса. В этих кругах усиливалось мнение, что при существующих колоссальных военных расходах нет определенных средств для эффективной борьбы с инфляцией. «Уменьшение военных расходов, — писал журнал Уолл-стрит в сентябре 1959 г., — поможет решить проблему инфляции, одну из наиболее острых проблем за последние 15 лет»²¹⁰.

В середине 60-х годов расходы всех стран на вооружение составляли, по авторитетным оценкам, около 133 млрд. долл. в год²¹¹. (Через 10 лет, к середине 70-х годов, эта цифра увеличилась примерно в 2,5 раза.) От разоружения или существенного сокращения гонки вооружений выиграли бы народы всего мира. Уменьшение расходов на военные цели позволило бы увеличить ассигнования на борьбу с болезнями и загрязнением окружающей среды, на образование и науку, на улуч-

²⁰⁵ «Harvard Business Review», January — February 1964, p. 28—29, 179; Snider D. Economic Myth and Reality, Englewood Cliffs, 1965, p. 96, 99.

²⁰⁶ Schilling W., Hammond P., Snyder G. Strategy, Politics and Defence Budgets, N. Y., 1962, p. 100—102.

²⁰⁷ «New York Times Magazine», 19.IV 1959, p. 86.

²⁰⁸ «U.S. News and World Report», 24.VIII 1959, p. 46; «Nation», 16.II 1963, p. 132.

²⁰⁹ «Commercial and Financial Chronicle», 18.I 1959, p. 85.

²¹⁰ «Magazine of Wall Street», 12.IX 1959, p. 732.

²¹¹ Benoit E. Disarmament and World Economic Interdependence. N. Y., 1967, p. 39, 57.

шение жизни на Земле, а также на помощь развивающимся странам.

Учитывая различные стороны вопроса, можно было определенно прийти к заключению, что, если бы были созданы соответствующие политические условия, в США не было и нет непреодолимых препятствий для разоружения или существенного сокращения вооружений.

Но сыграло свою роль то, что после Кэмп-Дэвида на Эйзенхауэра усилилось давление со стороны его ближайшего окружения из Уолл-стрита. Поэтому после «потепления» в 1959 г. в 1960 г. в США опять наступило «похолодание».

Однако наиболее здравомыслящие политические деятели Вашингтона отдавали себе отчет в том, что нет альтернативы мирному сосуществованию.

Конечно, никто не мог ручаться за здравый смысл государственных деятелей США, пришедших к власти в результате ноябрьских выборов 1960 г., и влиятельных групп крупного капитала, стоявших за их спиной. Но после многолетнего неудачного опыта «холодной войны» законы логики объективной реальности властно говорили о том, что неминуемо настала та пора, когда во внешней политике Вашингтона должен, наконец, проявиться американский «Common sense».

4. Возвращение к власти демократов

Вопросы внешней политики на выборах 1960 г. Спор о роли государства в хозяйстве. Социальный состав республиканцев и демократов и их платформы. Проблема платежного баланса. Состояние науки и образования. Борьба за голоса рабочих. Активность Комитета политического просвещения. Фермерский вопрос в 1960 г. Растущее значение негритянского вопроса. Коммунистическая партия США перед XVII съездом. Ее позиция на выборах. Первые выборы в США в составе 50 штатов. Избрание Дж. Кеннеди. Первый президент-католик. Его призыв к «жертвам». 87-й конгресс. «Новая экономика». «Раунд Кеннеди».

К очередным общеамериканским выборам, к президентской кампании 1960 г. США пришли с острыми экономическими и внутриполитическими проблемами. Но основное место заняли вопросы, относящиеся к международному положению США.

Кампания 1960 г. — первая президентская кампания после появления искусственных спутников Земли и межконтинентальных баллистических ракет, после изменения стратегического положения США, после того как надежды на былую неуязвимость, недостижимость Америки окончательно рухнули. Несмотря на то, что ко времени выборной кампании 1960 г. США были вооружены больше, чем когда бы то ни было в прошлом, ораторы на национальных конвентах обеих крупных партий констатировали, что никогда за всю свою историю Соединенные Штаты не были так не защищены²¹².

Вступление США в президентскую кампанию 1960 г. ознаменовалось большим международным скандалом, провалом шпионской операции, запугавшим и опозорившим государственный департамент, повлекшим за собой срыв совещания в верхах и падение престижа США во всем мире.

Резко изменившаяся международная политическая атмосфера после наступившего было «потепления» в 1959 г. сильно обеспокоила широкие круги избирателей США. Будущий президент Дж. Кеннеди еще до выдвижения его кандидатуры национальным конвентом демократической

²¹² «New York Times», 26.VI 1960.

партии утверждал, что главным вопросом на выборах будут советско-американские отношения²¹³.

В программной речи на национальном конвенте республиканской партии отмечалось полное согласие с заявлением Дж. Кеннеди — кандидата в президенты от демократической партии, что «внешняя политика является важнейшим вопросом этой кампании»²¹⁴.

Борьба за федеральную исполнительную и законодательную власть разыгралась, как обычно, между обеими главными буржуазными партиями. В каждый високосный год — год выборов в США — многие спрашивают, какова разница между республиканцами и демократами. В 1960 г. прибавился другой вопрос: что произошло в двухпартийной системе США за 15 наполненных крупными политическими событиями послевоенных лет?

Обе партии пришли к выборам 1960 г. со скудным политическим багажом.

На конвенте республиканцев в программной речи подчеркивалось, что обе партии ставят перед собой одинаковую цель и что они отличаются друг от друга только в методе.

Действительно, и республиканцы и демократы после второй мировой войны, как и до нее, стоят на страже интересов американского капитализма. Но спустя 15 лет после окончания войны изменение соотношения мировых сил в пользу социализма придало задаче сохранения и укрепления капитализма в Америке и других частях света более актуальный и злободневный характер. В попытках решить эту задачу в кругах американского капитализма существуют различные мнения, нашедшие выражение в неодинаковом подходе республиканцев и демократов к данному вопросу.

Франклин Рузвельт, констатируя, что «в течение долгого времени обе большие партии отличались друг от друга только по названию», утверждал, что с 1932 г. демократы пришли к выводу, что государство обязано решать возникающие новые проблемы, которые не под силу решать частным лицам. Республиканцы же считают, что «индивидуальная инициатива и частная филантропия справятся с любой ситуацией». В ходе президентской кампании 1960 г. господствующие верхи США стояли перед необходимостью решать особую задачу. Орган Уолл-стрита утверждал, что экономическое соревнование США и СССР, вопрос о том, как соревноваться, как встретить «советский вызов», представляет «единственное реальное, основное различие между демократами и республиканцами»²¹⁵.

«Философия» Кулиджа—Гувера, господствовавшая в Вашингтоне в 20-х годах, утверждала, что благосостояние страны зависит исключительно от положения крупнейших банкиров и промышленников, что государству достаточно проявлять заботу о процветании тех, кто находится на вершине социальной пирамиды, и это само по себе обеспечит «просперити» тех, кто находится на нижних ступенях этой пирамиды.

Эта «философия» твердолобых представителей Уолл-стрита, отвергнутая Франклином Рузвельтом, была восстановлена в правах при Эйзенхауэре. Первый министр внутренних дел Эйзенхауэра Д. Маккей охарактеризовал правительство, членом которого он состоял, как «администрацию, представляющую промышленность и бизнес вообще»²¹⁶. Его

²¹³ «U.S. News and World Report», 13.VI 1960, p. 49.

²¹⁴ «New York Times», 26.VII 1960.

²¹⁵ «Magazine of Wall Street», 4.VI 1960, p. 296.

²¹⁶ «New York Times Magazine», 17.VII 1960, p. 48.

первый министр обороны Ч. Вильсон (глава гигантского автомобильного концерна «Джеперал моторс») выразил «философию» Кулиджа—Гувера Эйзенхауэра известным изречением: «Что хорошо для «Джеперал моторс», хорошо для страны».

Весь спор сосредоточился вокруг вопросов о роли государства в экономике, вернее, о степени вмешательства правительства в хозяйство. Не всегда и не все крупные капиталисты выступают против такого вмешательства. Когда правительство отдает без торгов военные заказы на миллиарды долларов крупнейшим монополиям, то подобное вмешательство государства в экономику монополистический капитал приветствует.

Вообще-то крупный капитал предпочитает республиканцев. В конце 1959 г., как мы уже отметили, американская печать утверждала, что около 80% руководителей крупнейших корпораций считают себя республиканцами. Но вместе с тем мы видели, что к концу войны некоторые руководители монополистического капитала, в частности банкирский дом Моргана, не поддержали республиканскую партию. В условиях больших, сложных послевоенных проблем, перед которыми оказался американский и мировой капитализм, значительная часть финансовой олигархии предпочитала иметь разногласия с Рузвельтом, чем жить в согласии с Т. Дьюи — тогдашним кандидатом в президенты Соединенных Штатов от республиканцев.

В президентской кампании 1960 г., как и в кампании 1944 г., опять занял важное место вопрос о роли государства и частного капитала в решении актуальных проблем американского капитализма. Вопрос принял на этот раз более острый характер, так как демократы обвиняли правительство республиканцев в том, что оно, слишком полагаясь на частный капитал, допускало отставание США в новейших видах вооружения.

Прогресс и отставание в военной технике имеют в своей основе глубокие причины. Они выражают в известной мере изменение соотношения мировых сил не в пользу США. Но каждая из двух больших партий, когда она находится в оппозиции, старается использовать это положение в политических целях. Достаточно напомнить, что летом 1952 г. республиканцы, находясь в оппозиции и ведя в развернувшейся тогда очередной президентской кампании отчаянную борьбу за федеральную исполнительную власть, утверждали, что порочная политика правительства Трумэна довела до того, что вооруженные силы США намного уступают вооруженным силам Советского Союза²¹⁷.

Однако в 1960 г. после появления космических кораблей и межконтинентальных баллистических ракет вопрос об отставании США в ракетной технике имел не только пропагандистское, но и немалое политическое значение.

Состав избирателей, голосовавших за обе партии, именно демократам давал возможность выступать с предложениями об увеличении роли государства в хозяйстве. Хотя демократы утверждали, что только республиканцы являются партией крупного капитала, они выступали на выборах с платформой, сводящейся на деле к усилению государственно-монополистического капитализма США. Таким же образом демократы,

²¹⁷ «New York Herald Tribune», 2.VI 1952.

Совершенно по-другому ведут себя эти партии, когда они являются правительственными. Так, через три года после выборов 1960 г., 18 ноября 1963 г., министр обороны Р. Макнамара, выступая в Нью-Йорке, уже хвастал, что США намного превосходят СССР в межконтинентальных ракетах, в стратегическом и тактическом атомном оружии («U.S. News and World Report», 2.XII 1963, p. 10).

которые в прошлом считались традиционными защитниками прав отдельных штатов, выступая на выборах 1960 г. за увеличение роли государства в хозяйстве, фактически рекомендовали усиление власти федерального правительства за счет ущемления прерогатив местных властей. И все это импонировало довольно широким кругам монополистического капитала.

К 1960 г., как и раньше, демократы представляли конгломерат различных групп и противоречивых интересов. Их основой служили потомки рабовладельцев на Юге, иммигранты и их потомки на Севере. Ненависть на Юге к республиканцам объясняется больше прошлым, чем настоящим. Недовольство на Севере республиканцами выражает враждебность широких масс к монополистическому капиталу, который ассоциируется с республиканской партией. Северных и южных избирателей, голосующих за демократов, объединяет в массе своей не общность интересов, а общая неприязнь к господствующему в стране северо-восточному капиталу. Между такими представителями из северных штатов в сенате, как Г. Хэмфри, М. Мэнсфилд и В. Морз, существовало мало общего с такими сенаторами из южных штатов, как Дж. Истленд, Р. Рассел и Ю. Толмэйдж. Тем не менее в 1960 г. все они нашли общий язык, сойдясь на выдвижении кандидатом в президенты США Джона Фицджеральда Кеннеди — сына архимиллионера.

Джону Кеннеди удалось продвинуть свою кандидатуру в президенты, после того как демократическая партия включила в свою платформу требования, которые импонировали различным группам, голосовавшим в 1960 г. за демократов. Это относится прежде всего к требованиям АФТ — КПП. Поддержка организованных рабочих обеспечила Кеннеди победу в крупнейших промышленных городах Северо-Востока и решила исход выборов в 1960 г.

Республиканская партия, как излюбленная политическая организация крупного американского капитала, которая восемь лет держала в своих руках бразды правления под знаменем консерватизма, имела на выборах 1960 г. меньше возможностей для маневрирования и для демагогических обещаний. Представляя наиболее концентрированный капитал, республиканская партия выражает консервативные, реакционные взгляды тех слоев населения, которые выступают против каких бы то ни было перемен, против любых социальных реформ.

В республиканской партии существует недовольство старым, консервативным руководством. Капиталистов, интересы которых эта партия выражает, не так много. На выборах республиканцы апеллируют к различным слоям населения — к городской мелкой буржуазии, фермерам, служащим, лицам свободных профессий, а также к рабочим, интересы которых совершенно расходятся с политикой республиканской партии, диктуемой Уолл-стритом.

До 1953 г., когда партия находилась в оппозиции, недовольство в ее рядах вылилось, как мы видели, в движение младореспубликанцев. Но когда Эйзенхауэр обосновался в Белом доме, руководство республиканской партии беспрекословно и беспрепятственно выполняло пожелания ближайшего окружения президента, состоявшего из столпов Уолл-стрита.

В президентской кампании 1960 г. республиканскую партию делили на три группы.

Ее самой сильной группой в конгрессе считалось наиболее реакционное крыло, руководимое сенатором Б. Голдуотером из штата Аризона.

Сторонники губернатора Нью-Йорка Н. Рокфеллера рассматривались как ее радикальное крыло. Они были слабы в конгрессе и в националь-

ном комитете республиканской партии, но имели значительную силу в законодательных собраниях штатов.

Голдуотер и его сторонники больше интересовались внутренней политикой. Они тратили много энергии на то, чтобы сломить возросшую экономическую и политическую силу организованных рабочих. «Радикальный» Рокфеллер тоже выступал за активное вмешательство правительства и за принудительный арбитраж в конфликтах между трудом и капиталом.

Между Голдуотером и Рокфеллером стоял Никсон, который возглавлял так называемых умеренных, образовавших большинство на национальном конвенте республиканцев в Чикаго в 1960 г.

Независимо от различных нюансов в суждениях и во взглядах каждой группы в республиканской партии все они сошлись в 1960 г. на кандидатурах Р. Никсона в президенты США и Г. Лоджа — в вице-президенты. Все эти группировки объединялись вокруг принятой на национальном конвенте в Чикаго платформы, отличавшейся (по крайней мере по рабочему вопросу, вопросу о темпах экономического развития и о роли государства в хозяйственной деятельности) от платформы демократической партии. Однако, примирившись с кандидатурой Никсона, его противники в республиканской партии высказывали свои опасения. Рокфеллер считал, что Никсон не в состоянии победить в индустриальных штатах Северо-Востока, а Голдуотер утверждал, что за Никсоном не последует расистский Юг.²¹⁸

В целом, сложившиеся условия, дискредитация во внешней политике и падение престижа правительства Эйзенхауэра, а также состав избирателей, на которых каждая из двух партий рассчитывала, позволили демократам в кампании 1960 г. занять более активные, наступательные позиции.

Наступление проводилось прежде всего при обсуждении вопроса, занимавшего главное место в президентской кампании.

Еще в октябре 1957 г., в том месяце, когда в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли, Кеннеди выступил со статьей, в которой он критиковал внешнюю политику правительства республиканцев за недооценку сил и возможностей Советского Союза. Он писал: «Мы недооценивали способности русских соперничать с нами в военном и экономическом отношении. После войны мы имели очень неправильные суждения об их умении создать атомную и водородную бомбу. Мы недооценили их технологические возможности количественно и качественно. Мы оказались легковерными, считая, что мы можем превзойти их в производстве самолетов, ракет и тяжелого вооружения»²¹⁹.

14 июня 1960 г., за месяц до его избрания национальным конвентом демократической партии кандидатом в президенты США, Кеннеди выступил в сенате с речью о новом подходе к внешней политике. Эта речь служила основой для внешнеполитической платформы демократов и для многочисленных выступлений и заявлений их кандидата в президенты.

В этой речи Дж. Кеннеди защищал обанкротившуюся политику «с позиции силы», утверждая, что конференция на высшем уровне в Париже была осуждена на провал якобы задолго до того, как самолет «У-2» был сбит над советской территорией. Кеннеди заявил, что попытка покончить с «холодной войной» на такой конференции «была обречена на неудачу,

потому что за последние восемь лет мы не смогли соорудить устойчивые, сильные позиции, необходимые для успешных переговоров. Мистер Эйзенхауэр старался заменить политику тем, что улыбался русским; наш государственный департамент пытался хмурить брови, а мистер Никсон пробовал то и другое. Ничего не помогло». Задача США, продолжал Кеннеди, состоит в том, чтобы перестроить вооруженные силы США и их союзников таким образом, «чтобы доказать Советам, что время и ход истории работает не на них, что соотношение мировых сил меняется не в их пользу»²²⁰.

Кеннеди выдвинул программу из 12 пунктов, которыми Вашингтон, по его мнению, должен руководствоваться в своей политике в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке. Перефразируя изречение президента Теодора Рузвельта, советовавшего разговаривать мягко, но держать наготове «большую дубинку», Кеннеди заявил, что США кричат все громче и громче, но держат в руках все более и более тонкую палку. Поэтому, заключил он, прежде всего США должны иметь термоядерное вооружение, чтобы не уступить никому первенства.²²¹

Кеннеди понимал, что увеличить силу и престиж США нельзя одним ростом вооружений. Он говорил о необходимости повышения темпов роста производства и прогресса науки, о том, что в достижениях науки «американцы также не должны никому уступать первенства».

Кеннеди признал, что престиж США резко снизился: «Падение американского престижа очевидно всему миру»²²². Быстро меняющееся положение в мире, утверждал он, требует от США срочных мер внутри страны и за границей, таких мер, с которыми республиканская партия, всегда выступавшая против перемен и прогресса, не справится.²²³

Однако оставалось непонятным: как справится демократическая партия с задачами, поставленными будущим президентом США, как она повернет в угоду Вашингтону ход истории? Ведь политику «с позиции силы» проводило правительство не только республиканцев, но и демократов. Ведь изменение соотношения мировых сил произошло тогда, когда президентом США был Трумэн, который, как и Эйзенхауэр, бросал десятки миллиардов долларов на вооружение, для того чтобы иметь возможность разговаривать с Советским Союзом как более сильная сторона.

Что же из этого получилось?

В программном докладе на национальном конвенте демократической партии сенатор Ф. Черч воскликнул: «Что случилось с американской мощью? Наша армия сократилась с 20 до 14 дивизий. Наш флот лишился десятков боевых кораблей. Мы признали за русскими превосходство в межконтинентальных баллистических снарядах, которые мы сами описываем как «абсолютное оружие». И все же правительство говорит нам, что мы не должны состязаться с русскими в ракетной мощи, так как это возложит на нас слишком тяжелое бремя. Возможно ли... чтобы богатейшее в истории государство оказалось не в состоянии больше быть сильнейшим?»²²⁴

История показала, что это возможно. Сам Черч констатировал, что в Вашингтоне признают превосходство СССР в самом важном современном оружии. И главный докладчик на съезде демократов повторил лозунг их

²¹⁸ Novak R. The Agony of G.O.P. N. Y., 1965, p. 13, 14.

²¹⁹ «Foreign Affairs», October 1957, p. 47.

²²⁰ «New York Times», 15.VI 1960.

²²¹ Ibidem.

²²² «Guardian», 29.IX 1960.

²²³ «New York Times», 15.VI 1960.

²²⁴ «New York Times», 12.VI 1960.

кандидата в президенты: «В военной мощи мы не должны уступать никому первенства».

В платформе демократической партии в самом начале отмечалось значение угрозы термоядерной войны: «Война и угроза войны представляют общую опасность для человечества». В платформе признавалась необходимость установления прочного мира. Но в то же время в ней содержался призыв к гонке вооружений: «Мы должны прежде всего восстановить нашу национальную мощь — военную, политическую, экономическую и моральную»²²⁵.

За два дня до принятия этой платформы национальным конвентом демократической партии (10 июля) Кеннеди заявил, что он, став президентом США, пойдет на то, чтобы рекомендовать в случае необходимости повышение налогов с целью увеличения военных расходов, что он считает необходимым ассигнование конгрессом дополнительно 2,5—3 млрд. долл. на военные расходы еще до конца лета этого года²²⁶.

Газета Уолл-стрита, касаясь выступлений тогдашнего сенатора Кеннеди по вопросам внешней политики, писала: «Иногда этот разговор звучит подобно призыву к новому американскому империализму, кичащемуся силой и величием. Не является ли эта концепция сенатора концепцией мирового господства?»²²⁷

Республиканцы в своей платформе также ратовали за гонку вооружений. В отличие от демократов они не признавали превосходства военной техники СССР. Они упрекали демократов в том, что те, когда стояли у власти, не уделяли должного внимания производству ракет²²⁸.

На партийных конвентах и во всей президентской кампании 1960 г. особо выделялся вопрос об экономическом соревновании двух систем. Демократы подчеркивали, что от темпов хозяйственного развития зависят военная мощь, престиж и влияние США в развивающихся странах. В этом

²²⁵ «New York Times», 13.VI 1960.

²²⁶ «New York Times», 11.VI 1960.

²²⁷ «Wall Street Journal», 15.VII 1960.

²²⁸ В программной речи на национальном конвенте республиканской партии утверждалось: «Правительство Трумэна в течение восьми лет тратило в 17 раз больше средств для поддержания цен на земляные орехи, чем на баллистические снаряды с большим радиусом действия. Правительство Эйзенхауэра расходует сейчас на такие снаряды ежемесячно в 40 раз больше, чем предыдущее правительство потратило в течение восьми лет» («New York Times», 26.VII 1960).

В этой же речи было заявлено: «Мы должны выиграть „холодную войну“». И это было сказано, несмотря на то что крупнейший для республиканской партии авторитет по вопросам внешней политики Дж. Ф. Даллес после пяти лет нагнетания этой войны выразил комиссии конгресса свои сомнения в ее благоприятном исходе для США («New York Times», 27.VI 1958).

Особую позицию занимал губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер. Он, как и Кеннеди, требовал увеличения военных расходов на 3 млрд. долл. Он также приближался к программе Кеннеди по основным вопросам внутренней и внешней политики. В частности, Рокфеллер, так же как и кандидат в президенты от демократической партии, настаивал на значительном форсировании экономического роста.

Национальный конвент республиканской партии состоялся в Чикаго в конце июля 1960 г. В начале этого месяца Рокфеллер, ознакомившись с проектом выборной платформы, высказал свое неудовлетворение и осудил всю внутреннюю и внешнюю политику правительства США за все время пребывания Эйзенхауэра в Белом доме.

23 июля вице-президент Никсон прилетел в Нью-Йорк, и на секретном совещании он и Рокфеллер выработали программу из 14 пунктов для включения в партийную платформу. В ней, как и в платформе демократов, говорилось, что экономика США должна расти в среднем на 5% в год.

Заправила национального конвента в Чикаго встретила программу Рокфеллера — Никсона в штыхы. Голдуотер с воплем восклицал, что эта программа об-

вопросе, в его решении, в подходе к нему печать Уолл-стрита видела основную и единственную реальную разницу между обеими партиями на выборах 1960 г.

В платформе демократической партии говорилось: «Мы, демократы, верим, что наша экономика может и должна расти в среднем на 5% в год, почти в 2 раза быстрее ее среднегодового роста, начиная с 1953 г.»²²⁹.

В платформе республиканцев также отмечались важность и необходимость стимулирования экономического развития. Но в ней не указывались конкретные темпы хозяйственного роста. В ней подчеркивалось, что такой рост имеет смысл лишь при сохранении стабильного доллара.

Демократы в своей платформе не объясняли, как они собираются обеспечить прирост экономики на 5% в год. Они обещали принять меры к достижению поставленной цели без инфляции. Но тут же объявили, что они начнут с таких мероприятий, которые в США рассматриваются как инфляционные. «Как первый шаг в ускорении экономического роста,— говорится в платформе,— президент демократической партии положит конец существующей высокой учетной ставке, политике «тугих денег»»²³⁰.

Демократы выступали не только против «тугих денег», но и против других мероприятий правительства Эйзенхауэра, предпринятых с целью торможения роста цен. Политика «дешевых денег» и увеличения государственных расходов на военные цели и на форсирование экономики, рекомендованная демократами, должна была содействовать дальнейшему росту цен. Демократы, правда, утверждали, что они не одобряют инфляции. Но они не говорили, как они предполагают проводить инфляционные мероприятия и одновременно сохранять стабильные цены, устойчивый доллар.

Устойчивый доллар важен для американского престижа, падение которого так горько оплакивали демократы в президентской кампании 1960 г. Между тем престиж доллара падал не только внутри страны, но и покачнулся и за границей.

Главные расходы США за границей, создающие и обостряющие проблему платежного баланса, падают на содержание вооруженных сил и на оказание военной и финансовой помощи другим государствам. Они составляли около 6 млрд. долл. в год. Но пока США не отказываются от политики «с позиции силы», они не соглашаются сокращать эти расходы.

Перед президентскими выборами 1960 г. правительство Эйзенхауэра сообщило, что оно собирается проводить новую программу в Латинской Америке и Африке, предусматривающую значительное увеличение расходов США в этих частях света. В этом вопросе не обнаруживалось разногласий между обеими партиями и между их претендентами на президентское кресло.

Кеннеди, критикуя правительство Эйзенхауэра за отставание США в вооружениях, выступал за еще большее увеличение на эти цели расходов внутри страны и за границей. Он также обещал повысить американский престиж во всем мире. Но он не ответил на вопрос: как можно по-

рекает республиканцев на поражение, что она является «Мюнхеном республиканской партии».

Возникший конфликт разрешил Эйзенхауэр. Он категорически отклонил все то, что сочинили 23 июля на Пятой авеню в Нью-Йорке губернатор этого штата вместе с вице-президентом США (White T. The Making of the President 1960. London, 1964, p. 184—185, 192, 197—199, 388—390).

²²⁹ «New York Times», 13.VII 1960.

²³⁰ Ibidem.

высить престиж США при падении доверия к доллару, как можно сохранять устойчивый доллар и одновременно увеличивать военные расходы?

На национальных конвентах и в предвыборной дискуссии лидеры республиканцев и демократов, их кандидаты в президенты избегали того, чтобы сделать предметом партийной борьбы деликатную проблему доллара и золота. Печать крупного американского капитала активно и всесторонне обсуждала эту проблему и создавшееся в связи с этим положение. Но республиканцы ограничивались тем, что обвиняли демократов в курсе на инфляцию, а демократы утверждали, что они тоже желают сохранить устойчивую валюту.

Немедленно после выборов правительство США решило принять срочные меры для улучшения платежного баланса страны. 16 ноября Эйзенхауэр отдал распоряжение о возвращении в США 284 тыс. человек из числа семей американских военнослужащих, находившихся за границей. Он также предложил всем федеральным учреждениям, содержащим персонал за границей, сократить его до самых минимальных размеров.

Вслед за тем министр финансов США Р. Андерсон и заместитель государственного секретаря Д. Диллон отправились в Бонн, Париж и Лондон с просьбой, чтобы западноевропейские союзники США взяли на себя большую долю расходов по НАТО (до этого США тратили на Северо-Атлантический пакт в 9 раз больше, чем Англия, и в 16 раз больше, чем Западная Германия), а также по оказанию финансовой помощи развивающимся странам. В Бонне США поставили вопрос о том, чтобы правительство Аденауэра взяло на себя расходы по содержанию американских войск в Западной Германии. Аденауэр не согласился.

Сам факт обращения Вашингтона за помощью в Бонн и отказ Аденауэра в удовлетворении просьбы Андерсона и Диллона свидетельствовали об ослаблении мировых экономических и политических позиций США, о падении их престижа как руководителя капиталистического мира.

Проблема платежного баланса США выдвинула в выборной кампании 1960 г. вопрос о послевоенной американской «помощи» иностранным государствам, об ее итогах и перспективах.

За 15 лет, предшествовавших 1960 г., США израсходовали на оказание «помощи» иностранным государствам 78,5 млрд. долл. Из этой суммы были предоставлены (в млн. долл.): европейским государствам — 42 267, странам Азии — 18 017, государствам Ближнего Востока — 3031, латиноамериканским странам — 2897 и странам Африки — 340²³¹.

Из указанной выше общей суммы 78,5 млрд. долл. 55 400 млн. долл. были официально включены в экономическую рубрику; фактически же львиная доля расходов этой рубрики была распределена сообразно военно-стратегическим целям Пентагона. Журнал Уолл-стрит, анализируя

²³¹ Так называемую экономическую помощь получили (в млн. долл.):

Франция	9700	Турция	2600
Великобритания	7700	Югославия	2000
Италия	4800	Нидерланды	2000
Западная Германия	4600	Бельгия и Люксембург	1800
Район Тайваня	4400	Южный Вьетнам	1600
		Индия	1400
Южная Корея	3700	Филиппины	1200
Япония	3200	Австрия	1000
Греция	2700	Испания	1000

(«Magazine of Wall Street», 19.XI 1960, p. 236).

Приведенные данные далеко не полны. В конгрессе были опубликованы цифры, согласно которым с середины 1945 г. до середины 1961 г. США предоставили

итоги послевоенной иностранной «помощи», утверждал, что это является одним из самых эффективных видов оружия, используемых Соединенными Штатами в «холодной войне»²³².

Несмотря на проблему платежного баланса, оба кандидата в президенты настаивали на усилении активности США в других странах, связанной с ростом и без того колоссальных расходов США за границей.

В тесной связи с международным положением США и экономическим соревнованием двух систем в выборной кампании 1960 г. рассматривался вопрос о состоянии науки и образования в стране.

В 1959 г. на комиссии конгресса США, где обсуждались вопросы экономического соревнования социализма с капитализмом, доказывали, что в подготовке к современной войне решающее значение имеет не объем производства, не количество выпускаемого металла, а прогресс науки. Общеизвестные достижения советской науки беспокоили правящие круги США еще в предыдущей президентской кампании. Так, весной 1956 г. комиссия конгресса США по атомной энергии в опубликованном специальном докладе обратила внимание на отставание США от СССР в подготовке научных и инженерных кадров²³³.

В США начали признавать, что маккартизм, парализовавший независимое мышление, нанес (как фашизм в Германии) большой вред науке в стране: ученый — не государственный чиновник, его насильно, с помощью различных комиссий и подкомиссий конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, по проверке лояльности заставить творить нельзя.

Правда, в послевоенные годы в США значительно увеличились расходы на научно-исследовательскую работу. В 1939 г. государство, промышленность, университеты и различные фонды израсходовали на научные исследования 500 млн. долл. Через 25 лет эта сумма достигла 20 млрд. долл. В 1970 г. она оценивалась в 27 млрд. долл. В основном эти расходы выросли за счет финансирования науки федеральным правительством. В 1940 г. федеральное правительство ассигновало на науку 74 млн. долл., а через четверть века — около 15 млрд. долл.

Однако львиная доля этих средств направляется на военные цели. В последнем году президентства Кеннеди, в 1963 бюджетном году, например, правительство выделило для промышленных лабораторий 8 млрд. долл. Почти 99% этих средств было предназначено для исследований по заданию вооруженных сил, Управления по изучению космического пространства и комиссии по атомной энергии. Если не считать расходов на исследования, проведенные в США с военной целью, то такие государства, как Япония, ФРГ, Швеция и Швейцария, расходовали на науку гораздо большую часть их валового национального продукта, чем Соединенные Штаты²³⁴.

иностранным государствам в виде «помощи» свыше 90 млрд. долл., из них европейским странам — свыше 44 млрд., а странам Азии — свыше 35 млрд. долл. («Congressional Record», 19.VIII 1962, p. 13135).

Но и эти данные неполные. По другим данным, опубликованным в Вашингтоне, экономическая и военная помощь, оказанная с 1946 по 1964 г. Соединенными Штатами другим государствам, составила сумму 104 млрд. долл.; из этой суммы получили (в млн. долл.): европейские страны — 45 361, азиатские — 53 698, латиноамериканские — 7928, а африканские — 2405 («U.S. News and World Report» 30.III 1964, p. 62).

²³² «Magazine of Wall Street», 19.XI 1960, p. 260.

²³³ «U.S. News and World Report», 30.XI 1956, p. 83.

²³⁴ См.: «Congressional Record», 15.I 1964, p. A143 — A144; «Fortune», September 1964, p. 158—159.

Многие в США объясняли отставание науки в стране также неудовлетворительным состоянием средней школы, плохо готовящей учащихся для поступления в высшие технические учебные заведения.

Осенью 1959 г., когда начался очередной учебный год, министр здравоохранения, образования и социального обеспечения США Флеминг сообщил, что в стране не хватает 130 тыс. классных комнат и что при существующем строительстве школ понадобится 13 лет для ликвидации недостатка в учебных помещениях. В том же году президент Национальной ассоциации учителей Смит утверждал, что в преподавании дисциплин, необходимых для поступления в высшие технические учебные заведения, 40—50% учителей не имеет необходимой квалификации. Во многих штатах из-за низкой заработной платы наблюдалась большая текучесть преподавательского состава²³⁵.

В 1957 г. председатель объединенного союза рабочих автомобильной промышленности США У. Рейтер, выступая на конференции Американской федерации учителей, утверждал, что в 1956 г. половина всех учителей средней школы страны получила меньшую заработную плату, чем самые низкооплачиваемые рабочие в автомобильной промышленности, и что, не считая мелких фермеров, учителя живут хуже работников других профессий в стране²³⁶.

Со времени запуска в СССР первого спутника Земли вопрос о состоянии науки и образования в США находится не только в центре внимания правительства и конгресса, но и служит предметом партийных дискуссий.

Этому вопросу немало внимания уделено в избирательных платформах обеих партий. Демократы давали обещания оказывать федеральную помощь школьному строительству и учителям. Республиканцы возражали против расходования федеральных средств на улучшение положения учителей, считая, что этот вопрос относится к компетенции штатов и муниципалитетов. Демократы также объявили оказание помощи научно-исследовательской работе особой задачей федерального правительства.

Как и в прошлой президентской кампании, обе партии в погоне за голосами уделяли особое внимание организованным рабочим. Лидеры АФТ — КПП поддерживали в 1960 г. демократов еще более активно, чем в 1956 г.

В сентябре 1959 г. при содействии правительства Эйзенхауэра в США вступил в силу новый антирабочий «закон Лэндрама — Гриффина». Новый закон, названный актом «об отчетности и раскрытии фактов в отношениях между рабочими и предпринимателями», прошел в конгрессе как добавление к принятому 12 годами раньше «закону Тафта — Хартли», что усиливало антирабочее законодательство 1947 г. «Закон Лэндрама — Гриффина» обязывает профсоюзы представлять в министерство труда более подробные, чем требовал «закон Тафта — Хартли», отчеты о состоянии своих дел, о своих платных работниках, об их окладах, что фактически равносильно установлению правительственного контроля над профессиональными союзами. «Закон Лэндрама — Гриффина» также обязывает союзы в течение пяти лет хранить материалы, на основе которых эти отчеты составлены. Бывшие члены коммунистической партии согласно этому закону не могут в течение пяти лет после выхода из партии занимать какую-либо должность в профсоюзах.

²³⁵ «Economic Notes», October 1959, p. 10; «U.S. News and World Report», 9.III 1959, p. 28.

²³⁶ «Congressional Record», 19.XI 1957, p. A5764—A5765.

Лишь в 1965 г. верховный суд США отменил это положение драконовского закона, как в 1964 г. он отменил санкции против коммунистической партии за отказ от регистрации в министерстве юстиции в соответствии с «законом Маккарэна», как в том же году были отменены политические ограничения при выдаче заграничных паспортов. Хотя верховный суд и не отменил полностью «закон Маккарэна», однако его решения показали, что активная борьба против фашистского закона имеет определенный успех.

Под давлением широких масс членов профсоюзов лидеры АФТ — КПП выступили против «закона Лэндрама — Гриффина», как в свое время против «закона Тафта — Хартли».

Дж. Кеннеди перед выборами всячески добивался расположения Дж. Мина, У. Рейтера, Д. Макдональда и других лидеров АФТ — КПП. В платформе демократической партии, принятой на национальном конвенте в Лос-Анджелесе, давались многочисленные обещания организованным рабочим. Она признала необходимым полное восстановление права на коллективные договоры и «отмену антирабочих статей, записанных в нашем трудовом законодательстве»²³⁷; она высказывалась за аннулирование федерального закона, предоставляющего законодательным собраниям штатов возможность под предлогом «права на труд» ограничивать права профсоюзов; она обещала изъять те пункты из «законов Тафта — Хартли» и «Лэндрама — Гриффина», которые ущемляют права рабочих; она обязалась повысить минимальную заработную плату до 1,25 долл. в час и распространить это положение на более широкий, чем раньше, контингент рабочих.

Торжественные обещания, содержащиеся в партийных платформах, сплошь и рядом не выполняются. Демократы в своих платформах на выборах 1948, 1952 и 1956 гг. решительно высказывались за отмену «закона Тафта — Хартли». Но они его не отменили. Его не отменил даже 86-й конгресс, в обеих палатах которого демократам принадлежало подавляющее большинство. Платформа демократов 1956 г. требовала также повышения минимума заработной платы до 1,25 долл. в час. И в этом вопросе состоявшее из демократов большинство в 86-м конгрессе не выполнило обещания, данного их партией.

Все же по сравнению с платформой республиканцев формально позиция демократов выгодно отличалась в глазах организованных рабочих. Республиканцы отстаивали «законы Тафта — Хартли» и «Лэндрама — Гриффина». Они говорили, что их необходимо тщательно соблюдать и совершенствовать, по мере того как опыт покажет, какие меры нужны для улучшения действия этих законов²³⁸. Хотя республиканцы также признали своевременным повышение минимума заработной платы, однако они отделялись в этом вопросе общими словами, не указывая конкретно размера этого минимума.

АФТ — КПП через свой Комитет политического просвещения развил в пользу демократов большую активность в избирательной кампании 1960 г. Специальная работа велась среди членов профессиональных союзов, для того чтобы как можно больше членов их семей регистрировались и голосовали за демократов. Было распространено около 10 млн. листовок, в которых было показано, как каждый член конгресса голосовал по вопросам, интересующим организованных рабочих. 5 млн. листовок было посвящено показу, что при обсуждении трудового законодательства в

²³⁷ «New York Times», 13.VII 1960.

²³⁸ «New York Times», 28.VI 1960.

конгрессе голосование Кеннеди было в 92% случаях в пользу, а Никсона в 77% случаев против организованных рабочих. «Закон Лэндрама — Гриффина» назывался раньше биллем «Кеннеди — Лэндрама — Гриффина». Руководство АФТ — КПП специально разъясняло, что усилия Кеннеди, направленные на смягчение этого билля, были безуспешными.

Комитет политического просвещения АФТ — КПП сосредоточил свое главное внимание на 14 промышленных, наиболее населенных, решающих штатах. В каждом штате распространялись специальные брошюры и листовки о позициях в рабочем вопросе представителей от данного штата в конгрессе. В день выборов комитет имел к своим услугам большой актив, содействовавший тому, чтобы избиратели, считавшиеся сторонниками демократов, участвовали в голосовании. Нуждающихся в транспортнике приводили к избирательным участкам на автомобилях. К избирателям приходили или по телефону напоминали об их гражданском долге. Женщины из профсоюзного актива оставались у избирателей в семьях с детьми, чтобы матери имели возможность голосовать.

Не все профсоюзы поддерживали демократов. Президент союза шоферов грузовых машин, не входившего в АФТ — КПП, энергично выступал против них. Но руководство основной массы организованных рабочих активно содействовало победе демократической партии на выборах.

Благодаря поддержке организованных рабочих Кеннеди победил на выборах 1960 г. в важнейших индустриальных многолюдных штатах и почти во всех крупных промышленных городах страны. В крупнейшем городе США Нью-Йорке Дж. Кеннеди собрал 63% всех поданных голосов по сравнению с 51%, полученным в 1956 г. Э. Стивенсоном²³⁹. Кеннеди получил также большинство в двух следующих по количеству населения крупных городах штата Нью-Йорк — Буффало и Рочестере.

Американская печать приводила данные о голосовании в типичных районах крупных городов, заселенных в основном организованными рабочими. Эти данные показывают, что в 1960 г. организованные рабочие голосовали за Кеннеди более активно, чем в 1956 г. за Стивенсона²⁴⁰.

Республиканцы и демократы в борьбе за голоса в западных сельскохозяйственных штатах уделяли в своих платформах и выступлениях немало внимания фермерскому вопросу. Согласно данным Бюро переписей США, ко времени выборов 1960 г. на фермах жило всего 8,7% населения страны²⁴¹. Но значение этих 8,7% населения на выборах, как мы видели, относительно больше, чем их численность.

²³⁹ «New York Times», 8.XI 1956; 13.XI 1960.

²⁴⁰ Данные о голосах за кандидатов в президенты США от демократической партии в районах крупных городов, населенных преимущественно членами профсоюзов (в %):

	За Стивенсона, 1956 г.	За Кеннеди, 1960 г.
Чикаго, 1-й район	47	70
Сан-Франциско (4 округа)	58	68
Лос-Анджелес (6 округов)	33	44
Гэри (6 округов)	51	66
Филадельфия (5 районов)	54	65
Детройт (16 округов)	67	76

Всего за демократов голосовали 65% членов профсоюзов и их семей, принимавших в 1960 г. участие в президентских выборах, против 57% в 1956 г. («U.S. News and World Report», 21.XI 1960, p. 59; 23.IX 1968, p. 98).

²⁴¹ «Economic Report of the President», 1971, p. 293.

За четыре года, истекшие со времени предшествовавшей президентской кампании, в США появились новые материалы, свидетельствующие о дальнейшем обострении и углублении фермерской проблемы. Только за четыре года (со времени выборов 1956 г. до выборов 1960 г.) число ферм уменьшилось на 12% (с 4514 до 3962 тыс.). В 1960 г. ферм насчитывалось на треть меньше, чем ко времени окончания второй мировой войны²⁴². По оценке министерства труда, за весь период 60-х годов число ферм в стране должно было сократиться еще на 17%. Фактически же оно сократилось на 27%. К 1970 г. в США осталось всего 2924 тыс. ферм. За десять лет (1960—1970) фермерское население США сократилось с 15 635 тыс. до 9700 тыс., с 8,7 до 4,8% населения страны.

За четверть века, с 1945 до 1970 г., число ферм в США уменьшилось более чем наполовину — с 5967 тыс. до 2895 тыс. За эти 25 лет более 3 млн. фермерских семей были выброшены из сельского хозяйства, лишились своей земли, своих домов, своего инвентаря, своей привычной работы и своего образа жизни²⁴³.

В годы второго президентства Эйзенхауэра положение основной массы фермеров продолжало ухудшаться. Цены на сельскохозяйственные продукты, составлявшие в 1945 г. 109%, а в 1955 г. — 84% паритета, снизились в 1960 г. до 80, а в декабре 1970 г. — до 67%. В 1945 г. из каждого доллара, израсходованного потребителем в США на сельскохозяйственные продукты, фермеру доставалось 54 цента, в 1955 г. — 41, а в 1959 г. — лишь 38 центов²⁴⁴. За 15 послевоенных лет задолженность американских фермеров выросла в 3 раза.

Продолжавшееся усиленное оснащение крупных ферм техникой ускорило процесс разорения и вытеснения обреченных мелких и средних хозяйств. За 10 лет, предшествовавших 1960 г., часовая выработка на одного человека, занятого в сельском хозяйстве, увеличилась на 90%, а за 30 лет, с 1940 по 1970 г., эта выработка увеличилась в 5,3 раза. В 1940 г. один сельскохозяйственный рабочий США мог в среднем производить продукты, чтобы прокормить 11 человек, в 1960 г. — 26, а в 1975 г. — 49 человек.

После второй мировой войны в сельском хозяйстве США наблюдался беспрецедентный рост производительности труда. Почти половина роста этой производительности, имевшего место в США за 140 лет начиная с 1820 г., приходится на десятилетие 1950—1960 гг. Техническая вооруженность рабочего, занятого в сельском хозяйстве, с 1940 по 1960 г. росла в среднем почти в 4 раза быстрее, чем в среднем у рабочего, занятого в промышленности. В промышленности эта вооруженность увеличилась на 85%, а в сельском хозяйстве — на 327%.

²⁴² «Statistical Abstract of the United States», 1970, p. 582.

²⁴³ «Congressional Records», 6.V 1960, p. 8912; «Statistical Abstract of the United States», 1971, 572—573; «Economic Report of the President», 1971, p. 293. В главных сельскохозяйственных районах США в 50-х годах наблюдалось небывалое бегство с ферм. Так, в штате Иллинойс из 102 графств 51 потеряло 50% населения; в штате Техас из 254 графств 143 потеряли 56%; в штате Колорадо соответствующие цифры составляли 63, 36 и 57; в штате Айова — 99, 58 и 59; в Канзасе — 105, 70 и 67; в Южной Дакоте — 67, 45 и 67; в Миссури — 115, 83 и 72; в Миссисипи — 82, 61 и 74; в Небраске — 93, 70 и 75; в Северной Дакоте — 53, 41 и 77; в Оклахоме — 77, 64 и 83; а в Арканзасе — 75, 69 и 92 («U.S. News and World Report», 7, 1962, p. 76).

²⁴⁴ Information Please Almanac, 1958, p. 778; 1960, p. 568.

В 1969 г. эта цифра снизилась до одной трети доллара («Congressional Records», 23.X 1969, p. E8786; «U.S. News and World Report», 15.V 1972, p. 31).

В 1975 г. из каждого доллара, израсходованного потребителем на молоко, фермер получал 51 цент, на картофель — 39 центов, а на хлеб — лишь 17 центов («U.S. News and World Report», 15.IX 1975, p. 19).

Стоимость машин и другого сельскохозяйственного инвентаря на фермах США с 1920 по 1940 г. почти не изменилась, а с 1940 по 1970 г. эта стоимость увеличилась в текущих долларах в 11 раз, в неизменных ценах — в 4—5 раз. В 1975 г. считали, что на каждого работника, занятого в сельском хозяйстве США, инвестирован в среднем капитал в 100 тыс. долл., а на каждого рабочего, занятого в обрабатывающей промышленности, — 40 тыс. долл.²⁴⁵

Потребление фермами минеральных удобрений и других химических продуктов выросло с 1940 по 1960 г. в 3 раза, тогда как с 1920 по 1940 г. его уровень практически оставался неизменным. С 1940 по 1960 г. число тракторов на фермах США увеличилось с 1,6 млн. до 4,7 млн., зерновых комбайнов — со 190 тыс. до 1042 тыс. и грузовиков — с 1 млн. почти до 3 млн. В 50-х годах число ферм с одним трактором уменьшилось, а с двумя и более тракторами увеличилось.

По сравнению с 1945 г. средний размер фермы в 1960 г. увеличился в 1,5 раза, а по сравнению с 1925 г. — в 2 раза. Только за пять лет, предшествовавших 1960 г., средняя площадь фермы в США увеличилась на одну четверть.

В течение первых 40 лет нашего века рост производительности труда в промышленности США был примерно в 3 раза выше, чем в сельском хозяйстве. С тех пор положение совершенно изменилось: в течение четверти века со времени второй мировой войны производительность труда в сельском хозяйстве росла в 2½ раза быстрее, чем в промышленности. За 10 лет, с 1965 по 1975 г., производительность труда на фермах США увеличилась на 68%, а в промышленности — лишь на 37%²⁴⁶.

Но результаты такого большого роста производительности труда остаются сравнительно незначительному числу богатых ферм. В течение 50-х годов фермы с площадью до 80 акров (32 га) уменьшили свою продукцию, из них хозяйства с площадью до 10 акров сократили свою продукцию более чем наполовину. Хозяйства же с площадью не менее 80 акров значительно увеличили свою продукцию. Чем крупнее были фермы, тем больше росла их продукция: фермы с площадью от 180 до 220 акров увеличили продукцию на одну четверть, от 220 до 260 акров — почти наполовину, от 260 до 500 акров — на три четверти, а от 500 акров и выше — удвоили свою продукцию. Согласно авторитетным оценкам, в 60-х годах 10% фермеров производили около 70% всей сельскохозяйственной продукции, поступающей на рынок. Уже в 1960 г. около половины всех фермеров имели доход, считавшийся в США ниже уровня бедности. В то же время около 100 тыс. крупных фермеров имели каждый актив не менее 300 тыс. долл., валовой годовой доход — не менее 100 тыс. долл., а чистый доход — более 17 тыс. долл.²⁴⁷

Планы помощи фермерам, выражавшейся в сокращении посевных площадей, были составлены не с целью оказания поддержки разоряющемуся труженику земли, а с целью сокращения производства и поддержания высоких цен на сельскохозяйственные продукты. В середине 60-х годов США тратили около 5 млрд. долл. в год на этот вид помощи, который, как мы это видели, выгоден только крупным фермерам, поставляю-

²⁴⁵ «U.S. News and World Report», 28.VII 1975, p. 26.

²⁴⁶ «Economic Almanac», 1960, p. 46; 1964, p. 175, 185; «Statistical Abstract of the U.S.», 1965, p. 639; 1970, p. 590, 600; «Historical Statistics of the U.S.», p. 284—285; «Economic Report of the President», 1971, p. 293, 297; «Political Affairs», June 1964, p. 36—37; «Labor Monthly Review», January 1965, p. 40—41; «American Federationist», June 1964, p. 7—9, «U.S. News and World Report», 31.V 1976, p. 53.

²⁴⁷ «Congressional Record», 31.V 1960, p. A4585; 2.VIII 1968, p. S10052.

щим основную массу сельскохозяйственных продуктов на рынок. Об этом открыто заявляли в конгрессе США²⁴⁸.

Богатые фермеры, сокращая свою посевную площадь за счет наименее плодородных земель, получают государственную компенсацию, не нуждаясь в ней, и используют ее на то, чтобы собирать лучшие урожаи с меньшего количества пахотной земли. Те же фермеры, которые нуждаются в государственной помощи, не могут сокращать свою посевную площадь, поскольку у них нет излишков земли для маневрирования.

В руководящих кругах монополистического капитала, в частности в республиканской партии, многие признавали, что при существующей борьбе двух систем сохранение 3 млн. фермеров имеет важное политическое значение, служит питательной средой для так называемого американского индивидуализма. Имея это в виду, платформа республиканцев, принятая 24 июля 1960 г. на национальном конвенте в Чикаго, начиналась так: «Наши фермеры вооружили нас сильным оружием в идеологической и экономической борьбе, в которую мы сейчас вовлечены»²⁴⁹. Тем не менее после второй мировой войны в этих руководящих кругах все более проявлялась склонность не мешать естественному ходу событий, не препятствовать концентрации сельского хозяйства в наиболее крупных и наиболее механизированных фермах.

Еще в 1945 г. Торговая палата США доказывала необходимость ликвидации 3 млн. ферм. Для этого, по ее мнению, достаточно было бы прекратить оказание федеральной помощи слабым хозяйствам. Потом, к концу президентства Эйзенхауэра, Торговая палата утверждала, что число ферм в США должно быть сокращено до 1 млн. Через 20 лет, в январе 1965 г., президент Джонсон в своем послании конгрессу о бюджете отметил, что в будущем даже при продолжении оказания государственной помощи сельскому хозяйству из существовавших тогда 3400 тыс. ферм можно будет обеспечить «приличные условия жизни» не более чем 1 млн., а 2,4 млн. будут ликвидированы. Через год министерство сельского хозяйства США утверждало, что из 3,4 млн. ферм лишь 437 тыс. имеют удовлетворительный доход²⁵⁰.

Высказывания Торговой палаты США находили отражение в сельскохозяйственной политике правительства республиканской партии. В начале второго президентства Эйзенхауэра министр сельского хозяйства Э. Бенсон утверждал, что 2 млн. фермеров должны покинуть землю²⁵¹. Чтобы не мешать этому процессу, Бенсон, как и торговая палата, советовал отменить все виды государственной помощи и субсидии, предоставляемые фермерам.

В выборной кампании 1960 г. демократы, как в 1956 г., выступали за мероприятия, направленные к тому, чтобы поддерживать цены на фермерские продукты. 10 мая 1960 г. Консультативный комитет демократи-

²⁴⁸ «Congressional Record», 10.V 1960, p. 9188; «U.S. News and World Report», 6.XII 1965, p. 117.

В конце 1964 г., например, директор Бюджетного совета США Гордон заявил в конгрессе США, что из 4 млрд. долл., израсходованных за год правительством Джонсона на оказание помощи сельскому хозяйству, 3200 млн. долл. достались миллиону преуспевающих фермеров, которые относятся к наиболее состоятельному слою населения США. На долю остальных 2,5 млн. фермеров, относящихся к части населения с наименьшим доходом, пришлось всего 800 млн. долл. На каждую богатую ферму пришлось в среднем 3200 долл. государственной помощи, а на каждую нуждающуюся бедную ферму — 320 долл., т. е. ровно в 10 раз меньше.

²⁴⁹ «New York Times», 25.VII 1960.

²⁵⁰ «U.S. News and World Report», 22.III 1965, p. 59; 16.V 1966, p. 54.

²⁵¹ «Congressional Record», 19.VIII 1957, p. 13802.

ческой партии по вопросам сельского хозяйства опубликовал заявление, которое легло в основу программы Дж. Кеннеди и платформы его партии. В этом заявлении говорилось: «Экономическое благосостояние народа требует позитивных государственных действий для поднятия сельскохозяйственных цен, чтобы фермеры были в отношении дохода приравнены к другим экономическим группам населения. Это означает немедленное установление более высоких цен на сельскохозяйственные продукты, выражаемые теми фермерами, которые согласятся на эффективное регулирование производства, с тем чтобы во всей стране предложение соответствовало спросу»²⁵².

Эту же мысль выразил Дж. Кеннеди в дискуссии с Р. Никсоном по телевидению. Он заявил, что единственным средством обеспечения должного уровня цен на фермерские продукты является контроль над их производством, для того чтобы предложение не превышало спроса на сельскохозяйственные товары²⁵³.

За полтора месяца перед выборами оба кандидата в президенты США выступали с обоснованием своих сельскохозяйственных программ. 22 сентября в городе Сиу Фоллс (штат Южная Дакота) на многотысячном собрании фермеров, съехавшихся на национальные соревнования по пахоте, Кеннеди произнес речь. На следующий день на этом же собрании выступил Никсон. В этих речах более четко обнаружилась разница между взглядами Кеннеди и Никсона. В фермерском вопросе, как и в отношении экономики в целом, они уделяли государству неодинаковую роль: Кеннеди выдвигал обширный план контроля и регулирования фермерского хозяйства; Никсон же обещал взять курс на освобождение государства от этих функций.

Кеннеди утверждал, что труд фермеров и вложенные ими средства должны приносить такой же доход, какой приносят соответствующий труд и капитал в городе²⁵⁴. План Кеннеди, разработанный его советником по сельскохозяйственным вопросам профессором Уиллардом Кочраном, назывался «управление сбытом» (supply management). Этот план предусматривал установление рыночных квот, дальнейшие государственные закупки и кредиты под залог урожая, а также расширение деятельности Земельного банка.

В общем план Кеннеди сводился к тому, что государство должно устанавливать и регулировать то количество сельскохозяйственных продуктов, которые фермеры будут производить и продавать.

В отличие от этого Никсон рекомендовал полагаться на рынок, где спрос и предложение устанавливают цены и регулируют производство и сбыт фермерских продуктов.

План Кеннеди вызывал большие сомнения. Он требовал значительных средств и большого аппарата — около 100 тыс. человек только в федеральном контрольном ведомстве. По утверждению министерства сельского хозяйства США, проведение этого плана требовало повышения сельскохозяйственных цен на 50%²⁵⁵. Даже некоторые экономические советники Кеннеди считали его сельскохозяйственную программу нереальной²⁵⁶.

План Никсона предусматривал переходный период, во время которого предполагалось сохранить действующие государственные мероприятия по регулированию производства сельскохозяйственных продуктов, в частно-

сти сохранить компенсацию за сокращение посевной площади²⁵⁷. И лишь после того как фермеры перестанут производить излишки и существующие запасы сельскохозяйственных продуктов рассосутся, правительство США сможет в своей сельскохозяйственной политике всецело положиться на рынок. Никсон представлял себе продолжительность переходного периода в четыре-пять лет²⁵⁸. Английский журнал «Экономист», анализируя сельскохозяйственную программу вице-президента США, утверждал, что этот период затянется до 1975 г., а возможно, и дольше²⁵⁹.

Соответственно сельскохозяйственным программам, выдвинутым Никсоном и Кеннеди, были составлены платформы обеих партий на выборах 1960 г.

В платформе республиканской партии говорилось: «Обещание определенного уровня цен или единой программы для всего сельского хозяйства представляет жестокий обман, основанный на пессимистическом предположении, что фермерским семьям может быть оказана помощь только посредством строгого контроля»²⁶⁰.

Демократы же в своей платформе обещали: «Мы будем проводить позитивные действия для поднятия фермерского дохода до уровня полного паритета и для сохранения семейной фермы как образа жизни»²⁶¹. Они обязались оказывать государственную помощь, с тем чтобы цены на основные продукты сельского хозяйства были не ниже 90% паритета.

Ухудшение положения широких масс фермеров за время президентства Эйзенхауэра сказалось уже на выборах 1956 г., когда республиканцы получили меньше фермерских голосов, чем в 1952 г. Недовольство фермеров имело также своим следствием то, что на выборах в конгресс республиканская партия и в 1958 г. в среднезападных штатах потеряла 21 место в палате представителей.

Но фермеры, недовольные республиканцами, не были в восторге и от демократов, не доверяли их щедрым обещаниям. За 28 лет, истекших со времени прихода к власти Франклина Рузвельта, демократам в течение 24 лет принадлежало большинство в конгрессе. Фермеры имели полную возможность убедиться, что демократы, как и республиканцы, бесцеремонно нарушают свои предвыборные обещания и декларации.

Казалось бы, что в 1960 г. платформа демократической партии должна была больше импонировать фермерам, чем платформа республиканской партии. Но фермеры в большинстве своем не откликнулись на призыв демократов, не находя существенной разницы между платформами обеих партий. Принятие любой из них означало пока продолжение правительственного контроля и увеличение государственных расходов на проведение сельскохозяйственной политики США.

Из 22 штатов, расположенных к западу от Миссисипи, кандидат в президенты от республиканцев Никсон победил в 14. Правда, Эйзенхауэр в 1956 г. победил в 20 из них, и за исключением 7 южных штатов победил во всей стране. Никсон собрал в 1960 г. почти половину всех поданных на президентских выборах голосов, а в фермерских штатах и районах он получил значительное большинство.

Из западных сельскохозяйственных штатов исключением оказалась Миннесота, где Кеннеди получил в 1960 г. 51% всех поданных голосов. Программа Кеннеди, скептически встреченная в кругах консервативной

²⁵² «Congressional Record», 13.V 1960, p. 9521.

²⁵³ «U.S. News and World Report», 10.X 1960, p. 79.

²⁵⁴ «New York Times», 23.IX 1960.

²⁵⁵ «Economist», 1.X 1960, p. 42.

²⁵⁶ «Time», 21.XI 1960, p. 22.

²⁵⁷ «New York Times», 24.IX 1960.

²⁵⁸ «New York Times», 25.IX 1960.

²⁵⁹ «Economist», 1.X 1960, p. 41.

²⁶⁰ «New York Times», 25.VII 1960.

²⁶¹ Ibid., 13.VII 1960.

Американской федерации фермерских бюро, была восторженно принята лидерами либерального Национального союза фермеров, оплотом которого считается штат Миннесота. Но большинство фермерских штатов и районов не поддержало Кеннеди. Это дало ему, как утверждала американская печать, моральное основание не бороться с должным усердием за проведение в жизнь его трудной и сложной сельскохозяйственной программы²⁶². Через год после переезда в Белый дом, в январе 1962 г., Кеннеди отправил конгрессу послание, в котором он предложил одобрить «обширную реалистическую сельскохозяйственную программу на предстоящие годы». Эта программа расценивалась как забота об укреплении положения 1,5 млн. эффективных ферм, производивших около 90% всей поступающей на рынок сельскохозяйственной продукции, и об ускорении процесса ликвидации большинства хозяйств, как нерентабельных.

В выборной кампании 1960 г. вопрос о гражданских правах для негров занимал большее место, чем на предыдущих выборах. Международное значение вопроса проявилось уже довольно четко в президентской кампании 1956 г. По мере возрастания роли государств Азии и Африки в мировой политике увеличивалось международное значение негритянского вопроса в США. Успешная национально-освободительная борьба народов «черного континента» вдохновляла американских негров в их борьбе против всех видов дискриминации.

В то же время сам негритянский народ в США, осознав свои силы, развил широкое движение за равноправие, включая полное равноправие в жилищном вопросе, в найме на работу, в заработной плате, в учении и преподавании в школах и вузах и в политическом представительстве, развил борьбу за гражданские права, формально предоставленные ему конституцией США.

В 1960 г. исполнилось 100 лет со дня победы на выборах Авраама Линкольна, президентство которого ознаменовалось разгромом рабовладельцев в гражданской войне и эмансипацией негров. Официально негры были приравнены в правах к белым еще в 60-х годах прошлого века 14-м и 15-м добавлением к конституции США. Фактически же спустя более 100 лет после торжественной декларации о равноправии черных и белых граждан США миллионы негров в стране испытывали постоянный гнет — экономический, политический, социальный.

Негры составляют более 11% населения США. По переписи 1970 г., население США насчитывало 204 800 тыс. человек, из них — 22 673 тыс. негров. Такую же часть они составляют в общей рабочей силе, а также среди промышленных рабочих страны. Но, как правило, негры выполняют наименее квалифицированную и наиболее тяжелую работу. К концу 50-х годов в автомобильной и сталелитейной промышленности США негры составляли 15% по отношению ко всем рабочим этой отрасли, в горной — 25, в мясоконсервной — 30, а в лесной — 45%. Согласно данным Бюро переписей США, средний доход негритянской семьи составлял лишь около половины среднего дохода белой семьи. Среди фермерского населения эта разница еще больше²⁶³.

Весной 1958 г., во время очередного промышленного кризиса, негры составляли 20% всех безработных — в 2 раза больше их удельного веса в общей численности рабочего класса страны. Через 10 лет в конгрессе США констатировали, что негр имеет в 2 раза больше шансов стать

безработным и в 3 раза больше шансов быть нищим, чем его белый сосед²⁶⁴.

На Юге США участие негра в выборах было связано с риском потери работы или даже самой жизни. В 11 южных штатах, где в 1960 г. проживало 6 млн. негров избирательного возраста, лишь около одной пятой осмеливались участвовать в выборах, а в штате Миссисипи, где негры составляли более 40% всего населения, лишь 3% негров избирательного возраста зарегистрировались для участия в голосовании²⁶⁵.

В этом же штате было израсходовано в общественных школах на каждого учащегося негра в 2 раза меньше средств, чем на белого²⁶⁶.

Американские негры везде, в каждой области их деятельности чувствуют вековой гнет, дискриминацию, ущемление их прав и интересов. В 40 штатах существовали законы, запрещающие браки между белыми и черными. В 19 штатах подобные законы существовали еще в начале президентства Джонсона, в 1964 г. В некоторых штатах закон считает преступлением благословение священнослужителем брака между белыми и цветными. Особенно сильна дискриминация на Юге, где ко времени переписи 1960 г. в 11 штатах проживало более половины всех негров США.

Поколения южных диксикратов мало изменились. Нынешние потомки рабовладельцев остаются верными расистским взглядам и предрассудкам своих предков. Но негритянский народ изменился, изменилась его социальная структура, выросла его общественная и политическая активность.

Сравнительно не так давно, после окончания первой мировой войны, негритянский вопрос в его экономическом аспекте рассматривался в основном как проблема наиболее эксплуатируемой в США фермерской бедноты, крошечных и сельскохозяйственных рабочих. Еще к началу второй мировой войны, в 1940 г., свыше 40% всех негров-мужчин и более 15% негритянских женщин, имевших самостоятельный заработок, были заняты в сельском хозяйстве.

Ко второму президентству Эйзенхауэра, к началу 1957 г., эти цифры сократились примерно в 3 раза, составив менее 15% для мужчин и менее 5% для женщин. В 1960 г. 12% всех негров были сельскохозяйственными рабочими, а в 1970 г. — лишь 4%. Механизация сельского хозяйства вытесняет негров. С 1920 по 1960 г. 70% негритянских земледельцев на Юге США были вытеснены из сельского хозяйства. Только с 1950 по 1960 г. 493 тыс. негров потеряли работу в сельском хозяйстве Юга. За эти десять лет более миллиона негров переселились с Юга на Север.

Согласно данным министерства сельского хозяйства США, в 1964 г. в 14 южных штатах средний годовой заработок сельскохозяйственного рабочего-негра составлял 503 долл., примерно в 10 раз меньше средней заработной платы рабочего в обрабатывающей промышленности США²⁶⁷.

К концу 50-х годов трудящиеся-негры уже в большинстве своем были заняты в промышленности. Около 2 млн. негров состояли членами профессиональных союзов. Но даже там, где негры, как все другие цветные рабочие, имеют ту же квалификацию и выполняют ту же работу, что и

²⁶⁴ «Congressional Record», 15.VIII 1968, p. E7503.

В начале 1963 г. среди белого населения США процент безработных составлял 5,9, а среди цветного населения — 12,7. Соответствующий процент для неквалифицированных рабочих равнялся соответственно 13,3 и 20,3, а для подростков — 13,4 и 29,8 («U.S. News and World Report», 17.VI 1963, p. 44).

²⁶⁵ «Labor Fact Book», 1959, N 14, p. 138.

²⁶⁶ Information Please Almanac, 1960, p. 360.

²⁶⁷ «Fortune», August 1968, p. 80, 84; «Political Affairs», June 1964, p. 41; «U.S. News and World Report», 30.III 1970, p. 31.

²⁶² «Time», 21.XI 1960, p. 22; «Congressional Record», 6.II 1962, p. A872.

²⁶³ «Labor Fact Book», 1959, N 14, p. 138.

белые, негры получают, согласно экономическому отчету президента США, на 30% меньше, чем белые. Согласно этому же отчету, народное хозяйство США теряло от расовой дискриминации рабочих и учащихся около 20 млрд. долл. в год²⁶⁸.

Негритянские рабочие, сосредоточенные большими массами в крупных промышленных городах, организованные в профессиональные союзы, начали представлять политическую силу, способную играть особую, иногда решающую, роль в национальных выборах кампаниях.

В крупнейших многолюдных штатах страны, которым принадлежит около половины всех выборщиков, победа на президентских выборах достигается обычно незначительным большинством голосов, составляющим менее 4% общего числа активных избирателей²⁶⁹. Партия, получающая большинство, хотя бы самое ничтожное, получает голоса всех выборщиков. В крупнейших промышленных штатах негры составляют более 4% населения²⁷⁰. При активном и организованном участии негров в голосовании они могут играть решающую роль на национальных выборах в этих важнейших штатах страны. Избиратели-негры, таким образом, представляют, как отметил орган Коммунистической партии США, большую потенциальную силу²⁷¹.

В 50-х и 60-х годах борьба негров за равноправие, против дискриминации усилилась и приобрела различные формы: студенческие демонстрации, методы пассивного сопротивления, экономической бойкот и др. Широкое распространение получили так называемые сидячие демонстрации, сводящиеся к тому, что группа негров, обычно студенты, заходит в ресторан, предназначенный только для белых, занимает места и не уходит, требуя, чтобы ее обслужили. Эта форма протеста против дискриминации, возникшая в феврале 1960 г. в г. Гринсборо (штат Северная Каролина), за один лишь месяц превратилась в организованное движение, охватившее более 20 городов в шести южных штатах, а также несколько крупных городов на Севере.

По мере нарастания движения негров против него все более усиливалась борьба. В законодательные собрания штатов Джорджия, Южная Каролина и Вирджиния были внесены билли, запрещающие проявления недовольства со стороны негров. Но остановить массовое, принимающее различные формы движение негритянского народа за равноправие уже было нельзя. Пробудившийся, веками униженный и угнетенный народ показал, что он не будет долгие терпеть отношение, оскорбляющее человеческое достоинство, что он не остановится в борьбе за защиту своих прав и интересов. В городах Монтгомери и Гринсборо негры упорной

борьбой добились определенных результатов. Сегрегация в автобусах Монтгомери была отменена. За два года после первой сидячей демонстрации в Гринсборо сегрегация в ресторанах, кафе и закусочных была отменена более чем в 200 городах на Юге.

В июле 1960 г. перед национальными конвентами демократической партии в Лос-Анджелесе и республиканской партии в Чикаго негры организовали массовые демонстрации. В 1963 г. в промышленном г. Бирмингеме (штат Алабама) массовая демонстрация негров, в которой принимало участие и белое население, послужила прологом к невиданным ранее широким протестам против расовой дискриминации по всей стране. 28 августа того же года в демонстрации в столице США у памятника Линкольну участвовали более 20 тыс. негров и белых. Успехи, достигнутые в результате событий в Монтгомери и Гринсборо, усилили уверенность в рядах борцов против дискриминации, показали, что их упорная борьба может увенчаться успехом.

В 60-х годах борьба против расизма и сегрегации принимала временами характер «революции во имя гражданских прав», как выражалась прогрессивная печать США. В рядах доведенного до отчаяния негритянского населения стихийно вспыхнули восстания, перешедшие в кровавые уличные бои в Детройте, Ньюарке, Нью Хейвене, в негритянских кварталах района Уоттс в г. Лос-Анджелесе и в других местах.

Весной 1967 г. борьба разгорелась с новой силой. В течение четырех месяцев она охватила более 100 больших городов, включая Нью-Йорк, Филадельфию, Бостон, Чикаго, Детройт, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сياتл, Кливленд, Луисвилл, Цинциннати, Канзас-Сити, Ньюарк, Миннеаполис, Милуоки и Денвер. За это время в уличных боях было убито не менее 117 человек, а тысячи были ранены. Материальный ущерб, нанесенный в результате этих волнений, оценивался в миллиард долларов.

В одном Детройте в течение шести дней — с 23 по 28 июля — был убит 41 человек и около 2 тыс. ранены, более 4 тыс. человек были арестовано. В этом городе на помощь полиции пришла не только местная национальная гвардия, но и федеральные войска. В эти летние месяцы более 20 раз призывалась национальная гвардия для участия совместно с полицией в борьбе против протестующих негров²⁷².

Убитых и раненых насчитывалось немало и в волнениях предыдущих лет. В одном районе Уоттса в г. Лос-Анджелесе в 1965 г. число убитых достигло нескольких десятков. Восстания были жестоко подавлены полицией и войсками. Но они вынесли на поверхность большую, грозную национальную проблему, показали перед всем миром глубину и остроту негритянского вопроса в США²⁷³.

Активизация и борьба трудящихся негров в условиях все увеличивающегося международного значения негритянского вопроса в стране объясняют действия верховного суда США, объявившего 17 мая 1954 г. сегрегацию в общественных учебных заведениях нарушением федеральной конституции и признавшего 23 апреля 1956 г. таким же нарушением конституции сегрегацию в автобусах, курсирующих между штатами.

Следующий шаг в этом направлении был совершен в Вашингтоне в 1957 г. Летом этого года конгресс принял закон о защите гражданских

²⁷² «U.S. News and World Report», 14.VIII 1967, p. 28—30; «Congressional Record», 6.X 1965, p. A5618.

²⁷³ В ноябре 1965 г. журнал «Форчун» признал: «Действительно, не будет преувеличением сказать, что если положение американских негров не станет главной заботой всех американцев, в стране в течение грядущих поколений не будет общественного спокойствия» («Fortune», November 1965, p. 151).

²⁶⁸ «Labor Fact Book», 1959, N 14, p. 80; Economic Report of the President, 1965, p. 167.

²⁶⁹ «Political Affairs», May 1960, p. 15.

²⁷⁰ Уже по переписи 1950 г., негры в населении следующих штатов составляли (в %): Нью-Йорк — 6,5, Пенсильвания — 6,7, Огайо — 6,8, Иллинойс — 8,1. К 1960 г. удельный вес негров в этих штатах еще более увеличился. С каждой переписью растет негритянское население крупнейших городов. С 1950 по 1960 г. процент негров в населении г. Нью-Йорка вырос с 9,8 до 14,7; Чикаго — с 14,1 до 23,6; Лос-Анджелеса — с 10,7 до 16,8; Бостона — с 5,6 до 9,8; Сан-Франциско — с 10,5 до 18,4; Детройта — с 16,4 до 29,2; Нью-Арка — с 17,2 до 34,4; Вашингтона — с 35,4 до 54,8. В 1970 г. процент негров в населении Нью-Йорка дошел до 21, Чикаго — до 33, Филадельфии — до 34, Кливленда — до 38, Детройта — до 44, Сент-Луиса — до 41, Балтимора — до 46, Вашингтона — до 71. К 1970 г. 55% всех негров США жили в городах и 15% — в пригородах («U.S. News and World Report», 27.VIII 1962, p. 73; 3.II 1969, p. 55; 30.III 1970, p. 31; «Statistical Abstract of the U.S.», 1974, p. 21—23).

²⁷¹ «Political Affairs», May 1960, p. 15.

прав, предоставленных неграм конституцией США. В сенате этот закон так общипали, что в нем ничего не осталось от пунктов, направленных против сегрегации в учебных заведениях. Тем не менее следует отметить, что тогда впервые за истекшие после отмены рабства 82 года сенат одобрил закон, направленный против дискриминации негров. В апреле 1960 г. конгресс США принял акт, который формально должен был усилить закон 1957 г. Акт 1960 г. уполномочивает судебные власти назначать третейское разбирательство там, где имели место нарушения избирательных прав негров. Акт 1960 г. объявил федеральным преступлением нарушение постановлений федеральных судов применением силы или угрозы применения силы.

Решения верховного суда и конгресса далеко не соблюдались, сплошь и рядом нарушались. Закон 1957 г. и акт 1960 г. практически не создали условий для осуществления гражданских прав негров. Конгресс ограничился формальными решениями. А формально подобные решения существуют уже более 100 лет в виде специальных добавлений к конституции США.

Тем не менее разъяренные диксикраты подняли новую волну расовых конфликтов в ряде штатов.

В сентябре 1957 г. во всем мире стали известны события, происшедшие в столице штата Арканзас городе Литтл-Рок, куда Эйзенхауэр направил части 101-й воздушно-десантной дивизии армии США для наведения порядка, нарушенного в связи с нападением расистов на негритянских учеников, пытавшихся посещать общественную среднюю школу в этом городе. В других южных городах расовые конфликты приняли более острый характер. Например, в городе Нашвилль (штат Теннесси) школа, которую в сентябре 1957 г. только 1 раз посетил один негритянский ученик, была ночью взорвана и полностью уничтожена. 5 октября 1958 г. была взорвана школа в г. Клинтон этого же штата. В ноябре 1960 г. американская печать сообщила о расистских беспорядках в Новом Орлеане из-за того, что четыре негритянские девочки начали посещать школу, где раньше обучались только белые дети. Событиям в Новом Орлеане предшествовали расистские беспорядки в г. Джексонвилл (штат Флорида), сопровождавшиеся вооруженными столкновениями и взрывами бомб.

На пятом году после решения верховного суда США о том, что сегрегация в учебных заведениях противоречит конституции США, в семи южных штатах (Вирджиния, Южная Каролина, Джорджия, Флорида, Алабама, Миссисипи и Луизиана) не было ни одной школы, где бы совместно обучались белые и негры. В трех других штатах (Северная Каролина, Теннесси и Арканзас), где негры составляют 15—25% всего населения, в общих, так называемых интегрированных школах негры составляли менее 1%²⁷⁴. К началу 1960 г. в пяти южных штатах еще не было ни одной интегрированной школы. К концу 1962 г. в 11 южных штатах учащиеся-негры составляли в общественных школах лишь 0,4%²⁷⁵.

За четыре года, последовавшие за решением верховного суда против сегрегации в общественных школах, в 11 южных штатах были приняты 196 специальных законов, препятствовавших проведению этого решения²⁷⁶. Во многих случаях на решения федеральной власти об отмене сегрегации законодательные собрания южных штатов отвечали распоряжением о закрытии общественных школ. Такое распоряжение, например,

отдал в сентябре 1958 г. Фобус, губернатор штата Арканзас. А губернатор штата Вирджиния Олмонд заявил публично, что никакая сила не сможет заставить его проводить в школах интеграцию.

Вскоре после опыта событий в городе Литтл-Рок правительство США начало бить отбой, стараясь умиротворить, успокоить воинствующих расистов. Эйзенхауэр заверил южных сенаторов, что он больше никогда не пошлет войска США для обеспечения проведения в жизнь решения верховного суда о принятии негров в школы для белых²⁷⁷.

Коллеблющаяся позиция правительства Эйзенхауэра усложняла задачи республиканской партии, старавшейся привлечь на свою сторону голоса негров. Не помогло заявление ее кандидата в вице-президенты Г. К. Лоджа о том, что в случае победы на выборах Никсона в 1960 г. в состав будущего правительства республиканцев войдет негр.

В своих платформах и выступлениях на выборах 1960 г. обе партии в вопросе о гражданских правах негров были щедры на обещания. Лидеры обеих партий учитывали международный резонанс этой проблемы, возрастающую активность и значение негритянских избирателей.

На национальном конвенте республиканцев вопрос о гражданских правах для негров не служил предметом дискуссии. В своей платформе республиканцы признали, что проблема расовой дискриминации злободневна не только на Юге, но и на Севере страны. Повторяя торжественные слова из Декларации независимости, что все люди родились равными, и называя себя «партией Авраама Линкольна», с именем которого ассоциируется борьба за освобождение негров от рабства, республиканцы заключили раздел своей платформы о гражданских правах для негров следующим: «Мы обязуемся полностью использовать власть, средства и руководство федерального правительства, чтобы избавиться от дискриминации, основанной на расовой принадлежности, цвете кожи, религии или национальном происхождении, и поощрять взаимопонимание и добрую волю между людьми всех рас и вероисповеданий»²⁷⁸.

Подобные обязательства и обещания негры уже неоднократно слышали от конвента республиканской партии. Но от дискриминации они не избавились, не избавились и за последние восемь лет, в течение которых власть в правительстве принадлежала республиканцам. Поэтому декларация национального конвента республиканской партии в 1960 г., рассчитанная на привлечение негритянских голосов, не возымела должного эффекта.

На национальном конвенте демократической партии представители девяти южных штатов²⁷⁹ выступили с возражениями против раздела платформы о гражданских правах, мотивируя это тем, что такие вопросы, как образовательный ценз для избирателей и сегрегация в школах, подлежат всецело компетенции отдельных штатов, а не федеральных властей. Доказывая необходимость сохранения образовательного ценза, используемого как средство для лишения негров права голоса, диксикраты заявили: «Мы против того, чтобы правительство формировалось идиотами и невеждами для идиотов и невежд»²⁸⁰.

Однако принятая на национальном конвенте демократов платформа в вопросе о гражданских правах почти не отличалась от платформы

²⁷⁷ Ibid., 5. IX 1958, p. 27.

²⁷⁸ «New York Times», 27.VII 1960.

²⁷⁹ Алабамы, Арканзаса, Флориды, Джорджии, Луизианы, Миссисипи, Вирджинии и обеих Каролин.

²⁸⁰ «New York Times», 13.VII 1960.

²⁷⁴ «New York Times», 31.VIII 1958.

²⁷⁵ «U. S. News and World Report», 10.XII 1962, p. 78.

²⁷⁶ «U. S. News and World Report», 15.VIII 1959, p. 1.

республиканцев. В частности, в ней отмечалось, что демократы примут все необходимые меры, для того чтобы в дальнейшем не практиковались проверка знаний у избирателей и уплата избирательного налога как условие участия в выборах.

В то же время для успокоения диксикратов демократы в своей платформе подчеркивали, что дискриминация существует не только в южных штатах: «В каждом городе и в каждом штате в большей или меньшей степени существует дискриминация в зависимости от цвета кожи, расовой принадлежности, религии или национального происхождения»²⁸¹.

Единственная партия в США, которая всегда неуклонно и последовательно выступала в защиту прав и интересов негритянского народа, которая беспрестанно активно боролась и борется против всех видов дискриминации, — это Коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки.

В 1960 г., как и в 1956 г., коммунистическая партия не выдвигала и не поддерживала кандидатов других партий в президенты и в вице-президенты США. Драконовские законы против коммунистов лишили их возможности иметь своих кандидатов на президентских выборах. Некоторые их лидеры продолжали томиться в тюрьме. Но положение в коммунистической партии было сейчас совершенно иным, чем во время выборной кампании 1956 г., когда партия готовилась к своему XVI съезду. К 1960 г. кризис в партии был преодолен.

В сентябре 1959 г. Коммунистическая партия США отметила 40-летие своего существования. В декабре этого года происходил ее XVII национальный съезд. В докладе на съезде генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл заявил: «Наша партия ко времени созыва настоящего съезда разгромила ликвидаторов и ревизионистов, одновременно уничтожив в основном их сводного брата — «левое» сектанство и догматизм. Этим съездом мы заканчиваем тот период в нашей жизни, когда шла борьба за сохранение партии, и устремляем свои взоры в будущее. Нынешний съезд — съезд движения вперед, прогресса»²⁸².

Центральное внимание съезд уделил защите мира. Борьба за мир, за мирное сосуществование, за разоружение была объявлена основой платформы партии на выборах. Позиция съезда в негритянском вопросе и в фермерской проблеме, его требования восстановления демократических прав и отмены реакционных законов также определяли линию партии в избирательной кампании 1960 г., в которой коммунисты развернули активную деятельность.

Коммунистическая партия США выступала за равноправие негров, за их полноправное участие в экономической, политической, социальной и культурной жизни страны, за их интеграцию не только в учебных заведениях, но и во всех областях жизни и деятельности как неотъемлемая часть американской нации, за полное искоренение расовой и национальной дискриминации во всех ее видах и проявлениях.

Коммунистическая партия США требовала проведения в жизнь сельскохозяйственной программы, обеспечивающей фермерам нормальные условия существования. Она категорически осудила планы, ведущие к изгнанию фермеров с земли, под каким бы предлогом эти планы ни предлагались. Она выступала в защиту трудящихся фермеров.

²⁸¹ «New York Times», 13.VII 1960.

В августе 1965 г. Мартин Лютер Кинг заявил, что «сегрегация на Севере скорее увеличивается, чем уменьшается» («Economist», 28.VIII 1965, p. 780).

²⁸² «Коммунист», 1960, № 4, с. 102.

В августе 1960 г. Национальный исполнительный комитет Коммунистической партии США принял резолюцию об отношении к происходящей выборной кампании. В ней говорилось: «Оценивая конвенты обеих старых партий, в частности демократической, было бы неправильно видеть только то, что могущественный партийный аппарат, подхалимствующий перед монополистическим капиталом, господствовал на этих конвентах и назначал кандидатов, традиционно связанных с реакционной внешней и внутренней политикой».

Отметив, что на национальных конвентах проявлялись две силы: сила антикоммунизма, империализма и «холодной войны», с одной стороны, и сила мира, гражданских прав и социального законодательства — с другой, исполком в своей резолюции обратил внимание на тот факт, что трудящиеся города и деревни и негритянские избиратели будут голосовать в основном за демократов.

«Это не означает, что мы как партия и как коммунисты должны поддерживать Кеннеди и Джонсона. Напротив, мы должны остро критиковать поведение в прошлом обеих партий в вопросах мира, социального и рабочего законодательства. Но мы должны определенно признать, что в этом лагере (голосующих за демократов.—В. Л.) находится масса простых людей, с которыми мы должны вместе идти вперед и вместе находиться в этом лагере».

Касаясь итогов национальных конвентов республиканцев и демократов и политических перспектив для США, исполком заключил: «Хотя реакционеры одержали верх в выборе кандидатов, сохранив контроль в партии, все же уступки, которые они вынуждены были сделать в своих платформах, не дадут им покоя во время их пребывания у власти и послужат стимулом для массового эффективного движения за выполнение взятых обязательств. Эти уступки, отражающие обострение противоречий в американской политической жизни, могут только временно удержать массы в рамках двухпартийной системы. В дальнейшем это может во многом содействовать политическому просвещению масс, значительно способствовать движению за создание рабоче-фермерско-негритянской народной партии, фермерско-рабочей партии, объединяя все антимонополистические силы»²⁸³.

В президентской кампании 1960 г. известное место занимал религиозный вопрос. До 1960 г. католика не допускали в президенты США. В 1928 г. демократы выдвинули кандидатуру католика губернатора Нью-Йорка А. Смита в президенты. Это выдвижение вызвало тогда большой шум, горячие споры и протесты, особенно в южных штатах. Шесть южных штатов, которые раньше были верны демократам, перешли в 1928 г. на сторону республиканцев.

В 1960 г. демократы снова выдвинули кандидатом в президенты католика сенатора Кеннеди. На этот раз их выбор (хотя это и послужило темой для религиозной дискуссии) встретил в стране, в частности на Юге, гораздо меньше возражений.

В 1928 г. республиканцы старались использовать принадлежность Смита к католической церкви, а Смит всячески уклонялся от дискуссии по этому вопросу.

В 1960 г., наоборот, республиканцы избегали в предвыборной дискуссии затрагивать деликатную религиозную тематику, а кандидат демократов Кеннеди выражал готовность в любое время повторять, что отделение церкви от государства останется фундаментальным принципом его

²⁸³ «Political Affairs», September 1960, p. 20—24.

президентства. Он решительно высказался против назначения американского посла в Ватикан²⁸⁴. Произошло 15 июля 1960 г. в Лос-Анджелесе свою первую речь как официальный кандидат в президенты от демократической партии, Кеннеди выразил уверенность, что никто не будет голосовать за или против него, исходя из религиозных соображений.

Разница в отношении к католику, выдвинутому кандидатом в президенты в 1928 и 1960 гг., объясняется изменениями, произошедшими в составе населения и в международном положении США со времени окончания первой мировой войны.

20-е годы проходили в США под знаком изоляционизма и строгих иммиграционных законов. Кампания за закрытие дверей страны для иммигрантов рассматривалась как борьба против «зла иностранного происхождения». 20-е годы в США ознаменовались лихорадочной активностью фундаменталистов, их горячими спорами с эволюционистами, кульминационным пунктом которых стал «обезьяний процесс». Возрожденное движение фундаментализма сопровождалось разгулом Ку-клукс-клана, который вел бешеную кампанию не только против негров, но и против католиков, распространял небылицы (например, вроде того, что если католик станет президентом, то римский папа получит возможность построить тоннель под Атлантическим океаном для непосредственной связи между Ватиканом и Белым домом)²⁸⁵.

К концу 50-х годов в южных штатах продолжали орудовать Ку-клукс-клан и подобные ему погромные организации («советы белых граждан», «защитники прав штатов» и др.), но их внимание было сконцентрировано на неграх. В 1956 г. на национальном конвенте демократической партии представители восьми южных штатов единогласно высказались в пользу кандидатуры Кеннеди в вице-президенты США. На выборах 1960 г. Кеннеди победил в пяти южных штатах, считавшихся оплотом протестантизма, — в Арканзасе, Джорджии, Северной Каролине, Южной Каролине и Западной Вирджинии. В этих штатах голоса католиков составили не более 5% общего количества поданных голосов²⁸⁶.

В 20-е годы считали, что за пределами южных штатов протестанты голосуют преимущественно за республиканцев, а католики — за демократов. Потом все изменилось. Рузвельт одержал победу в штатах с абсолютным преобладанием протестантского, а Эйзенхауэр — с преобладанием католического населения.

Согласно данным Бюро переписей США, к 1960 г. католики составляли около 25% населения страны. Но они были сосредоточены в крупнейших промышленных городах и штатах, играющих решающую роль на президентских выборах. На густонаселенном индустриальном Северо-Востоке они составляли свыше 45% всего населения²⁸⁷. В отличие от 20-х годов выросшее за последующие три десятилетия новое поколение католиков состояло из американских граждан, принимавших наравне с другими участие в общественной и политической жизни страны.

Конечно, много миллионов американцев считают себя католиками или протестантами чисто формально. Они никогда не посещают церковь. Но в 1960 г. республиканцы не без оснований опасались, что критика Кен-

неди как католика может принести им больше вреда на Северо-Востоке, чем пользы на Юге, хотя там сильны антикатолические настроения и католики составляют лишь около 10% населения. К тому же демократы в известной мере обезопасили себя на Юге: вместе с избранием католика Дж. Кеннеди кандидатом в президенты они выдвинули южанина-протестанта Л. Джонсона кандидатом в вице-президенты США.

Наконец, в данном случае учитываются и международные соображения. Подобно тому как борьба за распространение американского влияния на страны Азии и Африки побудила правительство, верховный суд и конгресс США изменить свое отношение к негритянскому вопросу, так и претензии Вашингтона на руководство миром, на мировое господство, его союз со многими государствами в Латинской Америке и в Западной Европе (где католическая церковь не только влиятельна, но и служит той реакционной силой, на которую монополистический капитал США рассчитывает в борьбе двух систем) заставили и лидеров демократов, и лидеров республиканцев воздержаться от былых антикатолических кампаний и выступлений на Севере и на Юге страны.

Детальный анализ итогов выборов, произведенный в научно-исследовательском центре Мичиганского университета, показал все же известное влияние религиозного вопроса. На президентских выборах 1956 г. 45% католиков, участвовавших в голосовании, высказались за демократов, а в 1960 г. — 81%. На сторону Кеннеди в 1960 г. перешел один из каждых шести избирателей, голосовавших в 1956 г. за Эйзенхауэра; из них 60% были католиками. В то же время один из каждых 16 избирателей, в 1956 г. голосовавших за Стивенсона, в 1960 г. голосовал за Никсона; из них 90% были протестантами²⁸⁸.

В 1960 г. в предвыборной борьбе между главными претендентами в Белый дом широко использовалось телевидение. Десятью годами раньше, в 1950 г., из 40 млн. семейств, числившихся в США, лишь 11% имели телевизоры. В 1960 г. их имели 40 млн. семейств из 44 млн., или 88%. Для телезрителей были организованы четыре дискуссии между обоими кандидатами в президенты. Около 100 млн. американцев наблюдали схватку между Кеннеди и Никсоном. Никсон, согласно опросу Гэллага, оставил у зрителей менее выгодное впечатление, чем его оппонент²⁸⁹.

За время, истекшее между президентскими выборами 1956 г. и 1960 г., число штатов выросло с 48 до 50: 3 января 1959 г. Аляска стала 49-м, а 21 августа того же года Гавайи были объявлены 50-м штатом США.

8 ноября 1960 г. впервые происходили выборы президента США в составе 50 штатов. В выборах участвовало 68 836 тыс. избирателей — на 6800 тыс. больше, чем в 1956 г. За Кеннеди было подано 34 227 тыс. голосов, за Никсона — 34 109 тыс., а за кандидатов мелких партий — 449 тыс. голосов. Учитывая голоса, поданные за мелкие партии, Кеннеди прошел в президенты относительным и весьма незначительным большинством: он получил всего на 118 тыс., или на 0,2% голосов больше, чем Никсон. Кеннеди победил в 22 штатах и собрал 300 выборщиков, а Никсон — в 27 штатах, в которых получил 223 выборщика. Выборщики штата Миссисипи от голосования воздержались.

Как в прошлом, выборы 1960 г. показали большой абсентеизм избирателей. Из избирательного корпуса в 108 млн. человек лишь 68,8 млн. участвовали в голосовании. 8 млн. человек не смогли голосовать из-за

²⁸⁴ «New York Times», 9.IX 1960.

²⁸⁵ «New Republic», 18.XI 1958, p. 10.

²⁸⁶ «Newsweek», 21.XI 1960, p. 23.

²⁸⁷ «New York Times», 4.IX 1960.

В Мичигане католики составили 24%, в Пенсильвании — 29, в Иллинойсе — 30, в Нью-Джерси — 39, в Нью-Йорке — 40, в Коннектикуте — 49, в Массачусетсе — 50, а в Род Айленде — 60%.

²⁸⁸ «U. S. News and World Report», 1.V 1961, p. 66—67.

²⁸⁹ White T. Op. cit., p. 294.

перемены места жительства и еще 2—3 млн. были лишены возможностей голосовать по другим причинам. Почти 30 млн. избирателей бойкотировали выборы.

Джон Кеннеди, который в возрасте 43 лет стал президентом США, был не только первым католиком, но и самым молодым главой государства в истории США, не считая вице-президента Теодора Рузвельта, который в 1901 г. занял пост президента без выборов после убийства его предшественника Маккинли.

Впервые за 76 лет, истекшие со времени избрания С. Кливленда в 1884 г., президент вошел в Белый дом с таким ничтожным большинством голосов, как Кеннеди в 1960 г. Если бы только 11 тыс. избирателей в четырех штатах — Иллинойсе, Миссури, Новой Мексике и Неваде, — где общее число поданных голосов дошло почти до 7 млн., перешли бы от демократов к республиканцам, то президентом США был бы Никсон²⁹⁰. Позже, когда выяснилось, что на некоторых избирательных участках в Иллинойсе, Техасе и в ряде других штатов имело место мошенничество, что там было подано гораздо больше голосов, чем проживало избирателей, итоги выборов оказались запутанными, точно не установленными. Ореол вокруг имени Кеннеди возник более трех лет спустя после его избрания президентом в связи с его гибелью 22 ноября 1963 г. За первые два года, после того как он был убит, о нем было написано свыше 90 книг²⁹¹.

Конечно, формально на полномочиях Кеннеди не отразилось то, что он не собрал даже половины всех поданных на президентских выборах голосов. Но отсутствие явного большинства имело не только формальное значение.

В своих предвыборных выступлениях Кеннеди обещал повысить темпы экономического роста, проводить большую программу форсирования экономики, усилить программу вооружений, увеличить расходы на развитие отсталых районов США и в странах Латинской Америки, Азии и Африки, еще более активизировать внутреннюю и внешнюю политику США. В Вашингтоне его программу характеризовали как возвращение к рузвельтовскому «нью дил» на более расширенной основе. Печать Уолл-стрит аттестовала его, с одной стороны, как более радикального, чем Рузвельта, а с другой — как сторонника «нового американского империализма». Его кабинет называли «большим сильным правительством»²⁹².

В первой речи в качестве официального кандидата в президенты Кеннеди заявил, что как после Джона Бьюкеннена нужен был Авраам Линкольн, а после Герберта Гувера — Франклин Рузвельт, так и «после восьми лет наркотического и судорожного сна это государство нуждается в сильном, творческом руководстве демократической партии в Белом доме»²⁹³. 9 ноября в первом выступлении после победы на выборах Кеннеди предупреждал: «Я заявляю всем американцам, что предстоящие четыре года будут трудными и опасными». Констатируя перед выборами, что во всем мире американский престиж снизился, он призывал к жертвам во имя поднятия реноме Вашингтона.

В речи на национальном конвенте демократической партии по поводу избрания его кандидатом в президенты США Кеннеди заявил:

²⁹⁰ «New York Herald Tribune», 5.XII 1960; «U.S. News and World Report», 6.III 1961, p. 79.

²⁹¹ «Time», 26.IX 1965, p. 18.

²⁹² «Wall Street Journal», 15.VII 1960.

²⁹³ «New York Times», 16.VII 1960.

«Желаем ли мы поравняться с русскими, жертвуя настоящим ради будущего, или мы должны жертвовать нашим будущим для того, чтобы наслаждаться настоящим?.. Это выбор, который наш народ должен сделать, — выбор не только между двумя лицами или между двумя партиями, а между общественными интересами и частным комфортом, между национальным величием и национальным падением, между свежим воздухом прогресса и душной атмосферой «нормального», между решительными действиями и пресмыкающейся посредственностью»²⁹⁴.

Американская печать, комментируя платформу демократической партии 1960 г. и предвыборные программные выступления ее кандидата в президенты, предсказывала, что первые 100 дней президента Дж. Кеннеди будут напоминать первые 100 дней пребывания в Белом доме Ф. Рузвельта, который смело проводил необычные для США мероприятия в области кредита и денежного обращения, промышленности и сельского хозяйства. Но Кеннеди это было делать гораздо труднее, чем Рузвельту.

За Рузвельтом стояло значительное большинство избирателей в стране и надежное большинство в конгрессе. В 1932 г. Рузвельт победил в 42 штатах. Кеннеди в 1960 г. победил лишь в 22. Рузвельт пришел к власти в те дни, когда небывалый экономический кризис, потрясший страну, достиг своего кульминационного пункта. Растерянные и запуганные капиталисты взывали к правительству о помощи. Они создали Рузвельту большой авторитет и наделили его чрезвычайными полномочиями. Кеннеди въехал в Белый дом в иных условиях и после иных, чем у Рузвельта, итогов выборов.

Вся программа Кеннеди — экономическая, военная, внешнеполитическая и внутривластная — в целом и в отдельных ее пунктах предусматривала увеличение государственных расходов. Расходы, их размер, их увеличение или уменьшение зависят от конгресса.

Соотношение сил обеих партий в сенате и в палате представителей избранного в ноябре 1960 г. нового, 87-го конгресса оказалось менее выгодным для демократов, чем в старом, 86-м конгрессе, как это видно из табл. 13.

Таблица 13

Состав 87-го конгресса и сената

Конгресс	Год выборов	Число членов			
		сенат		палата представителей	
		республиканцы	демократы	республиканцы	демократы
86-й	1958	34	66	151	280
87-й	1960	36	64	178	259

В новом конгрессе реакционный блок обеих партий, состоящий из южных диксикратов и северных консерваторов, несколько укрепился, за счет южан в решающих комиссиях сената и палаты представителей осталось. В 87-м конгрессе южане возглавляли 9 из 16 комиссий сената и 12 из 20 комиссий палаты представителей. Почти все комиссии конгресса

²⁹⁴ «New York Times», 16.VII 1960.

пресса возглавлялись старыми по возрасту представителями южных штатов — закоренелыми махровыми реакционерами.

То, что южане, составлявшие меньшинство в демократической фракции конгресса (около трети), возглавили большинство его комиссий, объясняется правилом, согласно которому комиссии (в особенности решающие комиссии) возглавляются наиболее старыми по возрасту членами конгресса. Как правило, наиболее старыми по возрасту, с наибольшим стажем пребывания в обеих палатах конгресса являются южане. Поэтому они обычно председательствуют в большинстве его комиссий. На Юге, где преобладает демократическая партия, одни и те же лица переизбираются в конгрессе чаще, чем на Севере, где за места в сенате и в палате представителей происходит более острая, чем на Юге, борьба между двумя сильными партийными аппаратами. Спикер палаты представителей С. Рейберн из Техаса, которому в январе 1961 г. исполнилось 79 лет, побил рекорд по стажу как член палаты и как спикер. Д. Пирсон и Дж. Андерсон в упомянутой нами книге «Дело против конгресса», утверждая, что руководящая роль в конгрессе принадлежит уставшим от жизни старикам, писали: «Система старшинства в конгрессе обеспечивает руководство комиссиями сената и палаты представителей за этими людьми независимо от их способностей, честности или их возможной дряхлости. Эта система производила председателей, не представляющих страну в территориальном отношении, не выражающих желаний ее населения. Они идут не в ногу со временем и часто с федеральным правительством и большинством членов их собственных комиссий... средний возраст представителей комиссий в сенате и в палате представителей превышает 67 лет. Большею частью они выходцы из маленьких городов или сельских районов и большинство из них южане»²⁹⁵.

Большую силу представляют комиссии конгресса²⁹⁶, особенно комиссия процедур палаты представителей. Эта комиссия может блокировать любой законопроект до его обсуждения в конгрессе. Она может мешать вступлению в силу любого одобренного билля, если в обеих законодательных палатах не были приняты по нему совершенно одинаковые резолюции. Она решает, какой из внесенных законопроектов подлежит обсуждению в конгрессе. Американская печать называет ее «третьей палатой», стоящей иногда над палатой представителей и над сенатом²⁹⁷. Без санкции комиссии процедур конгресс по существу почти ничего не может решать. Комиссию возглавлял лидер южных консерваторов в палате представителей Говард Смит из Вирджинии, которому в 1960 г. исполнилось 77 лет. Большой властью облечены также председатели других комиссий²⁹⁸.

²⁹⁵ Pearson D., Anderson J. Op. cit., p. 263.

Подобная картина наблюдалась в дальнейшем. В 91-м конгрессе, заседавшем в 1969—1970 гг., например, председателю комиссии сената по вооруженным силам южанину Р. Расселу ко времени выборов 1968 г. был 71 год, председателю комиссии по авионавигации южанину Андерсену — 73 года, председателю процедурной комиссии южанину Иордану — 72 года, председателю комиссии труда и общественного благосостояния южанину Монтгомери — 74 года, председателю сельскохозяйственной комиссии южанину Эллендару — 77 лет, а председателю комиссии по ассигнованиям Гайдену из штата Аризона был 91 год.

²⁹⁶ Учитывая силу комиссий и лидеров обеих партий в конгрессе, американская печать утверждала, что в высшем законодательном органе США все решают девять человек («New York Times Magazine», 5.V 1963; «Atlantic», April 1964, p. 63).

²⁹⁷ «New York Times Magazine», 7.VIII 1960, p. 14.

²⁹⁸ «Председатели комиссий имеют право — и пользуются им — назначать подкомиссии, решать вопрос о созыве комиссий и о времени их заседаний, нанимать сотрудников комиссий, назначать слушание тех или иных дел, выбирать лиц для дачи показаний, выносить билли на обсуждение конгресса, открывать и заключать прения. Наконец, председатели комиссий назначают представителей в объединенные комиссии конгресса, создаваемые для согласования расхождений между сенатом и палатой представителей по тому или иному законопроекту» (Pearson D., Anderson J. Op. cit., p. 263).

Господство южан в комиссиях продолжалось и в дальнейшем. В 89-м конгрессе, например, заседавшем в 1965—1966 гг., в 23 из всех 36 комиссий председательствовали южане. В палате представителей из 20 комиссий южане возглавляли 13, в том числе важнейшие из них: процедур, вооруженных сил, налогов, ассигнований, банков и валюты, торговли и сельского хозяйства. Равным образом в сенате в 10 из всех 16 комиссий председательствовали представители южных штатов.

Сокращение в результате выборов 1960 г. большинства демократов в палате представителей на 48 человек облегчило республиканцам объединение с южными диксикратами. 178 республиканцам достаточно было иметь поддержку только 41 демократа, для того чтобы образовать блок, которому принадлежит большинство в палате представителей, способный провалить любой законопроект.

* * *

Во внешней политике платформы обеих партий в 1960 г. мало чем отличались друг от друга. Обе требовали усиления американского влияния в странах Азии и Африки. Обе высказались против признания Китайской Народной Республики. Но Кеннеди все же намекнул, что желательна более положительная политика по отношению к Китаю.

Внутри страны экономическая политика Кеннеди, продолжавшаяся после его гибели Джонсоном, существенно отличалась от мероприятий их предшественников. И Кеннеди и Джонсон придерживались политики постоянных дефицитов в государственном бюджете. Они старались с помощью государственных расходов, превышающих доходы, поддерживать высокий уровень производства. Эту политику назвали в США «новой экономикой», явившейся результатом перемен во взглядах на проблему бюджетного дефицита. Раньше в Вашингтоне смотрели на превышение государственных расходов над доходами, как на отрицательное, нездоровое явление, вынужденное в крайнем случае исключительными обстоятельствами. До 30-х годов XX в. федеральный бюджет США лишь в редкие годы сводился с дефицитом.

Со времени мирового экономического кризиса (с 1931 г.) в течение 45 лет годовой федеральный бюджет имел положительное сальдо только 7 раз. В течение 15 лет после окончания второй мировой войны теоретический принцип, лежавший в основе государственных финансов США, соответствовал концепции Кейнса, рекомендовавшего балансирование бюджета не каждый год, а в течение ряда лет на протяжении всего промышленного цикла (с сохранением превышения расходов над доходами в период спада и начальной стадии роста производства и компенсирующим увеличением государственных доходов с покрытием дефицита предыдущих лет по мере хозяйственного подъема).

На выборах 1960 г. платформа демократической партии обещала сбалансированный бюджет, который, как утверждалось, обеспечит устойчивую валюту внутри страны и укрепит доверие к доллару за границей. Однако спустя два года (в июне 1962 г.) президент Кеннеди назвал сбалансированный бюджет «старомодным мифом», а председатель Совета экономических консультантов при Кеннеди Уолтер Геллер характеризовал это как порождение «пуританской концепции», вполне способной вызвать спад, если ее осуществлять в условиях высокой хозяйственной конъюнктуры.

Все экономическое суемудрие правительства Кеннеди и Джонсона сводилось к тому, что они признавали бюджетный дефицит благодеянием

и первой опорой экономического благополучия. Если раньше бюджетный дефицит использовался как крайнее средство, способствующее выходу из кризиса, то Кеннеди и Джонсон сознательно создавали его в период хозяйственного подъема, полагая, что таким путем удастся удержать производство на высоком уровне. На восьмилетний период президентства Кеннеди и Джонсона приходится самый большой послевоенный рост производства. Вместе с тем за эти годы в общем итоге бюджетный дефицит составил 60 млрд. долл., что примерно в 3,5 раза выше бюджетного дефицита за такой же период президентства Эйзенхауэра.

Советники Кеннеди и Джонсона утверждали, что правительство, умело манипулируя государственными расходами, налогами, кредитом и денежным обращением, может обеспечить беспрестанное хозяйственное процветание, что «умеренная» инфляция полезна, во всяком случае не вредна, что государственный долг, покрывающий бюджетный дефицит и служащий в условиях США механизмом инфляции, не следует сокращать, а, наоборот, его следует увеличивать не только во время кризиса, но и по мере роста производства.

За восемь лет президентства Кеннеди — Джонсона (с 1961 по 1969 г.) федеральный долг США увеличился на 68 млрд. долл. Между тем за восемь лет президентства Эйзенхауэра (с 1953 по 1961 г.), протекавшего при гораздо худших экономических условиях, государственный долг увеличился лишь на 23 млрд. долл.²⁹⁹

Один из биографов Кеннеди назвал его «первым кейнсианским президентом». В действительности «новая экономика» представляла отказ от основных теоретических предпосылок Кейнса. Кейнс высказывался за дефицитное финансирование лишь в период падения производства, с тем чтобы государство, увеличивая свои расходы, невзирая на дефицит в бюджете, компенсировало урон в частном секторе. В годы роста производства Кейнс, наоборот, считал, что увеличение государственных доходов позволит погасить дефицит, ранее образовавшийся в бюджете. Таким образом, Кейнс не выступал за перманентное превышение государственных расходов над доходами, а лишь за их сбалансирование, по не ежегодное, а в течение всего экономического цикла.

«Новая экономика» поощряла бюджетный дефицит независимо от состояния хозяйственной конъюнктуры, рекомендовала его до тех пор, пока не будут полностью загружены производственный аппарат и рабочая сила страны, чего в США, по крайней мере в мирное время, никогда не бывает.

«Новая экономика», как и следовало ожидать, оказалась далеко не панацеей от тяжелого недуга экономики США. В этом скоро убедились ее поборники. После большого роста производства в 1965—1966 гг. он застыл. В 1967 г. индекс промышленного производства США повысился лишь на 2% по сравнению с 8% в 1965 г. и 10% в 1966 г.³⁰⁰ Ложные официальные концепции и невыполненные правительственные обещания в конечном итоге ведут к росту государственного долга, углублению и обострению проблемы инфляции.

Правительство Кеннеди, декларировав в качестве своей глобальной цели восстановление и повышение репутации США как лидера капиталистического мира, придавало особое значение международному экономическому положению страны и выступило с программой, известной как «раунд Кеннеди».

В послании конгрессу к началу второго года его президентства Кеннеди заявил: «Успех нашей внешней политики зависит в большой мере от успеха нашей внешней торговли, а сохранение нами политического единства Запада зависит в такой же большой мере от степени экономического единства Запада»³⁰¹. Удастся ли США сохранить за собой руководство капиталистическим миром, решат в конечном итоге, уверял Кеннеди в этом послании, экономические взаимоотношения между США и Западной Европой.

6 декабря 1961 г., выступая по этому вопросу на съезде Национальной ассоциации промышленников (НАП), Кеннеди заявил, что «капитализм находится под судом», что создавшиеся условия «чреваты большей опасностью, чем когда бы то ни было в нашей истории»³⁰². 7 декабря того же года в речи на конференции АФТ — КПП президент США признал: «Теперь, в самое критическое время, мы столкнулись лицом к лицу с вызовом во всем мире... Прежде всего страна должна поддерживать благоприятный торговый баланс, иначе тяжело пострадает наша национальная безопасность»³⁰³.

«Наступил час решения, — повторял свои слова Кеннеди в речи перед съездом НАП, — либо США должны отказаться от роли лидера капиталистического мира, либо они должны принять срочные меры». Говоря об альтернативе, президент Кеннеди отнюдь не думал о первой возможности: «Я не хочу, чтобы США оттянули свои войска домой, потому что мы не в состоянии решать наши проблемы другим путем»³⁰⁴.

Президент США предложил ряд мер с целью улучшения платежного баланса страны. Но самым существенным мероприятием он считал максимальное форсирование экспорта товаров, с тем чтобы актив торгового баланса США довести до 7—8 млрд. долл. в год.

Между тем с середины 60-х годов актив торгового баланса США обнаруживал тенденцию к сокращению, а в 1971 г. впервые за три четверти века этот баланс даже оказался пассивным на сумму 2 млрд. 700 млн. долл. С каждым годом на мировом рынке увеличивалась конкуренция со стороны Японии и стран Западной Европы, производство которых растет быстрее и продукция которых во многих случаях обходится дешевле, чем в США. 25 января 1962 г. Кеннеди в послании конгрессу жаловался, что европейские страны, входящие в «Общий рынок», экономика которых растет в 2 раза быстрее американской, стали все более усиливающимся конкурентом для США. Сенатор Э. Кефвер в своем выступлении заявил, что США и капиталистическая Европа «стали сильными конкурентами как на своих внутренних рынках, так и на нашем внутреннем рынке»³⁰⁵. Летом 1961 г. комиссия экспертов в докладе конгрессу писала: «США отныне не являются наиболее конкурентоспособной силой на мировом рынке»³⁰⁶.

В это время шесть стран — участниц «Общего рынка», к которому собирались присоединиться Англия и ряд других европейских стран, готовились к проведению общей торговой политики, предусматривавшей увеличение экспорта стран-участниц, рост торговли между ними за счет сокращения импорта из других стран.

³⁰¹ «Wall Street Journal», 26.I 1962.

³⁰² «New York Times», 7.XII 1961.

³⁰³ «New York Times», 8.XII 1961.

³⁰⁴ «New York Times», 7. XII 1961.

³⁰⁵ «Congressional Record», 12.II 1962, p. A1020.

³⁰⁶ Ibid., 14.VIII 1961, p. 14707.

²⁹⁹ «Economic Report of the President», 1971, p. 277.

³⁰⁰ «Economic Report of the President», 1976, p. 208.

Шесть стран «Общего рынка» охватывали к началу 70-х годов 190 млн. человек. Вместе с семью странами бывшей зоны «свободной торговли» они насчитывали почти 300 млн. человек. Единые внешние тарифы всех этих стран чреваты тяжелыми последствиями для экспорта США. Общий импорт этих стран превышал импорт США в 3 раза³⁰⁷. США вывозят в капиталистические страны Европы товаров на большую сумму, чем они ввозят из этих стран. Например, экспорт США в Англию и во Францию в 1960 г. стоил в 1,5 раза больше, чем импорт США из этих стран.

После присоединения к «Общему рынку» Англии и других капиталистических государств создавалась сильная угроза для активов США в ее торговле с Европой.

Фактически задача, которую правительство Кеннеди пыталось решить, стояла гораздо острее, чем это вытекало из официальных отчетов. Официальная статистика показывала актив торгового баланса в 50-х годах в среднем в 3,3 млрд. долл. в год. В конгрессе США называли эту цифру «неверной», «мифической». Миллиарды долларов, которые числятся в активе торгового баланса, страна никогда не получала. Сюда входит часть сельскохозяйственного экспорта, оплачиваемого в необратимой валюте, а также другие виды экспорта, которые никак не влияют на улучшение платежного баланса США.

В 1960 г. не оплачиваемый в твердой валюте экспорт составлял более двух третей актива торгового баланса США³⁰⁸. Если подобными статьями правительство США довело бы актив торгового баланса до 7—8 млрд. долл. в год, как мечтал Кеннеди, то это отнюдь не смягчило бы проблемы.

Именно исходя из этого, Кеннеди в послании конгрессу 11 января 1962 г. о положении страны говорил о «величайшем вызове», брошенном Соединенным Штатам странами — участницами «Общего рынка», о необходимости «новой» торговой политики, которая была бы основана на широком, далеко идущем соглашении (как выразился Кеннеди, «партнерстве») с этими странами. Сенатор Кефвер в его упомянутой выше речи в подтверждение заявил: либо США должны выступать совместно с «Общим рынком», либо «Общий рынок» будет выступать против США³⁰⁹.

Кеннеди просил у конгресса полномочий на сокращение существующих тарифов для ряда импортируемых товаров на 50% и на полную ликвидацию таможенных пошлин для тех товаров, основным производителем которых является одна из сторон предусмотренного им соглашения между США и «Общим рынком».

В послании о торговле Кеннеди признал, что предлагаемое им соглашение не имеет прецедента в истории экономики, как НАТО не имело прецедента в военной истории. Как НАТО было создано в качестве военного союза, направленного против СССР и стран народной демократии, так и проектировавшееся в Вашингтоне соглашение США с «Общим рынком» должно было служить орудием в экономическом соревновании и в общей борьбе двух систем. В послании конгрессу о торговле Кеннеди говорил, что торговое партнерство США с Западной Европой ознаменует сдвиг в соотношении мировых сил, что оно поможет решению стоящей перед странами Западной Европы и Северной Америки

задачи увеличения их общего валового национального продукта к 1970 г. на 50%³¹⁰.

Президенту Кеннеди вторила буржуазная печать. При этом подчеркивалось, что экономическое партнерство США со странами «Общего рынка» явится лучшим ответом Запада на планы и развитие строительства в Советском Союзе³¹¹.

Однако предложение президента США максимально форсировать американский экспорт, означавшее вместе с тем широкое открытие американского рынка для европейских товаров, натолкнулось на недовольство и сильное сопротивление в промышленных кругах в стране, а также среди руководителей профессиональных союзов.

Кеннеди предвидел это. За полтора месяца до обращения в конгресс с программой новой торговой политики он выступил перед съездами НАП и АФТ—КПП. На лидеров профсоюзов, в частности на председателя АФТ—КПП Мини, Кеннеди сумел оказать нужное ему влияние. Гораздо труднее было президенту США переубедить несогласных с ним в среде самих капиталистов. Представители промышленников, правда, признавали, что возвращение к запретительным тарифам не выход из положения. Но вместе с тем они говорили, что в результате неправильной политики заработной платы и неуклюжего государственного вмешательства в хозяйство США оказались между Сциллой «свободной торговли» и Харибдой протекционизма³¹². «Если предложение Кеннеди о тарифах пройдет, то оно принесет несчастье промышленности» — так была озаглавлена статья, опубликованная в органе конгресса США³¹³.

Капиталисты, выступавшие против отмены или резкого снижения таможенных пошлин в торговле США с Западной Европой, указывали на то, что Римский договор 1957 г. об «Общем рынке» предусматривает свободную миграцию рабочей силы в рамках «Общего рынка». Могут ли на это пойти Соединенные Штаты, возможна ли отмена иммиграционных законов? — спрашивали предприниматели США. В странах Западной Европы, говорили они, также существует разница в заработной плате между отдельными странами, но эта разница незначительна по сравнению с разницей, которая в данной области имеется между этими странами и США.

Представители американского промышленного капитала, выступавшие против новой торговой политики Кеннеди, доказывали, что до соглашения о «свободной торговле» с Западной Европой необходимо добиться значительного снижения цен на товары, существенного снижения себестоимости продукции в США. Для этого, по их мнению, заработная плата рабочим США должна быть снижена, а в дальнейшем, если и допускать ее некоторый рост, то это должно происходить в гораздо меньшей мере, чем растет производительность труда. Впрочем, сам Кеннеди и его сторонники считали, что в результате соглашения с «Общим рынком» заработная плата в стране должна быть заморожена.

Между тем проблемы, возникшие в связи с рассматриваемой программой Кеннеди, отнюдь не сводились только к разнице между заработной платой в Западной Европе и США.

Промышленность Западной Европы, особенно Западной Германии, сравнительно недавно восстановленная после военных разрушений, во многих

³⁰⁷ «Congressional Record», 7.II 1962, p. 1795.

³⁰⁸ «Congressional Record», 27.II 1962, p. A1475.

³⁰⁹ «Congressional Record», 12.II 1962, p. A1021.

³¹⁰ «Wall Street Journal», 26.I 1962.

³¹¹ «Newsweek», 29.I 1962, p. 34.

³¹² «Magazine of Wall Street», 30.XII 1961, p. 396.

³¹³ «Congressional Record», 23.I 1962, p. A409.

случаях оказалась более современной, чем американская. То же относится и к промышленности Японии. Как мы уже отмечали, в США к началу 60-х годов треть всего промышленного оборудования считалась устаревшей. Весной 1963 г. американская печать сообщала, что процент устаревших металлообрабатывающих станков в США (64%) гораздо выше, чем в Англии, Франции, Западной Германии и СССР. В 1964 г. производство тонны стали в США стоило 60 долл., в странах капиталистической Европы — 25—28 долл., а в Японии — только 10 долл. Поэтому США импортировали гораздо больше стали, чем экспортировали.

В 1971 г. эта же печать указывала, что в сталелитейной промышленности США лишь около 50% продукции дают конверторы, использующие новейший и наиболее эффективный метод выплавки стали. Между тем в Японии этим методом производилось 85% стали.

Капиталовложения в новые предприятия и оборудование с 1960 по 1974 г. составляли в Японии 29% валового национального продукта, в ФРГ — 20, во Франции — 18,2, в Англии — 15,2, а в США — 13,6%³¹⁴.

Американские капиталисты, вкладывая большие средства в военное производство, где гарантирована солидная прибыль, менее склонны к крупным расходам в гражданской промышленности, тем более когда речь идет о снятии таможенных барьеров и о широком открытии рынка США для товаров из Западной Европы. 29 августа 1962 г. сенатор Г. Хэмфри, выступая в комиссии конгресса, констатировал, что в США государство финансирует около двух третей расходов на научные изыскания и развитие, из которых львиная доля направляется на военные цели и на изучение космического пространства, в то время как в ФРГ и в Японии 85% расходов на научно-исследовательскую работу производит частный капитал, занятый в гражданском производстве.

В 1963 г. помимо расходов на содержание федеральных научных организаций правительство США финансировало две трети всех расходов на научно-исследовательскую работу в частной промышленности. Если взять удельный вес не занятых в военном деле научно-исследовательских работников в населении США за 100, то в Англии эта цифра в 1963 г. была равна 145, в ФРГ — 95, в Нидерландах — 157, в Швеции — 138, а в Японии — 125³¹⁵.

Какие бы соглашения США ни заключали с «Общим рынком», эти соглашения не могут ликвидировать экономических противоречий между капиталистическими государствами Европы и Америки. Вернее, наоборот, снятие или существенное снижение таможенных барьеров содействует усилению конкурентной борьбы между ними.

Заместитель государственного секретаря США Макги, выступая в январе 1962 г. в Нью-Йорке с публичной речью в защиту новой торговой политики Кеннеди, подчеркивая ее политическое значение, называя ее «экономическим компонентом борьбы в холодной войне», «солидной экономической основой» НАТО и «краеугольным камнем национальной стратегии», вместе с тем отметил, что эта торговая политика отнюдь не решает внутренних и внешних проблем Америки³¹⁶.

При всех обстоятельствах соглашение США с «Общим рынком» усложняло и обостряло проблему безработицы в США, ту проблему, которую президент Кеннеди назвал «главным вызовом 60-х годов внутри страны».

³¹⁴ «U.S. News and World Report», 14.VII 1975, p. 25.

³¹⁵ «Congressional Record», 14.VIII 1961, p. 14704; «Nation», 16.II 1963, p. 133; «Fortune», September 1964, p. 159; «U.S. News and World Report», 18.I 1971, p. 36.

³¹⁶ «Department of State Bulletin», 19.II 1962, p. 293.

Недаром в послании конгрессу о торговле Кеннеди предложил продлить срок выдачи пособий по безработице тем, кто будет уволен с работы в результате увеличения импорта иностранных товаров. Так он заручился поддержкой в проведении своей новой торговой политики со стороны председателя АФТ—КПП Мини. Но сам президент Кеннеди признал, что торговое партнерство США и Западной Европы ведет к усилению проблемы безработицы в стране.

Переговоры о взаимном снижении тарифов, начатые на основе предложения президента США, названного «раундом Кеннеди», продолжались четыре года. Они завершились 15 мая 1967 г. в Женеве, где 30 июня того же года представители 46 государств подписали «Общее соглашение о тарифах и торговле». Вместо предложенного Кеннеди общего сокращения таможенных пошлин на 50% после длительных горячих споров удалось договориться о взаимном постепенном и стабильном снижении этих пошлин примерно на одну треть в течение пяти лет.

Соглашение распространялось на товары, составлявшие лишь около 25% экспорта капиталистического мира. США вынуждены были пойти на значительные уступки. Оно предусматривало сокращение пошлин на импорт промышленных товаров в шесть стран «Общего рынка» в среднем до 35%, в Канаду — до 24, в Японию — до 30, в Англию — до 38, а в США — до 50%³¹⁷.

³¹⁷ Несмотря на то что в соглашении о тарифах США вынуждены были идти на уступки и несмотря на более высокую заработную плату в США, чем в странах Западной Европы, конкурентоспособность американских товаров на мировом рынке продолжала оставаться высокой. Хотя со второй половины 60-х годов производительность труда в Западной Европе и Японии росла намного быстрее, чем в США, ко времени заключения соглашения о тарифах в важнейших отраслях промышленности производительность труда в США была несравненно выше, чем в странах Западной Европы. Об этом могут свидетельствовать данные о числе работников (в %), необходимых для выполнения одних и тех же операций в следующих отраслях промышленности (1966 г.):

Страна	Сталелитейная	Металлообрабатывающая	Химическая	Электромашиностроение	Транспортное оборудование
США	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Англия	2,3	2,2	3,4	4,2	3,2
ФРГ	1,7	3,2	2,6	3,8	2,4
Франция	1,6	3,1	3,0	2,6	2,0
Швеция	—	2,6	2,5	2,3	1,4
Италия	1,2	4,2	2,5	2,3	2,1

(«Economist», 1.X 1966, p. 63).

К началу 70-х годов, однако, начал сказываться более быстрый рост производительности труда в Западной Европе и Японии, чем в США. Заговорили о ликвидации разрыва в технике между США и этими странами и даже об угрозе отставания США. В 1976 г. конгрессом США были опубликованы данные, свидетельствовавшие об отставании Соединенных Штатов в росте производительности труда.

Рост производительности труда в среднем за год (1960—1973 гг., в %)

	Япония	Италия	ФРГ	Франция	Англия	Канада	США
Вся промышленность	9,2	5,7	5,4	5,2	2,8	2,4	2,1
Обрабатывающая	10,5	6,4	5,8	6,0	4,0	4,3	3,3

В 50-х и 60-х годах рост производительности труда в среднем за год составлял в США 2,5—3%. В первую половину 70-х годов этот процент снизился до 1 («Congressional Record», 6.VIII 1976, p. S13704; 1.IX 1976, p. E4807).

Столкнувшись с резким обострением классовых и других социальных противоречий, Дж. Кеннеди пришел к пониманию необходимости перемен в использовании форм и методов применения буржуазного реформизма с тем, чтобы таким путем поддержать пошатнувшиеся устои американского капитализма. Опасаясь социального взрыва, Дж. Кеннеди, обращаясь к господствующим кругам США, говорил: «...Тот, кто делает мирную революцию невозможной, сделает насильственную революцию неизбежной»³¹⁸.

Главное, чему в своей деятельности Дж. Кеннеди уделял основное внимание,— это соревнование между капитализмом и социализмом, в частности соревнование в науке, в военной технике.

Сознавая, что в решении этой генеральной проблемы современности веское слово принадлежит Советскому Союзу, Дж. Кеннеди, став в 1961 г. президентом США, заявил: «До окончания моего президентства нам придется заново проверить, может ли государство, организуемое и управляемое так, как наше, продолжать свое существование. В результатах проверки никоим образом нельзя быть уверенным»³¹⁹.

Выстрелы в Далласе 22 ноября 1963 г. лишили американского президента Дж. Кеннеди возможности осуществить предложенную им проверку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

В опубликованных трех книгах («США: от испано-американской до первой мировой войны», «США: от первой до второй мировой войны», «США в военные и послевоенные годы») освещены основные моменты истории, экономики и политики США с 90-х годов прошлого века до нашего времени.

За три четверти XX в., охватываемые тремя книгами, технический, экономический и политический облик Земного шара совершенно изменился, изменился больше, чем в прошлом за тысячелетия. Крупнейшими переменами мир обязан прежде всего и главным образом Великой Октябрьской социалистической революции в России, возвестившей о вступлении человечества в новую историческую эпоху, расколовшую мир на две противоположные социальные системы, вызвавшую общий кризис капитализма, пробудившую национально-освободительное движение среди угнетенных народов колоний. «Победа Октября,— гласит Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. о 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции,— главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»¹.

Общий кризис капитализма еще более углубился в итоге второй мировой войны, в результате великой, исторической победы Советского Союза. Разгром германского фашизма и японского милитаризма в Отечественной войне привел к падению реакционных режимов в ряде государств Европы и Азии, ускорил развитие мирового революционного процесса, поднял могучую волну социально-политических изменений, прокатившуюся по всему Земному шару. Карта мира перекроилась, исчезли колониальные империи. Было основано более 75 новых независимых государств. В одной Африке образовалось 45 новых государств, освободившихся от колониального рабства и вступивших на путь самостоятельного развития. Велики также технические новшества, принявшие после второй мировой войны характер научно-технической революции. Человек научился использовать энергию атома, летать на сверхзвуковом самолете через океаны, летать в космос, создавать новые отрасли производства.

Электрическое освещение ведет свое начало с 70-х годов XIX в., с появления в 1878 г. знаменитой «свечи Яблочкова» и в 1879 г. лампы накаливания Эдисона. В 1882 г. Эдисон построил электростанцию, обслуживавшую 231 потребителя с 3477 лампочками, а через 12 лет начались работы по сооружению гидроэлектрической станции на Ниагаре с турбогенератором мощностью 5 тыс. квт. Но до конца века электротехническая промышленность и электрическое освещение переживали только свою предысторию. Еще в 1903 г. турбогенератор мощностью 5 тыс. квт считался рекордным. В 90-х годах большие города многих стран широко пользовались для освещения светильным газом. После появления газо-

³¹⁸ Gunther J. Inside South America. N. Y., 1967, p. VII.

³¹⁹ «World Almanac», 1962, p. 90.

¹ «Правда», 1977, 1 февраля.

калильной сетки Ауэра, в 1891 г., многие города, пользовавшиеся уже электрическим освещением, вернулись опять к светильному газу. За пределами больших городов основным источником освещения служили керосиновые лампы и свечи.

В 90-х годах еще не было самолета, и авторитетные ученые и прославленные фантасты относились скептически к возможности создания летательного аппарата тяжелее воздуха. Во всяком случае, они никак не представляли себе, что в XX в. самолеты с сотнями пассажиров на борту будут преодолевать океаны. От аэростата, который легче воздуха, до воздушных лайнеров, до искусственных спутников Земли и космических кораблей — таков путь, пройденный техникой летательных аппаратов в XX в.

Автомобиль появился в Европе и в Америке в конце XIX в. Но в 90-е годы автомобили в США, как и в Западной Европе, строили кустарным способом, по индивидуальному заказу. В 1895 г. в США числилось всего около 300 автомобилей. Почти все они имели паровые двигатели или работали на электрических аккумуляторах. Их вид и качество отличались от современного лимузина, как когда-то крестьянская телега от царской кареты.

В металлургии (хотя с 50-х годов XIX в. был известен бессемеровский процесс, с 60-х годов — мартемовский, а с начала 80-х годов — томасовский процесс) в 90-х годах еще большое место занимало архаическое пудлингование. Даже тогда, когда в США был создан в 1901 г. крупнейший в мире знаменитый стальной трест, на его заводах, которые не считались отсталыми, еще преобладали пудлинговые печи.

В США в 90-х годах, а в Англии гораздо раньше, стоимость продукции промышленности превышала стоимость продукции сельского хозяйства. Но во всем мире в конце XIX в. сельское хозяйство доминировало в экономике. И даже в США на рубеже XIX и XX вв. сельское хозяйство еще стояло на первом месте по занятости населения. В 1900 г. в этой отрасли хозяйства США было занято 36% самодельного населения, а в промышленности — 24%. Для сравнения достаточно напомнить, что в 1975 г. в сельском хозяйстве США было занято всего 3,5% рабочей силы страны. В 90-х годах около 70% стоимости экспорта США составляли продукты сельского хозяйства. В 1970 г. этот процент был равен 15².

В конце прошлого века на полях Западной Европы и Северной Америки работало немало жатвенных и других сельскохозяйственных машин. Но эти машины, за редким исключением, приводились в движение с помощью лошадей. Хотя трактор с двигателем внутреннего сгорания появился в США в 1901 г., а паровые сельскохозяйственные тракторы встречались в разных странах еще в середине прошлого века, широкое распространение на полях Северной Америки и Западной Европы трактор нашел лишь после первой мировой войны. Большую роль в данном случае сыграло появление трактора Фордзона в 1917 г. В том же году впервые был введен в пшеничном районе США тракторный комбайн.

В 1910 г. на фермах США числилось более 24 млн. лошадей и мулов. К 1960 г. их осталось около 3 млн. В дальнейшем это число настолько сократилось, что статистика прекратила его публикование. В 1850 г. тяговая сила лошади давала 79% энергии, потребляемой в стране. В 1900 г. этот процент снизился до 52, в 1930 г. — до 12, а в 1960 г. — до 1³.

² «Economic Report of the President», 1971, p. 222.

³ «Statistical Abstract of the U. S.», 1931, p. 677; «World Almanac», 1968, p. 605.

Особенно ярко иллюстрирует колоссальные изменения в XX в. военная техника. Кавалерия «буйных всадников», которой в 1898 г. командовал Теодор Рузвельт при захвате Сан-Хуана, качественно скорее во многом уступала, чем превосходила конницу, сражавшуюся под начальством Гасдрубала в битве при Каннах, происходившей за 216 лет до нашего летосчисления. К началу XX в. пулемет был принят на вооружение армий ряда государств. Однако в англо-бурской и в русско-японской войнах он находил незначительное применение. Пулемет затруднял действия кавалерии, которая еще играла немалую роль в первой мировой войне. Но как огромна дистанция от пехоты, кавалерии и артиллерии начала нашего века до современных танковых армий, воздушных десантов, сверхзвуковой авиации и межконтинентальных баллистических ракет, несущих термоядерные боеголовки!

В середине XIX в. Маркс и Энгельс писали: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые»⁴⁻⁵. В XX в., особенно когда в условиях экономического соревнования двух систем развернулась научно-техническая революция, рост производительных сил оказался гораздо более внушительным.

25 мая 1966 г. председатель правления концерна «Бетлхем стил корпорейшн» Эдмунд Мартин в докладе на общем собрании Американского института железа и стали привел следующие данные. С начала нашего летосчисления до 1750 г. научные знания человечества удвоились. С 1750 до 1900 г. они снова удвоились. Потом они увеличились в 2 раза за 50 лет — с 1900 по 1950 г. Они также увеличились в 2 раза за десятилетие с 1950 по 1960 г.⁶ Наконец, они опять удвоились за пятилетие 1960 — 1965 гг.⁷⁻⁸

Э. Мартин утверждал, что из всех ученых, которые когда-либо жили на нашей планете, 90% живут в наше время, что в США только за последние десять лет расходы на научно-исследовательскую работу увеличились в 3 раза и что около двух третей этих расходов покрывает федеральное правительство.

В середине 60-х годов 93% всей используемой энергии население Земного шара получало от угля, нефти и натурального газа. Столетием раньше такой же процент этой энергии давала мускульная сила людей и домашних животных, а на долю угля, нефти и других видов топлива приходилось лишь 5%.

Около пяти шестых всего топлива (уголь, нефть и натуральный газ), добытого в недрах земли за все время, с тех пор как начали пользоваться этими видами топлива, было потреблено в течение 60 лет XX в. Всего той энергии, что уголь, нефть и натуральный газ дали до 1900 г., не хватило бы в наше время на пять лет.

В 1900 г. при превращении энергии топлива в электричество коэффициент полезного действия составлял менее 5. Через 70 лет он был выше 30⁹.

К началу нашего века вся Европа, за исключением Франции и Швейцарии, была монархической. В Центральной Европе господствовала Германская империя с ее прусскими, кайзеровскими военно-колониаторскими

⁴⁻⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428.

⁶ «Congressional Record», 22.VI 1966, p. 13332.

⁷⁻⁸ Ibidem.

⁹ Federationist, december 1965, p. 5.

ми захватническими доктринами, служившая оплотом реакции и милитаризма в мире. К востоку от нее распростерлась Российская империя, а на юго-востоке — Австрийская империя. Дальше на юго-востоке тянулись владения Османской империи, простиравшейся от Адриатического и Черного морей до Персидского и Аравийского заливов. Обширные владения величайшей империи — Британской простирались во всех частях Земного шара.

Что осталось от этих империй? На большей части их бывших территорий, от истока р. Везер до Тихого океана, крепнут страны мирового социалистического содружества, ставшего силой современности.

Конец XIX и начало XX в. — это время разгара империалистических страстей и милитаристских вождений, это период завершения раздела мира между великими державами и начала борьбы за его передел. В центре мировых событий были японо-китайская война, итало-абиссинская, турецко-греческая, испано-американская, англо-бурская, американо-филиппинская, русско-японская, итало-турецкая войны, Балканские войны; интервенция Англии, Германии, Австро-Венгрии, Италии, России, США, Франции и Японии в Китай для подавления Ихэтуаньского антиимпериалистического восстания; вооруженные столкновения на южной окраине Памира, у Гиндукуша, между русскими и британскими войсками, Фашодский кризис, Марокканские кризисы. В Европе орудовали два союза империалистических держав — Тройственный союз и Тройственное соглашение, разделявшие ее на два соперничавших между собой вооруженных лагеря, которые в своих агрессивных, захватнических стремлениях, в борьбе за колонии, за новые рынки сбыта и источники сырья беспрестанно и неуклонно толкали человечество к мировому побоищу.

На рубеже XIX и XX столетий заправили великих держав никак не полагали, что пройдет всего около полувека, и угнетенные народы, пробудившиеся под влиянием Великой Октябрьской революции в России, развернут борьбу за свое национальное освобождение, которая приведет к развалу всей колониальной системы империализма.

За три четверти века техника, экономика, политика, образ жизни, взгляды, баланс мировых сил — все коренным образом изменилось.

* * *

Велики перемены, внесенные в жизнь стран и народов XX столетием, веком исторических потрясений. Глубокие изменения произошли и в Соединенных Штатах Америки.

В первую половину XX в. население США росло быстрее, чем население Земного шара в целом, увеличившись за эти 50 лет в 2 раза — с 76 млн. человек в 1900 г. до 152 млн. в 1950 г. В следующие 25 лет население США, насчитывавшее 215 млн. человек в середине 1976 г., росло медленнее, чем общее мировое население. Во всем мире численность населения выросла с 1950 по 1975 г. на 60%, а в США — лишь на 42%¹⁰. Тем не менее американские статистики предсказывают, что через 40 лет, в 2015 г., население США будет насчитывать 500 млн. человек. Более осторожное и авторитетное в этих вопросах Бюро цензов США называет две цифры численности населения США к 2000 г.: минимальную — 261 млн. человек и максимальную — 321 млн. Как бы то ни было, в последнее время рост населения США обнаруживал определенные тенденции к понижению: в 50-х годах оно увеличивалось на 3 млн. в год,

¹⁰ «U.S. News and World Report», 11.V 1964, p. 15; 6.VII 1964, p. 40; 22.III 1976, p. 40.

в 60-е — менее чем на 2,5 млн., а в первую половину 70-х годов — менее чем на 2 млн. в год¹¹.

Максимального уровня рождаемости после второй мировой войны США достигли в 1957 г. В этом году на каждую тысячу женщин в возрасте от 15 до 45 лет родилось 122,7 ребенка. В 1960 г. эта цифра сократилась до 118, а в 1970 г. — до 66,7. В 1972 г. в США числилось детей школьного возраста на 10 млн. меньше, чем в 1962 г. Для поддержания численности населения на достигнутом уровне необходимо, чтобы в среднем рождаемость в каждой семье была не ниже 2,1. В 1957 г. эта цифра составляла 3,7, а в 1975 г. — лишь 1,8¹². Резкое уменьшение роста населения в США отражает определенные социально-экономические процессы, происходящие в стране, и вызывает озабоченность в правительственных кругах США.

В 1910 г. иностраннорожденные составляли 15% населения США. С каждой переписью в США число лиц, родившихся за границей, уменьшается. Уже в 1960 г. их насчитывалось менее 10 млн.¹³ В 1970 г. их было еще меньше, и они составляли менее 5% населения. Значительная их часть состояла из пожилых людей, прибывших в США до первой мировой войны или до 20-х годов, когда переселение в Америку для европейцев почти не ограничивалось. Строгие иммиграционные законы, действующие в США около 50 лет, сократили процент этой части населения страны более чем в 3 раза. Резкое уменьшение удельного веса иммигрантов в стране имеет политические последствия. В стране вырос новый, говорящий на едином языке пролетариат. С каждым десятилетием все труднее стало превращать иммигрантов в козла отпущения за происходящие в стране классовые конфликты, все более невразумительно звучали сентенции реакционеров, что социалистические революционные идеи представляют в США «зло иностранного происхождения».

Это отнюдь не значит, что в США не дают о себе знать национальные противоречия и национальные различия. Потомки иммигрантов из Великобритании и Северной Ирландии, которые в 1950 г. составляли около 35% населения США, образуют тот слой населения, из среды которого преимущественно выделялась «элита» страны. За ними идут потомки выходцев из Германии — 14%. Затем числятся многие национальные меньшинства, вплоть до тех, которые среди населения страны составляют 0,1% или даже меньше, как, например, турки и др.¹⁴ Но самая острая национальная проблема в США — это негритянский вопрос.

За рассматриваемый нами период население США, считавшееся в конце прошлого века преимущественно деревенским, превратилось в преимущественно городское. В 1890 г. в городах проживало 29% населения страны, а в 1970 г. — 73,5%. В 1970 г. 67% населения США находилось в больших городах или вокруг них. Предсказывают, что в 1980 г. эта цифра дойдет до 70.

В условиях капитализма жители перенаселенных городов задыхаются от разъедающих глаза и легкие дыма и копоти, от выхлопных газов автомобилей, болеют от загрязнения воздуха и воды ядовитыми веществами. Наиболее насыщенный автомобилями трехмиллионный город Лос-Анджелес прозвали «смог-сити США». В Сент-Луисе 39% населения страдает от отвратительных запахов. Только за один 1970 г. в атмосферу

¹¹ «World Almanac», 1968, p. 41; «Resources for Future», June 1972, p. 1; «Economic Report of the President», 1976, p. 195.

¹² «N. Y. Times», 6.II 1977.

¹³ «Historical Statistics». Wash., 1961, p. 66.

¹⁴ «Congressional Record», 29.VI 1966, p. A3500.

Соединенных Штатов выброшено 264 млн. т вредных веществ. Эти отравляющие вещества весили в 2 раза больше, чем вся произведенная в том году сталь, они вредят здоровью человека и животных, портят урожай и здания. По официальным неполным подсчетам, наносимый этим ежегодный материальный ущерб оценивался в середине 70-х годов в 25 млрд. долл.¹⁵

Американская статистика утверждает, что население США, составляющее 6% населения Земного шара, потребляет одну треть мирового производства энергии — в 6 раз больше, чем в среднем население остального мира. Согласно этой статистике, в начале 70-х годов США потребляли 16% мировой добычи каменного угля, 19% стали, 27% меди, 30% никеля, 32% олова, 32% нефти, 35% алюминия, 36% свинца, 42% серебра и 57% природного газа. Эта данные небезынтересно сопоставить с другой цифрой: в загрязнении мировой атмосферы доля промышленности США составляет, по оценкам экспертов, более 50%¹⁶. Недаром американская печать забила тревогу по поводу угрозы стране от экологической катастрофы.

Рабочая сила страны, включая занятых в вооруженных силах, выросла с 22,8 млн. в 1890 г. до 95 млн. в 1975 г. Вместе с количественным ростом произошли качественные изменения в ее составе. В 1890 г. 42% всей рабочей силы США были заняты на фермах, а 33% — в других отраслях материального производства. Остальные 25% относились к категориям, занятым в торговле, банковском, кредитном и страховом деле, управленческом аппарате, государственных учреждениях, вооруженных силах, в народном образовании, здравоохранении и в других областях, которые в США имеют общее название «сервис» — сфера услуг. В 1975 г. в непроизводственной сфере было занято почти 60% рабочей силы страны, в сельском хозяйстве вместе с рыбным и лесным делом — лишь 4%, а в других отраслях материального производства, включающих добывающую и обрабатывающую промышленность, строительство, транспорт, связь, электростанции и другие предприятия общественного пользования, — 36%; в торговле, финансах и страховом деле — 26%; в федеральном аппарате и в учреждениях штатов и муниципалитетов — 6%; в народном образовании, науке и здравоохранении — 19%; в обслуживании автомобильного парка, гостиниц, курортов, стадионов, а также частных лиц — 9%¹⁷.

Если не считать сельского хозяйства, то уже в 1960 г. в непроизводственной сфере было занято 59% рабочей силы страны. Этот процент в США выше, чем в любой другой капиталистической стране. В Канаде он составил 51%, в Японии — 48, во Франции — 46, в Голландии и Дании — 45, в Великобритании — 42, а в ФРГ — 29%. Увеличение удельного веса услуг в экономике отражалось на ходе хозяйственного цикла. В отличие от товаров услуги не могут быть накоплены в виде запасов ни на складах, ни дома. Другая особенность сектора обслуживания сводится к тому, что почти половина всех занятых в нем составляют женщины, в то время как на производстве их всего лишь около 20%. Правительственное обследование показало, что в среднем по стране женщина получает около 60% того, что получает мужчина за аналогичную работу.

В 1890 г. большинство лиц, входивших в рабочую силу страны, рабо-

тало не по найму: сюда относились фермеры, бизнесмены и лица свободных профессий. К 1960 г. к этой категории принадлежали лишь 13%, и ее удельный вес продолжал падать в дальнейшем. В 1960 г. в США числились 4 млн. ферм. В 1975 г. их осталось лишь 2808 тыс.¹⁸ Почти 90% населения США, имеющего самостоятельный доход, являются наемными рабочими или служащими.

В США до 1970 г. сохранялся самый высокий в капиталистическом мире уровень заработной платы. Согласно американской статистике, средний доход на душу населения в США в XX в. увеличился в неизменных ценах (в ценах 1968 г.) более чем в 3 раза (с 853 долл. в 1899 г. до 2928 долл. в 1968 г.)¹⁹. Но в США национальный доход не распределяется «в среднем». Доля зарплаты рабочих в этом доходе часто падает. Временами реальная заработная плата падала не только относительно, но и абсолютно. Как уже было показано, с 1890 по 1900 г. средняя зарплата в обрабатывающей промышленности США сократилась. В 1952 г. Эйзенхауэр, будучи кандидатом в президенты страны, утверждал, что в 1951 г. доход средней американской семьи был реально ниже, чем в 1945 г. За годы его первого президентства (1953—1957 гг.) заработная плата в обрабатывающей промышленности США выросла номинально на 10%²⁰. Но за это время стоимость жизни выросла в гораздо больших размерах. В апреле 1975 г. газета «Нью-Йорк таймс» в своем воскресном приложении, утверждая, что за истекшие полтора года реальная заработная плата рабочих падала так же быстро, как во время мирового кризиса 30-х годов, писала: «В феврале 1975 г. средняя американская рабочая семья могла за свой недельный заработок купить меньше, чем в 1964 г.»²¹ С 1967 до 1977 г. стоимость жизни в США увеличилась на 77%.

Хотя со второй мировой войны заработная плата рабочих и служащих номинально увеличилась, стоимость жизни, налоги и долги в совокупности росли еще быстрее. Со времени эскалации войны США во Вьетнаме и усиления инфляции рост заработной платы все больше отставал от роста цен, налогов и долгов семей трудящихся. Особенно тяжелым грузом давит на них задолженность, когда они становятся безработными.

В первую половину 70-х годов по уровню заработной платы США были отодвинуты на пятое место в капиталистическом мире. В 1975 г. почасовая заработная плата (включая доплату по страхованию и другим социальным нуждам) в США была ниже, чем в Швеции, Норвегии, Дании и Канаде²².

В 1890 г. рабочая неделя продолжалась 62 часа. В упорной многолетней борьбе трудящиеся добились ее постепенного сокращения, и ее продолжительность в 40 часов была признана официально. Рабочая неделя превратилась из шестидневной в пятидневную. Наряду с воскресеньем суббота стала днем отдыха. Если к этому прибавить отпуска и праздники, то получается, что примерно одна треть года представляет нерабочие дни.

Несмотря на существование в США законов об охране труда и технике безопасности, в частности закона 1970 г., в результате несчастных

¹⁵ «Fortune», November 1965, p. 159; «Statistical Abstract of the U.S.», 1973, p. 178; «World Almanac», 1975, p. 457.

¹⁶ «American Federationist», December 1964, p. 6.

¹⁷ «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 365.

¹⁸ «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 632; CED, October 1969, p. 18; Packard N. The Status Seekers. London, 1960, p. 27; «U. S. News and World Report», 3.I 1972, p. 55.

¹⁹ CED, October 1969, p. 13; «Historical Statistics of the U.S.», p. 92.

²⁰ «Economic Report of the President», 1971, p. 211, 235.

²¹ «New York Times Magazine», 27.IV 1975.

²² «U.S. News and World Report», 9.II 1976, p. 65.

случаев на производстве (по данным, опубликованным 19 июня 1975 г. органом конгресса США) ежегодно насчитывается более 14 тыс. убитых, 2200 тыс. получивших травмы, 400 тыс. рабочих подвергаются заболеваниям, вызванным тяжелыми условиями труда²³.

В атомный век исключительно большое, все возрастающее не только военное, но и экономическое и политическое значение приобретает наука. 100 лет тому назад лишь один человек удостоился в США ученой степени доктора наук. В 1900 г. эту ученую степень по всем специальностям получили 382 человека, в 1920 г. — 615, в 1940 г. — 3290, в 1950 г. — 6633, в 1960 г. — 6263, в 1970 г. — 17 731, а в 1973 г. — 35 тыс. человек²⁴.

В середине 60-х годов в США работали около 800 тыс. инженеров — в 20 раз больше, чем в начале века. К середине 70-х годов США имели в расчете на душу населения в 2—3 раза больше ученых и инженеров, занятых научно-исследовательскими разработками, чем Западная Европа и Япония, вместе взятые.

В 30-х годах лишь 4% молодых людей студенческого возраста учились в вузах. В середине 60-х годов этот процент дошел до 35% для всей страны и почти до 50% в больших городах. В 1969 г. в США насчитывались 2374 высших учебных заведения, в которых обучались 6700 тыс. студентов — в 6 раз больше, чем в 1930 г.²⁵

Параллельно рос общий уровень образования в стране. В 1890 г. лишь 3,5% населения США в возрасте 17 лет и выше имели среднее образование. В 1967 г. этот процент был равен 76,2²⁶. Распространение среднего и высшего образования облегчало и содействовало подготовке значительных слоев квалифицированной рабочей силы, обеспечило квалифицированными кадрами сферу обслуживания, которая использует относительно больше лиц с высшим и средним образованием.

В текущем десятилетии расходы на науку в США предполагается почти удвоить, довести их в 1980 г. до 50 млрд. долл. по сравнению с 26 млрд. в 1970 г. и 35 млрд. в 1975 г. Но большая доля этих ассигнований будет по-прежнему направлена на военные цели. Расходы авиационной и ракетно-космической промышленности на научно-исследовательские работы, составлявшие 5,8 млрд. долл. в 1969 г., предполагается довести до 11 млрд. в 1980 г., а в производстве электронного и коммуникационного оборудования — соответственно с 4,2 млрд. долл. до 9,3 млрд. долл. В 1960 г. военные цели, включая изучение космоса, отняли 55,4% всех расходов на науку. В дальнейшем этот процент несколько уменьшился в колоссально выросших расходах на науку (43,1% в 1970 г. и 36% в 1975 г.). Абсолютно расходы на науку в военной и космической области продолжали расти (7507 млн. долл. в 1960 г., 11 226 млн. в 1970 г. и 12 253 млн. в 1975 г.)²⁷.

Растущие огромные расходы на науку, хотя в значительной мере тратятся на военные цели, все же вносят свою лепту в развитие новейших отраслей гражданской промышленности. Этим объясняется то, что, несмотря на определенные успехи американских конкурентов в производстве стали, металлорежущих станков и в некоторых других в прошлом решающих отраслях промышленности, США в капиталистическом мире продолжали до начала 70-х годов играть ведущую роль в научно-технической революции, в производстве вычислительных машин, микроэлек-

²³ «Congressional Record», 19.VI 1975, p. E3321.

²⁴ «Historical Statistics», p. 211—212; «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 146.

²⁵ «Congressional Record», 12.I 1966, p. 104.

²⁶ CED, October 1969, p. 29.

²⁷ «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 566.

троники, реактивных двигателей, оптических приборов, цветных телевизоров, синтетического волокна, всевозможных пластмасс и во многих других новых и новейших отраслях. К началу 70-х годов США производили более 90% ЭВМ, выпускаемых во всем капиталистическом мире. Из всего количества ЭВМ, которые начали функционировать в странах Западной Европы в 1970 г., около 95% были произведены американскими фирмами. К середине 70-х годов в США действовало в 3 раза больше электронно-вычислительных машин, чем во всех странах Западной Европы²⁸.

* * *

Когда речь идет об изменениях, происшедших в США с конца прошлого века, отмечают прежде всего экономику, служащую основой не только их богатства, но их международного и военного положения, места США в мире. Национальное богатство страны, оценивавшееся в 1890 г. в 65 млрд. и в 1900 г. в 88 млрд. текущих долларов, дошло в 1929 г. до 439 млрд., в 1949 г. — до 900 млрд., в 1958 г. — до 1675 млрд., в 1968 г. — до 3079 млрд., а в 1975 г. — до 5588 млрд. долл.²⁹

Валовой национальный продукт США оценивался (в млрд. долл.): 13 — в 1890 г., 103 — в 1929 г., 90,5 — в 1939 г., 258 — в 1949 г., 486,5 — в 1959 г., 935,5 млрд. — в 1969 г. и 1516 — в 1975 г.³⁰

В 1969 г. валовой национальный продукт на душу населения в США был выше на 41% по сравнению с этим показателем в Швеции, на 68% во Франции, на 86% в ФРГ, на 136% в Англии и на 141% в Японии³¹.

Национальный доход США, равный 86,8 млрд. долл. в 1929 г. и 212,7 млрд. в 1949 г., дошел до 798 млрд. в 1970 г. и до 1208 млрд. в 1975 г.

Все данные о национальном богатстве и национальном доходе приведены в текущих долларах и показывают необычайный их рост после второй мировой войны. Это объясняется главным образом инфляцией. Однако в неизменных долларах картина сильно меняется. В текущих долларах валовой национальный продукт, например, с 1929 по 1970 г. увеличился в 9,5 раза, а в неизменных долларах (в долларах 1958 г.) — лишь в 3,5 раза. Рост в 3,5 раза с 1929 по 1970 г. означает, что за эти 40 лет валовой национальный продукт увеличился примерно так же, как за предыдущие 40 лет (с 1890 по 1930 г.). В неизменных долларах валовой национальный продукт за 80 лет (с 1890 по 1970 г.) увеличился в 14 раз. Его среднегодовой рост за это время составил 3,4%³².

Американский народ создал колоссальное национальное богатство. Но кто им фактически владеет?

Согласно протоколам конгресса США, 18 августа 1977 г. в сенате было официально сообщено: 85% национального богатства принадлежит 15% населения страны; 10% этого богатства — 35% населения; на долю 50% народа приходится лишь 5% национального богатства^{32а}.

Эти данные являются одной из характернейших иллюстраций к тому, что собой в последней четверти XX в. представляет «американский образ жизни».

²⁸ «США: Экономика. Политика. Идеология», 1972, № 6, с. 37.

²⁹ «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 428.

³⁰ «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 393; «World Almanac», 1928, p. 296; «Historical Statistics», p. 142, 151.

³¹ «Statistical Abstract of the U.S.», 1971, p. 805.

³² «Economic Report of the President», 1971, p. 197—198, 211; 1976, p. 171, 184; «Statistical Abstract of the U.S.», 1971, p. 805; CED, October 1969, p. 13, 27, 41.

^{32а} «Congressional Record», 18.VIII 1977, p. S14175.

Полагают, что в текущем десятилетии рабочая сила страны увеличится не менее, чем на 15 млн. человек. Чтобы дать всем работу, необходимо чтобы экономика росла не менее чем на 4% в год. Между тем состояние и перспективы экономики, как показали 70-е годы (в частности, циклическое падение производства и рост безработицы, доходившей до 8 млн. человек), не дают оснований для оптимизма. Поэтому в США с большим основанием ожидают дальнейшего роста безработицы, чем роста занятости³³.

Наряду с национальным богатством и национальным доходом важным критерием для суждения об экономическом развитии США в XX в. служит энергетика. Общая мощность всех первичных двигателей США выросла с 44 млн. л. с. в 1890 г. до 2773 млн. в 1940, до 11 008 млн. в 1960 г., до 20 409 млн. в 1970 г. и 25 100 млн. в 1975 г. В 1890 г. на душу населения приходилось 0,7 л. с., а в 1970 г. — 99,6. Энерговооруженность в среднем на каждого жителя США увеличилась за это время в 142 раза.

XX в. называют веком электричества. Электричество стало не только самым важным, но и самым удобным источником энергии.

Статистика производства электричества систематически ведется в США с 1902 г. В 1902 г. они произвели 5969 млн. квт-ч электричества, в 1940 г. — 142 млрд., в 1960 г. — 753 млрд., в 1970 г. — 1532 млрд., а в 1975 г. — 2000 млрд. В 1920 г. на душу населения приходилось 75 квт-ч, а в 1970 г. — 7573 (в 100 раз больше)³⁴.

Тем не менее с начала 70-х годов в США все чаще стали слышны разговоры о недостатке электроэнергии, о том, что страна сталкивается с угрозой все возрастающей нехватки электричества. В конце 1972 г. в США считали, что к 1985 г. потребности в энергии почти удвоятся. Согласно официальным данным, США за счет природного газа и нефти покрывают свыше трех четвертей своих энергетических потребностей. В 1972 г. США получали из-за границы 26% сырой нефти и 12% всей потребляемой в стране энергии. Через пять лет, в 1977 г., США удовлетворяли свои потребности собственной нефтью лишь наполовину³⁵. Президент США в послании конгрессу об энергетике в июне 1971 г., отмечая надвигающуюся угрозу, заявил, что энергетическим аппетитам США нет предела, но что их природные ресурсы довольно ограничены.

В частности, уменьшение резервов природного газа вызывает его нехватку в ряде районов страны. Между тем этот газ служит источником трети потребляемой в США энергии. В 1970 г. они импортировали 23% нефти, потребляемой в стране. В 1976 г. этот процент дошел до 42, а в 1977 г. предполагали, что он дойдет до 48. В 1972 г. США уплатили за ввозимую нефть 3900 млн. долл. В 1974 г. в результате сильного роста цен на жидкое топливо и увеличения его ввоза эта сумма дошла до 24 млрд. долл.³⁶

В ноябре 1973 г. президент США поставил задачу — к 1980 г. превратить Соединенные Штаты в независимую от импорта горючего страну. Но эксперты считают, что вряд ли эта задача сможет быть решена и к 1985 г.³⁷

³³ «U.S. News and World Report», 21.II 1972, p. 27.

³⁴ «World Almanac», 1975, p. 124; «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 553.

³⁵ «New York Times», 6.III 1977.

³⁶ «U.S. News and World Report», 24.VII 1972, p. 60; 4.XII 1972, p. 81; 11.XII 1972, p. 4–5; 27.XII 1976, p. 27.

³⁷ «Congressional Record», 30.IX 1976, p. E53583; «World Almanac», 1975, p. 111.

Развитие энергетики, особенно электроэнергетики, в большой мере проложило путь происходящей после второй мировой войны научно-технической революции, отразившейся на экономике всех промышленно развитых стран, все более превращая науку в непосредственную производительную силу. Но США с их колоссальными расходами на науку играли по крайней мере до 70-х годов ведущую роль в новейших и более прогрессивных отраслях промышленности, во внедрении новых принципов управления производством, в сокращении сроков внедрения изобретений и совершенствований и в увеличении эффективности капиталовложений в производство.

Научно-техническая революция выступает, следовательно, одним из решающих факторов современного экономического развития. Этим определяется и ее значение в соревновании двух социально-экономических систем, которое в свою очередь оказало огромное воздействие на развитие научно-технической революции. Без учета этого воздействия невозможно правильно объяснить масштабы усилий, предпринимаемых монополистическим капиталом и правительством США в области научно-технического прогресса.

Вместе с тем следует отметить, что в условиях капитализма научно-техническая революция в большой мере скована, наталкивается на определенные преграды. 15 марта 1966 г. министр торговли США Коннор опубликовал данные, согласно которым только 10% промышленности страны пользуется в полной мере теми плодами науки и техники, которыми владеют Соединенные Штаты.

При эффективном использовании всем производством технической информации, которой США уже к тому времени располагали, производительность труда в обрабатывающей промышленности страны могла бы быть увеличена, по утверждению Коннора, в 3 раза³⁸.

Эти слова Коннора служат еще одним подтверждением положения В. И. Ленина о том, что в ряде случаев монополии задерживают, тормозят технический прогресс. В. И. Ленин считал это положение одним из признаков «загнивания капитализма». Но он предостерегал от неправильного понимания этого выражения. «Было бы ошибкой думать, — писал В. И. Ленин, — что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма... В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет...»³⁹

В течение 25 лет, последовавших за 1950 г., промышленное производство США увеличилось на 150%. Другими словами, за эти 25 лет оно выросло в полтора раза больше того, что достигло за все предыдущие 200 лет⁴⁰.

Энергетика, как и вся инфраструктура, служила предпосылкой для экономического развития США, а также для происходящей в наше время научно-технической революции. В этом отношении значение транспорта и связи трудно переоценить. Инфраструктура наряду с электроэнергией включает автомобильные и железные дороги, аэропорты, телефон, телеграф, радио, телевидение, водоснабжение и др.

Длина эксплуатируемой железнодорожной сети США дошла до своего максимума в 1916 г., когда она достигла 254 тыс. миль — на 90 тыс. миль больше, чем в 1890 г. В 1916 г. почти все междугородное пассажирское

³⁸ «Congressional Record», 19.IV 1966, p. A21182; «N. Y. Times Magazine», 19.III 1967, p. 31.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 422.

⁴⁰ «Economic Report of the President», 1976, p. 208.

движение шло по железным дорогам. По мере роста конкуренции со стороны автомобилей железнодорожная сеть сокращалась. К 1970 г. она равнялась 206 тыс. миль, а в 1974 г. — 200 тыс. миль. Сильно сократилось пассажирское движение по железным дорогам: с 1270 млн. человек в 1920 до 488 млн. в 1950 г., до 289 млн. в 1970 г. и до 275 млн. в 1974 г.

Число рабочих на железных дорогах, равнявшееся 2076 тыс. в 1920 г., сократилось до 1237 тыс. в 1950 г., до 577 тыс. в 1970 г. и до 542 тыс. в 1974 г. В то же время перевозка грузов по железным дорогам значительно увеличилась: 414 млрд. тонно-миль — в 1920 г., 592 млрд. — в 1950 г., 771 млрд. — в 1970 г. и 852 млрд. — в 1974 г.⁴¹

Уменьшение числа железнодорожных рабочих за полвека в 3 с половиной раза при сокращении длины действующих железных дорог всего на одну пятую и при увеличении количества перевезенных грузов в 2 раза свидетельствует, что научно-техническая революция, сопровождаемая автоматизацией производства, сильно коснулась железнодорожного транспорта. Основные железнодорожные магистрали, их депо и мастерские подвергались реконструкции и реорганизации, а их оборудование — модернизации.

В перевозке грузов значение железных дорог продолжает расти. Больше всего влиял на состояние железных дорог необычайный рост автомобильного парка, ставшего основным средством передвижения по стране для пассажиров и занявшего также определенное место в перевозке грузов. Автомобили заставили пересмотреть коренным образом установившиеся правила технической эксплуатации железных дорог и координировать их работу с другими видами транспорта.

Автомобильный парк США, насчитывавший около 300 машин в 1895 г., 8000 в 1900 г. и более 9 млн. в 1920 г., превысил 32 млн. в 1940 г. и дошел до 74 млн. в 1960 г., до 108 млн. в 1970 г. и до 134 млн. в 1975 г. Зарегистрированный в 1975 г. парк в 133 727 тыс. машин состоял из 107 млн. легковых и более 26 млн. грузовиков и автобусов. Штат Калифорния, занимающий первое место по количеству автомобилей в стране, зарегистрировал на январь 1975 г. 13 787 тыс., Техас — 8200 тыс., а Нью-Йорк — 7560 тыс. машин. Калифорния занимает также первое место по числу жертв от автомобильных аварий — больше 5 тыс. убитых за один 1973 г. В 1973 г. в США погибли в автомобильных катастрофах 56 тыс., а всего пострадавших оказалось свыше 2 млн., из них 170 тыс. остались навсегда инвалидами. Общее число убитых и ушибленных автомобилями в США за один только 1970 г. превысило почти в 2 раза количество убитых, умерших и раненых в вооруженных силах США во второй мировой войне и более чем в 6 раз — в первой мировой войне.

Автомобиль отнял основную массу пассажиров у железных дорог. В 1960 г. из общего количества пассажиро-километров, пройденных в США по междугородным путям, более 90% пришлось на автотранспорт⁴².

В дальнейшем этот процент несколько уменьшился в связи с ростом значения воздушного транспорта. В 1973 г. из общего количества 1357 млрд. пассажиро-миль, сделанных в США, 86,5% пришлось на частные автомобили, 10,55 — на самолеты, 1,95 — на автобусы, 0,69 — на железные дороги и 0,29% — на внутренние водные пути, включая Великие озера⁴³.

Распространение автомобилей в США стимулировало широкое строительство шоссе и дорог. В то же время растущее дорожное строительство содействовало и прокладывало путь к большому развитию автотранспорта. В 1921 г. США насчитывали 387 тыс. миль дорог с твердым покрытием, а в 1974 г. — 2452 тыс. миль⁴⁴.

Автомобиль существенно изменил жизнь в городах и в сельских районах, вызвал большое строительство пригородов.

Постоянно увеличивающаяся роль воздушного транспорта, особенно в перевозке пассажиров, сопровождалась расширением сети аэродромов в стране. По данным официальной статистики, число аэродромов составляло: в 1927 г. — 1036, в 1940 г. — 2331, в 1950 г. — 6403, в 1960 г. — 6884, в 1970 г. — 11 261, а в 1974 г. — 13 062, из них более 8 тыс. считались частными⁴⁵.

Из всех компонентов инфраструктуры особые заслуги в наступившей научно-технической революции принадлежат достижениям в области связи.

Создание в 1914 г. в лабораториях системы Белла электронного звукоусилителя для трансконтинентальной телефонной линии открыло доступ в мир электронных приборов, произведших в дальнейшем переворот в ряде отраслей промышленности. Возможности ведения одновременно тысяч телефонных разговоров через один и тот же кабель, звуковое кино, транзистор, электронно-вычислительные машины, телевидение, цветное кино, цветное телевидение и ряд других крупных изобретений и совершенствований обязаны во многом исследованиям инженеров, физиков и математиков лабораторий телефонной системы Белла.

В 1876 г., к столетию Декларации независимости США, в стране функционировало 3 тыс. телефонов. В 1890 г. насчитывалось 234 тыс., или 3,7 на тысячу человек населения. В 1975 г. их число дошло до 149 млн., что составляло в среднем 695 телефонов на тысячу жителей США.

Обширная инфраструктура, особенно в области транспорта и связи, служила базой, опираясь на которую научно-техническая революция вызвала значительный рост промышленного производства. Если принять общий индекс промышленного производства США в 1967 г. за 100, то в 1950 г. он был равен 47,4, в 1960 г. — 68,8, в 1965 г. — 90,7, в 1970 г. — 106,7, в 1973 г. — 125,6, а в 1975 г. в связи с экономическим кризисом — 113,8⁴⁶.

Правда, необычным для США повышением индекса производства в 60-х годах страна в известной мере обязана мероприятиям президентов Кеннеди и Джонсона. Названные «новой экономикой», эти мероприятия сводились к искусственному накачиванию хозяйственной конъюнктуры, финансируемой за счет дефицита в государственном бюджете, за счет роста государственного долга, еще более увеличивая таким образом безудержно развивающуюся в стране инфляцию. Такой курс проводился не только внутри страны, но и в отношениях с иностранными государствами, покрывая растущий пассив платежного баланса падающими в цене долларами. В конечном итоге это завершилось валютным кризисом, паникой на валютных рынках. Но, как бы то ни было, влияние научно-технической революции на производство США в 60-х годах нельзя умалять.

⁴¹ «Statistical Abstract of the U.S.», 1971, p. 545; 1973, p. 557; «World Almanac», 1976, p. 110.

⁴² «World Almanac», 1971, p. 68, 75, 128; 1975, p. 142; «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 593; «Historical Statistics», p. 462.

⁴³ «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 583.

⁴⁴ Ibid., p. 586; «Historical Statistics», p. 458.

⁴⁵ «Historical Statistics», p. 469; «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 613.

⁴⁶ «Economic Report of the President», 1976, p. 208.

Как известно, в США производство находится в руках корпораций, а ведущие, решающие и новейшие отрасли промышленности, транспорта, связи и энергетики принадлежат крупным корпорациям, монополиям. Рост производства означает рост и укрепление монополий, которые в условиях капиталистической Америки пожинают главные плоды научно-технической революции.

В XX в. доходы монополий росли в США быстрее, чем население, национальное богатство и национальный доход. За 30 лет, с 1938 по 1968 г., доходы корпораций до уплаты налогов выросли с 4144 млрд. до 88 740 млн. долл., а после уплаты налогов — с 3300 млн. до 48 180 млн. долл. В 1904 г. американский экономист Муди насчитал в промышленности США 318 трестов с общим капиталом 7 млрд. долл., из них с капиталом больше чем 100 млн. долл. — только 10. А. Берли и Г. Минз считали, что в 1929 г. в США функционировали 189 корпораций с активами более чем 100 млн. долл., из них 15 имели активы больше чем 1 млрд. долл. каждый. В 1970 г. только в обрабатывающей промышленности США оперировали 1009 корпораций с активами не менее 100 млн. долл. каждая, а 102 с активами не менее чем 1 млрд. долл. каждая. Общая сумма активов этих 102 корпораций равнялась 267 733 млн. долл., что составляло 48% активов всех 203 тыс. корпораций, числившихся в обрабатывающей промышленности США в 1970 г. 0,05% всех компаний держали в своих руках 48% активов и получили 53% чистой прибыли всех корпораций.

Большой рост производства в 60-х годах сопровождался быстрым нарастанием удельного веса монополий:

В 1960 г. на долю корпораций с активами не менее чем 1 млрд. долл. пришлось лишь 27% всех активов и 38% всей прибыли. В 1950 г. 200 крупнейшим корпорациям в обрабатывающей промышленности принадлежало 47% всех активов, а в 1969 г. — 60%. В 1975 г. крупнейшие 100 корпораций контролировали половину всех промышленных активов США⁴⁷. Стоимость проданной годовой продукции одного «Дженерал моторс» (свыше 28 млрд. долл.) превышала в 1970 г. весь валовой национальный продукт такой промышленной страны, как Бельгия. В 1975 г. эта сумма дошла до 35 млрд. 725 млн. долл.⁴⁸

Крупнейшие корпорации постоянно растут. Их капиталы, их мощь, их удельный вес в экономике страны увеличиваются с каждым годом. Большой рост числа держателей акций в США отнюдь не превращает американский капитализм в «народный», как утверждали руководители «Дженерал электрик» и нью-йоркской фондовой биржи, а, наоборот, усиливает власть финансовой олигархии. За 20 лет, предшествовавших 1975 г., рост производства и инфляция увеличивали спрос на ценные бумаги, курсировавшие на фондовой бирже. В 1956 г. в США насчитывалось 8630 тыс. держателей акций, в 1965 г. — 20 120 тыс., а в 1975 г. — 25 270⁴⁹. Чем больше число акционеров, тем легче руководителям монополий распоряжаться чужими деньгами, манипулировать и спекулировать чужими сбережениями в своих интересах. В таких крупных корпорациях, как Стальной трест, «Дженерал моторс», «Америкен телефон энд телеграф компа-

ни», где число акционеров исчисляется сотнями тысяч (а иногда превышает миллион), и даже там, где это число определяется десятками тысяч, право голоса для акционеров, за исключением управляющего директората, представляет фикцию, не имеющую в действительности никакого значения.

В крупных, тем более в крупнейших, корпорациях все решают учредители, советы директоров, управляющие, президенты. Они определяют, какая часть прибыли должна оставаться в их собственном распоряжении и какая часть должна быть распределена между массой акционеров; какая часть должна идти на капиталовложения и какая — на премирование руководителей компании; какие изобретения должны быть реализованы и какие законсервированы; какие предприятия следует включить в те 10% промышленности страны, которые, по словам министра торговли Коннора, пользовались в полной мере благами науки и техники (не говоря уже о том, что крупные корпорации, их спрос на квалифицированные кадры определяют в большой мере характер системы образования в США, особенно систему подготовки инженерных и научных кадров). Словом, от крупных корпораций во многом зависит прогресс или отставание техники и экономики. Более того, решая, в каких районах и штатах строить новые предприятия, производить капиталовложения, содействуя таким образом экономическому процветанию одних частей страны и обрекая на прозябание другие, корпорации определяют направления миграции населения. При общем значительном росте населения США последние переписи показывали уменьшение его в большинстве графств.

Большинство воротил крупных корпораций не претендует даже на то, чтобы за ними признавали, будто они в своих действиях руководствуются патристическими соображениями, они не повторяют девиза «Дженерал моторс»: «Что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо для страны». Они не скрывают, что заботятся только о максимальной прибыли: чем рентабельнее корпорация, тем лучше. Они не скрывают, что их не интересуют занятость населения или его страдания, в частности тех районов страны, которые в США официально признаны как «бедствующие».

Хозяев экономических высот богатейшей в мире страны никто не выбирает, ни перед кем они не отвечают, а критика меньше всего на них влияет. Они, по выражению бывшего сенатора Петигру, столь же недосягаемы для общественного воздействия, как и кайзер Вильгельм II в Германии до 1914 г. После второй мировой войны господство лидеров монополий в хозяйстве США значительно возросло.

В годы второй мировой войны экономика США находилась в особо благоприятных условиях. Еще лучшая обстановка для американского капитала сложилась в первые послевоенные годы. Запрещение в военное время строительства жилищ и легковых автомобилей, ограничение производства сельскохозяйственных машин и многих промышленных изделий широкого потребления, а также быстрый физический и моральный износ промышленного оборудования при увеличении прибылей капиталистов и сбережений значительных слоев населения обеспечили на ряд послевоенных лет небывалый в прошлом спрос на предметы гражданского потребления внутри страны. Большие разрушения, нанесенные войной хозяйству других крупных капиталистических государств, создали колоссальный рынок для продукции промышленности и сельского хозяйства США за границей.

Подобных условий для США не только не бывало в прошлом, но они неповторимы в будущем, ибо никогда больше не будет такой войны, в которой хозяйство всех великих держав, кроме США, в той или

⁴⁷ «Statistical Abstract of the U.S.», 1971, p. 467; «Historical Statistics», p. 580; «N. Y. Times Magazine», 27.IV 1975, p. 50.

⁴⁸ «World Almanac», 1977, p. 123.

⁴⁹ «World Almanac», 1975, p. 94; «Statistical Abstract of the U.S.», 1976, p. 497.

иной мере разрушалось бы, а американское производство не только оставалось бы нетронутым, но и имело бы еще необыкновенно благоприятные условия для своего роста.

Указанными выше благоприятными условиями воспользовался крупный монополистический капитал США, увеличивший свое богатство на военных и послевоенных барышах.

Мы уже видели, что в военное время только 40% всех корпораций, включая крупнейшие монополистические компании, получали колоссальную прибыль и что больше половины всех корпораций, преимущественно более мелкие, терпели убыток. После войны рост активов крупных корпораций также был более значительным, чем общий рост активов всех корпораций. С 1945 по 1960 г., например, корпорации обрабатывающей промышленности с капиталом от 10 млн. до 50 млн. долл. увеличили свои активы в 2 раза, а с капиталом свыше 50 млн. — в 4 раза⁵⁰. В 1973 г. чистая прибыль «Дженерал электрик» дошла до 585 млн. долл., автомобильной компании Форда — до 906 млн., «Стандард ойл оф Нью-Джерси», переименованной к тому времени в «Эксон», — до 2443 млн., «Дженерал моторс» — до 2398 млн., а «Америкэн телефон энд телеграф компани» — до 2947 млн. долл. (в 1975 г. эта сумма дошла до 3148 млн.)⁵¹.

В годы второй мировой войны в США создавалась мощная военная промышленность, которая в значительной части сохранялась, обновлялась и модернизировалась после войны. Крупная военная промышленность стала играть большую роль не только в экономической, но и в политической жизни страны. Многие влиятельные корпорации, представляющие ведущий монополистический капитал США, связали свою судьбу, свои капиталы и свои барыши с выросшей военной промышленностью и военными заказами. Например, в 1974 бюджетном году военные заказы, полученные авиационной компанией «Боинг», составили 1076 млн. долл., «Дженерал электрик» — 1211 млн., «Макдональд-Дуглас» — 1309 млн., «Локхид» — 1464 млн., а «Дженерал дайнамикс» — 1853 млн. долл.⁵²

В своем стремлении поддержать рост военных заказов эти монополии, пользуясь влиянием на правительство, на конгресс, на руководство обеих ведущих буржуазных партий, являются постоянной помехой на пути к смирению международной напряженности, к плодотворным переговорам о разоружении. Они сеют в стране страх перед «коммунистической угрозой», перед вымышленной «угрозой» Соединенным Штатам со стороны Советского Союза. Сенатор М. Мэнсфилд, впоследствии лидер большинства в сенате США, в августе 1957 г. утверждал, что для оправдания своих колоссальных военных ассигнований Вашингтону необходимо создавать и сохранять обстановку «страха перед русскими»⁵³.

Весной 1962 г. в конгрессе и в печати США обсуждался поразительный случай. Под нажимом «Норс Америкэн авиэйшн компани» комиссия по делам вооружений палаты представителей приняла решение о массовом строительстве бомбардировщиков «Б-70» на сумму не менее 10 млрд. долл., несмотря на утверждения министра обороны США Р. Макнамары, что в таком размахе строительства нет необходимости⁵⁴.

Монополии, выполняющие военные заказы, действуют на американ-

ской политической арене в тесном контакте с Пентагоном. Союз военной промышленности и милитаризма превратился в опасную не только военно-экономическую, но и политическую силу, угрожающую международному миру.

За три дня до своего ухода из Белого дома (17 января 1961 г.) президент Эйзенхауэр, выступая по телевидению с прощальной речью, несмотря на торжественную обстановку, предупредил население США, что американским институтам угрожает растущий военно-промышленный комплекс, распространяющий свое влияние на все стороны жизни народа. «Нынешнее соединение огромных вооруженных сил с громадной военной промышленностью не имеет прецедента в Америке, — заявил тогда Эйзенхауэр. — Его всеобъемлющее влияние — экономическое, политическое, даже духовное — чувствуется в каждом городе, в каждом учреждении штата, в каждом федеральном учреждении»⁵⁵.

21 февраля 1974 г. сенатор У. Проксмайер утверждал в сенате, что 41 военная и промышленная организация оказывает давление на конгресс с целью увеличения ассигнований Пентагону⁵⁶.

Эйзенхауэр, как мы видели, сам находился под влиянием крупнейших монополий и с благоговением относился к их руководителям. Но он видел грозящую опасность, растущую вместе с ростом сил и влияния военно-промышленного комплекса. Экономическая мощь крупнейших корпораций служила основой для установления и укрепления их политической власти в стране. Увеличение экономического господства монополий усиливает их политическое влияние.

В 1972 г. сенатор Эдвард Кеннеди писал, что «слушания в юридической комиссии сената доказали без всякого сомнения, что политика правительства определяется Уолл-стритом»⁵⁷.

Конечно, это положение не следует трактовать шаблонно, не следует полагать, что каждый раз, когда правительство или конгресс принимают важное решение, они непременно заручаются санкцией Уолл-стрита или заранее советуются с руководящими деятелями монополистического капитала, хотя и такие случаи нередко практикуются. Даже такой вышедший из низов президент, как Эйзенхауэр, имел своими близкими, авторитетными и доверительными советниками в Белом доме президентов Стального треста и «Дженерал электрик», председателей правления «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и банка «Чейз Манхэттен». Но и это не всегда обязательно.

Сама партийно-политическая структура США обеспечивает такое положение, при котором правительство и конгресс действуют в угоду интересам крупного капитала. В США с давних времен господствует двухпартийная система. Обе большие партии — республиканцы и демократы — с начала XX в. называются по заслугам «партиями крупного капитала». Известное значение имеет то, что партийные расходы, в частности расходы на проведение национальных выборных кампаний, исчисляемые в наше время сотнями миллионов долларов, при отсутствии в этих партиях членских взносов покрывают в основном крупные богачи. Например, расходы на президентскую кампанию 1968 г. оценивались в 250 млн. долл., а в 1972 г. — в 400 млн.⁵⁸

⁵⁵ «N. Y. Times», 18.I 1961.

⁵⁶ «Congressional Record», 21.II 1974, p. S2049.

⁵⁷ «За рубежом», 1972, 6 октября, с. 14.

⁵⁸ «U.S. News and World Report», 11.XI 1968, p. 52.

В январе 1975 г. вступил в силу закон, ограничивающий расходы каждого кандидата в президенты 20 млн. долл., покрываемых государством. Но остаются

⁵⁰ «Economic Almanac», 1960, p. 191; 1964, p. 228.

⁵¹ «World Almanac», 1975, p. 94; 1977, p. 123.

⁵² «U.S. News and World Report», 29.IX 1975, p. 81.

⁵³ «Congressional Record», 19.VIII 1957, p. A6774.

⁵⁴ «Congressional Record», 5.III 1962, p. 3054; «N. Y. Herald Tribune», 7.III 1962.

Главное же состоит в том, что высокая хозяйственная конъюнктура используется правящей партией, как ее наилучший политический актив. Поскольку хозяйственные высоты, решающие отрасли экономики находятся в руках крупного монополистического капитала, правительство независимо от того, состоит ли оно из республиканцев или демократов, всячески поощряет деятельность ведущих монополий. Оно убеждено, что любая попытка обуздать в какой-то мере вождения заправил монополий означает подрубить тот сук, на котором оно держится. По мере роста мощи и удельного веса крупнейших корпораций в хозяйстве страны обе большие буржуазные партии все энергичнее соревнуются между собой в прислужничестве монополиям.

После второй мировой войны, когда величайшие корпорации ассоциируются с военно-промышленным комплексом, обе партии, особенно правительственная, считают своим долгом всячески поощрять деятельность этого комплекса.

Никогда раньше монополии не чувствовали себя так вольготно, никогда раньше государственный аппарат не поощрял так открыто их экспансии внутри страны и за ее пределами, как после второй мировой войны.

* * *

С конца прошлого века особенно существенные изменения произошли в военном и в международном положении американского государства.

В 1890 г. США с населением в 63 млн. человек, с территорией, превышающей 3 млн. кв. миль, с передовой по тому времени техникой и богатой экономикой мечтали и в осторожной форме претендовали на адекватную политическую роль в мире. Но об этом не кричали. Слишком сильны были изоляционистские традиции, требовавшие невмешательства Америки в политические дела и конфликты Европы. В дальнейшем с появлением и усилением идеологии американского империализма его пионеры стали все громче поговаривать о наступающем «американском веке». Но в столицах великих держав Европы США продолжали рассматривать как провинциальное, второстепенное государство. Не изменили окончательно эти взгляды победа США в войне с Испанией в 1898 г. и участие в подавлении Ихэтуанского восстания в Китае в 1900 г. То же самое можно сказать о неизменности этих взглядов и после итогов внешнеполитической активности правительства Теодора Рузвельта: после захвата Панамы, посредничества в Портсмутском мире, участия в Алхесирасской конференции и отправки в кругосветный рейс американского флота. Великой державой США были признаны лишь в первой мировой войне.

Несмотря на изоляционизм, США отнюдь не отличались миролюбием. За всю свою историю они в среднем воевали раз в четыре года. Только в XX в. они воевали 17 раз. Но после второй войны с Англией в 1812 г. они до 1917 г. не воевали с великими державами.

В конце прошлого века США увеличивали свою внешнеполитическую активность и свои вооруженные силы. В 80-х годах они заменили в военном флоте деревянные корабли стальными. В 1889 г. государственный секретарь США Блэн созвал в Вашингтоне первый панамериканский конгресс. Он проектировал создание под эгидой Вашингтона американ-

ского таможенного союза, который должен был привести к господству США в странах, лежащих к югу от Рио-Гранде. Но все его планы ограничивались пределами Западного полушария.

В 1890 г. во всех федеральных вооруженных силах США числилось 38 тыс. человек, из них 27 тыс. — в армии, 9 тыс. — во флоте и 2 тыс. — в морской пехоте. В дальнейшем, особенно со времени первой мировой войны, США усиливали свой флот и стали одной из трех величайших морских держав. Но их сухопутная армия в мирное время оставалась до второй мировой войны малочисленной, недостаточно обученной и слабовооруженной.

Кто мог в 1890 г. подумать, что пройдет всего немногим более полувека и Соединенные Штаты (вопреки предсказаниям автора известной книги «Американская демократия» Токвилля) станут самой милитаристской страной, а их вооруженные силы — самыми мощными в капиталистическом мире!

В 1970 г. в вооруженных силах США, после того как они были по сравнению с 1968 г. сокращены на полмиллиона человек, числилось около 3 млн. военнослужащих, из них около 1250 тыс. в армии, 750 тыс. в авиации, 650 тыс. во флоте и около 250 тыс. в морской пехоте. Кроме того, в штате вооруженных сил работало около 1300 тыс. гражданских лиц, не считая почти 4 млн. рабочих и служащих, занятых непосредственно на военных предприятиях. В 1970 г. на содержание вооруженных сил США было ассигновано более 80 млрд. долл., что, по официальным статистическим данным Вашингтона, составляло 37,6% военных расходов всех государств мира. На одну зарплату в вооруженных силах США в 1970 г. ушло более 30 млрд. долл., из них 19 млрд. военным и 11 млрд. гражданским лицам⁵⁹.

Какой контраст по сравнению с 1890 г., когда весь федеральный бюджет США равнялся 318 млн. долл., а содержание вооруженных сил стоило 66 600 тыс. долл.! За 80 лет, с 1890 по 1970 г., население США выросло в 3,3 раза, национальное богатство в текущих долларах — в 70 раз, а военные расходы — в 1220 раз. За последние три десятилетия (с 1946 по 1976 г.) США затратили в виде военных расходов около полутора триллионов долларов.

То, что по сравнению с 1890 г. число лиц в военной форме в США увеличилось примерно в 80 раз, а военные расходы — в 1220 раз, объясняется главным образом дорогостоящим современным оружием даже по сравнению с его стоимостью в период второй мировой войны.

Большое значение в росте военных расходов имеют также высокие оклады командного состава вооруженных сил. В 1975 г. годовой оклад (с квартирными и другими прибавками) старшего сержанта равнялся 20 964 долл., майора — 29 188, полковника — 43 305, бригадного генерала — 48 886, а генерал-майора — 54 815 долл.⁶⁰ По мере возрастания стажа службы повышаются оклады. В начале 1974 г. в армии США числилось больше генералов, чем во время второй мировой войны, когда сухопутные вооруженные силы страны насчитывали до 7 млн. человек. В 1977 г. из 113 млрд. долл. военного бюджета США 67 млрд. долл. предполагалось израсходовать на содержание личного состава вооруженных сил⁶¹.

Со времени окончания войны за независимость тринадцати английских колоний в Америке до окончания второй мировой войны США ни-

лазейки для увеличения этой суммы («США. Экономика. Политика. Идеология», 1977, № 4, с. 59).

⁵⁹ «Statistical Abstract of the U.S.», 1974, p. 242, 243, 250.

⁶⁰ «U.S. News and World Report», December 8, 1975, p. 79.

⁶¹ «Fortune», 1976, December, p. 172.

когда ни с кем не состояли в военном союзе. Президент Вильсон в Версале подчеркивал, что США не союзное, а лишь примкнувшее к союзникам государство. Равным образом во время второй мировой войны США официально ни с кем в союзе не состояли.

После второй мировой войны США заключили военные союзы более чем с 40 капиталистическими государствами: в сентябре 1947 г. — с 18 государствами Латинской Америки; в апреле 1949 г. — со странами, входящими в НАТО; в сентябре 1951 г. — с Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС), в сентябре 1954 г. — с государствами, образовавшими СЕАТО. В ноябре 1955 г. по инициативе Вашингтона был создан Багдадский военный пакт, который в июле 1958 г. в связи с революцией в Ираке был переименован в Центральный пакт (СЕНТС). Тогда к нему официально примкнули США. Кроме того, США имеют военный союз с Японией и с гоминдановским правительством на Тайване. Они также взяли на себя военные обязательства в Южной Корее. Такие же обязательства они осуществляли в Южном Вьетнаме, где в 1975 г. их происки позорно провалились вместе с его прогнившим марионеточным режимом.

Фактически независимо от того, заключен ли формально военный союз, или нет, США, приняв в 1947 г. «доктрину Трумэна», взяли на себя обязательства выступать в роли жандарма против любого прогрессивного движения во всем капиталистическом мире, везде поддерживать реакционные силы и режимы. Спустя 25 лет сенатор У. Фулбрайт, обзревая плачевные итоги этой доктрины, писал: «В гораздо большей мере, чем другой фактор, антикоммунизм доктрины Трумэна стал основным, определяющим элементом американской внешней политики со времени второй мировой войны». Политика Вашингтона, заявил член верховного суда Дуглас, «вовлекает США в товарищество с продажными и реакционными режимами». Подобно древнему рабовладельческому Риму США везде помогают имущим, везде выступают во главе антинародных сил.

Соединенные Штаты — республика, рожденная 200 лет тому назад в огне революционной войны, — стали (как писал «Нью-Йорк Таймс мэгэзин» 14 января 1968 г.) контрреволюционной державой. В марте 1967 г. авторитетный американский историк Генри Коммаджер писал: «Конечно, Декларация независимости — гораздо более подрывной документ, чем Коммунистический манифест. Те страстные консерваторы, которые всюду опасаются революции, логически должны начать с изъятия этой декларации из школ и книг»⁶². Недаром председатель Верховного суда США в 1953—1969 гг. Уоррен сомневался в том, чтобы в наше время конгресс смог принять билль прав, вступивший в силу как часть конституции американского государства в 1791 г.⁶³

В начале XIX в. Симон Боливар сказал: «Соединенные Штаты, видимо, предназначены провидением причинять Латинской Америке страдание во имя свободы»⁶⁴. В середине XX в. они явно решили перенести эту свою неблагоприятную миссию на другие континенты. В 1904 г. Теодор Рузвельт толковал «доктрину Монро» таким образом, что она возлагает на США полицейские обязанности в Латинской Америке. Через 43 года Трумэн решил распространить подобные обязанности на многие районы далеко за пределы Западного полушария. Эта доктрина возложила на США функцию международной полицейской силы, самозванного,

⁶² «New York Times Magazine», 12.III 1967, p. 135.

⁶³ Packard W. Naked Society. N. Y., 1964, p. 300.

⁶⁴ Steel R. Pax Americana. N. Y., 1964, p. 182.

по выражению Фулбрайта, «мирового жандарма». Эту свою функцию США выполняли после второй мировой войны в Греции, Иране, Китае, Корее, Индонезии, Гватемале, Ливане, Лаосе, на Кубе, в Конго, в Британской Гвиане, в Доминиканской Республике и во Вьетнаме. «Во Вьетнаме, на Кубе, в Доминиканской Республике, — писал Фулбрайт, — мы шли на интервенцию и превращали эти страны в великие кризисные зоны послевоенной американской внешней политики, снискав Соединенным Штатам репутацию главной империалистической державы в мире»⁶⁵.

Не везде военные или военизированные операции США вытекали из осуществления ими союзных обязательств. Но военные пакты, заключенные Вашингтоном, являются особыми, существенно отличающимися от военных союзов в прочном. Военные союзы, созданные по инициативе и под эгидой Вашингтона, имеют свои объединенные вооруженные силы, свои базы, свое командование и свои штабы. США не только выступали как организатор НАТО и других военных союзов, но и взяли на себя главную роль и основные расходы в этих агрессивных пактах. США содержали в других странах во много раз больше войск, чем все их союзники, вместе взятые.

К началу 1970 г. около 1200 тыс. военнослужащих США находились за границей, из них 545 тыс. — в Юго-Восточной Азии, 252 тыс. — на Дальнем Востоке, 310 тыс. — в Европе, 24 тыс. — в Латинской Америке и 62 тыс. — в других регионах мира. И даже в 1975 г., после того как полумиллионная армия США была выведена из Вьетнама, численность американских гарнизонов за границей все еще превышала 500 тыс. человек. В 1969 г. США тратили на вооруженные силы в 3 раза больше, чем все их союзники вместе. Заатлантическая республика стала арсеналом «холодной войны»⁶⁶.

Воинственный милитаризм США с его небывалыми в мирное время вооруженными силами, с его многочисленными союзами, со всемирной системой военных баз и гарнизонов во всех частях света в атомный век приобретает особую опасность. Опасность увеличивается от того, что параллельно гонке вооружений и наращиванию потенциала страшного по своей разрушительной силе термоядерного оружия наблюдалось изменение соотношения сил между законодательной и исполнительной властью США в вопросе, кровно интересующем весь мир. Дело в том, что по конституции США объявление войны является прерогативой конгресса. Но в 1969 г. председатель комиссии по иностранным делам сената Фулбрайт имел достаточно оснований констатировать, что «власть конгресса в вопросах войны по сути дела сведена к нулю»⁶⁷.

Конгресс фактически смирился с создавшимся положением, хотя в нем иногда раздавались голоса протеста. Правда, после позорного провала интервенции вооруженных сил США во Вьетнаме конгресс, опомнившись, в ряде случаев предпринял попытку сдержать внешнеполитическую инициативу президента. Но всякий понимает, что, если реально станет вопрос о большой войне, угрожающей обменом ядерными ударами, дело может не дойти до созыва конгресса для обсуждения вопроса в сенате и в палате представителей, тем более что в наше время войны начинались в воскресенье, когда большинство членов конгресса находятся

⁶⁵ «За рубежом», 1972, 17 марта, с. 15.

⁶⁶ «U.S. News and World Report», 3.II 1969, p. 29; I 1970, p. 26—27.

⁶⁷ American Militarism 1970. A Dialogue on the Distortion of our National Priorities and the Need over the Defense Establishment. N. Y., 1969, p. 137; «U. S. News and World Report», 16.XII 1974, p. 25.

ние Вашингтона. В роковой момент решающее слово будет принадлежать главнокомандующему вооруженными силами — президенту США. Таким образом, в атомный век президент США оказался облеченным исключительной властью. Его роковой шаг может иметь не только губительные последствия для Соединенных Штатов, но и решить судьбы мира, участь человечества.

Лишение конгресса его самых важных прерогатив подтверждалось неоднократно послевоенными актами президентов: Трумэн приказал в июне 1950 г. вооруженным силам США воевать в Корее; в мае 1959 г. Эйзенхауэр приказал второму флоту начать военные действия, если обострится берлинский кризис; в октябре 1962 г. Кеннеди объявил блокаду Кубы. В апреле 1965 г. по приказу Джонсона вооруженные силы США высадились в Доминиканской Республике. Приведенными примерами не ограничиваются военные акции, совершенные послевоенными президентами США без одобрения и без возражений со стороны конгресса.

В истории США было немало случаев, когда в прошлом президенты ставили конгресс перед свершившимся фактом или создавали такие условия, что конгресс вынужден был санкционировать военные действия. Вызывающее поведение президента США Полка, например, заставило конгресс одобрить войну с Мексикой в 1846 г.; в 1898 г. президент У. Маккинли, вводя конгресс в заблуждение, добился от него согласия на объявление войны Испании. Без согласия конгресса он в 1900 г. отправил американские войска для подавления антиимпериалистического восстания в Китае. Без санкции конгресса по приказу президента Вильсона совершались вторжение американской армии в Мексику в 1916 г. и интервенция в Советскую Россию в 1918 г. Но в прошлом, во-первых, конгресс возражал, когда нарушали его права. Во-вторых, войны не были чреваты столь катастрофическими последствиями, как в наши дни.

Между тем, инсценируя так называемый тонкинский инцидент летом 1964 г., президент Джонсон добился того, что конгресс предоставил ему полномочия на эскалацию войны во Вьетнаме. Впоследствии в американской печати появились документы, разоблачающие «тонкинский инцидент», разыгранный Пентагоном с санкции президента Джонсона.

Коренные изменения, произошедшие в международном и военном положении США, привели к тому, что внешней политике, занимавшей в прошлом второстепенное место в общественной и политической жизни государства, придается после второй мировой войны первенствующее значение. Вудро Вильсон в 1913 г., произнося речь в связи со своим въездом в Белый дом, не промолвил ни одного слова о внешней политике. Франклин Рузвельт в президентской кампании 1936 г. лишь один раз слегка коснулся иностранных дел. Но Джон Кеннеди, вступая в должность президента в 1961 г., посвятил свою программную речь исключительно международным вопросам. А Джеймс Картер, принося 20 января 1977 г. присягу, означавшую начало его президентства, впервые в истории страны сразу же обратился по радио к международной аудитории.

* * *

Изменения в международном и военном положении США оказывали свое воздействие на политические события, развивавшиеся внутри страны, на события, которые в свою очередь поощряли глобальные экспансионистские, агрессивные планы Вашингтона.

После краха интервенции и поражения США в Китае, после потери Соединенными Штатами монополии на атомное оружие в стране появи-

лись «закон Маккарена» и маккартизм. После великих общепризнанных достижений советской науки, советской ракетной техники, после резкого изменения стратегического положения США и провала внешней политики Даллеса в стране появилось множество фашистских организаций и клубов, в том числе американская нацистская партия со свастикой, фюрером и другими атрибутами гитлеризма. В 1962 г. более 70 подобных организаций образовали свой общий национальный комитет.

Подавляющее большинство фашистских организаций малочисленны. Наиболее крупной из них, насчитывающей, по данным, сообщенным в сенате США 29 января 1962 г., более 60 тыс. членов, считается «общество Джона Берча»⁶⁸. Его актив — богатые капиталисты и отставные офицеры. В руководство общества входит немало отставных полковников, генералов и адмиралов. Лидер берчистов Роберт Уэлч утверждал, что его «общество» ведет отчаянную борьбу за спасение Америки от коммунизма. Оно выступает за уход США из ООН, за прекращение оказания помощи иностранным государствам и за разрыв дипломатических отношений с социалистическими странами. Оно борется против прогрессивного подоходного налога и против предоставления гражданских прав неграм. Уэлч называл Франклина Рузвельта «государственным изменником», президента Эйзенхауэра — «послушным орудием коммунизма», генерала Дж. Маршалла — «преданным агентом советского заговора», а Дж. Ф. Даллеса — «коммунистическим агентом»⁶⁹.

В 1976 г. 117 радиостанций транслировали ежедневную программу берчистов, а более 140 газет страны печатали их еженедельную колонку. Берчисты собирались в 1979 г. открыть в Калифорнии свой университет.

Опасность «общества Джона Берча» заключается в том, что его поддерживает и вскармливает крупный американский капитал, военно-промышленный комплекс. Его тайные нити ведут к Национальной ассоциации промышленников (НАП). Эти нити, писал журнал «Нэйшн» 30 июня 1962 г., «тянутся к представителям таких левиафанов промышленности, как «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «Боинг», «Локхид», Стальной трест, «Американский институт железа и стали»⁷⁰.

В то время когда фашистские организации открыто поносят демократию, нарушают конституцию США, когда даже президент Эйзенхауэр перед своим уходом из Белого дома нашел уместным признать и необходимым предупредить население страны, что американским институтам угрожает растущий военно-промышленный комплекс, тот самый комплекс, который выращивает и вскармливает фашистское отребье в штатах, — федеральные и местные власти во многих случаях преследовали прогрессивное движение, выступающее за соблюдение билля о правах, входящего составной частью в конституцию республики. 283 просветительных, профсоюзных и других организаций и общества США, включая Национальный совет американо-советской дружбы и организацию ветеранов бригады имени Авраама Линкольна⁷¹, были объявлены министерством юстиции организациями коммунистического фронта, а Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности увеличила список этих орга-

⁶⁸ Джон Берч — в прошлом баптистский миссионер в Китае. Во второй мировой войне участвовал как капитан американской армии на китайско-бирманско-индийском театре военных действий. Погиб в 1945 г. в возрасте 27 лет. «Общество Джона Берча» объявило его «мучеником» и присвоило его имя своей фашистской организации.

⁶⁹ «Congressional Record», 29.I 1962, p. 292; «Nation», 30.VI 1962, p. 589.

⁷⁰ «Nation», 30.VI 1962, p. 589.

⁷¹ Бригада американцев, сражавшихся в Испании против фашистов в 30-е годы.

низаций до 622⁷². Таким образом, эти организации были подвержены воздействию драконовского «закона Маккарена».

«Закон Маккарена» был направлен не только против коммунистической партии, но и против американского народа. Осуществление этого закона означало замену билля о правах, замену остатков демократических свобод произволом. «Закон Маккарена» требовал регистрации как «агентов иностранного государства» не только коммунистов и не только так называемых организаций коммунистического фронта, но и организаций, в которые «просочились коммунисты». Верховный суд США разъяснил, что, для того чтобы считаться членом коммунистической партии, несбызательно вступление в партию и получение членского билета, достаточно «мыслить коммунистически», что принадлежность к коммунистической партии — это «душевное состояние».

Ясно, что при таком толковании принадлежности к коммунистической партии «закон Маккарена» открывал неограниченные возможности для произвола. Применение этого закона окрыляло и поощряло фашистские организации в стране.

Лишь после 15 лет упорной борьбы прогрессивных сил США против позорного закона высшая судебная инстанция страны отступила. 15 ноября 1965 г. Верховный суд США принял решение, согласно которому требование регистрации в министерстве юстиции коммунистов и членов близких к ним организаций нарушает права, гарантированные конституцией. Еще раньше, 22 июня 1964 г., верховный суд признал неконституционным запрещение выдачи коммунистам заграничных паспортов. Варварский «закон Маккарена» оказался в значительной мере обесврежденным. Наконец, 4 марта 1967 г. апелляционный суд США решил, что положение «закона Маккарена» от 1950 г. противоречат пятому добавлению к конституции, которое предусматривает защиту от самообвинения.

Американский фашизм опирается на закоренелый расизм, особенно в южных штатах. В послевоенные годы, исходя из того что расовая дискриминация в США служит помехой для распространения влияния американского империализма в странах Азии и Африки, верховный суд и конгресс приняли решения, формально направленные против расовой дискриминации. На деле, однако, эти решения не соблюдались, сплошь и рядом нарушались. На помощь расизму приходит фашизм. В середине 60-х годов в штатах Алабама, Флорида, Джорджия, Северная и Южная Каролина, Теннесси, Арканзас, Вирджиния и особенно Миссисипи заметно возродилась деятельность Ку-клукс-клана. На дорогах Юга ночью все чаще появлялись всадники в белых балахонах и пылающие огненные кресты.

Решение о том, что сегрегация в учебных заведениях противоречит конституции, верховный суд США принял в 1954 г. Фактически в 10 южных штатах, наиболее населенных неграми, сегрегация осталась. Интеграция в лучшем случае носит символический характер. На десятом году после постановления верховного суда против сегрегации в Алабаме, где население состояло более чем на 30% из негров, не было ни одной интегрированной школы. То же самое было в Миссисипи, где негры составляли 42,3% населения штата, и в Южной Каролине, где этот процент был равен 34,9. Сегрегация не ограничивается южными штатами и учебными заведениями, а дискриминация негров в США отнюдь не ограничивается сегрегацией.

В 1957 г., когда конгресс принял закон о защите гражданских прав, была создана федеральная комиссия по проверке состояния этих прав. В помощь федеральной комиссии в каждом штате образовался консультативный комитет. В 1961 г. в Вашингтоне был опубликован пятитомный отчет комиссии Соединенных Штатов по гражданским правам. Кроме того, опубликован отдельный том, содержащий краткие отчеты консультативных комитетов штатов федеральной комиссии.

Комиссия установила, что во всех городах США, где сосредоточены значительные контингенты негров, существует жилищная сегрегация. Эта сегрегация наблюдается также в большой мере и по отношению к другим национальным меньшинствам — выходцам из стран Азии и Латинской Америки, итальянцам, грекам и др. Но в наиболее грубой и оскорбительной форме она применяется по отношению к неграм. Не только в южных и в пограничных между Севером и Югом штатах, но и в ряде северных городов существуют негритянские гетто. Негры вынуждены ютиться в перенаселенных кварталах и платить за квартиры гораздо дороже, чем другие граждане США. Отчет комитета штата Огайо, например, показал, что арендная плата за недвижимое имущество для негров по крайней мере в 1,5 раза выше, чем для белых. Ценз 1960 г. показал, что 60% всех негритянских семей живут в домах без водопровода и канализации и без других необходимых удобств⁷³. В некоторых северных городах, например в Дирборне и Оуэссе штата Мичиган, как показал отчет комитета этого штата, неграм вообще было запрещено проживать.

В третьем томе отчета комиссии США по гражданским правам приводятся характерные данные о безработице. В начале 1961 г., когда безработица доходила, по официальным данным, до 8% всей гражданской рабочей силы страны, среди негритянского населения многих промышленных городов она приняла катастрофические размеры. В Кливленде и Сент-Луисе она охватывала 20% всей негритянской рабочей силы, в Экроне — 21, в Вичите штата Канзас — 24, а Канзас-Сити — 25, в Фениксе — 29, в Тулузе (штат Оклахома) — 30, а в Детройте и Луисвилле — 39%. Особенно высок был этот процент в промышленных городах штата Индиана: в Гэри — 40, в Форт-Уэйне — 44, а в Соутз-Бенд — 70. Весной 1969 г., когда безработица по всей стране составляла 3,5% рабочей силы, среди белых этот процент был равен 3,1, а среди цветных — 6,9. В 1970 г. этот процент соответственно составлял 4,5 и 8,2, а в 1975 г. — 7,8 и 13,9. В 1970 г. средний заработок негритянской семьи, по официальным данным, не превышал 61,3% заработка белой семьи, но в 1974 г. этот процент, по тем же данным, снизился до 58,5⁷⁴.

В 1968 и 1970 гг. исполнилось 100 лет со дня вступления в силу соответственно 14-го и 15-го добавлений к конституции США, формально приравнивающих в правах черных к белым. Фактически до сих пор американский негр — далеко не равноправный гражданин. Добавления к конституции постоянно нарушаются, как не соблюдаются и решения верховного суда и конгресса, напоминающие об этих добавлениях. Правда, негритянский народ в США стал другим. Его социальный состав изменился. Его активность выросла. Выросла и его политическая роль в ряде городов и штатов. Но фашиствующий расизм ставит новые препоны борьбе американских негров за их гражданские права, за человеческое достоинство.

⁷² «Правда», 1962, 28 марта.

⁷³ *Humphrey H. The Cause is Mankind. London, 1964, p. 22.*

⁷⁴ *Ibid., p. 22; «U.S. News and World Report», 19.V 1969, p. 109; 11.VIII 1975, p. 27.*

Американские негры несут большие жертвы в неустанной самоотверженной борьбе против расизма.

Американцы, принадлежащие к другим национальным меньшинствам, также далеко не чувствуют себя равноправными гражданами во многих штатах. Всего в США в 1960 г. к национальным меньшинствам относили 50 млн. человек⁷⁵.

В заатлантической демократии давно сложились антидемократические, шовинистические привычки и традиции. После второй мировой войны очередь дошла и до «стопроцентных американцев». Различные федеральные и местные бюро, комиссии и подкомиссии по расследованию, по проверке лояльности, по проверке так называемой антиамериканской деятельности, сопровождающейся припадками антикоммунистической истерии, кошмарами маккартизма и другими разновидностями фашизма, отравляют политическую атмосферу в стране. Организованное повальное недоверие и подозрение создают напряженное, нервное состояние у многих миллионов американцев, независимо от цвета их кожи, даже от их англо-саксонского происхождения, прошлых заслуг и других свойств, высоко котирующихся в Америке.

В 1956 г. 17 млн. американцев состояли на особом учете и находились под подозрением⁷⁶.

Отчет директора Федерального бюро расследований Эдгара Гувера за 1961 г. показал, что в этом году бюро получало в среднем ежедневно 23 тыс. карточек с отпечатками пальцев. В мае 1966 г. вашингтонский журнал сообщил, что число хранящихся в ФБР карточек с отпечатками пальцев американских граждан превышает 167 млн. Это составляло более 80% всего взрослого населения США в возрасте от 21 до 65 лет⁷⁷.

Тень ФБР и Комиссии по проверке лояльности сопровождает каждого государственного служащего. На каждого из них заведено специальное досье. Только одно Федеральное бюро расследований завело досье не менее чем на 8 млн. человек. Досье, заведенные на граждан США Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, образуют колоссальный архив, занимающий 200 обширных комнат⁷⁸.

Под особым подозрением находятся деятели науки. Общеизвестный факт, что от преследования американских ученых сильно пострадала научно-исследовательская работа в США⁷⁹.

«Опасность, — писал известный американский историк Флеминг, — заключается в том, что те, кто приписывает себе право судить о том, кто вреден и что такое стопроцентный американизм, сведут на нет наши свободы и приведут в движение силы, которые уничтожат нас»⁸⁰.

В обширной заатлантической республике, где защитники ее государственного строя кичатся ее конституцией, биллем прав, охраняющими индивидуальные свободы граждан, система слежки и подслушиваний при помощи новейшей электронной техники достигла таких масштабов, вторжение в частную жизнь приняло такие размеры, что права, считавшиеся священными и неприкосновенными, сводятся на нет.

В 1964 г. в Нью-Йорке была опубликована очередная книга Вэнса Паккарда «Обнаженное общество», в которой автор рассказывает, как

граждане США, сами этого не зная, находятся в той или иной мере под наблюдением, живут под надзором. «Во всех главных городах, — пишет Паккард, — правительство имеет номера в гостиницах с подслушивающим оборудованием, вмонтированным в стены. Когда лицо, находящееся под наблюдением, прибывает в такую гостиницу, надлежащие власти следят за тем, чтобы его поместили в надлежащий номер»⁸¹.

Только федеральное правительство содержало в начале 60-х годов более 25 тыс. соглядатаев за частной жизнью населения. Сюда не входит большая армия работников разведки и контрразведки. «Исследователи» ФБР, утверждает Паккард, составляют лишь незначительную часть того числа работников, которое занято «изучением» деятельности и поведения других людей. Сотни тысяч наблюдателей следят за жизнью граждан США по заданию частных лиц, корпораций, муниципалитетов, властей графств и штатов⁸².

В качестве примера Паккард приводит одну такую частную фирму в Атланте, имеющую постоянный штат служащих в 6 тыс. человек, содержащую 1500 контор по всей стране и в Канаде, а также представительства в Мексике и в Европе. Эта фирма, готовая в любое время доставлять нужные сведения о гражданах США, обслуживает 38 тыс. клиентов, среди которых числятся многие крупнейшие в мире компании. Она имеет досье более чем на 42 млн. человек. Другие фирмы, связанные с «исследованием» кредитоспособности населения, обладают досье более чем на 100 млн. человек⁸³.

В начале 60-х годов в США оперировали не менее 30 компаний, занимавшихся производством электронного оборудования для подслушивания разговоров. Эти компании, писал Паккард, «умеют теперь изготавливать микрофоны и радиопередатчики столь малых размеров, какие только мыслимо желать. Существует радиопередатчик, который можно вмонтировать в тубик от губной помады или в толстую ручку, или замаскировать под вид куска сахара. Микрофоны размером менее 25-центовой монеты изготавливаются и широко используются»⁸⁴. Удобным местом для прикрепления миниатюрных радиопередатчиков считается телефон: «При так называемой трехканальной установке передатчик дает возможность подслушивать не только телефонные разговоры, но и то, о чем говорится в комнате, когда не используется телефон». «За средним американцем, — писал известный нью-йоркский журнал, — тянутся, как змеи, перфоленты в течение всей его жизни»⁸⁵.

Член верховного суда США Дуглас, наблюдая, как нарушаются индивидуальные свободы и как билль прав, гарантирующий эти свободы, предан забвению, констатировал, что «священный билль не соблюдается и что скривали, на которых высечены декларированные им права, разбиты»⁸⁶.

«Закон Маккарена» предусматривал строительство концентрационных лагерей в США для лиц, которые не совершали никаких преступлений, но которые в определенных условиях могут оказаться, по мнению соответствующих органов, нежелательными и поэтому должны быть подвергнуты превентивной изоляции. Вскоре после принятия «закона Мак-

⁷⁵ Packard V. The Status Seekers. London, 1960, p. 47.

⁷⁶ Congressional Record», 12.II 1962, p. 1998; «U.S. News and World Report», 16.V 1966, p. 57.

⁷⁷ Fleming D. The Cold War and its Origin, v. 2. London, 1964, p. 1069.

⁷⁸ Ibid., p. 1067—1068.

⁷⁹ Ibid., p. 1057—1058.

⁸⁰ Ibid., p. 1066.

⁸¹ Packard V. The Naked Society, p. 9.

⁸² Ibid., p. 5—6.

⁸³ Ibid., p. 6—9.

⁸⁴ Ibid., p. 33.

⁸⁵ «Newsweek», 27.VII 1970, p. 29.

⁸⁶ Packard V. Op. cit., p. 300.

каропа» концентрационные лагеря, рассчитанные на большое число заключенных, были подготовлены в Аризоне, Оклахоме, Калифорнии и в других штатах⁸⁷.

Конечно, Соединенные Штаты Америки — не Германия Гитлера и не Италия Муссолини. В США имеются прогрессивные силы, которые способны преградить путь фашистским поползновениям. Однако то, что американские монополии, их стратеги и политики претендуют после второй мировой войны на особую антикоммунистическую миссию, на роль международной охраны и международного жандарма в деле защиты капитализма, а также то, что во многих штатах страны существуют глубокие, вековые корни расизма, создает почву, которая может оказаться благодатной для обильных фашистских всходов.

* * *

Новое положение США в мире, роль мировой державы, роль хранителя капитализма на Земном шаре, сопровождаемая заносчивым, беспартийным милитаризмом, обходится Америке довольно дорого. Белый дом и Капитолий позволяют себе такую «роскошь», ибо США богаты. Если даже вычесть многие миллиарды, которые Вашингтон ежегодно бросает на ветер в виде военных расходов, в виде расходов на дорогостоящее вооружение, быстро устаревающее, национальный доход США намного превышает национальный доход любого другого государства.

Но рационально ли они тратят создаваемую народом обильную продукцию? Приносит ли это Америке богатство, радость и счастье?

Более двух десятков лет тому назад, 19 марта 1954 г., Уолтер Липпман, выступая в Сан-Франциско, утверждал: «Мы живем в век беспорядков и переворотов. Хотя Соединенные Штаты стали могущественными и богатыми, мы глубоко сознаем, что в то же время мы не защищены и встревожены. Наш народ обладает обилием материальных ценностей, таким, какого ни одно большое человеческое общество никогда не знало. Но наш народ не счастлив в своем положении и не уверен в своем будущем»⁸⁸. Претензии на руководство миром, на роль хранителя капитализма во всемирном масштабе на Земном шаре никак не осчастливили народ Соединенных Штатов Америки.

С середины 60-х годов в стране наблюдается атмосфера недовольства, разочарования и беспокойства. Многолетняя бесперспективная «грязная война» во Вьетнаме дискредитировала правительство Джонсона, расколола американское общество эскалацией войны в Индокитае против народов, отвергающих порядки, навязываемые Вашингтоном.

«Потерпела крах самая крупная после второй мировой войны попытка империализма вооруженной рукой расправиться с социалистическим государством и раздавить национально-освободительную революцию, — отмечал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXV съезде. — Героизм и самоотверженность вьетнамского народа, соединенные с решительной поддержкой его странами социализма и прогрессивной общественностью всего мира, оказались сильнее армий интервентов и их пособников. Дело свободы и независимости победило»⁸⁹.

Расходы на войну во Вьетнаме, превысив 30 млрд. долл. в год, повлекли за собой увеличение налогов. Одни только федеральные налоги, не счи-

тая налоги штатов и муниципалитетов, отнимали у большинства рабочих пятую часть их заработной платы.

Война во Вьетнаме действовала как катализатор, ускоривший и усиливший брожение, охватившее молодое поколение в США, как и в других капиталистических странах. Недовольная молодежь, среди которой активную роль играет студенчество, восстает против существующих порядков, против истеблишмента. Американский негр, доведенный до отчаяния, вышел с оружием в руках на улицу.

В США заговорили, что «великое общество», провозглашенное правительством Джонсона, на деле является «большим обществом», что Соединенные Штаты сотрясает социальный, политический и моральный кризис. К 1970 г. студенческие волнения приняли такие размеры, что президент США Никсон создал специальную комиссию во главе с бывшим губернатором Пенсильвании Скрэнтоном для выяснения причин бунтов в студенческих городках. Комиссия констатировала возникновение «кризиса взаимопонимания», вытекающего прежде всего из того, что протестующая молодежь рассматривает войну США во Вьетнаме как выражение морального кризиса американского государства. Профессор Колумбийского университета Хофштадтер утверждал в 1970 г., что «кризис подрывал уверенность молодежи в жизненных целях». То же самое писал в 1969 г. профессор Гарвардского университета лауреат Нобелевской премии Джордж Уолд. Констатируя, что «нынешнее поколение студентов охвачено глубоким беспокойством», он пришел к такому заключению: «Все дело в том, что они представляют поколение, которое совсем не уверено, есть ли у него будущее».

В 1969 г. бывший советник президента Кеннеди Артур Шлезингер младший опубликовал книгу под названием «Кризис доверия». В главе «Большое общество» он писал: «Не подлежит сомнению, что многие во всем мире смотрят на современную Америку с дурным предчувствием и ужасом... Мы вряд ли можем сомневаться в том, что большая часть человечества смотрит на нас со страхом, потому что в этом десятилетии мы позволили убийству стать важным оружием внутренней политики. Мы стали страшным государством, потому что в течение трех лет мы разрушаем малую страну по ту сторону Земного шара в войне, не имеющей соответствующего отношения к нашей безопасности или к нашим национальным интересам... Америка не только поражает большую часть мира как отталкивающее общество. Хуже того, она поражает многих наших сыновей и дочерей таким же образом»^{89а}.

Л. И. Брежнев в речи, произнесенной им 3 июля 1968 г., отмечая «крах попытки американских лидеров построить в США так называемое «великое общество», с полным основанием отметил: «Государство, которое возвело насилие и террор в основной принцип политики, расплачивается за это жизнью своих политических деятелей. Убийство одного из руководителей борьбы американских негров за свои права — Мартина Лютера Кинга, убийство сенатора-демократа Роберта Кеннеди, выступившего против войны во Вьетнаме, — это позор современной Америки — Америки монополий. Общественный и политический строй, который порождает политический бандитизм, вызывает презрение и отвращение во всем мире.

«Гниющее общество», «деградирующее общество», «разлагающееся общество» — так именуют современные Соединенные Штаты даже те, кто недавно восхвалял американский образ жизни»⁹⁰.

⁸⁷ «Worker», 13.V 1962; 20.XI 1966.

⁸⁸ Rossiter C., Zare J. The Essential Lippman, p. 30—31, N. Y., 1965.

⁸⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5. М., 1976, с. 454.

^{89а} Schlesinger A. The Crisis of Confidence. Boston, 1969, p. 5—7.

⁹⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. II. М., Госполитиздат, 1970, с. 254.

За четыре года (1964—1968 гг.) движения молодежи, особенно негритянской, в США убит 141, ранено около 4600 и около 20 тыс. человек арестовано. Кровь лилась на улицах Детройта, Кливленда, Лос-Анджелеса, Ньюарка, Нью-Йорка, Вашингтона и других крупных городов. Только за один 1967 г. бунты вспыхнули в 31 городе, 86 человек было убито, свыше 2 тыс. ранено и более 11 тыс. арестовано⁹¹.

Массовое движение студентов против истеблишмента приняло характер открытого вызова всей политической системе США. В 1969 г. только за одну неделю студенческие волнения охватили около 200 высших учебных заведений. Движение коснулось крупнейших университетов — Гарвардского, Колумбийского, Стэнфордского и др. 4 мая 1970 г. отряд национальной гвардии убил четырех и ранил одиннадцать студентов в Кентском университете (штат Огайо). Более 400 высших учебных заведений ответили общестуденческой забастовкой. Массовый антивоенный поход направился на Вашингтон. Только за три дня, с 3 по 5 мая 1971 г., при разгоне 50 тыс. юношей и девушек, прибывших в Вашингтон из различных штатов протестовать против войны во Вьетнаме, было арестовано свыше 13 тыс. демонстрантов⁹².

Моральный кризис, кризис истеблишмента подтвердили скандалы, происходившие на самой вершине государственного механизма США. Из-за обнаруженных махинаций вынужден был уйти в 1973 г. с поста вице-президента С. Агню. А в 1974 г. «уотергейтский скандал»⁹³ заставил президента Никсона с позором уйти из Белого дома. Сменивший его Джералд Форд, выступая в ходе избирательной кампании в штате Вирджиния, подчеркнул, что государственная система США «осквернена и обесчещена как в Белом доме, так и в коридорах конгресса»⁹⁴.

«Кризис доверия», моральный кризис в США также проявляется в необычайном росте преступности. По количеству преступлений США далеко опередили другие страны капитализма.

В начале XX в. число убийств в США на каждые 100 тыс. жителей было в 2 раза больше, чем в Италии, в 9 раз больше, чем в Англии, в 36 раз больше, чем в Швейцарии⁹⁵. С 1900 г. до конца 60-х годов в США было убито огнестрельным оружием около 750 тыс. человек. Эта цифра превышает более чем в 2 раза число американцев, убитых в двух мировых войнах. В 1971 г. на каждые 100 тыс. жителей США пришлось 8,5 убийства. Это в 15 раз больше, чем в Австралии; в 27 раз больше, чем в Новой Зеландии; в 28 раз больше, чем во Франции; в 45 раз больше, чем в Швейцарии; в 106 раз больше, чем в Нидерландах; в 425 раз больше, чем в Японии. За один 1967 г. от огнестрельного оружия погибло 18 тыс. человек. В 1971 г. число убитых в США, хотя и несколько уменьшилось, составило, по официальной статистике, 17 580⁹⁶.

⁹¹ Information Please Almanac, 1968, p. 52, 60.

⁹² «World Almanac», 1971, p. 925.

⁹³ Уотергейт — здание, в котором находилась вашингтонская штаб-квартира демократов во время президентских выборов 1972 г. Скандал вызвало тайное проникновение в это здание агентов республиканской партии с целью установки там замаскированных подслушивающих устройств.

⁹⁴ За 1969—1976 гг. 2 сенатора и 13 членов палаты представителей конгресса США были приговорены к денежному штрафу или к заключению (или к тому и другому одновременно) за коррупцию, увиливание от уплаты налогов или другие виды мошенничества. Так, конгрессмен И. Халей от штата Пенсильвания был приговорен к штрафу в 11 тыс. долл., а конгрессмен от штата Нью-Йорк Ф. Хастингс — к пяти годам заключения.

⁹⁵ Лан В. И. США: от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 239.

⁹⁶ «Congressional Record», 23.VI 1975, p. E3418; «Statistical Abstract», 1973, p. 61.

Рекорды бандитизма имеют известное объяснение в истории страны. В многомиллионной вековой эмиграции из Европы в Америку выделялись два потока. К первому потоку относились пуритане и различные сектанты, трудолюбивые малоземельные или безземельные крестьяне, рабочие и другие слои населения, искавшие в Новом Свете не только улучшения своего материального положения, но и избавления от религиозных и политических преследований. Ко второму потоку относились рабовладельцы и работорговцы, золотоискатели и другие охотники до легкой наживы, пираты, убийцы, банкроты, аферисты, шулеры, взяточники, воры, взломщики, фальшивомонетчики и другие отбросы общества, бежавшие от уголовного преследования в Америку.

Учитывая при этом, что в конституции США зафиксировано, что «право народа на хранение и ношение оружия не будет ограничиваться», что в 1975 г. около 115 млн. пистолетов и ружей находилось в частных руках, не приходится удивляться тому, что в Америке наряду с другими высокими показателями гангстеры давно претендуют на мировой рекорд. Но в последние годы рост бандитизма в США превышает даже американские темпы.

За один 1975 г. в США, согласно официальным данным, было совершено 11,3 млн. серьезных преступлений. За 15 лет (с 1960 до 1975) число серьезных преступлений выросло с 3364 тыс. до 10 253 тыс. — более чем в 3 раза, что превышало в 12 раз темпы роста населения за эти годы. По сравнению с 1960 г. в 1975 г. количество убийств возросло на 125%, изнасилований — на 226%, грабежей — на 331%, угона машин — на 205%. Как подсчитали американские математики, число убийств в городах США возрастает так быстро, что «у каждого парня, родившегося в 1974 г. в одном из американских городов, больше шансов быть убитым в своем городе, чем их было у американского солдата, участвовавшего в сражениях второй мировой войны»⁹⁷.

8 апреля 1974 г. журнал «Юнайтед Стэйтс Ньюс энд Уорлд Репорт» привел данные другого федерального ведомства («Вспомогательной администрации по соблюдению законов»), утверждавшего, что данные ФБР сильно занижены, что в восьми городах США, например, преступлений было в 2 раза больше, чем указывало ФБР.

1 августа 1975 г. сенатор Хэмфри опубликовал в органе конгресса данные, свидетельствующие, что за один год (с декабря 1971 до декабря 1972 г.) по всей стране каждый пятый американец оказался жертвой различного рода преступлений, а в главных городах — каждый третий житель⁹⁸.

Особенно растет преступность в больших городах. За пять лет (1970—1975 гг.) количество серьезных преступлений увеличилось в Бостоне на 72%, в Цинциннати и Атланте — на 77, в Филадельфии — на 79, в Чикаго — на 90, в Омахе — на 101, в Толедо — на 121, в Мемфисе — на 132, в Оклахоме — на 141, в Эл-Пасо — на 157, в Фениксе — на 162, в Гонолулу — на 172, в Остине — на 182, а в Туксоне — на 235%⁹⁹.

Как признают сами американцы, в крупных городах США улицы уже с вечера стали для их жителей особо опасными. А Шлезингер в упомянутой книге «Кризис доверия», в главе «Насилие, как американский образ жизни» писал: «Тридцать лет тому назад с миллионами разгневанных американцев без работы можно было спокойно ночью ходить по улице, на которой стало опасно ходить теперь в изобильной Аме-

⁹⁷ «U.S. News and World Report», Dec. 16, 1974, p. 30; August 4, 1975, p. 11; Sept. 29, 1975, p. 19; «Statistical Abstract», 1976, p. 153.

⁹⁸ «Congressional Record», 1.VIII 1975, p. S45035.

⁹⁹ «U.S. News and World Report», 5.IV 1976, p. 51.

рике... Конечно, мы не можем дальше уклоняться от того факта, что насилие становится центральным фактором в американском общественном процессе»¹⁰⁰.

«Рост насильственных преступлений», — писал журнал «Юнайтед Стэйтс Ньюс энд Уорлд Репорт» 8 февраля 1965 г., — является одной из самых серьезных проблем города Нью-Йорка. Несмотря на полицейскую силу почти в 27 тыс. человек, целые районы охвачены страхом. Что больше всего беспокоит граждан — это увеличение жестоких преступлений, совершаемых в домах: убийства, изнасилования, грабежи и ужасные нападения в квартирах».

Тремя годами раньше, 21 мая 1962 г., этот же журнал, говоря о падении морали в Америке, писал: «Во многих городах преступления на улицах достигли размеров, вызывающих тревогу. В Вашингтоне, например, женщины часто боятся выходить на улицу после наступления темноты даже в богатых кварталах. Во всей стране в 1961 г. по крайней мере одно серьезное преступление — от кражи автомобиля до убийства включительно — совершалось каждые 15 секунд. Число правонарушений подростков продолжает расти. С 1950 по 1960 г. число арестованных подростков больше чем удвоилось... Работники просвещения утверждают, что мошенничества в школах достигают ужасающих размеров. В одной средней школе в городе Нью-Йорке половина учащихся мошенничали на экзаменах». С 1960 по 1974 г. число арестованных подростков увеличилось, по данным ФБР, почти в 2,5 раза¹⁰¹.

8 марта 1965 г. президент Джонсон отправил конгрессу тревожное послание в связи с катастрофическим ростом преступности в стране. Касаясь причин, вызвавших это послание, цитируемый журнал писал 22 марта: «Преступность развилась дикая бег... Улицы городов превратились в джунгли... Убийцы, насильники, бандиты, грабители разгуливают в городах и пригородах».

9 февраля 1976 г. журнал «Юнайтед Стэйтс Ньюс энд Уорлд Репорт», ссылаясь на официальные подсчеты, писал, что если в 1970 г. преступления обходились стране в 51 млрд. долл., то в 1975 г. эта сумма достигла 97 млрд. долл.

Огромные расходы на борьбу с преступлениями, как свидетельствует послание президента США, отнюдь не смягчили остроты проблемы. 10 августа 1975 г. газета «Нью-Йорк таймс», говоря о настроениях американского народа, писала: «Начиная с 1960 г. страна прошла через убийства, пожары в городах... Она прошла через затянувшийся процесс изгнания главы государства, оказавшегося бессовестным лгуном... Прибавьте к этому войну во Вьетнаме — ее жестокость, стоимость, связанные с нею позор, тупое упорство в безумии, ее плачевный конец и паническую эвакуацию (американцев и марионеток.— В. Л.)... И если бы после всего этого американский народ не оказался бы в столь дурном настроении, то следовало бы полагать, что он находится в наркотическом состоянии».

Американцы, ищущие причины морального кризиса, признают, что государство, двухпартийная система, общество, школа, церковь, суд устарели, что семья неустойчива, что около одной трети всех браков завершаются разводами, что профессия непрочна.

В США пытаются все это объяснить ураганным натиском научно-технической революции, подтачивающим, расшатывающим и подрывающим традиционные политические и общественные институты, весь сложившийся истэблишмент. В действительности же научно-техническая революция, сопровождаемая милитаризацией экономики и науки, воинственными доктринами и программами, лишь обнажила, ускорила процесс, давно зреющий и в капиталистических Соединенных Штатах.

Социальный и моральный кризис, о котором столь много говорят и пишут в последние годы в США, — кризис не американского народа, а его

истэблишмента, так называемого американского образа жизни, который привел к всевластию и разгулу монополий, к роскоши 100 тыс. миллионеров и жалкому существованию десятков миллионов бедных, трате в год не менее 3 млрд. долл. к хранению в ФБР отпечатков пальцев более 80% взрослого населения США, к специальным досье на десятки миллионов жителей страны, к надзору над средним американцем и к подслушиванию его разговоров при помощи новейшей электронной техники. Этот же кризис привел к позорной, грязной войне во Вьетнаме и к антиамериканизму в мире, наконец, привел к тому, что за 30 лет со времени окончания второй мировой войны США израсходовали на вооруженные силы почти в 10 раз больше, чем на нужды образования, здравоохранения, социального обеспечения, жилищное строительство и благоустройство.

Пробуждающиеся миллионы белых и черных американцев выступают с протестом против милитаризма, необузданного произвола военно-промышленного комплекса, против расизма, репрессий, бедности, инфляции и безработицы.

* * *

«Кризис доверия», моральный кризис усугубляется ненадежной, нездоровой экономикой.

Верно, за 25 лет (1950—1975 гг.) промышленное производство США увеличилось на 150%. 60-е годы показали экономический рост, сравнимый почти с самыми высокими темпами в истории США. Однако следует учесть и то, что этот рост связан не только с использованием достижений научно-технической революции, но и с искусственным поддержанием высокой хозяйственной конъюнктуры. И тем не менее по сравнению с социалистическими государствами экономический рост США выглядит не столь значительным. Если взять уровень промышленной продукции 1950 г. за 100, то в 1971 г. в странах социализма он равнялся 780, а в США — лишь 240. Но и этот рост, составлявший менее одной трети роста промышленного производства социалистических государств, происходил в США на нездоровой финансовой основе¹⁰².

Со времени окончания второй мировой войны товарные цены в США систематически и неуклонно ползут в гору. В Вашингтоне, как уже отмечалось выше, этот процесс назвали «ползучей» инфляцией.

Лауреат Нобелевской премии профессор П. Самуэлсон, считающийся одним из самых авторитетных экономистов буржуазной Америки, доказывал, что умеренная инфляция, вызывающая рост цен менее чем на 5% в год, не должна вызывать большого беспокойства¹⁰³. Но в дальнейшем он неоднократно сокращал этот процент и довел его в середине 60-х годов до 2. Тогда же министр труда США У. Уирц утверждал, что увеличение товарных цен на 2—3% в год не является инфляцией, а представляет «неизбежные болезни роста». Но «болезнь», став хронической, приняла прогрессирующий характер, вышла далеко за пределы, указанные Самуэлсоном и Уирцем, вышла за рамки «ползучей инфляции». В 1950 г. индекс потребительских цен в США вырос на 1%, в 1960 г. — на 1,6, в 1965 г. — на 1,7, в 1970 г. — на 6, а в 1974 г. — на 12%¹⁰⁴.

Что бы ни говорили министры и буржуазные экономисты, с начала второй мировой войны, с 1939 по 1975 г., потребительские цены в США

¹⁰² «Коммунист», 1972, № 10, с. 102.

¹⁰³ «Commerce», Annual Number, December 1966, p. 32.

¹⁰⁴ «N. Y. Times», 26.XII 1976; «Economic Report of the President», 1976, p. 220.

¹⁰⁰ Schlesinger A. The Crisis of Confidence, p. 2—3.

¹⁰¹ «U.S. News and World Report», Dec. 16, 1974, p. 33.

выросли в 3,3 раза. Только за пять лет (1970—1975 гг.) квартирная плата возросла в США на 30%, электричество и газ стали дороже на 45%, медицинское обслуживание — на 50%, продовольствие — на 60%, а всего стоимость жизни — на 40. За десять лет (1967—1977 гг.) стоимость жизни в США увеличилась на 77%¹⁰⁵. В 1939 г. индекс потребительских цен (1967 г. = 100) равнялся 41,6, а в декабре 1975 г. — 166,3. Это означает, что в указанное время в 4 раза уменьшилась покупательная способность доллара. По сравнению с началом президентства Франклина Рузвельта покупательная способность доллара к осени 1975 г. упала более чем в 4 раза. Если принять стоимость доллара в марте 1933 г. за 100, то в октябре 1975 г. она равнялась 23¹⁰⁶.

Падение покупательной способности доллара вызывает неуверенность и недовольство прежде всего внутри страны. Широкие слои населения, живущие на фиксированном доходе, особенно пенсионеры, чувствуют, как их доход постоянно уменьшается, а сбережения обесцениваются. Недоверие к доллару, страх перед перспективой дальнейшего роста цен вызывает ненормальный, нездоровый спрос на товары, на акции. Недовольство инфляцией заставляет обе партии крупного капитала давать на выборах обещания о приостановке роста цен. Правительство Никсона, придя к власти в начале 1969 г., даже пробовало что-то сделать в этом отношении, принимать кое-какие антиинфляционные мероприятия. В 1969/70 бюджетном году дефицит составил 3236 млн. долл. по сравнению с 25 млрд. в 1968 г. Но опыт Никсона сразу обнаружил, что высокая хозяйственная конъюнктура предыдущих лет покоилась в большей мере на инфляции. В конце 1969 г. рост производства в США сменился застоем и падением, продолжавшимся около двух лет.

К президентской кампании 1972 г. правительство старалось всеми мерами поднять хозяйственную конъюнктуру. Но для этого приходилось мириться с огромным бюджетным дефицитом, дошедшим в 1976 г. до 76 млрд. долл. Колоссальный дефицит покрывается адекватным увеличением государственного долга, вызывающим прямой или косвенный рост средств обращения в стране, что в свою очередь обостряет инфляцию в стране.

Количество средств обращения в США (деньги и депозиты до востребования) особенно увеличилось в 60-х годах и в первой половине 70-х годов, составив (в млрд. долл.): в 1950 г. — 116, в 1960 г. — 144, в 1970 г. — 221, а в 1975 г. дошло до 296 млрд. долл.¹⁰⁷

Инфляционные доллары циркулируют не только внутри страны, но и за границей, а там они вызывают весьма нежелательные последствия.

Валютная система, функционирующая в капиталистическом мире со времени окончания второй мировой войны, основывалась на соглашениях, заключенном на конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 г. Участники конференции согласились признать доллар всеобщим эквивалентом. Они объявили, что «доллар так же хорош, как золото».

К концу второй мировой войны США находились в особом положении. Они оказались единственной великой державой, хозяйство которой не только совершенно не пострадало от военных разрушений; но еще имело исключительно благоприятные условия для своего роста. Экономически и политически они считались неоспоримым лидером капиталистического мира.

До второй мировой войны, в 1938 г., доля США в промышленном производстве капиталистического мира составляла 36%. В 1948 г. этот процент оценивался в 55. В том году Соединенным Штатам принадлежала одна треть экспорта и почти три четверти золотого запаса капиталистического мира¹⁰⁸.

Капиталистические страны Европы, экономика которых была в большой мере разрушена войной, зависели от американской помощи, преклонялись перед «планом Маршалла». В этих условиях почти весь капиталистический мир мирился с решением в Бреттон-Вудсе о создании Международного валютного фонда (МВФ), который приравнял доллар к золоту и в основном заменил золото долларами в международных расчетах. Устав МВФ зафиксировал курс доллара таким, каким он был установлен в 1934 г.: 35 долларов за унцию золота, несмотря на то что с тех пор из-за роста товарных цен реальная стоимость доллара резко снизилась.

В течение четверти века США злоупотребляли преимуществом, полученным ими в Бреттон-Вудсе. При свободном обмене бумажных денег на золото количество долларов в обращении автоматически лимитируется. Когда такого обмена нет, нет и этого лимита, открывается возможность для инфляции. Правительство США долго пользовалось этой возможностью для накачивания и поддержания хозяйственной конъюнктуры внутри страны, для осуществления колоссального военного бюджета и для связанных с военно-политическими соображениями больших расходов за границей (содержание многочисленных гарнизонов и баз на чужих территориях, предоставление иностранным государствам военной и прочей «помощи» для проведения политики «с позиции силы», политики «холодной войны»). При золотом обращении США не могли бы ни внутри страны, ни за ее пределами производить эти расходы в тех колоссальных размерах, в каких они осуществляются со времени окончания второй мировой войны.

После второй мировой войны США проявляли небывалую активность, производили колоссальные расходы за границей. Экономическая и военная помощь иностранным государствам составляла в 1946—1975 гг., по официальным данным, сумму 183 млрд. долл., из них военная помощь равнялась 73 млрд. долл. Сюда не входят расходы на войны, которые в эти годы вели вооруженные силы США. Только прямые расходы на войну во Вьетнаме оценивались официально в 128 млрд. долл.¹⁰⁹

Не только расходы на финансирование НАТО и других военных союзов, на проведение интервенций в Китай, Корею, Вьетнам и другие военные авантюры, но и ассигнования на проведение «плана Маршалла», «4-го пункта», «доктрины Трумэна» и других мероприятий по оказанию финансовой помощи иностранным государствам определялись главным образом политическими соображениями, сводившимися к спасению и укреплению под эгидой доллара позиций капитализма в ряде стран.

За исключением короткого периода, связанного с суэцким кризисом, США на всем протяжении 50-х годов имели пассивный платежный баланс, несмотря на то что актив их торгового баланса официально составлял в течение этого десятилетия в среднем 3,3 млрд. долл. в год. За 10 лет, с 1951 по 1960 г., пассив США в их расчетах с другими государствами превысил 18 млрд. долл. В 60-х годах пассив платежного баланса США превысил более чем в полтора раза пассив 50-х годов. В 1970 г. платеж-

¹⁰⁵ «U.S. News and World Report», 4.IV 1977, p. 23.

¹⁰⁶ «Congressional Record», 7.X 1975, p. E5267.

¹⁰⁷ «Economic Report of the President», 1971, p. 258; 1976, p. 231.

¹⁰⁸ «МЭиМО», 1972, № 8. Приложение, с. 66.

¹⁰⁹ «Statistical Abstract of the U.S.», 1973, p. 258; 1976, p. 835.

ный баланс США, составленный на основе официальных расчетов с центральными банками иностранных государств, показал дефицит 9,8 млрд. долл., а в 1971 г. — почти 30 млрд.¹¹⁰

Подобно бюджетному дефициту дефицит платежного баланса покрывается в значительной мере инфляционными долларами, пользовавшимися за границей привилегией международной валюты, приравненной на конференции в Бреттон-Вудсе к золоту, либо соответствующими долларовыми обязательствами.

Однако международное обращение доллара отличается от денежного обращения внутри страны. Иностранные центральные банки имели право потребовать обмена долларов на золото. Это право Вашингтон вынужден был долго признавать ради поддержания репутации доллара как международной резервной валюты капиталистического мира, что имеет для США не только финансово-экономическое, но и большое политическое и в особенности военно-политическое значение. Без доверия к доллару как к прочному эквиваленту на мировом рынке Вашингтон не мог бы использовать расчеты в долларах для своих колоссальных расходов, производимых Соединенными Штатами за границей в их военно-политических интересах.

Нелегко правительству США удавалось договориться с иностранными центральными банками в моменты их усиленных «набегов» на доллар. Но, когда в стране усиливается инфляция и растет пассив платежного баланса, то вместе с этим усиливаются сомнения в прочности доллара, а следовательно, и желание обменять краткосрочные обязательства США на золото.

Трудности соглашения с этими иностранными центральными банками капиталистических стран увеличивались, поскольку объем краткосрочных обязательств ежегодно возрастал, а золота в федеральном казначействе становилось все меньше и меньше. С 1948 по 1972 г. золотой запас США сократился с 25 млрд. до 10 млрд. долл.

В 1948 г. им принадлежало 74% золотых запасов капиталистического мира, а в 1971 г. — менее 25%. За это время их доля в промышленном производстве капиталистического мира сократилась с 55 до 39%, а в экспорте — с 33 до 15%. К тому же резко ухудшился торговый баланс США. В то же время в связи с восстановлением промышленности на новейшей технической базе в странах Западной Европы и Японии сильно изменилась структура американского импорта. В 1946 г. в общем импорте США сырые материалы составляли 53%, а предметы обрабатывающей промышленности — 28%. К 1967 г. доля сырья в этом импорте сократилась до 19%, а доля продукции обрабатывающей промышленности поднялась до 58%. Одновременно США отставали от конкурентов и в промышленном экспорте. В 1960—1970 гг. экспорт продукции обрабатывающей промышленности Франции вырос на 165%, ФРГ — на 200, Канады — на 285, Японии — на 400, а США — лишь на 110%¹¹¹.

Между тем количество так называемых евродолларов в иностранных центральных банках росло. К 1972 г. более половины резервов центральных банков стран Западной Европы составляли доллары. В европейских странах началось «бегство» от доллара. Так, лишь за один месяц 1971 г. их центральные банки предъявили к обмену 7 млрд. долл., что привело к самому большому валютному кризису в капиталистическом мире за послевоенный период.

Правительство США вынуждено было согласиться на девальвацию доллара и полностью приостановить в августе 1971 г. обмен доллара на золото. Через год, в августе 1972 г., в Париже и Лондоне за унцию золота платили 70 долл. при следующем официальном курсе (в долл.): до декабря 1971 г. — 35, с декабря 1971 г. — 38, а с весны 1973 г. — 42,22. К середине 1974 г. унция золота оценивалась в Лондоне в 160 долл., а в конце того же года ее цена доходила до 200 долл.¹¹² Пассив платежного баланса (хотя несколько и сократился по сравнению с 1971 г.) составил 10,3 млрд. долл. в 1972 г., 5,3 млрд. — в 1973 г. и 8 млрд. — в 1974 г.¹¹³

Валютные кризисы в капиталистическом мире происходили и прежде. В начале 30-х годов паника на валютных биржах обострила мировой экономический кризис. В середине 70-х годов валютная анархия также содействовала углублению экономического кризиса в капиталистическом мире. Падение же производства в 1973—1975 гг., сопровождавшееся большим ростом безработицы в США и загрузкой промышленности лишь на 2/3 ее мощности, вылилось в самый тяжелый экономический кризис, который страна переживала после 30-х годов. В течение 40 лет в руководящих кругах США рассматривали инфляцию как панацею против циклического кризиса. В итоге оказалось и то, и другое: и инфляция, и кризис.

Недоверие к доллару внутри страны и за границей, вызванное обнажившимися язвами послевоенной экономики США и свидетельствующее о том, что эта экономика базируется на нездоровой финансовой основе, не только затрудняет проведение правительством внутренней и внешней политики, но и усугубляет «кризис доверия», моральный кризис, охвативший Соединенные Штаты Америки.

За три десятилетия, прошедшие после второй мировой войны, США в своей претензии на руководство миром и в роли мирового жандарма затратили колоссальные средства, которые выражаются в астрономических цифрах. Только непосредственные расходы США на войну против Корейской Народно-Демократической Республики и Вьетнама составили около 375 млрд. долл. В итоге все эти колоссальные затраты на агрессивные акции, посредством которых американский империализм рассчитывал ослабить силы мирового социализма, сильно ударили рикошетом по самим США, пошатнули их внутренние и международные экономические, а вместе с тем и их глобальные политические позиции.

* * *

Неустойчивая, ненадежная экономика в сочетании с моральным кризисом внутри страны подчеркивает несостоятельность основ послевоенной внешней политики США.

К концу второй мировой войны многим политикам и стратегам в США казалось, что впервые в истории США создались условия для осуществления мечтаний пионеров американского империализма, для реализации планов Мэхэна, Г. Лоджа и Т. Рузвельта, что наконец-то наступает «американский век» и на Земном шаре водворится «американский мир» — «Пакс Американа».

В первые послевоенные годы, в те годы, когда действовали «доктрина Трумэна» и «план Маршалла», особое экономическое положение США в капиталистическом мире и их монополия на атомное оружие помешали лидерам Белого дома трезво разобраться в том, что преимущества, полу-

¹¹⁰ «Statistical Abstract of the U. S.», 1973, p. 767; «World Almanac», 1975, p. 98.

¹¹¹ «Congressional Record», 26.IX 1968, p. E8318—E8319; «U.S. News and World Report», 7.II 1972, p. 15.

¹¹² «U. S. News and World Report», 14.VIII, 1972, p. 54; 1.VII 1974, p. 53.

¹¹³ «Economic report of the President», 1976, p. 275.

ционные США в результате второй мировой войны, весьма ограничены во времени.

Правда, при всех казавшихся им преимуществах, в Вашингтоне не рискнули разжечь «горячую» превентивную войну против СССР. Но в конце 40-х и в начале 50-х годов в правящих кругах США такая война проектировалась. О ней не переставали говорить даже и в 60-х годах. Усилиями американских стратегов и политиков эта война неоднократно оказывалась гораздо ближе к роковой точке взрыва, чем многие предполагали.

Уместно еще раз напомнить некоторые факты.

Летом 1948 г. компетентный военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Х. Болдуин подтвердил в печати, что в США действительно существует определенная, беспрепятственно увеличивающаяся влиятельная группа, «настаивающая на ведении превентивной войны против России, пока она не имеет атомной бомбы». Двумя годами раньше опасность курса этой группы подчеркивал бывший вице-президент США Г. Уоллес в его письме к президенту Г. Трумэну.

В том же 1948 г. политический советник США в Германии Р. Мерфи и командующий американскими войсками в Западном Берлине генерал Л. Клей требовали решения берлинской проблемы с помощью вооруженной силы США. Мерфи утверждал, что президент Трумэн склонен был их поддержать¹¹⁴. Но, видимо, какие-то здравомыслящие силы помешали ему.

В конце 1950 и в начале 1951 г. генерал Макартур, командовавший вооруженными силами США на Дальнем Востоке, угрожал перенести военные действия в Корею на территорию Китая. Тогда уже существовал договор о взаимопомощи между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом. Нападение на КНР рассматривалось как нападение на СССР. Создававшаяся реальная опасность третьей мировой войны встревожила американских союзников в Европе, особенно англичан. Но в Вашингтоне Макартур имел сильную опору в конгрессе США.

2 декабря 1959 г. командующий 2-м флотом США вице-адмирал У. Смедберг сообщил, что 18 мая 1959 г. он получил приказ приготовить вверенные ему вооруженные силы к атомной войне против СССР. 2-й флот в полной боевой готовности вышел в открытый океан. Он вернулся 30 мая на свои базы, после того как выяснилось, что берлинский вопрос не переходит в тот кризис, которого ожидали в Вашингтоне.

В ноябре 1961 г. командующий стратегической авиацией США генерал Т. Пауэр на основании ложных сигналов радарной установки отдал приказ поднять в воздух самолеты с атомными и водородными бомбами на борту в направлении к Советскому Союзу. При этом генерал Пауэр, как это впоследствии признала американская печать, не уведомил о своем решении ни президента США, ни даже министра обороны¹¹⁵.

Это был не единственный случай, когда ложные сигналы американских радарных установок вызвали опасность мировой катастрофы.

Накопец, в марте 1962 г. сам президент США Кеннеди говорил известному журналисту Дж. Олсопу, что возможны такие обстоятельства, при которых Соединенные Штаты первыми начнут ядерную войну¹¹⁶.

Непреложные факты, свидетельствующие об угрозе развязывания третьей мировой войны Соединенными Штатами, можно было бы допол-

нить. Но и приведенных фактов достаточно, для того чтобы ясно понять настороженность Советского Союза, его недоверие к заявлениям государственных деятелей США, что-де созданные ими агрессивные военные союзы являются оборонительными, к заверениям, что американское оружие «никогда не будет использовано для нанесения первого удара» и т. п.

США не рискнули на превентивную войну с Советским Союзом, когда у них была монополия на атомное оружие, отнюдь не потому, что они миролюбивы, как утверждал президент Эйзенхауэр 8 марта 1958 г. Это объясняется тем, что в конце 40-х и начале 50-х годов в правительственных и руководящих кругах Вашингтона взяли верх те, кто считал, что с нападением на СССР Америка немедленно потеряла бы все то, что она старается всеми силами сохранить, — капитализм в Западной Европе.

Однако, не решившись осуществить планы превентивной, горячей войны, «холодную войну» Вашингтон, его государственный департамент и Пентагон усиленно развертывали в нарастающих размерах в течение четверти века.

Сразу после окончания второй мировой войны президент Трумэн всеподчинил политике «с позиции силы», сделал все, для того чтобы разговаривать с Советским Союзом как более сильная сторона. Еще 5 января 1946 г. Трумэн заявил государственному секретарю Дж. Бирису, что России необходимо противопоставить «железный кулак и сильные выражения».

В политике Вашингтона все было подчинено целям подготовки третьей мировой войны, не взирая на расходы, на опасность, на небывалые трудности в решении экономических проблем в самих США, на нарушение принципов Декларации независимости, билля прав федеральной конституции и на уничтожение вековых традиций американского народа.

И все же политика «с позиции силы» провалилась в главной своей цели, на достижение которой Вашингтон после второй мировой войны затратил столько сил и средств. Соединенным Штатам никогда, даже тогда, когда они имели монополию на ядерное оружие, не удавалось вести разговоры с Советским Союзом «с позиции силы», использовать преобладание в ядерном или другом оружии, если даже такое преобладание, как утверждали в Вашингтоне, и имело место.

В первые послевоенные годы в Вашингтоне признавали, что СССР имеет определенное военное преимущество, несмотря на монополию США на атомное оружие. В 1948 г. компетентный американский военный обозреватель Болдуин, доказывая, что превентивная война против СССР, о которой многие тогда говорили в Вашингтоне, слишком рискованна для мирового капитализма, писал, что такая война вызовет поход русских в Западную Европу. «Все наши военные руководители, — продолжал он, — считают, что сейчас и в обозримом будущем мы такой поход остановить не сможем».

В первую половину 50-х годов, когда США увеличивали свои вооруженные силы, создавали реактивные бомбардировщики Боинг-47 и Б-52, а потом сверхзвуковые Б-58, сконструировали компактное ядерное оружие, разработали возможность пополнения самолетов горючим в воздухе, удлиняя таким образом намного радиус их действия, вооружили Западную Европу и соорудили всемирную систему баз, им казалось, что они достигли военно-стратегического преимущества. Уже на президентских выборах 1952 г. республиканцы в своей платформе осуждали политику «сдерживания», проводившуюся при президентстве Трумэна, как пассивную. Активная политика «освобождения» или «отбрасывания», твердили лидеры республиканской партии, придет на смену пассивной политике «сдерживания». 14 сентября 1952 г. Даллес в своем выступлении в

¹¹⁴ *Murphy R. Diplomat Among Warriors*, N. Y., 1964, p. 316—317; «U.S. News and World Report», 2.IV 1962, p. 6.

¹¹⁵ «Правда», 1962, 5 апреля.

¹¹⁶ «N. Y. Times», 5.IV 1962.

Гуффало обещал, что Эйзенхауэр, если станет президентом США, будет организовывать эффективные восстания в странах народной демократии.

Вскоре Даллес, став государственным секретарем, провозгласил воинственные, провокационные лозунги: «балансирование на грани войны», «отбрасывание», «массированное возмездие», а командующий вооруженными силами НАТО генерал Грюнтер открыто угрожал применением в войне против СССР атомного и водородного оружия. Но, несмотря на хвастливое утверждение Даллеса, что за первое президентство Эйзенхауэра он «три раза поставил всеобщий мир на край атомной пропасти», идти дальше этих опасных лозунгов в Вашингтоне считали слишком рискованным.

Во вторую половину 50-х годов с появлением межконтинентальных баллистических ракет государственные деятели США, будущий президент Джон Кеннеди и другие лидеры демократической партии, а также Гейтер в известном докладе утверждали, что в Америке образовался пробел в новейших видах вооружений, что она отстает от СССР по ракетам дальнего действия, что Советский Союз далеко опередил Соединенные Штаты в ракетной технике.

В первую половину 60-х годов США очень сильно увеличивали свои ракетные и другие вооруженные силы. В конце 1964 г. вашингтонская печать утверждала, что США имеют в 4 раза больше межконтинентальных баллистических ракет и во столько же раз больше бомбардировщиков, несущих ядерное оружие и способных преодолеть океан, чем СССР. Весь атомный арсенал США эта печать оценивала в 5 раз выше соответствующего арсенала СССР¹¹⁷.

Приведенные данные исходили из Пентагона, и, возможно, они приводились для того чтобы продемонстрировать к происходившим тогда президентским выборам достижения правительства Кеннеди — Джонсона, изменившего якобы за несколько лет коренным образом соотношение стратегических сил. Во всяком случае цифры Пентагона о ракетно-ядерной мощи СССР весьма сомнительны. Но, как бы то ни было, в правительственных кругах США сознавали, что внезапное нападение на СССР, как бы оно ни было подготовлено, не гарантирует от ответного испепеляющего удара по Штатам. В своем выступлении в Американском институте 10 июня 1963 г. Кеннеди сказал, что, если возникнет ядерная война, «все, что мы построили, все, над чем мы трудились, будет уничтожено в первые 24 часа». Его министр обороны Макнамара утверждал в апреле 1965 г., что если будет война с СССР, то погибнут 150 млн. американцев. Затем он опубликовал книгу под названием «Сущность безопасности», в которой доказывал, что ни США, ни СССР не могут одержать победу с помощью стратегических ядерных сил¹¹⁸⁻¹¹⁹. А преемник Кеннеди Джонсон в выступлении 26 августа 1968 г. в штате Айдахо заявил, что обмен ядерными ударами между США и СССР, даже случайный, непреднамеренный, уничтожит 300 млн. человек.

В конце 1967 г. в Вашингтоне снова забили тревогу, заговорили, что атомный арсенал США быстро теряет свою боевую силу, что СССР обгоняет Америку.

В послании конгрессу 9 февраля 1972 г. о внешней политике США в 70-х годах президент Никсон утверждал, что к концу 1971 г. Советский Союз уже имел примерно в полтора раза больше межконтинентальных баллистических ракет, чем США, и что СССР имеет также в строю и в

стадии строительства больше, чем США, современных подводных лодок с установками для стратегических ракет. Он заключил: «Мы приближаемся к критическому поворотному пункту в нашей программе стратегических вооружений». В своем выступлении по радио 30 октября 1972 г. президент заявил, что при правительстве Эйзенхауэра Америка достигла многократного ядерного превосходства над СССР, а сейчас «США и Советский Союз имеют равный ядерный потенциал». То же самое подтвердил спустя почти три года вице-президент США Нельсон Рокфеллер. 4 июня 1975 г., выступая в военно-морской академии в Аннаполисе, он сказал: «В 1962 г., во время кубинского кризиса, США имели огромное стратегическое преимущество. К 1973 г., когда происходила война на Ближнем Востоке, это преимущество исчезло. Мы больше не упоминаем об американском превосходстве в стратегических вооружениях, а говорим скорее о паритете с Советами»¹²⁰⁻¹²¹.

С конца 50-х годов, со времени запуска первого советского спутника Земли, когда в Вашингтоне окончательно убедились, что СССР владеет межконтинентальными баллистическими ракетами и что США навсегда потеряли свою «недосыгаемость» и «неуязвимость», многие американцы начали задумываться над тем, что дала Америке «холодная война», к чему привела политика «с позиции силы». Даже такой неугомонный проводник этой политики, как Дж. Ф. Даллес, забил отбой и заговорил о том, что у СССР и США существует общая основа для смягчения международной напряженности.

Равным образом соратник Даллеса по «холодной войне» Никсон, прибыв с официальным визитом в Москву в 1959 г., будучи вице-президентом, показал, что во взглядах правительства США на отношения с СССР намечается некоторый перелом. Никсон тогда публично отрекся от опасного лозунга Даллеса об «отбрасывании» или «освобождении», означавшего насильственное восстановление капитализма в странах социалистического лагеря. В выступлении в 1958 г. по Московскому телевидению он сказал, что СССР и США «сильны и взаимно уважают грозную мощь, которой они располагают».

Реально мыслящие деятели в руководящих кругах США, признавая, что борьба с революциями на Земном шаре, роль мирового жандарма, возложенная на страну при президентстве Трумэна, Америке не под силу, начали бить отбой еще в конце президентства Эйзенхауэра и особенно в годы президентства Кеннеди. Сам Кеннеди в известной речи 10 июня 1963 г. в Американском университете в Вашингтоне заявил публично: «Мы не хотим навязывать нашу систему тем, кто ее не хочет». А в своем выступлении в ООН 20 сентября 1963 г. Кеннеди заявил: «Я хочу сказать руководителям Советского Союза и их народу: для того чтобы оба наших государства пользовались полной безопасностью, нам требуется лучшее оружие, чем водородная бомба, оружие, более совершенное, чем баллистические ракеты или ядерные подводные лодки, и это лучшее оружие — мирное сотрудничество».

Однако после смерти Кеннеди его преемник Джонсон, провозгласив эскалацию войны во Вьетнаме, не только помешал развитию мирного сотрудничества, предложенного его предшественником, но и пытался навязать американские порядки тем, кто их отвергал. Однако он потерпел полное фиаско.

Политика, поглощавшая столько сил и средств, вызвавшая острые экономические проблемы, взрастившая крупнейший милитаризм современно-

¹¹⁷ «U.S. News and World Report», 30.XI 1964, p. 67.

¹¹⁸⁻¹¹⁹ MacNamara R. The Essence of Security. N. Y., 1968, p. X.

¹²⁰⁻¹²¹ «U.S. News and World Report», 18.VIII 1975, p. 26.

сти и кошмарный маккартизм, политика, повлекшая за собой нарушение конституции и отказ от вековой традиции американского народа, не только полностью провалилась, но и обернулась против самой Америки. «Холодная война», сопровождаемая курсом «с позиции силы», послужила маховиком в гонке вооружений, в совершенствовании ракетно-ядерного оружия. Как бы дальше ни развивались события, одно ясно: пока от этого курса прежде всего и больше всего пострадало военно-стратегическое и международное положение самих США.

В самом деле, каково было положение США к началу 1946 г., когда президент Трумэн провозгласил политику «с позиции силы»? США находились в зените своего могущества. Это была единственная великая держава, вышедшая из войны с сильно возросшим хозяйственным потенциалом. В экономическом, политическом и военном отношениях США были не только лидером, но и повелителем капиталистического мира. Стратегически они продолжали оставаться неуязвимой или по крайней мере весьма труднодоступной. К тому же они имели монополию на атомное оружие. В господствующих кругах США заносчиво смотрели в будущее, самоуверенно предсказывали «американский мир» и «американский век».

Что осталось от всего спустя каких-нибудь 15 лет? К началу 60-х годов слова «американский век» звучали как насмешка. Известный американский историк Д. Флеминг с сарказмом отметил, что если «британский век» продолжался несколько столетий, то «американский век» существовал лишь как мираж четыре года¹²²⁻¹²³.

Колоссальные военно-политические расходы за границей вызвали в США острую проблему платежного баланса. Америка вынуждена была обращаться за финансовой поддержкой в столицы тех государств, которые недавно зависели от ее экономической помощи. Вместе с тем сотни миллиардов долларов, затраченных после войны против прогрессивных сил в других странах, не принесли Соединенным Штатам ни авторитета, ни уважения, ни дружбы. Наоборот, с конца 50-х годов американская печать жалуется на неприязнь за границей к янки, на открытые антиамериканские возмущения и волнения, особенно в Восточной Азии и Латинской Америке.

В 1965 г. во время массовой демонстрации в Джакарте были сожжены изображения «дяди Sama» и президента США Джонсона. Не отстали в этом отношении и некоторые африканские государства. В Уганде в том же году демонстранты сорвали американский флаг с посольства США и разорвали его в клочки. В Кении демонстранты пагали под транспарантами с надписью: «Лучший янки — мертвый янки». «Антиамериканизм, — писал вашигтонский журнал в марте 1964 г., — фактически сильно распространился на большую часть света. Любимым спортом во все большем числе стран становится нападение на посольства США, уничтожение их собственности, сожжение их флага. Это почти нормальная процедура. Чтобы дело дошло до этого, американский налогоплательщик должен был отдать 104 млрд. долл. И это только на различные виды помощи, не считая других обширных расходов». В конгрессе отмечали, что «огромные денежные суммы, которые годами ассигновывались, не повысили престижа США за границей и не обеспечили их верными союзниками в борьбе с коммунизмом»¹²⁴. Весной 1962 г. вашигтонская печать, предсказывая кризис в

¹²²⁻¹²³ Fleming D. The Cold War and its Origin, v. 2. London, 1961, p. 1075.

¹²⁴ «Congressional Record», 17.VIII 1961, p. 15125—15126; 11.III 1965, p. A1118—A1119; «U.S. News and World Report», 23.III 1964, p. 26.

В феврале 1963 г. в органе конгресса США была опубликована статья о провале внешней политики Вашингтона, в которой говорилось: «Настало время «му-

политике США в Латинской Америке, отметила: «Американский престиж стремительно падает в этой важной части света»¹²⁵.

Заключительным аккордом и потрясающим провалом послевоенной агрессивной экспансии, воинственных доктрин и лозунгов Вашингтона послужила эскалация войны во Вьетнаме в 1965 г. и отправка в Индокитай более полумиллиона американских солдат для подавления национально-освободительного движения. 30 апреля 1972 г. президент США заявил, что в войне во Вьетнаме, которая, как он сам признал, является «самой длительной и тяжелой войной в истории Америки», «в конечном счете поставлено на карту положение США как мощнейшей державы мира»¹²⁶.

Заявление президента США толковали таким образом, что многолетняя интервенция во Вьетнам должна была показать, способна ли Америка успешно бороться с революцией и вооруженной силой подавлять национально-революционное движение. Перед эскалацией президентом Джонсоном войны во Вьетнаме, 29 марта 1965 г., газета «Нью-Йорк таймс» признала, что если американская интервенция в Индокитае провалится, значит, она может быть отражена везде в мире.

Через 10 лет, весной 1975 г., когда многолетняя борьба вьетнамского народа против агрессии увенчалась успехом, полной победой, когда последние американцы бежали на вертолетах из Сайгона, весь мир отмечал позорный финал американской авантюры во Вьетнаме.

С течением времени с каждым годом все большее число политических и общественных деятелей США убеждались в том, что политика «с позиции силы», служащая катализатором необузданной, бессмысленной гонки вооружений, никак себя не оправдывает, что соревнование в вооружениях с СССР может в лучшем случае (как выразился в свое время президент Джонсон) принести не больше, чем положение шахматного пата, что разумная политика может обеспечивать равновесие, положение шахматного пата более дешевыми, не столь разрушительными средствами, как прогрессирующая гонка вооружений.

Ставший в январе 1969 г. президентом Р. Никсон, хотя и продолжал утверждать, что Вашингтон в своей внешней политике должен исходить из позиций «силы и решимости»¹²⁷, не мог не считаться с изменениями, происшедшими в мире, в соотношении мировых сил. Его доктрина «стратегической достаточности», его опасения значительного превосходства вооруженных сил СССР свидетельствовали, что правительство США вынуждено было отказаться от задачи, на безуспешное решение которой оно потратило много лет, сил и средств, вынуждено было признать неосуществимым стремление разговаривать с Советским Союзом как более сильная сторона, вынуждено было заговорить о переходе «от эры конфронтации к эре переговоров».

Правительство США согласилось вести переговоры об уменьшении соревнования в вооружениях, об ограничении стратегических вооружений.

чительной переоценки» нашей внешней политики, прокламированной несколько лет назад президентом Эйзенхауэром. В иностранных государствах американский престиж очень низок. Мы узнали, к нашему сожалению, что помощь другим странам не приносит друзей и не усиливает влияния США... Америка берет на себя слишком много — больше, чем она в состоянии сделать» («Congressional Record», 11.II 1963, p. A655 — A656).

¹²⁵ «U.S. News and World Report», 9.IV 1962, p. 66.

¹²⁶ «Правда», 1972, 21 марта.

¹²⁷ «Правда», 1972, 31 октября.

Переговоры, начатые осенью 1969 г., продолжались в Хельсинки и Вене. В 1972 г., в год президентских выборов в США, Никсон, чувствуя настороженность избирателей, решил нанести официальный визит в Москву.

* * *

Визит президента США в Москву в 1972 г. диктовался, однако, в основном не тактикой президентской кампании, происходившей в Америке. Конечно, приурочив визит к выборной кампании, президент США, как и республиканская партия, старался использовать на выборах положительные итоги его переговоров с руководителями Советского Союза. Но его поездки в СССР в 1972 г., как и в 1959 г., отражали результаты исторических событий, исторического процесса, изменившего соотношение мировых сил, изменившего коренным образом военно-стратегическое положение США.

* * *

После запуска в Советском Союзе первого спутника Земли, подтвердившего, что СССР владеет межконтинентальными баллистическими ракетами, государственные и политические деятели Вашингтона с каждым годом все больше убеждались, что США навсегда потеряли былую недосягаемость. Отсюда логически вытекает, что никакая гонка вооружений, никакие военные союзы и никакая дипломатическая активность не гарантируют в ядерный век Соединенным Штатам той безопасности, которую обеспечивают нормальные, хорошие отношения с Советским Союзом. Еще в 1968 г. Макнамара в его уже указанной нами книге писал, что «безопасность республики зависит не только и даже не главным образом от военной силы». В конце концов эта истина дошла и до президента США.

В то же время потеря Соединенными Штатами неувязности вызвала сомнения и разочарования в лагере их союзников, прежде всего в лагере их главного военного блока, в НАТО. В 1966 г. комиссия по иностранным делам палаты представителей конгресса США опубликовала целый том материалов, содержащий обсуждение напряженного положения в Северо-Атлантическом пакте под общим названием «Кризис НАТО».

Кризис НАТО, оппозицию к господству США в этом военном союзе, к использованию этого союза для американского господства над Западной Европой больше всего в 60-х годах выражал в своих выступлениях и действиях президент Франции генерал де Голль. Возглавляемое им правительство в 1968 г. вывело французские вооруженные силы из НАТО и приняло решение о ликвидации американских военных баз во Франции.

Де Голль продемонстрировал перед всем миром противоречия и разногласия, накопившиеся внутри НАТО. Но эти противоречия в Атлантическом союзе существовали до прихода к власти во Франции де Голля, а разногласия продолжались и нарастали после его ухода.

НАТО создавалось тогда, когда Западная Европа была беспомощной в военном отношении, а экономически она оказалась слабой, зависевшей от американской помощи.

Со временем все изменилось. Во-первых, всем стало ясно, что «советская угроза», используемая как оправдание для организации НАТО, надуманна и никогда реально не существовала.

Во-вторых, сомнения в целесообразности НАТО и сохранения в нем американского господства и руководства были вызваны потерей Соединенными Штатами их былой неувязности. После этого многие в стра-

нах Западной Европы с тревогой спрашивали: кто в создавшихся условиях может гарантировать, что США рискнут своими городами, для того чтобы защитить города Западной Европы? Предпочтут ли США в решающий момент уничтожение Вашингтона и Нью-Йорка нарушению своих обязательств по НАТО?

21 января 1963 г. известный американский обозреватель Дж. Рестон в ответ на подобные вопросы писал в «Нью-Йорк таймс»: «Несмотря на то что Соединенные Штаты определенно заявляли, что они будут рассматривать нападение на своих союзников, как нападение на них самих, в действительности они так не думают. Они могут оставаться в стороне, жертвуя Западной Европой, если это позволит им избежать ядерного нападения на их собственную территорию».

В-третьих, НАТО создавали тогда, когда хозяйство Западной Европы, разрушенное во время войны, еще не было восстановлено, когда проводился «план Маршалла» по оказанию экономической помощи США Европе, когда Вашингтон взял на себя основные расходы по вооружению Северо-Атлантического союза. С годами все изменилось. Долларовые кризисы заставляли неоднократно правительство США обращаться за поддержкой к центральному банку Западной Европы. Теперь Вашингтон требует от своих союзников, чтобы они увеличили свою долю в расходах по содержанию вооруженных сил НАТО.

Кризис НАТО, о котором говорят с середины 60-х годов, естественно, вытекает из больших изменений, происшедших в соотношении сил в мире и внутри Северо-Атлантического пакта. НАТО, срок существования которого был продлен в 1969 г. (якобы в силу напряженного международного положения), функционирует как искусственная надстройка, не имеющая прочных экономических, политических и в какой-то мере реальных военных оснований.

США и Западная Европа (не считая периодов мировых войн) в экономике являются сильными конкурентами. В политике господствующий в США монополистический капитал резко осуждает не только коммунистов, но и социалистов, имеющих большое влияние в ряде стран Западной Европы, включая лейбористов в Англии. В то же время союзники по НАТО совершенно не заинтересованы в глобальной политике США, в войнах и интервенциях, в которые Вашингтон старался вовлечь своих союзников. «Сам факт принятия Соединенными Штатами на себя глобальной роли, — писал бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер, — уменьшает готовность наших союзников разделить эту роль».

НАТО возникло в результате «холодной войны», начатой США против СССР и всего содружества социалистических стран, и его перспективы зависят от советско-американских отношений. Если эти отношения существенно улучшатся, то НАТО либо будет распущено вместе с противостоящим ему Варшавским пактом, либо внутренние разногласия превратят НАТО в лишенный динамики региональный пакт.

Еще менее надежны и устойчивы другие военные союзы, рассматриваемые как придаток НАТО. Багдадский пакт, оставшийся без Багдада в результате свержения иракской монархии в 1958 г. и переименованный в СЕНТО, так и не смог оправиться от этого удара. В 1972 г. газета «Нью-Йорк таймс» назвала СЕАТО «азиатским анахронизмом».

24 сентября 1975 г. участники СЕАТО приняли решение в течение двух лет распустить его и таким образом покончить с этой организацией как с военным блоком. 31 июня 1977 г. он был официально ликвидирован.

В США всегда придавали особое значение отношениям с государствами Латинской Америки. 2 декабря 1973 г. исполнилось 150 лет со дня провозглашения «доктрины Монро». С тех пор США претендовали на роль опекуна над расположенными к югу от них странами Западного полушария. В эпоху империализма эти претензии подкреплялись экспедициями вооруженных сил США. Не только Панама была оторвана от Колумбии, а зона канала захвачена Соединенными Штатами, но и Никарагуа была оккупирована американскими войсками с некоторыми перерывами с 1912 по 1933 г., Гаити — с 1915 по 1934 г., а Доминиканская Республика — с 1916 по 1924 г., не говоря уже о неоднократных интервенциях США в соседнюю Мексику и на Кубу до отмены «добавления Платта» в 1934 г. В первые десятилетия XX в. пять государств Латинской Америки подвергались оккупации вооруженных сил США.

В 1961 г. ЦРУ организовало разбойничье вооруженное нападение на Кубу эмигрантского контрреволюционного отребья. Нападение было разгромлено революционным правительством и сплотившимся вокруг него народом Острова Свободы.

В 1965 г. войска США оккупировали Доминиканскую Республику. В широких кругах населения Латинской Америки нарастали ненависть и вражда к богатому и хищному северному соседу.

В свое время мексиканский президент Порфирио Диас, выражая настроения в стране, воскликнул: «Бедная Мексика! Она так далека от бога и так близка к Соединенным Штатам». Не меньше ненависть к «дяде Сэму» в отдаленных южных странах. В Аргентине, Чили и Уругвае американцев из США называют презрительно «гринго». От Рио-Гранде до пролива Магеллана империализм ассоциировался с агрессией янки, который из «соседской любви» посылал в Латинскую Америку канонерки и морскую пехоту.

Со времени президентства Франклина Рузвельта в Вашингтоне решили применять более гибкую тактику в отношениях с государствами Латинской Америки. Рузвельт объявил политику «добраго соседа», а Джон Кеннеди — «Союз ради прогресса». Договор о совместной защите Западного полушария, который в Вашингтоне комментировался как прообраз НАТО, государственный секретарь США Дж. Маршалл и представители латиноамериканских стран подписали в Рио-де-Жанейро еще в 1947 г. Однако этот союзный договор, как и в дальнейшем «Союз ради прогресса», отнюдь не принес Соединенным Штатам дружбы или даже доверия в расположенных к югу от них странах. К 150-летию «доктрины Монро» недоверие и вражда к Соединенным Штатам в Латинской Америке оказались сильнее, чем в прошлом.

Президент США Никсон имел возможность лично убедиться в этих настроениях еще в 1958 г., когда он, будучи вице-президентом, был встречен в ряде столиц южноамериканских государств камнями и криками: «Никсон, убирайся домой!» Спустя более десяти лет так же враждебно встретили в южных странах вице-президента США Нельсона Рокфеллера, которого президент Никсон отправил с визитом «доброй воли» в Латинскую Америку.

Труднее всего было Вашингтону мириться с победой революции на Кубе в 1959 г., с национализацией революционным правительством ряда крупных предприятий и банков, принадлежавших в основном американским компаниям. За Кубой последовала национализация в Мексике, Перу, Боливии, Аргентине, Колумбии, Бразилии и Чили. В этих странах

были национализированы нефтяные, медные, цинковые, оловянные и другие крупные предприятия горной промышленности, а также силовые станции, принадлежавшие капиталу США. В Венесуэле, где капиталовложения США к началу 70-х годов оценивались в 4500 млн. долл. и где более полувека американские монополии эксплуатировали богатые нефтяные источники, в 1971 г. был принят закон, согласно которому концессии по мере истечения их срока не будут возобновлены, а с 1 января 1976 г. вступил в силу закон о национализации всей нефтедобывающей промышленности страны. Иностранцы (главным образом американские) монополии лишились в Венесуэле нефтеносных земель площадью около 2 млн. 300 тыс. га.

Таким образом, экономическая основа империалистической политики янки в Латинской Америке теряет почву.

Не достигли цели в Латинской Америке и политические маневры США через организацию «Союза ради прогресса», созданного президентом Дж. Кеннеди в 1961 г.

Сменивший его на этом посту Л. Джонсон, оккупировав войсками США Доминиканскую республику в 1965 г., фактически показал, что он возлагает больше надежд на морскую пехоту США, чем на «Союз ради прогресса». Джонсон дискредитировал не только этот «Союз», но и союз американских государств, заключенный в 1947 г. в Рио-де-Жанейро.

Латиноамериканские правительства согласились на договор о союзе с США при условии отказа Вашингтона от интервенции в их страны. Это было зафиксировано в 1948 г. на девятой панамериканской конференции, происходившей в Боготе¹²⁸. На этой конференции Панамериканский союз был переименован в Организацию американских государств — ОАГ. 15-я статья устава ОАГ гласит: «Никакое государство или группа государств не имеют права по какой бы то ни было причине на вмешательство, прямое или косвенное, во внутренние или внешние дела другого государства». А в его 17-й статье сказано: «Территория государства неприкосновенна. Она не может быть объектом даже временной военной оккупации или других насильственных мер со стороны другого государства прямо или косвенно на каком бы то ни было основании»¹²⁹.

2 мая 1965 г. президент США, отдавая приказ морской пехоте оккупировать Доминиканскую республику, цинично нарушил устав ОАГ. Он объяснил, что этот устав не относится к борьбе против «опасности коммунистической революции».

Прикрываясь антикоммунизмом, президент США выступал фактически против революции вообще в Латинской Америке. Еще за десять месяцев до появления «доктрины Джонсона» Уолтер Липпман утверждал: «Американская империя в Латинской Америке рухнула... Мы сталкиваемся с революцией, выходящей далеко за рамки коммунизма, с революцией беднейших народов. Эта революция продлится долго, настолько долго, что сроки никто из ныне живущих не может предвидеть»¹³⁰.

«Доктрина Джонсона» не только поддержала в Западном полушарии контрреволюционную «доктрину Трумэна», но и расшатала хрупкий союз американских государств, сооруженный его предшественником в 1947 г. в Рио-де-Жанейро.

В последние годы обострилась борьба народа Панамы, который требует полного суверенитета над зоной канала. Более десяти лет велась

¹²⁸ «Foreign Affairs», October 1969, p. 103, 109; «U.S. News and World Report», 11.IV 1966, p. 74.

¹²⁹ Steel R. Pax Americana, p. 200—201.

¹³⁰ «Atlantic», August 1964, p. 55.

переговоры по этому вопросу. В 1975 г. на Ассамблее ООН семь латиноамериканских государств выступили за возвращение зоны канала Панама. Летом того же года требование Панама поддержали 70 несоединившихся государств в декларации, принятой на конференции в Перу. Но представители реакционных кругов США возражают. Их настроение недвусмысленно выразил бывший губернатор Калифорнии Р. Рейган, претендент на выдвижение кандидатом в президенты США от республиканской партии, который утверждал, что зона Панамского канала «полностью и окончательно американская»¹³¹.

Подытоживая результаты своих агрессивных военных союзов и отношений с многочисленными союзниками, на которых Белый дом, госдепартамент и ЦРУ возлагали большие надежды в проведении «холодной войны», политики «с позиции силы», в Вашингтоне вспомнили слова Пальмерстона: «У нас нет вечных союзников...»¹³²

Наконец, важным оружием в «холодной войне» в Вашингтоне считали бойкот торговли с социалистическими странами. За годы осуществления этого бойкота (с 1948 по 1963 г.) торговля США с социалистическими странами сократилась на 60%, в то время как торговля других капиталистических государств с этими странами увеличилась в 3 раза. За один 1963 г. социалистические государства закупили в странах, входящих в НАТО, товары на 2900 млн. долл. Из этой суммы на долю Соединенных Штатов приходилось лишь 6%. Союзники США не откликнулись на рекомендации Вашингтона, не последовали его призыву о бойкоте. Около 95% закупок СССР в капиталистическом мире совершалось в странах, являющихся союзниками США. В экспорте США закупки социалистических стран составляли менее 1%.

Подводя итоги политики торгового бойкота, журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» 5 декабря 1965 г. с полным основанием отмечал: «Парадоксальный результат этой политики заключается в том, что, намереваясь причинить вред противнику, мы нанесли ущерб себе».

Наряду с другими значительными историческими событиями, изменившими соотношение в расстановке мировых сил, в Вашингтоне были вынуждены учитывать и экономическую реальность, которая в условиях резкого обострения проблемы платежного баланса и ухудшения торгового баланса страны способствовала общему пересмотру Вашингтонском советско-американских отношений.

* * *

Направляясь в Москву, президент США имел все основания полагать, что его визит завершится конструктивно.

Советский Союз, верный в своей внешней политике ленинским принципам мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя, всегда высказывался за нормальное, равноправное сотрудничество с США в интересах обоих государств, в интересах сохранения и укрепления международного мира. Правительство СССР всегда выступало за разоружение или по крайней мере за облегчение бремени, которое гонка вооружений возлагает на народы. Председатель Совета Министров СССР Н. А. Косыгин в своем докладе на XXIII съезде партии заявил: «Мы не раз говорили и вновь повторяем, что считаем вредной и опасной

гонку вооружений, в которую втянули человечество империалистические державы, в первую очередь США. Советский Союз делает и делает все, чтобы положить конец этой бессмысленной растрате человеческого труда, энергии и средств»¹³³.

XXIV съезд КПСС, происходивший весной 1971 г., выдвинул Программу мира. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своем докладе съезду, говоря о борьбе Советского Союза за мир и безопасность народов, предложил «заключить договоры, ставящие под запрет ядерное, химическое, бактериологическое оружие», и «активизировать борьбу за прекращение гонки вооружений всех видов». Он заявил, что Советский Союз в своей политике «активной защиты мира и укрепления международной безопасности» «готов углублять отношения взаимовыгодного сотрудничества во всех областях с государствами, которые со своей стороны стремятся к этому»¹³⁴.

Касаясь отношений СССР и США, Л. И. Брежнев заявил: «Улучшение советско-американских отношений отвечало бы интересам советского и американского народов, интересам упрочения мира... Мы исходим из того, что улучшение отношений между СССР и США возможно. Наша принципиальная линия в отношении капиталистических стран, в том числе США, состоит в том, чтобы последовательно и полно осуществлять на практике принципы мирного сосуществования, развивать взаимовыгодные связи, а с теми государствами, которые готовы к этому, сотрудничать на поприще укрепления мира, придавая максимально устойчивый характер взаимоотношениям с ними»¹³⁵.

Мирная программа, декларированная на XXIV съезде КПСС, выдвинутая в обстановке изменения соотношения мировых сил, в условиях переоценки внешнеполитических позиций правящих кругов США, дала основание президенту США заключить, что настало подходящее время для решения кардинальных вопросов в советско-американских отношениях за столом переговоров.

Переговоры президента США с советскими руководителями в Москве продолжались с 22 по 29 мая 1972 г. В результате были подписаны важные документы, имеющие общее и конкретное значение. Обе стороны заявили, что «различия в идеологии и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды»¹³⁶.

Переговоры завершились подписанием 29 мая Л. И. Брежневым и президентом США особо важного документа «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». Этот документ определяет международно-правовую основу, на которой отныне должны развиваться отношения между двумя государствами. Советский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем получил признание де-юре и подкреплен подписью главы крупнейшего капиталистического государства.

«СССР и США, — говорится в этом документе, — не претендуют сами и не признают чьих бы то ни было притязаний на какие-либо особые права или преимущества в мировых делах. Они признают суверенное равенство всех государств». Они будут сотрудничать, развивать и улучшать

¹³³ Материалы XXIII съезда КПСС. Госполитиздат, 1966, с. 175.

¹³⁴ Материалы XXIV съезда КПСС. Госполитиздат, 1971, с. 30.

¹³⁵ Там же, с. 28.

¹³⁶ «Правда», 1972, 30 мая.

¹³¹ «Правда», 1976, 8 апреля.

¹³² «Progressive», March 1964, p. 24.

свои отношения, «ни в коей мере не нарушая интересы третьих стран»¹³⁷.

Отказ от притязаний на какие-либо преимущества в мировых делах означает, что США в лице их президента официально в международном документе признали несостоятельность политики «с позиции силы», за которую госдепартамент и Пентагон цеплялись четверть века.

За время пребывания президента США в Москве был рассмотрен, обсужден и заключен ряд соглашений: о подготовке торгового соглашения и о создании советско-американской комиссии по вопросам торговли; о мерах по предотвращению инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним; о совместном исследовании и мирном использовании космического пространства, о сотрудничестве в области здравоохранения, в охране и улучшении окружающей среды; о расширении научно-технического сотрудничества, предусматривающем создание по этому вопросу специальной советско-американской комиссии, а также обмен в области науки, техники, образования и культуры. Смешанные советско-американские комиссии по торговле, науке, охране окружающей среды и другие вскоре приступили к работе. Но особое значение во всем мире придали подписанным в Москве документам, имеющим своей целью смягчение гонки стратегических вооружений. Сюда относятся Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Подписав эти документы, «США,— отметил 29 сентября 1972 г. на заседании Президиума Верховного Совета СССР министр обороны Советского Союза А. А. Гречко,— публично вынуждены были признать равенство стратегических ядерных средств Советского Союза и США, бесцельность и нецелесообразность дальнейшей гонки в этом виде вооружений».

Соглашения о сдерживании гонки стратегических вооружений, заключенные в Москве, рассматриваются как первый шаг в деле уменьшения гонки стратегических вооружений. Статья XII Временного соглашения гласит: «Стороны обязуются продолжать активные переговоры об ограничении стратегических наступательных вооружений»¹³⁸.

Президент США, подписывая 3 октября 1972 г. акт о вступлении в силу Договора об ограничении систем противоракетной обороны, заявил, что разделяет «точку зрения министра иностранных дел Громько, сказавшего, что теперь мы должны перейти от этого первого шага к жизненно важному следующему шагу, когда мы займемся всеми видами ядерного оружия наступательного назначения и попытаемся достичь договоренности между нашими двумя странами в этой области»¹³⁹.

Первый шаг в этой области настолько знаменателен, что его расценивали как историческое событие, совершившее перелом в советско-американских отношениях и открывшее путь к облегчению бремени соревнования в современных вооружениях, которое давит тяжелым грузом на народы, путь к освобождению человечества от страха ядерной катастрофы. Ведь был сделан конкретный шаг к сдерживанию гонки самых дорогостоящих, самых разрушительных по своей силе вооружений.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны бессрочен.

Соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений заключено на пять лет. Оно предусматрива-

ет приостановку дальнейшего строительства установок межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования и ограничивает число подводных лодок и количество ракетных установок на них теми, которые находились в строю или в стадии строительства ко времени подписания соглашения.

От договора и соглашения об ограничении гонки стратегических вооружений, затормозивших состязание между наступательным и оборонительным ракетным оружием, выиграли и СССР, и США. Обе стороны получили возможность сократить расходы на вооружение и увеличить средства, идущие на созидательные цели. Только две противоракетные системы, согласно Вашингтонской печати, обошлись бы Соединенным Штатам в 8,5 млрд. долл. Между тем до договора, заключенного в Москве в мае 1972 г., США проектировали строительство 12 таких систем¹⁴⁰. В то же время московские переговоры не изменили баланса сил, не принесли преимущества одной из стран. Они открывают путь к дальнейшему сокращению гонки вооружений, к сотрудничеству во многих областях и к общему улучшению советско-американских отношений.

Советский Союз заявил о своей готовности на взаимных условиях максимально облегчить бремя вооружений. Но для этого требуется готовность и другой стороны. В Вашингтоне существуют «ястребы», которые еще цепляются за политику «с позиции силы» и которые не хотят расстаться с «холодной войной». Они подняли свой голос против московских соглашений. Правда, их немного. Это показало одобрение конгрессом Договора об ограничении систем противоракетной обороны и Соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. В палате представителей соглашение было одобрено большинством в 329 голосов против 7, а в сенате 88 против 2¹⁴¹.

Соглашения об ограничении гонки стратегических вооружений, как и другие соглашения, заключенные в мае 1972 г. в Москве, улучшили международный политический климат, открыли перспективу на укрепление всеобщего мира, перспективу продвижения к всеобщему разоружению.

Во всем мире советско-американские соглашения, заключенные в мае 1972 г. в Москве, расценивались как большой успех политики мирного сосуществования.

* * *

Курс, взятый совещанием на высшем уровне в мае 1972 г. в Москве, руководители СССР и США продолжали активно и успешно в дальнейшем. Подтверждением плодотворности и действенности ленинской политики мирного сосуществования, Программы мира, декларированной XXIV съездом партии, послужил визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США в июне 1973 г. «В 1972 г. в Москве,— сказал Л. И. Брежнев в своем выступлении по американскому телевидению,— мы заложили основы улучшения советско-американских отношений. Ныне это большое и важное дело получило успешное развитие. Мы надеемся, что так оно будет впредь, ибо этот курс отвечает интересам наших великих народов и всего человечества»¹⁴².

За семь дней бесед и встреч в США переговоры велись на высшем уровне в Вашингтоне, Кэмп-Дэвиде и Сан-Клементе, где руководители

¹⁴⁰ «U.S. News and World Report», 2.X 1972, p. 33.

¹⁴¹ «Правда», 1972, 16 сентября.

¹⁴² «Правда», 1973, 25 июня.

¹³⁷ «Правда», 1972, 30 мая.

¹³⁸ «Известия», 1972, 30 мая; «Правда», 1972, 17 сентября.

¹³⁹ «Известия», 1972, 4 декабря.

СССР и США обсуждали важнейшие вопросы отношений двух государств, несущих особую ответственность за судьбы всеобщего мира, за предотвращение войны. За это время восемь соглашений и договоров, заключенных в 1972 г. в Москве, были дополнены одиннадцатью новыми документами, свидетельствующими о прочном и всеобъемлющем развитии отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

22 июня 1973 г. в Вашингтоне в Белом доме было подписано «Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о предотвращении ядерной войны». Л. И. Брежнев, отмечая в своем выступлении по американскому телевидению историческое значение этого соглашения, сказал: «Союз Советских Социалистических Республик и Соединенные Штаты Америки заключили между собой соглашение, направленное на то, чтобы не допустить возникновения ядерной войны между ними и сделать все от них зависящее, чтобы предотвратить возникновение ядерной войны вообще».

Не ясно ли, какое громадное значение имеет это для мира и спокойствия народов обеих наших стран, для улучшения перспектив мирной жизни всего человечества. Даже если бы не было других результатов нашей второй встречи с президентом США, и то можно было бы с полным правом сказать, что она займет достойное место в анналах развития советско-американских отношений и в международной жизни в целом»¹⁴³.

Накануне заключения исторического соглашения о предотвращении ядерной войны, 21 июня 1973 г., в Вашингтоне были одобрены и подписаны Генеральным секретарем ЦК КПСС и президентом США «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений»¹⁴⁴. Этот документ предусматривает ограничение указанных вооружений не только количественно, но и качественно, ограничение их совершенствования. Договаривающиеся стороны решили подготовить конкретное постоянное соглашение по этому вопросу взамен временного соглашения, заключенного в мае 1972 г. в Москве сроком на пять лет.

За время визита Л. И. Брежнева в США представителями обеих государств были подписаны соглашения, свидетельствующие об укреплении и дальнейшем развитии многогранного советско-американского сотрудничества. Сюда относятся экономические отношения, научно-техническое сотрудничество, обмен сельскохозяйственной информацией и технологией, методами прогнозирования производства и потребления, об использовании уникальных ресурсов Мирового океана, о мирном использовании атомной энергии, о совместном изучении космического пространства, о расширении советско-американской торговли и др. Было решено создать американо-советскую торговую палату и учредить торговое представительство СССР в Вашингтоне, а США — в Москве.

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в апреле 1973 г., выдвинул как важнейшую задачу борьбу «за полное претворение в жизнь Программы мира, добиваться того, чтобы достигнутые благоприятные перемены в международной обстановке приобрели необратимый характер»¹⁴⁵.

Равным образом в документе, принятом Политбюро ЦК КПСС, Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР об итогах визита Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты Америки, отмечается желательность, чтобы поворот, совершенный в советско-американских

¹⁴³ «Правда», 1973, 25 июня.

¹⁴⁴ «Правда», 1973, 22 июня.

¹⁴⁵ «МЭиМО», 1973, № 7, с. 4.

отношениях, стал необратимым. В этом документе говорится: «Последовательное и неуклонное выполнение обоими государствами всех взятых ими на себя обязательств является предпосылкой превращения советско-американских отношений в постоянный фактор международного мира, обеспечения необратимости развивающихся ныне процессов разрядки и углубления миролюбивого, взаимовыгодного сотрудничества государств, принадлежащих к противоположным общественным системам»¹⁴⁶.

Третья советско-американская встреча на высшем уровне проходила с 27 июня по 3 июля 1974 г. в Советском Союзе, куда прибыл с очередным визитом президент США. В ходе этой встречи были подписаны долгосрочные соглашения о содействии экономическому и техническому сотрудничеству между СССР и США, о сотрудничестве в области энергетики, в области жилищного и других видов строительства, в области здравоохранения, охраны окружающей среды и др. Всего в результате трех встреч руководители СССР и США подписали около 50 различного рода соглашений.

Главное внимание во всем мире привлекли решения, направленные на дальнейшее уменьшение военной опасности и ограничение стратегических вооружений. Вместо двух районов противоракетной обороны, разрешенных каждой из стран договором 1972 г., решили ограничиться одним районом в каждом из договаривающихся государств.

В области ограничения наступательных стратегических вооружений было решено подготовить новое соглашение о количественных и качественных ограничениях, которое должно вступить в силу до истечения в 1977 г. срока действия соглашения 1972 г. и охватывать период до 1985 г. При решении этой важнейшей проблемы наших дней, предусматривающей установление предела ядерного потенциала США и СССР, основополагающим руководством служит равная безопасность обеих государств, недопустимость приобретения односторонних преимуществ. Обе стороны согласились ограничить подземные испытания ядерного оружия, с тем чтобы в дальнейшем их совершенно прекратить; не пользоваться средствами воздействия на природную среду в военных целях и проявлять совместную инициативу с целью исключения из арсеналов государств химического оружия.

Л. И. Брежнев в речи 2 июля 1974 г., характеризуя перспективы развития советско-американских отношений в итоге третьей встречи на высшем уровне, отметил: «Впереди — новые горизонты, новые сферы сотрудничества на пользу обоим великим народам и мирным людям всей земли. В крупномасштабных экономических проектах и в освоении новых источников энергии, на транспортных магистралях, в лабораториях ученых, в проектных залах архитекторов — всюду взойдут новые ростки плодотворного взаимовыгодного сотрудничества наших стран во имя мира и лучшей жизни людей»¹⁴⁷.

Советско-американское сотрудничество в сфере ограничения гонки вооружений, чреватых смертельной опасностью для рода человеческого, диктуется кровными интересами обоих народов, как и народов всего мира. В политическом отчете XXI съезду Коммунистической партии США, состоявшемуся 26—29 июня 1975 г. в Чикаго, генеральный секретарь партии Гэс Холл, касаясь борьбы за разрядку международной напряженности, отметил, что «это борьба за предотвращение ядерной катастрофы, за то, чтобы не дать человечеству подойти к краю пропасти,

¹⁴⁶ «Известия», 1973, 30 июня.

¹⁴⁷ «Правда», 1974, 7 июля.

на то, чтобы помешать превратить Земной шар в груды испепеленных развалин. Для нас борьба за разрядку напряженности — это борьба за продвижение Соединенными Штатами такой внешней политики, которая во всех отношениях отвечала бы кровным интересам американского народа»¹⁴⁸.

Советско-американское сотрудничество содействует улучшению и расширению отношений между СССР и США в технической, экономической, культурной и других областях. Проведенные опросы показали, что подавляющее большинство населения США высказывается за дальнейшее расширение американско-советских отношений. Эти отношения определяются не составом правительства, тем более не взглядами и симпатиями того или иного президента США, а объективными условиями. Подтверждением служат события, происшедшие летом 1974 г. во внутривнутриполитической жизни США.

9 августа 1974 г. в результате «уотергейтского скандала» Р. Никсон вынужден был покинуть пост президента США. Его место в Белом доме занял вице-президент Джеральд Форд, который стал 38-м президентом Соединенных Штатов Америки.

Дж. Форд с первого же дня вступления в должность президента США заверял, что он без всяких колебаний и оговорок будет содействовать международной разрядке, позитивному развитию советско-американских отношений.

Через три с половиной месяца, после того как Форд занял пост главы государства и правительства США, 23 ноября 1974 г. он прибыл во Владивосток для встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. В центре переговоров, происходивших 23—24 ноября в районе Владивостока, стояло решение той же исторической задачи: избавить человечество от угрозы новой мировой войны, создать гарантии против опасности ядерного конфликта и войны вообще.

Участники владивостокской встречи договорились об ограничении не только межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет на подводных лодках, но и стратегической авиации. Решено было ограничить не только количественную, но и качественную гонку стратегических вооружений, наметив потолок для баллистических ракет с многоразрядными боеголовками индивидуального наведения. Эти ограничения предосторожно соблюдать в период с октября 1977 до 1 января 1986 г. Вместе с тем во Владивостоке была достигнута договоренность о принятии не позднее 1980—1981 гг. мер к дальнейшему ограничению и о возможном сокращении стратегических вооружений.

«Во время владивостокской встречи, — писала газета «Правда» 1 декабря 1974 г., — была подтверждена решимость двух сторон неукоснительно и в полном объеме претворять в жизнь принятые ранее взаимные обязательства, не теряя темпа, наращивать масштабы и интенсивность совместных усилий по всем направлениям с тем, чтобы процесс улучшения отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами развивался и дальше непрерывно и чтобы он стал необратимым».

Естественным, органическим продолжением и развитием программы мира XXIV съезда КПСС послужила принятая по предложению Л. И. Брежнева XXV съездом, состоявшимся в феврале — марте 1976 г., конструктивная программа дальнейшей беспрестанной борьбы за упрочение и укрепление мира, за международное сотрудничество, за прекраще-

ние гонки вооружений, за ограничение и сокращение оружия стратегического назначения, за исключение войн и насилия из международных отношений, за свободу и независимость народов.

XXV съезд со всем его авторитетом подтвердил, что политика мира Советского Союза последовательна, устойчива, не зависит от тактических, конъюнктурных факторов, а вытекает из фундаментальных основ, из самой природы советской социалистической системы. Именно благодаря усилиям Советского Союза, направленным на предотвращение угрозы термоядерной войны, взрывоопасная конфронтация, именовавшаяся десятилетиями зловещими словами «холодная война», уступила место сотрудничеству между государствами различных социальных систем.

Важнейшее значение в укреплении мира, в предотвращении угрозы ядерной катастрофы имеет, естественно, улучшение советско-американских отношений. В Отчетном докладе на XXV съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил: «Решающее значение для ослабления угрозы новой мировой войны и укрепления мира имел, конечно, поворот к лучшему в наших отношениях с крупнейшей державой капиталистического мира — Соединенными Штатами Америки. Это, несомненно, содействовало оздоровлению международного климата в целом, в том числе и в Европе»¹⁴⁹.

Правда, в США, повторяем, орудут реакционные силы, скучающие по временам «холодной войны», всячески мешающие разрядке международной напряженности, развитию советско-американского сотрудничества. Сюда относятся, например, бывший кандидат в президенты США сенатор Б. Голдуотер, претендент на кандидата в президенты в 1976 г. бывший губернатор Калифорнии Р. Рейган и др. На них опирается военно-промышленный комплекс, под нажимом которого конгресс США сильно увеличивает бюджет Пентагона, получившего на 1977 финансовый год 113 млрд. долл. на военные расходы. Только на исследование и разработку новых видов вооружений в 1977 г. палата представителей конгресса США решила выделить около 10,5 млрд. долл.

Конечно, большой рост военного бюджета и нагнетание гонки вооружений в США идут вразрез с общим курсом улучшения советско-американских отношений в последние годы.

«Главным мотивом сторонников гонки вооружений, — говорится в докладе Л. И. Брежнева, — является утверждение о так называемой советской угрозе. Этот мотив используется и тогда, когда нужно протащить более высокий военный бюджет, урезывая расходы на социальные нужды, и когда разрабатываются новые виды смертоносного оружия, и когда пытаются оправдать военную активность НАТО. На самом деле, конечно, никакой советской угрозы не существует ни для Запада, ни для Востока. Все это чудовищная ложь — от начала до конца... Наша страна последовательно и непоколебимо ведет борьбу за мир, постоянно выступает с конкретными предложениями, направленными на сокращение вооружений, на разоружение»¹⁵⁰.

К таким конкретным предложениям, в частности, относятся: прекращение гонки вооружений и любых испытаний ядерного оружия; прекращение создания новых видов и систем оружия массового уничтожения; запрещение и уничтожение химического оружия; сокращение военных расходов; всемирное соглашение о неприменении силы в международных отношениях.

¹⁴⁸ «США: Экономика. Политика. Идеология», 1976, № 2, с. 16—17.

¹⁴⁹ Материалы XXV съезда КПСС. Госполитиздат, 1976, с. 20.

¹⁵⁰ Там же, с. 22.

«Одним из главных направлений внешнеполитической деятельности ЦК КПСС и Советского правительства,— подчеркнул Л. И. Брежнев в своем докладе,— была и остается — как этого требовала Программа мира — борьба за прекращение гонки вооружений, за разоружение. Сегодня эта задача стоит острее, чем когда-либо. Человечество устало жить, сидя на горах оружия, а подхлестываемая агрессивными кругами империализма гонка вооружений нарастает»¹⁵¹.

Обнадеживает то, что в общественном мнении США, как мы видели, преобладают сторонники разрядки, поборники советско-американского сотрудничества. Согласно компетентным американским оценкам, «более 80% конгрессменов в целом поддерживают политику разрядки в отношениях с СССР».

Что касается СССР, то, несмотря на все препоны, на которые наталкивается проведение в жизнь его Программы мира, «Советский Союз,— как заявил Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде,— твердо намерен проводить курс на дальнейшее улучшение советско-американских отношений в строгом соответствии с духом и буквой достигнутых соглашений и взятых обязательств — в интересах обоих народов и дела мира на земле»¹⁵².

Конечно, мирное сосуществование не снимает коренных социальных, классовых различий, разногласий и противоречий, существующих между социалистическим Советским Союзом и капиталистической Америкой.

Л. И. Брежнев в речи, произнесенной им в Киеве 26 июля 1973 г., сказал: «Соревнование, противоборство двух систем на мировой арене продолжают. Все дело только в том, чтобы этот процесс не перерастал в вооруженные столкновения и войны между странами, в применение силы или угрозы силой в отношениях между ними и не мешал развитию взаимовыгодного сотрудничества государств с различным общественным строем»¹⁵³.

Улучшение советско-американских отношений создало основу для коренного улучшения всей международной обстановки, внесло ценный вклад в установление и укрепление прочного мира на Земле.

* * *

Визиты президентов США в СССР, их переговоры с руководителями Советского Союза в Москве, во Владивостоке и Генеральным секретарем ЦК КПСС в Вашингтоне, а также итоги этих переговоров по существу означали признание правительством США не только бесплодности, но и опасности политики «с позиции силы», политики «холодной войны».

В более широком историческом аспекте события, приведшие к майским переговорам 1972 г. в Москве и к последующим встречам на высшем уровне в США и в Советском Союзе, свидетельствовали о провале расчетов застрельщиков американского империализма именно тогда, когда им казалось, что сбываются их вещи сны и настает время осуществления былых мечтаний, что наконец-то наступает «американский век».

От Маккинли и Хей до Трумэна и Даллеса внешнеполитические доктрины и экспансионистские грезы империалистических кругов США проникнуты надеждами на этот «американский век».

Весь ход истории XX в. показал, что шумные вещания творцов этих доктрин не только провалились, но и неосуществимы. Послевоенные аван-

тюры США за границей убедительно свидетельствуют о том, что Соединенным Штатам приходится производить «переоценку ценностей», что проводить политику «с позиции силы» и, порожденных этой политикой доктрин, которые США используют, для того чтобы оправдать свою роль мирового жандарма, означает плыть в мутном, очень опасном в атомный век потоке обанкротившегося империализма.

Америка XX века не Британия XIX столетия. А главное, век не тот, и мир не тот. После второй мировой войны, несмотря на всю активность и весь экспансионизм США, наступило время не создания, а развала империй, время заката империализма, эпоха все увеличивающейся роли социализма в мире.

На развалинах империй образовалось более 75 самостоятельных независимых государств. Все они после векового чужеземного ига, после того как поколениями они владели жалкое существование в качестве сырьевого придатка к метрополиям, естественно, имеют большое желание быстрее поднять свой уровень жизни, экономику и культуру. Движение за национальный подъем освободившихся народов приняло характер революционного порыва, совершившего переворот в Азии, Африке и Латинской Америке, поднявшего на штурм темноты, неграмотности, отсталости, нищеты две трети населения Земного шара.

В Вашингтоне полагали, что можно будет использовать этот бурлящий людской океан в интересах мирового господства Соединенных Штатов Америки.

В выборной кампании 1956 г. вице-президент США доказывал, что исход борьбы двух систем, исход «титанической борьбы между двумя противоположными концепциями жизни» будет решен в зависимости от того, что произойдет в развивающихся странах. Вашингтон не только бросил в эти страны миллиарды долларов, но и отправил туда гражданских и военных советников и инструкторов. Американских студентов-выпускников призывали начать, как в свое время христианские миссионеры, «мирный крестовый поход» в Азию и Африку за американские идеи, за «проведение любой ценой идеологической программы, которой суждено овладеть умами и сердцами людей». Утверждая, что «лучшие мысли лучших умов должны быть посвящены этой жгучей проблеме», молодых американцев, окончивших высшие учебные заведения, призывали добровольно отправляться работать в развивающиеся страны.

Вскоре, однако, наступило похмелье. В Вашингтоне поняли, что США отнюдь не служат эталоном ни для развитых, ни для развивающихся стран, что ни у кого нет желания подражать «американскому образу жизни», когда, несмотря на богатство, в стране растут широкое недовольство, массовые протесты против существующих порядков, когда в городах уже с вечера опасно выходить на улицу. Бывший президент Эйзенхауэр за несколько лет до своей смерти высказал опасение, что Соединенные Штаты, превзойдя другие государства в богатстве, потеряют те качества, благодаря которым они достигли экономических высот, а это угрожает опасностью упадка.

Богатство позволяет США тратить много средств на современные виды вооружения, создавать громоздкую военную машину. Но оно, как показала история, не может обеспечить господства Соединенным Штатам над другими народами. Не смогли США выиграть войну и против партизан Вьетконга. США своими бомбардировщиками смогли нанести огромные разрушения Ханюю. Но США оказались не в состоянии навязать вьетнамскому народу, как и многим другим народам, свой образ жизни, заставить жить эти народы так, как нравится Вашингтону.

¹⁵¹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 22.

¹⁵² Там же, с. 21.

¹⁵³ «Правда», 1973, 27 июля.

После второй мировой войны особое внимание международным вопросам уделяет не только лишь само правительство Соединенных Штатов Америки. Весной 1962 г. на основании писем, полученных сенатом со всех концов страны, вашингтонская печать пришла к выводу, что американцы гораздо больше озабочены вопросами внешней, чем внутренней, политики¹⁵⁴.

И неудивительно. Широкие круги населения США все больше начинают осознать, что означает для них авантюрная внешняя политика, что означает для Америки современная термоядерная война.

Английский историк Д. Бродган, считающийся крупным специалистом по истории США, писал в конце 1961 г., что сейчас уже неверно говорить (как твердил в 20-х годах президент К. Кулидж), что «дело США — это бизнес...», сейчас это — политика, которая означает войну или мир, истребление или выживание в опасном и напряженном, но еще обитаемом мире¹⁵⁵.

В президентской кампании 1960 г. съезд демократической партии и ее кандидат в президенты Джон Кеннеди признавали, что престиж США в мире резко снизился. А главное — это изменения, происшедшие в стратегическом положении США¹⁵⁶.

Вместо обсуждения радужных перспектив «американского века» в печати и в конгрессе США обсуждались программы массового строительства убежищ от атомных и водородных бомб.

В сентябре 1961 г. вашингтонский журнал сообщал, что министерство обороны США начинает готовить убежища для 50 млн. американцев. В мае 1966 г. этот журнал писал уже о строительстве убежища на 70 млн. человек стоимостью в 30 млрд. долл.¹⁵⁷ В печати развернулась дискуссия о том, какие убежища целесообразнее строить: семейные или коммунальные? Фешенебельный журнал монополии «Форчун» доказывал, что лучше строить убежища на 100 человек каждое, так как это обойдется в 5 раз дешевле, чем семейное¹⁵⁸. В начале 1962 г. журнал «Нэйшн» отмечал, что идея государственной помощи строительству частных семейных убежищ провалилась и что правительство Кеннеди поощряет новый план строительства коммунальных укрытий от ядерного оружия¹⁵⁹.

Однако, утверждали авторитетные эксперты, какие бы убежища ни сооружали — семейные или коммунальные, — они ни к чему, они совершенно неэффективны против ядерной атаки в той большой войне, к которой Пентагон готовится¹⁶⁰. Свои предположения эти эксперты связывали с тем, что по этой причине в Вашингтоне проектировали в случае войны перенести резиденцию президента из Белого дома на под землю, а на крупный корабль «Нордгамптон»¹⁶¹. Обсуждение планов строительства убежищ под землей сопровождалось подсчетом предполагаемого числа человеческих жертв и размеров материальных разрушений, которые выпадут на долю страны в будущей войне.

¹⁵⁴ «U.S. News and World Report», 9.IV 1962, p. 32.

¹⁵⁵ «N. Y. Times Magazine», 31.XII 1961, p. 17.

¹⁵⁶ «Со времени второй мировой войны, — заявил бывший посол У. Буллит, — наша внешняя политика низвергла нас с вершин могущества и безопасности в долину призраков смерти» (Sulzberger C. What's Wrong with U.S. Foreign Policy. N. Y., 1959, p. 13).

¹⁵⁷ «U.S. News and World Report», 11.IX 1961, p. 12; 23.V 1966, p. 48.

¹⁵⁸ «Fortune», November 1961, p. 115.

¹⁵⁹ «Nation», 24.II 1962, p. 160.

¹⁶⁰ «Survival», March — April 1962, p. 59—60.

¹⁶¹ «U.S. News and World Report», 14.VIII 1961, p. 4.

В январе 1962 г. один из крупнейших специалистов по атомной физике в Америке — Ганс Бетэ утверждал, что бомбы в 10 мегатонн достаточно для уничтожения почти любого крупного города и что 10 бомб по 100 мегатонн могут стереть с лица земли все густонаселенные центры США, что фактически США могут быть полностью уничтожены. Затем он добавил: «Мы должны осознать, что обе стороны могут теперь уничтожить друг друга за день, возможно, за час»¹⁶².

Таковы далеко не полные итоги, к которым приходили в США, суммируя последствия политики «с позиции силы».

И, разумеется, никого в США не могло успокоить то, как утверждала печать в Нью-Йорке и Вашингтоне, что в будущей большой войне сильно пострадает не только Америка, но и тот, кто будет с ней воевать, что в этой войне не будет победителей и что в результате останутся два Карфагена.

Внешнюю политику, которую сами правители США называли «на грани войны», они проводили, имея реальную альтернативу. Но они предпочли сделать худший выбор, кроме, конечно, самого худшего — войны. Ведь при президенте Эйзенхауэре сам государственный секретарь хвастал тем, что он довел внешнюю политику США до грани мировой катастрофы, что он балансировал «на грани войны».

В своей речи в Кремлевском Дворце съездов на Всемирном конгрессе миролюбивых сил 26 октября 1973 г. Л. И. Брежнев отмечал: «Едва развеялся дым на полях сражений, как нам пришлось столкнуться с «холодной войной», развязанной наиболее агрессивными империалистическими кругами. Потоки клеветы и провокаций против социалистических стран, атомный шантаж, попытки экономической блокады, подступы надеждой использовать временное ослабление нашей экономики в результате войны — всеми этими средствами лидеры империализма надеялись не допустить укрепления социализма, помешать росту его влияния и силы».

Но силы реакции, развязавшие «холодную войну», просчитались. Социализм не удалось ни подавить, ни ослабить»¹⁶³.

* * *

«Холодная война», политика «с позиции силы», «атомная дипломатия» и угроза превентивной войны, военные союзы и иностранные военные базы США, воинственные призывы американских деятелей, подобных Даллесу, и вооружение Западной Германии вынуждали Советский Союз усиливать свою оборону, привлекать крупные научные силы страны и выделять большие средства для создания и совершенствования новейших видов вооружений, с тем чтобы советское оружие было способно в любое время отразить готовящуюся агрессию.

Американский историк Д. Флеминг с полным основанием утверждал, что атомные и водородные бомбы, а также межконтинентальные баллистические ракеты — результат политики США¹⁶⁴.

Оглядываясь на прошедшие послевоенные годы, видишь, что даже в самих США мало было тех, кто не сомневался бы в ошибочности внешней политики Вашингтона. Об этом прямо говорили в 1960 г. на съезде не только оппозиционной тогда к правительству демократической партии, но и на съезде стоявшей у власти республиканской партии.

¹⁶² «N. Y. Times», 19.II 1957.

¹⁶³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5, с. 290.

¹⁶⁴ Fleming D. The Cold War and its Origin, v. II, p. 1014.

Ошибочная, близорукая внешняя политика объясняется в основном, однако, не тем, что Белый дом и государственный департамент недостаточно опытные в мировых проблемах, что США, как это 20 августа 1961 г. отмечала «Нью-Йорк таймс», никогда не были сильны в дипломатии, хотя это обстоятельство и сыграло известную роль. Главные причины этих ошибок лежат глубже. Они коренятся в исходных позициях политики господствующих кругов США по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам.

В господствующих, руководящих кругах монополистического капитала США преобладало убеждение (и оно еще не изжито до сих пор), что социализм — временный, преходящий, «анормальный» общественный строй и что, напротив, капитализм представляет собой не только нормальную, естественную, но и образцовую общественную формацию.

В 1964 г. близкий к государственному департаменту журнал писал: «Некоторые американцы, основываясь на широко разрекламированных советских недостатках, еще лелеют надежду, что в один день он может под тяжестью собственных внутренних противоречий и несовершенства распасться как политический, экономический и социальный механизм»¹⁶⁵.

До недавнего времени, по крайней мере до конца 40-х годов, а в некоторых влиятельных кругах США до конца 50-х годов продолжали оценивать научный и технический прогресс в СССР при помощи мерок, применявшихся до первой мировой войны при сравнении Америки со старой, дореволюционной Россией. К концу второй мировой войны в Вашингтоне преобладало мнение, что в Советском Союзе целое поколение будет занято заживлением ран, нанесенных войной хозяйству страны. Этого мнения, как мы видели, придерживался даже такой здравомыслящий политик, как президент США Франклин Рузвельт.

В США многие недоумевали, когда узнали, что в течение первых трех послевоенных лет промышленность СССР без иностранной помощи не только была восстановлена, но уже в 1948 г. ее валовая продукция превысила продукцию довоенного 1940 г. почти на одну пятую. Еще больше недоумений вызвало в Вашингтоне сообщение президента США, сделанное в следующем, 1949 г., о том, что СССР овладел секретом производства атомной энергии.

Американские ученые, правда, утверждали, что монополия США на атомное оружие временная. Они только ошиблись в сроках. Они предсказывали, что Советский Союз будет иметь атомное оружие лишь в 60-х годах. Некоторые из них даже видели опасность в головокружении, охватившем правительство Трумэна от временной монополии на атомное оружие, чувствовали вред «атомной дипломатии» и атомного шантажа. Но политические деятели и высшие военные круги держались другого мнения¹⁶⁶.

Правительство и конгресс США пользуются услугами ученых лишь как технической экспертизой. Выросшая же военная каста оказывает с каждым годом все большее давление и влияние на политику.

Немало ученых было взято на прицел Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности только за выражение сомнений в целесообразности спекуляции на временной монополии на атомное оружие.

Первый в мире искусственный спутник Земли, запущенный в СССР 4 октября 1957 г., вызвал в Вашингтоне не только удивление, но и растерянность. Всего за месяц до этого исторического события президент США Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции, что он не верит сообщению ТАСС от 26 августа 1957 г. об успешном запуске советского меж-

континентального баллистического снаряда, способного достигнуть любой точки Земного шара.

Среди правящих кругов США до сих пор еще немало деятелей, которые не могут освободиться от допотопных представлений и рассуждений об СССР, не хотят или неспособны понять, что ведущее место, которое Советский Союз занимает в освоении космоса, — следствие технической и научной революции, проделанной в великой стране за годы Советской власти.

* * *

Задача исторической работы — освещать прошлое. Конечно, историки иногда в своих обобщениях и выводах заглядывают в будущее. Но, как полагают, это они делают сверх того, что от них требуется.

И действительно, принято считать, что будущее — это область, в которую историку современности нечего вмешиваться. Однако историческое исследование, особенно в нашем веке, неизбежно перекликается с современностью, побуждает размышлять о прошлом, настоящем и грядущем.

Жизнь постоянно убеждает в том, что неправильное толкование хода истории, игнорирование или искажение в оценке ее уроков влекут за собой ошибочные выводы и последствия, которые становились в прошлом (и могут стать в настоящем) роковыми. В таких случаях сама история мстит. Она выносит окончательный приговор. Она показывает, какие государственные и политические деятели рассуждали и поступали трезво и какие опрометчиво, какие дальновидно и какие близоруко, какие разумно и какие безрассудно.

После второй мировой войны у США была реальная возможность вместо враждебного курса по отношению к СССР избрать иную, рациональную альтернативу. Такую альтернативу предлагали в самих Соединенных Штатах видные государственные деятели. Взять хотя бы, к примеру, программу, которую отстаивал вице-президент США Генри Уоллес в правительстве Трумэна в 1945—1946 гг., а затем в печати и на президентских выборах 1948 г. Официальная американская пропаганда пыталась приклеить Уоллесу ярлык «коммуниста». Какие бы ярлыки ни приклеивали в США Уоллесу, он неоднократно подчеркивал, что является непоколебимым защитником капиталистической системы, что предложенные им реформы рассчитаны на спасение и укрепление именно этой системы, что во внешней политике он только предлагает продолжение того курса дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, который завещал перед своей смертью Франклин Рузвельт.

Уоллес говорил, что распространившиеся в то время в Вашингтоне мнения о неизбежности войны с СССР очень опасны для самой Америки, как опасно для дела мира и сколачивание Соединенными Штатами враждебных блоков, и строительство военных баз, направленных против Советского Союза. Внешнюю политическую программу, сводившуюся к продолжению курса дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, поддерживал также в кабинете Трумэна до своей отставки осенью 1945 г. военный министр Г. Стимсон (консервативный республиканец, в 1929—1933 гг. был государственным секретарем в правительстве Гувера).

Уоллес указывал также на опасность, которую таит в себе быстрое восстановление военно-промышленного потенциала Западной Германии. Он утверждал, что, до тех пор пока США не придут к соглашению с Советским Союзом, «Западная Германия будет основой каждого мирового кризиса». В 1961 г. бывший советник Франклина Рузвельта извест-

¹⁶⁵ «Foreign Affairs», October 1964, p. 5.

¹⁶⁶ Fleming D. The Cold War and its Origin, v. II, p. 1057.

ный банкир и публицист Дж. Уорбург писал, что создание западногерманского государства и его ремилитаризация ошибочны¹⁶⁷. Последователи политики Трумэна, конечно, не согласны с мнением советника Рузвельта. Но одно бесспорно: без ремилитаризации ФРГ решать германскую проблему было бы несравненно легче.

Альтернатива была в предложении Советского правительства летом 1946 г. о заключении конвенции, запрещающей производство и хранение оружия, основанного на использовании атомной энергии, и обязывающей уничтожить весь запас готовой и незаконченной продукции атомного оружия. Если бы такое предложение было тогда принято, то спустя ряд лет никто в США не занимался бы строительством убежищ от термоядерной войны и подсчетами, что останется от страны после такой войны.

Подобные предложения правящие круги США в свое время решительно отклонили. Эти круги и сейчас не признают их лучшим выходом из создавшегося после войны положения. Но, признают они или нет, во всяком случае это было бы лучше для Соединенных Штатов, чем то, что получилось в результате многолетней политики «с позиции силы».

Альтернатива была не только сразу после окончания войны, но и спустя 10 лет, в 1955 г., в период Женевской конференции на высшем уровне, когда Советский Союз предложил конкретный план сокращения обычных вооружений и полного запрещения производства и применения ядерного оружия, а также любых других средств массового уничтожения.

Имеют ли США такую альтернативу на будущее? На этот вопрос был дан исчерпывающий ответ в советских предложениях о всеобщем и полном разоружении. Правительство Советского Союза неоднократно подчеркивало свою готовность целиком и полностью принять любые предложения западных держав о контроле, если эти державы согласятся на всеобщее и полное разоружение. Между тем Вашингтон не только не откликнулся на такое смелое и кардинальное решение крупнейшей проблемы наших дней, но и до последних лет отказывался даже от существенного смягчения этой проблемы. 30 ноября 1970 г., когда Первый комитет ООН принял резолюцию, за которую голосовали 80 делегатов, призывавшую немедленно прекратить гонку ядерных вооружений, испытания и развертывание наступательных и оборонительных ядерных систем, США и шедшее за ними большинство правительств-членов НАТО отказались от голосования за эту резолюцию.

Конечно, в истории Америки немало примеров разумных решений, принятых государственными деятелями. Но начиная с конца прошлого столетия внешняя политика США в ее основном направлении грешит решающим просчетом.

Со времени выхода США на мировую арену, с тех пор как они начали превращаться в великую державу, пионеры империализма в Вашингтоне и в Нью-Йорке, а в дальнейшем их последователи проповедовали и воспевали «американский век». Перед судом истории эти проповеди оказались не только пустословием, несбыточной мечтой, но и вредными и опасными. Семена, посеянные трубадурами «американского века», принесли в конечном итоге ядовитые плоды. Государство, демократические основы которого были заложены Томасом Джефферсоном и Авраамом Линкольном, превратилось в мирового жандарма, инициатора и организатора «холодной войны» и гонки вооружений, затеявшего позорную вооруженную агрессию против вьетнамского народа и других народов Индокитая. Таковы лишь некоторые примеры бесславных деяний

американского империализма за сравнительно короткий период после второй мировой войны.

Суд истории вынес суровый приговор не только общему направлению американской внешней политики, но и тем ее незадачливым идеологам и государственным деятелям, которые в отдельные периоды оказывали большое влияние на политику правительства и конгресса США.

Достаточно напомнить заявление государственного секретаря Юза весной 1921 г. о том, что до «коренных изменений во внутренней политике Советской власти» правительство США отказывается от восстановления не только дипломатических, но и торговых отношений между обоими государствами. Юз был не только государственным секретарем. В 1916 г., до того как выяснились итоги голосования в последнем штате, Юза поздравили с победой на президентских выборах. С 1930 г. в течение 11 лет он в качестве председателя Верховного суда США занимал один из главных постов в американском государстве.

Что случилось с подобными домогательствами ведущих государственных деятелей США, не гнушавшихся никакими средствами для того, чтобы добиться «коренных изменений во внутренней политике Советской власти»? Разве не смешно они выглядят на фоне той роли, которую выполняет в мировой политике Великий Советский Союз! Как выглядят три десятилетия спустя спесивые и провокационные заверения Дж. Ф. Даллеса, данные им от имени своего правительства по отношению к суверенным государствам: организацией «эффективных восстаний» в социалистических странах сломить существующий в них социалистический строй!

Как ныне выглядит заявление вице-президента США, сделанное в конце 1953 г., что в Индокитае «нельзя сложить оружие до тех пор, пока не будет одержана полная победа», и его выступление в марте 1955 г. в Чикаго, в котором он угрожал КНР атомной войной, или выступление в то же время в комиссии конгресса председателя Комитета начальников штабов Редфорда с требованием применения атомного оружия против Народной армии Вьетнама и с утверждением, что Китайская Народная Республика должна быть уничтожена, если даже Соединенным Штатам придется для этого воевать 50 лет!

Упомянутый нами выше Рональд Стил в опубликованной им в 1967 г. книге «Пакс Американа», анализируя послевоенную внешнюю политику США, показывая ее ошибочность и отмечая, что «репутация Америки в мире будет измеряться не решениями, которые она пытается навязывать другим народам, а достижениями у себя дома», сделал разумное заключение. Обращаясь к американцам, он заявил: «Пора нам покончить с глобальными фантазиями и начать совершенствование человеческого рода в пределах наших собственных границ. Много остается сделать в нашем обществе, которое через столетие после освобождения рабов неспособно предоставить неграм полное равенство, общество, которое страдает от насилия на улицах... общество, которое достигло беспрецедентных материальных богатств и вместе с тем недоумает от разлагающей нас отчужденности, где идеалы американской демократии превратились в посмешище на фоне действительности расовых предрассудков..., где сила порождает тревогу и страх... Задача нашей дипломатии, как и нашего общества, в дальнейшем состоит не в том, чтобы переделывать мир на американский образец военными интервенциями и поддержкой благожелательных нам империй, а помогать установить такой устойчивый период, при котором удовлетворительный международный порядок может быть создан в сотрудничестве с другими народами»¹⁶⁸.

¹⁶⁷ «Progressive», September 1961, p. 8.

¹⁶⁸ Steel R. Pax Americana. N. Y., 1967, p. 353, 354.

Весной 1972 г. проблеск здравого смысла пробился в США сквозь темные тучи политики «холодной войны»; заговорили о том, что иностранные дела США находятся у порога существенных перемен. Перемены ожидали не только во внешней политике. Недовольство и волнения в стране, особенно среди молодежи, «кризис доверия» требовали и предвещали новые веяния и во внутривнутриполитической жизни Америки. В период поразительных научно-технических достижений, преобразующих жизнь и быт населения, облик страны, ее городов и ферм, немислимо, чтобы политические институты, созданные около 200 лет назад, продолжали оставаться в застывшем виде. Невероятно, чтобы власть гигантских корпораций продолжалась бесконечно, чтобы ошеломляющие достижения науки и техники (в частности, управляемая термоядерная реакция, к чему ведет современная физика, открывая близкую возможность предоставить в распоряжение человека самый дешевый неисчерпаемый источник энергии) оказывались добычей частного предпринимательства, кучки капиталистов, горстки монополистов.

В конце концов в Вашингтоне после ряда провалов вынуждены были признать, что США не могут использовать свое военное могущество так, как того кому-то хотелось бы, что применить водородное оружие — значит идти на самоубийство, что соревнование в гонке стратегических вооружений, отнимающих колоссальные материальные средства и интеллектуальные ценности, бесцельно, неразумно и крайне опасно, что, как это признал президент США Кеннеди в своем выступлении в ООН в сентябре 1963 г., в ядерный век нет альтернативы мирному сосуществованию, сотрудничеству в сохранении мира, необходимости взаимно учитывать позиции и интересы.

Таковы некоторые уроки послевоенной истории, а в более широком аспекте — уроки истории XX в.

КРАТКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Методологическим руководством во всей работе служили труды Маркса, Энгельса, Ленина. Их высказывания о развитии капитализма в США, о роли свободных земель, иммиграции и особенностей рабочего движения в Соединенных Штатах Америки, в частности работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» и другие его исследования служили также источниками, равно как и материалы съездов КПСС, документы внешней политики СССР, конгрессов Коминтерна, Коммунистической партии США и т. п.

* * *

За годы Советской власти, особенно после второй мировой войны, в нашей стране было опубликовано много книг, брошюр и статей по истории, экономике и политике США. Эта всесторонняя и разнообразная литература включает такие фундаментальные труды, как коллективные работы Института всеобщей истории АН СССР «Очерки новой и новейшей истории США» в двух томах и двухтомник «История рабочего движения в США в новейшее время, освещающий развитие рабочего движения с 1918 до 1965 г.; монографии академика Иноземцева Н. Н. «Внешняя политика США в эпоху империализма», рассматривающая внешнеполитические проблемы США и критически анализирующая освещение этих вопросов в американской историографии за весь период монополистического капитализма до 60-х годов XX в.; Зубока Л. И. «Очерки истории США (1877—1918)»; «Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918» и «Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна 1900—1939»; книги Аварина В. Я. «Борьба за Тихий океан»; Севостьянова Г. Н. «Подготовка войны на Тихом океане 1939—1941» и «Дипломатическая история войны на Тихом океане»; Ефимова А. В. «США. Пути развития капитализма»; Болховитинова Н. Н. «Становление русско-американских отношений. 1775—1815»; Далина С. А. «США. Послевоенный государственно-монополистический капитализм»; Куропятника Г. П. «Фермерское движение в США»; Беглова И. И. «США: собственность и власть»; Зорина В. С. «Доллары и политика Вашингтона»; Сивачева Н. и Язькова Е. «Новая история США, 1917—1972 г.»; Громыко А. А. «1036 дней президента Кеннеди» и др.

Все говорит за то, что советская литература, посвященная Соединенным Штатам, будет и впредь расти.

Создание при Академии наук СССР в 1968 г. Института США и Канады, основание в 1970 г. ежемесячного журнала «США. Экономика. Политика. Идеология», серьезное изучение проблем американского капитализма в Институте мировой экономики и международных отношений, в Институте всеобщей истории и в ряде других институтов и вузов дают все основания для такого прогноза.

Опубликованные советскими авторами монографии, коллективные сборники и другие работы, посвященные истории, экономике, внутренней и внешней политике, государственному устройству, партиям, рабочему движению, негритянскому вопро-

су, положению фермеров и другим проблемам США, заслуживают серьезного, подробного анализа и освещения в дальнейшем, хотя в этом направлении советскими историками проделана значительная работа.

В журнале «Вопросы истории» № 10 за 1957 г. опубликована развернутая статья А. В. Ефимова—«Изучение в СССР новой истории за сорок лет (1917—1957)». В этой статье автор отмечает, что «историей Соединенных Штатов в царской России, по сути дела, не занимались вовсе» и что в Советском Союзе «изучение истории США развернуто еще недостаточно... В то время как в США 40 институтов в различных аспектах изучают СССР, в нашей стране изучение США еще не налажено должным образом». Тем не менее уже тогда А. В. Ефимов имел возможность указать на ряд оригинальных, содержательных работ, опубликованных за указанные сорок лет в нашей стране о США.

В 1963 г. в сборнике «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС» была опубликована глава «Советская литература по истории США» (авторы главы Г. П. Куропятник и И. А. Белявская).

Короткий, но ясно и живо написанный «Обзор общих трудов советских авторов по новейшей истории США», изданный в 1960—1964 гг., опубликовал Е. Ф. Язков в журнале «Новая и новейшая история» № 5 за 1965 г.

В 1968 г. исторический факультет Московского государственного университета опубликовал под редакцией И. С. Галкина фундаментальный труд «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». Вторая глава (автор В. А. Дунаевский) первой части посвящена советской историографии в 1917—1945 гг. Первая глава второй части, также посвященная советской историографии, представляет большую коллективную работу (ее авторы А. Л. Нарочницкий, И. С. Галкин, И. В. Григорьева, А. Д. Колпаков, Э. Н. Рапп-Лантарон и Е. Ф. Язков). В обеих главах уделяется соответствующее внимание советской историографии о США.

В журнале «Народы Азии и Африки» № 4 за 1969 г. напечатана статья «Советские историки о тихоокеанской политике США». Автор А. А. Мурадян отмечает вышедшие раньше работы Аварина, Кантаровича и Севостьянова, а также сборник «Международные отношения на Дальнем Востоке» и дает обзор литературы, в основном опубликованной в 60-х годах.

Обстоятельный анализ и оценку достижений и состояния советской американистики за четверть века со времени окончания второй мировой войны дал Г. Н. Севостьянов в работе, опубликованной в журнале «Новая и новейшая история» № 4 за 1972 г. Примерно то же самое относится к статье Н. Н. Болховитинова «Некоторые итоги и задачи изучения новой истории США в Советском Союзе», опубликованной в том же журнале № 2 за 1969 г. В этой статье перечислены и некоторые издания 20-х и 30-х годов.

В 1972 г. Институт всеобщей истории АН СССР издал в двух частях аннотированную библиографию работ о внешней политике и дипломатии США, опубликованную в СССР на русском языке в 1945—1970 гг. Эта библиография охватывает монографии, коллективные сборники и журнальные статьи. (Составитель — Л. М. Струкова, ответственный редактор — Г. Н. Севостьянов). В 1974 г. Институтом всеобщей истории была издана аналогичная библиография по социально-политической и экономической истории США в пяти частях, составленная также Л. М. Струковой, ответственный редактор И. А. Белявская. В 1974 г. под редакцией Г. Н. Севостьянова вышла в свет работа «Американская историография внутриполитических проблем США». Она освещает и анализирует, хотя и не полностью, американскую литературу, ссылаясь одновременно на книги и статьи советских авторов по этим вопросам.

* * *

Наиболее полным источником, освещающим затронутые во всех трех книгах вопросы, можно считать материалы конгресса США. Конгресс заседает большую часть года. Все то, что говорится на заседаниях сената и палаты представителей, публикуется в бюллетене, носящем название «Congressional Record». Бюллетень выходит с приложением, в котором помещаются рекомендуемые членами конгресса характерные статьи периодической печати.

Нередко подобные статьи полностью или частично приводятся в выступлениях конгрессменов на заседаниях высшего законодательного органа страны.

Представляя собой скопление разнообразных материалов по различным важным вопросам, подобранных, как правило, хорошо осведомленными лицами, бюллетень конгресса является всеобъемлющим источником. Другое дело интерпретация, освещение этих материалов. Тенденциозность проявляется не только в беспрепятственном и довольно назойливом славословии «американского образа жизни», но и в том, что опытные политики часто жонглируют цифрами и фактами в угоду своей партийной линии и выборной кампании. Но это относится не только к материалам, публикуемым в бюллетене конгресса.

Очень важным всесторонним источником для изучения экономических, финансовых, социальных расовых, иммиграционных, фермерских, внешнеполитических и других проблем США в определенные периоды их истории являются материалы комиссий и подкомиссий конгресса, на заседаниях которых рассматриваются и разрабатываются наиболее важные вопросы. Комиссия по иностранным делам сената, ее подкомиссия по разоружению, финансовые комиссии сената и палаты представителей, комиссии по делам банков и валюты обеих палат, объединенные комиссии обеих палат по экономическим и иным вопросам, а также другие комиссии конгресса публикуют пространные отчеты и доклады по обсуждаемым ими вопросам.

В июне 1898 г., например, конгресс решил создать Объединенную комиссию обеих палат для исследования влияния индустриализации и вызванного ею роста корпораций на все аспекты американской жизни. В результате работы комиссии были опубликованы 19 томов. Комиссия в своих выводах констатировала, что объединение многих предприятий в единую корпорацию производства, уменьшение расходов на приобретение сырья, на транспорт, на сбыт продукции, на экспорт за границу и на патенты, лучшее использование техники и рабочей силы. Вместе с тем комиссия отметила, что тресты, монополизировав целые отрасли хозяйства, приносят обществу «много зла», уничтожают конкуренцию и ликвидируют мелкий самостоятельный бизнес, грабят народ установлением монопольных цен и разведением акционерного капитала; что в борьбе за монополию они пользуются нечестными средствами, подкупают и развращают чиновников и сотрудников своих конкурентов.

Комиссия, однако, не уделила должного внимания изучению того влияния, которое монополии распространяют на федеральную и местные власти. В 1911 г. специальная комиссия конгресса, созданная для всестороннего изучения проблемы иммиграции, опубликовала результаты своих четырехлетних работ в сорока томах.

В 1934 г. сенатская комиссия по делам банков и валюты, обследовавшая деятельность нью-йоркской биржи, приведшую к краху 1929 г., опубликовала в целом ряде томов все то, что слушалось и говорилось на комиссии. Десятки томов были опубликованы о дискуссии, происходившей в 1939 г. в комиссии по иностранным делам сената по вопросу о нейтралитете и эмбарго на оружие. В октябре 1946 г. Объединенная комиссия конгресса опубликовала в 39 томах итоги расследования всего того, что привело к событиям в Пирл-Харборе в декабре 1941 г. В 1957—1958 гг. финансовая комиссия сената обследовала состояние хозяйства и финансов страны. В результате опубликована многотомная работа, подробно освещающая различные аспекты и проблемы послевоенной экономики США.

Другая многотомная работа, опубликованная подкомиссией по разоружению комиссии по иностранным делам сената, содержит колоссальный, детально разработанный материал о послевоенном экономическом развитии США, в частности о влиянии на экономику огромных расходов на вооружение. Она освещает также политические вопросы, связанные с гонкой вооружений. В 1959 г. в подкомиссии экономической статистики при Объединенной экономической комиссии конгресса США обсуждались доклады об экономическом соревновании двух систем, представленные в комиссию.

В 1960 г. рассмотрение в комиссии по иностранным делам сената обстоятельств срыва Парижской конференции глав четырех правительств обняжило некоторые пружины вашигтонской дипломатии, показало решающую роль Пентагона и Центрального разведывательного управления во внешней политике США.

В общем конгресс и его комиссии издадут огромное количество разносторонней литературы по вопросам экономики, внутренней и внешней политики Соединенных Штатов Америки. Эта литература слишком обильна. В ней преобладает сырье. Она содержит также много «полуфабрикатов», но гораздо меньше готовой для пользования продукции.

Когда заседает конгресс, его бюллетень выходит ежедневно. Обычный размер бюллетеня варьируется в пределах 150–200 страниц, а иногда доходит до 250 и больше. По числу печатных знаков его страница, состоящая из трех колонок, напечатанных петитом, превышает в 4–5 раз нормальную страницу в обычной книге. По количеству содержащегося материала средний номер бюллетеня конгресса равен объемистой книге.

Не менее обширны материалы комиссий сената и палаты представителей. Для иллюстрации достаточно привести материалы одной подкомиссии — упомянутой подкомиссии по разоружению. Она была создана в соответствии с решением сената от 25 июля 1955 г. Сенат поручил ей всесторонне изучать проблемы разоружения и установления контроля над оружием массового уничтожения. В частности, в ее задачи вошло изучение влияния вооружений на мировую экономику, влияния международной напряженности на проблему вооружений, отношения за границей к взглядам американцев на разоружение, влияния возможного сокращения вооружений на безопасность США и др. В состав подкомиссии по разоружению вошли представители трех комиссий: иностранных дел, военной и Объединенной комиссии по атомной энергии. Только за первые три года ее работы подкомиссия по разоружению опубликовала около 20 томов, содержащих доклады и показания экспертов.

Комиссии конгресса часто пользуются услугами ученых и разных специалистов. Весною 1939 г., например, в комиссии по иностранным делам сената были заслушаны выступления профессоров Ч. Бирда, Стилуэлла, Дж. Шотвелла, Э. Фенвика, бывшего государственного секретаря Г. Стимсона, председателя Ассоциации внешней политики Т. Бьюэлла, Б. Баруха, генерала Х. Джонсона и др. В 1957 г., после запуска в Советском Союзе первого искусственного спутника Земли подкомиссия сената по делам военной готовности США заслушала 70 докладчиков и около 200 экспертов. В 1959 г. комиссия по иностранным делам сената опубликовала ряд докладов, составленных по ее заданию профессорами известных университетов и другими специалистами, о перспективах внешней политики США. Эти доклады отражают взгляды влиятельных кругов на внешнюю политику Вашингтона и на борьбу двух систем. Доклады особо подчеркивают роль развивающихся стран в этой борьбе, важность для американского и мирового капитализма проведения долгосрочной программы развития этих стран в желательном для США направлении.

Среди подробных показаний в подкомиссии по разоружению — пространные доклады специального помощника президента США по вопросам разоружения Х. Стасена, государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса, министра обороны Г. Вильсона, начальников штабов армии, морских и воздушных сил, бывшего представителя США в комиссии по разоружению ООН Коэна, бывших начальников отдела по планирова-

нию политики государственного департамента Кеннана и Нитце, директора Центра по изучению внешней политики США при Чикагском университете Ганса Моргентгау, бывшего председателя совета экономических консультантов при президенте США Леона Кайзерлинга, председателя Федерального резервного управления У. Мартина, известных специалистов по атомной физике профессоров Г. Бетэ и Теллера, представителя США в ООН Г. Лоджа и др.

В докладах и отчетах подкомиссии по разоружению, составленных крупнейшими специалистами страны по различным вопросам, анализируются основные послевоенные внешнеполитические и экономические проблемы США. Конечно, эти проблемы освещаются в американском стиле. Но для понимания позиций Вашингтона и взглядов его государственных и политических деятелей на современные международные вопросы, а также основ, определяющих эти позиции и взгляды в подкомиссии по разоружению, имеется обширный материал.

В сенате числятся 16, а в палате представителей 20 комиссий. Кроме того, по разным актуальным вопросам создавались временные комиссии конгресса и правительства США, которые также публиковали свои отчеты. Не все комиссии представляют для нас одинаковый интерес. Но все они дают большой материал, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемым в данной работе вопросам. Этот материал служил основным источником для третьей части второй главы, второй части третьей главы и второй части пятой главы первой книги, для второй части седьмой главы и шестой части девятой главы второй книги и для первой части седьмой главы третьей книги, а также для освещения ряда вопросов, рассмотренных в разных главах всех трех книг.

Изобилие материалов, публикуемых конгрессом, затрудняет кропотливому и настойчивому исследователю возможность изучить их основательно. Не только изучить, но даже лишь просмотреть все то, что публикуют по интересующим нас вопросам конгресс и его комиссии, одному исследователю физически невозможно. Однако издания конгресса содержат такой подробный и интересный материал, который для историка представляет большой интерес. Приходится в данном случае прибегать к выборочному способу после длительной работы над указанными материалами.

То же самое относится к объемистым нью-йоркским газетам — «New York Times» и «New York Herald Tribune» (до ее ликвидации в 1966 г.). Особенно следует отметить воскресные издания этих газет с их приложениями — «New York Times Magazine» и «New York Herald Tribune Magazine».

Комиссия по иностранным делам сената, помимо многочисленных докладов и отчетов, публикует документы. В 1950 г., например, она опубликовала сборник основных документов о внешней политике США в 1941–1949 гг. В сборнике, названном «Десятилетие американской внешней политики»¹ и состоящем из восьми частей, на протяжении 1380 страниц приводятся следующие основные документы, опубликованные в результате конференций и соглашений между США и другими государствами в период военных и первых послевоенных лет: резолюции сената по вопросам внешней политики; Устав, структура ООН и ее специализированных организаций; межамериканские конференции; взаимоотношения США с отдельными государствами; документы, относящиеся к декларации «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла» и др. Достоинство этого сборника заключается в том, что основные внешнеполитические документы за десять лет сконцентрированы в одном месте. Однако это достоинство в значительной мере обесценивается тем, что материал не всегда изложен в хронологическом порядке. Еще менее понятно включение в одну и ту же часть совершенно различных по характеру и содержанию вопросов. Восьмая часть, например, содержит в начале решение четырех держав от 8 августа 1945 г. об организации Международного трибунала для суда над военными преступниками, а в конце — договор от 4 апреля 1949 г. о создании НАТО.

¹ U.S. Senate. A Decade of American Foreign Policy. 1941–1949.

Внешнеполитические документы публикуются постоянно в изданиях государственного департамента. Сюда относится прежде всего его еженедельный бюллетень «Department of State Bulletin». В бюллетене печатаются речи и заявления на международные темы президента и вице-президента США, государственного секретаря, представителя США в ООН, видных членов конгресса и дипломатов; резолюции и коммюнике, опубликованные в результате международных конференций и совещаний, переговоров и соглашений; ноты, меморандумы и послания правительства США, послания президента США в конгресс полностью или в сокращенном виде; выступления видных государственных деятелей США по актуальным вопросам внешней политики и др. Бюллетень печатает также статьи, которые, как и помещаемые в нем речи, выражают взгляды государственного департамента на определенные международные вопросы.

Уже более ста лет, — со времени гражданской войны между северными и южными штатами. — государственный департамент публикует дипломатические документы. Однако не все документы обнародованы, а некоторые из них опубликованы с сокращениями. Это, по крайней мере, верно в отношении документов, относящихся к периоду второй мировой войны и к причинам ее возникновения. В документах о конференциях 1943 г. в Каире и Тегеране, опубликованных в 1961 г., имеется даже соответствующее указание государственного департамента, где говорится, что некоторый полный или частичный пропуск в документах допустим по следующим соображениям: а) «чтобы избежать публикации материалов, которые могли бы помешать текущим дипломатическим переговорам или другим мероприятиям»... в) «чтобы сохранить доверие, которым госдепартамент пользуется у отдельных лиц и у иностранных государств»².

Таким образом, подбор и обработка документов не лишены тенденциозности. Неудивительно, что в американской историографии, основанной на одних и тех же документах, события второй мировой войны находят различные, иногда даже противоположные толкования.

Сборники документов и материалов, публикуемых государственным департаментом, сопровождаются обычно подробными комментариями, вводными и заключительными статьями. Примером может служить книга об американо-китайских отношениях, изданная в 1949 г.³ Эта книга объемом свыше тысячи страниц состоит больше чем наполовину из документов. Остальная часть представляет описание основных моментов из истории отношений США с Китаем, в которое включены выдержки из документов. Около трех четвертей всей книги относится к послевоенным годам. Многие документы, как и предисловие бывшего государственного секретаря Д. Ачесона, подтверждают, что США не только затратили огромные силы и средства для спасения продажного режима Чан Кай-ши, но и вынуждены были вместе с реакционным гоминданом отступить перед натиском победоносной народной революции.

Об участии США во второй мировой войне 1941—1945 гг. государственный департамент опубликовал 36 томов документов, а 47 томов — о предшествующем десятилетии (1931—1940); в виде введения к обнародованным документам об этом десятилетии в начале 1943 г. государственный департамент опубликовал сборник основных документов под названием «Мир и война»⁴. Этот сборник начинается с материалов о нападении Японии на Маньчжурию в 1931 г. и кончается материалами о нападении на Пирл-Харбор в 1941 г. и вступлением США в войну. Предисловие к нему написано государственным секретарем К. Хеллом.

² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference at Cairo and Teheran 1943. Washington, 1961, p. XIX—XX.

³ United States Relations with China, with Special Reference to the Period 1944—1949. Department of State Publication. Washington, 1949.

⁴ Peace and War. U.S. Foreign Policy 1931—1941. Washington, 1943.

Из периодической литературы, использованной во втором и третьем томах, следует отметить прежде всего ежемесячный журнал «Current History». Одно название журнала свидетельствует о его значении для работы о современной истории США. Но это — старое название. Оно больше соответствовало содержанию журнала в годы первой мировой войны, когда он был основан (1914), в 20-х и в большей части 30-х годов. Потом его содержание изменилось, менялись также неоднократно его форма и объем. В прошлом только половина журнала отводилась для статей. Другая его половина называлась «Всемирная история за месяц». Она состояла из обзоров, в которых известные американские историки освещали важнейшие события в США и за границей за истекший месяц. Такую картину представлял этот журнал еще в середине 30-х годов, когда в его разделе «Всемирная история» печатались обзоры таких известных историков, как Чарльз Бирд, Аллен Невинс и др. Потом, когда этого раздела не стало, журнал начал печатать хронологию главных событий в США и за границей и публиковать важнейшие международные документы.

В последние годы журнал посвящает обычно каждый номер отдельному международному вопросу или вопросу внутренней политики США. Так, вопросам Ближнего Востока, например, были посвящены номера журнала за июнь 1956 г., ноябрь 1957 г., февраль 1959 г., май 1960 г., апрель 1962 г., май 1965 г., февраль и декабрь 1967 г., январь 1970 г., 1971 и 1972 гг.; Латинской Америке — за апрель 1957 г., март 1960 г., февраль 1963 г., январь 1964 и 1965 гг., ноябрь 1967 г., январь 1969 г., февраль 1970—1972 гг.; Китаю — за январь и декабрь 1957 г., декабрь 1960 г., сентябрь 1961, 1962, 1964, 1965, 1969 и 1971 гг.; Советскому Союзу были посвящены номера за ноябрь 1961 г., октябрь 1962 г., ноябрь 1964 г., октябрь 1965, 1967, 1969, 1970 и 1971 гг.

Специальные номера этого журнала заполнены также вопросами внешней политики США. Но многие из них освещают проблемы и внутренней политики. Так, майский номер за 1957 г. был посвящен проблеме интеграции в учебных заведениях на Юге США, майский номер за 1958 г. — государственным электростанциям, июньский и ноябрьский номера за 1959 г. — проблемам рабочего движения в США, июльские за 1960 и 1961 гг. — экономическому положению страны, а октябрьский за 1960 г. — характеристике деятельности президентов США за полвека.

Журнал, претерпев существенную эволюцию, потерял свои основные черты, отличавшие его в прошлом. Тем не менее он продолжает оставаться полезным источником для изучающих современную историю США. Поскольку нас прежде всего интересовало выяснение достоверного хода событий, а не различные, иногда даже противоречивые толкования этих событий американскими историками, для нашей цели рассматриваемый журнал имел известные преимущества даже перед специальным объемистым научным органом — кварталным журналом Американского исторического общества «American Historical Review». Последний содержит наиболее полную и подробную библиографию не только книг, но и статей на исторические темы, опубликованные в разных странах и относящиеся к различным вопросам.

По своему новому профилю журнал «Каррент хистори» во многом напоминает журнал «Annals of American Academy of Political and Social Science». Оба эти журнала издаются в Филадельфии. «Анналы» не только по объему превышают в несколько раз журнал «Каррент хистори», но и отличаются от него более серьезным содержанием. «Анналы» являются двухмесячным вестником академии. Каждый его номер посвящен определенному вопросу. В номерах за июль 1953 и 1957 гг., например, были освещены вопросы, связанные с возникновением и деятельностью НАТО, за ноябрь 1953 г. — проблемы атомной энергии и атомного оружия, за июль 1954 г. — позиции и политика США в Азии, за январь 1956 г. и за июль 1959 г. — СССР и советско-американские отношения, за июль 1960 г. — различные аспекты и перспективы внешней политики США, за май 1972 г. — политика США на Ближнем Востоке, а за июль 1972 г. — политика в Китае.

В отличие от журнала «Каррент истори», в «Анналах» вопросы внешней политики не служат основной тематикой. Целые номера отведены таким вопросам, как роль религии в американской общественной жизни, последствия потребления алкоголя, несчастные случаи на автомобильных дорогах, проекты тюремных реформ, и другим проблемам, которые для данной работы автора непосредственного интереса не представляют. Но ряд материалов, имеющих прямое отношение к работе, приведены в «Анналах» довольно обстоятельно. Так, мартовский выпуск журнала за 1972 г. обсуждает государственное регулирование экономической жизни, а сентябрьский за этот год — роль крупных корпораций в экономике, внутренней и внешней политике США.

Обильный материал по современной истории США поставляет выходящий с 1948 г. после слияния двух журналов вашингтонский еженедельник «United States News and World Report». Этот журнал отличается актуальностью. Он быстро откликается на политические события. На первых его страницах помещаются короткие, зачастую сенсационные сообщения. К этим сообщениям, как и к его статьям, следует подходить весьма осторожно, так как не всегда они верны. Речь идет не только о неправильной интерпретации материалов, но и о сомнительности, которую нередко вызывают сами материалы. Прежде чем пользоваться ими, необходимо их тщательно проверить. Официальные выступления и документация часто публикуются в этом журнале. Его статьи печатаются, как правило, без подписи автора. Лишь редакционные статьи, помещаемые в каждом номере на последней странице журнала, подписывались его основателем и бессменным редактором Дэвидом Лоуренсом, умершим в феврале 1973 г. в возрасте 84 лет.

Лоуренс, слышавший в молодости либералом, на старости лет с каждым годом становился все более консервативным. От его статей разит ненавистью к СССР и другим социалистическим государствам. В этих статьях находили защиту пресловутый маккартизм (даже после того, как сенат США официально осудил деятельность сенатора Дж. Маккарти), агрессия США во Вьетнаме и т. п. В президентской кампании 1964 г. Лоуренс зарекомендовал себя как верный сторонник такого главаря «ястребов» как Б. Голдуотер. Каков редактор, таков и журнал.

Правда, и Лоуренс не мог обойти молчанием моральный кризис, охвативший США. Статью от 1 января 1973 г. он начал словами: «Наша национальная жизнь сегодня отмечается больше всего конфликтами. Группа борется против группы. Раса против расы. Убеждение против убеждения. Битва не всегда происходит открыто. Отравленная стрела нетерпимости и недоверия вонзается в глубины нашей повседневной жизни»⁵.

Консервативную позицию занимает, как правило, также еженесячник «Fortune». В этом журнале бывают обстоятельные, оригинальные статьи, но они нередко содержат материал, специально подобранный в угоду определенным взглядам. Особенно осторожно следует подходить к его печатной продукции, имеющей отношение к СССР. В начале каждого номера, помимо оглавления, дается краткое содержание — аннотация статей. Это экономит время читателя.

Из журналов, быстро откликающихся на актуальные события, по комплектам которых можно более или менее восстановить картину этих событий, следует назвать еженедельник «Newsweek». На его страницах (как и ряда других американских журналов) печатаются статьи авторов, принадлежащих к различным направлениям. Но общий облик его консервативен, и к его сенсационным сообщениям необходимо подходить с оглядкой.

Наряду с материалами конгресса, государственного департамента и указанными нью-йоркскими газетами отмеченные журналы служили источниками для изучения развития основных событий экономической и политической жизни США в рассматриваемый период. Кроме того, ряд американских журналов был использован не

столько как источник материалов, сколько как периодическая литература, более детально освещающая отдельные вопросы, выявляющая различные точки зрения в правящих и общественных кругах США, характеризующая политических и общественных деятелей, а также деятельность партий, конгресса, правительства и профсоюзов. Сюда относятся журналы «New Republic», «Nation», «Harper's Magazine», «Atlantic», «Progressive», «American Federationist», «American Mercury» и др. Для освещения событий, происходивших на рубеже XIX и XX вв., был широко использован журнал «North American Review». К этому журналу автор прибегал и в работе над второй книгой.

За все время работы над второй и третьей книгами настольной литературой служили комплекты органа Коммунистической партии США — журнала «Communist», переименованного потом в «Political Affairs». В этом журнале, помимо освещения вопросов партийной жизни и классовой борьбы, публикуются серьезные статьи о внутренней и внешней политике США. Но следует учесть, что кризис, который партия переживала в военные и первые послевоенные годы, не мог не отразиться на ее политическом и теоретическом органе.

* * *

Из специальной американской периодической литературы по вопросам внешней политики заслуживает внимания ежеквартальный журнал «Foreign Affairs». Формально он считается органом общественной организации, имеющей научный отдел — Совет внешних сношений. Этот Совет в своих печатных изданиях оговаривается, что он не ставит перед собой задачу влиять на политику, что он занимается лишь «изучением международного аспекта американских политических, экономических и стратегических проблем»; он даже постоянно подчеркивает, что авторы, выступающие в его изданиях, сами несут ответственность за излагаемые ими взгляды. На деле, однако, Совет внешних сношений проводит в своих печатных органах не только научную, но и определенную политическую линию.

Журнал «Форин аффферс» часто обосновывает, а иногда даже предвещает новый внешнеполитический курс или новые дипломатические шаги Вашингтона. Политика «сдерживания», провозглашенная при президенте Г. Трумэне, была изложена прежде всего в виде статьи начальника Отдела по планированию политики государственного департамента в журнале «Форин аффферс». В этом журнале в свое время выступали со статьями государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес, бывший государственный секретарь Д. Ачесон, будущий государственный секретарь Д. Раск, будущий президент США Дж. Кеннеди, бывший британский премьер Э. Иден и другие высокопоставленные американские и иностранные государственные деятели.

Журнал иногда помещает на своих страницах высказывания государственных деятелей, взгляды которых совершенно расходятся с официальной позицией правительства США, как, например, статьи государственных деятелей социалистических стран. Но, как правило, за ними следуют статьи, толкующие те же вопросы на американский лад. «Форин аффферс», конечно, не единственный в своем роде. Существуют университетские органы, полностью или частично посвященные международным вопросам, как, например, кварталный журнал «World Politics», издаваемый Принстонским университетом.

Основная линия журнала «Форин аффферс» сводится к тому, чтобы теоретически оправдывать практическую деятельность вашингтонской дипломатии. Это определяет его политическое лицо. Интерес, который этот журнал вызывает, и видное место, которое он занимает во внешнеполитической литературе, объясняется тем, что его авторы, как правило, весьма компетентны в трактуемых ими вопросах.

С 1931 г. Совет внешних сношений публикует свои годовые издания — «США в мировой политике за год». Это книга, описывающая международные вопросы и отношение к ним США в течение определенного года. По ее изданиям на протяже-

⁵ «U.S. News and World Report», 1.I 1973, p. 72.

нии ряда лет можно судить о развитии международных отношений за соответствующий период. Но она не является просто международной летописью. В ней проводится определенная точка зрения, мировые события освещаются в американском духе. Правда, это делается не слишком грубо. Иногда даже печатаются материалы, которые свидетельствуют о неприглядной роли «дипломатии доллара». Так, в книге за 1954 г. признается, что без помощи США реакционный переворот, совершенный тогда в Гватемале, имел бы весьма слабые шансы на успех. В отличие от журнала «Фори афферс», в каждом номере указанного ежегодника указывается имя одного, иногда двух авторов, под руководством которых научно-исследовательский аппарат Совета внешних сношений подготовил данную книгу. Но политическое лицо и квартальных, и годовых изданий этого Совета одинаковое. В 1948 г. к его годовому изданию написал предисловие будущий государственный секретарь Д. Ачесон, а в 1949 г. — бывший государственный секретарь Дж. Маршалл.

С 1953 г. Совет издает также ежегодники — «Документы американских внешних сношений». Эти ежегодники печатались и раньше, начиная с 1939 г. Но до 1953 г. они публиковались под грифом другой организации в США — Фонда международного мира. Ежегодники содержат не только внешнеполитические документы в узком смысле этого слова. В ежегодники, изданные в 1953 и 1957 гг., например, включены материалы президентских кампаний предшествующих лет (выдержки из партийных платформ и выступлений кандидатов в президенты США).

Из специальной периодической экономической литературы, привлеченной при изучении отдельных вопросов, заслуживают быть отмеченными квартальный журнал «American Economic Review» и двухмесячник «Harvard Business Review». Оба журнала считаются теоретическими. Во всяком случае, помещаемые в них статьи рассматривают определенные проблемы. В последнее время оба они, в особенности первый, уделяют известное внимание экономическому соревнованию двух систем. Первый является органом Американской экономической ассоциации, второй — Гарвардского университета. В первом иногда встречаются критические обзоры, направленные, например, против мифа о народном капитализме (июль 1958 г.). Второй стоит непоколебимо на страже интересов крупного капитала, призывает даже к усилению роли этого капитала в политике (март — апрель 1959 г.).

Развитие хозяйственной конъюнктуры в наших работах прослежено по бюллетеню Федерального резервного управления — «Federal Reserve Bulletin». Этот ежемесячный журнал заполняется в основном цифрами, характеризующими состояние хозяйства и финансов страны. В начале он помещает две-три небольшие статьи, свидетельствующие о том, какие экономические вопросы являются в данное время актуальными. Публикуемые им ежемесячные индексы промышленного производства служат внутри страны и за границей основой для оценки экономического положения США.

Другой экономический журнал, по которому мы ряд лет наблюдали за движением хозяйственной конъюнктуры, — это ежемесячник «First National City Bank of New York Bulletin». В этом журнале наряду с некоторыми цифрами, в частности данными о прибылях важнейших корпораций, основное место занимает текст. В начале каждого номера журнала дается общая характеристика состояния хозяйства. Затем рассматривается актуальная в данное время проблема. Наряду с финансовыми проблемами, вопросами налогов, бюджета, валюты, платежного баланса рассматриваются экономические взаимоотношения США с иностранными государствами, в частности с развивающимися странами, проблема безработицы, фермерская проблема и др.

С начала мирового экономического кризиса, возникшего в 1929 г., известное в США издательство Макгроу — Хилл издает еженедельник «Business Week». Он насыщен текстом и цифрами, характеризующими состояние хозяйства.

Пожалуй, из всех использованных конъюнктурных журналов США наиболее деловым, совершенно не содержащим рекламы является ежемесячник министерства

торговли «Survey of Current Business» — обзор текущей экономики. Его готовит Бюро экономического анализа министерства. Наряду с подробным цифровым материалом, всесторонне характеризующим динамику экономической жизни, журнал публикует серьезные статьи на эту тему, привлекая иногда даже математический аппарат.

Для изучения динамики хозяйства США и освещения экономических вопросов автором были также использованы материалы двухнедельного журнала Уолл-стрит — «Magazine of Wall Street». В этом журнале в каждом номере приводятся данные о состоянии промышленности, торговли, строительства, занятости населения, об уровне цен на товары и акции. Но основное место в журнале занимают статьи, характеризующие общее экономическое состояние страны, положение в отдельных отраслях хозяйства и в отдельных крупных корпорациях. Постоянное внимание он уделяет капиталовложениям внутри страны и экспорту капитала за границу. Первые две статьи в журнале носят обычно политический характер. Иногда они без обиняков восхваляют «американский образ жизни», нередко содержат грубые выпады против социалистических стран.

Наконец, отметим еще один орган крупного американского капитала — нью-йоркский еженедельник «Commercial and Financial Chronicle». Этот журнал также приводит в каждом номере сводные данные о состоянии хозяйства и финансов. Но это отнимает у него лишь одну страницу. В основном его страницы заполнены выступлениями и дискуссиями на экономические и политические темы. В нем публикуются выступления крупных государственных, финансовых и промышленных деятелей на собраниях Торговой палаты США, Национальной ассоциации банкиров, Национальной ассоциации промышленников, соответствующих ассоциаций в штатах, а также выступления перед другими аудиториями, в которых обсуждаются важнейшие экономические и политические проблемы американского капитализма.

Назовем некоторые проблемы, служившие после второй мировой войны предметом дискуссии в этом журнале: опасность инфляции, роль государственных мероприятий в борьбе с кризисом, своеобразие послевоенного промышленного цикла, влияние вооружений на экономику, экономическое соревнование двух систем, роль развивающихся стран в борьбе двух систем, проблема платежного баланса и др. Перечисленных вопросов достаточно для того, чтобы оценить значение этого журнала для изучения экономических и политических проблем США, получить представление о взглядах руководящих деятелей американского капитализма на эти проблемы.

Статистический материал для трехтомника автор черпал главным образом в «Historical Statistics of the United States». Этот всеобъемлющий статистический сборник, подготовленный Бюро цензов США и вышедший вторым изданием в 1961 г., содержит цифры по различным вопросам, начиная с тех времен, когда будущие Соединенные Штаты еще представляли английскую колонию, и кончая 1957 г. Для следующих лет были использованы статистические ежегодники «Statistical Abstract of the U. S.», издаваемые Бюро цензов США и отражены наряду с «Исторической статистикой» во всей работе. В ряде случаев данные были взяты автором непосредственно из соответствующих томов цензов. В работе были использованы и другие ежегодники, в частности «World Almanac», столетие которого было отмечено в 1968 г.

Начиная с 1947 г. в Вашингтоне ежегодно публикуются экономические отчеты президента США. Эти отчеты направляются в начале каждого года в конгресс в виде специального послания президента в соответствии с законом 1946 г. об обеспечении максимальной занятости населения страны. Послания содержат общую характеристику экономики и экономических проблем в данное время, а также тех мер, которые рекомендуются правительством для решения или смягчения этих проблем. Послания сопровождаются приложениями, в которых приводится подробный статистический материал. Иногда президент США отправляет в конгресс дополнительные экономические послания в середине года.

Все экономические отчеты президента США изданы в Вашингтоне отдельными книгами. Все вместе они не только дают в общем представление о развитии экономики США в послевоенные годы — они также обнаруживают некоторые острые вопросы, волновавшие правящие круги Вашингтона в это время.

Одним из наиболее важных источников документов автору служило шестое издание «Документов американской истории» Генри Коммаджера⁶, опубликованное в 1962 г. В двух томах оно содержит документы, начиная с полномочий и привилегий, предоставленных Колумбу в 1492 г., и кончая актом о гражданских правах, принятым 30 августа 1957 г.

В 1961 г. в Нью-Йорке вышел сборник внешнеполитических документов, который также был использован в подготовке указанных трех книг — «Американская внешняя политика, документальное обозрение 1776—1960». Его составитель — Дороти Гёбел.

* * *

Монографические исследования, как и книжная литература вообще, занимали в работе автора над трехтомником вспомогательное место. Исключение составляют биографии президентов и мемуары, в которых освещаются важнейшие события двух мировых войн.

Американская историография обильна. Необъятна и литература, посвященная отдельным периодам и отдельным вопросам, затронутым в нашей работе. Трехтомник содержит многочисленные ссылки на авторов и на их книги. На некоторых из них остановимся.

Прежде всего следует отметить двух маститых американских историков Альфреда Мэхэна и Чарлза Бирда. Оба они — плодотворные авторы. Оба были в XX в. председателями Американского исторического общества, хотя по своим взглядам сильно отличались друг от друга. Мэхэн выступал в качестве проповедника американского империализма; Бирд — как критик империализма и защитник изоляционизма. Мэхэн умер в декабре 1914 г., вскоре после возникновения первой мировой войны.

Как раз тогда приобрел известность Бирд, который в 1913 и 1915 гг. опубликовал два исторических исследования: «Экономическая интерпретация конституции Соединенных Штатов» и «Экономические истоки джефферсоновской демократии». Обе эти книги, вскрывая настоящее классовое лицо творцов филаделфийской Конституции, вызвали в свое время много толков. Их автора, объяснявшего важнейшие события в истории создания и становления Соединенных Штатов экономическими факторами, рассматривали как одного из основателей «экономического направления» в американской историографии. В 1922 г. вышла книга «Экономическая основа политики»⁷. Некоторые даже причисляли его одно время к марксистам. Против его толкования конституции США ополчились известный член Верховного суда США Холмс, бывший президент США У. Тафт и др.

Однако следует иметь в виду, что Бирд отнюдь не придерживался последовательно монистического взгляда на историю. Как большинство современных ему буржуазных американских историков, Бирд был эклектиком. В 30-х годах, во время второй мировой войны и после нее (до самой его смерти в сентябре 1948 г.) он выступал как теоретик изоляционизма, как критик внешней политики Франклина Рузвельта. Формально он называл себя не изоляционистом, а сторонником невмешательства Америки в заокеанские дела. Хотя вначале Бирд поддерживал правительство Рузвельта, он потом выступал не только против внешней, но и против экономической

политики Рузвельта, что нашло, в частности, выражение в опубликованной им в 1940 г. совместно с Дж. Смитом книге «Старый и новый курс». Его изоляционистские взгляды изложены в книгах «Затуманные головы и иностранные раздоры», вышедшей в 1939 г., «Американская внешняя политика в действии в 1932—1940», опубликованной в 1946 г., а также в других книгах и многочисленных статьях.

Бирд опубликовал один и как соавтор около 25 книг. Из них отметим следующие труды: «Современная американская история», изданная в 1914 г., «История американского народа» — в 1918 г., «Внешняя политика для Америки» — в 1940 г., «Америка на полпути» — в 1939 г. и «Основы истории Соединенных Штатов» — в 1944 г. Последние две книги он написал вместе со своей женой⁸.

В книге «Внешняя политика для Америки» Бирд не только критикует пионеров американского империализма — Мэхэна, Лоджа и Теодора Рузвельта, которых он называет «маленьким триумvirатом», но и выступает против мировой политики Вудро Вильсона и Франклина Рузвельта, не одобряет участия США в коллективных действиях с европейскими государствами.

В последний год его жизни, в 1948 г., он опубликовал книгу «Президент Рузвельт и вступление Америки в войну»⁹. В этой монографии Бирд излагает итоги обследований различными комиссиями событий, приведших 7 декабря 1941 г. к катастрофе в Пирл-Харборе. От его небеспристрастного освещения хода событий остается впечатление, что утверждение, будто Рузвельт несет ответственность за разгром Тихоокеанского флота японцами и за вовлечение США в войну в конце 1941 г., не лишено основания.

Критика внешней политики Рузвельта Бирдом, его изоляционистские взгляды дали основание некоторым американским авторам причислить его к так называемым «неоревизионистским» историкам. Последние одобряли тезис, выдвинутый сенатором Р. Тафтом через три дня после нападения Гитлера на СССР. Тафт утверждал, что для США победа Советской России хуже, чем победа фашистской Германии. «Неоревизионисты» в своем антикоммунизме не скрывали огорчения по поводу катастрофы, постигшей гитлеровский вермахт. Это никак не относится к Бирду. Он наоборот, критиковал Рузвельта за то, что тот поощрял переговоры Н. Чемберлена и Э. Даладе в Мюнхене в сентябре 1938 г. Бирд критиковал не только внешнюю политику Франклина Рузвельта, но и мировую политику Теодора Рузвельта, как и других пионеров американского империализма.

Вершины научной и литературной деятельности Бирд достиг в 1927 г., когда он опубликовал свой двухтомный труд «Развитие американской цивилизации»¹⁰. Этот двухтомник, написанный им вместе со своей женой Мэри Бирд, был три раза переиздан только в 1927 г. и выдержал ряд изданий в дальнейшем. Для нашей работы в двухтомнике Бирдов представляют непосредственный интерес последние семь глав, составляющие более половины второго тома. Но «Развитие американской цивилизации» написано с таким мастерством, что, когда заглядываешь в нужную главу, возникает желание прочитать предыдущую и последующую главы. Когда знакомишься впервые с этим произведением, хочется читать его второй и третий раз.

Во всем двухтомнике, занимающем в издании 1930 г. около 1650 страниц, нет ни единой сноски, ни одной ссылки на источник, ни библиографии в конце, как принято обычно в исторической работе. В 20-х годах научный авторитет Бирда был уже достаточно высок, чтобы он мог себе это позволить.

⁸ Beard Ch., Smith J. The Old Deal and the New. N. Y., 1940; Beard Ch. Giddy Minds and Foreign Quarrels. N. Y., 1939; *Idem.* American Foreign Policy in the Making. 1932—1940. N. Y., 1946; *Idem.* Contemporary American History. N. Y., 1914; *Idem.* History of the American People. N. Y., 1918; *Idem.* A Foreign Policy for America. N. Y., 1940; Beard Ch. and M. America in Midpassage. N. Y., 1939; *Idem.* A Basic History of the U.S. N. Y., 1944.

⁹ Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of War to America. N. Y., 1948.

¹⁰ Beard Ch. and M. The Rise of American Civilization. N. Y., 1927.

⁶ Commager H. Documents of American History. N. Y., 1962.

⁷ Beard Ch. An Economic Interpretation of the Constitution of the U.S. N. Y., 1913; Economic Origins of Jeffersonian Democracy. N. Y., 1915; The Economic Basis of Politics. N. Y., 1922.

В процессе подготовки первых двух книг автор привлекал следующие два и последние томов большого коллективного труда — «Американский народ»: 25-й том, названный «Америка как мировая держава, 1897—1907 гг.» (его автор Джон Латанэ) и 27-й том: «Национальный прогресс 1907—1917 гг.»¹¹, (его автор Фредерик Огг). Оба тома завершаются подробной библиографией по отдельным вопросам: в 25-м томе — об испано-американской войне, об интервенции на Кубу, о войне США против Филиппинской республики и о дипломатии США на Дальнем Востоке; в 27-м томе — о корпорациях и трестах, о положении и борьбе рабочего класса, о проблеме иммиграции, о двухпартийной системе, об экспансии США в Латинскую Америку, об их дальневосточных проблемах и о первой мировой войне.

Из другой коллективной работы по истории США «История американской жизни» под редакцией А. Шлезингера и Р. Фокса отметим 12-й и 13-й тома. Двенадцатый том, написанный П. Слоссоном и названный «Великий поход и после», охватывает 1914—1928 гг. Автор уделяет главное внимание освещению внутриполитической и общественной жизни США в военное время и в период 20-х годов. 13-й том, написанный Д. Векстером, назван «Период великого кризиса»¹². Он охватывает 1929—1941 гг. Из пятнадцати глав только первые две главы относятся к кризису. Но уже в первой главе, говоря о причинах кризиса, автор отметил резкое отставание заработной платы, т. е. покупательной способности широких трудовых слоев населения, от роста производства и тем более от спекулятивного ажиотажа. Во второй главе описывается, как кризис изменил условия жизни в Америке. В третьей главе рассматривается президентская кампания 1932 г. и смена Гувера Рузвельтом. Затем автор освещает развитие внутриполитической, общественной, культурной и научной жизни США в первые два президентства Рузвельта, до вступления Америки во вторую мировую войну.

Заслуживают внимания книги самого Артура Шлезингера «Политическая и социальная история Соединенных Штатов, 1829—1925 гг.» (1927) и «Развитие современной Америки, 1865—1951 гг.» (1954)¹³. В обеих книгах, помимо всего прочего, дана подробная, обстоятельная библиография.

Его сын Артур Шлезингер-младший превзошел в продуктивности отца. Он написал три объемистых тома под общим названием «Век Рузвельта»¹⁴, обещав даже опубликовать четвертый том. Эти тома не ограничиваются двенадцатью годами пребывания Франклина Рузвельта в Белом доме. Автор считает события этих лет кульминационными в полувековой истории США. Первый том, опубликованный в 1957 г., озаглавлен «Кризис старого порядка, 1919—1933». Но автор совершает в этом томе экскурс в предыдущие десятилетия, возвращается даже к популистскому движению 90-х годов прошлого века, утверждая, что это движение, направленное против господства крупного капитала, ознаменовало новую стадию в борьбе за реформы, что эта борьба продолжалась в так называемый «прогрессивный эре», когда большое влияние в периодической печати оказывали маккреры¹⁵, а в стране и в конгрессе — Роберт Лафоллет и его единомышленники. Особую роль в прогрессивном движении Шлезингер-младший приписывает Теодору Рузвельту, его «новому национализму», утверждая, что деятельность правительства Франклина Рузвельта понятна лишь

в свете «идей, надежд и опыта поколений», что президентство Ф. Рузвельта, которое автор называет «демократической революцией в Соединенных Штатах», «собрало силы в течение тридцати лет». Шлезингер признает, что Вудро Вильсон существенно отличался от Теодора Рузвельта. Но вместе с тем Шлезингер доказывает, что оба они в конечном итоге выступали за то, что впоследствии проводил в жизнь Франклин Рузвельт: «новый национализм» и «новая свобода» одинаково подтверждали необходимость активного вмешательства государства в экономическую жизнь. Конечно, Франклин Рузвельт управлял государством в другое время и в других условиях, чем Теодор Рузвельт и Вильсон. Но все они признавали необходимость реформ с целью сохранения и укрепления капитализма.

Второй том труда «Век Рузвельта», названный Шлезингером «Вступление в Нью-дил», довольно подробно и обстоятельно излагает суть необычных для США экспериментов правительства, начиная с его первых ста дней, насыщенных чрезвычайными событиями, рассматривает дальше мероприятия в области кредита и денежного обращения, промышленности и сельского хозяйства и заканчивает описанием усиления активности оппозиции консерваторов к Рузвельту и выборами в 74-й конгресс в ноябре 1934 г.

Третий том, озаглавленный «Политика возбуждения», освещает события 1935—1936 гг., активность фашистских демагогов — Хью Лонга и патера Кофлина, а также Таусенда, борьбу Верховного суда против основных мероприятий «Нью-дил» и ее результаты. Он характеризует деятельность Рузвельта как борьбу прагматизма против догматизма. Третий том заканчивается оригинальным и увлекательным описанием президентской кампании 1936 г.

Младшего Шлезингера считают более либеральным, чем старший. В книге «Кризис доверия»¹⁶ он обнажает язвы и пороки капиталистического общества США. Но произведения сына, как и отца, не выходят за пределы буржуазной историографии.

Артур Шлезингер-младший зарекомендовал себя не только как плодовитый, но и как оригинальный историк. «Век Рузвельта», как и другие его работы, сочетает историю, публицистику и беллетристику. Огромный фактический материал подтверждается обилием ссылок на источники. В предисловии к первому тому своей работы о Рузвельте Шлезингер отмечает, что спустя десять лет после смерти Рузвельта слишком рано писать историю его президентства. Однако Шлезингер опубликовал фолиант «Тысяча дней»¹⁷ о президентстве Кеннеди спустя лишь полтора года после его убийства.

В первой и второй книгах имеются ссылки на книгу «Соединенные Штаты с 1865 г.» Луи Геккера и Бенджамина Кендрика¹⁸. Эта работа, изданная в 1932 г., заканчивается периодом наступления мирового экономического кризиса. Вторая ее часть освещает конец XIX и первые три десятилетия XX в. Эта часть написана одним Геккером, который, анализируя описанные им события, ставит их часто в виде проблем: «Сельское хозяйство при капиталистическо-империалистической экономике», «Проблема трестов», «Железнодорожная проблема» и др. Далекое не всегда можно согласиться с автором, но его трактовка нередко бывает довольно оригинальной. Свообразно, нешаблонно написана также Д. Дамондом книга «От Рузвельта до Рузвельта»¹⁹, история США в XX в. до второго президентства Франклина Рузвельта. Полезную библиографию по отдельным вопросам содержит книга Гарвея Виша «Современная Америка»²⁰. В ней изложены основные вопросы в развитии США с начала XX в. до конца второй мировой войны. Послевоенные годы (1945—

¹¹ American Nation. N. Y., 1904—1918; v. XXV; *Latané J. America as a World Power. 1897—1907.* N. Y., 1907; v. XXVII; *Ogg F. National Progress 1907—1917.* N. Y., 1918.

¹² The History of American Life. Ed. by A. Schlesinger and R. Fox. N. Y., 1930, v. XII; *Slosson P. The Great Crusade and After.* N. Y., 1930, v. XIII; *Wecter D. The Age of the Great Depression.* N. Y., 1948.

¹³ *Schlesinger A. (s) Political and Social History of the US, 1829—1925.* N. Y., 1927; *The Rise of Modern America, 1861—1951.* N. Y., 1954.

¹⁴ *Schlesinger A. (j) The Age of Roosevelt.* 3 v. Boston, 1957; v. I. The Crisis of the Old Order. 1919—1933; v. II. The Coming of the New Deal; v. III. The Politics of Upheaval.

¹⁵ См.: *Лан В. И.* США: от испано-американской до первой мировой войны. М., 1975.

¹⁶ *Schlesinger A. The Crisis of Confidence.* L., 1969.

¹⁷ *Schlesinger A. The Thousand Days.* N. Y., 1965.

¹⁸ *Hacker L., Kendrick B. The United States Since 1865.* N. Y., 1932.

¹⁹ *Dumond D. Roosevelt to Roosevelt.* N. Y., 1937.

²⁰ *Wish H. Contemporary America.* N. Y.—L., 1945.

1955) в истории США запечатлены описаны в книге Эрика Голдмана «Критическое десятилетие»²¹.

В 1951 г. в Нью-Йорке вышла книга Уильяма Фостера «Очерк политической истории Америки», которая в 1953 г. появилась в русском переводе с незначительными сокращениями. Эта книга охватывает важнейшие узловые моменты в истории стран Американского континента, начиная с открытия Колумбом Нового Света в 1492 г. и кончая серединой XX в. В отличие от названных авторов, У. Фостер анализирует политическую историю американских государств на основе метода марксизма-ленинизма, освещает ее как историю, проникнутую классово-борьбой. Третья часть этой книги, в которой рассматриваются две мировые войны и мировой экономический кризис, заканчивается критикой «управляемой экономики» Трумэна; она помогает в подходе к изучению этих вопросов. Эта часть совпадает хронологически с нашей работой.

Особое место занимают шесть томов труда Марка Селливена, изданные под названием «Наши времена»²². Они охватывают первую четверть XX в. Первый том, опубликованный в марте 1926 г., имел такой успех, что еще до конца этого года он перепечатывался шесть раз. Последний том вышел в 1935 г.

Селливец — известный журналист и публицист, многолетний сотрудник газеты «Нью-Йорк геральд трибюн». Его шесть томов написаны не как работа историка. Он собрал и изложил в хронологическом порядке материал о важнейших событиях, происшедших в экономической, политической, общественной и культурной жизни, а также о переменах в быту населения страны. Наряду с комментариями, которые не всегда сопутствуют материалу, он обильно иллюстрирует приведенные им события. Его книги насыщены выдержками из газет и журналов, фотографиями государственных, политических и общественных деятелей, изобретателей, конструкторов, писателей, артистов, художников, композиторов и спортсменов, снимками, запечатлевшими эпизоды из напумевших событий внутри страны и за границей, карикатурами на выдающихся деятелей, а также иллюстрациями мод. Последние примерно сто страниц в каждом томе содержат хронологию разных событий, относящихся к периоду, которому посвящен данный том. Но эта хронология необычна: она не только подробна, но сопровождается различными иллюстрациями.

В первом томе автор совершает экскурс в прошлое, рассказывает о праздновании 400-летия со дня открытия Америки, что нашло свое наиболее яркое выражение во всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. Он дает общую картину США на рубеже XIX и XX столетий. Особый интерес в этом томе представляют прогнозы фантастов и ученых на XX в.

Во втором томе, где много места уделено состоянию образования и культуры в США в начале XX в., освещается развитие корпораций, рост трестов и движение против них в первое президентство Теодора Рузвельта.

Второй и третий тома, относящиеся к периоду президентства Т. Рузвельта, заполнены в большой мере событиями, связанными в основном с активностью этого своеобразного государственного деятеля.

Период, освещенный в четвертом томе, совпадает с президентством Тафта, его разрывом и борьбой с Т. Рузвельтом. Этим вопросам уделяется основное внимание. Вместе с тем показан рост богатства, развитие массового производства, фордизма и тейлоризма, возвышение Карнеги и Форда.

Пятый том посвящен периоду первой мировой войны, совпавшему с президентством Вильсона.

Последний, шестой том охватывает первую половину 20-х годов, президентство Гардинга — Кулиджа. Селливец живо рассказывает о нефтяной панаеме и о других скандалах правительства Гардинга.

²¹ Goldman E. The Crucial Decade. N. Y., 1956.

²² Sullivan M. Our Times. N. Y., 1935.

В перечисленных работах много внимания уделено внутривнутриполитической жизни выборным кампаниям и деятельности обеих больших партий. Из специальных работ, посвященных этим вопросам, назовем: К. Мерриам «Американская партийная система»; С. Люис «Партийные принципы и политика на практике», Дж. Вудберн «Политические партии и партийные проблемы в Соединенных Штатах», Р. Брукс «Политические партии и избирательные проблемы», Е. Сейт «Американские партии и выборы», Дж. Поллок «Фонды партийных кампаний», М. Мунро «Невидимое правительство»²³, Ф. Кент «Политические нравы» (русский перевод — в 1930 г.), М. Острогорский «Демократия и политические партии» (т. II) (книга в русском переводе вышла в 1930 г.), «Социальные изменения в Соединенных Штатах» — сборник в двух томах, составленный специальной президентской комиссией (т. II); Ф. Кент «Демократическая партия», Г. Минор «История демократической партии», В. Майерс «Республиканская партия», Дж. Фарли «Вокруг выборов кампаний», Ф. Фрайдель «Франклин Д. Рузвельт: триумф» (т. III)²⁴.

Фарли и Фрайдель показывают, как Франклин Рузвельт впервые победил на президентских выборах.

В 1962 г. Т. Уайт опубликовал в Лондоне книгу «Как создавался президент в 1960 г.»²⁵. Автор подробно описывает механизм выборной кампании, первичные выборы — «праймериз», национальные конвенты республиканцев и демократов и активность их кандидатов в президенты США. Уайт написал также книги о президентских кампаниях 1964, 1968 и 1972 гг. О восстановлении сил республиканской партии после ее разгрома в 1964 г., о ее механизме и ее кандидатах опубликовали в 1967 г. в Нью-Йорке книгу С. Хесс и Д. Бродер — «Истаблишмент республиканцев»²⁶.

* * *

В американской историографии немалое место занимает внешняя политика. Сама история США как самостоятельного государства начинается с войны с Англией и отношения к этой войне Франции и Испании. Наряду с тем, что международному положению уделяется известное место в общих работах по истории страны, этому вопросу посвящены специальная литература, включающая книги об общем развитии внешних сношений США со времен войны за независимость вплоть до наших дней, а также монографии, относящиеся к отдельным периодам и к специальным вопросам.

Из общих работ по истории внешней политики США, которые автору приходится читать, отметим следующие: С. Бемис «Дипломатическая история Соединенных Штатов», Т. Бэйли «Дипломатическая история американского народа» изд. шестое, Л. Сирс «История американских внешних сношений», Дж. Пратт «История внешней политики Соединенных Штатов», К. Фиш «Американская дипломатия», С. Ниринг и Д. Фримен «Дипломатия доллара» (русский перевод — в 1926 г.), Дж. Кеннан «Американская дипломатия 1900—1950», Ф. Даллес «Превращение Америки в мировую державу. 1898—1954», Дж. Латанэ и Д. Вейнгауз «История американской внешней политики 1776—1940», Э. Халл «Американская внешняя политика»²⁷.

²³ Merriam C. The American Party System. N. Y., 1929; Lewis S. Party Principles and Practical Politics. N. Y., 1928; Woodburn J. Political Parties and Party Problems in the U.S. N. Y., 1924; Brooks R. Political Parties and Electoral Problems. N. Y., 1923; Sait E. American Parties and Elections. N. Y., 1928; Pollock J. Party Campaign Funds. N. Y., 1926; Munro W. The Invisible Government. N. Y., 1928.

²⁴ Social Changes in the U.S. 2 vls. N. Y., 1933; Kent F. The Democratic Party. N. Y., 1928; Minor H. The Story of the Democratic Party. N. Y., 1928; Myers W. The Republican Party. N. Y., 1928; Farley J. Behind the Ballots. N. Y., 1939; Frydel F. Franklin D. Roosevelt: Triumph. N. Y., 1956.

²⁵ White Th. The Making of the President 1960. L., 1962.

²⁶ Hess S., Broder D. The Republican Establishment. N. Y., 1967.

²⁷ Bemis S. The Diplomatic History of the U.S. N. Y., 1957; Bailey Th. The Diplomatic History of the American People. N. Y., 1958; Sears L. A History of the American

Бэйли, Сирс и Бемис начинают изложение с колониального периода, а Лата-ли и Пратт — со времени борьбы за независимость Америки, но все они в своих книгах доводят изложение до года их выхода в свет.

Каждая из этих книг в какой-то мере отличается от других. В целом, однако, все эти книги, как и другие работы по истории внешней политики США, повторяют друг друга. Но лучше других, пожалуй, написал Лата-нэ, о котором мы уже говорили выше как об авторе 25-го тома из коллективного труда «Американский народ».

Среди множества работ книга Лата-нэ выделяется как обстоятельная и весьма занимательная история американской дипломатии. Впервые она появилась в 1927 г. Вскоре профессор Лата-нэ умер. Последующие издания были дополнены Вейнгаузом. Из 40 глав первые 34 принадлежат перу Лата-нэ. Лата-нэ утверждает, что к началу XX в. все разговоры об американском нейтралитете в мировых конфликтах потеряли всякую почву под собой. «Наша политика изоляции,— пишет он,— соответствует условиям, существовавшим сто лет назад, а не положению, существующему сейчас или существовавшему в недавно минувшие годы»²⁸. Его продолжатель Вейнгауз констатирует, что перед второй мировой войной изоляционизм служил опорой и надеждой Гитлера в его политике по отношению к Америке.

Из специальной литературы о взаимоотношениях США со странами Латинской Америки следует отметить: М. Угарте «Судьба континента», Г. Хилл «Рузвельт и Карибские государства», Л. Джонс «Интересы США в Карибских государствах», Дж. Стюарт «Латинская Америка и Соединенные Штаты», С. Бемис «Латиноамериканская политика Соединенных Штатов», Д. Мунро «Пять республик Центральной Америки», Дж. Гантенбайн «Эволюция нашей латиноамериканской политики», Г. Стимсон «Американская политика в Никарагуа», К. Джонс «Гватемала», Г. Гуггенгейм «Соединенные Штаты и Куба», Дженкс «Наша кубинская колония», М. Найт «Американцы в Санто-Доминго», Е. Гардинг «Нерассказанная история Панамы», Бюэли Р. «Оккупация Гаити Америкой», Л. Монтегю «Гаити и Соединенные Штаты»²⁹.

Одной из самых интересных книг, рисующей бесцеремонную и беспощадную «дипломатию доллара» в странах Карибской Америки, является работа В. Колкотта «Карибская политика США 1890—1920 гг.»³⁰. Взаимоотношениям Мексики с США, а также ее экономическим и социальным проблемам дает серьезный анализ Ф. Танненбаум в своей книге «Мексика» (Нью-Йорк, 1950). Профессор Танненбаум путешествовал по всей Латинской Америке. Но особенно он изучал Мексику, о которой он в 1928 г. написал книгу «Аграрная революция в Мексике»³¹. В 1959 г. была опубликована его работа «К оценке Латинской Америки в Соединенных Штатах и в самой Латинской Америке». В 1966 г. Джон Гантер опубликовал в Нью-

Йорке свою очередную книгу «Внутри Южной Америки»³². Гантер в основном освещает общественно-политическую жизнь и бытовые условия в десяти странах Южной Америки. Вместе с тем он дает представление о взаимоотношениях этих стран с Соединенными Штатами.

О планах американской экспансии на Дальний Восток, в частности в Китай, до первой мировой войны дает представление книга Говарда Била «Теодор Рузвельт и превращение Америки в мировую державу»³³. Она была впервые издана в Балтиморе в 1956 г., после чего неоднократно переиздавалась. Бил рисует американские воцеления в Китае на фоне общей империалистической активности Теодора Рузвельта. Усилия американских банкиров в годы президентства Тафта, направленные на развертывание в Китае большого железнодорожного строительства и на вовлечение Восточной Азии в экономическую орбиту США, освещены в книге Г. Кроли «Уиллард Стрейт», изданной в Нью-Йорке в 1924 г. Сюда относится также работа К. Ремера «Иностранные инвестиции в Китае», опубликованная в Нью-Йорке в 1933 г.³⁴

После первой мировой войны, в 1922 г., Р. Бюэли опубликовал в Нью-Йорке книгу «Вашингтонская конференция»³⁵. В этой книге автор совершает экскурс в прошлое, освещает тихоокеанскую проблему, агрессию Японии в Китае, «21 требование», предъявленное 18 января 1915 г. Китаю, ее интервенцию в Сибирь в 1918 г., возвращается к англо-японскому союзу 1902 г. Затем он рассматривает Вашингтонскую конференцию морских держав. Заключительные главы посвящены положению в Китае, проблеме экстерриториальности, американо-китайским и японо-американским отношениям.

Японо-американским отношениям, обострившимся в 1931 г. в связи с захватом Японией Маньчжурии, посвящена книга государственного секретаря того периода Генри Стимсона «Дальневосточный кризис» (русский перевод — в 1938 г.).

Об экспансии американского империализма ко времени мирового экономического кризиса рассказывает довольно подробно Людовелл Денни в опубликованной им в 1930 г. книге «Америка завоевывает Британию». В том же году она вышла в русском переводе. Американскую стратегическую империю после второй мировой войны демонстрирует Джордж Марион в книге «Базы и империя». В 1948 г. она была опубликована в Нью-Йорке и в русском переводе в Москве.

Конечно, в работах по общей истории внешней политики США, опубликованных после 1940 г., уделяется соответствующее внимание двум мировым войнам, и в книгах, вышедших раньше,— войне 1914—1918 гг. Но о каждой из мировых войн издана в США специальная довольно солидная литература. Уже в январе 1915 г. Теодор Рузвельт опубликовал в Нью-Йорке упомянутую книгу «Америка и мировая война»³⁶. Бывший президент тогда еще не ратовал за вступление США в войну. Он еще говорил о сохранении нейтралитета. Вскоре Т. Рузвельт, однако, выступил ярким поборником войны США против прусского милитаризма.

Внешняя политика США в период первой мировой войны, совпавшей с президентством Вильсона, довольно подробно освещается в архиве близкого друга и советника Вильсона полковника Э. Хауза, сыгравшего в 1913—1919 гг. особую роль в иностранных делах Вашингтона. Этот архив, подготовленный к печати и прокомментированный профессором Ч. Сэймуром, был издан на русском языке в четырех томах: I и II — в 1937 г., III — в 1939 г., а IV — в 1944 г. В этих томах освещается роль тайной дипломатии Вашингтона во время формального нейтралитета и в период

³² Gunther J. Inside South America. N. Y., 1966.

³³ Beale H. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. Baltimore, 1956.

³⁴ Croly H. Willard Straight. N. Y., 1924; Remer C. Foreign Investments in China. N. Y., 1933.

³⁵ Buell R. The Washington Conference. N. Y., 1922.

³⁶ Roosevelt Th. America and the World War. N. Y., 1915.

Foreign Policy. N. Y., 1938; Pratt J. The History of the U.S. Foreign Policy. N. Y., 1955; Fish C. American Diplomacy. N. Y., 1923; Kennan G. American Diplomacy. 1900—1950. N. Y., 1951; Dulles F. American Rise to World Power. 1898—1954. N. Y., 1955; Latañé J. A History of American Foreign Policy 1776—1940; Halle Z. American Foreign Policy. L., 1960.

²⁸ Latañé J. Op. cit., p. 584.

²⁹ Ugarte M. The Destiny of a Continent. N. Y., 1925; Hill H. Roosevelt and the Caribbean. Chicago, 1927; Jones C. Caribbean Interests of the U.S. N. Y., 1929; Stuart G. Latin America and the U.S. N. Y., 1928; Bemis S. The Latin American Policy of the U.S. N. Y., 1943; Munro D. The Five Republics of Central America. N. Y., 1918; Gantenbein J. The Evolution of Our Latin-American Policy. N. Y., 1950; Stimson H. American Policy in Nicaragua. N. Y., 1927; Jones C. Guatemala. Minneapolis, 1940; Guggenheim H. The U.S. and Cuba. N. Y., 1934; Jenks L. Our Cuban Colony. N. Y., 1928; Knight M. The American in Santo-Domingo. N. Y., 1928; Harding E. The United Story of Panama. N. Y., 1959; Buell R. American Occupation of Haiti. N. Y., 1933; Montegew L. Haiti and the U.S. Durham, 1940.

³⁰ Colcott W. The Caribbean Policy of the U.S. 1890—1920. N. Y., 1966.

³¹ Tannenbaum F. The Agrarian Revolution in Mexico. N. Y., 1928; Idem. Toward Appreciation of Latin America in the U. S. and Latin America. N. Y., 1959; Mexico. N. Y., 1950.

участия США в войне, в организации интервенции в Советскую Россию, в подготовке и работе мирной конференции в Версале.

О взаимоотношениях США с союзниками в период американского нейтралитета, особенно об их отношениях с Англией, британский министр иностранных дел Грей написал несколько глав во втором томе его мемуаров, названных «Двадцать пять лет» и изданных в Нью-Йорке в 1925 г.³⁷ Грей подтверждает, что уже в начале 1916 г. Хауз ему сообщил, что США готовы вступить в войну на стороне союзников, как только представится соответствующий повод. Грей констатирует, что задолго до вступления Америки в войну ее нейтралитет был формальным, мнимым.

Вкладу США в победу над Германией, их взаимоотношениям с союзниками в военные годы посвятил Ллойд Джордж в своих мемуарах специальные главы: 20—21, 39, 54 и 79-ю. Эти мемуары были изданы на русском языке в шести томах: I и II — в 1934 г., III и IV — в 1935 г., V — в 1938 г., VI — в 1937 г.

Мемуары государственного секретаря США, изданные в 1935 г. в Нью-Йорке под названием «Военные мемуары Роберта Лансинга»³⁸, излагают с позиции государственного департамента внешнюю политику США с июня 1915 г. до их вступления в войну.

Об участии США в войне в 1917—1918 гг., об их внутренней и внешней политике за это время, а также об участии вооруженных сил США в боевых операциях во Франции опубликовал в 1939 г. в Бостоне книгу Ф. Паксон «Америка в войне 1917—1918»³⁹. Мобилизация морских сил и переброска американской экспедиционной армии через океан описаны в работе Ф. Пальмера, «Ньютон Д. Бэйкер. Америка в войне»⁴⁰, опубликованной в Нью-Йорке в 1931 г. в двух томах. Эти два тома основаны на личном архиве военного министра при Вильсоне — Бэйкера, на его переписке с президентом США и с американскими и иностранными государственными деятелями, на секретных распоряжениях и донесениях, циркулировавших между военным министерством в Вашингтоне и штабом командования американских войск во Франции, а также на протоколах заседаний военно-промышленного совета.

Об операциях американской армии на заключительной стадии войны написал Лиддел Гарт в конце своей книги «Правда о войне 1914—1918 гг.» (русский перевод — в 1935 г.). Подробно об этих операциях рассказывает командовавший американскими войсками во Франции генерал Першинг в книге «Мой опыт в мировой войне»⁴¹, опубликованной в двух томах в Нью-Йорке в 1931 г. Естественно, что произведение этого генерала трудно расценивать как беспристрастный источник. Это относится не только к боевым действиям, происходившим под его командованием, но и к тому, что он пишет во втором томе об интервенции в Советскую Россию и ее причинах. Но когда он рассказывает о том, как в начале июня 1918 г. он разговаривал с Ж. Клемансо, который выражал свое беспокойство по поводу угрозы Парижу, или о том, как маршал Фош, утверждая, что союзные армии насчитывают всего 150 дивизий против 204 германских, требовал, чтобы США прислали во Францию сто дивизий, а американцы рассчитывали довести к весне 1919 г. число своих дивизий во Франции лишь до 66—70,— подобные сведения не подлежат сомнению. Это подтверждается телеграммой, посланной Клемансо Ллойд Джорджу и Орландо 1 июня 1918 г., выдержка из которой приводится в XIV главе III тома архива Хауза: «Существует большая опасность, что война будет проиграна, если численное превосходство союзников не сможет быть восстановлено возможно скорее прибытием американских войск».

Наконец, известный профессор Джон Макмастер написал два тома «Соединенные Штаты в мировой войне». Второй том (опубликованный в Нью-Йорке в 1920 г.)

освещает военные мероприятия в США, операции американских войск во Франции, мирную конференцию в Версале и отклонение сенатом мирного договора, заключенного Вильсоном⁴².

В книгах о войне 1914—1918 гг. их авторы обычно отмечают ее причины, рассуждают о ее виновниках. Многие историки возлагали вину на все империалистические правительства и генеральные штабы государств, участвовавших в мировой трагедии, по существу подтверждая слова Ленина, что война 1914—1918 годов была с обеих сторон империалистической (т. е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, сфер влияния финансового капитала и т. д. Версальский договор возложил вину на Германию. Диаметрально противоположную позицию занял американский профессор Гарри Барнс, опубликовавший (в 1926 г. в Нью-Йорке) книгу «Происхождение мировой войны»⁴³. Он возлагает главную вину на Францию и Россию. Затем уже по степени виновности он считает Англию. Признает вину также и Австро-Венгрии, но не Германии. Вильгельма II, по мнению Барнса, вовлекли в драку помимо его воли и желания, насильно заставили воевать.

Книга Барнса не только послужила главным аргументом для американских ревизионистов, опровергавших установленные взгляды на причины возникновения мировой войны, но и была использована реваншистами в Германии, готовившими приход к власти гитлеровского фашизма, который разжег пламя второй мировой войны.

Барнс писал и о второй мировой войне. Он является главным автором и редактором сборника «неоревизионистов» «Вечная война за вечный мир»⁴⁴, изданного в 1953 г. в Колдуэлле. Здесь он, правда, не говорит, что Гитлера, как Вильгельма II, заставили воевать. Но он утверждает, что участие США во второй, как и в первой, мировой войне было величайшей исторической ошибкой. Как и его единомышленники, Барнс нападает на конференции глав правительств антигитлеровской коалиции, в частности на конференции в Ялте и в Потсдаме.

Барнс утверждает, что он исходит только из фактов. Но его подход подтверждает слова В. И. Ленина о том, что «при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения»⁴⁵.

Факты Барнса не согласуются даже с официальными заявлениями и документами самих немцев. Германский министр иностранных дел Брокдорф-Ранцау, выступая 7 мая 1919 г. в Версале, признал, что Германия несет ответственность за возникновение мировой войны, но возражал лишь против того, чтобы возлагать ответственность на одну Германию⁴⁶.

В 1919 г., за семь лет до появления книги Барнса, пытавшегося реабилитировать Вильгельма II, немцы опубликовали в четырех томах германские документы о возникновении мировой войны. Эти документы подтверждают, что ультимативные требования, выдвинутые в Вене Белграду, были заранее санкционированы в Берлине. Правда, в самые последние дни перед всеобщей мобилизацией в заносчивую воинственность кайзера вкрадывались сомнения и неуверенность. 28 июля 1914 г. в Берлине стало известно, что надежды Германии на союзную Италию и на нейтралитет Англии себя не оправдают. В германской столице возникло замешательство. Встревоженный канцлер Бетман-Гольвег пытался затормозить бег к войне, советовал Вене не отказываться от переговоров с Петербургом. На этом основаны аргументы многих ревизионистов в США. Однако кайзер, придя в смятение, вместо принятия мер против вступления Германии в войну в невыгодных для нее условиях

³⁷ *Grey E. Twenty Five Years.* N. Y., 1925.

³⁸ *Lansing R. War Memoirs of Robert Lansing.* N. Y., 1935.

³⁹ *Paxon F. America at War 1917—1918.* Boston, 1939.

⁴⁰ *Palmer F. Newton D. Baker. America at War.* N. Y., 1931.

⁴¹ *Pershing J. My Experience in the World War.* N. Y., 1931.

⁴² *McMaster J. United States in the World War.* N. Y., 1920.

⁴³ *Barnes H. The Genesis of the World War.* N. Y., 1926.

⁴⁴ *Perpetual War for Perpetual Peace.* Coldwell, 1953.

⁴⁵ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 304.*

⁴⁶ *Фолькман Э. Германия в вихре революции.* М., 1934, с. 168.

нивил: «Если нам уже суждено истечь кровью, то Англия, по крайней мере, должна будет потерять Индию». Создавшаяся перспектива привела кайзера в ужас, но у него, как писал Ллойд Джордж, «не было сил взять назад свои прежние инструкции. Он боялся быть обвиненным в трусости перед лицом опасности».

Назавтра после объявления Австрией войны Сербии царское правительство предоставило Германии последний шанс. 29 июля Николай II телеграфировал Вильгельму II. «Я полагаюсь на твою мудрость и дружбу. Твой любящий тебя Ники», — писал русский монарх. При этом он предложил передать австро-сербский конфликт Гаагской конференции. Вильгельм не воспользовался последней возможностью.

Таковы факты, содержащиеся в обнародованных германских документах. Да и сам Барнс признает, что 6 июля 1914 г. кайзер выдал Вене карт-бланш, обещал «стоять за Австрию, какую политику она бы ни проводила по отношению к Сербии».

Чего можно после этого ожидать от такого историка, как Барнс, и от подобных ревизионистов или так называемых неоревизионистов в их толковании Ялтинской и Потсдамской конференций, причин «холодной войны» и других аспектов в советско-американских отношениях?

Конечно, в книге Барнса объемом 750 страниц имеются и некоторые бесспорные констатации. Так, соответствует действительности констатация, что объявленная Германией в январе 1917 г. неограниченная подводная война служила лишь поводом для Вильсона: Вильсон и Хауз решили втянуть США в войну годом раньше. Но об этом сам Хауз сообщил до Барнса.

Известное основание Барнс имел и для утверждения, что промышленно-финансовые круги США были настроены проанглийски, потому что английская блокада заставила их торговать только с союзниками. Если американские капиталисты, продолжает Барнс, торговали бы лишь с центральными державами, то они были бы настроены не проанглийски, а прогермански. Барнс придает большое значение позиции банкирского дома Моргана. Но Томас Ламонт, который считался главной фигурой в международных операциях Моргана, сам писал в книге «Генри П. Дэвисон»: «В конторе Джона Пирпонта и К° с 1 августа 1914 г. все были душой и сердцем на стороне союзников»⁴⁷. Однако когда Барнс пишет, что если бы Америка сохраняла строгий нейтралитет, что война бы закончилась двумя годами раньше, — можно с таким же основанием утверждать, что без участия США война бы продолжалась еще два года.

Из специальной литературы о Версальском мирном договоре, отклонении его сенатом, репарациях, их последствиях и военных долгах следует отметить такие труды: Р. Лансинг «Мирные переговоры», Б. Барух «Как создавались репарации и экономические разделы мирного договора», Дж. Кейнс «Экономические последствия Версальского мирного договора» (русский перевод — в 1922 г.); С. Бэйкер «Вудро Вильсон, мировая война и Версальский мир» (русский перевод — в 1923 г.), Дж. Шотвелл «На Парижской мирной конференции»⁴⁸.

Шотвелл был экспертом американской делегации на мирной конференции. Его книга представляет систематизированный дневник о том, как происходили мирные переговоры.

Т. Ламонт также был экспертом в Версале. Как представитель финансового капитала США, он участвовал в составлении экономических статей мирного договора и репарационного плана. В записках «Через мировые границы»⁴⁹, изданных (в 1950 г. в Нью-Йорке) после его смерти, наряду с описанием роли фирмы Моргана в закупках союзников в Америке во время войны, он рассказывает о ходе мирной конференции, о главных ее деятелях и об участии мирного договора в США.

⁴⁷ *Lamont T. Henry P. Davison. N. Y., 1933, p. 7.*

⁴⁸ *Lansing R. The Peace Negotiations. L., 1921; Baruch B. The Making of the Reparation and Economic Sections of the Treaty. N. Y.—L., 1920; Shotwell J. At the Paris Peace Conference. N. Y., 1937.*

⁴⁹ *Lamont T. Across World Frontiers. N. Y., 1950.*

К этой группе изданий следует также отнести четвертый том архива Хауза и соответствующие главы из книг Ллойд Джорджа «Европейский хаос» (русский перевод — в 1924 г.), У. Черчилля «Мировой кризис» (русский перевод — в 1932 г.) и Т. Бэйли «Вудро Вильсон и потерянный мир»⁵⁰. Бэйли обвиняет Вильсона и утверждает, что если бы он в самом начале мирных переговоров предупредил союзников, что Европа не должна рассчитывать на Америку, то Версальский мир был бы совершенно иным.

Государственный секретарь Лансинг в указанной книге подтверждает мнение Кейнса, что американская делегация в Версале не имела практической, конкретной программы. Кейнс писал, что Англия и Франция получили от договора все, чего они хотели, и что Лига Наций ничего не могла сделать, чтобы как-то изменить несправедливые статьи договора.

Проблема военных долгов и репараций (волновавшая победителей и побежденную Германию в течение почти полутора десятков лет, приведшая в 20-х годах к плану Дауэса и Юнга и фактически ликвидированная в 1932 г. в Лозанне) систематизирована и освещена во всем экономическом и политическом значении вопроса в исследовании Г. Маультона и Л. Позвольского «Военные долги» (русский перевод — в 1934 г.).

В США немало говорилось и писалось об американской интервенции в Советскую Россию. Этот вопрос служил предметом обсуждения в конгрессе и темой многочисленных статей в газетах и журналах. Из опубликованных по этому вопросу в США книг отметим: Ф. Шуман «Американская политика по отношению к России», Дж. Томпсон «Россия, большевизм и Версальский мир», Дж. Кеннан «Решение об интервенции», Р. Браудер «Начало советско-американской дипломатии», У. Грэвс «Американская авантюра в Сибири» (русский перевод — в 1932 г.), Б. Унтербергер «Американская экспедиция в Сибири», У. Буллит «Миссия Буллита в Россию», Д. Фрэнсис «Россия глазами американского посольства»⁵¹.

К этому добавим 13-ю главу III тома архива полковника Хауза, начинающуюся словами Вильсона: «Вопрос о том, что нужно и возможно делать в России, доводил меня до изнеможения». Сюда же можно также отнести 5-ю и 12-ю главы книги «Мировой кризис» У. Черчилля и 83-ю главу в шестом томе «Военных мемуаров» Ллойд Джорджа.

Т. Ламонт в книге «Через мировые границы»⁵² резко осуждает интервенцию, а Р. Петигру в книге «Торжествующая плутократия»⁵³ тепло отзывается об Октябрьской революции в России. Небезынтересно, что генерал Першинг во втором томе указанной его книги, касаясь этого вопроса, рассказывает, что в июне 1918 г. американский посол в России Д. Фрэнсис, находясь в Париже, настаивал на интервенции, утверждая, что стотысячная американская армия добьется свержения Советской власти. Фрэнсис усердно уговаривал Першинга, который возражал против любого мероприятия, грозившего ослабить американские силы во Франции.

Из использованной литературы об участии США во второй мировой войне следует отметить шесть томов труда У. Черчилля «Вторая мировая война»⁵⁴. Они были изданы в Лондоне в 1949–1954 гг. За исключением первого тома, посвященного периоду между двумя войнами, остальные пять томов освещают политические и военные события второй мировой войны. Значительное место в этих томах занимают

⁵⁰ *Bailey T. Woodrow Wilson and the Lost Peace. N. Y., 1945.*

⁵¹ *Schuman F. American Policy Toward Russia. N. Y., 1928; Thompson J. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966; Kennan G. Soviet-American Relations. N. Y., 1958; Browder R. The Origins of Soviet-American Diplomacy. Princeton, 1953; Unterberger B. America's Siberian Expedition. Dewrham, 1956; Bullitt W. Bullitt Mission to Russia. N. Y., 1949; Francis D. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921.*

⁵² *Lamont T. Op. cit., p. 85.*

⁵³ *Petigru P. Торжествующая плутократия. М., 1922.*

⁵⁴ *Churchill W. The Second World War. L., 1949–1954.*

документы, речи автора, его переписка и материалы конференций военного времени. Черчилль в данном случае выступает как историк. Но он отличается от других историков тем, что сам был активным участником описанных им событий.

Конечно, труды бывшего британского премьера нельзя рассматривать как объективную историю второй мировой войны. Когда читаешь эти шесть томов, создается впечатление, что в разногласиях между державами Англии всегда была права, а в разногласиях внутри правящих кругов Англии всегда был прав Черчилль. Все же его шеститомник, содержащий обширный фактический материал, является основательным источником для изучения истории второй мировой войны.

О внешней политике США за все время президентства Рузвельта (1933—1945), начиная с международной экономической конференции в Лондоне и кончая конференцией в Сан-Франциско в 1945 г., опубликовал в 1950 г. в Нью-Хейвене работу Аллан Невинс под названием «Нью-дил и мировые события»⁵⁵.

Для первых двух лет второй мировой войны, до официального вступления в нее США, заслуживают внимания два тома, опубликованные под грифом Совета внешних сношений и под общим названием «Мировой кризис и американская внешняя политика»; авторы двухтомника — У. Лангер и С. Глисон. Первый том «Вызов изоляции» издан в Нью-Йорке в 1952 г. и посвящен в основном международным событиям, происшедшим накануне второй мировой войны. В нем рассматривается внешняя политика США с начала второго президентства Франклина Рузвельта до падения Парижа и капитуляции Франции. Второй том «Необъявленная война», опубликованный в Нью-Йорке в 1953 г.⁵⁶, охватывает период от падения Парижа до нападения Японии на Пирл-Харбор. Период, охватываемый этим двухтомником, описан также довольно подробно в книге Б. Рауча «Рузвельт от Мюнхена до Пирл-Харбора», изданной в Нью-Йорке в 1950 г.⁵⁷

Для первого периода второй мировой войны представляет известный интерес книга заместителя государственного секретаря США С. Уэллеса «Время решения»⁵⁸. В частности, он в этой книге рассказывает о своей миссии в воюющие страны Европы в феврале 1940 г.

Важным и интересным источником для изучения внешней политики США в годы второй мировой войны служит книга Р. Шервуда «Рузвельт и Гопкинс». Она основана на записях ближайшего помощника и доверенного Рузвельта — Г. Гопкинса. В 1958 г. она вышла в русском переводе в двух томах.

Довольно подробно общая история периода второй мировой войны со дня вступления в нее Соединенных Штатов Америки (в декабре 1941 г.) до распада англо-советско-американской коалиции в конце 1946 г. изложена в книге Уильяма Макнейлла «Америка, Британия и Россия»⁵⁹. Профессор Чикагского университета Макнейлл издал свою книгу в 1953 г. в Лондоне. Наряду с описанием хода военных действий против Германии, Италии и Японии, подготовки и открытия второго фронта он освещает все международные конференции государств антигитлеровской коалиции, происходившие в указанные пять лет. Объемистая книга Макнейлла написана хорошим языком, читается легко. Но она не свободна от недостатка, которым обычно страдают книги по истории второй мировой войны, изданные в Америке и в Англии: Советскому Союзу в них уделяется место, далеко не соответствующее его действительной роли в разгроме фашистской Германии.

Военные действия вооруженных сил Соединенных Штатов Америки во второй мировой войне описаны в американских источниках во всех подробностях. О дейст-

виях армии издано около ста томов, морского флота — 13, а авиации — 7 томов. Но эти многочисленные тома представляют известный интерес лишь для узкого круга военных профессионалов.

* * *

В США имеется обширная биографическая литература; особенно много написано о президентах республики. В этой литературе при рассмотрении деятельности президентов в Белом доме внутренняя и внешняя политика государства зачастую освещается более подробно и основательно, чем в обычных исторических книгах.

В книге о первом президенте XX в. «В дни Маккинли»⁶⁰, опубликованной в 1959 г., ее автор Маргарет Лич, хотя и ретуширует и приукрашивает своего героя, вместе с тем на фоне удачно подобранного большого материала дает картину исторических перемен, происшедших во внутренней и внешней политике США на рубеже двух столетий. В частности, освещены партийная борьба, тарифная проблема, валютный вопрос, война с Испанией и колониальные захваты.

Обстоятельно рассматриваются эти вопросы в книге Джеймса Родза «Правительства Маккинли и Рузвельта»⁶¹. В ней освещается бурная президентская кампания 1896 г., активность Брайана и Марка Ханна, военные действия на Филиппинах и Кубе, доктрина «открытых дверей» в Китае, образование Морганом Стального треста после победы Маккинли на выборах 1900 г. и война США против Филиппин.

Больше половины книги Дж. Родза относится к президентству Рузвельта. Автор фактически затрагивает все более или менее важные вопросы экономики, внутренней и внешней политики, которыми занимались правительство, конгресс и обе большие буржуазные партии за семь лет этого президентства. Стачка шахтеров 1902 г., захват Панамы, Портсмутский мир, Алхесирасская конференция, выборные кампании 1904 и 1908 гг., паника 1907 г. и возвышение Моргана — это только основные вопросы, которые рассматривает Родз.

Вообще о Теодоре Рузвельте опубликовано очень много работ. Прежде всего он сам был плодовитым автором, написав около 150 тысяч писем и около 25 книг, из них некоторые в двух томах, а «Овладение Западом»⁶² — в четырех томах общим объемом около 1800 страниц.

В 1926 г. в Нью-Йорке были опубликованы сочинения Теодора Рузвельта в 20 томах, а в 1951—1954 гг. Гарвардский университет напечатал его письма в восьми томах. Для историка, естественно, наибольший интерес представляют письма, относящиеся к годам президентства Рузвельта, особенно третий и четвертый тома, охватывающие период с января 1901 до сентября 1905 г., период наибольшей империалистической активности Т. Рузвельта, когда был захвачен Панамский перешеек, и когда он посредничал в Портсмутском мире и вмешивался в марокканский кризис. Из книг Т. Рузвельта для нашей работы известны интерес представляют: «Честный курс», «Деятельная жизнь», «Новый национализм», «Автобиография»⁶³; «Америка и мировая война».

Из множества работ о Рузвельте следует отметить два тома книги Джозефа Бишоп «Теодор Рузвельт и его время»⁶⁴, в которых президент и его деятельность показаны на основе отобранных им собственных писем. То же самое относится к сборнику Генри Лоджа «Избранная корреспонденция между Теодором Рузвельтом и Генри Каботом Лоджем»⁶⁵. Деятельность Рузвельта в Белом доме основательно

⁵⁵ Nevins A. New Deal and World Affairs. New Haven, 1950.

⁵⁶ Langer W., Gleason S. The World Crisis and American Foreign Policy. 2 vls; v. I. The Challenge to Isolation 1937—1940. N. Y., 1952; v. II. Undeclared War. N. Y., 1953.

⁵⁷ Rauch B. Roosevelt from Munich to Pearl Harbor. N. Y., 1950.

⁵⁸ Welles S. The Time for Decision. N. Y., 1944.

⁵⁹ MacNeall W. America, Britain and Russia. London, 1953.

⁶⁰ Leach M. In the Days of McKinley. N. Y., 1959.

⁶¹ Rhodes J. The McKinley and Roosevelt Administrations. N. Y., 1923.

⁶² Roosevelt Th. Winning of the West. 4 vls. N. Y., 1889—1896.

⁶³ Roosevelt Th. The Square Deal. N. Y., 1906; The Straneous Life. L., 1902; The New Nationalism. N. Y., 1911; An Autobiography. N. Y., 1913.

⁶⁴ Bishop J. Theodore Roosevelt and His Time. N. Y., 1920.

⁶⁵ Lodge H. Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge. N. Y., 1916.

освещается в книгах Генри Прингла «Теодор Рузвельт», У. Маккалеба «Теодор Рузвельт», У. Тэйера «Теодор Рузвельт» и др.⁶⁶

Более солидными, содержащими элементы исследования и анализа, являются работа Джона Блума «Республиканец Рузвельт» и две книги Джорджа Моури «Эра Теодора Рузвельта 1900—1912» и «Теодор Рузвельт и прогрессивное движение»⁶⁷. Первую из этих книг Моури завершает обширной подробной библиографией. На протяжении 20 страниц он перечисляет материалы архивов правительства, конгресса, государственных, политических и общественных деятелей, периодической печати, книги и мемуары, характеризующие охватываемый им период, когда в политической жизни страны превалировала фигура Теодора Рузвельта.

О Тафте и его президентстве упомянутый нами выше Генри Прингл написал «Жизнь и времена Уильяма Говарда Тафта» в двух томах⁶⁸. Американская критика расценивала эти два тома как более содержательные, чем его книга о Рузвельте. В целом работы Прингла, посвященные двум президентам, пользовались в США успехом. Они читаются с интересом, но носят скорее описательный, чем исследовательский характер.

То же самое можно сказать о книге Герберта Даффи «Уильям Говард Тафт»⁶⁹. Эта книга, подробно описывающая всю политическую жизнь Тафта, подчеркивает его консерватизм, а также то, что он никогда не был сугубо партийным лидером, как этого желали боссы республиканцев. Многолетний лидер республиканцев в палате представителей Х. Кэннон говорил: «Беда Тафта в том, что, если бы он был римским папой, он считал бы необходимым назначить несколько протестантов кардиналами». О споре Тафта и его разрыве с Рузвельтом Уильям Маннерс опубликовал в 1969 г. книгу «Дружба, которая расколола республиканскую партию»⁷⁰.

Занятные факты, заметки и характеристики Т. Рузвельта и У. Тафта содержат два тома писем майора Арчи Батта, служившего военным помощником обоих президентов, опубликованные в 1930 г. под названием «Тафт и Рузвельт». Полезные сведения о внутриполитической и партийной борьбе в период этих двух президентов дают мемуары Брайана и «Автобиография» Роберта Лафоллета⁷¹.

О Вильсоне и его деятельности во главе государства и правительства США больше всего работ опубликовано председателем американского комитета печати на мирной конференции в Версале в 1919 г. Рей Ст. Бейкер. В 1922 г. он издал три тома «Вудро Вильсон и урегулирование мировых вопросов», написанные на основе документов и записей Вильсона. Бейкер всячески старался, хотя далеко не всегда удачно, превозносить Вильсона как борца в Версале за высокие идеалы и принципы. Первый из этих трех томов в 1923 г. вышел в русском переводе: «Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир». Перед второй мировой войной завершилось подготовленное Бейкером издание «Вудро Вильсон. Жизнь и письма» в восьми томах⁷². Этим, однако, не ограничиваются его публикации о Вильсоне.

Еще при жизни Вильсона, сразу после его ухода из Белого дома, в 1921 г. появилась книга его многолетнего секретаря Дж. Тюмалти «Вудро Вильсон, как я его знаю»⁷³. Хотя к тому времени Тюмалти разошелся со своим шефом, он написал

о нем верноподданнический панегирик. С этим произведением контрастирует работа Д. Лоуренса «Правдивый рассказ о Вудро Вильсоне». Средней между двумя противоположными характеристиками одного и того же президента представляются книги Р. Аннина «Вудро Вильсон» и У. Уайта «Вудро Вильсон»⁷⁴.

Гардингу биографы уделяли меньше внимания. Вдова этого президента США даже уничтожила его корреспонденцию. В напумевшей книге С. Адамса «Разгул», опубликованной в США в 1926 г. и вышедшей в русском переводе в 1928 г., изображены подробности разложения правительства и трагический финал У. Гардинга, но это беллетристика, не претендующая на точное описание событий. Не могут также рассматриваться как объективные книга Джонсона «Жизнь Уоррена Гардинга», изданная в 1923 г., и вышедшая в 1932 г. книга двух авторов «Рассказ о трагедии Гардинга из первоисточника». Тем более что одним из этих двух авторов был Гарри Догерти, сыгравший роковую роль в карьере и печальном финале президента⁷⁵.

Больше доверия заслуживает изданная в 1930 г. в Нью-Йорке книга бывшего следователя министерства юстиции Гастона Минса «Загадочная смерть президента Гардинга»⁷⁶. Записи, на основе которых была составлена эта книга, служили материалом для комиссии сената, обследовавшей нефтяную панаму. Минс, рассказывая, как Догерти сделал Гардинга президентом, как убили доверенного и друга генерального прокурора Джесса Смита, как отравили Гардинга и как странным образом через 14 месяцев умер врач президента бригадный генерал Сойер, так обнажал политическую и нравственную деградацию правящей верхушки США, что его книга может выгодно соперничать с произведением любого маккрера.

Гардингу посвящены несколько страниц в книге Герберта Агара «Американские президенты», изданной в Лондоне в 1933 г., и шесть глав в книге известного биографа Уильяма Уайта. Уайт метко рисует портреты президентов Маккинли, Теодора Рузвельта, Тафта, Вильсона, Гардинга и Кулиджа⁷⁷.

О Кулидже и его президентстве Уайт написал две книги: «Кальвин Кулидж» и «Пуританин в Вавилоне»⁷⁸. С тех пор до начала 1940 г. они перепечатывались шесть раз. Их успех объяснялся тем, что президентство Кулиджа протекало в годы послевоенного просперити, завершившегося крахом вскоре после того, как Кулидж оставил Белый дом.

О Гувере и его президентстве, протекавшем в годы мирового экономического кризиса, написано несколько книг. Из них заслуживают внимания монографии Дж. О'Бриена «Миллионы Гувера и как он их приобрел», Э. Ривса «Этот человек Гувер» и Дж. Гамилла «Странная карьера мистера Гувера»⁷⁹. Авторы этих книг утверждают, что Гувер нажил состояние средствами, которые даже капиталистическая этика осуждает как «аморальные», мошеннические, что он разбогател на махинациях, в результате которых акционеры потеряли свыше 300 млн. долл. Гамилл уверяет, что во время первой мировой войны миллионы тонн американского продовольствия, предназначенного для населения оккупированной кайзеровскими солдатами Бельгии, достались с помощью Гувера немцам. О деятельности его правительства В. Майерс и В. Ньютон опубликовали трехтомную работу «Администрация Гувера», Майерс также написал книгу «Внешняя политика Герберта Гувера»⁸⁰.

⁶⁶ Pringle H. Theodore Roosevelt. N. Y., 1931; McCaleb W. Theodore Roosevelt. N. Y., 1931; Thayer W. Theodore Roosevelt. N. Y., 1919.

⁶⁷ Blum J. The Republican Roosevelt. Harvard, 1954; Mowry G. The Era of Theodore Roosevelt 1900—1912. N. Y., 1958; Theodore Roosevelt and the Progressive Movement. N. Y., 1946.

⁶⁸ Pringle H. The Life and Times of William Howard Taft. N. Y., 1930.

⁶⁹ Duffy H. William Howard Taft. N. Y., 1930.

⁷⁰ Manners W. A Friendship that Split the Republican Party. N. Y., 1969.

⁷¹ Butt A. Taft and Roosevelt. N. Y., 1930; Bryan W. Memoirs. Chicago, 1925; La Follet R. Autobiography. Madison, 1911.

⁷² Baker R. Woodrow Wilson and the World Settlement. N. Y., 1922; Idem. Woodrow Wilson. Life and Letters. N. Y., 1939.

⁷³ Tumulty J. Woodrow Wilson as I know Him. N. Y., 1921.

⁷⁴ Lawrence D. The True Story of Woodrow Wilson. N. Y., 1924; Anin R. Woodrow Wilson. N. Y., 1924; White W. Woodrow Wilson. N. Y., 1924.

⁷⁵ Daugherty H., Dixon Th. The Inside Story of the Harding Tragedy. N. Y., 1932. Johnson J. The Life of Warren Harding. N. Y., 1923.

⁷⁶ Means G. The Strange Death of President Harding. N. Y., 1930.

⁷⁷ Agar H. The American Presidents. L., 1933; White W. Masks in Peageant. N. Y., 1928.

⁷⁸ White W. Calvin Coolidge. N. Y., 1925; A Puritan in Babylon. N. Y., 1938.

⁷⁹ O'Brien J. Hoover's Millions and How He Made Them. N. Y., 1932; Reeves E. This Man Hoover. N. Y., 1928; Hamill J. The Strange Career of Mr. Hoover. N. Y., 1931.

⁸⁰ Myers W., Newton W. The Hoover Administration. 3 v. N. Y., 1936; Myers W. The Foreign Policy of Herbert Hoover, 1929—1933. N. Y., 1940.

Спустя много лет после своего бесславного ухода из Белого дома Гувер опубликовал свои мемуары⁸¹. Гувер был 31-м президентом США. До него лишь пять президентов (Дж. К. Адамс, Дж. Полк, У. Грант, Т. Рузвельт и К. Кулидж) писали мемуары. Гувер преследовал определенную цель. Он писал в предисловии ко второму тому: «Я отдаю себе полный отчет, что неосведомленные люди вспоминают мое пребывание на посту президента исключительно в связи с великим кризисом. Это действительно был кошмар моих лет в Белом доме»⁸². И вот Гувер оправдывается, доказывает, что он не виноват, что он не несет ответственности за кризис. Конечно, кризис возник бы в 1929 г. и в том случае, если бы на выборах в 1928 г. победил не Гувер, а его соперник А. Смит. Но Гувер, став президентом США, обещал «четыре года процветания», заверял, что «изгонит нищету из страны». Это пророчество, сильно дискредитировавшее Гувера и республиканскую партию, претендовавшую в президентской кампании 1928 г. на то, что она имеет патент на экономическое процветание, Гувер в своих мемуарах предпочел не комментировать.

Из работ о президентстве Франклина Рузвельта следует прежде всего отметить 13 томов документов⁸³, изданных под редакцией С. Розенмана, который считался старым другом президента, работавшим вместе с ним с 1928 г. до смерти президента в 1945 г. Эти тома содержат послания и отчеты конгрессу, речи, выступления на пресс-конференциях, письма на общественно-политические темы и другие материалы, характеризующие деятельность Рузвельта на посту президента США. Первый том, названный «Происхождение Нью-дил», охватывает 1928—1932 гг., когда Рузвельт был губернатором Нью-Йорка. Следующие восемь томов относятся к 1933—1940 гг., а последние четыре тома — к 1941—1945 гг. Значительное место, особенно в последних четырех томах, занимают описание международных, политических и военных событий, начиная с Атлантической хартии и Пирл-Харбора в 1941 г. и кончая конференциями в Ялте и Сан-Франциско в 1945 г. Эти события изложены в изданиях государственного департамента и в других сборниках документов. Экономическая и внутриполитическая деятельность правительства Рузвельта, возглавлявшего государство 12 лет, в указанных 13 томах показана исчерпывающим образом.

Из монографий о Франклине Рузвельте и его деятельности следует назвать такие работы: упомянутые три тома Артура Шлезингера-младшего «Век Рузвельта», Э. Линдлей «Рузвельтовская революция», С. Хай «Рузвельт: что потом?», Ф. Пиккард «Рузвельты и Америка», Р. О'Бриен «Вперед с Рузвельтом», М. Чайлдс «Они ненавидят Рузвельта», С. Розенман «Работая с Рузвельтом», Ф. Фрайдель «Франклин Д. Рузвельт», Р. Тэгуэлл «Демократ Рузвельт»⁸⁴. В последней книге, содержащей более 700 страниц, автор вместо оглавления дает подробную хронологию со дня рождения отца президента в 1828 г. до смерти Франклина Рузвельта в 1945 г.

Известный немецкий писатель Эмиль Людвиг, издавший книги о Наполеоне, Линкольне, Бисмарке, Вильгельме II и др., после посещения летом 1937 г. Рузвельта в Гайд-парке, опубликовал в 1938 г. в Амстердаме о нем книгу, которая одновременно вышла в Нью-Йорке на английском языке⁸⁵. В отличие от Чайлдса, утверждавшего, что крупные богачи ненавидят Рузвельта, Людвиг писал, что Рузвельт охотно проводит свой досуг с друзьями-миллионерами, но в то же время он настаивает на изъятии от 60 до 80% их доходов посредством налогов. Как все произведения Люд-

вига, и эта биография президента США, в которой описана также его деятельность в Белом доме, читается с интересом.

О Рузвельте с интересом читается и книга Г. Тулли «Ф. Д. Р.— мой хозяин»⁸⁶. Тулли была личным частным секретарем Рузвельта с 1932 г. до конца его жизни. В книге сообщается о закулисной жизни Белого дома в течение 12 лет президентства Рузвельта. В частности, Тулли рассказывает, почему на выборах 1944 г. вице-президент Г. Уоллес был заменен Трумэном. Без этой замены внешняя политика Рузвельта не подверглась бы после его смерти ревизии. Тулли живо описывает решительные мероприятия президента, как, например, закрытие банков в марте 1933 г. и его речь о карантине вокруг агрессоров, произнесенную в октябре 1937 г. в Чикаго. Она рассказывает о впечатлении, которое произвело на президента и его окружение нападение на Пирл-Харбор в декабре 1941 г. Она писала, что Рузвельт с восторгом отзывался о русских.

В данном контексте следует еще раз упомянуть о книге Ф. Перкинс «Рузвельт, каким я его знала». Перкинс была не только 12 лет членом правительства Рузвельта, но и в течение ряда лет работала с ним раньше, когда он был губернатором штата Нью-Йорк.

Наконец, укажем на трехтомный труд бессменного министра внутренних дел Рузвельта, изданный в Нью-Йорке в 1953—1954 гг. под названием «Секретный дневник Гэролда Л. Икеса»⁸⁷.

Первый том, озаглавленный «Первая тысяча дней», освещает годы первого президентства Франклина Рузвельта. Наряду с описанием важнейших политических событий тех лет перед читателем открывается галерея портретов лиц, входивших в ближайшее окружение президента (Г. Моргентау, Г. Гопкинс, Г. Уоллес, Ф. Перкинс), а также лиц, образовавших оппозицию Рузвельту (У. Лендон, Хьюи Лонг, У. Херст, генерал Д. Макатур и др.).

Второй том, названный «Внутренняя борьба», охватывает 1936—1939 гг., когда рузвельтовский «нью-дил» наталкивался на сильное сопротивление Верховного суда, а также на оппозицию в конгрессе.

Третий том — «Грозовые тучи» относится к 1939—1941 гг. В этом томе Икес уделяет особое внимание президентской кампании 1940 г. Но в основном он освещает переход США с позиции нейтралитета, которую всячески отстаивали различные изоляционистские группы, на военные рельсы. 12 июля 1940 г. Икес, записав в своем дневнике, что между германским поверенным в делах в Вашингтоне Томпсоном и британским посольством в США существуют известные контакты, выразил опасение, что мирные предложения Гитлера, учитывая изоляционистские настроения в Америке, поставят в затруднительное положение правительство Рузвельта (в США), а также правительство Черчилля (в Англии). Однако, когда через неделю такие предложения были сделаны Гитлером, Англия их тут же отвергла, подчеркнув при этом, что вопрос согласован с правительством США.

О Трумэне и его президентстве — по сравнению с тем, что опубликовано о его предшественнике — написано мало. Зато сам Трумэн в 1955—1956 гг. опубликовал в Нью-Йорке два тома своих мемуаров⁸⁸. Из 68 глав и около 1200 страниц только две главы размером 30 страниц посвящены биографии до того, как он стал в 1935 г. сенатором США. В трех главах рассказано о его пребывании в сенате, где он приобрел известность как председатель специальной комиссии по обследованию военной промышленности, что открыло ему путь в вице-президенты США, пост которого он занял в январе 1945 г. В апреле 1945 г. смерть Рузвельта освободила Трумэну без выборов пост президента США почти на четыре года. Всего он пробыл на этом посту около восьми лет, которым посвящены остальные 63 главы его мемуаров.

⁸⁶ Tully G. F.D.R., My Boss. N. Y., 1949.

⁸⁷ Ickes H. The Secret Diary of Harold Z. Ickes. 3 vls. N. Y., 1953—1954.

⁸⁸ Truman H. Memoirs. N. Y., 1955—1956.

Хотя считают, что мемуары Трумэна написаны не им самим, все же они представляют интерес. Так, откровенно рассказано, что он был инициатором, вдохновителем и творцом той послевоенной внешней политики, которая названа «холодной войной». Его доктрина, на основе которой США взяли на себя обязанность мирового жандарма в борьбе с коммунизмом и национально-освободительным движением, обошлась Америке очень дорого. Она завершилась дорогостоящей, позорной, грязной войной США во Вьетнаме. Трумэн своими мемуарами поставил в неловкое положение многих известных американских историков, которые пекутся об изобретении доказательств, что Вашингтон якобы не виновен в возникновении «холодной войны». Мемуары Трумэна дают подробный материал о других важнейших политических событиях за время его президентства (1945—1952). Во втором томе, в частности, Трумэн подробно описывает миссию Маршалла в Китай после окончания второй мировой войны, «план Маршалла», подготовку и создание НАТО в сочетании с планами вооружения Западной Германии, а также разногласия в правящих кругах США, между их двумя ориентациями во внешней политике. Кстати, о миссии Маршалла в Китае была опубликована в 1970 г. в Торонто книга Дж. Била «Маршалл в Китае»⁸⁹.

Несравненно больше, чем о Трумэне, написано об Эйзенхауэре. За годы президентства Эйзенхауэра был опубликован ряд книг о нем и его деятельности в Белом доме: М. Пасея «Президент Эйзенхауэр», Р. Донована «Эйзенхауэр. Неофициальная история», М. Чайлдса «Эйзенхауэр. Герой в плену», К. Дэвиса «Солдат демократии»⁹⁰. Некоторые книги об Эйзенхауэре появились еще до того, как он стал президентом США: Д. Ловласа «Генерал Айк», Г. Хатча «Генерал Айк»⁹¹. Другие были опубликованы уже после его ухода из Белого дома. К ним, например, относится книга Э. Юза «Испытание властью»⁹². Юз описывает президентские кампании 1952 и 1956 гг., деятельность Эйзенхауэра в Белом доме и окружавших его ближайших сотрудников. Но все книги о нем вышли в свет уже после того, как Эйзенхауэр стал национальным героем, с именем которого ассоциировалась победа союзников на Западном фронте. Все эти книги дают не в меру подслащенное описание роли и заслуг Эйзенхауэра как военного и политического деятеля.

* * *

Подобно Трумэну, Эйзенхауэр опубликовал после ухода из Белого дома свои мемуары. Как после каждой большой войны, после второй мировой войны появилась обильная мемуарная литература. Мемуары, тем более военные, всегда весьма субъективны. Они, как правило, окрашивают автора и тех, кому он симпатизирует, в розовый цвет. Это, конечно, не значит, что все написанное в военных мемуарах не заслуживает доверия. Приведенный в них фактический материал, как правило, соответствует действительности, тем более тогда, когда автор трактует о событиях, участником которых живы к моменту опубликования его мемуаров. Речь идет о субъективном, неправильном толковании событий. Это обстоятельство мы учитывали при использовании в нашей работе мемуарных материалов.

Книга «Рассказ адмирала Киммела»⁹³, написанная самим Киммелом, бывшим командующим тихоокеанского флота США во время нападения японцев на Пирл-Харбор, в которой он пытается оправдаться и свалить вину за катастрофу на прави-

тельство Рузвельта, может служить примером субъективного толкования происшедших событий.

Киммел жалуется, что Вашингтон предоставил в его распоряжение лишь четыре танкера, а это позволило ему держать в открытом океане не более трети вверенного ему флота, что его не обеспечило авиацией, достаточной для патрулирования воздушного пространства вокруг Гавайев, и что его держали в полном неведении относительно тех сведений, которыми располагал Вашингтон, расшифровав японский код. Разумеется, Киммела устраивал отчет меньшинства пирл-харборской комиссии конгресса, возложившего ответственность за разгром японцами тихоокеанского флота США 7 декабря 1941 г. на правительство Рузвельта и на высшее командование в Вашингтоне. Однако Киммел не мог с достаточной ясностью объяснить, почему он так беспомощно встретил японское нападение, проявлял преступную беспечность в такое опасное время, почему не сделал должных выводов из тех многочисленных предупреждений, которые он получал в течение последних месяцев 1941 г. из Вашингтона. В своем стремлении оправдаться Киммел свалил главную ответственность за катастрофу в Пирл-Харборе на тех, кого уже не было в живых.

Из использованной нами литературы, посвященной второй мировой войне, заслуживают внимания два тома мемуаров К. Хелла — государственного секретаря США в 1933—1944 гг., Э. Стеттиниуса «Рузвельт и русские», книга ближайшего советника Рузвельта С. Розенмана, опубликованная в 1952 г. под названием «Работая с Рузвельтом», дневник морского министра США в 1944—1946 гг. и министра обороны в 1947—1948 гг. Дж. Форрестала, книга государственного секретаря при Г. Гувере и военного министра Рузвельта в 1940—1945 гг. Г. Стимсона и М. Банди «На активной службе в мирное и военное время»; книги государственного секретаря в 1945 г. Дж. Бирнса «Говоря откровенно» и «Все в течение одной жизни», книга государственного секретаря в 1949—1952 гг. Д. Ачесона «Сила и дипломатия», Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу»⁹⁴ и «Записки солдата» генерала О. Бредли, изданные в Нью-Йорке в 1951 г. и вышедшие в русском переводе в Москве в 1957 г.

В несколько ином аспекте, чем Трумэн, вопросы внешней политики США примерно за тот же период трактует в своих мемуарах сенатор А. Ванденберг. Они были изданы после его смерти (в 1952 г.) под названием «Частные бумаги сенатора Ванденберга»⁹⁵.

Наиболее критическую позицию к внешней политике правительства Трумэна, в частности к созданию НАТО, занимал лидер республиканцев в сенате Р. Тафт. Свои взгляды Тафт изложил в книжке, изданной в 1951 г. под названием «Внешняя политика для американцев»⁹⁶. Тафт утверждает, что его внешнеполитическая программа отнюдь не изоляционистская. США, по его мнению, всегда держались правила свободы действий, тем более они обязаны соблюдать это правило с тех пор, как они стали великой державой, участвующей в мировой политике.

Мемуары Эйзенхауэра изданы в Нью-Йорке в двух томах: первый, охватывающий 1953—1956 гг., вышел в 1963 г.; второй, освещающий события 1956—1961 гг., появился в 1965 г. Оба тома носят общее название «Годы в Белом доме»⁹⁷. Первый том имеет подзаголовок «Мандат на перемены», второй — «В поисках мира». Мемуары Эйзенхауэра свидетельствуют, что он, по крайней мере в первое свое президентство, интенсивно вел с помощью Дж. Ф. Даллеса «холодную войну», раз-

⁸⁹ Beal J. Marshall in China. Toronto, 1970.

⁹⁰ Pusey M. Eisenhower the President. N. Y., 1956; Donovan R. Eisenhower Inside Story. N. Y., 1956; Childs M. Eisenhower: Captive Hero. N. Y., 1958; Davis K. Soldier of Democracy. N. Y., 1955.

⁹¹ Lovelace D. General «Ike». N. Y., 1944; Hatch G. General Ike. N. Y., 1945.

⁹² Hughes E. The Ordeal of Power; a Political Memoir of the Eisenhower Years. N. Y., 1963.

⁹³ Kimmel H. E. Admiral Kimmel's Story. Chicago, 1955.

⁹⁴ Hull C. The Memoirs of Cardell Hull. 2 vls. N. Y., 1948; Stettinius E. Roosevelt and Russians. N. Y., 1949; Rosenman S. Working with Roosevelt. N. Y., 1952; Forrestal J. Diaries. N. Y., 1951; Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. N. Y., 1947; Byrnes J. Speaking Frankly. N. Y., 1947; All in One Lifetime. N. Y., 1958; Acheson D. Power and Diplomacy. Harvard, 1958; Eisenhower D. Crusade in Europe. N. Y., 1948.

⁹⁵ Vandenberg A. The Private Papers of Senator Vandenberg. Boston, 1952.

⁹⁶ Taft R. A Foreign Policy for Americans. N. Y., 1951.

⁹⁷ Eisenhower D. White House Years. N. Y., 1963—1965.

визанную Трумэном. И если в период его второго президентства появились признаки смягчения международной напряженности, то это объясняется не тем, что у Эйзенхауэра и Даллеса наступило просветление, а появлением в 1957 г. межконтинентальных баллистических ракет, в результате чего Америка навсегда потеряла свою неуязвимость, свою недосыгаемость.

Написанные после внешнеполитических неудач Эйзенхауэра в последний год его пребывания в Белом доме, после того, как был сбит шпионский самолет «У-2» над территорией СССР и отменены его визиты в Советский Союз и Японию, мемуары экс-президента начинены антикоммунизмом.

Раньше его биографы отмечали, что Эйзенхауэра достаточно славословили другие, чтобы ему самому не опускаться до саморекламы. В мемуарах он отказался от ложной скромности. Эйзенхауэр отказывался от той версии, будто бы стал президентом помимо своего желания, будто его кандидатуру выдвинули без его ведома. Ссылаясь на то, что долг солдата не позволял ему ставить пределы его обязанности служить государству, он, дескать, не мог категорически отказаться от выполнения обязанностей президента США. Отмечая, что воинственные, провокационные лозунги Дж. Ф. Даллеса о «массированном возмездии» и «балансировании на грани войны» полностью совпадали с его, Эйзенхауэра, взглядами, что США «должны взять на себя бремя руководства миром», он, повторяя аргументы американских обозревателей, писал, что война с СССР означала бы прежде всего потерю для капитализма Западной Европы.

Эйзенхауэр утверждает, что он сразу решил покончить с «новым курсом» Рузвельта и «справедливым курсом» Трумэна, означавшими активное вмешательство государства в хозяйство; однако наступивший в год его прихода в Белый дом экономический кризис заставил Эйзенхауэра отказаться от «выключения государства из бизнеса», которое он обещал в момент выборов.

Эйзенхауэр в мемуарах всячески отрещивается от Маккарти, стараясь предать забвению свое предвыборное выступление в 1952 г. в Милуоки, в котором говорил о своей общности с Маккарти и о том, что различие между ними «состоит лишь в методе».

Эйзенхауэр признает, что опасался свободных выборов во Вьетнаме, проведению которых США препятствовали, так как «общее мнение сводилось к тому, что, если бы выборы состоялись, Хо Ши Мин был бы избран главой государства». Эйзенхауэр также признает ту неблагоприятную роль, которую он сыграл в свержении правительства Г. Арбенса в Гватемале в 1954 г. В своих мемуарах Эйзенхауэр неоднократно отмечает, что стоял и стоит за применение атомного оружия в случае необходимости.

* * *

Духом «холодной войны» проникнуты не только мемуары Трумэна, Эйзенхауэра и других американских государственных и политических деятелей. Эта тема занимает большое место в послевоенной историографии США. Профессиональные историки Америки, как правило, в своих писаниях изоцряются в том, чтобы обелить внешнюю политику Вашингтона в те годы и возложить вину за «холодную войну» на Советский Союз.

Бемис, Бэйли и Пратт доводят свои труды до середины 50-х годов, когда Даллес довел «холодную войну» до наивысшего напряжения. Все они, пыжась, разглагольствуют о том, что Америке якобы навязали эту войну, что она в ней совершенно не повинна. Дж. Кеннан в упомянутой нами выше книге «Американская дипломатия. 1900—1950» идет дальше, утверждая, что между социалистическим и капиталистическим миром не может быть настоящего мирного сосуществования, что между ними может быть только противоборство.

Следует заметить, что о внешней политике Вашингтона после второй мировой войны, особенно о советско-американских отношениях, которые около четверти века

характеризовались зловещими словами «холодная война», в США накопилась такая огромная печатная продукция, что ее хватило бы для солидной специальной библиотеки.

Сам Джон Фостер Даллес в книге «Война или мир»⁹⁸, отстаивая и воспевая политику «с позиции силы», политику гонки вооружений, военных блоков и военных баз, объявляя нейтралитет аморальным, освещает международное положение и внешнюю политику США в первом послевоенном десятилетии в сугубо враждебном, антисоветском духе, в аспекте обостренной им «холодной войны», твердя при этом, что колоссальные вооружения и громадные военные расходы необходимы для обороны Америки, которой якобы угрожает «коммунистический мир».

Бывший помощник государственного секретаря Эндрю Бердинг в книге «Даллес и дипломатия»⁹⁹, опубликованной им в Принстоне через шесть лет после смерти Даллеса, называя Даллеса «самым сильным государственным секретарем в истории страны» и отмечая, что он старался свалить вину за «холодную войну» на Советский Союз, признал вместе с тем, что Даллес смотрел на переговоры о разоружении или даже о сокращении вооружений как на вводящий в заблуждение и сбивающий с толку маневр, что Даллес верил только в бропированный кулак.

Пропагандисты «холодной войны» обрушивались на политику мирного сосуществования, которой придерживался Рузвельт, особенно на подписанные им соглашения руководителей трех союзных держав в феврале 1945 г. на конференции в Ялте.

Бывший председатель правления Стального треста США Э. Стеттиниус, которого никак нельзя было заподозрить в симпатии к коммунизму, в предисловии к своей книге «Рузвельт и русские» писал: «Я присутствовал в Ялте как государственный секретарь. Существуют некоторые факты, известные только мне одному после смерти президента Рузвельта и Гарри Гокинса». После этого он утверждает, что «фактически русские сделали больше уступок Рузвельту и Черчиллю, чем они русским».

Стеттиниус умер в 1949 г. После его смерти в США появились такие «произведения», как книги Ф. Уитмера «Измена в Ялте» (издана в Колдуэлле в 1954 г.), Г. Кроккера «Дорога Рузвельта в Россию» (Чикаго, 1959 г.) и А. Теохариса «Мифы Ялты» (опубликована Миссурийским университетом в 1970 г.)¹⁰⁰. Уитмер, соревнуясь с Маккарти, обвинял Рузвельта и его ближайших помощников в «коммунизме». Кроккер обвинял Рузвельта в том, что он якобы использовал вооруженные силы США для содействия коммунистической экспансии в Европе и Азии, что «крестовый поход в Европу» Эйзенхауэра имел цель не нанести поражение Гитлеру, а открыть дорогу русским к Эльбе. Теохарис, хотя и признает, что консервативные республиканцы, ненавидевшие Рузвельта и его «нью-дил», использовали Ялтинскую конференцию и антикоммунизм в своих партийных целях, договорился до того, что кошмар маккартизма явился якобы результатом Ялтинской конференции.

Ряд американских авторов в возникновении «холодной войны» обвиняют Советский Союз. Это относится к следующим книгам: У. Росту «Соединенные Штаты на мировой арене», Л. Халле «Американская внешняя политика», М. Донслап «Идеи американской внешней политики», Д. Ачесон «Сила и дипломатия»¹⁰¹, Н. Гребнер «Новый изоляционизм», Р. Макнамара «Сущность безопасности»; А. Гарриман «Америка и Россия в изменяющемся мире», Р. Осгуд «НАТО, запутанный союз»; Дж. Ф. Даллес в упомянутой книге «Превращение Америки в мировую державу

⁹⁸ Dulles J. F. War or Peace. N. Y., 1957.

⁹⁹ Berding A. Dulles and Diplomacy. Princeton, 1965.

¹⁰⁰ Wittmer F. The Yalta Betrayal. Caldwell, 1953; Crocker G. Roosevelt's Road to Russia. Chicago, 1959; Theoharis A. The Yalta Myths. University of Missouri, 1970.

¹⁰¹ Rostow W. The U.S. in the World Arena. N. Y., 1960; Halle Z. Dream and Reality: Aspects of American Foreign Policy. London, 1960; Donelan M. The Ideas of American Foreign Policy. London, 1963; Acheson D. Power and Diplomacy. Harvard, 1958.

1898—1954»; Ф. Поуг в сборнике «Значение Ялты», Т. Бэйли «Америка лицом к лицу с Россией» и т. д.¹⁰²

Эти обвинения, содержащиеся в многочисленных печатных работах, имели определенный политический смысл — оправдать агрессивную, воинственную, милитаристскую программу Вашингтона.

29 января 1951 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщила, что около 875 американских историков и специалистов в области других общественных наук присоединились к опубликованному заявлению, в котором одобрялась политика «холодной войны», проводившаяся государственным секретарем Ачесоном.

Упомянутый выше сборник «Вечная война за вечный мир», изданный уже известным нам Барнсом, хотя и посвящен критике внешней политики Франклина Рузвельта, политике участия США в антигитлеровской коалиции, возлагает вину за «холодную войну» не только на СССР, но и на глобальную политику Трумэна, — может вместе с тем рассматриваться как синтез той американской литературы, которая пропагандирует ненависть к социалистическому лагерю, не скрывая своего соболезнования рухнувшему режиму фашистских агрессоров.

Ч. Тансилл — автор главы в этом сборнике критикует Рузвельта за то, что он до войны оказывал «постоянное давление на Англию и Францию с тем, чтобы они смело противостояли нацистской Германии». Тансилл с сожалением пишет: «Германия была вовлечена в войну с Британией и Францией, когда она предпочла бы конфликт с Россией из-за Украины». Выходит, что Германия имела какое-то основание претендовать на Украину. В главе о японо-американских отношениях этот же Тансилл утверждает, что правительство Рузвельта спровоцировало Японию, поставило ее в безвыходное положение, заставило ее напасть на Пирл-Харбор. Автор другой главы — Ф. Салборн критикует Рузвельта за то, что благодаря ему Черчилль после капитуляции Франции в 1940 г. занял непримиримую позицию по отношению к Гитлеру; за то, что в январе 1941 г. Гопкинс от имени Рузвельта дал английскому премьеру заверения в том, что США сделают все, что в их силах, для нанесения поражения фашистской Германии, а также за то, что в конце 1941 г. Рузвельт распорядился об отправке военных грузов в СССР, несмотря на сильные протесты со стороны целого ряда высокопоставленных лиц из вооруженных сил США.

Главу «Действительный путь к Пирл-Харбору» Дж. Моргенстерн толкует в духе отчета меньшинства пирл-харборской комиссии конгресса и указанной выше книги адмирала Киммела.

Барнс, суммируя все написанное в сборнике, заключает, что Рузвельт, содействуя переговорам в Мюнхене в 1938 г., старался всячески отсрочить неизбежную вторую мировую войну, так как если бы эта война возникла в 1938 г., то Германия была бы разбита без участия США. Рузвельт же, по словам Барнса, во что бы то ни стало желал играть активную роль в этом мировом побоище.

Доводы Барнса, как и других подобных ему авторов, необоснованны. В 1938 г. Франклин Рузвельт никак не мог быть уверенным, что, вопреки исторической традиции, его кандидатура будет баллотироваться в президенты США в третий раз.

Барнс дальше утверждает, будто Япония, во избежание войны с Америкой, готова была полностью уйти из континентальной Азии, что совершенно неверно. Более того, требование США об уходе Японии из Китая, содержащееся в ноте от 26 ноября 1941 г., которую Барнс называет «ультиматумом», не предусматривало даже ухода из Маньчжурии. Неудивительно, что Барнс защищает адмирала Киммела и возлагает вину за разгром тихоокеанского флота 7 декабря 1941 г. всецело на президента Рузвельта.

¹⁰² Graebner N. The New Isolationism. N. Y., 1956; McNamara R. The Essence of Security. N. Y., 1968; Harriman A. America and Russia in a Changing World. N. Y., 1971; Osgood R. NATO, the Entangling Alliance. Chicago, 1962; The Meaning of Yalta. Ed. by J. Snell. Baton Rouge, 1956; Bailey Th. America faces Russia. Ithaca, 1950.

Наконец, Барнс утверждает, что в результате второй мировой войны США оказались в более опасном положении, чем в 1941 г., так как Советский Союз, который якобы менее расположен к мирному сосуществованию с Америкой, намного сильнее довоенной Германии и Японии, вместе взятых.

Таков в общих чертах указанный сборник, содержащий многословную, но верную и подтасованную аргументацию так называемых неоревизионистов.

В подобном же духе написана книжка военного обозревателя США Х. Болдуина: «Большие ошибки в войне»¹⁰³. Болдуин критикует Рузвельта за то, что он не поддержал плана Черчилля о вторжении англо-американских войск вместо Нормандии на Балканы, а также за то, что он не принял все меры к тому, чтобы американцы были в Берлине и Праге раньше русских. Вместе с тем он признает, что атомные бомбы, брошенные на Хиросиму и Нагасаки, нанесли Америке большой моральный ущерб. В этой работе Болдуин рассказывает, что в июле и августе 1945 г. США приняли решение использовать против Японии биологическое оружие.

Даже некоторые противники гонки вооружений, критики военных пактов в США нередко пытаются отвести вину за возникновение «холодной войны» от Вашингтона. В 1962 г. бывший сотрудник государственного департамента Рональд Стилл опубликовал в Нью-Йорке книгу «Конец союзам», в которой он аттестовал НАТО как устаревший, ненужный и в изменившихся условиях даже вредный военный союз. В 1967 г. вышла в Нью-Йорке его книга «Пакс Американа»¹⁰⁴, в которой он критикует глобальную политику США, по его выражению своеобразную американскую «случайную империю», имеющую гарнизоны и военные базы в различных частях земного шара. Вместе с тем он утверждает, что мероприятия президента Трумэна, которые ознаменовали начало «холодной войны», были бы оправданы, если бы они носили не глобальный, а локальный, ограниченный характер, не превратили бы США в мирового жандарма в области идеологии, «не вовлекли бы Соединенные Штаты в бесконечные серии ссор, конфликтов и гражданских войн, которые не улучшали положение в мире, но ухудшали в конечном итоге состояние самой американской демократии»¹⁰⁵. Равным образом Артур Шлезингер-младший в уже упомянутой нами книге «Кризис доверия» писал, что «наиболее рациональная американская политика вряд ли могла бы избежать холодной войны». Уолтер Липпман, который с самого начала выражал свое несогласие с доктриной Трумэна и с политикой «сдерживания», изложенной Кеннаном, пытался вместе с тем в своей брошюре «Холодная война»¹⁰⁶, изданной в Лондоне в 1947 г., возложить вину за ухудшение советско-американских отношений на СССР.

В 1966 г. в Нью-Йорке вышла книга Э. Стиллмена и У. Пфафа «Сила и бессилие. Провал американской внешней политики»¹⁰⁷. Авторы проводят ту мысль, что изоляционизм и глобальная политика США имеют общую основу: изоляционисты желали абстрагироваться от внешнего мира, а сторонники глобальной политики задумали перестроить внешний мир на американский образец; подход тех и других к рассмотрению вопроса был нереальным, порочным. Реальная политика, по мнению этих авторов, состояла бы в том, чтобы принимать внешний мир таким, какой он есть, и исходить в своих иностранных делах из национальных интересов, связанных прежде всего и главным образом с решением актуальных внутренних проблем. Авторы этой книги предупреждают, что продолжение Вашингтоном послевоенной глобальной политики, политики «холодной войны» закончится провалом за границей и разочарованием внутри страны. В то же время они изображают возникновение «холодной войны» как ответные меры США на политику СССР.

¹⁰³ Baldwin H. Great Mistakes of the War. N. Y., 1949.

¹⁰⁴ Steel R. The End of Alliance. N. Y., 1964; Pax Americana. N. Y., 1967.

¹⁰⁵ Steel R. Pax Americana, p. 12—13, 336.

¹⁰⁶ Lippmann W. Cold War. London, 1947.

¹⁰⁷ Stillman E., Pfaff W. Power and Impotence; the Failure of America's Foreign Policy. N. Y., 1966.

Перечисленными работами, разумеется, не ограничивается американская литература о возникновении «холодной войны».

Однако наряду с этим в буржуазной историографии США имеется ряд книг, более или менее объективно освещающих рассматриваемый вопрос.

Нью-Йоркский банкир Джеймс Уорбург, который был финансовым советником Франклина Рузвельта и считался крупным знатоком внешней политики, является автором многочисленных работ. В опубликованной Уорбургом своей тридцатой книге (издана в Лондоне в 1966 г.) «Соединенные Штаты в послевоенном мире»¹⁰⁸, он неопровержимо доказывает, что «холодную войну» затеял Трумэн, а мероприятия Советского правительства в этой войне следует рассматривать как реакцию на провокационные действия президента США. Трумэн, утверждает Уорбург, вбил себе в голову опасную мысль, будто то, что хорошо для США, хорошо для всего мира. Объясняя мотивы, побудившие Трумэна «в противовес прагматическому идеализму Рузвельта» развернуть «холодную войну», Уорбург пишет: «Трумэн дал совершенно ясно понять, что, как он уверен, весь мир должен принять американскую систему, во-первых, потому, что это лучшая система, а во-вторых, потому что эта система может выжить в самих США только при условии, что она станет всемирной».

Обстоятельно и всесторонне исследовал данный вопрос профессор Д. Флеминг в труде «Холодная война и ее происхождение», опубликованном в двух томах в 1961 г. в Лондоне¹⁰⁹.

Флеминг отнюдь не симпатизирует социализму. Он подчеркивает свою преданность буржуазному строю, веру в капитализм. Свое выступление в пользу мирного сосуществования капитализма и социализма он объясняет тем, что в атомный век можно либо вместе жить, либо вместе умереть — другой альтернативы нет. Однако, изучив подробно историю «холодной войны» во всех ее аспектах и истоках, Флеминг признает, что ответственность за развязывание этой войны лежит прежде всего на президенте США Трумэне. Флеминг также отмечает роль сенатора Ванденберга, Даллеса, Черчилля и других в этой послевоенной трагедии.

Рассматривая происхождение «холодной войны» в более широком историческом плане, Флеминг напоминает, что западные державы после Мюнхена, в 1939 г., вынудили СССР пойти на заключение пакта о ненападении с Германией. «До этого момента, — пишет он, — Советский Союз сделал все, что государство в состоянии сделать, для того чтобы сформировать союз с Западом с целью обуздания Гитлера или нанесения ему поражения без чрезмерных жертв, но каждый раз предложения Советского Союза резко отвергались»¹¹⁰.

Основную причину возникновения и развития «холодной войны» Флеминг видит в попытках Трумэна, Даллеса и их единомышленников, выражавших настроение реакционных правящих кругов США, силою реставрировать капитализм в социалистических странах. Этот порочный, опасный и дорогостоящий курс взрастил небывалый агрессивный милитаризм с его военно-промышленным комплексом в Америке и толкал правительство США на союз с реакцией во всем мире.

В отличие от ряда других американских буржуазных историков, Флеминг оценивает Ялтинскую конференцию как вклад в дело обеспечения длительного мира, вклад в мирное сосуществование после войны. Флеминг отмечает, что Рузвельт, предвидя неизбежные послевоенные разногласия между США и СССР, старался свести их к минимуму. Но Трумэн в своей ревизии внешней политики Рузвельта раздувал эти разногласия и довел их до «холодной войны».

Наряду с фундаментальным трудом Д. Флеминга в США появился (особенно начиная с 1965 г.) ряд книг, в которых показано, что главная ответственность за

возникновение «холодной войны» ложится не на Москву, а на Вашингтон. Одни из авторов этих книг видят причины в объективных условиях — в необходимости для США экспансии американского капитализма за границей, в его стремлениях к «открытым дверям» во всем мире. Другие объясняют происшедшее тогда резкое ухудшение советско-американских отношений субъективными причинами — неудачной, порочной политикой Трумэна и его советников. Но основную вину за «холодную войну», омрачавшую много лет международный политический климат, все эти авторы возлагают на американское правительство. Их в США в той или иной мере отождествляют с так называемыми «новыми левыми» или «ревизионистами».

В 1959 г. в США была опубликована книга Б. Вильямса «Трагедия американской дипломатии» (в 1960 г. появился русский перевод). Вильямс видит «трагедию» в эволюции доктрины «открытых дверей», в неосуществимом желании разрешить внутренние проблемы американского капитализма посредством растущей экономической экспансии в глобальном масштабе.

В 1965 г. Г. Альперовитц опубликовал в Нью-Йорке книгу «Атомная дипломатия»¹¹¹, признанную в американской библиографии даже его противниками как серьезное исследование. Автор доказывает, что Трумэн, как только он стал президентом США, приступил к ревизии рузвельтовской политики сотрудничества с СССР, развязывая таким образом «холодную войну»; Трумэн намеревался создать такой послевоенный мировой порядок, в котором господствовать должна была Америка. Использование атомной бомбы против уже побежденной Японии, продолжает Альперовитц, было рассчитано скорее на дипломатический, чем на военный эффект: оно должно было продемонстрировать, что Америка имеет все основания разговаривать с русскими с «позиции силы».

В 1965 г. в Нью-Йорке была издана книга Д. Горовитца «Колосс свободного мира»¹¹². Автор утверждает, что ко времени смерти Франклина Рузвельта советско-американское сотрудничество базировалось на здоровой основе. Но с приходом в Белый дом Трумэна с его антисоветскими настроениями открылся широкий простор для тех советников президента, которых Рузвельт ограничивал или игнорировал. В результате политика советско-американского сотрудничества была сведена на нет и ей на смену пришла «холодная война».

В 1968 г. в Нью-Йорке вышла книга Г. Колко «Политика войны»¹¹³. Критика ее характеризовала как «поворотный пункт в историографии военного и послевоенного периода». Основной тезис объемистой книги в 700 страниц сводится к тому, что США несут главную ответственность за возникновение «холодной войны». По словам автора, Вашингтон ставил своей целью создать такой послевоенный порядок в мире, который обеспечил бы глобальную экспансию американского капитализма. После поражения Германии и Японии правящие круги США считали СССР главным препятствием на пути к осуществлению их экспансионистских замыслов. Отсюда, — заключает Колко, — враждебный послевоенный курс Вашингтона по отношению к Москве.

В 1970 г. Д. Клеменс опубликовала книгу под названием «Ялта»¹¹⁴. Она обвиняет правительство Трумэна в нарушении буквы и духа Ялтинской конференции. В проведении политики «холодной войны» Клеменс всецело винит Вашингтон.

В том же 1970 г. в Чикаго появилась книга Л. Гарднера «Архитекторы иллюзий»¹¹⁵. Гарднер в известной мере повторяет мысль Вильямса о заинтересованности американского капитализма в «открытых дверях» для себя во всем мире. В этом правящие круги США видели спасение от повторения мирового экономического кризиса 30-х годов. Ответственность за «холодную войну» Гарднер возлагает преимущественно на США.

¹⁰⁸ Warburg J. The United States in the Postwar World: a Critical Appraisal. London, 1966.

¹⁰⁹ Fleming D. The Cold War and its Origin. 2 vls. London, 1961.

¹¹⁰ Fleming D. Op. cit., v. II, p. 1036.

¹¹¹ Alperovitz G. Atomic Diplomacy. N. Y., 1965.

¹¹² Horowitz D. Free World Colossus. N. Y., 1965.

¹¹³ Kolko G. Politics of War. N. Y., 1968.

¹¹⁴ Clemense D. Yalta. N. Y., 1970.

¹¹⁵ Gardner L. The Architects of Illusion. Chicago, 1970.

Дело не только в авторах книг, утверждения которых опровергают Флеминг и др. В президентской кампании 1952 г. «отречение от Ялты» стало лозунгом республиканской партии. Ее тогдашний кандидат в президенты США генерал Эйзенхауэр в выступлении 14 июня того же года в Детройте заявил, что он не согласен с «политическими решениями» в Тегеране, Ялте и Потсдаме. На конференции в Потсдаме присутствовал сам Эйзенхауэр, но спустя семь лет, он, будучи кандидатом в президенты, «оправдывался» и утверждал, что к его советам на этой конференции, мол, не прислушались.

* * *

Среди работ по экономике следует отметить последние три тома из девятитомника «Экономическая история Соединенных Штатов». Седьмой том «Конец политики невмешательства государства в хозяйство» написан Фолкнером. Он анализирует развитие экономики США с конца 90-х годов до вступления в первую мировую войну. Показывая, как в этот период финансовый капитал установил свое господство в хозяйстве страны, Фолкнер вместе с тем утверждает, что именно политика активного вмешательства государства в экономику в годы президентства Теодора Рузвельта означала конец того капитализма, каким его знали в Америке до XX в. Видя превращение капитализма в государственно-монополистический, автор в то же время обнаруживает свою ограниченность, свое непонимание движущих пружин, определяющих динамику капиталистического хозяйства. В отличие от Теодора Рузвельта, он не осознавал, что активное вмешательство правительства в хозяйство происходит в интересах капитализма, в интересах сохранения эксплуататорской системы.

Восьмой том — «Десятилетие процветания»¹¹⁸ охватывает 1917—1929 гг. Его автор Джордж Саул освещает военную экономику, кризис 1920—1921 гг. и период «процветания», завершившийся крахом в 1929 г. Говоря о биржевой панике 1929 г., послужившей сигналом и началом мирового экономического кризиса, Саул показывает не только растерянность президента Гувера, но и несостоятельность Дж. Кейнса в оценке создавшегося положения. Кейнс считал, что кризис наступил вследствие недостатка капитала в промышленности. В действительности, отмечает Саул, промышленность США имела избыток капитала. Саул обращает внимание на роль держательских компаний, «пирамид» С. Инсула и братьев Ван-Сверинген в спекулятивном буме 20-х годов. Он отмечает затяжной фермерский кризис и его причины, превращение США из должника в кредитора, репарационную проблему и другие вопросы.

Девятый том — «Десятилетие кризиса» освещает 1929—1941 гг. Его автор Б. Митчелл¹¹⁷ описывает возникновение и развитие мирового экономического кризиса и роль США в этом кризисе; беспомощность и дискредитацию Гувера с его обещаниями и попытками воздвигнуть плотину против стихии кризиса. «Лечение» от кризиса, предложенное Гувером, заключается Митчелл, основывалось на «устарелых догмах, ложном оптимизме и инертности». Митчелл подробно разбирает «нью-дил» Рузвельта, созданный им «мозговой трест», банковскую катастрофу марта 1933 г. и последующие реформы в области кредита и денежного обращения, сельскохозяйственную программу нового президента, его план оздоровления промышленности и организации общественных работ. Автор также рассматривает стачечную борьбу рабочего класса, раскол АФТ и создание КПП. Он доводит изложение девятого тома до вступления США во вторую мировую войну.

Много изданий выдержала в США «Экономическая история американского народа» Э. Богарта. В 1927 г. она вышла в Москве в русском переводе. В 1935 г. она была опубликована в Нью-Йорке в переработанном и дополненном виде, была доведена до

периода проведения рузвельтовского курса «нью-дил». Признавая первенствующее значение экономики в истории народа, Богарт не ограничивается описанием хода событий, а пытается их комментировать, установить в известной мере их причинные связи. В отличие от Фолкнера, он признает необходимость государственного регулирования экономики, видит опасность в необузданном разгуле монополий. В заключение Богарт писал: «Рост корпоративных организаций создал новые проблемы, угрожающие нашим демократическим институтам. Наблюдается громадный рост богатства, но это богатство непропорционально сконцентрировано в руках немногих. Проблемы нищеты, присущие Старому Свету, от которых мы надеялись счастливо освободиться, возникли в наших городах, где лишения и пороки распространились и стали очевидными для всех»¹¹⁸.

Из исследований экономики США к концу первой четверти XX в. интерес представляет коллективный сборник «Столетие промышленного прогресса»¹¹⁹ (издан в 1928 г. в Нью-Йорке с предисловием будущего президента США Герберта Гувера). Специальная глава в сборнике посвящена научно-исследовательским работам и изобретениям в США. 21-ю главу написал председатель АФТ У. Грин. Суммируя развитие профдвижения в США, Грин, оставаясь верным себе, отмечает, что АФТ всегда сопротивлялась революционным методам борьбы рабочих, всегда одобряла классовое сотрудничество. В том же году в Вашингтоне была опубликована «История промышленности в Соединенных Штатах» В. Кларка в двух томах, а в 1949 г. она вышла в трех томах¹²⁰. В 1927 г. в Нью-Йорке появилась работа Р. Тэгуэлла «Индустриальная зрелость»¹²¹.

Всестороннее освещение состояния экономики США в 20-х годах, перед возникновением мирового экономического кризиса, дает вышедший в 1929 г. двухтомник «Новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов»¹²².

Специально о 20-х годах в 1929 г. опубликовал книгу Стюарт Чейз под названием «Процветание: факт или миф». В 1930 г. она вышла в русском переводе. Двухтомник «Новейшие изменения в экономике» служил для Чейза основным источником цифрового материала. Но его обобщения и выводы совершенно отличались от содержания двухтомника. Как все работы Чейза, и эта его книга, живо написанная, читается с интересом. Стоит отметить также его книги «Трагедия расточительства» (русский перевод — в 1925 г.) и «Как растрачиваются деньги потребителя» (русский перевод — в 1928 г.). Обе эти книги — яркая иллюстрация того, во что обходится Америке анархия производства.

Производственная способность США к началу 30-х годов показана в специальной работе Эдвина Норса «Производственная способность Америки»¹²³. Тогда же вышла в Вашингтоне книга, подготовленная Ливингом, Мультином и Уорбартоном, — «Потребительская способность Америки»¹²⁴. В этом исследовании Бруклинского института показано, что в 1929 г. 0,1% всех семейств США имели такой же доход, как другие 42% семейств страны.

В 1959 г. в Нью-Йорке вторично вышла работа исследовательской организации — «Фонд двадцатого века» — «Потребности и ресурсы Америки»¹²⁵. Ее подготовил к пе-

¹¹⁸ Bogart E. Economic History of the American People. N. Y., 1935, p. 877—878.

¹¹⁹ A Century of Industrial Progress. Ed. by Wile F. N. Y., 1928.

¹²⁰ Clark W. History of Manufactures in the United States. 3 vls. N. Y., 1949.

¹²¹ Tugwell R. Industry's Coming of Age. N. Y., 1927.

¹²² Этот двухтомник, вышедший в русском переводе в 1930 г., представляет «Отчет комитета при президентской конференции по безработице и по вопросу о новейших изменениях в экономике (под председательством Герберта Гувера) с включением докладов особой группы сотрудников национального бюро экономических исследований».

¹²³ Nourse E. America's Capacity to Produce. N. Y., 1934.

¹²⁴ America's Capacity to Consume. N. Y., 1934.

¹²⁵ America's Needs and Resources. The Twentieth Century Fund. Ed. by Dewhurst J. N. Y., 1959.

¹¹⁸ Economic History of the United States, 9 vls.; v. VII; Faulkner H. The Decline of Laissez — Faire. N. Y., 1951; v. VIII; Soule G. Prosperity Decade. N. Y., 1947.

¹¹⁷ Mitchell B. Depression Decade. N. Y., 1947.

чати Дж. Дьюхерст с помощью коллектива в 25 человек. В этой работе систематизирован обширнейший материал о развитии экономики США в военные и послевоенные годы, о занятости населения, производительности труда, безработице и других вопросах. Особое внимание уделяется влиянию новой техники и новых материалов, а также совершенствования технологии на производственную способность и экономическое развитие страны. Этот собранный и систематизированный в одной работе материал представляет определенную ценность, чего нельзя сказать о толковании материалов, о выводах и прогнозах. В частности, никак нельзя согласиться с объяснением в этой работе причин своеобразного развития послевоенного промышленного цикла в США.

В книге Дьюхерста рассматривается в различных вариантах национальный доход, но не национальное богатство. По этому вопросу опубликовал специальную работу Р. Голдсмит «Национальное богатство США в послевоенный период», изданную Принстонским университетом в 1962 г. В 1968 г. вышел русский перевод.

Кризисы освещены в уже указанной экономической и исторической литературе. Среди работ о панике 1907 г. следует назвать книгу О. Спрага «Кризис при национальной банковской системе» (1910), В. Перкинса «Паники на Уолл-стрите», Э. Зелигмана «Кризис 1907 г. в свете истории»¹²⁶ и А. Нойеса «Сорок лет финансов Америки»; о кризисе 1920—1921 г.— книги А. Нойеса «Американские финансы в период войны» (1926 г.) и А. Бэрнса «Колебания производства с 1870 г.»; о кризисе 1929—1933 г.— В. Донхэма «Хозяйствование наугад» и «Экономика смотрит в неизвестность» (1932), С. Нириंगा «Должны ли мы голодать?» и Ч. Бирда «Америка перед лицом будущего». Английский профессор Л. Роббинс опубликовал в 1934 г. в Лондоне книгу о мировом экономическом кризисе; в этой книге, названной «Великий кризис»¹²⁷, освещаются события, происшедшие в экономике капиталистического мира после биржевого краха на Уолл-стрите в 1929 г.

В 1958 г. в Лондоне была опубликована книга Джона Гэлбрейта «Великий крах 1929»¹²⁸. В дальнейшем этот плодотворный американский автор неоднократно утверждал, что это самое лучшее его произведение, хотя в основном он повторяет то, что было сказано до него. Он рассказывает, что ажиотаж на бирже летом 1929 г. озаботил Белый дом, куда тогда был специально вызван вице-президент нью-йоркской биржи Уитни. Но это Гэлбрейт описывает на основании мемуаров бывшего президента Гувера, который, естественно, желал себя в какой-то мере реабилитировать, так как, став весной 1929 г. президентом США, перед самым началом биржевого краха и небывалого кризиса предсказывал длительное «процветание». Гэлбрейт правильно говорит, что биржа Соединенных Штатов отражала пороки их экономики. Причины кризиса Гэлбрейт видит в нездоровой экономике, которую, по его словам, подтачивали пять болезней: 1) плохое распределение национального дохода; 2) слабость корпораций, вытекавшая из новой, особой роли держательских компаний с их спекулятивными «пирамидами»; 3) плохая банковская структура; 4) сомнительный платежный баланс, так как нельзя совмещать роль крупнейшего экспортера капитала с высокими таможенными барьерами; 5) скудное состояние экономической мысли, в результате чего обе большие партии цеплялись за балансированный бюджет и твердый золотой доллар, испытывали страх перед возможной инфляцией, и «догма восторжествовала над разумом».

Рассуждения Гэлбрейта не представляют открытия. Первые четыре из пяти болезней американской экономики, которые он считает причинами кризиса, возникше-

¹²⁶ Sprague O. History of Crisis under the National Banking System. Washington, 1910; Perkins D. Wall Street Panics. N. Y., 1931; Seligman E. The Crisis of 1907 in the Light of History N. Y., 1908.

¹²⁷ Noyes A. Forty Years of American Finance. N. Y., 1909; Noyes A. The War Period of American Finance. N. Y., 1926; Burnes A. Production Trends in the U.S. since 1870. N. Y., 1934; Donham W. B. Business Adrift. N. Y., 1934; Donham W. B. Business Looks at the Unforeseen. N. Y., 1932; Nearing S. Must We Starve? N. Y., 1932; Robbins L. The Great Depression. London, 1934.

¹²⁸ Galbraith J. The Great Crash 1929. London, 1958.

го в 1929 г. (подробно это рассмотрено нами во второй книге), были освещены в советской печати за много лет до появления книги Гэлбрейта «Великий крах 1929»¹²⁹.

Более оригинально выглядит опубликованная в 1958 г. книга Гэлбрейта «Общество изобилия»¹³⁰. В ней Гэлбрейт утверждает, что теории, созданные классической политической экономией и оказывающие влияние на экономическую мысль в наши дни, устарели. То, что было верно, говорит он, при Адаме Смите и Рикардо, когда подавляющее большинство населения влачило скудное существование, неверно для современных Соединенных Штатов, где широкие слои населения владеют автомобилями и пользуются другими материальными благами. Повторяя утверждения других либеральных экономистов на Западе, Гэлбрейт твердит, что К. Маркс был прав в свое время, но в наши дни его учение, особенно в США, подлежит в ряде случаев пересмотру. Гэлбрейт показывает, какое сильное влияние оказывали в Америке доктрины социал-дарвинизма, зародившиеся в XIX в. в Англии, где их главным проповедником был Герберт Спенсер.

Острый кризис, возникший в 1937 г., освещает на фоне имевших тогда хождение различных теорий в связи с непривычными для США экономическими мероприятиями Рузвельта А. Хансен в книге «Полное восстановление или стагнация?»¹³¹.

К работам, к которым мы обращались при освещении экономической политики Франклина Рузвельта, относятся следующие: Ф. Рузвельт «Глядя вперед» и «На нашем пути»; У. Липпман «Интерпретации 1933—1935»; С. Шлихтер и др. «Средства для процветания» и Дж. Кейнс «Общая теория занятости, процента и денег»¹³² (в русском переводе издана в 1948 г.), С. Чейз «Государство в хозяйстве», Д. Лоуренс «Что кроется за кулисами Нью-дил»; Дж. Шотвелл «На краю пропасти», С. Уоллес «Нью-дил» в действии», Ф. Броквэй «Достигнет ли Рузвельт цели?», Г. Уоллес «Новые рубежи», Б. Столберг и У. Винтон «Экономические последствия «Нью-дил», М. Галлахер «Государственный контроль над промышленностью в Америке», Л. Геккер «Краткая история Нью-дил», Л. Лион и В. Абрамсон «Государство и экономическая жизнь», (т. II), Ч. Бирд и Дж. Смит «Старый и новый курс», А. Бэрнс и Д. Уотсон «Государственные расходы и экономическая экспансия», М. Фэйнсд и Л. Гордон «Государство и американская экономика»; В. Рауч «История Нью-дил. 1933—1938»; А. Шлезингер-старший «Нью-дил в действии» (эта работа является частью его докладной записки, представленной конгрессу США 15 ноября 1937 г.), А. Шлезингер-младший «Век Рузвельта» (второй и третий тома, о которых мы уже говорили выше)¹³³.

О рабочем законодательстве при Рузвельте, об отношении профсоюзов к «Нью-дил», об организации общественных работ и о различных проблемах трудовых отношений рассказывает Ф. Перкинс в своей книге «Рузвельт, каким я его знала»¹³⁴.

¹²⁹ Подробнее об этом см.: Лан В. И. США: от первой до второй мировой войны. М., 1976.

¹³⁰ Galbraith J. The Affluent Society. Boston, 1958.

¹³¹ Hansen A. Full Recovery of Stagnation? N. Y., 1938.

¹³² Roosevelt F. Looking Forward. N. Y., 1938; Roosevelt F. On Our Way. N. Y., 1934; Lippmann W. Interpretations 1933—1935. N. Y., 1936; Schlichter S. and oth. The Means to Prosperity. N. Y., 1939; Keynes J. The General Theory of Employment, Interest and Money. N. Y., 1936.

¹³³ Chase G. Government in Business. N. Y., 1935; Lawrence D. Beyond the New Deal. N. Y., 1934; Shotwell J. On the Rim of the Abyss. N. Y., 1936; Wallace S. The New Deal in Action. N. Y., 1934; Brockway F. Will Roosevelt Succeed? N. Y., 1934; Waller H. New Frontiers. N. Y., 1934; Stolberg B., Vinton W. The Economic Consequences of New Deal. N. Y., 1935; Gallaher M. Government Control of Industry in America. N. Y., 1934; Hacker L. A Short History of the New Deal. N. Y., 1935; Lyon L., Abramson V. Government and Economic Life, v. II. Washington, 1940; Beard Ch., Smith G. The Old Deal and the New. N. Y., 1940; Burns A., Watson D. Government Spending and Economic Expansion. N. Y., 1941; Fainsed M., Gordon L. Government and American Economy. N. Y., 1941; Rauch B. The History of the New Deal. 1933—1938. N. Y., 1944; Schlesinger A. The New Deal in Action. N. Y., 1937.

¹³⁴ Perkins F. The Roosevelt as I Knew. London, 1948.

Перкинс — первая женщина в составе правительственного кабинета — была бессменным министром труда в годы президентства Рузвельта.

Наконец, отметим книгу Р. Молей «После семи лет»¹³⁵, изданную в Нью-Йорке в 1939 г. Профессор Молей, считавшийся главной фигурой в «мозговом тресте» президента Ф. Рузвельта, работал с ним еще тогда, когда он был губернатором Нью-Йорка. Потом в Вашингтоне Молей занимался разработкой и подготовкой основных мероприятий «нью-дил». Книга основана на его записях и докладных записках, а также на документах, составленных с его участием. Молей рассказывает, как был создан «мозговой трест» и как он работал, как образовывался правительственный кабинет Рузвельта, что совершило новое правительство в его знаменитые первые сто дней, что привело к срыву международной экономической конференции в Лондоне в 1933 г., как развивались разногласия правительства с конгрессом и Верховным судом. Молей заканчивает свою книгу выборной кампанией 1936 г. и подведением итогов деятельности Рузвельта в период его первого президентства.

При анализе экономики США в первой мировой войне, помимо общих работ по экономической истории США, нами были использованы: Г. Кларксон «Индустриальная Америка в мировой войне» (1923); Б. Барух «Американская промышленность в войне», Э. Богарт «Стоимость войны и ее финансирование» (1921) и У. Макаду «Насыщенные годы»¹³⁶; по экономике США в период второй мировой войны: Дж. Блэр, Х. Хаугтон и М. Роуз «Экономическая концентрация и вторая мировая война» (в русском переводе вышла в 1948 г.) и уже упомянутая выше работа Дж. Дьюкхерста «Потребности и ресурсы Америки».

Для изучения экономики обеих мировых войн определенный интерес представляет книга Бернарда Баруха «Годы общественной деятельности»¹³⁷. Эта книга, написанная как второй том автобиографии Баруха, касается экономики не только военного, но и мирного времени, затрагивает такие вопросы, как биржевой крах 1929 г., «нью-дил» Рузвельта, фермерская проблема, реконверсия и др. В книге излагается мнение автора по самым актуальным вопросам внутренней и внешней политики США, начиная с первой мировой войны и кончая президентством Эйзенхауэра. В известных пределах она представляет очерки экономической и политической истории США за полвека.

Из специальной литературы об экспорте американского капитала следует отметить книгу Б. Вильямса «Внешняя экономическая политика Соединенных Штатов»¹³⁸, изданную в Нью-Йорке в 1929 г. Автор начинает освещение вопроса с превращения США из должника в кредитора и доводит изложение до конца 20-х годов. Наряду с экспортом капитала Вильямс останавливается и на экспорте товаров.

Тремя годами раньше вышла в русском переводе упомянутая уже книга С. Нирринга и Д. Фримена «Дипломатия доллара», показывающая механику, роль и последствия операций американского капитала за границей. Эти операции, преследовавшие колонизаторские цели, начались и проводились беспощадно и бесцеремонно прежде всего в Латинской Америке. О них рассказывает Р. Арисменди в книге «Вторжение доллара в Латинскую Америку», опубликованной в Монтевидео в 1947 г. и на русском языке в Москве в 1948 г. О Латинской Америке, как о рынке для капиталов и товаров США до мирового экономического кризиса, написано также в книге Джона Картера «Завоевание»¹³⁹. Но в основном Картер демонстрирует превосходство американского капитала над европейским, установившееся со времени первой мировой войны.

¹³⁵ Moley R. After Seven Years. N. Y., 1939.

¹³⁶ Clarkson G. Industrial America in the World War. Boston, 1923; Baruch B. American Industry in the War. N. Y., 1941; Bogart E. War Costs and their Financing. N. Y., 1921; MacAdoo W. Crowded Years. Boston, 1931.

¹³⁷ Baruch B. The Public Years. N. Y., 1962.

¹³⁸ Williams B. Economic Foreign Policy of the U. S. N. Y., 1929.

¹³⁹ Carter J. Conquest. N. Y., 1928.

Американские инвестиции в Китае описаны в их историческом развитии до начала мирового экономического кризиса в уже упомянутой нами книге К. Ремера «Иностранные инвестиции в Китае». О прямых инвестициях США за границей с 1929 по 1960 г. подробно по частям света и странам министерство торговли США опубликовало работу в виде приложения к журналу «Сервей оф каррент бизнес» — «Хозяйственные инвестиции США в иностранных государствах»¹⁴⁰.

Об экспорте американского капитала после второй мировой войны опубликована книга Марины Уитмен «Участие государства в риске заграничных инвестиций»¹⁴¹. Наряду с данными о вывозе капитала она описывает, как со времени второй мировой войны государство в целях стимулирования экспансии американского капитала за границей во многих случаях гарантировало инвестиции США за рубежом. Раньше, в 1959 г. Уитмен опубликовала в Принстоне работу на эту же тему, озаглавленную «Гарантийная программа Соединенных Штатов и частные иностранные инвестиции»¹⁴².

Американские инвестиции в других странах и доход от этих инвестиций за первые 20 послевоенных лет оригинально описаны в книге Г. Магдоффа «Эпоха империализма», вышедшей в 1969 г. в Нью-Йорке третьим изданием¹⁴³.

Об экспорте капитала США в Западную Европу была опубликована работа Б. Баласса «Американские прямые инвестиции в Общий рынок». Материалы о капитале США в Англии содержатся в книге Дж. Дэннинга «Американские инвестиции в британской экономике».

Об экспансии американского капитала в развивающихся странах дает представление опубликованное в 1961 г. исследование подкомиссии по внешнеэкономической политике Объединенной экономической комиссии конгресса США.

При изучении развития экономики США полезные сведения дает двухтомный сборник «Главные документы в американской экономической истории», составленный уже упомянутым нами профессором Колумбийского университета Л. Геккером. Второй том относится к XX в. В нем документация доводится до начала 60-х годов, когда новый президент США Кеннеди выдвинул программу увеличения темпов хозяйственного роста как важнейшую задачу в свете экономического соревнования двух систем.

Состояние экономики в 60-х годах, ее проблемы и перспективы ее роста рассматриваются девятью авторитетными в США экономистами в сборнике «Перспективы экономического роста», изданном в 1968 г. в Нью-Йорке под редакцией Уолтера Геллера. К этому можно прибавить очередное издание в 1969 г. Комитета экономического развития «Экономический рост в Соединенных Штатах», а также издание Объединенной экономической комиссии 91-го конгресса США «Внешнеэкономическая политика для 1970-х годов»¹⁴⁴.

* * *

О промышленных и финансовых монополиях, о росте их спекулятивных операций, богатства, власти и влияния (наряду с материалами комиссий конгресса, на которые имеются соответствующие ссылки в работе), укажем на некоторые исследования. Прежде всего следует отметить изданную в 1904 г. работу Дж. Муди «Прав-

¹⁴⁰ «Survey of Current Business». 1960. Supplement: Pizer S. and Culter F. U. S. Business Investments in Foreign Countries.

¹⁴¹ Whiteman M. Government Risk-Sharing in Foreign Investment. Princeton, 1965.

¹⁴² Whiteman M. The U. S. Investment Guaranty Programme and Private Foreign Investment. Princeton, 1959.

¹⁴³ Magdoff H. The Age of Imperialism, the Economics of U. S. Foreign Policy. N. Y., 1969.

¹⁴⁴ Perspectives on Economic Growth. Ed. by Heller W. N. Y., 1968; Committee for Economic Development. Economic Growth in the U. S. N. Y., 1969; Economic Foreign Policy for 70th. Washington, 1970.

да о трестах»¹⁴⁵. Через десять лет, в 1914 г. появилась нашумевшая книга будущего члена верховного суда США Л. Брандиса «Чужие деньги и как банкиры их используют»¹⁴⁶. В то время, в 1910 г. в Чикаго вышла работа в трех томах Г. Майерса «История американских миллиардеров» (русский перевод в двух томах вышел в 1924 и в 1927 гг.). В 1921 г. Г. Клайн издал в Нью-Йорке свою очередную книгу, направленную против власти монополий, — «Династическая Америка и те, кто владеют ею»¹⁴⁷. На конкретных фактах и цифрах Клайн ярко и убедительно показал, что богатство США сконцентрировано в руках горстки архимиллионеров. Он также вскрыл смысл филантропических фондов и способы избавления крупных состояний от налогов. Клайн относится к наиболее выдающимся «макррекерам». К этой и к другим его книгам мы еще вернемся.

В 1922 г. в Нью-Йорке была опубликована книга Э. Джонса «Проблемы трестов в Соединенных Штатах»¹⁴⁸, а спустя десять лет там появилась книга Г. Лейдлера «Концентрация капитала в американской промышленности» (в 1934 г. вышла в русском переводе). Как пишет Лейдлер в предисловии, он попытался нарисовать «картину экономического контроля в том виде, в каком он существовал в конце третьего десятилетия XX в.».

Много толков вызвали появившиеся в 1924 г. в Нью-Йорке книга Т. Карвера «Современная экономическая революция в США» и в 1926 г. в Бостоне книга М. Рипли «Мэйн-стрит и Уолл-стрит»¹⁴⁹. Оба эти профессора утверждали, что рост числа держателей акций означает «экономическую революцию», перераспределение ценностей, «мирный переход богатства от Уолл-стрита к Мэйн-стриту», т. е. от финансовой олигархии к среднему американцу.

Приведенный авторами фактический материал свидетельствует, помимо их воли, о том, что, наоборот, рост числа держателей акций не уменьшил, а увеличил власть Уолл-стрита, облегчил финансовым заправилам использование сбережений широких слоев населения, дал возможность распоряжаться чужими деньгами. Это, в частности, вытекает из известной работы А. Берли и Г. Минза «Современная корпорация и частная собственность»¹⁵⁰. Об этой работе, как и о книгах Карвера и Рипли, идет речь во второй части седьмой главы нашей второй книги.

В 1946 г. Колумбийский университет издал книгу Д. Линча «Концентрация экономической власти (сокращенный русский перевод вышел в 1948 г.)». На основе материалов Временной национальной экономической комиссии, созданной по инициативе Франклина Рузвельта с целью изучения концентрации экономической власти в промышленности США и ее последствий, Линч пришел к заключению, что вторая мировая война значительно ускорила процесс концентрации в американской экономике.

О деятельности международных монополий, в том числе и американских, об их росте в довоенное время и об их роли в годы второй мировой войны Дж. Аллен опубликовал в 1946 г. книгу которая с некоторыми сокращениями вышла в 1948 г. в русском переводе. В русском же переводе вышел труд К. Эдвардса «Международные картели в экономике и политике».

В США было опубликовано немало книг, посвященных отдельным династиям монополистического капитала: Дж. Кеннан «Э. Г. Гарриман»; Л. Корей «Дом Морганов» (русский перевод — в 1933 г.); Г. О'Коннор «Миллионы Меллона»; Дж. Винклер «Династия Дюпона»; А. Невинс «Исследование о власти. Джон Д. Рокфеллер»¹⁵¹.

¹⁴⁵ *Moody J.* The Truth about the Trusts. N. Y., 1904.

¹⁴⁶ *Brandies L.* Other People's Money and the Bankers Use It. N. Y., 1914.

¹⁴⁷ *Klein H.* Dynastic America and Those Who Own It. N. Y., 1921.

¹⁴⁸ *Jones E.* The Trust Problem in the U. S. N. Y., 1922.

¹⁴⁹ *Carver T.* Present Economic Revolution in the U. S. N. Y., 1924; *Ripley M.* Main Street and Wall Street. Boston, 1926.

¹⁵⁰ *Berle A., Means G.* The Modern Corporation and Private Property. N. Y., 1933.

¹⁵¹ *Kennan G. E. H.* Harriman. N. Y., 1922; *O'Connor H.* Mellon's Millions. N. Y., 1933; *Winkler J.* The Du Pont Dynasty. N. Y., 1935; *Nevin A.* A Study in Power. J. D. Rockefeller. N. Y., 1953.

Г. О'Коннор — автор книги о миллионах Меллона — опубликовал в 1955 г. монографию «Империя нефти», где он рассматривает нефтяные монополии США, их деятельность и влияние (в 1958 г. книга вышла в русском переводе).

Династии Моргана, Рокфеллера, Меллона и других рассматривает также Анна Рочестер в книге «Правители Америки»¹⁵². Это исследование о монополистическом капитале США показывает, как финансовая олигархия господствует не только в экономике, но и в политике: контролирует федеральное правительство. Оно также освещает экономическое и политическое значение экспорта американского капитала, роль Уолл-стрита в империалистической экспансии США.

Упомянутые династии, их контроль над корпорациями, сила и влияние финансовой олигархии США, ее структура и методы, соотношение сил банкиров, образующих эту олигархию, и различные формы, которые приобретает государственно-монополистический капитализм в Америке после второй мировой войны, проанализированы и освещены в исследовании В. Перло «Империя финансовых магнатов». Оно вышло в Нью-Йорке в 1957 г., а на русском языке — в 1958 г.

В 1970 г. в Нью-Йорке была опубликована книга Р. Барбера «Американская корпорация»¹⁵³. Барбер иллюстрирует возрастание власти крупнейших монополий в результате усиления процесса концентрации производства и централизации капитала, процесса поглощения ими других корпораций. В 1950 г. в обрабатывающей и добывающей промышленности были поглощены лишь 4 фирмы с активами каждая не менее 10 млн. долл. с общей суммой активов в 173 млн. долл. В 1960 г. исчезли как самостоятельные 62 такие фирмы с активами в 1710 млн. долл., в 1965 г. — 93 фирмы с активами в 3900 млн. долл., а в 1968 г. — 188 фирм с активами в 12 366 млн. долл. Барбер отмечает, что сбережения населения используются крупными корпорациями и банками не только прямо, через акции, но и косвенно, через страховые и пенсионные фонды. Он признает, что необузданная деятельность растущих монополий противоречит интересам общества. Но выход он видит в усилении государственного контроля над корпорациями. Государство, по его выражению, должно «действовать как позитивный противовес». В этом отношении Теодор Рузвельт опередил его на две трети века. Барбер утверждает, что в постиндустриальной экономике США, когда лишь треть рабочей силы занята в материальном производстве, задачи государства по отношению к корпорациям облегчаются. Но он, как и ряд других американских авторов, относит к материальному производству не всех лиц, в нем занятых.

В том же 1970 г. в Нью-Йорке появилась книга сенатора Уильяма Проксаера «Американский военно-промышленный комплекс»¹⁵⁴. Проксаер, как председатель подкомиссии Объединенной экономической комиссии конгресса, располагал достаточными материалами, иллюстрирующими, во что обходится американскому народу военно-промышленный комплекс, который переплетается с руководящим монополистическим капиталом и связан со многими университетами и колледжами. Он показывает, как Пентагон расточительно тратит колоссальные средства на самолеты, ракетные системы, корабли, танки и пушки, которые оказываются устарелыми или не соответствующими спецификации. Он доказывает, что США выбрасывают на ветер, расходуют напрасно на различные виды вооружений по крайней мере 10 млрд. долл. в год.

В 1934 г. в Нью-Йорке была опубликована книга Л. Корей «Упадок американского капитализма», а спустя 37 лет, в 1971 г., там вышла работа профессора Корнелльского университета Э. Геккера «Конец американской эры»¹⁵⁵. Оба автора приходят к

¹⁵² *Rochester A.* Rulers of America. N. Y., 1936.

¹⁵³ *Barber R.* The American Corporation: Its Power, Its Money, Its Politics. London, 1970.

¹⁵⁴ *Proxmire W.* America's Military-Industrial Complex. Report from Wasteland. N. Y., 1970.

¹⁵⁵ *Corey L.* The Decline of American Capitalism. N. Y., 1934; *Hacker A.* The End of the American Era. N. Y., 1968.

малоутешительным выводам для американского капитализма. Оба они пишут о роли корпораций. Но Геккер акцентирует свое внимание на социально-политической стороне вопроса, а Корей наряду с описанием политических последствий господства монополий анализирует экономические основы этого господства.

Литература, разоблачающая разгул монополий, коррупцию политиков и хищнические операции трестов, авторов которой Теодор Рузвельт окрестил крылатым словом «маккрекеры», во времени не ограничивалась коротким периодом, который известные американские историки называют обычно «прогрессивным». В этот период, когда движение широких масс против монополий приняло большие размеры, разоблачительная литература пользовалась большим успехом. Но она появилась раньше и продолжала выходить позже, вплоть до наших дней.

Первым «маккрекером» по праву считают Генри Ллойда. Он умер в 1903 г., но уже тогда появилась группа его последователей. Еще в 1880 г., через год после образования первого в мире треста Ллойд опубликовал в журнале «Атлантик мансли» направленную против рокфеллеровской «Стандард ойл» статью «Рассказ о большой монополии». Эта статья имела такой большой успех, что ее перепечатали 13 раз. В 1894 г. вышла в свет известная книга Ллойда «Богатство против всеобщего благосостояния»¹⁵⁶. В ней Ллойд писал: «Свобода и монополия несовместимы... Государство наполовину демократическое и наполовину плутократическое невыносимо».

В 1902 г. вышла двухтомная «История Стандард ойл компании» Айды Тарбэлл, а затем — «Измена сената» Д. Филиппса, «Позор городов» и «Враги республики» Линкольна Стеффенса, «Джунгли» Элтона Синклера и др.¹⁵⁷

Одним из самых активных последователей Генри Ллойда в разоблачении хищничества богатей, грабежа со стороны монополий был весьма осведомленный Генри Клайн — автор ряда книг, привлечших в свое время большое внимание в Америке и за ее пределами: «Ограбление большого города», «Стандард ойл» или народ», уже упомянутая «Династическая Америка и те, кто владеют ею» и др.¹⁵⁸ Клайн не только предрекает анафею монополии, но видит в них причины всех зол капитализма, в частности причины экономических кризисов, или, как он выражается, «тяжелых времен» в Америке.

Клайн не замечает, что промышленные кризисы были и до того, как капитализм стал монополистическим. В XIX в. в США один из самых тяжелых и продолжительных кризисов в истории страны возник в 1873 г., еще до появления первого треста. Примитивны также рекомендуемые Клайном методы лечения болезней капитализма. Сила его книг в показе негативных черт капитализма. Со знанием дела Клайн выносит на всеобщее обозрение хищения, мошенничество, подкуп и другие пороки, свойственные монополиям.

В книге «Стандард ойл» или народ», опубликованной в 1914 г., когда в США назревал очередной хозяйственный кризис, Клайн писал: «Настоящие трудности вытекают из того факта, что не народ, а корпорации контролируют правительство». Клайн показывает, как «Стандард ойл» подчинила себе много других монополий, и перечисляет сто семейств, которые накануне первой мировой войны владели половиной всего богатства Соединенных Штатов. На основе неопровержимых фактов он заключает: «Политики штатов и городов коррумпированы корпорациями, в которые вложены деньги «Стандард ойл»... «Стандард ойл» деморализует палату представителей и сенат США. Через своих управляющих политическими кампаниями она даже распоряжалась президентами, когда деньги «Стандард ойл» были использованы для их избрания».

¹⁵⁶ *Lloyd H. Wealth Against Commonwealth. N. Y., 1894, p. 355, 357.*

¹⁵⁷ *Tarbell I. The History of the Standard Oil Company. N. Y., 1902; Phillips D. The Treason of the Senate. N. Y., 1906; Steffens J. L. The Shame of the Cities. N. Y., 1904; The Enemies of the Republic; Sinclair E. Jungle. N. Y., 1906.*

¹⁵⁸ *Klein H. Standard Oil or the People. N. Y., 1914; Dynastic America and those who Own It. N. Y., 1921.*

Из разоблачительной литературы, появившейся в США с того времени, когда Клайн опубликовал свои книги, можно отметить: Р. Петигру «Торжествующая плутократия» (1921) (в русском переводе издана в 1922 г.); Адамс «Разгул» (1926) (русский перевод — в 1928 г.), Ф. Кент «Политические нравы» (1928) (русский перевод — в 1930 г.), анонимная «Вашингтонская карусель» (1931) (русский перевод — в 1933 г.), книги Ф. Ландберга «60 семейств Америки» (1937) (сокращенный русский перевод — в 1948 г.) и «Богачи и сверхбогачи» (1968) (сокращенный русский перевод — в 1971 г.), Джордж Сельдес «1000 американцев» (1947) (русский перевод — в 1948 г.), Р. Миллс «Властвующая элита» (1957) (русский перевод — в 1959 г.), В. Паккард «Обнаженное общество» (1964), С. Гесс и Д. Бродер «Истэблишмент республиканской партии» (1967), Б. Зелигман «Перманентная нищета» (1968), Д. Пирсон и Дж. Андерсон «Дело против конгресса» (1968), Дж. Колко «Богатство и власть в Америке» (1962), А. Шлезингер. «Кризис доверия» (1969) и др.¹⁵⁹

В некоторых из приведенных работ убедительно показано, как крупные богачи увиливают от подоходного налога и от налога на наследство. Еще Клайн в 1912 г. в книге «Династическая Америка» писал: «В настоящее время львиная доля крупных состояний распределяется при жизни владельца, избегая таким образом налога на наследство». В 1926 г. налоговое жульничество, проводившееся с помощью министра финансов Э. Меллона в пользу доходов не менее миллиона долларов в год, наглядно показал Л. Гейнс в книге «Ваши слуги в сенате»¹⁶⁰, а в 1937 и 1968 гг. — Ф. Ландберг в его указанных книгах.

Перечисленные книги принадлежат буржуазным авторам. Эти авторы сильны в своих обличениях, но слабы в анализе и обобщении, а тем более в выводах и рецептах для лечения болезней капиталистической Америки. Подобно Теодору Рузвельту, они направляют свои стрелы не против существующего в США строя, а против растущих под его куполом злоупотреблений, не признавая, что моральное разложение, коррупция и другие преступные действия в царстве доллара неотделимы от существующей политической системы, от господства монополий.

* * *

Из специальной литературы о положении и борьбе фермеров отметим прежде всего работу Джона Хикса «Восстание популистов»¹⁶¹. Автор рассматривает положение сельского хозяйства и фермерскую проблему к концу XIX в. (к концу движения населения на Запад), возникновение фермерского альянса и его борьбу против грабительских фрахтов железнодорожных компаний, организацию популистской партии, ее борьбу и ее значение. Этим же проблемам посвящена книга Анны Рочестер «Популистское движение в Соединенных Штатах». О фермерской проблеме ко времени мирового экономического кризиса писал Б. Остроленк в работе «Лишний фермер». Эволюцию, претерпевшую сельским хозяйством США к тому времени, описывает на примере конкретных фермеров Рассел Лорд в своей книге «Люди земли». Живую картину, демонстрирующую истощение богатых, плодородных земель в результате капиталистического хозяйничанья, рисует Стюарт Чейз в книге «Богатая земля, бедная земля»¹⁶².

Технический прогресс, наблюдавшийся после второй мировой войны в сельском хозяйстве США и резко ускоривший процесс вытеснения мелкого фермера, освещен

¹⁵⁹ *Packard W. The Naked Society. N. Y., 1964; Hess S., Broder D. The Republican Establishment. N. Y., 1964; Seligman B. Permanent Poverty. Chicago, 1968; Pearson D., Anderson J. The Case Against Congress. N. Y., 1958; Kolko G. Wealth and Power in America. N. Y., 1962; Schlesinger A. The Crisis of Confidence. N. Y., 1969.*

¹⁶⁰ *Hains L. Your Servants in the Senate. Washington, 1926.*

¹⁶¹ *Hicks J. The Populist Revolt. Minneapolis, 1931.*

¹⁶² *Rochester A. The Populist Movement in the U. S. N. Y., 1943; Ostrolenk B. Surplus Farmer. N. Y., 1932; Lord R. Men of Earth. N. Y., 1931; Chase S. Rich Land, Poor Land. N. Y., 1936.*

в книге Э. Хигби «Фермы и фермеры в эпоху урбанизации»¹⁶³. Доход от проданной продукции ста тысяч самых крупных ферм составлял в 1960 г. в среднем на ферму 94 тыс. долл., а доход 2900 тыс. мелких и средних ферм — 3000 долл. Эти фермеры — обремененные. Они продолжают называться фермерами по инерции. Уже к переписи 1960 г. 44% всех числившихся фермеров получали от сельского хозяйства в среднем лишь 7% своих доходов. 18% всех фермерских семейств относили в 1960 г. к категории нищих. Каждая из этих семей имела общий годовой доход менее тысячи долларов. В 1962 г. фермер получал за рабочий час в среднем в 3 раза меньше, чем в среднем рабочий в промышленности.

О большом проценте бедных среди фермеров, как и вообще среди населения сельскохозяйственных районов США, в 1967 г. был опубликован отчет президентской консультативной комиссии по вопросам бедности в сельских местностях под названием «Люди, оставленные позади». По данным этой комиссии, в 1965 г. в городах к бедным относились 14,8% населения, в сельских районах — 25, а на фермах — 29,3%. Среди небелого населения, занятого в сельском хозяйстве США, этот процент еще выше. Средний доход негритянского фермера составляет менее половины дохода белого фермера.

* * *

В XX в. — от переписи к переписи — негров, занятых в сельском хозяйстве, становится все меньше. В 1900 г. больше трех четвертей всех негров США считались жителями сельских районов почти исключительно южных штатов. К 1970 г. негров на фермах осталось всего около 4%. Миграция негров на Север, изменения в их социальной структуре происходят в борьбе за экономическое и политическое равноправие. В 60-х годах эта борьба приобрела особо острый характер. О положении и борьбе негритянских рабочих за равные права с белыми рабочими в профсоюзах и на предприятиях пишет Р. Маршалл в своей книге «Негры и организованные рабочие»; С. Крислов в книге «Негры на федеральной службе» дает представление об их борьбе за равноправие при поступлении на работу в государственные учреждения. Об активизации трудящихся негров, об уличных боях, проведенных ими в 60-х годах, рассказывают Ч. Гамильтон в книге «Власть черных», Б. Мюз «Американская негритянская революция», авторы сборника под редакцией Ф. Барбура «Восстание за власть черных». О развитии негритянской проблемы за последние сто лет и о ее состоянии в наши дни, о сегрегации и интеграции в учебных заведениях на Юге и Севере страны, о борьбе негров за гражданские права, за равную с белыми заработную плату и улучшение их жилищных условий пишет Р. Аллен в книге «Руководство к власти черных в Америке»¹⁶⁴.

В 1942 г. в Чикаго была создана организация «Конгресс расового равенства», названная сокращенно КОРЕ¹⁶⁵. Эта организация заимствовала у М. Ганди теорию «ненасилия». Мартин Лютер Кинг соединил эту теорию с концепцией «прямых действий». Впоследствии КОРЕ стала признавать насилие в целях самообороны. На конференции этой организации в Балтиморе в 1966 г. выступали руководители воинственных «черных пантер» и «черных мусульман». Популярность КОРЕ стала возрастать в 1960 г., когда ее сторонники организовали в Гринсборо так называемую сидячую демонстрацию, которая положила начало организованному движению во многих городах. Обо всем этом, а также о деятельности радикальных негритянских организаций рассказывает И. Белл в книге «КОРЕ и стратегия ненасилия». О разви-

тии и состоянии негритянского вопроса в США до второй мировой войны, о роли негров в американской истории, об их борьбе за экономическое, политическое и социальное равенство, об их участии в общем движении прогрессивных, демократических сил страны писал Джеймс Форд в книге «Негры и демократический фронт»¹⁶⁶.

Фостер в книге «Негритянский народ в истории Америки» (издана в Нью-Йорке в 1954 г. и на русском языке в Москве в 1955 г.) освещает жизнь американских негров со времени их прибытия в Новый Свет в качестве рабов до середины XX в.

О положении трудящихся негров и о расовой проблеме в США начиная с первых дней существования республики до середины 60-х годов пишет уже упомянутый нами Р. Маршалл в книге «Негритянский рабочий»¹⁶⁷. Автор приводит много интересных данных, характеризующих как прошлое, так и настоящее положение американских негров. В 1840 г., когда рабы составляли 15% населения США, в штате Луизиана этот процент равнялся 48, в Миссисипи — 52, а в Южной Каролине — 55. В 1860 г. 95% всех негров США жили на Юге, в 1910 г. — 90%, а в 1960 г. — лишь 51%. В 1960 г. 5% трудящихся белых были безработными, а небелых — 10,2%. В 1965 г. эти цифры соответственно составляли 4,1 и 8,3. До 30-х годов, как указывает автор, дискриминация чрезвычайно затрудняла вступление негров в профсоюзы. Лишь в дальнейшем наметились определенные изменения. За треть века, с 1930 до 1965 г., число негров — членов профсоюзов увеличилось с 56 000 до 1 500 000.

О современном положении негров в США, об их бесправии и дискриминации в учебных заведениях, при найме на работу, в жилищном вопросе и в других областях опубликовал в 1963 г. в Нью-Йорке работу Г. Аптекер «Американский негр сегодня» (книга в том же году была издана на русском языке).

* * *

Из литературы о рабочем движении отметим вышедшие в Нью-Йорке в 1935 г. III и IV тома «Истории рабочего класса в Соединенных Штатах»¹⁶⁸ (продолжение двух томов, опубликованных ранее Джоном Коммонсом и доведенных до конца прошлого века). III и IV тома охватывают период с 1896 до 1932 г. — от президентства Уильяма Маккинли до президентства Франклина Рузвельта. Третий том посвящен условиям труда и трудовому законодательству, а четвертый — рабочему движению. Авторы третьего тома — Д. Лескохир и Е. Бравдис, а четвертого — З. Перельман и Ф. Тафт. Последний опубликовал в 1964 г. в Нью-Йорке большую работу «Организованные рабочие в американской истории»¹⁶⁹. Книга охватывает период с колониальных времен Америки до 60-х годов XX в.

Отдельная книга Перельмана «История тред-юнионистского движения в Соединенных Штатах» описывает рабочее движение со времени образования США до конца первой мировой войны (вышла на русском языке в 1927 г.). Еще больший период охватывает книга А. Бимбы «История американского рабочего класса». Эта книга представляет очерки истории образования и развития рабочего класса и рабочего движения США начиная с колониальных времен до конца 20-х годов XX в. (вышла в русском переводе в 1930 г.) С колониального же периода до конца 40-х годов XX в. описывает историю рабочего движения США Ф. Даллес в книге «Труд в Америке». С колониального периода также начинает, но доводит описание рабочего движения в США до 60-х годов XX в. Т. Брукс в книге «В тяжком труде и волнениях». Гэс Тайлер в работе «Революция труда»¹⁷⁰ рассматривает развитие и проблемы профсоюзов

¹⁶⁶ Bell I. CORE and the Strategy of Nonviolence. N. Y., 1968; Ford J. The Negro and the Democratic Front. N. Y., 1938.

¹⁶⁷ Marshall R. The Negro Worker. N. Y., 1967.

¹⁶⁸ The History of Labor in the U.S., vls III, IV. N. Y., 1935.

¹⁶⁹ Taft Ph. Organized Labor in American History. N. Y., 1964.

¹⁷⁰ Dulles F. Labor in America: a History. N. Y., 1949; Brooks Th. Toil and Trouble; a History of American Labor. N. Y., 1964; Tyler G. The Labor Revolution. Trade Unions in a New America. N. Y., 1967.

¹⁶³ Higbee E. Farms and Farmers in an Urban Age. N. Y., 1963.

¹⁶⁴ Marshall F. R. The Negro and Organized Labor. N. Y., 1965; Krislov S. The Negro in the Federal Employment: the Quest for Equal Opportunity. Minneapolis, 1967; Hamilton Ch. Black Power. N. Y., 1967; Muse B. The American Negro Revolution. Indiana Univ. Press, 1970; Barbour F. The Black Power Revolt, a Collection of Essays. Boston, 1968; Allen R. A Guide to Black Power. London, 1970.

¹⁶⁵ По-английски CORE — первые буквы слов: Congress of Racial Equality.

США на протяжении столетия — с середины 60-х годов XIX до середины 60-х годов XX в. В 1925 г. в Нью-Йорке была опубликована двухтомная автобиография организатора и многолетнего председателя АФТ Сэмюэля Гомперса «Семьдесят лет жизни и труда»¹⁷¹. Гомперс, пространно разглагольствуя, выступает за классовое сотрудничество, за «деловой юнионизм», ратует за гильдейское общество в будущем, отрицает революционную и политическую активность профессиональных союзов. Но как повествование человека, который в течение сорока лет (с 1883 г. до его смерти в 1924 г., за исключением 1895 г.) был бессменным председателем АФТ — основной профсоюзной организации страны, его двухтомная автобиография представляет интерес для тех, кто изучает историю рабочего движения в Соединенных Штатах Америки.

Произведению Гомперса противостоят яркие работы Уильяма Фостера, освещающие развитие рабочего движения США в классовых боях. Сюда относятся его книги: «Американский тред-юнионизм» (Нью-Йорк, 1947), «Очерки истории всемирного профсоюзного движения» (Нью-Йорк, 1956; главы, относящиеся к США); «Великая стачка в стальной промышленности и ее уроки», «Страницы из жизни рабочего»¹⁷². Его книга «Профжулики в САСШ», вышедшая в 1928 г. в русском переводе, представляет яркую картину разложения консервативной профбюрократии. В книге дана убедительная критика политики классового сотрудничества реакционных вождей профсоюзов.

Ожесточенные классовые бои, проведенные рабочим классом США, интересно, живо описаны в книгах С. Иелна, а также Р. Бойера и Г. Морейса. С. Иелн в книге «Из истории забастовочного движения в США», вышедшей в русском переводе в 1950 г., рассказывает об исторических стачках конца прошлого века и о больших забастовках за первые 35 лет XX в. Иелн начинает свой труд с описания железнодорожной забастовки 1877 г. и кончает всеобщей стачкой в Сан-Франциско в 1934 г. Р. Бойер и Г. Морейс назвали свою книгу «Нерассказанная история рабочего движения. Повесть о классовых боях, поражениях и победах американских рабочих, мужчин и женщин». Повесть охватывает почти целое столетие — от 60-х годов XIX до 50-х годов XX в. Ее авторы освещают историю рабочего движения, развивавшегося в классовой борьбе, прошедшего через битвы за период истории США от Авраама Линкольна до Дуайта Эйзенхауэра. Эта книга была опубликована в Нью-Йорке в 1955 г. и на русском языке вышла в Москве в 1957 г.

Всеобъемлющую работу по истории рабочего движения в США представляет фундаментальный труд Филиппа Фонера. Его четыре тома «Истории рабочего движения в США» были опубликованы в Нью-Йорке соответственно в 1947, 1955, 1964 и 1965 гг. В русском переводе они появились в 1949, 1958, 1966 и 1969 гг. Второй том автор назвал «От создания Американской федерации труда до возникновения американского империализма». Этот том охватывает последние два десятилетия XIX в., а третий том — первое десятилетие XX в. Фонер использовал для своего исследования корреспонденцию и документы АФТ. Он освещает историю рабочего движения на фоне экономического и политического развития США. Во втором томе, говоря о борьбе рабочего класса против монополий, он показывает возникновение и рост трестов, освещает роль рабочего класса в популистском движении, в Антиимпериалистической лиге и в борьбе против империализма. В третьем томе Фонер рассматривает взаимоотношения между социалистической партией и Американской федерацией труда.

Четвертый том труда Фонера всецело посвящен ИРМ. Он так и называется: «Индустриальные рабочие мира». Том охватывает период со времени возникновения ИРМ в 1905 г. до вступления США в первую мировую войну в 1917 г.

¹⁷¹ *Gompers S. Seventy Years of Life and Labor. N. Y., 1925.*

¹⁷² *Foster W. Z. The Great Steel Strike and Its Lessons. N. Y., 1920; Foster W. Z. Pages from a Worker's Life. N. Y., 1939.*

Образование, развитие и борьба ИРМ интересно и увлекательно освещены в автобиографии вождя этой организации. Его автобиография опубликована в русском переводе в 1932 г. под названием «Книга Билля Хейвуда». Известную работу об «Индустриальных рабочих мира» опубликовал в 1920 г. П. Бриссенден¹⁷³. Бриссенден освещает боевую деятельность ИРМ не только в борьбе с капиталом, но и с оппортунистическим руководством АФТ.

О роли правительства США в крупных стачках рассказано в книге Э. Бермана «Трудовые конфликты и президенты Соединенных Штатов»¹⁷⁴. Автор начинает с исторической железнодорожной забастовки 1894 г. и кончает большой железнодорожной стачкой 1922 г.

Общую характеристику состояния профсоюзного движения в США, трудовых отношений и рабочего законодательства ко времени окончания первой мировой войны дал Р. Хокси в своей книге «Тред-юнионизм в Соединенных Штатах». В 1954 г. в Нью-Йорке вышла книга Л. Рейнольдса — «Экономика труда и трудовые отношения»¹⁷⁵. Автор пишет о росте профсоюзов с 80-х годов прошлого века, о возникновении АФТ и ИРМ. Но в основном он рассматривает трудовые отношения, коллективные договоры, рабочее или, вернее, антирабочее законодательство, «закон Тафта — Хартли» и др. Трудовые отношения и коллективные договоры также освещает Ф. Петерсон в книге «Американские рабочие союзы». Рабочему движению США за сто лет, с 60-х годов XIX до 60-х годов XX в., посвящена книга Л. Литвака «Американское рабочее движение». Автор собрал статьи и документы, характеризующие возникновение АФТ, ИРМ и КПП, взаимоотношения АФТ с социалистической партией, компартийские союзы, «акт Вагнера» и др. Литвак начинает книгу опубликованной в 1957 г. статьей «Миф о счастливым рабочем». Состояние профсоюзного движения после второй мировой войны освещено в книге Ф. Петерсона «Союзы в послевоенной Америке»¹⁷⁶.

О социалистической партии США, ее возникновении и деятельности один из ее лидеров М. Хилкуит написал книгу «История социализма в США» (вышла в русском переводе в 1919 г.). Историю социалистической партии описывает Ф. Гейнс в своей книге «Социальная политика в Соединенных Штатах»¹⁷⁷. Как и Хилкуит, Гейнс начинает с идей и экспериментов утопического социализма в США. Но наряду с социалистической и социалистической рабочей партией он рассматривает профсоюзное движение, движение Генри Джорджа, популистов, Лафоллета и др. В отличие от Хилкуита и Гейнса, Д. Шаннон в своей книге «Социалистическая партия Америки»¹⁷⁸ начинает ее историю с конца прошлого столетия и доводит до начала 50-х годов XX в.

Отметим следующие книги об организаторе и вожде социалистической партии США: Г. Морейс и У. Кан «Джен Дебс», Х. Морган «Юджин В. Дебс»; Р. Джинджер «Сгибающийся крест. Биография Юджина Виктора Дебса»¹⁷⁹. После освещения деятельности Дебса в железнодорожных братствах Джинджер пишет о его роли в американском и мировом социалистическом движении, о его борьбе против вступления США в империалистическую войну в 1917 г. и против их интервенции в Советскую Россию в 1918 г. Избранные статьи и речи Дебса под названием «Наследие Джен Дебса» были изданы в 1928 г. в Нью-Йорке с введением А. Трахтенберга¹⁸⁰.

¹⁷³ *Brissenden P. IWW. N. Y., 1920.*

¹⁷⁴ *Berman E. Labor Disputes and the Presidents of the U. S. N. Y., 1924.*

¹⁷⁵ *Hoxia R. Trade Unionism in the U. S. N. Y., 1920; Reynolds L. Labor Economics and Labor Relations. N. Y., 1954.*

¹⁷⁶ *Peterson F. American Labor Unions. N. Y., 1952; Litvak L. American Labor Movement. Englewood Cliffs, 1962.*

¹⁷⁷ *Hains F. Social Policy in the U. S. Boston, 1924.*

¹⁷⁸ *Shannon D. The Social Party of America. N. Y., 1955.*

¹⁷⁹ *Morais H., Cahn W. Gene Debs. N. Y., 1948; Morgan H. Eugene V. Debs. Syracuse, 1962; Ginger R. The Bending Crest. New Brunswick, 1949.*

¹⁸⁰ *Debs E. The Heritage of Gene Debs. N. Y., 1928.*

Коммунистическое движение в США освещено в книге У. Фостера «История Коммунистической партии Соединенных Штатов»¹⁸¹, изданной в Нью-Йорке в 1952 г. В ней история партии изложена на фоне общего развития классовой борьбы в Америке с конца XVIII до начала второй половины XX в. Она также содержит критический обзор и характеристику социалистической и социалистической рабочей партий. О состоянии Коммунистической партии США в первые годы ее существования дают представление речи и статьи одного из ее основателей и лидеров Чарлза Рутенберга, изданные в Нью-Йорке в 1928 г. под названием «Речи и произведения Чарлза Е. Рутенберга»¹⁸².

Наконец, укажем на работу Генерального секретаря Коммунистической партии США Гэса Холла «Революционное рабочее движение и современный империализм», изданную на русском языке в 1974 г.¹⁸³

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсентеизм 282, 335, 342, 446, 545
 Автоматизация производства 447, 457, 458
 Акты
 Вагнера 158—159, 162, 180, 200, 251—254, 256, 258, 427
 о взаимной помощи 302
 о внешней торговле — см. Внешняя торговля
 о гражданских правах — см. Гражданские права негров
 о запрещении стачек 88
 о капитуляции — см. Капитуляция
 о контроле над коммунистами — см. Партия коммунистическая
 о ленд-лизе — см. Ленд-лиз
 Лэнддрама — Гриффина 528—530
 Маккарэна 325, 328—331, 335, 350, 413—415, 421, 529, 579, 580, 583
 о независимости Филиппин 215
 о нейтралитете — см. Нейтралитет
 о «праве на работу» 257, 430
 Смита 350, 413, 421
 Тафта — Хартли 251, 255—258, 264—266, 269, 272, 273, 278, 280, 282—284, 326, 327, 335, 338, 342, 345, 346, 348, 350, 431, 432, 463, 528, 529
 Шермана 122, 160, 370
 Акции — см. Монополии
 Американский легион 143, 199, 251, 268, 347, 392, 419
 АНЗЮС 323, 576
 Антикоммунистическая истерия — см. Маккартизм
 Антикризисные мероприятия — см. Кризисы экономические
 Атомная дипломатия (см. также Милитаризм, Новые виды оружия) 208, 218, 221, 222, 231, 324, 615, 616
 Атомное оружие — см. Новые виды оружия
 Базы военные 141, 146, 151, 152, 163, 215, 250, 384, 392, 442, 509, 577
 Банки 84, 94, 121, 150, 154, 249, 278, 573, 592
 резервные — см. Федеральная резервная система
 Безработица (см. также Занятость) 52, 115, 116, 133, 135, 153, 155—157, 178, 182—185, 279, 288, 337, 373, 374, 378, 427, 447, 451, 452, 454—457, 462, 467, 536, 537, 554, 555, 581, 589
 Берлинский вопрос (см. также Германский вопрос) 464, 482—484, 498, 578
 Билли
 Кейза 160, 251, 252, 255, 278
 Кейпхарта 161
 Мэя-Джонсона 219
 Мэррея 156, 178, 183—187, 189
 о регистрации лобби — см. Лоббизм
 «экономический билль прав» 184
 Биржа 129, 178, 570
 Блоки военные — см. Пакты
 Борьба двух систем 175, 212, 290, 328, 407, 447, 465, 470
 Великая Октябрьская социалистическая революция 557, 560
 Внешняя торговля (см. также «Раунд Кеннеди») 53, 54, 115, 134—136, 170, 181, 285, 286, 403, 552, 553, 555, 592
 Военное производство 52, 53, 76, 78—80, 82, 87, 89, 115—117, 127, 139, 150, 178, 179, 554, 572
 Военно-промышленный комплекс 4, 146, 514, 573, 574, 579
 Военные действия на Тихом океане (см. также Война вторая мировая; Пирл-Харбор) 26, 33, 34, 51, 55, 68, 69, 71, 72
 Военные заказы 9, 75, 82, 120, 149, 150, 153, 179, 180, 200, 285, 337, 514, 517, 572
 Военные потери
 людские 51, 74, 315
 материальные 70—72, 74
 Военные расходы 13, 16, 51, 75, 84, 137, 144, 149, 150, 315, 325, 342, 345, 410, 515—517, 524, 575, 584, 591
 Воинская повинность 15, 16, 21, 22, 44, 92, 93, 137, 139, 143, 182, 266, 272, 278, 316, 365
 Войны
 Великая Отечественная — см. Вторая мировая
 вторая мировая (см. также Второй фронт, Капитуляция, Пирл-Харбор, Военные действия на Тихом океане) 3—15, 19, 22—25, 37—40, 44, 45, 47—49, 51, 52, 54, 55, 59,

¹⁸¹ Foster W. S. History of the Communist Party of the U. S. N. Y., 1952.

¹⁸² Ruthenberg Ch. Speeches and Writings of Ch. E. Ruthenberg. N. Y., 1928.

¹⁸³ Hall G. Capitalism on the Skid to Oblivion. N. Y., 1968.

- 74—76, 80—86, 89, 94, 95, 99, 100, 104, 108, 114—117, 119—123, 126, 127, 129—133, 136—140, 143—145, 148, 152, 153, 156, 157, 160, 162, 164, 166, 169, 173, 176, 178, 179, 182—184, 196, 201, 230, 237, 273, 289, 290, 332, 348, 359, 365, 369, 377, 378, 380, 516, 537, 557, 561, 563, 564, 571, 572, 574—577
- гражданская в США 16, 43, 97, 179, 270, 280, 290, 358, 359, 370
- за независимость 140, 359, 370, 575
- первая мировая 4, 8—10, 16, 19, 44, 47, 51, 52, 74, 80, 83, 85, 94, 95, 102, 129, 133, 138—140, 156, 157, 160, 163, 173, 178, 179, 184, 196, 202, 211, 215, 236, 290, 359, 362—364, 516, 537, 558, 574
- во Вьетнаме 145, 169, 238, 357, 392, 511, 563, 577, 578, 584, 585, 588, 591, 593, 599, 613
- в Корее 169, 294, 313—319, 321—324, 326—328, 334, 336, 337, 349, 350, 352, 377, 378, 380, 381, 390, 578, 591, 593, 594
- на Ближнем Востоке — см. Кризис Суэцкий
- Вооруженные силы**
Германии 60, 61
НАТО — см. НАТО
ООН — см. Организация Объединенных Наций
США 50—55, 71, 138, 141—143, 180, 183, 286, 298, 315, 316, 343, 525, 575, 577
Японии 71
- Второй фронт** (см. также Война вторая мировая) 6, 25, 32, 40—51, 57, 59, 60, 62, 95, 98, 103, 175, 367
- Выборы в конгресс**
77-й (1940 г.) 16, 200
78-й (1942 г.) 48, 49, 75, 90, 91
79-й (1944 г.) 75, 91—93
80-й (1946 г.) 193, 196, 206, 207
81-й (1948 г.) 269, 270, 281—283
82-й (1950 г.) 335
83-й (1952 г.) 352
84-й (1954 г.) 423—425
85-й (1956 г.) 425, 437, 444
86-й (1958 г.) 464, 486, 494
87-й (1960 г.) 518, 547
- Выборы президентские**
1940 г. 14—16, 21
1944 г. 33, 50, 75, 89—95, 154, 202, 276, 438, 443
1948 г. 68, 104, 269—271, 280—282, 295, 300, 304, 335, 346
1952 г. 104, 336—338, 340—342, 351, 352, 426, 438, 465
1956 г. 355, 375, 380, 425—433, 437, 439, 441—445, 465
1960 г. 512, 518, 521, 524, 527—530, 533, 535, 545, 547, 549
- Германский вопрос** (см. также Берлинский вопрос) 387, 409, 464, 465, 480—483
Гонка вооружений — см. Милитаризм
- Государственный долг 79, 83, 84, 127, 236, 459, 461, 462, 550
- Гражданские права негров — см. также Негритянский вопрос 276, 277, 333, 335, 425, 437—440, 539—543
- Декларации — см. Договоры, Конференции, Сопещения, Соглашения
- Демилитаризация
Германии 100, 174—175, 211, 212, 239, 247
Японии 162, 176
- Державы оси (см. также Война вторая мировая, Капитуляция) 24, 39, 77, 85, 89, 92, 97, 105, 137
- Договоры (см. также Конференции, Мирный договор, Сопещения, Соглашения)
«Парижский» — см. Европейское оборонительное сообщество
о создании НАТО — см. НАТО
с ФРГ 389
с Южной Кореей 323
- Доклады
Гейтера 474, 475
Рокфеллера 474, 475
- Доктрины
Джонсона 603
Монро 167, 168, 171, 172, 238, 297, 393, 576, 602
Никсона 599
Трумэна 167, 230, 237—240, 244, 246, 250, 266, 269, 277, 278, 299, 307, 308, 324, 398, 411, 576, 591, 593, 603
Хей 167, 168
Эйзенхауэра 167, 309, 464, 465, 467—470, 484—486
- «Дух Кэмп-Дэвида» 466, 498, 500
- Евратом 481
Европейская безопасность 409
«Европейское оборонительное сообщество» 387
Европейское экономическое сообщество 481, 551—554
- Жилищное строительство, жилищный вопрос** 130, 283
- Забастовки — см. Стачки
Законы — см. Акты
Займы государственные — см. Государственный долг
Занятость (см. также Безработица) 81, 89, 184, 185, 187, 379
- Западноевропейский союз — см. НАТО
Заработная плата 75, 78—81, 83, 86—89, 116, 128, 153, 157, 159, 161, 178, 180, 187—191, 193, 195, 200, 253, 273, 274, 278, 283, 284, 431—433, 462, 529, 537, 555, 563, 581, 585
- Изоляционизм 7, 18, 19, 22, 37, 42, 43, 88, 90—92, 135, 162, 163, 168, 177, 200, 237, 272, 303, 336, 340, 341, 345, 382, 544, 574
- Импорт товаров — см. Внешняя торговля
- Интервенция**
во Вьетнам — см. Война во Вьетнаме
в Гватемалу 406, 407
в Доминиканскую республику 169, 511, 578, 602, 603
в Китай 221—228, 250, 324, 420, 578, 591
в Корею — см. Война в Корею
на Кубу 233
в Ливан (см. также Кризис Суэцкий) 169, 464, 485
- Инфляция 75, 78—81, 159, 236, 266, 290, 291, 337, 344, 373, 380, 447, 461, 462, 517, 525, 550, 563, 570, 589, 593
- Информационное агентство США (ЮСИА) 129, 464, 482, 483, 491
- Капитуляция**
Германии 51, 68, 99, 104, 105, 107, 108, 110, 111, 180, 389
держав оси 95, 99, 170
Италии 51, 58
Франции 21, 24, 163, 365
Японии 33, 51, 74, 102, 176, 179, 180, 183, 222, 368
- Коалиция антигитлеровская 39, 57, 60, 86, 89, 140
- Коллективная безопасность 7
Коллективный договор 158, 159, 256, 273, 463
- Комиссии**
по атомной энергии 7, 16, 146, 219, 232, 385, 418, 527
Европейская консультативная 101, 103
Европейского экономического сотрудничества 242
Лафоллета 16
по обследованию военной промышленности 201
при ООН — см. Организация Объединенных Наций
по проверке лояльности — см. Проверка лояльности
по расследованию антиамериканской деятельности (см. также Маккартизм) 162, 251, 260—265, 267, 268, 274, 326, 329, 416, 417, 420, 579
- Комитеты**
«Америка прежде всего» 7, 22, 41, 50
«десяти» по разоружению — см. Разоружение
защиты Америки 22
национальный по оборонным исследованиям 17
политических действий КПП — см. КПП
экономического развития 179, 181, 378, 379, 461
- Контроль над ценами 87, 157, 180, 187—189, 191—193
Контрольный совет четырех держав 174, 212, 247
- Конференции (см. также Договоры, Сопещения, Соглашения)
в Бандунге (1955 г.) 396, 488
- в Берлине (1954 г.) 392
в Боготе (1948 г.) 249, 405, 603
в Думбаргон-Оксе (1944 г.) 95, 104, 109, 171
в Женеве
1954 г. 381, 387, 392, 393
1955 г. 409—411, 424, 432, 465, 618
1959 г. 484
в Каире (1943 г.) 102, 110, 319, 395
в Каракасе (1954 г.) 381, 403, 405, 406
в Квебеке
1943 г. 50, 73, 95, 100
1944 г. 95, 103, 104, 108
в Лондоне
1941 г. 96
1945 г. 209, 217
1952 г. 388, 389
в Москве
1941 г. 7, 25
1943 г. 101, 102, 104, 107
1945 г. 162, 175, 209, 223
в Панаме (1956 г.) 381, 407
в Париже
1946 г. 211
1947 г. 242
1960 г. (см. также «У-2» инцидент) 494, 499
в Перу (1975 г.) 604
в Потсдаме (1945 г.) 111, 162, 173—175, 211, 212, 214, 247, 481
в Рио-де-Жанейро (1947 г.) 230, 248, 249, 296, 297, 300
в Сан-Франциско
1945 г. 109, 162, 171—173
1951 г. 323
в Тегеране (1943 г.) 101—103, 272
в Чегультепекке (1945 г.) 162, 169, 171
в Чикаго (1944 г.) 182
в Ялте (1945 г.) 95, 104—114, 166, 173, 175, 211, 212, 239, 247, 272, 319, 383, 481
- Концентрация производства 84, 115, 117, 119, 120, 122, 136
- Корейский вопрос (см. также Война в Корею) 392, 394
- Коррупция 199, 336, 348
- Космоса освоение — см. НАСА, Спутники Земли
- Кризисы политические
Суэцкий 381, 401, 402, 432, 465, 469
Тайваньский — см. Тайваньский вопрос
- Кризисы экономические
1929—1933 гг. 179, 183, 289, 290, 426, 427, 437, 451, 454, 549
1937—1938 гг. 75, 451
1948—1949 гг. 285, 287—290, 377
1953—1954 гг. 371, 373—379, 381, 451, 454, 455
1957—1958 гг. 447, 451, 454—456, 460
1973—1975 гг. 455, 593
- Кубинская революция (см. также Интервенция, Эмбарго) 510, 602
- Ку-клус-клан (см. также Негритянский вопрос) 332, 544

Ленд-лиз 7, 18—20, 24, 25, 39, 82, 91, 92, 98, 133, 135, 200, 201, 227, 302
Лига Наций 15, 102, 172, 345, 363
Лоббизм 274, 275, 466
Маккартизм 6, 158, 408, 411—425, 527, 579, 582, 598
Мастерская
«закрытая» 181, 251, 252, 256, 257
«открытая» 191
«союзная» 252, 256, 257, 430
Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) 385
Международные карты 85, 86
Милитаризм 137, 140—142, 144, 147, 151—153, 305, 325, 347, 418, 467, 577, 584, 588, 589, 599, 611
Мирное сосуществование двух систем 214, 349, 411, 446, 464, 466, 495, 512, 604, 605, 607
Мирный договор
с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией, Финляндией, 174, 175, 208
с Японией 313, 323, 508, 509
Монополии 75, 80—87, 115, 120—122, 124, 127, 129, 150, 153, 154, 158, 159, 180, 188, 195, 209, 217, 258, 285, 308, 328, 425, 432, 570, 571, 573, 574, 589, 601
Налоги 79, 81—83, 115, 123—126, 178, 188, 192, 200, 206, 291, 292, 347, 348, 374, 375, 379, 515, 563, 570, 584, 585
«Народный капитализм» 115, 129, 377, 570
«Наследие» Рузвельта 153, 203, 206, 270
НАТО 139, 166, 241, 294—306, 309, 310, 317—319, 324, 327, 337, 344, 381, 384, 387—388, 393—394, 399, 400, 401, 408, 470—472, 476, 482, 526, 552, 554, 576, 577, 600, 601, 618
вооруженные силы 302, 368, 464, 600
Совет 294, 302, 387
Научно-техническая революция 557, 565, 567—570, 588
Научные исследования (см. также Космоса освоение, РЭНД, Спутники Земли искусственные) 145, 182, 371, 377, 378, 449, 453, 527, 554, 564, 567
Национальная ассоциация промышленников (НАП) 42, 155, 160, 178—181, 187, 189, 195, 251, 253, 258, 260, 264, 267, 268, 280, 283, 551, 553, 579
Национальное богатство 127, 138, 460, 565, 566, 575
Национальный доход 127, 128, 138, 448, 449, 452, 470, 512, 565, 566, 584
Негритянский вопрос 89, 116, 251, 264, 276, 283, 284, 325, 332—335, 350, 425, 427, 429, 518, 536—544, 561, 580—582, 585
Нейтралитет 3, 7—9, 17, 18, 20, 24, 140, 152
Неоколониализм 166
Новый курс («нью-дил») 158, 180, 200, 202, 204, 268, 280, 293, 340, 353, 369, 373, 546

Нюрнбергский процесс 12, 271
Новые виды оружия (см. также Атомная дипломатия)
ракетное 147, 151, 153, 447, 473—475, 477, 496, 499, 518, 524, 559, 564, 579, 596, 600, 607, 615
ядерное 3, 17, 38, 51, 72—74, 100, 142, 145, 147, 152, 153, 214, 218, 219, 221, 245, 246, 286, 287, 294, 309, 318, 341, 381, 382, 384, 446, 472, 476, 494, 522, 577, 594—596, 615
«Общество Джона Берча» 579
«Общий договор» 387
«Общий рынок» — см. Европейское экономическое сообщество
Организация американских государств (ОАГ) (см. также Конференция, Пан-американский союз) 166, 249, 406
Организация Объединенных Наций 104, 105, 109, 143, 152, 162, 168, 171—173, 175, 219, 220, 248, 277, 298, 396, 442, 465, 579
вооруженные силы 272, 315
Генеральная Ассамблея 168, 171, 172, 333, 400, 485, 494, 513, 604
комиссии и советы 172, 204, 218, 220, 221, 468
Совет Безопасности 104, 109, 162, 171, 172, 175, 220, 272, 314, 407, 485
«Отложенный спрос» 115, 130, 131, 134, 136, 183, 285, 288, 290
«Пакс американа» 3, 164, 593, 619
Пакты
Багдадский (см. также СЕНТО) 309, 381, 398, 399, 469, 471, 484, 601
«о взаимном обеспечении безопасности» с Южной Кореей — см. Корейский вопрос
Келлога 184
Североатлантический — см. НАТО
Панамериканский союз (см. также ОАГ) 170, 248
Партии
коммунистическая 8, 89, 90, 194, 207, 260, 261, 263, 267, 268, 279, 280, 328—331, 350, 351, 413, 415—417, 421, 422, 425, 442—444, 518, 528, 542, 543, 609
демократическая 14—16, 33, 90—94, 155, 156, 163, 164, 195, 196, 200, 203, 205, 207, 258, 269—274, 276—284, 301, 326, 335—343, 345—349, 352, 353, 373, 374, 379, 383, 422, 426—432, 438, 439, 442, 444—446, 465, 480, 484, 490, 494, 495, 503, 518—522, 524—526, 528, 530, 533, 535, 539, 541—544, 546—549, 573, 574
прогрессивная 266, 269, 277, 278, 280, 336, 349, 350, 444
республиканская 14—16, 20, 21, 32—37, 40, 42, 68, 89—94, 98, 104, 155, 156, 162—164, 199, 200, 206, 207,

213, 214, 224, 237, 270, 272—274, 276—284, 295, 298—301, 316, 321—323, 326, 335—343, 346—349, 351—353, 369, 374, 375, 377, 379—384, 389, 392, 400, 407, 410, 411, 420, 423—432, 435—442, 444—446, 449, 456, 465, 473, 480, 486, 494, 518—522, 524—526, 528—530, 533, 535, 539, 541—544, 546, 547, 549, 573, 574
Пентагон (см. также Милитаризм, Новые виды оружия) 137, 144—146, 148—151, 164, 232, 298, 318, 320, 393, 407, 420, 422, 465, 466, 474, 497, 501, 502, 504, 505, 508, 514, 515, 527, 572, 573, 578, 595
Пирля-Харбор (см. также Военные действия на Тихом океане) 7, 28—38, 41, 53, 58, 59, 68, 69, 85, 91, 163, 165, 176, 193, 365
план
Баруха 6, 208, 218, 220, 221, 409
Баруха — Ганкока 182
Бреннана 339
Маршалла 154, 229, 230, 240—244, 246, 250, 265, 266, 277, 278, 295, 299, 300, 304, 306—308, 381, 411, 492, 591, 593, 601
Моргентау 95, 100, 101, 104, 108
Редфорда 381, 384
Подкомиссия
Дженнера 261
Маккарти — см. Маккартизм
Политика
«балансирования на грани войны» 369, 381, 385, 441, 596
«массированного возмездия» 381, 383, 385, 386, 441, 596
«освобождения» 353, 381, 385, 473, 483, 497, 595, 597
«отбрасывания» 353, 465, 595—597
«открытого неба» 409, 410
«открытых дверей» 162, 167, 169, 272, 400
«сдерживания» 346, 353, 595
«с позиции силы» 360, 407, 411, 473, 506, 522, 525, 595, 597, 598, 606, 607, 612, 613, 615
«равных возможностей» 167, 168
«стратегической достаточности» 599
«Помощь» США иностранным государствам (см. также «План Маршалла», «Союз ради прогресса») 139, 140, 165, 221, 236, 240, 241, 244, 295, 299, 397, 399, 468, 512, 518, 526, 527
Прибыль — см. Монополии
Проверка «лояльности» 205, 251, 259—263, 265, 269, 274, 313, 326, 329, 582
Производство
промышленное 75, 76, 82, 115—117, 121, 127, 130, 285, 287, 373, 381, 451, 454, 456, 550, 589
сельскохозяйственное 134, 157
Профсоюзы 44
Американская Федерация Труда (АФТ) 16, 86, 88, 89, 93, 202, 213,

251, 257, 258, 265, 267, 269, 272, 278, 280, 283, 326, 330, 430
Конгресс Производственных Профсоюзов (КПП) 16, 86, 88, 89, 93, 154, 157, 160, 202, 203, 206, 251, 255, 257, 258, 264—267, 269, 273, 278, 280, 282, 283, 326, 330, 422, 430
АФТ — КПП (с 1955 г.) 425, 430, 431, 499, 528—530, 551, 553, 555
независимые 88, 89, 273, 278, 330, 530
Рабочее время 80, 88, 89, 116, 157, 178, 191, 253, 563
Разоружение (см. также Сокращение вооружений, Соглашения) 494, 495, 498, 503, 512—514, 517, 604
Расовый вопрос — см. Негритянский вопрос, Гражданские права негров
«Раунд Кеннеди» 518, 550
Рационирование потребления 76—78
Реконверсия 159, 178—183, 187, 196, 516
Ремилитаризация
Западной Германии 162, 247, 294, 301, 304, 385, 387, 389, 480
Японии 162, 177
РЭНД корпорация 137, 146, 147, 233
СЕАТО 166, 216, 381, 393, 394, 398, 471, 576, 601
СЕНТО 484, 497, 576, 601
Советы
американо-советской дружбы национальный 330
Безопасности при ООН — см. Организация Объединенных Наций
внешних сношений 383, 384
по делам разведки 234
Европейский 300
консультативный по вопросам экономического роста и стабилизации 463
министров иностранных дел (пяти держав) 174, 211, 230, 238, 240
национальной безопасности 230, 232, 320, 360
планирования политики 230, 231, 241
планирования ресурсов национальный 184
ресурсов национальный 184
труда военный национальный 86, 87
трудовых отношений национальный 87, 191
экономических консультантов 376, 379, 449, 549
Совещания
на Бермудских островах
1953 г. 385, 388
1957 г. 471
во Владивостоке (1974 г.) 610
в Касабланке (1943 г.) 95, 98, 99, 107
в Москве (1972 г.) 604—608
у Ньюфаундленда (1941 г.) 95
в Сан-Хосе (1960 г.) 511
в СССР (1974 г.) 609
в США (1973 г.) 607

Соглашения (см. также Договоры, Конференции, Совещания)
 в Вашингтоне
 1941 г. («Аркадия») 95, 97
 1944 г. 217
 1946 г. 247
 1957 г. 471
 о включении Западной Германии в НАТО — см. Ремилитаризация Западной Германии
 общее о тарифах и торговле (1962 г.) — см. «Раунд Кеннеди»
 Оттавское 96
 советско-американское
 1942 г. 97, 98
 1958 г. 466, 496
 1959 г. 498
 Сокращение вооружений (см. также Разоружение, Соглашения) 409, 472, 518
 Соревнование двух систем 447, 448, 450, 455, 527, 556
 «Союз ради прогресса» 512, 602, 603
 «Справедливый курс» 293, 369
 Спутники Земли искусственные 369, 473, 476, 477, 494, 496, 518, 522, 528, 558, 600
 Стачки 75, 86, 87, 89, 156, 157, 181, 190, 251
 автомобилестроителей 187, 191, 192, 327
 железнодорожников 187, 193, 194, 327
 моряков 194
 работников мясоконсервной промышленности 187, 194
 нефтяников 159
 сталелитейщиков 187, 192, 287, 325, 327, 431, 462, 463
 шахтеров 87, 187, 192, 193, 327
 электротехников 187, 194
 Тайваньский вопрос 319, 322, 323, 381, 394—396, 411, 464, 486, 487, 489—492
 Торговая палата 42, 179, 181, 195, 259, 260, 283, 533
 «У-2» инцидент (см. также Конференция в Париже) 494, 501—508, 522
 Уортергейтский скандал 234, 586, 610
 Управления
 по авионавигации и исследованию космического пространства национальное (НАСА) 146, 232, 501, 507, 527
 военного производства 52

военной мобилизации и реконверсии 180, 189, 190
 военной мобилизации 180
 по контролю над ценами 80, 192
 по примирению рабочих и капиталистов 161
 сбытом 534
 трудовых отношений 254
 федеральное резервное 80, 127, 128, 154, 459—461, 463
 экономической стабилизации 80, 81

Федеральная резервная система 375, 380
 Федеральное бюро расследований (ФБР) 232, 268, 326, 329, 416, 418, 419, 582, 583, 587
 Фермерский вопрос 115, 117, 133, 134, 425, 428, 433—437, 518, 530—536
 Фонды филантропические 125, 126, 233, 474

Хартни
 Атлантическая 21, 95—97, 113
 экономическая американских государств — см. ОАГ
 «Холодная война» (см. также Милитаризм, НАТО) 4, 73, 85, 147, 209, 214, 229—231, 236, 240, 248, 251, 265, 272, 277, 306, 307, 309, 324—326, 335, 346, 382, 408, 410—412, 425, 446, 464, 471, 474, 477, 480, 495—499, 503, 512, 514, 516, 518, 523, 524, 543, 554, 577, 598, 601, 604, 607, 612, 620

Центральное разведывательное управление (ЦРУ) 6, 230, 232—234, 329, 420, 423, 448—450, 483, 502, 504, 604

Цены (см. также Контроль над ценами)
 промышленные 79, 80, 127, 133, 159, 376
 сельскохозяйственные 79, 80, 128, 133, 134, 288, 376, 434, 531, 534—536

«Четвертый пункт» программы Трумэна 294, 306—308, 591

Экспансия — см. Интервенция
 Экспорт
 капитала 115, 134—136, 166, 241, 285, 294, 307, 308, 397, 403, 470
 товаров — см. Внешняя торговля
 Эмбарго 7, 9, 26, 92

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агню С. — вице-президент 586
 Адамс Ш. — помощник президента 372, 423
 Аденауэр К. — канцлер (ФРГ) 464, 471, 526
 Айзек Э. — конгрессмен 8
 Александр Х. — генерал (Великобритания) 366
 Андерсен — заместитель министра обороны 409
 Андерсон Р. — министр финансов 526
 Аптекер Г. — деятель компартии 330
 Арбенс Г. — президент (Гватемала) 405, 407
 Ачесон Д. — государственный секретарь 164, 209, 219, 220, 222, 226, 228, 235, 250, 301, 303—305, 310, 312, 318, 320, 322, 341, 386, 387, 416, 419, 481, 491
 Бадوليو П. — маршал (Италия) 58
 Барух Б. — политический деятель 28, 52, 77, 164, 204, 205, 218, 219, 231, 302, 361, 385, 460
 Батиста Ф. — диктатор (Куба) 510
 Батлер П. — председатель Национального комитета демократической партии 491
 Батлер Р. — лидер консерваторов (Великобритания) 316
 Беверидж А. — экономист (Великобритания) 185
 Бевин Э. — министр иностранных дел (Великобритания) 210, 242
 Бен-Гурион Д. — министр иностранных дел (Израиль) 402
 Беннет Дж. — кандидат в губернаторы 91
 Беннет У. — сенатор 460
 Беркли Э. — сенатор 202, 273—275, 339
 Берли А. — экономист 570
 Бернс А. — экономист, советник президента, 379
 Бивербрук У. — государственный деятель (Великобритания) 13, 25
 Биддл Ф. — министр юстиции 203
 Бидо Ж. — министр иностранных дел (Франция) 242
 Бирд Г. — сенатор 156, 252
 Бирнс Дж. — государственный секретарь 73, 74, 80, 175, 180, 202, 208—212, 214, 219, 226, 231, 324, 333, 595

Блум С. — конгрессмен 98, 171
 Болдуин Х. — журналист 104, 245, 246, 304, 318, 365, 475, 516, 594, 595
 Болен Ч. — дипломат 504
 Боли Дж. — сенатор 252—254
 Бора У. — сенатор 10, 20
 Боулз Ч. — губернатор (штат Коннектикут) 192, 386
 Браудер Э. 90, 195, 443
 Брежнев Л. И. 3, 404, 584, 585, 605, 607, 608, 610—612
 Бриджес С. — сенатор 156, 310, 312, 313
 Бриккер Дж. — сенатор 293, 294
 Брук А. — фельдмаршал (Великобритания) 366
 Брукс Ч. — сенатор 91, 272
 Брэдли О. — генерал 61, 145, 151, 314, 317, 318, 320, 321, 366, 367, 371, 466
 Буллит У. — дипломат 227
 Бэлл Э. — советник президента 380, 381
 Бэнсон Э. — министр сельского хозяйства 372, 435, 533
 Ванденберг А. — сенатор 10, 20, 50, 107, 112, 156, 162, 171—173, 204, 205, 208, 224, 237, 243, 271, 294, 295, 301, 310, 312
 Вашингтон Дж. — президент 140, 370
 Вейдемееер А. — генерал 151
 Велде Х. — конгрессмен 416, 417, 420
 Виггинс Э. — банкир 154
 Вильсон В. — президент 102, 140, 156, 171, 172, 202, 254, 336, 363
 Вильсон Ч. — министр обороны 151, 372, 520
 Вуд Дж. — конгрессмен 260, 262
 Вуд Р. — промышленник 22
 Вудс С. — дипломат 23
 Габриэлсон Г. — председатель Национального комитета республиканской партии 312
 Галифакс Э. — министр иностранных дел (Великобритания) 10, 13
 Гардинг У. — президент 156, 196, 197, 253, 351, 354, 507
 Гарнер Дж. — вице-президент 339
 Гарриман А. — дипломат 24, 25, 235, 241, 242, 320, 339, 429
 Гарриман Р. — министр торговли 154, 429

- Гейвин Дж.— генерал 68, 145, 446, 448
Гейтс Т.— министр обороны 475, 500, 504, 506
Геллер У.— советник президента 549
Гендерсон Леон — начальник Управления по контролю над ценами 80
Гендерсон Лой — дипломат 396
Гергер К.— государственный секретарь 496, 500—502, 504—506
Гетти П.— миллионер 123, 127
Голдуотер Б.— сенатор 158, 357, 424, 521, 522
Голланд Дж.— помощник государственного секретаря 406
Голланд Э.— конгрессмен 42, 43
Гопкинс Г.— советник президента 24, 25, 28, 30, 41, 46—49, 68, 102, 112, 204
Гордон — директор Бюджетного совета 533
Гофман П.— государственный чиновник 154, 243, 378
Грант У.— президент 370, 506
Грин Т.— сенатор 490, 491
Грин У.— председатель АФТ 93, 203, 207, 257, 258, 265
Гровс Л.— генерал 219, 287, 309
Громыко А. А.— министр иностранных дел (СССР) 503, 606
Грю Дж.— дипломат 32, 35, 37, 141
Грюнтер А.— генерал 409, 410, 464, 465
Гувер Г.— президент 15, 22, 91, 94, 112, 123, 137, 163, 205, 253, 293, 294, 303, 310, 311, 318, 319, 344, 351, 360, 361, 384, 427, 519, 520, 546
Гувер Э.— директор ФБР 411, 416, 418, 419, 582
Дайс М.— конгрессмен 259, 260, 263, 274
Даладьё Э.— государственный деятель (Франция) 9, 10
Даллес А.— директор ЦРУ 233, 406, 449, 450, 504, 506, 507
Даллес Дж. Ф.— государственный секретарь 110, 152, 154, 169, 209, 213—215, 231, 236, 303, 310, 314, 345, 360, 369, 372, 382—388, 391—396, 398, 399, 405—408, 411, 412, 418, 422, 423, 442, 447, 466, 472, 473, 477, 481, 483, 485, 488, 494—497, 524, 595—597, 612, 619
Дарлан — адмирал (Франция) 56
Девер П.— губернатор штата Массачусетс 346
Де Ла Гардиа Э.— президент (Панама) 401
Деннис Ю.— генеральный секретарь Компартии США 90, 259, 267, 350
Джакоби Н.— экономический советник президента 448
Джексон У.— помощник президента 423
Дженнер У.— сенатор 261, 390, 413, 416, 417
Джефферсон Т.— президент 140, 167, 263, 275, 279, 328, 354, 618
Джонсон Линдон — президент 148, 235, 458, 475, 477, 495, 503, 533, 543, 545, 549, 550, 569, 584, 588, 596, 597, 599, 603
Джонсон Луис — министр обороны 150, 314, 316
Джонсон Э.— ученый 475
Джордж У.— сенатор 396, 408
Диллон Д.— заместитель государственного секретаря 500, 504, 526
Доуни — советник «Дженерал моторс» 84
Дрейпер У.— морской министр 150, 247
Дуглас Л.— финансист 360
Дуглас П.— сенатор 124, 149, 457
Дуглас У.— член Верховного суда 202, 267, 325, 326, 485, 583
Дулиттл Дж.— генерал 151
Дьюи Т.— губернатор штата Нью-Йорк, кандидат в президенты 15, 91, 92, 94, 110, 163, 184, 205, 214, 262, 271, 272, 276, 277, 280—283, 295, 324, 340, 346, 372, 480, 520
Дэвис Б.— руководящий деятель Компартии США 330
Дэвис Дж.— сенатор 42, 43
Дэркин М.— министр труда 372
Дюбуа У.— ученый, писатель, общественный деятель 349
Жуков Г. К.— маршал (СССР) 68
Иден Э.— премьер-министр (Великобритания) 10, 26, 99, 101, 108, 316, 391, 400, 410
Икес Г.— министр внутренних дел 181, 204—206, 217.
Истленд Дж.— сенатор 331, 521
Итон Ч.— конгрессмен 174
Кайзер Г.— миллионер 123
Кайзерлинг Л.— советник президента 461
Картер Дж.— президент 578
Кастро Ф.— премьер-министр (Куба) 234, 510, 511
Кейнс Дж.— экономист (Великобритания) 279, 294, 375, 453, 549, 550
Кейпхарт Х.— сенатор 153, 161
Кеннан Дж.— дипломат 231, 235, 240, 345, 481
Кеннеди Джозеф — дипломат 21, 22
Кеннеди Джон — президент 21, 145, 151, 231, 356, 360, 449, 454, 458, 489, 503, 518, 519, 521—525, 527, 529, 530, 534—536, 543—547, 549—556, 569, 578, 585, 594, 596, 597, 614, 620
Кеннеди Р.— министр юстиции 585
Кеннеди Э.— сенатор 573
Кеннинг — адмирал 366
Кеннон Х.— конгрессмен 245
Керк А.— вице-адмирал 145, 151
Керр Р.— сенатор 339
Керстен К.— конгрессмен 243, 425
Кестл У.— заместитель государственного секретаря 22
Кефвер Э.— сенатор 339, 551, 552
Киммел Х.— адмирал 30, 34, 91
Кинг М. Л.— негритянский деятель 542, 585
Кинг Э.— адмирал 49, 99
Кирино Э.— президент (Филиппины) 215
Киси Н.— премьер-министр (Япония) 471, 507—509
Киссинджер Г.— государственный секретарь 601
Кларк А.— генерал 366
Кларк Т.— генеральный прокурор 127, 205, 259
Клей Л.— генерал 151, 247
Клемансо Ж.— президент (Франция) 43
Кливленд С.— президент 546
Коллинз Дж.— генерал 145
Коммаджер Г.— историк 576
Коннелли Т.— сенатор 8, 102, 107, 171, 211, 301
Коннор Дж.— министр торговли 567, 571
Коннор У.— генерал 363
Коноэ Ф.— премьер-министр (Япония) 26, 27
Корднер Р.— президент «Дженерал электрик» 360
Косыгин А. Н.— Председатель Совета Министров (СССР) 604
Кофлин — радио-патер 22, 91, 313
Кочран В.— ученый, советник президента 534
Крок А.— журналист 238
Кролл Дж.— деятель КПП 207
Круг Дж.— министр внутренних дел 193
Кулидж К.— президент 196, 253, 351, 354, 361, 519
Курусу С.— дипломат (Япония) 7, 27—29, 31
Кюри Ж.— ученый (Франция) 73
Ламонт К.— общественный деятель 414
Ландберг Ф.— экономист 123, 148
Ласки Г.— политический деятель (Великобритания) 210
Лафаллет Р.— сенатор 10, 30, 411
Лебрен — государственный деятель (Франция) 10
Лендон У.— кандидат в президенты 22, 94, 205, 283, 480
Ленин В. И. 117, 267, 330, 416, 452, 567
Ли Р.— генерал 43, 148
Лиденталь Д.— советник комиссии по атомной энергии 219, 220
Линдберг Ч.— летчик 21, 22
Линдсет Э.— ученый 293, 294
Линкольн А.— президент 97, 263, 280, 336, 354, 359, 371, 487, 536, 546, 618
Лишман У.— журналист 12, 196, 231, 246, 271, 283, 305, 320, 356, 386, 412, 465, 472, 481, 504, 584, 603
Лloyd Джордж Д.— премьер-министр (Великобритания) 10
Ловетт Р.— министр обороны 154, 235
Лодж Г. К., старший — сенатор 254, 593
Лодж Г. К., младший — сенатор 245, 522, 541
Лоуг Х.— сенатор 312, 413
Льюис Дж.— профсоюзный деятель 16, 22, 193, 265
Лэйрд М.— министр обороны 143
Майлс Ш.— генерал 30, 31
Макартур Д.— генерал 49, 50, 57, 67, 144, 151, 176, 177, 311, 313—318, 320—322, 341, 343, 354, 363—366, 371, 382, 389, 418, 594
Макгрегор Дж.— конгрессмен 245
Маккарти Дж.— сенатор 294, 311—313, 316, 318, 356, 408, 411—425
Маккарэн П.— сенатор 310, 328
Маккей Д.— министр внутренних дел 372, 519
Макклой Дж.— заместитель военного министра 154, 219, 247, 360
Маккормик Р.— журналист 163
Макмагон Б.— сенатор 219, 321
Макмиллан Г.— премьер-министр (Великобритания) 464, 471, 472
Макнамара Р.— министр обороны 146, 148, 151, 378, 520, 572, 596, 600
Макнатт П.— председатель комиссии по использованию людских ресурсов 52, 215
Макэрой Н.— министр обороны 475
Малиновский Р. Я.— министр обороны (СССР) 60
Мао Цзэ-дун — государственный деятель (Китай) 225
Маркс К. 196, 267, 330, 416, 452, 559
Мартин Дж.— лидер республиканцев в палате представителей 316, 320, 321
Мартин У.— председатель Федерального резервного управления 154
Маршалл Дж.— начальник штаба армии, государственный секретарь, министр обороны 13, 30, 31, 33, 34, 42, 45—50, 57, 91, 99, 102, 111, 145, 224—226, 231, 235—243, 249, 250, 272, 295, 306, 316, 317, 320, 356, 363, 366, 368, 416, 420, 579, 602
Мацуока Е.— дипломат (Япония) 23
Мендерес А.— премьер-министр (Турция) 510
Мендес-Франс П.— премьер-министр (Франция) 388, 424
Мерфи Р.— политический советник 594
Мид Х.— сенатор 161, 162
Микоян А. И.— государственный деятель (СССР) 494, 497
Мини Дж.— председатель АФТ—КПП 233, 265, 529, 533, 555
Митчелл Дональд — ученый 141
Молле Ги — государственный деятель (Франция) 402
Мондэйл У.— вице-президент 124
Монро Дж.— президент 168
Монтгомери Б.— маршал (Великобритания) 44, 366, 367
Морган Дж.— монополист 94

- Моргентау Ганс — историк 228, 473, 477
Моргентау Генри — министр финансов 101, 104, 160, 204
Морз В. — сенатор 395, 466, 490, 521
Мосаддык М. — премьер-министр (Иран) 396, 397
Муди Дж. — экономист 570
Мундт К. — конгрессмен 261
Мансфилд М. — сенатор 466, 506, 515, 521, 572
Мэррей Дж. — сенатор 153, 156, 159, 162, 178, 181—184
Мэррей Ф. — председатель Конгресса производственных профсоюзов 154, 157, 203, 255, 258, 266
- Нагумо — адмирал (Япония) 36, 69
Най Дж. — сенатор 10, 30, 92
Насер Г. — президент (ОАР) 399—401
Наташ Р. — экономист 187—190
Нельсон Д. — начальник Управления военного производства 52
Никсон Р. — президент 234, 243, 261, 318, 344, 391, 401, 412, 423, 440, 441, 447, 448, 461, 463, 464, 470, 493, 497, 500, 502, 504, 511, 512, 522—524, 534, 535, 545, 546, 586, 590, 596, 597, 599, 600, 602, 610
Нимиц Ч. — адмирал 148
Нокс Ф. — морской министр 15, 24, 33
Номура К. — дипломат (Япония) 27, 28, 31
Ноулэнд У. — сенатор 104, 162, 310, 311, 318, 371, 386, 389—392, 411, 440, 456, 494
- О'Даниел — сенатор 252
Олдрич У. — посол в Великобритании 154
Олмонд Дж. — губернатор 541
Оппенгеймер Р. — ученый 74, 219, 411, 418
Остин У. — дипломат 143
- Пальмер М. — генеральный прокурор 156
Паттон Дж. — генерал 62, 366
Пауэр Т. — генерал 594
Пейс Ф. — военный министр 151
Пелл — сенатор 482
Пендергаст Т. — партийный босс 196, 199, 200, 202, 245
Пешпер К. — сенатор 42, 46, 50, 162, 214
Перкинс Ф. — министр труда 52, 206
Перцинг Дж. — генерал 363, 364
Петерсон У. — губернатор 340
Проксмайер У. — сенатор 147, 232, 573
- Рассел Р. — сенатор 339, 521
Редфорд А. — адмирал 145, 384, 390, 391, 409, 465, 619
Рейберн С. — конгрессмен 548
Рейтер У. — профсоюзный деятель 181, 191, 265, 439, 457, 528, 529
Рестон Дж. — журналист 304, 354
- Рибиков А. — конгрессмен 145
Рив Э. — профсоюзный деятель 266
Риджуэй М. — генерал 148, 151, 317, 320, 371, 391
Риквер Х. — адмирал 145, 149
Ричардс Дж. — конгрессмен 469, 470
Ричберг Д. — начальник Военно-промышленного управления 257
Робертсон Н. — помощник государственного секретаря 488
Рогги Дж. — помощник генерального прокурора 206, 263
Розенберги Ю. и Э. 418
Розенман С. — советник президента 112, 113
Рокфеллер Н. — губернатор 234, 409, 410, 461, 474, 522, 524, 597, 602
Ростов У. — экономист 231, 238, 473
Рохас М. — президент (Филиппины) 206, 215, 250
Рузвельт Т. — президент 168, 279, 492, 523, 574, 576, 593
Рузвельт Ф. — президент 7—11, 13—21, 23—25, 27—30, 33—35, 40, 42—44, 46, 48, 49, 51, 53, 68, 73, 75—76, 81, 87—114, 127, 134, 137, 152—156, 158—160, 162, 164, 171, 175, 183, 184, 195—197, 199—200, 202—209, 214, 215, 221, 230, 238, 245, 251—252, 262, 265, 266, 268, 270, 277—281, 293, 301, 312, 316, 324, 335, 336, 338—339, 342, 351, 354, 358, 365, 366, 371, 427, 428, 437, 443, 492, 494, 519, 520, 535, 544, 546, 547, 579, 590, 602, 617—618
Рузвельт Э. — политический деятель, жена Ф. Рузвельта 417
Рундштедт Г. фон — генерал (Германия) 64
Рэнкин Дж. — конгрессмен 206, 260, 262, 274
- Саид Н. — премьер-министр (Ирак) 399
Саймингтон С. — министр авиации 147, 151
Салтенстолл Л. — сенатор 340
Саммерфилд А. — министр почт 372
Сауд — король (Саудовская Аравия) 470
Слоан А. — президент «Дженерал моторс» 81, 85, 155, 288
Смедберг У. — вице-адмирал 497, 594
Смит Б. — генерал, дипломат 151
Смит Л. — конгрессмен 186
Смит Х. А. — сенатор 252, 319, 340
Смит — профсоюзный деятель 528
Снайдер Дж. — министр финансов 154, 515
Спаатц К. — адмирал 366
Спаркман Дж. — сенатор 346
Спеллман Ф. — кардинал 269, 392, 393, 422
Старк Х. — адмирал 31, 32, 34
Стассен Х. — политический деятель 171, 344, 409
Стеттиниус Э. — государственный сек-
- ретарь 101, 109, 111, 113, 152, 169, 171, 173, 175
Стивенсон Э. — кандидат в президенты 339, 347—349, 351—353, 399, 430, 431, 433, 439, 444, 481, 491, 494, 504, 530, 545
Стимсон Г. — военный министр 15, 17, 34, 48, 137, 617
Сэбэт А. — конгрессмен 253
Сэндис Д. — военный министр (Великобритания) 470
- Тайдингс М. — сенатор 156, 312
Тафт Р. — сенатор 10, 20, 22, 40, 42—44, 50, 68, 98, 107, 156, 162, 163, 205, 212, 237, 243, 252, 253, 255, 268, 269, 271, 297, 300, 303, 310, 312, 318, 319, 340—345, 371, 384, 386, 389, 411, 412, 516
Тафт У. — президент 15
Теддер А. — адмирал 366
Термонд Дж. — сенатор 276
Тэбин Д. — профсоюзный деятель 265
Того С. — министр иностранных дел (Япония) 28, 31
Тодзио Х. — генерал, министр иностранных дел (Япония) 27, 38
Толмэйдж Ю. — губернатор 334, 521
Томас Дж. — председатель Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности 259, 260—263, 274, 417
Томпсен Л. — германский поверенный в делах в Вашингтоне 9, 13, 38
Трумэн Г. — президент 32, 41, 42, 50, 73, 77, 82, 91, 92, 111, 127, 145, 153, 154, 156, 159, 160, 162, 164, 168, 172, 175, 178, 180, 182, 183, 185, 187, 191, 193, 194, 196—212, 215, 216, 218, 219, 221—227, 229, 231, 234, 236—238, 240—243, 245, 246, 248, 249, 251, 259, 269—274, 276—279, 281—283, 287, 289—295, 300, 302, 304—310, 313—317, 319, 322—325, 329, 334—345, 348, 351, 369, 382, 384, 394, 411, 412, 419, 420, 426, 439, 460, 487, 515, 516, 520, 523, 524, 576, 578, 594, 595, 598, 612, 617—618
Туайнинг Н. — генерал 391, 475
Тагуэлл Р. — государственный деятель 24
Тэйлор Г. — сенатор 278
- Уайт Г. — помощник министра финансов 264
Уайт У. — публицист 22
Уикс С. — министр торговли 372, 375
Уилли У. — кандидат в президенты 15, 16, 21, 42, 50, 94, 163, 164
Уиллер Б. — сенатор 22, 43, 50, 175, 207
Уинсон Ф. — председатель верховного суда 272, 277, 283
Уирц У. — министр труда 589
Уитни — профсоюзный деятель 258
Уиттингтон Дж. — сенатор 156, 186
Уманский К. А. — дипломат, посол в США (СССР) 23
Уоллес Г. — вице-президент 16, 92, 184, 190, 202—206, 208, 212, 213, 215, 218,
- 220, 231, 263, 276—282, 324, 444, 594, 617
Уорбург Дж. — советник президента 164, 270, 618
Уоррен Э. — председатель верховного суда 576
Уэллес С. — заместитель государственного секретаря 7, 10, 11, 101, 102
- Фарли Дж. — министр почт 91, 312
Фергюсон Х. — сенатор 425
Фиш Г. — конгрессмен 22, 91, 92
Фландерс Р. — сенатор 395, 413
Флемминг А. — министр здравоохранения 528
Флинн Э. — деятель Компартии США 330
Фобус О. — губернатор 541
Форд Дж. — президент 586, 610
Форрестол Дж. — министр обороны 150, 154, 203, 205, 235, 245, 266
Фостер У. — председатель Компартии США 8, 267, 330, 350, 351, 421
Фукудоми — адмирал (Япония) 34
Фулбрайт У. — сенатор 102, 147, 151, 419, 466, 504, 505, 515, 576, 577
Фэйерлесс Б. — президент Стального треста 360
- Хансен Э. — экономист 127
Харт Э. — конгрессмен 463
Хартли Ф. — конгрессмен 255
Хаскел У. — генерал 139
Хатчисон У. — профсоюзный деятель 16, 22
Хегерти Дж. — секретарь по вопросам печати 372, 423, 501, 508, 509
Хемингуэй Э. — писатель 355, 360
Хиллман С. — профсоюзный деятель 93
Хобби О. — министр здравоохранения и социального обеспечения 372
Холл Г. — генеральный секретарь Компартии США 330, 443, 609
Холмен Ю. — нефтяной промышленник 360
Хэлл К. — государственный секретарь 23, 26, 28, 29, 34, 35, 96, 101, 102, 110, 171, 217
Хэмфри Г. — сенатор 378, 396, 466, 494, 521, 554, 587
Хэмфри Дж. — министр финансов 372, 435
- Чан Кай-ши 221—224, 226—228, 266, 294, 310—313, 316, 319, 321, 322, 389, 394—396, 400, 418, 486, 487, 489
Чемберлен Н. — премьер-министр (Великобритания) 9—11, 22
Черч Ф. — сенатор 234, 487, 523
Черчилль У. — премьер-министр (Великобритания) 10, 11, 13, 21, 23, 24, 26, 35, 37, 38, 40, 41, 44, 45, 47—51, 53, 55, 66—68, 95—97, 99, 101—105, 107—108, 111, 113, 114, 208—211, 231, 234, 316, 322, 324, 337, 358, 366, 408, 423
Чжоу Энь-лай — государственный деятель (Китай) 225
Чиано Г. — министр иностранных дел (Италия) 10, 11

Шварц Г.— журналист 449, 450
 Швеленбах Л.— министр труда 159, 259
 Шерман Ф.— адмирал 145
 Шипстед — сенатор 207
 Шлихтер С.— ученый 252—254, 379, 460
 Шорт У.— генерал 30—32, 91
 Шотвелл Дж.— историк 137

Эддес Дж.— профсоюзный деятель 207
 Эдисон Ч.— морской министр 154
 Эйзенхауэр Д.— президент 6, 45, 46,
 56, 57, 61, 67, 99, 127, 129, 144, 148,
 151, 173, 176, 231, 246, 247, 270,
 271, 274, 302, 317, 337—341,
 343, 344, 347—349, 351—374, 377,
 380—385, 390, 391, 393—396, 400—

403, 408—413, 416, 419, 420, 422—
 426, 431—433, 437—439, 442,
 444—448, 463—465, 467—473, 477, 478,
 484—486, 489—492, 494, 495, 500, 502,
 503, 505—509, 519, 522—526, 531, 533,
 540, 541, 545, 550, 573, 579, 595—
 597, 613, 616

Эйнштейн А.— ученый 16, 17, 148, 206,
 219

Энгельс Ф. 559

Эрио Э.— политический деятель (Фран-
 ция) 10

Эттли К.— премьер-министр (Великобри-
 тания) 10, 316, 325, 424

Ямомото И.— адмирал (Япония) 38, 69

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

I

США И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

1. Нейтралитет в теории и на практике	7
2. Проблема второго фронта	40
3. Америка в войне	51
4. Военная экономика и политика	75
5. Международные конференции	95

II

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ВОЙНЫ

1. Экономические итоги	115
2. Милитаризм	137
3. Реакция во внутренней политике	153
4. От изоляционизма к претензиям на руководство миром	162

III

РЕКОНВЕРСИЯ

1. От военной к мирной экономике	178
2. Классовая борьба	187
3. Начало президентства Трумэна	196
4. Ревизия внешней политики Рузвельта	208
5. Интервенция в Китай	221

IV

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

1. «Доктрина Трумэна» и «план Маршалла»	230
2. «Закон Тафта — Хартли» и другие	251
3. Выборная кампания 1948 г.	269

V

НОВОЕ СООТНОШЕНИЕ МИРОВЫХ СИЛ

1. «Регулируемое процветание»	285
2. НАТО и «4-й пункт»	294
3. Интервенция в Корею	313
4. «Холодная война» внутри страны	325
5. Поражение демократов	336

VI

ПЕРВОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО ЭЙЗЕНХАУЭРА

1. Дуайт Эйзенхауэр	354
2. Ненадежная экономика	371
3. Внешняя политика Дж. Ф. Даллеса	381
4. Маккартизм	411
5. Выборная кампания 1956 г.	425

VII

В ГОДЫ СПУТНИКОВ ЗЕМЛИ И КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ

1. Экономическое соревнование двух систем	447
2. Напряженное сосуществование	464
3. «Потепление» и «похолодание»	494
4. Возвращение к власти демократов	518
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Некоторые итоги	557
КРАТКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ	621
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	673
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	679

Вениамин Израилевич Лан

**США
В ВОЕННЫЕ
И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом мировой экономики
и международных отношений
Академии наук СССР

Редактор А. Е. Усвятков
Художественный редактор А. Н. Жданов
Технические редакторы
С. Г. Тихомирова, Л. Н. Золотухина
Корректоры
Л. С. Агапова, О. В. Лаврова

ИБ № 5500

Сдано в набор 12.09.77
Подписано к печати 28.12.77. Т-21635
Формат 70×100^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 55,47. Уч.-изд. л. 62. Тираж 6600 экз.
Тип. зак. 2830. Цена 4 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., дом 94а
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

**В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ:**

США: ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ИСТОРИЯ. 1976. 619 с. 2 р. 86 к.

В книге рассматриваются основные концепции, господствующие в современной политической мысли США. Авторы монографии дают критический анализ основных доктрин американской буржуазной мысли за 200-летний период. Исследование основано на анализе реальных фактов и событий политической жизни в США. На широком историческом фоне прослеживается эволюция этих доктрин и их социальная служебная роль как главного идейно-политического оружия американского капитализма на всех этапах исторического развития США.

Книга рассчитана не только на специалистов-американистов, но и на самый широкий круг читателей.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»;

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97	630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22
370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13	620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95	700029 Ташкент, Л-29, ул. К. Маркса, 28
252030 Киев, ул. Пирогова, 4	450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2	720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7а	310003 Харьков, Уфимский пер., 4/б.
117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12	

НБ ПНУС

405329

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
37	13 св.	Но в	Но не в
76	23 св.	223 тыс.	223
»	»	150 тыс.	150
»	»	600 тыс.	600
232	21 св.	внешней	внешней и
335	23 св.	8-й	82-й
548	21 св.	представителей	председателей
570	9 св.	4144 млрд	4144 млн.
589	4 св.	долл.	долл. на яхты
617	24 св.	отставал	отставал бывший

Зак. 2830. В. И. Лан.